



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

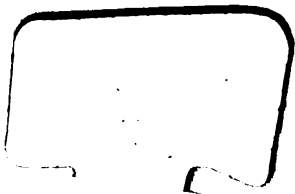
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 314V 620.5



**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**



МАРТЪ.

А. В. Зотова
(344)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПОДЪЕМНО
1895
ИЗДАТЕЛЬСТВО

РУССКОЕ ПОЯТСТВО

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ. Очерки.
Продолженіе. Н. А. Лухмановой.
2. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННАГО ПОЛОЖЕНІЯ РАБОЧИХЪ ВЪ АНГЛІИ.
Окончаніе. IV. Фабричная работа замужнихъ женщинъ и дѣтей А. В. Зотова.
3. СТАРАЯ ДѢВА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Продолженіе. . . . А. Е. Гольдворсъ.
4. ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ ЗАХОЛУСТЬЕВЪ. Очерки и наблюденія Н. М. Соколовскаго.
5. СТУДЕНТЫ. (Изъ семейной хроники). Продолженіе Н. Гарина.
6. ДЛЯ ЖЕРТВЫ ВСѢМЪ, ЧѢМЪ ЖЕРТВОВАТЬ ЛИШЬ МОЖНО.
Стихотвореніе С. А. Александрова.
7. БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. Продолженіе. . . В. Г. Короленко.
8. ЗВУКИ НОЧИ. Стихотвореніе. . . А. М. Ведорова.
9. ИДОЛЪ. Разсказъ. В. И. Фаворскаго.
(См. на оборотѣ).

С Д Б

10. **НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАБРОСКИ. XVIII.** Приемы хлѣботорговли въ Сѣверномъ Кавказѣ. Земдѣльческія орудія и пришлые рабочіе въ Сѣверномъ Кавказѣ Н. А. Карышева.
11. **ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗОВАННЫИ ЧЕЛОВѢКЪ?** (По поводу брошюры: „Программы домашняго чтенія“). П. В. Моніевскаго.
12. **ЧТО ЖЕ ЗНАЧИТЬ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?** Записка. Николая—она.
13. **НОВЫЯ КНИГИ:**
Ипполитъ Тэнъ. Объ умѣ и познаніи.—А. Фулье. Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ.—И. В. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской земельной собственности во Франціи и продажѣ національныхъ имуществъ.—Мелкая промышленность въ Россіи. I. Артель въ кустарномъ промыслѣ. В. В.—Сельскій кредитъ въ Полтавской губ. I. Мелкій организованный кредитъ.—Сочиненія А. Лугового. Томъ третій.—Кое-что. Кое-что.—А. Бахтіаровъ. Пролетаріатъ и уличныя типы Петербурга. Бытовые очерки.—Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.
14. **ПАРИЖСКІЙ СОЦІОЛОГИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ.** М. Г.
15. **ИЗЪ АВСТРИИ** Л. В. Василевскаго.
16. **ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ** С. Н. Южакова.
17. **ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ.** Н. Н. Михайловскаго.
18. **ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КНИГИ.** (Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія В. Розанова) М. А. Протопопова.
19. **ОТЪ КОНТОРЫ „РУССКАГО БОГАТСТВА“.**
20. **ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

05
P-89 т. 3-4.

МАРТЪ.

Инв. 96386

ПРОВЕРЕНО
1895
ПОДАШЕНО

РУССКОЕ БОГАТСТВО

„RUSSKOE BOGATSTVO“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

[Handwritten scribble]

№ 3.



БИТИЦКА
ПОДАШЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

1895.

△
P. 3 (ar 620.5 (1895, no. 3-4)).



Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Марта 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
1. Въ глухихъ мѣстахъ. Очерки. <i>Н. А. Лухмановой</i> . Продолженіе	5— 31
2. Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англии. <i>А. В. Зотова</i> . Окончаніе. IV. Фабричная работа замужнихъ женщинъ и дѣтей.	32— 51
3. Старая дѣва. Романъ <i>А. Е. Гольдворсъ</i> . Переводъ съ англійскаго. Продолженіе.	52— 80
4. Въ одномъ изъ захолустьевъ. Очерки и наблюденія. <i>Н. М. Соколовскаго</i>	81—120
5. Студенты. (Изъ семейной хроники). <i>Н. Гарина</i> . Продолженіе	121—160
6. Для жертвы всѣмъ, чѣмъ жертвовать лишь можно. Стихотвореніе. <i>С. Александрова</i>	161
7. Безъ языка. Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. <i>В. Г. Короленько</i> . Продолженіе	162—190
8. Звуки ночи. Стихотвореніе. <i>А. М. Федорова</i>	191—192
9. Идолъ. Разсказъ. <i>В. И. Фаворскаго</i>	193—220
10. Народно-хозяйственные наброски. <i>Н. А. Кармиева</i> . XVIII. Приемы хлѣботорговли въ Сѣверномъ Кавказѣ. Земледѣльческія орудія и пришлые рабочіе въ Сѣверномъ Кавказѣ.	1—30
11. Что такое образованный человѣкъ? (По поводу брошюры: „Программы домашняго чтенія“). <i>П. В. Мокіевскаго</i>	31—43
12. Что же значить экономическая необходимость? Замѣтка <i>Николая—она</i>	44—58

13. Новыя книги:

- Ипполитъ Тэнъ. Обь умѣ и познаніи.—А. Фулье. Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ.—И. В. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи и продажѣ національныхъ имуществъ.—Мелкая промышленность въ Россіи. I. Артель въ кустарномъ промыслѣ. В. В.—Сельскій кредитъ въ Полтавской губ. I. Мелкій организованный кредитъ.—Сочиненія А. Лугового. Томъ третій.—Кое-кто. Кое-что.—А. Бахтіаровъ. Пролетаріатъ и уличныя типы. Петербурга. Бытовые очерки.—Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 59— 81
14. Парижскій соціологическій конгрессъ. *М. Г.* 82— 91
15. Изъ Австріи. *Л. В. Василевскаго.* 92—108
16. Изъ современной хроники. *С. Н. Южакова* 109—131
17. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* . . . 132—153
18. По поводу одной книги. (Легенда о великомъ инквизиторѣ *Ф. М. Достоевскаго.* Опытъ критическаго комментарія *В. Розанова*) *М. А. Протопопова.* 154—164
19. Отъ конторы «Русскаго Богатства».
20. Объявленія.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

въ 1895 году выходить въ прежнемъ объемѣ 25—26 листовъ
и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.
" " безъ доставки въ Петербур-
гъ и Москвѣ 8 "
" " за границу 12 "

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** адресовать:
въ контору журнала „Русское Богатство“
С.-Петербургъ, Вассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается
разрочка:

Для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ съ до-
ставкой—при подпискѣ 5 р. и въ 1-му іюля 4 р.,

или

при подпискѣ 3 р., въ 1-му апрѣля 3 р. и въ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разорочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означенные сроки высылка жур-
нала прекращается.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается
въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по согла-
шенію съ кажимъ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового
завѣщанья.

Книжнымъ магазинамъ, записывающимъ журналъ на усло-
віяхъ разорочки, никакой уступки не дѣлается.

-
- Примечанія:* 1) За своевременную высылку журнала контора редакціи
отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если под-
писныя деньги были присланы или сданы *непосредственно*
въ контору.
2) Квитанціи на полученіе журнала высылаются
только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ
при выслкѣ подписныхъ денегъ 19 к. почтовыми марками.

Издательницы: Н. В. Михайловская, О. Н. Попова.

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

ВЪ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ

при конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».
С.-Петербургъ, Вассейная, 10.

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	ЦѢНА.		Съ пересылкой.		Уступка подвига «Рус. Богатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Путь-дорога. Художественно-литературный Сборникъ въ пользу «Общества вспомошествованія переселенцамъ». (На простой бумагѣ)	3	50	4	—	—	70
Путь-дорога. (На велетовой бумагѣ)	5	—	6	—	1	—
Н. Гаринъ. Очерки и рассказы. Т. I.	1	25	1	50	—	50
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Второе изданіе	1	—	1	25	—	25
— Очерки и рассказы. Книга первая. Изданіе первое	1	50	1	75	—	25
— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе второе.	1	50	1	75	—	25
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ	1	50	1	75	—	45
— Уральскіе рассказы. I и II т.	3	—	3	50	—	90
А. Шабельская. Наброски карандашомъ	1	50	1	75	—	45
С. Я. Влпатовскій. Очерки Сибири.	1	—	1	25	—	25
Н. К. Михайловскій. Критическіе опыты: I. Левъ Толстой	1	—	1	25	—	50
— II. Щедринъ	1	—	1	25	—	25
— III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья	1	—	1	25	—	25
С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы	—	80	1	—	—	20
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія вѣнзальныя арены	3	—	3	50	—	90
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы	2	—	2	25	—	60
М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англій, ихъ причины и вліаніе на народную жизнь	3	—	3	50	—	50
С. Н. Южаковъ. Соціологическіе этюды	1	50	1	75	—	35
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія	1	50	1	75	—	35
Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и Ученіе Будды.	2	—	2	30	—	50
С. Сигеле. Преступная толпа. (Опытъ коллективной психологіи)	—	60	—	75	—	—
Э. Реклю. Земля. Вып. I.	—	90	1	10	—	—
— Вып. II.	1	50	1	60	—	—
Н. И. Карвевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды	1	25	1	50	—	—

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	ЦѢНА.		Съ пере- сылкой.		Уступка подписч. «Рус. Бо- гатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Ю. Безродная. Оферты, повѣсти, этюды, сказки	1	50	1	75	—	45
Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ.	1	—	1	25	—	25
С. Я. Надсонъ. Литературныя очерки. . .	1	—	1	25	—	25
Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ	2	—	2	30	—	30

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шесть томовъ. Томы I, II, IV, V и VI по 2 р.; т. III 3 р. 75 к.

Складъ въ книжн. магаз. *А. Я. Панафидина:*

Москва, Фуркасовскій пер., 10.

Подписчики «Русскаго Богатства», уплатившіе всю подписную сумму 9 р., пользуются уступкой 50%.

Съ требованіями на соч. *Н. К. Михайловскаго* (I, II, III, IV, V и VI тт.) слѣдуетъ обращаться *исключительно въ Москву* въ книжный складъ *А. Я. Панафидина*, представляя или копію съ билета на полученіе «Русскаго Богатства», или печатный адресъ, по которому высылается журналъ.

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО: Щедринъ. Критическій опытъ.
Ц. 1 руб.

Складъ въ конторѣ журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, № 2—24.

— Литература и жизнь. Цѣна 1 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ Луконникова, Спб., Лештуковъ пер.).

ВЛ. КОРОЛЕНКО. Очерки и рассказы. Книга первая, изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе второе. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Въ гододный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Склады: Контора журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, № 2—24.

Контора журнала «Русское Богатство» — С.-Петербургъ, Васильевскій пер., 10.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

О. Н. ПОПОВОЙ.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИИ. Критическіе опыты. Ш. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала «Русское Богатство» — Спб., Бассейная, 10.

Н. И. КАРЪЕВЪ. Историко-философскіе и социологическіе этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

С. Н. КРИВЕНКО. На распутьи. 1) Культурные скиты. 2) Культурные люди въ деревнѣ. 3) По поводу культурныхъ одиночекъ. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Описание жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ послѣдн. франц. изд., съ рисунками и картами, подъ ред. и съ прилѣч. Н. А. Рубакина.

Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 картами. Цна 90 к., съ перес. 1 р. 10 к.

Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рис. и 4 картами. Цна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Складъ этихъ изданій въ книжн. магаз. Карбасникова — Спб., Москва, Варшава.

Подписчики журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО» за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Н. В. ШЕЛГУНОВЪ. Сочиненія. 2 тома.

Е. ДЮРИНГЪ. Великіе люди въ литературѣ. Исторія современ. литературы съ новыхъ точекъ зрѣнія, критически изложенная. Перев. Ю. М. Антоновскаго.

ГИВВИНСЪ. Промышленная исторія Англии. Перев. А. В. Каменскаго.

Ш. ЛЕТУРНО. Социологія, основанная на этнографіи.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Вып. III. Подземныя силы. Вып. IV. Океанъ.

Вып. V. Атмосфера. Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ.

За справками по дѣламъ изданій О. Н. Поповой обращаться къ Н. А. Рубакину — Спб., уг. Б. Садовой и Б. Подъяческой, 24, бібліотека Л. Т. Рубакиной.

ВЪ ГЛУХИХЪ МѢСТАХЪ.

Очерки.

XI.

**Почему у Глазики въ подпольѣ жила душа
ея дѣда.**

Полсотни лѣтъ тому назадъ домъ мѣщанки Аграфены Петровны Глазовой или Глазики, какъ ее звалъ весь городъ, стоялъ на томъ же обрывѣ надъ рѣкой и такъ же угрюмо и неприязненно смотрѣлъ своими четырьмя подслѣповатыми окнами въ мутныя воды рѣки. Въ узкомъ треугольникѣ подъ высокимъ конькомъ крыши, былъ вдѣланъ мѣдный осьмиконечный крестъ. Окна единственнаго этажа безъ занавѣсокъ, почти сплошь закрытыя внутри дѣвтами и вьющимся плющемъ, играли на солнцѣ своими мелкими, зеленовато-сизыми стеклами и съ ранняго вечера уже закрывались тяжелыми ставнями на желѣзныхъ болтахъ. Ни дверей, ни воротъ со стороны рѣки не было — надо было обойти кругомъ высокаго глухого забора и со стороны, примыкавшей къ пустырю, постучать большимъ желѣзнымъ кольцомъ въ дубовыя, всегда наглухо запертыя ворота.

Полвѣка тому назадъ въ этомъ домѣ жилъ суровый старикъ Самсонъ Силычъ Глазовъ, съ своимъ единственнымъ номъ Парамономъ Самсоновичемъ и его женою Василисою. молодости Самсонъ Силычъ ходилъ съ обозами, имѣлъ свои лошадей и нажилъ хорошую деньгу. Это былъ выдубый, ренастый старикъ съ лицомъ краснымъ и глѣблымъ, какъ бѣлая кожа, густыми, свѣтлыми, какъ серебро, волосами и глазами черными, гордыми и хищными. Онъ жилъ у орды. Сынъ старика, Парамонъ, былъ въ покойную мать: добрый, сѣроглазый, стос...

Всѣ эти качества, что привлекали къ себѣ суроваго Самсона въ покойной женѣ, вызывали въ немъ чуть не ненависть къ сыну.—Одно слово мозглякъ,—говорилъ онъ про него.

Жена Парамона, безприданница Василиса, взятая имъ за красоту и силу съ Пашенки изъ Глафиринскаго общежитія, была баба ядреная, румяная. Волось у нея былъ долгій, черный, станеть на утро расчесывать, почитай вся до пять, что шубой, прикроется. Станеть пѣсни пѣть Василиса,—засмѣется старикъ, буркнетъ: — чего бѣса тѣшишь? — а самъ такъ и вопьется въ ея уста алгы, зубы бѣлые, ровные, что кипень. И работать баба была ретива, лошадь и запряжетъ и отпряжетъ, и въ дому все починить, состряпаетъ на славу, и въ огородѣ, и во дворѣ со скотиной, вездѣ управится. И сама, что лебедка бѣлогрудая, чистая, повадная. Гляди, да не ахай! *).

— Гдѣ Парамону пащенку съ этакой бабой возжаться...—думаетъ Самсонъ и распаляется, глядя на красавицу сноху. Играетъ въ немъ кровь. Суровъ, суровъ старикъ, пора бы ему и объ «домовинѣ» думать, а у него совсѣмъ не то на умѣ. Станеть онъ снохѣ что наказывать и руку на плечо ей положить, а плечо у молодухи, что камень солнцемъ пригрѣтый: крѣпкое, круглое, теплое. Началь свекоръ улещать ее и словомъ, и подарками, да нѣ на таковскую бабу попалъ. Ни въ жизнь, ни таской, ни лаской не возьмешь! Озорная и смѣлая была баба.— На что, говорить, мнѣ твои старыя кости тѣшить, захочу, — говорить,—утѣху, такъ и лучше найду, да мнѣ, окромя Парамона, никого не нужно!

— Вреть, проклятая, — думаетъ старикъ, какъ песь-злыденъ, день и ночь сноху караулить.

Вотъ и весна пришла. Расковалась рѣка и зашумѣла подъ окномъ рѣзвыми волнами. Налетѣли пичужки малыя, защебетали, разбились по парамъ, гнѣда строить, прилетѣли и журавли долгоногіе, повисли угломъ надъ лѣсомъ и стонуть, словно устали съ пути-дороги. Лѣсъ одѣлся, зацвѣли въ немъ цвѣтики голубые и алые, пахучіе, поднялась трава зеленая и ровно спѣшить земля отдохнуть послѣ долгаго холода, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, такъ все и расцвѣтаетъ и оживаетъ вокругъ.

Съ весною Парамонъ съ разсвѣта до сумерекъ, а то и на всю ночь закатится, сѣти закидываетъ, на рѣкѣ рыбу ловить. а Василиса все дома одна и, словно пышный макъ, распускается и еще пуще старика въ соблазнъ приводить.

Садилось солнце, лѣсъ затихалъ, косою лучъ золотисто-красный задержался въ верхушкахъ и далеко, въ самомъ небѣ запылалъ въ облакахъ, словно зарево. По дорогѣ изъ лѣсу

*) Сибирская поговорка: не ахай, т. е. не смѣйся.

ровныя, бодрыя шагомъ шла сѣрая Ушанка, мохнатая, здоровая лошаденка съ Глазовскаго двора; на дровняхъ лежала большая сосновая боряга, а возлѣ шагаль Самсонъ Силычъ. Чѣмъ ближе подходила лошаденка къ береговой дорогѣ, откуда напрямикомъ было до дома, тѣмъ суровѣе и холоднѣе становилось лицо старика, а сердце такъ и колотилось. Зналъ онъ, что въ этотъ часъ встрѣтитъ Василису одну и станетъ его баба озорная изводить отказомъ и смѣхомъ. Звѣрь-баба, ну, да и на звѣря есть своя ухватка!

Почуяла Ушанка овесъ домашній и прибавила шагъ.

Вотъ и улочка береговая, а вотъ и домъ. Завернула старикъ къ пустырю и брякнулъ въ желѣзное кольцо. Послышался топотъ бѣгущихъ ногъ, отодвинулся деревянный засовъ и въ раскрытыхъ воротахъ появилась Василиса, румяная, въ кубовомъ платьѣ, туго схватывающемъ пышную грудь, съ засученными рукавами, съ платкомъ, сбившимся на затылокъ отъ упрямыхъ пышныхъ кудрей.

— Здравствуй, батюшка! — крикнула Василиса и, взявъ Ушанку за поводъ, повела ее подъ навѣсъ. — Ты пошто такую колодину приволокъ? — спросила она.

Старикъ заперъ ворота на засовъ и, обернувшись къ Василисѣ, криво усмѣхнулся.

— Небось думаешь, сношенька, домовину долбить начну? — Не рано-ль меня въ скрыню упрятать хочешь?

— Куда тебѣ, батюшка, въ скрыню, гляди, каемъ еще женихомъ выглядишь, — отрѣзала Василиса и блеснула своими бѣлыми зубами.

— Ладно, смѣйся, коли смѣшлива такъ, — проворчалъ старикъ. — Парамонъ гдѣ?

— А гдѣ же ему быть, — съ сердцемъ отвѣчала молодуха, вся вспыхнувъ, — вѣстимо рыбачить. Рѣка ему весной милѣй батюшки съ матушкой, милѣй жены молодой, — и смахнувъ рукавомъ непокорную слезу, молодуха схватила дровни за оглобли и, выгибаясь впередъ всею пышною грудью, вдвинула дровни подъ навѣсъ.

— Ужинать готово? — спросилъ старикъ, стараясь не глядѣть на сноху.

— Ахти мнѣ! — крикнула она и, привязавъ распряженную шанку къ кольцу, ввинченному въ столбъ навѣса, бросилась въ кухню.

Какъ ни были состоятельны Глазовы, а старикъ не позволялъ взять въ домъ ни работника, ни работницу. — Не великиши нужды, — говаривалъ онъ, — чтобы намъ батраковъ дерть. Не то обидно, что ротъ въ домѣ лишній, не объѣсть, то, что въ чужомъ роту и чужой языкъ звонить, ну, а намъ го не требуется...

Самсонъ Силычъ вошелъ на крылечко, хозяйски опупывая перила и оглядывая безукоризненную чистоту ступенекъ, вошелъ на галдареечку и черезъ нее въ первую комнату. Весь домикъ Глазовыхъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ и большой кладовушки. Въ одной была спальня молодыхъ съ громадною кроватью, полной пуховыхъ перинъ и подушекъ. Полъ ея былъ сплошь покрытъ домотканнымъ сибирскимъ ковромъ изъ крашеной коровьей шерсти; единственное окно, низенькое, но широкое, выходило на улицу. Дверь была массивная и тоже такая низкая, что, проходя въ нее, приходилось нагибать голову. На ночь и дверь и окно закрывались изнутри деревяннымъ щитомъ съ двумя боковыми ручками, сквозь которыя закладывался желѣзный болтъ. Тутъ же у стѣны стояли укладки счетовъ до четырехъ, одна на другой, одна меньше другой, каждая самостоятельно покрытая коврикомъ, — это были наряды молодежи, ея собственный обиходъ. Затѣмъ еще большая укладка съ платьемъ Парамона. Небольшой комодикъ, съ узенькимъ наклоннымъ зеркаломъ, среди двухъ точеныхъ колонокъ, довершалъ все убранство спальни. Вторая комната, приемная, исполняла рѣдко, раза четыре въ годъ, свое назначеніе, — она имѣла официальный, холодный видъ. Орѣховый гарнитуръ, крытый синимъ атласомъ, узенькое простѣлочное зеркало съ палочками, бѣлыя занавѣсы на двухъ оконцахъ, густо, почти сплошь заставленныхъ геранями и ползучею зеленью. На кругломъ столѣ — скатерть, расшитая гарусами и шелками работы Василисы; подъ стульями и креслами, стоявшими почти круглый годъ въ чехлахъ, ковровая дорожка, тоже прикрытая сѣрымъ рядомъ. Затѣмъ шла комната старика, въ ней стоялъ большой столъ, оклеенный черной клеенкой, на немъ лежали книги и счета, нѣсколько карандашей и перьевъ и банка съ чернилами; простые березовые стулья, желѣзная, узкая, кровать, зиму и лѣто прикрытая громаднымъ одѣяломъ на медвѣжьемъ мѣху; единственное окно въ комнатѣ, изъ мелкихъ зеленыхъ стеколъ, было всегда завѣшено пестрою шириной; оно, какъ и дверь, имѣло тоже щиты и желѣзные болты. Посреди пола этой комнаты былъ люкъ съ ввинченнымъ въ него желѣзнымъ кольцомъ, а подъ нимъ узенькая лѣсенка шла въ скрыню. Не любилъ старикъ наступать на подъемныя половицы люка. Было время, когда онъ спокойно и твердо ступалъ на нихъ, но съ тѣхъ поръ, какъ Василиса поселилась въ ихъ домѣ, — измѣнился старикъ, смутился разумъ его, расхвятилось сердце и, вмѣсто мыслей о доброй безсрамной кончинѣ, сталъ онъ жаждать жизни и плотскихъ наслажденій. Издавна отъ дѣда къ внуку Глазовы держались вѣры истинной, а потомки принадлежали къ „скрывшимся“. Въ ихъ семьѣ старики умѣли сами себѣ предѣль положить и конецъ

жизни проводить о Богѣ, а не среди грѣха смердящаго. Какъ разсудить глава семьи, что онъ вдосталь нажился, что въ семьѣ и безъ него теперь все ладно, — впередъ пойдетъ и объявить онъ всѣмъ: такъ и такъ, молъ, брюхомъ и плотью пожилъ, — пора о душѣ позаботиться. Побѣтъ онъ всѣмъ челомъ, прощенья попроситъ и на утро, или въ ночь, чтобы людской глазъ не видалъ, съѣздитъ онъ съ старшимъ сыномъ въ лѣсъ, купить или такъ раздобудетъ дубовую колоду. Привезутъ они ее тайно домой и спустятъ въ подполье, дадутъ ему туда же топоръ, рубанокъ, всякій инструментъ, пукъ свѣчей восковыхъ, саванъ возьметъ онъ съ собой, чистое бѣлье помертвое и спустится внизъ. Съ той минуты, какъ спустится онъ съ молитвою въ скрыню, закроется люкъ и больше не увидитъ онъ лица человѣческаго и не услышитъ голоса людского. Станетъ онъ долбить себѣ колоду, — домовину приготавливать. Каждое утро, кто либо изъ семьи на чистой ворыкѣ откроетъ люкъ и съ молитвою поставитъ на ступеню лѣсенки гуесь воды и хлѣба, и ежедневно ставятъ такъ пищу, до тѣхъ поръ, пока найдутъ ее нетронутой. Ну, тутъ оставить его на покоѣ, стануть о душѣ его молиться и въ подполье съ недѣлю никто не заглядываетъ. А потомъ всѣ его семейскіе возьмутъ по свѣчѣ въ руку и сойдутъ внизъ. Иного найдутъ по хорошему: домовина выдолблена и крыша готова, стружки всѣ подъ себя уложены, и самъ въ бѣломъ саванѣ лежитъ упокойникомъ. Иной бываетъ, что недомогся, возлѣ померъ, работу не кончилъ, ну, тому помогутъ и положить. Бываетъ и такой, что не вытерпитъ искуса, у самого подполья найдутъ его, значить, на выходъ просился, да силъ не стало приподнять люкъ тяжелый. Да только рѣдко, а такого позора, чтобы не выдержали подвижничества и назадъ въ семью вернулся, никогда еще не бывало, всегда найдутъ все по хорошему, по христіанскому.

Вотъ какого строгаго обряда были Глазовы, вотъ о какой скрынѣ и напомнила старику лукавая Василиса. Последняя комната, длинная и узкая, безъ окна, служила въ домѣ модельной, въ ней было два тябла образы, въ исправныхъ ризахъ, висѣли лампы неугасимыя, стоялъ аналой, на немъ лестовки и книги священныя въ черныхъ кожаныхъ лосныхъ отъ стати переплетахъ, въ ящикѣ лежали связки катаныхъ желго воска налѣповъ. Тутъ Василиса читала „Скитское Полюніе“, пѣла стихири, а иногда помимо священнаго служенія, а улажденія мужа и свекра, читала имъ повѣсть объ ииискомъ царевичѣ Асафѣ, о лѣсахъ керженскихъ, о чудмъ городѣ Китежѣ, что стоитъ болѣе ста сотыхъ лѣтъ, рытымъ отъ всѣхъ глазъ людскихъ на Нестіарѣ озерѣ. Зачъ была еще большая кладовушка съ полками, полными по-

суды и всякаго домашняго скарба, съ укладками запасныхъ мѣховъ и матерій, — добра было много, да некому было на него радоваться, потому что ни свѣта, ни свободы, ни говора людского не было въ Глазовскомъ домѣ.

Вернувшись изъ лѣса, старикъ помылъ руки, расчесалъ крупнымъ гребнемъ свои сѣдые кудри и длинную бороду, — снялъ озяпъ, надѣлъ домашній архалукъ и собрался идти ужинать. На порогѣ кухни онъ остановился, шибко билось его сердце. Въ большой, чистой кухнѣ на шестѣ пылалъ огонь; на столѣ, покрытомъ бѣлымъ столешникомъ, стояло блюдо съ горячими шаньгами, на тарелкѣ лежали грузди сухіе, соленые и посрединѣ кивѣлъ самоваръ. Василиса съ платкомъ, совсѣмъ почти слетѣвшимъ съ головы, съ громадной толстой косой, наполовину висѣвшей на спинѣ, вся красная, кончала поджаривать леца съ кашей. Большимъ поварскимъ ножомъ она только что перевернула его на другой бокъ и, припустивъ на сковороду масла, потянулась за солью.

— Василиса, — хрипло, сдавленно проговорилъ старикъ.

Молодуха вздрогнула.

— Да что ты, батюшка, и впрямь у тебя голосъ, какъ у упокойника, да и подкрался-же ты не слышно, — и она слышно стала приводить въ порядокъ косу и натягивать на голову платокъ.

— Оставь, и такъ ладно! — Свекоръ подошелъ къ ней вплотную и взялъ свади за локоть. Онъ дышалъ тяжело, и глаза его горѣли, какъ угли. — Василиса!

— Ну чего еще, — молодуха рванулась, — сейчасъ леца подамъ, мигомъ готовъ.

— Оставь! — снова повторилъ свекоръ и вдругъ обхватилъ за грудь сноху, пригнувъ ее къ себѣ и жадно впился сухими горячими губами въ ея шею.

— Батюшка, опомнись! Батюшка, помилосердуй! батюшка! — У, дьяволъ старый! — крикнула вдругъ Василиса, чувствуя, что ей не подъ силу бороться съ сильнымъ старикомъ, потерявшимъ окончательно сознание отъ прикосновенія къ ея молодому, жаркому тѣлу.

Рванулась Василиса, платокъ слетѣлъ съ ея головы, косы размотались; въ безумной злости, она вдругъ плюнула свекру въ лицо и, вся трясаясь, стала торопливо оправлять покрывашку на головѣ.

— Дьяволъ старый! право слово! Парамону скажу, вотъ Христось скажу Парамону. Да ни въ жисть тебѣ не владѣть мной, ни въ жисть! да я лучше... — растерянный взглядъ молодой женщины упалъ на большой поварской ножъ и она въ ту-же минуту схватила его.

— Шалишь! — крикнулъ старикъ, — довольно ты помытари-

лась надо мной, буде!.. съ медвѣдемъ справлялся, неужели съ бабой не совладать, не хочешь добромъ, силой возьму, — крикъ онь и снова полѣзъ къ снохѣ.

— На—бери, коль нашель!—крикнула она и вдругъ по-лоснула себя ножомъ по горлу.

— Василиса, ума ты рѣшилась! Василиса, ахти!

Старикъ отскочилъ въ сторону, ножъ у Василисы выпалъ изъ рукъ и со звономъ упалъ на полъ. Молодуха сдѣлала два шага, опустилась на лавку, вся обливаясь кровью.

— Святой Боже, Святой крѣпкій, Никонъ угодникъ! Пантелеймонъ цѣлитель!—бормоталъ блѣдный старикъ. Волосы на головѣ его шевелились, онь невольно пятился и вдругъ, какъ безумный, бросился вонъ изъ кухни на дворъ, и какъ былъ, безъ шапки, едва справившись съ засовомъ калитки, выбѣжалъ на улицу, въ первый разъ въ жизни оставивъ честной домъ Глазовыхъ на распахку открытымъ для всякаго татя и вора проходящаго.

За поворотомъ улицы, черезъ три дома отъ Глазовыхъ, въ небольшомъ бревенчатомъ срубѣ,—жилъ молодой ссыльный докторъ; въ незапертомъ ставней окнѣ его горѣлъ огонекъ. Михаилъ Петровичъ Вошановъ сидѣлъ у стола, подперши свою черную кудрявую голову рукой, и писалъ на родину. Съ каждымъ словомъ письма, въ душѣ и умѣ его возставали картины и люди порванной прошлой жизни. Досадныя слезы, какъ крупныя капли дождя, со стукомъ падали на дерево стола. Жуткая «чужая» тишина стояла кругомъ его и только большой сѣрый мотылекъ назойливо кружился надъ пламенемъ свѣчи, будто рѣшивъ, но не имѣя еще силы выполнить самоубійство. Остромордая «Москва», лежавшая у его ногъ, вдругъ зарычала и, оскаливъ бѣлые зубы, поставивъ щетиною свой рыжій воротникъ, бросилась къ двери.

Ясно было слышно, какъ кто-то топтался въ сѣняхъ, шаря и не находя кольца дверей.

— Цыцъ!—крикнулъ Вошановъ на собаку.—Кто тамъ?—и, захвативъ со стола свѣчу, пошелъ къ двери.—Кого принесло?

— Батюшка дохтуръ, отворь дверь! Отворь, помираетъ она! Помреть Василиса!—растерянно кричалъ чей-то голосъ и рука все такъ же тщетно царапала дверь.

— Назадъ!—крикнулъ еще разъ Вошановъ озлобленному жу и отперъ дверь: передъ нимъ стоялъ старикъ Глазовъ, блѣдный, съ безумными глазами и трясущейся бородой.

— Порѣзалась Василиса! Василиса сноха... Спаси Христа ади... По горлу ножомъ полыснулась. Озорная баба—сталь сорять ее за мужа, поучить хотѣлъ, а она ножомъ—звѣрба!

— По горлу ножомъ?—Молодой человекъ быстро схватилъ

свою шапку, крикнулъ собакѣ остаться, заперъ за собою дверь и оба бѣгомъ пустились къ Глазовскому дому.

Окрутивъ передникомъ горло, инстинктивно прижимая голову къ груди, Василиса сѣла на скамѣ, прислонившись къ спинкѣ, и черными горящими, какъ уголь, глазами глядѣла на дверь. Всякая злоба замерла въ ней, страхъ передъ сдѣланнымъ, жажда жизни и надежда на помощь смутными мыслями мелькали въ ея головѣ. Послышались торопливые шаги, въ кухню вбѣжалъ молодой докторъ, а за нимъ, какъ затравленный волкъ, дико поводя глазами, вошелъ и старикъ.

— Леду, воды, уксусу, перевязокъ-тряпокъ,—кричалъ докторъ, распорядясь. Старикъ бросился исполнять.

— Ну, Василиса, показывай, что ты натворила,—спросилъ ее ласково докторъ и, подойдя, отвелъ ея руки отъ горла.

Ножъ, схваченный Василисой, по счастью, оказался тупой, да и рука ея дрогнула, рана была не опасная: молодуха порѣзала себѣ только наружные покровы. Черезъ часъ, перевязанная и успокоенная, она лежала одѣтая, какъ была, на лавкѣ съ подушкою подъ головой.

Какъ ни убѣждалъ ее докторъ, не рѣшилась она при чужомъ то человекѣ, да раздѣвшись, лечь въ кровать.

— Нѣтъ-ли у васъ знакомой женщины какой? позвали-бы къ себѣ походить за Василисой,

— Сами выходимъ, никого намъ не требуется,—угрюмо проворчалъ старикъ.

— Тетку Арину позвать,—сказала тихо Василиса, задрожавшая отъ одной мысли, что докторъ уйдетъ и она снова останется цѣлые дни, а часто и ночи съ однимъ свекромъ.

— Тетку Арину хочеть видѣть больная.

— Недяче...—упрямо тряхнулъ головой Самсонъ Силычъ.

Докторъ читаль въ лихорадочныхъ глазахъ больной, слѣдившихъ за нимъ съ невыразимой тоской, какую-то тайну и не только не выдалъ въ сущности не опаснаго ея положенія, но, напротивъ, отвелъ старика въ сторону и объявилъ ему, что считаетъ нужнымъ дожидаться ея мужа, чтобы объяснить, какъ слѣдуетъ дѣлать больной перевязку,—а за теткой Ариной вы все таки сходите, какъ только вернется вашъ сынъ,—прибавилъ онъ настойчиво.

Съ лѣсу вырвался первый утренній вѣтерокъ и пробѣжалъ по рѣкѣ, рябя и колыхая ея сонныя волны. Легкій туманъ бѣловатой, фантастической дымкой поднялся съ воды и, рѣдѣя, разрываясь, потянулся вверхъ. Изъ за чернаго сосноваго бора вдругъ брызнулъ пурпуровый лучъ и затѣмъ медленно выкатилось на небо солнце, все золотя и озаряя кругомъ. Вотъ на берегу въ прибрежныхъ кустахъ встрепенулись птицы, зазвенѣли пѣсни, защебетали, зачирикали воробушки.

Откуда-то снялись журавли и пронеслись стаей, оглашая воздух жалобнымъ клокотомъ. На рѣѣ показались двѣ лодки, одна за другой; весла, какъ громадныя крылья, мѣрно взмахивали и падали въ воду; въ первой лодкѣ плылъ Парамонъ, въ другой мальчикъ лѣтъ 14-ти, Ларька Мачихинъ, сосѣдъ Глазовыхъ.

Причаливъ къ берегу, Парамонъ выскочилъ, держа чалку, привязавъ лодку къ вбитому пню и осмотрѣлся кругомъ. Лицо его было свѣтлое, довольное, бѣлокурые волосы кудрями висѣли на лобъ, сѣрые, лучистые, задумчивые глаза глядѣли вдаль на восходящее солнце.

— Ишь ты, какое благодное, ласковое, — бессознательно говорилъ онъ самъ себѣ, — чай сколько людей теперь на тебя, око божье, глядятъ и радуются. Все-то ты пригрѣешь кругомъ, все освѣтишь, отъ горы высокой до малой козявки, что въ травѣ ползаетъ, впрямъ ты божье око, — и Парамонъ, глядя на солнце, истово крестился двуперстнымъ знаменіемъ. Затѣмъ онъ снова взошелъ въ лодку и сталъ отвязывать отъ кормы сажалку, ивовую корзинку, полную наловленной имъ рыбы, которая такъ и плыла за ними въ своей сквозной темницѣ. Онъ вытащилъ корзину на берегъ и, пріоткрывъ, глядѣлъ на рыбу, быстро упавшую теперь на дно. — Что, рыбушка, плохо тебѣ безъ воды живется, куда плохо, да только еще плохо будетъ, какъ въ ушицу, да на сковородку къ Василисѣ попадешь, а только, милая, ничего не подѣлаешь. Мнѣ данъ предѣлъ ловить тебя, а тебѣ положено кормить меня. Вотъ что.

— Эй, Ларька, подсобить что-ль!

— Ай подсоблю, — зазвенѣлъ голосъ мальчугана. — Кидай тутотка! одинъ справлюсь, — и причаливъ, Ларька въ свою очередь выпрыгнулъ на берегъ и сталъ возиться съ веслами и уключинами обѣихъ лодокъ.

Парамонъ съ корзиной шагаль уже къ своему дому.

— Спать небось молодуха, — мечталъ онъ. — Спать моя красота Василиса, поди гнѣвалась вчера, какъ я не вернулся. — И, подойдя подъ окно своей спальни, онъ три раза ударилъ въ оконницу. Не успѣлъ онъ дотронуться до кольца калитки, какъ она передъ нимъ распахнулась и Парамонъ отшатнулся, чуть не выронивъ корзину съ рыбой. По первому взгляду онъ узналъ своего отца. За ночь старикъ осунулся, лицо его няло землистый отгѣнокъ, сѣдые, спутанныя пряди висѣли лобъ и на щеки.

— Батюшка! ты чего? — промолвилъ, очнувшись, Парамонъ.

— Ладно, входи! не на улицѣ толковать, — и заперевъ за домъ дверь, старикъ зашагалъ впередъ. — Рыбу-то поставь въ навѣсъ, — цѣла будетъ, ступай ко мнѣ!

— Василиса... — началъ было робко Парамонъ.

— Сказано, ступай за мной, дѣло есть, — еще суровѣе проговорилъ отецъ и оба отъ сѣней повернули назадъ, въ комнату старика.

— Недужится твоей молодухѣ, дохтуръ у нея.

— Дохтуръ?..—Парамонъ рванулся къ двери, но старикъ держалъ уже его за руку.

— Чего мечешься? напередъ выслушай. Избаловалъ ты бабу, стала она у тебя, какъ порченая. Съ тоски, аль съ чего тамъ, рветъ и мечетъ, подступу нѣтъ. Приѣхалъ я вечеръ изъ лѣсу, слово за слово и согрubiла мнѣ твоя Василиса, хотѣлъ я ее отецкимъ способомъ поучить, да она у тебя, говорю, не баба—звѣрь, ножъхватила, съ ножомъ было на меня бросилась, а какъ отшвырнулъ я ее, такъ таямъ-же ножомъ себя полыснула.

— Василиса... себя ножомъ?.. О Господи! жива-ль?..—Губы Парамона поблѣбли и весь онъ трясся. — Жива-ль? — повторилъ онъ еще разъ, съ мучительнымъ страхомъ глядя на отца.

— Жива... чего бабѣ доспѣется. Да чего ты трясешься-то самъ, словно въ лихорадкѣ, говорю: жива, за дохтуромъ бѣгаль, а только ой, Парамонъ, зла она у тебя, лукава, ехидна, обнесетъ она тебѣ меня. Ну да ладно, ты мой нравъ знаешь, въ дугу согну, въ щель заколочу, а мытариться надъ собой не дамъ, на то я отецъ въ домѣ. —И старикъ снова выпрямился, сверкая глазами.

— Ступай теперь къ женѣ, да помни, со мной разговоры коротки...

Прошелъ почти мѣсяцъ. Василиса выздоровѣла. Парамонъ, какъ прикованный, сидѣлъ дома; и сынъ, и невестка ходили покорные, но сквозь ихъ тупое, угрюмое молчанье, старику слышалась ненависть. Пригнула ихъ тяжелая сила. Но безмолвный и полный разладъ царствовалъ въ этой маленькой семьѣ. Суроваго старика ровно пришибло, изъ гордаго своего волья осталась одна озлобленность, и та не чуждая какого-то безотчетнаго страха. Когда по прежнему всѣ трое собирались въ моленную, голосъ Василисы, читавшей молитвы, звучалъ страстной угрозой: «Грядетъ міра помышленіе грѣховно, берутъ человека страсти и помыслы мятежны, помилуй, Господи, раба своего, очисти его окаяннаго, сквернаго, безумнаго, неистоваго, злопытливаго, неключимаго, унылаго, вредоумнаго, развращеннаго». Эту молитву Василиса стала читать теперь утромъ и вечеромъ, и каждое слово ея, мѣрное, холодное, какъ хлыстомъ ударяло старика. Когда она подавала ему обѣдать, старикъ со страхомъ дотрогивался до отдѣльной ми сочки. «Отравить, окаянная, окормить, какъ пса шелудиваго» и онъ со страхомъ и отвращеніемъ принимался за пищу. За этотъ мѣсяцъ старикъ одряхлѣлъ, какъ за долгую болѣзнь, бо

рода его и волосы стали окончательно сѣды, глаза потухли и только изрѣдка горѣли недобрымъ огнемъ, какъ у затравленнаго волка. Все чаще и чаще старикъ сталъ оставаться одинъ и тяжелая неотвязная дума угнетала его. Подъемная половица, казалось ему, скрипѣла подъ его ногами, и безъ словъ напоминала ему о скринѣ. Брался-ли онъ за топоръ или за другой инструментъ, точно голосъ ему шепталъ: «пора, пора и за настоящую работу». Ночью Самсону снились отецъ и мать, похороненные тутъ-же подъ домомъ; онъ просыпался, весь облитый потомъ, и безсвязно шепталъ: «ладно, безъ васъ знаю! скоро, уже».

Накоонецъ, послѣ одной изъ бессонныхъ ночей, послѣ молитвы, которую Василиса прочла съ особеннымъ злостнымъ удареніемъ, старикъ не выдержалъ и кликнулъ сына.

— Скажи женѣ, чтобъ весь домъ прибрала, три дня окромя хлѣба и воды не ѣсть и огня не раскладывать, а на четвертый ѣдемъ съ тобой въ лѣсъ за домовиной.

— Ой-ли?—вскинулъ на него Парамонъ холодные сѣрые глаза.

— Сказано...—и старикъ повернулъ въ молельню.

Парамонъ вошелъ въ кухню къ Василисѣ и шепотомъ передалъ ей наказъ старика:

— Въ скриню хочеть.

— Охъ, не вѣрится,—покачала головой Василиса, — улестить онъ тебя, и станешь ты молить его подождать,—и молодуха прижалась къ мужу, глядя на него глазами, полными страха и тайной надежды.

— Отсохни языкъ мой, коль слово скажу, — увѣрялъ ее Парамонъ, прижимая къ груди, и какъ бы самъ пугаясь своего голоса, онъ шепталъ ей въ ухо: — Годи, Василиса, отдохнемъ.

Три дня семья Глазовыхъ питалась хлѣбомъ и водою. Весь домъ былъ прибранъ и очищенъ, какъ передъ Свѣтлымъ праздникомъ. По вечерамъ молодуха шла изъ новаго холста рубаху и саванъ. Крупныя капли слезъ непрощенной обиды, не выговоренной злобы падали на шитво. На четвертый день, раньше утренней зари по безмолвному лѣсу шла та-же «Ушанка» и тащила на дровняхъ громадную дубовую колоду, то обѣ стороны, точно раздѣленные этимъ будущимъ гробомъ, шли отецъ и сынъ. Парамонъ угрюмо молчалъ и глялъ въ землю, старикъ, напротивъ, осмливъ себя и рѣшившись на послѣдній долгъ, какъ бы нашелъ спокойствіе. Грудь о дышала ровнѣй, голова поднялась и въ гордыхъ орлиныхъ глазахъ снова загорѣлся огонь силы и власти. Онъ глялъ на алѣвшія верхушки деревь, слушалъ первый полусонный щебетъ птицъ, и давно желанное спокойствіе нисходило

въ его душу. Инстинктивно, безъ опредѣленныхъ мыслей онъ прощался съ мати-природой, обрывалъ всякую связь съ этимъ міромъ и, положивъ правую руку на колоду, съ каждымъ шагомъ, казалось, становился бодрѣй и спокойнѣй. — Ладно, — повторялъ онъ, по своей привычкѣ, мысленно, — пожито брюхомъ, пушай теперь душа тѣшится.

Въ послѣдній разъ вся семья собралась въ моленной, старикъ истово крестился и неустанно билъ земные поклоны. Василиса громко и отчетливо читала: «Изми мя отъ врагъ моихъ и отъ возстающихъ на мя, избави мя, изми мя отъ руку дьяволи, отжени отъ мене омраченіе помысловъ, духъ нечистъ и лукавнующій; избави мя отъ сѣти ловчи и не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ». Каждое слово отдавало въ сердцѣ старика особымъ сокровеннымъ смысломъ, и онъ беззвучно повторялъ молитву. Затѣмъ старикъ поклонился въ ноги сперва сыну, потомъ снохѣ, но вмѣсто обычной и длинной формулы, онъ могъ только проговорить: «простите, коль согрѣшилъ».

— Богъ простить, — отвѣчали молодые люди и въ свою очередь сотворили троекратное земное метаніе передъ старикомъ.

Затѣмъ всѣ трое, взявъ по восковой зажженной свѣчѣ въ руки, спустились въ скрыню, куда заранѣе уже отецъ съ сыномъ успѣли скатить колоду. Тамъ снова прочли молитву, снова безмолвно поклонились другъ другу. Затѣмъ старикъ, прилѣпивъ къ колодѣ три свѣчи, всталъ на молитву, а Парамонъ съ Василисой поднялись въ горницу, заперли за собою люкъ и молча разошлись каждый къ своему дѣлу.

Съ того дня зажили молодые одни. Повеселѣла, поздоровѣла Василиса, снова голось ея, властный и веселый, зазвучалъ по всему дому и на дворѣ. Съ особымъ злобнымъ звукомъ стучали ея каблуки, когда ей случалось проходить по комнатѣ съ люкомъ: тамъ въ скрынѣ долбитъ старикъ свою послѣднюю домовину и Парамонъ ежедневно, открывъ на утренней зарѣ люкъ съ словами молитвы, въ которыхъ звенитъ торжество, ставить ему на лѣстницу хлѣбъ и воду.

Ожилъ и Парамонъ; зналъ онъ, что, разъ сойдя въ потайникъ, старикъ не обезчеститъ свою сѣдную голову, не навлечетъ на себя проклятія Божескаго и ужъ свидится съ ними только на томъ свѣтѣ. Новая забава заведася у Парамона: онъ устроилъ себѣ въ дальнемъ саду пчельникъ и сталъ днествовать и ночевать на пасѣкѣ. Рои отсаживаетъ, новыя колоды заводитъ и снова глядитъ ясно на весь свѣтъ Божій и снова ласково и громко разговариваетъ и съ лучомъ солнечнымъ, и съ былинкой вѣжной, и съ пчелкой трудовой. А къ Василисѣ тѣмъ временемъ повадился ходить гость молодой, тотъ самый дохтуръ изъ ссыльныхъ, что рану ея залечивалъ.

Подошелъ іюль мѣсяць, лѣто разыгралось, ночи пошли

жаркія, звѣздныя, воздухъ разморъ нагоняетъ. Молодуха разцвѣла, что розанъ садовый — порою забудетъ и обряды строгаго Глазовскаго дома, зальется пѣсней какой, и обрывки ея грудного, сильнаго голоса страстными, сдавленными звуками доносятся до слуха старика.

Заслышитъ старикъ эти звуки и задрожитъ, прислонится къ домовинѣ, на половину выдолбленной, и станетъ шептать молитвы.

«Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борють мя страсти и помыслы мятежны...» шепчуть уста его, а въ душѣ просыпается другой голосъ и заглушаетъ молитву: «Ахъ, Василиса, красота писаная, щеки алыя что маковъ цвѣтъ горять, уста жаркія, грудь пуховая, очи звѣздчатыя, обнять бы, прильнуть хоть разъ къ тебѣ, пагуба женская! Небось, одна ночи коротаешь? Не умѣетъ блюсти тебя Парамонъ мозглявый. Выдти, подкараулить ночью? Не отобьешься, нехватишь ножъ больше!» Вздогнетъ Самсонъ отъ мыслей своихъ грѣховныхъ и снова забьетъ поклоны. Шепчетъ:

«Согрѣшилъ есмь душею, и умою, и сномъ, и лѣнностью, во омараченіяхъ бѣсовскихъ...»

А сверху вдругъ снова доносится до него топотокъ. Видно бѣжить сноха Василиса, бѣжить рѣзво, весело, ровно встрѣчаетъ кого. Въ сѣни ринулась... и новое чувство ревнивой тоски охватило «скрывшагося». А что какъ завелся у нея милъ-дружокъ? что коли тутъ, въ его честномъ доми, надъ его живымъ гробомъ, да коротаетъ она жаркія, лѣтнія ночи съ другомъ потайнымъ, завѣтнымъ?

Ой, много крови еще въ Самсонѣ, ни постъ, ни молитва, ни подвижничество не уходили стараго ворона, загорѣлись глаза его былымъ огнемъ, выпрямился станъ и поползъ онъ по лѣсенкѣ подъ самыя половицы, припалъ къ нимъ ухомъ; да нѣтъ, колотитъ въ немъ сердце, шумитъ, гудитъ кровь въ ухахъ, блазнить его сатана. Слышутся ему поцѣлуи, смѣхъ что горлинкино воркованье и чьи-то сильные мужскіе шаги. Блазнить ли лукавый, или взаправду то слышитъ онъ?

«О! Господи, Господи, отжени, спаси!...» шепчуть потрескавшіяся, запекшіяся губы, и лѣзетъ онъ снова назадъ и со стономъ бьетъ поклоны, пока безъ силъ не упадетъ на ступеньки возлѣ своей домовины.

Тень и ночь Самсонъ узнавалъ въ своей добровольной слѣпотѣ по звукамъ, доносившимся къ нему сверху. Зная хорошо обычаи своего дома, онъ почти по часамъ угадывалъ день. Онъ чувствовалъ, когда Парамона нѣтъ дома, когда злился уходить одна въ свою спальню... Но послѣдніе дни въ совершенно сбился съ толку: казалось, въ домѣ все перемѣнилось, пошли новые порядки; рѣзче доносился къ нему

смѣхъ Василисы, чаще слышались высокія ноты ея пѣнья, а то вдругъ среди дня наступала странная, жуткая тишина, томившая, давившая старика, заставлявшая его метаться въ страшномъ подозрѣніи.

И вотъ Самсонъ не выдержалъ — пришелъ его страшный день.

Проснувшись какъ-то, весь измученный жаркимъ, не старческимъ сномъ, онъ сдѣлалъ уставное число поклоновъ, прочелъ молитвы, нащупалъ въ полной темнотѣ сѣрнички — зажегъ свѣчу восковую, снова помолился и принялся за работу. Прошло немного времени, какъ онъ услышалъ шаги Василисы. Затѣмъ стукнула половица, блѣдный дневной свѣтъ скользнулъ въ его подпольѣ, молодая женщина ставила по обыкновенію на первую ступеньку хлѣбъ и воду. Противъ правила, она не произнесла при этомъ условной молитвы и, не думая о силахъ старика, не постаралась поставить пониже питье и пищу. «Ровно псу поганому», подумалъ дрожа старикъ. Половица стукнула, закрываясь, и послышались удаляющіеся шаги молодухи. До сихъ поръ обязанность ставить пищу исполнялъ Парамонъ, но очевидно, что сегодня онъ не ночевалъ дома и скорого возвращенія его не ждали. Прошло еще сколько то времени, старикъ не дотронулся ни до воды, ни до хлѣба, его била лихорадка.

Вотъ, снова онъ слышитъ тотъ быстрый, радостный топотъ Василисиныхъ ногъ, который послѣднее время такъ смущалъ его. Звякнула входная дверь и глухо, какъ сквозь вату, долетѣлъ до него смѣхъ молодухи. Сердце старика заколотило, онъ бросилъ топоръ и, не помня себя, полѣзъ по лѣсенкѣ; дрожащей рукой онъ коснулся крышки люка, но тутъ же, какъ обожженный, отдернулъ руку.

«О Господи, Господи, что творю? чего жажду? Царство небесное мѣняю на огонь дьявольскій неугасимый». — Онъ быстро сошелъ внизъ и, снова схвативъ лестовку, сталъ на начало.

«Запрещаю тебѣ, вселукавый душе, діаволе, не блазни мя мерзкими и лукавыми твоими мечтаніями, отступи отъ меня и отыди отъ меня проклятая сила непріяни, отыди въ мѣсто пусто, въ мѣсто бесплодно, въ мѣсто безводно, идѣ же огонь и жупелъ и червь неусыпающій... Смѣется Васили... вотъ, вотъ смѣется...» зашепталъ онъ, уловивъ звонкій смѣхъ молодухи, и не одна она, не одна. Кто бы быть то могъ въ моемъ дому? — И старикъ всталъ съ полу, — лестовка выпала изъ его рукъ... «Вѣрно, вѣрно, голосъ слышу... и не Парамоновъ то голосъ». — Снова старикъ полѣзъ вверхъ и на этотъ разъ трепетною рукою приподнялъ половицу. Узкая полоска свѣта рѣзнула его усталые глаза и онъ невольно нагнулъ голову, но черезъ минуту съ ужасомъ приподнялъ ее и сталъ прислушиваться: те-

перъ до него ясно долетѣлъ чужой, но какъ будто знакомый ему голосъ:

— Такъ Парамонъ не вернется?

— Говорю нѣтъ,—весело затараторила Василиса. Вечоръ прибѣгаль на минуту, велѣлъ старика блюсти, захватилъ съ собою обиходцу и сказывалъ до ночи не будетъ.

— Ну, а старикъ живъ еще?

— Не здохъ, старый грѣхотворъ!—рази такой прѣставится, его и смерть не возьметъ! Вѣришь ли, дружокекъ мой облюбованный, душа моя изныла отъ думы, что бродить тамъ, какъ духъ проклятой подъ поломъ — ино думаю: выльзеть онъ и придавить меня...

— Что ты голубка, что ты ясынька, зачѣмъ у тебя мысли такія? Померъ твой старикъ, такой онъ крѣпкой вѣры, что ему не можетъ быть возврата, родные то знаютъ, что онъ «скрылся».

— Вѣстимо всё кому вѣдать надлежить знаютъ, что пошелъ онъ на подвигъ. Всѣ молятся за него.

— Ну видишь ласточка, а ты боишься! Экъ ты неразумная.—Послышались поцѣлуи... Яхонтъ ты мой самоцвѣтный, сладость безмѣрная...—повторилъ, замирая, голосъ Василисы...

— Дохтуръ! — прошепталъ старикъ... — Это дохтуръ! Его голосъ,—и отворивъ люкъ, онъ выльзъ изъ подполья, всталъ и выпрямился. Лицо его теперь выражало такое безуміе, которое согнало съ него всякое человѣческое подобіе. Беспорядочныя космы его сѣдыхъ волосъ сбились въ войлокъ и падали на лобъ и на виски. Глубоко впавшіе черные глаза горѣли бѣшенствомъ. Изъ-подъ желтыхъ щетинистыхъ усовъ бѣлѣлись еще крѣпкіе, широкіе зубы, которые щелкали и скалились, какъ у голоднаго волка. Въ саванѣ, въ валенкахъ, высокой, худой старикъ былъ больше похожъ на привидѣніе, чѣмъ на живого человѣка. Постоявъ минуту и оглядѣвшись кругомъ, онъ не слышно скользнулъ изъ комнаты и схоронился за выступомъ большого шкапа...

Теперь голоса, смѣхъ и поцѣлуи доносились до него ясно. Цѣлуются, милуются, ведутъ промежь себя рѣчи медовыя, любовныя Василиса и дохтуръ.

Слушаетъ старикъ и трясется, въ головѣ его ровно туманъ зить, обморокъ ошибаетъ его. Стряхнулъ онъ, да вдругъ шастъ въ своего угла и вошелъ въ боковушку...

Василиса сидѣла на кровати въ объятіяхъ молодого доктора щанова. Ея темно-сѣрые глаза съ поволокой были полу-крыты длинными рѣсницами. Волосы, не прикрытые платъ, рассыпались пышными, волнистыми прядями, воротъ ея наго ситцеваго платя былъ растегнутъ и въ разрѣзъ его

стояли двѣ упругія бѣлыя волны грудей. Докторъ сидѣлъ лицомъ къ дверямъ и первый увидалъ старика.

Онъ страшно вздрогнулъ и, оттолкнувъ отъ себя молодую женщину, вскочилъ на ноги.

Испуганная Василиса повернула голову и закричала источнымъ голосомъ. Старикъ, не сводя со снохи горячаго, какъ угли, взгляда, сдѣлалъ шагъ впередъ. Докторъ бросился вонъ изъ комнаты и, безъ шапки пробѣжавъ дворъ, не заперевъ за собою калитки, исчезъ за поворотомъ улицы.

Старикъ и глазомъ не повелъ за нимъ. Какъ звѣрь бросился онъ на молодуху, схватилъ ее поперекъ тѣла, донесъ до открытаго люка и бросилъ ее въ подполье, какъ снопъ пшеничный. Затѣмъ, онъ самъ спустился туда, приперевъ за собою люкъ. Василиса, оглушенная паденіемъ, лежала безъ движенія. Старикъ сѣлъ около нея... теперь молодуха была въ его рукахъ, но порывъ бѣшенства прошелъ, старикъ, прислонившись къ колодѣ, весь опустился въ изнеможеніи, нижняя челюсть его тряслась, вѣки упали на глаза, онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе; такъ прошло нѣсколько минутъ.

Вдругъ Василиса шевельнулась и застонала; падая, она инстинктивно ухватила за лѣстницу и, только сильно зашибивъ плечо, на минуту потеряла сознаніе.

Услыхавъ стонъ, старикъ встрепенулся. Длинные темныя рѣсницы Василисы дрогнули и глаза ея, еще затуманенные, встрѣтились съ дикимъ взоромъ батюшки-свекра. Минуту одна пара глазъ впилась въ другую и къ обоимъ вернулась сознаніе того, кто они и гдѣ находятся. Несмотря на страшную боль въ плечѣ, Василиса попробовала вскочить на ноги, но тутъ же осѣла снова; голова ея кружилась.

— Проклятый, проклятый—съ бѣшенствомъ кричала она,— обѣтъ нарушилъ, изъ скрыни выползъ. Анаеема и срамъ на твою голову! Годи—дай вылѣзть, всѣмъ, всѣмъ про подвигъ твой расскажу: не молитва, а блудъ обуялъ тебя...

— Молчи змѣя, молчи сука похотливая... пришибу... заикаясь шептала старикъ—у него не хватала голоса...—Молчи голова непокрытая...

Василиса хватилась за голову, платка на ней не было...

— Ты содралъ, ты старый дьяволъ, годи, годи, Парамонъ сейчасъ вернется, учну я голосить, не бось услышитъ, и и выйду отсель — пусть все знаетъ, все какъ есть.

— А дохтуръ? — заревѣлъ старикъ.

— Какой такой дохтуръ?—нахально закричала Василиса. Гдѣ дохтуръ? Приверзилось тебѣ старому блуднѣ. Дьяволъ блазнить тебя, одна я была, какъ есть одна, когда ты вылѣзъ изъ скрыни, пришипился за шкапомъ, да въ то время какъ я

волосы свои чесала и свалилъ меня къ себѣ ровно лѣсовикъ проклятый.

— Такъ и скажешь?—старикъ поднялся.

— Такъ и скажу, всѣмъ скажу, всему народу оповѣщу, какимъ ты дѣломъ въ скрынѣ занятъ.

Старикъ блуждающими глазами оглядѣлъ скрыню: казалось, онъ теперь только пришелъ въ себя и понять весь ужасъ своего положенія. Голосъ Василисы доносился до его больныхъ нервовъ, какъ если-бы она кричала ему въ уши, тогда какъ ее самое онъ едва могъ разглядѣть. На громадной колодѣ, стоявшей на нивенькихъ козлахъ, горѣли прилѣпленные три довольно толстыя свѣчи, желтаго воска; ихъ трепетное пламя освѣщало небольшой кругъ, въ немъ нѣжнымъ пятномъ выступало блѣдное лицо Василисы, на которомъ ярче свѣчей горѣли ея злобные глаза. Кругомъ, въ углахъ, скопилась темнота и только въ одномъ, переднемъ, — крошечной, синей звѣздочкой мерцала «неугасимая» лампада, за которою тускло поблескивала старинная сканая риза на иконѣ Богоматери.—И такъ, все рухнуло, послѣдній приютъ посрамленъ. Въ той самой святой скрынѣ, «куда имутъ бѣжати и хорониться отъ многопрелестнаго міра», онъ былъ уловленъ антихристомъ въ бѣсовскія его сѣти и долженъ теперь погибнуть погибелю вѣчной. Всему причиной Василиса, она удвоила его прелестью бѣсовской, или нѣтъ, не она, а самъ дьяволъ воплотился въ нее, позавидовалъ его иноческому подвигу и отнялъ съ главы его вѣнецъ мученической, не далъ ему обрѣсти себѣ конецъ праведный.—А, будь ты проклятъ, анаема! Уйди, уйди отъ меня окаянный,—вдругъ закричалъ онъ, осѣняя Василису крестнымъ знаменіемъ.

— Реви, реви больше, скликай чертей! Вотъ Парамонъ вернется, онъ те покажетъ, каковъ ты угодникъ, онъ те выволочетъ на свѣтъ-отъ Божій! Василиса злобно расхохоталась.

Старикъ вдругъ схватилъ топоръ, лежавшій въ колодѣ и бросился къ Василисѣ.—А дьяволъ, смѣешься?

Василиса не успѣла вскочить на ноги, какъ онъ, замахнувшись обѣими руками, ударилъ ее топоромъ по головѣ...

— Господи Иисусе, Господи Иисусе!—зашипѣлъ онъ, почувствовавъ струи горячей крови, брызнувшей ему въ лицо и въ руки—Господи Иисусе... Святъ, святъ, святъ Господь Богъ!.. таясь, онъ выронилъ топоръ изъ рукъ и, опустившись на ожавшія колѣни, отползъ въ самый уголокъ подполья, упалъ цѣпъ и замеръ, закрывъ руками голову.

Дѣло солнышко, оставивъ на небѣ потухать послѣднюю, янчую полосу. Замолокло гудѣнье пчелиныхъ роевъ, заснувши

колоды. Спать и цвѣты духовитые въ палисадочкѣ при пасѣкѣ. Парамонъ распрощался со старикомъ Пахомомъ, который жилъ тутъ же все лѣто, въ рогоженомъ шалашѣ, и направился домой.

— Безпремѣнно завтра ведро будетъ, твердилъ онъ себѣ по привычкѣ въ полъ-голоса.—И хорошо-же на Божьемъ свѣтѣ! Ахти хорошо.—Онъ окинулъ глазами весь свой садъ и цвѣтничокъ и поляну съ колодами. Не ушелъ-бы отъ эдакой благодати, да къ Василисѣ надо. Небось соскучилась молодуха?.. а и впрямь одной скучно! Поспѣвать надо... Э-эхъ виновать я передъ нею, все обѣщаль работницу въ домъ взять, не для помощи, а хоть одной чтобы время не коротать. А и то взялъ-бы, да сама Василиса послѣднее время брыкается, то нудила взять, то теперь не надо — одной сподручѣй — то-то бабы!

Парамонъ тихо засмѣялся и быстро зашагалъ къ дому. Вотъ повернулъ онъ за уголь и захолонуло сердце его. Дѣло не виданное: калитка благочестиваго дома Глазовыхъ, ровно непотребная кабацкая дверь, стоять открыта для каждаго проходящаго. Онъ вошелъ во дворъ и съ ужасомъ наткнулся на отпертую же дверь дома. Шагнулъ дальше, еще, глянь въ боковушѣ, на порогѣ, шапка чужая лежитъ. Ай воры лиходѣи посѣтили домъ? Но кругомъ было все тихо, тихо какъ въ могилѣ... Парамонъ обошелъ весь домъ... ни души! У него не хватило силъ кликнуть Василису. Наконецъ онъ остановился надъ люкомъ, а тамъ што?—и не давъ себѣ никакого отвѣта, онъ приподнял люкъ, нагнулся въ его темную пасть и, объятый страшнымъ предчувствіемъ, крикнулъ дрожащимъ голосомъ:

— Батюшка! Ай батюшка?

Отвѣта не было...

— Батюшка!—аль преставился?

— Парамонъ!—услышалъ онъ ровно чужой голосъ.—Подъ сюда Парамонъ, здѣсь я...

Парамонъ сошелъ внизъ. Три восковые налѣпа догорали, оплывая, по краямъ колоды, синенькая „неугасимая“ вспыхивала неровнымъ трепетнымъ пламенемъ, курясь и дымя послѣдними каплями масла, тяжелый, странный запахъ стоялъ въ подпольѣ, но Парамонъ ничего не могъ разглядѣть, кромъ колоды.

— Батюшка, аль помираешь? спросилъ онъ еще разъ ровнымъ голосомъ.

— И то помираю, нѣту силы встать, ступай сюда.

— Ай Мать Троеручица, Богородица Всепѣтая, неугасмая то хилится, помрешь, батюшка, безъ огней ангельскихъ Годи малость!—и Парамонъ, схвативъ изъ угла большую м-

сланку, наполнилъ лампаду, отъ нея шагнулъ къ колодѣ и одну за другою зажегъ толстыя «катанки». Затѣмъ, встряхнувъ кудрями, занесъ Парамонъ правую руку для креста и вдругъ замеръ: яркій свѣтъ большихъ свѣчей освѣтилъ какой-то лазоревый клочокъ и Парамонъ тупо подумалъ: быть Василисино платье? Онъ вытянулъ шею и остановившимся, круглыми глазами глядѣлъ,— за лазоревымъ клочкомъ обрисовалась бѣлая рука, высокая грудь и... что-то красное, страшное.

— Василиса! Василиса!—вырвался вдругъ страшный крикъ изъ груди Парамона.

Онъ бросился къ трупу, припалъ на колѣни и, какъ безумный, сталь руками ощупывать ея лицо, грудь, руки.

— Батюшка! Батюшка! Упала знать молодуха, тебѣ пищу ставимши! знать оморъ ошибъ ее! мертва, слышь, мертва!

Парамонъ вскочилъ на ноги и бросился въ уголь, гдѣ лежалъ старикъ...

— Не падала жена твоя, — убита она, я ея жисть топоромъ рѣшилъ,—проговорилъ ясно и громко старикъ.

— Топоромъ... Василису?.. Ты, батюшка? Парамонъ нагнулся къ старику—теперь свѣтъ трехъ налѣповъ и лампы дозволили ему видѣть отца. Старикъ сидѣлъ, вытянувъ ноги, опираясь спиною о стѣну, лицо его было бѣло, какъ мѣль. Сынъ нагнулся еще, глубоко провалившіеся глаза глядѣли на него сурово и спокойно, безкровныя губы ясно произносили слова:—Садись, Парамонъ, слушай, а то неровень часъ, помру, ничего не узнаешь.

Словно оборвалось что въ груди Парамона, туманомъ глаза застелило, ноги подкосились, онъ опустился на землю.

— Сказывай... слушаю...—проговорилъ онъ, какъ во снѣ.

И старикъ повинился во всемъ: и въ похоти своей грѣховной, и въ ласкѣ насильничей, отъ которой полыснулась молодуха ножомъ, и какъ порѣшилъ онъ искупить грѣхъ свой въ безмятежной скринѣ, стоя на молитвѣ несходно, отъ работы надъ домовиной рукъ непокладая, устъ не смыкая отъ славословія Божія,—и какъ сталь его дьяволъ подбуживать. А силенъ дьяволъ, врагъ рода человѣческаго, горами качаетъ! И сталь онъ ему творить сонныя мечтанія, представлять видѣнія не подобныя и въ нихъ обнажать передъ нимъ всю Василисину красу пагубную. Голосъ старика надорвался, трудно было сказать ему послѣднюю, страшную истину... и распалился я, и... чшелъ изъ скрини...

— Изъ скрини?.. вышелъ? Батюшка! изъ скрини?—Парамонъ затрясся. Невиданное, неслыханное то было дѣло, надгтался старикъ надъ крѣпкою вѣрою предковъ; нако-сь, какое ло, изъ скрини!..

Сказалъ старикъ, какъ за шкапомъ онъ пришипился, какъ,

тайну Василисину узнавъ, обуяль его гнѣвъ непоборимый, какъ схватилъ и бросилъ онъ сноху въ подполье и какъ стала она язвить и грозить и змѣей, быть самъ дьяволъ, передъ нимъ извиваться, и какъ, себя не помня, сотворилъ онъ брань съ нечистымъ, разсѣкъ топоромъ ей голову.

Всталъ Парамонъ и подошелъ къ Василисиному трупу, припалъ головой къ груди ея мертвой и глухо зарыдалъ.

— Ой, молодуха, молодуха, не моя-ль на тебѣ вина? не ухоронилъ я тебя, не уберегъ отъ дьявольскаго соблазна, промѣнялъ я тебя на рѣчущку бурную, на солнышко жаркое, на пчелку гудящую. Ой, Василиса, Василиса моя, не откроются больше уста твои алыя, не блеснутъ твои глазыньки ясныя!..

— Ладно, буде,—сурово раздался голосъ старика.—За мученическую кончину простится ей грѣхъ ея и въ смерти своей приобрѣтетъ она безсмертіе. Ступай, Парамонъ, не смущай скрыню стenanъемъ и рыданъемъ твоимъ, смерть и ко мнѣ подходитъ, знаю, слышу. Прощай. Прости, коли можешь.

Парамонъ всталъ.

— Прощай, коли такъ, батюшка. Богу—прощать тебя, я тебѣ не судья.—Онъ дошелъ до порога, поклонился трижды земнымъ поклономъ. Прощай, Василиса! нѣтъ у меня больше ни жены, ни отца, ни дома—гнѣзда рѣдного. Прощайте!

Парамонъ поднялся по лѣсенкѣ, вышелъ въ горницу, закрылъ за собою люкъ и остановился. Снова ему бросилась въ глаза валявшаяся въ дверяхъ второй комнаты шапка. Сразу все сказанное старикомъ ожило, воплотилось. Вотъ шкапъ, гдѣ припилился старикъ, а вотъ... онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ,—вотъ горенъка спальная открыта, вотъ поруганная постеля брачная, вотъ,—онъ нагнулся къ полу и весь дрожа поднялъ Василисинъ лазоревый платочекъ,—вотъ и покрывашка головная, стыдобушка женская покинутая лежитъ.—Шатнуло Парамона, ровно въ грудь кто его ударилъ, горло сдавило, зарыдалъ парень безъ слезъ, одной мукой несказанной, что грудь его рвала. Все поругано, все.—Молодуха честь потеряла, старикъ изъ скрины вышелъ! Подсѣлся кедръ ливанскій незыблемой вѣры честнаго дома Глазовыхъ. Погасился «свѣтъ тихій», отступилась Мать Трoеручица отъ дома сего!—И вдругъ, все прерывая, все превышая, охватила его лежавшая на днѣ души, несознанная имъ во время, любовь къ женѣ Василисѣ.

— Василиса! Василиса!—закричалъ онъ, бросился назадъ къ скринѣ, припалъ на запертый люкъ и забился головою о половицу.—Василиса, молодуха моя! лебедь бѣлая, зорька румяная, ластовка сизая. Ой, Василиса моя! Померла, померла! Онъ вскочилъ.—Самъ твой гробъ забью, самъ и склепу твою на вѣки закрою. Пусть ничья нога не ступить здѣсь больше.

пусть ничья рука не рупитъ здѣсь ничего.—Онъ бросился въ кладовушку, принесъ оттуда молотокъ и большіе гвозди.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Онъ трижды поклонился земно, трижды подѣловаль подъемныя доски и ударилъ молоткомъ по первому гвоздю. Гулко раздался по пустому дому первый стукъ молотка. Парамонъ забиваль скрыню. Глухо отдавались удары въ скрынѣ, сыпалась съ потолка мелкая земля на мертвый ликъ Василисы, и ровно колоколь вѣщій отдавались тѣ удары въ ухахъ старика.

«Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурю»... «идѣ-же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Со святыми упокой»...—шепталъ старый Самсонъ, припавъ къ землѣ головою.

Забивъ скрыню, Парамонъ вышелъ изъ дома. Положилъ на порогъ его три земныхъ поклона и, ничего не трогая, ни крохи не вынося изъ него, повѣсилъ на двери большой желѣзный замокъ. Проходя дворомъ, онъ услышалъ ласковое ржаніе,—то Ушанка почуяла хозяина.

«Добро, лошадушка, не пропадать скотинкѣ! Годи, Пахома пришло». Заперевъ калитку большимъ желѣзнымъ ключемъ, Парамонъ, не оглядываясь, покинулъ домъ. Миновавъ пустырь, онъ пошелъ берегомъ рѣки. Она по прежнему несла передъ нимъ свои стальные волны, на днѣ ея весело играла рыба, и тамъ, подъ кудрявой сосной, у выгона, чернѣлась лодочка и оттуда съ тихимъ ночнымъ вѣтеркомъ доносился голосъ Ларьки Мачихина, ставившаго верши:

Какъ по рѣчкѣ по широкой
Мимо горъ Кирилловыхъ,
Мимо горы Оползень
Святой старецъ держитъ путь...

Парамонъ вошелъ въ густой зеленый боръ, тотъ самый, изъ котораго недавно еще вывезъ онъ съ отцомъ домовину—колоду дубовую. Ночь наступила совсѣмъ, въ лѣсу было темно и тихо. На небѣ одна за другою вспыхивали яркія звѣздочки, вотъ и полный мѣсяцъ выкатился изъ за верхушекъ кудрявыхъ кедровъ и облилъ серебристымъ лучомъ всѣ лѣсныя прогалинки. Загадали по нимъ тѣни узорчатыя. Смолистый, знакомый ароматъ обвѣялъ большую голову Парамона и природа, которую онъ бессознательно, страстно любилъ Парамонъ, словно отобла его страдающую душу. Растопился горе-камень, лежавшій сердцѣ его, потокомъ хлынули изъ глазъ его слезы, вздылись онъ руки къ небу высокому.

«Ахъ, ноченка, кочушка темная!—Ахъ, звѣздочки Божьи шадушки! Ахъ, вѣтеръ дыханіе ангельское! Ахъ, боръ зеленый

дремучій! Отнынѣ вы мой и домъ и родина, вы и судьба и милостивцы мои!»

Поль-вѣка прошло съ тѣхъ поръ. Тайна Глазовской скрыни не была нарушена. Сосѣди и сродичи были все такіе же «вѣрные христіане»; у cadaго дома была своя жизнь, а можетъ и своя тайна, свары варить, доглядывать да дослушивать не кому было. Парамонъ скрылся въ дальній скитъ и тамъ отдалъ въ свое время душу Господу Богу. Нашлись Глазовы сродники, племянники старика Самсона, и снова отперли домъ и тихо, степенно зажили въ немъ. Только измелъчали людишки, скрыня не манила въ себя никого и на подвигъ иноческой кончины не было охотниковъ. Скрыня стояла забитая, но всѣ вѣрили, что въ ней живетъ душа старика Самсона; по временамъ подъ поломъ слышался стонъ и было похоронное пѣніе.

Въ тотъ годъ, какъ пошла постройка Т-ской ж. дороги, и инженеры объявили, что для новаго подъѣзднаго пути будутъ отчуждены и срыты дома, шедшіе по косоугору рѣки, въ глазовомъ домѣ жила вдова Глазиха съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Гришуткой. Она поклялась умереть на порогѣ своего дома честнаго, но не дать его на поруганіе и разрушеніе пришлымъ анженерипшкамъ.

ХП.

Александръ Павловичъ Вязьминъ.

Инженеръ Александръ Павловичъ Вязьминъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Сергѣемъ Петровичемъ Козловымъ, наняли въ Т. домъ съ тремя дворами, пристройками, баней и садомъ, словомъ, цѣлую усадьбу за 25 рублей въ мѣсяць, т. е. по небывало высокой цѣнѣ для города. Разсчитывая, что судьба закинула ихъ сюда на цѣлые три года, они рѣшили жить со всевозможнымъ комфортомъ, купили себѣ въ татарскихъ юртахъ пару лошадей, выписали изъ Екатеринбургa два «коробка», казанской работы, для лѣта, двѣ «кошевки» для зимы, сѣдла, чтобы на тѣхъ же коняхъ ѣздить верхомъ; наняли себѣ кухарку Татьяну, жирную, продувную бабу, ловкую на всѣ руки. Та пристроила къ нимъ, для «убирки» комнаты и чинки бѣлья, свою племянницу Аришу, дѣвицу скромную и круглую, какъ рѣпа. Къ лошадямъ понадобился кучеръ и взяли какого-то парня Семена изъ «рассейскихъ» ссыльныхъ, а такъ какъ дворы не могли остаться безъ караульнаго, то самъ собою завелся у воротъ какой-то черномазый Абдулка. Съ нимъ вмѣстѣ на

дворѣ появились и двѣ громадныя рыжія лайки, Шайтанъ и Кама. Словомъ, домъ наполнился и, несмотря на то, что все это существовало на счетъ инженеровъ и тянуло съ нихъ чѣмъ попало, имъ жилось привольно, покойно и сравнительно съ Петербургомъ не дорого.

Домъ, нанятый инженерами, стоялъ въ Зарѣчьи не далеко отъ крутого моста черезъ рѣку, соединявшаго эту часть города съ центромъ. Главныя ворота выходили на широкую улицу, всю выложенную «одубиной». Напротивъ и рядомъ съ домомъ стояли такіе же «дома—помѣстья» разныхъ кожевенныхъ заводчиковъ, за задними же воротами третьяго двора шла длинная пустая улица, по которой съ противоположной стороны тянулся безконечный высокій заборъ, выкрашенный въ цвѣтъ крови. За этимъ заборомъ день и ночь слышалось бряцаніе цѣпей и свирѣпый лай собакъ, охранявшихъ громадный кожевенный заводъ богача Круторогова. По всей этой улицѣ стоялъ тяжелый запахъ крови и одубины.

Домъ, занимаемый инженерами, былъ деревянный, одноэтажный, въ немъ, по сибирскому обыкновенію, было удивительное количество оконъ, что придавало нѣкоторымъ комнатамъ, густо заставленнымъ притомъ цвѣтами, видъ какихъ-то оранжерей. Мебель была временъ Александра I: тяжелыя, жесткія кресла и стулья краснаго дерева съ мѣдной прожилкой; узкія длинныя зеркала, перерѣзанныя полочками; громадные, пузатые шкафы съ бронзовыми ручками у ящиковъ; потолки, расписанные амурами и гирляндами фантастическихъ цвѣтовъ и фруктовъ; стѣны подъ бѣлымъ мраморъ и желѣзныя круглыя печи, окрашенные, по мѣстному обычаю, «золотухой».

Хозяинъ дома, Игнашкинъ, жилъ съ женою и дѣтьми въ подвальномъ этажѣ того же дома. Когда то Игнашкинъ былъ богатымъ купцомъ, давалъ банкеты и самъ былъ званымъ гостемъ на всякихъ купеческихъ торжествахъ, но прогорѣлъ на какихъ-то подрядахъ, затѣмъ спился и теперь считался «нестоящимъ» человѣкомъ, съ которымъ и кланяться-то зазорно. Подавленный воспоминаніями прежняго величія, онъ жилъ въ своемъ подвалѣ, какъ кротъ, и въ трезвомъ состояніи его не видѣли и не слышали. Но два раза въ мѣсяцъ онъ обязательно тапивался и тогда, вооружившись кочергой, начиналъ стучать въ потолокъ, предупреждая инженеровъ о своемъ нашествіи. Чтѣмъ онъ выскакивалъ на дворъ и начиналъ неистово руться, требуя непременно, чтобъ «анженерные антихристы» тавили его домъ, что онъ, именитый купецъ Игнашкинъ, когда въ жизни своего честнаго дома не позорилъ и въ ямы не отдавалъ.

— Выходи, Александра Павловичъ, выходи, Сергѣй Петровичъ, добромъ, пока я не выволоку тебя самъ изъ своихъ хо-

роминь. Отчужденія моимъ собственностямъ я не доволю, искр-пр-овеню!!..

И, размахивая кочергою, онъ лѣзъ на крыльцо. Сцена всегда кончалась однимъ и тѣмъ же: Абдулка летѣлъ въ полицію и затѣмъ являлся на извозчикѣ съ какимъ-то блюстителемъ порядка. Съ помощью кучера Семена начиналась комедія: всѣ трое подкрадывались къ Игнашкину, затѣмъ Абдулка хваталъ его за локти, а Семенъ необыкновенно ловко давалъ ему «подъ жилки». Игнашкинъ летѣлъ навзничъ, его подхватывали, усаживали или укладывали, смотря по степени опьяненія, на извозчика и увозили въ часть для вытрезвленія. Оттуда Игнашкинъ являлся обыкновенно пѣшкомъ, дома мылся, причесывался и со степеннымъ и добродушнымъ видомъ принимался къ «анженерамъ», неизгѣнно извиняясь, «что, можетъ быть, маненичко обезпокоилъ». Въ саду, прилегавшемъ къ дому Игнашкина, не было никакого плана, онъ былъ на-крестъ пересѣченъ двумя аллеями; въ первыхъ двухъ квадратахъ были гряды съ земляникой и кой-какими овощами, два задніе квадрата густо заросли малинникомъ, который, къ забору, переходилъ въ пѣлый лѣсъ сорныхъ травъ: колючій репейникъ, жгучая крапива, да громадные кусты шиповника заграждали туда всякій путь. За то поперечная аллея была засажена высокими липами и такими густыми акаціями, что верхнія вѣтви ихъ сплетались и образовывали надъ аллеею ажурную крышу, сквозь которую лучи солнца падали на желтый песокъ подвижными золотыми нитями и пятнами. Въ концѣ этой аллеи стояла полукруглая скамейка и передъ нею столъ. За заборомъ лежалъ громадный пустырь, на которомъ, какъ съ неба упавшая, стояла крошечная изба, безъ двора, безъ ограды и безъ сада. Высокая тяжелая крыша нависла до половины двухъ маленькихъ подслѣповатыхъ оконъ, низенькая дверь, всегда запертая, а передъ нею, вѣроятно, остовъ исчезнувшихъ воротъ: два столба, перекрытые балкой, напоминавшіе висѣлицу. Въ этой избѣ жили какіе-то евреи, тайно торговавшіе, какъ говорили, водкой. Мимо избы шла широкая сѣрая дорога, пыльная, пустынная; она вилась, куда глазъ хваталъ, и тамъ, вдали, сливалась съ горизонтомъ. По этой дорогѣ никогда не ѣздили экипажи, не шли пѣшеходы, только время отъ времени, и зиму, и лѣто, по ней неслись тринадцать троекъ, на грядѣхъ каждой изъ нихъ, свѣсивъ ноги, сидѣлъ усатый солдатъ, держа ружье на-готовѣ. Далеко слышны были бубенцы лошадей, да лязгъ потряхиваемыхъ желѣзныя оковы.

Со времени смерти Фелицаты прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ. Сибирское могучее лѣто стояло въ полномъ разгарѣ; солнце жгло, сочная трава съ пахучими медовыми цвѣтами лѣзла отовсюду, куда только проникъ живительный лучъ солнца; гремѣли голоса налетѣвшихъ птицъ, все ликовало, дышало жизнью, все, казалось, спѣшило насладиться короткимъ лѣтнимъ роздыхомъ суровой природы.

Вязьминъ, только что вернувшійся съ работъ, сдаль верховую лошадь Семену и, поджидая запоздавашаго Козлова, остановился за калиткой заднихъ воротъ. Машинально онъ глядѣлъ на красный сосѣдній заборъ и на тянущуюся передъ нимъ пустынную улицу. Тишина города какъ то давила его; онъ чувствовалъ, что это не то обыденное, лѣтнее спокойствіе, которое онъ привыкъ встрѣчать въ полдень въ петербургскихъ дачныхъ мѣстностяхъ. Тамъ чувствовалось, что жизнь какъ бы притаилась гдѣ то въ бесѣдкахъ, въ прохладныхъ комнатахъ за спущенными портьерами. Молчаніе же этого чужого города казалось ему было полно какого то смутнаго недоброжелательства. Тутъ, возлѣ, за высокими заборами, подъ охраной дикихъ собакъ и сторожевыхъ татаръ, кипитъ человѣческая дѣятельность, вся сводящаяся къ одной жаждѣ наживы. Тутъ идетъ обособленная семейная жизнь, въ которой нерѣдко разыгрываются страшныя драмы насилія и деспотизма. Онъ вспомнилъ Фелицату и отмахнулся рукой, какъ будто назойливое видѣніе воцѣпалось и лѣзало на него съ неотступными вопросами.

Слухъ о смерти молодой женщины, со всевозможными сплетнями и комментаріями, давно дошелъ до него. Первое время онъ даже думалъ бросить Т. и просить о переводѣ, но потомъ остался.

Послѣднее время Вязьминъ сильно скучалъ, хотя нисколько не считалъ себя виноватымъ и ни въ чемъ не раскаивался. Онъ просто не подходилъ къ грубымъ и простымъ нравамъ, царствовавшимъ здѣсь. Онъ былъ себялюбивъ, брезгливъ и привыкъ жить готовыми веселыми наслажденіями, которыя такъ легко даются человѣку со средствами въ Петербургѣ; онъ даже завидовалъ своему товарищу Козлову, который перезнакомился чуть ли не со всѣми и отъ души пользовался мѣстными удовольствіями и развлеченіями.

Гортанный крикливый голосъ вызвалъ Вязьмина изъ его ланій; мимо него прошли мужчина и женщина, оба старые, обленные, въ лохмотьяхъ, и Вязьминъ узналъ въ нихъ тѣхъ ихъ евреевъ, что жили въ низенькомъ домикѣ на сѣромъ тырѣ за садовымъ заборомъ.

Женщина остановилась почти противъ него и, обернувшись у сторону, откуда пришла, крикнула нѣсколько разъ рѣзкимъ неприятнымъ голосомъ:

— Лія! Лія!.. — За этимъ именемъ послѣдовало еще нѣсколько словъ на непонятномъ ему языкѣ. Старуха прислушалась, крикнула еще нѣсколько разъ: «Лія!» и, не получивъ никакого отвѣта, догнала ушедшаго впередъ мужа, и оба они, разговаривая и размахивая руками, пропали въ сѣровой пыли улицы.

Вязьминъ снова остался одинъ и уже повернулся, чтобъ идти къ себѣ, какъ услышалъ торопливые мелкіе шаги и остановился, какъ вкопанный. По улицѣ шла совсѣмъ молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ, стройная, граціозная и тонкая. На ней была только простая бѣлая рубашка съ открытымъ воротомъ и пестрая яркая юбка. Лицо блѣдное, жаркой южной блѣдности, напоминающей свѣтлый янтарь; она остановилась передъ молодымъ человѣкомъ и, поднявъ густую бахрому рѣсницъ, устремила на него широкій влажный взоръ большихъ карихъ глазъ.

— Не видалъ ли ты, не проходили ли здѣсь старикъ и старуха еврей? — спросила она.

Вязьмина поразила и очаровала дѣтская смѣлость и довѣрчивость вопроса, а красота дѣвушки согнала сразу съ него всю сонливую скуку.

— Тебя зовутъ Лія?

Дѣвушка съ недоумѣніемъ поглядѣла на него.

— Да, Лія.

— И ты живешь на пустырь, въ домикѣ?

— Живу, — и она вдругъ разсмѣялась, блеснувъ ровными, бѣлыми зубами. — А ты тотъ господинъ, что все лазить у себя въ саду на скамейку и глядеть черезъ заборъ?

— Такъ ты меня видѣла? Отчего я тебя не видалъ? Развѣ ты никогда не выходишь?

— Какъ же не выхожу, вотъ вышла же! Только правда, я рѣдко куда хожу, мать не любитъ, потому и дома дѣла много.

— Какое же у тебя дѣло дома?

— Разное... — отвѣчала дѣвушка и потупилась. — Такъ ты не видалъ моихъ стариковъ?

Вязьминъ указалъ ей, въ какую сторону ушли еврей. Дѣвочка кивнула ему головой и быстро побѣжала по указанному направленію.

Въ это самое время изъ пыли, клубившейся вдали дорои стали обрисовываться всадникъ, погонявшій коня, и черезъ нѣсколько минутъ Козловъ осадилъ у воротъ свою разгорченную лошадь.

— Александръ Павловичъ! — крикнуть онъ, не слѣзая. Садитесь-ка на лошадь, ѣдемъ къ пристанямъ, тамъ чоръ знаетъ что дѣлается, цѣлый бунтъ!..

— Бунтъ?

— Говорю, бунты! Характерная картина, стоитъ посмотреть... пожалуй дойдетъ до серьезнаго... воинскій начальникъ тамъ съ солдатами...

— Да въ чемъ дѣло?

— Эва! забыли! Вѣдь сегодня послѣднй срокъ, идетъ насильственное отчужденіе береговыхъ домовъ. Наши рабочіе приступили къ ломкѣ. Что тамъ дѣлается—страсть!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Лухманова.

Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англии.

IV. Фабричная работа замужнихъ женщинъ и дѣтей.

Фабричная работа женъ и дѣтей рабочихъ весьма обыкновенна въ мануфактурныхъ округахъ Англии и обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что заработокъ одного мужчины въ большинствѣ случаевъ недостаточенъ для содержанія семьи соотвѣтственно установленнаму Standart of life. По мнѣнiю эксперта DREW, для содержанія семьи средняго размѣра (4 ч.) рабочій долженъ бы получать не менѣе 30 с. въ недѣлю. Эту же плату — 30 с. — другой экспертъ, Mullin, называетъ «a man's wage», т. е. той минимальной платой, при которой одинъ мужчина можетъ удовлетворять потребностямъ своего семейства, не нуждаясь въ помощи жены и дѣтей. Прилагая этотъ масштабъ идеальной наименьшей мужской платы къ фактическимъ заработкамъ разныхъ категорiй рабочихъ въ волокнистыхъ производствахъ, мы найдемъ, что, за немногими исключенiями, заработки мужчинъ не достигаютъ 30 с. Изъ крупныхъ цеховъ, о которыхъ имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнiя въ Minutes of Evidence Коммиссiи, только у бумагопрядильщиковъ этотъ скромный идеалъ достигнутъ и даже превзойденъ; другимъ разрядамъ рабочихъ болѣе или менѣе далеко до него. Поэтому заработокъ мужа долженъ быть въ большинствѣ случаевъ восполненъ заработкомъ жены или дѣтей. Обыкновенно, пока дѣти малы, приходится работать женѣ; по достиженiи 11-лѣтняго (до 1893 г. — десятилѣтняго) возраста, дѣти смѣняютъ мать, которая только тогда можетъ покинуть фабрику и всецѣло отдаться семьѣ. Остановимся сперва на разсмотрѣнiи работы женъ.

Въ фабричныхъ графствахъ Англии почти всѣ дѣвушки до замужества работаютъ на фабрикахъ, и изъ нихъ составляется, безъ сомнѣнiя, главный контингентъ фабричныхъ работницъ. Въ Лан-

каширѣ, гдѣ заработная плата сравнительно высока, и гдѣ двѣушки обыкновенно поздно выходить замужъ, онѣ большею частію успѣваютъ накопить себѣ порядочное приданое, которое служить имъ не маловажнымъ подспорьемъ въ первые годы семейной жизни. Но, и по выходѣ замужъ, фабричная работа женщины по большей части не прекращается, такъ какъ семьѣ трудно обходиться однимъ заработкомъ мужа. Обратимся же къ показаніямъ экспертовъ.

Счастливое исключеніе изъ общаго правила, повидимому, составляетъ главный прядильный центръ Ланкашира, Oldham: здѣсь, по словамъ свидѣтеля Silk, только въ одномъ случаѣ изъ двѣнадцати жены прядильщиковъ и «card-room hands» продолжаютъ работать на фабрикѣ послѣ рожденія перваго или втораго ребенка. Обыкновенно семья устраивается такъ: молодая чета живетъ вмѣстѣ съ родителями, и жена продолжаетъ работать на фабрикѣ до тѣхъ поръ, пока не родится первый или, иногда, второй ребенокъ; послѣ этого молодые переселяются на отдѣльную квартиру, заводятся своимъ хозяйствомъ и работа жены прекращается. Какъ объяснить такія сравнительно нормальныя условія семейной жизни рабочихъ въ Oldham'ѣ? Что касается прядильщиковъ, то объясненіе ясно само собою: зарабатывая въ среднемъ 35 шиллинговъ въ недѣлю, они не нуждаются въ заработкѣ жены. Не такъ ясна причина, почему въ Oldham'ѣ рѣдко работаютъ жены «card-room hands»: быть можетъ и для нихъ объясненіе кроется въ сравнительно высокихъ заработкахъ мужей (ср. 26 s. 4 d.), но возможно найти и другую причину, о которой мы упомянемъ ниже. Въ другихъ прядильныхъ округахъ работа женъ «card-room operatives», по словамъ эксперта Mullin, весьма обыкновенна: въ Ланкаширѣ, какъ мы знаемъ, есть мѣстности, гдѣ многіе «card-room hands» — мужчины получаютъ всего только 16 — 19 s. въ недѣлю; здѣсь вспомогательный трудъ жены является безусловною необходимостью.

Что касается районовъ бумаготкацкой промышленности, то всѣ показанія экспертовъ (Holmes, Birtwistle, Wilkinson) сводятся къ тому, что жены ткачей вынуждены пополнять своимъ заработкомъ заработки своихъ мужей. Ткачъ получаетъ въ среднемъ 20 s. въ недѣлю; по мнѣнію Birtwistle, такой заработокъ недостаточенъ для того, чтобы содержать «средняго размѣра семью въ состояніи средняго довольства». Выходя замужъ за ткача, ткачиха почти всегда остается на фабрикѣ, продолжая работать до тѣхъ поръ, пока не растутъ старшія дѣти и не замѣняютъ ее на работѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мать продолжаетъ работать и дальше, на-ряду съ матерью и дѣтьми, семья получаетъ уже возможность дѣлать значительныя сбереженія: отецъ и старшій сынъ или дочь зарабатываютъ достаточно для содержанія семьи; заработокъ матери откладывается про черный день. (Holmes).

Если таковы условія въ Ланкаширѣ, гдѣ заработки сравнительно высоки, то само собою разумѣется, что въ районахъ другихъ во-

докнистыхъ производствъ работа замужнихъ женщинъ должна быть еще болѣе распространеннымъ явленіемъ. «Жена рабочаго хлопчатобумажной промышленности имѣетъ обыкновенно меньшую необходимость работать на фабрикѣ, чѣмъ жена рабочаго шерстяной отрасли», говоритъ miss Abraham. По словамъ юреширскихъ экспертовъ, Drew и Ben Turner, при ничтожныхъ заработкахъ ткачей въ округахъ Bradford и Batley, ихъ жены продолжаютъ работать на фабрикѣ возможно долѣе; порою работаютъ даже матери многочисленныхъ семействъ. Представитель брадфорскихъ чесальщиковъ говоритъ: «очень многія замужнія женщины, какъ это ни грустно, работаютъ въ чесальняхъ; онѣ вынуждены работать вслѣдствіе недостаточныхъ заработковъ мужей».

Указавъ на распространенность фабричной работы замужнихъ женщинъ и на причину этого явленія, мы теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію его послѣдствій для семейной жизни рабочаго, поскольку объ этомъ имѣются данныя въ показаніяхъ свидѣтелей Коммиссіи Труда. Наиболѣе ясно выражается губительное дѣйствіе фабричной работы матерей на самыхъ маленькихъ, грудныхъ дѣтяхъ. Уходя рано утромъ на фабрику, мать обыкновенно вынимаетъ изъ постели спящаго ребенка, завертываетъ его въ шаль и относитъ къ какой либо старухѣ-нянѣжѣ, — «care-taker», у которой ребенокъ и остается до вечера, когда мать, возвращаясь съ работы, беретъ его домой. Таковъ самый обычный порядокъ какъ въ Ланкаширѣ, такъ и въ Юреширѣ. Въ фабричныхъ центрахъ уходъ за младенцами составляетъ особую профессію, носящую названіе «baby farming»; за услуги «care-taker» въ нихъ установилась даже опредѣленная рыночная плата. Въ Oldham эта плата очень высока: до 5 s. въ недѣлю за cadaго ребенка; этимъ быть можетъ отчасти объясняется, почему въ этомъ городѣ матери обыкновенно не работаютъ на фабрикахъ: если заплатить «care-taker» за двоихъ дѣтей 10 s., да еще за стирку бѣлья известную сумму, то женѣ не будетъ почти никакого расчета идти на фабрику: почти весь ея заработокъ уйдетъ на эти лишніе расходы. Безвыгодность фабричной работы матерей въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится дорого платить нянѣжкамъ, доказываетъ и брадфордскій экспертъ, Drew; онъ полагаетъ, что, въ такихъ случаяхъ, женщины работаютъ только по непониманію: вырученные 2 лишніе шиллинга далеко не могутъ вознаградить за то зло, которое вноситъ въ семейную жизнь отсутствіе матери. А какъ велико это зло, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры смертности младенцевъ (до 1 г., въ фабричныхъ городахъ, сообщенныя экспертомъ, докторомъ Tatham'омъ. Въ то время, какъ для 28 самыхъ большихъ английскихъ городовъ средняя смертность младенцевъ за девятилѣт. (1880—9) = 162 pro mille, цифры для нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ фабричныхъ центровъ были слѣдующія: Preston—220 p. m.; Blackburn—191 p. m.; Salford—183 p. m.; Manchester—178 p. m.

Oldham—171 p. m. Если бы изъ числа вышеупомянутыхъ 28 городовъ были исключены фабричные, то большая смертность младенцевъ въ этихъ послѣднихъ выступала бы еще рѣзче. Причину сравнительно большей смертности младенцевъ въ фабричныхъ городахъ д-ръ Tatham видитъ въ несоответственномъ питаніи и дурномъ уходѣ за дѣтьми, матери которыхъ работаютъ на фабрикахъ. Въмѣсто материнскаго молока, ихъ кормятъ чѣмъ попало; а въ дѣлѣ ухода, нянька, сосѣдка или старшая сестра,—сама еще ребенокъ,—конечно, далеко не могутъ замѣнить попеченія матери.

Это факты, конечно, не новые; они только лишній разъ подтверждаютъ то, что было извѣстно и ранѣе, и на что уже давно обратили вниманіе многія изъ европейскихъ законодательствъ, запрещающія работу матерей въ теченіе нѣсколькихъ недѣль послѣ родовъ. Примѣру этихъ законодательствъ, наконецъ, послѣдовала и Англія. Новый фабричный законъ (1891 года) воспрещаетъ работу женщинъ въ продолженіи 4 недѣль послѣ родовъ. По мнѣнію д-ра Tatham, это постановленіе закона можетъ только ослабить большую смертность младенцевъ, но оно еще далеко недостаточно для полного искорененія этого грустнаго явленія. Чтобы достигнуть цѣли, «нужно бы запретить работу матерей minimum на 6 мѣсяцевъ», но, конечно, оговаривается докторъ, выставляя такое требованіе, онъ стоитъ исключительно на медицинской точкѣ зрѣнія и не рассматриваетъ финансовой стороны вопроса, которая, несомнѣнно, представляетъ большія затрудненія.

Пагубное вліяніе фабричной работы матерей отражается не на однихъ только грудныхъ младенцахъ; отъ нея страдаютъ и дѣти сравнительно старшаго возраста «Фабричная работа матерей, говоритъ экспертъ Holmes, оказываетъ весьма серьезное вліяніе на дѣтей по мѣрѣ того, какъ они подростаютъ: лишеныя присмотра, они плохо посѣщаютъ школу, и вообще неизмѣримый вредъ наносится дѣлу ихъ воспитанія».

Эти пагубныя послѣдствія фабричной работы замужнихъ женщинъ въ настоящее время вполнѣ сознаются рабочими. По словамъ всѣхъ опрошенныхъ объ этомъ экспертовъ, рабочіе принципиально противъ работы своихъ женъ на фабрикахъ и только необходимость заставляетъ ихъ мириться съ этой работой; ни одинъ рабочий не посылаетъ свою жену на фабрику по доброй волѣ, когда дома остаются малыя дѣти; всякій предпочелъ-бы, чтобы жена оставалась дома, если-бы это было возможно. Но, если большинство рабочихъ, лишь сознавая зло, считаетъ его неизбѣжнымъ, то есть и такіе, которые не останавливаются передъ мыслью о законодательномъ аниченіи или запрещеніи труда замужнихъ женщинъ; въ глазь приверженцевъ такой реформы, заработокъ жены не уравнивается того ущерба, который наноситъ семьѣ отсутствіе хозяйки матери. По словамъ miss Abraham, за эту реформу стоитъ значительное число (a number) женатыхъ рабочихъ, которые на соб-

ственной семейной жизни испытали всё горькія послѣдствія фабричной работы жены. Такіе взгляды раздѣляются и нѣкоторыми фабрикантами. Та же miss Abraham сообщает о нѣсколькихъ работодателяхъ, которые изъ принципа не принимаютъ на свою фабрику замужнихъ женщинъ и не позволяютъ оставаться на фабрикѣ тѣмъ работницамъ, которыя выходятъ замужъ. Къ числу приверженцевъ идеи о законодательномъ ограниченіи фабричной работы замужнихъ женщинъ принадлежитъ и одинъ изъ экспертовъ въ Комиссіи Труда, именно представитель брадфордскихъ ткачей, Drew. На его показаніи стоитъ нѣсколько остановиться, такъ какъ онъ приводитъ въ пользу этой реформы новый аргументъ: по его мнѣнію, ограниченіе труда замужнихъ женщинъ вызоветъ увеличеніе заработной платы ткачей вообще и улучшить положеніе ткачей-мужчинъ въ особенности. Увеличеніе заработной платы явится слѣдствіемъ сокращенія предложенія рабочихъ рукъ, которое въ настоящее время сильно превышаетъ спросъ. Теперь, по словамъ Drew, благодаря избытку предложенія труда, фабрикантъ имѣетъ возможность понижать заработную плату до самаго низкаго уровня и онъ дѣйствительно рассчитываетъ плату такъ, чтобы только совокупность заработковъ цѣлой семьи, а не заработокъ одного отца, былъ достаточенъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей. Но мало того, что избытокъ предложенія труда понижаетъ заработную плату, — избытокъ труда женскаго вытѣсняетъ трудъ мужской. И въ ткацествѣ, и въ ческѣ шерсти женщины все болѣе и болѣе замѣщаютъ мужчинъ и лишаютъ ихъ работы. Поэтому Drew ожидаетъ самыхъ благотворныхъ послѣдствій отъ ограниченія труда замужнихъ женщинъ: черезъ уменьшеніе предложенія женскаго труда, расширится поле приложенія труда мужчинъ, и, такимъ образомъ, если семьи, съ одной стороны, лишатся заработковъ матерей, то съ другой онѣ будутъ за это вознаграждены улучшеніемъ заработковъ отцовъ.

Постепенное вытѣсненіе мужского труда женскимъ въ тѣхъ отрасляхъ, которыя издавна представляли ихъ общее поле дѣятельности, не составляетъ особенности Брадфорда, а является общимъ явленіемъ въ Йоркширѣ. Женщину-ткача въ большинствѣ случаевъ повсюду предпочитаютъ мужчинѣ: она работаетъ чище, аккуратнѣе, съ нею гораздо легче ладить; и вотъ мало по малу ткачество переходитъ въ руки женщинъ, и только тяжелые станки остаются на долю мужчинъ (Miss Abraham). Въ Huddersfield, гдѣ до сихъ поръ процентъ мужчинъ на ткацкихъ фабрикахъ былъ значительно больше, чѣмъ въ остальномъ Йоркширѣ, число женщинъ увеличивается въ быстрой прогрессіи, чему особенно способствуетъ то обстоятельство, что мужчины получаютъ тамъ высшую плату сравнительно съ женщинами за одну и ту же работу, и, такимъ образомъ, женскій трудъ является болѣе дешевымъ, болѣе выгоднымъ для фабриканта. Поэтому мужчинамъ отказываютъ въ работѣ. «Придетъ ткачъ заниматься, а ему говорятъ: «не того сорта, намъ нужно въ юбкахъ»;

и вотъ «десятки, сотни здоровыхъ мужчинъ, хорошихъ ткачей бродятъ безъ дѣла по улицамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщина, мать семейства, вынуждена работать на фабрикѣ для прокормленія семьи, въ то время, какъ мужъ ея, тоже ткачъ, сидитъ дома безъ работы». «Работа женщины—очень серьезный вопросъ (a very sore question) въ Huddersfield, говоритъ свидѣтель Downing... Въ особенноти, я желалъ бы поговорить о работѣ замужнихъ женщинъ. Я считаю позоромъ для человечества, чтобы замужнія женщины вынимали по утрамъ своихъ дѣтей изъ кровати, заворачивали ихъ и уносили, быть можетъ, за полъ-мили во всякую погоду къ нянькѣ, а сами шли на фабрику и въ концѣ концовъ занимали мѣста мужчинъ и выбрасывали ихъ на улицу... Мое мнѣнiе относительно работы замужнихъ женщинъ таково, что онѣ должны оставаться дома и смотрѣть за дѣтьми: дѣти были бы гораздо крѣпче, здоровѣе, и было бы меньше калѣкъ. Работать долженъ мужчина, а дѣло жены—заниматься своимъ домашнимъ хозяйствомъ».

Англійское фабричное законодательство, вообще значительно опередившее континентальныя, сильно отстало отъ нихъ въ одномъ пунктѣ. Между тѣмъ, какъ въ Европѣ дѣти поступаютъ на фабрику не ранѣе 12 (Россiя), 13 или даже 14 лѣтъ (Германiя, Швейцарiя), въ Англии до самаго послѣдняго времени они начинали работать съ 10-лѣтняго возраста и только съ 1 января 1893 года дѣйствуетъ новый фабричный законъ (Factory and Workshop Act 1891 г.), возвысившiй возрастъ поступления на фабрику до 11 лѣтъ. Въ то время, когда засѣдала Коммиссiя Труда, этотъ послѣднiй законъ находился какъ разъ на обсужденiи парламента, и вопросъ о повышенiи возраста для фабричной работы дѣтей былъ однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ англiйской общественной жизни. Поэтому Королевская Коммиссiя не могла не удѣлить этому предмету значительнаго вниманiя; многимъ экспертамъ задавался вопросъ, одобряютъ ли они предполагаемое (или только что состоявшееся) повышение возраста съ 10 до 11 лѣтъ, считаютъ ли они желательнымъ дальнѣйшее повышение до 12, 13 или 14 лѣтъ, и какъ они вообще смотрятъ на фабричную работу дѣтей моложе 14 лѣтъ. Какъ извѣстно, дѣти этого возраста работаютъ въ Англии по т. н. «half-time system», — «системѣ половиннаго времени», т. е. ихъ работа продолжается не цѣлый рабочiй день, а только полъ-дня, къ что одной смѣнѣ взрослыхъ рабочихъ соответствуютъ двѣ ѳны малолѣтнихъ. Такъ какъ эта «half-time system» дѣйствуетъ иерь и на нашихъ русскихъ фабрикахъ, съ тѣмъ только различiемъ, что у насъ по этой системѣ работаютъ дѣти немного постарше, жели въ Англии (12—15 лѣтъ, вмѣсто 10—14), то для насъ представляеть значительный интересъ узнать, каковы мнѣнiя англiчанъ къ этой системѣ дѣтскаго труда, которая господствуетъ у нихъ

уже полстолѣтїя, между тѣмъ какъ у насъ она введена сравнительно недавно. По своему отношенію къ фабричной работѣ малолѣтнихъ эксперты Коммиссии раздѣлились на два почти равносильные по численности и компетентности лагеря, и, противъ обыкновенія, это раздѣленіе не совпадало съ различіемъ въ общественномъ положеніи экспертовъ.

Поборниками фабричной работы дѣтей въ возрастѣ 10—14 лѣтъ и, тѣмъ самымъ, противниками повышенія возраста поступления дѣтей на фабрику явились: 1) представители ланкаширскихъ рабочихъ, за исключеніемъ одного только Birtwistle; 2) священникъ Williamson, президентъ союза джутовыхъ рабочихъ въ Дунди, съ мнѣніемъ котораго солидарны и всѣ члены этого союза, неоднократно обсуждавшіе этотъ вопросъ на общихъ собраніяхъ; 3) представители подмастерьевъ съ брадфордскихъ шерстопрядильнъ; 4) двое изъ фабричныхъ инспекторовъ: Beaumont и Osborn, и 5) фабриканты Forster и Walker.

Напротивъ, за ограниченіе фабричной работы дѣтей черезъ повышение возраста поступления на фабрику и, частью даже, за полную отмену «half-time system» стоятъ: 1) Th. Birtwistle; 2) представители юркширскихъ ткачей; 3) рабочіе льняной и джутовой промышленности небольшихъ шотландскихъ городовъ, Forfar и Brechin; 4) фабричный инспекторъ Prior; 5) хлопчатобумажный фабрикантъ Noble и, наконецъ, 6) эксперты—школьные учителя.

Доводы, приводимые за и противъ фабричной работы дѣтей во возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: къ первой группѣ принадлежатъ тѣ доводы, которые сводятся къ тѣмъ или инымъ убѣжденіямъ экспертовъ относительно вліянія фабричной работы на самихъ дѣтей,—на ихъ физическое, умственное и нравственное состояніе и развитіе; во второй группѣ доводовъ необходимость или цѣлесообразность работы дѣтей доказывается или, наоборотъ, отвергается на основаніи соображеній о значеніи этой работы для другихъ, экономическихъ, интересовъ, какъ то: интересовъ промышленности, интересовъ семействъ рабочихъ.

Несомнѣнно, что центръ тяжести всей аргументаціи долженъ лежать въ первой группѣ доводовъ: никакія соображенія экономическаго характера не могутъ служить оправданіемъ работы дѣтей, если работа эта оказываетъ губительное дѣйствіе на физическое, умственное и нравственное здоровье молодого поколѣнія; будущее не можетъ быть приносимо въ жертву настоящему.

Какое же вліяніе фабричной работы на англійскихъ дѣтей въ настоящее время? Пока дѣти поступали на фабрику съ 8-ми-лѣтняго возраста и работали столько же часовъ въ день, какъ и взрослые, пока была позволена ночная работа дѣтей, о вліяніи фабричной работы не могло быть двухъ мнѣній; но теперь дѣло другое: возрастъ поступления съ 1875 года повышенъ до 10 лѣтъ; продо-

жители дѣтскаго труда сокращена на половину противъ работы взрослыхъ; ночная работа запрещена совершенно. Поэтому вопросъ о вліяніи фабричной работы на малолѣтнихъ снова становится открытымъ вопросомъ: прежнія ужасающія описанія, которыя мы читаемъ, напримѣръ, въ книгѣ Энгельса, относятся къ эпохѣ, предшествовавшей изданію въ 1844 году закону Rob. Peel'a, которымъ была установлена «half-time system»; быть можетъ такіа описанія неприложимы болѣе къ настоящему времени?

Изъ всѣхъ экспертовъ, дававшихъ показанія о фабричной работѣ дѣтей, несомнѣнно наибольшую компетентность слѣдуетъ признать за школьными учителями, которые всю жизнь свою провели въ обученіи фабричныхъ и нефабричныхъ дѣтей и имѣли возможность постоянно сравнивать ихъ между собою. Комиссіей были допрошены двое изъ самыхъ опытныхъ учителей: одинъ изъ нихъ, Waddington, учительствуетъ въ Bolton и состоитъ секретаремъ такъ называемаго «Half-time Council of Teachers» (совѣтъ фабричныхъ учителей), къ которому принадлежатъ народные учителя Lancashire, Iorkshire, Cheshire, Derbyshire и проч. фабричныхъ графствъ. Другой учитель, Iones, — президентъ этого совѣта на 1891 годъ, его мѣстожительство Wyke, близъ Bradford'a, и показаніе его относится, главнымъ образомъ, къ іоркширскимъ шерстянымъ фабрикамъ. Въ виду полнаго согласія между показаніями обоихъ учителей, мы рассмотримъ ихъ совмѣстно.

Для поступленія на фабрику ребенокъ долженъ: во 1-хъ имѣть не менѣе 10 лѣтъ (съ 1 января 1893 г. не менѣе 11), во 2-хъ выдержать извѣстный школьный экзаменъ (Standart), который одинаковъ въ разныхъ округахъ и зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстнаго школьнаго совѣта и, въ 3-хъ, заручиться свидѣтельствомъ врача о пригодности къ фабричной работѣ. Ребенокъ, удовлетворяющій всѣмъ этимъ требованіямъ, поступаетъ на фабрику half-timer'омъ, т. е. онъ работаетъ не полный рабочій день, а только полъ-дня: другую половину дня онъ учится въ школѣ. Такъ продолжается до 13 лѣтъ; если въ 13 лѣтъ онъ выдержитъ другой экзаменъ, такъ называемый full-time standart, то онъ становится full-timer, т. е. получаетъ право работать цѣлый рабочій день; дѣти, не выдержавшія этого экзамена, остаются half-timer'ами до 14 лѣтъ, когда переходятъ въ full-timer'ы уже независимо отъ какой-либо школьной квалификации *). Въ противоположность «half-time standart», «standart» для «full-time» назначается не мѣстнымъ школьнымъ совѣтомъ, а министромъ и потому повсюду одинаковъ. Въ настоящее время этотъ Standart, по мнѣнію учителей, низокъ до смѣшного: многія дѣти достигаютъ его уже 10 лѣтъ; назначеніе низкаго Standart должно, конечно, имѣть своимъ результатомъ то, что почти всѣ дѣти переходятъ въ full-timer'ы тринадцати

*) Но требуется возобновленіе медицинскаго свидѣтельства.

лѣтъ. Итакъ, дѣти въ возрастѣ 10—13 лѣтъ полъ-дня проводятъ на фабрикѣ за работой и полъ-дня въ школѣ за учениемъ. Какъ же вліяетъ такое соединеніе работы съ учениемъ на *успѣшность школьныхъ занятій дѣтей*?

Учитель Waddington считаетъ совершенно ошибочнымъ мнѣніе, будто фабричныя дѣти проходить курсъ ученія нисколько не хуже другихъ учениковъ. По его словамъ, «требуется болѣе продолжительное время, чтобы приготовить къ извѣстному экзамену half-timer'a, чѣмъ ребенка, не работающаго на фабрикѣ; и очень часто half-timer'ы лишь едва-едва выдерживаютъ испытаніе (по своеобразнымъ и непереводаемымъ выраженіямъ Waddington, «grapes through, goes through by the skin of his teeth»). «Знанія, приобретаемыя half-timer'ами, говоритъ другой учитель, весьма элементарныя, далеко не такія, какъ знанія дѣтей, не работающихъ на фабрикѣ; покинувъ школу, они скоро забываютъ многое изъ того, что знали; умственное развитіе (mental training), приобретаемое ими въ школѣ, весьма незначительно; этихъ дѣтей, которыя приходятъ въ школу и сидятъ на однихъ скамьяхъ съ другими дѣтьми, гонять, а не учатъ, «пичкаютъ» для экзамена, а не воспитываютъ (driven, not taught; crammed, not educated)».

Такая малоуспѣшность школьныхъ занятій фабричныхъ дѣтей обуславливается не только тѣмъ, что они посвящаютъ ученію вдвое меньше времени, чѣмъ дѣти не работающія на фабрикѣ, но также и тѣмъ, что, проработавши утро на фабрикѣ, «half-timer'ы очень часто сидятъ послѣ обѣда въ школѣ утомленные, сонные; ихъ способность воспріятія понижена; они очень скоро «пресыщены» (saturated). «Когда даешь урокъ послѣ обѣда, говоритъ Waddington, то иногда замѣчаешь, какъ, несмотря на всѣ твои усилія, нѣкоторые даже изъ самыхъ лучшихъ учениковъ мало-по-малу засыпаютъ, особенно въ жаркую погоду». Утомленный видъ фабричныхъ дѣтей настолько бросается въ глаза, что, по словамъ Iones, по этому признаку можно сразу отличить ихъ отъ «денныхъ учениковъ» (day scholars); «они менѣе способны понимать ученіе, ихъ воспримчивость слабѣе». Оба учителя считаютъ абсурдомъ очень часто высказываемое мнѣніе, будто фабричная работа по half-time system «просвѣтляетъ» умъ ребенка, дѣлаетъ его болѣе воспримчивымъ къ ученію, что фабричныя дѣти вообще становятся подвижнѣе, живѣе (quicker, brighter and more alert), что ученіе для нихъ менѣе тягостно, болѣе приятно, чѣмъ для другихъ учениковъ. «Я слыжалъ чьи-то слова, говоритъ Iones, будто дѣти бѣгаютъ по фабрикѣ, какъ цыплята, такъ они веселы и счастливы; но я этого не наблюдалъ».

Причина, почему дѣти являются въ послѣобѣденный классъ утомленными, кроется не только въ утомительности утренней фабричной работы, но также отчасти и въ томъ, что дѣтямъ дается слишкомъ мало времени на обѣдъ и отдыхъ между фабрикой и школой: работа оканчивается въ 12¹/₂ часовъ, а въ 1¹/₂ уже на-

чинается учение. Такого промежутка, конечно, далеко недостаточно для того, чтобы, не торопясь, добраться до дому, отстоящему иной разъ на полторы мили отъ фабрики, поѣсть, умыться и придти въ школу. Дѣтямъ приходится очень сѣпшить и поэтому вполне понятно, что они являются въ классъ усталыя, а не освѣженные отдохомъ послѣ работы. Оба учителя жалуются на это обстоятельство, и Jones говорить, что онъ даже позволяетъ half-timer'амъ опаздывать въ школу на 25 минутъ, такъ какъ видитъ, что имъ невозможно успѣвать.

Но мало того, что фабричная работа препятствуетъ успѣшности школьныхъ занятій самихъ half-timer'овъ; присутствие этихъ послѣднихъ въ школѣ сильно тормазитъ учение другихъ, не фабричныхъ дѣтей, обучающихся съ ними совмѣстно, и образование всей школы страдаетъ отъ присутствія half-timer'овъ. Вся программа должна сообразоваться съ ихъ потребностями. Если-бы въ школахъ не было half-timer'овъ, то можно бы было, по словамъ учителей, значительно усилить преподаваніе, ввести новые въ высшей степени полезныя предметы, какъ, напр., руководіе, кулинарное искусство, домашнее хозяйство для дѣвочекъ, механику для мальчиковъ. При совмѣстномъ обученіи съ half-timer'ами этого сдѣлать невозможно: чтобы прибавить одинъ изъ этихъ предметовъ, пришлось-бы пожертвовать чѣмъ либо другимъ; такъ, въ Bolton школьный совѣтъ хотѣлъ ввести обученіе дѣвочекъ кулинарному искусству, для этого пришлось отказаться отъ географіи.—«Ради фабричныхъ дѣтей учителю приходится безпрестанно повторять то, что уже пройдено и усвоено другими учениками; такъ обр. въ классѣ идетъ постоянное повтореніе, совершенно не нужное для «денныхъ учениковъ», но необходимое для half-timer'овъ, которые не присутствовали на предъидущихъ урокахъ» (Jones). Поэтому учитель Waddington высказываетъ пожеланіе, чтобы half-timer'ы были отдѣлены отъ нефабричныхъ дѣтей и обучались въ другихъ, спеціально для нихъ назначенныхъ, школахъ.

Показанія учителей содержать въ себѣ далѣе нѣкоторыя любопытныя данныя относительно *вліянія фабричной работы на физическое здоровье и нравственность дѣтей.*

«Ранняя работа дурно вліяетъ на здоровье дѣтей, особенно дѣвочекъ, говорить Waddington; имъ приходится стоять цѣлый день, съ 6 ч. утра до 12¹/₂, за исключеніемъ полчаса, отъ 8¹/₂ до 9, когда они завтракаютъ. Я вижу у себя въ школѣ живыхъ и веселыхъ, краснощекихъ дѣтей; они ходятъ работать half-time. Впослѣдствіи я встрѣчаю ихъ на улицѣ, выросшихъ въ блѣдныхъ, желчныхъ молодыхъ женщинъ 16—17 лѣтъ. На прошлой недѣлѣ стрѣтилъ одну изъ самыхъ здоровыхъ и красивыхъ (one of the arttest) дѣвочекъ, изъ числа тѣхъ, которыя учились у меня года или 5 тому назадъ; теперь она выглядитъ совсѣмъ истощенной (the wornout), а ей только 16 или 17 лѣтъ». Это разрушитель-

ное дѣйствіе фабрики на здоровье сказывается, конечно, не сразу: на болѣе слабыхъ дѣтяхъ Waddington замѣчалъ перемѣну уже тогда, когда дѣти еще работали half time и продолжали посѣщать школу; но вообще нужно нѣсколько лѣтъ (2—3) фабричной работы, чтобы ея послѣдствія для здоровья выразились достаточно ясно. По словамъ другого учителя, Jones, работа на шерстяныхъ фабрикахъ менѣе вредитъ здоровью дѣтей, чѣмъ работа на хлопчатобумажныхъ, потому что на нихъ температура не такъ высока, и вентиляція лучше, но, вѣстаки, и здѣсь здоровье дѣтей страдаетъ.

Не менѣе пагубно отражается фабричная работа и на *нравственности* дѣтей. «Мальчики, поступившіе на фабрику, слишкомъ рано утрачиваютъ дѣтскій характеръ (the childlike ways of a child), усваиваютъ «мужскія манеры»; они становятся менѣе послушными, въ особенности по отношенію къ младшимъ учителямъ, и вообще поведеніе ихъ настолько мѣняется, что Waddington беретъ, не зная класса, черезъ нѣсколько дней отличить half-timer'овъ отъ денныхъ учениковъ по поведенію, подобно тому какъ Jones считаетъ возможнымъ отличить ихъ по восприимчивости къ ученію. Общее впечатлѣніе, какое выносишь, наблюдая на улицѣ по вечерамъ этихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, говоритъ Jones, подтверждаетъ мнѣніе, что они портятся нравственно. Это сказывается въ ихъ непристойномъ языкѣ, порочныхъ наклонностяхъ, въ неприличныхъ надписяхъ, которыя видишь на стѣнахъ и тротуарахъ и т. п. Вотъ каково убѣжденіе учителей относительно вліянія фабрики на нравственность малолѣтнихъ; всѣ учителя, съ которыми приходилось сталкиваться Waddington'у, отрицаютъ, чтобы фабричная дисциплина благотворно дѣйствовала на поведеніе дѣтей, какъ это было высказано передъ комиссіей однимъ свидѣтелемъ.

Считая, такимъ образомъ, фабричную работу дѣтей вредною въ интеллектуальномъ, физическомъ и нравственномъ отношеніи, учителя стоятъ за ея возможное ограниченіе; они сочувствуютъ новому закону, который повышаетъ до 11 лѣтъ возрастъ поступленія на фабрику, и желаютъ дальнѣйшаго повышенія возраста до 12 ти лѣтъ или даже полной отмены half-time system, такъ чтобы до 13-ти лѣтъ дѣти всецѣло принадлежали школѣ. Впрочемъ, эту послѣднюю реформу они считаютъ пока за *pium desiderium*, которое имѣетъ мало шансовъ на скорое осуществленіе.

Чтобы покончить съ показаніями учителей, приведемъ еще мнѣніе Waddington'a о необходимости двухъ нижеслѣдующихъ дополненій къ законамъ о работѣ малолѣтнихъ въ интересахъ ихъ физическаго здоровья. Во первыхъ, свидѣтель полагаетъ, что оди медицинское освидѣтельствованіе дѣтей при поступленіи на фабрику недостаточно; чтобы достигать цѣли, осмотръ врача долже повторяться періодически въ продолженіи работы, такъ какъ здоровье ребенка можетъ измѣниться. Не менѣе желательно, но, сожалѣнію, едва ли осуществимо въ настоящее время другое при

положеніе Waddington'a, чтобы въ зимнее время дѣти не начинали работы ранѣе 8-ми часовъ утра. «Я полагаю, говорить экспертъ, что очень жестоко заставлять этихъ малютокъ вставать съ постели зимою въ 5 часовъ утра. Я слышу, какъ онѣ проходятъ по утрамъ мимо оконъ моей спальни. Иногда я встаю и гляжу на нихъ. Онѣ плетутся по снѣгу полусонныя, протирая глаза». Какъ ни жаль дѣтей, но, всетаки, приходится согласиться съ предсѣдателемъ Коммиссіи Мунделлой, что желаніе Waddington'a невыполнимо, потому что прядильщики и ткачи, начиная работу въ 6 часовъ, не могутъ обходиться безъ подручныхъ, и такъ. обр. предписаніе закона, запрещающее дѣтямъ начинать работу ранѣе 8 часовъ, на практикѣ привело-бы лишь къ замѣнѣ малолѣтнихъ подростками.

Итакъ, мы видимъ, что показаніе учителей во всѣхъ отношеніяхъ крайне неблагоприятно для фабричной работы дѣтей; мнѣніе этихъ свидѣтелей тѣмъ болѣе цѣнно, что они являются не только наиболѣе компетентными, но и совершенно безпристрастными судьями въ этомъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе, невозможно ограничиться сообщеніемъ показаній учителей, такъ какъ они не остались безъ возраженій со стороны другихъ экспертовъ. Но прежде, чѣмъ излагать эти возраженія, приведемъ еще нѣкоторые факты и мнѣнія изъ показаній тѣхъ свидѣтелей, которые вполнѣ раздѣляютъ взгляды учителей.

Представители Йоркширскихъ ткачей, Drew и Ben Turner, высказываются за ограниченіе дѣтской работы, за повышеніе возраста поступленія на фабрику до 13 лѣтъ и за полную отмѣну half-time system; по ихъ словамъ, такого взгляда держится и большинство рабочихъ ихъ округовъ, какъ показали неоднократныя голосованія на митингахъ.

Раннее поступленіе дѣтей на фабрику, какъ говоритъ экспертъ Drew, вредитъ имъ и въ физическомъ и, особенно, въ нравственномъ отношеніи. На фабрикѣ мальчики и дѣвочки работаютъ вмѣстѣ; они слышатъ такіе разговоры старшихъ, какіе имъ было бы лучше не слышать, и черезъ это приобретаютъ порочныя наклонности. «Общее мнѣніе заботливыхъ матерей въ Йоркширѣ, что характеръ дѣтей радикально мѣняется съ ихъ поступленіемъ на фабрику: они становятся «грубы и вульгарны (coarse and vulgar)».

Подобно Йоркширскимъ ткачамъ, за уничтоженіе half-time system считать также союзъ рабочихъ джутовой и льняной промышленности Fofgar. Въ числѣ мотивовъ ихъ представитель приводитъ: низкій нравственный уровень half-timer'овъ, на который указываетъ мѣстный школьный совѣтъ; по заявленію этого совѣта, f-timer'ы имѣютъ дурное нравственное вліяніе на учениковъ той школы, помѣщающейся въ томъ же зданіи, 2) аттестаты f-timer'овъ значительно ниже средняго.

То-же возражаютъ на все вышесказанное защитники half-time

system? Они частью прямо отрицают вредное влияние фабрики на малолѣтнихъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, часть стараются доказать невозможность такого вреднаго влияния ссылками на характеръ и обстановку фабричнаго труда.

Такъ, фабричный инспекторъ Beaumont изъ Bradford'a говоритъ, что half-timer'ы, работающіе на брадфордскихъ фабрикахъ, числомъ отъ 8 до 9 тысячъ человѣкъ, имѣютъ «очень хорошій, здоровый видъ» (a very fine, healthy looking set of children), что ихъ успѣшность только на 10% уступаетъ успѣшности тѣхъ дѣтей, которые учатся* въ школъ цѣлый день, что, наконецъ, онъ не слышалъ никакихъ жалобъ на дурное нравственное влияние фабрики ни отъ родителей, ни отъ учителей. Поэтому свидѣтель сильно стоитъ за «half-time system» и полагаетъ даже, что въ его участкѣ не было никакой надобности въ возвышеніи возраста съ 10 до 11 лѣтъ.

Эти взгляды раздѣляетъ и другой инспекторъ, Osborn; онъ рассказываетъ, что, до своего поступленія инспекторомъ въ Ланкаширъ, онъ былъ предубѣжденъ противъ фабричной работы дѣтей, но внимательное и объективное наблюденіе на фабрикахъ и въ школахъ, которыя онъ также постоянно посѣщалъ, привело его къ заключенію, что дѣти не страдаютъ отъ фабричной работы ни въ физическомъ, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Osborn полагаетъ, что, на здоровье дѣтей фабричная работа не можетъ дурно вліять, во-первыхъ, потому что осмотръ врача служить достаточной гарантіей, чтобы дѣти физически слабыя не принимались на работу, и во вторыхъ, потому что работа дѣтей на фабрикахъ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, въ настоящее время очень легка. Что касается соединенія работы съ ученіемъ, то, по мнѣнію эксперта, оно не можетъ дурно отражаться на успѣхахъ дѣтей по той простой причинѣ, что дѣти такого возраста вообще не должны заниматься въ школахъ болѣе трехъ часовъ въ день. Болѣе продолжительное ученіе было бы бесполезно, такъ какъ тремя часами вполнѣ исчерпывается способность воспріятія ребенка. Въ силу всего этого, инспекторъ не соглашается съ показаніями учителей, не видитъ необходимости въ дальнѣйшемъ повышеніи возраста поступленія на фабрику и даже сомнѣвается, было ли цѣлесообразно уже состоявшееся, по закону 1891 года, повышеніе возраста съ 10 до 11 лѣтъ.

Вышеприведенныя показанія юреширскихъ экспертовъ, Drew и Ben Turner'a, относительно дурнаго нравственнаго влияния фабричной работы на дѣтей встрѣтили весьма рѣшительныя возраженія со стороны фабриканта Arnold'a Forster'a, и со стороны сограждан прядильныхъ подмастерьевъ въ Bradford'ѣ. Forster заявляетъ, что ему никогда не приходилось слышать о дурномъ нравственномъ влиянии фабрики на дѣтей; онъ полагаетъ, что такого дурнаго влияния и быть не можетъ, во-первыхъ, потому что ни на одной бл

устроенной фабрикѣ не допускаются неприличныя слова или неприличное поведеніе, во-вторыхъ, потому, что «на всѣхъ фабрикахъ, какъ благоустроенныхъ, такъ и неблагоустроенныхъ, всѣ заняты своею работою, дѣтямъ некогда разговаривать между собою или слушать разговоры старшихъ и, наконецъ, шумъ машинъ дѣлаетъ невозможными праздныя разговоры».—Еще рѣшительнѣе возстаютъ противъ мнѣнія о развращающемъ вліяніи фабричной работы представители союза прядильныхъ подмастерьевъ. Какъ блистатели благоучія на фабрикахъ, члены этого союза сочили себя оскорбленными заявленіями экспертовъ Drew и Turner и создали специальный митингъ, на которомъ было единогласно постановлено протестовать противъ показаній этихъ свидѣтелей. Представители союза подмастерьевъ отрицаютъ, чтобы фабричныя были болѣе «грубы и вульгарны», чѣмъ другіе представители рабочаго класса, или чтобы фабричная работа болѣе вела къ безнравственности, чѣмъ какая-либо другая; они утверждаютъ, что непристойныя разговоры, брань, «swearing» не допускаются на фабрикахъ: если «overlooker» (подмастерье) услышитъ бранное или неприличное слово, онъ тотчасъ дѣлаетъ замѣчаніе и даже, въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, удаляетъ виновнаго съ фабрики. Между прочимъ, экспертъ Drew указывалъ и на то, что сами подмастерья позволяютъ себѣ иной разъ грубое и непристойное обращеніе съ рабочими. Представитель «Managers and overlookers society» возражаетъ, что показаніе Drew было бы вѣрнѣе, если бы рѣчь шла о поведеніи подмастерьевъ лѣтъ 20 тому назадъ; но въ настоящее время свидѣтель не знаетъ такихъ директоровъ или подмастерьевъ, которымъ-бы онъ не рѣшился довѣрить собственныхъ дѣтей.

Вотъ главнѣйшія возраженія, высказанныя съ разныхъ сторонъ противъ показаній учителей и ихъ единомышленниковъ. Попытаемся нѣсколько оцѣнить силу этихъ возраженій и прежде всего коснемся тѣхъ логическихъ доводовъ, которыми пользуются защитники half-time system.

Инспекторъ Osborn считаетъ, какъ мы видѣли, достаточною гарантіею противъ вреднаго вліянія фабрики на здоровье дѣтей ихъ медицинскій осмотръ до поступленія на фабрику. Но слѣдуетъ замѣтить, что эта гарантія была-бы дѣйствительно достаточна, если-бы медицинскіе осмотры повторялись періодически въ продолженіи фабричной работы ребенка, что, какъ припомнимъ, предлагаетъ учитель Waddington, но, при настоящемъ положеніи вещей, ребенокъ, совершенно здоровый при поступленіи на фабрику, можетъ, несмотря на это, утратить здоровье на вредной работѣ. Далѣе Osborn ссылается на то, что работа дѣтей—легка; но оцѣнка работы съ этой точки зрѣнія—дѣло очень трудное; сужденія на этотъ счетъ будутъ всегда субъективны; такъ, припомнимъ, что Waddington уже одно стояніе дѣтей (особенно дѣвочекъ) втеченіе 6 часовъ подъ-рядъ считаетъ для нихъ очень тяжелымъ и вреднымъ.

Поэтому и этому доводу невозможно придавать большое значение.

Нельзя также согласиться съ Osborn'омъ, чтобы работа не мешала учению на томъ основаніи, что трехъ часовъ учения совершенно достаточно для дѣтей; какъ мы знаемъ, учителя объясняютъ малоуспѣшность half-timer'овъ не только тѣмъ, что они проводятъ въ школѣ меньше времени, чѣмъ другіе ученики, но также и тѣмъ, что въ послѣобѣденные часы они являются въ классъ утомленными.

Что касается, наконецъ, дурного вліянія фабрики на нравственность дѣтей, то, какъ намъ кажется, нельзя не признать значительной силы за доводами эксперта Arnold'a Forster'a. Зная, какъ бѣшено-быстро движутся машины на англійскихъ фабрикахъ, какого напряженнаго вниманія требуетъ наблюдение за этими машинами, нельзя не согласиться, что, во время самой работы, праздные разговоры едва-ли возможны, вполне допустимо также, что на благоустроенныхъ фабрикахъ преслѣдуется безнравственное поведение и непристойный языкъ. Но за всѣмъ тѣмъ, остается еще достаточно широкое поле для дурныхъ нравственныхъ воздѣйствій фабрики на малолѣтнихъ. Во-первыхъ, дѣти приходятъ въ соприкосновеніе между собою и со взрослыми не только во время самой работы, но также въ перерывы между работою, на пути съ фабрики и на фабрику; тутъ уже ничто не мѣшаетъ имъ болтать между собою и слушать разговоры старшихъ. Во-вторыхъ, по справедливому замѣчанію Мунделлы, не всѣ фабрики благоустроены; утвержденіе прядильныхъ подмастерьевъ, что члены ихъ корпораціи повсюду сами отличаются безукоризненнымъ поведеніемъ и всегда хорошо наблюдаютъ за поведеніемъ рабочихъ, несомнѣнно заходитъ слишкомъ далеко: въ Minutes of Evidence и въ отчетѣ miss Abraham имѣются даже показанія о стачкахъ, вызванныхъ неподозволительнымъ обращеніемъ подмастерьевъ съ женщинами, и та же miss Abraham сообщаетъ, что на многихъ фабрикахъ подмастерья дѣйствительно употребляютъ «разнузданныя и бранныя выраженія» (use loose and violent language), что оказываетъ вредное вліяніе, особенно на дѣтей. Третье важное обстоятельство, которому, по мнѣнію miss Abraham, совершенно справедливо приписывается безнравственность фабричныхъ дѣтей, заключается въ недостаткахъ устройства ретирадъ: на нѣкоторыхъ фабрикахъ ретирады общія для мужчинъ, женщинъ и дѣтей. М' Abraham полагаетъ, что, если бы были сдѣланы такія же новленія относительно устройства ретирадъ на фабрикахъ, какъ уже существуютъ для школъ, то въ нравственности дѣтей произошло бы большое улучшеніе.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что доводы защитниковъ half-time system, будучи отчасти справедливы, всега недостаточно сильны для того, чтобы подорвать наше довѣріе

показаніямъ учителей. Несравненно большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что двое изъ фабричныхъ инспекторовъ, на основаніи своего личнаго многолѣтняго наблюденія, отрицаютъ вредное вліяніе фабричной работы на дѣтей. Въ полномъ безпристрастіи этихъ экспертовъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, ихъ близкаго знакомства съ фабричною жизнью также невозможно отрицать и тѣмъ не менѣе ихъ показанія диаметрально противоположны показаніямъ учителей. Какъ это объяснить? Мы рѣшаемся высказать предположеніе, что разгадка этого противорѣчія кроется въ слѣдующемъ: фабричные инспектора, имѣя дѣло исключительно съ фабричными дѣтьми, быть можетъ, прилагаютъ къ нимъ абсолютное мѣрило и съ этой абсолютной точки зрѣнія не находятъ ихъ ни слабыми по здоровью, ни малоуспѣвающими по ученію, ни безнравственными по поведенію; напротивъ, учителя прилагаютъ къ фабричнымъ дѣтямъ относительный масштабъ: обучая ихъ въ школѣ совмѣстно съ другими дѣтьми, наблюдая ихъ до и послѣ поступленія на фабрику, они имѣютъ возможность, путемъ сравненія, гораздо яснѣе видѣть вредное вліяніе фабрики, которое, быть можетъ, ускользаетъ отъ вниманія другихъ наблюдателей, поставленныхъ въ менѣе благоприятныя условія наблюденія.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть вторую группу доводовъ, приводимыхъ за и противъ ограниченія дѣтскаго труда. Какъ мы видѣли, защитникамъ half-time system не удастся доказать безвредность фабричной работы для малолѣтнихъ; чувствуя свое безсиліе передъ противниками въ этой сферѣ доказательства, они переносятъ свою защиту въ область другихъ интересовъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ фабричною работой дѣтей. И здѣсь они, безъ сомнѣнія, находятъ болѣе твердую точку опоры. Правда, ихъ аргументы не новы; это все тѣ же аргументы, которые въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ систематически повторялись противниками фабричнаго законодательства при каждомъ новомъ шагѣ правительства на этомъ пути. Правда, до сихъ поръ мрачныя предсказанія не оправдывались; но тѣмъ не менѣе и теперь слышатся все тѣ же возраженія. Гдѣ причина такой ихъ живучести? Почему аргументы, не оправдавшіеся для прошлаго, не сданы давно въ архивъ, почему до сихъ поръ съ ними приходится считаться? Главная причина, конечно, та, что никто не можетъ а priori сказать, гдѣ лежитъ та граница, за которой извѣстныя законодательныя мѣры начинаютъ приносить болѣе вреда, нежели пользы... Но возгнѣмся къ показаніямъ экспертовъ.

Ограниченіе дѣтской работы встрѣчаетъ противниковъ не только изъ фабрикантовъ и инспекторовъ; къ числу противниковъ принадлежатъ также рабочіе хлопчатобумажной и джутовой промышленности. Изъ числа ланкаширскихъ экспертовъ-рабочихъ, которыхъ особенно подробно разсматриваютъ вопросъ и являются выраженіями не только своихъ личныхъ мнѣній, но и взглядовъ, господ-

ствующихъ среди ланкаширскихъ рабочихъ вообще, только одинъ известный Birtwistle, бывший делегатомъ Англии на Берлинской конференціи, высказывается за постепенное повышеніе возраста поступления на фабрику до 12 лѣтъ; остальные эксперты рѣшительно возражаютъ противъ повышенія возраста, мотивируя свою оппозицію интересами промышленности и семействъ рабочихъ. Они утверждаютъ, во-первыхъ, что отъ возвышенія возраста поступления дѣтей на фабрику *пострадаетъ хлопчатобумажное производство*. Для того, чтобы рабочіе достигали той ловкости, того искусства въ работѣ, которымъ они теперь отличаются, по убѣжденію ланкаширскихъ экспертовъ, безусловно необходимо, чтобы они начинали работать возможно ранѣе, когда пальцы еще очень нѣжны и гибки; если дѣти будутъ поступать на фабрику позднѣе 10 лѣтъ, никакое продолжительное обученіе не вознаградитъ ихъ за неприобрѣтенную своевременно подвижность пальцевъ, столь необходимую для обращенія съ тонкими нитями. (Mullin, Silk, Barker). Поэтому повышеніе возраста до 12 и, тѣмъ болѣе, до 13 или 14 лѣтъ нанесетъ непоправимый вредъ англійской промышленности: она не будетъ въ состояніи конкурировать столь успѣшно съ другими странами. Такой взглядъ ланкаширскихъ рабочихъ и ихъ представителей на значеніе возможно ранняго поступления на фабрику для искусства рабочихъ болѣе или менѣе разделяютъ брадфордскіе подмастерья по отношенію къ шерстяной промышленности и фабрикантъ Walker по отношенію къ джутовому производству.

Второй аргументъ противъ повышенія возраста заключается въ томъ, что *рабочимъ съ большими семьями будетъ трудно обходиться безъ заработка тѣхъ дѣтей, которыхъ законъ лишитъ права работать*. Обыкновенно рабочій съ большою семьею малолѣтнихъ дѣтей сильно бьется съ нуждою; онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда старшимъ дѣтямъ исполнится 10 (съ 93 года 11) лѣтъ, чтобы отдать ихъ на фабрику и имѣть нѣкоторое подспорье въ ихъ заработкѣ. «Если законъ повыситъ возрастъ съ 10 до 12 лѣтъ, тяжелый періодъ жизни семьи продлится двумя годами» (Holmes, Barker). «Повыситъ возрастъ для half-timer'овъ до 12 лѣтъ, говоритъ представитель брадфордскихъ подмастерьевъ, въ нашемъ районѣ очень трудно. Заработки родителей недостаточны для содержанія дѣтей до 12-лѣтняго возраста безъ ихъ вспомогательнаго труда». Поэтому свидѣтель считаетъ ошибкой состоявшееся уже ко времени его допроса повышеніе возраста до 11 лѣтъ и полагаетъ, что многимъ семьямъ будетъ очень тяжело прожить лишній годъ безъ дѣтскаго заработка; «бываютъ случаи, когда отецъ многочисленнаго семейства малолѣтнихъ дѣтей зарабатываетъ всего отъ 14 до 20 s. въ недѣлю. Понятно, какое существенное подспорье для такой семьи составлять лишніе 3 s. 6 d., заработанные старшимъ сыномъ или дочерью».

Такимъ образомъ, по утверженію этихъ свидѣтелей, нужда за-

ставляеть рабочихъ посылать дѣтей на фабрику возможно ранѣе, и, если законъ повысить возрастъ, то должно произойти одно изъ двухъ: либо семья будетъ терпѣть лишенія, либо матерямъ придется дольше оставаться на фабричной работѣ и, т. обр., ограниченная одно зло, законъ усилить, продлить другое, еще болѣе пагубное по своимъ послѣдствіямъ: работу матерей (эксп. Arnold Forster).

Таковы два главнѣйшіе аргумента, которыми хотять остановить законодателя на пути дальнѣйшаго ограниченія дѣтскаго труда. Несомнѣнно, что эти два довода далеко не одинаковой силы.

Что касается того, что искусство рабочихъ неминуемо должно пострадать, если дѣти будутъ поступать на фабрику не 10, а 12 или 13 лѣтъ, то нельзя не согласиться съ Birtwistle, что такое утверженіе заходить слишкомъ далеко; и Birtwistle, правда, признаеть, что для приобрѣтенія достаточной ловкости нужно начинать работать съ дѣтства; и онъ готовъ допустить, что дѣти, поступающія на фабрику 13, 14 или 15 лѣтъ, *послѣ того, какъ они уже пробыли нѣкоторое время на другой работѣ*, оказываются менѣе пригодными для ткачества; но онъ считаетъ преувеличеніемъ мнѣніе, будто работа дѣтей должна непременно начинаться съ 10 лѣтъ и 12—13-лѣтнія дѣти могутъ вполне постичь все искусство, лишь бы только пальцы ихъ не загрузѣли на какой либо другой работѣ, до поступления на фабрику. Мнѣніе Birtwistle раздѣляетъ и фабрикантъ Noble, а учитель Waddington говорить: «Конечно, это очень старый аргументъ, что палецъ ребенка въ высшей степени гибокъ, и что нѣкоторыя отрасли промышленности не могли бы существовать безъ ранняго обученія; но мы видимъ, что самыя маленькія дѣти не такъ скоро находятъ работу, какъ тѣ, которыя постарше; этихъ послѣднихъ предпочитаютъ, а въ Bolton'ѣ есть фабрики, которыя обходятся совсѣмъ безъ half-timer'овъ. Слѣдуетъ замѣтить далѣе, что тотъ же самый аргументъ приводился и въ 1875 году, при повышеніи возраста съ 8 до 10 лѣтъ, и, однако, искусство рабочихъ съ тѣхъ поръ нисколько не пострадало; наконецъ, въ другихъ европейскихъ странахъ, съ которыми приходится конкурировать англичанамъ, возрастъ поступления на фабрики въ настоящее время значительно выше, чѣмъ въ Англіи. На основаніи всего вышесказаннаго, едва ли можно ожидать серьезныхъ послѣдствій отъ ограниченія дѣтскаго труда для англійской промышленности».

Намъ остается рассмотреть второй аргументъ: въ защиту существующаго положенія вещей приводятся интересы семьи рабоче- о. Невозможно отрицать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самымъ кимъ изъ всѣхъ доводовъ сторонниковъ half-time system: несом- но, что для тѣхъ семей, гдѣ много малолѣтнихъ, заработокъ ршаго ребенка составляетъ важное подспорье, безъ котораго ѣтъ можетъ быть часто трудно обойтись. Аргументъ самъ по себѣ ѣнъ, но онъ одинаково приложимъ ко многимъ другимъ поста- ѣніямъ фабричнаго законодательства, которыя точно также

имѣютъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ уменьшеніе заработка семьи. Нельзя не пожалѣть рабочаго, заработокъ котораго уменьшается вслѣдствіе новаго закона, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что новый законъ не желателенъ. Цѣною извѣстныхъ лишений, быть можетъ и очень тяжелыхъ, но все же временныхъ, здѣсь покупаются здоровье и силы, правильное умственное и нравственное развитіе подростающаго поколѣнія. Все это слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы останавливаться на этомъ дольше. Такимъ образомъ, если даже и вѣрно, что только нужда заставляетъ рабочаго посылать своихъ дѣтей на фабрику въ столь нѣжномъ возрастѣ, то все-таки, и это не можетъ служить достаточнымъ доводомъ противъ повышенія возраста; вѣрно, что законъ причиняетъ здѣсь боль, но эта боль подобна той, которую причиняетъ рука хирурга, возвращающая здоровье больному. Нужно, чтобы операція сопровождалась возможно меньшею болью (и мы видимъ, что англичане такъ и стараются сдѣлать, не сразу, а постепенно повышая возрастъ), но избѣгнуть операціи нельзя.

Но сила приведеннаго аргумента еще болѣе ослабляется, если нужда семьи не играетъ на самомъ дѣлѣ такой исключительной роли въ работѣ дѣтей, какую ей приписываютъ представители рабочихъ. Это утвержденіе встрѣтило очень рѣшительныя возраженія со стороны школьнаго учителя Waddington'a. «Какъ показываетъ не только мой опытъ, но и опытъ другихъ учителей, въ дистриктахъ, гдѣ господствуетъ half-time system,—говоритъ Waddington,—бѣдность и half-time имѣютъ очень мало связи между собою; я вижу въ своей школѣ, что родители, посылающіе своихъ дѣтей на работу, вовсе не болѣе бѣдные... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, дѣло идетъ о кускѣ хлѣбѣ, но такихъ случаевъ очень, очень мало сравнительно съ числомъ тѣхъ, гдѣ трудъ дѣтей является роскошью (is a case of luxury)». Свидѣтель знавалъ даже одного плательщика подходящаго налога, который посылалъ своего ребенка на работу. «Недавно одно лицо изъ Glossop, имѣющее 150 L годового дохода, потребовало для своего 10-лѣтняго сына сертификатъ, чтобы онъ могъ поступить на фабрику». Одинъ прядильщикъ, дѣти котораго учатся у Waddington'a, зарабатываетъ постоянно по 2 L въ недѣлю и, все-таки, всѣхъ своихъ дѣтей, имѣющихъ право работать, онъ посылаетъ на фабрику: такимъ образомъ, изъ троихъ его дѣтей—двое half-timer'ы, и этотъ случай Waddington считаетъ типичнымъ, а не исключительнымъ. Причина, почему фабричная работа дѣтей столь обыкновенна въ Ланкаширѣ, заключается, по мнѣнію Waddington'a, вовсе не въ бѣдности родителей, а въ ихъ излишнее стремленіи къ сбереженіямъ. «Многіе изъ ланкаширскихъ рабочихъ—вооператоры; они становятся домовладѣльцами и должны выплачивать деньги, занятія на покупке дома; и очень часто они выплачиваютъ значительную часть этихъ денегъ изъ заработка; той. Такимъ образомъ, желая сдѣлаться домовладѣльцами, они слѣ-

комъ рано посылаютъ дѣтей на работу». Съ другой стороны, Waddington полагаетъ, «что многіе рабочіе посылаютъ своихъ дѣтей на фабрику, исключительно «по недомыслию» («for want of consideration»). Таковъ обычай; ребенокъ хочетъ идти на работу, а родители не видятъ ея пагубныхъ послѣдствій и позволяютъ ему идти».

Таково убѣжденіе Waddington'a. Если бы оно вполне соотвѣтствовало дѣйствительному положенію вещей, главный аргументъ защитниковъ half-time system былъ бы опровергнутъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ ланкаширскимъ рабочимъ. Но мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ Waddington сдѣлалъ слишкомъ смѣлое обобщеніе; мы знаемъ, что заработки разныхъ категорій ланкаширскихъ рабочихъ далеко не одинаковы: между прядильщикомъ, зарабатывающимъ 35 s. въ недѣлю, и женатымъ присучальщикомъ, получающимъ только 16 s.,—разница очень велика, и, если утвержденіе Waddington'a вполне вѣрно для прядильщика, то, съ другой стороны, оно едва ли приложимо къ ткачу, чесальщику или присучальщику. Подавно возраженіе Waddington'a не имѣетъ значенія для шерстяной промышленности Йоркшира или для районовъ джутового и льняного производства, гдѣ, какъ мы знаемъ, заработки много ниже, чѣмъ въ Ланкаширѣ. Итакъ, показаніе Waddington'a только суживаетъ поле приложенія разсматриваемаго нами аргумента: въ тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ ранній фабричный трудъ дѣтей дѣйствительно вызывается не нуждою, а «излишнею бережливостію» или «недомыслиемъ» родителей, не можетъ быть, конечно, никакого препятствія для повышенія возраста. Но во многихъ другихъ случаяхъ аргументъ, несомнѣнно, останется въ силѣ, хотя, какъ только что было указано, онъ самъ по себѣ еще недостаточенъ для того, чтобы остановить законодателя: онъ можетъ и долженъ лишь заставить дѣйствовать осторожно, постепенно, для того, чтобы благодѣтельная реформа сопровождалась въ настоящемъ возможно меньшими лишеніями для семействъ рабочихъ.

А. Зотовъ.

СТАРАЯ ДѢВА.

Романъ А. Ф. Гольдворсъ.

(Съ англійскаго).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Апоѳеозъ Христины.

Дѣто пришло къ концу, прежде чѣмъ Христина очутилась въ Хатчѣ. Джоанна приняла ее отъ Боаса, какъ нѣкій священный залогъ, и ввела ее въ домъ съ такою торжественностью, что дѣвочка сразу испугалась и возмутилась противъ распоряженій Боаса.

Сырой и мрачный домъ не понравился ей, и глаза ея забѣгали по стѣнамъ, какъ у птицъ въ клѣткѣ. Джоанна встрѣтила ее привѣтливо, хотя серьезно, и повела по дому, безсознательно показывая, какъ въ немъ однообразно и скучно. Сердце Христины рвалось на части, но она сжала губы и ничѣмъ не выразила своихъ ощущеній.

Она искренно стремилась къ лучшему и, боясь Боаса, соображала, какъ бы сдѣлать сносно эту смерть заживо, на которую онъ ее обрекъ. Во всемъ домѣ ей понравилось лишь одно: гостиная г-жи Крэнъ; но съ болью въ сердцѣ она замѣтила, что двери этой комнаты по большей части заперты.

Переходъ изъ самыхъ блестящихъ кварталовъ Лондона въ самые мрачные былъ бы для нея не менѣе рѣзокъ, чѣмъ переходъ изъ этой гостиной въ комнату экономки, гдѣ сидѣла въ полумракѣ м-съ Сайксъ, похожая на челоуѣкообразнаго паука, поджидающаго свою жертву.

— Вотъ моя маленькая прислужница, Христина Доу, — сказала Джоанна, входя. — Поручаю ее вамъ, м-съ Сайксъ, и прошу научить ее шить, вести счета и, вообще, быть полезной.

Она поможетъ вамъ варить варенье или дѣлать еще что нибудь не очень трудное. До свиданья, Христина. Будь доброй дѣвочкой и слушайся м-съ Сайксъ.

Она кивнула дѣвушкѣ и вышла, желая забыть отчаянный взглядъ, который кинула ей та. Смѣлая красота Христины какъ бы затмилась; ужасъ и протестъ выражались на милостивомъ личикѣ, которое когда то привлекло сердце Джоанны.

Джоанна вернулась въ приемную, но и тамъ не могла успокоиться. Вездѣ ей мерещились полные упрека глаза и жалобно опущенные углы рта. Она стала ходить взадъ и впередъ, силясь подавить предосудительное стремленіе къ обществу этой дѣвушки. Она была такъ одинока и ей доставило бы такое удовольствіе присутствіе существа молодого, полного жизни. Но она полагала, что это не годится. Какъ бы симпатична ни была Христина, слѣдовало соблюдать приличія и не забывать разницы общественнаго положенія. Нельзя было сразу перенести ее изъ трущобы въ гостиную. Никакъ нельзя. Общественное мнѣніе воспрещало подобное беззаконіе и нарушеніе своего кодекса морали.

Впрочемъ, наклонная къ лжеумудрованію Джоанна вспомнила о болѣе рѣзкомъ переходѣ и нашла, что разстояніе между крестомъ и раемъ значительнѣе, чѣмъ между трущобою и гостиною.

Присутствіе Христины въ Хатчѣ совершенно лишило Джоанну покоя. Она не могла ни за что приняться и только ходила по дому, причемъ ее все тянуло въ комнату экономки, гдѣ блѣдная, молчаливая дѣвушка сидѣла безропотно, но съ такими жалкими глазами, что они преслѣдовали Джоанну вездѣ.

Она не могла не чувствовать ихъ нѣмого вопля, сливавшегося съ призывомъ ея собственной души, которая желала присутствія Христины. Въ это время она особенно сильно чувствовала свое одиночество, потому что сестры, въ отместку за ея объявленіе независимости, перестали навѣщать и приглашать ее. Воскличаніе г-жи Крэнъ: «пріемышъ» звучало у нея въ ушахъ и тоже говорило въ пользу Христины. Въ самомъ дѣлѣ, отчего не взять ее вмѣсто дочери и не установить вѣжную связь близости и общей жизни?

Прошедшее Христины, то дурное, о чемъ говорилъ Боасъ, е смущало ее. Ея чистота дозволяла ей не отворачиваться и рощать тамъ, гдѣ менѣе безупречныя женщины удалились бы словомъ осужденія. То зло, которое вызвало бы въ нихъ обращеніе, пробудило въ ней женственную вѣжность и сострачаніе. Она хотѣла стать сестрою для падшихъ и стремилась дать имъ руку помощи.

Въ Христинѣ она видѣла не грѣшницу, а жертву, которую

сгубили бѣдность и обстоятельства. Считая себя избранной для помощи ей, она готовилась къ этому дѣлу.

Но дни проходили, а система, которую она примѣняла, не вела къ добру. Покорность Христины перерождалась въ неповиновеніе. Она возненавидѣла м-съ Сайксъ и не скрывала своей ненависти; а жалобы экономки становились все громче и чаще.

Джоаннѣ приходилось разбирать ихъ, но она не могла выносить вида блѣдной, унылой дѣвушки, молча принимавшей ея выговоры. Ей легче было бы обуздывать ту дерзкую, порывистую дѣвочку, которая была ей представлена въ конторѣ г-на Боаса. Такое положеніе вещей дѣлало ее просто несчастной; но она боялась довѣриться своимъ влеченіямъ по отношенію къ Христинѣ. Однажды вечеромъ, когда она шла къ себѣ, навѣстивши одну изъ работницъ, которая заболѣла, Джоанна услышала шумъ изъ комнаты Христины и обратила на него вниманіе. Сначала она въ нерѣшимости постояла у двери, затѣмъ вошла. Христина лежала въ постели, и вся кровать тряслась отъ ея рыданій. Джоанна присѣла рядомъ.

— Христина, дитя мое, о чемъ ты горюешь?

— ... не горюю!—послышалось изъ-подъ простыни.

— Что съ тобой, милая? Ты несчастлива?

— Да, я несчастлива!—воскликнула Христина съ силою, вдругъ вскакивая и открывая опухшее отъ слезъ лицо. — Я хуже, чѣмъ несчастлива... Я... Я не могу больше выдержать. Мнѣ все равно, что скажетъ г. Боасъ. Я не останусь съ этой женщиной. И вы не остались бы на моемъ мѣстѣ. Отъ нея трава завянетъ. И цѣлый день сидѣть съ ней взаперти! Я привыкла не къ такой жизни! Ужъ лучше буду дурная, чѣмъ такая, какъ старуха Сайксъ. Я уйду. Предупреждаю васъ, потому что вы были добры ко мнѣ и я васъ люблю. Я уйду завтра утромъ.

— Куда жъ ты пойдешь, Христина?

— А? Да не знаю. Пожалуй, къ Неллѣ и другимъ,—отвѣтила она беззаботно.

— А что скажетъ г. Боасъ?

Лицо дѣвушки нахмурилось и стало мрачнымъ и унылымъ.

— Не знаю, да и все равно. Онъ больше не захочетъ знать меня, да мнѣ все равно.

Она отвернулась, чтобы скрыть слезы, которыхъ не могла сдержать; но эти слезы заставили Джоанну рѣшиться.

— Христина,—сказала она,—а не хочешь ли ты остаться со мною, жить въ моихъ комнатахъ и быть моею маленькою подружкой?

Дѣвочка подняла удивленный взоръ, причемъ остановившіяся слезы засверкали у нея на глазахъ. М-съ Сайксъ убила г

ней тѣ честолюбивыя мечты, которыя возникли было въ конторѣ г. Боаса, но слова Джоанны вновь воскресили ихъ.

— Жить съ вами и быть барышней?!—вскричала она.

— Да, милая.

— И чтобы прислуга служила мнѣ?

— Да... да, Христина.

— И весь день сидѣть въ гостиной?

— Да, если захочешь.

— И носить платья такія же, какъ у васъ, и ѣздить въ коляскѣ?

— Да. Вотъ видишь, если ты станешь моей компаньонкой, то тебѣ придется дѣлать все то же, что и я. Хочешь попробовать и остаться?

— Мой Богъ! Конечно, хочу, хоть бы затѣмъ, чтобы взбѣсить старуху Сайкесъ!

Джоанну почти разсмѣшили этотъ быстрый переходъ отъ отчаянія къ возбужденію и надеждѣ.

— Но я не хочу, чтобы ты оставалась ради этого, Христина,—сказала она, подавляя смѣхъ; она чувствовала себя счастливою при мысли, что спасетъ Христину отъ возвращенія «къ Неллѣ и другимъ». — Я хочу, чтобы ты полюбила все доброе и прекрасное.

— Да я и такъ люблю и цвѣты, и деревья, и птицъ, и зеленныя лужайки; только мнѣ и взглянуть на нихъ не давала эта старая вѣдьма.

— А если тебѣ дать свободу гулять сколько угодно, будешь ли ты счастлива и довольна?

— Можетъ быть. Какъ ни какъ, попробую. И не убѣгу, не сказавшись вамъ.

Джоанна обняла дѣвочку и привлекла ее къ себѣ:

— О, милочка! У меня совсѣмъ никого нѣтъ, и я люблю тебя. Если ты останешься у меня и постарайся полюбить меня хоть немножко...—Затѣмъ наступила длинная пауза. Христина схватила руку Джоанны и съ увлеченьемъ стала цѣловать ее.

— Никто не любилъ меня съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ. Когда вы говорите, что меня любите, я готова цѣловать вамъ ноги.

Слѣдующая недѣля была полна и ужаса, и прелести для Джоанны. Новое положеніе сдѣлало Христину такою, какъ она была прежде, только въ смягченномъ видѣ, и ея смѣлость, чистота, красота стали источникомъ наслажденія для Джоанны, которая все еще мучилась сомнѣніемъ, хорошо ли она поступила.

Дѣвочка самыми неожиданными уловками выражала ей свою тѣсноту, внезапно пускалась въ грустныя изліянія, или

вдругъ начинала такъ мило ласкаться, что сразу плѣняла сердце Джоанны.

Миссъ Трэлъ мало по малу переставала сомнѣваться въ собственной премудрости и отдавалась наслажденію быть любимой такъ, какъ любило ее это дитя съ мягкими, нѣжными, ласковыми руками. Но изліянія она прекращала. Ей не хотѣлось больше знать о прошедшемъ Христины и казалось совершенно излишнимъ, чтобы и сама она вспоминала о немъ.

— Милая,—говорила она, — давай, похоронимъ прошлое. Ты должна помнить о немъ, чтобы стремиться къ добру; но мы, знающіе твою жизнь, г-нъ Боасъ и я, мы забудемъ его и никогда никому не скажемъ.

Джоаннѣ было не трудно забыть о прошедшемъ Христины, въ которой вскорѣ невозможно стало узнать своенравную и необузданную дѣвочку, представленную ей г-номъ Боасомъ, или мрачную, унылую помощницу м-съ Сайксъ.

Она была покорна и нѣжна, весела и забавна, смѣла и робка, полна прелести и противорѣчій. Совершенно новое для нея удовольствіе гулять и кататься по окрестностямъ вмѣстѣ съ Джоанной доставляло ей полное счастье. Она была въ восторгѣ отъ перемѣны образа жизни, а щедрость Джоанны соотвѣтствовала наклонности дѣвочки къ роскоши. Лакомый столъ, свѣжестъ и бѣлизна маленькой спальни, куда ее переселили, приспособленіе ежедневнаго времяпрепровожденія къ ея желаніямъ вполнѣ соотвѣтствовали ея понятіямъ о благополучіи... Она съ восторгомъ принимала услуги и тайнѣ торжествовала надъ м-съ Сайксъ, наслаждаясь любовью Джоанны. Она была неглупа и сразу подмѣтила, что стала средоточіемъ жизни Джоанны; это ее обрадовало и открыло безконечныя перспективы ея честолюбію.

Въ первые дни по своемъ освобожденіи она, разумѣется, не скучала. На другое же утро послѣ своего повышенія, она проплясала по всему дому и затѣмъ цѣлый часъ ликовала, убирая гостиную цвѣтами. Она была такъ рада, что Джоанна простила сестрамъ ихъ работу, видя, какъ она правится Христинѣ. Затѣмъ, она проплясала по лужайкѣ, какъ настоящая фея, и вернулась съ вѣнкомъ изъ осеннихъ листьевъ на головѣ, отчего у Джоанны вдругъ навернулись слезы.

Да правда ли это? Возможно ли, чтобы это беззаботно дитя знало нужду, и грѣхъ, и стыдъ, весь мракъ мрачнѣйшихъ трущобъ Лондона?

Недѣлю спустя, она поймала лошадь и безъ сѣдла поскакала на ней вокругъ усадьбы. Джоанна задрожала отъ страхъ и едва дошла до порога, откуда всякими знаками, наконецъ, остановила бѣшеную скачку Христины.

Та тотчасъ соскочила на землю и съ милою ласкою подбѣжала къ Джоаннѣ.

— Вы поблѣднѣли и дрожите; чего вы испугались?—проговорила она, задыхаясь.—Господи Боже! Да неужели вы думали, что меня ушибетъ такая глупая старая кляча?

— Но, милая, какъ это возможно? Родилась и воспиталась ты въ Лондонѣ. Какъ же тебѣ управиться съ лошадыю, да еще безъ сѣдла?

Христина засмѣялась, наслаждаясь тревогою миссъ Трэлъ.

— Мой Богъ! Тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Моя бабушка, французенка, была наѣздницей въ циркѣ, да и мать до замужества служила у Сенгера въ циркѣ. Значить, я пошла въ нихъ. Посмотрѣли бы вы, какъ я представляю моряка на ослѣ, который ѣдетъ въ Дерби.

Джоанна отступила, пораженная, но скоро опомнилась и сообразила, что не слѣдуетъ удивляться подобнымъ выходкамъ. А Христина глядѣла на нее веселыми глазами.

— Вы видите, что я цѣла. Позвольте же мнѣ еще поѣздить,—сказала она съ живостью.

Джоанна покачала головою, но видя, что лицо дѣвочки омрачается, отвѣтила:

— Только съ сѣдломъ. И пусть тебя проводить Дэвисъ.

— Дэвисъ? О! это—конюхъ. Что-жь, онъ видный парень. И онъ *умѣетъ* ѣздить! Пойти позвать его?

— Нѣтъ, мой другъ; на этой лошади я не пушу тебя. Но у насъ есть пони на хуторѣ; его приведутъ сюда въ будущемъ мѣсяцѣ, и я подарю его тебѣ, чтобы тебѣ кататься на немъ, когда захочешь.

— Пони! Мнѣ! Мой Богъ!

Христина разинула ротъ и умолкла. Затѣмъ ея лицо вытянулось и стало грустнымъ.

— Не стоитъ его и дарить мнѣ, — пролепетала она. — Я подлая была! И не дарите. Не за что.

Джоанна погладила ее по головѣ и нѣжно заглянула въ сконфуженные глаза.

— Будетъ за что, Христина. Ты будешь стоять всего, самаго лучшаго и высокаго въ жизни, или постарайся стоять, не правда ли?

Христина поймала руку Джоанны и прижала ее къ груди.

— О! я хочу, хочу быть хорошей! — воскликнула она. — Вложите меня такую, какъ вы сами и г. Боасъ.

На другой день онѣ поѣхали въ Суттонъ и все утро проѣхали по лавкамъ. Джоанна думала, что не сойдется во вкусъ съ Христиною, но ошиблась. Дѣвочка съ удовольствіемъ сматривала яркія красныя и синія матеріи, однако, охотно сошлась взять болѣе скромныя цвѣта, выбранныя Джоанной, и

безъ возраженій смѣнила на простенькую шляпку то мудреное сооруженіе со множествомъ перьевъ, которое было у нея на головѣ. Со старой шляпою она разсталась, но ничто не могло убѣдить ее пригладить челку.

Эти тревоженія, примѣрка и привозъ домой платьевъ заняли нѣсколько недѣль.

Потомъ разъ пошелъ дождь. Джоанна сидѣла у экономки и подсчитывала расходъ за недѣлю. Она была блѣдна и казалась утомленною, такъ какъ имѣла небольшое столкновеніе съ Христиною по поводу ученія. Миссъ Трэлъ поправила нѣкоторыя ошибки въ рѣчи дѣвочки и намекнула, что недурно бы пригласить учителей для правильныхъ занятій, а Христина возмутилась и до тѣхъ поръ дулась, ныла и ласкалась, пока Джоанна, ради спокойствія и мира, не оставила этотъ вопросъ безъ разрѣшенія и не удалилась во владѣнія м-съ Сайксъ для отдыха послѣ битвы. Христина, предоставленная самой себѣ, прошлась по комнатамъ и прижалась носомъ къ стеклу окна, откуда видна была неутѣшительная картина.

Дождь лилъ со зловѣщимъ и настойчивымъ однообразіемъ, угнетавшимъ ея душу. Она не понимала величественной красоты осенняго дожда и видѣла въ немъ лишь врага, разлучающаго ее съ вишнимъ міромъ, который она любила и который дѣлалъ для нея сносною монотонную жизнь въ Хатчѣ. Она побарабанила по стеклу и нетерпѣливо топнула ногою.

Какъ ей ненавистенъ былъ этотъ пасмурный день!

Взглядъ ея обратился на комнату. Здѣсь было еще пасмурнѣе. Картины, книги, мебель—все утопало во мракѣ. Ее охватило страстное стремленіе къ шуму и суетѣ лондонскихъ улицъ, и брови сдвинулись отъ внезапной мысли. Благовоспитанность начинала надѣдать ей. Оказывалось, что почетное положеніе въ обществѣ налагаетъ на человѣка обязанности. Отчего же не убѣжать отъ этой смертной скуки и не вернуться къ прежнему развеселому житью? Смѣлость этой мысли возкинула ее, но только на минуту. Она еще не пресытилась прелестями Хатча, а грязь и грѣхъ, составлявшіе плату за былое веселье, были ей противнѣе, чѣмъ когда либо.

Къ тому же, на слѣдующей недѣлѣ ожидалось прибытіе пони. Нѣтъ, она не убѣжить; но необходимо какъ нибу развлечься.

Она подошла къ книжнымъ полкамъ и выбрала книжку. Это былъ романъ, довольно легкій и интересный, чтобы и часъ времени занять даже ее. Она усѣлась на окнѣ и стала читать. Но черезъ нѣкоторое время и это надобло.

Со вздохомъ отвращенія она бросила книгу и вскочила на ноги.

Она пойдетъ въ конюшню разговаривать съ Дэвисомъ. Глаза ея коварно запрыгали, когда она представила себѣ, въ какой ужасъ придетъ миссъ Трэль отъ этой выходки.

Ей хотѣлось огорчить ее; она не простила Джоаннѣ, что та нашла нужнымъ ученье для нея, которую въ трущобахъ считали ученой и настоящей барышней,—для нея, у которой отецъ былъ школьный учитель! Да, конечно, забавно будетъ поболтать съ конюхомъ. Она ускользнула изъ дому и быстро побѣжала по мокрой мшистой тропинкѣ въ конюшню, гдѣ Дэвисъ, посвистывая, чистилъ сбрую.

Это былъ человекъ солидный, служившій у полковника Смердея съ самаго дѣтства. Джоанна всегда къ нему благоволила и съ удовольствіемъ оставила у себя по смерти дяди.

Собою онъ былъ, дѣйствительно, недурень, и Христина, которой прискучило женское общество и хотѣлось переменъ, раза два пыталась заговаривать съ нимъ. Но попытки эти были напрасны. Дэвисъ слишкомъ хорошо зналъ свое мѣсто, чтобы вступать въ бесѣду съ воспитанницей своей госпожи.

Впрочемъ, про себя, онъ таки думалъ кое-что о ея манерахъ и воспитаніи и подвергалъ ее критикѣ въ присутствіи прочихъ слугъ, которые всѣ были недовольны переменною ея судьбы и согласны въ томъ, что она—не барышня, а только дурачить хозяйку.

Онъ отвѣчалъ на ея вопросы такъ неохотно, что Христина нашла свою выходку ничуть не забавною и уже собралась домой. Къ несчастію, въ эту самую минуту она увидѣла, что миссъ Трэль торопливо идетъ къ ней изъ сада.

Съ единственной мыслью такъ напроказничать, чтобы покорило ея покровительницу, дѣвушка осталась на мѣстѣ, фамильярно продолжая свою болтовню. Когда она увидѣла, что Джоанна просто въ отчаяніи, ей стало ея жаль; однако, глаза ея смѣялись, когда она пошла домой вслѣдъ за нею.

Джоанна сначала выразила свое неудовольствіе молчаніемъ.

— Считается неприличнымъ, чтобы барышня находила удовольствіе въ обществѣ конюха,—сказала она наконецъ.

— Я не барышня,—вызывающе возразила Христина.

— Разъ ты живешь со мною, то обязана вести себя, какъ благовоспитанная дѣвица,—храбро отвѣтила Джоанна, прямо глядя въ загорѣвшіеся при ея замѣчаніи глаза.

Но смущеніе ея было велико и его ничуть не уменьшили азанныя нѣсколько позже слова м-съ Сайксъ, которая, разиѣтая, не была довольна переменѣнцемъ Христины въ гоню.

— И право, сударыня, Дэвисъ очень радъ, что вы видѣли, какъ миссъ Доу разговаривала съ нимъ сегодня. Ужъ я ни-какъ, никогда не скажу ни слова противъ тѣхъ, къ кому вы

внимательны, барышня; только, барышня, ужъ и Джэнтъ говорить, какіе глазки строить молодая барышня Дэвису, такъ это ужасъ! А онъ — почтенный человѣкъ, даромъ что франтъ.

Эти слова запали Джоаннѣ въ душу.

Христина дулась и капризничала, страдая отъ признанія своей вины, но изъ гордости не извиняясь въ ней. Къ Джоаннѣ она отнеслась грубо и дерзко и объявила ей, что намѣрена убѣжать; та, въ нервномъ страхѣ, что дѣвочка исполнить угрозу, телеграфировала Боасу, призывая его на помощь.

Она чувствовала, что не обойдется безъ поддержки въ борьбѣ со старой закваской въ Христинѣ и мучилась вплоть до полученія отвѣта.

Дрожащими руками вскрыла она телеграмму, но страхъ ей разбѣялся, когда она прочла:

— Обѣдаю у васъ въ семь. Привезу пріятеля. Боасъ.

Эти слова сняли бремя съ ея души. Она тотчасъ успокоилась и почувствовала себя готовою на что угодно. Теперь, зная, что Боасъ пріѣдетъ, она поняла, что выказала трусость, призвавъ его при первомъ же затрудненіи; она даже хотѣла было отклонить его посѣщеніе, но ее удержала боязнь показаться негостеприимною.

Впрочемъ, вѣдь было естественно, что она не сразу приобрѣла самоувѣренность, необходимую въ ея положеніи. Она такъ долго опиралась на сестеръ, что ей все еще нуженъ былъ костыль. А имѣть опору г-на Боаса придавало, какъ ей казалось, видъ достоинства ея безпомощности. Мысль, что она увидитъ его сегодня вечеромъ, вызывала краску возбужденія на ея щеки. Но тревога за дѣвочку не покидала ее и, съ оживленіемъ на лицѣ, она пошла ее разыскивать.

Между тѣмъ ея неудовольствіе усилило подѣйствовать на Христину. Той показалось непріятнымъ быть удаленной съ глазъ Джоанны и видѣть торжествующіе взгляды м-съ Сайксъ и дворни, знавшей, что она попала въ немилость.

Двухъ часовъ уединеннаго размышленія оказалось достаточно, чтобы она начала упрекать себя за огорченіе, причиненное миссъ Трэлъ. Кромѣ того, она не могла быть увѣрена въ неистощимости терпѣнія своей покровительницы и, несмотря на свою угрозу, вовсе не желала вернуться въ городъ, не покатавшись на пони.

Но болѣе всего она боялась г. Боаса. Покинувши Хатчъ, она ужъ не рѣшилась бы взглянуть ему въ глаза. Она отлично знала, что этимъ убьетъ въ немъ всякую благосклонность, и слишкомъ дорожила его хорошимъ мнѣніемъ, чтобы рискнуть его лишиться.

Поэтому, когда Джоанна вошла въ гостиную, она нашла

Христину закутанную въ коверъ, прижавшуюся къ ножкѣ стула въ стилѣ Людовика XIV и въ горькихъ слезахъ.

— Милая! Христина! Что такое?—съ дрожью въ голосѣ спросила Джоанна.

Сообразительная дѣвочка сразу подмѣтила въ ея тонѣ отсутствіе упрека. Бояться было нечего. Случись это нѣсколько ранѣе, она не преминула бы воспользоваться своимъ преимуществомъ; но сношенія съ Джоанной пробудили дремавшее въ ней чувство благородства, и она ничего не предприняла въ этомъ смыслѣ.

— Мнѣ жалко, что я была такая дрянь,—сказала она.— Вы теперь имѣете полное право меня выгнать.

Слезы тотчасъ показались на глазахъ Джоанны: ее легко было растрогать смиреніемъ и раскаяніемъ; горе виноватой дѣвочки вызвало въ ней нѣжнѣйшее состраданіе.

Въ ту же минуту Христина была прощена и Джоанна убѣдилась, что любовью изъ нея можно сдѣлать все.

Онѣ поплакали вмѣстѣ и надавали другъ другу обѣщаній взаимной помощи въ будущемъ; затѣмъ Джоанна велѣла своей воспитанницѣ пойти переодѣться ради ожидаемаго пріѣзда Боаса.

Эти слова преобразили кающуюся грѣшницу. Она сразу стала другимъ человѣкомъ: просіяла, покраснѣла, сдѣлалась неузнаваема.

— Г. Боасъ будетъ къ обѣду? Мой Богъ! — пролепетала она, и на лицѣ ея появились ямочки отъ улыбокъ.

— Христина, ты обѣщались не говорить: «Мой Богъ!»

— Правда. Я забыла. О! Чтобъ меня! Это можно?

— Нѣтъ, моя дорогая. Ты должна привыкать обходиться безъ восклицаній. Такія присловья, какъ «Мой Богъ!» или «чтобъ меня!» неупотребительны въ обществѣ.

Джоанна покраснѣла, произнося это краткое нравоученіе.

— Буду помнить!—живо отвѣтила Христина.—И пойду, надѣну новое платье,—дичое?

— Да. И постарайся быть тихой и милой нынче вечеромъ. Мнѣ хочется, чтобы г. Боасъ увидѣлъ, какъ хорошо ты умѣешь держать себя. Съ нимъ будетъ его пріятель...

— Цѣлыхъ двое! Мой Богъ! Нѣтъ, я не то хотѣла сказать!.. Что подумаетъ г. Боасъ, когда увидитъ меня за столомъ рядомъ съ собою? Онъ говорилъ, что я буду у васъ въ служеніи. Онъ скажетъ, что я не на своемъ мѣстѣ.

Лицо Христину вытянулось и она вопросительно поглядела на Джоанну.

— Если ты покажешься ему настоящею барышнею, то уго не будетъ причины подумать, что ты не на своемъ мѣстѣ,—сказала миссъ Трэлъ.

— Увидите!—сказала Христина, просіявъ и съ прехитрымъ видомъ кивнувъ головкою.—Убей Богъ, вы подумаете, что меня въ гостинныхъ и воспитывали! Какъ надѣну это платье, сами увидите!

Она стрѣлою вылетѣла изъ комнаты и цѣлый часъ послѣ этого Джоаннѣ слышно было, какъ она пѣла, хлопоча у себя въ спальнѣ.

Съ души Джоанны свалилось тяжелое бремя. Христина была такъ чутка, такъ легко поддавалась добрымъ вліяніямъ, что она ужъ не сомнѣвалась въ своей способности руководить ею. Кромѣ того, ее не оставляла вѣра въ помощь свыше, которая подкрѣпить ея слабость. Ей утѣшительно было вспомнить, что при всей ненависти Христины ко всему, похожему на проповѣдь, дѣвочка не отказывалась слушать ея собственныя робкія разсужденія о возвышенныхъ предметахъ.

Она одѣвалась для гостей съ пріятною суетливостью, которая скоро изгладила съ лица ея слѣды слезъ, но въ первый разъ въ жизни осталась недовольна своею внѣшностью. До сихъ поръ она никогда не думала о нарядахъ, а теперь вдругъ сдѣлала открытіе, что надѣтое ею платье, выбора г-жи Крэнъ, некрасиво и старообразно. Черный шелкъ прилегалъ къ ней съ жесткою аккуратностью и съ неподкупной строгостью изобличалъ угловатыя очертанія ея фигуры. Четырехугольный вырѣзъ ворота былъ обшитъ стеклянруснымъ аграмантомъ, отчего лицо казалось суровымъ, холоднымъ и безцвѣтнымъ. Мягкости не было ни въ чемъ. Джоанна, смутно сознавая, что чего-то не хватаетъ, накинула на плечи кружевную косынку и этимъ ровнымъ поступкомъ наложила на всю свою наружность отпечатокъ «старой дѣвы».

— Все равно, ничего не подѣлаешь,—скромно сказала она себѣ.—Я ужъ не молода. Я—некрасивая пожилая женщина.

Но, отходя отъ зеркала, она вздохнула.

Вдругъ лицо ея просіяло при видѣ Христины на порогѣ и она забыла о себѣ, радуясь миловидности дѣвочки.

Простое платье превратило Христину въ изящное и нѣжное созданіе. Она робко стояла подъ испытующимъ взглядомъ миссъ Трэлъ, широко раскрывъ глаза отъ волненія; а Джоанна осмотрѣла ее съ головы до ногъ и осталась довольна.

Кудрявая чолка была приглажена и волосы естественнѣе обрамляли лобъ, отчего черты лица стали болѣе дѣтскими тонкими. Платье прямыми складками падало отъ таліи, а поясъ была заткнута вѣточка бука, что придавало особый характеръ всему наряду.

— Какъ вы думаете, онъ найдетъ, что я мила?—безхристоростно спросила она.

— Я увѣрена, что найдетъ,—отвѣтила Джоанна, и "

этихъ словахъ сердце ея сжалось отъ мысли о собственной невозвратной юности.

— Я рада!—откровенно сказала Христина, въ свою очередь осматривая Джоанну. Она нагнула голову на бокъ и подумала, прежде чѣмъ заговорила вновь.

— Зачѣмъ на васъ эта косынка? Развѣ такъ принято за обѣдомъ?

— Нѣтъ, но надо было чѣмъ нибудь скрасить платье. Оно черезъ чуръ просто.

— Оно такъ; но выходить нехорошо. Вотъ постойте. Гдѣ булавки?

Съ этими словами она сняла косынку и, набравъ полный ротъ булавокъ, поднялась на цыпочки, чтобы удобнѣе задрапировать кружевомъ Джоанну. Нѣсколькими легкими движеніями она граціозно расположила его на лифѣ и юбкѣ.

— Теперь иголку съ ниткою!—воскликнула она.—А теперь нужно ленту. Ахъ! вотъ что годится!

Она увидѣла на столѣ старинный поясъ мавританскаго издѣлія и опоясала имъ Джоанну.

Эффектъ получился превосходный.

— Но аграмантъ слишкомъ грубъ. Нѣтъ-ли узенькаго кружева, миссъ Трэлъ?

Джоанна разыскала ей кружево, и въ пять минутъ Христина сдѣлала кружевной рюшъ, которымъ замѣнила стеклярусъ, и который, бросая легкую тѣнь на щеку, сдѣлалъ лицо моложе и свѣжѣе.

— Вы—прелесть,—сказала она, когда кончила.—Но, пожалуйста, погодите. Не глядите на себя, пока я не приду.

Она убѣжала и вернулась съ букетикомъ красной герани, который приколола къ лифу Джоанны, послѣ чего велѣла послѣдней взглянуть въ зеркало.

Миссъ Трэлъ не узнала самое себя!

Худощавость и угловатость фигуры исчезли вмѣстѣ съ блестящею поверхностью шелка. Талія, обрисованная поясомъ, была еще молода и кругла, а на лицо, полное жизни и радости, пріятно было взглянуть. Передъ нею была уже не унылая и суровая старая дѣва, а женщина, въ душѣ которой таились неизвѣданныя еще сокровища нѣжности и чувства, оставшія свою печать и на ея наружность.

Она покраснѣла, увидѣвъ себя такою.

— Какая ты искусница, Христина. Кто это тебя научилъ? Дѣвочка пожала плечами слегка на иностранный ладъ.

— Меня никто не училъ. Такъ ужъ само выходитъ. У ня бабушка была француженка. Пожалуйста, пойдете внизъ, ги вы готовы. Я хочу, чтобы вы до его пріѣзда успѣли нагнать меня, какъ надо быть барышней.

Боась приподнял брови, увидѣвъ въ гостиной Хатча приличную молодую особу, равную миссъ Трэль. Но больше онъ никакъ не выразилъ своего удивленія по поводу краткости срока, въ теченіе котораго Джоаннѣ удалось совершить это превращеніе.

Онъ представилъ своего пріятеля, Амоса Бевана, журналиста и писателя.

— Я пригласилъ его пообѣдать со мною и поэтому пришлось захватить его съ собою, или не быть у васъ, — объяснилъ онъ хозяйкѣ дома.

Джоаннѣ было очень пріятно. Она, разумѣется, слышала о г-нѣ Бевана и бралась за его сочиненія каждый разъ, какъ чувствовала потребность освѣжиться душою.

Боась глядѣлъ на нее и дивился, что привело его въ Хатчъ; дивился, что это — та самая женщина, которая три мѣсяца назадъ терялась при одномъ его взглядѣ. Ему еще не разъ предстояло удивиться въ теченіе вечера.

— Боже! какъ эта маленькая колдунья оживила ее, — подумалъ онъ. — Это была неуклюжая старая дѣва, когда я увидѣлъ ее въ Крайдонѣ; а теперь она просто не дурна. И твердость въ ней появилась, и глядитъ она настоящей хозяйкой. Что же касается Христины... гм! Сомнѣваюсь, чтобы слѣдовало ридить ее и вбивать ей всякія штуки въ избалмошную головку; но можетъ быть иначе и не спасешь ее. А чертовски пріятный путь спасенія! Притомъ слѣдуетъ судить о методахъ по ихъ результатамъ, а методъ миссъ Трэль, повидимому, оказывается успѣшнымъ. Дѣвочка точно родилась въ этой обстановкѣ. Что за умненькая обезьянка!

Впродолженіе обѣда онъ наблюдалъ за Христиной и не могъ не любоваться тѣмъ тактомъ, съ какимъ она примѣнялась къ своему положенію.

Она незамѣтнымъ образомъ подражала во всемъ Джоаннѣ и, благодаря этому, исполнила всѣ обрядности обѣда, не сдѣлавъ ни одной замѣтной неловкости. Въ разговорѣ она мудро ограничивалась лаконическими отвѣтами, но тѣмъ краснорѣчивѣе были ея глаза и все оживленное лицо ясно показывало такой интересъ и пониманіе обсуждаемыхъ вопросовъ, что новый знакомый, Амосъ Беванъ, очень молчаливый самъ, ни разу не подивился ея молчаливости.

Это былъ шотландецъ, робкій и сдержанный, еще чужды манеръ юга и одинъ изъ ревностнѣйшихъ помощниковъ Боас Джоанна и мужчины позабыли о ѣдѣ, увлекшись споромъ о положеніи и нуждахъ новой демократіи. Джоанна читала о этомъ предметѣ и, выказывая основательное знакомство нимъ, излагала свои взгляды.

По мѣрѣ развитія бесѣды, Боась начиналъ поглядыва

на нее съ почтеніемъ. Онъ даже уступилъ ей въ одномъ спорномъ вопросѣ; но она была такъ польщена уступкою, что сконфузилась, разнервничалась, начала запинаться и заставила его усомниться въ томъ, въ чемъ онъ только что призналъ себя убѣжденнымъ. Ея смущеніе принудило его вступить съ Беваномъ въ пререканіе по поводу культуры рѣпы, о которой ему ровно ничего не было извѣстно. Его оппонентъ замѣтилъ это и отступилъ, предоставляя ему торжество побѣды.

Боась со смѣхомъ призналъ себя побитымъ.

Послѣ этого онъ увѣрился, что миссъ Трэль совершенно неинтересная особа. Не чувствуя онъ себя отвѣтственнымъ за Христину и поэтому обязаннымъ нѣкоторою признательностью хозяйкѣ, онъ погибъ бы отъ скуки въ промежуткахъ между бесѣдою и десертомъ. Но полчаса спустя Джоанна вернула себѣ его хорошее мнѣніе.

Они были въ гостиной и только что не молчали. Г. Беванъ сидѣлъ въ совершенномъ безмолвіи и устремилъ глаза на коверъ, а Джоанна истощалась въ геркулесовскихъ усиліяхъ поддержать съ нимъ разговоръ.

Боась лѣниво развалился въ креслѣ, уступая утомленію, которое ощущалъ въ этотъ день съ утра.

Вдругъ онъ протянулъ руку и коснулся Христины, которая сидѣла подлѣ него.

— Дитя, подите и сыграйте мнѣ чтонибудь.

— Я... я не умѣю играть на фортепiano, — пролетела она, краснѣя отъ досады.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Я и забылъ. Ну, ничего. Только я усталъ, а музыка всегда даетъ мнѣ отдохновеніе.

Онъ отвернулся и прикрылъ глаза рукою.

Христина была уничтожена. Она повѣсила голову, а Беванъ, который, какъ будто не видя ничего, въ сущности замѣчалъ все, прервалъ свое молчаніе, чтобы поддержать ее.

— Музыка требуетъ особаго таланта. Можно не играть, за то рисовать. Миссъ Доу можетъ быть художница?

— Нѣтъ, — отвѣтила она, вызывающе сверкнувъ глазами. — Я не умѣю ни пѣть, ни играть, ни рисовать, ни... ничего.

Молодой человекъ вновь умолкъ, а Джоанна прервала невѣжливую паузу.

— Не поиграть ли мнѣ для васъ, м-ръ Боась?

Она подошла къ роялю и начала одну изъ оригинальныхъ мелодій Грига, отъ которой перешла къ пѣснѣ Леона Делиба. Мось у нея былъ не сильный, но ясный, вѣрный и нѣжный выражалъ идеальную сторону ея существа.

Боась круто повернулся на креслѣ; его лицо оживилось, а за зажглись ожиданіемъ. Забывъ о Христинѣ, онъ повер-

нулся къ ней спиною и все свое вниманіе сосредоточилъ на музыкѣ.

Морщины разгладились на лбу Боаса, выраженіе лица смягчилось подъ влияніемъ пѣнія Джоанны и, когда она остановилась, оба гостя единогласно стали просить продолжать. Она играла и пѣла цѣлый часъ и въ этотъ часъ Христина вся съезжилась отъ сознанія своего ничтожества. Наконецъ у нея не хватило силъ сдерживать слезы; но никто не замѣтилъ ея огорченія и не видалъ даже, что она плачетъ.

Дѣйствительность была для нея полна горечи. Она мечтала, какъ о великомъ счастьѣ, о встрѣчѣ съ Боасомъ и о томъ, что она покажетъ ему перемѣну въ своемъ положеніи и свое новое платье. А вышло совсѣмъ иначе. Онъ обратилъ на нее даже менѣе вниманія, нежели прежде, когда она была бѣдная дѣвочка и боролась со зломъ.

Высокій же и красивый новый знакомый и вовсе едва взглянулъ на нее. Оба слушали миссъ Трель, когда она говорила за обѣдомъ, и теперь, когда она играла и пѣла. Ея некультурная душа начинала постигать, что недостаточно быть красивой, молодой и хорош^о одѣтой для привлеченія вниманія такихъ людей, какъ г. Боасъ и Амось Беванъ.

Рыданія сдавили ей горло; въ эту минуту протанутая рука Боаса вдругъ легла на ея руку. Только и всего. Но впечатлительная дѣвочка просіяла отъ счастья.

По окончаніи музыки, онъ всталъ и предложилъ Джоаннѣ пройтись съ нимъ по саду. Она съ минуту не рѣшалась. Дождь давно прошелъ, но вечеръ былъ холодный и въ аллеяхъ было сыро. Тѣмъ не менѣе она накинула пальто и молча вывела его въ садъ.

Испаренія влажной земли окружили ихъ; воздухъ былъ пропитанъ сыростью и прохладю поздней осени. Непроницаемый сумракъ Хатча скрывалъ довольный видъ Джоанны.

— Что означала телеграмма?—спросилъ Боасъ.— У васъ были съ нею непріятности?

— Да, — отвѣтила Джоанна и передала исторію этого дня. Онъ слушалъ, кусая усы, а когда она кончила, подналъ глаза.

— Здѣсь слишкомъ тихо. Когда исчезнетъ прелесть новизны, она не успокоится безъ развлеченій. Жаль, что нельзя окружить ее молодежью, а старья совы, какъ Беванъ и я, не годятся. Трудно рѣшить, что тутъ годится. Какъ ни какъ, но развлеченія нужнѣе всего, чтобы спасти ее. Вывозите ее. Покажите ей свѣтлыя стороны жизни, не давайте ей скучать, пока городъ не утратитъ для нея свою прелесть. Тогда начнете ея нравственное воспитаніе... а?

— Да, — сказала Джоанна, — она такъ способна любить и влущать любовь, что я въ полной надеждѣ...

— Я также, особенно увидѣвъ, сколько вы уже сдѣлали. Но вы дѣйствуете не по шаблону, помните... Какая прекрасная старая усадьба! Позвольте мнѣ бывать здѣсь иногда. Для меня будутъ отдыхомъ ваша музыка и прогулки по саду. Всего этого я лишень въ городѣ... Слушайте... Дѣвочки надо не давать унывать, видите...

Изъ открытаго окна донесся взрывъ веселаго смѣха. Беванъ, истощивъ всѣ темы разговра, дошелъ до того, что предложилъ Христинѣ учить ее ѣздить верхомъ.

— А нельзя ли мнѣ будетъ брать уроки музыки и чтенія?—спросила она Джоаннѣ, когда мужчины уѣхали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ДЫМОВЫЯ КОЛЬЦА.

Амосъ Беванъ былъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ молодыхъ журналистовъ. Въ городѣ онъ явился еще весь обвѣянный ароматомъ вереска и торфа шотландскихъ болотъ и обратилъ на себя вниманіе скучающей лондонской публики. Въ его статьяхъ было что-то свѣжее и здоровое. Онъ скоро стали читаться на расхватъ, а когда онъ выпустилъ томикъ очерковъ, полныхъ жизни, свѣтлыхъ и блестящихъ то юморомъ, то пафосомъ, успѣхъ его былъ обезпеченъ.

Высокій, нѣсколько неуклюжій, но красивый шотландецъ выдвинулся среди своихъ современниковъ. Однако, онъ не любилъ общества. Въ родномъ городѣ онъ былъ извѣстенъ за домосѣда, любящаго книги больше развлеченій и робѣющаго при людяхъ. Въ Лондонѣ онъ остался такимъ же сдержаннымъ и молчаливымъ; если изрѣдка удавалось заманить его въ общественное собраніе, его только видѣли, но не слышали. Онъ сильно интересовался социальными вопросами, но былъ черезъ чуръ недовѣрчивъ къ себѣ или глѣбнѣ, чтобы публично принимать участіе въ ихъ разрѣшеніи. Съ Боасомъ онъ былъ необычайно друженъ и, когда возможно, работалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Оба были люди занятые, но еженедѣльно оставляли свободный вечеръ другъ для друга, и какъ разъ этотъ вечеръ они жертвовали Джоаннѣ и ея воспитанницѣ.

По возвращеніи на квартиру Боаса, Беванъ сѣлъ курить трубку, пуская дымъ такими кольцами, которые просто сводятъ съ ума Боаса, точно счастье жизни послѣдняго за-

висѣло въ эту минуту отъ удачи или неудачи въ пусканіи правильныхъ колецъ изъ его вишневой трубочки.

— Видите сами, старина, что вы не умѣете, — протянулъ Беванъ, внезапно прервавши молчаніе. — Вы способны къ чему угодно, за исключеніемъ созданія правильныхъ круговъ.

— А все таки выйдеть! — отвѣтилъ Боасъ.

Они покурили еще съ полчаса.

— Ну, и къ чорту! — воскликнулъ Боасъ, бросая трубку въ уголь напротивъ. Беванъ поднялъ на него грустный взоръ.

— Не умѣете, я говорилъ! Вы слишкомъ порывисты. Табакъ — точно женщина: уступаетъ лишь терпѣнію. Однако, жаль, что вамъ не удалось. Я обязанъ вамъ самымъ приятнымъ вечеромъ со времени моего пріѣзда на югъ. Сегодня меня не разсердило бы даже, если бы вы и сьумѣли пустить хорошее кольцо.

— А я думалъ, что и домъ, и обѣдъ, и вообще все тамъ навело на васъ скуку.

— Нѣтъ, мнѣ понравилось. Понравились и старый домъ, и сумрачныя комнаты, рѣзко отличающіяся отъ этой кричащей гостиной, и оригинальная, серьезная хозяйка. А когда она заѣбла... ахъ, это было хорошо! Свѣтъ отъ угольевъ въ каминѣ, и запахъ дождя, и дѣвочка въ углу — все это лучше всякаго шикарнаго клуба и напомнило мнѣ Шотландію.

— Я думалъ, вы не любите женщинъ?

— И не люблю. Но эти не похожи на большинство извѣстныхъ мнѣ. Миссъ Трель — разумная женщина и имѣеть твердыя убѣжденія; а дѣвочка такъ безыскусственна и проста, какъ молоденькая шотландка.

— Гм! — пробурчалъ Боасъ. Затѣмъ, помолчавши, прибавилъ, какъ бы говоря самъ съ собою:

— Эта жизнь будетъ правиться ей недолго. Ей нужно общество людей ея возраста, а ихъ нѣтъ. Она взбунтуется, когда пресытится роскошью. Если ничего не предпримемъ, она сбѣжитъ. И плакала, кромѣ того...

Беванъ не обращалъ вниманія на этотъ монологъ. Севозъ полуопущенныя рѣсницы онъ слѣдилъ, какъ дымовое кольцо утончалось и, наконецъ, разсѣялось въ воздухѣ.

— Какъ вамъ показалась дѣвочка? — спросилъ Боасъ черезъ нѣкоторое время и взглянулъ на него пристально.

— Охъ, не знаю. Всѣ женщины одинаковы. Она, какъ свойственно ей полу, кажется вся состоитъ изъ глазъ и языка. Только она заставила меня дать ей обѣщаніе, которое мнѣ все не хочется исполнять, и это съ ея стороны ловко. Чортъ бы побралъ мою глупость! На будущей недѣлѣ придется кататься съ нею верхомъ.

— Смотрите, не зайдите слишкомъ далеко.

— Ну, я не изъ такихъ. Кстати, какое между ними родство?

— Никакого. Христина—сирота, бѣдная и одинокая. Миссъ Трэль взяла ее и подлюбила. Курьезно видѣть ихъ вмѣстѣ въ пустынномъ старомъ домѣ. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ провѣтѣ, который я когда нибудь попытаюсь осуществить. Представьте, я возьму падшую дѣвушку — не изъ простонародья—сколько нибудь воспитанную, не грубую отъ природы, страстную, сильную волей... Ладно!.. И заставлю ее вести вотъ такую жизнь, т. е. поставлю ее, на примѣръ, на мѣсто Христины. Какъ вы думаете, что изъ этого выйдетъ?

— Она соблазнить буфетчика и убѣжить, укравши серебро.

— Милѣйшій другъ, я не шучу. Seriously, могла бы она исправиться?

— Нѣтъ; во-первыхъ, спокойная жизнь приплась бы ей не по вкусу; а во-вторыхъ... ну, я думаю, что разъ испорченная женщина никогда не станетъ чистою, куда вы ее ни сажайте.

— Я съ вами не согласенъ. И я говорю не о женщинѣ, а о дѣвушкѣ—полуробенкѣ — ну, какъ Христина! — молодой, обманутой. Неужели для нея не было бы надежды?

— Пожалуй, еслибъ у нея была натура миссъ Доу,—но не иначе.

— А какова же натура миссъ Доу?

— Тонко чувствующая, художественная, воспримчивая къ новымъ впечатлѣнiямъ, способная къ прогрессу на пути культуры и изящества, не лишенная твердости, но повинующаяся одному взгляду того, кого любить. Это, пожалуй, немного суетное, но нѣжное созданище, нуждающееся только въ солидномъ руководителѣ, чтобы стать идеальной женщиной.

— Гм... Вы недурно разглядѣли молодую особу.

— Я всегда разглядываю только коверъ,—съ кротостью возразилъ Беванъ.

Боасъ закрылъ глаза и откинулся на спинку кресла, барабана на его ручкѣ мотивъ, пропѣтый Джоанной. Потомъ онъ вдругъ встрепенулся и продолжалъ излагать свои мысли:

— Да, страненъ свѣтъ! Мужчина погружаетъ женщину въ самую бездну порока, а самъ вопиетъ о своемъ стремленii къ чистотѣ. Женщины въ большинствѣ случаевъ ничуть не лучше.— «Держите ихъ тамъ»,—кричатъ онѣ,—«чтобъ онѣ не развратили насъ».—А я вамъ скажу, что именно такое отношенiе мужчинъ и женщинъ къ падшимъ и препятствуетъ имъ возвратиться на путь истины. Кое-гдѣ, слава Богу, еще находятся женщины, которыя не боятся утратить свою невинность, любя и спасая своихъ сестеръ; но большинство боится дать имъ хоть каплю воды, чтобы въ сношенiяхъ съ ними не утратить зоей хрустальной чистоты.

— И онъ совершенно правъ. При столкновенияхъ съ окружающимъ развѣ возможно сохранить невинность?

— Ну васъ къ шуту! Невѣдѣніе и невинность совсѣмъ не одно и то же. Да будь оно и такъ, чѣмъ невѣдѣніе выше знанія? Развѣ женщина, умѣющая страдать и дѣйствовать, менѣе прекрасна, чѣмъ дитя съ бѣлоснѣжною душою? Что вы толкуете о невинности. Вотъ миссъ Трэль знаетъ разницу между добромъ и зломъ, однако душа ея чиста, какъ въ день ея рожденія.

— Однако, вы не станете сравнивать женщину, познавшую зло, съ невинной дѣвочкой, какую мы видѣли сегодня? Если выбирать между двумя видами чистоты, то я выберу чистоту дѣвочки,—сказалъ Беванъ, лѣниво выбивая пепелъ изъ трубки.

— Сравнивать? Нѣтъ!—со странной улыбкой воскликнулъ Боасъ.—Что это вы вздумали спросить?

— Только чтобы удостовѣриться, что вашъ конекъ не закусилъ удила и не понесъ васъ невѣсть куда. Ахъ, Боже мой! А я то обѣщаль кататься съ нею въ среду.

Итакъ, въ среду Беванъ отправился въ Суттонъ, чтобы дать Христинѣ первый урокъ верховой ѣзды. Но она уже чувствовала себя въ сѣдлѣ, какъ дома, потому что не мало времени проѣздила на пони, который былъ приведенъ въ понедѣльникъ. Беванъ нашелъ въ ней уже опытную амазонку и учить ее было почти нечему.

Время прогулки прошло для него чрезвычайно приятно. Христина, очевидно, не ждала отъ него разговоръ, да и сама слишкомъ робѣла и поглощена была своимъ пони, чтобы болтать. Когда на нихъ подулъ свѣжій вѣтерокъ съ Банстедскихъ дюнь, онъ попросилъ позволенія закурить и, съ сигарою во рту, погрузился въ свои мысли, предоставивъ дѣвочкѣ скакать куда угодно.

Такимъ образомъ, онъ вернулся въ Хатчъ очень довольный катаньемъ, спутницей и самимъ собою.

Джоанна ждала ихъ съ чаемъ у себя въ будуарѣ.

Онъ выпилъ чашку, а потомъ бросился въ большое кресло и съ наслажденіемъ курилъ все время, пока женщины болтали. Онъ не вовлекали его въ свою бесѣду. Христина съ увлеченіемъ рассказывала, а Джоанна съ удовольствіемъ слушала, сознавала, что ея дѣвочка счастлива.

Беванъ просидѣлъ такъ долго, какъ только позволяло лице. Затѣмъ онъ всталъ, склонилъ свой грустный взоръ Джоанну и попросилъ позволенія сопровождать Христину въ хомъ и въ слѣдующую среду.

Джоанна поколебалась и недоумѣвающе взглянула на не и на дѣвочку, прежде чѣмъ отвѣтить. Беванъ, видя ея нег

шительность, сталъ просить ея согласія, какъ личнаго для себя одолженія, и Джоанна не могла отказать. Но она вознамѣрилась поговорить съ Боасомъ, прежде чѣмъ дать позволеніе еще разъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ Беванъ. — И такъ, до будущей среды. — И уѣхалъ домой, ругая свое проклятое добросердечіе.

Всю осень экскурсіи повторялись еженедѣльно. Боасъ не только не возражалъ, но поощрялъ ихъ, а Беванъ, не дозволявшій себѣ никакихъ иныхъ развлеченій, объяснялъ свое поведеніе необходимостью моціона.

Подъ его руководствомъ Христина сдѣлалась искусной и безстрашной наѣздницей. Она перескакивала черезъ изгороди и правила своимъ пони такъ, что ея учитель начиналъ гордиться ею.

Онъ рѣдко заговаривалъ съ нею и былъ почти такъ же молчаливъ, какъ Дэвисъ, ѣхавшій вслѣдъ за ними; но ему пріятно было смотрѣть на счастливое, подобное цвѣтву личико и играть роль оракула, такъ какъ Христина подвергала его обсужденію все на свѣтѣ, не исключая вопросовъ о платьяхъ. Беванъ долженъ былъ съ серьезнымъ видомъ взвѣшивать преимущества шелка надъ кисеею и голубого цвѣта надъ коричневымъ. Однако ему казалось, что еще пріятнѣе молчать, катаясь съ нею. Поэтому говорила, по большей части, одна она; но ея лепетъ никогда не мѣшалъ его размышленіямъ. Нѣтъ. И даже любимый табакъ былъ не такъ вкусенъ, когда его дымъ не перевивался съ повѣствованіями его маленькаго друга.

Такъ онъ называлъ ее теперь. А такъ какъ дружба немыслима безъ жертвъ, то онъ посвящалъ долгіе часы ея обученію, въ которомъ не было никакой надобности.

Джоанна всегда принимала его пріятливо.

Уроки верховой ѣзды служили достаточнымъ оправданіемъ для его присутствія, и смѣшно было бы подозрѣвать какія нибудь инныя цѣли въ равнодушномъ гостѣ, который всегда казался скучающимъ, молча курилъ и молча удалялся.

Съ наступленіемъ зимы посѣщенія Бевана прекратились, и обитательницы Хатча лишь изрѣдка слышали о немъ отъ Боаса. Джоанна совершенно успокоилась. Христина казалась довольною и не скучала по своему кавалерѣ. Его не видно было и всю весну; но однажды, въ іюнѣ, онъ вдругъ явился, «чтобы зататься съ миссъ Христиной». Снова пошли еженедѣльные прогулки и, видя отсутствіе непрерывности въ ихъ знакомствѣ, Джоанна не нашла нужнымъ препятствовать имъ.

Боаса это забавляло.

— Если Беванъ предохраняетъ Христину отъ скуки, то и

слава Богу,—беззаботно говорил онъ. Хорошо зная Бевана, онъ не боялся осложненийъ.

Ему приятно было слышать отъ Джоанны, что дѣвочка успокоилась, прилежно учится и во всемъ дѣлаетъ большіе успѣхи.

— Она — величайшее для меня утѣшеніе, — писала ему Джоанна. — У меня не хватаетъ словъ, чтобы какъ слѣдуетъ поблагодарить васъ за тотъ приятный трудъ, который вы возложили на меня, поручивъ мнѣ воспитаніе Христіны.

Теперь она часто писала Боасу.

Не проходило нѣсколькихъ дней безъ полученія и отъ него письма, и во всѣхъ письмахъ заключались просьбы: онъ просилъ и совѣта, и одежды, и денегъ, и пріюта для своихъ несчастныхъ, и нравственной поддержки. Почти не было такой просьбы, съ которою онъ не обращался бы къ ней, и она выполняла ихъ по-царски, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ сталъ смотрѣть на нее, какъ на воплощенное Провидѣніе, и относиться къ ней съ тою увѣренностью въ ея благости, съ какою обыкновенно относятся къ Провидѣнію. Джоанна, какъ и свойственно женщинамъ, была довольна такимъ отношеніемъ. Ея жизнь и дѣятельность, подъ его руководствомъ, пускали ростки по всѣмъ направленіямъ. Дни ея были полны интереса. Христіна удовлетворяла въ ней земную потребность любви, а Боасъ возносилъ ее въ высшія сферы духа, вызывая въ ея сердцѣ надежду и вѣру.

Сестры дивились происшедшей въ ней переменѣ. Онѣ не были въ Хатчѣ съ того дня, какъ Джоанна провозгласила свою независимость; но тѣмъ не менѣе примиреніе состоялось. Джоанна чувствовала себя слишкомъ счастливою, чтобы помнить зло и первая навѣстила сестеръ; но онѣ не пожелали отдать ей визитъ и только терпѣли ея присутствіе у себя.

Правду сказать, она и не особенно настаивала на возобновеніи прежнихъ отношеній. Она испытывала большое облегченіе отъ прекращенія ихъ опеки и, зная, что онѣ, вѣроятно, не одобряютъ ея трудовъ съ Боасомъ, была скорѣе довольна, чѣмъ огорчена ихъ отсутствіемъ.

Сверхъ того—но въ этомъ Джоанна не признавалась даже самой себѣ—она боялась ихъ вмѣшательства въ ея дружбу съ нимъ и была очень рада держать ихъ вдали отъ Хатча. Она не приглашала ихъ къ себѣ, а имъ обѣимъ казалось униженіемъ пріѣхать къ ней безъ зова.

Г-жа Протеро, искренно любившая старшую сестру, забыла бы свое неудовольствіе за устраненіе ея дѣтей ради чужой и возобновила бы съ ней сердечныя отношенія, если бы ей не запретилъ этого «Фергусъ». Итакъ, родственницы оставили Джоанну въ покоѣ.

Полтора года назадъ, подобный фактъ разбилъ бы ея сердце; теперь же она совсѣмъ дивилась, насколько новыя интересы, новыя дѣла, новыя надежды разрушили ея зависимость отъ нихъ. Любовь Христины и дружба Боаса заставили ее забывать сестеръ, которыя нѣкогда составляли единственную связь ея съ жизнью.

Однако, ей начинало хотѣться показать имъ дѣвочку и убѣдить ихъ, что ея увлеченіе своей воспитанницей весьма извинительно. Въ самомъ дѣлѣ, Христина становилась прелестною дѣвучкою. Три года жизни съ миссъ Трэль способствовали развитію всего добраго, что таилось въ ней. Ея буйная рѣзвость утихла, уступая стремленію Джоанны къ нѣжности и покою. Внѣ дома и вдали отъ Джоанны она еще бывала шумной и рѣзвой, но въ стѣнахъ Хатча ея веселость и живость рѣдко становились чрезмѣрными. Она оказывалась способной и послушной ученицей, и забавно было видѣть, какъ она перенимала у Джоанны ея нѣсколько педантическія манеры. Это накладывало оригинальный оттѣнокъ на полную жизни личность дѣвочки и имѣло всю прелесть неожиданности.

Христина часто удивляла тѣхъ, кто ее видѣлъ. Она не забыла своего кафешантаннаго жаргона, а когда волновалась, то дѣлала и грамматическія ошибки. Но ея возбуждающая красота и несомнѣнное изящество заставляли постороннихъ объяснять это чѣмъ нибудь такимъ, что и ихъ удовлетворяло, и ей не приносило ущерба. Хорошенькая подруга миссъ Трэль восхитительно оригинальна—таковы были отзывы о ней.

Джоанна во время замѣтила необходимость разнообразія и развлеченій для Христины и нѣсколько разъ возила ее туда, гдѣ полагала, что ей интересно побывать. Брайтонъ и Скарборъ, Гаррогэть и Эдинбургъ сослужили службу въ этомъ отношеніи; но Эдинбургъ ничѣмъ не привлекъ маленькую плутовку за исключеніемъ того единственнаго обстоятельства, что въ немъ жилъ и учился Беванъ.

Эти путешествія были единственными поводами, приводившими Христину въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ. Ее никогда не знакомили съ гостями, которые не часто бывали въ Хатчѣ и среди которыхъ она была извѣстна подъ неопредѣленнымъ названіемъ «компаньонки миссъ Трэль». Джоанна пришла бы въ негодованіе, если бы узнала, что въ сутонномъ обществѣ единственнымъ правомъ на ея уваженіе—кромѣ гатства—и на званіе «цивилизованной» женщины признавалось ея вполнѣ согласное со свѣтскими обычаями игнорированіе и затираніе своей компаньонки.

Христина ничего этого не знала. Она теперь была по-явно занята уроками. Она училась музыкѣ и развивала ей свѣжій, юный голосокъ, которому могла бы позавидовать

Джоанна, если бы въ сердцѣ ея, рядомъ съ радостью о спасеніи дѣвушки, оставалось мѣсто для такого низкаго чувства.

Джоанна такъ боялась пускать свою воспитанницу въ Лондонъ, что приглашала учителей въ Хатчъ, и отзвуки прежней жизни совсѣмъ перестали долетать до Христины.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Олимпія.

Изъ сказаннаго въ предыдущей главѣ не слѣдуетъ, однако, заключать, будто старшій Адамъ въ Христинѣ былъ окончательно убитъ и погребенъ.

Время отъ времени онъ воскресалъ въ ней вновь, и счастливая, полная надеждъ, Джоанна превращалась въ блѣдную и дрожащую тѣнь себя самой. Это были дни, когда дѣвушкой овладѣвала безумная тоска по прежней жизни, и она билась, стараясь порвать свои оковы и вновь попасть въ ту среду, гдѣ жила въ пору своей невмѣняемости.

Когда на нее находили такія минуты, Джоанна бывала безсильна. Она только сидѣла, сложивъ руки, и молилась объ изгнаніи дьявола изъ ея дѣвочки. Она не надѣялась на себя, но надѣялась на Христину и больше не посылала за Боасомъ.

Когда искушеніе становилось всего сильнѣе, Христина садилась на пони и дико скакала по дюнамъ, послѣ чего возвращалась, измученная и смиренная, съ жаждою любви, слезъ и прощенія.

Такия происшествія укрѣпляли кроткую и смиряли пламенную душу.

Однажды, какъ разъ въ такомъ настроеніи засталъ дѣвушку Беванъ. Это случилось черезъ годъ послѣ начала ихъ знакомства.

Христина ѣхала молчаливая и злая. Притворившись, будто не замѣчаетъ ея гнѣвнаго вида, онъ опередилъ ее и, не обращиваясь, поѣхалъ по аллеѣ. Она бросилась за нимъ, пролѣтѣла мимо него стрѣлою, перескочила черезъ изгородь и бѣшено поскакала по большей дорогѣ. За этимъ послѣдовалъ безумный галопъ, пока, наконецъ, задохнувшіяся и покрытыя пѣной лошади не замедлили бѣга при подъемѣ на холмъ.

Беванъ улыбнулся Христинѣ.

— Недурно. Вы хорошо скакали. Можно мнѣ выкурить сигару за то, что я не перегналъ васъ?

Она не отвѣтила, и онъ замѣтилъ, что ея губы дрожать.

— Мнѣ предлагаютъ новое мѣсто,—продолжалъ онъ спокойно,—и я хочу посоветоваться съ вами. Вы знаете «нашего собственного корреспондента» въ «Сѣверномъ Свѣточѣ»?

Христина глядѣла прямо въ пространство и молчала.

— Ну, такъ это самое лицо—я. И я хочу спросить васъ... Миссъ Христина, вы не слушаете?

— Нѣтъ; не желаю слушать.

— А чего же вы желаете?

— Вырваться отсюда... изъ этой жизни. Она убиваетъ меня. О! вы не знаете, что это такое: этотъ скучный старый домъ и миссъ Трэль, всегда добрая, всегда ровная. Если бы хоть когданибудь она разозлилась! А у меня въ душѣ такая тоска по чемунибудь другому. Мнѣ иногда кажется, что у меня сердце лопнетъ отъ всего того, что приходится скрывать и подавлять въ немъ. Скажите, со всѣми дѣвушками бываетъ такъ? Ихъ всѣхъ грызетъ такой же душевный голодъ, какъ меня? А я сижу тихо и барабаню гаммы или рисую глупости, когда сердце у меня разрывается! И это называется жизнью! Я — точно муха, у которой оторваны крылья.

Волненіе придавало ея рѣчи образность и яркость, такъ что картина ея страданій такъ и встала передъ Беваномъ.

Онъ отвернулся отъ нея, но зная, что лицо ея разгорѣлось и трепещетъ и что слезы дрожатъ на полныхъ трепета глазахъ.

— Но есть и пріятное рядомъ съ горькимъ, — произнесъ онъ на-удачу.

— Пріятное? Ну, много же вы знаете! Развѣ вы не видите, что все это не живое, не говоритъ моему чувству. Все время во мнѣ бьется что-то такое, совсѣмъ нечувствительное къ обыкновеннымъ вещамъ. О! Я хотѣла бы сѣмътъ разсказать вамъ, что это такое. Но я не знаю, какія подбирать слова. Я даже самой себѣ не умѣю сказать. Только ничто не доставляетъ мнѣ настоящаго удовольствія... развѣ вотъ только по средамъ, когда пріѣзжаете вы. Если бы не вы и не пони, я бы сбѣжала. Да!.. А теперь вы сочтете меня за неблагодарную дѣвчонку и вовсе зря... т. е. я хочу сказать, что вы ошибетесь.

— Добрый знакъ! — пробормоталъ Беванъ.—Волненіе, не заключающее заботы объ изяществѣ слога, не можетъ предвѣщать дурной развязки.

— Вы смѣтаетесь надо мною!—воскликнула Христина.

— Милая дѣвочка, нисколько! Нѣтъ, нѣтъ. Я думаю, какъ намъ съ вами заключить союзъ для борьбы со скукою. Не тите ли сѣздить въ городъ, послушать музыку у Мура и греса, или побывать въ Египетскомъ Залѣ?

— О! въ самомъ дѣлѣ? — вскричала Христина съ увлеченіемъ.

Онъ улыбнулся этому внезапному переходу къ радости отъ отчаянія.

— Это очень возможно. Спросимъ миссъ Трэль. На той недѣлѣ?

— Завтра! — приказала она.

— Я далъ слово быть въ одномъ мѣстѣ... ну, такъ и быть. Значить, завтра. Въ Маскелайну и Куку?

— Не знаю. Я бывала только въ кафе-шантанахъ.

Онъ было приподнялъ брови, хотъ и привыкъ ничему не удивляться.

— Ну, это мы обсудимъ потомъ. Итакъ, рѣшено. Теперь жизнь представляется болѣе привлекательною, а?

Она надула губки, но лицо ея повеселѣло, и скоро она стала сіять по обыкновенію. Беванъ побѣдилъ злого духа и подъ наружнымъ равнодушіемъ скрывалъ почти безумную радость, доставленную ему этимъ усиѣхомъ.

Онъ также былъ польщенъ тѣмъ, что его посѣщенія составляютъ для нея удовольствіе, и слова: «я рада только, когда вы прѣзжаете» открыли ему, какъ счастливъ этими свиданіями онъ самъ.

Онъ думалъ, что пріятно приручить такую штучку. Отсутствіе въ ней всякой манерности, ея остроуміе, веселость, противорѣчія, жаргонъ, даже прегрѣшенія противъ грамматики и хорошаго тона дѣлали ее, по его мнѣнію, только пикантнѣе. Она представлялась ему загадочною и оставалась неразгаданною птицей, которая не давалась ему въ руки. Онъ сознавалъ, что ея неудовимость влечетъ его къ ней.

Было довольно трудно добиться согласія Джоанны на экспедицію въ городъ: она съ сомнѣніемъ поглядѣла на Христину, прежде чѣмъ дала его.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ дѣвушка была вырвана изъ опасной среды, и Джоанна спрашивала себя, умно ли вновь приближать ее къ водовороту столичной жизни. Что, если это повлечетъ за собою пагубныя послѣдствія?

Впрочемъ, одинъ взглядъ на лицо Христины разрѣшилъ всѣ недоумѣнія. Необходимость обуздывать ея мятежную душу научила Джоанну мудрости. Голосъ сердца, такъ долго подавляемый, былъ теперь ея руководителемъ; гдѣ ей могла бы грозить неудача, тамъ любовь къ своей воспитанницѣ и пониманіе ея душевнаго состоянія безошибочно выводили ее на вѣрный путь. Она знала, что Христина тяготится однообразіемъ въ Хатчѣ, и потому возила ее по морскимъ купаньямъ и дачамъ; но ей казалось неблагоразумнымъ бывать съ нею въ столицѣ.

Теперь же она оказалась не въ силахъ противостоятъ мольбѣ, выразившейся на оживленномъ личикѣ. Уже нѣсколько дней Христина была сама не своя, и Джоанна сообразила, что умнѣе уступить, чѣмъ противорѣчить ей.

Поэтому она дала свое согласіе и обѣщала быть вмѣстѣ съ нею на вокзалѣ Викторіи на другой день въ два часа. Беванъ долженъ былъ встрѣтить ихъ тамъ и проводить въ Египетскій Залъ. Джоанна послала записку Боасу, приглашая и его присоединиться къ нимъ.

Все исполнилось, какъ по писанному. Беванъ встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ и они сѣли въ омнибусъ, шедшій въ Пикадилли, откуда два шага до театра Маскелайна и Кука.

Когда они пошли пѣшкомъ, Христина была внѣ себя отъ волненія; Беванъ съ удовольствіемъ любовался на ея счастье.

Вдругъ Джоанна почувствовала на своемъ рукавѣ чью-то руку и, обернувшись, узнала Боаса.

— Извините, — сказалъ онъ, — я только что собирался искать васъ. Ваша записка приплась очень кстати, потому что именно васъ то мнѣ и нужно. Какъ я радъ, что вы въ городѣ! Я попрошу васъ сейчасъ пойти со мною.

Джоанна отвѣтила не сразу.

— Но, вѣдь, со мною Христина, вы видите, и м-ръ Беванъ. Мы идемъ къ Маскелайну...

— Знаю, но это ничего. Случай то ужъ очень настоятельный. Беванъ посмотритъ за Христиной и проводить ее домой. Молодежь обойдется и безъ насъ, а?

Джоанна что-то пробормотала, но Боасъ пожалъ плечами при словѣ «sharegon».

— Почтеннѣйшая, они оба не имѣютъ понятія, что это такое. Увѣряю васъ, что съ Беваномъ она въ такой же безопасности, какъ и съ вами. Мнѣ нужно васъ... Тутъ есть женщина... Если кто можетъ ей помочь, то именно вы. Мы загораживаемъ дорогу... Дайте руку... Послушайте, вы поглядите за дѣвочкой! — крикнулъ онъ Бевану.

Онъ и Христина обернулись въ тотъ моментъ, когда Джоанну увлекалъ неотразимый Боасъ. Взглянувши другъ на друга, они засмѣялись.

— Теплый паренъ, честное слово! — сказалъ Беванъ.

— Меня бы онъ не утѣшилъ такъ скоро, — сказала Христина, поднимая голову.

— Да? А я думалъ, что онъ можетъ заставить васъ сдѣлать что угодно.

— Да, прежде. А теперь я умнѣе. Я воображала о немъ вѣсть что, а теперь...

— Ну?

Беванъ самъ не зналъ, какъ настойчиво глаза его молили о концѣ фразы.

— О! Онъ весь на пружинахъ, никогда не бываетъ въ покоѣ. Я люблю, чтобы человекъ былъ солиденъ, умѣлъ молчать и...

— И не мѣшалъ вамъ болтать?

Она засмѣялась и кивнула; а онъ, взглянувши внизъ, поймавъ изъ-подъ ея длинныхъ рѣсницъ такой взглядъ, милѣе котораго ему ничего не приходилось видѣть въ жизни.

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Ну, вы довольны? Вамъ весело?

— Я думаю! Я на свободѣ, вырвалась изъ кѣтки.—Ея грудь высоко приподнялась.—Похоже на то, какъ мы бываемъ на дюнахъ; я да вы, и никого больше. О, м-ръ Беванъ...

— Ну, что?

Они подошли къ театру фантошей, и она съ разочарованіемъ посмотрѣла на незаманчивую кассу, гдѣ немногочисленная публика брала билеты.

— Тутъ вовсе не привлекательно. Вамъ очень хочется сюда?

— Ничуть. Я къ вашимъ услугамъ. Мои желанія корреспондируютъ вашимъ.

— «Нашъ собственный корреспондентъ»?

— Только вашъ.

Смѣлость этой фразы испугала его самого; но она только засмѣялась.

— Значить вы сдѣлаете, какъ я хочу.

Она понизила голосъ, прижалась къ нему и ласково начала:—м-ръ Беванъ?

— Что?

Онъ улыбнулся ея умоляющему взгляду.

— Я не хочу смотрѣть глупыхъ фантошей. Что въ нихъ за радость? Поведите меня, гдѣ позабавиѣ, въ какое нибудь веселое мѣстечко!

Беванъ тихонько свистнулъ. Не привыкши успокоивать себя софизмами, онъ ясно понималъ, что именно этого и не одобрила бы миссъ Траль. Но доврчивый взоръ его спутницы преодолѣлъ его колебанія.

«Вѣдь былъ еще день, три часа пополудни, и что могло угрожать ей подъ его защитой?» подумалъ онъ.

— Ну, вотъ что мы сдѣлаемъ, — сказалъ онъ. — Сегодня катанье въ Олимпіи. Пойдемте, если вы любите кататься на конькахъ.

— Люблю! Я думаю! — крикнула она въ восторгѣ.

Полчаса спустя оба смѣшались съ толпою на большомъ каткѣ.

Несмотря на свою робость, Беванъ съ большимъ удовольствіемъ очутился рука въ руку съ Христиною, мечтательно скользя вслѣдъ за прочими. Его грезы вполне овладѣли имъ; онъ забылъ окружающее, точно курильщикъ опиума.

Движущіяся фигуры, голоса и шумъ казались ему смутными и нереальными. Онъ плылъ по фантастическому морю къ фантастической пристани, какъ-то неясно сознавая, что несетя по этому морю съ того самаго дня, какъ Боась, противъ его желанія, увезъ его въ Хатчъ обѣдать. Свѣжій вѣтеръ на Банстедскихъ дюнахъ, быстрый галопъ лошади, голосъ Христины, звучащій въ осеннемъ воздухѣ—все это входило въ составъ увлекавшаго его теченія. Затѣмъ наступила пустота зимнихъ дней, весенняя тревога и сонъ безъ видѣній. Это были тѣ мѣсяцы, когда онъ не видался съ дѣвушкой.

Лѣто вновь вернуло ему Христину. Она оживляла для него и южный вѣтеръ, и душистые цвѣты, и золотое солнце, и прокладную тѣнь сада въ Хатчѣ.

А теперь снова осень, и они одни, погружены въ мечты въ толпѣ незнакомыхъ лицъ...

Но не всѣ посѣтители Олимпіи проводили время въ мечтахъ, и много взоровъ слѣдило за парочкой, мелькавшей взадъ и впередъ среди катающихся. Она была замѣтна даже среди разношерстныхъ элементовъ, составляющихъ лондонскую толпу, и многіе любовались высокимъ, красивымъ шотландцемъ и его ясноокой, свѣтловодсой спутницей.

Вдругъ Беванъ почувствовалъ, что рука Христины крѣпко стиснула его руку и, взглянувши на нее съ тревогою, онъ не слышалъ тѣхъ словъ, которыя вызвали это движеніе.

— Мой Богъ! Вотъ, вотъ и Тина Доу! Чортъ меня возьми, если она не подцѣпила франта хоть куда! Недурень молодчикъ! Ей подъ пару! Смотрите-ка, кого она себѣ выудила за это время, да и щеголять перестала!..

— Сюда... Пожалуйста...—пролепетала Христина, сдержавъ инстинктивное желаніе поздороваться со своей старой знакомой, Неллой. Она испугалась, какъ бы Беванъ не узналъ хоть что нибудь о ея прежней жизни, и потащила его за собою на другой конецъ катка.

Съ лихорадочной поспѣшностью и безъ посторонней помощи она скинула коньки, такъ какъ Беванъ, остолбенѣвъ отъ мленія, не поспѣвалъ за нею, затѣмъ, не дожидаясь его, ѣхала вонъ и успокоилась только на троттуарѣ. Она прилилась къ столбу, поблѣднѣвъ и задыхаясь, и въ отчаяніи ала руки. О, зачѣмъ она пошла сюда?! Что, если Беванъ шпаль?!

Мракъ ноябрьскихъ сумерекъ защищалъ ее отъ любопытныхъ глазъ. Вдоль улицы зажигались фонари, точно огненные

точки, освѣщающія темноту и позоръ ея прошлаго. Она вздрогнула при воспоминаніи о нахальной и дерзкой физиономіи, мелькнувшей передъ нею. Неужели Нелла, ея подруга, всегда была такова? Неужели и сама она когда нибудь носила такія яркія платья, шляпы съ такими перьями, такое тряпье на показъ?

Она подняла дрожавшую руку и поднесла ее ко лбу, съ котораго исчезла челка, оставивъ лишь нѣсколько маленькихъ свѣтлыхъ завитковъ, отгнѣявшихъ лицо.

Затѣмъ ее огненною стрѣлою пронизала мысль: что если Беванъ слышалъ? Если Нелла пошла за нимъ и рассказала ему?

Минута, которая прошла до его выхода на улицу, показала ей за нѣсколько мѣсяцевъ.

— Дитя мое, какъ вы меня напугали! Почему вы убѣжали? Ну, представьте, я не нашелъ бы васъ? Дѣточка, вы больны. Что мнѣ дѣлать съ вами?

Вся его внѣшность выражала только нѣжную заботу: Нелла ничего не сказала ему.

Христина обернула къ нему свое блѣдное лицо и еле раздвинула сухія губы, чтобы заговорить:

— У меня голова закружилась. Поѣдьте домой: я устала. Нѣтъ, не ждите извозчика. Вотъ омнибусъ.

Въ это время какъ разъ подъѣхалъ омнибусъ. Онъ посадилъ ее и сѣлъ самъ, не переставая за нее тревожиться. Христина съ величайшимъ трудомъ сдерживала слезы; ея дрожащія губы и выраженіе напряженія на лицѣ вызвали въ немъ глубокую жалость. Онъ рѣдко видѣлъ у нея такой жалобный взглядъ, такую смиренную осанку, и въ немъ проснулось собственное мужчинѣ стремленіе взять подъ свое покровительство это маленькое дрожащее созданіе. Но онъ былъ слишкомъ робокъ и неловокъ, чтобы выразить ей сочувствіе. Онъ только смотрѣлъ на нее такими глазами, которые выдали его тайну всѣмъ, кромѣ Христины.

Г-жа Брэнъ, которая оказалась въ этомъ омнибусѣ и также ѣхала на вокзалъ Викторіи, надѣла пенснэ и устремила на него свои взоры.

— Новобрачные! — сказала она себѣ. — Онъ очень недурень.

(Продолженіе смѣдуетъ).

Въ одномъ изъ захолустьевъ.

(Очерки и наблюденія).

Въ наблюдаемой мною мѣстности происходитъ въ составѣ землевладѣнія та же «мирная революція», признаки которой замѣчаются повсюду. Степень напряженности и быстроты этой «мирной революціи» нагляднѣе всего выражается въ длинныхъ перечняхъ имѣній, ежегодно продающихся земельными банками съ публичныхъ торговъ.

Подобно другимъ, и въ нашей мѣстности, со времени освобожденія крестьянъ, болѣе половины старо-помѣстныхъ земель перешло въ руки купечества, но за послѣдніе десять лѣтъ купечество, исполнивши свою миссію: варварски истребивши лѣса и познакомивъ деревню съ неблаговидными приѣмами, господствующими въ торгово-промысловомъ мірѣ, мало по малу удаляется со сцены. Изъ общаго же хаотическаго состоянія землевладѣнія начинаютъ выдѣляться два новыхъ вида собственника: крестьянскія товарищества и,—благодаря недалекому разстоянію отъ столицы, а также желѣзной дорогѣ,—городская интеллигенція.

Послѣдней то генераціи землевладѣльцевъ (городской интеллигенціи) и ея сельско-хозяйственной (исключительно) роли я посвящаю начало моего очерка.

Для безпристрастной оцѣнки этой роли слѣдуетъ замѣтить, что нашъ уголь, въ силу болѣе чѣмъ пассивнаго отношенія къ землѣ, къ ея процвѣтанію и интересамъ со стороны стараго помѣстнаго элемента и прямо безчеловѣчному отношенію землевладѣльцевъ-купцовъ (лѣсопромышленниксвъ), пришелъ за послѣдніе годы въ большій упадокъ. Прежняя красота края: вѣковые лѣса,—этотъ многолѣтній даръ природы,—исчезаетъ безслѣдно; неплодородная почва,—часть преобладаетъ подзолъ, рѣже суглинокъ съ очень тонкимъ стигильнымъ слоемъ,—не получая достаточнаго удобренія, расхищаемая изъ года въ годъ, кое-какъ, при помощи сохи и вошуи, засѣваемая одними и тѣми же сѣмянками, не знавшими только сортировки, но и вѣялки, перестала давать,—въ общемъ,—

самъ-четыре. На низинахъ, благодаря никѣмъ неочищаемымъ гѣснымъ заваламъ, образовались непроходимыя, громадныя болота, вырубленныя же «боровыя мѣста» покрылись сплошнымъ верескомъ, не дающимъ возможности пробиться черезъ свой коверъ какой либо другой растительности. Худородный, заморенный скоть, не находя и не получая достаточной пищи, къ веснѣ, къ Егорьеву дню (день выгона на пастбище) еле держался на ногахъ отъ голодухи и истощенія. О травосѣяніи, какъ о единственномъ средствѣ поднять мызное дѣло, никто, назадъ тому 10—15 лѣтъ, не думалъ. Все, что могло бѣжало изъ негостеприимнаго края, спустивъ за бездѣнокъ свои «отчины и дѣдины»; оставшіеся же, мечтая при помощи разнообразныхъ «прерогативъ» и казенныхъ «воспособленій» о восстановленіи минувшаго величія, убого перебивались изо дня на день...

Чтобы достаточно вѣрно судить о степени упадка и сельско-хозяйственного оскуднѣнія края, даже больше чѣмъ оскуднѣнія, прямо нищеты, надо знать и видѣть, что до настоящаго времени обыкновенно переходить въ руки новыхъ землевладѣльцевъ. Если въ газетныхъ объявленіяхъ изъ нашего угла встрѣчаются иногда широкорѣчательныя приглашенія пріобрѣсти «имѣніе въ полномъ ходу», то въ каждомъ случаѣ безошибочно можно сказать, что «полный ходъ» имѣнія—только плодъ фантазіи продавца, рассчитывающаго на легкомысліе покупателя. Въ дѣйствительности же, новому землевладѣльцу, понашедшемуся на заманчивое приглашеніе, прежде чѣмъ достигнуть,— не говорю «полнаго хода», но «хода» очень скромнаго, тихаго, приходится обыкновенно вложить въ имѣніе очень много труда, энергіи, времени и денегъ.

Прошло-ли имѣніе черезъ хищническія руки лѣсопромышленника, или, миновавъ эти руки, сохранило то тамъ, то сямъ кое-какой лѣсокъ, но, — въ лучшемъ случаѣ, — новому владѣльцу достается обыкновенно въ удѣлъ неуклюжій, по старой номенклатурѣ «барскій домъ», помнящій «золотые дни Аранхуэца» и съ тѣхъ поръ ни разу путемъ не ремонтировавшійся, а потому мрачный, перекосившійся, съ протекающей крышей, съ плѣсенью по угламъ, съ полами, по которымъ нельзя ходить, печами, — которыя нельзя топить. Этому жалкому инвалиду соотвѣтствуютъ всѣ остальные постройки, начиная съ «людскихъ», дыраваго, какъ доброе рѣшето, скотнаго двора и кончая необходимѣйшей принадлежностью cadaго отечественнаго помѣстья—развалившейся баней. Весь сельско-хозяйственный инвентарь продающихся имѣній ограничивается обыкновенно тремя-четырьмя поломанными сохами и телѣгами и столь же немногочисленными представителями животнаго царства, сельско-хозяйственное достоинство которыхъ оцѣнивается словами «годны—татарамъ на мясо»; въ полную же гармонию съ этимъ нищенскимъ инвентаремъ и обстановкой идутъ въ конецъ истощенныя поля и луговины, затканныя толстымъ слоемъ мха, поросшія ивнякомъ и осокой. Вообще, только не совсемъ вѣрнымъ представленіемъ дере-

венской жизни, увлеченіемъ внѣшней стороны имѣнія (красивый видъ) и полнымъ незнаціемъ, во что обойдется превращеніе развалинъ въ удобообитаемая жилища, болотинъ—въ луга, выболтанной земли—въ поля и какіе долгіе годы упорной и упрямой борьбы должны пройти, прежде чѣмъ совершится благодѣтельная метаморфоза, можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что всѣ эти руины, съ присущей имъ картиной «мерзости запустѣнья», находятъ себѣ съ такой легкостью новыхъ владѣльцевъ, и притомъ, благодаря неудержимому стремленію городской интеллигенціи къ землѣ, «къ своему углу», по цѣнамъ, возвышающимся съ каждымъ годомъ.

Дѣлу окончательнаго разоренія старопомѣстныхъ хозяйствъ весьма способствуетъ въ нашемъ краѣ одно обстоятельство.

Быстро совершающееся, благодаря городской интеллигенціи и крестьянскимъ товариществамъ, видоизмѣненіе въ землевладѣльческой физиономіи края, а также общая задолженность старо-помѣстнаго элемента, вызвали за послѣднее время къ жизни новую профессию, которую, въ силу приобретаемаго вліянія и значенія, уже нельзя не замѣтить и обойти молчаніемъ. Это земельное малачество.

«Сила-человѣкъ, богатѣющій, всю округу заполонилъ» все чаще и чаще слышимъ отъ своихъ деревенскихъ сосѣдей, съ добавленіемъ той или другой черты, характеризующей степень благосостоянія «силы-человѣка».

«Пивнще—ящиками везуть, а на счетъ водки,—и, Боже мой,—все у него въ точку: сморода пошла,—на смороду лѣтъ, малина,—на малину. Во кака гвардія на окошкахъ разставлена! И отколъ што берется».

«Ты бывалъ у него?»

«Хаживали. Пустошку одну мы у него облюбовали, къ самой околицѣ подошла. Пришли; ласковый такой, добрымъ словомъ встрѣтилъ. Вы, баить, мужички, ежели паче што, заманка какая на-счетъ деньжонокъ приключится, во мнѣ не сумлѣвайтесь, бумагой обважитесь».

«Закладной что-ли?»

«Намъ ее настоящее званіе неизвѣстно. Баить, только бумагой».

«И обвазались?»

«Пока што,—калякаемъ промежь себя».

Наводишь потомъ справки у своихъ же сосѣдей: «обвазались», чи мужики «бумагой неизвѣстнаго званія», а если «обвазались» какъ устроились?

«Ау, наши мужички! Сгрѣбъ онъ ихъ подъ себя ловко, не утчихаются».

«Что такъ? Ласковымъ звали».

«Кажинный день его ласку поминають. Сработалъ-ли што, про-гь,—все къ нему тащи: рубъ — рубъ, пятишницу — пятишницу,

ни чѣмъ не брезгуеть. А ежели, говорить, коли што, потроха выпущу».

Земельные маклаки принадлежать обыкновенно къ самой нижней общественной средѣ; ихъ прошлое никому неизвѣстно и на вопросъ:—откуда взялось такое состояніе?—отвѣчаютъ чаще всего фразой: «Кого то ограбилъ»,—«пьянаго купца въ карты обыгралъ» и т. д. Обладая значительными имѣніями, разбросанными въ разныхъ мѣстахъ края, эти господа не имѣютъ ничего общаго съ землей; прежде всего и послѣ всего они ростовщики, но оперирующіе не на двойныхъ и тройныхъ векселяхъ, а «на актахъ, совершаемыхъ у крѣпостныхъ дѣлъ», а потому ростовщики, не поддающіеся никакому законодательному уловленію.

Дѣятельность земельныхъ маклаковъ въ основныхъ чертахъ совершенно тождественна съ не менѣе благодѣтельной дѣятельностью деревенскихъ лавочниковъ и кабатчиковъ, но оба вида (кажется) никогда не совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Для выдачи ссудъ подъ крестьянскую спину, хлѣбъ и «шпитонковъ» (весьма прибыльный и распространенный видъ ростовщичества въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянки «берутъ на грудь» питомцевъ воспитательнаго дома) требуется только безсовѣстность и умѣнье выводить корявой рукой каракули, для профессіи же земельного маклака, кромѣ безсовѣстности, необходимо имѣть нѣсколько болѣе человѣческаго облика, вкусившаго плодовъ знанія и цивилизаціи.

Свои земельныя операціи маклаки начинаютъ скромно, незамѣтно, съ какой нибудь захудалой, заброшенной мызенки. Разъ водворившись въ этой мызенкѣ, паукъ, благодаря окружающей задолженности и невозможности выйти изъ ея тисковъ другими средствами, растетъ съ необыкновенной быстротой: не проходитъ десяти лѣтъ, мызенка перемѣняется на мызу, на ея окнахъ, въ видѣ гвардіи, красуются бутылки съ разноцвѣтными наливками, паутина же тянется изъ одного угла края въ другой. По мѣрѣ расширенія операцій и роста благосостоянія, видоизмѣняется и весь обликъ маклака: вчерашній невѣдомый прощальга—становится мѣстной, нагло лѣзущей въ глаза силой, и притомъ силой внушительной, съ которой многимъ приходится считаться.

Самый предметъ дѣятельности земельныхъ маклаковъ очень ограниченъ, онъ специализируется въ двухъ операціяхъ: въ выдачѣ ссудъ «подъ вторыя закладныя» (неизвѣстнаго званія бумаги), соединенныя съ такими неустойчными записями и процентами, гдѣ въ которыхъ наизумительнѣйшему человѣку приходится обыкновенно г черезъ два, три убираться «яко нагъ, яко благъ» на всѣ четыре стороны изъ насыженного гнѣзда, и скупкой земель по дешевы цѣнамъ. Финансовое и экономическое положеніе проживающихъ той или другой «округъ», отмежеванной въ свое обладаніе земельнымъ маклакомъ, извѣстно ему (маклаку) до тонкости, а потомъ обладая этимъ драгоценнымъ знаніемъ, паукъ получаетъ возмѣ

ность явиться къ землевладѣльцу въ самый недобрый часъ и тѣмъ предупредить покупателя на имѣніе со стороны. Кромѣ того, земельные маклаки представляютъ собой постоянный контингентъ, золотую роту всѣхъ банковскихъ и судебныхъ аукціоновъ: здѣсь, смотря по обстоятельствамъ, они или расширяютъ предѣлы своихъ владѣній, или довольствуются полученіемъ отступного.

Такъ какъ имѣніе въ рукахъ маклаковъ составляетъ только предметъ залога, купли и перепродажи, то ихъ историческая миссія въ судьбахъ нашего землевладѣнія заключается въ завершеніи дѣла разрушенія. На первыхъ же порахъ перехода имѣнія въ руки новаго собственника, все, изъ чего можно выбить копѣйку, пускается «въ оборотъ»: дѣсь вырубается, сельско-хозяйственный инвентарь и все что есть въ дому, до послѣдней доски, стула и послѣдней коровенки, продается и растаскивается по сторонамъ. Благодаря такому «обращенію цѣнностей», въ нашихъ захоlustьяхъ можно нерѣдко натолкнуться на нѣсколько странныхъ явленія, напр. встрѣтить въ хлѣву чухонца мраморную ванну въ роли колоды для коровъ, найти весь исковерканный, но удивительно тонкой работы подсвѣчникъ «старой бронзы» на кабацкой стойкѣ и т. п. Операція расхищенія «въ розницу» усадебнаго добра представляется для маклаковъ настолько выгодной, что не въ рѣдкость случаи, гдѣ она одна не только покрывала всѣ расходы по покупкѣ имѣнія, но и доставляла болѣе или менѣе значительный барышъ. Покончивъ съ дѣломъ разрушенія, земля сдается обыкновенно подъ распахку сѣйднимъ крестьянамъ, всѣ же окна и двери усадьбы наглухо заколачиваются. Такимъ путемъ мыза, еще недавно полная жизни, дѣтскихъ голосовъ, на первыхъ же порахъ перехода къ новому владѣльцу представляетъ безотраднѣйшую картину въ конецъ расхищеннаго гнѣзда и представляетъ таковую до новаго покупателя.

Впрочемъ, этотъ послѣдній, благодаря, какъ сказано выше, стремленію къ землѣ городской интеллигенціи и крестьянства «съ обча», не долго заставляетъ ожидать себя. Земля, раздробленная на участки, или расходится по крестьянскимъ рукамъ или въ полномъ объемѣ переходитъ во владѣніе неумудреннаго сельско-хозяйственнымъ опытомъ городского обитателя. Первые (крестьяне), если только, въ силу нахождения у себя денегъ на покрытіе всей покупной цѣны, миновали лапъ того же маклака, справляются съ покупкой; но великое горе предстаетъ для нихъ, когда ничтожная часть покупной суммы перешла посредствомъ «бумаги неизвѣстнаго званія» на ту же землю: тогда то и начинается совершаться паукомъ надъ ними та мучительная операція, которая заключается, какъ выразился мой деревенскій сосѣдъ, «въ» выпусканіи потроховъ». Что же касается до городского обитателя, то во всякомъ случаѣ его, какъ недостаточно знающаго, что значить поднять на ноги въ разоръ разоренное гнѣздо, ожидаетъ въ сельско-хозяйственной жизни много горь-

кихъ разочарованій и испытаній. На вопросъ: «а сколько вы уже вложили въ имѣніе?» мнѣ не однажды отвѣчали:

«Не напоминайте. Вѣрите ли, страшно подсчитать. А впереди то, куда ни оглянемся, сколько еще предстоитъ».

«Покрайней мѣрѣ получаете ли чтонибудь?»

На этотъ скромный вопросъ мнѣ даже не всегда отвѣчали; только въ отчаяніи махнуть рукой.

Городская интеллигенція, являясь въ качествѣ землевладѣльцевъ, приноситъ съ собой одно, очень большое въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ достоинство—любовь къ своему углу. Ошибки, промахи и непроизводительныя затраты являются пока неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неподготовки пришельцевъ къ новой роли, но ошибки—ошибками, промахи—промахами, тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ сказать, что *въ общемъ*, именно благодаря происходящему обновленію въ составѣ землевладѣнія, нашъ край мало по малу выходитъ изъ состоянія сельско-хозяйственной спячки, косности, начинаетъ замѣтно подбираться, подчищаться, въ обиходъ же сельско-хозяйственной жизни вторгается новая, болѣе здоровая струя. Эта новая струя даетъ знать себя въ настоящее время довольно часто и притомъ такими фактами, которые нельзя отрицать и смыслъ которыхъ понятенъ каждому. Такъ,—пульсъ мѣстной жизни сосредоточивается на желѣзнодорожномъ вокзалѣ; десять лѣтъ тому назадъ этотъ вокзалъ рѣшительно пустовалъ; только время отъ времени полупьяная компанія охотниковъ, наѣзжавшихъ въ наши дебри, оживляла его; самая дорога, помимо весьма слабого пассажирскаго (мѣстнаго) движенія, не имѣла никакого сельско-хозяйственнаго значенія; ни единый признакъ не говорилъ за то, что справа и слѣва этой дороги копошатся люди пашущіе и сѣющіе, жнущіе и молотящіе. Все это жило тѣмъ, что находилось подъ рукой, что Богъ послалъ на мѣстѣ, хотя этого «мѣстнаго» не хватало даже на то, чтобы оборудовать самыя незамысловатыя сельско-хозяйственныя приспособленія. Въ настоящее время фізіономія вокзала замѣтно культивируется: за все лѣто на платформѣ появляются плуги, маслобойки, вѣялки, усовершенствованные улья; изъ вагоновъ зачастую выгружаются на платформы то мѣшки съ алебастромъ и каинитомъ для клеверныхъ полей, то съ костявой мукой для хлѣбовъ; здѣсь же, на той же платформѣ, осенью и ранней весной непремѣнно найдутся характерныя, длинныя вязы, обшитыя рогожей; это будущіе сады...

Появленіе всѣхъ этихъ, очень хорошихъ вещей вполне естественно: десять лѣтъ назадъ мызныя (помѣщичьи) хозяйства ни чѣмъ не отличались отъ хозяйствъ крестьянскихъ; въ весьма значительной «округѣ», подлежащей моему наблюденію, я могу припомнить не болѣе двухъ исключеній, гдѣ дѣлались, и то весьма слабыя, неуѣранныя попытки свернуть съ пробитой вѣеми колеи. Но эти ничтож-

ныя исключенія не могли браться въ расчетъ въ экономической картинѣ края потому, что, въ общемъ, помимо этихъ ничтожныхъ исключеній, помѣшкѣ ковырялъ землю той же сохой, которой ковырялъ свою полосу мужикъ; бороновалъ той же волокушей; на «господскомъ» гумнѣ, какъ и на крестьянскомъ, возсѣдалъ на чурбанѣ все тотъ же мужикъ, въ ожиданіи момента «коли Господь Богъ вътерка пошлетъ», чтобы приступить къ процессу вѣянія. О травосѣяніи и объ искусственномъ удобреніи, повторяю, никто не думалъ; умные люди надъ подобными затѣями только подсмѣивались.

Съ вторженіемъ въ нашъ край новыхъ землевладѣльцевъ вся эта, оскомину набившая, картина начинаетъ измѣняться и измѣняться къ лучшему; между крестьянскимъ хозяйствомъ и хозяйствомъ новыхъ мизъ нѣтъ уже прежней гармоніи. Такъ,—первыя все еще пробиваются «сѣнцомъ», набитымъ съ тощихъ луговинъ, между вторыми же изъ десяти едва ли найдутся два, гдѣ къ этому «сѣнцу» не прибавлялось бы обстоятельныхъ запасовъ клевера, тимофеевки, вики, чечевицы и т. п. Это (травосѣяніе) измѣненіе сѣвооборота) уже порядочный шагъ впередъ въ сельско-хозяйственномъ значеніи, тѣмъ болѣе порядочный, что съ введеніемъ травосѣянія площадь естественныхъ луговъ не только не суживается, но съ каждымъ годомъ и притомъ значительно расширяется. Многія мѣстности (перешедшія за послѣднее десятилѣтіе къ новымъ землевладѣльцамъ) становятся на моихъ уже глазахъ просто неузнаваемыми: взаи́мъ тощихъ «лядинъ» раскинулись поля; тамъ же, гдѣ еще такъ недавно посреди мховъ, ивняка и осоки торчали безчисленные пеньки, гдѣ лошадь вязла по брюхо, находимъ жизне-радостный, разукрашенный всякими цвѣтами, несущій всякіе ароматы лугъ. Оставшіяся на этомъ лугу то тамъ, то самъ огромныя пирамиды пеньковъ, кочекъ, корягъ, гнилыя наглядно указываютъ, какихъ затратъ и усилій стоить подобныя превращенія.

Приливъ изъ юго-западныхъ губерній въ нашъ край землекоповъ (кратовъ, кротиковъ, полячковъ, какъ зоветъ ихъ деревня) никогда не былъ такъ значителенъ, какъ за послѣдніе три, четыре года, однако, ихъ поденная плата, несмотря на усиленное предложеніе рукъ, ни разу не упала ниже рубля. Не падала же потому, что каждая партія сряду, по приходѣ, находитъ работу на вновь возникающихъ или недавно возникшихъ мызахъ; разборъ землекоповъ по этимъ мызамъ настолько великъ, что, не запасшись ими съ весны, не дожدهшься потомъ раньше глубокой осени. Этотъ фактъ, смыслъ оцѣнки совершающейся перемѣны въ составѣ земледѣлія, очень характеренъ для нашего края, ибо по свойству мѣ-юсти (лѣсистой, волнистой и сырой) земляныя работы (канавы и янговка) имѣютъ въ нашей сельско-хозяйственной культурѣ большае значеніе, настолько большое, что по количеству этихъ работъ можно безошибочно судить о степени заботливости собственника о нихъ и ея процвѣтаніи.

Съ введеніемъ въ сѣвооборотъ травосѣянія и съ увеличеніемъ площади натуральныхъ луговъ, скотоводство естественно видоизмѣняется къ лучшему не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Я не только не знаю лично, но и не слыхалъ ни объ одномъ новомъ хозяинѣ (изъ городской интеллигенціи), который, вслѣдъ за водвореніемъ въ нашихъ мѣстахъ, не старался бы увеличить и улучшить свой скотный дворъ. Приобрѣсти породистаго производителя считается уже вопросомъ первой важности; при разрѣшеніи этого вопроса люди съ очень скромными средствами не останавливаются передъ высокими цѣнами, въ которыя обходятся эти производители (годовикъ отъ 80 до 100 и даже до 120 р.). Въ силу этого обстоятельства посреди мѣстной низкорослой и маломолочной породы начинаетъ замѣтно выдѣляться «доморожденная» скотина съ признаками хорошей, преимущественно ангельской крови; коричневый цвѣтъ ангельской породы, со всѣми его оттѣнками, становится преобладающимъ цвѣтомъ въ стадахъ новыхъ землевладельцевъ.

Первобытныя орудія производства: соха, волокуша и лопата (для вѣянія) также начинаютъ уступать свое главенствующее положеніе въ сельско-хозяйственномъ инвентарѣ (новыхъ мызъ) другимъ, болѣе совершеннымъ и болѣе подходящимъ орудіямъ: первая оставляется преимущественно для поднятія земли изъ подъ лѣсныхъ зарослей (лядянь) и для распашекъ между пеньками, вторая — для запашки сѣмянъ, — болышинство же полей вспахивается плугами, заборонивается желѣзными бородами. Груды подобранныхъ камней, нерѣдко встрѣчающіяся на поляхъ, указываютъ, что самая обработка этихъ полей происходитъ гораздо тщательнѣе, внимательнѣе. Что же касается до традиціонной лопаты, то, — благодаря пришельцамъ, — она утратила престижъ даже въ глазахъ деревни; конечно, у деревни пока еще нѣтъ средствъ обзавестись вѣялкой, но ея достоинства передъ лопатой настолько уже признаны мужикомъ, что передъ посѣвомъ не одинъ изъ нихъ придетъ на знакомую мызу съ просьбой «дозволиться» провѣять сѣмена.

Самый вѣншій, не лишенный щегольства видъ мызъ, перешедшихъ къ городской интеллигенціи, съ окружающими ихъ молодыми садами и цвѣтниками, указываетъ, что здѣсь вьютъ свои гнѣзда новыя птицы. Правда, въ этихъ мызахъ все ставится на болѣе скромную, пожалуй, мѣщанскую ногу; нѣтъ раздолья прежнихъ, неуклюжихъ «хоромъ» съ растянувшимися на десятки саженой за-
стольными, псарнями и людскими...

Говоря о видоизмѣненіи, происходящемъ въ сельско-хозяйственной культурѣ подъ влияніемъ перехода поземельной собственности въ руки городской интеллигенціи, я далеко отъ мысли преувеличить значеніе сей послѣдней. Этотъ переходъ начинаетъ дѣлать

замѣтнымъ только въ послѣднее десятилѣтїе, а потому городская интеллигенція, въ качествѣ землевладѣльцевъ, не успѣла еще глубоко пустить корней, прочно обѣсться на мѣстѣ, кромѣ того она вродилое не имѣло ничего общаго съ кропотливымъ, тяжелымъ земледѣльческимъ трудомъ и въ ея новой работѣ замѣчается преобладаніе лихорадочности надъ устойчивостью; насколько хватитъ этой лихорадочности—покажетъ будущее.

Не спѣша съ выводами, я отмѣчаю только факты, — а что замѣчаемое улучшение въ сельско-хозяйственныхъ приѣмахъ и въ отношеніяхъ мызы къ деревнѣ, какъ поставщицѣ рабочей силы, совершается именно подъ непосредственнымъ вліяніемъ происходящаго обновленія, это, помимо непосредственныхъ наблюденій, становится вполне яснымъ изъ параллельнаго сравненія нашей мѣстности съ мѣстностями, гдѣ въ составѣ землевладѣнія происходитъ та же «мирная революція», но безъ участія въ ней городской интеллигенціи.

Одна изъ такихъ мѣстностей вошла въ изданіе Орловскаго губернскаго земства «Очеркъ средняго и крупнаго частно-владѣльческаго хозяйства Дмитровскаго уѣзда, 1893 года». По словамъ очерка въ Дмитровскомъ уѣздѣ за послѣднія 18 лѣтъ, съ 1875 г. по 1893 годъ, почти половина помѣстій перешла въ руки купечества, но на этомъ переходѣ дѣло «мирной революціи» пока остановилось, о какомъ-либо вліяніи въ перемѣщеніи землевладѣльческаго центра тяжести другихъ, болѣе образованныхъ сословій въ очеркѣ даже не упоминается. Что такое умолчаніе происходитъ вслѣдствіе отсутствія городской интеллигенціи въ качествѣ покупателей на земли, это доказывается тѣмъ, что ничтожный процентъ земель, перешедшихъ къ мѣщанству, нашелъ себѣ мѣсто въ статистическихъ таблицахъ очерка.

Судя по даннымъ очерка, въ «мирной революціи» Дмитровскаго уѣзда между удаляющимися со сцены и занимающими ихъ мѣста существуетъ полная гармонія; тѣхъ и другихъ связываетъ одна обще-характерная черта: первые (за исключеніемъ весьма немногихъ) ровно ничего не дѣлаютъ (въ сельско-хозяйственномъ отношеніи), чтобы отстоять свое дальнѣйшее право на гражданское существованіе, вторые—тоже ровно ничего не дѣлаютъ, чтобы на долго сохранить за собой завоеванное деньгами положеніе.

Не останавливаясь на подтверждающихъ эту мысль, многочисленныхъ данныхъ, въ видѣ детальныхъ описаній отдѣльныхъ хозяйствъ, статистическихъ таблицъ и столь же подробныхъ описаній подступающихъ сельско-хозяйственныхъ приѣмовъ, я ограничусь ии выводами, которые дѣлаютъ составители очерка изъ находящихся въ ихъ рукахъ матеріаловъ.

Вотъ эти выводы:

«Указать какіе-либо особенные, культурные приѣмы, господствующие у частныхъ владѣльцевъ Дмитровскаго уѣзда»,—говорится въ текѣ, — «почти невозможно, всѣ они традиціонны и мало чѣмъ

отличаются от приемов обработки земли у соседних крестьян».

Далѣ: «Господствующій сѣвооборотъ трехпольный». — «Въ большинствѣ имѣній не ведется записей урожая и умолота, не говоря уже объ учетѣ стоимости работъ». — «Культура хлѣбовъ является совершенно рутинная». — «Обработка полей у большинства землевладельцевъ исключительно сошная, плужная же крайне незначительна, а главное нѣтъ совершенно сознанія въ преимуществѣ плужной пахоты». Далѣ. «Скотоводство почти совершенно отсутствуетъ и гг. землевладельцы вполнѣ свыклись, что скотоводство есть неизбежное зло». — «Все по прежнему господствуетъ традиціонный взглядъ легкой и скорой наживы, при наименьшей затратѣ труда и капитала».

Нельзя не согласиться, что произнести аттестацію болѣе не лестную въ одинаковой степени, какъ для старыхъ, такъ и для новыхъ землевладельцевъ, довольно трудно. Во всякомъ случаѣ, въ виду распространенности убѣжденія о необходимости прежде всего для «подъема продуктивности» отечественнаго земледѣнія «воспособлений», въ этой аттестаціи поучительно то, что въ данномъ случаѣ имѣется дѣло съ счастливымъ сочетаніемъ у половины собственниковъ земли и капитала въ однѣхъ рукахъ; однако же, не взирая на столь счастливое сочетаніе, дѣло дальше «рутины, «сохи» и «легкой наживы» пока нейдетъ.

Что касается до отношеній между помѣстьями и деревней, какъ поставщицей рабочей силы, то они, по даннымъ очерка, очень любопытны уже потому, что съ достаточной наглядностью доказываютъ всю преданзбренность жи въ утвержденіяхъ, что критическое положеніе, переживаемое землевладельцами, находится въ непосредственной зависимости отъ крестьянскаго своеволія, распущенности и требовательности.

По словамъ очерка, господствующія условія личнаго найма въ Дмитровскомъ уѣздѣ таковы: «Работы въ имѣніяхъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: лѣтомъ встаютъ до солнца съ 4 часовъ, въ 7 или 8 часовъ завтракъ и $\frac{1}{2}$ часа отдыха, въ 11, 12 часовъ обѣдъ и отъ $1\frac{1}{2}$ —2 часовъ отдыхъ, затѣмъ работаютъ до 9 часовъ, въ 6 часовъ полудникъ и $\frac{1}{2}$ часа отдыха, а въ 9 часовъ ужинъ. Такимъ образомъ лѣтомъ работаютъ отъ 14 — 15 часовъ». За этотъ трудъ годовой работникъ получаетъ (въ среднемъ выводѣ) 47 р. 40 к., лѣтній съ 15 марта по 15 ноября—31 р. 49 к., полуработникъ—16 р. 80 к. Къ заработной платѣ прибавляется «среднѣмѣсячный паекъ»: «муки ржаной $1\frac{1}{2}$ — 2 пуда, пшена 12 — фунтовъ, соли 3 фунт. и сала $1\frac{1}{2}$ —2 фунта».

Для большей характеристики условій личнаго найма къ очерку приложены самые образцы договоровъ, заключаемые землевладельцами съ рабочими. Вотъ они: 1) крестьянинъ такой то обязан «работать какъ будни, такъ и праздники, а также нести ночи

караулы); 2) крестьянинъ такой то обязанъ «работать въ праздничные дни» — «въ случаѣ болѣзни вычетъ не производится втеченіи 3 дней, по истеченіи которыхъ вычетъ равняется дневной платѣ», 3) крестьянинъ такой то «въ праздники долженъ работать, нести ночные караулы, харчи получаетъ какіе заблагоразсудитъ хозяинъ» и проч. все въ томъ же родѣ.

Кромѣ точнаго обозначенія «уроковъ», которые за день долженъ исполнить рабочій (напр. сдвинуть пара 2 десятины, скосить— $\frac{1}{2}$ десятины) во всѣхъ условіяхъ существуетъ такого рода оговорка: «работы по назначенію, какъ полевья, равно и домашнія, обязуюсь такой-то выполнять безпрекословно, приказанія и порученія исполнять въ точности, грубостей и ослушаній не дѣлать, вести себя честно, трезво и добросовѣстно, сберегать господскій скотъ и наблюдать за онымъ дѣятельно, а въ противномъ случаѣ, за грубость, ослушаніе, нерадѣніе и оказанную при работѣ лѣность, вправѣ дѣлать вычеты за каждый таковой разъ отъ 50 к. до 1 рубля, за порчу же и утрату чего либо господскаго ту вещь покупать и исправлять на мой счетъ».

Итакъ «за честную, трезвую и добросовѣстную» работу и притомъ такую (напр. скосить въ сутки $\frac{1}{2}$ десятины луга), которую возможно исполнить только подѣ условіемъ «не покладать рукъ» мужикъ получаетъ (если не оштрафуютъ за что-нибудь) менѣе 4 р. въ мѣсяцъ. Принимая во вниманіе, что лѣтнія полевья работы почти всѣ одинаково трудны, всѣ одинаково требуютъ отъ работающаго большого физическаго напряженія, нельзя не замѣтить, что плата 4 рубля сама по себѣ представляется очень скромной, но и при этой скромности рабочій лишается права не только на праздничный, но и ночной отдыхъ («ночные караулы»); его же продовольствіе ограничивается самымъ необходимымъ, безъ куска мяса даже въ праздничные дни. Мало того, промаявшись втеченіе 15 часовъ (не считая ночного караула) на работѣ и вегетеріанской діетѣ, мужикъ имѣетъ право болѣть только три дня.

Съ какой бы снисходительностью ни смотрѣть на такого рода «условія личнаго найма», указывающія на нетребовательность рабочаго, — они говорятъ не въ пользу того, чтобы происходящее обновленіе старопомѣстнаго элемента купеческимъ способствовало къ установленію болѣе нормальныхъ и болѣе гуманныхъ отношеній.

И съ этой стороны, т. е. со стороны измѣненія отношеній мызы деревнѣ, какъ къ поставщицѣ рабочей силы, приливъ городской интеллигенціи повлекъ за собой перемены къ лучшему

Прежде всего происходитъ размѣнъ крупной, втугнѣ лежащей ответственности на болѣе мелкія единицы, а это обстоятельство уже само себѣ дало возможность мѣстному крестьянству вздохнуть свободнѣе. Зимой, до этого размѣна, крестьянинъ еще находилъ себѣ работу на мѣстѣ, у лѣсопромышленника, въ пилкѣ, рубкѣ и подвозкѣ,

но лѣтомъ, въ силу заброшенности помѣстнаго землевладѣнія, ему оставалось только «перебиваться около дома» или идти на сторону. Не болѣе 6—7 лѣтъ тому назадъ весьма часто нанимались въ «подеицину» совсѣмъ незнакомые мужики. Спросишь: откуда?

«Мы изъ дальнихъ мѣстовъ» и назовутъ деревню, отстоящую отъ мызы верстъ за 40—50.

Въ настоящее время о такихъ кочевкахъ, съ ихъ бесполезнымъ прогуломъ, совсѣмъ не слышно. Это совершенно понятно: все, что здѣсь продается и покупается, находится, какъ сказано выше, въ столь плачевномъ и запущенномъ видѣ, что каждому новому собственнику, прежде чѣмъ думать о какомъ либо, болѣе или менѣе правильномъ хозяйствѣ, приходится начинать съ азовъ, съ тяжелой работы очистки и расчистки, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходится быть центромъ, притягивающимъ къ себѣ излишекъ рабочихъ силъ той или другой мѣстности. Это обстоятельство, давая заработокъ крестьянству, начиная съ ранней весны по самую позднюю осень, — въ то же время подняло цѣну на рабочій трудъ и подняло весьма значительно, за послѣднее десятилѣтіе на 50%. Прежде рабочій-подеицининъ охотно бралъ 40 коп., много-много 45 к., нынѣ же за эту цѣну можно имѣть только подростка «паренька» лѣтъ 14, 15—16, парень же и мужикъ дешевле 60 к. въ обыкновенную пору и 70 к. въ сѣнокосъ на работу не встанутъ. Такъ какъ возвышеніе заработной платы вовсе не соответствовало возвышенію цѣнъ на жизненные продукты, то такое возвышеніе, какъ прямое послѣдствіе раздробленія и перехода земельной собственности въ другія руки, а также стремленія новыхъ собственниковъ къ поднятію производительности земли, является непосредственнымъ барышемъ деревни.

Затѣмъ, постоянному рабочему на мызахъ за послѣднія десять лѣтъ, т. е. именно за тотъ періодъ времени, когда начался усиленный приливъ въ край городской интеллигенціи, живется гораздо лучше, чѣмъ жилось ранѣе того. Новая генерация землевладѣльцевъ, уже въ силу составныхъ частей, изъ которыхъ она складывается, вноситъ въ бытовой складъ деревни мягкія, облагораживающія черты.

Въ нашей мѣстности почти не практикуется письменная форма условій личнаго найма, все дѣло сводится къ словесному уговору, что, конечно, нисколько не препятствуетъ установить общія черты этого найма, его «типа», и затѣмъ сравнить этотъ типъ съ таковымъ же въ мѣстности, гдѣ вовсе незамѣтно участіе городской интеллигенціи въ видоизмѣненіи землевладѣльческой фізіономіи края.

Вотъ эти общія черты найма.

Прежде всего о продовольствіи. Здѣшній крестьянинъ у сѣна дома ѣсть очень плохо. Являясь на подеицину «безъ хозяйскихъ харчей», онъ зачастую ограничивается ломтемъ ржанаго хлѣба и водкой, если же деревня, изъ которой пришелъ рабочій, близка, то ребята принесутъ ему къ обѣду жидкой кашицы, сваренной на той же во-

Только когда поспѣетъ картофель, къ этому болѣе чѣмъ неприхотливому столу присоединяется нѣсколько картошекъ, испеченныхъ тутъ же на мѣстѣ. Въ силу недостатка въ лугахъ, а главное въ выгонахъ, скотины у крестьянъ мало, покупать же мясо не на что; лично для себя и своей семьи крестьянинъ рѣжетъ овцу или свинью только въ большіе праздники: Рождество и Пасху, въ «престольный» (если приходится въ скоромные дни), а «богатѣи»—въ особо чтимый по деревнямъ Покровъ. Но за послѣднія десять лѣтъ тотъ же самый крестьянинъ, не видавшій дома мяса круглый годъ, уже настолько «избаловался», что не найметъ въ рабочіе на мызу безъ того, чтобы *по крайней мѣрѣ* за всѣ лѣтніе мѣсяцы, считая съ 1 апрѣля по 1 октября, у него за столомъ ежедневно не было мяса. Мѣняя «шей горшокъ (хоть и пустыхъ), да самъ большой» на подневольную роль батрака, крестьянинъ ищетъ уже вознагражденія въ нѣкоторыхъ жизненныхъ удобствахъ, недоступныхъ въ домашней жизни. Мяса на мызахъ полагается (мужчины, женщины и подростки идутъ въ одинъ счетъ) отъ 15—20 фунтовъ въ мѣсяць на чело-вѣка, хлѣба по уговору «сколько съѣстся», кромѣ того крупа гречневая и ячневая, молоко, творогъ, картофель, а когда поспѣетъ огородъ,—рѣдька, свекла и капуста.

Рабочій день въ здѣшнихъ мѣстахъ распределяется такимъ образомъ: на лѣтнія полевые работы «становятся» не въ 4, а въ 5 часовъ утра, съ работъ уходятъ не въ 9, а въ 8 часовъ вечера; при этомъ дается два часа на обѣденный отдыхъ и по 1/2 часа на завтракъ и «паузины». Только во время молотбы (въ нашихъ мѣстахъ «сыромолота» не знаютъ), когда приходится торопиться съ очисткой риги и когда день становится болѣе короткимъ, а работъ остается по горло (пашня озимины и яровины, приборка оставшихся луговъ, раздѣлка лядинъ и проч.), этотъ порядокъ нѣсколько измѣняется: рабочіе уходятъ съ работъ гораздо раньше (въ 8 часовъ уже темно), но за то сразу послѣ обѣда, «покуривши малость», принимаются за работу. Воскресные и праздничные дни безусловно и всецѣло принадлежать рабочему: онъ дѣлаетъ, что хочетъ, и идетъ, куда желаетъ. Случается, что во время сѣнокоса или уборки сноповъ нѣсколько дней подъ-рядъ льетъ дождь, въ праздникъ же, какъ на зло выдается отличный, солнечный день; такой день для хозяина кладъ; воспользоваться имъ, значитъ спасти не одну сотню бабокъ отъ пророста, не одинъ укосъ сѣна отъ превращенія въ навозъ. При подобныхъ условіяхъ за отказъ отъ праздничнаго отдыха рабочимъ предлагается или особая плата или угощеніе, т. е. дѣлается своего рода «помочь», только безъ участія постороннихъ. Какъ условія, вызывающія подобные отказы, очень рѣдки (разъ, дутой за все лѣто) и рабочіе отлично понимаютъ, что ихъ гонять въ поле не «условія личнаго найма», не скаредное желаніе выбить лишнюю копейку, но необходимость, то и самая работа съ приятной перспективой: «водочка будетъ!» идетъ спорно, пожалуй спор-

нѣе и веселѣе, чѣмъ въ обыкновенное, урочное время, не возбуждая ни въ комъ неудовольствія.

Вмѣстѣ съ праздничнымъ отдыхомъ полевому рабочему всецѣло принадлежит и ночной отдыхъ; для ночныхъ работъ: гоньба лошадей въ поле и караулъ мызъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ нанимаются особые рабочіе; пригнавши въ пятомъ часу утра лошадей изъ «ночнова» и выпавшись, таковыя рабочіе занимаются «кое чѣмъ», около дома, въ огородѣ, въ саду.

Заработная плата за послѣднія десять лѣтъ поднялась и относительно постоянныхъ рабочихъ болѣе чѣмъ на 50%: хорошій рабочій, настоящій мужикъ, т. е. человѣкъ, находящійся въ полномъ развитіи физическихъ силъ и умѣющій исполнить всякую полевую работу (ровно посѣять, управиться съ плугомъ и т. п.), получаетъ на хозяйскихъ харчахъ *не менте* 72 руб. въ годъ; нанимаемый же только на лѣтніе мѣсяцы (съ апрѣля по октябрь) 7 руб. въ мѣсяцъ, парень (лѣтъ до 20, 22), за которымъ требуется еще «глазъ да глазъ»—60 руб. въ годъ, та же плата (5 р.) идетъ таковымъ и при наймѣ на лѣтніе мѣсяцы, за исключеніемъ іюля, августа и сентября, когда прибавляется по 1 р. въ мѣсяцъ.

Жестокосердное правило, въ силу котораго болѣзнь рабочаго, продолжающаяся болѣе трехъ дней, приравнивается къ прогулу, влекущему за собой вычетъ изъ жалованья, вовсе не практикуется въ здѣшнихъ мѣстахъ. Такой вычетъ является жестокосерднымъ тѣмъ болѣе потому, что наиболее распространенныя болѣзни рабочіе чаще всего получаютъ на хозяйскомъ дѣлѣ, разыгрывая же цивилизованную комедію *мнимо-болного* вовсе не въ характерѣ русскаго мужика,—будь это наилѣннѣйшій мужикъ, разъ ему «неможется», разъ онъ «свалился съ ногъ», можно смѣло вѣрить, что дѣло не шуточное, ничего общаго съ комедіей не имѣющее.

Я останавливаюсь на всѣхъ этихъ мелочныхъ обстоятельствахъ, чтобы показать, что здѣшній рабочій за послѣднія десять лѣтъ остался противъ своего собрата Дмитровскаго уѣзда въ выигрышѣ, какъ относительно продовольствія, заработной платы, такъ и относительно всѣхъ остальныхъ условій найма. Вообще для нѣкоторой характеристики современнаго положенія «рабочаго вопроса» въ здѣшнихъ мѣстахъ, я долженъ сказать, что, благодаря наплыву новой генерации землевладѣльцевъ, и происходящему вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненію во взглядахъ, опасеніе «обидѣть мужика» настолько (въ общемъ) стало велико, что отношенія между мызами и деревней, въ области труда, спроса и предложенія, устанавливаются чаще всего въ такой формѣ, что не мыза даетъ знать свою силу деревнѣ, а наоборотъ,—деревня мызѣ. При постоянствѣ крестьянскихъ недородовъ и при скудности пастбищныхъ мѣстъ о подобномъ преобладаніи не могло бы быть и рѣчи при нѣкоторой «прижимости» со стороны мызовладѣльцевъ. Закабалить деревню, заставить ее дешево и неуслонительно отдавать свой трудъ—дѣло далеко не хитрое; искусствъ

«выпускать потроха» изъ мужика можетъ научить любой кабачникъ и лавочникъ, на работы къ которымъ становятся аккуратнѣе, чѣмъ въ старину на барщину, однако, судя по отзывамъ тѣхъ же мужиковъ, моихъ деревенскихъ сосѣдей, не видно, чтобы городская интеллигенція, являясь въ край въ новой для нея роли сельскаго хозяина, выказывала наклонность прибѣгать къ упрощеннымъ приемамъ удешевленія и закабаленія.

Отмѣтивъ видоизмѣненіе, совершающееся за послѣдній періодъ времени въ землевладѣльческихъ элементахъ края, я не могу обойти молчаніемъ вопроса объ одномъ изъ общихъ свойствъ отечественнаго землевладѣнія.

Сельскохозяйственный трудъ, для своей производительности, результатности, требуетъ, преимущественно передъ всякимъ инымъ трудомъ, спокойствія, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, тогда какъ этой-то спокойной увѣренности и лишены наши захоlustья. Въ самомъ характерѣ нашего землевладѣнія, въ его основныхъ чертахъ господствуетъ неустойчивость и шаткость. Многочисленныя формы, созданныя для приданія ему подобающей твердости, привели къ результатамъ, какъ разъ обратнымъ.

Въ настоящее время нельзя найти ни одного акта укрѣпленія, гдѣ, не взирая на видимую точность обозначенія покупаемой земли въ десятинахъ и даже саженьяхъ, вслѣдъ за указаніемъ этого количества, не шла бы стереотипная оговорка: «а впрочемъ, болѣе или менѣе сколько въ натурѣ окажется». Это «болѣе или менѣе сколько въ натурѣ окажется» можетъ служить отличной иллюстраціей современнаго положенія отечественнаго землевладѣнія. Въ силу «болѣе или менѣе» купля-продажа имѣній у насъ въ огромномъ большинствѣ совершается «въ темную», «болѣе или менѣе» наугадъ: продавецъ, положивъ руку на сердце, не можетъ сказать, что онъ предлагаетъ «въ натурѣ» то самое количество земли, которое значится въ планѣ и въ предшествовавшихъ актахъ укрѣпленія, на точно опредѣленное количество земли не можетъ рассчитывать и покупатель. Я лично могъ бы указать не одинъ случай, гдѣ при незаподозрѣнной добросовѣстности со стороны продавца, «въ натурѣ» оказывалась значительная недохватка земли противъ акта укрѣпленія, точно также могъ бы указать соответствующее число случаевъ, совершенно противоположныхъ, т. е. гдѣ, при полномъ нежеланіи стороны покупателя воспользоваться чужимъ добромъ, земли оказывалось значительно болѣе, чѣмъ значилось въ передаваемыхъ планахъ и актахъ укрѣпленія. Мнѣ приходилось наталкиваться на побные, съ неба упавшіе, подарки въ размѣрахъ слишкомъ ста десятинъ на 600 десятинъ.

Такія, въ высшей степени ненормальныя, условія перехода права

собственности на землю отражаются весьма неблагоприятно как на сдѣлкахъ, придавая этимъ сдѣлкамъ совершенно несвойственный имъ характеръ «ставки», «игры», такъ и на всемъ сельско-хозяйственномъ складѣ мысъ. Причину такихъ условій слѣдуетъ искать, конечно, не въ какихъ либо мѣстныхъ, но въ общихъ, историческихъ судьбахъ отечественнаго землевладѣнія.

Единственно прочнымъ основаніемъ современнаго землевладѣнія или, выражаясь юридическимъ языкомъ, его «титоломъ», до сихъ поръ считаются планы генеральнаго межеванія. Чтобы достойно оцѣнить эту удивительную по своему времени (1765 г.) государственную работу, удивительную не только по широтѣ замысла, но и по мастерству приведенія замысла въ исполненіе, не слѣдуетъ забывать ни скудности находившихся въ распоряженіи правительственныхъ органовъ средствъ, ни того, что генеральное межеваніе было первой серьезной попыткой перейти отъ примитивнаго опредѣленія границъ поземельныхъ владѣній «живыми урочищами» въ видѣ «краковястаго вяза, а на немъ грани», или «куда соха ходила» и достигалъ «коровій рыкъ», къ математически точнымъ измѣреніямъ и линіямъ.

Но генеральное межеваніе было предпринято въ цѣляхъ чисто государственныхъ: разобраться въ общемъ хаосѣ поземельныхъ отношеній, выяснить, насколько то находилось въ средствахъ, общую государственную картину землевладѣнія и сельско-хозяйственнаго положенія страны, получить, какъ сказано въ манифестѣ 19 сентября 1765 г. «къ государственному общему экономическому правленію свѣдѣнія». Въ силу такого, исключительно государственнаго характера законоположенія, межевались отдѣльныя площади земли, «дачи» (дача пригорода такого то, дача при селѣ такомъ то), но не «владѣнія», а потому какія перемѣны произошли съ тѣхъ поръ, когда отдѣльныя «дачи» утратили внутри себя цѣльность владѣнія, для цѣлей генеральнаго межеванія оставалось совершенно безразличнымъ. Генеральное межеваніе только не отказывало «для покоя и тишины всемъ подданнымъ» отмѣчать въ планахъ отдѣльныхъ «дачъ» границы совладѣльцевъ одной и той же дачи, когда эти совладѣльцы прибѣгали къ такъ называемому «полюбовному размежеванію», но не побуждало ихъ (совладѣльцевъ) наносить на планы межевыя грани въ каждомъ случаѣ, когда правительственные органы наталкивались на раздробленіе отдѣльныхъ дачъ.

Такимъ образомъ генеральное межеваніе, представляясь громаднымъ шагомъ впередъ для опредѣленія предѣловъ государственнаго землевладѣнія, въ то же время для землевладѣнія частнаго, гдѣ в землевладѣніе не являло изъ себя «отдѣльной дачи», сдѣлало очень мало: внутри большинства этихъ «отдѣльныхъ дачъ» осталась та же череполосица, то же общее владѣніе, та же неопредѣленность границъ по актамъ укрѣпленія и «живымъ урочищамъ», которыя получили широкое право гражданства до изданія манифеста 19 сентяб-

Со времени генеральнаго межеванія для большинства губерній прошло болѣе ста лѣтъ, тѣмъ не менѣе, за этотъ длинный, чреватый крупными событиями, промежутокъ, не было ни одной общей попытки отмѣтить многочисленныя измѣненія, происшедшія въ землевладѣльческой фазіономіи страны. Мало того, отечественному землевладѣнію приходится до настоящаго времени довольствоваться формами, формулами и приѣмами, оставленными генеральнымъ межеваніемъ, не взирая на то, что эти формулы не соотвѣтствуютъ современнымъ правовымъ и экономическимъ условіямъ, эти же приѣмы не отвѣчаютъ научнымъ (современнымъ) приѣмамъ. Во всякомъ случаѣ, генеральное межеваніе, являясь драгоценнымъ историческимъ памятникомъ, менѣе всего можетъ служить основаніемъ современнаго права собственности, ибо съ современнымъ землевладѣніемъ оно не имѣетъ ничего общаго. Въ настоящее время трудно встрѣтить земельную дачу, которая помимо внутреннихъ видоизмѣненій (въ составѣ пашни, лѣса, луговъ, «удобныхъ и неудобныхъ» земель) сохранилась бы въ своемъ первоначальномъ видѣ, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ она занесена на планы генеральнаго межеванія. Путемъ наслѣдственнаго права, продажъ, раздѣловъ, обмѣновъ, громаднѣйшее число «дачъ»,—за эти сто слишкомъ лѣтъ,—кроились и перекраивались безчисленное число разъ. Такъ какъ отмѣтка на планахъ и занесеніе «въ натурѣ» межевыхъ граней при переходѣ права собственности на землю не были (и не суть) обязательны, то чаще всего всѣ эти раздробленія, кройки и перекройки отдѣльныхъ «дачъ» сопровождались совершеніемъ однихъ только актовъ укрѣпленій съ ихъ растяжимой оговоркой: «а впрочемъ, болѣе или менѣе сколько въ натурѣ окажется» и съ указаніемъ въ общихъ чертахъ смежныхъ владѣльцевъ или пустошей. Если же при выкройкѣ участковъ изъ общаго состава «дачъ» составлялись иногда планы, то въ этихъ планахъ равносильную роль играли невѣжество и злоупотребленія со стороны ихъ составителей. Границы частнаго землевладѣнія расширялись и суживались не по праву, но по величинѣ матеріальныхъ средствъ, по степени умѣнья вести дѣла въ подлежащихъ вѣдомствахъ и по степени не особенно устойчивой совѣсти сихъ послѣднихъ.

Такимъ историческимъ путемъ, совершая безчисленное множество разнообразнѣйшихъ сдѣлокъ, путаясь и перепутываясь, враждуя и мирясь, захватывая и отступая, смѣнялось одно поколѣніе землевладѣльцевъ другимъ. Въ этихъ смѣнахъ исчезло даже представленіе о двуглавыхъ орлахъ (межевые столбы), нѣкогда при генеральномъ межеваніи оберегавшихъ границы, а вмѣстѣ съ тѣмъ право частнаго землевладѣнія; взамѣнъ же ихъ каждое поколѣніе передавало другому вороха документовъ, чаще всего сомнительныхъ о своемъ происхожденіи и достоинству, и на этихъ то преисполненныхъ противорѣчіями и всевозможными недомолвками документахъ, какъ на единственныхъ источникахъ права, слѣдующимъ по-

колѣнѣмъ громоздились новыя противорѣчія, новыя сдѣлки, новыя вторженія въ область права сосѣда...

Вся эта (иногда невообразимая) путаница въ поземельныхъ отношеніяхъ, происшедшая послѣ генеральнаго межеванія, досталась въ видѣ тяжелаго историческаго наслѣдства современному отечественному землевладѣнію, одинаково, въ какой бы полосѣ ни занимало оно свое мѣсто. Освобожденіе землевладѣнія отъ этого бремени составляетъ вопросъ очень трудный для разрѣшенія, но тѣмъ не менѣе настоятельный, огромной государственной важности.

Стародавняя пословица «межи да грани—споры да брани» сохранила по нашимъ захоlustьямъ всю свою жизненность до настоящей поры. Общее положеніе современнаго землевладѣнія таково, что на спокойное владѣніе, на спокойную работу имѣютъ право рассчитывать только тѣ немногіе счастливыя, «межи да грани» которыхъ заботливо оберегаются самой природой, въ видѣ рѣкъ, овраговъ, непролазныхъ болотъ; всѣ же остальные не могутъ поручиться, чтобы ихъ покой и трудъ не сегодня-завтра не были бы отравлены любымъ изъ сосѣдей, который, вооружившись «а впрочемъ болѣе или менѣе, сколько въ натурѣ окажется», не вчинилъ бы «споръ и брань» съ необходимыми послѣдствіями земельныхъ междоусобицъ отечественныхъ *Монтески* и *Капулетти*: потравами, порубками, загонами, запашками и всевозможными кляузами, одинаково разорительными для обѣихъ враждующихъ сторонъ.

Освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости прибавило въ современномъ землевладѣніи новую и притомъ едва ли не самую горшкую путаницу къ этимъ «межи да грани,—споры да брани». Въ самой сердцевинѣ помѣстныхъ владѣній образовался самостоятельный земельный собственникъ—деревенская община, и притомъ собственникъ наиболѣе стѣсненный, ограниченный въ своихъ владѣніяхъ, а потому въ силу естественныхъ причинъ, наиболѣе наклонный къ расширенію земельныхъ границъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ простая заботливость о завтрашнемъ днѣ и послѣдующемъ поколѣніи должна была бы понудить землевладѣльцевъ эпохи реформъ обставить дѣло первой важности такимъ образомъ, чтобы по возможности оградить и себя и новыхъ вступщиковъ отъ будущихъ вторженій въ область чужого права. Къ сожалѣнію, надѣлъ землей крестьянской общины шелъ путемъ обратнымъ: прагматично думали о будущемъ, но будущемъ очень близкомъ, являвшемся въ односторонней формѣ наискорѣйшаго полученія выкупныхъ платежей. Заботливость объ этихъ платежахъ отодвигала всѣ остальныя соображенія на задній планъ. Получить,—а тамъ «хоть трава не расти».

Какъ извѣстно, наръзка земли, при освобожденіи крестьянъ, происходила по наличнымъ «ревизскимъ душамъ»; размыры же

площади отходившей къ сельской общинѣ земли обозначались въ уставной грамотѣ. При этомъ измѣреніе площади отходившей земли обходилось или вовсе безъ помощи специалистовъ или для этой цѣли, а также для составленія плановъ, прибѣгали къ услугамъ такъ называемыхъ «частныхъ землеѣровъ», людей въ громадномъ большинствѣ случаевъ вполне невѣжественныхъ, безграмотныхъ, получившихъ свое специальное образованіе въ качествѣ вольнонаемныхъ писцовъ и пьяныхъ носителей астрологій у недоброй памяти «казенныхъ землеѣровъ».

Квадратное измѣреніе болѣе или менѣе значительныхъ площадей, въ особенности если эти площади неправильной формы (что чаще всего встрѣчается въ натурѣ), представляетъ само по себѣ трудъ не легкой, кропотливый, требующій внимательности и навыка. Крестьянинъ, для котораго всякая «цихѣрь» темная грамота, привыкъ обращаться только съ такими площадями, которыя доступны его личной обработкѣ, мѣра же, которой онъ руководствуется, опредѣляя величину небольшихъ земельныхъ участковъ, не соответствуетъ общепринятой мѣрѣ (квадратная сажень), но выражается или суммой израсходованнаго труда или (при пахотныхъ земляхъ) количествомъ высѣваемыхъ сѣмянъ. «Сдѣлалъ двѣ упряжки — надо быть 50 верстъ». — «Оралъ три дня, — какъ не быть десятинѣ». Къ какимъ ошибочнымъ выводамъ приводитъ такое примитивное измѣреніе, понятно каждому. Во всякомъ случаѣ уже въ силу полного невѣдѣнія общепринятыхъ мѣръ, безграмотной крестьянской общинѣ, при надѣлѣ земель, пришлось ограничиться довольно жалкой ролью, она принимала «на глазъ» и «на вѣру» то, что ей давали. Ожесточенные споры и недоразумѣнія, сопровождавшіе составленіе уставныхъ грамотъ, вращались чаще всего не на количество, а на качество отводимыхъ надѣловъ и на тѣхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ, при которыхъ надлежало жить будущей самостоятельной общинѣ (водопой, прогонъ, проѣздъ, выгонъ и т. д.). Покончивши съ этимъ статьями (качество земли, водопой и пр.), самый обходъ и нарѣзка площади крестьянскаго землевладѣнія происходили при помощи «саженки» или цѣпи «частнаго землеѣра» очень быстро, — а затѣмъ тотъ же вольный специалистъ наносилъ невѣжественной рукой на помѣщичьемъ планѣ пограничную межу крестьянскаго землевладѣнія, иногда выдавалъ общинѣ «выкопировку» и тѣмъ завершалъ процедуру надѣла.

Должно замѣтить, что установленные закономъ межевые знаки (яма, наполненная камнемъ или углемъ, и столбъ съ выжженнымъ изображеніемъ двуглаваго орла) въ крестьянскомъ міровоззрѣніи имѣютъ громадное значеніе («нѣтъ столба — нѣтъ вотчины»); это символъ права собственности, какъ печать — символъ правительственной власти. Мнѣ неоднократно приходилось наблюдать, какъ, вслѣдъ за постановкой межевыхъ столбовъ, крестьяне, до сихъ поръ не особенно стѣснявшіеся вторженіями въ область сосѣда, не только

прекращали эти вторженія, но, никѣмъ не побуждаемые, на свой единоличнѣйшій счетъ, обносили границу владѣній плетнями и заборами. Подъ сѣнью двуглаваго орла «мое» и «твое», доселѣ являвшіеся въ смутныхъ очертаніяхъ, сразу раздѣлялись рѣзкой чертой. Между тѣмъ при надѣлѣ крестьянскихъ общинъ земель постановка межевыхъ знаковъ или вовсе не практиковалась или практиковалась въ исключительныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, благодаря чему неопредѣленности и неизвѣстности было предоставлено на первыхъ же порахъ широкое поле. Замѣчу, что въ отсутствіи двуглавыхъ орловъ по границамъ крестьянскаго землевладѣнія кроется между прочимъ одна изъ причинъ возникновенія на деревенской почвѣ, въ той или другой формѣ, слуховъ «на счетъ земельки» и «новыхъ правовъ». Безъ двуглаваго орла крестьянской общинѣ пока не вѣрится, чтобы ея вотчина была отмежевана окончательно. «Быть еще нарѣзкѣ по новымъ душамъ» утѣшаетъ себя мужикъ въ наступившемъ мало-земельи.

На первыхъ порахъ послѣ освобожденія, когда цѣнность земли упала до minimum'a, когда вся заботливость землевладѣльцевъ сосредоточивалась на полученіи выкупныхъ свидѣтельствъ и когда община, получавшая надѣлы по ревизскимъ душамъ, въ средѣ этихъ «душъ» насчитывала значительное число малолѣтокъ, недостатки поспѣшнаго и невнимательнаго совершенія выкупныхъ сдѣлокъ были не особенно ощутительны. Но съ теченіемъ времени положеніе дѣлъ измѣнилось къ худшему: цѣнность земли увеличилась, помѣстья раздробились, населеніе общины возросло, малолѣтки стали мужиками, явились новые малолѣтки, 4-хъ-десятинный надѣлъ становится болѣе и болѣе тѣснымъ. Новому поколѣнію землевладѣльцевъ, въ виду возникающихъ споровъ и недоразумѣній съ крестьянской общиной, приходится прибѣгать довольно часто къ провѣркѣ границъ, и здѣсь то, при этой провѣркѣ, обнаруживаются тѣ грубѣйшіе промахи, а иногда нѣчто худшее, которые были допущены при совершеніи выкупныхъ сдѣлокъ. За плечами крестьянскаго землевладѣнія не стояло историческаго прошлаго, — тѣмъ не менѣе фраза: «а впрочемъ болѣе или менѣе, сколько въ натурѣ окажется» удержала и здѣсь свое роковое значеніе; удержала въ томъ смыслѣ, что площадь крестьянскаго землевладѣнія по (акту укрѣпленія) уставной грамотѣ, — оказывается сплошь и рядомъ не соответствующей дѣйствительному, фактическому землевладѣнію: иногда община владѣетъ большимъ надѣломъ, — чаще же — меньшимъ противъ уставной грамоты.

Чтобы показать, какъ велики эти промахи «прошедшаго» и какъ трудно разобратъся въ нихъ землевладѣльцамъ «настоящаго», я передамъ случай, который мнѣ пришлось наблюдать очень близко.

Въ 2, 3 верстахъ отъ моей мызы былъ купленъ участокъ земли въ 420 десятинъ. До крестьянской реформы во всей датѣ, къ которой принадлежалъ участокъ, числилось около 1,800 десятинъ,

послѣ же освобожденія, дача, путемъ продажъ, раздробилась на три участка. При покупкѣ, новый собственникъ получилъ планъ генеральнаго межеванія съ намѣченными неизвѣстно кѣмъ и когда перемѣнами въ составѣ дачи, а въ томъ числѣ съ отмѣткой земельного надѣла, перешедшаго къ сельской общинѣ. Эта послѣдняя отмѣтка особенно поражала своей странностью, отсутствіемъ правильныхъ угловъ, одна же изъ пограничныхъ линій шла ничѣмъ необъяснимыми, совершенно пьяными зигзагами, то переходя за рѣчку, то ввошь отступая. Никакихъ пограничныхъ знаковъ, въ видѣ просѣкъ, насыпей или столбовъ, конечно, не было и въ поминѣ; вторженіямъ за неудовимую линію границы какъ съ той, такъ и съ другой стороны предоставлялся полный просторъ. Отсюда, въ силу самой неопредѣленности, ежедневно изъ за каждой копы сѣна, изъ за каждой коровы возникали тѣ мелочныя дразги и столкновенія, которыя отравляютъ, дѣлаютъ невозможно-непріятной жизнь въ деревнѣ. Чтобы разъ-навсегда узнать, что «мое» и что «твое» и этимъ путемъ покончить столкновенія съ деревней, мой сосѣдъ рѣшился пригласить «казеннаго» землебръ. Провѣрка границъ, произведенная симъ послѣднимъ, обнаружила цѣлый рядъ очень серьезныхъ противорѣчій. Такъ, по уставной грамотѣ площадь крестьянскаго землевладѣнія равнялась 86 десятинамъ, по отмѣткамъ же на планѣ, сдѣланнымъ при совершеніи выкупной сдѣлки рукой «частнаго» землебръ, 113 десятинамъ, а дѣйствительная площадь крестьянскаго землевладѣнія, по точному, не допускающему ошибокъ, исчисленію приглашеннаго «казеннаго» землебръ, 118 десятинамъ. Такимъ образомъ разница между владѣніями: по уставной грамотѣ (86 дес.) и дѣйствительнымъ (118 дес.) равнялась 32 дес. Кромѣ того, при той же провѣркѣ оказалось, что всѣ углы и линіи крестьянскаго землевладѣнія нанесены на планъ совершенно самопроизвольно, по какому то вдохновенію, безъ участія астролябіи и мензулы. Когда землебръ, разсчитавъ площадь дѣйствительнаго землевладѣнія, объявилъ о вкравшейся ошибкѣ крестьянамъ («выкопировка» изъ плана частнаго землебръ имъ была выдана на руки при составленіи уставной грамоты), они были поражены какъ громомъ: въ 32 десятины входило все третье поле деревни, часть и притомъ лучшая, совершенно расчищенная отъ зарослей и кочекъ, луговъ и наконецъ граница новаго собственника должна была подойти къ самой околицѣ. «Курицу некуда выгнать». Не особенно пріятно былъ пораженъ открытіемъ землебръ и новый собственникъ: заплативши довольно значительныя деньги по рассчету за 420 десятинъ и предполагая владѣть именно 420 десятинами, онъ сразу лишился 32 десятинъ, притомъ лучшей, ближайшей къ мызѣ земли. Найти виновнаго въ происшедшей поземельной путаницѣ не было возможности, да розыскивать его не стоило ни труда, ни времени; зредь моимъ сосѣдомъ стоялъ болѣе насущный вопросъ: что дальше дѣлать?

«Твоя воля, говорили ему мужики — пушай насъ съ дѣтьми по міру. Намъ безъ этой земли, —самъ видишь, —петля: ни пахать, ни коровенку прокормить. Ты свою ищешь, знамо, не щепами за землю платишь, кажинному свое дорого, — да мы чѣмъ виноваты? Намъ въ тѣ поры сказано было посредственникомъ: вотъ вамъ плантъ, вотъ вамъ земля, владайте нерушимо. Не токма, что мы, отцы то наши надъ этой полосой спины гнули; безъ нея, — мы на грамоту не пошли бы...»

Передъ моимъ сосѣдомъ находилась трудная дилемма: онъ очень хорошо понималъ, что, обращаясь къ суду, имѣеть много шансовъ для выигрыша дѣла, но точно также понималъ, что, отбирая отъ крестьянъ все третье поле, накидывая на шею деревни петлю, онъ создаетъ почву для тѣхъ отношеній, при которыхъ спокойная, мирная работа представляется немислимой, при которыхъ мыза и деревня перестаютъ быть сосѣдами, но переходятъ на положеніе двухъ враждебныхъ лагерей. Въ концѣ концовъ, какъ ни жалъ было денегъ и 32 десятинъ, мой сосѣдъ, «цѣня покой» дороже всего, рѣшился оставить землю деревнѣ, ограничившись проведеніемъ линій и постановкой межевыхъ столбовъ.

Но не всѣ такъ уступчивы, какъ мой сосѣдъ, да было бы несправедливо требовать такой уступчивости. «Кажинному свое дорого», какъ говорила деревня при спорѣ съ сосѣдомъ; всякій естественно стремится защитить тѣмъ или другимъ способомъ свое право, черту своего владѣнія; нарушенія этой черты, съ чьей бы стороны ни воспослѣдовали, одинаково неприятны и убыточны.

Я долженъ оговориться.

Какъ примѣръ погрѣшностей, мною приведенъ случай, гдѣ крестьянская община оказалась въ выигрышѣ противъ уставной грамоты, однако справедливость требуетъ установить, что мнѣ приходилось наталкиваться на гораздо большее число случаевъ противоположнаго характера, т. е. гдѣ община оказывалась въ проигрышѣ. Безспорно, каждая обдѣленная община имѣеть право искать и требовать (если только не пропущенъ давностный срокъ) недостающее противъ уставной грамоты количество земли судомъ (выкупными платежами оплачивается земля не «по натурѣ», а по уставной грамотѣ), но такое требование, уже въ силу договоривны процесса, доступно только немногимъ общинамъ.

Если большинство нашихъ имѣній страдаетъ неопредѣленностью и сбивчивостью границъ, то та же неопредѣленность и сбивчивость служитъ неотъемлемымъ качествомъ при опредѣленіи внутреннихъ достоинствъ помѣстій. Земля, изъ году въ годъ распахиваемая, долженствующая претворять въ себѣ измышляемые «культуры», земля изъ которой съ неумолимой постоянностью высасываются всѣ соки остается, со всѣми ея свойствами и силами, по прежнему, какъ «г

дни оны», икъсомъ, неизвѣстной величиной. Мало того, не только гѣдра этой земли, но даже ея обрабатываемая площадь является тѣмъ же икъсомъ, съ неизбежной оговоркой: «а впрочемъ, болѣе или менѣе сколько въ натурѣ окажется». Скучность и дороговизна спеціальнаго труда, мѣшая разобратъся въ путаницѣ поземельныхъ, выѣсныхъ отношеній, одинаково становятся поперекъ дороги при водвореніи внутреннихъ распорядковъ отдѣльныхъ хозяйствъ, при установленіи той или другой правильной сельско-хозяйственной системы.

Я не знаю ни одного имѣнія, обладающаго такъ называемымъ сельско-хозяйственнымъ планомъ, т. е. планомъ внутренней ситуаціи, гдѣ съ точностью были бы обозначены площади тѣхъ или другихъ угодій (пашни, луга, лѣса, выгоны) съ разбивкой по десятинно, съ обозначеніемъ свойствъ почвы и подпочвы, съ ея уклонами и т. д. Я слышалъ, что таковыя есть, но какъ рѣдкость, крайнее исключеніе, въ имѣніяхъ очень богатыхъ; людямъ среднихъ достатковъ, громадному большинству землевладѣльцевъ рѣшительно не по средствамъ имѣть подобную роскошь, хотя съ необходимостью этой роскоши сталкиваешься каждый день и на каждомъ шагу; безъ нея всѣ хозяйства бродятъ ощупью, на-угадъ. Конечно ни одинъ сельскій хозяинъ, чтобы не уронить въ глазахъ слушателя свой авторитетъ, ни на минуту не задумается надъ предложеннымъ вопросомъ: сколько въ имѣніи пашни, луговъ, лѣса и т. под. Отвѣты обыкновенно поражаютъ точностью, не допускающею сомнѣній, но если на основаніи этихъ свѣдѣній судить о достоинствѣ имѣнія, то можно впасть въ большую ошибку, ибо, не говоря уже объ общей страсти гг. хозяевъ прихвастнуть количествомъ угодій въ явный ущербъ пескамъ и болотамъ, самое измѣреніе всѣхъ этихъ угодій происходитъ обыкновенно самымъ первобытнымъ способомъ, по правилу: мѣрила баба клюкой, да и махнула рукой. Мнѣ неоднократно приходилось видѣть, какъ землевладѣльцы, обладая современными свѣдѣніями о своихъ угодьяхъ, начавши, напримѣръ, рубку лѣса и рассчитывая выручить известную сумму, испытывали жестокое разочарованіе: получали вдвое меньше того, что рассчитывали. Участки оказывались далеко не заключающими въ себѣ предполагаемаго количества десятинъ, внутри же ихъ много мѣстъ голыхъ, или поросшихъ молодикомъ, способнымъ идти только на жердь для полевыхъ изгородей. Та же исторія на моихъ глазахъ повторяется съ лугами, пашнями. Обвинять землевладѣльцевъ въ такомъ, повидимому, поверхностномъ, небрежномъ отношеніи къ качествамъ и свойствамъ имѣній было бы не вполне справедливо: волей неволей имъ приходится здѣсь ограничиваться «глазомъ», «саженкой» и приемами, выработанными сосѣдомъ-деревней. «Высѣялъ столько то кулей,—значить столько то десятинъ въ полѣ». «Косило столько то рабочихъ столько дней, значить столько то десятинъ луга» и т. д., хотя это «знаніе» на самомъ дѣлѣ ровно ничего «не значить», ибо въ основаніи

вывода ложатся данныя случайныя, измѣнчивыя; такъ, на работу косцовъ при хорошей травѣ любо смотрѣть, работа идетъ скоро и весело; тѣ же косцы, несмотря на понуканья, еле передвигаютъ ноги при травѣ тощей, низкорослой. «Косу не стоить тупить».

Отсутствіе сельско-хозяйственныхъ плановъ зло не меньшее той путаницы поземельныхъ отношеній, о которой говорилось выше, но и здѣсь, при оцѣнкѣ какъ самого зла, такъ и средствъ для его устраненія, наталкиваешься на неутѣшительную фразу, созданную для нашихъ захоlustевъ: взятыя не чѣмъ.

Помимо невозможности, даже при тщательномъ осмотрѣ, установить правильную, не допускающую ошибокъ, оцѣнку имѣній, ихъ достоинствъ и недостатковъ, отсутствіе сельскохозяйственныхъ плановъ вносить во всѣ хозяйственные приемы характеръ случайности, излюбленнаго авось, съ неизбежными послѣдствіями этихъ случайностей и авось: невознагражденными затратами и дефицитами. Разсчитывая, что имѣніе обладаетъ 50, 70 и т. д. десятинъ луговъ и соотвѣтствующимъ пространствомъ выгона, хозяинъ расширяетъ скотный дворъ, прикупаетъ скотину и подсчитываетъ барыши въ недалекомъ будущемъ. Однако, вмѣсто ожидаемыхъ барышей, скотина голодаетъ, съ голоду теряетъ молоко, зиму приходится прикупать сѣна на столько, что всѣ собираемые «продукты» скотнаго двора не покрываютъ затраты на прокормъ. Столь неутѣшительные результаты получаются сплошь и рядомъ вовсе не потому, чтобы пастбища были плохи, чтобы годы вышли неурожайные на травы, но потому, что хозяинъ, понадеявшись на «столько то рабочихъ косило,—значить и т. д.», жестоко ошибся въ разсчетъ: тамъ, гдѣ по его мнѣнію должно быть 6, 7 десятинъ, оказалось «болѣе или менѣе» 3, 4,—гдѣ 20, тамъ 12, 15 и т. д.

Та же канитель тянется съ посѣвомъ, съ удобреніемъ: то нехватка хорошихъ сѣмянъ, то излишекъ, то нехватка навоза, то его остатокъ; одні десятины засѣваются по надлежащему, хозяйственному разсчету, другія безъ всякаго разчета, кое какъ, чтобы только вспаханное поле не осталось незасѣяннымъ, чтобы не пропагъ даромъ трудъ паханья и бороньбы; одні полосы удобряются хорошо, другія остаются или вовсе безъ удобренія или имъ дается такое ничтожное количество удобренія, которое не оказываетъ вліянія на производительность земли.

Въ результатъ отъ такой неравномѣрности въ распредѣленіи труда, сѣмянъ и удобренія, при общемъ подсчитываніи урожая оказывается опять таки работа изъ году въ годъ въ убытокъ, и въ убытокъ опять таки не потому, что весна была слишкомъ дождлива, а лѣто сухо, но потому, что хозяинъ самъ на знаетъ надъ чѣмъ работаетъ, и въ силу этого незнанія десятины, хорошо удобренныя, засѣянныя хорошими сѣменами, дали самъ 8, 9, съ десятинъ же плохо обработанныхъ едва-едва набралось самъ 2, 3.

При отсутствіи сельско-хозяйственныхъ плановъ, съ разбивкою

угодій на точно измѣренныя незначительныя площади, съ рабочими возникаютъ постоянныя недоразумѣнія, споры и взаимныя обвиненія. Каждое мызное хозяйство держится не на постоянныхъ рабочихъ, проживающихъ на мызѣ, но на рабочихъ со стороны, пришлыхъ, въ нашихъ мѣстахъ получающихъ не одни задатки, но и всю задѣльную плату съ зимы («скосить столько то десятинъ», «сжать столько-то», смотря по наличнымъ силамъ семьи). Время для такихъ работъ самое спѣшное, горячее; каждый хватаетъ рабочихъ, чтобы не потерять лишняго, драгоценнаго дня. У каждаго крестьянина на шеѣ своя косьба, свое жнитво; отработавши подъ взятыя задатки, онъ торопится домой или къ другому нанимателю. Подсчитывать, вымѣрять, дѣлать выкладки въ этой суетнѣ, въ этой погонѣ за двумя, тремя хорошими днями, совсѣмъ не время, а между тѣмъ каждый клинъ, каждый изгибъ линіи возбуждаетъ споры, со стороны хозяина въ недочетѣ работы, со стороны рабочаго въ ея излишнѣ, у одного въ рукахъ прежній опытъ, глазъ и много-много «саженка», у другого аргументы не менѣе сильныя:

«Какъ не быть десятинѣ. Ты погляди, какую уймаищу я тебѣ наваялялъ, два дня косилъ, кажинный разъ до солнышка становился. Руке не покладамши работалъ, смаялся совсѣмъ».

Или:

«Четыре насъ жало: я, да три моихъ дѣвки, отъ самой среды. Спинушекъ не разгибали, какъ не быть двумъ (десятинамъ)».

Въ происходящей лихорадочной спѣшкѣ, въ силу зависимости отъ каждаго пониженія барометра, въ этихъ сперахъ чаще всего приходится уступать хозяину; если же потомъ, когда хозяйственная суетня окончится, онъ не полѣнится, возьметъ карандашъ и подсчитаетъ все углы и изгибы, то окажется, что «спинушки» остались не въ накладѣ, самая же работа обошлась на 30, на 40 процентовъ дороже.

Слѣдуетъ замѣтить, что крестьяне никогда не протестуютъ противъ такихъ подсчитываній и измѣреній. Скажутъ только на ихъ результаты:

«Ишь ты, а по нашему, деревенскому, кажись все выходило. Ну, да тебѣ съ бумажкой виднѣе».

Но въ этомъ согласіи для хозяина и его кармана утѣшительнаго очень мало.

Отсутствіе сельско-хозяйственныхъ плановъ особенно вредно отражается на тѣхъ мызныхъ хозяйствахъ, гдѣ собственникъ не живетъ тонно въ имѣніи, или живетъ, но слишкомъ бариномъ, не встаетъ вмѣстѣ съ солнышкомъ, не утруждая излишне благородныхъ рукъ. Контролировать безъ такового плана что и за сколько сдано, имѣя въ рукахъ «урочное положеніе», нѣтъ никакой возможности. При нѣкоторой недобросовѣстности, невнимательности и неряшливости со стороны управляющаго, «старшдо» (типъ и новидности этихъ господъ я постараюсь нарисовать впоследствии),

каждая цифра прихода и расхода является фиктивной; приходится только вѣрить на слово и платить деньги, большая часть которыхъ поступаетъ не по адресу и не за надлежащій трудъ, увеличивая тѣмъ самымъ издержки сельско-хозяйственнаго производства, безъ соответствующаго увеличенія доходности имѣнія.

Если обстоятельно заняться перечисленіемъ большихъ мѣстъ отечественнаго землевладѣнія, то можетъ получиться нѣчто въ родѣ сундукка Іоанна Грознаго, съ его заключительной фразой «имена же ихъ Ты Господи, всѣи». Но, какъ бы ни былъ длиненъ этотъ перечень, тѣмъ не менѣе справедливость подсказываетъ, что одинъ изъ главныхъ враговъ сидитъ въ насъ самихъ же, точно также подсказываетъ, что, не справившись съ этимъ врагомъ, изъ всѣхъ нашихъ усилій и затратъ, даже при помощи возможныхъ «воспособленій», не выйдетъ ничего путнаго, кромѣ безцутно разрастающихся дефицитовъ и прорѣхъ на имѣніяхъ.

Надѣюсь, что не мнѣ одному приходилось наталкиваться на такіе (не особенно веселые) факты изъ современной сельско-хозяйственной жизни: является въ заолустѣ новый человекъ съ благими намѣреніями хозяйничать и работать; онъ приноситъ съ собой личную порядочность, желаніе трудиться и достаточныя матеріальныя средства для приведенія этого желанія въ исполненіе. Словомъ, всѣ данныя, въ силу которыхъ становится цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ любой сферѣ дѣятельности, а тѣмъ болѣе въ сферѣ дѣятельности деревенской, столь много нуждающейся въ порядочныхъ людяхъ. Повидимому, остается только радоваться появленію новаго хозяина и ожидать болѣе или менѣе благотворныхъ послѣдствій отъ его достоинствъ и трудовъ... Къ сожалѣнію, эта радость зачастую оказывается преждевременной. На первыхъ горячихъ порахъ новая метла работаетъ, какъ слѣдуетъ: человекъ читаетъ, учится, строитъ, бѣлитъ, расчищаетъ, ищетъ новыхъ путей «для поднятія продуктивности» земли, негодуетъ на рутину, волнуется надъ судьбами деревни и т. д., въ концѣ же концовъ бессильно опускаетъ руки передъ безуспѣшностью своихъ волненій и поисковъ... Въ новомъ сельско-хозяйственномъ прозелитѣ совершается обратное теченіе, отливъ послѣ прилива: налаживающееся дѣло перестаетъ возбуждать прежній, живой интересъ, ведется спустя рукава, кое какъ, глазъ наемника и отсутствіе души сказываются всюду, въ каждой сельско-хозяйственной мелочи, остатокъ же добрыхъ намѣреній уходитъ на безцѣльныя, всѣмъ надѣвшія жалобы и причитанія.

Кто долженъ нести нравственную отвѣтственность за «гибшихъ, но милыхъ созданий» нашихъ заолустевъ?

Чтобы со достаточнымъ безпристрастіемъ отвѣтить на это вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ назвать собственнымъ именемъ зло, в сѣвшее въ каждомъ изъ насъ и въ корень подтачивающее наг

«мызы и деревни», слѣдуетъ всмотрѣться въ жизнь нашихъ захо-лустьевъ, въ атмосферу, которой дышать они изо дня въ день, изъ года въ годъ, не обращая вниманія на краснорѣчивыя зовы, если только эти зовы не сопровождаются подачками, безъ всякихъ признаковъ видоизмѣненія къ лучшему.

Не взирая на одинаковость условій: почвенныхъ, сельско-хозяй-ственныхъ, экономическихъ и бытовыхъ того или другого угла, не взирая на близость разстояній, всѣ сельско-хозяйственныя единицы этого угла:—Отрадины, Бѣловѣжьи, Запольи, Загорьи, Софьины, Варварины, Боровенки, Дунькины Горки и пр. и пр. представляютъ отдѣльные микроскопическіе мірки. Засвѣвъ въ такой мірокъ, каждый сельскій хозяинъ ведетъ дѣло, копошится и волнуется на свой единоличнѣйшій страхъ и рискъ, справляясь съ крупными и мелкими бѣдами какъ знаетъ и чѣмъ знаетъ. Ни тождественность причинъ, отъ которыхъ непосредственно зависитъ степенъ благосостоянія и упадка, ни тождественность средствъ борьбы не сближаютъ эти мірки между собой,—всѣ они «бредутъ розь», каждый по своей дорогѣ, «бредутъ» немощные, безсильные, въ смутномъ ожиданіи недобраго часа. Мысль отстранить этотъ недобрый часъ путемъ взаимныхъ усилій, работой «събоча»—чужда имъ; какъ въ организа-махъ все таки живыхъ, всѣ связи этихъ врозь бредущихъ мірковъ исчерпываются чесаніемъ языковъ, пересудами, сплетнями, весь же общій, сельско-хозяйственный интересъ выражается въ мелочномъ злорадствѣ: продешевила Дунькина Горка хлѣбъ на пять копѣекъ, радуется и хвастается Заполье, заполучивши эти пять ко-пѣекъ; подгноило сѣно Отрадина,—великое торжество для Варва-рина, успѣвшаго захватить свѣтлыя дни,—спала съ удоя корова въ Софьинѣ,—идетъ ликованье въ Загорьи... *Caesar ridet, Pompejus flevit*. Конечно, этихъ ликованій хватаетъ только на часъ,—такъ какъ на самомъ дѣлѣ они ничего не прибавляютъ къ печальнымъ результатамъ собственнаго хозяйства,—тѣмъ не менѣе ими красится жизнь муравейника, воздается дань собственнымъ заслугамъ на по-прищѣ сельско-хозяйственной производительности. Въ такомъ то отсутствіи сознанія великаго значенія кружка, союза, крѣпкаго, свя-заннаго общностью интересовъ, бѣдъ и враговъ, въ безпомощной одиночной суетлукѣ на одномъ мѣстѣ, въ переходахъ отъ лико-ваній надъ незадачами сосѣда къ печалямъ надъ собственными, въ подсчитываніи прорѣхъ и дефицитовъ, въ упованіяхъ на небесное — «сердіе («да минетъ меня чаша сія») и земное воспособленіе отъ дротъ подлежащихъ властей, тянуть свои столь же не радостныя, мѣ и неплодотворныя дни всѣ эти Запольи, Отрадины, Дунькины Горки и пр., и пр.; тянуть до тѣхъ поръ, пока, къ всеобщему при-рѣбу, не появится въ газетахъ роковая публикація... «Однимъ, нѣ милымъ сосѣдомъ опять стало меньше. За кѣмъ то слѣдую-щій очередь», недоумѣвающе вопрошаютъ тѣ, конхъ миновала чаша сія».

Отвѣтъ долго не заставляетъ ожидать себя, машина работаетъ исправно, съ неумолимой послѣдовательностью выбрасывая за бортъ одного вслѣдъ за другимъ.

При господствующей, вошедшей въ плоть и кровь, разобщенности, при отсутствіи сельско-хозяйственной поддержки, взаимопомощи одного въ другомъ, только люди, обладающіе особенной выдержкой характера, большимъ запасомъ энергии и соответствующимъ этимъ качествамъ запасомъ матеріальныхъ средствъ, могутъ довести свою задачу до конца; остальные же останавливаются на полпути, опустивъ въ бессилии руки.

Выражаясь съ одинаковой силой въ трехъ наибавжнѣйшихъ проявленіяхъ сельско-хозяйственной жизни: въ сферѣ производства, сбыта и потребления, эта разобщенность, отсутствіе сгруппированныхъ сельско-хозяйственныхъ единицъ, кружковъ, союзовъ (называйте, какъ хотите) представляется зломъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться не меньше, чѣмъ съ великимъ невѣжествомъ деревенскихъ массъ. Это сила, правда отрицательная, но могущая претворить въ ничто самыя благія, самыя вдумчивыя предначертанія извнѣ; для воспріятія ихъ не найдется достаточно подготовленной почвы. Внѣшнія мѣры,—повторяю, самыя вдумчивыя, самыя разумныя,—могутъ касаться сельско-хозяйственной жизни только въ ея общихъ, крупныхъ чертахъ и проявленіяхъ, но онѣ не въ состояніи проникнуть въ мелочи, свойственныя тому или другому сельско-хозяйственному углу, въ обстановку и условія, при которыхъ живетъ въ этомъ углу. Всмотриваясь же и наблюдая любой день любого сельско-хозяйственнаго муравейника, оказывается, что весь этотъ день слагается именно изъ этихъ «спеціальныхъ» для того или другого угла мелочей и условій и что онѣ-то, эти самыя мелочи, только взятая въ совокупности, составляютъ «злобу дня», главнѣйшую суть дѣла. «Мошка, да блошка, да третья вошка,—а отъ нихъ упокою нѣтъ» — говоритъ умная пословица. Было бы болѣе чѣмъ наивно предполагать, чтобы какая бы то ни была власть, въ своихъ предначертаніяхъ на пользу отечественнаго землевладѣнія, приметъ на себя заботу отгонять отъ насъ эти назойливыя рои, а между тѣмъ, какъ бы въ одиночку ни отмахивался сельскій хозяинъ отъ «мошекъ да блошекъ», они измучаютъ его, не будутъ давать «упокою» до тѣхъ поръ, пока онъ и самъ и его товарищи по профессіи не проникнутся убѣжденіемъ, что избавиться отъ надоедливыхъ тварей можно только путемъ общихъ усилій, путемъ взаимопомощи.

Мнѣ приходится производить свои наблюденія въ мѣстности, не особенно далекой отъ Петербурга и притомъ прорѣзанной желѣзной дорогой. Однако, несмотря на эти видимо благоприятныя условія, засѣвши въ одиночку по своимъ муравейникамъ, всѣ мы (въ одинаковой степени «мыза и деревня») находимся буквально въ крѣпостной зависимости отъ двухъ-трехъ кулаковъ, владѣющихъ «округой», зависимости крутой настолько, что зачастую приходится

отвѣчать на задаваемые самому себѣ вопросы: да стоитъ ли хозяйничать? тратить трудъ, деньги? волноваться изъ-за каждого солнечнаго дня, изъ-за каждой не во время набѣжавшей тучи?.. Это рабское положеніе представляется противнымъ тѣмъ болѣе, что, если баринъ-кулакъ захочетъ лишить землевладѣльца-раба своей власти и милости, ему стоитъ только объѣхать мызу. Избавившись отъ крѣпости, хозяинъ-рабъ уже окончательно не знаетъ, что дѣлать съ своими «продуктами»: вали хоть въ рѣку, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ на сохраненіе. При такихъ условіяхъ сбыта, если баринъ-кулакъ дастъ рубль, рабъ-землевладѣлецъ обязанъ брать этотъ рубль съ благодарностью, два—съ двойной, не подсчитывая, во что самому обошлись эти рубль и два, иначе его «упокой» будетъ на долго отравленъ совершившейся сдѣлкой.

Внявъ столь незавидному положенію производителей,—власти, съ цѣлью «поднять мѣстное благосостояніе путемъ возвышенія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, а также въ видахъ освобожденія мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ вообще и крестьянъ въ особенности отъ тяготительной зависимости, такъ называемыхъ кулаковъ»—учредили для нашего угла ярмарку.

Появленіе этой ярмарки (поздней осенью) окрылило надеждами всю «округу»; особенно обрадовались крестьяне, которымъ кабала приходится не въ мѣру солонѣ нашего. Еще съ весны предстоящая ярмарка стала предметомъ оживленныхъ разговоровъ моихъ деревенскихъ сосѣдей и розовыхъ упованій.

Тамъ цѣны скажутся, не бойсь!—говорила воспрянувшая духомъ деревня.

«Вотъ прѣдетъ баринъ! Баринъ насъ рассудитъ!»

Въ чаяніи пріятнаго момента «тамъ цѣны скажутся», крестьяне и хозяева мызъ навели на ярмарку коровъ, лошадей, барановъ и свиной кто и сколько могъ.

И точно «тамъ цѣны сказались».

На ярмарку одновременно съ товаромъ 'прибылъ и нашъ «баринъ»—пятокъ знакомыхъ «живодеровъ» (такимъ безцеремоннымъ именемъ величаютъ крестьяне мѣстныхъ скупщиковъ), который немедленно «рассудилъ», расписавъ между собой, какъ насъ, своихъ рабовъ, такъ и наши злосчастные «животишки». Должно замѣтить, что въ нашихъ мѣстахъ убойная скотина продается на пудъ «чистаго» мяса съ прибавкой рубля за коровью шкуру, самый же вѣсъ этого «чистаго» мяса устанавливается глазомѣромъ (вообще глазомѣръ—дѣло великое въ деревнѣ) скупщика, не допускающаго въ качествѣ специалиста никакихъ возраженій на ошибочность своего приговора. При такомъ способѣ, раздѣнка убойнаго товара (коровъ, свиной, овецъ) идетъ необыкновенно быстро. Подойдетъ юркая, съ вороватыми глазами, городская «чуйка», броситъ словечко другому мужику, бабѣ, обойдетъ коровенку со всѣхъ сторонъ, пощупаетъ подъ брюхомъ, ткнетъ ее въ бокъ и безпово-

ротомъ рѣшаетъ: «пять пудъ (вѣса)—два рубля (цѣна пуда)» или «шесть двадцать—два сорокъ» и т. д. Слѣдующая «чуйка» продѣлывается тѣ же штуки и подтверждаетъ справедливость приговора своего коллеги.

Такимъ-то путемъ цѣны на убойную скотину «сказались» еще раннимъ утромъ и «сказались» по истинѣ невозможныя. По ярмаркѣ пошелъ говоръ, шумъ; сгоряча продавцы собирались разъѣзжаться по домамъ, крестьяне прибѣгали къ своей обычной аргументаціи: «не я продаю,—нужда продаетъ»—«хощь Бога-то побойся»—«хреста у тебя нѣтъ», бабы къ ласкамъ: «золотѣнкій» «касаѣтъкъ». Но чуйка, зная очень хорошо положеніе сельско-хозяйственнаго рынка, отнеслись къ шуму, кореньямъ и ласкамъ съ подобающимъ хладнокровіемъ.

Къ вечеру положеніе дѣлъ круто измѣнилось: за исключеніемъ двухъ, трехъ болѣе крупныхъ, состоятельныхъ землевладѣльцевъ, всѣ остальные признали себя побѣжденными и сначала въ одиночку, а потомъ гурьбой, потянулись къ избѣ, гдѣ чуйка распивала чай «у знакомаго мужичка». Здѣсь цѣны «сказались» окончательно: корова, стѣющая на худой конецъ 25 руб., пошла за 12 руб., здоровѣйшій мызный бычища, отбывшій обязательную службу, цѣна которому плохо-плохо 80—90 р., за 30, за 37 руб. Въ той же пропорціи разцѣнились бараны, свиньи. Всѣ приняли дарованныя цѣны, другого исхода мызамъ и деревнѣ не было.

Любопытнѣе всего въ этой исторіи было то, что она какъ разъ совпала съ необыкновеннымъ возвышеніемъ (23 к. фунтъ) цѣны на мясо въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, отъ ярмарки остались въ барышахъ только чуйка, избавившись отъ излишнихъ расходовъ по мызамъ и деревнямъ, да,—какъ ни странно,—деревенскія бабы, оказавшіяся очень догадливыми. Дѣло въ томъ, что съ цѣлью спасти крестьянскую нравственность отъ искушеній, на ярмаркѣ не было допущено «ни распивочно», ни «навыность», бабы же весьма удовлетворительно разрѣшили проблему (гдѣ же выпить?), явившись съ запасомъ двухъ-трехъ бутылокъ за пазухой. Утромъ, когда мужики перекорались съ чуйками, спроса на водку не было, къ вечеру же, когда «сказались цѣны», бабы расторговались шибко, настолько шибко, что даже начальство не воздержалось.

Мужики потомъ жаловались, конечно, не на искушеніе, внесенное бабами, но на излишнее количество воды въ водкѣ.

«Поднесетъ стаканчикъ и не прочухаешь, изъ колодца прямо а за него ей, шельмѣ, гривенникъ подай. Скажешь: подносъ другой».

Такъ печально закончилось одно изъ «мѣропріятій» на пользу «мѣстнаго благосостоянія».

Критическое положеніе, переживаемое отечественнымъ землевладѣніемъ, принято объяснять въ настоящее время переутомленіемъ хлѣбнаго рынка зерномъ. Весьма логично, что при такомъ объясненіи рекомендуется,—въ качествѣ сельско-хозяйственной панацеи на будущее время, — сокращеніе площади посѣвовъ съ соответствующимъ увеличеніемъ площади луговъ для цѣлей скотоводства и съ введеніемъ добавочныхъ сельско-хозяйственныхъ культуръ, какъ на примѣръ, птицеводства, садоводства и проч...

Я думаю, что всѣ такого рода программы, несмотря на ихъ видимую заманчивость, сильно отзываются книжкой, излишни и мало помогутъ дѣлу. Каждый сельско-хозяйственный уголь долженъ выработать свою собственную политику, свою собственную программу. Исходя изъ предположенія, что спасительное сокращеніе площади полей на пользу площади луговъ воспослѣдовало, спрашивается: гдѣ ручательство, что не явится тоже переутомленіе сельско-хозяйственного рынка, только въ нѣсколько иной формѣ.

А что это дѣло весьма возможно, вотъ фактъ: недавно я побѣтилъ мѣстность, находящуюся, повидимому, въ отличнѣйшихъ условіяхъ,—на половинѣ желѣзнодорожнаго пути отъ обѣихъ столицъ. Въ этой мѣстности хлѣбнаго переутомленія не знаютъ (культуры въ настоящемъ дешовомъ году 6 р. 50 к.), но за то въ ней много того, что рекомендуется въ современныхъ программахъ: сѣна и молока. Такимъ образомъ, если въ расширеніи площади луговъ скрывается спасительное средство, то слѣдуетъ предполагать, что край, обладающій этимъ средствомъ, живетъ припѣваючи, а между тѣмъ, дѣйствительность говорить совершенно противное: крестьяне и мывы одинаково не знаютъ куда дѣваться съ своимъ сѣномъ и молокомъ. Цѣны на то и на другое здѣсь столь же убійственны, какъ цѣны на хлѣбъ въ черноземной полосѣ: пудъ сѣна 10 коп., крышка молока (4 бутылка слишкомъ) отъ 8—10 коп. Чтобы съ достаточной правильностью оцѣнить эти 10 коп. пудъ сѣна, надо припомнить нынѣшнее лѣто и тѣ дорого стоившія трудности, которыя, въ силу непрерывно лившихся дождей, пришлось преодолевать землевладѣльцамъ при уборкѣ травъ.

На мой вопросъ о причинахъ столь низкихъ, не окупающихъ затратъ, цѣнъ, умный мужикъ двумя словами разрѣшилъ мѣстную экономическую задачу:

«Ходу нѣтъ».

Тотъ же мужикъ закончилъ не особенно приглядную картину стной сельско-хозяйственной жизни словами:

«Намъ дома жить не у чево».

Такимъ образомъ съ одной стороны является обиліе луговъ, сѣна, молока, желѣзная дорога подъ бокомъ, съ другой — «ходу тѣ» и «жить не у чево».

Только путемъ группировки мелкихъ землевладѣльцевъ и «евладѣльцевъ средняго типа (извѣстной мѣстности) въ кружки,

союзы, соединенные между собой одними и теми же целями, интересами и условиями, отечественное сельское хозяйство, одинаково как поместное, так и деревенское, может выдти из закодированного круга «ходу быть», «жить не у чьего», вечных прорывов и дефицитов. Приведу два-три примера.

Возьмем область сельско-хозяйственной производительности.

Что наши, даже лучшие, земли «выболтаны», доведены до последних степеней истощенности, что наши сельско-хозяйственные приемы—трехполье и распашка лядин не вознаграждают затрат, что урожайность находится в непосредственной зависимости от явлений чисто случайных, что идти дальше в том же направлении невозможно, с этим, пожалуй, все согласны, но где спасительный выход, как найти его?

Я погрешил бы против истины, если бы стал утверждать, что большинство хозяев не ломало голову над этим мудреным вопросом, не пыталось так или иначе разрешить его, но все эти попытки остаются или вовсе безрезультатными, или во всяком случае не отвечающими денежным и трудовым затратам. Такая безрезультатность вполне естественна. Каждое сельско-хозяйственное дело, несмотря на скромность своих размеров, представляет в действительности очень сложный механизм и притом механизм, требующий, чтобы каждый винтик был у места, не мешал общему ходу машины. В силу такового свойства сельско-хозяйственного дела, каждое улучшение требует большой осторожности в выборе, тщательности и продолжительности в испытании. Продолжительность испытания — самое надежное, единственное ручательство будущего успеха. Одно и то же испытуемое средство, благодаря случайностям (во время—тепло, в меру дожди; или не во время жары, не в меру дожди) может дать совершенно противоположные результаты: в один год блистательные, в другой—никуда не годные. Ни те, ни другие в равной мере не должны приниматься во внимание при разрешении вопроса: следует ли не следует вводить в сельско-хозяйственный механизм то или другое улучшение? следует ли не следует изменять уже налаженный ход дела? Приходится доискиваться ответа на эти вопросы в той крайне мимолетной, продолжающейся в течение нескольких лет работе, которая дает руководящую «среднюю» цифру, — причем эта «средняя» цифра может явиться и отрицательной (для известной местности). Таким образом, нередко хозяин, убивши время, труд, деньги, поставлен в необходимость снова приниматься за поиски, без уверенности, что на этот раз достигнет более благоприятных результатов.

При оценке этой мимолетной, дорого стоящей работы, нельзя не принять во внимание, что наши мыслители лишены двух самых важных пособий: к их услугам нет ни сельско-хозяйственной литературы, ибо за таковую нельзя считать десяток компилятивных

брошюры, изъ года въ годъ красующихся въ витринахъ сельско-хозяйственныхъ выставокъ, ни такъ называемыхъ опытныхъ станцій, откуда можно было бы получить добрый совѣтъ и указаніе. Отечественнымъ землевладѣльцамъ до всего приходится «доходить собственнымъ умомъ».

Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ, при свойствѣ сельскохозяйственныхъ работъ и при полной разобщенности между мысами, гдѣ каждый ведетъ дѣло на свой единоличнѣйшій страхъ и рискъ, большинство попытокъ къ поднятію производительности земли носить на себѣ характеръ легкомыслія, случайности, погони за новизной. Говорятъ—фосфориты сильно поднимаютъ урожайность земли? Въ надеждѣ на Бога и авось, мы тратимъ деньги на фосфориты. Приходить жнитва—авось и фосфориты не выручаютъ; въ сторону ихъ. Иванъ Ивановичъ хвалится костью, самъ 8 получилъ? Вѣря, со словъ такого пріятнаго винтера, въ душеспасительность кости, мы закупаемъ кость и разсыпавъ по полямъ. На этотъ разъ авось и кость тоже поднадули; въ сторону ихъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ искусственныя удобрения, будемъ разрѣшать сельско-хозяйственную загадку при помощи вновь явленнаго сфагнума, благо болотъ подъ рукой въ достаточномъ изобиліи, мохъ не покупать стать...

Точно также весьма естественно, что послѣ всѣхъ этихъ лишенныхъ устойчивости бросаній изъ стороны въ сторону и неразрывно переживаемыхъ, вмѣстѣ съ ними, розовыхъ надеждъ и разочарованій, по нашимъ захолустьямъ такъ часто повторяется старая пѣсня

... опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ ней разбитое корыто,—

въ видѣ истощенныхъ, жалкихъ нивъ, съ ихъ не менѣе жалкими знаками...

Видоизмѣнить эту картину къ лучшему, придать необходимую систематичность, устойчивость отдѣльнымъ попыткамъ къ поднятію производительности земли можно только кружковой работой, работой «сѣбча». Конечно, было бы болѣе чѣмъ наивно разсчитывать, что въ силу такой работы на нашихъ поляхъ сразу «расцвѣтутъ цвѣты лазоревые». Сразу ничего не дѣлается, тѣмъ болѣе въ хозяйствѣ заброшенномъ, первобытномъ, хозяйствѣ сохи, волокуши и лопаты. Такое видоизмѣненіе можетъ воспослѣдовать только тогда, когда въ распоряженіи землевладѣльцевъ извѣстной мѣстности будетъ не только то богатство, которое называется опытнымъ знаніемъ.

Работой «сѣбча» прежде всего сократятся единоличные расходы во времени, трудѣ и деньгахъ. Не отвлекая вниманіе своихъ членовъ отъ собственныхъ хозяйствъ, не стѣсняя ихъ свободы въ выборѣ тѣхъ или другихъ пріемовъ, подобная работа поставитъ передъ каждымъ изъ соучастниковъ очень скромную, вовсе не требующую какихъ либо особенныхъ качествъ задачу. Такъ, если бы зашла рѣчь

о выборѣ наиболѣе цѣлесообразнаго съ мѣстными условіями искусственнаго удобрения, одни могли бы работать на небольшихъ полосахъ съ фосфоритомъ, другіе—съ костью, третьи—съ рекомендуемыми смѣсями туковъ и т. д. Каждая изъ этихъ работъ, взятая сама по себѣ, въ отдѣльности, уже въ силу незначительности размѣра обрабатываемой площади, во 1-хъ, доступна людямъ съ очень скромными матеріальными средствами, и во 2-хъ, не внесетъ ни малѣйшаго замѣшательства въ обычный, ежедневный ходъ сельскохозяйственной машины. Между тѣмъ общая сложность работъ для опредѣленнаго района уже настолько велика, что исключаетъ побудительную причину бросаться изъ стороны въ сторону въ погоняхъ за рекламируемыми панацеями. Такимъ путемъ кружковой работы, въ теченіи 5—6 лѣтъ, получится богатѣйшій матеріалъ, собранный не гдѣ-то тамъ, «за горами, за долами», но здѣсь, на мѣстѣ, на глазахъ у всѣхъ, при всѣхъ извѣстныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ. Черная изъ этого матеріала, я остановлюсь на томъ или другомъ орудіи сельско-хозяйственнаго производства не потому что мои глаза намозолили рекламы лавочниковъ, взапуски расхвалиющія его чудодѣйственную силу, но потому, что мой сосѣд нѣсколько лѣтъ поработалъ этимъ орудіемъ, и я самолично убѣдился, что его принимаетъ моя земля и что съ нимъ справится мой работникъ, мужикъ, дальше своей околицы ничего не выдавшій; точно также, вводя, согласно своимъ расчетамъ, то или другое удобрение, я вовсе не «ставлю» «на авось», «на кость», «на суперфосфатъ», но имѣю въ виду добытую моимъ другомъ-сосѣдомъ и проверенную лично «среднюю цифру» вліянія этого удобрения на землю, совершенно тождественную съ моей землей.

Этимъ же путемъ, т. е. собирательнымъ опытомъ и трудомъ, получится возможность разрѣшить цѣлый рядъ другихъ, не менѣе существенныхъ въ каждомъ хозяйствѣ вопросовъ, какъ напр., о подборѣ доброкачественныхъ сѣмянъ, о введеніи въ сѣвообороты новыхъ кормовыхъ и техническихъ растений, о роли естественнаго удобрения при искусственномъ, о нормальной вспашкѣ для наилучшаго распредѣленія и сохраненія влаги и т. д. Справиться въ одиночку со всѣми этими вопросами рѣшительно не подъ силу громаднѣйшему большинству землевладѣльцевъ, а между тѣмъ, не справившись, имъ приходится платить сумасшедшія деньги за всѣ эти «триумфы», «желанные», «благодатные», *in prospectio*, сулящія золотыя горы, въ дѣйствительности же только прибавляющія къ старымъ новымъ прорѣхи.

Можно съ увѣренностью сказать, что при такой сознательной знающей, куда и зачѣмъ иду, работѣ, сосѣдъ-деревня не только останется, наконецъ, глядя на «барскія затѣи», ухмыляться въ свѣ широкую бороду, но придетъ учиться на мызу и принесетъ собой въ общій капиталъ драгоценное подспорье въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ: практическую смѣлку.

Возьмемъ другой примѣръ, но уже изъ сельско-хозяйственнаго быта.

Распространяться о соотношеніи между земледѣліемъ и скотоводствомъ я считаю совершенно излишнимъ; по крайней мѣрѣ въ нашихъ мѣстахъ связь между тѣмъ и другимъ такова, что нельзя посвятить мѣры ржи, не давши соотвѣтствующаго количества навоза; унавозилъ—родить, не унавозилъ—сѣмянъ не соберешь. Деревня отлично понимаетъ это соотношеніе: вози навозъ въ поле—не лѣнись, а потомъ хоть Богу не молись,—говорятъ они; самый плохой мужичонко, даже отъ великой нужды, не продастъ свой драгоценный «поземъ», ибо знаетъ, что безъ позема,—безъ хлѣба. Однако, не взирая на неразрывную связь, проходящую между землей и скотиной, я знавалъ вовсе недурныхъ хозяевъ, которые послѣ долголѣтней «практики», имѣя у себя хорошіе, соотвѣтственные луга, а затѣмъ подсчитывая, во что обходится косьба и уборка сѣна, жалованье и содержаніе рабочихъ, необходимыхъ для скотнаго двора, прокормъ скотины и т. д. и что даетъ скотный дворъ, серьезно задумывались надъ вопросомъ: не выгоднѣе ли, оставивши для домашняго обихода двухъ-трехъ коровенокъ, остальныхъ порѣшить, а сѣно, вмѣсто того, чтобы искармливать дома, продавать на сторону и получать, хотя ничтожный, да все же доходъ? Повидимому, какъ ни странно для нашей полосы такого рода вопросъ и выводы, однако они имѣютъ свои оправданія въ мѣстныхъ условіяхъ, на первомъ планѣ которыхъ стоятъ все то же «ходу нѣтъ».

Какъ бы ни было скромно по размѣрамъ хозяйство мызы, тѣмъ не менѣе на каждомъ скотномъ дворѣ ежегодно получается извѣстный излишекъ: то устарѣлъ производитель и на его смѣну подростъ новый, то та, то другая корова спала въ молокъ, то годъ выдался урожайный на бычковъ (по бабьимъ примѣтамъ: бычки родятся—хлѣба будутъ плохи, телки—хлѣба хороши) и т. п. Весь этотъ остатокъ, при иномъ положеніи, для хозяина долженъ служить источникомъ прибыли и притомъ прибыли хорошей, а между тѣмъ мы стараемся его сбыть во что бы то ни стало, даже не дерзая и думать о какихъ либо барышахъ. Чтобы представить въ наглядной формѣ положеніе землевладѣльцевъ, я описалъ «ходъ событій» на нашей сельской ярмаркѣ съ ея апоэозомъ: торжествомъ чуйки надъ «мызами и деревней». Какъ ни прискорбно съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства торжество чуйки, тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что «мызы и деревня», признавъ себя побѣжденными и спусъ въ свои «животишки» менѣе чѣмъ за полцѣны, поступили вполне разумно, ибо разведя эти животишки по домамъ, искармливши зиму рублей на десять сѣна (на голову), т. е. увеличивъ «издѣлки производства» на весьма значительную сумму, онѣ,—«мызы и деревня», — попали бы на будущій годъ въ тѣ же лапы, а эти лапы за годъ снисходительнѣе не дѣлаются: «пудъ—два двадцать!»

д. нашихъ захоlustьевъ остается неизмѣннымъ девизомъ въ теченіи

ни очень продолжительнаго періода; «колебаніе цѣнъ» для нашей своеобразной политической экономіи—явленіе незнакомое. Итакъ, съ этой стороны другого выхода не было. Не податься же чуйкамъ и отправить въ городъ не только одну, но двѣ, три, четыре скотины, могъ только сумасшедшій, не знающій, во что обходятся тарифные и накладные расходы въ видѣ провоза, найма помѣщенія и содержанія рабочаго со скотиной, со дня прибытія на мѣсто рынка до желаннаго момента продажи.

Относительно сбыта «продуктовъ» скотоводства дѣло поставлено еще хуже: наши благодѣтельные владыки, чуйки, почему то до сихъ поръ не пожелали возиться съ этими продуктами.

А между тѣмъ положеніе вещей таково: небольшой дворъ (отъ 20—25 головъ) требуетъ значительныхъ затратъ со стороны хозяина; его постройка обходится отъ 1,000—1,500 р., постройка молочной, водогрѣлка и погреба тоже около 1,000 р., къ этимъ цифрамъ слѣдуетъ присовокупить расчистку луговъ отъ 20 до 60 руб. за десятину, приобрѣтеніе производителя, посуды, ремонтровку, наемъ и содержаніе лишнихъ рабочихъ, косьбу и уборку сѣна и пр. Въ силу климатическихъ условій (продолжительность зимы) скотъ втеченіе болѣе чѣмъ шести мѣсяцевъ остается на скотномъ дворѣ «на сухихъ кормахъ», сразу уменьшающихъ степень его молочности. Этотъ же періодъ совпадаетъ съ періодомъ уменьшенія молочности и вслѣдствіи стельности (большинства) коровъ. Чтобы поддержать до нѣкоторой степени молочность за этотъ зимній періодъ, требуются опять таки новые расходы на улучшеніе кормовъ: отрубей (2 р. 15 к. мѣшокъ) и соли. Кромѣ того, нужно заготовить дрова для паренія кормовъ и согрѣванія пойла. Въ результатѣ всѣхъ затратъ и хлопотъ, при порядочныхъ кормахъ, хозяинъ можетъ рассчитывать (въ зимніе мѣсяцы) получить на кругъ до двухъ ведеръ молока въ сутки. Получивши эти два ведра, передъ хозяиномъ встаетъ все тотъ же неугомонный вопросъ: куда дѣваться съ ними? На мѣстѣ они ровно ничего не стоятъ, везти же въ городъ, гдѣ благодѣтельный лавочникъ быть можетъ дастъ 4, 5 к. за бутылку (чтобы продавать ее съ добавленіемъ 50% воды за 10 к.), но... здѣсь, съ этого «но» начинается та же сказка про бѣлаго бычка: тарифъ, доставка до желѣзной дороги и т. д., съ вѣчнымъ прирѣвомъ отечественныхъ сельско-хозяйственныхъ сказокъ — «минусъ, ноль въ итогѣ». Благодаря этому «минусъ, ноль» скотный дворъ, въ большинствѣ мызныхъ хозяйствъ, исключается изъ чиса доходныхъ статей, на него смотрять только какъ на навозо-край лице, а вслѣдствіе таковаго взгляда его злочастные «животишки», выдержавъ зимній испусъ, къ Егорьеву дню напоминають своимъ жалкимъ, облѣзымъ обликомъ тощихъ коровъ, нѣкогда видѣнныхъ во снѣ Фараономъ.

Кстати о доходныхъ статьяхъ; какъ на одну изъ таковыхъ указываютъ на птицеводство. Года два тому назадъ, вслѣдствіе значи-

тельного спроса на яйца на заграничныхъ рынкахъ, въ нашихъ мѣстахъ появились ихъ скупщики изъ евреевъ. Цѣна на яйцо все время стоитъ и стояла не выше 1 р. 20 к. за сотню. Пусть же каждый (хозяинъ) подсчитаетъ, возможно ли при такой цѣнѣ птицеводство въ иной формѣ, кромѣ той примитивной, въ которой оно нынѣ существуетъ: пять, десять куръ, живущихъ (зимой) въ одной избѣ съ своими хозяевами и отыскивающихъ себѣ пищу тамъ, гдѣ подсказываетъ ихъ куриное благоразуміе.

Всѣ эти печальныя, надѣвшія до тошноты картинки изъ сельскохозяйственной жизни нашихъ захоlustевъ измѣняются къ лучшему только подъ условіемъ такого же измѣненія къ лучшему насъ самихъ, это же измѣненіе воспослѣдуетъ тогда, когда мы перестанемъ копошиться въ одиночку по своимъ муравейникамъ. Заколдованный кругъ, изъ котораго мы не можемъ выбиться, представляется въ слѣдующемъ видѣ: я не знаю, куда дѣваться съ тройкой, четверкой оставшихся за штатомъ коровъ, мой сосѣдъ не знаетъ, куда дѣваться съ цѣлымъ пяткомъ ихъ и уже окончательно растерялся мужикъ съ своей одинокой «пеструхой». Такимъ образомъ, спрягая одновременно глаголь: я не знаю куда дѣваться, ты не знаешь куда дѣваться, онъ не знаетъ куда дѣваться, мы одновременно же попадаемъ въ лапы чуйки, которая одна знаетъ, что дѣлать съ нами, а потому съ спокойной совѣстью, не посѣявъ и не пожавъ, лакомится нами. Та же канитель безсилія тянется изъ года въ годъ съ «продуктами» скотоводства и иными сельско-хозяйственными статьями... Однако, если мой скромный скотный дворъ въ 20, въ 25 головъ, въ силу отдаленности отъ рынка и другихъ экономически-неблагоприятныхъ условий, являетъ изъ себя «ничто», если его заѣдаютъ «мошки да блошки», то десятокъ такихъ же скотныхъ дворовъ, находящихся въ ближайшемъ другъ отъ друга разстояніи и соединенныхъ между собою въ экономическую единицу, представляетъ уже «нѣчто» и притомъ «нѣчто» очень внушительное; если же къ этому десятку мысъ присоединятся прилегающія деревни, — что непременно произойдетъ подъ давленіемъ выгоды, — то внушительность экономической единицы еще болѣе увеличится. Явится своего рода сила, которая пробьется, найдетъ въ той или другой формѣ сбытъ своимъ остаткамъ и продуктамъ, а вмѣстѣ съ этимъ сбытомъ обрадуетъ измученныхъ незадачами хозяевъ словомъ: доходъ. Для собирательнаго скотнаго двора въ 300 — 400 головъ, благотѣльное посредство чуйки представится излишнимъ, ибо таковой скотный дворъ «сдобча» получить возможность войти въ непосредственныя сношенія съ потребителями или, во всякомъ случаѣ, обойдя мѣстныхъ перекупщиковъ, фигурировать на рынкѣ съ болѣе правильной постановкой цѣнъ. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что въ сельско-хозяйственномъ дѣлѣ, какъ дѣлѣ чуждомъ спекулятивнаго характера, важна на первыхъ порахъ не столько цифра дохода, но самая доходность той или другой статьи: есть доходъ,

значитъ не толчешь воду въ ступѣ, есть изъ за чего работать, (а главное) улучшать и развивать дѣло земли; нѣтъ доходности, не изъ за чего биться изо-дня-въ день, хлопотать и волноваться...

Если отечественное сельское хозяйство не можетъ выбиться изъ первобытнаго состоянія, то это находится въ непосредственной зависимости: во-1-хъ, отъ отсутствія на мѣстныхъ рынкахъ самыхъ простѣйшихъ вещей, ежедневно потребныхъ въ каждомъ мало-мальски порядочномъ хозяйствѣ, начиная съ пучка веревокъ для связки вожовъ, полосы желѣза для лопнувшей шины, плужка для замѣна поломавагося, крынки для молока и т. д., такъ что волей-неволей большинство мызъ и уже сплошь каждая деревня поставлены въ необходимость довольствоваться тѣмъ, что есть подъ рукой, что вырабатывается при помощи топора; во-2-хъ, отъ неимовѣрно высокихъ цѣнъ, переплачиваемыхъ землевладѣльцами въ ихъ горемычныхъ мытарствахъ по городскимъ лавочникамъ за всеми этими веревками, сѣменами, плужками, горшками. Въ области сельско-хозяйственнаго потребленія наши захоlustья поставлены въ положеніе столь же незавидное, какъ и въ области производства: тамъ, въ области производства, «ходу нѣтъ», «жить не у чево», здѣсь, — въ области потребленія «взяться не чѣмъ». Куда ни кинь, вездѣ выходить клинь.

И здѣсь, въ области потребленія, однимъ изъ наилучшихъ средствъ для поставки сельско-хозяйственнаго дѣла на разумную, сулящую дальнѣйшее развитіе, почву является та же взаимопомощь, въ формѣ тѣхъ же сельско-хозяйственныхъ товариществъ, союзовъ.

Словомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ вглядываясь въ сельско-хозяйственную жизнь нашихъ захоlustьевъ, провѣряя сумму условій, при которыхъ каждому хозяину приходится работать, оцѣнивая свои и чужія неудачи, я пришелъ къ непреложному для меня убѣжденію, что дальнѣйшія судьбы мелкаго и средняго землевладѣнія зависятъ прежде всего не отъ внѣшнихъ мѣропріятій, но отъ насъ самихъ, и что поворотъ къ лучшему наступитъ только тогда, когда наши захоlustья, какъ сѣтью, покроются сельско-хозяйственными, потребительно-производительными кружками. Про внѣшнія мѣропріятія пока можно сказать: улита ѣдетъ. Конечно, подавай ей Господи быстроходныхъ коней, но наши медвѣжки углы раскинуты на такомъ страшномъ пространствѣ, къ нимъ ведутъ такіе непролазные пути, что пока улита доберется, сельскіе хозяева, продолжая ботать въ разбросъ, на единоличннй страхъ и рискъ, будутъ рваться, биться безъ толку, какъ рыба объ ледъ, ихъ же земли — конецъ истощаться подъ неразумными пріемами пользованія.

Созданіе такихъ союзовъ, кружковъ имѣетъ за собой и другу не менѣе привлекательную сторону. Пахать землю плугомъ, вмѣстѣ сохи, вводить въ сѣвооборотъ многополье, замѣнить трехполья, с:

бривать навозъ костью и фосфоритомъ, получать удой не пять, а десять бутылокъ на кругъ и проч.—это только еще полъ-дѣла. Сельско-хозяйственное дѣло, — организмъ очень сложный, гдѣ мелочи ежедневныхъ отправленій цѣпляются и пережѣвываются съ такими общими и крупными условіями, бороться съ которыми каждому личному «я» уже не подъ силу.

Разнообразіе же, совокупность и взаимодействіе этихъ условій таковы, что степень сельскохозяйственнаго процвѣтанія (въ общемъ) далеко еще не исчерпывается правильной постановкой одной только технической стороны; напротивъ, повсемѣстное преобладаніе первобытныхъ формъ производства находится въ непосредственной связи съ столь же первобытными бытовыми формами; въ этомъ и заключается тайна удивительной живучести тѣхъ и другихъ. Соха, волокуша и лопата, какъ зеркало, выражаютъ и отражаютъ въ себѣ весь жизненный складъ нашихъ захолустьевъ. Кружковая работа надъ вопросами чисто техническими тѣмъ и хороша, что волей-неволей заставитъ работающихъ вдумываться въ соотношеніе между этими вопросами и вопросами экономически-бытового значенія.

Во всякомъ случаѣ, даже не заглядывая въ эти перспективы, — одно можно сказать безошибочно: до тѣхъ поръ пока наши муравейники будутъ продолжать «брести розъ», большинство самыхъ широковѣщательныхъ программъ (время отъ времени волнующихъ общество) о поднятіи сельско-хозяйственной «продуктивности» будутъ напоминать тѣ благія намѣренія и благопожеланія, которыми вымощенъ адъ и отъ которыхъ ни тепло, ни холодно грѣбнымъ душамъ, обитающимъ въ этомъ адѣ.

Въ заключеніе статьи дѣлаю одну оговорку. Не безызвѣстно, что въ числѣ законодательныхъ вопросовъ поставлено на очередь начертаніе «нормальнаго устава» для сельскохозяйственныхъ товариществъ. Я полагаю, что для подобной регламентаціи прежде всего нѣтъ достаточныхъ основаній уже потому, что землевладѣльцы, желая составить производительно-потребительное товарищество и находя необходимымъ съ точностью опредѣлить права и обязанности каждаго, входящаго въ составъ этого товарищества, имѣютъ полную возможность обратиться къ общимъ гражданскимъ законамъ и найти тамъ вполне готовые договорныя формы; преимущество же этихъ договорныхъ отношеній заключается въ томъ, что онѣ вырабатываются самими соучастниками и притомъ при извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ условіяхъ, а потому не даютъ мѣста мертвой буквѣ. Самая мысль создать «нормальный уставъ» для отечественнаго землевладѣнія, съ его безконечнымъ разнообразіемъ, сильно зывается книжкой и кабинетомъ. Спрашивается: какимъ образомъ можно подводить подъ общую мѣрку «норму» однихъ—работающихъ и сѣверномъ, худородномъ подзолѣ, другихъ — на богатомъ

черноземъ юга? То, что мнѣ подсказываетъ необходимость общенія, можетъ быть совершенно чуждо землевладѣльцу съ Волги; у нихъ свои напасти, у насъ — свои. Единственнымъ и въ то же время безконечно разнообразнымъ, по своимъ отбѣнкамъ, представляется тотъ нормальный уставъ, который продиктуется и выработаетъ себѣ каждый сельско-хозяйственный уголь. Кромѣ того, сельско-хозяйственные товарищества пока только *prim desiderium*, жизнь до сихъ поръ ихъ не создавала, не пыталась создавать; въ общество начинается только проникать сознание зла разобщенности. Правительственная власть должна озаботиться, чтобы это спасительное сознание принимало глубже, чтобы оно выражалось въ реальной формѣ, тѣмъ не менѣе спѣшить съ составленіемъ «нормальныхъ уставовъ» дѣло излишнее уже и потому, что жизнь не даетъ еще достаточныхъ матеріаловъ для начертанія основныхъ положеній, составляющихъ суть всякаго «нормальнаго устава». Нѣтъ словъ, что отечественное законодательство настолько само по себѣ обширно, что, — даже не прибѣгая къ помощи законодательствъ западно-европейскихъ государствъ, — въ немъ всегда можно отыскать готовые образцы всевозможныхъ уставовъ съ неукоснительно точнымъ обозначеніемъ гдѣ, кому и какое мѣсто подобаетъ занимать, но позаймствованіе изъ этого источника ни на одну іоту не подвинетъ впередъ дѣло будущихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ; напротивъ, судя по примѣрамъ прошлаго, оно внесетъ во внутренній складъ этихъ товариществъ преобладаніе формализма и буквы надъ жизнью, съ ея вѣчно измѣняющимися требованіями и нуждами. Для отчетовъ и показной, декоративной стороны отечественнаго землевладѣнія вполнѣ достаточно нынѣ существующихъ сельскохозяйственныхъ обществъ.

Н. Соколовскій.

СТУДЕНТЫ.

(Изъ семейной хроники).

Х.

Дѣла Ларіо неожиданно осложнились еще больше. Они и безъ того были плохи.

Восемнадцать рублей, съ которыми онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, разошлись очень быстро. То, что называется «изъ дому», онъ ничего не получалъ, потому что единственная его родня—сестра неожиданно овдовѣла и съ четырьмя дѣтьми осталась на такой ничтожной пенсіи, что сама нуждалась въ самомъ необходимомъ.

Надежды на урокъ тоже были вилами на водѣ писаны. При такихъ условіяхъ никакіе общіе планы не лѣзли въ голову Ларіо, и когда ему задавали товарищи въ этомъ родѣ вопросы, Ларіо начиналъ смущенно и оживленно подергивать плечами, разводилъ руками и говорилъ:

— Мой другъ... ну, ну что-жъ тутъ думать о томъ, что будетъ послѣ завтра, когда завтра я, можетъ быть, подохну съ голоду.

И Ларіо смущенно пускалъ свое «го-го-го», закладывая свои вещи, пока было что закладывать; кое у кого бралъ въ займы, если предлагали. Иногда онъ приходилъ въ гости, цѣлый день ничего не ѣвши, и, если ему не догадывались предложить поѣсть, то онъ также не говорилъ о томъ, что голоденъ. По его красному лицу и по оживленію трудно было и догадаться, что человекъ сегодня ничего не ѣлъ. Но если его спрашивали: Петька, обѣдалъ? Онъ отвѣчалъ:—Собственно н-нѣтъ. И сейчасъ-же прибавлялъ:—Собственно вотъ урочишко если бы получить рублей хоть въ десять и отлично бы.

Но когда Ларіо наѣдался, оживленіе его вдругъ пропадало. Тогда онъ дѣлался молчаливъ, возился съ своимъ большимъ зу-

бомъ и угрюмо, безъ выраженія, смотрѣлъ куда нибудь въ сторону.

Случайныя рублевки уходили на Марцинкевича. Оправдываясь, Ларіо, разводя руками и кипячась, по своему обыкновенію, говорилъ:

— Мой другъ, что-жъ я на два рубля сдѣлаю? По крайней мѣрѣ, ну, хоть забудусь.

Такъ понемногу размѣнивалась жизнь Ларіо. Цѣли, кромѣ ближайшей,—удовлетворенія голоднаго желудка,—не было и не могло быть. Въ рѣдкіе промежутки сытаго состоянія на сцену выступало такое тяжелое необезпеченное положеніе, спасеніе отъ котораго было только въ забвеніи, только бы не думать сразу обо всемъ этомъ мрачномъ. Не сразу оно и приходило: день за днемъ и въ каждомъ такомъ новомъ днѣ было и что нибудь неожиданное.

— Съ каждымъ новымъ днемъ судьба посылаетъ и какое-нибудь удовольствіе,—успокаивалъ Ларіо тѣхъ своихъ друзей, которые, не имѣя денегъ, чтобы помочь ему, тѣмъ не менѣе безпокоились объ его судьбѣ.

Если въ карманѣ двадцать копѣекъ, на сценѣ удовольствіе № 1: обѣдъ въ кухмистерской.

Если нѣтъ ничего—удовольствіе № 2: горячая вода вмѣсто чая утромъ, ловля изъ форточки пятаго этажа голубей съ помощью искуснаго аппарата и приготовленіе ихъ въ горячей золѣ печки; вечеромъ прогулка по Вознесенскому.

— Какъ тебѣ не надоѣстъ?—спрашивалъ иногда Корневъ, валяясь у Карташева на кровати и выслушивая равнодушно приглашеніе Ларіо прогуляться по проспекту.

— Натура,—отвѣчалъ Ларіо.

— Но, вѣдь, какъ же ты этимъ поможешь своей натурѣ?

— О, Вася, какъ ты глупъ; это у порядочныхъ только безъ брака ничего не выйдетъ, а здѣсь, у этихъ святыхъ женщинъ, бывають и безкорыстные порывы.

— Благородныя созданья?

— Чтобы ты зналъ... Ну, идете?

— Ты хоть разъ на лекціяхъ то былъ?

— Глупые, не идущіе къ дѣлу вопросы... человѣку не на что готовальни купить... Идете?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ пренебрежительно Корневъ.

Въ общемъ, чѣмъ запуганнѣе становилось положеніе, тѣмъ Ларіо дѣлался безпечнѣе.

Единственно, что еще смущало его—это квартира или, какъ говорилъ онъ, «квартирный вопросъ». Съ квартирой связывался и обѣдъ,—блюдо голубей, правда, не всегда обезпеченное, но всетаки щить отъ страшнаго призрака полнаго голода.

Поэтому когда пришелъ срокъ платить за мѣсяць, Ларіо,

скрѣпя сердце, — это было какъ разъ наканунѣ встрѣчи Шацкаго и Карташева, — отправился къ Шацкому и попросилъ у него взаймы шесть рублей. Онъ получилъ отъ Шацкаго деньги, но вышло какъ то такъ, что въ послѣднее мгновение онъ рѣшилъ уплатить хозяйкѣ только за полмѣсяца. На остальные же три рубля пообѣдалъ, выпилъ бутылку пива, а вечеромъ отправился къ Марцинкевичу.

Тамъ, въ прокопченныхъ залахъ этого заведенія его обдало обычнымъ спертымъ воздухомъ, въ которомъ обенялись и человѣческій потъ, и прокислыя закуски буфета, и пиво, и водка, но, конфузливый въ такъ называемомъ порядочномъ обществѣ, Ларіо здѣсь не чувствовалъ обычнаго стѣсненія. Онъ умѣлъ въ этихъ залахъ проводить весело свое время.

Когда онъ вошелъ, вечеръ былъ въ полномъ разгарѣ. Въ продымленномъ воздухѣ тускло горѣли газовыя рожки, освѣщая низкія, грязныя залы, въ которыхъ взадъ и впередъ двигалась обычная толпа посѣтителей: гризетки, горничныя, ремесленныя кокотки, «швейки», ихъ кавалеры — прикацики, студенты и разнаго рода кутящій людъ, отъ чуйки до господина во фракѣ, желающаго поразить этотъ міръ изысканностью своихъ манеръ. Но здѣсь, въ этой демократической толпѣ было мало настоящихъ цѣнителей такихъ манеръ, и вызывали онѣ только веселый смѣхъ въ дамахъ, да желаніе со стороны кавалеровъ своихъ дамъ поставить обладателя ффрака съ изысканными манерами въ какое нибудь особенно глупое положеніе.

На мѣстномъ жаргонѣ называлось это «устроить скандалъ». Ларіо на этомъ поприщѣ уже стяжалъ себѣ славу. Онъ былъ здѣсь несомнѣнно популярный человекъ и, чувствуя почву, держалъ себя съ апломбомъ и увѣренностью нѣкоторымъ образомъ героя толпы.

Дамы любили Ларіо за простоту, за «махъ», за его готовность безавѣтно спустить съ ними послѣднюю копѣйку и спустить съ такимъ трескомъ и шикомъ, на какой только былъ способенъ онъ, когда развернется.

Появленіе Ларіо замѣтила Шурка «Неукротимая» (прозвище, какъ и остальные: «Подрумянся», «Съ морозцу» и проч., данныя самимъ Ларіо) и понеслась къ нему съ противоположнаго конца зала.

Шурка была пропорціональная, средняго роста, молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ, съ простой прической, большими темными глазами и румянцемъ на худомъ, красивомъ лицѣ.

Изъ многочисленныхъ своихъ симпатій Ларіо Шурку любилъ особенно за шикъ, за огонь, за пренебреженіе къ нарядамъ. Ея неизмѣнимый цвѣтъ платья былъ черный, а прическа — всегда прямой проборъ и коса. И только и щеголяла Шурка оими шуршавшими, бѣлыми юбками, да красивыми ботин-

ками, плотно облегавшими ея стройную ногу. Но и эта роскошь имѣла, такъ сказать, свой прямой смыслъ. Шурка была первая мастерица въ танцахъ и па, гдѣ сшибается поднятою ногой цилиндръ съ головы визави, требовало одинаково и граціи и безукоризненной ножки, и массы, наконецъ, юбокъ, маскирующихъ въ рѣшительный моментъ все, кромѣ ботинка и части обнаженнаго чулка.

Ларіо, стоя у дверей, давно замѣтилъ мчавшуюся къ нему Шурку, но, какъ опытный въ такихъ дѣлахъ человекъ, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея.

— Петька подлець!—налетѣла на него Шурка...

— А... а... ну, здравствуй,—отвѣтилъ равнодушно и даже пренебрежительно Ларіо.

— Ты что? угоди!

— Съ этого времени тебя, прорву, начать накачивать,—искренно раздражился Ларіо,—трехъ капиталовъ не хватитъ.

Шурка, чувствовавшая къ нему какую-то невольную симпатію, и не подумала обидѣться, а замѣтила только изъ важнаго вида Ларіо, что «подлець Петька» при деньгахъ. И такъ какъ это бывало очень рѣдко, а Шурка всегда и безъ денегъ оказывала ему вниманіе, то и сочла она себя въ правѣ воспользоваться такимъ рѣдкимъ случаемъ, чтобы стать исключительной обладательницей на этотъ вечеръ Ларіо. Поэтому, ущипнувъ своего кавалера какъ можно сильнѣе за руку, она проговорила:

— Да ты это что, Петька?! Ты и не подумай у меня отлынивать! Смо-о-три!! чуть что—прямо глаза выпарапаю: тронь только кого нибудь...

Горячій отвѣтъ Шурки пришелся по душѣ Ларіо: «съ огнемъ женщина!»—подумалъ онъ, но, не выдавая себя, небрежно отвѣтилъ ей:

— Ладно... Не больно запугала,—я и самъ подола задирать умѣю.

— Этакъ?—спросила Шурка и подбросила чуть не къ носу Ларіо носокъ своего ботинка.

Ларіо, сдерживая охватывавшее его удовольствіе, какъ могъ солиднѣе отвѣтилъ:

— Не балуй!

— Да ты что ломаешься?!—уже смѣло сказала Шурка требовательно наступая на Ларіо.—Ахъ ты дрянъ этакая!

Она приблизила какъ можно ближе свое лицо къ лицу Ларіо, не спуская въ то же время своихъ красивыхъ глазъ съ его глазъ.

Въ глазахъ Ларіо что-то сверкнуло. Дѣвушка почувств вала свою силу, и тономъ, не допускавшимъ никакихъ возраженій, все не отводя глазъ, скомандовала:

— Цалуй!

Ларіо нерѣшительно обдумывалъ, что ему теперь дѣлать: устоять или исполнить заманчивое для него приказаніе.

— Ну?—строго и съ новой зажигательной силой повторила Шурка.

— Выведуть... слабо воззвалъ Ларіо къ благоразумію Шурки.

— Начхать!! Цалуй.

Ларіо быстро чмокнулъ Шурку въ губы и еще быстрѣе, положивъ ея руку въ свою, нырнулъ съ ней въ толпу, говоря на ходу:

— Ей Богу же, выведуть.

Въ толпѣ они встрѣчали знакомыхъ и любезно имъ кивали головой направо и налево. Ихъ, первыхъ танцоровъ, узнавала толпа и почтительно пропускала впередъ.

Такъ незамѣтно дошли они до буфета.

— Коньякъ—ни-ни!—рѣшительно заявилъ Ларіо.

— Петька-а?!

— Вотъ тебѣ и Петька.

Шурка внимательно заглянула въ глаза Ларіо.

— Стану я тебя спрашивать?! Коньяку!!

— Ну и плати сама.

— Петька?!

— Петька я давно,—водку пей...

— Ну, пѣтушокъ,—одну только... а тамъ до конца, ей Богу, вотъ тебѣ крестъ,—водку...

— Экая дрянь... Ну дуй.

Шурка проглотила рюмку коньяка залпомъ и, дотрогиваясь до блюда вареныхъ красныхъ раковъ, спросила:

— Рака?

Ларіо, крикнувъ послѣ выпитой рюмки водки, кивнулъ Шуркѣ головой въ знакъ согласія и самъ, закусивъ рѣдкой въ сметанѣ, подъ руку съ Шуркой, осторожно обламываящей ножки рака и сосавшей ихъ, направился въ залу.

Они опять шли подъ руку и опять весело раскланивались со знакомыми.

И всѣ его симпатіи: и «Подрумянся», и «Съ морозу», и Лизка-Пьяница, и Маша первая, и Маша вторая— всѣ, всѣ понимали и то, что у Петьки деньги, и что Шурка на сегодня завоевала Петьку, и въ ихъ поклонахъ ясно передавалось, что всѣ признаютъ эту побѣду и съ своей стороны никакихъ погательствъ ни на Петьку, ни на его карманъ не будутъ дѣлать. И довольная Шурка говорила своему кавалеру о томъ, кіе хорошіе люди всѣ онѣ.

Были, впрочемъ, и такія, которыя не желали признавать звѣ Шуркиныхъ на захватъ и старались привлечь на себя вниманіе Ларіо. Это давало поводъ Шуркѣ говорить о назой-

ливости, о нахальствѣ, о подлости человѣческой природы вообще и въ частности о пристававшихъ къ Ларіо.

У Шурки языкъ былъ какъ бритва и она искусно работала имъ противъ своихъ соперницъ, и Ларіо говорилъ больше, чтобы успокоить Шурку:

— Да чортъ съ ними: что тебѣ?

На что обидчивая Шурка, вырывая руку, горячо отвѣчала:

— Ну такъ и иди къ нимъ....

Но затѣмъ миръ снова быстро возстановлялся, и Ларіо опять вслушивалъ разсужденія Шурки на тему о подлости человѣческой природы.

— Порядочная дѣвушка, — говорила убѣжденно Шурка и такъ громко, чтобы слышала та, къ кому это относилось, — никогда не станетъ приставать къ чужому кавалеру.

— Мужъ онъ тебѣ? — смущенно возражала соперница.

— Вотъ тебѣ и мужъ!!

— Чортъ васъ вокругъ стула крутилъ, — говорила, вспыхнувъ соперница, и быстро уходила, потому что боялась Шуркиныхъ когтей.

Она уже останавливалась, вотъ вотъ готовая полетѣть въ догонку за убѣжавшей, если бы не Ларіо, крѣпко державшій ее за руку.

— Ну вотъ, ты всегда такъ, — говорилъ онъ ей торопливо, — рюмку выпьешь и ужъ скандалить готова... Брось...

— Ушла, — удовлетворенно говорила Шурка, не слушая доводовъ своего кавалера, и они оба опять продолжали свою прогулку.

Особенно назойлива была одна: подозрительная, блѣдная фигура женщины лѣтъ подъ тридцать съ кличкой Катя-Тюремщица. Справедливо или нѣтъ, эту Катю весной обвинили въ воровствѣ кошелекка у своего кавалера и посадили на три мѣсяца въ тюрьму. Это въ конецъ подорвало ее положеніе: ея избѣгали и косились. Да къ тому же и возрастъ ея, — тридцать лѣтъ для такой жизни большой возрастъ, — и помятый видъ особенно послѣ тюрьмы, какъ то сразу осадившей ее, — все вмѣстѣ дѣлало то, что изо дня въ день Катя Тюремщица, какъ какая то проклятая тѣнь, чужая всему окружающему, одиноко шаталась въ толпѣ посѣтителей Пассажа, Невскаго, Вознесенскаго и Марцинкевича. Знакомство ея съ Ларіо было случайное, въ минуту жизни трудную, когда онъ былъ совершенно безъ денегъ и искалъ чистой любви, а она, не обѣдавши, искала хоть куска хлѣба. Они съ аппетитомъ въ тотъ вечеръ съѣли жареннаго въ золѣ голубя.

Ларіо узналъ исторію Кати и хотя она была и «Тюремщица», и некрасива, и поношена, но въ любвеобильномъ сердцѣ Ларіо нашелся и для нея уголокъ: онъ любилъ ее за то, что,

какъ говорилъ онъ, она была «бѣдненькая», то есть тихая, кроткая и загнанная.

Неприятны были только глаза ея, напряженные, ищущіе.

— Жаль дѣвочку,—сказала Ларіо, проходя мимо Кати, которая бросала на Ларіо недозволительные, съ точки зрѣнія кодексъ Шурки, взгляды.

— Сама только и вредить себѣ,—строго отвѣтила Шурка.— Въ другой разъ можетъ и нашла-бы свое счастье, а теперь, конечно, всякаго порядочнаго человѣка только сконфузить... Дура и больше ничего...

Ларіо покосился на музыкантовъ и проговорилъ:

— Что они тамъ тянутъ жилы,—начинали-бы кадрили.

— Ты иди, скажи...

Наконецъ, раздался давно ожидаемый сигналъ къ кадрили.

Въ длинной залѣ начали строиться пары. Молодой человѣкъ на короткихъ ножкахъ, въ пиджакѣ, поспѣшно натягивалъ перчатки, топтался возлѣ своей дамы и съ волненіемъ оглядывался по сторонамъ такъ озабоченно, точно отъ этой кадрили зависѣла вся его судьба. Подвыпившій господинъ изъ молодыхъ прикащиковъ тащилъ подъ руку, вдоль построившихся паръ, свою толстую, неуклюжую даму, отыскивая себѣ визави. Лысый, въ чуйкѣ, кавалеръ, сапоги бутылкой, робко втиснулся съ своей дамой въ ряды танцующихъ и оглядывался такъ, точно вотъ-вотъ покажется его законная супруга, отъ которой онъ мгновенно и дастъ «стрекача» въ толпу. Что касается дамъ, то тѣ съ лицами дѣловыми строились такъ же равнодушно, какъ дѣлаютъ это солдаты на ученіяхъ.

Ларіо съ Шуркой передъ началомъ кадрили выпили еще по одной. Его немного шокировала компанія сотоварищей танцоровъ и онъ нетерпѣливо ждалъ кадрили, когда въ разгарѣ танцевъ не все-ли равно кто возлѣ: чуйка-ли, убѣжавшій отъ своей жены, или прикащикъ, запустившій сегодня удачно руку въ хозяйскую кассу.

Обычная толпа зрителей уже собралась около Ларіо и Шурки.

Музыка заиграла.

— En avant!—рѣзко тряхнулъ головой Ларіо и двинулся съ своей дамой впередъ.

Начало, какъ всякое начало, не представляло изъ себя чего интереснаго. Ларіо съ легкостью, какую трудно было немъ предположить, не шелъ, а плылъ, сѣменя ножками, дергивая тѣломъ и руками. Иногда онъ хлопалъ въ ладоши, мѣрно, въ тактъ мотиву, наклоня голову, довольно громко выговаривая слова:

Кокетки—гриветки
Совсѣмъ не кокетки!

Кто ихъ зналъ, кто ихъ зналъ,
Не могъ ихъ позабыть.

Иногда онъ бросалъ слово, другое своей подругѣ: «расскачивайся, шевелись» и подъ этотъ приказъ Шурка точно зажигалась и показывала свой, какъ выговаривалъ Ларіо, «пшиикъ».

Настоящій танецъ съ соответственными тѣлодвиженіями начался въ пятой фигурѣ, когда Шурка и Ларіо дѣлали свое solo. Къ этому времени вокругъ нихъ собралась почти вся нетанцующая публика.

Первая пошла Шурка подъ зажигательный пригвѣзъ Ларіо:

— O, hey, la cascade! Hey la tocade.... en avant, en avant, voyez le bacchanal! Шурка въ это время, подобравъ обѣими руками свое платье, съ массой торчавшихъ изъ подъ него бѣлыхъ юбокъ, загнула все это у себя на колѣняхъ и, придерживая руками, начала въ тактъ музыкѣ, все подвигаясь впередъ, выбрасывать свои красивыя, маленькія ножки въ высокихъ ботинкахъ.

Когда музыка перемѣнила вдругъ мотивъ, Ларіо быстро и съ трескомъ подхватилъ:

Кончикомъ ботинки
Съ носа сбить pinse-nez.

Шурка, какъ разъ въ это мгновеніе дойдя до Ларіо, вдругъ распустила свои юбки, быстро, непринужденнымъ движеніемъ ноги, дѣйствительно сбросивъ съ носа Ларіо pinse-nez, уже благополучно отбывала назадъ, слегка закинувшись и соответственнымъ движеніемъ руки какъ бы приглашая за собой своего кавалера.

Взрывъ аплодисментовъ наградила раскраснѣвшуюся Шурку за выказанную грацію и искусство.

Очередь наступила за Ларіо.

— Живѣй!—коротко, энергично скомандовалъ Ларіо.—Clac-clac!

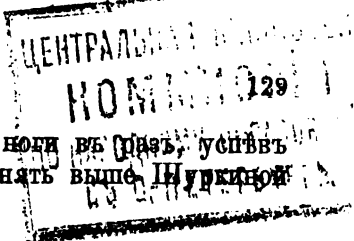
И, дождавшись желаемого темпа, разгорячившійся Ларіо выступилъ впередъ. Никто не узналъ-бы теперь обыкновенно тихаго и застѣнчиваго Ларіо: это былъ увѣренный въ себѣ, стройный и сильный красавецъ юга. Вся итальянская кровь его дѣдовъ проснулась и заговорила въ немъ. Каждая жилка, каждый мускулъ вибрировалъ и игралъ. Большіе черные глаза горѣли и метали искры, лицо покраснѣло, волосы и красивомъ безпорядкѣ разсыпались по лбу.

—En avant!—вскрикивалъ онъ по временамъ.

И это короткое, страстное «en avant» электрической искры пробѣгало отъ него къ толпѣ.

— Н-на!

И Ларіо послѣднимъ движеніемъ какъ то бокомъ, сложи



на груди руки, подбросить обѣ свои ноги въ воздухъ, успѣвъ ими и щелкнуть, и одну изъ нихъ поднять выше Шуркиной головы.

— Bis! Bravo...—заревѣла публика.

На bis Ларіо скомандоваль казачка.

И подѣ звуки новой музыки, онъ легко и сильно, точно и не танцоваль, пустился, какъ резиновый мячъ, ударяемый сильной рукой, откалывать самого отчаяннаго трепака.

Въ тоже мгновеніе Шурка, тихо и плавно, красиво перегнувшись и помахая платочкомъ, выплыла на середину зала. Всѣ давно бросили танцовать и во всѣ глаза слѣдили за красивой парой. То заступая нога за ногу, скрестивъ руки, кавалеръ уходилъ отъ своей дамы, то догонялъ ее, присѣвъ къ землѣ и перебирая, не подымаясь, ногами, то опять пускался въ ту минуту, когда, казалось, всѣ силы его оставили, въ самую отчаянную присядку. И казачекъ онъ кончилъ какимъ-то непередаваемымъ скачкомъ, причеиъ ноги его влетѣли на воздухъ и въ то же мгновеніе онъ успѣлъ хлопнуть ладонью по полу.

Новый взрывъ аплодисментовъ и новый неистовый крикъ: «bis».

Послѣ кадрили почитатели таланта просили Ларіо и его даму выпить и закусить съ ними. Ларіо скромно принималъ приглашеніе, но ничего, кромѣ водки, не пилъ, объясняя каждому, что онъ человекъ съ маленькими средствами и потому пить только то, чѣмъ можетъ отвѣтствовать.

Но верхъ торжества былъ, когда вдругъ распорядитель заведенія, протолкавшись къ прилавку, подалъ Ларіо на поднось билетъ почетнаго посѣтителя. Ларіо немного смутился, но не принять было неловко. Настроеніе и желаніе толпы было угадано: посыпались новые аплодисменты, раздались крики «ура», «браво», и смущенный Ларіо только успѣваль на всѣ стороны раскланиваться.

И Шуркины акціи поднялись: она получила нѣсколько соблазнительныхъ предложеній. Одинъ франтъ даже звалъ ее ѣхать къ Дюссо, но Шурка наотрѣвъ отказалась отъ всѣхъ приглашеній, предпочитая остаться вѣрной своему кавалеру по танцамъ.

Но кавалеръ ея не былъ на высотѣ ея образа мыслей. Передъ нимъ вдругъ очутилась Катя-Тюремщица и голосомъ прогымъ, но полнымъ горькаго упрека произнесла:

— Сашку коньякомъ поишь, а когда денегъ нѣтъ, ко мнѣ: въ послѣдній разъ и на извозчика не даль.

— Не даль? И даль бы, да не было: видала кошелекъ?

Ларіо говорилъ съ неприятной интонаціей человека, желавшаго отвязаться отъ назойливаго собесѣдника. Онъ ждалъ еще

приставаній и приготовился отрѣзать Тюремщицѣ еще рѣзче. Но та замолчала и только тоскливо и безнадежно все смотрѣла въ одну точку. Ларіо скользнулъ взглядомъ по ея лицу и смущенно поспѣшилъ отвести глаза. Въ это мгновенье фигура Тюремщицы такъ мало была схожа съ окружавшей ихъ обстановкой. Это и отталкивало отъ нея, и сближало въ то же время съ нею какой-то другой стороною: точно стояла передъ нимъ не женщина этой залы, а какой-то близкій, очень близкій ему человѣкъ.

— Цѣлый день маковой росинки во рту не было, — скорѣе какъ мысль вслухъ тоскливо проговорила Катя.

Доброе сердце Ларіо сжалось отъ этихъ словъ. Глаза его направились въ ту сторону, гдѣ стояла Шурка, и, замѣтивъ, что та съ кѣмъ-то разговариваетъ, онъ быстро и смущенно отвѣтилъ:

— Такъ-бы и сказала... пей... — И, взявъ рюмку съ прилавка, онъ передалъ ей.

Угощая Тюремщицу, Ларіо считалъ, что онъ, не нарушая правъ Шурки, исполнялъ только нѣкоторымъ образомъ свой долгъ.

Но не такъ посмотрѣла на вопросъ Шурка, замѣтившая дѣйствія своего кавалера. Вскипѣвъ негодованіемъ, на какое только способна была ея невоздержанная натура, она бросилась къ Тюремщицѣ и, не помня себя, съ воплемъ: «такъ вотъ же тебѣ, тюремная присоска!» — выбила изъ рукъ соперницы рюмку водки, которую та только что собиралась было опрокинуть въ свой ротъ. Водка расплескалась по лицу и платью Тюремщицы, рюмка упала на полъ и въ ту же минуту Шурка получила такую пощечину, что на мгновенье даже она растерялась. Но вслѣдъ затѣмъ она съ визгомъ, налетѣвъ на соперницу, всѣми своими десятью когтями впилась въ лицо Тюремщицы. И хотя ихъ немедленно растащили въ разныя стороны, но лицо Тюремщицы сразу залилось кровью. Впрочемъ, и изъ Шуркинаго носа капала кровь и теперь она острожно, чтобъ не запачкать платье, то и дѣло прикладывая платокъ къ носу, оживленно рассказывала всѣмъ желавшимъ слушать исторію драки. Тюремщица не слушала и, закрывъ лицо, стояла, какъ человѣкъ, получившій свой смертельный ударъ. Она понимала одно: она, съ своимъ обезображеннымъ лицомъ, сразу потеряла и на сегодня, и на завтра, и на много дней какую-то ни было надежду на практику, а съ ней и надежду на ѣду, кровь... Положеніе сразу стало невыносимымъ и критическимъ. И всѣ эти соображенія и послѣдній, не ушедшій до рта, кусокъ, подѣйствовали на несчастную такъ что она, присѣвъ тутъ же на стулѣ, вдругъ горько зарыдала.

Между тѣмъ скандалъ привлекъ все общество, поднялъ оживленный говоръ. Шурка, раскрасѣвшаяся и растрепанная

все вытирала кровь, капавшую изъ ея носа, и горячо разска- зывала исторію съ своей оскорбленной точки зрѣнія, и всѣмъ ясно было неблагородство Тюремщицы и всѣ смотрѣли на послѣднюю, продолжавшую молча рыдать, съ какимъ-то смѣшан- нымъ чувствомъ соболѣзнованія и презрѣнія. Для Тюремщицы весь этотъ дальнѣйшій эпизодъ не имѣлъ уже никакого инте- реса. При охватившемъ ее отчаяніи не было мѣста пустому, минутному самолюбію, которое фонтаномъ било въ молодой, здоровой Шуркѣ. Тюремщица продолжала рыдать, не интере- суясь окружающимъ, какъ чѣмъ то такимъ, что съ этого мгно- венья, можетъ быть, навсегда станетъ ей чуждымъ. Рыданія пере- шли въ кашель, тяжелый, судорожный кашель надорванной груди. На зрителей повѣяло атмосферой больницы. Тюремщица не слышала, какъ пришелъ распорядитель, какъ въ десятый разъ, еще разъ, Шурка съ разными дополненіями передала ему всю исторію, не слышала, какъ поднялся вопросъ о выводѣ кого- нибудь изъ нихъ, какъ Ларіо горячо и убѣжденно просилъ и уговаривалъ распорядителя не доводить дѣло до скандала, какъ, наконецъ, рѣшено было смягчить форму изгнанія. Тюремщица пришла въ себя только тогда, когда распорядитель, наклонив- шись къ ней, какъ могъ мягче, посовѣтовалъ ей ѣхать домой. Она безпрекословно встала и, продолжая всхлипывать, закры- ваясь платкомъ, пошла за нимъ на лѣстницу.

Ларіо догналъ ее и сунулъ ей въ руку сорокъ копѣекъ. Тю- ремщица въ отвѣтъ, закинувъ голову, съ прикрытымъ рукою лицомъ, такъ всхлинула, что Ларіо смущенно прибавилъ:

— Завтра, часовъ въ 10 утра приходи ко мнѣ.

Затѣмъ, онъ мгновенно вернулся назадъ утѣшать другую жертву «любви» къ себѣ—Шурку-Неукротимую.

На возвратномъ пути распорядитель остановилъ Ларіо и попросилъ его, въ видѣ особаго одолженія, увезти и Шурку, такъ какъ въ обществѣ началось движеніе обратное—въ пользу Кати, и такъ какъ публика была уже достаточно пьяна, то, по- жалуй, могъ бы выйти новый скандалъ. Ларіо согласился, но съ подвыпившей Шуркой не такъ легко оказалось справиться. Тѣмъ не менѣе, при добромъ содѣйствіи друзей и подругъ, Ларіо удалось, наконецъ, въ четвертомъ часу свести Шурку въ убор- ную. Но уже въ пальто, услыхавъ вдругъ веселые звуки ка- дръ или, Шурка пустилась въ плясъ и чуть не вырвалась, какъ бы -а, назадъ въ танцевальную залу. И когда и на этотъ разъ уд -а, гось ее уговорить, она съ горя успѣла все-таки, хоть пе- ре -а швейцаромъ, продѣлать свое любимое па.

На другой день, когда Ларіо проснулся, Шурка уже была -а и въ одной юбкѣ возилась около самовара.

— Гдѣ твой чай и сахаръ?

— Гдѣ? — повторилъ Ларіо, — въ лавкѣ... Постои, пошлю сейчасъ.

Ларіо, какъ былъ, вскочилъ, отворилъ дверь, просунулъ голову и какъ могъ ласковѣе произнесъ:

— Марья Ивановна!

Что-то въ концѣ темнаго корридорчика заколыхалось и медленно подплыло къ полуотворенной двери. Это и была та самая Марія Ивановна, расплывшаяся, всегда добродушно-недоумѣвающая квартирная хозяйка.

— А что некого, Марья Ивановна, послать за чаемъ?

— Кого-же? Дашу разсчитали, а новой нѣтъ еще.

— А... можетъ быть, вы дадите на заварку... я вотъ только одѣвнусь.

— Хорошо.

— И сахару немножко...

— И булку?..

— Да, пожалуйста... Очень, очень вамъ благодаренъ.

Ларіо, дождавшись у дверей припасовъ, возвратился въ кровать и, вспомнивъ съ неприятнымъ чувствомъ о предстоящемъ визитѣ Тюремщицы, во избѣжаніе столкновения, проговорилъ:

— Ну, однако, Шурка, того... пей чай и маршъ... мнѣ надо заниматься.

— Еще что выдумалъ? — спокойно отвѣтила Шурка, — куда я не пойду.

Хотя это и очень польстило самолюбію Ларіо, но тѣмъ не менѣе онъ категорично повторилъ свое требованіе. Приэтомъ онъ какъ могъ объяснилъ ей, что у него репетиція, что такое репетиція и что необходимо что нибудь знать, а онъ еще ничего не знаетъ.

Хотя Шурка повѣрила только послѣднему, но тѣмъ не менѣе, въ виду настойчивости Ларіо, который при всей своей деликатности, самъ, наконецъ, вставъ, началъ одѣвать ее, она уступила и начала трогательно прощаться съ нимъ. Приэтомъ Ларіо такъ расчувствовался, что высыпалъ все изъ своего кошелька, что составляло всего на всего пятьдесятъ пять копѣекъ.

Шурка сунула деньги въ карманъ, подавивъ упрекъ, что съ такимъ заработкомъ не проживешь, спустила на лицо вуаль, потомъ опять подняла ее, въ послѣдній разъ поцаловала своего возлюбленнаго, повернулась уже къ двери, собираясь отворить ее, какъ вдругъ дверь сама отворилась, и Шурка замерла на мѣстѣ. Въ дверяхъ стояла унылая фигура Катя-Тюремщицы.

Тогда Шурка, во мгновеніе ока понявъ окончательно, что это за штука репетиція, понявъ всю подлость Петьки, вскипѣла негодованіемъ къ неблагодарному, для котораго она, ко-

жетъ быть, цѣлыя десять рублей промѣняла на жалкія пятьдесятъ пять копѣекъ.

Ларіо совершенно опѣшилъ отъ такой неожиданности и стоялъ, какъ пойманный воръ. Шурка вскинула на него глаза и новый приливъ бѣшенства охватилъ ее. Съ крикомъ «подлецъ» она схватила первое попавшееся ей что-то подъ руку и бросила это что-то о землю такъ, что оно разлетѣлось въ куски. Затѣмъ, какъ бомба, она вылетѣла изъ комнаты, чуть не сбивъ съ ногъ Тюремщицу.

Это что-то, брошенное Неукротимой, было ничто иное, какъ снарядъ Ларіо для ловли голубей.

Ларіо стоялъ надъ разбитымъ снарядомъ, съ разбитой надеждой на обѣдъ, съ тяжелой обузой въ лицѣ унылой Тюремщицы, и тѣмъ ярче охватывалъ его образъ исчезнувшей, живой Шурки-Неукротимой.

ХІ.

Непріятная дѣйствительность, однако, не позволяла долго останавливаться надъ прошлымъ и, вздохнувъ, Ларіо прежде всего принялся за починку своего снаряда. Тюремщица, какъ могла, помогала ему въ этомъ. Ларіо неохотно принималъ ея услуги. Онъ не могъ отдѣлаться отъ непріятной мысли, что навязалъ самъ себѣ на шею, вмѣсто Шурки, эту женщину, особенно непріятную своей способностью присасываться. Ларіо сравнивалъ ее мысленно съ пиявкой и ломалъ свою голову, какъ ему отъ нея отдѣлаться.

Когда снарядъ былъ починенъ, Ларіо сейчасъ же пустилъ его въ дѣло, и одинъ за другимъ были пойманы два голубя. Тюремщица принялась готовить изъ нихъ обѣдъ. Она вошла въ соглашеніе съ хозяйкой и сжарила голубей по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства, доставъ у хозяйки и кастрюльку, и масло. Эта успѣшная починка, удача въ поимкѣ голубей, ловкость Тюремщицы и ея необычайная кротость—примирили немного Ларіо съ нею.

Было часа два уже, когда, поѣвъ голубей, Ларіо, почувствовавъ утомленіе отъ безсонной ночи, прилегъ соснуть.

Засыпая, Ларіо думалъ о судьбѣ Тюремщицы. Его трогала ея домовитость. Онъ думалъ о томъ, что при другихъ бстоятельствахъ изъ нея могла бы выйти примѣрная хозяйка и мать семейства. Затѣмъ почему-то вспомнилъ живущую дѣсь въ Петербургѣ свою дальнюю родственницу, къ которой унулся было на правахъ родственника, но, ошеломленный и чужествомъ ея обстановки, и ледянымъ приѣмомъ, зарекся никогда ходить къ ней.

Въ его итальянской фантази быстро нарисовался типъ богатой женщины, фальшивой, себялюбивой, обособленной въ своей сферѣ, работливой предъ грязью золота и надменной предъ грязью нужды; женщины, не сознающей и не желающей сознавать всю гнусную фальшь своего положенія, напротивъ того, требующей поклоненія себѣ, своимъ добродѣтелямъ.

Итальянская кровь Ларіо вскипѣла: «не поклоняться» — ураганомъ пронеслось въ его голсвѣ, «а бить, бить, бить...»

И подписавъ мысленно такой рѣшительный приговоръ, онъ такъ же быстро, какъ вспыхнулъ, утихъ и сразу заснулъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ.

Ларіо уснулъ, а Тюремщица принялась за его несложное хозяйство. Она хозяйничала и переживала какой-то особенный покой души. Вынужденный отпускъ позволялъ ей хоть на время отвлечься отъ своихъ повседневныхъ напряженныхъ заботъ о насущномъ кускѣ хлѣба. Съ этой минуты уже кто-то другой будетъ заботиться о ней. И хотя бы этотъ кто-то былъ и самъ ничего не имѣющій Ларіо, но это всетаки мужчина, у него была комната и даже пища. Въ этой комнатѣ было тепло, и, если не хватало чего, то развѣ чаю, сахару да немного хлѣба къ вечернему чаю, когда проснется этотъ добрый человѣкъ.

У Тюремщицы вдругъ явилось страстное желаніе сдѣлать проснувшемуся Ларіо что-то вродѣ сюрприза. Вопросъ, какъ достать денегъ, поглотилъ ее всю. Продать чтонибудь? Что? Платье, пальто, скромную шапочку, за которую и двадцати копѣекъ не дадутъ?

Неожиданная мысль пришла ей въ голову: поступить на время въ горничныя къ квартирной хозяйкѣ. Тюремщица энергично ухватилась за эту мысль: во-первыхъ, часть обязанностей горничной она и безъ того ужъ исполняетъ сегодня, отчего ей не выполнять и во все время пока не заживутъ царапины? Во-вторыхъ, съ этимъ дѣломъ она и раньше была знакома и теперь, оглядываясь назадъ, можетъ быть, и жалѣла, что бросила и промѣняла его на другое, не давшее ей ничего, кромѣ униженія, страданія и даже тюрьмы.

Вопросъ былъ въ томъ: согласится ли хозяйка. Кончивъ убирать комнату, Тюремщица задумчиво поставила въ уголъ щетку, посмотрѣла на спавшаго Ларіо и, осторожно выйдя въ коридоръ, направилась въ коморку толстой хозяйки.

Расплывшаяся туша хозяйки растерялась отъ неожиданнаго предложенія Тюремщицы и долго молча смотрѣла передъ собою.

— Меня родные къ себѣ зовуть въ Бобруйскъ жить,— заговорила медленно она,—такъ что и порѣшила я, чтобъ ѣхать... Женщина я одинокая, больная, о чемъ мнѣ заботиться? Вы бы вотъ лучше сняли мою квартиру—я бы и мебель вамъ продала... за восемьдесятъ рублей: четыре комнаты, моя вотъ, въ кухнѣ что есть... восемьдесятъ рублей...

Но у Тюремщицы и восьмидесяти копѣекъ не было.

Она обѣщала хозяйкѣ поискать покупательницу, настаивая, чтобъ та взяла ее хоть на время, пока заживуть ея ссадины.

— А если раньше надумаетесь уѣхать,—закончила Тюремщица свое предложеніе,—то и раньше меня отпустите... я въ претензіи не буду.

Хозяйка задумалась.

— Всетаки барышня вы... А какая ваша цѣна?

— Что положите.

— Да вотъ шесть рублей я платила... это чтожъ, двадцать копѣекъ что ли въ день?

— Я согласна.

Тюремщица помялась и попросила рубль впередъ.

Толстая хозяйка опять задумалась, уставившись своими широко раскрытыми глазами передъ собой, а затѣмъ, вставъ, медленно поплыла къ комоду.

— Вы выйдите, я вамъ принесу сейчасъ.

Тюремщица вышла въ коридоръ и, немного погодя, вышла туда же и хозяйка, неся въ своей жирной, водянистой рукѣ рубль.

Получивъ деньги, Тюремщица сейчасъ же отправилась за нужными покупками. Купила чаю, сахару, хлѣба, керосину и горюиво съ накупленнымъ возвратилась назадъ.

Сбросивъ съ себя пальто и шляпу, она принялась было развязывать свертки, но сильный припадокъ кашля отъ быстрой ходьбы заставилъ ее бросить все, и, присѣвъ въ кресло, она долго и тяжело кашляла. Кровь окрасила ея платокъ, и съ этимъ платкомъ въ рукахъ, не сводя съ него глазъ, долго сидѣла Тюремщица. Мысль о смерти, страхъ смерти, мысль о прожитой жизни, о томъ, какъ начиналась она и какъ кончается теперь, овладѣла ею и она забыла на время о своихъ покупкахъ.

Когда Ларіо проснулся, онъ не узналъ своей комнаты. На мѣсть подъ скромнымъ абажуромъ горѣла лампа, столъ былъ накрытъ скатертью и на немъ стоялъ подносъ, стеклянная самоварница и чайница, полныя сахару и чаю, лежали тутъ-же французскія булки. Въ комнатѣ было чисто прибрано и

подметено. За столомъ сидѣла и шла скромная приличная женщина. Ларіо не совсѣмъ очнулся и все это показалось ему какимъ-то сномъ: онъ закрылъ и опять открылъ глаза, всматриваясь въ Тюремщицу. Въ ней точно произошла какая-то перемѣна. Ларіо опять закрылъ глаза и заснулъ.

Тюремщица дѣйствительно переживала большую душевную перемѣну. Началась она, конечно, не со вчерашняго дня. Сознаніе, что такъ или иначе надо устроить свою жизнь, уже съ тюрьмы мучило ее. Но день тянулся за днемъ и, безъ вчерашняго скандала, кто знаетъ, чѣмъ-бы кончился этотъ постепенный спускъ къ Сѣнной площади.

Теперь ее еще сильнѣе охватывало желаніе покончить съ этой позорной жизнью.

«Ну чтожъ,—думала она,—хоть и горничной буду, все же лучше».

Она опустила шитье и, задумавшись, смотрѣла предъ собой. Это былъ глубокій, утомленный взглядъ человѣка, много пережившаго, человѣка, которому впервые, можетъ быть, была протянута рука помощи. И въ какую минуту для нея? Когда она уже переживала холодный ужасъ сознанія, что никто, никто не поможетъ и не придетъ къ ней на помощь. И вотъ и помогъ, и пришелъ, и сидитъ она теперь, согрѣтая въ теплой комнатѣ, съ отошедшей душой, все той же душой человѣческой, съ проснувшейся жаждой любить другихъ, счастливая жизнью этихъ другихъ, счастливая тихою радостью возможности хоть нѣсколько дней пожить опять человѣческой жизнью... Что-то высшее, духовное охватывало ее... Откуда оно взялось, какъ появилось изъ той грязи, въ которой жила до сихъ поръ Тюремщица—это другой вопросъ, вопросъ безъ отвѣта для однихъ, непонятный и невѣроятный выходъ для другихъ, простой и ясный для третьихъ,—такой же простой, такой же ясный и въ то же время таинственный, какъ и народженіе всякаго другого новаго человѣка.

Какъ бы то ни было, но это новое, это возрожденіе Тюремщицы было фактомъ, и она чувствовала его въ своемъ сердцѣ,—не понимала, но вѣрила; дрожала отъ какого-то внутренняго блаженства, и слезы счастья текли по ея щекамъ.

Ларіо опять проснулся и, возвратившись къ прерванной сномъ мысли о Тюремщицѣ, молча наблюдалъ ее.

Въ ея глазахъ не было обычнаго ищущаго, виноватаго выраженія. Это былъ взглядъ человѣка, который слишкомъ поздно понималъ, что не другіе, а онъ самъ себѣ судья, потому, что не другихъ, а себя онъ погубилъ. И подъ наплывомъ этого сознанія, самаго цѣннаго и плодотворнаго въ человѣкѣ, выраженіе лица Тюремщицы такъ было не похоже на ея обычное униженно-испуганное ищущее выраженіе. Не смотря на ца-

рапины, теперь лицо ея, исполненное человѣческаго достоинства было даже красиво.

Въ то время, какъ абажуръ лампы оставлялъ верхнюю половину ея лица въ тѣни, ротъ ея и губы были ярко освѣщены, и складъ этихъ губъ, серьезный и полный страданія, характерный складъ—такъ напоминалъ какую-то картину или статую, гдѣ-то видѣнную Ларіо. И здѣсь, какъ и тамъ, страданье было и красиво, и одухотворенно, потому что душа всегда и вездѣ, красива и, разъ вступаетъ она въ свои права, двери правъ человѣческихъ широко растворяются предъ ней эти права ея всегда чувствуются, всегда бессознательно покоряютъ людскія сердца.

У Ларіо пропало все враждебное, что еще было въ отношеніи Тюремщицы. Слезы, окровавленный платокъ тронули его еще сильнѣе. Онъ всталъ и ласково спросилъ ее:

— Ты что?

Замѣтивъ покупки и не дождавшись отвѣта, Ларіо опять спросилъ:

— Откуда это?

Тюремщица, сначала не хотѣвшая было говорить, призналась, какимъ путемъ куплены были чай, сахаръ и хлѣбъ.

Ларіо молча смотрѣлъ на ея кровавый платокъ, смотрѣлъ на нее, на покупки, и тяжелое чувство за бѣдную разбитую жизнь шевельнулось въ его душѣ.

— Охота мнѣ, Петя, бросить свое постылое дѣло на все...

— Брось,—быстро согласился Ларіо.

— Господи, вѣдь я вчера... охъ... какъ на лѣстницѣ нагналъ ты меня... думаю: выйду, да съ моста... какъ сунулъ ты мнѣ сорокъ копѣекъ... я не знаю, что со мной стало... Не деньги, Петя, слово твое ласковое... Ахъ, Петя, Петя, слова ласковаго за всю жизнь вѣдь я ни отъ кого не слыхала...

Она тихо жалобно заплакала.

— Только не плачь,—быстро заговорилъ Ларіо,—о чемъ плакать?

Тюремщица заплакала сильнѣе.

— Катя, Катя... послушай-ка, вотъ тебѣ... подлець я буду... сдохну самъ, а не оставлю тебя... Ну, понимаешь? И чортъ съ нимъ съ проклятымъ твоимъ ремесломъ... Вотъ постой, я мучишко достану, я придумаю что нибудь...

— Петя, Петя, да спасеть тебя Царица Небесная!

И несчастная, припавъ къ рукѣ Ларіо, горько рыдала.

— Катя, Катя...—твердилъ растерянный и взволнованный Ларіо.

Положеніе Ларіо стало очень затруднительнымъ. Онъ строилъ разные планы, но всѣ они, прежде всего, требовали денегъ. Денегъ не было. Онъ рѣшилъ посоветоваться съ Шацкимъ.

Съ Шацкимъ установились у него оригинальныя отношенія. Ларіо всегда былъ его защитникомъ, потому что Шацкому онъ въ душѣ всегда симпатизировалъ гораздо больше, чѣмъ многимъ, которые имѣли больше правъ, напримѣръ, Карташеву. Карташеву онъ не вѣрилъ: онъ считалъ его комедіантомъ по существу, комедіантомъ до самаго дна его души. Онъ не отрицалъ его доброты, но и доброта его была въ сущности все тѣмъ же комедіанствомъ. По мнѣнію Ларіо, Карташевъ игралъ комедію съ собой, съ матерью, съ товарищами. Минутами Ларіо прямо ненавидѣлъ Карташева. Карташевъ чувствовалъ это и инстинктивно боялся Ларіо. Онъ и сотой доли не позволилъ бы себѣ того, что позволялъ Шацкій въ обращеніи съ Ларіо. И въ то время какъ отношенія Ларіо къ Карташеву, какъ будто близкія, были въ сущности далекими, въ отношеніяхъ Ларіо и Шацкаго происходило все большее и большее сближеніе на очень, впрочемъ, своеобразной почвѣ.

ХІІ.

Карташевъ и Шацкій, отправившись къ Ларіо, въ день первой встрѣчи и продажи вещей татарину, застали его въ странной семейной обстановкѣ.

Ларіо лежалъ на кровати, а Тюремщица сидѣла у его ногъ.

Увидѣвъ въ дверяхъ пріятелей, Ларіо быстро, смущенно поднялся, а Тюремщица поспѣшила выйти изъ комнаты.

Шацкій только кивалъ головой, разставивъ свои длинныя ноги. Карташевъ спросилъ:

— Кто это?

— Говори...—печально предложилъ Шацкій.

— А, правда—милая?—спросилъ смущенно Ларіо.

— О! очень милая,—отвѣтилъ, перемѣнивъ быстро токъ, Шацкій и забѣгалъ по комнатѣ.

— Вы, пожалуйста, не подумайте того... чегонибудь,—вдругъ смущенно заговорилъ Ларіо, шурясь на своихъ гостей.— Какъ это ни странно... Го-го-го... Я выступаю въ довольно комичной роли,—въ роли покровителя порядочной женщины Го-го-го... Хотя она... того...

Ларіо сдѣлалъ жестъ, точно ловилъ въ воздухѣ муху.

— Го-го-го, покровитель, го-го-го, порядочная женщина го-го-го, того,—умѣешь ты, наконецъ, говорить по-русски? нетерпѣливо спросилъ Шацкій.

— Понимаешь ты,—началъ опять Ларіо, ни капли не с

жаясь, а напротивъ, успокоившись отъ словъ Шацкаго.—Женщина рѣшила бросить прежнюю свою спеціальность; ну, конечно, ты мнѣ повѣришь, что я здѣсь не причемъ... го-го-го... ну, и пришла ко мнѣ... Ну и...

Ларіо точно подавился.

— Ну, говори?—прикрикнулъ на него Шацкій.

— Ну, понимаешь ты, хоть я не миссіонеръ, чортъ меня побери, го-го-го, но не сказать же мнѣ ей: «иди опять въ протестантки»—что-ли; я, конечно...

Ларіо опять замялся.

— Ну, однимъ словомъ, ты разнюнился,—подсказалъ ему Шацкій,—ну, и что же?

— Я, положимъ, не разнюнился... Го-го-го... и ты врешь, но я тоже...

Ларіо говорилъ бы еще два часа, навѣрно ни до чего не договорившись, если бы Шацкій не оборвалъ его:

— Однимъ словомъ, ты оскандалился?

— Ничуть не оскандалился...

— Я почти увѣренъ, что ты даже нюни распустилъ...

— Ну это ты, можетъ, способенъ отъ юбки нюни распустить...

— Врешь, подлець, теперь я убѣжденъ даже въ этомъ... Ну, все равно... Ты предложилъ ей помощь... отцовскую или братскую помощь... конечно, братскую...

Ларіо бросило въ жаръ.

— О, мой другъ, къ чему же такъ выдавать себя, какъ какойнибудь мальчишка... Пожалуйста, не перебивай...

— Ну, да о чемъ тутъ разговаривать,—перебилъ Карташевъ,—главное здѣсь то, что дѣйствительно надо помочь...

— Вовсе это не главное, главное уличить вотъ этого мерзавца...

Шацкій указалъ на Ларіо, который вдругъ успокоившись, шурился и произнесъ, стараясь придать голосу самый спокойный тонъ:

— Ну, ну, говори?

— Ты распустилъ нюни...

— Врешь.

— Ты обѣщаль отцовскую или братскую помощь.

— Не братскую и не отцовскую.

— Врешь, подлець. Ты...

Шацкій впился въ Ларіо, который еще больше прищурился, къ бы прача свои глаза отъ его пронизательности.

— Ты,—медленно, съ разстановкой началъ Шацкій,—при-
малъ планъ помочь ей...

— Придумалъ.

— Она, по спеціальности, швейка...

— Не швейка, а модистка, положимъ.

— Все равно... Ты рѣшилъ...

Шацкій остано­вился и наслаждался производимымъ имъ впечатлѣніемъ.

— Ну, ну?—переспросилъ Ларіо, волнуясь.

— Купить ей швейную машину!!—И Шацкій, выпаливъ это, вскочилъ и забѣгалъ по комнатамъ, сдѣлавъ совершенно идиотское лицо и заговорилъ какую то чепуху.

Ларіо, смущенный тѣмъ, что Шацкій угадалъ его планы, не спускалъ съ него глазъ.

— Ну, Миша,—заговорилъ онъ,—какъ хочешь, а ты съ чортомъ свелъ уже знакомство. Отъ тебя, знаешь, чертовщина уже несетъ...

Шацкій разсмѣялся, но продолжалъ нести свою ерунду.

— А знаешь, почему я колдунъ?—спросилъ вдругъ Шацкій и отвѣтилъ:—Потому что ты глупъ.

— Самъ ты глупъ,—добродушно отвѣтилъ Ларіо.

— Ты дѣйствительно думалъ купить ей машинку?—спросилъ Карташевъ.

— Да... Понимаешь, у нея практика обезпечена, ея, такъ сказать, бывшія подруги по ремеслу...

— Придумалъ!! — съ презрѣніемъ перебилъ Шацкій.— Именно надо быть Петей, чтобы додуматься до такой глупости.

— Почему, мой другъ?—спросилъ Ларіо.

— А потому,—серьезно заговорилъ Шацкій,—что на машинѣ и она не будетъ работать, и ты ее выгонишь на другой день... Она отъ работы отвыкла, она, хоть бы и хотѣла, не можетъ работать, потому что изнурена...

— Она даже кровью кашляетъ...

— Дуракъ,—фыркнулъ Шацкій.—Но еслибы она и могла работать... Платя, юбки, заказчицы и все это въ твоей комнатѣ и ты съ тремя Сашками, пятью Лизками... Понимаешь теперь, что ты глупъ?!

— Ну, хорошо, ты умень, ну и какое же твое мнѣніе?

— Нѣтъ, ты не отлынивай, ты понимаешь теперь, что ты глупъ?

— Ну, хорошо, дальше...

— Сознался, наконецъ... Слава тебѣ, Господи... А дальше то, что ей надо открыть меблированныя комнаты. Найдутся нѣсколько такихъ дураковъ, какъ ты, которые ей платятъ ничего не будутъ, и она вмѣстѣ съ вами подохнетъ съ голоду.

— Меблированныя комнаты—идея хорошая,—согласился Карташевъ,—но для этого много денегъ надо.

— Немного больше, чѣмъ для машины. Можно откупить уже съ готовой обстановкой, можно напрокатъ взять, можно въ рассрочку купить... 100 рублей надо...

— Ну и отлично... Я даю тридцать пять, вырученные отъ татарина, — сказалъ вдругъ Карташевъ.

Конечно, доброе чувство руководило Карташевымъ, но въ это мгновеніе и безсознательно смущавшій его и другой вопросъ самъ собою разрѣшался: продажа его вещей была бы неприятна его матери. Если не писать ничего объ этомъ и деньги прожить, выходило некрасиво, а если отдать этой несчастной, то молчаніе о продажѣ вещей получало характеръ даже нѣкоторымъ образомъ возвышенный: «да не вѣдаетъ правая рука, что творить лѣвая».

Поэтому Карташевъ даже съ легкимъ сердцемъ вынулъ отдѣльно сложенные въ портфель деньги и положилъ на столъ.

— Ха... ха... — весело пустилъ онъ.

Но Шацкаго смутила вдругъ эта именно непринужденность Карташева.

Онъ сконфуженно и напряженно замигалъ своими маленькими глазами.

— Мой другъ, ты не умѣешь... Такъ порядочные люди не дѣлаютъ... Если ты хотѣлъ помочь, то долженъ былъ все дать...

— Кто тебѣ мѣшаетъ? — отвѣтилъ Карташевъ.

— Что? — нерѣшительно спросилъ Шацкій и вдругъ, быстро вытащивъ свой бумажникъ, онъ вынулъ сотенную и бросилъ ее на столъ.

Но сейчасъ же карикатурно вскочилъ и опершись на столъ, такъ что закрылъ одной рукой деньги, точно хотѣлъ ихъ схватить назадъ, онъ смотрѣлъ на Карташева и Ларіо, такъ точно самъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается.

— Миша!.. — умилился Ларіо.

— Пошелъ вонъ!! — заоралъ вдругъ благимъ матомъ Шацкій.

Онъ ураганомъ сталъ носиться по комнатѣ. Это была вспышка самага настоящаго бѣшенства.

Кровь прилила къ его лицу. Онъ испытывалъ отвращеніе и къ Ларіо, и къ Карташеву, и къ Тюремщицѣ. Онъ упалъ на кровать Ларіо и нѣсколько мгновеній лежалъ съ закрытыми глазами.

— Грабятъ!! — закричалъ онъ подъ наплывомъ новаго порыва бѣшенства.

Ларіо и Карташевъ молча переглянулись.

— Миша, возьми деньги, — сдержанно произнесъ Ларіо.

Шацкій молчалъ.

— Конечно, возьми, — сказалъ Карташевъ, — ну дай десять, пятнадцать рублей.

— Дай десять, пятнадцать рублей, — передразнилъ его Шацкій... — оставьте меня въ покоѣ.

Карташевъ и Ларіо заговорили между собою.

— Послушай, — говорилъ Карташевъ, — но прежде всего ей слѣдуетъ лечиться. Самое лучшее позвать бы Корнева...

— Я согласенъ, — отвѣтилъ Ларіо.

— Собраться бы съ нимъ обсудить. Сегодня что? Среда, такъ въ пятницу... въ шесть часовъ.

— Отлично.

Шацкій поднялся съ кровати. Лицо его было уже спокойно.

— Честному человѣку нельзя жить на свѣтѣ, — проговорилъ онъ задумчиво.

— Миша, возьми назадъ деньги.

— Пошелъ вонъ! — спокойно отвѣтилъ Шацкій... — нѣтъ, съ вами въ Сибирь попадешь... Ъдемъ къ Бергу...

— Бергъ, Бергъ? это дрянъ какая-то, — сказалъ Карташевъ, — лучше же въ Александринку.

— Ну, вотъ... они меня окончательно убьютъ... Можешь ты мнѣ сдѣлать одолженіе, ѣхать именно къ Бергу...

— За твое великодушіе, — отвѣтилъ Карташевъ, — я согласенъ съ тобой и къ чорту ѣхать.

Шацкій утомленно кивнулъ головой.

— Одѣвайся.

— Господа, что жъ вы? Чаю...

— Нѣтъ, нѣтъ, съ этимъ подлецомъ я больше секунды не могу быть, — торопиль Шацкій.

Карташевъ и Шацкій одѣлись.

— Спасибо, Миша! — сказалъ Ларіо, провожая.

— Убирайся, убирайся...

— Хо-хо-хо, — смущенно щурился Ларіо, когда Шацкій, не желая протянуть ему руку, убѣгалъ по корридору, — ты послушай, Миша, — такъ, какъ ты, твой другъ графъ Базиль не поступилъ бы.

— Можетъ быть, можетъ быть... съ такими господами, какъ ты, все можетъ быть.

— Миша, это наконецъ обидно: или давай руку, или я брошу тебѣ въ морду твои деньги, — вспыхнулъ Ларіо.

— Ну вотъ... Я говорилъ... На тебѣ руку и чортъ съ тобой!

— Ну вотъ такъ лучше.

— У животное..

— Ну, прощай, — крикнулъ снизу лѣстницы Карташевъ.

— Прощай... Прощай, Миша, — крикнулъ Ларіо.

— Пошелъ вонъ, — раздался изъ темноты уже веселый обыкновенный голосъ Шацкаго.

XIII.

— Ну что? — спросил Шацкій Карташева, когда они по окончаніи представленія выходили изъ театра Берга.

Карташеву совѣстно было передъ самимъ собой признаться, что ему понравилось, но и соврать не хватало духа. Онъ промывалъ что-то неопредѣленное.

— Нравится, но стыдно признаться, — сказала Шацкій. — Со мной это можно оставить — я не Корневъ и пойму тебя, мой другъ. Завтра ѣдемъ?

— Врядъ-ли.

— Какъ хочешь... можетъ быть, утромъ меня навѣстишь?

— Нѣтъ. Я завтра на лекціи.

— А-а! ужинать хочешь?

— Нѣтъ... Буду письма писать.

— Ну, въ такомъ случаѣ, прощай...

Карташевъ хотѣлъ писать домой, но возвратившись, почувствовалъ себя въ полномъ нерасположеніи. Передъ нимъ ярко пронеслись картины изъ театра Берга, мелькали голыя руки и обнаженные плечи красивыхъ актрисъ и особенно одна изъ нихъ не выходила изъ памяти — красивая, стройная, съ мягкими, темными глазами, пѣвица. Она была одѣта итальянкой, пѣла *viva l'Italia*, ласково обжигала своими глазами, и Карташеву показалось, что она даже обратила на него особенное вниманіе...

— Несомнѣнно она добрая, — думалъ Карташевъ — и, конечно, только нужда погнала ее на подмостки. Предъ нимъ опять сверкнули ея манящіе, добрые глаза, ея нѣжная и атласная бѣлизна голыхъ рукъ и плечей, сердце его усилленно забилось и онъ подумалъ засыпая:

— За обладаніе такой женщиной, за одно мгновеніе можно отдать всю жизнь.

Съ этими мыслями онъ и заснулъ. Во снѣ онъ видѣлъ итальянку, былъ съ ней вмѣстѣ гдѣ-то, не то въ Италіи, не то на своей родинѣ, на какой-то виллѣ, на берегу моря. Они сидѣли на террасѣ, передъ ними серебрилась лунная ночь, шумѣло море, лаская слухъ. Онъ смотрѣлъ въ ея темные глаза, ушалъ ея пѣнье и замиралъ отъ восторга. Снилось ему и гь, но какая-то странная, холодная, непривѣтливая и ему было тяжело, но какъ-то и онъ ничего ей не сказалъ, и она не поговорила съ нимъ, какъ бывало. Потомъ, и мать и лица куда-то исчезли, онъ остался одинъ въ какомъ-то темнѣ мѣстѣ, въ какомъ-то ущельи, карабкается по обрывъ и вотъ-вотъ упадетъ внизъ. И опять все исчезло: онъ въ какомъ-то дворцѣ, и ему подають фрикассе изъ рябчиковъ, а

онъ думаетъ: «вотъ это то самое фрикассе, о которомъ говорилъ Шацкій».

Утромъ, когда Карташевъ проснулся, всѣ сны его подернулись такимъ туманомъ, что онъ почти ничего изъ нихъ не могъ вспомнить и только образъ матери, холодный и равнодушный, стоялъ ясно передъ нимъ. Подъ впечатлѣніемъ его онъ почувствовалъ какое-то угрызеніе совѣсти, хотѣлъ было засѣсть за письмо къ матери, но, по зрѣломъ размысленіи, раздумалъ, потому что письмо подъ такимъ настроеніемъ вышло бы натянутое, сухое и, мать его, очень чуткая, не удовлетворилась бы имъ. Поэтому, прежде чѣмъ писать письмо, Карташевъ рѣшилъ привести себя въ равновѣсіе. Вдумываясь, что выбило его изъ колеи, онъ прежде всего остановился на театрѣ Берга и рѣшилъ больше туда не ходить. Это очень облегчило его. Второе рѣшеніе было немедленно послѣ чая отправиться на лекціи и аккуратно всѣ ихъ высидѣть. Онъ даже гнѣшкомъ отправился въ университетъ. Онъ шелъ и съ удовольствіемъ думалъ о своей рѣшимости. Но онъ не обманывался уже относительно университета. Онъ ужъ не ждалъ того, чего ждалъ, когда ѣхалъ сюда въ Петербургъ. Тогда онъ мечталъ, что университетъ будетъ центромъ всѣхъ его дѣйствій и помысловъ, будетъ тѣмъ его рычагомъ, по движенію котораго жизнь будетъ такъ или иначе слагаться. Въ дѣйствительности все это вышло совсѣмъ не такъ: на первомъ планѣ вовсе не университетъ, а жизнь, такая же жизнь, какой живетъ и все остальное населеніе. Ничего добраго и впереди не виднѣлось: полная разобщенность между студентами, индифферентизмъ и даже враждебность. Профессора официальные, ни въ какія общенія со студентами не вступаютъ. Прочтеть лекцію, поклонится и исчезаетъ до слѣдующей. А онъ мечталъ, какъ онъ будетъ отличатся. Онъ вспомнилъ, какъ онъ боялся перваго ученаго разговора съ профессоромъ, который говорилъ бы ему:

— «Я постараюсь немного систематизировать вашу работу, при вашихъ способностяхъ необходимо выработать въ себѣ строго-научный послѣдовательный методъ. Сначала я вамъ дамъ для чтенія то и то, а потомъ мы перейдемъ къ тому-то, а чрезъ нѣсколько лѣтъ изъ васъ выработается съ широкимъ кругозоромъ, образованный человекъ, способный понять задачи времени—способный работать на славу и честь своей родины».

Такъ и мать рисовала ему университетъ, такъ онъ обрисовался ему и въ заключительныхъ словахъ стараго профессора, съ яснымъ сознаниемъ, впрочемъ, уже тогда, что въ дѣйствительности это совсѣмъ не то.

Карташевъ повернулъ въ маленькій переулокъ, опять повернулъ и пошелъ къ подъѣзду университета. Въ передней

встрѣтила его все та же толпа равнодушныхъ швейцаровъ, рядъ длинныхъ вѣшалокъ, къ одной изъ которыхъ онъ подошелъ и раздѣлся. Затѣмъ Карташевъ, оправивъ волосы, вынулъ носовой платокъ, высморкался и, какъ-то съезжившись, запагалъ по широкой лѣстницѣ на верхъ, въ аудиторію.

Тамъ онъ опять волновался, все также опять слушалъ знаменитаго профессора, опять ничего не понималъ и раздражался.

«Навѣрное профессоръ убѣжденъ, думалъ онъ, что его понимаютъ; иначе, конечно, не могъ бы онъ чувствовать себя такъ хорошо и убѣжденно. Это Ольриджъ какой-нибудь можетъ—онъ беретъ игрой, мимикой, а этотъ, если его не понимаютъ, чѣмъ онъ беретъ? Лекціями. Но тогда—зачѣмъ же чтеніе? Прямо лекціи его перевести на понятный языкъ и конецъ. И зачѣмъ я пришелъ собственно, только время да деньги тратить. Чѣмъ я, наконецъ, виноватъ, что не понимаю? Если иначе нельзя читать, зачѣмъ насъ въ гимназіи не готовятъ? Я, вѣдь, и то читалъ массу того, что вовсе не обязанъ и даже не смѣлъ читать, и все-таки ничего не понимаю. Съ какой благодарности я буду сидѣть все время и чувствовать, что я дуракъ, когда этого можно и не чувствовать?»

Карташевъ вдругъ вскипѣлъ.

«Ну, и не понимаю, я дуракъ, а вы умны и чортъ съ вами со всѣми, а испытывать постоянное униженіе отъ мысли, что я дуракъ, я не желаю больше...»

И Карташевъ рѣшительно всталъ и вышелъ изъ аудиторіи.

— Подохните вы себѣ всѣ съ вашимъ умомъ,—прошепталъ онъ, хлопнувъ безъ церемоніи дверью.

Выйдя на улицу, Карташевъ такъ весело оглянулся, точно вдругъ дома почувствовалъ себя. Не тамъ дома, на далекой родинѣ, а здѣсь, на волѣ, въ большомъ Петербургѣ. Ему вспомнился вчерашній Бергъ, Шацкій, его приглашеніе и, взявъ извозчика, онъ поѣхалъ къ Шацкому.

Извозчикъ подвезъ его къ красивому дому на Малой Морской и по широкой усланной ковромъ лѣстницѣ, по указанію швейцара, Карташевъ поднялся на третій этажъ. Онъ позвонилъ и горничная въ чепцѣ, молоденькая, но важная, съ достоинствомъ спросила: «какъ прикажете доложить».

— Не надо докладывать,—отвѣтилъ Карташевъ.

Раздѣвшись, онъ оглянулся на горничную и та, проведя нѣсколько шаговъ по широкому, застланному ковромъ коридору, отворила дверь. Карташевъ вошелъ въ большую, высокую комнату съ большими венеціанскими окнами и бархатными малиновыми гардинами на нихъ, съ такой-же тяжелой черной въ другую комнату.

Посреди комнаты стоялъ столъ, на которомъ лежало нѣсколько номеровъ газетъ, «Стрекоза» «Будильникъ» и нѣсколько французскихъ журналовъ. Весь полъ былъ застланъ ковромъ. Въ простѣнкахъ оконъ стояли высокія, чуть не до потолка, два зеркала.

Карташевъ поднялъ портьеру и увидѣлъ Шацкаго, задумчиво лежавшаго еще въ постели. Красивое тигровое одѣяло покрывало Шацкаго и изъ подъ него едва выглядывала маленькая, черненькая, стриженная головка хозяина.

— Кто тутъ? — испуганно спросилъ Шацкій, но увидавъ Карташева, весело вскрикнулъ:

— Артуръ, мой другъ, какъ я радъ тебя видѣть.

— И я тоже очень радъ тебя видѣть.

— Чай, кофе?

Шацкій отчаянно позвонилъ и, когда изъ-за портьеры раздался голосъ горничной, спрашивавшей, что ему угодно, онъ крикнулъ:

— И чай и кофе съ печеніями,—прошу поторопиться. Мой другъ, графъ Артуръ, не любитъ ждать.

— Ваше сіятельство, я потороплюсь,—отвѣтила горничная.

— У меня строго, — сказалъ Шацкій послѣ ухода горничной.

— Но зачѣмъ же ты меня произвелъ въ графы?—спросилъ Карташевъ.

— Нельзя, мой другъ, этикетъ. Noblesse oblige... У меня никто кромѣ графовъ и князей не бываетъ. Единственное исключеніе составляетъ Ларіо... Я его называю, когда является горничная, «мой милый оригиналъ баронъ». А правда, красиво—графъ Артуръ... Я сегодня же напишу отцу, что имѣю дуэль съ графомъ Артуромъ. Онъ когда-то былъ въ Дерптскомъ университетѣ и любитъ хвастаться своими дуэлями съ нѣмецкими баронами, а не угодно-ли съ графомъ Артуромъ на кинжалахъ... Это очень эффектная дуэль: коротенькіе кинжалы и прямо въ грудь... Завтра Корнева попрошу рецептъ мнѣ написать.

— Ты напишешь, что ты раненъ?

— Опасно! Лучшій докторъ, за каждый визитъ 100 руб... Нельзя, мой другъ... этикетъ... Мы, бѣдные люди большого свѣта, мы рабы этикета.

Шацкій тѣмъ временемъ одѣвался, потомъ началъ умываться, причѣмъ чистилъ зубы, ногти, щеткой натиралъ руки шею, грудь, спину, фыркалъ, пускалъ кругомъ фонтаны воды и постоянно твердилъ:

— Ничего не подѣлаешь... Большой свѣтъ требуетъ жертвы

Умывшись, наконецъ, Шацкій нарядился въ какой-то пестрый халатъ, надѣлъ маленькую бархатную шапочку, подошел къ зеркалу, показалъ себѣ языкъ, оглянулъ себя сзади, щел

кнулъ для чего-то надъ своей головой пальцами и проговоривъ себѣ подъ носъ «дзинь-ла-ла», обратился къ Карташеву:

— Я всегда въ этомъ костюмѣ пишу письма домой... чтобы придти въ надлежащее настроеніе.

— Кофе и чай, ваше сіятельство, на столѣ—раздался голосъ изъ за портьеры.

— Графъ Артуръ, я прошу васъ сдѣлать мнѣ честь, откушать моего хлѣба и соли.

И Шацкій, откинувъ портьеру, стоялъ въ наклоненной, довольно каррикатурной позѣ, ожидая, пока Карташевъ пройдетъ въ столовую.

Горничная почтительно стояла у дверей.

Шацкій подошелъ къ столу и сдѣлалъ пренебрежительную гримасу:

— Мнѣ кажется, что гренки недостаточно поджарены,— проговорилъ онъ какъ-бы про себя.

— Прикажете доложить madame, ваше сіятельство?

— Не надо... можете идти.

Когда горничная вышла, Шацкій спросилъ Карташева:

— Прилично?

— Вполнѣ.

— Мерсі, мой другъ. Въ моихъ огорченіяхъ ты единственный, который утѣшаешь меня... Пожалуйста,—предложилъ онъ, подвигая кофе и печенье.

Напившись вкуснаго кофе, закуривъ папиросу, Шацкій обратился къ Карташеву.

— Не желаешь-ли, мой другъ, сигаръ? У меня есть порядочныя... не скажу хорошія... Мой другъ Базиль привезъ мнѣ изъ Гаванны ящикъ и, представъ, какая дешевизна, всего 80 руб. сотня! Я думалъ, что мнѣ придется выбросить ихъ въ окно, но, представъ себѣ, оказались сносными...

Не рискуя ставить своего пріятеля въ неловкое положеніе въ случаѣ, еслибы у него не оказалось сигаръ, Карташевъ дипломатично отказался.

— Тогда, можетъ быть, хочешь на кушеткѣ поваляться?

— Это съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Карташевъ и, подойдя къ кушеткѣ, повалялся на нее.

— Тошница смертная, — произнесъ онъ, закладывая руки голову.

— Мой другъ, ты, кажется, не въ духѣ? — спросилъ, идя, Шацкій и участливо наклонился къ Карташеву.— Въ чемъ бо? Денегъ? Мой кошелекъ всегда къ твоимъ услугамъ.

— Мерсі, мнѣ не надо денегъ,—совралъ Карташевъ.— Покупаешь въ чемъ дѣло... Я ничего не понимаю, что читають чичіяхъ...

— Только-то... смущаться отъ такихъ пустяковъ... а я со-всѣмъ рѣшилъ не ходить на лекціи.

— И я сегодня рѣшилъ то же самое.

— Я никогда не сомнѣвался, что ты умный человѣкъ,—снисходительно отвѣтилъ Шацкій.

— Понимаешь, какой смыслъ ходить...

— Понимаю, понимаю...

— ...Когда ничего не понимаешь.

— Понимаю, понимаю.

— Надо сначала дома будетъ поработать, чтобъ приучиться понимать по крайней мѣрѣ этотъ китайскій языкъ.

— Не стоитъ, мой другъ.

— Ну, какъ не стоитъ?—надо же когда нибудь...

— Ничего не надо. Повѣрь мнѣ, что порядочному чело-вѣку ничего этого не требуется... Вотъ, порядочныя манеры, хорошія знакомства, умѣть фехтоваться, верхомъ ѣздить, запи-саться членомъ яхт-клуба,—это я понимаю... Кстати, ты чи-таешь Рокамболя?

— Никогда.

— Очень и очень милая книга. Хочешь громко читать?

— Ерунда, вѣдь.

— Никогда. Очень тонкая штука и знаніе большого свѣта... Хочешь? Попробуемъ.

И Шацкій, улегшись на другой диванъ, взялъ «Рокамболя» и началъ читать. Пробыло часъ, два, три, четыре, пять часовъ, пока, наконецъ, пріятели оторвались отъ чтенія.

— Такая чужь,—сказалъ, потягиваясь, Карташевъ,—а не оторвешься.

— А-га! Я тебѣ говорилъ. Теперь отправимся къ Миль-брету и послѣ обѣда опять за чтеніе.

— Отлично.

Послѣ обѣда пріятели возвратились къ Шацкому и, раз-легшись по диванамъ, продолжали чтеніе. Когда въ корридорѣ пробило 8 часовъ, Шацкій отложилъ книгу и сказалъ:

— Ну, а теперь, Артуръ, пора къ Бергу.

Карташевъ нерѣшительно всталъ, нерѣшительно одѣлся вслѣдъ за Шацкимъ и только на лѣстницѣ сдѣлалъ слабую по-пытку сказать:

— Чтожъ это—каждый день?

— Мой другъ, что за счеты между порядочными людьми.

И, покотившись отъ смѣха, Шацкій, схвативъ за руку смѣявшагося Карташева, весело потянулъ его за собой по лѣстницѣ.

— Надо хоть рінсе-нез купить,—сказалъ Карташевъ,— а то плохо видно.

— А-а... это необходимо!

— А ты?

— Я хорошо вижу, мой другъ.

Раздѣвавшій ихъ у Берга солдатъ назвалъ Карташева, какъ и Шацкаго «ваше сіятельство».

— Ты отчего же угадалъ, что онъ тоже графъ?—спросилъ Шацкій.

— Помилуйте, ваше сіятельство, сразу видно, — отвѣтилъ солдатъ.

И весело разсмѣявшись, друзья отправились въ буфетъ. Карташевъ, на ходу, вытеръ свое рипсе-pez и, надѣвъ его на носъ, почувствовалъ себя очень хорошо и устойчиво. Онъ даже ощущалъ, что у него дѣлается такое же выраженіе, какъ у того студента съ бѣлокурными волосами. Теперь и онъ могъ бы также свободно и спокойно идти, куда угодно. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи провѣрить свои ощущенія и, направясь въ ту сторону буфета, гдѣ стояло зеркало, окинулъ себя внимательнымъ взглядомъ.

— Хорошъ, хорошъ, — проговорилъ Шацкій, — красавецъ... по мнѣнью коровъ, — добавилъ онъ вдругъ.

— Надѣюсь, ты не завидуешь?—спросилъ Карташевъ, смутившись и не найдяся, что сказать.

— Мой другъ, преимущество глупости, что ей никогда не завидуютъ.

Карташевъ обидѣлся.

— Въ чемъ же проявляется моя глупость?

— Человѣкъ, который не проявляетъ ума, тѣмъ самымъ проявляетъ свою глупость.

— Ну, а ты, чѣмъ проявляешь свой умъ?

— Тѣмъ, что переносу терпѣливо глупость.

— Свою?

— Все равно, мой другъ, не будемъ говорить о такихъ пустякахъ.

— Не я началъ, ты...

— Еще-бы... Начинаютъ всегда старшіе, а младшіе имъ подражаютъ.

— Ну, ужъ тебѣ я не подражаю.

— Мы, можетъ быть, оставимъ этотъ разговоръ и пойдѣмъ въ партеръ?

— Какъ хочешь.

— Ты милъ и великодушень... *comme une vache espagnole...*

— А ты остроишь, какъ и подобаетъ такому шуту, какъ ты.

— Ты сегодня въ ударѣ.

— А ты нѣтъ.

— Приэтомъ мы оба, конечно, правы, потому что оба время.

— Ахъ, какъ смѣшно, — пожалуйста, пощекочи меня.

— Мой другъ, стыдно...

— Съ тобой мнѣ ничего не стыдно, — покраснѣлъ Карташевъ.

Шацкій сдѣлалъ пренебрежительную гримасу.

— Ты грубъ, какъ солдатское сукно.

— Я тебя серьезно прошу, — вспыхнулъ и запальчиво заговорилъ Карташевъ, — прекратить этотъ дурацкій разговоръ, иначе я сейчасъ-же уѣду и навсегда прекращу съ тобой всякое знакомство.

— Обидѣлся, наконецъ, — фыркнулъ Шацкій.

— Присталь, какъ оса.

— Ну, Богъ съ тобой, — миръ...

Карташевъ нехотя протянулъ свою руку.

— Ну, Артюша, миленькій.. А хочешь я тебя познакомлю съ итальяночкой?! Ну, слава Богу, прояснился... Нѣтъ, серьезно, если хочешь, скажи слово и она твоя. Я повезу васъ въ свой загородный домъ, устрою васъ тамъ и мы съ Nicolas станемъ васъ посѣщать...

Пріятели за публикой вошли въ длинную, на сарай похожую залу театра и усѣлись въ первыхъ рядахъ. Взылась занавѣсъ, заигралъ оркестръ изъ 15 плохихъ музыкантовъ, раздался звонокъ и, какъ въ циркѣ, одна за другой, одинъ за другимъ выскакивали на аванъ-сцену и актрисы, и актеры. Они пѣли шансонетки съ сальнымъ содержаніемъ, танцевали канканъ и говорили разныя пошлости. Все это смягчалось французскимъ языкомъ, красивыми личиками актрисъ, ихъ декорированными руками и плечами и какой-то патриархальной простотой. Одна поетъ, а другая, очередная стоитъ сбоку и что-то телеграфируетъ кому-то въ ложу. Собьется съ такта поющая, добродушно разсмѣется сама, добродушно разсмѣется публика, дирижеръ разсмѣется и начинаютъ сначала.

— Твоя, — сказала Шацкій громко, когда итальянка подошла къ рампѣ.

— Тише, — отвѣчалъ Карташевъ, вспыхнувъ до ушей.

Взглядъ итальянки упалъ на Карташева и легкая привѣтливая улыбка скользнула по ея губамъ.

— Видѣлъ? — вскрикнулъ Шацкій.

— Тише, насъ выведутъ...

Карташевъ замеръ отъ восторга.

Въ антрактѣ Шацкій спросилъ:

— Кстати, знаешь, что ей сорокъ лѣтъ?

— Ты врешь, но еслибы ей было и шестьдесятъ, я-бы симпатизировалъ ей еще больше...

— Это легко сдѣлать: подожди двадцать лѣтъ.

— Она вовсе не потому мнѣ нравится, что она молодая,

красивая и поеть у Берга на подмосткахъ. Напротивъ—это отталкиваетъ и мнѣ ее еще больше жаль, потому что я увѣренъ, что нужда заставляетъ ее... Развѣ пойдетъ кто нибудь охотно на такую унижительную роль? Нужда ихъ всѣхъ заставляетъ, но ее жаль больше другихъ, потому что она милое, прелестное созданіе, ея мягкая, ласковая доброта такъ и говоритъ въ ея глазахъ, такъ и проситъ, чтобъ цѣловать, цѣловать ихъ...

— О-го... однимъ словомъ, ты, какъ всѣ влюбленные, потерялъ сразу и совершенно голову и съ удовольствіемъ взялъ бы себѣ ее... въ горничныя.

— Дуракъ ты и больше ничего! это богиня... я молился бы на нее на колѣняхъ.

— Ну, а чтобы ты сказалъ, если-бы увидалъ свою богиню на колѣняхъ гусара?

— Этого не можетъ быть, не было и никогда не будетъ.

— Никогда?

— Ну что ты спрашиваешь такимъ тономъ, точно знаешь что? Все равно я тебѣ не повѣрю и только буду очень не высококаго мнѣнія о твоей собственной порядочности.

— Нѣтъ, я и не желаю сказать ничего. Я ее не видѣлъ, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Съ этого момента я буду слѣдить за ней, à la Рокамболь... Пстой, вотъ отличный способъ убѣдиться... Останемся до конца спектакля и выслѣдимъ, съ кѣмъ она поѣдетъ.

— Согласенъ.

— И пари: кто проиграетъ, угощаетъ ужиномъ. Я говорю, что она поѣдетъ не одна.

— А я говорю, одна.

Когда кончился спектакль, Шацкій и Карташевъ остались въ вестибюль и долго ходили въ ожиданіи

— Идетъ! — сказалъ, наконецъ, Шацкій, заглянувъ въ корридоръ.

У Карташева забилося сердце такъ громко, что онъ слышалъ его удары.

Итальянка, закутанная въ простенькую ротонду, вышла изъ корридора, скользнула взглядомъ по Карташеву, на мгновеніе остановила на немъ свои привѣтливые, темные глаза и, выйдя на подъѣздъ, позвала извозчика.

— Подсади,—приказалъ Шацкій.

Карташевъ бросился къ извозчику. Какъ въ туманѣ мелькнули передъ нимъ ея блѣдное, красивое лицо, ея выразительные глаза, его обдало какимъ-то особеннымъ, нѣжнымъ, какъ весна, запахомъ духовъ, его всего охватило безумное желаніе выразить свой восторгъ тѣмъ-ли, чтобы броситься подъ лошадь зго Ваньки, на котораго она садилась, или поцѣловать слѣдъ

ея маленькой калоши, кончикъ которой онъ успѣлъ замѣтить, подсаживая ее. Но онъ сдержалъ себя и только, когда итальянка проговорила своимъ пѣвучимъ голосомъ: «Merci, mon-sieur», онъ снялъ съ головы свою шапку и низко поклонился.

Когда онъ поднялъ опять голову, итальянка уже отъѣхала.

— Миша, я умираю, — произнесъ Карташевъ, опускаясь на ступеньки подъѣзда.

— Ёдемъ скорѣй за ней и ты еще разъ ее высадишь.

— Нѣтъ, это будетъ пошло и нахально. Я не поѣду, но я умру здѣсь, не сходя съ мѣста, потому что никогда ничего подобнаго я не испытывалъ.

— Да, она честная женщина, — сказалъ серьезно Шацкій, — и она уже любитъ тебя... Руку, мой другъ, и ѣдемъ ужинать.

— Ёдемъ. Но я умеръ, меня нѣтъ... Я остался на этомъ подъѣздѣ. Ты видѣлъ все?

— Все видѣлъ. Она любитъ тебя и она будетъ наша.

— Моя, ты хотѣлъ сказать?

— Твоя, твоя...

— Миша, можно за нее жизнь отдать?

— Можно.

— Стоить, Миша?

— Стоить, стоить.

— А замѣтилъ ты ея скромную ротонду?

— Все замѣтилъ. Ёдемъ ужинать...

Они взяли извозчика и поѣхали.

Послѣ ужина Карташевъ, которому было не до сна, спросилъ:

— Развѣ почитать еще? спать что-то не хочется.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Шацкій. — Ёдемъ ко мнѣ и на всю ночь.

— Отлично! Какая глупая книга, а присасываешься къ ней, какъ пивка.

— Зачѣмъ, мой другъ, ругать то, что доставляетъ намъ удовольствіе, — это уже неблагодарность.

— Согласенъ, — отвѣтилъ Карташевъ. — Ну, а итальянка?

— Милая. Ахъ, Миша, я бы двѣ жизни отдалъ за одно мгновеніе.

— Двѣ сотенныхъ.

— Миша, не говори такихъ пошлостей.

— Ну, Богъ съ тобой... А знаешь, давай à la Рокамболь похитимъ ее... Понимаешь, когда она выходитъ вечеромъ... подъѣзжаетъ карета... два замаскированныхъ господина подходить къ ней и говорить таинственно: «мы ваши друзья, вамъ»

грозить опасность, вамъ необходимо ѣхать съ нами... Хопъ! Ты садисься съ ней, я на козлы и мы скрываемся отъ всего свѣта. Вотъ это было-бы, дѣйствительно, шикъ!... Хочешь?... По рукамъ, что ли?! Ну, значить не любишь... И не стоитъ съ тобой объ ней и разговаривать и завтра же я ей скажу, чтобы она на тебя не обращала вниманія.

— Завтра, къ сожалѣнію, у насъ засѣданіе по поводу Тюремщицы.

— Глупости... хоть подъ конецъ, а надо попасть, а то итальяночка обидится.

— Ты думаешь?

— Навѣрно.

Пріятели залились веселымъ смѣхомъ.

— Подумаетъ, что я ей измѣнилъ?—спросилъ Карташевъ.

— Ну, конечно!—отвѣтилъ Шацкій, сходя съ извозчика.

Войдя къ себѣ и раздѣвшись, Карташевъ и Шацкій заказали чай и принялись за чтеніе. Читали по очереди.

Въ 6 часовъ утра Шацкій предложилъ немного заснуть. Карташевъ не прочь былъ бы продолжать, но на Шацкомъ лица не было. Онъ весь сдѣлался какой то зеленый. Пріятели проснулись въ 12 часовъ. Сейчасъ же послѣ кофе чтеніе возобновилось и продолжалось безъ перерыва до пяти часовъ. Такъ какъ въ 6 часовъ Ларіо и Корневъ должны были пріѣхать уже къ Карташеву, то Шацкій и Карташевъ отправились обѣдать, откуда Карташевъ поѣхалъ къ себѣ, а Шацкій сказалъ, что идетъ куда-то съ таинственнымъ визитомъ.

Прощаясь съ Карташевымъ, на вопросъ, куда онъ? Шацкій только таинственно приложилъ палецъ къ губамъ.

— Пріѣдешь сегодня?

— Не знаю, мой другъ, ничего не знаю. Все это покрыто таинственнымъ мракомъ.

И Шацкій съ соотвѣтственной фізіономіей скрылся за поворотомъ улицы, а когда Карташевъ отъѣхалъ, спокойно возвратился къ себѣ домой.

Карташевъ отправился домой и, въ ожиданіи гостей, прилежъ на диванъ. Его разбудили пріѣхавшіе Корневъ и Ларіо.

Корневъ былъ торжественъ и серьезенъ, Ларіо грустенъ. Корневъ упрекнулъ прежде всего Карташева въ легкомысліи за то, что онъ могъ серьезно подумать, что онъ, Корневъ, можетъ поставить какой-нибудь діагнозъ. Затѣмъ Корневъ разказалъ, какъ онъ для этого попросилъ одного окончившаго едика поѣхать съ нимъ, какъ онъ осмотрѣлъ Тюремщицу и какъ оказалось, что у Тюремщицы чахотка въ полномъ разгарѣ.

— Никакой надежды,—кончилъ Корневъ,—вѣроятно же всего юю-же осенью все кончится во время ледохода, это время мый морь для всѣхъ такихъ... Да и лучше.

Карташевъ вспомнилъ кроткій робкій взглядъ Тюремщицы и вздохнулъ:

— Несчастливая.

— Жаль, жаль дѣвочку,—сказалъ Ларіо.—А добрая была дѣвочка... И отъ Марцинкевича бѣдненькую въ послѣдній разъ съ такимъ скандаломъ выпроводили...

— Чтожъ, она знаетъ свою судьбу?—спросилъ Карташевъ.

— И знаетъ и не знаетъ,—отвѣчалъ Корневъ, садясь на диванъ и принимаясь за свои ноги.—Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ. Передъ осмотромъ говорить: «хоть осматривайте, хоть не осматривайте, а ужъ я знаю, что не жилица я здѣсь», а кончился осмотръ,—смотреть, глаза бѣгають, спрашиваютъ:—«ну, какъ же по вашему?» Докторъ замолкъ, а она въ слезы: «охъ, не жилица я!» Сталъ утѣшать, говорить, что если лѣчиться—пройдетъ,—повеселѣла, слезы вытерла, вздохнула и говорить: «Дай-то, Господи...» Alte Geschichte... За пять минутъ до смерти окончательно повѣрить своему выздоровленію и будетъ увѣрять всѣхъ, что теперь все прошло... А потомъ сразу бацъ и готово.

— Какъ же теперь съ ней быть?

— Въ клинику, конечно. Какія ужъ тамъ машинки, мебелированные комнаты... Если можно, похлопочемъ даромъ ее... только субъектъ ничего интереснаго не представляетъ, а ужъ нельзя будетъ даромъ, тогда двадцать пять рублей въ мѣсяцъ: ея денегъ хватить ей...

— Не хватить, опять можно собрать,—сказалъ Карташевъ.

— Я вотъ, можетъ, урочишкомъ разживусь... не все же голодать, какъ собака, буду,—проговорилъ Ларіо.

— Все время будешь,—увѣренно сказалъ Корневъ.—Вѣдь ты, какъ птицы небесныя—о завтрашнемъ днѣ не помышляешь: есть—спустилъ.

— Да, вотъ, ты бы посидѣлъ въ моей шкурѣ,—отвѣтилъ Ларіо,—три рубля, рубль—какія это деньги? да и то когда попадетъ? Не больно на нихъ устроишься: только и спустить ихъ по вѣтру. А были бы деньги, жилъ бы и я. Вѣдь жилъ въ гимназіи же, когда урочишки были... Прилично жилъ... Костюмчикъ приличный... Пиджачекъ этакій, коротенькій, помнишь?.. Очень мило... Пива каждый день бутылочку...

— А-а! покровитель несчастныхъ,—привѣтствовалъ ласково Корневъ входившаго Шацкого.—Всегда приличный, съ иглолки, вѣчно свѣжъ, изысканъ и милъ...

Шацкій остался очень доволенъ привѣтствіемъ Корнева. Онъ сейчасъ же впалъ въ свой обычный шутовской тонъ. Онъ какъ то весь собрался, уродливо поднялъ свои плечи и, торопливо поздоровавшись со всѣми, началъ быстро, озабоченно бѣгать по комнатамъ.

— Все дѣла, князь,—въ тонъ произнесъ Корневъ, наблюдая Шацкаго.—Высшія государственныя соображенія...

Шацкій мелькомъ взглянулъ на Корнева и озабоченно продолжалъ бѣгать по комнатѣ.

— Вы бы все таки, графъ, присѣли, а то ваша долговая фигура не въ достаточно эффектномъ видѣ, знаете, выходить... получается грубое впечатлѣніе этакого, сорвавшегося съ цѣпи...

— Вы, мой другъ, имѣете склонность забываться.

— Лордъ, я прошу вашего снисхожденія... Только все таки сядьте, пожалуйста, а то я чувствую, что не выдержу тона.

— Извольте.

Шацкій повалился на кресло, вытянулъ свои длинныя ноги и спросилъ:

— Ну, какъ же насчетъ Тюремщицы?

— Ея дѣло дрянъ,—отвѣтилъ Корневъ, принимаясь за ногти.—Она умереть.

— Нескромный вопросъ, докторъ,—мы всѣ умремъ,—когда она умереть?

— Можетъ быть осенью, можетъ быть весной.

— Можетъ быть лѣтомъ, можетъ быть зимой,—понимаю...

Продолжайте... что мы съ ней дѣлаемъ?

— Въ клинику помѣщаемъ...

— Ну, тогда согласенъ, что она умереть и непременно эту же осенью. Пожалуйста, не принимайте за комплиментъ... Кстати... у меня есть другъ... Онъ опасно раненъ на дуэли... Понимаете, кинжаломъ въ грудь... Вы не будете ли добры прописать ему какой-нибудь рецептъ... Предупреждаю, это можетъ упрочить за вами репутацію знаменитаго врача.

— Лордъ, я бѣдный студентъ перваго курса только и никакихъ рецептовъ не даю... Я бы посоветовалъ вашему другу, кто онъ?

— Это секретъ.

— У него есть рубль?

Шацкій разсмѣялся.

— У него половина Россіи.

— Тѣмъ лучше. Посоветуйте ему отъ этой половины Россіи отдѣлить рубль... Понимаете, рубль.., и пусть пошлетъ за врачомъ...

— Нѣтъ ничего легче, какъ дать глупый совѣтъ... Примите это къ свѣдѣнію. Мой другъ въ такомъ положеніи, что ни одинъ смертный его не можетъ видѣть. Понимаете?

— Ничего не понимаю.

— Тѣмъ хуже для васъ. Ну, что въ такихъ случаяхъ дають?

— Это зависитъ отъ раны,—пустая царапина—довольно ростыхъ компрессовъ...

— Нѣтъ, этого мало... Не можете ли рецептовъ написать?

— Нѣтъ, этого нельзя.

— Тѣмъ хуже для васъ, вы теряете единственную возможность сдѣлаться знаменитостью.

— Что дѣлать, лордъ. Я давно помирился съ скромной ролью въ жизни... мы люди маленькіе. Это вамъ...

— Ну, конечно... А жаль, жаль... Вы окончательно не можете дать рецептъ?

— Окончательно.

— Такъ гибнуть люди изъ за эгоизма другихъ. Рауче Nicolas! Ты умрешь, а я останусь среди этихъ отвратительныхъ эгоистовъ.

— Да расскажите толкомъ, въ чемъ дѣло?—спросилъ Корневъ.

— Да просто, ему пришла идея,—началь было Карташевъ.

— Мой другъ, я про твою итальянку молчу...

— Ого,—произнесъ Корневъ,—я вижу, у васъ завязались настоящія дѣла. Это что еще за итальянка?

— О, это секреты!

И Шацкій сдѣлалъ веселую таинственную физиономію.

— Понимаете... Темная ночь... Дождь какъ изъ ведра... Карета... Два замаскированныхъ господина... Дама подъ вуалью... Хопъ въ карету... На разсвѣтъ два джентельмена... дуэль... на кинжалахъ... Хопъ... раненъ... кровь... «доктора, доктора!...» доктора нѣтъ... «Помогите, помогите!...» Никого... Дождь какъ изъ ведра... Вздохъ, и все кончено.

— Ничего не понимаю.

— Еще бы... Самъ Рокамболь и тотъ опѣшилъ, какъ чортъ... Стоить и ничего не понимаетъ... Убилъ, самъ видѣлъ трупъ... И вдругъ стоить предъ нимъ живой... вотъ, батюшка мой, какія дѣла бываютъ... А вы рецептъ дать не хотите...

— Позвольте... Ужь, если вы хотите рецептъ, вы должны меня посвятить. Докторъ всегда долженъ быть въ курсѣ тайнъ— всѣ доктора друзья дома.

— Графъ Артуръ, какъ вы думаете?

— Я думаю, что онъ правъ.

— Гмъ, а этотъ подлець?—указалъ Шацкій на Ларіо.

— Зачѣмъ же подлець?—спросилъ Карташевъ.—Онъ, вѣдь, нашъ милый оригиналь баронъ.

— А-а!.. Нашъ милый баронъ... Какъ я радъ... Здравствуйте... И Шацкій принялся трясти руку Ларіо.

— Здравствуйте, здравствуйте, — отвѣчалъ грубо Ларіо, какъ поживаете, кого прижимаете, съ пальцемъ девять, огурцомъ двѣнадцать...

— Ну, и изволь съ нимъ разговаривать... То есть никакъ порядочности. Ну, какъ же съ тобой разговаривать?

— Нѣтъ, ты дѣйствительно грубъ,—вступился Корне.

обращаясь къ Ларіо.—Нельзя же, надо помнить, что ухо графа не привыкло.

— Ну, слава Богу, хоть одинъ порядочный человекъ нашлся. Вашу благородную руку, докторъ.

— Съ удовольствіемъ. Но я горю нетерпѣніемъ, князь, узнать содержаніе этой таинственной драмы.

— Это надо обдумать... Графъ Артуръ, ваше мнѣніе?

— Я думаю, что мы, лордъ, между друзьями.

— Что вы думаете насчетъ отобранія клятвы... на мечъ, наприимѣръ?

— Я думаю достаточно простого слова...

— Слова благороднаго джентльмена? Вы думаете, Рокамболь ограничился бы только этимъ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я согласенъ. Расскажите имъ, графъ...

— Дѣло въ томъ, что мы уже два дня путаемся съ этимъ... княземъ... Читаемъ Рокамбола, шлемся къ Бергу...

— Влюбляемся въ актрису и умираемъ на подъявдѣ. Продолжайте...

— Больше ничего нѣтъ.

— А итальянка?

— Пѣвица театра Берга,—отвѣтилъ Карташевъ.

— Обоюдная и нѣжная любовь,—пояснилъ Шацкій.

— И уже обоюдная?—спросилъ Корневъ.

— Да вретъ онъ.

— Какъ вретъ, а подъявдѣ?

— Ерунда,—отвѣтилъ Карташевъ.—Помогъ сѣсть ей на извоцика

— О-го!—сказалъ Корневъ.

— И послѣ этого получилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, за которыми слѣдуетъ лишь любовь или дуэль.

— Ну, а карета, таинственные джентльмены, дуэль?

— Фантазія князя.

— Зачѣмъ же рецептъ?

— Князь находитъ, что его родители питаютъ къ нему недостаточно теплыя чувства.

— Очень милая редакція... Графъ, mes compliments... Продолжайте.

И Шацкій отъ удовольствія положилъ ноги на столъ.

— И вотъ, чтобы убѣдиться въ силѣ этихъ чувствъ...

— Именно,—подтвердилъ Шацкій, поворачиваясь на бокъ.

— Лампу свалите.

— ...Князь хочетъ прибѣгнуть... къ нѣкоторому давленію...

— Parfait, mon comte.

— ...И увѣдомить родныхъ, что по обычаямъ высшаго

та...

- Слушайте! слушайте!.. Так говорятъ въ парламентахъ...
- ...Онъ вынужденъ былъ драться на дуэли съ графомъ Артуромъ на кинжалахъ и былъ приэтомъ раненъ въ грудь...
- Совершенно вѣрно.
- ...А въ подтвержденіе посылаетъ имъ рецептъ знаменитаго эскулапа, который беретъ за визитъ 100 рублей.
- Вѣрно!
- Да, вотъ что,—произнесъ разочарованно Корневъ.—Но какъ по вашему, это не пахнетъ, мой милый князь, шантажемъ?—спросилъ онъ раздумчиво.
- Дерзко и наивно... Позвольте васъ спросить: кто наследникъ моего отца: я или вы? Надѣюсь, я. Моему отцу 75 лѣтъ и онъ имѣетъ столько денегъ, что не постысняется въ этомъ долгѣ, причѣмъ дрожить надъ каждымъ грошомъ, а я его сынъ, который могъ бы тратить 15 тысячъ, вынужденъ собирать милостыню... И кромѣ того у него состояніе и моей матери, которое ужъ исключительно мое... По вашимъ буржуазнымъ правиламъ лучше затѣять съ нимъ процессъ... Ну, а мы, люди большого свѣта, предпочитаемъ не огорчать старика и брать отъ него деньги въ томъ видѣ, какъ онъ можетъ ихъ давать.
- Но почему же вы надѣетесь, что онъ, отказывая вамъ въ необходимомъ, дастъ деньги на такую ерунду?
- А это мой секретъ.
- Я думаю секретъ заключается въ томъ, — пояснилъ Карташевъ,—что старый князь такой же поклонникъ большого свѣта, какъ и нашъ князь.
- Графъ, вашу руку.
- Другими словами, — сказала Корневъ, — оба, и старый и молодой помѣшаны на большомъ свѣтѣ.
- Какъ вы находите, графъ, этого господина?
- Я не нахожу словъ, князь,—отвѣтилъ Карташевъ.—Онъ просто не выдерживаетъ роли.
- Именно.
- Да, князь, съ вами выдержать роль,—вздыхнулъ Корневъ,—трудно знаете... гороху надо поѣсть сначала.
- Ну вотъ... впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ... Что бы вы сказали, если бы вамъ предложить почитать Рокамболя?—спросилъ Шацкій.
- Нѣтъ, ужъ избавьте.
- Читалъ?—спросилъ Карташевъ.
- Не читалъ и ни малѣйшаго желанія этой ерунды тать не имѣю.
- Но ты себѣ представить не можешь, какъ это интересно,—воскликнулъ Карташевъ.—Стыдно, а интересно такъ что не оторвешься.
- Но что тамъ можетъ быть интереснаго?

— Я вот и самъ такъ думалъ, а началъ, и вотъ уже два дня...

— Странно...

— Жаль, что нѣтъ здѣсь этой книги...

— Она здѣсь,—отвѣтилъ à la Рокамболь Шацкій и принесъ изъ передней нѣсколько объемистыхъ книгъ.

— Послушай,—обратился обрадованный Карташевъ къ Корневу,—куда тебѣ торопиться? Подари сегодняшній вечеръ, такъ и быть, нарочно для того, чтобы самому убѣдиться.

Корневъ колебался.

— Да, вѣдь, глупо какъ-то...

— Мой другъ,—сказалъ Шацкій,—помиритеcь съ мыслью, что отъ глупости все равно никуда не дѣнетесь.

— Это какъ прикажете понимать?

— Очень просто. Жизнь, вообще говоря, глупость?

— Съ одной стороны, конечно.

— Ну вотъ съ одной стороны! Повѣрьте, что со всѣхъ... А если жизнь глупость, то и все, что мы дѣлаемъ, тоже глупость... то есть мы то дѣлаемъ всегда только однѣ умныя вещи, конечно, но въ итогѣ получается всегда одна большая глупость. А потому надо попробовать дѣлать глупости—что тогда выйдетъ? А вдругъ умная вещь?

— Оригинально, но не убѣдительно. Пожалуй, я согласенъ,—отвѣчалъ Корневъ.

— А ты, Ларіо?—спросилъ Карташевъ.

— Я съ удовольствіемъ,—я люблю, знаешь, всѣ эти пикантныя похождения. Я, положимъ, читалъ, но давно, и съ удовольствіемъ послушаю.

— Интересно?—спросилъ Корневъ.

— Очень,—отвѣтилъ Ларіо.

— Ну чортъ съ вами,—согласился окончательно Корневъ.—Рокамболя, такъ Рокамболя...

И Корневъ повалился съ ногами на диванъ.

— Такъ я тебѣ расскажу сначала,—предложилъ Карташевъ, и принялся въ перебивку съ Шацкімъ передавать прочитанное.

Когда Карташевъ кончилъ, онъ спросилъ:

— Ну что? Интересно?

— Ничего себѣ—отвѣтилъ Корневъ.

— А вотъ въ чтеніи послушай... Кто читать будетъ?

— Ну начинай, а тамъ поочереды,—отвѣтилъ Корневъ.

Карташевъ сѣлъ въ кресло, подвинулъ лампу, откашлялся началъ.

— Ну что, Вася?—спросилъ Шацкій черезъ часъ.

— Интересно,—снисходительно отвѣтилъ Корневъ.

Еще черезъ часъ Шацкій повторилъ вопросъ.

— Вы своими вопросами мѣшаете слушать. Давай я прочитаю.

Чтеніе продолжалось до 8 часовъ утра, пока не окончили всего Рокамболя.

— Возмутительно!—проговорилъ Корневъ и сталъ быстро одѣваться.

— Послушай Вася,—предложилъ Шацкій,—идемъ теперь ко мнѣ...

— Я иду домой,—отвѣтилъ безповоротно Корневъ.

— Вечеромъ къ Бергу... Итальяночку...

— Не желаю.

— Ну и ступай... Идешь ко мнѣ?—обратился Шацкій къ Карташеву.

Карташевъ нерѣшительно сталъ думать.

— Идемъ. Видишь, грязь какая у тебя... Накурено. У меня кофе напьешься, спать ляжешь, а тамъ... дзинь-ла-ла... Ну одѣвайся... Ну, а ты?—обратился Шацкій къ Ларіо.

— Нѣтъ, я домой.

— Конечно.

Одѣвшись, компанія вышла на лѣстницу.

Карташевъ точно ошанѣлъ отъ чтенія, бессонной ночи, итальянки. Спускаясь и проходя мимо звонка какой то квартиры, онъ вдругъ изо всей силы дернулъ за этотъ звонокъ. Въ то же мгновеніе онъ бросился къ противоположной квартирѣ и дернулъ и тамъ.

— Послушай, что ты, ошалѣлъ,—запротестовалъ было опѣшившій Корневъ, но, сообразивъ, что сейчасъ отворять двери, бросился за мчавшимися уже черезъ двѣ ступеньки Ларіо и Шацкимъ.

Карташевъ понесся за ними и рвалъ звонки всѣхъ встрѣчавшихся по пути квартиръ.

— Мальчишество, глупо...—по временамъ оглядываясь на него взбѣшенный Корневъ, но мчался внизъ, за нимъ ураганомъ неслись другіе, а тамъ вверху уже щелкали засовы отворившихся дверей и одни за другими неслись въ догонку компаніи отборныя ругательства.

Когда вылетѣли на подъѣздъ, Корневъ, раздраженно проговоривъ: «глупо, мой другъ!», не прощаясь, пошелъ прочь, а Шацкій закричалъ ему въ догонку:

— Вася, есть еще Воскресшій Рокамболь.

— Убирайтесь къ чорту!..—не поворачиваясь, крикнулъ ему Корневъ.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Для жертвы всѣмъ, чѣмъ жертвовать лишь можно,
Въ душѣ достанетъ силъ,
Но лишь бы знать, что не игрѣ ничтожной
Себя ты посвятилъ.
Но гдѣ оно—то праведное дѣло?
Какою изъ дорогъ
Идти тебѣ, чтобъ могъ сказать ты смѣло:
«Я сдѣлалъ все, что могъ!»
И простъ отвѣтъ, и сложенъ безконечно:
Вѣдь отличишь же ты
Упорный трудъ отъ лѣности безпечной
И свѣтъ отъ темноты.
Но вотъ вопросъ: ни для кого не тайна—
Изъ камня сложенъ храмъ,
Но какъ? вѣдь сталь онъ не случайно
Подобенъ небесамъ...

С. Александровъ.

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

XIV.

На утро Матвѣй проснулся съ тяжестью въ головѣ и на сердцѣ. Онъ вѣрилъ въ сны, а въ эту ночь ему видѣлся сонъ, который онъ не могъ вспомнить. Между тѣмъ, это было что-то важное, что нужно непременно исполнить, какія-то слова и наставленія, которыя кто-то неизвѣстный, но дорогой и почтенный, говорилъ ему, склоняясь надъ его изголовьемъ въ тяжелые, короткіе часы соннаго забытья.

Онъ оглядывался съ тоской кругомъ, теръ себѣ лобъ, сидя на постели, съ задумчивымъ и разсѣяннымъ видомъ. Потомъ онъ вдругъ поднялся и прошелъ наверхъ, къ Аннѣ.

Обѣ дѣвушки, Анна и дочь Борка, посмотрѣли на него какъ-то застѣнчиво, какъ будто думали о вчерашнемъ индѣйскомъ ударѣ и боялись, чтобы Лозинскій не догадался, о чемъ онѣ думаютъ. Но онъ все старался вспомнить, кто это видѣлся ему ночью и совѣтовалъ что-то сдѣлать въ этотъ день.

Потомъ онъ тяжело присѣлъ на постель, долго смотрѣлъ на дѣвушку какимъ-то мутнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Попали мы, по моей винѣ, въ бѣду... Хочешь ли ты, дѣвушка, послушать, что тебѣ скажетъ Матвѣй Лозинскій?

— Говорите, я васъ послушаюсь,—отвѣтила дѣвушка. Ей хотѣлось очень показать Матвѣю, что она не перестала почитать его послѣ индѣйскаго удара...

Матвѣй опять мучительно задумался и сказалъ:

— Мало хорошаго въ этой сторонѣ, малютка. Повѣрь ты мнѣ, дѣвушка, мало хорошаго. Содомъ и Гоморра...

Онъ говорилъ такъ грустно, что у дѣвушки тоже слезы просились на глаза, хотя она и не знала еще, въ чемъ дѣло, а съ дочерью Борка ей было занимательно и весело.

— Что-же теперь дѣлать?—спросила она упавшимъ голосомъ.

— А, что дѣлать! Если-бы было можно, надѣль-бы я котомку на плечи, взяль-бы въ руки палку и пошли-бы мы съ тобой назадъ, въ свою сторону. Лучше-бы я сталъ стучаться въ окна на своей сторонѣ, лучше водилъ-бы слѣпыхъ, лучше померъ-бы гдѣ нибудь на дорогѣ... На дорогѣ или въ полѣ... на своей сторонѣ... Но теперь этого нельзя, потому что...

Онъ потеръ себѣ лобъ и сказалъ:

— Потому что—море. А письма отъ Иосифа ждать нечего, письма не будетъ. И сидѣть здѣсь нечего,—ничего не высидимъ. Такъ вотъ что я скажу тебѣ, дѣвушка. Отведу я тебя къ той, къ нашей барынѣ... Я тебя отведу, а самъ посмотрю, что здѣсь человѣкъ можетъ съ собою сдѣлать и что изъ этого выйдетъ. По крайней мѣрѣ, пока что, хоть ты будешь у своихъ, у хорошихъ людей. А если я здѣсь не пропаду, то жди меня... Матвѣй Лозинскій никогда еще не лгалъ въ своей жизни. Я приду когда нибудь за тобою.

— Нехорошо вы придумали,—горячо сказала молодая еврейка. Ай, какъ нехорошо это вы придумали. Эта барыня,—мы ее знаемъ, она все нанимаетъ пріѣзжихъ, чтобы платить поменьше.

Но Матвѣй ничего не отвѣтилъ еврейкѣ, потому что,—самъ потомъ признавался,—въ это время на него напала какая-то гордость.

— Наше худое, малютка, лучше дѣшняка хорошаго,—сказалъ онъ дѣвушкѣ и приказалъ ей собрать свои вещи.

Анна вздохнула, однако покорно стала собираться. Матвѣю не понравилось, что она крѣпко поцѣловалась съ еврейкой.

XV.

Въ этотъ день наши опять шли по улицамъ Нью-Йорка, съ узлами, какъ и въ день пріѣзда. Только въ этотъ разъ съ ними не было Дымы, который давно разстался съ бѣлою свитой и держался съ чужими больше, чѣмъ со своими. Зато Матвѣй и Анна остались точь въ точь, какъ были: на немъ была та же свита со шнурами, на ней—бѣленькій платочекъ. Молодой Джонъ тоже считалъ очень глупымъ то, что надумалъ Матвѣй. Но, какъ американецъ, онъ не позволялъ себѣ мѣшаться въ чужія дѣла и только посвистывалъ отъ досады, прожая Матвѣя и Анну.

Сначала шли гѣшкомъ, потомъ пара лошадей потащила ихъ по улицамъ въ огромномъ вагонѣ, потомъ подымались наверхъ и летѣли по воздуху. Изъ улицы въ улицу — ѣхали легко. Пошли дома поменьше, попроще, не такіе серьезные, стали улицы прямыя, широкія и тихія.

На углу наши вышли и пошли прямо. Если-бы поменьше камня, да если-бы кое-гдѣ изъ подъ камня пробилась мурава, да если-бы на серединѣ улицы сидѣли ребята съ задранными рубашенками, да если-бы кое-гдѣ корова, да хоть одинъ домишко, вросшій окнами въ землю и съ провалившейся крышей,—то, думалось Матвѣю, улица походила-бы пожалуй на нашу. Только здѣсь всё дома были какъ одинъ: всё въ три этажа, всё съ плоскими крышами, у всѣхъ одинаковыя окна, одинаковыя крылечки, съ одинаковымъ числомъ ступенекъ, одинаковые выступы и карнизы. Однимъ словомъ, вдоль улицы ряды домовъ стояли, какъ родные братья и даже близнецы,—и только черный номеръ на матовомъ стеклѣ, надъ дверью, отличалъ ихъ одинъ отъ другого.

Джонъ посмотрѣлъ въ свою записную книжку, потомъ разыскалъ номеръ и прижалъ пуговку у двери. Въ квартирѣ что-то затрепало. Кто-то отворилъ двери и отошелъ. Наши вошли въ переднюю.

Старая барыня, ждавшая мужа, отперла дверь и сама ушла въ другую комнату. Она, какъ оказалось, сама мыла полы. Очки у нея были вздернуты на лобъ, на лицѣ виднѣлся потъ отъ усталости, и была она въ одной рубашкѣ и грязной юбкѣ. Увидѣвъ пришедшихъ, она оставила работу и вышла, чтобы переодѣться.

— Смотри,—шепнулъ Матвѣй,—какъ здѣсь живется господамъ,—что ужъ говорить о простыхъ людяхъ.

— Ну,—отвѣтилъ Джонъ,—вы еще не знаете этой стороны, мистеръ Мэтью. И съ этими словами онъ прошелъ въ первую комнату, сѣлъ на стулъ, а другой подвинулъ Аннѣ.

Матвѣй строго посмотрѣлъ на невѣжливаго молодого человека, и оба съ Анной остались на ногахъ у порога. Матвѣй не взлюбилъ молодого еврея еще съ тѣхъ поръ, какъ говорилъ съ нимъ о религіи. А послѣ онъ сталъ, вдобавокъ, замѣчать, что Джонъ какъ-то частенько остается дома, съ сестрой, помогая дѣвушкамъ по хозяйству и поглядывааетъ на Анну. Нужно сказать, что дѣвушка была хороша: голубые глаза, большіе и ясные, кроткій взглядъ, привѣтливая улыбка и нѣжное лицо, немного правда поблѣднѣвшее отъ дороги и отъ неизвѣстности. Въ Америкѣ люди видно тоже знаютъ толкъ въ этихъ дѣлахъ. Правда, никто изъ бездѣльниковъ, жившихъ у Борка, ни разу не позволилъ себѣ съ дѣвушкой ни одной вольности. Однако, не считая Дымы, который вывертывался передъ нею въ своихъ диковинныхъ пиджакахъ,—еще и Падди старался всячески услужить ей, когда встрѣчался въ корридорѣ или на лѣстницѣ. А молодой Джонъ имѣлъ такой видъ, что Матвѣю сталъ невольно вспоминаться мистеръ Мозесъ изъ Луисвилля... Чего добраго,—думалъ Матвѣй,—вѣдь въ этомъ Содомѣ никто не

смотреть за этими дѣлами. Вотъ Дыма,—давній и испытанный пріятель, но и у него характеръ совершенно измѣнился въ какую нибудь недѣлю. Что-же можетъ статься съ молоденькой, неопытной дѣвушкой, немного еще можетъ быть и легкомысленной, какъ всѣ дочери Евы... Дурного, положимъ, она не сдѣлаеть... Но вѣдь здѣсь и хорошее—тоже ни чорта не стоитъ, а дѣвушка молода, неопытна и вдобавокъ испугана.

И Матвѣю, пока онъ стоялъ такъ, у притолки, вдругъ вспомнилась часть того сна, который онъ видѣлъ ночью... А видѣлъ онъ, будто мистеръ Мозесъ изъ Луисвилля, еврей очень неприятнаго вида,—вѣнчаетъ Анну съ молодымъ Джономъ. Молодой Джонъ съ торжествующимъ видомъ топчетъ ногой рюмку, какъ это дѣлалъ женихъ, котораго Матвѣй видѣлъ въ своемъ мѣстечкѣ, на еврейской свадьбѣ, и тутъ-же, надрываясь, всѣ въ поту, съ вытаращенными глазами, гудятъ и пицатъ еврей-музыканты, на скрипицахъ, на флейтахъ, на пузатыхъ контрабасахъ... А кругомъ хрипять, точно задыхаясь, машины, люди бѣгутъ, ѣдутъ, летятъ по воздуху, не обращая вниманія, торопясь, вперегонку, каждый къ своему дѣлу. Только невдалекѣ стоитъ Бэрко, задумчивый и серьезный, и покусываетъ свою бородку. Но и это уже не Бэрко, а мистеръ Боркъ и потому онъ не знаетъ самъ, хорошо-ли это дѣлаеть Мозесъ изъ Луисвилля или худо?

— Ну, что вы на это скажете? Что дѣлаеть этотъ Мозесъ...

Матвѣй заскрежеталъ во снѣ зубами. Зналъ-бы онъ что сказать, когда-бы это было на родинѣ, въ мѣстечкѣ. Гей-гей! А гдѣ-же тутъ христіане!.. Развѣ не видите, что жида гонятъ въ свое поганое стадо христіанскую овечку... Бѣгутъ христіане со всѣхъ сторонъ, съ улицъ и базаровъ, изъ шинковъ, отъ воровъ съ хлѣбомъ. Бѣгутъ христіане съ крикомъ и шумомъ, съ камнями и съ дреколіемъ. Звякають стекла, быстро запираются двери домовъ и лавочекъ, по всему мѣстечку шумъ и крики, визжать въ домахъ еврейки и бахоры, летятъ изъ оконъ бѣбехи и всякая рухлядь, пухъ изъ перинъ кроеть улицы, точно снѣгомъ...

Вспомнивъ этотъ сонъ, Матвѣй даже вздохнулъ и оглянулся. Слава Богу,—вотъ квартира старой барыни, которая возьметъ къ себѣ Анну. Все правилось Матвѣю въ этой квартирѣ. Въ первой комнатѣ стоялъ столъ, покрытый скатертью, сосѣдней виднѣлась кровать, подъ пологомъ, въ углу большой икомный образъ Божіей Матери Остробрамской, которую въ ладномъ краѣ чтутъ одинаково католики, православные и аты,—какъ и Почаевскую. За образомъ была воткнута воявая свѣча и пучокъ сухихъ вѣтокъ. Вѣрба не вѣрба, а гаки былъ виденъ нашъ обычай и у Матвѣя стало теплѣе сердцѣ... Поэтому онъ сначала заложилъ руку за поясъ и

очень гордо посмотрѣлъ на молодого еврея, какъ будто онъ очутился въ своей сторонѣ и будетъ сейчасъ учить молодого Джона своимъ порядкамъ... Но тотчасъ-же пришлось смиренно согнуться почти до земли, потому что въ комнату вошла барыня, одѣтая, съ очками на носу и съ вязаніемъ въ рукахъ. Она сѣла на стулъ, досчитала петли, передернула спицу и сказала почтительно ожидавшимъ Матвѣю и Аннѣ,—не кивнувъ даже Джону:

— Ну, что скажете?

— Къ вашей милости,—отвѣтили оба въ одинъ голосъ.

— Тебя кажется зовутъ Анной...

— Анной, милостивая пани.

— А тебя... Матвѣемъ.

Лицо Матвѣя расцвѣло пріятной улыбкой.

— А что-же тотъ... третій?..

Матвѣй махнулъ рукой.

— А! Не знаю ужъ, что и сказать... Поступилъ на службу, или ужъ какъ... къ какому-то господину Таманиголли...

Барыня жалостно посмотрѣла на Матвѣя и покачала головой.

— Хорошій господинъ, нечего сказать. Шайба мошенниковъ.

— О, Господи,—вдохнулъ Лозинскій.

— Въ этой сторонѣ все навыворотъ,—сказала опять барыня.

У насъ такихъ молодцовъ сажаютъ въ тюрьмы, а здѣсь они выбираютъ висѣльниковъ въ городскіе мэры, которые облагаютъ честныхъ людей налогами.

Матвѣй вспомнилъ, что и Дыма выбиралъ мэра и вдохнулъ еще глубже. У барыни спицы забѣгали быстрѣе,—было видно, что барыня начинаетъ сердиться...

— Ну, что-же ты мнѣ скажешь, моя милая? Ты пришла наниматься, или можетъ быть тоже поищешь себѣ какого нибудь Тамани-голла...

— Она дѣвушка честная,—вступился Матвѣй.

— А! Видѣла я за двадцать лѣтъ много честныхъ дѣвушекъ, которыя черезъ годъ, а то и меньше портились и пропадали въ это проклятой странѣ. Сначала посмотришь—чело вѣкъ, какъ человекъ: тихая, скромная, послушная, боится Бога и уважаетъ старшихъ. А потомъ... Здѣсь скоро научатъ хорошему. Смотришь,—начала задирать носъ, потомъ обвѣшается лентами и тряпками, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, потомъ прибавляя ей жалованье, потомъ ей нуженъ отдыхъ. а потомъ уже барыня служи ей, а она хочетъ сидѣть, сложивъ руки...

— Господи помилуй!—сказала съ ужасомъ Матвѣй.

— А все потому,—продолжала барыня,—что въ этой сторонѣ нѣтъ никакого порядка. Здѣсь жидъ Бэрко уже не Бэрко, а мистеръ Боркъ, кухарка лѣзетъ въ барыни, барыни стали

кухарками, рабочаго не отличишь отъ дворянина,—все перемѣшалось, какъ на Лысой горѣ...

— Чистая правда,—подтвердилъ Матвѣй съ убѣжденіемъ. Возьмите дѣвушку—и держите ее строго. У васъ она сохранить свою душу.

— Хорошо, моя милая, я возьму тебя, если сойдемся въ цѣнѣ. Только предупреждаю: здѣшней сумасшедшей цѣны я не дамъ, прошу у меня не болтать и не заводить пашни съ пѣдлерами, не засиживаться въ лавочкѣ и не стрекотать съ сосѣдками.

— Слышишь, Анна,—подтвердилъ Матвѣй строго.—А ужъ барыня тебя не обидитъ.

Молодой Джонъ, который неприятно барабанилъ пальцами по столу,—всталъ, отодвинулъ отъ себя стулъ и сказалъ Аннѣ:

— Двадцать долларовъ здѣсь считается низкая цѣна... Двадцать долларовъ и отдѣльная комната.

— Ну, вотъ, начинается,—сказала барыня Матвѣю.—Ну что-жъ, милая, иди къ этому молодому человѣку,—онъ дастъ тебѣ и больше.

Матвѣй выпрямился, строго посмотрѣлъ на еврея, низко поклонился барынѣ и сказалъ:

— Она остается у васъ, вы не обидите сироту...

Джонъ надѣлъ шляпу и пошелъ къ двери. Матвѣй увидалъ, что этотъ неприятный молодой человѣкъ готовъ уйти безъ него, и самъ тоже заторопился, наскоро попрощался съ Анной, которая смотрѣла на него грустными глазами, и поклонился барынѣ и—еще разъ остановился у порога.

— А что, извините, я спросилъ-бы у васъ...

— Что тебѣ?

— Не найдется-ли и мнѣ у васъ мѣстечка? Можетъ по двору, или около лошади... Угла-бы я не пролежалъ, а цѣну взять-бы самую маленькую.

— Нѣтъ, милый. Какія лошади. Здѣсь господа садятся за пять центовъ въ вагонъ, рядомъ съ негромъ.

— Ну, прошу прощенія... А гдѣ-же...

И не окончивъ рѣчи, Матвѣй выбѣжалъ на крыльцо, чтобы не потерять изъ вида Джона.

XVI.

На крыльцѣ неприятнаго молодого человѣка уже не было, кто-то мелькнулъ за угломъ. Матвѣй побѣжалъ туда, хотя у и показалось, что это въ другой сторонѣ. Повернувъ еще уголь, онъ догналъ шедшаго человѣка, но въ этой сторонѣ ни, какъ и дома, похожи одинъ на другого. Тотъ-же коте-

локъ на головѣ, такая-же тросточка въ рукахъ, такая-же походка, но лицо человѣка, повернушагося къ Матвѣю, было совсѣмъ чужое, удивленное и незнакомое. Матвѣй остолбенѣлъ и глядѣлъ на уходившаго незнакомца; а на Матвѣя, съ обѣихъ сторонъ улицы, глядѣли занавѣшенные окна домовъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды...

Матвѣй попробовалъ вернуться. Онъ еще не понималъ хорошенько, что такое съ нимъ случилось, но сердце у него застучало въ груди, а потомъ начало какъ будто падать. Улица, на которой онъ стоялъ, была точь въ точь такая, какъ и та, гдѣ былъ домъ старой барыни. Только занавѣски въ окнахъ были опущены на правой сторонѣ, а тѣни отъ домовъ тянулись на лѣвой. Онъ прошелъ кварталъ, постоялъ у другого угла, оглянулся, вернулся опять и началъ тихо удаляться, все оглядываясь, точно его тянуло къ мѣсту или на ногахъ у него были пудовыя гири.

А въ это время молодого Джона зазирила совѣсть, что онъ такъ невѣжливо бросилъ Матвѣя. Онъ быстро вернулся, позволилъ и довольно сердито попросилъ выслать Лозинскаго, потому что ему некогда ждать: время—деньги.

Старая барыня посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Анна, которая успѣла уже снести свой узелъ въ кухню и, подпернувъ подолъ юбки, принималась за мытье пола, покинутого барыней,—наскоро оправившись, тоже выбѣжала къ Джону. Всѣ трое стояли на крыльцѣ и смотрѣли и на-право, и на-лѣво. Никого не было видно, похожаго на Матвѣя, на тихой улицѣ.

— Ну, онъ вѣрно пошелъ на станцію другой дорогой,—сказалъ Джонъ.

Анна недовѣрчиво покачала головой. Но стоять на крыльцѣ до вечера и глазѣть на улицу всетаки не приходилось. Джонъ побѣжалъ поспѣшно къ станціи воздушной дороги, барыня съ Анной ушли, двери захлопнулись, и домъ барыни, за минуту встревоженный и суетливый, съ открытою дверью и съ людьми на крыльцѣ, которые останавливали рѣдкихъ прохожихъ и спрашивали ихъ о чемъ-то,—опять сталъ въ рядъ другихъ, ничѣмъ не отличаясь отъ сосѣдей: та-же дверь съ матовымъ стекломъ и черный номеръ: 1235.

Между тѣмъ, недалеко въ переулкѣ, одинъ изъ прохожихъ, котораго тоже остановили разспросами,—наткнулся на страннаго человѣка, который шелъ, точно тащилъ какую-то невидимую тяжесть, и все озирался. Американецъ ласково взялъ его за рукавъ, подвелъ къ углу и махнулъ рукой,—сказавши:

— Тэрти-файфъ, тэрти-файфъ.

Считая это достаточнымъ, занятой человѣкъ побѣжалъ обратно по своему дѣлу, а Матвѣй подумалъ, оглядѣлся и, по-

дойдя къ ближайшему дому, позвонилъ. Дверь отворила незнакомая женщина, съ лицомъ въ морщинахъ и съ черными буклями по бокамъ головы. Она что-то сердито спросила, — и хлопнула дверь.

То-же случилось въ слѣдующемъ домѣ, тоже въ третьемъ. На углу онъ подумалъ, что надо повернуть, и онъ повернулъ, опять повернулъ и, увидя фонтанъ, мимо котораго, какъ ему казалось, они проходили часъ назадъ, повернулъ еще разъ. Передъ нимъ опять была такая-же улица, только тѣни опять перебросились на правую сторону, а солнце прямо било въ занавѣски на лѣвой... Издали, точно гдѣ-то за горой, храпѣлъ поѣздъ... Матвѣй остановился на серединѣ улицы, какъ барка, которую сорвало съ причала и несетъ куда-то по теченію — и, безъ надежды найти жильѣ старой барыни, — пошелъ туда, откуда слышался шумъ. А въ это время, по улицѣ, черезъ которую только что прошелъ лозищанинъ, — опять пробѣжалъ молодой Джонъ, совсѣмъ встревоженный и огорченный. № 1235 опять отворился и опять на крыльцѣ стояли двѣ женщины съ молодымъ человѣкомъ, совѣтуясь и озираясь кругомъ. У Анны на глазахъ стояли слезы, Джонъ пожималъ плечами.

Въ этотъ вечеръ, въ бордингъ-гоузѣ мистера Борка долго стоялъ шумъ. Несмотря на то, что у Дымы испортился характеръ, ему теперь было очень совѣстно и жалко Матвѣя, и онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Отправляясь на чужую сторону, они сговорились — жить или пропадать вмѣстѣ. Голова Дымы, сила, руки и ноги — Матвѣя. Теперь ноги однѣ ходили по свѣту, въ то время, какъ голова путалась съ чужими людьми. Совѣсть у Дымы проснулась, Дыма кричалъ, Дыма проклиналъ Джона, себя и своихъ пріятелей и крѣпко оборвалъ Падди, когда тотъ сунулся съ какой-то шуткой. Падди обидѣлся и вызвалъ Дыму на единоборство. Дыма сначала послалъ его къ чорту, но когда Падди пустилъ ему немного крови изъ носу, — онъ самъ сталъ совать руками, куда попало... Чувствуя однако, что и головѣ приходится плохо безъ сильной руки товарища, онъ схватилъ стулъ, кричалъ, что ему наплевать на всѣ правила, и сильно уронилъ себя во мнѣніи Падди... Ночью онъ вскакивалъ съ постели и даже плакалъ.

Но это, конечно, не помогло. Пріятель потонулъ въ огромномъ городѣ, точно иглолка на пыльномъ пробѣжномъ шляху...

XVII.

Впослѣдствіи, по причинамъ, которыя мы изложимъ даль-
ше, — Матвѣй Лозинскій изъ Лозищей сталъ на цѣлыхъ два дня
чѣмъ знаменитымъ человѣкомъ города Нью-Йорка, и каждый

шагъ его въ эти дни былъ прослѣженъ очень точно. Прежде всего, человекъ въ бѣлой одеждѣ видѣли идущимъ по 4 авенюе, потому онъ долго шелъ пѣшкомъ подѣ настилкой воздушной дороги, къ Бруклинскому мосту. Казалось, его тянуло туда, гдѣ люднѣе и гуще. На углу Бродвѣя и какого-то переулка онъ вошелъ въ булочную и, указавъ на огромный кусокъ бѣлаго хлѣба,—протянулъ руку, съ деньгами на ладони. Онъ говорилъ что-то продавцу-нѣмцу и даже, когда тотъ отдавалъ сдачу, старался схватить его за руку и тянулся къ ней губами. Нѣмецъ вырвалъ руку и занялся другими покупателями. Человекъ постоялъ, посмотрѣлъ на булочника грустными глазами и вышелъ.

Это было время, когда выходятъ вечернія газеты. На небольшой площадкѣ, невдалекѣ отъ огромнаго зданія газеты «Трибуне»,—странный человекъ зачерпнулъ воды и пилъ ее съ большою жадностью, не обращая вниманія на то, что въ грязномъ водоемѣ два маленькихъ оборванца плавали и ныряли за никелевыми и мѣдными монетками, которыя имъ на потѣху кидали прохожіе. Безчисленное количество газетныхъ мальчишекъ, ожидавшихъ выхода номера и развлекавшихся пока чѣмъ попало, раздѣлили свое вниманіе между водолазами и страннымъ человекомъ въ бѣлой одеждѣ, котораго они засыпали цѣлой тучей звонкихъ остротъ. Въ это время, черезъ площадку проходилъ газетный репортеръ-иллюстраторъ и наскоро набросалъ эту сцену въ своей книжкѣ. Безъ сомнѣнія, если-бы этотъ джентльменъ могъ провидѣть будущее, онъ постарался-бы сдѣлать свой рисунокъ какъ можно точнѣе. Но во 1-хъ, онъ очень торопился и ему пришлось поэтому заканчивать набросокъ съ памяти, а во 2-хъ, онъ былъ введенъ въ заблужденіе присутствіемъ нырявшихъ мальчишекъ, которыхъ причислялъ къ семейству незнакомца. Наконецъ, онъ не зналъ также, что изъ его работы можетъ выйти, такъ какъ незнакомецъ не могъ отвѣтить ничего на самые обыкновенные вопросы.

— Юрь нѣшенъ, — спросилъ репортеръ, желая узнать, какой Матвѣй націи.

— Какъ мнѣ найти мистера Борка?—отвѣтилъ тотъ.

— Your name? (ваше имя?)

— Онъ тутъ гдѣ-то... имѣетъ помѣщеніе.

— Говъ до ю лайкъ дисъ кзунтри?—Это значило, что репортеръ желалъ знать, какъ Матвѣю понравилась эта страна,—вопросъ, который, по его наблюденіямъ, обязаны понимать рѣшительно всѣ иностранцы...

Но незнакомецъ не отвѣтилъ, только глядѣлъ на газетнаго джентльмена съ такою грустью, что тому стало неловко. Онъ прекратилъ разспросы, ободрительно похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ:

— Very well! Это очень хорошо для васъ, что вы сюда прѣехали. Америка лучшая страна въ мірѣ, Нью-Йоркъ лучший городъ въ Америкѣ. Ваши милыя дѣти стануть здѣсь образованными людьми.

Затѣмъ, «съ талантомъ, отличающимъ карандашъ этого джентльмена»,—онъ украсилъ на рисунокѣ свитку лозищанина нѣсколькими фантастическими узорами, изъ его волосъ, буйныхъ, нестриженныхъ и слипшихся сдѣлалъ одно цѣлое— вмѣстѣ съ бараньей шапкой, и, наконецъ, всю эту странную прическу, по внезапному вдохновенію, перевязалъ тесьмой или лентой. Ростъ Матвѣя онъ прибавилъ еще на $\frac{1}{4}$ аршина, а у его ногъ, въ водоемѣ, помѣстилъ двухъ младенцевъ, напоминавшихъ чертами предполагаемаго родителя.

Все это онъ наскоро снабдилъ подписью:

«Дикарь, купающій своихъ дѣтей въ водоемѣ на Бродвэй» и затѣмъ, сунувъ книжку въ карманъ и оставляя до будущаго времени вопросъ о томъ, можно-ли сдѣлать что либо полезное изъ такого фантастическаго сюжета, — онъ торопливо отправился въ редакцію.

Какъ разъ въ эту минуту вышло вечернее прибавленіе и все вниманіе площадки и прилегающихъ переулковъ обратилось къ небольшому балкону, висѣвшему надъ улицей, на стѣнѣ Tribune-building. На этотъ балкончикъ выходили люди съ кипами газетъ, брали у толпившихся внизу мальчишекъ, задремавшихъ весь переулокъ,—ихъ марки, а взамѣнъ кидали имъ кипы газеты. Минуть въ 20 все было кончено. Сотни мальчишекъ мчали во всѣ стороны десятки тысячъ номеровъ, и ихъ звонкіе крики разносились съ этого мѣста по огромному городу.

На площадкѣ остался только лозищанинъ, да два оборванца вылавливали въ водоемѣ послѣднія монеты. Вскорѣ туда-же подошелъ еще высокій господинъ въ партикулярномъ платьѣ, въ сѣрой большой шляпѣ и съ короткою палкой въ рукѣ, въ родѣ гетманской булавы, украшенной цвѣтнымъ шнуркомъ и кистями. Это былъ полисменъ Гопкинсъ, лицо известное всему Нью-Йорку. Полисменъ Гопкинсъ, какъ сообщалось въ тѣхъ-же газетныхъ замѣткахъ, изъ которыхъ я узналъ эту часть моей достовѣрной исторіи, былъ прежде довольно искуснымъ боксеромъ, на котораго ставились значительныя пари. Но, послѣ нѣсколькихъ блестящихъ удачъ, перемежавшихся довольно грустными неудачами, пожелалъ переимѣнить профессію. Времена были довольно тревожныя, и мистеръ Гопкинсъ рѣшилъ совершенно основательно, что профессія полисмента наиболѣе соотвѣтствуетъ его природнымъ талантамъ и склонности къ тѣлеснымъ упражненіямъ рискованнаго свойства. Кромѣ того, онъ находилъ, что увѣсистый клубъ изъ ясеня или дуба—

дает полисмену значительныя преимущества передъ самымъ искуснымъ боксеромъ, не говоря объ обыкновенныхъ гражданахъ страны.

Проходя невдалекѣ отъ фонтана, онъ остановилъ свой проницательный взглядъ на росломъ незнакомцѣ, сложеніе и силу котораго сразу оцѣнилъ, какъ знатокъ, безошибочно. Незнакомецъ всталъ и, взявъ въ обѣ руки шапку, согнулъ свой станъ такъ, что его голова пришлась почти вровень съ колѣнами Гопкинса; затѣмъ онъ сталъ ловить руку Гопкинса своей рукой и губами. Очень можетъ быть, что полисменъ Гопкинсъ обратилъ-бы больше вниманія на человѣка, производящаго публично такія странныя тѣлодвиженія, если-бы въ это время его строгій взглядъ не былъ привлеченъ внезапнымъ появленіемъ надъ поверхностію бассейна двухъ дѣтскихъ головъ. Оказалось, что два водолаза, спрятавшіеся при его приближеніи, должны были вынырнуть, чтобы отдышаться. Гопкинсъ тотчасъ-же взялъ мальчишекъ за шивороты, поднялъ ихъ высоко кверху своими сильными руками и сталъ отряхать, точно двѣ мокрыя тряпицы. Какъ разъ въ эту драматическую минуту пробѣгала изъ редакціи тотъ же репортеръ. Онъ остановился и изобразилъ Гопкинса съ двумя дикаренками въ рукахъ. Подпись:

«Полисменъ Гопкинсъ объясняетъ дикарю, что купаніе дѣтей въ городскихъ водоемахъ несогласно съ законами этой страны».

Сунувъ опять книжку въ карманъ, онъ ринулся со всѣхъ ногъ къ вагону канатной дороги, такъ какъ въ редакціи ему сообщили, что въ сосѣднемъ Бруклинѣ большой пожаръ требуетъ его присутствія и его таланта...

Гопкинсъ поставилъ мальчишекъ на мостовую, далъ имъ по легонькому шлепку, при одобрительномъ смѣхѣ проходящихъ, и затѣмъ повернулся, чтобы заняться страннымъ знакомцемъ. Очень можетъ быть, что ему удалось-бы лучше выяснить, какой націи принадлежитъ этотъ человѣкъ и «какъ ему нравится эта страна»... Можетъ быть даже, прибавимъ мы отъ себя, Матвѣй въ тотъ-же вечеръ или на другое утро попалъ-бы въ объятія къ Дымѣ, который бѣгалъ въ ту минуту по всему городу вмѣстѣ съ Падди,—если-бы... въ то время, пока Гопкинсъ былъ занятъ съ мальчишками,—странный человѣкъ и скрылся...

Изъ того, какъ этотъ высокій господинъ распорядился съ мальчишками, которыхъ до него никто не трогалъ, наконецъ-по важному виду и по гетманской булавѣ съ кистями,—ловца щанивъ понялъ, что это должно быть полицейскій и притомъ

не изъ послѣднихъ. Онъ уже снялъ шапку, поклонился два раза, и хотѣлъ поцѣловать у него руку, но затѣмъ, по внезапной догадкѣ, полѣзъ рукой за пазуху. Мѣшокъ съ деньгами былъ тутъ на груди, но паспортъ... паспортъ остался у Дымы! А такъ какъ онъ не зналъ въ то время, что въ этой сторонѣ даже и не понимаютъ хорошенько, что это такое паспортъ, — то эта мысль холодомъ прошла у него по спинѣ... Поэтому, пока мистеръ Гопкинсъ занимался мальчишками, лозищанинъ попятился немного назадъ, потомъ еще, а потомъ, — какъ у насъ говорится, взявъ ноги за поясъ и пошелъ, не оглядываясь, прочь. Съ тяжелой мыслию въ головѣ, что вотъ онъ теперь, въ добавокъ ко всему — сталъ въ этой сторонѣ безпаспортнымъ бродягой, — онъ смѣшался съ густой толпой на Бродвэй.

XVIII.

Тутъ еще разъ лозищанина приласкала надежда. Когда онъ шелъ по людной улицѣ кто-то тронулъ его за рукавъ тихо и ласково. Рядомъ съ нимъ стоялъ негръ и что-то говорилъ ему, указывая рукою на стулъ, который стоялъ тутъ же на панели. Черное, лоснящееся лицо, красныя губы, сверкающіе бѣлки и вьющіеся волосы этого человѣка показались Матвѣю какъ будто знакомыми. Онъ даже подумалъ, — не одинъ ли это изъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые приставали къ нему на улицѣ, въ первый день пріѣзда. Но что же ему нужно теперь? А, — можетъ быть онъ узналъ Матвѣя, можетъ быть онъ знаетъ Борка и Дыму, можетъ быть онъ видѣлъ, что они ищутъ его по всему городу и предлагаютъ подождать здѣсь, а самъ пошлетъ кого нибудь за пріятелями Матвѣя.

Дѣйствительно, сажая Матвѣя на стулъ, негръ сказалъ что-то своему мальчишѣ и тотъ внезапно куда-то провалился. Матвѣй радостный сѣлъ и кивнулъ негру головой. Лицо чернаго человѣка теперь ему очень понравилось: глаза грустные и ласковые, губы добрыя. Правда, некрасивъ и черенъ, за то привѣтливъ и услужливъ. Онъ тоже кивнулъ Матвѣю головой, присѣлъ у его ногъ и вздумалъ, пока что, почистить Матвѣю сапоги. Матвѣй сначала противился, а потомъ подумалъ, что всякіе есть обычаи на свѣтѣ, пожалуй, какъ бы негръ не обидѣлся. И онъ согласился исполнить желаніе доблаго человѣка, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно сапоги совсѣмъ орыжѣли за дорогу. Негръ все такъ же ласково сталъ тереть ноги Матвѣя щетками, мазалъ сапоги ваксой, плевалъ, мшаль и опять теръ. Минуть черезъ пять сапоги Матвѣя таили, какъ зеркало. Матвѣй кивнулъ головой и опять усѣлся на стулъ поудобнѣе, но негръ взялъ его за рукавъ и показалъ

большимъ пальцемъ на свою ладонь. Матвѣй понялъ, что негръ просить «на водку», сошелъ со стула и полѣзъ въ карманъ.

— И стоять,—сказалъ онъ громко.—Вѣрно, что стоять. За такую услугу не знаю, чего бы человѣкъ не отдалъ.

И онъ вынулъ изъ кармана двѣ монеты. Негръ взялъ лишь одну.

— Бери еще,—сказалъ Матвѣй добродушно.

Негръ покачалъ головой. «Вотъ вѣдь какой честный народъ»,—подумалъ Матвѣй, и опять хотѣлъ взгромоздиться на стулъ, но въ это время какой-то господинъ сѣлъ раньше его, а прибѣжавшій мальчишка принесъ негру кружку пива. Негръ сталъ пить пиво, а мальчишка принялся вакасть сапоги американца. Волосы у Матвѣя стали подыматься подъ шапкой.

— А Дыма, а Боркъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ старшему негру.

Тотъ повернулся, поглядѣлъ на Матвѣя, потомъ указалъ на его сапоги и сказалъ:

— Уэлль.

— Уэлль,—вспомнилъ Матвѣй объясненіе Дымы.—Это значитъ «очень хорошо». Что же тутъ хорошаго? А, проклятый! Онъ говорить, что хорошо вычистилъ сапоги. Ему только этого и было нужно...

— Собака ты, черная собака,—подумалъ онъ очень горько. Человѣкъ на тебя надѣялся, какъ на друга, какъ на брата,—какъ на родного отца. Ты мнѣ казался небеснымъ ангеломъ. А вмѣсто всего—вычистилъ мнѣ сапоги...

И бѣдный человѣкъ пошелъ дальше. Сапоги его блестяли, какъ зеркало, но на душѣ стало еще темнѣе...

XIX.

Такъ вышелъ онъ на берегъ залива. Круглая площадка, на ней—небольшой садикъ, надъ головами прохожихъ вьется по столбамъ дорога, по дорогѣ пробѣжалъ поѣздъ, изогнулся надъ самымъ заливомъ и побѣжалъ дальше берегомъ, скрывшись за угломъ сѣраго дома и кинувши на воду клубъ чернаго дыма. Матвѣй сѣлъ на скамью и сталъ смотрѣть на воду. Вода колыхалась, искрилась, сверкала. Невдалекѣ свистнулъ пароходъ и отбѣжалъ отъ берега, нагруженный народомъ. Глаза Матвѣя побѣжали невольно за нимъ. Пароходикъ бѣжалъ прямо къ острову, на которомъ стояла знакомая мѣдная женщина. Мимо острова въ это самое время тихо проплывалъ гигантскій корабль, такой же, какъ и тотъ, на которомъ пріѣхали лозищане. Распущенный флагъ плескался по

вѣтру и, казалось, стлался у ногъ мѣдной женщины, которая держала надъ нимъ свой факель... Матвѣй смотрѣлъ, какъ европейскій корабль тихо расталкиваетъ своей грудью волны и на глаза его просились слезы... Какъ недавно еще онъ съ такого же корабля глядѣлъ до самаго разсвѣта на эту статую, пока на ней угасали огни и лучи солнца начинали золотить ея голову, а Анна тихо спала, склонясь на свой узелъ...

Невдалекѣ отъ этого мѣста стоитъ круглое, невысокое зданіе, въ родѣ цирка. Теперь это зданіе уже заколочено, а прежде, еще недавно, здѣсь получали пріютъ эмигранты изъ Европы, пріѣзжавшіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Если бы Матвѣй зналъ это, то навѣрное подошелъ бы поближе. А если бы подошелъ, то могъ бы увидѣть, какъ изъ воротъ, веселая и нарядная, выходитъ его сестра Анна, объ руку съ Іосифомъ Лозинскимъ. Іосифъ одѣтъ, какъ господинъ, такъ же, какъ одѣлся Дыма, только на Іосифѣ все уже облежалось и не торчитъ, какъ на коровѣ сѣдло. Они вышли и пошли берегомъ, направо: къ пристанямъ, въ надеждѣ, что можетъ быть Матвѣй и Дыма пріѣхали на томъ эмигрантскомъ кораблѣ изъ Германіи, который только что проплылъ мимо «Свободы». А въ это время Матвѣй поднялся и пошелъ налѣво, вдоль берега, за убѣжавшимъ поѣздомъ.

Часа въ 4 страннаго человѣка видѣли опять у моста. Только что прошелъ мостовой поѣздъ, локомотивъ дѣлалъ поворотъ по кругу, съ лѣстницы сходила цѣлая толпа пріѣхавшихъ съ той стороны американцевъ, — и они обратили вниманіе на страннаго человѣка, который, стоя въ серединѣ этого людского потока, кричалъ:

— Кто въ Бога вѣруеть, спасите!

Но, разумѣется, никто его не понялъ. Если бы такъ крикнулъ кто теперь, въ большомъ американскомъ городѣ, то навѣрно ему отозвался бы кто нибудь изъ толпы, потому что въ послѣдніе годы корабль за кораблемъ привозитъ множество нашихъ русскихъ евреевъ. Они расходятся отсюда по всему побережью, пробуютъ пахать землю въ колоніяхъ, нанимаются въ прикащики, работаютъ на фабрикахъ. Инымъ удается, иные богатѣютъ, иные пристраиваются къ землѣ и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ уже не узнаешь еврейскихъ мальчиковъ, вырастающихъ въ здоровыхъ фармерскихъ работниковъ. Но многіе также терпятъ неудачи; тогда, обѣднѣвшіе и испуганные, они опять кидаются въ города, цѣпляются за прежнюю жизнь. Кто разложитъ на телѣжкѣ плохіе ножики и замочки, кто торгуетъ съ рукъ всякой мелочью, кто носитъ илжки съ картинками Нью-Йорка, Ніагары, великой дороги, то бѣгаетъ на побѣгущкахъ у своей братьи и пріѣзжихъ. Четь такой бѣдняга съ дряннымъ товаромъ, порой со

спичками, только бы прикрыть чѣмъ нибудь свое нищенство, идти лохматый, оборванный и грязный, съ потускнѣвшими и грустными глазами, и по всему сразу узнаешь нашего еврея, только еще болѣе несчастнаго на чужой сторонѣ, гдѣ жнать дороже, а удача встрѣчаетъ не всѣхъ.

Но тогда ихъ было еще не такъ много, а на несчастіе Матвѣя—ему не встрѣтилось ни одного, когда онъ стоялъ среди толпы и кричалъ, какъ человѣкъ, который тонетъ. Американцы останавливались, взглядывали съ удивленіемъ на страннаго человѣка и шли дальше... А когда опять къ этому мѣсту сталъ подходить полицменъ, то Лозинскій опять быстро пошелъ отъ него и скрылся на мосту...

За мостомъ онъ пошелъ все прямо по улицамъ Бруклина. Онъ ждалъ, что за рѣчкой кончится этотъ проклятый городъ и начнутся поля, но ему пришлось идти часа три, пока наконецъ дома стали меньше и между ними, на большихъ разстояніяхъ, не потянулись деревья.

Лозинскій вздохнулъ полной грудью и сталъ жадными глазами искать полей съ желтыми хлѣбами или луга съ зеленой травой. Онъ рассчиталъ, что, по нашему, теперь травы уже поспѣли для косьбы, а хлѣба должны наливаться, и думалъ про себя:

— А! Подойду къ первому, возьму косу изъ рукъ, взмахну разъ-другой, такъ тутъ уже и безъ языка поймутъ, съ какимъ человѣкомъ имѣють дѣло... Да и народъ, работающій около земли, долженъ быть проще, а паспорта навѣрное не спросятъ въ деревнѣ. Только когда, наконецъ, кончится этотъ проклятый городъ...

Теперь по бокамъ дороги пошли уже скромные коттеджи, въ одинъ и два этажа, на иныхъ висѣли вывѣски, какъ на нашихъ деревенскихъ магазинахъ—по дверямъ и въ окнахъ. Сады становились все чаще, дома все тѣ же, мощеная дорога лежала прямо, точно разостланная на землѣ холстина, надъ которой съ обѣихъ сторонъ склонились зеленыя деревья. Порой на дорогѣ показывался вагонъ, какъ темная коробочка, мелькалъ въ солнечныхъ пятнахъ, выросталъ и прокатывался мимо, и вдали появлялся другой... Порой казалось, что вот-вотъ сейчасъ все это кончится и откроется даль, съ шоссе-ной дорогой, которая бѣжитъ по полямъ, съ однимъ рядомъ телеграфныхъ столбовъ, съ одинокой почтовой тележкой и моремъ спѣлыхъ хлѣбовъ по сторонамъ, до самаго горизонта! А тамъ свѣтлая рѣчка, мостикъ, лужокъ—и привѣтливый и ревенскій народъ на работѣ.

Но вмѣсто этого, внезапно, цѣлая куча домовъ опять вступала изъ за-зелени, и Матвѣй опять попадалъ въ нихъ какъ будто въ новый городъ; порой даже среди скромнѣ

коттеджей опять подымались гордые дома въ 6 и 7 этажей, а черезъ нѣсколько минутъ опять маленькіе домики и такая же дорога, какъ будто этотъ городъ не можетъ кончиться, какъ будто онъ занялъ уже всю эту страну...

И все здѣсь было незнакомо, все не наше. Кое-гдѣ въ садахъ стояла странная зелень, что-то вилось по тычинкамъ, связаннымъ дугами,—и, приглядѣвшись, Матвѣй увидѣлъ здѣсь кисти винограда...

Наконецъ, въ сторонѣ, мелькнулъ межъ вѣтвей кусокъ черной, какъ бархатъ, пашни. Матвѣй быстро кинулся туда и сталъ смотрѣть съ дороги изъ-за деревьевъ...

Но то, что онъ здѣсь увидѣлъ, облило кровью его сердце. Это былъ кусокъ плоскаго поля, десятины въ 20, огороженнаго не плетнемъ, не тыномъ, не жердями, а желѣзной проволокой, съ колючками. На одномъ краю этого поля дымилась труба завода, закопченнаго и чернаго. На другомъ—стоялъ локомотивъ,—красивая и сверкающая машина на колесахъ. Маховое колесо быстро вертѣлось, суетливо стучали поршни, бѣлый паръ вырывался тоненькой, хлопотливой и прерывистой струйкой. Тутъ же, мѣрно волнуясь, плылъ въ воздухѣ приводный канатъ. Прослѣдивъ его глазомъ, Матвѣй увидѣлъ, что съ другого конца пашни, какъ животное, сердито взрывающая землю, ползетъ желѣзная машина и грызетъ, и роетъ, и отваливаетъ широкую борозду чернозема.

Матвѣй перекрестился. Всякое дыханіе да хвалить Господа! На что же теперь можетъ пригодиться въ этой сторонѣ деревенскій человекъ, вотъ такой пахарь, какъ Матвѣй Лозинскій, на что нужна умная лошадь, почтенный волъ, твердая рука, вѣрный глазъ и сноровка? И что же онъ станетъ дѣлать въ этой сторонѣ, если здѣсь такъ пашутъ землю?

Нѣсколько человекъ слѣдили за этой работой. Можетъ быть они пробовали машину, а можетъ быть обрабатывали поле, но только ни одинъ не былъ похожъ на нашего пахаря. Матвѣй пошелъ отъ нихъ въ другую сторону, гдѣ сквозь зелень блеснула вода...

Онъ жадно наклонился къ ней, но вода была соленая. Это уже было взморье,—и два-три паруса виднѣлись между берегомъ и островомъ. А тамъ, гдѣ островъ кончался,—надъ линіей воды тянулся чуть видный дымокъ парохода. Матвѣй упалъ а землю, на береговомъ откосѣ, на самомъ краю американской земли, и жадными, воспаленными, сухими глазами смотрѣлъ туда, гдѣ за моремъ осталась вся его жизнь. А дымокъ парохода тихонько таялъ, таялъ и наконецъ исчезъ...

Между тѣмъ за островомъ сѣло солнце. Волна за волной тихо набѣгала на берегъ и пѣна ихъ становилась бѣлѣе, а чины темнѣли. Матвѣю казалось, что онъ спитъ, что это во

снѣ тихо плещутся эти странныя волны, угасаетъ заря, полный мѣсяць, большой и задумчивый, повисъ въ вечерней мглѣ, лиловой, прозрачной и легкой.. Волны все бѣжали и плескались, а на ихъ верхушкахъ, закругленныхъ и зыбкихъ, играли то бѣлая пѣна, то переливы глубокаго синяго неба, то серебрястыя отблески мѣсяца, то наконецъ красные огни фонарей, которые какой то человѣкъ, сновавшій по водѣ въ легкой лодкѣ, зажигалъ зачѣмъ то въ разныхъ мѣстахъ, надъ моремъ...

Потомъ, опять будто во снѣ, послышались голоса, крики, звонкій смѣхъ. Нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ, въ странныхъ костюмахъ, съ обнаженными руками и ногами до колѣнъ, появились изъ маленькихъ деревянныхъ будокъ, построенныхъ на берегу, и, взявшись за руки, кинулись со смѣхомъ въ волны, расплескивая воду, которая брызгала у нихъ изъ-подъ ногъ тяжелыми каплями, точно расплавленное серебро. Еще сильнѣе закачались зыбкіе гребни, еще быстрѣе запрыгали въ водѣ огни, перемѣшиваясь съ цвѣтными клочками неба и мѣсяца, а лодки подъ фонарями, черныя, точно изъ цѣльнаго угля,—забились и запрыгали на верхушкахъ...

Матвѣю все казалось, что онъ спитъ или грезитъ. Чужое небо, незнакомая красота чужой природы, чужое, непонятное веселье, чужой закатъ и чуждое море—все это расслабляло его усталую душу...

— Господи, Иисусе, святая дѣва...

— Всякое дыханіе... Помилуй меня грѣшнаго.

Потихоньку бормотаніе страннаго человѣка стихало. Онъ дѣйствительно спалъ, откинувшись на спину, на откосѣ...

XX.

Проснулся онъ внезапно, точно кто толкнулъ его въ бокъ,— вскочилъ и, не отдавая себѣ отчета, куда и зачѣмъ, пошелъ опять къ дорогѣ. Море совсѣмъ угасло, на берегу никого не было, дорога тоже была пуста. Котѣджи спали, освѣщаемые мѣсяцемъ сверху, спали также высокія незнакомыя деревья съ густою тяжелою зеленью, спало недопаханное квадратное поле, огороженное проволокой, спала прямая дорога, бѣлѣвшая и искрившаяся блѣдною полоской...

Послышался звонъ. Вагонъ вынырнулъ на свѣтъ изъ тѣнъ деревьевъ и подрагивая, позванивая, гудя, какъ ночной жукъ пробѣжалъ мимо. Матвѣй посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Лошади не было, не было ни трубы, ни дыма, ни пара. Только верху, откинувшись спереди назадъ, точно щупальце это страннаго животнаго изъ стекла, желѣза и дерева,—торча

желѣзный стержень съ утолщеніемъ на концѣ. Онъ какъ будто хватался вверху за тонкую проволоку, чуть видную въ темномъ воздухѣ, и всякій разъ, какъ ему встрѣчался узелъ,—на его верхушкѣ вспыхивала яркая, синеватая искра.

Вагонъ уменьшался, стихалъ его гудящій звонъ, и искорки блѣднѣли и угасали вдаль, а изъ тѣни уже подходилъ другой, такъ же гудя и позванивая.

Это должно быть былъ уже послѣдній и шель почти пустой. Полусонный кондукторъ, замѣтивъ одинокую фигуру на дорогѣ, позвонилъ, вагонъ задрожалъ, заскрежеталъ на рельсахъ и замедилъ ходъ. Кондукторъ наклонился, взявъ Лозинскаго подъ локоть и посадилъ на скамью. Лозинскій подавъ монету, раздался металлическій звонокъ счетчика, и вагонъ опять покатился, а мимо убѣгали назадъ коттеджи, сады, переулки, улицы. Сначала все это спало или засыпало. Потомъ какъ будто пробуждалось, гремѣло, говорило, свѣтилось. На небѣ разливалось зарево. Замелькали окна, уходя все выше и выше къ небу.

— Бриджъ,—сказалъ кондукторъ. Матвѣй вышелъ, сожалея, что нельзя ѣхать такимъ образомъ вѣчно. Передъ нимъ зіяло опять, точно пещера, устье Бруклинскаго моста. Вверху пыхтя, опять завернулся локомотивъ и подхватилъ поѣздъ. Въ лѣвой сторонѣ вкатывались вагоны канатной дороги, справа выбѣгали другіе, а рядомъ въѣзжали фургоны и шли рѣдкіе пѣшеходы...

Матвѣй остановился, подумалъ и опять смѣшался съ этимъ потокомъ.

Дойдя до половины моста, онъ остановился. Въ ухахъ у него шумѣло, въ головѣ что то ворочалось. Мимо бѣжали поѣзда, вагоны, коляски, мостъ гудѣлъ и было страшно слушать тонкіе свистки пароходовъ, долетавшіе снизу—такъ они казались далеко и глубоко, въ какой то безднѣ, переполненной снующими огоньками... А въ небо уходили два гигантскихъ пролета, съ которыхъ спускались канаты невиданной толщины. Цѣлая сѣть желѣзныхъ стержней, которые казались Матвѣю съ корабля такой красивой паутинкой, тянулись отъ канатовъ, поддерживая мостъ навѣсу. Изъ-за нихъ едва можно было разглядѣть рѣчку, сливавшуюся съ заливомъ въ одно серебристое сіяніе, въ которомъ утопали и изъ котораго виднѣлись опять огни пароходовъ. И дальше тысячи огней, какъ звѣзды, висѣли надъ водой, уходя вдаль, туда, гдѣ новые ни горѣли въ Нью-Джерси. И среди всего этого моря ня, вдалькѣ, острые глаза Матвѣя едва различили круглую ненную діадему и факель свободы. Ему казалось, что онъ дить въ синеватомъ свѣтѣ и голову мѣдной женщины, и подгую руку. Но это уже свѣтилось слабо, чуть-чуть мерцаая, съ недавніе дни съ мечтами о счастья на чужой сторонѣ..

Въ черной громадѣ пролета, точно нора, свѣтилось оконце мостового сторожа, и самъ онъ, какъ ничтожный свѣтлякъ, выползъ изъ этой норы, съ фонаремъ. Онъ тотчасъ же увидѣлъ на мосту иностранца, а это всегда нравится американцу. Сторожъ похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ.

— Нелзя ли у тебя переночевать? — спросилъ Матвѣй усталымъ голосомъ.

— О уаль!—отвѣтилъ тотъ по своему и сталъ объяснять Матвѣю, что Америка больше всего остального свѣта, — это извѣстно. Нью-Йоркъ самый большой городъ Америки, а этотъ мостъ самый большой въ Нью-Йоркѣ. Изъ этого Матвѣй, если бы понималъ слова сторожа, могъ бы заключить, чего стоятъ остальные мостишки передъ этимъ.

Потомъ сторожъ поглядѣлъ въ глаза страннаго человѣка, прочелъ въ нихъ тоску, вмѣсто удивленія, и мысли его приняли другое направленіе... Конечно, если уже человѣку жизнь не мила, то пожалуй лестно кинуться съ самаго большого моста въ свѣтъ, но во 1-хъ, это трудно,—не перелѣзешь черезъ эту сѣть проволоки и канатовъ, а во-2-хъ, мостъ построенъ совсѣмъ не для этого. Все это сторожъ объяснилъ Матвѣю, а затѣмъ довольно рѣшительно повернулъ его и сталъ провожать, поталкивая свади. Впрочемъ, странный человѣкъ пошелъ, какъ машина, туда, гдѣ надъ городомъ стояло зарево и, точно вѣнецъ, плавало въ воздухѣ кольцо электрическихъ огней надъ зданіемъ газетнаго дома...

За мостомъ онъ уже безъ приглашенія кондуктора взобрался въ вагонъ, на которомъ стояла надпись: Central park. Спокойное сидѣніе и ровный бѣгъ вагона манили неволью безпріютнаго человѣка, а куда ѣхать, — ему было теперь все равно. Только бы ѣхать, чѣмъ дольше, тѣмъ лучше, не думая ни о чемъ, давая отдыхъ усталымъ ногамъ, пока дремота налетаетъ вмѣстѣ съ ровнымъ постукиваніемъ колесъ...

Ему было очень непріятно, когда постукиваніе вдругъ прекратилось и передъ нимъ всталъ кондукторъ, взявшій его за рукавъ. Онъ опять вынулъ деньги, но кондукторъ сказалъ — No,—и показалъ рукой, что надо выйти.

Матвѣй вышелъ, а пустой вагонъ какъ-то радостно закатился по кругу. Кондукторъ гасилъ на ходу огни, окна вагона точно зажмуривались и скоро Матвѣй увидѣлъ, какъ онъ вкатился во дворъ станціи и сталъ подъ навѣсомъ, гдѣ покрытые тѣнью, отдыхали другіе такіе же вагоны...

Здѣсь было довольно тихо. Луна стала совсѣмъ маленька: и синяя ночь была довольно темна, хотя на небѣ виднѣлись звѣзды, и большая, еще незастроенная площадь, около Центрального парка смутно бѣлѣла подъ серебристыми лучами

Далекіе дома перемежались съ пустырями и заборами и только въ одномъ мѣстѣ какой-то гордый человѣкъ вывелъ домъ этажей въ шестнадцать, высившійся черною громадой, весь обставленный еще лѣсами... Эта вавилонская башня рѣзко рисовалась на заревѣ отъ освѣщеннаго города...

До ушей Матвѣя донесся шумъ деревьевъ. Лѣсъ всегда тянетъ къ себѣ безпріютнаго бродягу, а Матвѣй Лозинскій чувствовалъ себя теперь настоящимъ бродягой. Поэтому онъ быстро повернулся и пошелъ къ парку. Если-бы кто смотрѣлъ на него въ это время съ площади, то могъ-бы видѣть, какъ бѣлая одежда то теряется въ тѣни деревьевъ, то мелькаетъ опять на мѣсячномъ свѣтѣ.

Онъ шелъ такъ нѣсколько минутъ и вдругъ остановился. Передъ нимъ поднималась въ чащѣ огромная клетка изъ тонкой проволоки, точно колпакомъ покрывшая дерево. На вѣтвяхъ и перекладинахъ сидѣли и тихо дремали птицы, казавшіяся какими-то сѣрыми комками. Когда Матвѣй подошелъ поближе, большой коршунъ поднялъ голову, сверкнулъ глазами и лѣниво расправилъ крылья. Потомъ опять усѣлся и втянулъ голову между плечъ.

Матвѣй отошелъ, боясь, чтобы птицы не подняли возню. Онъ ступалъ тихо и оглядывался, ища себѣ пріюта. Вскорѣ передъ нимъ забѣлѣло продолговатое зданіе. Половина его была темная и Матвѣю показалось, что это какой-нибудь сарай, гдѣ можно свернуться и заснуть до утра. Но, подойдя, онъ опять увидѣлъ желѣзную рѣшетку, отъ которой отскочилъ въ испугѣ. Изъ-за нея сверкнули на него огнемъ два глаза. Большой, сѣрый волкъ стоялъ надъ спящею волчицей и зорко слѣдилъ за человѣкомъ въ бѣлой одеждѣ, который бродить неизвѣстно зачѣмъ ночью, около звѣринаго жилия.

Въ то же время откуда-то изъ тѣни человѣческой голосъ сказалъ что-то по-англійски рѣзко и сердито. Матвѣю этотъ окрикъ показался хуже ворчанія лѣсного звѣря. Онъ вдрогнулъ и пугливо пошелъ опять къ опушкѣ. Тутъ онъ остановился и погрозилъ кулакомъ. Кому? Неизвѣстно, но человѣкъ безъ языка чувствовалъ, что и въ немъ просыпается что-то волчье...

XXI.

Легкое журчаніе воды потянуло его дальше. Это струился въ бассейнъ плохо прикрытый фонтанъ. Вода сочилась кверху, утло сонная, и то поднимаясь, то падала совсѣмъ низко, труйка звенѣла и плескалась. Матвѣй склонился къ водоому сталъ жадно пить. Потомъ онъ снялъ шапку и переkre-

стился, рѣшившись лечь тутъ же въ кустахъ. Издалека, въ тишинѣ ночи, до него донесся свистокъ... Можетъ быть это еще одинъ пароходъ пришелъ изъ старой Европы и привезъ сюда людей, которые прѣехали искать въ этой Америкѣ своего счастья,—и теперь смотреть на огромную статую съ поднятой рукой, въ которой чуть не подь облаками свѣтится факель... Только теперь лозицианину казалось, что онъ освѣщаетъ входъ въ огромную могилу.

Онъ еще разъ, съ сокрушеніемъ, снявъ шапку и глядя въ звѣздное небо, перекрестился. Потомъ бережно положилъ около себя кусокъ хлѣба, съ которымъ все не разставался,— и легъ въ кусты. Все стихло, все погасло, все заснуло на площади, около звѣринца и въ паркѣ. Только плескалась струйка воды, да гдѣ-то вскрикивала въ клѣткѣ ночная птица, да въ кустахъ шевелилось что-то бѣлое, и порой человѣкъ бормоталъ во снѣ что-то печальное и сердитое, можетъ быть молитву, или жалобы, или проклятія.

Ночь продолжала тихій бѣгъ надъ землей. Поплыли въ высокому небѣ бѣлыя облака, похожія на наши. Луна закатилась за деревья, становилось свѣжѣе и какъ будто свѣтлѣло. Отъ земли чувствовалась сырость...

XXII.

Послышались шаги, кто-то раздвинулъ кусты, въ которыхъ виднѣлась бѣлая одежда. Матвѣй поднялъ голову и глаза его встрѣтились съ черными глазами какого-то человѣка, который стоялъ надъ нимъ и глядѣлъ на него, немного удивленный.

Это былъ тоже ночной бродяга, какой-нибудь несчастливый, которому, видно, не повезло въ этотъ день, а можетъ не везло уже много дней и теперь не было нѣсколькихъ центовъ, чтобы заплатить за ночлегъ. Можетъ быть это былъ тоже человѣкъ безъ языка, какой-нибудь бѣдняга-итальянецъ, одинъ изъ тѣхъ, что идутъ сюда дѣльными стадами изъ своей благословенной страны, бѣдные, темные, какъ и наши, и съ такой же тоской о покинутой родинѣ, о родной бѣдѣ, подь роднымъ небомъ. А можетъ—одинъ изъ безработныхъ, выкинутыхъ этимъ огромнымъ потокомъ, который лишь ненадолго затихъ тамъ, въ той сторонѣ, гдѣ высидись эти каменные вавилонскія башни и зарево огней тихо догорало, какъ будто и оно засыпало передъ разсвѣтомъ. Можетъ быть и этого человѣка грызла тоска, можетъ быть его уже не носили ноги, можетъ быть его сердце уже переполнилось тоской одиночества, можетъ быть его просто томилъ голодъ и онъ радъ-бы

былъ куску хлѣба, которымъ могъ-бы съ нимъ подѣлиться Лозинскій. Можетъ быть и онъ могъ-бы указать лозицианину какой-нибудь выходъ...

Можетъ быть... Мало-ли что можетъ быть! Можетъ быть эти два человѣка нашли-бы другъ въ другѣ братьевъ до конца своей жизни, если-бы они обмѣнялись нѣсколькими словами въ эту тихую, теплую, сумрачную ночь.

Но человѣкъ безъ языка шевельнулся на землѣ такъ, какъ недавно шевельнулся ему навстрѣчу волкъ въ своей клѣткѣ. Онъ подумалъ, что это тотъ, чей голосъ онъ слышалъ недавно, такой рѣзкій и враждебный. А если и не тотъ самый, то другой американецъ, одинъ изъ тѣхъ людей, что забыли Бога, что смѣются въ церквахъ, что дерутся, какъ Пади, что жемчатся на еврейкахъ въ синагогахъ, что строятъ вавилонскія башни, что рвутъ другъ другу горла и называютъ это свободой, которою заманиваютъ простодушныхъ людей въ свою страну...

Онъ поднялъ голову съ враждой на душѣ, и четыре человѣческихъ глаза встрѣтились съ выраженіемъ недовѣрія и испуга...

— Джерменъ, — спросилъ незнакомецъ глухимъ голосомъ... — Тэдеско, итальяно?..

— Что тебѣ нужно? — отвѣтилъ Матвѣй. — Неужели и здѣсь не дашь человѣку минутку покоя...

Незнакомецъ тихо выпустилъ вѣтку, кусты сдвинулись. Незнакомецъ исчезъ.

Онъ исчезъ и шаги его стали стихать... Матвѣй быстро приподнялся на локтѣ съ какимъ-то испугомъ. Уходить, — подумалъ онъ. — А что же будетъ дальше... И ему захотѣлось вернуть этого человѣка. Но потомъ онъ подумалъ, что вернуть нельзя, да и незачѣмъ. Все равно — не пойметъ ни слова.

Онъ слушалъ, какъ шаги стихали, потомъ стихли, и только деревья что-то шептали передъ разсвѣтомъ въ сгустившейся темнотѣ... Потомъ съ моря надвинулась мгlistая туча и пошелъ дождь, нечастый и теплый, покрывшій весь паркъ плесканіемъ капель, шорохомъ листьевъ, тихими плесками и журчаніемъ. Сначала этотъ шорохъ слышали два человѣка въ Центральномъ паркѣ, а потомъ только одинъ. Другого на утро ранняя заря застала висящимъ на одномъ изъ шептавшихъ деревьевъ, съ страшнымъ, посинѣвшимъ лицомъ и застывшимъ гекляннымъ взглядомъ.

Это былъ тотъ, что подходилъ къ кустамъ, заглядывая на ѣзжавшаго лозицианина. Человѣкъ безъ языка увидѣлъ его первымъ, поднявшись съ земли отъ холода, отъ сырости, отъ вѣски, которая гнала его съ мѣста. Онъ остановился передъ кустомъ, какъ вкопанный, невольно перекрестился и быстро по-

бѣжалъ по дорожкѣ, съ лицомъ, блѣднымъ, какъ полотно, и съ испуганными, сумасшедшими глазами... Можетъ быть ему было жалко, а можетъ быть также... онъ боялся попасть въ свѣдѣтели... Что онъ скажетъ, онъ, человѣкъ безъ языка, безъ паспорта судьямъ этой проклятой стороны...

Въ это время его увидѣлъ сторожъ, который, зѣвая, потягивался подъ своимъ навѣсомъ. Онъ подивился на странную одежду огромнаго человѣка, вспомнилъ, что какъ будто видѣлъ его ночью около волчьей клѣтки, и потомъ съ удивленіемъ разсматривалъ огромные слѣды огромныхъ сапогъ лопищанина на сырой, песчаной дорожкѣ...

XXIII.

Въ это утро безработные города Нью-Йорка рѣшили устроить митингъ около Центрального парка. Такъ какъ у безработныхъ времени всегда больше чѣмъ имъ нужно, то они обыкновенно собираются на свои митинги значительно ранѣе назначеннаго часа. Однако, еще ранѣе явился на мѣсто репортеръ. Онъ первый увидѣлъ мертвое тѣло, висѣвшее въ тѣни, въ чащѣ,— и быстро сдѣлавши набросокъ или отмѣтку въ своей записной книжкѣ, кинулся въ редакцію.

Дождь давно прошелъ, и солнце поднялось довольно высоко, когда изъ сосѣднихъ улицъ стали сходитья какіе-то господа въ пиджакахъ, правда, довольно потертыхъ, въ скуртукахъ, правда довольно засаленныхъ, въ шляпахъ, правда порядочно измятыхъ, въ крахмаленныхъ, правда довольно грязныхъ, рубашкахъ. Они собирались къ фонтану, затѣмъ узнавали отъ ранѣе пришедшихъ о самоубійцѣ и, какъ муравьи, снова шли взадъ и впередъ между чащей и фонтаномъ...

Часамъ къ восьми уже все это мѣсто кишѣло толпой, которая все прибывала... Невдалекѣ отъ ночлега Лозинскаго—расположилась теперь банда черномазыхъ и густоволосыхъ людей, болѣе оборванныхъ, чѣмъ остальные. Глаза, какъ сливы, смуглыя лица, небольшія шляпы, едва прикрывавшія буйныя кудри, и языкъ, какъ музыка, мягкій и мелодичный,—все это казалось не здѣшнимъ. И дѣйствительно, это были итальянцы. Они лежали на просохшей травѣ въ безпечныхъ и лѣнливыхъ позахъ, но ихъ видъ, рѣзкія движенія и шумный говоръ, прорывавшіеся порой изъ подъ безпечной лѣни,—не предвѣщали повидимому ничего особенно хорошаго.

Къ девяти часамъ толпа залила всю площадку,—и въ пространство между фонтаномъ и деревомъ представлялось однимъ муравейникомъ. Надъ толпой стояла тонкая пыль, взбитая тысячами ногъ, надъ толпой стоялъ гулъ, точно это гудѣ-

рой большихъ пчель, и людскіе крики порой скрещивались въ воздухѣ, точно гдѣ-то тутъ стучали стальные сабли...

Ободренный всѣмъ этимъ, Лозинскій вышелъ тоже изъ чащи и, стоя немного въ сторонѣ, сталъ смотрѣть, что это будетъ.

Около дерева, гдѣ висѣлъ человѣкъ, началось движеніе. Суровые и важные, туда прошли полисмены въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ. Надъ ними смѣялись, ихъ закидали враждебными криками и остротами, но они не обращали на это вниманія. Только около самаго дерева произошло какое-то движеніе, — сѣрыя каски какъ-то странно толклись между черными, рыжими и пестрыми шляпенками, потомъ подымались кверху и опускались деревянные палки и что-то суетливо топталось и шарахалось. Потомъ мертвое тѣло колыхнулось, голова мертвеца вдругъ выступила изъ тѣни въ свѣтлое пятно, потомъ поникла, а тѣло, будто произвольно, тихо опустилось вровень съ толпой.

Матвѣй снялъ шапку и перекрестился. А въ это время, съ другой стороны, съ площади послышались вдругъ звуки музыки. Повернувъ туда голову, лозищанинъ увидѣлъ, что изъ переулка, на той сторонѣ площади, около большой постройки, выкатился клубъ золотистой пыли и покатился къ парку. Точно гнали стадо, или пло большое войско. А изъ облака неслись звуки музыки, то порой стихая, — и тогда слышался какъ будто одинъ только гулкій топотъ тысячи ногъ, — то вдругъ вылетая впередъ визгомъ кларнетовъ и мѣдныхъ трубъ, стукомъ барабановъ и звономъ литавровъ. Впереди бѣжали двумя рядами уличные мальчишки, а за ними шель высокій тамбуръ-мажоръ, выдѣлывая тактъ большимъ жезломъ. За нимъ двигались рядами музыканты, съ раздутыми и красными щекками, въ каскахъ съ перьями, въ цвѣтныхъ мундирахъ съ огромными эполетами на плечахъ, расшитые и изукрашенные до такой степени, что, кажется, не оставалось на нихъ ни клочка, чѣмъ нибудь не расцвѣченнаго, не завѣшаннаго какимъ нибудь галуномъ или позументомъ.

Матвѣй думалъ, что далѣе онъ увидитъ отрядъ войска, и у него мелькнула даже мысль, какъ бы, — кто ихъ знаетъ — не вышло у этихъ людей какой-нибудь неприятели. Но, когда пыль стала ближе и прозрачнѣе, онъ увидѣлъ, что за музыкой идутъ сначала рядами, а потомъ какъ попало, въ безпорядкѣ — э такіе-же пиджаки, такія-же мятые шляпы, такія-же пыльная и полинялыя фигуры. А впереди всей этой пестрой толпы, соко надъ ея головами, плыветъ и колыхнется знамя, рѣшленное на высокой платформѣ. Кругомъ знамени, точно ража, стояло съ десятокъ людей, которые, такимъ образомъ, гались вмѣстѣ съ толпой...

Гремя, стуча, колыхаясь, подъ яркіе звуки марша, подъ

неистовые крики и свистъ ожидавшаго народа, знамя подошло къ фонтану и стало. Складки знамени колыхнулись и упали и только ленты стали шевелиться по вѣтру, да порой полотнище плескалось, и на немъ струились золотыя буквы...

Тогда въ толгѣ поднялся настоящій пабашъ. Одни звали новыхъ пришельцевъ къ дереву, гдѣ висѣлъ недавно самоубійца, другіе хотѣли остаться. Знамя опять колыхнулось, платформа поплыла за толпой, но скоро вернулась назадъ, какъ будто кто отразилъ оттуда приступъ этого отряда...

Когда пыль, поднятую этой толкотней, пронесло дальше къ площади,—знамя опять стояло неподвижно, а подъ знаменемъ стоялъ человекъ, широко развѣвалъ ротъ и что-то кричалъ шумѣвшему кругомъ народу.

Потомъ, на край платформы выступилъ другой—и тотчасъ же все смолкло. Это былъ человекъ небольшого роста, коренастый, съ выразительнымъ лицомъ и черными глазами кожанина. У него былъ удивительный голосъ, сразу, безъ всякихъ усилій покрывшій шумъ этой толпы...

Молчаніе стало еще глубже, когда онъ, продолжая говорить, протянулъ руку, къ большому дереву, склонившемуся надъ кустами, гдѣ недавно висѣлъ самоубійца.

Въ груди у Матвѣя что-то дрогнуло. Этотъ человекъ говорить о немъ, о томъ, кто ходилъ этой ночью, по парку, несчастный и безпріютный, какъ и онъ, Лозинскій, какъ и всѣ эти люди съ истомленными лицами. О томъ, кого, какъ и ихъ всѣхъ, выкинулъ сюда этотъ безжалостный городъ, о томъ, кто спрашивалъ у него недавно глухимъ голосомъ: джермень, тѣдеско, итальяно? О томъ, кто бродилъ недавно со своей глубокой тоской и кого теперь уже нѣтъ—на этомъ свѣтѣ.

Было слышно, какъ вѣтеръ тихо шелеститъ листьями, было слышно, какъ порой тряхнется и глухо ударитъ по вѣтру своими складками огромное полотнище знамени... А рѣчь человека, стоявшаго подъ знаменемъ, съ обнаженной головой, продолжалась, плавная, задумевная и печальная...

Потомъ онъ повернулся и протянулъ руку къ городу, гнѣвно и угрожающе.

И въ толпѣ будто стукнуло что-то разомъ во всѣ сердца,—произошло внезапное движеніе. Всѣ глаза повернулись туда же, а итальянцы приподнимались на цыпочкахъ, сжимая свои грязные, загорѣлые кулаки, вытягивая свои жилистыя руки.

А городъ, объятый тонкою мглою собственныхъ испареній, стоялъ спокойно, будто тихо дыша и продолжая жить своею обычною, ничѣмъ не возмутимую жизнью. По площади тянулись вагоны, грохотали экспрессы, пыхѣлъ гдѣ-то въ туннелѣ быстрый поѣздъ... Вѣтеръ несъ надъ площадью пыльное облако отъ парка. Облако это точно лента, пронизанная солнцемъ,—

повисло въ половицѣ огромнаго недостроеннаго дома, напоминавшаго вавилонскую башню. Вверху среди дѣсовъ и настоекъ копошились, какъ муравьи, занятые постройкой рабочіе, а снизу то и дѣло подымались огромныя тяжести... Подымались, исчезали въ облакѣ и опять плыли кверху, между тѣмъ какъ внизу гигантскіе краны безшумно ворочались на своихъ основаніяхъ, подхватывая все новыя платформы съ глыбами кирпичей и гранита...

И на все это свѣтило яркое солнце веселаго яснаго дня.

Въ груди лозищанина подымалось что-то незнакомое, неиспытанное, сильное. Въ первый еще разъ въ американской землѣ онъ стоялъ въ толпѣ людей, чувство которыхъ ему было понятно, было въ то же время и его собственнымъ чувствомъ. Это нравилось ему, это его какъ-то странно цекотало, это его подмывало на что-то. Ему захотѣлось еще большаго, ему захотѣлось, чтобы его увидѣли, чтобы узнали его исторію, чтобы эти люди поняли, что онъ ихъ понимаетъ, чтобы они оказали ему участіе, которое онъ чувствуетъ теперь къ нимъ. Ему хотѣлось еще чего-то страннаго, необычнаго, опьяняющаго, ему казалось, что сейчасъ будетъ что-то, отъ чего станетъ лучше всѣмъ, и ему лозищанину, затерявшемуся, точно иголка, на чужой сторонѣ. Онъ не зналъ, куда онъ хочетъ идти, что онъ хочетъ дѣлать, онъ забылъ, что у него нѣтъ языка и паспорта, что онъ бродяга въ этой странѣ. Онъ все забылъ и, ожидая чего-то, все проталкивался впередъ, опьяненный, послѣ одиночества, сознаниемъ своего единенія съ этой огромной массой въ какомъ то общемъ чувствѣ, которое билось и трепетало здѣсь, какъ море въ крутыхъ берегахъ. Онъ какъ-то кротко улыбался, говорилъ что-то тихо, но быстро, и все проталкивался впередъ, туда, гдѣ подъ знаменемъ стоялъ человекъ, такъ хорошо понимавшій всѣ чувства, такъ умѣло колыхавшій ихъ своимъ глубокимъ, проникающимъ голосомъ...

XXIV.

Совершенно неизвѣстно, что сдѣлалъ бы Матвѣй Лозинскій, если-бы ему удалось подойти къ самой платформѣ, и ѣмъ-бы онъ выразилъ оратору, мистеру Гомперсу, волновавшія у чувства. Въ той мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, люди, осяцающіе сермяжныя свиты, имѣютъ обыкновеніе выражать свою любовь и уваженіе къ людямъ въ скюртукахъ—посредствомъ извѣстныхъ, почти до земли, поклоновъ и дѣлованья руки. Очень можетъ быть, что мистеръ Гомперсъ получилъ бы это проявленіе удивленія къ своему ораторскому искусству, если-бы роковой случай не устроилъ это дѣло иначе, а именно такъ, что

ранѣе мистера Гомперса, председателя одной изъ рабочихъ ассоціаций и искуснаго оратора, на пути лозичанина оказался мистеръ Гопкинсъ, бывшій боксеръ и полисменъ. Мистеръ Гопкинсъ, на ряду съ другими людьми въ сѣрыхъ каскахъ и съ клобами въ рукахъ,—стоялъ неподвижно, какъ статуя, и разумѣется, не былъ тронуть краснорѣчіемъ мистера Гомперса. Нью-Йоркская полиція отлично знала этого популярнаго джентльмена и дѣйствіе его краснорѣчія оцѣнивала съ своей точки зрѣнія. Она знала, что мистеръ Гомперсъ человѣкъ очень искусный и никогда въ своихъ словахъ не «выйдетъ изъ порядка». Но за-то—таково было обычное дѣйствіе его слова,—его слушатели выходили изъ порядка слишкомъ часто. Безработные всегда склонны къ этому въ особенности, а сегодня вдобавокъ, отъ этого проклятаго дерева, на которомъ полиція прозѣвала повѣсившагося бѣднягу и позволила ему висѣть «внѣ всякаго порядка» слишкомъ долго,—на толпу вѣяло чѣмъ-то особеннымъ. Между тѣмъ давно уже не бывало митинга такого многочисленнаго и каждому полисмену, въ случаѣ свалки, приходилось бы имѣть дѣло одному на сто.

Въ такихъ случаяхъ, полиція держится крѣпко на-сторожѣ, слѣдя особенно за иностранцами. Пока все въ порядкѣ,—а въ порядкѣ все, пока дѣло ограничивается словами, хотя-бы и самыми страшными, и жестами, хотя-бы очень драматическими—до тѣхъ поръ полисмены стоятъ въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ, позволяя себѣ порой даже знаки одобренія въ особенно удачныхъ мѣстахъ рѣчи. Но лишь только въ какой нибудь части толпы явится стремленіе перейти къ дѣлу и «выйти изъ порядка»—полиція тотчасъ-же занимаетъ выгодную позицію нападающей стороны. И клобы пускаются въ ходъ быстро, рѣшительно, для многихъ съ самой прискорбною неожиданностью...

И—таковъ уже обычай, а можетъ быть и просто инстинктъ этой толпы, не знающей еще, что-бы она сдѣлала тамъ, куда ее не пускаютъ полисмены,—что граждане великой республики повидимому не очень гоняются за лишнимъ ударомъ полицейскаго клона, считая его чѣмъ то вродѣ неудачнаго бокса. И толпа порой тысячъ въ двадцать отстываетъ передъ сотней другою палокъ, причѣмъ задніе, иногда даже улыбаясь, бѣгутъ, закрывая, на всякій случай, головы руками...

Матвѣй Лозинскій, разумѣется, не зналъ еще, къ своей несчастью, мѣстныхъ обычаевъ. Онъ только шелъ впередъ, раскрытымъ сердцемъ, съ какими-то словами на устахъ, надеждой въ душѣ. И когда къ нему внезапно повернулъ высокій господинъ въ сѣрой шляпѣ, когда онъ увидѣлъ, что это опять вчерашній полипейскій,—онъ излилъ на него все чувство, которое его теперь переполняло: чувство огорченія

обиды, беспомощности и надежды на чью-то помощь. Одним словомъ, онъ поклонился и хотѣлъ поймать руку мистера Гопкинса своими губами.

Мистеръ Гопкинсъ отскочилъ шагъ назадъ и—клобъ свистнулъ въ воздухъ.... Въ толпѣ рѣзко прозвучалъ первый ударъ...

Лозищанинъ внезапно поднялся, какъ настоящій медвѣдь изъ пущи. Это неожиданное оскорбленіе и боль переполнили чашу терпѣнія въ душѣ большого, сильнаго и кроткаго человѣка. Въ этомъ ударѣ для него вдругъ сосредоточилось все то, что онъ пережилъ, почувствовалъ, перестрадалъ за это время, вся ненависть и гнѣвъ бродяги, котораго, наконецъ, затравили, какъ дикаго звѣря.

Неизвѣстно, зналъ-ли мистеръ Гопкинсъ индѣйскій ударъ, какъ Падди, во всякомъ случаѣ и онъ не успѣлъ прижмнуть его во время. Передъ нимъ поднялось что-то огромное и дикое, поднялось, навалилось—и полисмень Гопкинсъ упалъ на землю, среди толпы, которая вся уже волновалась и кипѣла... За Гопкинсомъ послѣдовалъ его ближайшій товарищъ, а черезъ нѣсколько секундъ огромный человѣкъ, въ невиданной одеждѣ, лохматый и дикій, одинъ опрокинулъ ближайшую цѣпь полицейскихъ города Нью-Йорка... За нимъ, съ громкими криками и горящими глазами кинулись первые итальянцы. Американцы оставались около знамени, гдѣ мистеръ Гомперсъ напрасно надрывалъ грудь призывами къ порядку, указывая въ то-же время на одну изъ надписей: порядокъ, спокойствіе, дисциплина!

XXV.

Была одна минута, когда, казалось, городъ дрогнулъ подъ вліяніемъ того, что происходило около Central park'a... Уѣзжавшіе вагоны заторопились, встрѣчные остановились въ нерѣшимости, перестали вертѣться краны, и муравьи на постройкѣ, надъ золотистымъ облачкомъ, которое все стояло, растягиваясь и утончаясь,—перестали ползать взадъ и впередъ... Рабочіе смотрѣли съ любопытствомъ на толпу, опрокинувшую полицію и готовую ринуться черезъ площадь на ближайшія знія и улицы.

Но это была только минута. Площадь была во власти дпы, но толпа совершенно не знала, что-же она станетъ длатъ съ этой площадью. Между тѣмъ, большинство осталось доло знамени и понемногу голова толпы, которая, точно змѣя, тянулась было по направленію къ городу,—опять притяну-тъ къ туловищу. Затѣмъ, послѣ короткаго размышленія,—

вожаки рѣшили, что митингъ сорванъ, и, составивъ наскоро резолюцію, протестующую противъ дѣйствій полиціи, они двинулись обратчю. Впереди, какъ ни въ чемъ не бывало, опять выстроился наемный оркестръ, и облако пыли опять покатилося вмѣстѣ съ музыкой черезъ площадь. А за нимъ сомкнутымъ строемъ шли полицейскіе, ободрительно помахивая клобамъ и поощряя отстававшихъ...

Черезъ полчаса паркъ опустѣлъ; подъемные краны опять двигались на своихъ основаніяхъ, рабочіе опять сновали чуть не подъ облаками на постройкѣ, опять мѣрно прокатывались вагоны, и проѣзжавшіе въ нихъ люди только изъ вечернихъ газетъ узнали о томъ, что было полчаса назадъ на этомъ мѣстѣ. Только сторожа ходили около фонтана, качая головами и ругаясь за помятые газоны...

Вл. Короленко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗВУКИ НОЧИ.

До зари я забыться не могъ.
Я внималъ въ безотчетной печали
Звукамъ ночи, что въ мой уголокъ
Въ безнадежной тоскѣ проникали
И, какъ волны, стенья,
За окномъ у меня
Каждый мигъ все сильнѣй прибывали.

Точно море невидимыхъ слезъ,
Жгучихъ стоновъ и робкихъ моленій
Этой ночью тоскливо слилось
Въ отголосокъ ужасныхъ мученій,
И во тьмѣ ледяной
Проносились толпой
Рои блѣдныхъ и страшныхъ видѣній..

Жгли мнѣ душу упрекомъ нѣмымъ
Ихъ отъ слезъ потускнѣвшіе взоры,
И неслись къ небесамъ голубымъ
Этихъ звуковъ нестройные хоры,
И, казалось, земля,
О возмездьи моля,
Небесамъ посылала укоры.

И меня на борьбу за собой
Звали блѣдныя тѣни, какъ брата,

На борьбу съ беспощадною тьмой
Противъ злобы, насилья, разврата.
И, клянусь! Я готовъ
Быть средь полчищъ враговъ
Умереть благородно и свято.

Ночь блѣднѣла и гасла... Вдали
Алымъ заревомъ небо пылало,
И печальныя тѣни ушли,
И тревожная ночь замолчала,
И опять я, какъ рабъ,
Сталъ безсиленъ и слабъ,
И лишь сердце о чемъ-то рыдало...

А. Федоровъ.

И Д О Л Ъ.

(Разсказъ).

I.

— Какъ? Развѣ вы жепаты, Матвѣй Егорычъ?

— Женать, голубчикъ, женать...

— И не живете съ женой?

— Давно врозь живемъ...

— Отчего-жъ такъ? секретъ?

— Какой секретъ! У насъ нѣтъ секретовъ... Такъ ужъ вышло, голубчикъ... Человѣка пожалѣлъ... Да... Что ты будешь дѣлать!..

Мы смотримъ съ полъ-минуты другъ на друга и умолкаемъ. На свѣжой зелени фуксій играетъ вечернее пасхальное солнышко; на столѣ заунывно поетъ самоваръ; до поѣзда времени бездна. Еще успѣемъ наговориться... Каждый изъ насъ занятъ собственными мыслями. Я поглядываю на своего собесѣдника и думаю—какъ мало онъ измѣнился съ первой встрѣчи со мною. А вѣдь ужъ давно это было! Мы оба могли назваться тогда мальчиками. Онъ сидѣлъ на пнѣ близъ дороги, мокрый, иззябшій, но точно не замѣчающій своего положенія,—и повторялъ торжественно:—«бьешь?—бей! Наслѣдства лишишь?—лишай! А всетаки у меня борозда прямая!» Я ѣхалъ мимо,—предложилъ ему мѣсто въ таратайкѣ, подвезъ, разспросилъ. «Прямая борозда» заключалась въ томъ, что, по особенностямъ своего положенія—«довѣренный на тятенькиномъ постояломъ дворѣ»—нѣ долженъ былъ «опутывать» подлежащую публику: мужиковъ, везущихъ овесъ и сѣно въ городъ, извозчиковъ, возвращающихся изъ города съ набитыми кошельми и т. д., а онъ того не дѣлалъ, предпочитая поступать «по-божески», хотя и знавалъ, что «грѣшить противъ тятеньки». Долго «тятенька» эсталь себя по лбу въ недоумѣннн—какъ у него «идоль»

такой уродился («Еще въ школу отдавал!»), долго пробо-
 валь разныя отеческія «средствія» — до табуретокъ включи-
 тельно — и, наконецъ, плюнулъ.. Въ одно осеннее утро разы-
 гралась слѣдующая сцена: — «Гдѣ у тебя ключи? — При мнѣ, тя-
 тенька. — Отдай Гараськѣ. Гараська, прими. Снимите съ него
 пиджакъ. Стойте; самъ пусть сниметъ. Гараська, напяль. И
 сапоги сними. Гараська, надѣнь. А моему идолу дайте лапти.
 Домой! Въ Жаброво! Вставать съ работниками: слышишь? Что
 они будутъ ѣсть — то и ты. Не умѣлъ шить золотомъ, будешь
 бить молотомъ. Проваливай!» — Да мнѣ-то что! восклицалъ во-
 сторженно Матвѣй, прыгая рядомъ со мною на таратайкѣ. У
 меня борозда прямая. Мнѣ отца-то жалко. Вѣдь я одинъ у
 него! А ужъ какое ему отъ меня утѣшеніе, — отъ идола? На
 перекресткѣ онъ слѣзъ, оставляя по себѣ впечатлѣніе рѣдкостно-
 чистой, экстатически-настроенной натуры.

И вотъ, когда я, много лѣтъ спустя, снова повстрѣчался
 съ нимъ — я мгновенно узналъ его. Конечно, мы теперь не
 мальчики: онъ постарѣлъ, обросъ черными жиденькими воло-
 сами, — но худощавое наивное лицо было все то-же; тѣ-же
 глаза — задумчивые и восторженные, то-же добродушное выра-
 женіе всей фізіономіи. Только прибавилось счастья въ улыбкѣ, —
 въ мягкомъ, нѣсколько глуховатомъ звукѣ голоса... О! теперь
 вѣдь онъ — не какой-нибудь несчастный купеческій сынокъ,
 а «мірской работникъ», — общеуважаемое лицо. Въ Жабровѣ,
 гдѣ онъ выстроилъ горшечный «общественный заводъ, — гово-
 рять, его не знали въ какой уголь и посадить «о праздникѣ». —
 «Матвѣй Егорычъ! Благодаритель!.. Отецъ!» То-же и въ Горловѣ,
 гдѣ они со старшиной пчель да сады разводили. Осѣчинскіе,
 которыхъ онъ научилъ плести сѣти, посеяться встрѣчаютъ его
 со слезами. Вообще, онъ едва-ли не самый популярный чело-
 вѣкъ во всей округности. И только вотъ съ женой...

— Да что у васъ вышло съ женой, Матвѣй Егорычъ? — про-
 изношу я вслухъ неожиданно.

Въ комнатѣ происходитъ движеніе: Яковъ и Тома, сыновья
 отсутствующаго хозяина, оба — румяные красивые молодцы, со-
 чувственно взглядывають на меня и съ веселыми улыбками
 подсаживаются.

II.

Матвѣй допиваетъ чай изъ стакана, ставитъ его на столъ —
 и съ рѣшительностью, которая показываетъ, что и онъ думалъ
 о томъ же предметѣ, отвѣчаетъ:

— Женился я неладно, голубчикъ, — вотъ что. Чужую жену
 взялъ. Вы спросите — какъ я женился...

И на мой недоумѣвающей вглядъ — почти вскрикиваетъ съ присущей ему живостью:

— Голубчикъ, вѣдь я въ монастырь глядѣлъ! Не сегодня-завтра монашескомъ хотѣлъ быть. Да-съ, сами посудите: пришель я тогда.. *послѣ васъ*.. домой: слава идетъ, люди смѣются:— «Идолъ!.. глупенькій!..» На улицу не выходи.. Особливо мачиха пытала кадило раздувать: чуть что—сейчасъ самому — и ужъ быть мнѣ въ тотъ день трепанному.. Ну понятно: хотѣлось ей Дуню, дочку отъ перваго мужа, къ хозяйству пристроить. До того довели, что отъ людей бѣгать сталъ. Гости на дворъ, а я на поле. Да вѣдь стыдно: годъ идетъ, — другой, третій, четвертый, а я все ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ. Парня давно женить пора.. на дѣвченочку поглядываю.. да гдѣ!.. бесполезно!.. Вотъ ежели ковырь питерскій придетъ, сапоги начищены, съ леденцами да съ орѣшками—на того дѣвушки, какъ голуби на крупу, а кто идоломъ поинтересуется?.. И всетаки повыглядѣлъ я одну, — ни много, ни мало—первую красавицу деревенскую: Танюшкой звали, — да только она меня знать не захотѣла.. Повстрѣчались разъ на загуменьяхъ: я туда-сюда, съ разговорцами, — что-жъ вы думаете? — посмотрѣла на меня.. усмѣхнулась.. и отошла.. Потомъ говорить Дуняшѣ съ обидой съ такой:— «Развѣ я хуже всѣхъ, что вапъ уродъ за мной вяжется?» Я даже рукой махнулъ. Бывало, поглядишь на нее издали:—Безсовѣстная ты, безсовѣстная!—да и на поле: тамъ каждая кочка знакома.. Вотъ когда я надумалъ въ монастырь-то.. И дѣйствительно: и мысли пошли все такія монашескія.. и полюбилось мнѣ черное платье, а что на клиросѣ у дьячка, Карпъ Иваныча, безъ сомнѣнія первый гость: у него голосъ потолще, а у меня потоньше.. ну чудо! Мачиха—обѣими руками.— «И укрѣпи тебя Господь! Свой-бы молитвенникъ!» Сама мнѣ кофейку со сливочками. «Я, говоритъ, —еще дѣвушкой была у Предтечи» —булочки мнѣ подвигаетъ слоенныя— «и какъ тамъ хорошо! Какіе тамъ сады тѣнистые, озера проточныя! А здѣсь въ міру—что: тлѣнь одинъ, червоточина!..» Я ужъ понимаю—въ чемъ дѣло, ну да молчу. И такъ—не мѣсяцъ, не два прошло, а, пожалуй, болѣе года,—и ужъ было мнѣ соніе.. и на яву аки видѣніе и прорицаніе.. и, по молитвѣ моей, черноликихъ иконъ проясненіе.. и ужъ стали люди говорить: — «Никакъ доль нашъ въ святцы хочеть?» —и вдругъ.. все вверхъ дномъ..

Матвѣй развелъ руками.

— Какъ-же такъ?

— Все изъ-за тятеньки..

III.

Прѣзжаетъ онъ разъ какъ-то ночью. А вѣдь надо вамъ знать, какой это человѣкъ былъ!.. Изъ себя — красавецъ, въ плечахъ — косая сажень... Недаромъ у него по семь заведеній за-разъ бывало!.. Иной разъ все спустить, люди смѣются: «Быть сѣну въ бородѣ!» — не таковскій! У одного сотняжку прихватить — «духъ перевести», у другого — и опять такъ зашумѣлъ, и опять такъ загремѣлъ: мѣшками деньги заносили!.. А это ужъ какъ прѣдетъ домой — что твой храмовой праздник!.. Мужиковъ въ лоскъ напоить; бабы прибѣгутъ за мужьями — онъ и тѣмъ на столъ красненькаго... Ну какъ тутъ? — поглядятъ бабы другъ на дружку: — «Дай... слезиночку?» А какъ слезиночку — и пошло гудѣть веретено!.. Случалось въ повось — ѣдетъ кто мимо — крестится: гдѣ сѣно сушатъ, а у насъ хороводы водятъ... вся деревня пьяная. Пастухъ пригонится съ поля — коровъ доить некому. Да такъ сутки пьютъ, другія — пьютъ, — третьи, только чтобы ему ни слова поперекъ. Дѣлай — что хочешь! И вдругъ... поперечина! — Стой!.. Ты мою бабу обнимать? И-и какая тутъ потѣха пойдетъ... ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Тапцнисья иной разъ съ поля, а гости тебѣ съ праздника навстрѣчу: кто безъ шапки, кто безъ бороды... кто хромаетъ... Смѣхъ просто. Да, — весело пожилъ человѣкъ!.. Покуралесилъ на вѣку! Анъ тутъ прѣзжаетъ: вдругъ — тихо! И утро прошло: тихо, — и день прошелъ: тихо; все, можно сказать по хорошему. Мачиха и забеспокоилась: — «Ты, говорить, видно нездоровъ; не надо-ли тебѣ кровь пустить? — я пошлю за фершаломъ»... Поглядѣлъ онъ на нее — а взоръ былъ: рыба дохнетъ! — ну мачиха и съежилась. Я тоже повернулся: — Можетъ, у тятеньки денегъ нѣтъ, такъ я... — «Что-о? До твоихъ денегъ дожилъ? У отца же накраденныхъ?.. Знай край — да не падай!..» Клонулъ разокъ — и опять при-тихъ. Хмѣльнаго — ни-ни. И видимъ мы наконецъ: такъ и есть! — вздохнуть не можетъ, — въ грудяхъ затрудняется. Вотъ причина. Походилъ еще сутки трои и совсѣмъ свалился. Бѣжить ко мнѣ сестра на поле:

— Ступай скорѣе домой: отецъ зоветъ, сердится..

Такъ это я, признаться, струхнулъ: «что? что такое?» — прибѣжалъ: а ничего, — сидитъ на кровати. . Смѣется: — «Ну какъ: нашему чернецу еще молитвы не положено?» — а ужъ не тотъ... ухватка не та... въ глаза глядитъ... — «Вотъ и моя ночь заходить!.. Далъ видно трещину!..» Я говорю: — Богъ милостивъ, батюшка, поправитесь! — Нѣтъ ужъ... Безъ того мнѣ не быть, чтобы къ Ильѣ земли не наквасить... Самъ охаетъ такъ, вздыхаетъ: тошно помирать то!.. Какъ я сказалъ, что не

намѣренъ заведеніями заниматься — у!.. прежде бѣда-бы! — а тутъ покрахтѣль, покрахтѣль:— «Вотъ!.. Наживалъ!.. бился!.. маялся!..» — и ничего... — «Ну, какъ знаешь!..» Долго сидѣль, спустя голову, — да потомъ:— А лѣсная часть? а? Вѣдь тутъ у тебя понятие есть? Неужто пропадать всему? Опять въ глаза глядеть... Ахъ, Боже ты мой! И его-то жалко... да и мачиху тоже — вездѣ кричала: «зять!.. зять!.. Дунинъ мужъ!..» да и въ монастырь бы хорошо... да опять и въ міру... тоже не худо... просто не знаю — что отвѣтить... Однако, — вижу, сердится. — «На смертномъ одрѣ не хочеть отцу уважить!» Взоръ сталъ нехорошій такой. Ну!.. будь что будетъ! — Лѣсная часть за мной, батюшка, останется.— Вѣрно-ли говоришь?— Вѣрно, батюшка...— «Нѣтъ, ты мнѣ образъ со стѣны сними... да краску съ образа слижи — тогда повѣрю». Поцѣловаль я разъ пять Спава Нерукотворнаго. Гляжу — онъ мнѣ ключъ отъ сундука: въ сундукѣ семьсотъ рублей денегъ.— «Ужъ извини: «что есть!» Больше никакъ сколотить не могъ. Да запри, говорить, сундукъ-то. И ключъ подальше спрячь: неравно мачиха... А ко мнѣ въ карманъ положь бѣленькую: пусть ей на голодные зубы, какъ будетъ меня, тепленькаго, обыскивать». Усмѣхнулся. Сходилъ я въ сундукъ; положилъ — какъ онъ приказываль. И такъ у насъ шло все хорошо — нѣтъ таки надо было ему про заборныя книжки вспомнить:— «Много въ долгахъ по книжкамъ распущено!..» Опять заскучаль такъ: жалко...— «Еще кабы ѓ, можетъ, и выжалъ бы тыщи на полторы соку изъ книжекъ, — а ужъ какъ ты — не знаю»... Я говорю:— Какъ нибудь выжмемъ, батюшка! — «Эхъ, ты!.. «Выжмемъ!..» То-оже!.. Кабы ты человекъ былъ... и помирать было-бы легче... А то... кому все?...» Глядитъ кругомъ: не хочется расставаться... Баню, говорить, дострой въ оврагъ-то...— Дострою, батюшка...— А въ тѣхъ двухъ горницахъ на задворки — пусть мачиха живетъ съ Дуняшей — въ случаѣ женишься...— Слушаю, батюшка...— Да ты думаешь-ли жениться? Можетъ, тебя женить надо, — самъ-то не сдогадаешься? Говори сейчасъ: есть у тебя кто нибудь на прицѣлѣ?— Ударило меня въ краску; ничего не идетъ съ языка... — Ну что жъ молчишь? Проси, пока не померь. Такъ и быть, поднимусь еще разъ для тебя, обработаю дѣльце...— Есть, говорю, батюшка.— «Кто такая! Смотри, по вкусу выбирай, на которую болѣе заризишься... Любую выбирай... Покамѣсть во мнѣ эстолько силы есть — скрутить дѣвчонку». Ну я и сказалъ:— «... бы Бахвалову Танюшку»...— Воспитонку? Ничего, дѣвушка и перная. И купцу не стыдно... А ты съ Бахвалихой не завидишь?» — «Нѣтъ, не заводиль»...— «А Танюшку обѣгалъ?» — «Да о! говорю, все въ сторону»... Усмѣхнулся... — «Эхъ, ты че!..» — Рукой меня по щекѣ — такъ благосклонно...— «Какъ

жить станешь... Лапушки не обойти... Ну не хнычь,—твоя будеть... Иди съ Богомъ. Безъ тебя все сдѣлается».

Да вѣдь что-жъ вы думаете? — Матвѣй энергически хлопнул себя по колѣну — вѣдь и сдѣлалось!.. Ну могъ-ли ожидать?.. Такъ... просто на авось было сказано... Однако, на утро гляжу: Бахвалиха! И прямо къ отцу... Господи помилуй!.. Вечеромъ—снова. Отъ него такая, веселая—прямо въ лавочку: крупы!.. муки!.. кофію!.. Потомъ дня черезъ два ѣду съ поля: что мачиха рветъ и мечетъ?—ань опять красный платокъ Бахвалихинъ у отца въ окошкѣ. Потомъ, дня, кажись, еще черезъ два — и отецъ самъ... на-те-ка!.. чуть живъ, а франтомъ такъ — прямо по выгону — на Бахвалиху. Оттуда бредеть — палкой по полу: — «Анисья? Дуня!.. Матюшка гдѣ? Скажите ему—пускай къ невѣстѣ идетъ... Слышите? Да, пускай сразу идетъ, куда я не померъ. Да еще скажите ему: пускай не съ пустыми руками идетъ: на божницѣ—колечко, ситець... А мнѣ шабашъ... Рухнулся на кровать:—Зовите священника!..»

IV.

— Дядя Матвѣй, расскажи какъ ты къ невѣстѣ ходилъ?— началъ просительнымъ тономъ краснощекій Тома, въ то-же время подмигивая мнѣ пребезсовѣстнымъ образомъ.

Матвѣй немного замаялся.

— Ну что тамъ... Дѣло обыкновенное...

— Да ты расскажи—какъ именно?

— Ахъ, Боже ты мой,—извѣстно—какъ... Первымъ дѣломъ выпросилъ у Дуни мыла, помады; давай скоблить руки, чесаться, фасониться... Мачиха принесла мнѣ поддевку отъ отца, часы, жилетку; сама наровить — какъ-бы мнѣ лобъ кокнуть дверью... — «Анаеема!.. разстрига!.. еретик!..» Я ужъ молчу, больше въ сторону. Было еще ума забѣжать въ лавочку, мармеладу взять на сорокъ копѣекъ. А ситець такъ и улыбнулся съ божницы,—нигдѣ найти не могъ. Ну шутъ съ нимъ! Вхожу въ переулочъ Бахвалихинъ — изба у нихъ была край поля, самая дальняя—моя королевна какъ тутъ, сидитъ противъ дома на бревнышкахъ, глаза плаканые. Сначала—и-и!.. бѣда просто! На собаченку мою, на Матроску:—Ты зачѣмъ, поганая!—Можно, говорю, сѣсть съ вами рядышкомъ?—«Мѣсто не занято». Самъ въ сторону. Такъ и стадо мелкое идетъ—въ сторону,—и т нѣтъ стало—въ сторону, да ужъ потомъ я хватаю:—а мармеладъ-то? Вѣдь все время въ рукахъ вертѣлъ—и вотъ поди ты! Она сейчасъ на зубокъ... Какъ на зубокъ—и повеселѣтъ! Сладко!.. вкусно!.. И совсѣмъ засмѣялась... Повернулась мнѣ—ротъ полонъ набить—поглядѣла на меня: что-жъ, я

чего... Цѣпочка распушена.. И собаченку мою погладила:— «Ну, Барбоска, расскажи—куда ты шла?» Я говорю:—Барбоска моя не умѣет ничего рассказать толкомъ,—позвольте мнѣ отвѣтить.—Я и вамъ—хи-хи—не запрещаю...—Мы только до васъ и шли.. — Только до меня?.. — У насъ къ вамъ просьба... — Просьба? Я — хи-хи — не мировой...—Да просьба у насъ пустяшная: вотъ кабы эту штучку вамъ на палець примѣрить? Она и глядитъ.—«Это что? Никакъ колечко? Никакъ золотое?» Съ восторгомъ съ такимъ.—«Что-жъ это значитъ?» — «А это значитъ, что вы теперь невѣстой моей считаетесь». Взялъ ее за руку—и надѣлъ кольцо. И вдругъ она:—«А вы будете купцомъ?» Это ужъ отецъ ей наговоздиль.—«Буду», говорю, «по лѣсной части».—«Богатымъ?» Я то по простотѣ:—«Какъ Богъ приведетъ»... Чуть дѣла и не испортилъ... — Ну какой!.. Ни дождя—ни ведра!.. Я за бѣднаго кушца не хочу идти. Какъ-же вашъ отецъ говорилъ:—«Къ вѣнцу всю дорогу бумажками застелю?» Сама опять въ сторону.. Однако я туда-сюда: — Ну шубку, по крайности, мнѣ сдѣлаете?—О! это ужъ, говорю, непременно...—А себѣ пиджакъ? Я за поддевку окончательно не выйду... — «И пиджакъ... будьте спокойны»... — «А бить меня не будете?»—Васъ? бить?!.—«За то, что я прежде вами мало интересовалась?» — «Татьяна Васильевна, да какъ это возможно!?» Она и поласковѣ:—«Отчего невозможно? а? Отчего не возможно?» Сама все поближе да поближе ко мнѣ.. Вотъ наказанье! Вытру, понимаете, платкомъ губы... ну, а какъ—не за столомъ будь сказано—дѣвицу поцѣловать? Чего рты-то разинули! Это у васъ по городамъ совѣсть растеряна, а мнѣ сажень дровъ легче вырубить и изъ-лѣсу вывезти.. Да ужъ на мое счастье Бахвалиха пришла въ сѣни со свѣчкой съ молока сливки снимать,—Танюшка мнѣ подъ-локоть:—«Оближеть ложку или нѣтъ?—я загадала». Я говорю:—«Нѣтъ, не оближеть» — «А оближеть, оближеть!..» —Нѣтъ, не оближеть... — «Почему?»—«А потому, что нынче середя, день постный»... Заспорили:—она тутъ и есть.. поглядываетъ, посмѣивается—ну я и того... осмѣлился... Такъ вѣдь не приступиться!..— «Какъ!.. Это что?.. Вѣдь сегодня середя?..—хи-хи.. день постный!..» Я было еще—куда тутъ! И то—пришелъ домой: на щеку, какъ есть всѣ пять пальцевъ... Ну, дѣвчонка!.. Однако!..

Матвѣй умолкъ съ блаженно-смущеннымъ видомъ. Лицо его мальчишески горѣло. Мы молчали, старательно сдерживая улыбку. Наконецъ, я сказалъ:

— Что-жъ, у васъ идетъ до сихъ поръ все хорошо, Матвѣй горьчъ...

— Да, а потомъ-то что было!—отвѣтилъ онъ и немного хмурился.

V.

— Что потомъ то: отца хоронилъ да поминалъ, съ заведеніями раздѣлывался, патенты переводилъ, съ прикащиками бранился: недѣль пять дома не былъ... То-есть, быть-то былъ да—что называется—за огонькомъ, въ двадцатый день, въ сорочковой: въ оба раза почитай невѣсты не видѣлъ. За то на сторонѣ безъ нея ни на шагъ: встану-лягу—все Танюшечка.. Пиджакъ-то помните?—купи-илъ!.. какъ же!.. И вихры срѣзалъ, побрился, и чуть минутка—въ трактиръ—поглазѣть на купчиковъ на питерскихъ: какъ они коверкаютъ, такъ и я, — примѣры беру, чтобы невѣстѣ со мной было не стыдно. Приѣхалъ домой въ самый праздникъ, въ Успенье. Ночь-то всю трясса; едва къ обѣду раскачали. Всталъ, —гляжу—второй часъ, служба кончилась, народъ гудить, ярманка. Мачиха на столъ собрала, на меня все съ бычка—зачѣмъ я тятенькину коммерцію прекращаю. За обѣдомъ молчить, только Дуня-сестренка.. она и никогда молчать-то не умѣла, а теперь эстолько ребятъ изъ города пришло—ну гдѣ-же утерпѣть: и тотъ и этотъ.. цѣлую дюжину пересчитала. Да потомъ:—Ахъ, да, вѣдь и Гриша Шатунъ здѣсь... такой хорошенькій, черноусенькій... недѣли двѣ живетъ... Сболтнула: глазами на мать, мать на нее... перемигиваются... Гм!...—Что-же, говорю, онъ тутъ дѣлаетъ? Своими машинками торгуетъ? — А никакъ имѣніе купилъ въ Рыловѣ:—«Я, говоритъ, нынче помѣщикъ; надо искать повара, прачку, губернанку».. Сами фыркъ-да-фыркъ съ матерью..—Какое имѣніе?—Понятно, какое: избу у Куличихи.—«А ты, говорю, и рада. Смотри не ошибись, въ губернанки не попади, обманеть, цыганскіе глаза!.. Сколько вашего брата на него плачется». А ужъ дѣйствительно: такой-ли ходокъ былъ по этой части—на рѣдкость! Да и вообще башка,—что и говорить; недаромъ машинку выдумалъ..

— Какую машинку?—спросилъ я.

— А какъ же! Въ газетахъ было. Я-то не знаю: нешто онъ объяснилъ кому. Хохочетъ:—«Мнѣ за машинку медаль и орденъ выйдеть», а за какую—неизвѣстно. Разъ, помню, спросилъ его при мнѣ Хлопуновъ, нашъ кабатчикъ:—что молъ ты на своей машинкѣ дѣлать будешь?—а онъ въ отвѣтъ:—«Да фальшивыя деньги будемъ дѣлать. А потомъ такимъ, какъ ты фальшивымъ людямъ отдавать». Вотъ и поди съ нимъ... Ну-съ, — какъ я завернулъ Дунѣ насчетъ «губернаноѣ» —мачиха на эт мое слово заворчала, сестренка тоже обидѣлась.—«Ты больше з собой смотри,—самъ чего не проворонь!» И изъ-за стола выскочила. Я ложку бросилъ:—Это что значить?—«А ничего. Прѣстяжная скачетъ. Безъ году недѣлю хозяинъ, а ужъ покригъ»

вать сталь». Ладно; дошли молча. Началь я снаряжаться на ярманку. Пиджакъ вынулъ новый, косынку шелковую. Смѣются онѣ, да и шабашъ. Я ужъ и самъ вижу, что пиджакъ то у меня больно пестровать для деревни, однако и виду не подаю, будто такъ и нужно. На ярманку все-же не пошелъ, не равно дѣвки засмѣютъ, а захватилъ съ собой тючокъ съ подарками—да напрямикъ черезъ выгонъ къ Танюшкѣ: можетъ, дома... Бѣгу такъ, тороплюсь, духъ занимаетъ... глядь,—а она сидитъ себѣ преспокойнѣйшимъ манеромъ съ этимъ самымъ Шатуномъ на бревнышкахъ!..

Матвѣй безнадежно развелъ руками.

— Сидятъ рядомъ—и такіе у нихъ смѣшки, такія радости: я близко подошелъ, а имъ и невдомекъ... Вотъ, думаю, чего Дуся съ мачихой пересмѣивались... А я-то?.. я-то?.. Таня!.. Танюшечка!.. Охъ-хо-хо-хо!.. Кто ужъ тутъ изъ нихъ меня увидѣлъ — не знаю. Только вдругъ Григорій вскочилъ: — «Н-ну!.. Топоръ плыветъ!.. Во всемъ парадѣ, при нарядѣ!» — съ рукой ко мнѣ. Я въ сердцахъ его руку оттолкнулъ: нѣтъ другихъ дѣвокъ-то? — прямо къ ней: — «Здравствуйте, Татьяна Васильевна!» — «Здравствуйте, Матвѣй Егорычъ!» Съ политикой съ такой.—Весело никакъ поживаете? — Да ничего себѣ; плакать было не о комъ...—Вижу, вижу... Извините, говорю, въ такомъ разѣ... что помѣшалъ вашей бесѣдѣ: лишнее бревешко завелось... Я—до вашей маменьки... Онѣ у себя-съ?—«Ахъ, до маменьки?—у себя-съ...—Пожалуйте!..» А Шатунъ мнѣ вслѣдъ:—«Матвѣй Егорычъ, да посидите съ нами!.. хи-хи!.. не побрезгуйте!.. удостойте чести!..» Вошелъ въ избу—губы сводить... Господи, что за несчастье такое! Невѣста завелась—и ту отбиваютъ!.. Бахвалиха—дѣло послѣобѣденное—съ кровати вскочила, зашла:—«Ахъ, Матвѣй Егорычъ, миленькіе мои, съ прїѣздомъ, голубчики, садитесь поскорѣй ради самого Господа,—а гдѣ-же у насъ Таня?.. Танюшечка?..» Я говорю:—Не безпокойтесь; онѣ на бревнышкахъ весело время проводятъ, не хлопочите-съ. Взглянула на меня изподлобья—прямо-то ни въ жисть, бывало, не взглянетъ—и выскочила. Вернулась—руками разводитъ.—«И что за чертенята эти дѣвки: не могла докричаться,—видно утряслась на ярманку». Я говорю:—«Что-жъ, и отлично, — и я домой пойду. У насъ чай гостей видимо-невидимо. Она туда-сюда:—ѣ, да что вы, милепькіе мои, посидите; я сейчасъ ее разыщу, секундочку. — Нѣтъ, говорю, зачѣмъ-же... Послѣ такой бѣды... Мы тоже не мальчики... Взялъ свертокъ съ матами—и за фуражку. Тутъ она пуще прежняго заюлила:—звѣй Егорычъ, миленькіе мои, за что-же вы и на меня-то згнѣвались; я тутъ ничѣмъ не причинна; видите—какіе годы-ночече палые. Дѣды наши говаривали:—«Держи денежку

въ узелочкѣ, а дѣвushку въ уголочкѣ»,—а кто ихъ новѣ удержитъ! Что хотять, то и дѣлають.—Сама между прочимъ глазъ не сводитъ со свертка.—«Да, говорю, оно... конечно... Годы самые бѣдовыя! До свиданія, Парасковья Семеновна! Самые безсовѣстные годы, что и говорить! Какъ тресну дверью! Хорошо, буде углы не разѣхались...

— Такъ подарка ей не очистилось?—со смѣхомъ сказать Ома.

— Плеть-бы ей подарить хорошую надо!—съ сердцемъ отвѣтилъ Матвѣй.—Это ужъ ни одна пакость безъ нея не обходилась. Тѣмъ больше и жила, что изъ подъ руки пашни устраивала. Ухорская баба, какъ сейчасъ на нее гляжу. Румяная, чернобровая, глаза воровскіе,—такъ и бѣгають. Своего-то лопухаго Луку-покойничка и бранила, и надувала—скольکو хотѣла.. Ну-да Богъ съ ней. Пришелъ я, межъ тѣмъ, домой. Безъ того на-сердцѣ камень, а тутъ еще старушонки наши деревенскія, набравшись, хнычуть:—Бѣдная-де-ты, Анисья Васильевна, горемычная ты тварь: хозяинъ былъ у тебя разбойничекъ порядочный,—да и пасынокъ не чище выпелъ: полтора мѣсяца поцарствовалъ—все батькино имѣніе спустилъ, въ трубу вылетѣлъ! «Ну, какъ былъ я не по-шерсти поглаженъ—то и не стерпѣлъ.—Какое я имѣніе спустилъ? Какъ такъ въ трубу вылетѣлъ?.. Что вы, говорю, на меня путаете, какъ на мертваго? Ежели такъ—не угодно-ли вамъ, кумушка Аграфена Силантьевна, и вамъ, балалайка безструнная, Степанида Григорьевна,—мимо нашихъ воротъ съ пѣснями!..—Мачиха на меня:—Да что ты!.. да какъ ты!.. не къ тебѣ пришли!..—«Маменька, а вы чай слышали, что для васъ двѣ комнаты отведены папенькой?—такъ не угодно-ли? «Вообще туда хватилъ, что самъ не ожидалъ... Мачиха побѣлѣла, заакала, своихъ гостей за руки:—«Пойдемте ко мнѣ!.. Что съ этимъ дуракомъ!.. Я найду на него судъ!.. Ужо!.. Дай праздникъ проводить!..» Остался я одинъ. Хожу взадъ и впередъ, что твой воевода галицкій. Тоска смертная... Главное, вѣдь знаю: самъ виноватъ!.. Что за бѣда, что рядомъ сидѣли? И мнѣ-бы подсысть, подарки показать: дѣло-то, можетъ, иначе обыгралось-бы.. А я губы надулъ:—«къ маменькѣ пойду!..» Эхъ, ты ворона!.. Думаю:—А что теперь не сходить-ли, да не поглядѣть-ли... хоть гдѣ она?.. Авось, молъ?.. Въ самомъ дѣлѣ?.. Думалъ, думалъ: пойду!.. Теперь навѣрное на бесѣдѣ... хватилъ подарки и маршъ! Да забѣжалъ еще къ мачихѣ:—«Увы не каждое лыко въ строку, мамашенька!»—однако она къ загвоздила:—Идолъ!.. идолъ!.. идолъ!..—я чуть снова не сердился. Вышелъ на улицу: ужъ палатки съ фонарями с мали, подъ скамейками собаки ужинали: часъ былъ, ужъ зчитъ, девятый... За площадью—грязища, темень, хотъ кт-

скинь! Подъ ногами пьяные мычатъ, того и гляди, на кого нибудь наступишь. Кой-какъ добрался до избы Курочкиной: тамъ споконъ вѣка на бесѣду собирались. Да еще не дошелъ сажень этакъ десяти—вдругъ... что такое? Освѣтило, знаете,—дверь отъ Курочки настезъ... и дѣвчонка какая-то—рукава бѣлые—что есть духу впередъ меня по улицѣ... И парень за нею... Стало мнѣ маленько не по себѣ: точно Танюшка... И дѣйствительно: не успѣла она добѣжать до сруба—тутъ Маркинъ срубъ стоялъ у дороги—и запищала: такъ и есть!.. Танюшкинъ голосъ!.. А кто-же, думаю, это съ нею: ужъ не Шатунъ-ли? И не успѣлъ это подумать: онъ!—«Ха-ха-ха!.. ха-ха-ха!»—на всюулицу... И слышу я: мое кольцо требуетъ. Вотъ, что я надѣлъ ей на палецъ!—Да-съ. Скинь и отдай. Ему, извольте видѣть, выпить хочется, да не на что, такъ онъ кольцо то заложить. Вонъ какой гусь! Танюшка ему что-то шопоткомъ: «вы, молъ, свое колечко подарите, а потомъ его... хи-хи-хи-и закладывайте.»—Что-о? Вотъ еще вздоръ какой!—обнимать ее...—«Какая ты, говоритъ, Танюшечка, сухонькая, точно чиновница... Аль въ сухой годъ родилась? Потомъ, слышу,—и лижеть:—«А вотъ шкурка у тебя,—грѣхъ сказать!—бархатная!» Такъ я просто ушамъ своимъ не вѣрю: вѣдь, бывало, и близко съ хоботомъ не подходи, а тутъ хоть-бы что... Запищитъ-запищитъ: «Да, ну!.. Гришутка!.. Пусти, безсовѣстный!»—и опять ни словечка. А вѣдь ежели она ничего—ему подавно.—«Исполни просьбу!.. Сними кольцо!» Татьяна говорить:—«А тотъ спросить? Что я тому скажу?»—«Ну!.. Тебя, учить!.. Не вывернешься!.. Скажи, потеряла, и шабашъ, а потомъ я выкуплю, покажешь».—«Да вѣрно-ли выкупишь?»—«Неужто закилю?» И опять лизать... Забрало меня за живое. Думаю:—«Сейчасъ выдеру изъ забора арасину: будь, что будетъ!» Ахнулъ я налѣво къ изгороди—да сгоряча-то и не догляди, что тутъ канава!.. Батюшки!.. на полтора аршина!.. Только гулы пошли! Гулы пошли, онъ ее и выпустилъ... И вижу я изъ канавы-то: она бѣгомъ въ переулокъ... Она въ переулокъ, а онъ такъ засвисталъ, анаеема, заулюлюкалъ, что твой соловей-разбойникъ,—и черезъ заборъ къ Хлопунову—ясная вещь—кольцо-то закладывать...

Матвѣй, не рассказывавшій, а скорѣе изображавшій разсказанное, оглядѣлъ насъ сконфуженно и умолкъ; потъ выступилъ у него на лицѣ. Мы тоже молчали. Ни у кого не хвало духу улыбнуться.

— Ну, что тутъ дѣлать? По настоящему: рукой махни!— продолжалъ Матвѣй, спустя полминуты— Чего ужъ: ясно! Нѣтъ, то-се, какъ это можно; я ее прожму!.. я ей задамъ!.. Да развѣ этимъ возьмешь? Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Пошелъ-таки на утро... потащился... Сначала-то все такъ отлично: иду мимо—сидитъ подъ окошечкомъ. Меня увидѣла—и-и—заулыбалась, захихикала, Бахвалихѣ въ сѣнцы: «Ага! не придетъ? А это кто?» На мою поноску съ восторгомъ такимъ:— «Тутъ что? Я думаю—намъ подарки? Хо-орошіе подарки?» Такъ меня и тормошитъ: «Ну скорѣе кажите подарки! Мамка? гдѣ ты? отнимай у него... Ужъ вѣрно что нибудь шелковое? По глазамъ вижу, что шелковое». И голосокъ сталъ пшеничный такой:— «Ну, Матвѣй Егорычъ!.. ну, миленькій!..» А!.. Теперь и я миленькій сталъ!..—Нѣтъ, говорю, вы сначала колечко надѣньте!..— «Какое колечко?»—Понятно, мое... Отъ меня подареное. Она туда, сюда—скраснѣла немножко:— «Я мылась... я сняла... надѣтъ забыла!»—Тѣмъ лучше: вотъ сейчасъ и надѣньте!.. Она и заигрываетъ:— «А вотъ не хочу!.. а вотъ не надѣну!» Я и напрямикъ: Да гдѣ у васъ кольцо?— «Кольцо при мнѣ...» А какъ же, говорю, вчера одинъ человѣкъ при всѣхъ хвастался: «Вотъ-де я каковъ: дѣвушки отдають мнѣ на пропой кольца свои обручальныя!» и прямо на васъ показывалъ? Какъ дубиной ее ударилъ.— «Какой... одинъ человѣкъ?.. Кто такой?»—Ахъ, вы не знаете? Скажите, пожалуйста! А что же васъ въ краску бросило? Съ кѣмъ вы вчера весь день хоро-водились? Эхъ, вы! говорю. Стыдно! У самого даже слезы изъ глазъ... Духъ заняло... Тутъ Бахвалиха — точно вѣтеръ въ комнату, надо быть, за дверями подслушивала:— «Какъ?! Кто?! Шатуна?! Да я вамъ обомъ, бѣльма выпапаю!.. Вы кольцо у Шатуна видѣли?» Да оно, говорю,—и по сейчасъ въ хлопуновской выручкѣ!..— «И ваше кольцо?.. Вы это можете сказать, глупенькіе мои?» Я говорю:—Все можетъ быть! Не распускайте собаки, мамаша! Все можетъ быть. Можетъ, и не мое... Надписи нѣтъ... Вотъ и пусть Татьяна Васильевна меня сконфузитъ, мое кольцо покажетъ.—Какъ сейчасъ помню: обернулась она сгоряча на Танюшу... а у той и проборъ на головѣ красными пятнами пошелъ!.. И осѣклась!..— «Ну, говорить, никакъ славныя дѣла!» И замолчали обѣ... Вдругъ Танюшка ко мнѣ:— «Послушайте, Матвѣй Егорычъ, точно... это ваше кольцо...»—Ахъ, мое таки... Очень пріятно...— «Только они силкомъ отъ меня отняли...»—Кто-жъ это такіе?.. «Да вотъ... Григорій...»—Одинъ?— «Онъ мужчина...»—Такъ вы бы кричали?— «Да никого не было...» Гм!.. Все еще нарочитъ на

кривой объѣхать... Ну, постой же!.. А знаете что, говорю, Татьяна Васильевна, вѣдь обморокъ-то наводитъ вы не мастерица. Шатунъ-то лучше васъ училъ: «Скажи, молъ, что потеряла...» Какъ же такъ никого не было, когда я Зливехонько стоялъ... и все собственными глазами видѣлъ? Какъ вы изъ Курочкиной избы тормотычью вылетѣли... и какъ онъ васъ поймалъ... и какъ вамъ щеку слюнявилъ... и какъ вы въ переулокъ бросились, на радостяхъ чуть верстовой столбъ съ мѣста не сшибли... Окончательно на свѣжую воду вывелъ. Замолачала... Ну, думаю, теперь можно прожать тебя на совѣсть... Было ужъ у меня въ умѣ-то... сказать ей... и то, и это: какъ, молъ, теперь мы жить будемъ?.. какъ станемъ другъ дружкѣ въ глаза глядѣть?.. Сходилса-де я съ вами, какъ съ честной дѣвушкой—и кольцо надѣлъ обручальное, а вы, какъ послѣдняя потаскушка,—то кольцо на пропой... и позволяете себя лизать—обнимать забулдыгамъ кабацкимъ?.. Вообще—отлично было налажено: не даромъ не спалъ ночь... Ну, понятно,—все пракомъ...

— Отчего же?

— Не захотѣла слушать!..—«Худа—не берите!» Вотъ тебѣ и сказъ весь...—«Не зачѣмъ было къ потаскушкѣ идти!» Я—туда-сюда:—«Слышать ничего не хочу! Что я кольцо ваше отдала—такъ оно завтра же будетъ у меня, а если вамъ это не нравится—какъ угодно-съ... За полы не держу... Можеть, я и сама не гонюсь за кольцомъ... А что, говорить, меня ребята лежатъ—безъ сомнѣннйя, Гришка не первый—такъ вѣдь и я не рябая. Господи, что жъ это такое?—въ слезы сама:—значить, на улицу не выходи? Ежели меня одинъ: «Таня!» другой: «Танюшечка!».. Вамъ нужно за себя кривую либо косолапую искать... Эка важность: «облизалъ»—не опоганилъ; да и ротъ у него — не собачья морда, а, можеть, почище другого жениховскаго...» Такъ это мнѣ обидно:—Ахъ, говорю, у него почище! А собачья-то морда, можеть, не у меня ли? Тогда и въ самомъ дѣлѣ не уйти ли? Ну и она напрямикъ:—«Сказано: какъ угодно! Отъ меня ни приказа, ни отказа не было. Кабы вы, говорить, были порядочный человекъ, вы пришли бы да заплакали наединѣ, да честно попеняли бы, такъ я, можеть, васъ и пожалѣла бы, а теперь... да хоть сейчасъ вы на всѣ четыре стороны!» Ну вотъ!.. Чего ужъ тутъ!.. сно... Постоялъ я, постоялъ, Бахвалиха тоже отъ меня въ горону:—Ладно! говорю. Дѣлать нечего! Только о приказѣ да объ отказѣ раненько заговорили; объ этомъ послѣ поговоримъ. теперь пока такъ скажемъ: ежели завтра я о сю пору найду—кольца не окажется: извините. На меня не пеняйте потомъ. васъ и въ судъ стащу. Судомъ свое колечко вытребую!—Тотъ, только этой глупости еще не было! Понятно, меня же на

смѣхъ. «Ай, Матвѣй Егорычъ, да что вы! Помилосердитесь!.. Хоть въ тюрьму-то насъ, бѣдныхъ, не садите... Аль ужъ нельзя? Ну, такъ бѣгите скорѣе къ писарю просьбу писать... По крайности духъ въ избѣ не будете портить...»

Матвѣй помолчалъ секунду, поглядѣлъ мнѣ въ глаза и воскликнулъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь:—Вѣрите ли, самъ не знаю—какъ я отъ нихъ только и выбрался!..

VII.

— Ну вотъ! Ужъ, кажется, конченъ балъ.—Матвѣй, улыбаясь, разводилъ руками.—Ужъ я и самъ такъ думалъ. Любопытно было только поглядѣть—какъ она кольцо добывать будетъ? Вѣдь безъ Шатуна тутъ не обойдется. Самъ-то я не могъ ничего: голова ужаси какъ разболѣлась, а нанялъ Костю просвирнина,—такой у насъ былъ паренекъ, годковъ четырнадцати,—раза три ужъ по этапу приводили. Далъ ему тридцать копѣекъ: «Покарауль тамъ... какъ и что, куда Шатунъ пойдетъ и съ кѣмъ говорить будетъ», а самъ подъ навѣсъ скорѣе. Вечеромъ очнулся — Кости нѣтъ. И огни стали тушить на деревнѣ — нѣтъ Кости. Да, кстати сказать, мѣсяца три его близко не видѣлъ. Чуть маленько — ноги на изгородь и глядеть, какъ дикій котъ: ежели ты къ нему — поминай, какъ звали, — ну, а самъ повернешь въ другую сторону — тогда и онъ съ изгороди слѣзетъ и отправляется куда ему надобно. Собрался я, межъ тѣмъ, на утро къ Танѣ. Ну, что: просто ноги не несутъ! Швырнетъ она мнѣ, думаю, колечко — и дѣлу конецъ! По дорогѣ завернулъ къ Хлопунову: ну, такъ! Выкуплено!.. Бахвалихой! Ахъ, Боже ты мой!.. Приползъ къ ней кое-какъ, чуть теплый, а она — матушки вы мои, родимья! — тише воды, ниже травы!..

— Профордыбачилась! — воскликнулъ Ома и фыркнулъ.

— Вотъ-вотъ!.. и я также подумалъ! — отвѣтилъ Матвѣй. — Въ глаза глядеть... Глаза плаканые... Эге, братъ! Я и ободрился, — да-а-съ! — и загвоздку ей: — «Ну-съ, Татьяна Васильевна, я за колечкомъ!» Терпитъ... Вытянула руку: — «Вотъ оно!» Я и другую загвоздку: — «Потрудитесь снять: можетъ, не почернѣло ли въ кабацкой выручкѣ?» Хоть бы что! Усмѣхнулась даже: — «Сами надѣли, сами снимите». Что еще: сталъ я снимать... — шалить пальцемъ: мнѣ и не снять. Ну какъ тутъ?... — «А что, говорю, Татьяна Васильевна, ежели я оставлю колечко — съ нимъ ничего худого не будетъ?» Отвернулась: — «Ничего... конечно...» — «А Шатуну оно не достанется?» — «Шатуну Козодою-то этому!» Такъ ужъ я такъ радъ, такъ радъ: «Козодоемъ» его!.. подумайте! Ага! Сообразила, значить, что нельзя

же меня съ Гришкой равнять!.. Все же я самъ хозяинъ. А Гришка что? Съ фабрики на фабрику шатается. Недаромъ его Шатуномъ и прозвали. Да! надъ Гришкой величаюсь, а то мнѣ невдомекъ, что скажи вчера этотъ самый «ководой» словечко — и не видать бы мнѣ Татьяны Васильевны, какъ своихъ ушей!..

— Это какимъ способомъ?

— Въ жены ему давалась... да-съ!.. Сама!—воскликнулъ Матвѣй.— Да онъ не захотѣлъ. Мнѣ-то ужъ когда... много послѣ рассказали. Видите-ли: стала она вечеромъ кольцо мое требовать, а у него другое на умѣ; бѣльма цыганскія разгорѣлись:—Ну, Танюшечка!... ну, такая—сякая!... ну, золотиночка! самъ ее въ заровокъ поталкиваетъ... А что въ заровкѣ! Пустырь, огороды... Танюшка сначала-то пѣкалась, да потомъ и скажи ему со слезами:—А вы мнѣ дадите кольцо?—Какое кольцо?—А свое? замѣсто того? Обручальное?—Онъ и руки взадъ.—Какъ? Это, говорить, не жениться-ли? Эге-ге-ге!... — И засвисталъ.— Вонъ куда вы мѣтите? Мѣтите-то хорошо—да худо попадаете. Дудки! женюсь только на купчихѣ, какъ честный человекъ! А такъ, говорить, — безъ обручальнаго кольца?—извольте!... Тутъ и она въ сторону.—«Не на такую напали, Григорій Петровичъ!» И домой сейчасъ. Онъ было туда-сюда, за руку:— Подождите!.. сторгуемся!—Вырвала руку.—«Не о чемъ торговаться, Григорій Петровичъ!... Ищите купчиху,—съ той скорѣй сторгуетесь!» И мимо него на улицу. Такъ онъ и остался, несолено похлебавши. Да потомъ въ догонку ей:—«И не понимаю—чего куражиться? Такіе-ли камни лопаются!.. Кольцо отдала—все равно моя будешь!

Матвѣй развелъ, по своему обыкновенію, руками и продолжалъ:

— Вотъ отчего у нея были глаза плаканные.. Да ежели правду сказать — съ такими глазами и подъ вѣнецъ пошла. Только я не понималъ ничего. Все думалъ:—пустяки! обойдется!.. Привыкнетъ!.. А были люди, — остерегали:—Съ чего Шатунъ переулокъ Бахвалихинъ караулить? Что онъ по семь разъ на дню тамъ болтается?— Особливо нянька моя прежняя, Степаниха:—Гляди!—Сама грозитъ пальцемъ.—Я старой курочки яичко! Такъ не умѣлъ слушать!—Давно-ли она «кодоемъ» его называла? Опять-же и то сказать: гдѣ ни встрѣтся—стычка! Повстрѣчались разъ въ лавочкѣ, Шатунъ прищуплъ глазъ:—Слышать, замужъ выходите, Татьяна Васильевна? ромъ шутокъ!—И она съ улыбкой:—Кромѣ шутокъ, Григорій Петровичъ.—А какъ-же, говорить,—колечко? а? На колѣняхъ пего идола замаливали?—Танюшка—тягу, а онъ въ ладоши:—га!.. Задрало козу?» Даже я въ тотъ день съ радости ей на атье подарилъ... Ну какъ тутъ нянькѣ повѣрить? Бахвалихѣ

скажешь—та сначала смѣялась:—Тебѣ, что-ли, глаза ейные нужно?—а потомъ давай деньги изъ меня тянуть.—«А!.. ты веселыхъ да рѣввыхъ любишь? А подвѣчное платье заказалъ? Цвѣты подвѣчные купилъ? Свѣчи вѣнчальные изъ города привезъ? Мнѣ на шубку подарилъ? А-ль ты думаешь ситцемъ отѣхать?» И чуть ей поперекъ:—«Въ пять минутъ все дѣло нарушу! Мнѣ Шатунъ избу свою даетъ—только допусти его поговорить одинъ на одинъ съ Танюшкой. И допущу, миленькіе мои, безпремѣнно допущу; я человекъ бѣдный; я какъ спеку хлѣбъ,—не знаю откуда его начать: съ корочки или съ мякиша; мнѣ модничать не съ чего». Ну какъ тутъ! поневолѣ отдашь что требуютъ. А толку никакого:—все такая-же: за руку не поддержишь. Невѣста!—ни разу проводить жениха въ сѣнники не вышла! А какъ поставили насъ предъ аналоемъ: вотъ вамъ, думаю, и цвѣты! Вотъ вамъ и шелки да бархаты: точно на смерть ее ведутъ! Загѣли: «Исаіе ликуй!», а у нея слезы. Вотъ она какая вышла свадебка! Теперь-то ужъ и я спохватился:—не кольцо надѣваю,—петлю на себя накидываю! — да поздно... Приѣхали домой—говорю дружкѣ:—«Поднеси-ка жениху, что-то холодно!» И въ головѣ круги. Тутъ церемоніи разныя отъ дѣдовъ, отъ прадѣдовъ,—а я:—Зачѣмъ? Безъ нихъ тошно!.. безъ глупостей! Шатунъ пьяный, просится:—«Пустить! Пускай полюбуется!» Вошелъ, такъ вавилоны и пишеть. Однако въ аккуратъ къ столу нацѣлилъ.

Взялъ рюмку—и вдругъ мнѣ:—Ну, идолъ, поздравляю, сердешный,—спасибо, что выручилъ: на моей браковкѣ женился.—Я говорю:—«Дайте ему по шеѣ». Дали. Загѣлъ у порога:—«А ты, поповна, поповна, попомни меня!» Тому четвертакъ, кто еще прибавить!» Живо размѣняли желтенькую.—«Сожгу-у!»—«Жги-и!» Вотъ какое безобразіе было! Что я вамъ скажу: до того дошелъ, что уйти хотѣлъ отъ молодой жены. И ушелъ-бы, какъ Богъ святъ, да крючка у дверей съ пьяныхъ глазъ найти не могъ. Еще-бы: свели насъ черезъ дворъ: въ мачихины комнаты, а она сѣла за столъ, слезы... въ три ручья... Извольте радоваться!.. Уйду, коли такъ!.. Взялда и пошелъ,—самъ не знаю куда. Да вотъ тутъ крючокъ-то... Ну, и она опомнилась—за полы меня—Куда ты, дурень? Съ ума сошелъ? мало скандала было? Я говорю:—«что-жъ, на твои слезы глядѣть?»—Да не будетъ слезъ! Поревѣла и шабашъ; хорошенькаго понемножку. Бери гармонію, играй, плясать пойду. Я опять:—«Да вѣдь ты не любишь меня?»—Фу, ты пропасть! Вѣдь я же здѣсь! Какую тебѣ еще любовь? свое получишь... Думаю:—А и въ самомъ дѣлѣ—когого мнѣ еще рожна?..

Матвѣй круто оборвалъ, вытеръ платкомъ лобъ и виски и добавилъ со вздохомъ:

— Да, такъ вотъ, голубчикъ—какъ я женился!..

Между тѣмъ на улицѣ начинается темнѣть; солнце ушло за крышу сосѣдняго дома. Въ окнѣ является прелестная маленькая дѣвочка и любопытными глазами оглядываетъ комнату. Она грозитъ ей пальцемъ; она смѣется и скрывается за окномъ. Я прерываю молчаніе:

— Ну, какъ-же вы, Матвѣй Егорычъ, потомъ-то?

VIII.

— А все, какъ слѣдно быть!—мрачно отвѣчаетъ Матвѣй, разводя руками. Какъ замужъ шла—такъ и жить стала. «Отстань» да «ну тебя»—вотъ и разговоръ весь. Чужая-чужая и есть. Ужъ пыталъ я... всячески...—онъ значительно взглянулъ мнѣ въ глаза и понизилъ голосъ. — До худыхъ, голубчикъ, доходило... Руку на человѣка поднять... Еще какъ Богъ спасъ... Денно и ночью каюсь...

— Да что вы, Матвѣй Егорычъ...

— Вѣрно, голубчикъ...

Матвѣй привсталъ и въ волненіи перекрестился.

— Дядя Матвѣй!—вдругъ перебилъ Ома—онъ давился со смѣху, очевидно вспомнивъ что-то крайне забавное,—расскажи ты намъ, какъ ты ее возжами-то...

Онъ не договорилъ и залился хохотомъ. Матвѣй поглядѣлъ на него и тоже усмѣхнулся, хотя и покраснѣлъ немного.

— А ты ужъ все помнишь!—сказалъ онъ укоризненно и обратился ко мнѣ: — не самъ!.. не самъ!.. Добрые люди научили.—«Чудакъ!.. возжи одно спасенье!.. Самъ знаешь—женскій характеръ—борона: такъ вездѣ и царапаетъ, такъ вездѣ и зацѣпаетъ. А вѣдь это для нихъ самихъ тягостно. Возжами ее! Какъ поярится, побросается, смокнетъ—ей и слободнѣе и веселѣе...и къ мужу учтивѣе. Вѣрно, спробуй; благодарить будешь». Вотъ прѣхалъ я разъ съ дровяной выгрузки: кажется, растопокъ помельче наколи—и то-бы съѣлъ, а у нея и печка не топлена. Такъ... хлебово какое-то... давнишнее...—«Дай-же, кричу, ложку! Аль пьсткой ѣсть?» Она мнѣ—швыръ, я—за возжи. Авось, молъ... Для нея-же... Ну что-жъ вы скажете: вдругъ... какъ порохъ!.. И въ глаза мнѣ, и въ носъ... и въ волосы... и за бороденку къ полу пригибать... да упаси отъ тебя, Создатель!.. Гляжусь потомъ въ зеркало: на-ка!—Ты это что-же, безсовѣстная? Я—шутя, а ты и распоясалась? Вѣдь этакъ мужа на вѣкъ уродомъ сдѣлаешь? А она бѣгаетъ, какъ пчела по улью, на глазахъ слезинки:—«Такъ и нужно!.. такъ и нужно!.. Чужимъ умомъ не живи!.. Любовь возжами не влоачивай!..» А!.. было тутъ у насъ!..

Матвѣй засмѣялся и махнулъ рукой.

— Дядя Матвѣй, — ты еще про колдунью-то расскажи, — про лѣсачиху-то! — напомнилъ неунимавшійся Оома.

— А ты и это помнишь! Ну скажите!.. Онъ все помнитъ!.. — воскликнулъ Матвѣй, покраснѣвъ однако пуще прежняго. Ну что колдунья? Колдунья — колдунья и есть. — «Плохо дѣло, добрый молодецъ, за твою жену заупокойная часть вынута и оборотная свѣчка поставлена». — «Кѣмъ?» — «Чернобровой женщиной...» Точно, мачиха чернобровая. — «Какъ-же теперь? — А вотъ я на воду наговорю, лѣвой пятой зааминю: давай ту воду пить. И молоко — отъ черной коровы». — «Да у насъ три — и всѣ красныя!» — «Одну продай, черную купи». Вечеромъ плеснулъ Танюшкѣ въ чай изъ бутылочки — да и сажу ни живъ, ни мертвъ: — вѣдь шутъ ее знаетъ — какіе тамъ корешки на доньшкѣ!.. Однако часъ проходить — ничего. Другой проходить — ничего. Позѣвываетъ... Передъ ужиномъ потопнило маленько: прошло. Слава Тебѣ, Господи!..

Мы всѣ посмѣялись съ минутой.

— Съ чего-же у васъ худое-то началось? спросилъ я, воспользовавшись первой же паузой.

— Да какъ вамъ сказать? — рассказчикъ немного замаялся — не сразу, конечно... Было тутъ... Видите: Бахвалиху я согналъ со двора между прочимъ: — Отъ васъ-де, мамаша, хорошихъ примѣровъ ждать нечего. Вотъ это... — «Ты меня въ клѣтку посадить хочешь?» Бахвалиху прогналъ, — Августу не оставлять-же: такая у насъ разудалая бабенка была, первый другъ Бахвалихинъ. А главная суть: изъ-за Шатуна непріятности стали выходить. То его не было — и вдругъ опять — съ своей гармоніей: здравствуйте! Разъ пройдетъ мимо, другой разъ, третій... Слышу: дѣвушки смѣются: «медовый конецъ», видите, у насъ... Ну вѣдь кого хотите зло возьметъ!.. Что-жъ ему нужно? Иду разъ со старшиной да съ десятскими: сосѣда за недоимку описывали, а Шатунъ какъ разъ противъ нашего дома навстрѣчу. Что со мной сдѣлалось: хватилъ я старшину за рукавъ: — «Романъ Карпычъ, вы стойте — и онъ стоитъ передъ вами! — на Шатуна показываю. Ежели онъ безо всякой нужды будетъ скитаться у меня подъ окошками — вотъ вамъ моя правая рука? — возьму яншпугъ и убью! И за это не отвѣчаю: заблаговременно сказано!» Онъ — ни съ того, ни съ сего въ покаточку. Дурачье, прямо сказать. Вишь нѣтъ-ли у меня «приманки какой?» — «мышь сало чуетъ!» Такая мнѣ обίδα — глядь, еще моя посредь сѣней: лица нѣту... Тоже на меня — зачѣмъ Григорья прогоняю. — «И ты такой, и ты этакій, идолъ, глупенькій; мало того, что ко мнѣ никто не приди — ужъ и мимо пройти и смѣй; съ ума сошелъ окончательно!» Я изъ сѣней — въ комнату, о за мной; бѣда просто! Вотъ когда, извините, скажу по нашему мужицкому, въ носъ мнѣ бросилось! Что такое? ни за к-

не заступалась, за Шатуна одного заступается! Значить, на него и издали поглядѣть пріятно?.. Стало мнѣ и очень не по себѣ... А что подбѣлаешь: дома не сидѣть! Иной разъ по суткамъ маешься на выгрузкахъ. Твори, что хочешь. Ну, и дѣйствительно: ѣду разъ вечеромъ домой, ужъ послѣ зимняго Николы мимо няньки Степановны... помните: «старой курочки яичко»?—у нея изба была первая на выѣздѣ,—да-съ, такъ вотъ ѣду мимо, сую ей по обыкновенію сайку: вѣдь ужъ все знала, что гдѣ ни дѣется!—а она мнѣ попоткомъ:—«Твою шкуру опять съ Гришкой видѣли»... Ага!.. Вотъ оно!.. Дождался!.. Подлѣ старухи и сѣлъ. Однако слышу, она говоритъ:—«Да ты не горюй!.. Ничего худого не было... Что потомъ будеть!..»—«Какъ ничего худого не было?»—«Такъ; хоть у Екимовны спроси...» Ту повали, разспросили... Точно!.. Не было!.. Звалъ только... крѣпко звалъ, убѣдительно—подъ навѣсъ ночью:—надо-де намъ поговорить объ одномъ дѣлѣ! Вишь у него дѣла до чужой жены подъ навѣсомъ завелись... Ну плакали еще... Это дѣйствительно... Оба ревѣли... Она говоритъ:—Вы насъ подвели, пофорсали тогда:—«Съ кольцомъ-де этакихъ много видано!..» А онъ ей:—Вздоръ! Это ты сама захотѣла идолихой быть! Со злости и замужь вышла... А все одно: должна-же ты мнѣ покориться! Вотъ. И больше ничего. А какъ сталъ онъ насчетъ поднавѣса заводитъ—она сейчасъ же домой!.. И даже не оглянулась на него ни разу... Да бабы мои въ одинъ голосъ:—«Вреть!.. вреть!.. выйдегъ!.. Нашему брату не вѣрь... Мы вѣдь хитры... Нашей женской хитростью живы!..» И дѣйствительно—Матвѣй глубоко вздохнулъ и покачалъ головой—какъ доѣхалъ я до дому, заглянулъ я къ намъ въ окно: чего ужъ тутъ!.. все дѣло у нихъ рѣшенное!.. Еще падали нѣтъ, а ужъ воронье слетѣлось... Бахвалиха, Августа; на столѣ телятины часть, сороковка... Поздравляютъ! У моей точно два листика розовыхъ на щекахъ вклеено: «подъ навѣсъ нынче побѣгу!» Вотъ когда въ меня вошелъ бѣсъ... Побѣжишь?—О-о!.. Ну это еще... ха-ха... посмотримъ! Вилами писано! Благо я во-время узналъ! Пропшелся немного,—поотдышался—въ комнату. Такъ во мнѣ зло кипить, а онъ еще какъ нарочно поджигаютъ. Съ перваго слова меня-же на зубки. Самъ ужъ я, что-ли, обмолвился: «нынче, молъ, у меня дѣла хорошія,—везетъ что-то»—такъ это надо было видѣть, какъ имъ смѣшно показалось.—«Ему вѣтъ... Ой, смерть моя!.. Танюша, слышишь? Литки, если вѣтъ! Бутылочку!.. ха-ха-ха!..» И сейчасъ сами въ шкапъ, бутку достали съ озорствомъ такимъ, сами раскупорили:—Таша, выпей и ты!.. Съ мужемъ чокнешься!..—Помирають-хочуть вѣдьмы.—«Аль горькаго не хочешь: тебѣ-бы ха-ха, медку знуть?.. Лизнешь сегодня, еретичка!..» Я говорю:—«Какого «кв»?»—«А этого мужьямъ знать нельзя». Ударилъ я себя ку-

лакомъ въ грудь:—А!.. Вы, думаю, меня ни за что не считаете!.. Подождите; можетъ, я вамъ всёмъ острастку дамъ! Сходилъ на дворъ, напелъ ножикъ. Въ прошломъ году изъ косы былъ сдѣланъ. Взялъ съ собой... на всякій случай.. Вѣдь, помилуйте, ужъ теперь, ничего не вида, кругомъ засмѣяли; что потомъ будетъ? Со-свѣту сживутъ! Нѣтъ, дудки! Пока я ходилъ—онѣ и порядочно похлебали изъ бутылочки: пѣсни! Танюшку такъ и задираютъ, такъ и щиплютъ:—«Мы у тебя точно на сватьбѣ пируемъ». Я взялъ да и прилежъ на кровать,—будто опьянѣлъ съ дороги—и глаза рукой закрылъ: сквозь пальцы мнѣ все и видно. Часу въ одиннадцатомъ Бахвалиха спохватилась:—Ахти, я про теленка-то и забыла!—домой. Августа за нею. Въ сѣняхъ еще пищали... щекотали Танюшку, наконецъ, хлопъ дверью!—ушли. И вдругъ, слышу я: заперла моя за ними, постояла съ минутку... и опять отодвинула засовъ. Наготово, значить. А-а!.. Ты вотъ какъ! Ты и не шута! Все еще до сихъ поръ мнѣ точно не вѣрилось. А ужъ теперь: ну, извини! Сунься-жъ! Пришла она въ комнату, на меня изподлобья:—Матвѣй, а ужинать? Будешь? Молчу.— Не будешь, такъ раздѣлся совсѣмъ-бы и легъ?—Что-бъ тебѣ было спокойнѣе къ любовнику ѣзжать! Молчу я, похрапываю. Взяла она вязанье, сѣла къ столику: не шелохнется... Ждетъ... Ну, много-ли, мало прошло... гармонія!.. Милости просимъ!.. Пожалуйте!.. Вышелъ изъ-за угла:—Мм!.. въ окнахъ свѣтъ!.. Что такое?—къ окошкамъ. Не терпится... Послѣ давишной-то измороси—стало подмораживать... и слышно, какъ по ледку крадется человѣкъ... каждый шагъ слышенъ. Она глазами то на меня, то на окно... Наконецъ, не вытерѣла—фукъ на свѣчку. И въ сѣни... А дверь-то скрипучая...—«Татьяна, говорю, куда ты?» Будто спросонокъ... Она за порогъ... Я за ней... Тутъ косы стояли—задѣла. Я и словилъ ее.—«Куда ты, говорю, аня-еема?» А она точно во свѣ:—«Я сейчасъ... я приду... къ коровамъ...»—«Да развѣ тамъ коровы? Ты къ любовнику?» Наклонилась она—зубенками за руку... Сама въ двери... Упущу!.. Уйдетъ! Вотъ тутъ-то я и ткнулъ ее ножомъ... Да!.. Было это!.. Было!.. (Матвѣй поднялся; лицо его выражало ужасъ). Какъ Богъ спасъ! Вѣдь до трехъ разъ торкалъ!.. Послѣ перваго раза она какъ вскрикнетъ... среди ночи... пронзительно... я со страху еще... Разъ!.. два!.. по бѣлому... Прижалась въ уголъ... сѣла. И тихо... Чуть-чуть стойеть... Вотъ когда, негодяй, опаматс вался!.. Хватилъ ее на руки: въ комнату...—«Такъ-то говори лучше!.. Другимъ закажешь!» А гдѣ ужъ!.. Морозъ за спиной:—«Никакъ зарѣзалъ человѣка!..» Сунулъ на кровать:—«Соннышко мое красное,—что я съ тобой дѣлаю?.. Какъ тутъ? рз ботники... фершалъ... сосѣди?—ничего не знаю... Только одно. вотъ какъ сейчасъ гляжу: сползла это она съ кровати на по-

и бьется... и кружить на боку... и все хочет встать, вскочить... хватается руками... сама визжит... стонет... без памяти... Фу-у!..—Матвѣй закрылъ глаза рукой и помолчал нѣсколько секунд.—Еще на счастье фершалъ былъ дома, не пьяный. Артемьевна тоже много помогла, глухая старушонка, кровь остановила. Какъ фершалъ-то пришелъ—Таня была ужъ въ памяти. Все-таки поглядѣлъ мое рукодѣлье:—Ничего, говорить, хорошо. На вершокъ-бы пониже надо,—тогда бы ужъ основательно. Самъ на меня глядитъ. Другіе то, слышу, ворчатъ:—«Учи возжами, а поножевщина не резонъ!» Такъ вѣдь и это съ рукъ сошло! Фершалъ прямо допытывался:—«Какъ такъ? да какъ такъ?» Я говорю:—«Не знаю; впотъмахъ, что-ли на косу наткнулась?» Смѣется.—«А вотъ тутъ другая ранка: Значить, двѣ косы было?» Я говорю:—«Значить, двѣ...»—«А вотъ тутъ третья ранка: ужъ не три-ли!» Ну что скажешь? Стыдно!.. Противно! Фершалъ и къ ней:—«А вы не желаете-ли чего объяснить, красавица?» Однако она отвернулась къ стѣнѣ: ни словечка. Фершалъ такъ скривился:—«Мнѣ, говорить, все равно, какъ угодно-сь. А только вы косы подальше убирайте: можно до смерти порѣзаться». И потомъ—провожаю его, сую красненькую:—«Я вѣдь, говорить, не къ тому... а чтобы впредь этого не было!»—«Ладно, говорю, не будетъ, не будетъ!» Заперъ я за нимъ двери, заглянулъ въ комнату. Тихо... Артемьевна со свѣчкой кровяныя пятна съ полу отскрѣбываетъ... Фу!.. мерзость какая!.. Взялъ я подушку, да на цыпочкахъ черезъ сѣни въ маленькую горенку, гдѣ отецъ жилъ, бывало... Теперь она для гостей стояла, прибранная. Зажегъ лампадку предъ батюшковымъ Спасителемъ:—Господи, я-ли это? Этакъ съ борозды сойти!.. И зачѣмъ... Какая польза, спрашивается? Вѣдь не моя—не моя и есть! Нѣтъ, ужъ шабашъ! думаю. Да, а что-же дѣлать? Волю дать?.. Отступиться? Пусть на глазахъ? Хорошо это? Вотъ то-то и есть! До утра досидѣлъ—ничего не придумалъ—да, вѣрите-ли, и потомъ сколько дней въ нетопленной горенкѣ провалялся—блага оттепель—и тоже ничего путнаго не выдумалъ. Танюшки не вижу,—туда глазъ не показатъ: Бахвалиха съ Августой и днюютъ и ночуютъ; мнѣ—ни здравствуй, ни прощай,—урядника зачѣмъ-то подзывали... а!.. пропадай ты совсѣмъ!.. И не помоги тутъ мнѣ Шатунъ—право не знаю, чѣмъ у насъ-бы и кончилось!.. Братцы, что кто чаю хочетъ? Никто?—тѣмъ лучше; мнѣ больше останется...

И Матвѣй выполоскалъ себѣ въ стаканъ остатки изъ чайника.

IX.

Было это... какъ вамъ сказать?—день на пятый къ вечеру. Сижу я въ своей горенкѣ подь окошечкомъ: что такое? Костя просвирининъ кружить возлѣ дома?сейчасъчерезъ огородъ—на улицу: хватъ мила-дружкапоперекъ живота;—за пауху: тамъ письмо, то и надо! Отъ кого—сами, чай, догадались. Зоветь ее въ Питерь...—Хорошую жизнь ты испытала; теперь спробуй худой, какъ пропация головы живутъ: «авось горла не перерѣжу». Все въ этомъ родѣ.—Оно, говоритъ, положимъ, ваша сестра въ Питерь—на пятачекъ—пучекъ, а все-же... если бы ты: куда ни шло!—и пить-бы бросилъ, и опять мѣсто-бы нашель... на заводахъ, и машинку-бы въ лучшемъ видѣ прикончилъ: урвись только.

Ну вотъ. Отдалъ я письмо:—«Неси, куда приказано». А самъ пошелъ въ поле... Тоска такая: Рождество на дворѣ, а снѣга—ни пушинки... Ледъ да груды... вѣтеръ воетъ... Дошелъ до гуменъ—дождикъ сталъ накрапывать... Посидѣлъ-посидѣлъ на горкѣ:—«Да, братъ, —никакъ это самое и есть!.. А вотъ посмотримъ!» Помолился на церковь:—«Вразуми, истинный Христосъ!»—къ Танѣ. Ну что: сидѣла на кровати—желтая да мерзлая, голова опущена, —а какъ сталъ я говорить:—«Послушай, Татьяна Васильевна, рука у тебя—не то заживаетъ, не то нѣтъ: не поѣхать-ли тебѣ въ Питерь... къ доктору?»—точно ее солнцемъ освѣтило!..—И разсмѣялась... и зародовалась... и личико стало такое милое... ожилъ человекъ!.. Чего еще?.. Да!.. Оно, братъ, самое и есть!.. Ну какъ тутъ?... Какъ сказать: не пушу?.. Грѣшенъ Богу!.. пожагѣлъ:—«Ладно, говорю, будь по вашему!.. Поѣзжайте!.. Живите!.. На мнѣ грѣхъ!.. за одно ужъ!..» Вѣдь сами посудите: все равно ничего не сдѣлаешь!.. Больше грѣха, какъ зачахнетъ!.. Только и спросилъ:—«когда же?...» Опустила голову:—«Сегодня»...—«На ночь глядя?...» Молчить... Того и смотри заплачетъ...—«Ну какъ знаешь!..» Самъ ходилъ и подводу нанимать—Матвѣй махнулъ рукой—Серегу—за три цѣлковыхъ. И денегъ даль... какъ иначе? Вѣдь знаю—что у него, голенища одни?...—«Вотъ, говорю, скопилось у меня на семь времени семьсотъ цѣлковыхъ слишкомъ: пополамъ раздѣлимъ». Сначала... куда тебѣ!—«Не нужно!.. ни за что!.. развѣ на дорогу!..» Однако я:—«Дурочка!.. много ли ты въ Питерѣ жила!—вѣдь тамъ—что ни шагъ, то рубль!»—сильно ее рапекъ!—взяла.—«Я взадъ вышлю».—«Ну ладно;—тамъ видно бдеть... Сбирайся скорѣе. Серега-то живой рукой...» Да: спр силъ еще—куда пачпортъ ей выслать?—вдругъ—какъ зарево!.. «Къ Любашѣ... Больше некуда!..» Чуть слышно... Любаша—была родная племянница Бахвалихина—и изъ себя красави

а жила она у вдоваго генерала, вродѣ, какъ въ нянюшкахъ. Бывало, еще Таня надъ нею подсмѣивалась, — «генеральшей» называла. И вотъ теперь... охъ, грѣхи наши тяжкіе! Ну да ладно. Вытащилъ ей изъ-подъ кровати сундукъ, шубку принесъ съ вѣшалки. Говорю:—«Не уйти-ли?..»—«Уйди...»—«Можетъ, Бахвалиху послать? Августу?»—«Ой, не надо!..»—А то Костю просвирнина? Молчить... Не смотреть...

Послалъ я къ ней Костю, а самъ прошелъ черезъ дворъ къ мачихѣ. Поглядѣлъ на нихъ съ Дуней—и засмѣялся. — «Хотѣлъ, говорю, рассказать вамъ побасенку одну—да ужъ вы никакъ все знаете. Давайте, мамашенька, я почитаю вамъ изъ божественаго?»—«Почитай родненкій». Сѣли онѣ со мной рядышкомъ, глядятъ на меня съ прискорбіемъ. А, можетъ, въ душѣ немножко и рады были: вѣдь кому-же опять хозяйничать? Такъ ужъ и за то спасибо, что не насмѣялись надо мной въ этотъ часъ горькій, а пожалѣли меня: все имъ за это простилося. И Дуняшу потомъ замужъ выдалъ, какъ принцессу какую, и мачихѣ сыномъ былъ... даже до послѣдняго ея издыханія... и глаза закрылъ...

Матвѣй помолчалъ нѣсколько секундъ; голосъ его прерывался отъ волненія.

— Много-ли, мало—прочелъ изъ «Дѣяній»—и вдругъ... шарки! Серега! Дѣлать нечего, вставать надо... Вѣдь все поди скрыто въ кучу: сапоги... бѣлье... платья... знаю я ее!—Матвѣй улыбнулся сквозь слезы ласковой материнской улыбкой.—Заглянулъ въ комнату: такъ и есть... Гдѣ что!.. Фортка отворена... огарокъ на столѣ колыхаетъ краснымъ полымемъ... — Татьяна Васильевна, гдѣ ты? Сидитъ въ углу: плачетъ... — «Что ты, милушка?»—«Да мнѣ не затянуть узлов!»—«Ахъ, вотъ что!.. Рука-то!..» Затянулъ ей узлы... самъ!—и шубку помогъ одѣть... и платокъ завязалъ сзади... Все самъ!.. Самъ и подводчика кликнулъ:—«Тащи, Сергѣй Ивановичъ». Остались вдвоемъ: ну что!.. много не скажешь!.. — «Ну прощай!.. Не поминай лихомъ!..» Слезой прошибло... Да: еще сказалъ ей, что... въ случаѣ назадъ... взора косаго не увидишь... Она молчитъ... Все къ двери... Отвернулъ ей платокъ, посмотрѣлъ на послѣдній разъ... И побѣжала по сѣнничкамъ... А я гдѣ стоялъ у окна—тамъ и остался... Слышалъ, какъ ее Серега усаживалъ... кнута искалъ... какъ потомъ лошади рванулись... задрезбужжали, забились шарки...

вдругъ—тихо: за уголь... Потомъ опять, точно ворочаются: о на горку поднялись за околицей. Потомъ, можетъ, версты четыре отѣхали, а у меня все шарки въ ухахъ. Вдругъ, ышу, кличуть:—Мякуша! Братецъ! Ужинать! Гляжу: Дуня оитъ на порогъ со свѣчкой,—за ней—мачиха. Взяли меня руки, привели къ себѣ, посадили за столъ: потчуютъ. А у мя все шарки въ ухахъ. Да что я вамъ скажу: мѣсяцевъ

пять не могъ отъ нихъ избавиться... Бывало, какъ зазвенять ночью:—«Ай, Танюша прѣбжала!» Выскочишь—въ чемъ былъ, область тебя спросонокъ свѣгомъ, либо изморосью,—съ тѣмъ и взадъ пойдешь... Разъ даже съ поля прибѣжалъ: ну, вотъ явственно... Изъ-за угла... къ дому... И знаю: вздоръ!... не можетъ быть!—ну вотъ ходите!.. А то, бывало, придешь зачѣмъ нибудь—и забудешь,—это-то постоянно... Ну, а потомъ, разумѣется, то-да-се, хлопоты разныя, да неприятности: Дуняшу выдавалъ, мачиху хоронилъ—такъ оно понемножку и забылось. А ужъ какъ изъ дому ушелъ—тутъ и подавно...

— Изъ-дому?—зачѣмъ-же?—спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать? Дѣлать стало нечего... Коммерція какъ-то сама собой прикончилась. Лѣсъ въ нашихъ мѣстахъ какъ ножницами срѣзали,—ребенка нечѣмъ высѣчь; выгрузка адская... Ну, и кромѣ того,—хотѣлось по другимъ краямъ походить, на людей посмотреть, поучиться...

— И далеко закахивали?

— О!—Матвѣй махнулъ рукой.—Гдѣ не былъ!.. Какого чуда не перевидалъ! Какому ремеслу не обучался! Отчего теперь меня и люди перестали обѣгать: всякую штуку смекнуть могу. Горшокъ слѣпить?—слѣпимъ. Зерно худое дадутъ—хорошее отъ управы выхлопочемъ. А вѣдь это какъ дорого... Нашего люда много—да все больше слѣпни...

— Дядя Матвѣй, расскажи—какъ тебя старцы въ озерко спустили?—перебилъ вдругъ Ома, по своему обыкновенію, фыркнувъ.

— Ну, что тутъ особеннаго!—неохотно отвѣтилъ Матвѣй. Погулялъ минутъ пятнадцать въ водѣ, какъ окунь, а потомъ и выкарабкался на берегъ. Пустое... А вотъ сколько то времени?—обратился онъ ко мнѣ.—Чай ужъ позднеенько?

Я взглянулъ на часы. Было безъ семи минутъ восемь.

— Ай, да что вы!.. Вѣдь давно пора запрягать!—въ одинъ голосъ воскликнули братья и, похватавъ безрукавки, стремглавъ вылетѣли на улицу.

Х.

— Ну какъ-же, Матвѣй Егорычъ, слышали-ли вы о ней что нибудь съ тѣхъ поръ? говорю я, наконецъ, когда шумъ, поднятый братьями, окончательно утихаетъ.

Сосредоточенное лицо Матвѣя мгновенно озаряется улыбкой. Онъ осторожно оглядывается, затѣмъ дѣлаетъ, быстрое движеніе къ моему уху и восторженнымъ шопотомъ произноситъ:

— Видѣлъ!

— Голубчикъ, да что вы!

— Вотъ какъ съ вами сидѣлъ... Говорили...

— Встрѣтились гдѣ нибудь? Нечаянно?

— Зачѣмъ нечаянно? Нарочно ходилъ. Только имъ не говорите,—кивнуль онъ въ направленіи улицы. Еще въ прошломъ году осенью...

— Въ Питерь ходили?

— Да, да, въ Питерь. Все было ничего—и вдругъ стало болѣть сердце. Ну стало болѣть да болѣть,—хоть волкомъ вой... Пока на заводахъ жили—не тревожился: постоянно вѣсти приходили.—То одинъ видѣлъ, то другой, а подъ конецъ съ заводовъ съѣхали,—куда—неизвѣстно: живы-ли? Да и живы—мало-ли что: нужда, нездоровье... Особливо Шатунъ — такая горячка!.. Оно, положимъ, задравныя части я вездѣ ужъ вынималъ—и свѣчи тоже вездѣ—первымъ долгомъ, а всетаки, знаете... Главное: чужимъ помогаешь—какъ своихъ забыть?..

— Такъ, такъ, Матвѣй Егорычъ. Вѣрно!

— Вотъ и прибылъ я въ Питерь 9 сентября утромъ, въ Иоакима и Анну. Первымъ долгомъ—въ адресный столъ. Записалъ на Григорья: живъ, слава тебѣ, Господи, Семеновская, домъ 12, кв. 94. Записалъ на нее: тоже самое. Вмѣстѣ, значить. Стало мнѣ немножко сумнительно: ладно-ли я иду-то? Можетъ, у нихъ все все хорошо: не напортить бы?.. А по другому суду: что-жъ тутъ худого? Да будто въ гости? Сначала бѣгаль туда-сюда по дѣлу: въ управу, въ сѣмянной магазинъ,—потомъ зашелъ на постоянный дворъ; передѣлся, прифасонился; ровно въ шесть часовъ въ конку. Пока ѣхалъ—и фонарики стали зажигать. Домъ-то еще издали увидѣлъ: агромаднѣйшій. Гляжу у воротъ сидитъ мужикъ—не мужикъ, баба—не баба... есть тоже чудесъ и у васъ въ Питерь! Тудупъ мужицкій надѣтъ, сапоги мужицкіе, фуражка, а подъ тудупомъ сарафанъ видать красный. Носомъ поклевываетъ. Кричу:—«Иванъ»?—молчить.—«Петра»?—молчить—«Авдотья»?—«Ась»? Какъ разъ попалъ. Очнулась. Толкую я съ бабой—какъ пройти въ 94 номеръ—да и загляни нечаянно въ низокъ, въ квасную: матушки!—за выручкой то моя Татьяна Васильевна! И какъ свѣча горитъ—за прилавкомъ...

Матвѣй всталъ, отпустилъ косынку на шеѣ, опять сѣлъ.

— Этакъ въ сторонкѣ двѣ—надо быть—горничныя пьютъ кисляци за столикомъ да про жизнь свою рассказываютъ, а она, милая, стоитъ, слушаетъ, усмѣхается... Только ужъ не грежная, не подумайте!.. И званья того нѣтъ! Прежде что была: такъ себѣ... тростиночка, а теперь располнѣла, разбыла... такъ одѣта... разчесана... чисто дама!.. Ну Шатунъ! Не думалъ! Молодчина!.. Заняло у меня духъ: свернулъ въ ереулокъ, пригладился. Мужикъ вѣдь... Стыдно!.. Сапожищницы!.. Ну будь—что будетъ! Кухарченки выскочили,—я на

ихъ мѣсто. Подальше отъ лампы, въ уголѣ... Взглянула она мелькомъ и спрашиваетъ:—Вамъ что, молодецъ, требуется? Не узнала... Легкое дѣло: столько лѣтъ, столько зимъ! Постарѣлъ, обросъ... Да и темновато въ лавочкѣ: не важная. Вынулъ я нятакъ изъ кармана:—«Кваску дайте, хозяюшка!» Тутъ она на меня глазами... бойко такъ: голось то знакомый... Подошла съ бутылкой... и какъ на столъ ее поставила!—«Матвѣй Егорычъ!»—«Я!» говорю. «Вѣрно. Ужъ извини».. Безъ сомнѣнія, всталъ самъ. Руку ей... Что-жъ вы думаете: не взяла... За щеку... Вотъ какъ передъ Истиннымъ! Поцѣловала раза три, либо четыре...—«Не забылъ!.. не проклялъ!» И плачетъ сама... ей-Богу!.. Такъ ужъ я не знаю—чему приписать... и не во снѣ-ли... и хоть сейчасъ помереть...

Матвѣй помолчалъ, поглядѣлъ вокругъ блестящими отъ слезъ глазами и опять заговорилъ, пересиливая волненіе.

— Тутъ старикъ какой-то пришелъ: подала ему—я снова ко мнѣ. Ну что я, сижу... молчу... Ни о дѣлахъ спросить... ни отвѣта дать... Ужъ потомъ:—«Какъ живете-можете?» Сначала-то скраснѣла, застыдилась:—«Живемъ... вотъ... Одну полу рѣжемъ, другую—наставляемъ... Мало радости»...—«Что-жъ такъ? можетъ выпиваетъ?»—«Всего есть»...—Рукой махнула.—«Квасную то послѣднее время держимъ... Хочетъ въ Новинскомъ слесарню открыть... паровую... артелью... да гдѣ ужъ!.. Слава одна»... Наклонилась ко мнѣ:—«Какъ живѣ!.. Кровью кашляетъ!».. Заплакала... Ну что вы скажете?—какъ сердце то чуяло!.. Говорю:—«А давно-ли?»—«Ужъ съ годъ».. Ну такъ... Съ годъ и есть... Потомъ говорю ей:—«Ты бы хоть доктора?»—«Былъ!.. Что докторъ! Станешь плакать передъ нимъ, а онъ сердится... «Я, матушка, новаго нутра вставить не могу... Такіе молодцы не живучи»... Ну?—а я что говорю! Такъ даже мнѣ удивительно... Матвѣй помолчалъ секунду и прибавилъ:—И все вѣдъ изъ за машинки!.. Она доѣхала, поганая. Не выгорѣла.

— Отчего-жъ? Вы не знаете?

— То-то вотъ—не знаю; не понялъ я настояще. Татьяна то говорить:—«Вѣдъ какъ бился, какъ маялся! Пока на заводахъ жили—хмѣльнаго ни въ ротъ: какъ вечеръ—машинка. Все допытывался... И что денегъ въ нее посажено! Твои четырехъ-реста тоже тамъ. Все думали: ужъ!.. Вывезетъ!.. Разбогатѣемъ!.. Анъ вмѣсто того изъ комиссіи отказъ и вышелъ... Не такъ сдѣлали?.. али что тамъ не сошлось?.. кой ли лядъ?—не погодилась... Тутъ студентъ одинъ съ нами рядомъ жилъ, такъ онъ ужъ, видите, сказывалъ:—«Такая-де машинка давно заграницей выдумана»... А Григорью и невдомекъ. Конечно, кто-жъ ихъ знаетъ тамъ... заграницей!.. Вотъ съ сей поры—Таня-то говорить—и пошло все подъ гору... Мѣсто на заводахъ бро-

силъ... водки не пилъ—разрѣшилъ... ревности прежде и въ помыслахъ не было, ань тутъ, какъ малый ребенокъ:—«Машина мнѣ измѣнила—и ты измѣнишь!» Да: я тутъ еще на смѣшилъ; говорю:—И мнѣ не уйти-ли? Неравно войдетъ—что подумаетъ? Она меня за руку:—Что ты! что ты! Съ ума сошелъ! Столько времени не видѣвшись... Да и ты другое дѣло... Сравнялъ!.. Не пуцу; до запора сиди!.. Опять сижу я. Такъ вѣдь что вы думаете?—она и про меня все знаетъ... И какъ я съ родины ушелъ... и про заводы... и про сады... и про церкву... все-все однимъ словомъ... Ну баба! Да еще что высказала:—«Какъ ты, говорить, тогда меня... отпустилъ, стала я объ тебѣ понимать, какъ немножко о человѣкѣ. А ужъ теперь я понимаю объ тебѣ... до того высоко, до того высоко... что ну!» Такъ, вѣрите-ли: сижу я... и самъ не знаю... и просто хоть плачь... Тутъ народъ приходитъ—кто за чѣмъ: встанетъ, подастъ, получить—и назадъ, ко мнѣ. Мальчишка прибѣжалъ съ улицы—весь въ нее,—блѣнскій, пучеглазенькій:—«Твой?» говорю.—«Мой». Опять застыдилась, въ уголь смотреть... Ну что-жъ, говорю, дѣло обыкновенное. Который годъ сынку-то?—Да ужъ съ Крещенья пятый. —Хлопни, говорю, дядинкѣ ручку. Мальчишка-то столичная косточка!—сейчасъ и на колѣнки ко мнѣ:—«Дяденька, у тебя кнутъ есть?»—«Есть».—Я думаю бо-ольшой?.. Ну, мать... чисто... Я говорю:—Большой... До двери хватить! Сама-то глядитъ на насъ, смѣется сквозъ слезы. Такимъ образомъ до запора и просидѣлъ. Мальчишка съ рукъ не сходитъ, сама все такая ласковая—ну не хочется уходить-то!.. Не хочется и шабаш!.. Да ужъ городской въ двери:—«Огонь! Чего не тушите огонь!» Она заторопилась, начала убирать то се... и я всталъ... Простылись наскоро, крестъ-на-крестъ, по монастырскому. Опять сказала ей:—Помнишь,—что было говорено: «взора косаго не увидишь»?.. Такъ вотъ... опять говорю... Сама толкуешь: «кашляетъ»... Въ случаѣ что... ужъ такой-ли бы праздник!.. Милушка! Она говорить:—«А Петька то?»—«Господи!.. Понятно съ Петькой... За сына буду почитать... Твой вѣдь»...—«Ну тогда... такъ... Въ случаѣ что... Спасибо!».. Тутъ городской опять:—«Да когда вы станете запираяться!» Она меня и вытолкнула... Да: еще въ дверяхъ суетъ что-то мнѣ въ руку:—«Это что?»—«А это тебѣ на извозчика... Отъ меня... Бери, бери!.. Н ну!.. Ужъ я и не знаю... Вышелъ на улицу:—«Господи!.. Милостивый!.. Да не во снѣ-ли? Извозчика не бралъ: гдѣ-же ус дѣтъ! Вы то посудите: живъ человѣкъ! Не сгинулъ!.. Не зачуждился!.. Царь небесный,—батюшка!..

Батвѣй всталъ и началъ креститься. Въ окно давно стуча. Лошади были поданы.

— Ну какъ-же здоровье Григорьево? — вы не получали извѣстій? — снова начать я разговоръ, уже сѣдя съ Матвѣемъ въ возкѣ, по дорогѣ къ вокзалу.

Матвѣй вышелъ изъ задумчивости.

— А теперь ничего. Оклеялъ маленько. Слесарню-то открылъ!.. какже!.. Писалъ анамнесь...

— Кому?

— А мнѣ писалъ. Въ четвергъ прошлый!.. Отчего болѣе и ѣду. Зоветь. Оно дѣйствительно, что дѣло-то больно хорошее... Важное дѣло, общественное... Нельзя...

— Въ чемъ-же заключается дѣло?

— Да оно спорное какое-то... изъ-за земли, изъ-за надѣловъ. Шатунъ-то пишетъ: — Нужно намъ вѣрнаго человѣка среди насъ. А тебя народъ знаетъ — и руки тебѣ дадутъ. Приговоръ, значить, нуженъ... Ома, — это вокзалъ на право?

— Онъ самый! — крикнулъ Ома, лихо забирая направо.

— Ну, а про Татьяну Васильевну не слышали? Впрочемъ, вы теперь сами увидите ее? сказалъ я, готовясь къ вытѣзанью изъ нашего не совсѣмъ удобнаго экипажа.

— Зубы у нея болѣли. Да, увижу; какже!.. какже!.. — весело воскликнулъ Матвѣй, но тотчасъ немного нахмурился. — Что Татьяна Васильевна!.. Она ни при чемъ... Ея дѣло женское... А тутъ дѣло важное... общественное...

Нота подавленной грусти слышалась въ его грудномъ глуховатомъ голосѣ.

Минуту спустя, пожавъ другъ другу руки, мы разошлись по разнымъ платформамъ — и, Богъ вѣсть, свидимся ли еще когда нибудь...

В. Оаворскій.

Народно-хозяйственные наброски.

XVIII. Приемы хлеботорговли въ сѣверномъ Кавказѣ.—XIX. Земледѣльческія орудія и пришлые рабочіе въ сѣверномъ Кавказѣ.

XVIII.

Извѣстный нѣмецкій экономистъ Lexis опредѣляетъ торговлю, какъ *покупку для перепродажи товаровъ, съ цѣлью полученія прибыли*. Такою она дѣйствительно и является почти всегда въ наши дни, такою она представляется съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Торговля не можетъ быть принудительной. Купецъ спекулируетъ на разницѣ цѣвъ товаровъ при ихъ покупкѣ и продажѣ по собственному почину и при этомъ его цѣлью служить полученіе отъ этой операціи соответственной прибыли. При такой постановкѣ дѣла «выгодность торговли» есть выгода торговца. Данная отрасль торговли тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ больше прибыли она ему приноситъ. Онъ соприкасается съ одной стороны съ производителемъ товара, съ другой—съ потребителемъ. Для него выгоднѣе всего заплатить возможно меньше первому и получить возможно больше отъ второго. Въ этомъ заключается его цѣль, такъ сказать—«идеаль» его коммерческихъ операцій. Всякое возвышеніе цѣны, заплоченной купцомъ производителю, и всякое сокращеніе цѣны, полученной купцомъ отъ потребителя, очевидно, уменьшаетъ его коммерческую прибыль и потому отдаляетъ его отъ его цѣли—отъ увеличенія выгоды его предпріятія. Не трудно видѣть, что интересы торговцевъ прямо противоположны интересамъ тѣхъ лицъ, которыми онъ соприкасается въ сдѣлкѣ купли-продажи товаровъ. Производитель получаетъ тѣмъ больше выгоды отъ своего производства, онъ можетъ тѣмъ легче его развивать и удовлетворять этимъ путемъ потребностямъ своимъ и своего хозяйства, чѣмъ рже онъ продаетъ свой товаръ. Потребитель, въ свою очередь, мѣ легче удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, чѣмъ дешевле покупаетъ товаръ, котораго онъ не производитъ въ своемъ

хозяйствѣ. То и другое какъ разъ невыгодно стоящему между ними торговцу. Ему выгодно прямо противоположное. Если бы при обмѣнѣ какого-нибудь товара производитель и потребитель стояли лицомъ къ лицу, если бы при куплѣ-продажѣ между ними не стояло третье лицо—торговецъ, то выгода, которую теперь получаетъ этотъ послѣдній, очевидно, распредѣлилась бы между ними: производитель продалъ бы товаръ нѣсколько дороже, а потребитель купилъ бы его нѣсколько дешевле. Выгоды третьего лица—торгового посредника—образуются изъ части прихода перваго и расхода втораго. Понятно, чѣмъ шире распространяется торговля, чѣмъ больше предметовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ людей, она охватываетъ, тѣмъ большее число посредниковъ принимаютъ въ ней участіе и тѣмъ болѣе возрастаютъ суммы, поступающія въ ихъ пользу въ видѣ коммерческой прибыли. Тотъ же результатъ имѣтъ и пространственное разъединеніе производителя отъ потребителя. Чѣмъ дальше они отстоятъ другъ отъ друга, тѣмъ большее число промежуточныхъ рукъ проходитъ товаръ прежде, чѣмъ онъ перейдетъ отъ перваго къ послѣднему—тѣмъ опять-таки болѣе вырастаютъ суммы, выражающія прибыль посредниковъ. Натуральное хозяйство было въ весьма слабой степени знакомо съ обособленнымъ классомъ торговцевъ. Удовлетворяя важнѣйшимъ своимъ потребностямъ собственнымъ производительнымъ трудомъ, натурально-хозяйственная единица нуждалась крайне мало въ услугахъ этихъ лицъ. Обособленіе же этого класса есть принадлежность хозяйства денежнаго. Въ настоящее время почти всѣ отрасли торговли составляютъ профессию особаго класса лицъ, исключительно занимающагося тѣмъ, что служить звеньями многосложной цѣпи, соединяющей производителя съ потребителемъ. Съ одной стороны, торговля весьма сильно расширилась со стороны ассортимента товаровъ, подвергающихся куплѣ-продажѣ, такъ какъ денежное хозяйство специализируетъ свое производство въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, работая не на себя, а на рынокъ; потребности его *во всѣхъ остальныхъ* товарахъ должны удовлетворяться торговлей. Съ другой—торговля весьма сильно расширилась пространственно, захвативъ въ свою сферу всѣ части свѣта, весь земной шаръ. Оба эти явленія сложились исторически, на то имѣлось множество причинъ въ постепенномъ хозяйственномъ развитіи торговыхъ странъ міра, въ обзоръіе которыхъ мы здѣсь входить не будемъ. Но фактъ тотъ, что обособленіе класса торговыхъ посредниковъ прогрессивно развивается, число ихъ несомнѣнно возрастаетъ, и суммы, составляющія ихъ коммерческую прибыль, теперь, въ концѣ XIX вѣка, достигаютъ тѣхъ размѣровъ, *которыхъ, конечно, онѣ не достигали* никогда во всей предшествующей исторіи человѣчества.

Инымъ, однако, является значеніе торговли въ народно-хозяйственномъ смыслѣ. Обмѣнъ продуктовъ имѣтъ первоклассное значеніе въ экономикѣ страны и приурочивать его лишь къ приби

лямъ отдѣльныхъ лицъ, какъ дѣлаетъ Lexis въ приведенномъ опредѣленіи, значить сильно сужать его роль въ хозяйственной жизни народовъ. Такъ называемое «раздѣленіе занятій» внутри страны и международное основано, между прочимъ, и на естественныхъ различіяхъ мѣстностей. Для культуры каждаго растенія необходима наличность именно извѣстныхъ условий климатическихъ, почвенныхъ и др. Каждое, напр., хлѣбное растеніе имѣетъ свою сѣверную границу, далѣе которой созрѣвать оно не можетъ. Пшеница и виноградъ предъявляютъ весьма несходныя между собою требованія къ почвѣ, къ силѣ свѣта, къ средней температурѣ періода созрѣванія, къ влажности мѣстъ. Минеральныя богатства составляютъ достояніе лишь опредѣленныхъ районовъ. Нельзя вездѣ по желанію добыть желѣза, соли и т. д. Словомъ, во Франціи много винограда и мало пшеницы, въ Новороссіи много (много-ли? предположимъ, впрочемъ, что это такъ) пшеницы, но пока еще мало желѣза, на Уралѣ много желѣза, но нѣтъ ни своего вина, ни пшеницы. Потребность въ обмѣнѣ этихъ странъ своими продуктами понятна. Можно прибавить еще одну черту. Вслѣдствіе множества причинъ, вытекающихъ изъ культурной и хозяйственной исторіи народовъ, обработка естественныхъ продуктовъ стоитъ въ каждый данный моментъ у разныхъ народовъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Средства и приемы этой обработки въ индустриальныхъ странахъ Запада не тѣ, которые имѣются въ Россіи, въ Южной Америкѣ, гдѣ нибудь въ Мексикѣ, въ Мозамбикѣ, въ Тасманіи. Въ этомъ отношеніи всѣ страны міра представляютъ собой весьма большую лѣстницу въ качественномъ отношеніи обработки, не говоря уже о томъ, что и самое направленіе, въ которомъ происходитъ развитіе обработки, ея большая спеціализація подсказывается массой мѣстныхъ условий.

Изъ суммы всѣхъ особенностей отдѣльныхъ мѣстностей, областей, странъ и частей свѣта слагается необходимость обмѣна. Зачатки его появляются на самой первобытной ступени развитія племенъ. Натуральное хозяйство древняго востока и Греціи уже знакомо съ правильнымъ обмѣномъ. Съ ростомъ потребностей населенія и съ расширеніемъ производствъ обмѣнъ расширяется, вовлекаетъ въ свою сферу большее количество рынковъ-поставщиковъ и рынковъ сбыта и большее число родовъ товаровъ. Моралистъ могъ бы не безъ основанія, или лучше сказать—съ большимъ основаніемъ отнестись съ порицаніемъ къ немалому числу товаровъ, влеченныхъ въ сферу всемірнаго обмѣна и удовлетворяющихъ прашеннымъ quasi-потребностямъ, притупившимся вкусамъ, стремленію къ роскоши и проч. Страхнетъ ли когда либо съ себя совѣщество такіа анти-соціальныя пристрастія, или нѣтъ—этотъ вопросъ насъ въ данномъ случаѣ не касается. Но несомнѣнно одно, во всякомъ случаѣ, при всякомъ состояніи общества извѣстный процентъ товаровъ всегда долженъ будетъ подлежать обмѣну и

что, слѣдовательно, въ значительной степени обмѣнъ есть социальная необходимость, какъ и производство. Если человѣкъ не можетъ удовлетворить своимъ матеріальнымъ потребностямъ, не производя «хозяйственныхъ благъ», то онъ въ весьма существенныхъ случаяхъ своего потребления и своего производства не можетъ удовлетворить тѣмъ же потребностямъ, *не обмѣниваясь* такими же «благами».

Та форма, въ которой почти всегда практикуется до настоящаго времени обмѣнъ товарами, есть торговля въ видѣ обособленныхъ частно-хозяйственныхъ предприятий, съ которыми мы только что познакомились выше. Не трудно понять, что эта форма совсѣмъ не соответствуетъ идеѣ обмѣна, что между идеей и ея реальнымъ воплощеніемъ имѣется совершенно неразрѣшимое противорѣчіе. Обмѣнъ имѣетъ свою цѣлю взаимное удовлетвореніе интересовъ двухъ группъ населенія: производящей данный товаръ и сбывающей избытки его съ одной стороны, а съ другой—группы приобретающей его для своего потребления. Различія естественныя и иныя, различія въ приемахъ обработки позволяютъ производить его въ одномъ мѣстѣ въ количествѣ большемъ, чѣмъ какое нужно для мѣстнаго потребления, а въ другомъ—совсѣмъ не производить или производить въ количествѣ меньшемъ, чѣмъ какое нужно для той же цѣли. Взаимѣнъ—вторая мѣстность можетъ предложить первой при тѣхъ же условіяхъ товаръ другого рода. Если между этими мѣстностями возникаетъ обмѣнъ, то онъ удовлетворяетъ потребностямъ населенія обѣихъ. Возможность продать дороже развиваетъ хозяйство и облегчаетъ потребление мѣстности производительницы; возможность купить дешевле имѣетъ то же значеніе для мѣстности потребительницы. Интересы обѣихъ не противоположны; между ними нѣтъ никакого противорѣчія; одинъ и тотъ же актъ обмѣна служитъ одновременно и однимъ и другимъ. Такова идея. Реальное же ея воплощеніе—современная торговля—имѣетъ совершенно иную цѣлю: частно-хозяйственное коммерческое предприятие стремится лишь къ собственному обогащенію, моментъ пользы производителей и потребителей ему совершенно чуждъ. Выгоды этихъ группъ населенія даже прямо противоположны выгодамъ такого частнаго предприятия. Торговецъ-посредникъ *не можетъ* желать платить за товары производителю дороже, онъ *не можетъ* желать продавать ихъ потребителю дешевле. Тѣмъ и другимъ онъ уничтожалъ бы свои собственные выгоды. Но стремленіе его къ личной прибыли есть причина возникновенія его предприятия; эта прибыль есть его единственная цѣль; онъ не филантропъ, а купецъ, дѣйствующій не ради цѣлей общественныхъ, а ради цѣлей личныхъ и только личныхъ. Увеличеніе же коммерческой прибыли торговца происходитъ, какъ упомянуто, на счетъ и производителя, и потребителя: и тотъ, и другой жертвуютъ частью своихъ выгодъ въ пользу торговца-посредника.

Разрѣшеніемъ этого противорѣчія можетъ служить лишь обще-

ственная организація обмѣна. Только при помощи общественной организаціи группы производителей могутъ стать лицомъ къ лицу съ группами потребителей и взаимно обмѣниваться товарами, взаимно удовлетворяющими потребностями того и другого населенія въ тѣхъ относительныхъ количествахъ, которыя подсказываются только количествомъ труда, затраченнаго на производство. Только при помощи общественной организаціи мыслимо уничтоженіе того промежуточнаго «наложеннаго платежа», который именуется коммерческой прибылью и который представляетъ крупную величину въ бюджетѣ и производителей и потребителей. Въ пользу частно-хозяйственнаго характера торговли съ принципиальной стороны приводится лишь одно очень старое положеніе, что личная выгода каждаго члена общества совпадаетъ съ выгодой общей, что правильно понятый интересъ частнаго предпринимателя диктуетъ ему именно тотъ образъ дѣйствій, который именно требуется въ данную минуту обществомъ: фабрикантъ не станетъ выдѣлывать тѣхъ товаровъ, на которые нѣтъ спроса, т. е. которые не нужны потребителямъ; купецъ не станетъ наполнять свои лавки такимъ товаромъ, который не требуется покупателями и т. д. Но принципъ этотъ давно уже утерялъ господство и его повторяютъ теперь лишь тѣ, которые съ начала нынѣшняго вѣка «ничего не забыли и ничему не научились». Негодность его, практическая несостоятельность успѣла уже давно обнаружиться во всѣхъ существеннѣйшихъ областяхъ народнаго хозяйства. И въ области земельныхъ отношеній, и въ области отношеній предпринимателей къ рабочимъ, и въ области перевозочной промышленности (железно-дорожная политика) и т. д. и т. д., давно уже доказана противоположность интересовъ лица и общества, и государственная политика всѣхъ цивилизованныхъ странъ въ послѣднюю четверть переживаемаго вѣка все болѣе и болѣе начинаетъ тяготѣть въ сторону афоризма Родбертуса: «народное хозяйство должно снова приближаться къ характеру хозяйства государственнаго» (*Die Volkswirtschaft muss wieder mehr Staatswirtschaft werden*). Въ области торговли приведенное положеніе старой школы о гармоніи интересовъ лица и общества держится крѣпче и дольше, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Трудно понять, почему именно здѣсь эта противоположность сказанныхъ интересовъ сознается менѣе всего и почему именно торговля, какъ вѣдшее выраженіе принципа обмѣна, составляетъ святая святыхъ индивидуалистической хозяйственной политики въ то время, когда другія основы этой политики подверглись уже существенному пересмотру въ области и теоретической литературы и практическихъ мѣропріятій. Пусть будетъ, а минуту, справедливо, что интересы торговца-посредника совпадаютъ съ интересами потребителей въ направленіи данныхъ товаровъ именно туда, гдѣ въ нихъ чувствуется наибольшая надобность. Можно спорить и противъ такого предположенія. Можно указывать то, что нерѣдко переполненіе рынковъ одними товарами сопро-

вождается недостаткей другихъ, что отсутствіе требуемаго товара принуждаетъ потребителей довольствоваться худшимъ и болѣе дорогимъ, что, несмотря на улучшенныя пути сообщенія, товаръ доставляется не во время и т. д. Все это производитъ вздорожаніе товаровъ, затрудняетъ потребителямъ удовлетвореніе ихъ потребностей, служитъ причиной торговыхъ кризисовъ, отражающихся въ концѣ-концовъ на тѣхъ же потребителяхъ и т. д. Но допуская даже, что снабженіе товарами потребителей происходитъ безъ крупныхъ неудобствъ для нихъ, нельзя придумать принципиальнаго возраженія противъ возможности такого же снабженія со стороны соотвѣтственныхъ общественно-хозяйственныхъ предпріятій. Если эту цѣль могутъ успѣшно преслѣдовать потребительныя товарищества въ маломъ размѣрѣ, то нѣтъ основаній предполагать, чтобы аналогичныя крупныя союзы и ихъ органы не могли бы достигать того же въ крупныхъ размѣрахъ. Но всякой такой организаціи въ принципѣ чуждъ моментъ личной выгоды торговцевъ-посредниковъ, т. е. именно тотъ моментъ, который придаетъ, какъ мы видѣли, противообщественный характеръ современной организаціи торговли.

Въ этомъ случаѣ, производители и потребители непосредственно обмѣниваются между собой тѣми товарами, въ которыхъ они нуждаются въ данную минуту, въ тѣхъ количествахъ, которыя выгодны обѣимъ сторонамъ. Въ этомъ случаѣ обѣ стороны не принуждаются поступаться своими интересами въ пользу цѣлаго класса лицъ, возрастающаго, какъ мы видѣли, въ своей численности, класса, преслѣдующаго свои личныя выгоды и увеличивающаго ихъ исключительно на счетъ обѣихъ обмѣнивающихся общественныхъ группъ.

Новаго въ сказанномъ нѣтъ ничего. Все это извѣстно уже давно. Но примѣненіе сказаннаго принципа къ торговлѣ подвигается ту же, чѣмъ въ другихъ областяхъ хозяйственной жизни народовъ. Въ области кредита, въ области страхованія принципъ *взаимности* съ большимъ успѣхомъ и уже давно борется съ капиталистическими предпріятіями (общества взаимнаго кредита, коммерческія и гипотечныя борются съ аналогичными акціонерными банками, общества взаимнаго страхованія и принудительное страхованіе — съ акціонерными страховыми учрежденіями). Въ области обмѣна имѣются лишь робкіе шаги въ этомъ направленіи, утопающіе въ океанѣ частно-хозяйственныхъ торговыхъ предпріятій.

Всѣ эти соображенія имѣютъ особую важность въ примѣненіи къ тѣмъ отраслямъ торговли, которыя играютъ въ странѣ наиболѣе важную роль, которыя доставляютъ сбытъ ея главнымъ товарамъ. Для насъ это, конечно, торговля хлѣбомъ. Допустимъ грубую схему, у насъ въ одной части страны зерно сбываютъ оселъ для того, чтобы купить его весной, а въ другой — оно продается для того, чтобы полученными за него деньгами покрыть всѣ денныя потребности производителей. Въ обоихъ случаяхъ хлѣбная торговля, ея формы, организація, обычаи играютъ первоклассную р

въ хозяйствѣ всей массы населенія. Все это не только не можетъ быть безразличнымъ для интересовъ страны, но должно бы занимать одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ ея хозяйственной политикѣ.—Въ первой изъ указанныхъ частей постановка сбыта хлѣба теперь поставлена въ такія условія, что зерно фактически стало для населенія той цѣнностью, которая *закладывается* имъ скупщикамъ на зиму и *выкупается* весной съ уплатой ростовщическихъ процентовъ. Признаковъ «преступнаго дѣянія», требуемыхъ закономъ о ростовщичествѣ, конечно, найти въ операціяхъ скупщиковъ зерна нельзя. Эти «операціи» складываются изъ двухъ гражданскихъ сдѣлокъ купли - продажи осенью и весной, совершаемыхъ вслѣдствіе «добровольнаго соглашенія» сторонъ по рыночнымъ цѣнамъ; въ основѣ обоихъ лежитъ «свободная воля» контрагентовъ. Это — частно-хозяйственные торговые сдѣлки. Но развѣ эти «добровольныя соглашенія» могутъ имѣть что либо общее съ принципомъ обмѣна товаровъ, съ принципомъ, конечная цѣль котораго—удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей производителей и потребителей? Здѣсь производитель, отчуждающій свое зерно осенью, становится потребителемъ того-же зерна весной, а торговецъ служить посредникомъ между обоими, слившимися въ одно лицо, и получаетъ «коммерческую прибыль» отъ такого посредничества, весьма сходную съ прибылью закладчика. Эти отношенія, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ отзываться на населеніи даже пагубнѣе отношеній ростовщика къ своимъ кліентамъ. Всякій кредитъ, и ростовщичій въ томъ числѣ, подлежитъ всегда извѣстному регулированію закономъ, которое обойти всегдѣ не всегда удобно и безопасно и не всегда легко; всякія кредитныя отношенія предполагаютъ за заемщикомъ не только одніѣ обязанности, но и извѣстныя права; дебиторъ всегдѣ хоть до извѣстной степени гарантируется отъ чрезмѣрно безстыдной эксплуатаціи. Ничего подобнаго въ «свободныхъ» торговыхъ сдѣлкахъ быть не можетъ. Рыночныя цѣны законами регулируемы быть не могутъ; къ совершенію или несвершенію сдѣлки купли-продажи никто никого принудить не можетъ. «Не выгодно тебѣ весной платить за зерно, тобой-же проданное осенью, въ 1½—2 раза—не плати, не покупай, никто не заставляетъ, но и меня никто не заставитъ продать его тебѣ дешевле»... Свобода! Въ результатѣ—частно-хозяйственный характеръ хлѣбной торговли въ указанной части страны замаскировываетъ грубѣйшій обходъ закона о ростовщичествѣ. Интересами милліоновъ населенія фактически распоряжаются въ этомъ случаѣ немногія (вѣроятно) тысячи—обособившійся классъ профессиональных хлѣбныхъ торговцевъ.

Въ другой части страны, продающей хлѣбъ не для видимости только, а «въ самомъ дѣлѣ», экспортирующей зерно, царитъ та-же спекуляція на счетъ интересовъ производителей. Общія черты частно-хозяйственныхъ торговыхъ сдѣлокъ свойственны, конечно, хлѣбной орговлѣ и тамъ, не считая второстепенныхъ вариантовъ, въ прие-

махъ купли-продажи въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Мы вообще весьма мало знаемъ эти отношенія. Наша народно-хозяйственная литература гораздо охотнѣе занимается условіями производства и распредѣленія, чѣмъ сбыта продуктовъ. Помимо другихъ причинъ, въ этомъ, по всей вѣроятности, играетъ немалую роль и «коммерческая тайна», въ которую драпирована всегда дѣятельность агентовъ торговли и сохранить которую имъ бываетъ значительно легче, чѣмъ предпринимателямъ, оперирующимъ съ недвижимымъ имуществомъ (фабрикантамъ, землевладѣльцамъ). Какъ бы тамъ ни было, но детали сбыта продуктовъ страны менѣе изслѣдованы, чѣмъ детали другихъ сторонъ народно-хозяйственной жизни населенія. Поэтому пріобрѣтаетъ большой интересъ всякое описаніе этого рода и въ особенности, если оно выходитъ изъ подъ пера выдающагося знатока деревенской жизни и мѣстныхъ хозяйственныхъ условій.

Я имѣю въ виду — работу извѣстнаго *Ө. А. Щербинъ* «Общій очеркъ экономическихъ и торгово-промышленныхъ условій района Владикавказской желѣзной дороги. Хлѣбная производительность и торговля» (3 выпуска. Спб. 1892—1894 г.). Происхождение этой работы заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Правленіе названной дороги, какъ узнаемъ изъ предисловія, пришло къ мысли, «что всякія мѣропріятія желѣзнодорожныхъ обществъ для развитія движенія и доходности желѣзныхъ дорогъ должны быть основаны на предварительномъ тщательномъ изученіи экономическихъ условій края», каковое должно быть производимо непремѣнно по специальнымъ программамъ, такъ какъ цифры официальной статистики для этого даютъ мало данныхъ. Мысль сама по себѣ проста до банальности. Выстроили желѣзную дорогу. Чтобы она могла удовлетворять потребностямъ прилегающаго края и, слѣдовательно, наилучшимъ образомъ развить свою доходность, надо изучить эти потребности и приноровить къ нимъ ея перевозную способность. Если этого не будетъ сдѣлано, дорога или не будетъ удовлетворять требованіямъ отправителей, т. е. будетъ терять часть товара, котораго она перевезти не смогла и который перевозится гужомъ (какъ шерсть на харьковскія ярмарки изъ большинства мѣстностей Новороссіи), или затратить капиталъ на подвижной составъ, въ количествѣ большемъ, чѣмъ то требуется окрестнымъ производствомъ. Въ первомъ случаѣ теряетъ населеніе, отправители; въ обоихъ — безспорно теряетъ дорога. Стало быть, не заинтересовано-ли правленіе каждой дороги въ томъ, чтобы прежде всего подробно и основательно изслѣдовать хозяйственный бытъ соприкасающагося съ дѣргой района? Отъ видно, очень заинтересовано, если правильно понимаетъ свои интересы. Дѣлаются-ли, однако, такія изслѣдованія? Мнѣ извѣстно по единственному, заглавіе котораго выписано выше.

Правленіе Владикавказской дороги, остановившись на этой мысли рѣшило привести ее въ исполненіе основательно. Оно пригласило для работы названнаго автора — и почтеннаго статистика и мѣстна

уроженца, изслѣдованія и выводы котораго приобрѣтають поэтому двойную цѣну.

Между другими высоко интересными свѣдѣніями о сравнительно мало извѣстномъ «новомъ» край — сѣверномъ Кавказѣ, которыя имѣются въ трудѣ г. Щербины, не мало любопытныхъ страницъ посвящено въ немъ мѣстной хлѣбной торговлѣ, которыми мы и хотимъ теперь воспользоваться. Названная область культивируетъ главнѣйшимъ образомъ пшеницу — нашъ важнѣйшій экспортный (изъ вжныхъ гаваней) товаръ; этотъ хлѣбъ составляетъ тамъ крупнѣйшій источникъ денежныхъ доходовъ хозяйства, служащихъ для покрытія всѣхъ денежныхъ расходовъ производителей. А такихъ расходовъ *относительно* тамъ очень много у населенія, такъ какъ въ хозяйственной и домашней обстановкѣ у мѣстнаго земледѣльца «все покупное, начиная съ лѣсныхъ матерьяловъ и оканчивая одеждою и частью даже лавочными пищевыми продуктами» (I, 30) *). Не трудно видѣть, насколько важны для него тѣ интересы, которые затрогиваются хлѣбной торговлей, ея приемами и организаціей. Очевидно, на такомъ изслѣдованіи мы можемъ провѣрить сказанное до сихъ поръ по этому предмету.

Сбываемый населеніемъ сѣвернаго Кавказа хлѣбъ продавался прежде въ немногихъ крупныхъ мѣстныхъ центрахъ, среди которыхъ видную роль игралъ г. Ейскъ. Сюда подвозилось зерно производителями, ссыпалось въ амбары представителей крупныхъ хлѣботорговыхъ фирмъ; здѣсь же концентрировались и импортные грузы — здѣсь жители запасались и лѣсомъ, и земледѣльческими орудіями, и красными и коженными товарами, и освѣтительными матерьялами, и проч. предметами потребленія. Доставка гужомъ собственными средствами обходилась производителямъ весьма недорого; «накладные расходы» по продажѣ зерна непосредственно крупнымъ конторамъ были ничтожны. Пространственное разъединеніе потребителя (француза) отъ производителя (ставропольца и кубанца), при отсутствіи международной торговой организаціи, требовала вмѣшательства крупной экспортной фирмы, но прибыла этой *одной* (для каждаго продавца зерна) фирмы, безъ вмѣшательства другихъ посредниковъ, уменьшала для производителя цѣну товара относительно менѣе, чѣмъ это случилось въ послѣдующее время.

Но вотъ открыта Владикавказская желѣзная дорога и скоро положеніе сильно измѣнилось, хлѣбная торговля перестала быть спеціальною нѣсколькихъ болѣе крупныхъ пунктовъ, она раздвинулась, никла гораздо дальше вглубь производящей территоріи. Желѣзная дорога, по выраженію г. Щербины, передвинула къ ней позже морской берегъ. Образовались новые торговые центры, расходящіе съ каждымъ годомъ все больше и больше хлѣбныя опе-

) Въ послѣдующемъ мы будемъ означать римскими цифрами № выпу-
а арабскими — страницы работы г. Щербины.

рацин. Развились они больше всего при желѣзнодорожныхъ станціяхъ, главнымъ образомъ—при тѣхъ изъ нихъ, которыя занимали наиболѣе центральное положеніе въ отношеніи гужевого подвоза къ нимъ хлѣба изъ окрестностей. Въ одномъ мѣстѣ выросъ большой поселокъ при станціи, устроенной первоначально среди голой степи; въ другомъ—земледѣльческое село, населенное горными армянами, превратилось въ весьма короткое время въ самый крупный торговый центръ сѣвернаго Кавказа съ десятками милліоновъ рублей ежегоднаго торговаго оборота; въ третьемъ—глухая станица, не имѣвшая прежде никакого торговаго значенія, въ нѣсколько лѣтъ стала виднымъ центромъ мѣстной хлѣботорговли. Во многихъ поселеніяхъ возникли постоянныя конторы и амбары для ссыпки хлѣба. Солидныя хлѣботорговныя фирмы Ростова открыли свои отдѣленія на мѣстахъ закупки. Даже въ мелкихъ и удаленныхъ отъ желѣзной дороги поселеніяхъ нашлись свои мѣстные хлѣботорговцы и торговые посредники по сбыту зерна. Для южнаго района дороги авторомъ приводятся особенно характерныя цифры, знакомящія съ операціями мѣстныхъ скупщиковъ. Два, три, четыре лица въ станціи грузятъ 50—100 вагоновъ зерна. Въ мѣстностяхъ, нѣсколько болѣе удаленныхъ отъ желѣзной дороги, дѣятельность скупщиковъ еще болѣе растетъ (производители меньше подвозятъ къ станціямъ): въ одномъ мѣстѣ 4 скупщика грузятъ 230 вагоновъ, въ другомъ 300 и т. д. (I 31—2, II 51—3, III 61—2).

Словомъ—картина «торговаго оживленія», «развивающейся промышленности». По американски (почти!) растутъ въ степи крупныя торговые центры съ милліонными оборотами и тысячи вагоновъ чистѣйшаго «золотого» зерна катятся по рельсамъ за границу по тѣмъ степямъ, которыя еще такъ недавно блистали своимъ дѣвственнымъ ковылемъ и подвергались набѣгамъ горцевъ на сторожевыя станицы. Для иныхъ эта картина можетъ казаться умиленной. Но надо взглянуть на нее поближе и изучить нѣкоторыя детали.

Хлѣбная торговля идетъ навстрѣчу производителю. Она облегчаетъ ему сбытъ продукта. Она, такъ сказать заманиваетъ, зазываетъ его поскорѣе обращать зерно въ деньги; слишкомъ ужъ это стало удобно и просто.—Но выигралъ-ли отъ этого производитель? Такой вопросъ невольно напрашивается самъ собой, когда передъ вами встаетъ этотъ фейерверкъ милліоновъ, крупныхъ центровъ, выросшихъ въ голой степи, этихъ скупщиковъ, отправляющихъ сотни вагоновъ. Весь этотъ торговый людъ, объявившійся съ разныхъ сторонъ и населившій эти центры (прежнія глухія земледѣльческія села)—вѣдь весь онъ долженъ же чѣмъ нибудь жить; очевидно, ремесло его не безвыгодно, если онъ осчастливилъ собой тотъ край въ столь огромномъ количествѣ. На чей-же счетъ онъ живетъ? Очевидно, на счетъ производителя того товара, который онъ скупаетъ. Въ чемъ-же, однако, тутъ выгода самого производителя?—

Посмотримъ, что мы найдемъ по этому предмету у г. Щербины.

Хлѣботорговый классъ на сѣверномъ Кавказѣ настолько развился численно, что успѣлъ уже дифференцироваться и создать въ своей средѣ нѣчто въ родѣ іерархіи, члены которой находятся между собой въ тѣсныхъ «дѣловыхъ» сношеніяхъ, связаны известной общностью интересовъ и размежевываютъ сферы своего вѣдѣнія между отдѣльными мѣстностями. Видно, что это не разношерстная толпа, исповѣдующая принципъ *homo homini lupus*, но классъ людей, сознающихъ свою солидарность и дѣйствующихъ дружнымъ натискомъ на населеніе производителей, отъ трудовъ которыхъ онъ питается.

Выше было упомянуто, что въ прежнія времена единственными представителями хлѣботорговли тамъ были конторы экспортныхъ фирмъ въ нѣсколькихъ болѣе крупныхъ пунктахъ края. За этими фирмами, конечно, первенство осталось и теперь. Именно онѣ стоятъ во главѣ дѣла въ лицѣ своихъ повѣренныхъ и комиссіонеровъ. Разница лишь въ томъ, что число такихъ агентовъ и конторъ значительно увеличено въ разныхъ мѣстностяхъ края. Желѣзная дорога привлекла первостепенныхъ торговцевъ изъ крупныхъ центровъ (Ростовъ, Ейскъ, Таганрогъ, Новороссійскъ и др.) въ станицы. Одинъ изъ крупныхъ хлѣботорговцевъ Воронежской губ. перенесъ свою торговую дѣятельность на селенія, расположенныя по р. Кумѣ и по желѣзнодорожной линіи, и открылъ такъ цѣлый рядъ отдѣленій. Вообще представители портовыхъ фирмъ заводятъ торговые связи съ отдѣльными поселеніями.—Второй разрядъ, весьма разнообразный и многочисленный, составляютъ хлѣботорговцы второстепенные. Эти раздѣляются на два главныхъ типа: 1) торговцы и лавочники и 2) спеціальные скупщики хлѣба. Оба встрѣчаются «положительно всюду по селеніямъ, гдѣ только производится хлѣбъ въ такихъ размѣрахъ, что часть его можетъ поступать на желѣзную дорогу». Но численный перевѣсъ—на сторонѣ торговцевъ и лавочниковъ: каждая станица, каждое село имѣетъ ихъ нѣсколько человекъ; пріѣзжие спеціалисты-скупщики болѣе тяготеютъ къ крупнымъ сельскимъ центрамъ. Всѣ эти посредники ведутъ хлѣбныя операціи на опредѣленные, спеціально предназначенные для закупки зерна капиталы. Ихъ операціи колеблются между 1—15 тысячъ четвертей разнаго рода хлѣба въ годъ (средняя для центрального района—5,850 четв., что предполагаетъ капиталъ въ 10—12 тысячъ рублей). Къ тому разряду должны быть причислены и всѣ тѣ кабатчики, арендаторы, даже землевладѣльцы, которые тамъ нерѣдко пополняютъ юй классъ хлѣбныхъ скупщиковъ.—Наконецъ, третій разрядъ составляютъ «чернорабочіе хлѣботорговли», известные подъ разными званіями: «шибан», «скулачники», «масы» и пр. Эти скупаютъ хлѣбъ отъ производителей на чужія деньги по порученіямъ и загановившееся обычное комиссіонное вознагражденіе. Большое

ихъ количество находится въ тѣсной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что главная масса закупокъ хлѣба совершается у мелкихъ производителей—крупныхъ въ край (особенно въ сѣверномъ районѣ) мало.—Въ сѣверномъ же районѣ сложился еще одинъ способъ сбыта зерна черезъ, такъ называемыхъ, азовскихъ «самовозовъ». Въ Азовѣ имѣется цѣлый особый классъ возчиковъ хлѣба; возчики эти отправляются обыкновенно на особо приспособленныхъ фурахъ въ станицы, здѣсь производить закупку зерна на деньги азовскихъ хлѣботорговцевъ, практикуя тѣ же приемы хлѣботорговли, тѣ же плутни, какія выработаны «шибаями» и о которыхъ рѣчь будетъ сейчасъ. Наконецъ, при желѣзнодорожныхъ станціяхъ находится еще особый видъ комиссіонеровъ, наблюдающихъ за поступленіемъ на станціи хлѣба, храненіемъ его здѣсь и отправкой по назначенію (I 32—34, II 53—54, 56—57, III 58—60).

Итакъ, вотъ составъ торговой арміи, питающейся зерномъ сѣвернаго Кавказа. Во главѣ—нѣсколько крупныхъ капиталистовъ-экспортеровъ, нѣкимъ невидимыхъ, незнаемыхъ, живущихъ гдѣ нибудь въ Ростовѣ, Таганрогѣ, частью въ Марсели и Парижѣ, дающихъ камертонъ изъ тиши своихъ кабинетовъ. По ихъ мановенію вся хлѣботорговая машина то развиваетъ лихорадочную дѣятельность, крылаящую производителей, наполняющую радостью ихъ сердца, то останавливается, повергая «хлѣборобовъ» въ уныніе и подчасъ въ отчаяніе. Эти скрытые отъ взоровъ простыхъ смертныхъ боги хлѣботорговаго Олимпа окружены арміей агентовъ всѣхъ степеней и ранговъ, разныхъ комиссіонеровъ, маклеровъ и какъ они всѣ называются, дѣйствующихъ по приказу своихъ патროновъ и за ихъ счетъ питающихся отъ прибылей предприятий и отъ комиссіонныхъ процентовъ. Они задаютъ въ селахъ и станицахъ коммерческой тонъ; они, какъ хорошій резонаторъ, разносятъ по краю ту ноту, которую получили по телеграфу отъ центральныхъ заправиль. Ихъ дѣятельности помогаютъ партизанскіе, добровольческіе отряды торговцевъ второго разряда, «работающіе» на свой рискъ, сбывающіе свои «партіи» зерна тѣмъ же конторамъ и потому прислушивающіеся каждую минуту къ той нотѣ, которая дается первыми. Эти спекулируютъ на разницѣ въ цѣнахъ и кормятся отъ такого «ремесла», служащаго для однихъ—главнымъ, а для другихъ—подспорнымъ занятіемъ. Если въ первомъ случаѣ дѣйствуетъ крупный коммерческій капиталъ, то во второмъ—мелкій—гулаческій; въ оборотъ пускаются даже сбереженія, временныя «переходящія» деньги и проч. Совсѣмъ, какъ на биржѣ. Наконецъ третій разрядъ—рядовые хлѣботорговой арміи, дисциплинированное «прожженое» войско, именно «чернорабочіе», рыскающіе туда и сюда, не знающіе ни покоя, ни отдыха, «зарабатывающіе» въ потлица хлѣбъ свой, не брезгающіе средствами въ обращеніи съ продавцами зерна, дѣйствующіе за счетъ перваго разряда, а часто—и за счетъ второго и питающіеся своимъ комиссіоннымъ проце-

томъ и плутнями. Это—разные «шибай», «масы», «самовозы», «кулачники»—вся эта челядь капиталистическаго натиска на производителей.

Такова армія. Все какъ слѣдуетъ. Есть генералы, офицеры, рядовые, партизаны; есть дисциплина, выдержка и беззащитничность; къ ихъ услугамъ телеграфъ, желѣзная дорога, пароходы. Все это свуетъ, рыщетъ, выжидаетъ, выглядываетъ, настаиваетъ производителя и питается его «золотистымъ зерномъ», добытымъ на благодарныхъ поляхъ едва вызываемаго къ культурѣ края.

Не трудно понять, что такой массѣ людей надо не мало и «заработать», чтобы быть сытой. Если казакъ продать какому нибудь «шибай» четверть пшеницы, то въ цѣнности этого зерна должна быть доля и его, «шибая», и лавочника, для котораго онъ покупаетъ, и мѣстнаго агента экспортной фирмы, и центральныхъ агентовъ и маклеровъ той же фирмы, и капиталиста-экспортера. Такъ какъ экспортныя цѣны не создаются всѣми этими непосредственными и посредственными агентами послѣдняго, то необходимо, чтобы съ надбавкой всѣхъ комиссіонныхъ денегъ цѣна четверти пшеницы всетаки не превышала известной величины. А для этого необходимо заполучить эту четверть отъ нашего казака по сравнительно болѣе дешевой цѣнѣ. Внесите въ теплицу несоразмѣрно высокое растеніе: если нельзя въ ней приподнять крыши, остается опустить поле. Но нашъ казакъ можетъ заупрямиться. Онъ можетъ сообразить, что доставить ему свою пшеницу «по старинѣ» гужомъ или по чугункѣ въ крупный торговый центръ, въ портъ, минуя армію посредниковъ, и возможно, и выгодно; онъ можетъ не согласиться на чрезмѣрное удешевленіе его хлѣба. «Шибай» это, конечно, понимаетъ и принужденъ золотить пиллюю («отъ этого кормимся—жена, дѣти!»); онъ долженъ сдѣлать свое дѣло «умненько» и пустить въ ходъ разные приемы, прикрываемые, выражаясь «высокимъ» слогомъ, «коммерческой тайной». «Не обманешь—не купишь», «бачілі очі, що продавали»—примѣрно такъ перефразируются тамъ (и конечно не только тамъ) известныя афоризмы торговой этики.

«Только немногіе хлѣботорговцы, говоритъ авторъ, практикуютъ безукоризненные приемы» покупки зерна. Вся остальная армія скупщиковъ, кажется, только и существуетъ обманомъ и плутнями. Чѣмъ мельче покупатель, тѣмъ сомнительнѣе его способы приемки зерна. Разные комиссіонеры, прикащики скупщиковъ, «шкіе «шибай», тихорѣцкіе «масы», азовскіе «самовозы», «кулачки», «браты» (такъ какъ они часто выдаютъ себя за братьевъ родныхъ торговцевъ) и просто «жулики», всѣ эти посредники—шкіе, евреи, армяне, грузины «обосновываютъ свой «заработокъ», къ они выражаются, на обвѣсахъ, обмѣрахъ, обсчитываніяхъ и ганахъ». Всюду даютъ они за хлѣбъ цѣны выше тѣхъ, которыя устанавливаются крупными фирмами, и это служить вѣрнѣйшимъ признакомъ того, что у продавца—всегда недочетъ въ зернѣ. Для

удобства примѣненія этихъ приемовъ торговли, при закупкахъ на базарахъ они соединяются часто въ компаніи по 2—3 человека. Въ результатѣ—во всѣхъ трехъ районахъ изслѣдованнаго края «мелкіе посредники путемъ обмановъ удерживаютъ въ свою пользу не менѣе 1 пуда зерна на десятипудовой четверти, т. е. 10% проданнаго. Такимъ образомъ, если цѣны на извѣстный хлѣбъ стоятъ, положимъ, на 10 руб. за четверть у крупныхъ хлѣботорговцевъ, то «шибай», давая за тотъ же хлѣбъ 10 р. 20 к., 10 р. 50 к., даже 10 р. 75 к., выгадываетъ на каждой четверти 80, 50 или 25 к.»—Учесть ихъ выгоды, конечно, невозможно. Авторъ имѣетъ основанія полагать, что она должна выражаться minimum 400—600 р. въ годъ, если скупка ведется въ чужіе амбары, причемъ цѣлая половина этой суммы составляется путемъ обмѣровъ и обвѣсовъ.—Но этого мало. При взвѣшиваніи хлѣба на каждую четверть навидывается надбавка въ 5 ф. на разсыпку зерна и 2 ф. на каждый мѣшокъ. Такъ какъ, вѣсъ мѣшка равняется $\frac{3}{4}$ или 1 ф., то, слѣдовательно, хлѣботорговецъ въ свою пользу получаетъ на четверть еще 6 лишнихъ фунтовъ. Сверхъ того скупщики выпрашиваютъ и силой удерживаютъ, такъ называемый, «походъ» съ každого взвѣшиванія. Г. Щербина высчитываетъ, что всѣми этими и подобными «ухищреніями» производители теряютъ 20—25% цѣны хлѣба! Назойливость и нахальство всѣхъ этихъ мелкихъ агентовъ хлѣботорговцевъ, которыми, по выраженію казаковъ, «кишмя кишать» станицы, не поддается описанію. Про нихъ говорятъ, что они «по шапкѣ знаютъ, кому дать за хлѣбъ дороже, кому дешевле»: плоха шапка, человекъ бѣдный, смиренный—ему можно дать и дороже, ибо легче надуть. Рассказываютъ характерный фактъ, что по одной и той-же пробѣ хлѣба хозяину давали 6 руб. за четверть, а подосланному затѣмъ его работнику—7 р. 50 к.—Въ другомъ случаѣ «кулачники» обмощенничали крестьянина на 14 р. при общей суммѣ покупки 34 р., и затѣмъ побили его, когда онъ выяснилъ себѣ это обстоятельство. «Такіе случаи нерѣдки въ Армавирѣ (крупный торговый центръ) и по ихъ поводу часто возникаютъ дѣла у мирового судьи».—Особенной разнузданностью отличаются «шибай» ст. Лабинской, до такой степени привыкшіе къ своему прозвищу «жуляки», что ужъ не обижаятся, когда ихъ въ глаза такъ называютъ. Ихъ продѣлки часто оканчиваются недостатками зерна у производителей въ 12—15%. Въ г. Георгіевскѣ «шибай» обступали гурьбой возъ продавца и—«одинъ ковшомъ черпаетъ зерно, другой рукой загребаютъ, третій съ мѣшкомъ наровитъ стащить». Въ томъ же Георгіевскѣ одинъ «шибай» отличился выдающейся изобрѣтательностью: «онъ сдѣлалъ такую пружину; сидитъ и смотритъ въ окно, и вотъ когда наложатъ хлѣбъ, онъ надавитъ ногою пружину, остановитъ вѣсы и идетъ у даромъ цѣлыя пуды хлѣба при каждомъ взвѣшиваніи». «Чѣмъ сильнее продѣлывается все это «шибаемъ», заключаетъ авторъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ и дѣловитымъ агентомъ онъ считается».

Въ среднемъ районѣ желѣзной дороги черезъ руки этихъ «дѣловитыхъ агентовъ» переходить отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ всего хлѣба, сбываемаго производителями въ крупныхъ центрахъ; съ другой стороны, можно полагать, что по крайней мѣрѣ половина такихъ продавцовъ несетъ болѣе или менѣе значительныя потери, благодаря плутовскимъ продѣлкамъ «шибаевъ». Въ такомъ случаѣ, разсчитывается г. Щербина, по сдѣлкамъ этого рода на одинъ миллионъ пудовъ скупленнаго «шибаеми» хлѣба, потери производителей выразятся въ очень солидной цифрѣ—100,000 пуд., если принять средній размѣръ потери—10% (I 33, II 55—56, 62—64, III 65—66).

По средней цѣнѣ 60 к. за пудъ разнаго хлѣба это составитъ только для крупныхъ центровъ и только для одного средняго района 60,000 руб. на 1 мил. пудовъ. Даже при такомъ снисходительномъ разчетѣ (предполагается, что несетъ потери только половина продавцовъ и что потери эти не превышаютъ 10%), что же дѣлается въ селахъ и станицахъ, которыя крупныхъ центровъ собой не представляютъ? Слѣдовательно, *во сколько же миллионноу рублей*, на самомъ дѣлѣ, обходятся населенію всѣхъ трехъ районовъ Владикавказской желѣзной дороги только однѣ систематическія мошенническія продѣлки этой арміи паразитовъ, не считая разныхъ коммиссіонныхъ и иныхъ денегъ? Учесть это, конечно, никому никогда не удастся, но вѣдь несомнѣнно же, что нынѣшняя система хлѣботорговли равняется неприятельскому нашествію и что она отнимаетъ у края очень крупную часть доходовъ отъ его производства, доходовъ, которые при иной системѣ шли бы частью на улучшеніе потребленія, частью на усиленіе сельско-хозяйственныхъ капиталовъ производителей.

И тѣмъ не менѣе, сказаннымъ еще далеко не исчерпывается все въ этомъ направленіи. Кромѣ систематическаго мошенничества хлѣботорговля на сѣверномъ Кавказѣ связана еще и съ плохо замаскированнымъ ростовщичествомъ. Последнее обходится производителямъ *еще дороже* перваго, какъ мы въ этомъ сейчасъ убѣдимся.

Было уже упомянуто, что «партизанскіе отряды» хлѣботорговцевъ, «работающіе» на свой страхъ, отряды многочисленныя и отличающіеся весьма разношерстнымъ характеромъ, состоятъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: во первыхъ, мѣстныхъ лавочниковъ и во вторыхъ, специальныхъ наѣзжихъ скупщиковъ. Тѣ и другіе основываютъ свои барыши въ значительной степени на кредитныхъ дѣлкахъ съ производителями зерна. Первые оперируютъ надъ лавочнымъ товаромъ, который они отпускаютъ населенію въ кредитъ и обмолота зерна; вторые—частью надъ разными товарами, которыми они снабжаютъ населеніе на тѣхъ же условіяхъ, а чаще его—надъ денежными ссудами.

Лавочники берутъ обыкновенно хлѣбъ у производителей за долги и отпускаютъ товары подъ хлѣбъ. Отсутствіе наличныхъ денегъ у

мѣстных жителей лежитъ въ основѣ того и другого. Разница въ томъ, что первый видъ сдѣлокъ носить, повидимому, добровольный характеръ, а второй—принудительный, такъ какъ кредитованіе товаромъ производится *подъ условіемъ* уплаты не деньгами, а хлѣбомъ. «Но и тѣ и другія сдѣлки одинаково не выгодны для производителя и одинаково въ концѣ концовъ обуславливаются экономической зависимостью производителя отъ торговца». Отпускаемые въ долгъ и подъ хлѣбъ товары «во первыхъ, отличаются почти всегда низкимъ качествомъ, а во вторыхъ, отпускаются по болѣе высокимъ, чѣмъ на наличныя деньги цѣнамъ. Наконецъ, торговцы принимаютъ хлѣбъ по самымъ низкимъ цѣнамъ, помимо даже всякаго рода вычетовъ на отправку гужомъ хлѣба на разсыку и порчу, на торговый рискъ и пр.». Такимъ образомъ, при этихъ сдѣлкахъ производитель платитъ «проценты за ссуду, торговую прибыль за проданный товаръ (и притомъ прибыль въ болшемъ обычнаго размѣрѣ) и торговую прибыль по хлѣбнымъ операціямъ (и опять таки въ болшемъ противъ обычнаго размѣрѣ)». — Приблизительный расчетъ автора таковъ: ростъ за ссуду 12% годовыхъ, прибыль за проданный товаръ—20% и прибыль по хлѣбной операціи—8%. Выходитъ, что такимъ путемъ, *производители теряютъ до 40% обычной рыночной цѣны хлѣба: цифра эта, по показаніямъ мѣстныхъ жителей возмѣщается иногда и до 50%!* Комментаріи излишни.

Наѣзжіе специалисты скупщики, чтобы не утѣрять клиентуры, снабжаютъ населеніе земледѣльческими орудіями, лѣсомъ, важнѣйшими предметами потребленія. Въ былое время производители подвозили хлѣбъ къ крупнымъ центрамъ между прочимъ именно затѣмъ, чтобы тамъ запастись для своего хозяйства и домоводства тѣми товарами, которыхъ нельзя было достать на мѣстѣ. Чтобы парализовать эту потребность производителей зерна, чтобы они не чувствовали необходимости въ посѣщеніи упомянутыхъ центровъ, а слѣдовательно и личнаго подвоза туда хлѣба, скупщики предусмотрительно изучаютъ потребности своихъ клиентовъ и снабжаютъ *на мѣстѣ* жителей всѣмъ необходимымъ. Въ этомъ случаѣ казакъ охотнѣе остается дома и продаетъ зерно скупщику, что и требовалось. Понятно, такой благодѣтель казака не остается въ накладѣ отъ своей «предусмотрительности». Эти операціи представляютъ «прямая выгоды для хлѣботорговца съ хорошимъ процентомъ прибыли на затраченный капиталъ». Пріемы продажи-купли товаровъ и хлѣба и въ этомъ случаѣ вполне тождественны съ тѣми, которыми видѣли у мѣстныхъ лавочниковъ.

Одновременно развиваются операціи съ ссудами, раздаваемыя производителямъ подъ хлѣбъ. Операціи эти «производятся главнымъ образомъ на потребности по уборкѣ хлѣба, когда производители особенно нуждаются въ деньгахъ, и всюду имѣютъ о, и ту же цѣль—привязать производителя къ хлѣботорговцу». Видная форма ихъ такова. Производитель выдаетъ хлѣботорговцу

саль на двойную сумму изъ 12⁰/₀ за два или три мѣсяца пользова- нія, т. е. при ссудѣ напр. въ 500 р. вексель пишется на 1000 р., 500 р. своевременно погашаются, а 500 р. служатъ гарантїей того, что производитель непремѣнно представитъ свой товаръ кре- дитору, а не другому скупщику. Производитель при этомъ обяза- вается доставитъ кредитору не меньше того количества хлѣба, какое окажется необходимымъ для погашенія ссуды по существующимъ цѣнамъ, и существующими цѣнами считаютъ *пониженныя* (процен- товъ на 3—5) рыночныя; излишки хлѣба, сверхъ того количества его, которымъ погашается ссуда, кредитующійся *также не имѣетъ права продавать на сторону*. А засимъ—при приѣмѣ зерна своимъ порядкомъ приемщиками «допускаются» плутовство, обмѣры, обвѣсы и проч. Въ южномъ районѣ при погашеніи ссуды еще произво- дится скидка въ пользу кредитора по 5 коп. съ пуда зерна, *по какой бы цѣнѣ оно ни было продано*. Изъ приводимыхъ авторомъ многочисленныхъ примѣровъ этого рода. сдѣлокъ для всѣхъ трехъ районовъ видно, что условія ссудъ подъ хлѣбъ вездѣ приблизительно одинаковы, варьируясь лишь въ величинѣ ссуднаго процента: онъ возвышается до 15, 20 и 25⁰/₀ *за два-три мѣсяца!* (I 34—35, II 54—55, 58—59, III 62—63).

Понятно, оцѣнить въ рубляхъ и копѣйкахъ тотъ ущербъ, ко- торый наносится хозяйству края описанными ростовщическими опе- раціями скупщиковъ такъ же трудно, какъ и убытки отъ ихъ мо- шенничества, возведенныхъ въ систему. Но едва ли можетъ встрѣ- тить возраженія догадка, что и этимъ путемъ край теряетъ опять таки *милліоны* рублей.

Въ обоихъ случаяхъ слово «милліоны» мной употребляются не эффекта ради, не для «красоты слога», а въ соотвѣтствіи съ приблизительнымъ расчетомъ, произведеннымъ г. Щербиной, съ которымъ я долженъ познакомить читателя. Расчетъ этотъ отно- сится къ одному *среднему* району дороги, занимающему 29,2⁰/₀ площади всѣхъ трехъ районовъ *)—приблизительно ²/₇.

За вычетомъ зерна, необходимаго на обмененіе, продоволь- ствіе и другія хозяйственныя нужды, *остатки* хлѣба выражаются тамъ цифрой 2,5 милл. четвертей на сумму (по средней стоимости всѣхъ хлѣбовъ 6,1 руб. за четверть) 15,5 милл. рублей **). Часть этого хлѣба потребляется жителями горныхъ станицъ, мѣстными вой- сками, винокурениемъ, пивоварениемъ и пр. Авторъ предполагаетъ, что на эти цѣли требуется половина указанныхъ остатковъ и что *хлѣдовательно* только другая половина поступаетъ на желѣзную орогу=1,26 милл. четв. на сумму 7,75 милл. руб. Эта послѣд- няя стоимость распределяется между разнаго рода хлѣбо-торгов-

*) Сѣверный районъ занимаетъ 1,3 милл. десят., средній—1,9 милл., южный—3,3 милл.—всего 6,5 милл. десятинъ.

***) Изъ этого числа—одной овинной и яровой пшеницы на 13¹/₂ милл. руб. № 3. Отдѣлъ II.

цами въ разныхъ доляхъ, причемъ въ пользу торговыхъ посредниковъ поступаетъ:

мѣстныхъ лавочниковъ . .	62.000 р.	=40%	стоим. покуп. ими хлѣба.
прѣважнхъ скупщиковъ . .	15.500 »	=20%	» » » »
мѣстныхъ хлѣботорговцевъ	131.750 »	=10%	» » » »
«шибаевъ» въ круп. центр.	387.500 »	=10%	» » » »
крупныхъ хлѣботорговцевъ	186.000 »	=8%	» » » »
Всего	782.750 »	=10,1%	» » » »

Къ этому г. Щербина прибавляетъ еще 8% стоимости хлѣба въ пользу крупныхъ хлѣботорговцевъ, занимающихся сыпкой зерна при желѣзнодорожныхъ станціяхъ, за весь тотъ хлѣбъ, который поступаетъ въ склады этихъ хлѣботорговцевъ черезъ «шибаевъ», что составляетъ 310.000 руб. Эта сумма возвышаетъ показанный общій итогъ до 1.092.750 руб. = 14,1% стоимости всего покупаемаго ими хлѣба. Высчитывая, далѣе, стоимость подвоза гужомъ въ 6,1% и накладные расходы хлѣбоотправцевъ въ 6,4%, авторъ въ концѣ концовъ полагаетъ возможнымъ дать слѣдующую приближительную схему распредѣленія вышеуказанной общей стоимости отправляемаго изъ района, по желѣзной дорогѣ зерна 7,75 милл. Изъ этой суммы:

получаютъ производители . .	73,4%
» хлѣботорговцы . .	14,1%
Итого	87,5%

уплачиваютъ: за подвозъ гужомъ	6,1%
» накладные расходы	6,4%
Итого	12,5%

Т. е. производители получаютъ *меньше* $\frac{3}{4}$ всей стоимости своего товара, а хлѣботорговцы—*больше* 14%. Это составляетъ 10,6% годовыхъ на капиталъ, затрачиваемый послѣдними на всю эту операцію (II 70—73) въ то время, какъ первые не получаютъ, вѣроятно, и половины такой прибыли, такъ какъ земледѣліе едва ли гдѣ нибудь у насъ въ состояніи дать болѣе 5%.

Абсолютная величина прибыли хлѣботорговцевъ по этому расчету равняется 1,1 милл. рублей въ среднемъ районѣ. Припомнимъ, что районъ этотъ составляетъ около $\frac{2}{7}$ всей площади влѣнія Владикавказской желѣзной дороги, можно предположить, что такая величина для всей этой площади возрастаетъ почти до милл. (3,85) рублей. А для всего сѣвернаго Кавказа?

Но и эти цифры представляются мнѣ значительно ниже действительныхъ. Расчетъ г. Щербини, кажется, произведенъ чрезвычайно осторожно. Прежде всего, хлѣбъ оцѣненъ авторомъ, сдается нѣсколько низко. Главный хлѣбъ—пшеница—оцѣненъ въ 7 р.

(до послѣдняго крупнаго паденія цѣвъ), что составляетъ цѣну гораздо болѣе низкую обычной цѣвы въ сосѣднихъ мѣстахъ Новороссіи. То же можно сказать про оцѣнку ржи 4 р.—Рублей 8, 9, даже нѣсколько больше для первой и рублей $4\frac{1}{2}$ —5 для второй—не было бы чрезмѣрной оцѣнкой. Въдѣ правильной статистики урожайности въ край не имѣлось; основанія для установленія среднихъ цѣвъ потому и не могутъ быть достаточно прочными. Насколько, однако, эта оцѣнка въ данномъ случаѣ важна, можно видѣть изъ того, что прибавка только одного рубля на четверти къ цѣвѣ пшеницы и ржи, согласно всѣмъ этимъ расчетамъ, должна возвысить выручку хлѣботорговцевъ съ 1,1 милл. почти на 1,5 милл. для одного средняго района.—Далѣе, авторъ предполагаетъ, что на питаніе жителей горныхъ станицъ и мѣстныхъ войскъ и на винокуреніе и пивовареніе требуется въ среднемъ районѣ 1.269 тыс. четвертей—12,7 милл. пудовъ. Эта цифра кажется преувеличенной. По «Приложенію къ отчету департамента неокладныхъ сборовъ за 1892-й г.» на *всемъ* сѣверномъ Кавказѣ (Ставропольская губ., Терская и Кубанская области и Черноморскій округъ) въ періодъ 1891—2 г. перекурено было 11-ю винокуренными заводами всего 1,5 милл. пудовъ припасовъ (рожь, кукуруза, ячмень, пшеница, просо, солодъ), а въ періодъ 189 $\frac{2}{3}$ г. дѣйствовало всего 10 заводовъ. Пиво-медоваренные заводы перерабатывали *исключительно* ячменный солодъ (стр. 155—56); а такъ какъ *все* количество добываемаго ячменя въ среднемъ районѣ составляетъ небольшую величину—менѣе 1,4 милл. пуд. (изъ 25,4 милл. пуд. всѣхъ хлѣбовъ), то часть его, потребляемая пивоваренными заводами, должна быть очень невелика въ одномъ среднемъ районѣ.—Какую-же часть упомянутыхъ 1,5 милл. пуд. зерна, перерабатываемаго на *всемъ* сѣверномъ Кавказѣ винокуренными заводами, слѣдуетъ положить для средняго района жел. дороги? Не располагая точными данными на этотъ счетъ и оставаясь послѣдовательными, положимъ $\frac{2}{7}$ (завѣдомо много, ибо средній районъ составляетъ $\frac{2}{7}$ площади вліянія желѣзной дороги, а не всего сѣвернаго Кавказа). Это составитъ около 0,4 милл. пуд.; съ пивоваренными заводами пусть 0,5, даже 0,6 милл. пуд. Вычитая это количество изъ упомянутыхъ 12,7 милл., получаемъ, что на потребленіе жителей горныхъ станицъ и мѣстныхъ войскъ идетъ болѣе 12 милл. пуд.—Считая не по 18 пуд. на человѣка (минимальная потребительная норма), а по 30 пуд., этого количества достаточно для пропитанія болѣе 400.000 человекъ, между тѣмъ, какъ *все* населеніе средняго района=403.693 ушъ обою пола, т. е. сказанной массой хлѣба можно свободно рокормить не только жителей горныхъ станицъ и мѣстныхъ войска, но *все* населеніе мѣстности. Очевидно, цифра эта очень преувеличена; если мы уменьшимъ ее вдвое, то, вѣроятно, еще и тогда далеко не приблизимся къ истинѣ. Другими словами, можно едположить, что изъ указанныхъ 12 милл. пуд. не остается на

мѣстѣ, а еще поступаетъ на желѣзную дорогу болѣе 6 милл. пуд., что при средней стоимости зерна, выведенной авторомъ, составитъ около 3,7 милл. рублей и увеличить доходы хлѣботорговцевъ (опять таки—согласно всѣмъ расчетамъ автора) еще почти на полмилліона рублей. — Наконецъ, было уже упомянуто, что можно возражать и противъ оцѣнки авторомъ стоимости разнаго рода мошенничества «шибаевъ». Послѣ всего того, что имъ сообщено объ этихъ плутняхъ, припоминая рѣшительныя его выраженія, имѣющіяся во всѣхъ трехъ выпускахъ его изслѣдованія, о томъ, что названные приемы хлѣботорговли «шибаевъ» повсемѣстно укоренились настолько, что борьба съ ними населенія не приводитъ ни къ какимъ результатамъ — припоминая все это, никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы потери несли только половина продавцевъ. Очевидно, потери несутъ всѣ, имѣющіе дѣло съ «шибаями», или почти всѣ. Допустимъ, что 10% всего хлѣба, купленнаго этими агентами, куплены ими безъ надувательства, а только $\frac{9}{10}$ — съ обманомъ всякаго рода. Тогда ихъ прибыль поднимется еще на 310.000 рублей. Далѣе, въ табличкѣ указано, что въ ихъ пользу поступаетъ всего 10% стоимости купленнаго зерна. Но самъ авторъ раньше указывалъ, что разными ухищреніями «шибай» удерживаютъ 20—25% стоимости хлѣба. Если принять поэтому 20%, то предшествующая цифра вырастетъ до 620.000 рублей.

Остановимся на сказанномъ и подсчитаемъ. По поводу оцѣнки хлѣба мы нашли возможнымъ увеличить расчетъ прибыли хлѣботорговцевъ примѣрно на 400.000 руб., по поводу цифры вывозимаго изъ края зерна—еще на 500.000 руб., наконецъ, по поводу расчета выгодъ «шибаевъ»—еще на 600.000 слишкомъ рублей; всего—примѣрно на 1½ милл., которые, вмѣстѣ съ высчитанными авторомъ 1,1 милл., дадутъ круглымъ числомъ около 2½ милл. для одного средняго района, или (по расчету $\frac{2}{7}:1$) 8,75 милл. для всѣхъ трехъ районовъ Владикавказской желѣзной дороги. Для *всего* сѣвернаго Кавказа—приведенная цифра должна быть, конечно, еще увеличена.

Эта подать мѣстнаго населенія скупщикамъ хлѣба—безъ малаго 9 милл. рублей — ложится бременемъ на зерновое хозяйство края. Во всѣхъ трехъ районахъ показано 3.281.869 пахатныхъ десятинъ. Слѣдовательно, мѣстный производитель хлѣба платитъ арміи хлѣботорговыхъ агентовъ особаго рода арендную плату въ среднемъ около 2,7 рублей съ пахатной десятины.

Вотъ какіе поучительные выводы можно извлечь изъ работы почтеннаго О. А. Щербины. — Передъ нами большая область съ удобными для земледѣлія естественными условіями, съ благодатной почвой, область, едва заселяемая, нуждающаяся въ развитіи своего хозяйства и имѣющая всѣ данныя для того, чтобы увеличивать свое производство. Если земледѣлецъ тамъ будетъ надлежащимъ образомъ гарантированъ въ своемъ потребленіи, если его сельско-хозяй-

ственные капиталы будут возрастать, то земледельческая культура будет прогрессировать, край будет населен хозяйственно-самостоятельным населением, сумма продуктов его производства будет возвышаться. Если же на пути местного земледелия будут попадаться разные «подводные камни», препятствующие росту его земледельческих капиталов, то хозяйственный прогресс края будет замедляться, а то и совсем станет. Теперь еще это, может быть, незаметно, но ведь и вся Новороссия находилась в таком-же положении полъ-вѣка назадъ. Почва поистощится, население возрастетъ, почувствуется малоземелье, а запасы будут недостаточны, *хозяйственной силы*, капиталовъ, будетъ мало и хозяйству будетъ весьма трудно бороться противъ разныхъ невгодъ. И прощай тогда радужныя надежды на «новый» край! Повторится старая, знакомая намъ пѣсенка.

То, что намъ рассказалъ г. Щербина о местной хлѣбной торговлѣ, безспорно должно быть отнесено къ такимъ «подводнымъ камнямъ» и весьма серьезнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ край заселиться, налетѣла съ разныхъ сторонъ цѣлая армія, разноплеменная, разношерстная, беззащитныхъ паразитовъ, съ единственной цѣлью нажитися на счетъ производительнаго труда населенія, не стѣсняясь никакими средствами, выработанными кулацкой практикой. Всякія мошенничества, обмѣры, обвѣсы, ростовщичество—все хорошо въ этой средѣ. Армія эта съумѣла въ короткое время такъ присосаться къ местному хозяйству, что получаетъ отъ него на свое содержаніе ежегодную «ренту» съ пахатной десятины около 2,7 рублей. Очевидно, ремесло этого класса очень выгодно и потому туда слетаются, какъ бабочки на огонь, все новые и новые кадры такихъ «коммерсантовъ» и... край «развивается», чуть не по-американски! Какъ часто злоупотребляли этимъ словомъ и когда же, наконецъ, у насъ научатся различать развитіе народно-хозяйственного организма отъ его гангрены! Въ концѣ концовъ, хозяйственная зависимость производительнаго населенія отъ этой кулацкой силы возрастаетъ и оно выплачиваетъ ей тѣ свои кровные рубли, которые могли бы и должны были бы идти на упроченіе хозяйственной его силы, на развитіе его сельско-хозяйственныхъ капиталовъ. 2,7 рубля въ годъ за пахатную десятину! Да ведь при запашкѣ въ 23 дес. это *ежегодно* стоимость рансомовскаго плуга, пашущаго на 6 вершковъ глубины, или отличной рабочей лошади... А въ тѣхъ мѣстахъ 23 дес. запашки очень небольшая рѣдкость.

Занятія населенія сложились тамъ такъ, что край имѣетъ большой избытокъ одного товара—хлѣба (и преимущественно—одного рода хлѣба, пшеницы) и чувствуется надобность въ орудіяхъ обработки (земледельческихъ орудіяхъ), лѣсъ въ разныхъ фабрикатахъ. Организация обмѣна подсказывается самой логикой вещей. Надо устроить такъ, чтобы имѣлись на-лицо спеціальныя общественныя учрежденія, вѣдающія подвозъ хлѣба къ назначеннымъ пунктамъ, его до-

ставку на мѣста потребленія (въ данномъ случаѣ—преимущественно во Францію) и сбытъ его тамъ покупателямъ. Съ другой стороны, такія учрежденія озабочивались бы доставкой въ край, положимъ, земледѣльческихъ орудій, дѣса и фабрикатовъ. На практикѣ—это могли бы быть, напр., органы самоуправления. Я не задаюсь цѣлью предрѣшать формы такихъ учреждений. Но это должны быть *общественно-хозяйственныя*, а не *частно-хозяйственныя* предпріятія, т. е. такія, которыя преслѣдовали бы интересы *населенія*, а не *лица*. Тогда не могло бы быть такой вопиющей аномаліи, что капиталнѣйшіе интересы цѣлаго богатаго края подчиняются алчности какого то сброда, большей части котораго мѣсто—на скамьѣ подсудимыхъ, что этому сброду производительное населеніе выплачиваетъ ежегодно, какъ контрибуцію, какъ выкупъ, видную часть своихъ доходовъ, уменьшая на всю эту сумму ежегодно ростъ своихъ земледѣльческихъ капиталовъ *). Не значить ли это рубить тотъ сукъ, на которомъ сидишь? Можетъ быть, это дѣлается полегоньку да поменьше, но вѣдь и капли, при извѣстномъ постоянствѣ, продалбливаютъ камень.

Мы мало имѣемъ, повторяю, цѣльныхъ изслѣдованій по сбыту продуктовъ нашего сельскаго хозяйства. Тѣмъ важнѣе работа Э. А. Щербины. То, что дѣлается въ этомъ направленіи на сѣверномъ Кавказѣ, не составляетъ особенности этой области. Съ разными варьянтами и мѣстными особенностями аналогичные приемы хлѣбной и иной торговли практикуются въ очень многихъ мѣстностяхъ нашей страны. Почва къ тому имѣется всегда, какъ только *общественные* интересы сталкиваются съ *личными*, общественное дѣло попадаетъ въ руки лица, выгоды котораго ему противоположны. Стало быть, надо же поставить діагнозъ болѣзни, изучить фактъ, и прописать лекарство—придать сбыту продуктовъ присущій ему общественный характеръ.

Прошлой осенью мнѣ довелось прочесть въ газетахъ, что дворянство одной изъ черноземныхъ губерній (не помню, какой) отправило агента въ Парижъ для того, чтобы завязать непосредственныя сношенія съ тамошними хлѣбными импортерами. По словамъ газеты, агентъ этотъ удачно выполнилъ свою миссію, условился, съ кѣмъ слѣдовало, и хлѣбъ инициаторовъ дѣла получили доступъ на парижскій рынокъ подъ условіемъ его тожества съ условленными пробами. Сдѣлка эта обѣщала быть, конечно, *гораздо* болѣе выгодной продажи хлѣба на мѣстахъ; иначе оно быть и не могло. Я не знаю, что изъ этого въ концѣ концовъ вышло, т. е. былъ ли хлѣбъ дѣствительно отправленъ въ Парижъ и остались ли имъ тамъ дово-

*) Можетъ быть не лишнимъ будетъ напомнить, что въ предшествующихъ расчетахъ были вовсе отброшены расходы по гужевой и желѣзнодорожной перевозкѣ зерна и что мы оперировали исключительно надъ цифрами выражающими прибыль посредниковъ.

ны. Да это и не важно въ данномъ случаѣ. Конечно, все было хорошо, если хлѣбъ соответствовалъ пробаѣ. А такъ какъ это во власти производства, то вся исторія завязыванія такихъ непосредственныхъ сношеній производителей съ потребителями оказывается совсѣмъ немудреной. Не боги горшки обжигаютъ. Въ частности же въ этомъ фактѣ, если онъ былъ вѣрно переданъ корреспондентомъ, неприятно поражаетъ только одно: почему это сдѣлано только для дворянъ? Гдѣ крестьяне, гдѣ землевладѣльцы остальныхъ сословій? Не ясно ли, что такіе эксперименты—дѣло экономіи цѣлаго края и потому не могутъ служить одному сословію, что это—дѣло земское?

XIX.

Цѣнная работа г. Щербины выдвигаетъ еще одинъ общій вопросъ, весьма крупный и серьезный и въ то же время—мало изслѣдованный. Это вопросъ о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ, на которомъ также нельзя не остановить вниманіе читателя.

Тотъ край—сѣверный Кавказъ—совсѣмъ особенный край. Частная земельная собственность занимаетъ тамъ совершенно ничтожную площадь: въ сѣверномъ районѣ Владикавказской желѣзной дороги— всего 9,5%, въ среднемъ— 16,8%, а въ южномъ— 13,4% всего пространства; казенное и удѣльное землевладѣніе встрѣчается только въ среднемъ районѣ и тоже въ ничтожномъ количествѣ— всего въ суммѣ 5,9%. Все остальное подавляющее количество земель края— до 90%— составляетъ общественную собственность крестьянъ и казаковъ и земли войсковыя. (I 9, II 7—8, III 6). Если прибавить, что среди частныхъ землевладѣльцевъ немало казаковъ и что казенныя земли эксплуатируются тоже казаками и крестьянами и что тамъ еще есть нѣкоторый земельный просторъ, то мы поймемъ, что имѣемъ дѣло съ *специально мужицкимъ* краемъ, краемъ обезпеченнаго, болѣе или менѣе самостоятельнаго «хлѣбо-роба»—производителя. Это, очевидно, уголокъ страны, сильный, крѣпкій своей сравнительной обезпеченностью, чреватый будущностью, культурой, если, конечно, характеръ его не измѣнится подъ вліяніемъ тѣхъ «подводныхъ камней», о которыхъ рѣчь была выше, что можетъ случиться и что весьма вѣроятно, если заранѣе противъ этого не вооружиться.

Еще очень важная черта. Не внимая голосу тѣхъ, которые мають, что при общинномъ землевладѣніи немислимъ аграрный прогрессъ, *общинное* хозяйство сѣвернаго Кавказа обладаетъ кимъ количествомъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, какъ какое другое крестьянское хозяйство собственно Россіи и больше того, можетъ быть, имѣется лишь въ высоко интенсивныхъ хозяйствахъ привислянскихъ или прибалтійскихъ губерній.

При вспашкѣ на-ряду съ обще-новороссійскими двухлемешными

и трехлемешными буферами нерѣдко встрѣчаются усовершенствованные плуги; старинные «сабаны» и рала составляют принадлежность лишь болѣе отдаленныхъ и глухихъ станицъ; носѣвъ бываетъ производимъ часто при помощи сѣялокъ, задѣлка сѣмянъ—желѣзными боронами; снимается хлѣбъ частью косою «на грабенъ» или «на крякъ», а частью и жатвенными машинами, получившими особое распространение въ среднемъ районѣ; для молотбы имѣются или каменные катки, или конныя и даже паровыя молотилки, ручныя вѣялки и сортировки встрѣчаются почти въ каждомъ дворѣ нѣкоторыхъ частей края, а примитивный способъ очистки зерна при помощи деревянной лопаты и ручныхъ рѣшетъ практикуется весьма рѣдко. Распространение всѣхъ этихъ орудій идетъ съ сѣвера на югъ и въ обѣ стороны отъ лини желѣзной дороги. Въ сѣверномъ районѣ насчитывается на сто хозяйствъ 144 усовершенствованныхъ орудій, т. е. въ каждомъ хозяйствѣ должны повидимому они встрѣчаться. *Повидимому*—ибо подворной переписи произведено не было, но насколько автору удавалось провѣрять эти цифры, онѣ оказывались еще *ниже* дѣйствительныхъ. Въ среднемъ районѣ на 100 хоз. имѣется ихъ всего 30, но за то здѣсь замѣчается гораздо болѣе дорого стоящихъ молотилокъ: число хозяйствъ здѣсь въ 3 раза больше, чѣмъ въ сѣверномъ, а число молотилокъ—слишкомъ въ 8 разъ; тамъ на одну молотилку приходится 263 мелкихъ орудій, здѣсь же—всего 19. Для южнаго района суммарныхъ цифръ не приведено, но несомнѣнно, что процессъ увеличенія числа улучшенныхъ орудій и тамъ на полномъ ходу, какъ въ томъ убѣждаютъ имѣющіяся отрывочныя данныя. Такъ, напр., въ Александровскомъ уѣздѣ въ 1882 г. считалось всего 115 орудій, а въ 1891 году—уже 4761: увеличеніе = въ 41 разъ, въ частности увеличеніе вѣялокъ—въ 36 разъ, плуговъ—въ 52 раза. Для среднего района *Θ. А. Щербина* приводитъ даже интересное распредѣленіе усовершенствованныхъ орудій по разнымъ категоріямъ хозяевъ. Оказывается, что коренное населеніе, какъ и слѣдуетъ ожидать, богаче орудіями, чѣмъ иногородное (на 100 хозяйствъ 34 противъ 24). Засимъ, и то, и другое располагается по данному признаку слѣдующимъ образомъ: больше всего орудій имѣется у нѣмцевъ колонистовъ, затѣмъ у крестьянъ, а затѣмъ у казаковъ. Меньше всего среди коренного населенія встрѣчается орудій у некультурнаго черкесскаго населенія (на 100 хоз. всего 6). Нѣкоторая отсталость казаковъ, сравнительно съ двумя высшими группами, объясняется тѣмъ, что они до сихъ поръ несутъ поголовную военную службу и начали-то правильную хозяйственную жизнь всего 28 лѣтъ назадъ, послѣ покоренія западнаго Кавказа.

Потребность въ орудіяхъ, повидимому, сознается тамъ гораздо въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ жители могутъ ей удовлетворить сообразно своимъ наличнымъ средствамъ. Поэтому во всѣхъ трехъ районахъ дороги создавался даже особый промыселъ—сдачи въ поль-

зование паровых молотилокъ и жатвенныхъ машинъ. Практикуется онъ богатыми хозяевами, торговцами и вообще разнаго рода иногородцами: лавочниками, скупщиками и арендаторами. Предприниматели имѣютъ обыкновенно при паровыхъ молотилкахъ своего машиниста и одного или двухъ подручныхъ рабочихъ; затѣмъ перевозка молотилки и локобила, установка, отопленіе и самыя работы производятся за счетъ хозяина, у котораго обмолачивается хлѣбъ; вознагражденіе предприниматель получаетъ зерномъ или деньгами: въ прежнее время—8-ю—10-ю мѣрку или около 1 р. отъ четверти, теперь—12-ю—20-ю мѣрку или 60—35 к.; въ сѣверномъ районѣ нѣсколько дешевле, чѣмъ въ среднемъ, гдѣ обмолотъ десятины этимъ путемъ обходится около 5 р. При уборкѣ хлѣба наемными жатками практикуется большею частью подесятинная плата, размѣры которой устанавливаются вообще величиной урожая и большимъ или меньшимъ обиліемъ вольнонаемныхъ рабочихъ рукъ (I 23—25, II 28—32, III 32—35).

И въ этомъ случаѣ, какъ и при сбытѣ зерна, изолированность, обособленность отдѣльнаго производства толкаетъ его въ руки кулака и позволяетъ послѣднему прастъ свою паутину. Понятно, далеко не всѣ хозяева даже тамъ могутъ приобрѣсть себѣ дорого стоящія орудія. Но что непосильно одному, то вполне доступно артели. Нельзя сомнѣваться, что средствъ на артельные паровыя молотилки и жатки тамъ можно найти очень много и что если бы общественное, компанейское приобрѣтеніе такихъ орудій тамъ распространилось, то массы денегъ оставались бы въ рукахъ хозяевъ и не попадали бы въ руки всѣхъ этихъ «иногородцевъ» и лавочниковъ. Примѣровъ такихъ артельныхъ покупокъ земледѣльческихъ орудій имѣется не мало не только при общинномъ хозяйствѣ (напр. въ Елизаветградскомъ уѣздѣ), но даже при частномъ (напр. въ Бельгіи, въ Западной Германіи). Великую пользу мѣстной экономикѣ, интересамъ массы населенія принесли бы тѣ мѣстные общественные дѣятели, которые познакомили бы мѣстное крестьянство и казачество съ выгодами артельного принципа и которые сумѣли бы создать артельными орудіями конкуренцію кулачскимъ. Надъ этимъ стоитъ поработать.

Но несмотря на это изобиліе улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій въ краѣ, сѣверный Кавказъ служитъ однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ, куда направляются изъ внутреннихъ губерній земледѣльческіе отхожіе промыслы.

Потребность въ полевыхъ рабочихъ выросла тамъ отчасти вслѣдствіе отвлечения нѣкотораго количества взрослыхъ работниковъ отъ казачьихъ хозяйствъ военной службой, а болѣе всего—какъ результатъ относительнаго земельного простора. Поэтому-то гришлые рабочіе здѣсь нужны не столько хозяевамъ другихъ соловій, которыхъ мало, сколько казакамъ и крестьянамъ. «Казачья» мѣстностей получили въ надѣлъ отъ 16¹/₂ до 30 дес. на

муж. душу по спискамъ населенія 1868 года, а для государственныхъ крестьянъ (въ Медвѣженскомъ уѣздѣ сѣвернаго района) полный надѣлъ опредѣленъ былъ въ 15 дес. на муж. ревиз. душу, хотя въ дѣйствительности онъ былъ, кажется, сведенъ среднимъ числомъ на $10\frac{1}{2}$ дес. Такъ какъ рядомъ съ казачьими станичными землями находились кромѣ того земли войсковыя и незаселенныя дополнительные надѣлы, а по границѣ Медвѣженскаго уѣзда тянулись обширѣйшія донскія степи, то вполне естественно, что здѣшніе земледѣльцы не въ состояніи были воздѣлывать даже половины свободныхъ пустовавшихъ земель одними своими рабочими силами». Это говорится про сѣверный районъ, но характеризуетъ всѣ три. Общій видъ этихъ отношеній въ нихъ одинаковъ. Поэтому ежегодно тянулись и тянутся сюда массы отхожихъ рабочихъ изъ внутреннихъ губерній для сѣнокоса и жатвы, причемъ съ годами движеніе это не уменьшается, а растетъ. Натискъ русскихъ рабочихъ съ сѣвера распространяется все далѣе и далѣе вглубь края и въ настоящее время достигъ уже южнаго района Владикавказской дороги, гдѣ сталкивается съ противоположнымъ теченіемъ идущихъ на заработки инородцевъ съ юга на сѣверъ—изъ разныхъ мѣстъ Кавказа и Закавказья. Въ районѣ Минераловодской вѣтви встрѣчаются уже ногайцы изъ Караногайскихъ степей, работающіе за натуральное вознагражденіе; южнѣе—опять караногайцы, тавлинцы, изрѣдка кабардинцы и особенно имеретинцы, считающіеся лучшими работниками. Таковы конкуренты русскихъ рабочихъ, ставящіе имъ своимъ присутствіемъ преграды къ дальнѣйшему движенію вплотную къ самому хребту. Интересны были бы характерныя черты этой борьбы, какими приемами она ведется, происходитъ ли между тѣми и другими спеціализація, размежевка что-ли занятій, или возникаетъ простая конкуренція, перебой, кто оказывается сильнѣе, вытѣсняють-ли постепенно русскіе инородцевъ и систематически подвигаются далѣе, или демаркаціонная линія между ними не двигается поступательно на югъ. Все это—благодарнѣйшая тема для мѣстныхъ изслѣдователей, разработка которой освѣтила бы одну изъ любопытнѣйшихъ чертъ русской мирной колонизаціи и народной, такъ сказать, «русификаціи» края, населеннаго менѣе культурными племенами.

Остается прибавить, что повидимому пришлый людъ главнымъ образомъ движется *вдоль* и *по* Воронежско-Ростовской и Курско-Азовской желѣзнымъ дорогамъ до Ростова, тамъ оба эти большіе потока и смѣшиваются и направляются далѣе по Ростово-Владикавказской желѣзной дорогѣ, рассыпаясь вокругъ всего протяженія линіи тѣмъ больше, чѣмъ сѣвернѣе, и тѣмъ меньше, чѣмъ южнѣе. Сказаннымъ и исчерпывается въ общихъ чертахъ географія промысла.

Это движеніе *массъ*, тысячъ людей ежегодно на югъ и обратно.

очевидно, не может быть ни случайнымъ, ни легко устранимымъ. Это одно изъ хозяйственныхъ явленій перваго ранга, на которомъ основываются два строя хозяйства частой страны, подающихъ другъ другу руки для необходимой взаимопомощи. Между этими строями, по выраженіи Ѳ. А. Щербинны, «установились крѣпкія и опредѣленныя связи», въ силу которыхъ одинъ не можетъ удовлетворительно идти безъ участія пришлыхъ рабочихъ, а другой не можетъ свести установившагося денежнаго баланса при отсутствіи денежныхъ заработковъ на Кавказѣ. Это фактъ, признанный давно, такъ какъ положеніе, въ которомъ находится теперь районъ Владикавказской желѣзной дороги, занято было уже гораздо раньше Новороссіей (Херсонской губ., Екатеринославской, степными частями Таврической, Донской областью, даже южной частью Харьковской губ.). Уже много десятилѣтій движутся ежегодно туда эти тысячи или десятки тысячъ (кто ихъ считалъ?!) людей, питаемыхъ однимъ хлѣбомъ, ночуя четыре мѣсяца на дворѣ, пѣшкомъ подъ зноемъ и дождемъ и возвращаясь домой нерѣдко съ нѣсколькими рублями или даже безъ гроша въ карманѣ. Безъ этихъ мытарствъ не могли быть ими уплачены подати, а на югѣ не могли бы экспортировать пшеницы. Очевидно, это—вопросъ государственной важности; стоило бы подумать о томъ, чтобы сколько нибудь облегчить этотъ мартирологъ, если не изъ человеколюбія, то хоть бы изъ фискальныхъ цѣлей. Вѣдь нельзя же собрать съ этого народа податей, если онъ «даромъ» проходилъ и вернулся съ цѣлковымъ въ карманѣ...

Но никогда ничего въ этомъ направленіи дѣлано не было. Движеніе это остается и теперь столь же стихійнымъ, какимъ было и прежде. «Безъ руля и безъ вѣтриль», безъ какихъ либо свѣдѣній объ урожаѣ въ мѣстахъ, составляющихъ цѣль отхода, о спросѣ тамъ на рабочія руки, руководясь одними случайными, часто невѣрными слухами, рабочіе идутъ на югъ, какъ перелетная птица, имѣя передъ собой только *направленіе*, но не сознательно выбранную мѣстность. Въ дорогѣ объѣлись, пооборвались, обувь поистоптали, пришли и поневолѣ берутъ лишь то, что даютъ имъ окружающія условія, и принуждены этимъ довольствоваться. А условія эти создаются въ значительной мѣрѣ случайностью, безтолчью, безсистемностью, отсюда и результаты получаются безтолковыя.

На Кавказѣ пришлые рабочіе нанимаются обыкновенно поденно. «Каждая станица или селеніе представляетъ въ праздничные воскресные дни рынокъ, на которомъ устанавливаются цѣны на руду, въ зависимости отъ предложенія рабочихъ рукъ и спроса на ихъ, понедѣльно и вообще въ промежутки между воскресными и праздничными днями. Такимъ образомъ, часто случается, что въ инъ и тотъ же день, но въ разныхъ станицахъ, расположенныхъ же вблизи одна отъ другой, цѣны на рабочія руки бываютъ зыма различны». Minimum ихъ обыкновенно приходится на сѣ-

нокось, когда приливъ рабочихъ бываетъ наибольшимъ, максимумъ падаетъ на 1—2 недѣли жатвы главнаго хлѣба, когда часть рабочихъ разошлась домой къ собственной жатвѣ, а потребность въ нихъ достигаетъ своего апогея. Но сплошь и рядомъ случается, что рабочіе вовсе не находятъ для себя сколько-нибудь обезпечивающей работы, такъ какъ переполняютъ собой одну мѣстность и возвышаютъ конкуренцію труда до высочайшей степени, а въ то же время въ другой мѣстности наниматели остаются безъ рабочихъ. «Бывали поэтому примѣры, что рабочіе уходили домой безъ копейки денегъ, голодными, побирающимися Христовымъ именемъ; случалось также, что и хозяева оставляли необраннымъ на корню хлѣбъ, за отсутствіемъ необходимыхъ для этого рабочихъ рукъ». Въ результатъ—огромныя колебанія лѣтней заработной платы. Въ 1891 году въ сѣверномъ районѣ колебанія эти были—при сѣнокосѣ, какъ 1:3,3 (30 к.—1 р.), при жатвѣ, какъ 1:4,1 (60 к.—2 р. 50 к.), т. е. въ три и четыре раза слишнимъ. Въ 1893 году въ южномъ районѣ эти колебанія—какъ 1:2 (и при поденной и при сдѣльной платѣ). Въ среднемъ районѣ особенно рельефное явленіе въ этомъ смыслѣ имѣло мѣсто въ 1892 г., когда вслѣдствіе неурожая внутри Россіи въ Кубанскую область нахлынули особенно многочисленныя массы рабочаго люда». Съ весны мѣстные рынки буквально были переполнены рабочими руками. Сѣнокосеніе въ области началось при небывалыхъ невозможно, низкихъ цѣнахъ. Косарямъ платили по 20—25 коп. въ день. Но работы эти совпали съ началомъ холеры. Рабочіе, утраченные послѣдней, начали постепенно оставлять область». Поэтому, къ концу сѣнокоса цѣны поднялись въ однихъ мѣстахъ до 40—60 к., въ другихъ до 50—80 к., въ большинствѣ до 1 р. «Усиленіе эпидеміи вызвало новую тревогу въ средѣ рабочаго люда. Рабочіе двинулись поспѣшно цѣлыми массами обратно домой, запрудивши главнѣйшія желѣзнодорожныя станціи и скопившись только въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Цѣны на рабочія руки сразу же и рѣзко повысились. Уборка хлѣба, начавшись съ 1 р. поденной платы, дошла до 2 р. 50 к. 3 р. въ день, мѣстами «парѣ», т. е. кощу и вязальщицѣ, стали платить по 5 р.; позже цѣны еще нѣсколько возросли, подешевившая уборка, стоившая на 8—10 рублѣхъ, поднялась въ нѣкоторыхъ станицахъ сразу до 17 руб., наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хозяева принуждены были оставить хлѣбъ на корню и совсѣмъ отказаться отъ уборки его, за недостаткомъ рабочихъ рукъ. При поѣздкахъ автора по среднему району Владикавказской желѣзной дороги ему встрѣчались мѣстами на пути въ сентябрѣ нивы стоявшаго на корню и лежавшаго въ рядахъ необранныаго хлѣба. Невозможность уборки хлѣба произошла, по рассказамъ жителей, не столько по причинѣ дороговизны рабочихъ рукъ, сколько благодаря полному отсутствію ихъ. Рабочіе сразу цѣлыми массами оставили мѣста своихъ заработковъ». Положимъ, что въ данномъ случаѣ, имѣлся на лицо та-

кой чрезвычайный мотивъ — сильная холера. Но аналогичные случаи бывали нерѣдко во всемъ край просто по причинѣ различій въ размѣрахъ урожая. Чѣмъ выше урожай, тѣмъ цѣны выше. «Случай оставленія хлѣба на корню объясняются простыми ариеметическими расчетами хозяевъ относительно тѣхъ выгодъ, которыя можетъ дать собранный хлѣбъ». «Даже при лучшемъ сочетаніи условий ежегодно на сѣверномъ Кавказѣ бываетъ мѣстности, въ которыхъ чувствуется недостатокъ въ пришлыхъ рабочихъ, вслѣдствіе чего хлѣба убираются не во время — съ значительными потерями въ качествѣ и количествѣ зерна, а иногда и совсѣмъ не убираются. Въ этихъ случаяхъ возникаетъ конкуренція хозяевъ, изъ которой побѣдителями выходятъ, конечно, болѣе богатые изъ нихъ». Въ станицахъ Пятигорскаго отдѣла почти всюду казаки жалуется на то, что у нихъ, мелкихъ хозяевъ, перехватываютъ и раньше законтрактовываютъ рабочихъ хозяева крупныя, такъ называемыя тавричане. Рабочіе русскіе и ногайцы напередъ «перехвачиваются» этими послѣдними. Эти тавричане «ловятъ» ногайцевъ на Курѣ и на Караногайскихъ степяхъ, кабардинцевъ — въ самой Кабардѣ и т. д. Такія же жалобы авторъ слышалъ и въ кабардинскомъ аулѣ, пользовавшемся раньше рабочими ногайцами. Понятно, мелкіе хозяева — всѣ эти казаки, кабардинцы и проч., несутъ большія потери при такихъ запашкахъ, которые рассчитаны на привлекаемъ рабочихъ сверхъ работы своей семьи (I 20—21, II 25—26, III 29—31).

Получается въ результатѣ что-то дикое. Массы пришлаго народа ищутъ заработка, но не знаютъ, гдѣ его найти. Вслѣдствіе этого они нерѣдко сбиваются въ кучи въ немногихъ мѣстностяхъ, роняютъ цѣны, получаютъ гроши и побираются Христовымъ именемъ. Другія мѣстности остаются безъ рабочихъ; немногіе попавшіе туда счастливыцы получаютъ огромный заработокъ, цѣны повышаются настолько, что стоимость уборки зерна превышаетъ стоимость продукта, и крестьяне бросаютъ необранными часть своихъ нивъ, часть своего благосостоянія. А вѣдь немногого и не хватаетъ — организаци. Такіе абсурды могутъ встрѣчаться только тамъ, гдѣ сознательную разумную дѣятельность замѣняетъ стихійная. Когда члвкъ вздумаетъ идти съ закрытыми глазами, онъ упадетъ въ яму. Въ данномъ случаѣ въ яму падаютъ и пришлые рабочіе и ихъ наниматели по единственной причинѣ — они не направляютъ сознательно того явленія, которое имѣетъ своимъ основаніемъ крупнѣйшіе интересы обѣихъ сторонъ.

Мы видѣли выше, что отсутствіе общественной организаци отдало край въ руки арміи и пущиковъ, собирающей съ жителей ежегодную контрибуцію, измѣняемую милліонами рублей. Затѣмъ мы замѣтили, что отсутствіе общественной организаци для приобрѣтенія дорогихъ земледѣльческихъ орудій, нужныхъ мѣстному хозяйству, заставляетъ население платить еще новую подать тѣмъ-же спекулянтамъ, сдумѣвшимъ

устроиться при помощи машинъ, приобретаемыхъ ужъ теперь прямо съ промышленной цѣлью. Наконецъ, теперь мы видимъ, что отсутствіе общественной организаціи, облегчающей судьбу пришлыхъ рабочихъ, направляющей и распределяющей ихъ, цѣлью которой было-бы доставлять рабочимъ болѣе или менѣе равномерный заработокъ, а крестьянамъ-хозяевамъ относительно равномерное количество рабочихъ, что отсутствіе такой организаціи доставляетъ немало страданій тѣмъ тысячамъ, которыя приходятъ туда зарабатывать необходимѣйшій для нихъ кусокъ хлѣба, заставляетъ крестьянъ-хозяевъ сокращать свое производство сравнительно съ тѣми его размѣрами, которыя могли-бы быть, и вмѣстѣ — даетъ толчокъ дифференціаціи населенія, такъ какъ въ такой безтолковой конкуренціи, конечно, кто побогаче выигрываетъ и наживаетъ, а кто побѣднѣе, тотъ проигрываетъ и не получаетъ того, на что рассчитывалъ.

Выходитъ, что общественно-хозяйственная организація служить той ариадниной нитью, которая одна только въ состояніи вывести на истинный путь; только такая организація можетъ предохранить хозяйство отъ натиска вредныхъ, паразитныхъ элементовъ. Вспомнимъ старую басню о прутьяхъ, пучка которыхъ сломить нельзя. Отдѣльный хозяинъ, конечно, безсиленъ противъ всѣхъ этихъ «самовозовъ» и «жуликовъ» въ разныхъ формахъ, но противъ выработанной, обдуманной организаціи хозяевъ—они окажутся безсиленными, они — эта наносная грязная гѣна общества, которая скопляется лишь благодаря разрозненности производителей и отсутствію ихъ сознательной солидарной дѣятельности.

Н. Карышевъ.

Что такое образованный человекъ?

(По поводу брошюры: «Программы домашняго чтенія»).

«Съ выходомъ въ свѣтъ настоящаго перваго выпуска программъ московская комиссія по организаціи домашняго чтенія начинаетъ свою дѣятельность. Цѣль комиссіи—прійти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія. Едва ли нужно доказывать существованіе потребности въ самообразованіи среди нашей интеллигентной публики. Врядъ ли также кто-либо будетъ отрицать важность и своевременность той помощи, которая можетъ быть въ этомъ случаѣ оказана компетентными лицами. Даже въ крупныхъ интеллигентныхъ центрахъ, каковы наши столицы, не всегда и не всякому удастся во время найти компетентнаго руководителя; тѣмъ труднѣе это для жителей провинціи».

Такими словами начинаются «программы домашняго чтенія», изданныя комиссіею по организаціи домашняго чтенія, состоящею при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній.

Само собою разумѣется, что мы можемъ только привѣтствовать благой починъ московскихъ профессоровъ (изъ которыхъ состоитъ главный контингентъ «комиссіи»), взявшихъ на себя руководство самообразованіемъ въ Россіи. Но если не ограничиваться простымъ «привѣтствованіемъ», если захотѣтъ на дѣлѣ доказать свое сочувствіе почину комиссіи, то, конечно, одну изъ лучшихъ услугъ окажетъ тотъ, кто, подвергнувъ критикѣ программы комиссіи, укажетъ ихъ слабыя стороны, и, можетъ быть, даже и вскроетъ внутреннее противорѣчіе, которыми страдаютъ эти программы.

Приобрѣтеніе знаній можетъ имѣть тройкій характеръ: знаніе можно разсматривать, какъ право, какъ гражданскій долгъ и какъ ремесло.

Всякій человекъ имѣетъ право стремиться къ удовлетворенію своей естественной любознательности, желать сознательно относиться къ явленіямъ внутренняго и внѣшняго міра, понимать свое мѣсто въ природѣ, смыслъ своего существованія.

Но, кромѣ того, наше знаніе и незнаніе, наша образованность и необразованность вліяютъ на судьбу другихъ людей. Какъ члены общества, мы своими идеями и желаніями опредѣляемъ судьбу этого общества, дѣлаемъ исторію. Для этого нѣтъ даже надобности принимать активное участіе въ общественной жизни: самый бездѣятельный, самый уединенный человекъ однимъ простымъ подчиненіемъ даннымъ формамъ общественной жизни укрѣпляетъ ихъ, дѣлается членомъ той, повидимому, безличной и бездѣятельной массы, которая, однако, играетъ рѣшительную роль, какъ орудіе въ рукахъ активныхъ элементовъ. Отсюда—обязательность знанія. Мы не можемъ не вліять на судьбу другихъ людей и, поэтому, мы бываемъ достойны нравственнаго осужденія, если не проникаемся въ достаточной мѣрѣ сознаниемъ отвѣтственности своего положенія, если не прилагаемъ всѣхъ усилій, чтобы уяснить себѣ свои гражданскія обязанности.

Наконецъ, знаніе есть ремесло. Современное общество для своего существованія и развитія нуждается не только въ томъ, чтобы достаточное число рукъ было занято производствомъ и добычаніемъ пшеницы, желѣза, суена и т. п., но также и въ томъ, чтобы достаточное число головъ было занято культивированіемъ науки, какъ чистой, такъ и прикладной.

Обладаніе знаніемъ можетъ принять форму образованности или форму учености. Конечно, эта классификація, подобно всякой другой классификаціи, не имѣетъ абсолютнаго значенія, ибо въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ разграниченій. Не можетъ быть образованности безъ нѣкоторой доли учености, не можетъ быть учености безъ нѣкоторой доли образованности. Мало того, чѣмъ выше образованность, тѣмъ большую дозу учености она въ себѣ заключаетъ; съ другой стороны, чѣмъ шире ученость человека и чѣмъ сложнее наука, изученію которой онъ себя посвящаетъ, тѣмъ полнѣе его образованность.

Ученость предполагаетъ знаніе методовъ, посредствомъ которыхъ открывается истина, и знаніе результатовъ, достигнутыхъ при помощи этихъ методовъ. Образованность! предполагаетъ только знаніе научныхъ способовъ доказательства. Такое опредѣленіе образованности (которое не слѣдуетъ принимать за требованіе знанія формальной логики) можетъ показаться страннымъ и ошибочнымъ для людей, не привыкшихъ къ отвлеченному мышленію; эти люди могутъ возразить, что существованіе подобной образованности невозможно. Я вполне съ ними соглашусь и только замѣчу, что въ подобной же мѣрѣ невозможно и существованіе геометрической линіи, имѣющей, какъ извѣстно, только длину, но

не имѣющей ни ширины, ни толщинѣ. Поэтому-то, въ дѣйствительности, образованность никогда не встрѣчается безъ нѣкоторой доли учености.

Эта ученость, прибавка которой необходима для осуществленія образованности, заключается въ знаніи высшихъ научныхъ обобщеній.

Соединеніе знанія научныхъ способовъ доказательства со знаніемъ высшихъ научныхъ обобщеній приводитъ къ усвоенію научнаго міровоззрѣнія, чѣмъ и характеризуется всякій дѣйствительно образованный человекъ. Усвоеніе способовъ научныхъ доказательствъ достигается образованными людьми не изученіемъ логики и теоріи познанія, а разсмотрѣніемъ приемовъ и методовъ, посредствомъ которыхъ были добыты тѣ высшія научныя обобщенія, знаніе которыхъ необходимо для усвоенія научнаго міровоззрѣнія.

Итакъ, если, говоря теоретически строго, образованность есть только знаніе научныхъ способовъ доказательствъ *), то, говоря практически, такъ какъ знаніе этихъ научныхъ способовъ доказательства достигается только изученіемъ высшихъ научныхъ обобщеній, мы подъ образованностью должны понимать обладаніе научнымъ міровоззрѣніемъ.

Выше я говорилъ, что знаніе можно разсматривать, какъ право, какъ гражданскій долгъ и какъ ремесло. Легко видѣть, что то знаніе, приобрѣтеніе котораго составляетъ нашъ гражданскій долгъ, есть образованность; а ученость есть то знаніе, которое имѣетъ всѣ признаки и свойства общественно необходимаго ремесла.

Приобрѣтенію какого же вида знанія должна споспѣшествовать коммиссія по организаціи домашняго чтенія?

Всякое правительство, а тѣмъ болѣе всякое правительство европейскаго государства, уже повинуваясь простому инстинкту самосохраненія, должно заботиться о томъ, чтобы обладать достаточнымъ контингентомъ ученыхъ спеціалистовъ. Недочетъ въ этихъ ученыхъ спеціалистахъ немедленно даетъ себя знать ослабленіемъ политическаго могущества государства. Поэтому всѣ европейскія правительства заботятся объ обезпеченіи себя извѣстнымъ контингентомъ особаго служилого сословія ученыхъ спеціалистовъ. Такъ какъ образованность, несмотря на свое огромное общественное

*) Одинъ арабскій ученый говорилъ своимъ ученикамъ: если кто-либо скажетъ вамъ, что законы математики ошибочны, и въ доказательство этого препратитъ палку въ змѣю, то не считайте подобное доказательство убѣдительнымъ. Это типичный примѣръ. Образованный человекъ отвергнетъ подобное доказательство, хотя бы онъ (въ отличіе отъ ученаго) и не зналъ законовъ математики. Онъ скажетъ: превращеніе палки въ змѣю есть необычайное чудо, но изъ него не слѣдуетъ, что законы математики ошибочны. Съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ необразованные люди немедленно повергнутъ къ ногамъ подобнаго чудодѣя всѣ свои убѣжденія и вѣрованія.

значеніе, имѣеть государственное значеніе только косвенно, черезъ развитіе общественности, то она и не пользуется со стороны правительствъ такимъ вниманіемъ, какъ ученость. Не только всѣ спеціальныя школы, создаваемыя правительствами, вполне игнорируютъ образованность, но даже университеты, вопреки своему названію, вовсе не являются разсадниками универсальныхъ знаній, а представляютъ чисто механическое соединеніе нѣсколькихъ спеціальныхъ школъ—факультетовъ, объединенныхъ только общностью высшаго начальства и (въ большинствѣ случаевъ) помѣщенія. Это соединеніе факультетовъ до такой степени чисто внѣшнее, механическое, что нѣкоторые университеты существуютъ съ неполнымъ числомъ факультетовъ, нѣкоторые имѣютъ факультеты, не встрѣчающіеся въ другихъ университетахъ, наконецъ, отдѣльныя факультеты, безъ всякаго измѣненія, выдѣляются изъ состава университета и ведутъ вполне самостоятельное существованіе.

А между тѣмъ, если число ученыхъ спеціалистовъ, потребныхъ для благоденствія государства, всегда будетъ весьма незначительно, то образованными должны быть всѣ граждане идеальнаго государства.

Эти соображенія несомнѣнно показываютъ, что наша коммиссія должна заботиться не объ увеличеніи числа ученыхъ, а объ увеличеніи числа людей образованныхъ. Несомнѣнно, что она такъ именно и понимаетъ свою задачу, къ такой именно цѣли и стремится открыто. Она несомнѣнно открыто и сознательно стремится къ этой цѣли, но столь же несомнѣнно, что при этомъ она употребляетъ такія средства, какъ *будто бы* она стремится къ совершенно другой цѣли: къ подготовкѣ ученыхъ спеціалистовъ.

Это результатъ профессиональной исключительности (я чуть было не сказалъ: болѣзни) людей, стоящихъ во главѣ коммиссіи. Всѣ они профессора и преподаватели университета, всѣ они привыкли извѣстнымъ образомъ руководить занятіями своихъ слушателей, привыкли готовить ученыхъ спеціалистовъ, и теперь не сумѣли приспособиться къ новымъ условіямъ, не сумѣли выработать программы не для университетскихъ слушателей, не для будущихъ врачей, юристовъ, математиковъ, однимъ словомъ, не для спеціалистовъ, а для просто образованныхъ людей.

Свою критику начну съ программы наиболѣе законченной, съ программы по философін, тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, нигдѣ эта профессорская черта не выразилась такъ рѣзко, какъ въ программѣ, составленной профессоромъ Гротомъ.

Вотъ эта программа:

Необходимыя пособія:

1) Г. Гѣфдингъ. Очерки психологін, основанной на опытѣ Пер. съ нѣмец. подъ ред. Я. Н. Колубовскаго и А. А. Козлова Москва. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

2) Д. Льюисъ. Изученіе психологій, ея предметъ, область, методъ. Перев. подъ ред. П. Д. Воборыкина. Москва. 1880.

3) В. Джемсъ. Учебникъ психологій (переводъ, печатающийся въ «Библиотекѣ для самообразованія»). По англ. Text Book of psychology. London. 1892.

4) М. Владиславлевъ. Логика. Обзорніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ приемовъ мышленія. Спб. 1872 г.

5) Струве. Элементарная логика. Учебникъ для преподаванія и самообученія. Варшава. Послѣд. изд.

Рекомендуемая:

1) М. Владиславлевъ. Психологія. Ислѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни. Спб. 1881, въ 2 томахъ (за исключеніемъ «Приложеній», которыя неудачны).

2) Н. Гротъ. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Спб. 1880 (можно достать только въ библиотекахъ) и статьи: «Жизненные задачи психологій», «О значеніи идеи параллелизма въ психологій» и «О времени» (въ «Вопросахъ философіи и психологій, кн. 4 и 21, 23, 24, 25).

3) Al. Bain. Les sens et l'intelligence, les émotions et la volonté (француз. переводы).

4) В. Вундтъ. Физиологическая психологія. Пер. Кандицкаго. Москва. 1860. 2 части.

5) Цигенъ. Физиологическая психологія. Пер. Милославскаго. Спб. 1893.

6) Sigwart. Logik. I Band. 2 изданіе.

7) Wundt. Logik. I Band. Lpz. 1880.

8) Милль. Логика. Русс. переводъ (2 тома).

Справочная:

1) W. James. The principles of psychology. New-York. 1890. 2 vol.

2) Siebeck. Geschichte der Psychologie. I, 1—2. Gotha. 1880—84.

3) Volkman n. Psychologie. Götten. 1876. 2 тома.

4) Ribot. Psychologie anglaise contemporaine. Русс. переводъ. Москва. 1871. 1 часть и Psychologie allemande contemporaine. P. 1879.

М. Троицкій. Учебникъ логики. 3 книги. Москва. 1885—
18 (Историческіе очерки).

6) М. Владиславлевъ. Историческіе очерки: логики Аристотеля, схоластической діалектики, логики формальной и индуктивной. *Приложеніе* въ его логики (см. выше).

7) Н. Гротъ. Къ вопросу о реформѣ логики. Лейпц. 1883 г. Введение: Литература исторіи логики и общій очеркъ ея развитія и современнаго состоянія (стр. 1—18) и глава V-я: Общіе законы мышленія, причины заблужденій ума и средства борьбы съ ними (другія главы книги не рекомендуются).

Что эта программа приурочена не для широкой публики, желающей сдѣлаться образованною, а для людей, начинающихъ изучать психологію и логику со специальными цѣлями, видно прежде всего изъ существованія отдѣла книгъ «справочныхъ». Наводитъ справки въ увѣсистыхъ томахъ (каковы сочиненія W. James'a, Siebeck'a и Volkmann'a) можетъ студентъ, изучающій какойнибудь вопросъ для сочиненія на медаль, но не человекъ изъ публики, желающій просто сдѣлаться образованнымъ человекомъ. Если этотъ человекъ знаетъ англійскій языкъ и затратитъ 25 шиллинговъ (по курсу 12 р. 50 к.) для приобрѣтенія увѣсистаго сочиненія W. James'a, то онъ прямо прочтаетъ всѣ эти безъ малаго 1500 страницъ англійскаго текста, а не будетъ ихъ держать для какихъ-то «справокъ», ибо онъ не будетъ рѣшать никакихъ специальныхъ вопросовъ; этотъ-же самый человекъ изъ публики лучше всего сдѣлаетъ, если не послушается г. Грота и не заглянетъ въ сочиненіе Siebeck'a «Geschichte der Psychologie», ибо это весьма почтенное сочиненіе, цѣнимое специалистами, его, неспециалиста, только собьетъ съ толку и, пожалуй, разочаруетъ пестротой и противорѣчивостью ученій, съ которыми онъ тамъ познакомится.

Среди сочиненій «рекомендуемыхъ» мы видимъ логики Sigwart'a и Wundt'a. Не говоря уже о томъ, что это слишкомъ тяжелая артиллерія для просто образованной публики (вѣдь кромѣ Зигварта и Вундта рекомендуется еще Милль, а Владиславлевъ и Струве «необходимы»), любопытно отмѣтить еще то, что рекомендуются только первые тома, но не вторые, заключающіе въ себѣ ученіе о методахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и примѣры научныхъ обобщеній въ разныхъ наукахъ.

Если читатель захочетъ пройти всѣ книги, указанныя г. Гротомъ, то это будетъ слишкомъ много, и я боюсь, что и сотый изъ читателей не одолѣетъ всѣхъ этихъ увѣсистыхъ книгъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Если-же онъ ограничится одними необходимыми пособиями, то будетъ слишкомъ мало. И мало не по числу книгъ, ибо три книги по психологіи и двухъ по логикѣ вполне достаточно, а ихъ подбору. Книга Гёфдингга прекрасное руководство, но руководство для начинающихъ и намѣреющихся продолжать. Это *первый* шагъ, не могущій остаться *единственнымъ* шагомъ. слѣдующій шагъ среди «необходимыхъ пособій» не указанъ. Б...

В. Джемса есть тоже учебникъ, а указаніе на книгу Льюиса въ числѣ «необходимыхъ пособій» слѣдуетъ считать однимъ изъ самыхъ неудачныхъ указаній г. Грота. Этотъ томъ, вырванный изъ цѣлаго ряда «Вопросовъ о жизни и духѣ» и рекомендуемый какъ вторая книга послѣ учебника Гёфдингга, не можетъ быть съ особою пользою прочитанъ человѣкомъ едва начавшимъ свое систематическое образованіе. Человѣкъ, который прочитаетъ учебники Гёфдингга и Джемса и отрывокъ изъ сочиненія Льюиса, все-таки, будетъ имѣть весьма смутное, представленіе о современномъ положеніи психологіи и объ ея общихъ задачахъ. Онъ будетъ знать извѣстныя частности, но общее останется для него не доступнымъ. Онъ будетъ въ положеніи «начинающаго», въ положеніи ученика, готовящагося сдѣлаться специалистомъ, а не въ положеніи образованнаго человѣка, не претендующаго на ученость, но могущаго сознательно относиться къ общимъ вопросамъ психологіи.

А между тѣмъ существуетъ ученый, по двумъ сочиненіямъ котораго можно узнать все, что нужно знать образованному человѣку въ области психологіи. Этотъ ученый зовется Рибо, а его книги озаглавлены: «Современная англійская психологія» (русс. переводъ существуетъ давно) и «Современная нѣмецкая психологія» (русскій переводъ только что вышелъ). Удивительнымъ образомъ эти популярныя, съ французскою ясностью написанныя книги отнесены г. Гротомъ въ число «справочныхъ» книгъ наряду съ тяжеловѣснымъ Siebeck'омъ. Если и ученая исторія психологіи Зибекка и популярное изложеніе Рибо оба попали въ рядъ справочныхъ книгъ, то я отказываюсь понимать, чѣмъ руководился г. Гротъ, составляя свой списокъ справочныхъ книгъ. Если только тѣмъ, весьма неосновательнымъ соображеніемъ, что оба автора главнымъ образомъ только излагаютъ чужія мнѣнія (а другого сходства между книгами Рибо и Зибекка нельзя придумать), тогда почему рядомъ съ ними попала книга W. James'a?

Читатели видятъ, что всѣ двадцать книгъ, указанныхъ г. Гротомъ, относятся только къ логикѣ и психологіи. Курсъ разсчитанъ на 4 года (какъ въ университетѣ), и съ программю по остальнымъ отдѣламъ философскихъ наукъ познакомимся только въ слѣдующіе годы.

Чтенія разбиты по шести отдѣламъ: 1) физико-химическія науки; 2) биологическія; 3) философскія; 4) юридико-экономическія; 5) исторія; 6) литература.

Такимъ образомъ мы имѣемъ передъ собою факультеты съ ихъ спеціализаціею, и даже со спеціализаціею болѣе узкою, чѣмъ университетскіе факультеты, въ которыхъ исторія, литература и философія соединены въ одинъ историко-филологическій факультетъ; естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета соединяетъ первые два отдѣла комиссіи.

Объ остальныхъ программахъ мы не будемъ говорить такъ подробно, какъ о программѣ г. Грота. Дѣло въ томъ, что г. Гротъ далъ полную программу изученія психологій и логики; въ слѣдующіе годы онъ уважаетъ своимъ слушателямъ руководства по другимъ философскимъ наукамъ. Остальныя-же программы не имѣютъ подобной законченности; поэтому на каждое наше замѣчаніе о пропускѣ того или иного сочиненія намъ могутъ возразить, что это сочиненіе будетъ указано въ слѣдующихъ годахъ.

При переходѣ къ программѣ физико-химическихъ наукъ, намъ сейчасъ-же бросается въ глаза, что коммиссія не уяснила себѣ вопроса о томъ, съ какою публикою будетъ она имѣть дѣло. Во введеніи говорится, что коммиссія разсчитываетъ руководить не только лицами, окончившими среднія учебныя заведенія, но даже лицами, окончившими высшія учебныя заведенія и желающими «освѣжить забытыя знанія». И программа г. Грота, рекомендующаго увѣсистые томы, написанные на четырехъ языкахъ, дѣйствительно стремится стать въ уровень съ подобною задачею. Но какое жалкое впечатлѣніе производитъ послѣ этого программа по физико-химическимъ наукамъ! Здѣсь, въ числѣ «необходимыхъ пособій» по физикѣ рекомендуется только выборъ между тремя элементарными учебниками, а по химіи указаны два тоже элементарные учебника. Вотъ и все! Въ распредѣленіи пособій замѣчается то-же, что и у г. Грота, стремленіе руководить первыми шагами учениковъ, а не самообразованіемъ публики. Такъ, книги, имѣющія общій характеръ, частію совсѣмъ не указаны (какъ, напр., Атомическая теорія Вурца), частію отнесены въ отдѣлъ только «рекомендуемыхъ» сочиненій, напр., Кузь, Новая химія. Я указалъ-бы еще на пробѣлы въ сочиненіяхъ о сохраненіи энергіи (нѣтъ, напр. брошюры Гельмгольца), но мнѣ могутъ возразить, что это задача будущихъ курсовъ.

Поэтому перейду дальше. Если я скажу, что человекъ, проштудировавшій книги, указанныя въ біологическомъ отдѣлѣ, не будетъ имѣть понятія о вопросахъ наиболѣе для него важныхъ и наиболѣе волнующихъ современное образованное общество, напр., объ ученіи Дарвина, то мнѣ, конечно, опять-таки возразятъ, что объ этихъ вопросахъ будетъ сказано въ одной изъ программъ будущихъ годовъ. Но я не знаю, что мнѣ возразятъ, когда я скажу, что общеобразовательнаго характера не можетъ имѣть та программа, которая на первый же годъ рекомендуетъ восемь сочиненій, имѣющихъ своею задачею руководить коллекціонерами.

Незаконченность программъ дѣлаетъ особенно трудною типку программъ «общественно-юридическихъ» наукъ и наукъ и рическихъ. Опять и опять повторяю, что это лишаетъ меня возможности отмѣтить пропуски извѣстныхъ сочиненій (нѣтъ, ни Дрѣпера, ни Бокля) и заставляетъ ограничиваться только замѣчаніемъ на то, что извѣстное распредѣленіе пособій предпрѣ-

такое или иное направлѣніе въ руководствѣ занятіями. Такъ, то обстоятельство, что въ первой изъ этихъ программъ «Первобытная культура» Тейлора и «Основанія социологіи» Спенсера попали только въ разрядъ «рекомендуемыхъ» «для желающихъ», а не въ разрядъ книгъ необходимыхъ, указываетъ, что и составитель программы по наукамъ общественно-юридическимъ не выяснилъ себѣ истинной задачи комиссіи.

То же самое мы можемъ сказать и о составителѣ программы по наукамъ историческимъ. И сказать это я считаю себя вправѣ на основаніи уже того одного, что такія книги, какъ сочиненіе Ольденберга «Будда, его жизнь, его ученіе, его община» и сочиненіе Фюстель-де-Куланжа «Гражданская община античнаго міра», отнесены въ разрядъ только рекомендуемыхъ книгъ наряду съ сочиненіями Аристотеля, Геродота и Фукидида. Такимъ образомъ мы видимъ, что самая законченная изъ программъ, программа проф. Грота, явнѣ всего обнаруживаетъ внутреннее противорѣчіе, которымъ страдаетъ планъ комиссіи. Если въ остальныхъ программахъ это противорѣчіе не такъ очевидно, то это происходитъ оттого, что, вслѣдствіе своей незаконченности, онѣ заставляютъ скорѣе предугадывать существованіе подобнаго противорѣчія, чѣмъ указывать на него.

Впрочемъ, существуетъ одно обстоятельство, на основаніи котораго мы можемъ а priori утверждать, что программы и не могутъ не носить характера программъ для подготовленія специалистовъ. Это обстоятельство — дробленіе программъ по отдѣламъ. Разъ чтенія разбиты на отдѣлы и отдѣлы болѣе мелкіе, чѣмъ даже университетскіе факультеты, то этимъ опредѣлилась вся дальнѣйшая судьба программъ. Всякій, на мѣстѣ проф. Грота, имѣя передъ собою четырехгодичный курсъ по одной философіи (въ университетѣ за эти четыре года студентъ сверхъ философскихъ наукъ долженъ преодолѣть еще и литературу и исторію; одни латинскіе и греческіе авторы чего стоятъ!), принужденъ былъ бы включить въ программу увѣсистыя сочиненія на четырехъ языкахъ, завести справочный отдѣлъ и т. п. Значитъ, проф. Гротъ поступилъ вполне послѣдовательно и логично, и мы, не анализируя остальныхъ программъ, можемъ а priori утверждать, что и онѣ должны походить на программу проф. Грота.

Такъ какъ едва ли найдется много охотниковъ, которые бы двадцать четыре года занимались подъ руководствомъ комиссіи, т. е. прошли бы всѣ шесть отдѣловъ съ ихъ четырехгодичнымъ курсомъ, то объ энциклопедической образованности людей, руководимыхъ комиссіею домашняго чтенія, не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ, при томъ же четырехгодичномъ курсѣ (который въ крайнемъ случаѣ можно было бы превратить и въ пятилѣтній) можно составить программу, которая бы обнимала всѣ науки, знаніе которыхъ необходимо для усвоенія научнаго міровоззрѣнія,

т. е. для того, чтобы быть образованнымъ человекомъ, и эти науки проходились бы въ такомъ объемѣ, который былъ бы совершенно достаточенъ для вполне образованнаго человѣка.

Для примѣра я укажу, въ какомъ объемѣ должны быть включены въ эту энциклопедическую программу науки философскія. Я буду указывать сочиненія исключительно на русскомъ языкѣ; при этомъ нужно замѣтить, что, какъ ни бѣдна русская философская литература, однако, и въ ней есть достаточно сочиненій, которыя съ успѣхомъ могутъ замѣнить другъ друга, такъ что наряду съ моею программю возможны другія, одинаково достигающія данной цѣли.

Программа чтеній по философскимъ наукамъ для энциклопедическаго курса самообразованія. Курсъ проходитъ въ 4—5 лѣтъ.

А) Исторія философіи.

1) Виндельбандъ—Исторія древней философіи (съ приложеніемъ статей: Виндельбанда—Августинъ и средніе вѣка. Фуллье—Исторія схоластики).

2) Фалькенбергъ—Исторія новой философіи.

Б) Психологія.

1) Рибо—современная англійская психологія.

2) Рибо—Современная нѣмецкая психологія.

3) Гёфдингъ—Очерки психологій, основанной на опытѣ.

В) Логика.

1) Девонсъ—Элементарный учебникъ логики.

2) Дж. Ст. Милль—Система логики.

Г) Этика.

1) Дж. Ст. Милль—Утилитаризмъ.

2) Гербертъ Спенсеръ—Данныя науки о нравственности.

3) Дюрингъ—Цѣнность жизни.

Д) Современная философія.

1) Льюисъ и Милль—Огюстъ Контъ и положительная философія.

2) В. Лесевичъ—Что такое научная философія?

3) Коллинсъ—Философія Герберта Спенсера.

4) Шопенгауэръ—Миръ, какъ воля.

5) Кантъ—Критика чистаго разума.

Это распредѣленіе чтеній можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. Я поставилъ изученіе исторіи философіи ранѣе изученія психологіи и логики, а въ отдѣлѣ психологіи книги Рибо поставлены ранѣе сочиненія Гёфдингга. Но такое распредѣленіе чтеній вполне послѣдовательно вытекаетъ изъ моего убѣжденія въ необходимости поставить общее впереди частнаго. Найдутся, конечно, люди, которые, какъ во всей этой моей статьѣ, такъ и въ моей программѣ чтеній, увидятъ проповѣдь верхоглядства. Я, конечно, не ожидаю подобнаго возраженія ни отъ кого изъ руководителей «комиссиі по организациі домашняго чтенія», ибо это все люди дѣйствительно ученые, понимающіе, съ какимъ трудомъ доходятъ до самостоятельности въ научныхъ вопросахъ. Но въ нашей литературѣ завелись разные приватъ-звонари, вродѣ того господина, который, закончивъ свое философское образованіе не то въ московской просфоріѣ, не то въ управѣ благочинія, тѣмъ не менѣе въ фельетонахъ лейбъ-органа московскихъ охотнорядцевъ громилъ «уличную» философію гг. Михайловскаго и Лесевича и дѣлалъ внушенія московскому психологическому обществу, имѣющему въ числѣ своихъ членовъ всѣхъ русскихъ философовъ. Подобные господа, пожалуй, могутъ вообразить, что человекъ, усвоившій сначала какой нибудь элементарный учебникъ по психологіи, можетъ вполне самостоятельно отнестись къ тѣмъ высшимъ обобщеніямъ, изложенію которыхъ посвящены книги Рибо. Но мы отлично знаемъ, что для самостоятельнаго отношенія къ философскимъ вопросамъ нужны годы и годы тяжелаго труда; поэтому, предпосылать учебникъ, излагающій частности, книгѣ, излагающей общія идеи, было бы только лицемѣрнымъ выполненіемъ внѣшнихъ условій солиднаго изученія. Между тѣмъ, установленное нами распредѣленіе чтеній имѣетъ огромныя преимущества. Это методъ, слѣдуя которому изучающій сразу дѣлаетъ общій очеркъ всего предмета изученія, и затѣмъ идетъ концентрическими кругами въ глубину настолько, насколько это нужно для достиженія его цѣли. При этомъ лучше всего схватывается общее соотношеніе частей, что и есть главная задача при неспеціальному изученію. Мало того, такъ какъ немногія общія идеи удерживаются въ памяти легче множества мелочныхъ фактовъ, то тотъ, кто первоначально ознакомился съ общими идеями, будетъ ихъ помнить, когда приступитъ къ чтенію книги, излагающей частности, такимъ образомъ онъ не только въ концѣ концовъ усвоитъ содержаніе обѣихъ книгъ, но даже смыслъ частныхъ будетъ ему понятенъ, если онъ будетъ уже знать, какую роль онѣ играли въ борьбѣ общихъ мировоззрѣній. Такъ, напримѣръ, человекъ, не знакомый съ ученіемъ Платона «объ идеяхъ» и съ борьбою между номинализмомъ и реализмомъ, внимательно прочтетъ и чаще пойметъ тотъ отдѣлъ учебника психологіи, въ которомъ зорится о «понятіяхъ». Но совершенно наивно предположеніе,

будто человекъ, прочитавшій предварительно учебникъ психологiи, можетъ самостоятельно отнестись къ учению Платона, къ номиналистамъ и реалистамъ; въ дѣйствительности, онъ такъ же будетъ при этомъ руководиться лишь мнѣниемъ автора исторiи философи (изъ книги котораго онъ узнаетъ о Платонѣ, номиналистахъ и реалистахъ), какъ если бы онъ никогда и не читалъ своего учебника психологiи.

Поэтому лучше всего начать съ изученiя исторiи философи, которая познакомитъ со всѣми вопросами, волновавшими мыслящее человечество, дастъ понятiе о роли отдѣльныхъ философскихъ наукъ и уяснитъ весь планъ дальнѣйшаго ихъ изученiя.

Руководители комиссiею по организации домашняго чтенiя были такъ далеки отъ желанiя дать общеобразовательный курсъ, что какъ бы испугались своихъ собственныхъ программъ и подумали, не слишкомъ ли широко поставили они дѣло. Поэтому они рѣшили еще болѣе сѣзуть преподаванiе. Для тѣхъ людей, которые нашли бы, что въ нашъ вѣкъ специализации знанiй изучить даже и одну какую нибудь науку въ всемъ ея объемѣ дѣло слишкомъ трудное, они приготовили темы по специальнымъ вопросамъ. Можно не записываться ни въ одинъ изъ факультетовъ комиссiи; можно просто избрать себѣ отдѣльную тему и трудиться надъ ея разработкою.

Приведу образчики этихъ темъ.

- 1) Сравненiе взглядовъ основателей двухъ главныхъ направленiй новѣйшей психологiи, Декарта и Локка, на методы и источники познанiя вообще и психологическихъ знанiй въ частности.
- 2) (По всеобщей исторiи)—Политика Аристотеля.
- 3) (Русская исторiя)—Жизнь и дѣятельность Сперанскаго.
- 4) (Литература)—Патриотизмъ Пушкина.

Все это совершенно университетскiя темы на медаль. Даже и въ университетѣ полезность задаванiя темъ на медали подлежитъ еще сомнѣнiю и далеко не всегда самые мыслящие и занимающиеся изъ студентовъ пишутъ на эти темы. Но въ университетѣ эти темы еще имѣютъ смыслъ. Хотя, конечно, изъ этихъ студенческихъ сочиненiй почти ни одно не имѣетъ научнаго значенiя; хотя авторы этихъ сочиненiй занимаются своею темою по большей части въ ущербъ солидности изученiя всего прочаго (я, напримеръ, знаю случай, когда студентъ, получившій золотую медаль, въ томъ же году обрѣзался на экзаменѣ по той наукѣ изъ которой взята была его тема),—однако, задаванiе этихъ темъ, всетаки, имѣетъ въ основанiе, что, работая на нее, будущiй ученый начинаеть свои самостоятельныя занятiя подъ руководствомъ ученаго уже опытнаго.

Но какой смыслъ имѣютъ темы комиссiи!? Тема «Политика Аристотеля» задана при слѣдующемъ характерномъ объясненiи

«Желающимъ специально заняться однимъ вопросомъ по древней исторіи предлагается изучить Политику Аристотеля, произведение, въ которомъ подведены итоги политической жизни Греціи и сдѣлана попытка опредѣлить, на основаніи доступнаго въ IV в до Р. X. матеріала, законы общественнаго развитія. Кромѣ самой Политики, необходимо познакомиться съ Аѳинской Политіей Аристотеля.

Предполагая, что читатели не знаютъ по гречески, можно указать имъ на переводъ Политики, сдѣланный *Скворцовымъ* (2-ое изд.) и на переводъ Политики—*Шубина*, хотя и тотъ и другой переводы не вполне точны.

Въ видѣ пособій рекомендуются для желающихъ подробно ознакомиться съ предметомъ слѣдующія сочиненія (расположены въ послѣдовательномъ порядкѣ, сообразно своей важности для читателей).

1) Bradley—Staatslehre des Aristoteles, übersetzt von Immelman. Berlin. 1884.

2) Oncken. — Staatslehre des Aristoteles, 2 тома. Leipzig 1870 и 1875 гг.

3) Рѣдкннъ.—Изъ лекцій по исторіи философіи права. Т. 6-й. 1891 г. Ц. 3 р.

Предположимъ, что за эту тему возьмется человекъ, окончившій среднее учебное заведеніе, т. е. знакомый съ исторіею Греціи по сокращенному Иловайскому. Онъ прочтаетъ оба сочиненія Аристотеля (и оба въ неудовлетворительныхъ переводахъ) и сядетъ за писаніе своего сочиненія... Какъ вы думаете, кому и какая польза изъ этого выйдетъ?.. Другой примется за дѣло основательнѣе и прочтаетъ «рекомендуемыя для желающихъ» (а не обязательныя) сочиненія. Тогда получится въ результатъ изложеніе собственными словами одной изъ указанныхъ Staatslehre, а въ самомъ лучшемъ случаѣ винегретъ изъ обѣихъ Staatslehre и Рѣдкнна.

Между ученостью и образованностью существуетъ контрастъ такого рода, что ученость можетъ быть болѣе узкою или болѣе широкою, оставаясь всетаки ученостью; но она не можетъ быть болѣе основательною или менѣе основательною; неосновательная ученость есть диллетантизмъ. Образованность же можетъ быть болѣе основательною или менѣе основательною, но не можетъ быть болѣе узкою или болѣе широкою: узкая образованность есть незаконченная образованность, т. е. необразованность.

Упражненія на темы, заданныя комиссіею, не сдѣлаютъ человека ни образованнымъ, ни ученымъ, а превратятъ его въ необразованнаго диллетанта.

П. Моніевскій.

Что-же значитъ «экономическая необходимость»?

(Замѣтка).

Не успѣла еще статья о книгѣ г. фонъ-Струве *) напечататься, какъ появилась новая книга, авторъ которой, подобно г. П. фонъ Струве, стремится доказать, что Россія, какъ Германія 40-хъ годовъ, страдаетъ не столько отъ развитія капиталистическаго производства, сколько отъ недостатка его развитія. Мы говоримъ о недавно вышедшей книгѣ г. Бельтова: «*Къ вопросу о монетическомъ взглядѣ на исторію*».

Весьма возможно, что при большемъ развитіи капиталистическаго способа производства, хозяйственныя условія большинства населенія были бы неизмѣримо лучше тѣхъ, въ которыхъ оно находится въ настоящее время. Но весь вопросъ именно и заключается въ томъ, возможно ли развитіе народныхъ производительныхъ силъ на почвѣ капиталистическаго способа производства, при тѣхъ мировыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, какъ они сложились за послѣднее время, и въ которыхъ намъ приходится вращаться? **)

На этотъ вопросъ можно получить отвѣтъ, только изучивъ тѣ особенныя хозяйственныя условія, въ которыхъ мы находимся. Какъ же смотритъ на это дѣло г. Бельтовъ? А вотъ какія требованія ставятся имъ.

«Всякое общество, говоритъ г. Бельтовъ (стр. 187), живетъ въ

*) «Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени». «Русское Богатство» №№ 1 и 2.

**) Насколько общественныя экономическія условія усложняются, можетъ видѣть всякій, кто сколько нибудь внимательно относится къ окружающему. Такъ одинъ изъ наблюдателей говоритъ: «Европа, а вмѣстѣ съ нею остальной цивилизованный міръ переживаетъ теперь тяжелое переходное время, въ виду экономическаго застоя, который грозитъ потрясти до основанія промышленное и вообще экономическое благосостояніе народовъ» («Пр. Вѣсти», 1894 № 255»).

своей особой исторической средѣ, которая можетъ быть и дѣйствительно часто бываетъ очень похожа на историческую среду другихъ народовъ, но никогда не можетъ быть и никогда не тождественна съ нею». Каждое слово этого положенія чистая истина! Вотъ почему, наиримѣръ, Марксъ, «для того, чтобы судить съ увѣренностью о ходѣ экономическаго развитія современной Россіи, выучился по-русски и впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ официальные и другіе имѣющіеся въ печати источники по этому вопросу». Да и дѣйствительно, какъ можно судить объ экономическомъ развитіи страны, не изучивъ детально важнѣйшіе изъ взаимодѣйствующихъ факторовъ?

«Гегель совѣтовалъ,—и г. Бельтовъ вполне резонно присоединяется къ такому совѣту—Гегель совѣтовалъ разсматривать всѣ предметы, держась почвы дѣйствительности, взвѣшивая всѣ конкретныя условія, всѣ обстоятельства времени и мѣста» (стр. 84). Опять такіе золотыя слова! И если г. Бельтовъ такъ настоятельно повторяетъ ихъ, то очевидно, что онъ не только вполне проникся ихъ значеніемъ, но постарается приложить ихъ къ дѣлу. Онъ такъ-таки и говоритъ: «русскіе ученики Маркса руководствуются не субъективнымъ методомъ и не какою-нибудь формулой прогресса, а обращаются къ экономической дѣйствительности своей страны». (Къ числу русскихъ учениковъ Маркса г. Бельтовъ, кромѣ самого себя, причисляетъ г. П. фонъ-Струве и можетъ быть г. Скворцова. Господина П. фонъ-Струве навѣрно. Въ такомъ случаѣ какъ же онъ смотритъ на открытую послѣднимъ «формулу экономическаго развитія Россіи»? Но это въ скобкахъ).

Марксъ, дѣйствительно, изучивъ ходъ экономическаго развитія Россіи, говоритъ: «Если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 года, она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для минованія всѣхъ перипетій капиталистическаго развитія». Слѣдовательно, для того, кто изучалъ ходъ развитія по фактическимъ даннымъ, представлялось, что развитіе это можетъ идти двумя путями, старымъ, протореннымъ западною цивилизаціею, и новымъ, приспособленнымъ къ особенностямъ условій времени и мѣста. Но уже въ то время Россія много сдѣлала для того, чтобы пойти по пути проторенному. Съ тѣхъ поръ—прошло много времени; много было потрачено средствъ на то, чтобы путь этотъ уровнять, чтобы движеніе по нему шло, какъ по маслу, но именно вслѣдствіе особенности условій времени и мѣста, развитіе капиталистическаго производства шло исключительно на счетъ народнаго благосостоянія. Производительныя силы, которыя развиваютъ капиталистическое производство, настолько же, если не на большую величину уменьшали производительныя силы народныхъ.

«Будетъ ли она (Россія) продолжать идти по этому пути?»

спрашиваетъ г. Бельтовъ. Не существуетъ ли данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что путь этотъ будетъ ею оставленъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, продолжаетъ онъ, надо опять таки обратиться къ изученію фактическаго положенія страны, къ анализу современной ея внутренней жизни. Русскіе ученики Маркса, на основаніи такого анализа, (сдѣлайте одолженіе, укажите хотя бы признаки такого «анализа!» Такого анализа *нѣтъ*) утверждаютъ: да, будетъ продолжатъ. Нѣтъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что Россія скоро покинеть путь капиталистическаго развитія, на который она вступила послѣ 1861 года». (стр. 256).

Итакъ, гг. Бельтовы, Струве и еще невзвѣстно кто, на основаніи «анализа» современной внутренней жизни Россіи, пришли къ заключенію, что она будетъ продолжатъ идти по избранному пути. Слѣдовательно, эти господа на основаніи фактическихъ данныхъ пришли къ заключенію, что вся сумма общественныхъ производительныхъ силъ увеличивается, что народное благосостояніе, на которомъ основывается капиталистическое производство, возрастаетъ; что развитіе этого способа производства въ своемъ ходѣ не только не встрѣчаетъ никакихъ препятствій въ возрастающей бѣдности, но идетъ все впередъ, да впередъ; что «миссія» капитализма состоящая по мнѣнію «учениковъ» Маркса въ относительномъ увеличеніи числа лицъ, занятыхъ въ обрабатывающей и добывающей промышленности, имъ выполняется; и ко всему этому «ученики Маркса» пришли, произведя «анализъ» хода экономическаго развитія.

Да неужели же въ самомъ дѣлѣ г. Бельтовъ это думаетъ? Въ дѣйствительности ни г. Бельтовъ, ни г. П. фонъ-Струве и никто другой изъ подобныхъ имъ «учениковъ Маркса» никогда никакого такого анализа не производили. Да какъ кажется, для нихъ онъ и не представляется особенно необходимымъ, такъ какъ... такъ какъ... «хотя у одного изъ нихъ («учениковъ Маркса») могутъ быть болѣе, у другого менѣе обширныя экономическія познанія, но здѣсь дѣло не въ размѣрѣ познаній отдельныхъ лицъ, а въ самой точкѣ зрѣнія».

Куда же дѣвались всѣ требованія держаться почвы дѣйствительности, необходимости детальнаго изученія хода экономическаго развитія? Теперь оказывается, что все это нѣчто второстепенное, что дѣло «не въ размѣрѣ познаній», а «въ точкѣ зрѣнія»!!

Такимъ образомъ, тотъ самый субъективный методъ, который г. Бельтовъ выпроводилъ съ такою силою и съ такимъ негодованіемъ за двери святилища науки; этотъ же самый методъ, но только уже въ иномъ отрепанномъ видѣ,—лишая его даже того единственнаго облаченія, которое еще мало-мальски придавало ему «научную» внѣшность,—онъ приглашаетъ въ видѣ «точки зрѣнія» войти черезъ задній ходъ.

Зачѣмъ же было такъ много и такъ хорошо говорить о не

обходимости «объективнаго изученія общественно-хозяйственныхъ явленій?» Поневоля́ вспомнишь, что чѣмъ кто болѣе и «вышпеннѣе» говорить о необходимости, разныхъ хорошихъ вещей, тѣмъ менѣе самъ придерживается ихъ.

Да, если бы господа Бельтовъ, П. фонъ-Струве или кто либо другой изъ нихъ дѣйствительно принялись за изученіе фактическихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, то пришли бы къ заключенію, что развитіе капиталистическаго способа производства подрываетъ народное благосостояніе; что изученіе это, помимо того, необходимо для уясненія кореннаго вопроса, именно при развитіи какихъ наличныхъ общественно-хозяйственныхъ факторовъ общественное производство можетъ развиваться такимъ образомъ, чтобы не парализовать развитіе народныхъ хозяйственныхъ производительныхъ силъ, какъ это происходитъ теперь.

Подобно тому,—говорить г. Бельтовъ и говорить совершенно справедливо, подобно тому, какъ окружающая человѣка природа сама дала ему первую возможность развитія производительныхъ силъ и его постепеннаго освобожденія изъ подъ ея власти,—отношенія производства, общественныя отношенія, собственной логикой своего-развитія, приводятъ человѣка къ сознанію причинъ его порабощенія экономической необходимости. Этимъ дается возможность новаго и окончательнаго торжества *сознанія надъ необходимостью, разума надъ слѣпымъ закономъ*. Сознавъ, что причина его порабощенія лежитъ въ анархіи производства, производитель, «общественный человѣкъ», организуетъ это производство и тѣмъ самымъ подчиняетъ его своей волѣ. Тогда оканчивается царство *необходимости*, и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью... Далекіе отъ того, чтобы сводить эту роль (личности въ исторіи) къ нулю, они (представители школы Маркса) ставятъ передъ личностью задачу, которую... надо признать совершенно исключительно идеалистической. Такъ какъ человѣческой разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпой необходимостью, только познавъ ея собственные, внутренніе законы, только побивъ ее ея собственной силой, то развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія является величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности» (стр. 230—234).

Дѣйствительно изучайте, детально изучайте общественно-хозяйственныя условія, чтобы, постигнувъ законы, управляющіе ими, «приложить ихъ такимъ образомъ, чтобы они перестали проявляться въ видѣ какой-то невѣдомой стихійной силы, разрушающей общественное благосостояніе, а дали бы возможность развиваться производительнымъ общественнымъ силамъ на благо всего общества.

Къ сожалѣнію, эти прекрасныя слова г. Бельтова такъ и остаются для него словами. Мы уже видѣли, что для него важнѣе столько размѣръ экономическихъ познаній, а «точка зрѣнія» экономическія явленія, и потому вмѣсто того, чтобы указать на

путь изъ царства необходимости въ царство закона, что «является величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности», онъ оставляетъ этотъ путь и настаиваетъ на томъ, что Россіи, разъ попавшей подъ ярмо капиталистическаго режима, придется подчиняться неумолимымъ законамъ капитализма наравнѣ съ другими народами. Слѣдовательно, совершенно независимо отъ особенности тѣхъ условий, въ которыя она поставлена на мировомъ рынкѣ; совершенно независимо отъ условий, препятствующихъ свободному ходу такого развитія, совершенно независимо отъ того, что развитіе это поддерживается главнымъ образомъ искусственными мѣрами, и что оно ведетъ къ народному обѣднѣнію... Что же стало съ «величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности»?

Итакъ, требованія г. Бельтова вполне рациональны, съ каждымъ изъ нихъ невозможно не согласиться. Онъ не станетъ, подобно г. П. фонъ-Струве, настаивать на томъ, что экономическій законъ, вѣрный самъ по себѣ, отрѣшенный отъ вліянія факторовъ, воздѣйствующихъ на него въ смыслѣ парализованія его собственнаго дѣйствія, можетъ проявляться въ чистомъ видѣ при всякихъ обстоятельствахъ.

Такъ, напримѣръ, если первый законъ движенія Ньютона, по которому каждое тѣло продолжаетъ находиться въ состояніи покоя или равномернаго движенія по прямой линіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ выведено изъ этого состоянія внѣшними силами; если бы, говоримъ, этотъ законъ вздумалъ комментировать г. П. фонъ-Струве, то, оставивъ въ сторонѣ ограничивающую часть его формулы, онъ бы сталъ настаивать на томъ, что разъ тѣло находится въ движеніи, оно должно, по неумолимому первому закону движенія Ньютона, двигаться равномерно и по прямой линіи, хотя въ дѣйствительности такого движенія никто никогда не наблюдалъ, благодаря воздѣйствію внѣшнихъ силъ, выводящихъ его изъ такого состоянія. И если бы кто сталъ утверждать, что такого движенія нѣтъ, и при наличности другихъ условий быть не можетъ, то привелъ бы г. П. фонъ-Струве въ смѣшливое настроеніе и онъ бы сказалъ: «да мой противникъ не признаетъ закона Ньютона!..»

Точно также и каждый экономическій «законъ» всегда предполагаетъ извѣстную послѣдовательность или извѣстное сосуществованіе данныхъ хозяйственныхъ явленій только «при прочихъ не измѣняющихся условіяхъ». Вотъ это то ограничительное предположеніе при формулировкѣ cadaго закона для г. П. фонъ-Струве не существуетъ. Вслѣдствіе чего онъ, хотя исходитъ изъ опредѣленнаго «закона», но приходитъ къ выводамъ совершенно не соответствующимъ фактамъ, т. е. забываетъ, что «прочія условія» настолько вліяютъ на данное явленіе, что совершенно парализуютъ дѣйствіе того «закона», изъ котораго онъ исходитъ. Его книга изобилуетъ примѣрами такого «оригинальнаго» пр

манія; напомнимъ, что онъ строить всю свою теорію на непониманіи вліянія напряженности и производительности труда на величину произведенной стоимости при существующихъ условіяхъ мірового рынка.

Г. Бельтовъ далекъ отъ такого «оригинальнаго» пониманія проявленія экономическихъ законовъ. Но онъ какъ будто идетъ слишкомъ далеко въ пониманіи ихъ значенія и дѣйствія. Каждый экономической законъ, совершенно также какъ каждый законъ органической и неорганической природы, представляетъ собою выраженіе отношенія, существующаго между даннымъ явленіемъ и условіями, воздѣйствующими на него.

Разъ найдено постоянство такого отношенія, разъ найдены такъ называемый законъ, управляющій этими отношеніями, — а онъ можетъ быть найденъ только чисто объективнымъ путемъ, — начинается активное воздѣйствіе человѣка, ради пользованія имъ съ чисто субъективными цѣлями. Для этого требуется данное явленіе обставить такими условіями, чтобы проявленіе найденнаго закона вполнѣ соотвѣтствовало субъективнымъ цѣлямъ. Такъ, напримѣръ, законами расширенія пара отъ теплоты человѣкъ пользуется, и пользуется очень для себя прибыльно, въ своихъ собственныхъ цѣляхъ.

Рѣшительно то же самое можно сказать о законахъ, управляющихъ общественно-хозяйственными явленіями. Разъ они найдены, дѣло общества обставить ихъ такими условіями, при которыхъ проявленіе ихъ наиболѣе соотвѣтствовало бы интересамъ всего общества.

Но для того, чтобы общественное воздѣйствіе на направленіе даннаго закона привело къ желаемой цѣли, требуется детальное изученіе всей совокупности общественно-хозяйственныхъ условій. Слѣдовательно, первая задача каждаго, интересующагося возможною судьбою общественно-хозяйственныхъ отношеній, заключается въ изученіи какъ связи ихъ между собою, такъ и того, насколько возможно, при данныхъ условіяхъ развитія той или другой формы производства, воздѣйствовать въ положительномъ смыслѣ на ту его форму, при которой общество можетъ достигнуть наибольшаго нравственнаго развитія и ослаблять вліяніе той формы, при которой общество, какъ цѣлое, должно регрессировать.

Если, напримѣръ, изъ области общественно-хозяйственныхъ явленій взять такъ называемый законъ общественнаго дѣленія труда, то окажется, что въ основѣ его лежитъ совершенно раціональное стремленіе общества, — пользуясь наличностью окружающихъ условій, — тратить наименьшее количество рабочихъ силъ для полученія того или другого продукта, т. е. стремленіе получать его навозможно дешевѣйшимъ путемъ.

Но такое общественное дѣленіе труда ведетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще большей специализаціи занятій, къ такому обособленію

отдѣльныхъ отраслей производства, которое съ чисто общественной точки зрѣнія уменьшаетъ производительность всей суммы общественнаго труда, лишая рабочихъ занятія въ тѣхъ изъ нихъ, работы въ которыхъ по природнымъ условіямъ не могутъ производиться значительную часть года.

Это фактъ и выводы изъ него чисто объективныя.

Но общество, въ качествѣ производительнаго цѣлаго, не можетъ безучастно, «объективно» относиться къ развитію такихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, при которыхъ большинство его членовъ осуждено на прогрессивное обдѣвнѣе.

Для всякаго очевидно, что наибольшая сумма продуктовъ въ данномъ обществѣ можетъ быть изготовлена и потреблена только при наибольшей затратѣ общественнаго труда, но труда, совершающагося при такихъ условіяхъ, которыя бы не подтачивали организмъ трудящихся. А это возможно только въ томъ случаѣ, когда работы распределяются равномерно въ продолженіи всего года, и притомъ если продуктами этихъ работъ равномерно пользуются всѣ принимающіе въ нихъ участіе.

При такихъ условіяхъ, чѣмъ выше производительная сила общественнаго труда, тѣмъ полнѣе удовлетворяются потребности всѣхъ и каждаго, тѣмъ болѣе общество, какъ цѣлое, въ состояніи удѣлить времени на развитіе потребностей, стоящихъ внѣ сферы чисто физическихъ потребностей, умственныхъ и пр. (наука, искусство и пр.).

Но это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если развитіе производительныхъ силъ труда происходитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, равномерно во всѣхъ общественныхъ слояхъ.

Въ томъ случаѣ, когда данная сумма производительныхъ силъ, данная сумма проявленія потенціальной энергии всего общества, удовлетворяющая наличныя общественныя потребности, распределяется неравномерно по всѣмъ общественнымъ группамъ, и тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда потенціальная энергія нѣкоторыхъ общественныхъ группъ не только понижается, но даже расщевается, не находя себѣ приложенія, — въ этомъ случаѣ, въ случаѣ постоянства или даже пониженія общей суммы потенціальной энергіи всего общества, производительныхъ его силъ, сосредоточеніе ихъ въ немногихъ общественныхъ группахъ равносильно исчезновенію ихъ въ другихъ; и чѣмъ немногочисленнѣ группы, въ которыхъ такая энергія сосредоточивается, тѣмъ напротивъ того обширнѣе, многочисленнѣе тѣ группы, въ которыхъ она исчезаетъ, или лучше сказать, изъ которыхъ она переходитъ въ первыя. При этомъ не только уменьшаются шансы для развитія суммы производительныхъ силъ всего общества, но они неизбѣжно уменьшаются.

А такъ какъ пользованіе производительными силами ведетъ въ большей или меньшей мѣрѣ къ пользованію результатомъ приложенія ихъ, то уменьшеніе всей ихъ суммы тождественно с

пониженіемъ удовлетворенія всей суммы потребностей даннаго общества. Хотя тѣ общественныя группы, которыя пользуются развивающимися производительными силами труда могутъ удовлетворять свои потребности неизмѣримо полнѣе, чѣмъ прежде; но въ то же время тѣ группы, на счетъ которыхъ такое развитіе совершается, неизбѣжно удовлетворяютъ свои потребности въ меньшей мѣрѣ. А такъ какъ такія группы, по своей численности, оказываются преобладающими, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, недостатокъ въ удовлетвореніи ихъ потребностей не покрывается большей суммой потребленія меньшей общественной группы, и въ результатѣ оказывается относительное пониженіе общественныхъ потребностей (спроса), а это равносильно относительному уменьшенію производства (предложенія).

Что это дѣйствительно такъ, съ этимъ долженъ былъ согласиться даже и П. фонъ-Струве, котораго беретъ подъ свою защиту г. Бельтовъ, но согласиться не прямо, не сознательно, а косвенно, бессознательно, признавъ фактъ уменьшенія народнаго потребленія хлѣба; а это, какъ мы видѣли въ предыдущей статьѣ («Апология» и пр.) равносильно еще большому пониженію потребленія продуктовъ обрабатывающей промышленности.

Что таково стремленіе нашего общественнаго хозяйства, что оно стремится произвести дальнѣйшее «общественное раздѣленіе труда», дальнѣйшее отдѣленіе обрабатывающей промышленности, отъ земледѣлія, дальнѣйшее уменьшеніе производительныхъ силъ труда огромнаго большинства населенія, оставляя его безъ занятій значительную часть года,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но вмѣстѣ съ этимъ то же самое общественное раздѣленіе труда, сосредоточивая увеличивающіяся производительныя силы труда въ немногочисленной общественной группѣ и уменьшая ихъ у большинства населенія, тѣмъ самымъ ставитъ предѣлы проявленію этихъ силъ, дальнѣйшему ихъ развитію, а слѣдовательно, дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ труда всего общества.

«Формула» яко бы промышленнаго развитія Россіи, данная г-номъ П. фонъ-Струве, осуществляется, но она приводитъ въ результатамъ совершенно не тѣмъ, на которые онъ разсчитываетъ; происходитъ не «развитіе» производительныхъ силъ труда, а вырожденіе ихъ.

Такъ вотъ, передъ нами проявляется несомнѣнно законъ и «общественнаго раздѣленія труда»; но въ тѣхъ международныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ, оказывается, что проявленіе этого закона выражается не въ общественно-хозяйственномъ развитіи, а въ задержкѣ такого развитія.

Задача, слѣдовательно, заключается въ томъ, чтобы общество въ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго

развитіе его производительныхъ силъ, при помощи наличныхъ матеріально хозяйственныхъ условій отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, оставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормазили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда всего общества, взятаго въ дѣломъ. А это возможно только послѣ детальнаго изученія связи общественно-хозяйственныхъ явленій.

Въ этомъ смыслѣ, конечно, надо понимать тѣхъ, кто указывая на упомянутое явленіе, говорить, что общественно-хозяйственныя условія должны быть направлены къ тому, чтобы законъ общественного раздѣленія труда не парализовалъ при своемъ проявленіи общественныя производительныя силы.

Это совершенно равносильно тому, когда общество, видя разрушительное вліяніе обездѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр. и пр., не можетъ оставаться равнодушнымъ и относиться «объективно» къ разрушающему проявленію стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ также по опредѣленнымъ законамъ, а стремится урегулировать проявленіе ихъ настолько, чтобы они не оказывали разрушительнаго вліянія.

Если г. Бельтовъ скажетъ, что стихійныя силы насмѣются надъ такими попытками и стремленіями, и если дѣйствительно насмѣются, то это, во-первыхъ, покажетъ или что такихъ попытокъ и не было, а если и были дѣлаемы, то не были приняты во вниманіе такія-то и такія-то условія; и во-вторыхъ, нисколько не измѣнитъ значенія этихъ силъ, какъ разрушительныхъ. Но это еще не будетъ означать, что борьба съ такими разрушительными вліяніями невозможна, не обязательна. Совершенно напротивъ.

Да, изученіе общественно-хозяйственныхъ явленій требуетъ «объективности». Статистическій методъ изслѣдованія, напримѣръ, удовлетворяетъ такому требованію. Но разъ явленія эти изучены, законы ихъ найдены, пользованіе послѣдними не можетъ быть инымъ, какъ «субъективнымъ».

Разъ, напримѣръ, общество начинаетъ проникаться убѣжденіемъ, что законъ созиданія прибыли во всѣхъ ея видахъ, при помощи удлинненія рабочаго дня, вступаетъ въ коллизію съ болѣе глубокими общественными интересами, съ интересами физическаго и умственнаго развитія большинства населенія, то сначала проявленію его ставятъ преграды сами непосредственно заинтересованныя лица, при помощи организацій, стачекъ и пр., но затѣмъ само общество проникается сознаніемъ необходимости дѣятельнаго своего участія и принимаетъ на себя обязанность огражденія своей будущности при помощи фабричнаго законодательства и пр., и пр. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что законъ созиданія прибыли названнымъ путемъ или законъ заработной платы не вѣрны сами по себѣ. Напротивъ того, какъ каждый изъ насъ былъ вѣренъ прежде, такъ и теперь остается вѣрнымъ, но об-

ство въ данномъ случаѣ, въ лицѣ законодателя, ставить его проявленію такіа условія, при которыхъ онъ не можетъ оказать разрушительнаго вліянія на рабочихъ. Съ этимъ обстоятельствомъ, какъ въ данномъ случаѣ, предприниматели мирятся тѣмъ скорѣе, что видятъ на опытѣ, что рабочая сила, прилагаемая въ продолженіи 12—14 часовъ, вслѣдствіе фیزیологическихъ законовъ ея проявленія, производитъ меньше, чѣмъ сила, прилагаемая въ продолженіи 9—10 часовъ.

И если въ дѣлѣ пользованія законами природы основную роль играетъ возможность поставить проявленія ихъ въ требуемыя извѣстныя условія, которыя для этого должны быть въ наличности, то точно также, для пользованія законами общественно-хозяйственнаго развитія, необходимо сознательное пониманіе со стороны общества самого явленія, законовъ, управляющихъ имъ. А разъ это достигнуто, то для достиженія требуемаго результата необходимо, для противодѣйствія разрушительнымъ вліяніямъ, опереться на тѣ наличныя общественно-хозяйственныя условія, развитіе которыхъ способствуетъ развитію производительныхъ силъ всего общества, взятаго въ цѣломъ. Иначе самое изученіе общественно-хозяйственныхъ явленій, обнаруженіе законовъ, ими управляющихъ, теряетъ добрую долю своего значенія.

Но, позвольте, можетъ ктонибудь возразить, вѣдь самъ же г. Бельтовъ не только настаиваетъ на изученіи существующихъ общественно-хозяйственныхъ явленій, но даже утверждаетъ, что онъ и раздѣляющіе его взгляды именно этимъ и занимаются? Да, онъ именно это и говоритъ. Но вотъ только въ чемъ обѣда: гдѣ обрѣтаются труды его единомышленниковъ? Ихъ что-то не видно.

Вѣдь не считаетъ же г. Бельтовъ за скольконибудь серьезную работу «Критическія замѣтки» г. П. фонъ-Струве, «замѣтки», кишачія противорѣчіями, непониманіемъ самыхъ основныхъ задачъ науки; замѣтки, несмотря на необычайную претензію автора на «объективность», наполненныя предвзятыми мнѣніями, діаметрально противоположными дѣйствительнымъ явленіямъ; «замѣтки», въ которыхъ самъ авторъ не претендуетъ на изученіе фактовъ, а прямо таки забирается въ заоблачныя выси собственной фантазіи *); замѣтки, въ которыхъ чтонибудь непонятое авторомъ онъ старается объяснить чѣмъ-то совсѣмъ непонятнымъ: «Теорія населенія Маркса дополняетъ (?), но не опровергаетъ (!) теоріи Мальтуса,—таково наше мнѣніе», говоритъ г. П. фонъ-Струве (184)

*) «Признавая, что фактическая сторона многихъ явленій нашей хозяйственной жизни достаточно уже выяснена,—говоритъ въ предисловіи г. П. фонъ-Струве—авторъ (т. е. г. фонъ-Струве) въ чисто экономической части своихъ мѣтокъ не занялся новой разработкой имѣющагося матеріала» (да вѣдь масса работаннаго матеріала еще совершенно и не подвергалась разработкѣ, такъ что отчего бы не заняться этимъ?), «а сдѣлалъ попытку дать теоретическое мнѣніе уже извѣстными фактамъ». Но для этого прежде всего слѣдовало

(г. Бельтовъ, вы-то что нибудь въ этомъ понимаете?). «Замѣтки», авторъ которыхъ настолько мало освоился съ теоріей новой экономической школы, что рекомендуетъ, какъ лучшаго толкователя ея, г. Скворцова, прибавляя, что работы г. Скворцова могутъ служить образцомъ строго научнаго развитія нѣкоторыхъ основныхъ положеній экономической теоріи Маркса и въ этомъ отношеніи представляютъ уписанъ не только въ русской, но и во всей экономической литературѣ, *если не считать весьма неудачной попытки К. Шмита* «Die Durchschnittsprofitrate bei Marx». Въ дѣйствительности наиболѣе приближается къ ея пониманію не уписанъ, не г. Скворцовъ, а именно тотъ самый Конрадъ Шмитъ, попытка котораго, по мнѣнію г. П. фонъ-Струве, весьма неудачна.

Пусть же хотя кто нибудь укажетъ на разработку фактическихъ общественно-хозяйственныхъ данныхъ, на которую ссылается г. Бельтовъ, такъ какъ изъ числа не одной сотни изслѣдованій статистическихъ и иныхъ, которыя производились за послѣдніа двадцать лѣтъ или около того, намъ не приходилось встрѣчаться съ работами, выводы изъ которыхъ были бы въ чемъ либо согласны съ экономическими выводами гг. Бельтовыхъ, Струве и Скворцовыхъ.

Послѣдніе два автора чуть ли не единственные («уписанъ»), взгляды которыхъ на экономическій ходъ развитія страны тождественны со взглядами г. Бельтова. Но вѣдь о какомъ нибудь теоретическомъ или иномъ положительномъ значеніи ихъ работъ можно говорить развѣ только по недоразумѣнію. Объ отрицательномъ же значеніи ихъ работъ едва ли кто станетъ спорить.

Пусть же г. Бельтовъ, г. П. фонъ-Струве, или кто бы тамъ ни былъ, примется за дѣйствительное изученіе фактическихъ общественно-хозяйственныхъ отношеній. Эта задача съ каждымъ днемъ становится необходимѣе. Но пусть только каждый изъ нихъ отрѣшится отъ предвзятыхъ мнѣній, пусть приложитъ къ дѣлу тотъ методъ, который такъ прекрасно излагаетъ г. Бельтовъ. Если же кто будетъ слѣдовать неуклонно дѣйствительно объективному способу изслѣдованія, тотъ, можно быть вполнѣ въ томъ увѣреннѣмъ, придетъ къ заключеніямъ, если не тождественнымъ съ тѣми, къ которымъ пришли мы, то близкимъ къ нимъ. Факты то уже слишкомъ навязчиво настаиваютъ на томъ, что выводы не совсемъ невѣрны. Работа эта кропотливая, мѣшкотная, но если кто ее продѣлаетъ, тотъ уже не станетъ, подобно г. Бельтову,

бы представить теоретическое положеніе въ терминахъ фактовъ, что по-
 тельно невозможно безъ самостоятельнаго изученія ихъ связи между соб-
 это г. П. фонъ-Струве старательно обходить. «Нѣкоторые вопросы вовсе
 могутъ быть рѣшены при помощи статистики», говоритъ онъ. Но, во-пер-
 массовыя наблюденія должны быть использованы «для рѣшенія вопроса
 до крайней возможности, а во-вторыхъ разработка фактовъ можетъ быть
 статистическая.

отмахиваться отъ выводовъ, которые навязываются этими данными, подъ каменнѣ бы то ни было предлогами,—а пойметъ, что фразы, вродѣ «капитализмъ насмѣется» надъ пророчествами, выражаютъ частью не только насмѣшку надъ «величайшей, благороднѣйшей задачей мыслящей личности», но также нежеланіе приняты за изученіе дѣйствительныхъ отношеній, опираясь на достигнутую «точку зрѣнія», и непониманіе того, что каждый открытымъ закономъ можно и должно пользоваться съ «субъективными» цѣлями, а если это законъ общественно-хозяйственный, то надо имъ пользоваться въ интересахъ общественныхъ; что чѣмъ далѣе идти по пути, которымъ шли послѣ 1861 г., тѣмъ будетъ труднѣе достигнуть этихъ результатовъ, что именно поэтому задача эта трудная, но не неисполнимая, и что познаніе окружающаго для воздѣйствія на него въ смыслѣ благопріятномъ развитію общественныхъ производительныхъ силъ, какъ совершенно справедливо говоритъ г. Бельтовъ, есть «величайшая, благороднѣйшая задача мыслящей личности».

Три-четыре мѣсяца, прошедшіе со времени написанія статьи по поводу книги г. П. фонъ Струве, принесли съ собою множество фактовъ, подтверждающихъ нашу основную мысль. Беремъ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе характерныя.

Извѣстно, что 1893 г. былъ годомъ урожайнымъ, а что прошлый, 1894, превзошелъ даже необыкновенно обильный по урожаю 1888 годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что народное благосостояніе улучшается значительнѣе именно въ урожайныя годы, слѣдующія за урожайными, такъ какъ въ первый урожайный годъ населенію приходится раздѣлываться съ долгами и недонимками предъидущихъ лѣтъ.

Такъ вотъ въ 1894 году надо было ожидать особенно значительнаго улучшенія благосостоянія, выражающагося между прочимъ и въ лучшемъ поступленіи податей, и въ усиленномъ запросѣ на продукты обрабатывающей промышленности и, главнымъ образомъ, обрабатывающей хлопковъ.

Что же оказалось въ дѣйствительности?

Благосостояніе большинства населенія обусловливается не только хорошимъ урожаемъ, но и возможностью съ выгодой реализовать его, — благодаря тому, что иныя средства полученія дохода вмѣстѣ съ развитіемъ капитализаціи промышленность пользуются изъ его рукъ.

Но условія міроваго рынка, о которыхъ мы подробно говорили, жились такимъ образомъ, что реализація обильнаго урожая огла провойти при условіяхъ крайне убыточныхъ для населенія: бны на хлѣба упали до такого низкаго уровня, что продавать шлодилось чуть ли не въ убытокъ.

Но обильный урожай все-таки остался обильнымъ. Реализація же его, съ одной стороны, не только замедлилась, но значительная часть его остается нереализованною и находится въ видѣ продовольственнаго запаса частью у самихъ крестьянъ. А съ другой—для полученія прежняго количества денегъ, потребныхъ на уплату податей, аренды и пр., потребовалось продать несравненно большую часть его. Такая задержка реализаціи, отчего бы она ни происходила, и усиленная реализація по низкой цѣнѣ не замедлили обнаружиться.

И вотъ, въ концѣ года, начиная съ октября, начали слышаться жалобы на ухудшеніе поступленія податей *).

Это могло служить указаніемъ на то, что и обрабатывающая промышленность не можетъ похвалиться особеннымъ преуспѣяніемъ.

Извѣстно, однако, что у значительной части населенія своего хлѣба далеко не хватаетъ на продовольствіе въ продолженіе всего года, такъ что дешевизна и обиліе хлѣба для этой части населенія, кромѣ хорошаго, ничего, казалось бы, принести не могли.

Между тѣмъ, если обратиться къ дѣйствительнымъ общественно-хозяйственнымъ явленіямъ, то прежде всего бросается въ глаза значительный процентъ населенія, живущаго почти исключительно земледѣліемъ на своей ли, или на арендованной землѣ, или обрабатывая землю владѣльческую. Въ послѣднемъ случаѣ плата за обработку можетъ опредѣлиться только такой долей урожая, которая оставитъ въ рукахъ землевладѣльцевъ болѣе или менѣе значительную часть его. Если бы этого не было, то веденіе хозяйства потеряло бы смыслъ.

Въ 1894 г. эта часть оказалась крайне незначительною; такъ что у большинства населенія, отчуждающаго хлѣбъ, у крестьянъ ли, или у землевладѣльцевъ, вслѣдствіе паденія цѣнъ, въ наличности оказалось несравненно меньше покупательныхъ средствъ, чѣмъ въ прежнее время при аналогичныхъ условіяхъ. Для владѣльцевъ такое уменьшеніе дохода тѣмъ значительнѣе, чѣмъ задолженнѣе землевладѣніе, чѣмъ одѣнка, по которой принимались земли въ залогъ, была выше.

Такое относительное уменьшеніе платежныхъ средствъ у лицъ, въ рукахъ которыхъ оказался обильный урожай, не замедлило отозваться на положеніи тѣхъ, кто бы имѣлъ возможностью воспользоваться дешевизною хлѣба, на положеніи тѣхъ, кто занятъ обрабатывающею промышленностью; кто, слѣдовательно, прежде чѣмъ купить хлѣбъ, долженъ продать свой трудъ.

*) Дѣйствительно, по предварительнымъ кассовымъ свѣдѣніямъ, публикуемымъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ», оказывается, что за два мѣсяца — октябрь и ноябрь—выкупныхъ платежей въ 1893 г. поступило 38,5 мил., а въ 1894 г. — 31,5 мил. руб., т. е. въ минувшемъ году на 7 мил. руб. или на 22% меньше предыдущаго 1893 года.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи находилась главнѣйшая отрасль обрабатывающей промышленности.

30 января нынѣшняго года, московскій фабрикантъ С. И. Прохоровъ прочелъ, въ «Обществѣ для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности», докладъ о «торговлѣ и производствѣ ситцевъ въ 1894 г.», главнѣйшія черты котораго заглачаются въ слѣдующемъ.

1894 годъ для торговли и производства ситцевъ оказался несравненно менѣе удачнымъ, чѣмъ 1893 г. Оставшіеся послѣ неудачной расторжки 1893 г. запасы не могли не отразиться удручающимъ образомъ на ходъ дѣла. Въ общемъ, въ первые три мѣсяца года, въ Москвѣ были цѣны низкія и убыточныя для ситцевыхъ фабрикантовъ. Кореннаго переворота въ торговлѣ ситцемъ не произошло и лѣтомъ, несмотря на оживленіе, вызванное спросомъ Бухары, Кокана и Ферганской области вообще. Но и это нѣкоторое оживленіе продолжалось не долго, такъ какъ на рукахъ фабрикантовъ все еще оставались большія количества готоваго не проданнаго товара. Большіе запасы и надежды, что обильный урожай хлѣбовъ оживитъ спросъ, сдѣлали то, что на нижегородскую ярмарку доставлено было больше ситцевъ, чѣмъ въ 1893 году. Начало ярмарки оправдало ожиданія, но такъ какъ Сибирь и приволжскія губерніи не нуждались въ большомъ количествѣ товара, то дѣла около 10-го августа сразу оборвались и окончились довольно неудачно.

Послѣ нижегородской ярмарки, торговля въ Москвѣ все идетъ на убыль, а въ срединѣ сентября, вслѣдствіе обезцѣненія хлѣба, останавливается на нулѣ. «Отовсюду плохія извѣстія: хлѣба много, но за ситцевое или бумазейное платье нужно отдать его вдвое болѣе, чѣмъ прежде, да еще раньше превратить въ деньги, а ихъ нѣтъ и не на что покупать. Вотъ что слышится отовсюду, и осенняя торговля является худшей за послѣднія 10 лѣтъ, и, какъ это ни странно на первый взглядъ, процентовъ на 50 хуже урожаяйнаго 1892 г.». Періодъ съ 15 сентября до 1 января 1895 г. можно характеризовать затишьемъ. Крупнѣйшая въ году покровская ярмарка въ Харьковѣ прошла тихо. Сдѣлано не болѣе 60% противъ прошлаго года, а съ средне-азиатскихъ и закавказскихъ рынковъ слышны жалобы, что хлопокъ не имѣетъ сбыта, и что вслѣдствіе этого туземцы лишены средствъ на приобрѣтеніе ситца. Надежды на предпраздничную (Рождественскую) торговлю не оправдались, и несмотря на то, что большинство фабрикантовъ работало лишь столько, чтобы не остановить фабрики, и выработывало осенью не болѣе половины или $\frac{2}{3}$ нормальнаго количества, остатки на 1 января 1895 г. значительно превышаютъ большіе запасы редшествовавшаго года. (Сокращено по извлеченію изъ доклада, помѣщенному въ «Торгово-промышленной газетѣ» 2 февраля 1895 № 27 и по самому докладу въ Вѣстн. Фин. 1895 № 6).

Это показываетъ, что уменьшеніе платежныхъ средствъ у земледѣльческаго населенія, несмотря на обильный урожай, отразилось на уменьшеніи производства въ обрабатывающей отрасли промышленности. А такое уменьшеніе выработки на $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{3}$ нормальнаго количества должно было значительно сократить число занятыхъ рабочихъ, а слѣдовательно увеличить конкуренцію между ними, т. е. должно было понизить ихъ заработокъ.

Но то, что происходитъ въ такой отрасли производства, которая доставляетъ необходимѣйшія средства существованія большинству населенія, можетъ служить указаніемъ на то, что происходитъ въ другихъ отрасляхъ производства.

Такимъ образомъ выгоды отъ дешевизны хлѣба для той части населенія, которому приходится покупать его, довольно таки условны: прежде чѣмъ купить, надо имѣть то, на что купить. Между тѣмъ, какъ условія общественнаго производства, такъ и условія внутренняго рынка, отражающаго въ себѣ условія рынка всемірнаго, таковы, что обильный урожай не могъ принести населенію той выгоды, которая бы могла быть, во-первыхъ, въ томъ случаѣ еслибы дешевизна зависѣла отъ внутреннихъ условій производства, а не отъ внѣшнихъ, и во-вторыхъ, если бы земледѣліе не было бы отдѣлено отъ обрабатывающей промышленности и увеличеніемъ производительности могли бы пользоваться не отдѣльныя лица, а все общество, взятое въ цѣломъ.

Н.—онъ.

Февраль, 1895.

Въ февральской книжкѣ, въ статьѣ «Апология власти денегъ», на стр. 18 (3 строка снизу) послѣ слова «производства» слѣдуетъ прибавить: (Kautsky. Erfurter Programm, стр. 99—101). На стр. 12 (строка 21) вмѣсто словъ «тамъ-же» слѣдуетъ: Бап., томъ III

НОВЫЯ КНИГИ.

Ипполитъ Тэнъ. Объ умѣ и познаніи. Второе изданіе. Перев. съ франц. Н. Н. Страхова. Спб. 1894. Ц. 3 р.

Въ февральскомъ № „Revue Philosophique“ 1895 г. помѣщена статья Е. Дюркгейма „L'enseignement philosophique et l'agrégation de philosophie“, изъ которой можно почерпнуть не мало интересныхъ свѣдѣній о печальныхъ послѣдствіяхъ неправильной постановки преподаванія философіи во французскихъ лицеяхъ. Программа преподаванія философіи, созданная по плану Кузена и его учениковъ, преслѣдуетъ цѣли, совершенно чуждыя философскому изслѣдованію. Она стремится не къ тому, чтобы сдѣлать изъ учениковъ развитыхъ и образованныхъ людей, научить ихъ вполне сознательно относиться къ явленіямъ мирового процесса и умѣть ориентироваться въ той „бурлящей тѣмѣ“, которая называется жизнью; нѣтъ, она имѣетъ въ виду административно-полицейскія цѣли: поддержаніе „*unité nationale*“ и укрѣпленіе „*certaines croyances fondamentales*“. Такое своеобразное пониманіе задачи должно было повести къ столь-же своеобразному ея рѣшенію. Кузенъ заявилъ, что онъ безъ колебанія признаетъ то преподаваніе философіи лучшимъ, которое болѣе всего освобождено отъ научныхъ вопросовъ (*d'autant meilleur qu'il est plus dégagé des questions scientifiques*). Результаты подобной постановки дѣла не замедлили обнаружиться. Только они были диаметрально противоположны тѣмъ, къ достиженію которыхъ стремились Кузенъ. „*Unité nationale*“, конечно, осталась неизблею; но не благодаря философскимъ правиламъ Кузена, аосто потому, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ государства болѣе народнаго, чѣмъ Франція, и народа, болѣе добровольно-централизованнаго, чѣмъ французы. Но отъ *unité nationale* не осталась и слѣда. „Освобожденные“ отъ науки ученики съ самоѣніемъ невѣждъ принялись за созданіе собственныхъ метафизическихъ системъ. Незнакомые съ трудностями рѣшенія

научныхъ вопросовъ, воспитанные на реторикѣ и адвокатскомъ краснорѣчїи Цицерона, они научились цѣнить только красивую фразу, ловкій оборотъ рѣчи, внѣшнюю стройность построения. Но для того, чтобы научиться ловко владѣть фразою, не нужно обильныхъ свѣдѣній, а потому, какъ свидѣтельствуемъ Дюркгеймъ, оказалось, что только тѣ ученики не имѣютъ „собственной метафизики“, которые лишены всякаго самолюбія. Какъ легко создаются эти самостоятельныя метафизики, видно на примѣрѣ конкурсныхъ сочиненій молодыхъ людей, уже окончившихъ лицей. „Одинъ изъ нихъ, на примѣръ, задача котораго заключалась въ изученіи инстинкта, начинается съ положительнаго заявленія, что онъ оставитъ безъ всякаго разсмотрѣнія все то, что сказано объ инстинктѣ естественными науками“.

Читая рассказъ Дюркгейма о французскихъ метафизикахъ, „освобожденныхъ“ по рецепту Кузена отъ всякихъ положительныхъ знаній, мы, конечно, невольно вспоминали о нашихъ российскихъ метафизикахъ. Эти тоже могли-бы порадовать Кузена своею полною освобожденностью; они тоже воспитаны на аористахъ, герундивахъ и на рѣчахъ присяжнаго повѣреннаго Марка Туллія Цицерона. Но сообразно общей нашей малокультурности, они ведутъ себя еще развзвнѣе, чѣмъ ихъ французскіе братья. Если французскій школьникъ-невѣжда „оставляетъ безъ разсмотрѣнія“ результаты научныхъ изслѣдованій, то русскій невѣжда прямо присуждаетъ къ смерти всѣ недоступныя его уму ученія; онъ не колеблется писать: „Весь смыслъ позитивизма сводится къ этому: лучше плохо думать, чѣмъ хорошо; мысли бывають истиннѣе, когда онѣ не развиты и не согласованы другъ съ другимъ, мышленіе правильнѣе, когда оно безсвязно“. Коротко и сильно. „Лучше плохо думать, чѣмъ хорошо“—вотъ, по словамъ русскаго неуча, весь смыслъ ученій Конта, Милля, Спенсера, Лааса, Авенариуса, Вундта и проч., и проч.!!

Читатель, вѣроятно, заинтересуется узнать, откуда мы выудили этотъ перлъ российскаго глубокомыслія, не изъ сочиненія-ли кого-нибудь изъ внуковъ грибоѣдовскаго Скаловуба, собиравшагося фельдфебеля въ Вольтеры дать. Узнавши, что этотъ перлъ принадлежитъ нѣкому г. Рованову, тому самому г. Рованову, который, вмѣстѣ съ г. Шперкомъ, раздѣляетъ славу философскаго доказательства необходимости сѣченія розгами, который по тонкости анализа даже превзошелъ г. Шпера, ибо открылъ, что сѣченіе необходимо для *поднятія чувства собственной достоинства у наказуемыхъ*,—узнавши все это, читатель, вѣроятно, замѣтитъ: охота-же обращать вниманіе на всякій вздоръ; всюду существуетъ „ванькина литература“, но ни нее никто не обращаетъ вниманія, съ нею не полемизируютъ-

ее просто презирають. Несомнѣнно, что писанія г. Розанова принадлежатъ къ области „ванькиной литературы“, и конечно, на нихъ не стоило-бы обращать вниманія.

Но дѣло въ томъ, что вышеприведенное классическое опредѣленіе сущности позитивизма появилось въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“ (книга 3, стр. 22). Этимъ положеніе дѣла радикально измѣняется. Позоръ для русской философіи заключается не въ томъ, что нашелся какой-то г. Розановъ, который написалъ нѣсколько безнадежно-плоскихъ пошлостей въ области философіи, а въ томъ, что эта пошлость была редакціею спеціальнаго журнала преподнесена для поученія *избранной* публики, наиболѣе интересующейся философіею и наиболѣе ее понимающей.

Эти соображенія пришли намъ въ голову, когда мы собрались сообщить читателямъ о выходѣ вторымъ изданіемъ книги Тэна „Объ Умѣ и Познаніи“. Тэнъ имѣетъ слишкомъ громкое имя, чтобы его книга нуждалась въ рекомендаціи и въ указаніи на ея достоинство. Онъ слишкомъ крупная величина, чтобы считать его чьимъ-бы то ни было ученикомъ или послѣдователемъ; но такъ какъ онъ, въ качествѣ серьезнаго ученаго, конечно, усвоилъ всѣ результаты работъ своихъ предшественниковъ, то, рассматривая его съ этой точки зрѣнія, можно сказать, что онъ примыкаетъ къ англійской школѣ психологовъ; ближе всего къ Дж. Ст. Миллю и Бэну, но отчасти пользуется и трудами Спенсера. Изъ неанглійскихъ ученыхъ онъ больше всего обязанъ Кондильяку.

Анализъ Тэна, направленный въ открытію элементовъ познанія, вскрываетъ ошибочность гипостазированія „способностей“, „силъ“, ошибочность понятія о нашемъ „я“, о матеріи, духѣ и субстанціи.

„Теченіе и сочетаніе ощущеній и импульсовъ, которые, будучи рассматриваемы съ другой стороны, оказываются въ то же время потокомъ и сочетаніемъ нервныхъ дрожаній,—вотъ умъ“ (стр. XII—XIII). Ощущенія, образы, которые суть не что иное, какъ самопроизвольное воспроизведеніе ощущеній, и, наконецъ, тѣ своеобразные факторы, которые называются знаками, замѣстителями невозможнаго опыта,—вотъ элементы познанія. Съ этой точки зрѣнія ученіе о способностяхъ, силахъ, о нашемъ я, о матеріи, о субстанціи,—все это есть результатъ метафизическихъ иллюзій. Въ нашемъ духѣ мы находимъ только ощущенія, образы и субстатуты ощущеній. „Эти элементы всякаго познанія..... въ силу ихъ ассоціаціи и ихъ тождественія—преобразуются. Съ одной стороны они кажутся не такими, каковы они есть. Съ другой стороны, благодаря большей или меньшей поправкѣ, съ нихъ снимается этимъ ожный видъ. Два главныхъ приема употребляетъ природа

для произведенія операций, которыя мы называемъ познаніями: одинъ состоитъ въ томъ, что *съ насъ создаются иллюзіи*; другой состоитъ *въ ихъ исправленіи*. Этою двоякою операціею возводится и завершается умственное зданіе“ (219).

Ученіе Тэна, разрушающее метафизическую иллюзію субстанціального я, обвиняли въ матеріализмѣ; но это—результатъ грубаго непониманія. Тэнъ многократно и убѣдительно показывалъ, что какъ бы мы глубоко ни анализировали движеніе, „мы все таки будемъ имѣть лишь движеніе, а движеніе, каково бы оно ни было, вращательное, волнообразное, или какое другое, ни въ чемъ не похоже на ощущеніе“ (191). Мало того, найдя, что ощущеніе и движеніе суть одно и тоже явленіе съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, онъ задаетъ вопросъ, какъ эти двѣ точки зрѣнія должны относиться другъ къ другу, и отвѣчаетъ: „изъ двухъ точекъ зрѣнія... одна—сознаніе—есть прямая точка: знать ощущеніе сознаніемъ значитъ имѣть присущимъ его образъ, который есть то же самое возрожденное ощущеніе. Напротивъ другая точка зрѣнія—внѣшнее воспріятіе—есть непрямая точка, она ничего не говоритъ намъ о собственныхъ признакахъ предмета; она даетъ намъ свѣдѣнія лишь объ известномъ классѣ его дѣйствій“ (195—6). Тэнъ до такой степени мало повиненъ въ матеріализмѣ, что даже отрицаетъ существованіе матеріи. Матерія есть для него такая-же фикція, какъ и духъ. Дж. Ст. Милль училъ, что матерія есть только „постоянная возможность ощущеній“. Тэнъ принимаетъ его ученіе, дѣлая въ немъ только нѣкоторую поправку, признавая, что матерія есть постоянная возможность и необходимость ощущеній. Подобный взглядъ на матерію и на ощущенія приводитъ Тэна къ взгляду на воспріятіе, какъ на правдивую галлюцинацію. „Наше внѣшнее воспріятіе, говоритъ онъ (стр. 223), есть внутренняя мечта, гармонирующая со внѣшними вещами; вмѣсто того, чтобы говорить, что галлюцинація есть ложное внѣшнее воспріятіе, лучше сказать, что внѣшнее воспріятіе есть *истинная* (правдивая) *галлюцинація*“ (223).

Такимъ образомъ психологія познанія по Тэну сводится на взаимодѣйствіе ощущеній и образовъ, которые дополняютъ и ограничиваютъ другъ друга; которые служатъ источниками иллюзій и орудіемъ исправленія этихъ иллюзій; которые при посредствѣ своихъ субстантивовъ становятся, наконецъ, идеями.

Не помышляя, конечно, исчерпать въ небольшой библиографической замѣткѣ содержаніе книги Тэна, мы позволимъ себѣ указать только на одинъ ея существенный недостатокъ. Онъ заключается, по нашему мнѣнію, въ недостаточномъ разграниченіи сферъ психологіи и теории познанія. Въ ученіи Тэна о внѣшнемъ воспріятіи, какъ о правдивой галлюцинаціи

точки зрѣнія психологическая и теоретико-познавательная спутаны вмѣстѣ. Одно дѣло показать, что съ психологической точки зрѣнія процессъ воспріятія и процессъ галлюцинаціи тождественны. Другое дѣло доказать, что воспріятіе есть актъ *правдивый*. Одинъ и тотъ же авторъ можетъ, конечно, въ одномъ и томъ же сочиненіи разбирать и психологическіе вопросы, и теоретико-познавательные. Но совсѣмъ другое дѣло, когда подъ видомъ рѣшенія однихъ вопросовъ рѣшаются совершенно иные. А такъ именно и вышло въ данномъ случаѣ. Тэнъ собралъ достаточно данныхъ для рѣшенія психологическаго вопроса объ отношеніи воспріятія къ галлюцинаціи; но онъ, на основаніи только этихъ данныхъ, не имѣлъ права прибавкою прилагательнаго „правдивый“ рѣшить теоретико-познавательный вопросъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить то мѣсто (стр. 283—288), гдѣ Тэнъ исправляетъ ученіе Милля о матеріи, какъ о постоянной возможности ощущеній. Тэнъ въ концѣ концовъ почти совершенно отвергаетъ это ученіе; онъ возвращаетъ тѣламъ „дѣйствительное существованіе, независимое отъ нашихъ ощущеній“ (стр. 287). Затѣмъ, сводя ощущенія до минимума простоты, онъ приходитъ къ возможности такой точки зрѣнія, при которой „ощущенія и образы были бы.. только болѣе сложными случаями движенія“ (стр. 288). Здѣсь Тэнъ совершилъ двойное salto mortale. Во первыхъ, проведеніемъ анализа ощущенія такъ далеко, что оно утратило признакъ сознательности, онъ, въ сущности, лишилъ ощущение его реальнаго содержанія. Мы отказываемся понимать смыслъ термина „бесознательное ощущение“. Ощущеніе минулъ сознаніе, это только физическія условія ощущенія, но не оно само. Во вторыхъ, введя въ свою формулу „движеніе“, онъ покинулъ чисто психологическую точку зрѣнія и рѣшилъ опять безъ достаточной подготовки теоретико-познавательный вопросъ; ибо съ понятіемъ движенія связаны вопросы о пространствѣ, времени, воспріятіи движенія. Безъ помощи теоріи познанія нельзя рѣшить вопросъ о томъ, что такое движеніе.

Таковы нѣкоторыя изъ возраженій, которыя, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать противъ ученія Тэна, но повторяемъ, оно есть слишкомъ крупное научное явленіе, чтобы о немъ можно было дать понятіе въ простой библиографической замѣткѣ.

Русскій переводъ въ общемъ удовлетворителенъ. Но, принимая во вниманіе важность книги и то обстоятельство, что переводчикъ самъ специалистъ философъ, мы не можемъ не послать по его адресу нѣсколько замѣчаній и даже обвиненій. Наименьшая изъ его винъ та, что онъ не воздерживается отъ довольно распространеннаго у насъ обычая дѣлать переводы съ иностраннаго при помощи писанія иностранныхъ

словъ русскими буквами. Онъ пишетъ: „алиенисты“ вмѣсто „психіатры“; „лауданъ“, вмѣсто „опій“; „фонтанели“ (черепя), вмѣсто „роднички“. Все это французскія слова, написанныя русскими буквами; въ послѣднемъ примѣрѣ вышелъ сверхъ того каламбуръ, ибо по-русски фонтанелями называются особыя орудія медицинскаго воздѣйствія. Мѣстами, переводъ небреженъ или не точенъ, безъ особаго, впрочемъ, вреда для дѣла. Такъ фраза (стр. 62) о функціяхъ „смежныхъ съ лицомъ“ не можетъ считаться удачною. Еще менѣе удачна фраза о вышкѣ, „которая тѣмъ была высока, что она *восходитъ до основанія* (въ подлинникѣ сказано: *qu'elle remonte à l'origine*) нашихъ познаній“ (стр. XII). Уже просто ошибкою является фраза, что существованіе есть „главнѣйшее“ (*la plus générale*) свойство вещи (стр. 263). Упрека заслуживаетъ г. Страховъ и за переводъ слова „*simulair*“ словомъ „подобіе“ (стр. 262). Но настоящее обвиненіе мы предъявляемъ ему только за переводъ термина: „*haelucination vraie*“ словами „истинная галлюцинація“ (стр. 222. 223 и др.). Читая фразу: „вѣдннее воспріятіе есть истинная галлюцинація“, русскій читатель подумаетъ, что Тэнъ хотѣлъ сказать, что это есть *настоящая* галлюцинація, тогда какъ авторъ хотѣлъ сказать, что это есть *правдивая* галлюцинація. Можно было бы думать, что г. Страховъ просто не догадался, что слова „истинная галлюцинація“ двусмысленны; но что сказать о томъ мѣстѣ (стр. 258), гдѣ фраза: „*Elle (la perception) est une hallucination vraie*“ переведена такъ: „Оно (воспріятіе) *настоящая* галлюцинація“? Тутъ уже не каламбуръ по неосмотрительности, а просто извращеніе всего ученія Тэна!

А. Фуллъе. Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ.
Перев. съ франц. П. Николаева. М. 1895. Ц. 3 р.

Какъ читатель видитъ изъ самаго заглавія книги, это—философская хрестоматія: собраніе отрывковъ изъ философскихъ сочиненій, начиная съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Книга начинается отрывками изъ Ригъ-Веды, а оканчивается отрывками изъ сочиненій Дж. Ст. Милля.

Когда такой знатокъ философіи, какъ Фуллъе, работаетъ надъ составленіемъ философской хрестоматіи, то мы можемъ вѣрнѣе быть увѣрены, что его трудъ увѣнчается такимъ успѣхомъ, какой только возможенъ для подобнаго рода предпріятій. И дѣйствительно, ознакомившись съ этою книгою, нельзя не признать, что она составлена почти безукоризненно. Можно указать на нѣкоторые пропуски (нѣтъ, напр., отрывковъ изъ Гербарта, Лотце и нѣкот. другихъ); можно, пожа-

луй, указывать, что та или иная характеристика не довольно точна (напр. различіе между заслугами Протагора и Горгія совершенно ступевано);—но все это будутъ мелкія замѣчанія, второстепенныя указанія. Мы должны признать, что трудъ Фуллье, *какъ хрестоматія*, почти безуворивненъ.

Но совершенно иное мы должны будемъ сказать, если зададимъ вопросъ, имѣютъ ли вообще философскія хрестоматіи какой нибудь смыслъ. На подобный вопросъ мы безъ колебанія дадимъ отрицательный отвѣтъ. Мы вполне признаемъ законность составленія обыкновенныхъ хрестоматій: собранія отрывковъ изъ беллетристическихъ и стихотворныхъ произведеній разныхъ авторовъ. Эти отрывки, хорошо подобранные, даютъ достаточное понятіе о тѣхъ авторахъ и тѣхъ твореніяхъ изъ которыхъ они извлечены. Часто это бывають лучшія мѣста, „красоты“ того или иного творенія. Часто эти отрывки въ самомъ текстѣ занимають такое мѣсто, что ихъ выдѣленіе совершается безъ всякаго затрудненія. Воѣ мы, напримѣръ, въ дѣтствѣ читали въ хрестоматіяхъ о томъ, какъ

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда...

и то обстоятельство, что это стихотвореніе вырвано изъ поэмы „Дыгане“, отнюдь не уменьшало его достоинства.

Но съ философскими сочиненіями нельзя обращаться такъ, какъ съ поэмами и повѣстями. Философское твореніе, достойное этого имени, есть нѣчто до такой степени цѣльное, органически-связанное, что въ немъ одно мѣсто просто непонятно безъ знанія другого. Читая, напримѣръ, „Критику чистаго разума“, нелѣпо искать отдѣльныхъ красотъ этого творенія, и никому, конечно, не придетъ въ голову забѣгать впередъ, чтобы посмотрѣть, „чѣмъ кончится“ критика, какъ это дѣлають многіе при чтеніи романовъ.

Разсмотрѣніе книги Фуллье вполне подтверждаетъ вышесказанное. Пока онъ приводитъ отрывки изъ писаній браминовъ, буддистовъ, Конфуція, Менція и т. п., т. е., пока дѣло идетъ не столько о настоящей философіи, сколько о разныхъ полупоэтическихъ гимнахъ, молитвахъ, о разныхъ разсужденіяхъ на тему „объ обязанности относительно женщинъ“, „о смиреніи, кротости, прощеніи оскорбленій“ и т. п., до тѣхъ поръ его книга читается съ большимъ интересомъ и пользою. Но по мѣрѣ того, какъ онъ переходитъ къ изложенію систематическихъ философій, его отрывки становятся все менѣе и енѣе удовлетворительными. Какъ, напримѣръ, можно изложить въ отрывкахъ философію Канта!? Канта, который построилъ такую многосложную систему, съ „трансцендентальными путеводными нитями“, съ массою категорій, съ „фальшивыми окошками“ (по выраженію Шопенгауэра), съ разу-

момъ чистымъ и практическимъ, съ разсудкомъ и „силою сужденія“ и т. д., и т. д. У Канта каждый терминъ имѣеть своеобразное значеніе, каждый шагъ впередъ дѣлается подъ руководствомъ извѣстныхъ „указаній“, „путеводныхъ нитей“ и т. п. Изъ такого автора вырывать отдѣльныя мѣста,—значить сводить до нуля понятность этого и безъ того не легко понимаемаго ученія.

Справедливость нашего взгляда невольно подтверждаетъ самъ Фуллье. На стр. 350 онъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ одному мѣсту отрывка „Человѣческое достоинство“: „Чтобы понять это мѣсто, говоритъ онъ, слѣдуетъ имѣть въ виду теорію Канта о вкусѣ, о прекрасномъ, о возвышенномъ и объ искусствѣ“. А такъ какъ, прибавимъ мы, эти теоріи Канта въ хрестоматіи не изложены, то, слѣдовательно, вышеприведенное мѣсто такъ и останется непонятнымъ для читателей.

И. В. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. Кіевъ. 1894.

Брошюра проф. Лучицкаго, представляющая собою отчетъ о заграничной командировкѣ автора, посвящена одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей великой французской революціи. За время послѣдней, говоря словами автора, „совершился непримѣрный въ исторіи поземельной собственности переворотъ, естественно долженствовавшій привести за собою полное перемѣщеніе собственности, полное измѣненіе владѣльческихъ рукъ“. Благодаря делегатамъ національнаго и послѣдующихъ собраній, громадное количество бывшихъ коронныхъ, церковныхъ и дворянскихъ имѣній было выброшено на рынокъ и пущено въ продажу съ публичныхъ торговъ. „Продавалось около половины всѣхъ земель страны, продавались земли не только церкви и дворянства, но и собственность лицъ сосланныхъ, кавценныхъ и т. д. Начиная съ конца 1790 года, вплоть до конца столѣтія, и затѣмъ еще и при имперіи, на всемъ протяженіи французской территоріи, во всѣхъ департаментахъ не прекращалась эта продажа, этотъ процессъ перемѣщенія въ грандіозныхъ размѣрахъ поземельной собственности“.

Вопросъ о результатахъ этого процесса, о томъ, въ чью пользу совершилось такое перемѣщеніе земли изъ однихъ рукъ въ другія, давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе и историковъ, и экономистовъ. Мало того, на него былъ данъ въ литературѣ цѣлый рядъ отвѣтовъ, подчасъ довольно категори-

ческих по формѣ, но всегда разнорѣчивыхъ по существу. Высказывалось мнѣніе, что революція создала во Франціи мелкую крестьянскую собственность, но высказывалось и противоположное, что число собственниковъ вовсе не было увеличено революціею; сообщались даже цифры числа новыхъ собственниковъ, у каждаго автора, впрочемъ, инныя. Любопытный перечень этихъ разнообразныхъ отвѣтовъ сдѣланъ былъ въ вышедшей два года назадъ книгѣ Минцеса *Die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution*, книгѣ, которая явилась вмѣстѣ и первой попыткой дать скольконибудь прочное рѣшеніе вопроса, основанное на изученіи непосредственныхъ его источниковъ. Дѣло въ томъ, что эти источники въ видѣ актовъ продажи національныхъ имуществъ до послѣдняго времени оставались почти совершенно неизученными, и говорившіе объ данномъ вопросѣ авторы рѣшали его главнымъ образомъ на основаніи теоретическихъ соображеній, либо же опирались на заявленія, сдѣланныя въ свое время членами собраній учредительнаго, законодательнаго или конвента. Въ собственно исторической литературѣ со времени Токвиля утвердилось мнѣніе, что продажа національныхъ имуществъ мало измѣнила характеръ распредѣленія земельной собственности, а въ специальныхъ трудахъ Лаверня и Авенеля эта же мысль приняла еще болѣе рѣзкую форму въ видѣ доказательства, что такая продажа послужила на пользу по преимуществу буржуазіи. Русскій изслѣдователь и знатокъ крестьянской жизни старой Франціи, Н. И. Карѣевъ, въ этомъ вопросѣ, не разрабатывая его самостоятельно, примкнулъ къ мнѣнію Авенеля. Книга Минцеса была первой попыткой пробѣрить данный взглядъ точнымъ изслѣдованіемъ явленія, котораго онъ касался, и попытка эта дала вполне благоприятные результаты. Статистическія данныя о продажахъ національныхъ имуществъ, собранныя Минцесомъ для департамента Сены и Уазы, разборъ законодательства и дѣйствій правительственныхъ органовъ въ этомъ вопросѣ, равно какъ отношенія къ нему самого населенія версальскаго округа—все это привело изслѣдователя къ выводу, что главнымъ покупщикомъ имѣній въ названной мѣстности явилась буржуазія, тогда какъ мелкое крестьянское землевладѣніе ничего или почти ничего не выиграло отъ продажи правительствомъ земель. Это произвело такое впечатлѣніе, что послѣдній ученый, писавшій по социальной исторіи Франціи за время революціи, М. М. Ковалевскій, рѣшился, не производя новаго specialнаго изслѣдованія, обобщить выводы Минцеса на всю страну. По его словамъ, продажа національныхъ имуществъ „пошла на пользу почти исключительно среднему сословію въ лицѣ не однихъ только

капиталистовъ, но и членовъ либеральныхъ профессій, главнымъ же образомъ фермеровъ“.

Тѣмъ болѣе интереса вызываетъ работа проф. Луцицкаго, являющаяся рѣзкимъ протестомъ противъ такого взгляда. Выводы Минцеса касались собственно только департамента Сены и Уазы. Но уже a priori можно было бы сказать, что одно существованіе въ послѣднемъ такого промышленнаго центра, какъ Парижъ, могло направить въ опредѣленную сторону весь процессъ перемѣщенія земельной собственности, придавая ему оригинальныя черты. Проф. Луцицкій выбралъ для своего изслѣдованія три департамента (Côte d'Or, de la Haute Garonne и Pas de Calais) и выводы, полученные имъ въ результатѣ работъ въ архивахъ Дижона, Тулузы и Арраса, рѣзко расходятся какъ съ выводами Минцеса, такъ и вообще съ господствующимъ въ исторической литературѣ взглядомъ. Достаточно, напр., сопоставить съ только что приведенными словами г. Ковалевскаго утвержденіе нашего автора, что изъ 5000 слишкомъ лицъ, явившихся покупателями бывшей церковной земли въ дистриктѣ Арраса, было только 179 фермеровъ, чтобы опѣнить степень и значеніе этой разницы.

Въ настоящей брошюрѣ мы не имѣемъ, однако, полного изложенія выводовъ автора. Въ ней онъ только намѣчаетъ общую постановку своей работы, опредѣляетъ источники ея и скорѣе намекаетъ на характеръ своихъ выводовъ, нежели передаетъ ихъ вполне. Последнее должно быть сдѣлано въ имѣющемъ выйти трудѣ, главные абрисы котораго и вырисовываетъ читателю настоящая книжка. Но и при такой своей роли она заключаетъ въ себѣ столько новыхъ и цѣнныхъ данныхъ, что мы позволимъ себѣ отмѣтить важнѣйшія изъ нихъ. Цѣлымъ рядомъ примѣровъ, разбросанныхъ по страницамъ брошюры, авторъ доказываетъ видное участіе крестьянства въ покупкѣ національныхъ имуществъ для всѣхъ изслѣдованныхъ имъ областей, хотя характеръ этого участія и разнообразится, смотря по мѣстности. Такъ, „акты продажи въ Бургундіи, повидимому, свидѣтельствуютъ о томъ, что продажа земель de la première origine (церковныхъ) пошла на пользу главнымъ образомъ богатой буржуазіи, между тѣмъ какъ продажа земель эмигрантовъ была болѣе выгодна для крестьянскаго класса“; въ то же время въ дистриктѣ Арраса, какъ можно вывести изъ приведенныхъ авторомъ примѣровъ, тѣ и другія земли скупались по преимуществу крестьянами, церковныя даже болѣе, чѣмъ эмигрантскія. Не ограничиваясь этими данными, авторъ поставилъ еще другой вопросъ, также до сихъ поръ остававшійся довольно темнымъ, о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія до революціи. Громадный матеріалъ, сохранен-

“ся въ архивахъ для этого вопроса и частью вполне заново-

открытый нашимъ авторомъ, далъ ему возможность опредѣлить какъ общіе размѣры крестьянской собственности, такъ и характеръ ея распредѣленія наканунѣ революціи, а для нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ, напр., дистриктъ Арраса, прослѣдить судьбу этой собственности на протяженіи двухъ столѣтій, предшествовавшихъ революціи. Любопытенъ, хотя и не представляетъ изъ себя неожиданности, выводъ автора въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Крестьянская собственность за два вѣка увеличилась въ своихъ размѣрахъ, хотя не очень много, подвергаясь въ то же время сильному измельчанію. Насколько серьезны измѣненія, вносимыя въ старыя представленія о жизни французскихъ крестьянъ въ XVIII в. вновь добытымъ болѣе точнымъ статистико-экономическимъ матеріаломъ, можетъ еще показать слѣдующее сопоставленіе. Минцесъ, между прочимъ, для опредѣленія процента безземельныхъ среди крестьянства пользовался податными списками населенія (*rolles des tailles*). Проф. Лучицкому удалось открыть въ Дижонскомъ архивѣ рядъ болѣе подробныхъ описей населенія и его имущества п. н. *nouveaux pieds des tailles*, дополняющихъ свѣдѣнія перваго источника или, вѣрнѣе, вскрывающихъ полную его несостоятельность въ данномъ случаѣ. Оказывается, что при условіи такого дополненія процентъ безземельныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ приходится подмѣнить процентомъ собственниковъ и наоборотъ. Въ свѣтъ новыхъ матеріаловъ яснѣе должна обрисовываться деревенская жизнь старой Франціи и авторъ дѣйствительно общаетъ въ своемъ будущемъ трудѣ дать новое объясненіе разрадамъ французскихъ крестьянъ въ дореволюціонную эпоху, извѣстнымъ подъ названіями *laboueurs, menagers, manouvriers* и т. д.

Остается пожелать скорѣйшаго появленія этого труда. Само собою, онъ не дастъ полного отвѣта на всѣ затронутые авторомъ вопросы. Такой отвѣтъ по отношенію ко всей Франціи можетъ явиться — и это выясняется теперь еще болѣе — лишь въ результатѣ ряда изслѣдованій, охватывающаго весь наличный матеріалъ, что, какъ указываетъ самъ авторъ, могло бы составить задачу развѣтѣлѣй спеціальной комиссіи. Но ожидаемый трудъ, какъ можно сказать уже и теперь, на основаніи предварительныхъ свѣдѣній объ немъ, можетъ дать много цѣнныхъ фактовъ и объясненій изъ сферы социальнo-экономической исторіи Франціи и, рѣшая главный, заключенный въ немъ, вопросъ для одного лишь района, долженъ гдѣ-то способствовать перенесенію всего хода изслѣдованія въ области отвлеченныхъ соображеній на почву изученія фактовъ.

Мелкая промышленность въ Россіи. I. Артель въ кустарномъ промыслѣ. В. В. Спб. 1895. Ц. 1 р.

Только что вышедшая книжка г. В. В. посвящена изслѣдованію распространенности артельного начала въ кустарномъ промыслѣ. Эта новая работа г. В. В., какъ и всѣ вообще его работы, изобилуетъ фактическимъ матеріаломъ. Нужна масса труда и времени, чтобы переглядѣть всѣ тѣ статистическіе сборники, труды комиссій, корреспонденціи, ссылками на которые заполнены примѣчанія, встрѣчающіяся чуть не на каждой страницѣ. И тѣмъ не менѣе, какъ это ни странно послѣ сказаннаго, обзоръ, предпринятый г. В. В., не полонъ. Неполнота эта какъ будто намѣренная, ибо недостаетъ цѣлыхъ отраслей отечественной промышленности, о которыхъ и не упомянуто, а между тѣмъ даже въ общезвѣстной литературѣ имѣется много указаній и цѣлыхъ изслѣдованій объ наличности артельныхъ въ нихъ началъ. Мы разумѣемъ промышленности: земледѣльческую, звѣро-и рыболовную. Этому пробѣла не разъясняютъ намъ и заключительныя слова книжки: „Вышеизложенное сведеніе матеріаловъ по вопросу объ артеляхъ обнимаетъ далеко не всѣ формы примѣненія артельной организаціи къ крестьянскимъ промысламъ и не всѣ отрасли промышленности гдѣ, это примѣненіе имѣетъ мѣсто. Это потому, что цѣлью настоящаго труда было группированіе данныхъ объ артели въ промыслахъ, направленныхъ на переработку вещественнаго матеріала (а не имѣющихъ задачей оказаніе услугъ) при условіи, когда работающій сохраняетъ самостоятельность, и если артельная организація представляетъ явленіе бытовое, выросшее стихійно, и подчиненное регулированію того, что называется обычнымъ правомъ. Такимъ образомъ, внѣ нашего разсмотрѣнія остались съ одной стороны артели, дѣйствующія на основаніи утвержденныхъ правительствомъ уставовъ, съ другой,—артели въ массѣ отхожихъ промысловъ, которые къ тому же относятся преимущественно къ области наемнаго труда“.

Очень жаль, что г. В. В. такъ сгузилъ свою задачу; конечно, это его право, но и за всѣмъ тѣмъ абсолютное отсутствіе упомянутыхъ трехъ отраслей остается непонятнымъ, ибо въ одной изъ предшествующихъ работъ г. В. В., „Прогрессивныя теченія“ и т. д., приведенъ цѣлый рядъ фактовъ артельной покупки земли и орудій производства и артельного пользованія ими; точно такъ же и фактовъ примѣненія артельного начала въ охотничьемъ и рыбномъ промыслахъ имѣется достаточно, хотя бы въ трудахъ Ефименко, Исаева и нѣкоторыхъ земскихъ статистиковъ. Всѣ эти факты относятся несомнѣнно къ промысламъ, „направленнымъ на переработку вещественнаго матеріала“, представляютъ несомнѣнно бытовыя формы и столь же

зависимы отъ капитала, какъ и прочіе, упоминаемыя авторомъ, промыслы. Тѣмъ болѣе странно ихъ отсутствіе, что нѣкоторые изъ нихъ крайне любопытны, какъ яркія доказательства способности артели быстро осваиваться съ такими новыми условіями производства, какими являются сложныя и дорогія молотилки, вѣялки и пр. На заглавномъ листѣ книжки г. В. В. стоитъ цифра I, слѣдовательно, будетъ и II, и въ этомъ второмъ выпускѣ мы и найдемъ можетъ быть пропущенные промыслы. Но г. В. В. какъ бы и не замѣчаетъ ихъ отсутствія. Судя по выше приведеннымъ заключительнымъ словамъ, слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ или артелямъ съ утвержденнымъ уставомъ и артелямъ „въ массѣ отхожихъ промысловъ, которые къ тому же относятся преимущественно къ области наемнаго труда“, или же объ артеляхъ больше разговору и не будетъ, а рѣчь пойдетъ объ единоличномъ веденіи дѣла въ промыслахъ, принадлежащихъ къ „мелкому производству“; но ни въ томъ, ни въ другомъ, ни въ третьемъ, можетъ быть возможнымъ случаѣ—нигдѣ артели въ упомянутыхъ трехъ промыслахъ мѣста не найдется. Не объясняетъ этого отсутствія и предисловіе, въ которомъ г. В. В. ссылается на недостатокъ сырого матеріала.

Классификація артелей г. В. В., поскольку она выразилась въ оглавленіи, носитъ характеръ случайности; такъ напр., строительныя артели выдѣлены въ особую группу, потому что характеръ строительнаго дѣла требуетъ непременно соучастія нѣсколькихъ лицъ, но въ то же время онѣ стоятъ рядомъ съ артелями „въ отхожихъ промыслахъ“, классифицируемыя по другому признаку, по мѣсту работы. Можетъ быть и наши три промысла изгнаны также въ силу какой нибудь случайной классификаторской причины. Во всякомъ случаѣ книжка много бы выиграла, если бы они были включены въ этотъ сборникъ матеріаловъ.

Также не знаемъ мы, почему г. В. В. не помянулъ о въ высшей степени интересной Нижнегуринской артели, тогда какъ аналогичный случай на Бисертскомъ заводѣ нашелъ себѣ мѣсто въ книжкѣ. Исторія Нижнегуринской артели чрезвычайно поучительна, а ее, кажется, совсѣмъ забыли; по крайней мѣрѣ въ засѣданіи кустарнаго комитета, посвященномъ докладу г. Штанге, возникли пренія о возможности веденія артелию завода; говорилось много, а объ этомъ случаѣ и не вспомнили. Также слѣдуетъ пожалѣть, что г. В. В. не далъ опредѣленія термина „кустарная артель“. Г. В. В. сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ: „Кожевники с. Черкаскаго Зольскаго у. Саратов. губ., соединившись вдвоемъ, втроемъ, управляются на ярмарки въ Оренбургъ, Казань и Астрахань, дѣ и закупаютъ кожи партиями въ 500—1000 штукъ“ (стр. 18).

Клада за кожу по 10 рублей—мы увидимъ, что эти два-три „кустара“ обладают капиталомъ тысячъ въ 10. Сомнительные это кустари. Надо думать, что это деревенскіе богатѣи „кулаки“, „ховяева“, закупающіе матеріалъ для своихъ кустарей работниковъ или кустарей-мастеровъ. Въ чемъ сказалось здѣсь артельное начало? Въ томъ, что два-три „ховяина“ ѣдутъ на ярмарки вмѣстѣ—и вмѣстѣ же закупаютъ кожи? Этого слишкомъ мало, чтобы найти здѣсь артель, хотя бы и сырѣвую.

За всѣмъ тѣмъ новый трудъ г. В. В. отличается обычными достоинствами работъ этого писателя.

Сельскій кредитъ въ Полтавской губерніи. Вып. I. Мелкій организованный кредитъ. Полтава, 1894.

Брошюра издана Полтавскимъ губернскимъ земствомъ. Мы узнаемъ изъ нея, что дешевый мелкій кредитъ доставляется населенію Полт. губ. учрежденіями трехъ типовъ: ссудо-сберегательными товариществами, волостными кассами и сельскими банками, въ виду чего и вся брошюра раздѣлена соотвѣтственно на три части. На послѣдней мы не будемъ останавливаться, такъ какъ дѣятельность сельскихъ банковъ еще не выяснилась (ихъ всего въ Полт. губ. три и всѣ они открыты въ 93 г.). Ссудо-сберегательныя товарищества вызваны къ жизни, велись и ведутся исключительно по почину частныхъ лицъ и земства и поэтому вдвойнѣ любопытно взглянуть на результаты этого почина.

Вотъ въ нѣсколькихъ штрихахъ исторія полтавскихъ с.-с. т.—въ, поскольку она выясняется нашей брошюрой: въ 69 году учреждено было первое т-во по шульце-деличевскому уставу; къ 81 году ихъ было уже 13; „въ началѣ 80-хъ гг. неудовлетворительное положеніе этого дѣла было общепризнаннымъ фактомъ въ главахъ Полт. губ. зем. собранія“ (стр. 79); съ 81 по 93 годъ было учреждено еще 6 т.—въ все по тому-же шульце-деличевскому образцу при денежномъ пособіи земства; въ 92 г. Золотоношская земск. управа констатировала, что „ссудо-сберегательныя товарищества служатъ интересамъ болѣе важнотчнаго меньшинства, значительное-же большинство людей несостоятельныхъ и дѣйствительно нуждающихся, если и пользуется кредитомъ, то въ весьма немногихъ случаяхъ и въ незначительныхъ размѣрахъ“ (стр. 17). Наконецъ, въ 94 году составители брошюры резюмируютъ свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „такимъ образомъ изъ всего изложеннаго мы видимъ, что с.-с. т.—ва потерпѣли полное фiasco“ (стр. 87). Прискорбная картинка. Прискорбно именно то, что, не смотря на выясненіе неудовлетворительнаго

положенія дѣла еще въ началѣ 80-хъ годовъ, тѣ-же люди въ теченіи послѣдующаго десятилѣтія все-же занимаются насажденіемъ того-же самаго дѣла въ той-же формѣ. 13-ти-лѣтній опытъ показалъ непригодность шульце-деличевскихъ т—въ для населенія Полт. губ., а полтавскіе дѣятели учреждаютъ на земскія деньги еще 6 такихъ-же товариществъ, вранѣе обреченныхъ на гибель.

Что касается волостныхъ кассъ, то составители брошюры, опираясь на собранный ими матеріалъ, признаютъ за ними, при условіи нѣкоторой реорганизаціи ихъ, большее значеніе, чѣмъ за ссудо-сберегательными товариществами, ибо и при теперешнемъ, далеко несовершенномъ состояніи кассъ, все-же онѣ доставляютъ кредитъ приблизительно 50% домохозяевъ, тогда какъ ссудо-сберегательныя товарищества доставляютъ таковой всего лишь 1%. Справедливо говорятъ составители брошюры въ ея заключительныхъ словахъ: „Нельзя закрывать глаза на тѣ затрудненія, съ которыми встрѣтятся проектируемыя учрежденія на практикѣ. Имъ придется рѣшать ту-же альтернативу: или служить интересамъ достаточной части населенія, причеиъ дѣятельность такихъ банковъ будетъ развиваться, или открывать кредитъ недостаточной части населенія, съ опасностью повторить печальную практику старыхъ кредитныхъ учрежденій... Рассчитывать, что организація кредита есть какая-то панацея для уврачеванія многихъ экономич. золъ, возлагать на какія либо кредитныя учрежденія задачи, такъ сказать, улучшенія быта экономически необезпеченной части населенія,—это значитъ смѣшивать вмѣстѣ разнородныя вещи... Только, какъ часть цѣлой системы мѣропріятій для улучшенія экономич. быта населенія, вопросъ организаціи кредита и долженъ рассматриваться и въ такой постановкѣ его и лежитъ лучшее и болѣе успѣшное разрѣшеніе этого вопроса“.

Составители брошюры обѣщаютъ еще два выпуска, изъ которыхъ одинъ (II) будетъ посвященъ изслѣдованію неорганизованнаго кредита, а другой (III) дѣятельности земельныхъ банковъ. Особенно интересенъ долженъ быть второй выпускъ, такъ какъ всякое новое изслѣдованіе неорганизованнаго крестьянскаго кредита, этого моря вопіющаго зла, является желательнымъ и настоятельно необходимымъ. Всякое, а тѣмъ болѣе, если оно будетъ такъ же обстоятельно, какъ и первый выпускъ „Сельскаго кредита въ Полтавской губерніи“.

Сочиненія А. Лутоваго. Томъ третій. Стихотворенія, повѣсти и разсказы. Спб. 1895.

Заканчивая свою рецензію о первыхъ двухъ томахъ „Со-

чиненій“ г. Лугового, мы писали: „по выходѣ въ свѣтъ третьяго тома „Сочиненій“ г. Лугового мы, быть можетъ, возвратимся къ этому интересному писателю въ особой статьѣ“. Третій томъ лежитъ теперь передъ нами, но статью о г. Луговомъ мы напишемъ не прежде, чѣмъ выйдутъ четвертый и пятый томы, которыхъ г. Луговой еще не написалъ, но по разсчету, по нашему, долженъ написать.

За всѣмъ тѣмъ, мы отъ своихъ словъ не отказываемся: г. Луговой былъ и остается въ нашихъ глазахъ „интереснымъ“ писателемъ. *Интересность* писателя можетъ быть двоякаго рода: субъективная и объективная, по его литературной карьерѣ и по содержанію его литературной проповѣди. Возьмемъ напр... кого бы? Ну, хоть безобиднѣйшаго г. Лейкина. Намъ въ былое время неоднократно доводилось рецензировать, а, стало быть, и читать его произведенія, но содержаніе ихъ мы не можемъ припомнить теперь даже приблизительно. Что то такое легонькое, веселенькое, пустынькое... Тѣмъ не менѣе мы хорошо знаемъ г. Лейкина и даже знаемъ, что его зовутъ Н. А. Лейкинъ, т. е. Никифоръ Алексѣевичъ, или Никаноръ Андреевичъ, или Николай Александровичъ. Встрѣчая это знакомое имя гдѣ нибудь въ „Осколкахъ“, мы радуемся ему, какъ старому другу, т. е. не то чтобы радуемся (Господь съ нимъ!), а доброжелательно улыбаемся: живъ, живъ курилка! Мы даже пробѣжимъ его рассказы и, убѣдившись, что въ немъ въ сотни тысячъ разъ повѣствуется о купцахъ, которые вмѣсто „цивилизациа“ говорятъ „ассенизациа“ и гіену смѣшиваютъ съ гігиеной, какъ то успокоиваемся духомъ: Никаноръ Андреичъ не только живъ, но и не состарился нисколько—многая ему лѣта! Или возьмемъ другой примѣръ. Вотъ поэтъ, который лѣтъ пятнадцать тому назадъ сокрушенно стоналъ на всю Россію: „О, родина моя! О, родина терзаній!“ Было интересно: что то онъ выстонеть? Со столами дѣло не выгорѣло и поэтъ перемѣнялъ позицію: не хочу учиться, хочу жениться! Не хочу страдать, хочу наслаждаться, подайте мнѣ фіалъ и пр., и пр.! Опять было интересно, занятно: куда то его бросить послѣ фіала? Поэта бросило въ мрачнѣйшій пессимизмъ и онъ началъ увѣрять, что онъ никого не любитъ, совсѣмъ никого не любитъ и совсѣмъ даже не намѣренъ никого любить, потому что не любитъ и самого себя. Какъ же не интересно: человекъ, наконецъ, самъ себя опровергъ! Что те дальше будетъ? А дальше, возжегши вмѣсто факела свою собственную совѣсть, онъ спустился въ таинственные метафизическія глубины, изъ нѣдръ которыхъ извлекъ въ навиданіе намъ какіе то „мзонн“. Мзонъ! Что значитъ мзонъ? Мы были заинтригованы этимъ словомъ совершенно такъ же, какъ гоголевскій судья словомъ „моветонъ“. Нашлись добрые люди, кото-

рые объяснили намъ, что „мэоны“ значать... ничего въ сущности не значать. Мы поняли, что и мэоны не вывели честолубиваго поэта: теперь то какой курбетъ онъ выкинетъ? Оказалось, что русская литература изнываетъ отъ настоятельнѣйшей надобности въ переводѣ произведеній не то Гафиза, не то Фирдуси, а можетъ быть и Гомера, и нашъ поэтъ озабоченъ этимъ дѣломъ, а вслѣдъ затѣмъ, благодаря какимъ то гг. П. и В. Перцовымъ (объ этомъ въ свое время у насъ еще будетъ особый разговоръ), онъ появился въ большой компаніи молодыхъ поэтовъ нашихъ, въ качествѣ представителя „молодой поэзіи“. Это было лучше всего! Помилуйте, говорили мы другъ другу въ изумленіи, да вѣдь онъ нашъ сверстникъ, „семадесятиникъ“ и значить ему идетъ пятый десятокъ—какая ужъ это молодость! Но это и было торжествомъ поэта: вѣдь удивилъ таки насъ человекъ, насъ, давнымъ давно переставшихъ чему бы то ни было удивляться въ россійской журналистикѣ!

Мы, кажется, немножко увлеклись этимъ отступленіемъ, но за то читателю теперь ясно—что подразумеваемъ мы подъ внѣшнею и внутреннею „интересностью“ писателя. Внѣшнеинтересныхъ писателей у насъ много и интересуемся мы въ нихъ не талантами, которыхъ у нихъ и нѣтъ или очень мало—они интересны для насъ, какъ выраженіе общественной психологіи или патологіи. Всѣ символисты наши, напр., только въ этомъ смыслѣ и могутъ интересовать насъ. Писателей, интересующихъ насъ по содержанію своихъ идей, своей литературной пропаганды, у насъ, какъ, впрочемъ, и повсюду, немного.

Должно сказать правду: „интересность“ г. Лугового больше внѣшняя, нежели внутренняя. Читатель, знакомый съ нашей первой рецензіей о г. Луговомъ, помнитъ трагическую судьбу автора, имъ же самимъ поэтически исповѣданную намъ. Такой судьбой нельзя не заинтересоваться даже помимо того соображенія, что дѣло идетъ тутъ не о комъ нибудь, не о первомъ встрѣчномъ, а о писателѣ, обнаруживающемъ недоужинный талантъ. Но дальше, дальше что? Съ чѣмъ идетъ къ намъ г. Луговой? Что онъ имѣетъ намъ сказать? Можетъ ли онъ заинтересовать насъ своими идеями, какъ идеями, независимо отъ своей личности? То-то вотъ бѣда то наша: все еще мы съ Луговымъ никакъ не можемъ выбратъся на твердую дорогу продолжаемъ пребывать „между двухъ смутныхъ идеаловъ“. Это выраженіе—„между двухъ смутныхъ идеаловъ“—заимствовано нами у самого г. Лугового и служить заглавіемъ одного изъ нашихъ послѣднихъ (хронологически) его произведеній. О героѣ ой повѣсти, Свіягинѣ, вотъ что говоритъ авторъ: „странное дѣло: Свіягину казалось тогда, что какъ будто и въ гимназіи и дома

онъ слышитъ одно и то же. И Касаткинъ говорить, что люди живутъ неладно, и мамаша говорить, что они живутъ неладно. Много общаго, казалось, было въ ихъ рѣчахъ, но въ одномъ они не сходились: Касаткинъ всегда говорить, что надо дѣлиться съ другими, что не стоитъ жить и наслаждаться въ одиночку, что это скучно и гадко; а мамаша говорила, что даромъ тебѣ никто ничего не дастъ, и если самъ не хочешь ни у кого попрошайничать, никому ничего не давай даромъ: давать даромъ—значитъ поощрять тунеядство. И Леня слушалъ одинаково воспримчиво и то и другое, не зная, кому отдать предпочтеніе. Въ такомъ нравственномъ раздвоеніи Леня и выросъ, да въ томъ же раздвоеніи и остался, превратившись въ Леонида Васильевича, богатаго и уважаемаго помѣщика. Такое нравственное состояніе по всей справедливости слѣдуетъ назвать „смутнымъ“, но характерно и любопытно то, что г. Луговой называетъ смутнымъ не это состояніе вялой нерѣшительности—онъ называетъ *смутными* самыя идеалы. Но что же въ нихъ смутнаго? Напротивъ, они совершенно опредѣлены и испоконъ вѣка раздѣляли людей на двѣ большихъ группы. Каждый изъ этихъ идеаловъ имѣетъ въ свою защиту массу философскихъ, метафизическихъ, политическихъ, экономическихъ, юридическихъ, психологическихъ, этическихъ системъ и ученій, такъ что въ чемъ другомъ, а въ „смутности“ ихъ упрекать никакъ нельзя. „Люби ближняго своего какъ самого себя“—вотъ краткая формула одного изъ этихъ идеаловъ; „человѣкъ человеку—волею“—вотъ краткая формула другого. Осель басни умеръ отъ голода между двумя совершенно равными вязанками сѣна, не рѣшаясь съ которой изъ нихъ начать, но это доказываетъ только то, что у осла въ головѣ было смутно а совсѣмъ не то, что „смутны“, были вязанки.

Простимся съ г. Луговымъ доброжелательно, напутствуя его добрымъ совѣтомъ: пора, г. Луговой, слишкомъ пора закончить вамъ съ своими колебаніями, въ конецъ и безвозвратно совлечь съ себя ветхаго человѣка. Что говорить о талантѣ? Его наличность очевидна. Кто написалъ, и *такъ* написалъ такую вещь, какъ *Police verso*, тому нечего заботиться объ усовершенствованіи формы. Но талантъ, говорилъ старикъ Салтыковъ—вѣдь это пустая бутылка, которую можно наполнить и драгоценнымъ виномъ и... чортъ знаетъ какой жидкостью. „Бутылка“ г. Лугового красивая, граненая, узорчатая, росписаная, но о содержаніи ея надо позаботиться. Всякій можетъ подвергнуться несчастію плюхнуться между двухъ стульевъ но всякій же и спѣшитъ выйти поскорѣе изъ этого неудобнаго положенія, поскорѣе подняться и отряхнуться отъ пыли, а не расплагиается тутъ же на ночлегъ, а тѣмъ боже на постояи

ное жительство. Раскрывать наши нехитрыя метафоры, кажется, нѣтъ надобности.

Кое-кто. Кое-что. Спб. 1895.

Г. Кое-кто, написавшій книжку „Кое-что“, обладаетъ въ литературномъ смыслѣ кое-чѣмъ. Во-первыхъ—юморомъ. У автора болѣть зубъ:

«Сначала я думалъ, что мгновенно начавшаяся боль также и пройдетъ мгновенно, но не тутъ то было—проклятый зубъ дергалъ ныль, болѣлъ и все хуже и хуже. Оставалось прибѣгнуть къ домашнимъ средствамъ, но напрасно теръ я себѣ щеку, билъ кулакомъ въ зубы, ложился поперекъ кровати, ложился наискось—ничего не помогало. Пробовалъ класть ноги на подушку, а голову помѣщать туда, гдѣ должны были быть ноги, четыре раза залѣзалъ подъ кровать, пять разъ запиралъ себя въ платаной шкату, являлъ до полусмерти kota, танцевалъ бѣшеный галопъ, фанданго, качучу, камаринскую—все напрасно».

Во-вторыхъ, авторъ обладаетъ остроуміемъ:

«Нѣтъ, буду писать; только сначала нужно справиться, о чемъ уже написано, а то какъ разъ будешь обвиненъ въ плагиатъ, и при этой мысли мнѣ сейчасъ же напоминалась печальная исторія одного, но только уже стараго человѣка, который, на склонѣ дней своихъ, имѣлъ неосторожность печатно сказать, что евреи перешли Черное море—жады поднали гвалтъ и обвинили его въ плагиатъ, ссылаясь на то, что объ этомъ было сказано уже давно въ ихъ Библии, и сѣдовласый старецъ за свой необдуманный поступокъ поплатился тюремнымъ заключеніемъ».

Въ-третьихъ, авторъ обладаетъ глубокомысліемъ:

«У человѣка двѣ воли—добрая и злая. Добрая воля слыше, злая отъ себя. Миръ движется впередъ къ добру и благу. Судьбы міра предопредѣлены и предопредѣлена добрая воля человѣка, которой неустанно онъ двигаетъ впередъ этотъ міръ. Но злая воля, которая отъ человѣка, губить созданное добромъ, и опять нужны новыя сѣщенія, новыя звенья, чтобы восстановить добро, восстановить предопредѣленіе, и опять міръ идетъ впередъ и опять зло останавливаетъ его».

Довольно, полагаемъ. Всякіе комментаріи были бы излишни и мы можемъ здѣсь разстаться съ г. Кое-кто и съ его произведеніемъ Кое-что, пожелавши имъ отъ души кое чего.

А. Бахтіаровъ. Пролетаріатъ и уличныя типы Петербурга.
Бытовые очерки. Спб. 1895.

Недавно, пишущій эти строки имѣлъ удачу познакомиться съ однимъ изъ опытнѣйшихъ дѣятелей нашей такъ называемой малой прессы, который имѣлъ любезность преподавать намъ ъсколько драгоценныхъ литературно-техническихъ совѣтовъ между прочимъ, вотъ какой: „дѣлайте какъ можно больше, какъ можно больше абзацовъ (красныхъ строкъ): читателю желѣе читать, а для васъ гораздо выгоднѣе“. Мы поняли... съ самомъ дѣлѣ мы не умѣемъ писать. Положимъ, мы хотимъ

сказать, что человекъ переживаетъ трудную минуту своей жизни и мы, въ простотѣ души, напишемъ хоть такъ: „Онъ тяжело задумался надъ своимъ положеніемъ, которое, наконецъ, стало ему казаться безвыходнымъ“. То же слово да не такъ бы намъ молвить, а именно вотъ какъ:

Онъ задумался.

Тяжело задумался.

Онъ задумался надъ своимъ положеніемъ.

Есть ли выходъ изъ этого положенія?

Подъ конецъ ему стало казаться, что выхода нѣтъ.

Нѣтъ выхода!

О!

Разница, съ точки зрѣнія выгоды, очевидная: вмѣсто *двухъ* строчекъ получилось *семь*, т. е. вмѣсто двугривеннаго (классическій пятачокъ въ отъѣвшейся малой прессѣ давно сталъ анахронизмомъ) находчивый писатель получаетъ семь гривенъ, нисколько не утруждая своихъ мозговъ. Написать о! и получить за это „о!“ гривенникъ—это, въ самомъ дѣлѣ, превосходно. На счетъ *веселости* такой манеры изложенія для читателя, конечно, можно сомнѣваться. Роспичный читатель, у котораго и мысли короткія, и вниманіе короткое, вѣроятно, доволенъ возможностью давать себѣ передышку на каждой строчкѣ, но читатель обыкновенный скажетъ, пожалуй, что такая манера писанія похожа не на человѣческую рѣчь, а на отрывистый собачій лай. Ну, на всѣхъ не угодишь—и то сказать надо!

Мы кончили о книжкѣ г. Бахтіарова. Хотите вы узнать отъ автора что нибудь о петербургскихъ разносчикахъ? Извольте: „Вотъ, напр., о какихъ товарахъ день-деньской выкрикиваютъ петербургскіе разносчики:

— Садовая земляника! Вишенье садовое!

— Клюква ягода! Клюква!—выкрикиваетъ торговецъ съ вляквой.

— Сыръ голландскій! Сыръ мещерскій!—монотонно кричитъ разносчикъ съ лоткомъ на головѣ.

— Огурчики зелены! Редиска молодая...“

И такъ далѣе. Вы видите—г. Бахтіаровъ умѣетъ писать и выгодно и весело. Изъ матеріала на одинъ печатный листъ сдѣлать книжку въ 231 страницу—это ли еще не искусство?

Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ. Москва. 1895.

Характеръ и литературное достоинство этого сборника опредѣляются его цѣлью. Для домашняго употребленія дѣйствительно всѣ пьесы этого сборника вполне пригодны, такъ

что гг. Чеховъ, Немировичъ-Данченко, Потапенко, Гнѣдичъ и другіе авторы, которымъ принадлежатъ пьесы сборника, могутъ съ чистой совѣстью сказать, что дали то, что обѣщали дать. Конечно, съ литературной точки зрѣнія, всѣ эти пьесы— „одна пустая словесность“, какъ говорятъ герои г. Лейкина, но зачѣмъ же предметы домашняго обихода мѣрять такими критеріями? Немножко бессмысленный, но иногда все-таки забавный юморъ этихъ пьесокъ можетъ послужить если не для эстетическихъ, то для гигиеническихъ цѣлей—смѣяться, говорить, здорово—а чего же больше? „Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль“ сказали мы, прочитавши сборникъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Ек. Бекетова. Стихотворенія. Посмертное изданіе. Спб. 95. Ц. 1 р.

Поль Верленъ. Романсы безъ словъ. Переводъ Валерія Брюсова. М. 94.

Н. Телешовъ. На тройкахъ. Очерки и рассказы. М. 95. Ц. 1 р.

Александръ Амфитеатровъ (Old Gentleman). Оборванные струны. М. 95. Ц. 1 р.

Н. И. Позняковъ. По захоластьямъ. Рассказы и фотографія. Спб. 95. Ц. 75 к.

Альфонсъ Додэ. Маленькій приходъ. Романъ. Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». М. 95. Ц. 1 р.

Генрихъ Сенкевичъ. Семья Поланецкихъ. Романъ. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». М. 95. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Генрихъ Сенкевичъ. Семейство Поланецкихъ. Романъ въ двухъ частяхъ. Переводъ съ польскаго М. Еришошева. Съ портретомъ Генриха Сенкевича. Изданіе журнала «Сѣверный Вѣстникъ». Спб. 95. Ц. 2 р.

Сборникъ сочиненій Андерсена. Въ 4-хъ томахъ. Выпускъ XIV. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзена. Спб. 95.

Внѣчувственное въ явленіяхъ физическаго міра по даннымъ опыта. С. Щербаковъ. Ц. 20 к.

Русскій астрономическій календарь на 1895 годъ, составленный Нижегородскимъ кружкомъ любителей физики и астрономіи. Подъ редакціей предсѣдателя С. В. Щербакова. (Приложеніе къ журналу «Научное Обзорніе»). Спб. 95.

С. В. Щербаковъ. Историческій очеркъ развитія ученія о движеніи небесныхъ тѣлъ. Спб. 94. Ц. 40 к.

Простое слово о мудреной наукѣ. (Начатки книги). Якова Тасынкова. Съ 5 рисунками. Изданіе книжнаго склада П. К. Прянишкова. М. 95. Ц. 24 к.

Т. Рибо. Современная германская психологія. (Опытная школа). Переводъ со 2-го французскаго изданія, исправленнаго и дополненнаго, Л. Ровмана. (Приложеніе къ журналу «Научное Обозрѣніе»). Спб. 95.

Н. Карѣвъ. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Продолженіе «Писемъ къ учащейся молодежи и о самообразованіи», съ краткимъ указателемъ самообразовательнаго чтенія. Спб. 95. Ц. 50 к.

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. прив.-доц. Н. А. Мѣднникова. Тома I и II. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 5 р. за два тома.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. (1828—1856). Е. Лихачевой. Спб. 95. Ц. 1 р. 25 к.

В. Ф. Дерюжинскій. Habeas Corpus актъ и его постановка по англійскому праву. Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія. Юрьевъ. 95. Ц. 2 р. 25 к.

Л. М. Шахрай. Еврейскія секты («Наша старина»). Изданіе книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса. 95. Ц. 15 к.

М. Базилевскій. Рабби Меиръ, его жизнь и дѣятельность («Наша старина»). Изданіе книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса 95. Ц. 15 к.

Ив. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы. I—V. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 5 р.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Биографическій очеркъ, составленный В. Глинскимъ, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина. Изданіе Д. И. Тихомирова. М. 95. Ц. 50 к.

Р. фонъ-Кауфманъ. Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія А. Гурьева. Спб. 95. Ц. 1 р.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Переводъ М. Ловцовой. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Дружинина. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 95. Ц. 1 р.

И. И. Янжулъ. Изъ психологіи народовъ. (Экономическое значеніе времени и пространства). («Русская Библіотека»). Изданіе Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. 95. Ц. 20 к.

Проф. Меркель. Сила и право. («Международная Библіотека»). Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса 95. Ц. 15 к.

И. Гофштеттеръ. Доктринеры капитализма. (По поводу книги г. Струве «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи»). Спб. 95. Ц. 30 к.

На распутьи. (Культурные скиты и культурные одиночки). С. Кривенко. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 95. Ц. 1 р. 25 к.

M. Witte et les finances russes d'après des documents officiels inédits. Par E. de Cyon. P. 95. Pr. 5 fr.

Фельдшерскій вопросъ. Изданіе газеты «Фельдшеръ». Спб. Ц. 50 к.

Необходимыя для всѣхъ свѣдѣнія о податяхъ, п

линахъ, сборахъ и о воинской повинности. Общедоступный очеркъ финансоваго права. Н. П. Дружинина. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 94. Ц. 40 к.

Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ со всѣми новѣйшими дополненіями. Составилъ Н. П. Дружининъ. Изданіе неофициальное В. И. Губинскаго. Спб. 94. Ц. 30 к.

Журналы Вятскаго губернскаго земскаго собранія XXVIII очередной сессіи по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Вятка. 95.

Труды экономическаго совѣта при Нижегородской губернской земской управѣ. Выпускъ II. Нижний-Новгородъ. 95.

Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1893 г. Харьковъ. 94.

Всемирная Колумбова выставка въ Чикаго. Канифоль и скипидаръ. В. Тищенко, прив.-доц. С.-Петербургскаго университета. Съ рисунками въ текстѣ и картою распространенія хвойныхъ лѣсовъ въ Европейской Россіи. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ. Спб. 95.

Элизе Реклю. Земля. Описаніе жизни земного шара. Выпускъ III. Подземныя силы. Съ 61 рис. и 4 картами. Переводъ А. В. Мезьеръ. Выпускъ IV. Океанъ. Съ 73 рис. и 3 картами. Переводъ Д. Д. Струнина. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. А. Рубакина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 95. Ц. 1 р. 10 к. за выпускъ:

Парижскій соціологическій конгрессъ.

1 октября 1894 года былъ созванъ въ Парижѣ, по инициативѣ «Интернаціональнаго Соціологическаго Института» (Institut International de Sociologie), конгрессъ соціологовъ разныхъ странъ. Прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что, собственно, представляетъ собою этотъ институтъ. Мысль о немъ явилась среди французовъ, и особенно дѣятельное участіе въ его основаніи, а также въ устройствѣ конгресса принималъ Р. Вормсъ, редакторъ «Revue Internationale de Sociologie» *), который, въ качествѣ секретаря института, и взялъ на себя задачу дать присутствующей на конгрессѣ публикѣ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно исторіи этого учрежденія. Институтъ основанъ въ іюлѣ 1893 года. Цѣль его, по словамъ Вормса, заключается во всестороннемъ и объективномъ изученіи явленій современной общественной жизни, причемъ институтъ не выставляетъ себя защитникомъ какой бы то ни было соціологической системы, не навязываетъ своимъ членамъ никакого догмата. Экспериментальный, индуктивный методъ служитъ средствомъ для этого изученія. Изъ задачъ конгресса, по словамъ Вормса, исключаются всѣ практическіе вопросы, все, что относится къ приложенію на практикѣ теоретическихъ выводовъ, а всѣ усилія обращаются на изученіе теорій. Но, повидимому, этотъ взглядъ не выражаетъ собою общаго мнѣнія членовъ, такъ какъ извѣстный ученый Леббокъ, избранный председателемъ конгресса, указалъ въ своей вступительной рѣчи совсѣмъ другія задачи дѣятельности этого института. Рядъ практическихъ вопросовъ, какъ международная война, борьба классовъ, вопросы воспитанія, требуютъ рѣшенія, и этихъ рѣшеній Леббокъ ждетъ отъ будущей дѣятельности этого учрежденія. Пока институтъ далеко еще не привлекъ къ себѣ всѣхъ силъ современной соціологической науки и на его перъ конгрессъ собралось всего двадцать человекъ. Всѣхъ членовъ—

*) Вормсъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, официальное лицо: онъ служитъ при сударственномъ Совѣтѣ и при Министерствѣ торговли.

50, нѣкоторые изъ нихъ прислали письменные доклады, другіе ограничили денежной помощью и сочувственными заявлениями. Можно привести имена Шеффле, не пріѣхавшаго по болѣзни, Эрико Ферри и Гумпловича, приславшихъ доклады. Изъ присутствовавшихъ отмѣтимъ, кромѣ Леббока, нѣмецкаго профессора Тэниса (Tœnies), а изъ русскихъ ученыхъ извѣстнаго М. М. Ковалевскаго и Новикова, автора нѣсколькихъ сочиненій по социологіи, написанныхъ, по большей части, на французскомъ языкѣ *). Бросалось въ глаза отсутствіе на конгрессѣ такихъ представителей французской науки, какъ Летурно и Манувриэ, и вообще антропологической школы. Можно сказать, что представителемъ Франціи былъ единственно Тардъ, если не считать Вормса, на которомъ лежала скорѣе, такъ сказать, хозяйственная, организаторская часть.

Конгрессъ происходилъ въ залѣ антропологической школы и продолжался 4 дня. Первое засѣданіе открылось вступительной рѣчью предсѣдателя Леббока. Леббокъ—высокій, худой, типичный англичанинъ, съ совершенно бѣлой бородой, добродушными голубыми глазами и пріятливой улыбкой. Говорилъ онъ по французски, но съ такимъ сильнымъ акцентомъ, что публика съ трудомъ понимала. Указавъ въ нѣсколькихъ словахъ на различіе, существующее между социологіей и исторіей, которыя имѣютъ, помимо общихъ задачъ, каждая свою специальную область, онъ перешелъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые кажутся ему наиболѣе насущными въ современной жизни. Два препятствія мѣшаютъ установленію нормальнаго хода общественной жизни: интернаціональныя войны и борьба классовъ. Первые ведутъ за собой ухудшеніе экономическаго положенія европейскихъ странъ, постоянную необходимость въ вооруженныхъ арміяхъ, служатъ препятствіемъ мирнымъ отношеніямъ людей между собою. Затѣмъ Леббокъ довольно подробно распространился о классовой борьбѣ и политическихъ задачахъ нашего времени. Для смягченія классовой борьбы онъ считаетъ наилучшею организацию тѣ смѣшанные «примирительные комитеты», которые существуютъ въ Лондонѣ и состоятъ изъ 12 делегатовъ отъ 12 главныхъ рабочихъ группъ (по корпораціямъ) и 12 делегатовъ отъ лондонскихъ фабрикантовъ и промышленниковъ (по отраслямъ промышленности). Переходя, далѣе, къ политическимъ вопросамъ, Леббокъ высказался противъ большинства европейскихъ конституцій, какъ не основанныхъ на прочныхъ научныхъ данныхъ и, кромѣ того, не гарантирующихъ настоящаго представительства большинства народа, такъ что часто случается, что большинство какого н будь собранія депутатовъ соответствуетъ не большинству, а меньшинству населенія. Какъ средство помочь этому злу Леббокъ пред-

*) Между прочимъ «La lutte entre sociétés humaines et leurs phases successives», «Les garpillages des sociétés modernes», «La guerre et ses prétendus faits».

лагают пропорциональное представительство, уже испытанное въ некоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и принятое въ Англіи при школьныхъ выборахъ.

Свою рѣчь Леббокъ закончилъ некоторыми соображеніями по поводу вліянія обученія на нравственность и привелъ статистическія данныя (для Англіи), показывающія, какъ падала цифра преступности по мѣрѣ увеличенія грамотности населенія. Единственный упрекъ, который онъ дѣлаетъ современному обученію, это слишкомъ большая отвлеченность его и преобладаніе въ немъ книги надъ жизнью.

Именно подобныя вопросы и составляютъ, по мнѣнію англійскаго ученаго, предметъ, на изученіе котораго конгрессъ долженъ направить свои усилія.

Изъ наиболее крупныхъ докладовъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить докладъ М. М. Ковалевскаго о «До историческомъ времени въ Россіи» (*Le prèhistorique en Russie*). Цѣлью доклада было познакомить иностранныхъ ученыхъ съ результатами русскихъ изслѣдованій въ этой области. Ковалевскій началъ съ замѣчанія, что въ Россіи научнымъ приемамъ даже въ сферѣ социальныхъ вопросовъ проложенъ былъ путь натуралистами Сѣченовымъ, А. Ковалевскимъ, Менделѣевымъ, Мечниковымъ и др. и то лишь съ момента полного разрыва съ метафизическимъ міросозерцаніемъ, которое, въ формѣ гегельянства, владѣло прежде даже такими умами, какъ Герценъ. Для частныхъ работъ въ области археологіи, этнографіи, филологіи, міеологіи, обычнаго права, народнаго поэтическаго творчества Россія доставила богатую жатву благодаря постепенному наслоенію въ ней разныхъ культуръ; многія изъ этихъ работъ имѣютъ и социологическій интересъ. Такъ археологическія раскопки, произведенныя недавно В. Б. Антоновичемъ, показали, что послѣдовательное чередованіе каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка далеко не повсемѣстно. Въ Днѣпровскомъ бассейнѣ можно констатировать непосредственный переходъ отъ первой стадіи этой колыбели русской гражданственности къ третьей. Говоря о раскопкахъ кургановъ, М. М. Ковалевскій указалъ на добытыя этимъ путемъ свѣдѣнія о бытѣ и вѣрованіяхъ древнихъ обитателей Восточной Европы. Эти свѣдѣнія и дали новое подкрѣпленіе теоріи анимизма. Открываемыя доселѣ развалины городищъ доставили въ свою очередь новый матеріалъ для вопроса о зарожденіи города изъ оборонительнаго укрѣпленія (*castrum*). Для теоріи миграціи міеовъ много поучительнаго даютъ работы А. Веселовскаго, А. Сосова, Буслаева, Тихонова, Миллера. Ими яснѣе раскрыта съ западныхъ сказаній съ восточными и указаны некоторые прѣжеступныя стадіи въ народномъ эпосѣ какъ русскихъ крестьянъ, такъ и инородцевъ.

Работы русскихъ этнографовъ и статистиковъ также раскрыли много темныхъ вопросовъ въ исторіи права, не безразличныя

для социолога. Имъ мы обязаны, напримѣръ, обоснованіемъ того взгляда, что мірское землевладѣніе съ періодическимъ передѣломъ далеко не древнѣйшій видъ коллективной собственности. Въ Архангельской и Олонецкой губ., на Дону и въ Сибири, гдѣ нѣтъ недостатка въ почвѣ, каждый дворъ беретъ то количество земли, какое ему нужно, а затѣмъ, когда грунтъ истощится, переходитъ на новое поле. Въ свою очередь изслѣдованія въ области обычнаго права инородцевъ подвергли сомнѣнію то положеніе, что патриархальная семья есть та первоначальная ячейка, изъ которой развились всѣ виды общественности.

Въ концѣ доклада М. М. Ковалевскій указалъ, что до послѣдняго времени результаты русскихъ работъ не были ведены и сопоставлены въ ихъ цѣломъ съ западно-европейскими.

Этотъ пробѣлъ пополненъ нынѣ авторомъ «Исторіи мысли». Трудъ его соединяетъ въ себѣ много цѣнныхъ качествъ: критическій выборъ первоисточниковъ, отсутствіе предвзятости, огромную эрудицію. Основными положеніями автора являются слѣдующія: социологія ставитъ себѣ цѣлью изученіе человѣческой солидарности. Въ исторіи человѣчества надо различать развитіе гражданственности и ростъ критической мысли. Не будучи послѣдователемъ экономическаго матеріализма (который, по его мнѣнію, является слишкомъ узкимъ), авторъ тѣмъ не менѣе не закрываетъ глазъ на важность экономическихъ явленій. Эти явленія, думаетъ онъ, играютъ особенно крупную роль въ періодъ, простирающійся отъ начала исторіи до нашего времени, въ до-историческія же времена господствуетъ обычай, а въ будущемъ послѣдуетъ преобладаніе нравственнаго фактора.

Полной противоположностью докладу М. М. Ковалевскаго, состоявшему въ передачѣ чисто фактическихъ свѣдѣній, явился докладъ, подъ заглавіемъ «Программа социологіи» (Un programme de sociologie), присланный Гумпловичемъ и имѣвшій въ виду изложеніе теоретическихъ взглядовъ его автора. Прежде всего Гумпловичъ даетъ опредѣленіе социологіи, какъ науки, независимой отъ всѣхъ остальныхъ и имѣющей спеціальнымъ предметомъ изученіе движенія и взаимодѣйствія различныхъ человѣческихъ группъ. Основнымъ принципомъ въ отношеніяхъ этихъ группъ между собою является, по мнѣнію автора, борьба, борьба неизбежная и постоянная, окончивающаяся побѣдой сильнаго надъ слабымъ и поглощеніемъ послѣдняго. Установленное такимъ образомъ господство одной группы надъ другой легло въ основаніе всѣхъ до-историческихъ и историческихъ обществъ и воплотилось въ государствѣ. Но борьба на этомъ не останавливается. новая общественная единица, вступаетъ въ свою очередь въ борьбу съ другими группами и этотъ повторяющійся процессъ поглощенія однихъ другими приводитъ къ образованію нѣсколькихъ крупныхъ обществъ, вмѣсто болѣе значительнаго числа мелкихъ. Историческій процессъ идетъ, такимъ образомъ, отъ много-

численнаго къ малочисленному и исторія человѣческаго рода представляется не генеалогическимъ древомъ, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, а наоборотъ, сліяніемъ многочисленныхъ первоначальныхъ группъ въ болѣе крупныя единицы *). Этотъ принципъ полигенетическаго происхожденія человѣчества Гумпловичъ кладетъ въ основаніе соціологіи, какъ необходимое условіе ея научнаго обоснованія.

Изъ признанія борьбы основнымъ принципомъ жизни человѣчества, необходимымъ и нормальнымъ явленіемъ, Гумпловичъ выводитъ и свои взгляды на государство, право, религію и нѣкоторыя другія стороны общественной жизни. Выше уже было указано, какимъ образомъ онъ понимаетъ происхожденіе государства. Въ противоположность тѣмъ, которые видятъ въ немъ организованную свободу, авторъ доклада считаетъ, что, вѣрное своему происхожденію, оно не можетъ быть ничѣмъ инымъ, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, какъ воздѣйствіемъ одной группы надъ другою. Вытекающая отсюда борьба тѣмъ не менѣе должна имѣть извѣстныя предѣлы, необходимыя для поддержки существованія общества. Такую именно регулирующую роль играютъ законы, они составляютъ такимъ образомъ лишь продуктъ борьбы, необходимость политическаго строя, а никакъ не выраженіе общей воли, какъ говорятъ юристы. Вообще, по мнѣнію Гумпловича, общей воли не существуетъ, такъ какъ постоянная борьба внутри обществъ дѣлаетъ ея проявленіе невозможнымъ. Въ зависимости отъ этой борьбы находятся въ системѣ Гумпловича и такія стороны жизни, какъ языкъ, религія, наука, искусство и т. д. Сліяніе группъ ведетъ за собой сѣшеніе языковъ или побѣду одного надъ другимъ. Религіозныя вѣрованія, составляющія психическую потребность человѣка, точно также вступаютъ въ борьбу между собою и результатомъ является ихъ амальгама. Въ противоположность общепринятому мнѣнію, Гумпловичъ считаетъ монотеизмъ болѣе ранней формою, чѣмъ политеизмъ, многочисленныя божества котораго соотвѣтствуютъ большому развитію общественной жизни и удовлетворяютъ врожденной психической потребности...

Отсюда авторъ доклада переходитъ къ происхожденію нравственныхъ понятій, на которыя, соотвѣтственно своей общей точкѣ зрѣнія, онъ смотритъ какъ на продуктъ исключительно вѣншихъ условій. Точно также, говоритъ онъ, какъ человѣческое общество

*) Этотъ пунктъ доклада вызвалъ нѣкоторыя возраженія. Новиковъ замѣтилъ, что теорія единства человѣческаго рода (т. е. теорія моногенетическаго происхожденія) скорѣе согласуется съ дарвинизмомъ, чѣмъ та, за которую стоятъ докладчикъ. Вормсъ высказался въ смыслѣ средняго рѣшенія вопроса: по его мнѣнію, человѣчество произошло изъ одного источника но очень быстро раздѣлилось на расы. Въ доказательство этого единства происхожденія онъ привелъ аргументъ Катрфажа, основанный на возможности скрещиванія между всѣми человѣческими расами.

въ его цѣломъ не можетъ выйти изъ подъ вліянія естественной среды, личность не можетъ избавиться отъ вліянія общества на ея психическій міръ. На обществѣ, ставящемъ личность въ неблагопріятныя условія, лежитъ, поѣтому, и отвѣтственность за совершаемыя ею преступленія, въ противоположность теоріи «врожденной преступности» Ломброзо, которой Гумпловичъ предсказываетъ въ будущемъ полное исчезновеніе.

Что касается экономической жизни, авторъ доклада считаетъ помощь социологіи необходимой для правильной постановки экономической науки. Въ настоящее время, говоритъ онъ, наукѣ приходится выбирать между эгоистическими и альтруистическими мотивами для объясненія экономическихъ явленій. Между тѣмъ обѣ стороны отчасти правы: альтруизмъ развивается внутри каждой изъ общественныхъ группъ, каждаго изъ классовъ, составляющихъ націю, тогда какъ въ отношеніяхъ къ другимъ группамъ царствуетъ эгоизмъ и классовый антагонизмъ. Въ существованіи этого антагонизма Гумпловичъ видитъ главное препятствіе для проведенія параллели между личностью и обществомъ.

Одной изъ существенныхъ сторонъ экономической жизни является раздѣленіе труда, и довольно значительная часть доклада посвящена происхожденію этого раздѣленія. Прежде всего авторъ опровергаетъ мнѣніе, по которому люди проходили послѣдовательно черезъ стадіи скотоводства, земледѣлія и т. д., добровольно выбирая то или другое занятіе. Этотъ выборъ обуславливался исключительно окружающими естественными условіями, которыя одновременно принудили одну человѣческую группу питаться растеніями и заниматься земледѣліемъ, другую (жившую въ прибрежныхъ мѣстахъ)—рыболовствомъ, третью—охотой. Тѣ, которымъ природныя условія не предоставляли ничего лучшаго, принуждены были заниматься набѣгами. Позднѣйшее развитіе этихъ группъ выработало изъ нихъ различныя общественныя классы. Земледѣльцы естественно образовали позднѣйшихъ крестьянъ. Люди второй группы занялись прирученіемъ животныхъ и скотоводствомъ. Рыболовы, вслѣдствіе близости къ воднымъ путямъ сообщенія, сдѣлались купцами. Наконецъ, послѣдняя группа, выработавшая въ себѣ воинственныя наклонности, создала воиновъ и основателей государствъ, которые подчинили себѣ земледѣльцевъ и рыболововъ и образовали привилегированные классы. Орудіемъ этихъ перемѣнъ всегда было насиліе, оставшееся въ основаніи всѣхъ обществъ, несмотря на смягчающее дѣіаніе развитія гуманитарныхъ идей. Отдѣльно отъ этихъ категорій Гумпловичъ ставитъ раздѣленіе труда въ области каждой отрасли промышленности,—раздѣленіе, къ которому онъ не примѣняетъ нагоящую мѣрку.

Въ заключеніе доклада упоминаются тѣ общественныя теченія, которыя идутъ противъ идеи, воплощающейся въ государствѣ и во семь стрѣй современнаго общества. Считая этотъ строй неизбѣж-

нымъ слѣдствіемъ естественныхъ условій, Гумпловичъ не можетъ не признать этихъ оппозиціонныхъ теченій утопическими, хотя и совершенно законными, какъ выраженіе протеста, которое должно быть принято во вниманіе социологіей.

Докладъ Гумпловича вызвалъ довольно много возраженій. Изъ оппонентовъ мы отмѣтимъ М. М. Ковалевскаго и французскаго ученаго Тарда. Первый указалъ на эклектизмъ Гумпловича, который соединяетъ прудоновскій взглядъ на собственность съ самыми консервативными идеями, свойственными ему, какъ консерватору. Онъ замѣтилъ также, что изъ взгляда докладчика на законъ, какъ на насиліе сильнаго надъ слабымъ, естественно вытекаетъ заключеніе, что законъ обязателенъ только до тѣхъ поръ, пока слабій слабъ, признаніе же за насиліемъ вѣчнаго господства ведетъ къ отрицанію въ человѣчествѣ всякаго прогресса. Съ своей стороны, Тардъ обратилъ вниманіе на то, что Гумпловичъ, защищая теорію коллективной отвѣтственности за преступленія, совершенно игнорируетъ вліяніе одной личности на другую, игнорируетъ «подражаніе»; затѣмъ Тардъ перешелъ къ разбору пессимистическаго отношенія автора доклада къ будущности человѣчества, высказываясь притомъ въ томъ смыслѣ, что борьба между группами не будетъ продолжаться вѣчно, что смягченіе международныхъ отношеній и выработка интернаціональной нравственности, рядомъ съ развитіемъ взаимной симпатіи между людьми, поведутъ къ болѣе широкому обмѣну идей и подготовить въ будущемъ всемірную общечеловѣческую федерацію.

Докладъ самаго Тарда—«Элементарная социологія» (*La sociologie élémentaire*) направленъ, главнымъ образомъ, противъ Дюркгейма и его теоріи «обязательнаго общественнаго принужденія». Самъ Дюркгеймъ не присутствовалъ на конгрессѣ и доклада не прислалъ, поэтому мы выпустимъ, при изложеніи доклада французскаго ученаго, всю полемическую часть.

Для опредѣленія области и границъ социологіи Тардъ ставитъ два вопроса: 1) что составляетъ характерную особенность социальныхъ явленій и 2) что представляетъ собою элементарная социальная группа. Основаніемъ для отвѣта на первый вопросъ служить автору тотъ принципъ механики, что элементарнымъ явленіемъ нужно считать собственно не движеніе, а сообщеніе движенія отъ одной частицы вещества другой. Точно также, говоритъ онъ, элементарнымъ явленіемъ въ социальной жизни мы должны признать вліяніе одного сознательнаго существа на другое. Это вліяніе или употребляя терминъ Тарда, «подражаніе» и есть та черта, которая характеризуетъ всякій социальный актъ и рѣзко разграничиваетъ его отъ акта физиологическаго. Каждое дѣйствіе данной личности всегда, такимъ образомъ, является повтореніемъ дѣйствія личности весь социальный міръ представится намъ, какъ рядъ отраженій одного и того же акта. Разсматривая коллективные акты толь

какъ равнодѣйствующія актовъ индивидуальных, Тардъ говоритъ, что отвлеченной «среды» не существуетъ вѣтъ составляющихъ ее личностей, и что реальнымъ понятіемъ будетъ, повѣтому, «я», а не «мы». Взглядъ Тарда на прогрессъ вытекаетъ изъ той же основной точки зрѣнія: каждымъ шагомъ впередъ человѣчество обязано, по его мнѣнію, существованію гения, создавшаго новую идею.

Отвѣчая на второй поставленный вопросъ, докладчикъ высказываетъ мнѣніе, что элементарную социологическую группу представляетъ собою семья. При всей многочисленности семейныхъ формъ, при всей неопредѣленности понятія о семьѣ, въ этомъ понятіи есть одна характеристическая черта—совмѣстное жительство или, у кочующихъ племенъ, совмѣстное странствіе (*corélégration*). Основываясь на этой чертѣ, Тардъ замѣняетъ, при разсмотрѣніи группъ, понятіе о «семьѣ» понятіемъ о «дворѣ» (*maisonnée*)*. Физиологическая связь и сожительство сближали между собою семьи; занятіе общимъ ремесломъ соединяло ихъ въ классы, образовавшіе своею совокупностью націи. Семейная связь послужила такимъ образомъ зерномъ всѣхъ крупныхъ общественныхъ группъ, и современныя націи лишь расширившіяся семьи, хотя понятіе о семьѣ въ узкомъ смыслѣ прилагается теперь къ болѣе ограниченному числу членовъ.

По поводу роли семьи, Тардъ указываетъ, между прочимъ, на то, что, выработывая чувства любви и преданности, она даетъ возможность своимъ членамъ вліять другъ на друга и служить колыбелью подражанія.

Тардъ закончилъ свой докладъ нѣсколькими словами о значеніи социологии, какъ науки, связывающей отдѣльныя отрасли знанія; ее можно считать одновременно и социальной физикой (Контъ), и социально биологіей (Спенсеръ), и социальной психологіей, и социальной идеологіей.

Слѣдуя порядку прочитанныхъ докладовъ, мы переходимъ къ докладу Новикова, озаглавленному «Справедливость и дарвинизмъ» (*Justice et darwinisme*). Цѣль его—показать, что борьба за существованіе не противорѣчитъ принципамъ справедливости. Опредѣляя справедливость, какъ «торжество лучшихъ», докладчикъ замѣчаетъ, что это торжество есть увеличеніе счастья побѣдителей, независимо отъ того, сопровождается ли оно дурными послѣдствіями для побѣжденныхъ. Главный интересующій его вопросъ заключается въ томъ, кого именно понимать подъ именемъ «лучшихъ». Это понятіе—относительное—находится, съ его точки зрѣнія, въ зависимости отъ области, въ которой намъ приходится съ нимъ сталки-

*) Этотъ пунктъ вызвалъ замѣчаніе М. М. Ковалевскаго, что докладчикъ «даетъ слишкомъ большое значеніе семьѣ и, повидимому, семьѣ патриархальной, вду тѣмъ какъ многочисленные народные обычая указываютъ на главенство въ семьѣ брата матери. Понятіе о «семьѣ» должно, повѣтому, окончатѣльно уступитъ мѣсто понятію о «дворѣ».

ваться. Такъ, напр., въ области умственной жизни лучшимъ будетъ тотъ, чей умственный горизонтъ шире; въ физической борьбѣ лучшимъ нужно признать того, кто сильнѣе и т. д. При всѣхъ условіяхъ лучшимъ, болѣе совершеннымъ, окажется тотъ, кто лучше приспособленъ къ данной средѣ. А между тѣмъ, говорить Новиковъ, для насъ понятие о «лучшемъ» всегда субъективно, наши общественныя и національныя предпочтенія основываются на мысли, что всѣ другіе хуже насъ самихъ. Что касается міра биологическаго, то вотъ какимъ образомъ Новиковъ примѣняетъ къ нему высказанный выше принципъ: положимъ, говоритъ онъ, что данный организмъ можетъ жить при условіяхъ, при которыхъ не можетъ жить другой, изъ этого слѣдуетъ, что первый совершеннѣе второго. Если бы земля вдругъ покрылась водой, рыбъ слѣдовало бы признать наиболѣе совершенными изъ позвоночныхъ, какъ наилучше приспособленныхъ къ данной средѣ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ ходѣ развитія Новиковъ признаетъ торжество болѣе сильныхъ въ умственномъ отношеніи, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ, при внезапномъ измѣненіи къ худшему внѣшнихъ условій, погибаютъ прежде другіихъ выше организованныя особи.

Въ заключеніе доклада Новиковъ заглядываетъ въ далекое будущее: конецъ земли, въ очень отдаленную эпоху, конечно, долженъ, по его мнѣнію, наступить скорѣе отъ излишней засухи, чѣмъ отъ охлажденія солнца. Что касается болѣе близкаго намъ будущаго, онъ видитъ въ современной жизни нѣкоторые признаки, указывающіе на постепенное совершенствованіе общественной среды, вслѣдствіе усиленія общечеловѣческой солидарности и научнаго прогресса...

Профессоръ Тэнисъ по своему міросозерцанію отчасти подходитъ къ социалистамъ и состоитъ сотрудникомъ одного нѣмецкаго социалистическаго изданія. Въ своемъ докладѣ «Нѣкоторыя соображенія о современной экономической исторіи» (*Considerations sur l'histoire économique moderne*) Тэнисъ занимается главнымъ образомъ разсмотрѣніемъ организаціи торговаго и промышленнаго класса и ея вліянія на психическій складъ людей этого класса. Кромѣ того, онъ упоминаетъ о раздѣленіи труда, какъ лишаящемъ рабочаго возможности быть артистомъ въ своемъ дѣлѣ, о борьбѣ классовъ, которая, по его мнѣнію, приведетъ въ будущемъ къ равновѣсію, о государствѣ, какъ органѣ этого равновѣсія. Тэнисъ отводитъ наукѣ крупную роль въ будущемъ обществѣ, какъ силѣ, предназначенной руководить общественной жизнью.

Однимъ изъ послѣднихъ читаль свой докладъ секретарь конгресса Вормсъ, о «Наукѣ и искусствѣ по отношенію къ социальной жизни» (*La science et l'art en matière sociale*). Докладчикъ уснавливаетъ различіе между наукой, изучающей міръ вполне объективно, и искусствомъ, ищущимъ идеала, стремящимся къ переустройствѣ существующаго на основаніи субъективныхъ поня-

и ощущеній. Между наукой и искусствомъ существуетъ, съ этой точки зрѣнія, такое же отношеніе, какъ между теоріей и практикой, напр., между ботаникой и земледѣліемъ, между анатоміей и физиологіей, съ одной стороны, и медициной—съ другой. Авторъ отрицаетъ непосредственную связь науки и искусства и совершенно отдѣляетъ научныя данныя отъ области практическаго примѣненія.

Болѣе специальную тему изученія избралъ англійскій врачъ Дугласъ Гальтонъ въ присланномъ имъ на конгрессъ докладѣ: «Физическія и умственныя уклоненія у дѣтей, учащихся въ школахъ» (*Déviations physiques et mentales des enfants des écoles*). Авторъ излагаетъ результаты наблюденій надъ 5000 учениковъ различныхъ англійскихъ школъ. Не передавая всего того, что касается методовъ изслѣдованія, измѣреній, составленія таблицъ и т. д., мы приведемъ только общіе выводы автора. Онъ указываетъ, между прочимъ, на преимущество экстернатовъ надъ закрытыми учебными заведеніями и на недостатки школьнаго обученія вообще, не дающаго простора развитію въ дѣтяхъ личной инициативы, что забываетъ даже богатыя умственныя способности, особенно у нервныхъ дѣтей. Однообразіе обученія вредно еще потому, что утруджаетъ непосильной работой умы дѣтей мало способныхъ и содѣйствуетъ ихъ отупѣнію. Какъ на помощь этому злу, авторъ указываетъ на привлеченіе къ педагогическому дѣлу специалистовъ, могущихъ создать для такихъ дѣтей соответственный режимъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о нѣсколькихъ болѣе мелкихъ докладахъ.

Нашъ соотечественникъ П. Лилиенфельдъ прислалъ докладъ по вопросу объ «Индуктивномъ методѣ въ социологіи». Затѣмъ, въ последнемъ засѣданіи, Г. Краузь представилъ разборъ книги Нордау о «Вырожденіи» съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, и, наконецъ, было прочитано краткое резюме, составленное секретаремъ конгресса, доклада «Социологія и анархія», присланнаго проф. Посада.

Засѣданія окончились прочтеніемъ слѣдующей программы работъ будущаго конгресса:

- 1) Различныя опредѣленія социологіи.
 - 2) Вопросъ о матриархатѣ.
 - 3) Причины разложенія общиннаго землевладѣнія (М. М. Ковалевскій).
 - 4) Существуетъ ли законъ политической эволюціи?
 - 5) Антропологическая природа преступленія (Тардъ).
- Время и мѣсто будущаго конгресса назначить бюро общества.

М. Г.

Изъ Австріи.

Русская публика обладает очень скуднымъ запасомъ свѣдѣній, касающихся чеховъ. Она знаетъ кое что о гусситскихъ войнахъ, причемъ, однако, истинный смыслъ гусситскаго движенія не всегда понимается ею вѣрно, такъ что нерѣдко можно услышать мнѣніе, будто Янъ Гуссъ былъ ратоборцемъ православія. Имена выдающихся дѣятелей эпохи чешскаго національнаго возрожденія: Добровскаго, Юнгманна, Палацкаго и др. для русскаго человѣка въ большинствѣ случаевъ пустыя звуки, современная же чешская литература въ Россіи почти никому неизвѣстна. Что касается событій текущей политической жизни Чехіи, то русская публика узнаетъ о нихъ только изрѣдка, когда телеграфное агентство сочтетъ нужнымъ сообщить о какомъ нибудь скандалѣ въ пражскомъ ландтагѣ или о руссофильской рѣчи пресловутаго депутата Вашатаго. Понятно, что подобныя событія интересуютъ русскаго читателя если не меньше, то во всякомъ случаѣ и не больше какого нибудь сенсаціоннаго извѣстія изъ любой среднеамериканской республики, сообщеннаго тѣмъ же телеграфнымъ агентствомъ.

Полное равнодушіе, съ которымъ относится русская публика къ современной жизни чешскаго народа, объясняется прежде всего тѣмъ, что въ сущности къ ознакомленію Россіи съ Чехіей нѣтъ ровно никакихъ *реальныхъ* поводовъ. Славянскія симпатіи въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понимаетъ западный славянинъ, въ Россіи почти не существуютъ, а если и проявляются спорадически, то скорѣе въ формѣ сознанія религіознаго, а никакъ не племеннаго родства. Если Россія интересуется сербами и болгарами, то причина такого интереса вполне понятна. Эти народы, несмотря на свою малочисленность, все же играютъ самостоятельную роль на аренѣ европейской политики. Уже галиційскіе поляки и русины не пользуются и десятой долею того вниманія, которое удѣляется миниатюрнымъ славянскимъ государствамъ Балканскаго полуострова. А вѣдь первые представляютъ часть національныхъ комплексовъ, входящихъ

и въ составъ Россіи, да кромѣ того они же и ближайшіе сосѣди Россіи.

Чехи не играютъ ни самостоятельной роли въ политикѣ, ни со-сѣдять съ Россіей, непосредственныхъ же связей между чехами и русскими не существуетъ. А такъ какъ чехи не православные, то даже славянофилы *par excellence* относятся къ нимъ съ нескрываемымъ недобвѣріемъ, которое ярче всего выразилось въ извѣстномъ заявленіи И. С. Аксакова. Таковы причины равнодушія русскаго общества къ чехамъ.

Однако, о такомъ полномъ равнодушіи къ нимъ нельзя не пожалѣть. Чехи заслуживаютъ вниманія хотя бы ужъ вслѣдствіе того, что по культурному развитію народныхъ массъ они занимаютъ безспорно первое мѣсто среди славянскихъ народностей. Кромѣ того, настоящее положеніе чеховъ является блестящимъ доказательствомъ того, что ни грубыми насильственными мѣрами, ни болѣе утонченными культурными средствами невозможно убить національность нѣскольکو-милліоннаго народа. Послѣ извѣстнаго бѣлогорскаго пораженія (1626) чехи подверглись самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны австрійскаго правительства и іезуитовъ. Чешское дворянство и богатое мѣщанство или было истреблено, или было принуждено бѣжать за границу. Всякое проявленіе національнаго духа было тотчасъ же подавляемо въ самомъ зародышѣ, а чешскій языкъ сохранился только въ убогихъ крестьянскихъ хижинахъ. Въ теченіи двухъ столѣтій народъ жилъ точно въ тюрьмѣ... Но стоило только заглянуть въ Чехію первымъ лучамъ свободы, и чешскій народъ возродился, принялся залѣчивать свои глубокія раны, сталъ собираться съ силами и въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ окрѣпъ настолько, что въ настоящее время представляетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и культурныхъ народовъ Европы съ очень развитой умственной жизнью, которая вполне заслуживаетъ серьезнаго изученія. Въ нашемъ очеркѣ мы постараемся дать характеристику *политическихъ* теченій въ чешскомъ народѣ.

I.

Почти шесть милліоновъ чеховъ населяетъ Богемію *), Моравію и Силезію, причѣмъ рядомъ съ чехами, составляющими большинство населенія этихъ провинцій Австріи, живетъ болѣе трехъ милліоновъ нѣмцевъ. Чешское населеніе почти со всѣхъ сторонъ окружено сплошной массой нѣмцевъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій лишили туземное населеніе естественной опоры, отбросивъ его отъ горъ. Мало того: и на чисто чешской (въ этнографическомъ смыслѣ) территоріи существуютъ довольно значительные комплексы

*) Мы будемъ употреблять слово «Чехія» только для опредѣленія всей юкупности чешскихъ провинцій, т. е. Богеміи, Моравіи и Силезіи.

нѣмецкаго населенія въ видѣ иногда очень крупныхъ колоній. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что чешскіе города, особенно большіе, изобилуютъ нѣмцами, къ которымъ въ чешскихъ провинціяхъ причисляютъ себя и евреи. Если прибавить, что почти вся крупная промышленность, такъ же, какъ и большая часть крупнаго землевладѣнія, сосредоточена въ нѣмецкихъ рукахъ, то мы прекрасно поймемъ, почему борьба съ германизаціей занимаетъ такое важное мѣсто въ жизни чешскаго народа. Эта борьба съ надвигающимся со всѣхъ сторонъ германскимъ элементомъ наложила яркую печать на весь характеръ политической и общественной дѣятельности чешскаго общества. Необходимость отстаивать на каждомъ шагѣ свою индивидуальность выработала изъ чеховъ народъ энергическій, настойчивый, трудолюбивый и предпримчивый. Однако, находясь въ постоянной борьбѣ съ нѣмцами, чехи не могли не подпадать подъ влияние нѣмецкой культуры, а съ теченіемъ времени стали употреблять и въ свою защиту средства, перенятые отъ исконныхъ враговъ. Такимъ образомъ въ подражаніе нѣмецкимъ національнымъ турифрейнамъ появились чешскіе «Соколы»; нѣмецкій «Schulverein» породилъ «Чешскую школьную Матицу»; даже теоретическія основанія чешскаго славянофильства обязаны своимъ происхожденіемъ нѣмцу Гердеру.

Вполнѣ понятно, что у народа, который въ теченіе вѣковъ принужденъ былъ бороться за свое существованіе съ германскимъ міромъ, идея славянской взаимности и солидарности должна была пробудиться раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Мечты о соединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ въ одно цѣлое для борьбы съ нѣмцами легаютъ чуть ли не всякимъ чехомъ, причѣмъ это соединеніе славянства является, въ совершенно не считающемся съ дѣйствительностью воображеніи чеха, въ самыхъ фантастическихъ формахъ. Это славянофильство до такой степени вошло въ плоть и кровь чеха, что составляетъ интегральную часть его мировоззрѣнія. Чехъ чувствуетъ себя славяниномъ чуть ли не больше нежели чехомъ, причѣмъ его славянофильство, не подкрѣпленное въ громадномъ большинствѣ случаевъ знаніемъ славянскаго міра, имѣетъ какой то наивно-романтической характеръ.

Краеугольнымъ камнемъ чешскаго славянофильства является руссофильство, что вполнѣ естественно. Такъ какъ всѣ славянскія народности находятся въ положеніи по большей части гораздо худшемъ, нежели сами чехи, то взоры чешскихъ славянофиловъ должны были обратиться къ единственной могущественной славянск державѣ, играющей въ Европѣ столь вліятельную роль.

Руссофильствомъ проникнуть весь чешскій народъ, начиная передовой интеллигенціи и кончая крестьяниномъ. Однако, не сдугаетъ полагать, что знаніе Россіи соотвѣтствуетъ этимъ русскимъ симпатіямъ. Истинно знающихъ Россію даже въ литературни кругѣ можно буквально пересчитать по пальцамъ. Мало того,

народъ можете встрѣтить среди чеховъ людей, которые вамъ откровенно заявятъ, что они не хотятъ знакомиться съ Россіей, потому что изученіе Россіи могло бы «разбить ихъ славянскіе идеалы». Среди интеллигентной молодежи довольно распространено знакомство съ русской литературой, или, вѣрнѣе сказать, съ корифеями русскаго романа. Гоголь, Гончаровъ, Тургеневъ, а главнымъ образомъ Толстой и Достоевскій самые популярныя въ Чехіи писатели. Произведеніями русскихъ романистовъ, переведенными на чешскій языкъ, зачитывается чешская молодежь. Для чешской интеллигенціи типы русской беллетристики стали совсѣмъ родными. Особенной любовью пользуется у чеховъ Достоевскій, но главнымъ образомъ не какъ художникъ-психологъ, а какъ философъ. Самымъ любимымъ его произведеніемъ въ Чехіи являются «Братья Карамазовы». Популярность Толстого и Достоевскаго объясняется прежде всего тѣмъ, что чехи находятъ въ философско-этическихъ взглядахъ авторовъ «Войны и мира» и «Преступленія и наказанія» отголосокъ идей чешскихъ писателей реформаціонной эпохи. Тургеневъ симпатіей у чеховъ не пользуется. Однако, зная выдающіяся произведенія русской литературы, чехи совершенно незнакомы ни съ исторіей русской литературы, ни съ умственной жизнью Россіи вообще.

Говоря о знакомствѣ съ лучшими произведеніями русскихъ писателей, мы имѣемъ въ виду только сливки интеллигенціи да университетскую молодежь. Масса читателей—а въ Чехіи читаетъ все населеніе, такъ какъ по числу грамотныхъ эта страна занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ—читаетъ и такихъ писателей, какъ Щелковъ, Оленина, Вилкинъ, Басковъ и т. д., потому что, въ силу полнаго незнакомства съ исторіей русской литературы и мало развитаго литературнаго вкуса, издатели газетъ печатаютъ все, что только относится къ русской литературѣ. Такъ напр., «Narodni Listy» преподносятъ своимъ читателямъ произведенія излюбленнаго петербургскими лавочниками да кухарками Н. Лейкина.

Знакомствомъ съ русской беллетристикою исчерпывается знакомство чеховъ съ Россіей, которая для нихъ совершенная terra incognita. Напрасно бы вы искали въ чешской литературѣ какого нибудь, если ужъ не самостоятельнаго, то хоть переводнаго труда о Россіи, о ея политической, экономической или культурной жизни. Кромѣ почтенной работы г. Грубаго о русскомъ расколѣ, да нѣсколькихъ сочиненій по русской исторіи—чехи не имѣютъ ничего, что бы могло дать хоть нѣкоторое понятіе о Россіи, такъ что до сихъ поръ статьи Гавличка, писанныя въ сороковыхъ годахъ, составляютъ незамѣнимый источникъ для изученія Россіи... Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если мы читаемъ въ руссофильской газетѣ, что «въ *городѣ* Земство» произошелъ такой то случай.

Руссофильство свойственно всѣмъ чешскимъ партиямъ, причемъ, къ сожалѣнію, преобладаетъ руссофильство самаго наивно-романти-

чешскаго характера. Въслѣдствіе этого въ Чехіи нерѣдко можно встрѣтить человѣка, совершенно искренно убѣжденнаго въ томъ, что въ одинъ прекрасный день Россія объявитъ войну Австріи, освободитъ чеховъ отъ нѣмцевъ. Что Россія должна придти на помощь чехамъ изъ одного чувства «славянской взаимности», въ этомъ убѣждены очень многіе изъ чеховъ, а младочешская пресса всѣми силами старается поддерживать въ народѣ надежду на помощь Россіи, пользуясь руссофильствомъ народныхъ массъ, какъ пугаломъ противъ нѣмцевъ и австрійскаго правительства, которое дѣйствительно боится, или по крайней мѣрѣ дѣлаетъ видъ, что боится «панславизма». Особенно усердствуютъ въ этомъ направленіи «Narodní Listy», главный органъ «свободомысленной» (какъ официально называютъ себя младочехи) партіи, въ вопросахъ, касающихся Россіи, вполне стоящій на точкѣ зрѣнія «Московскихъ Вѣдомостей». Къ счастью, чешскій народъ слишкомъ выработанъ политически, чтобы подобная агитація могла причинить ему серьезный вредъ, какъ напр. венгерскимъ словакамъ, интеллигенція которыхъ, въ надеждѣ на помощь Россіи, совсѣмъ опустила руки и ничего не дѣлаетъ для своего несчастнаго народа, несмотря на сравнительно довольно благоприятныя условія. Надѣясь на помощь Россіи, чехи тѣмъ не менѣе работаютъ, не покладая рукъ, и, благодаря своей энергіи, достигаютъ блестящихъ результатовъ въ культурно-экономическомъ отношеніи.

Максимумъ требованій, при исполненіи которыхъ, по мнѣнію самихъ чеховъ, національное развитіе чешскаго народа будетъ обезпечено, выражается въ стремленіи къ восстановленію такъ называемаго «чешскаго государственнаго права». Не уяснивъ себѣ смысла чешскаго государственнаго права, мы не поймемъ какъ слѣдуетъ ни отношенія чеховъ къ нѣмцамъ, ни отношенія чешскихъ провинцій къ Австріи. Чешское государственное право является основнымъ пунктомъ всѣхъ чешскихъ партій; даже у рабочихъ, прежде рѣшительно высказывавшихся противъ государственнаго права, въ настоящее время замѣчается поворотъ въ пользу его.

На основаніи чешскаго государственнаго права Богемія, Моравія и Силезія должны составлять одну недѣлимую государственную дѣлность, самостоятельную область австрійской имперіи. Приэтомъ каждая изъ трехъ поименованныхъ провинцій должна пользоваться самой широкой автономіей и полной самостоятельностью по внутреннимъ дѣламъ. Соединительнымъ звеномъ всѣхъ трехъ провинцій является особа чешскаго короля и общее право гражданства, т. е. законъ, въ силу котораго права гражданства, прибрѣтенныя одной изъ провинцій, имѣютъ значеніе и въ остальныхъ двухъ. Основаніи чешскаго государственнаго права долженъ существовать общій, генеральный сеймъ изъ представителей всѣхъ трехъ провинцій, въ вѣдѣніи котораго находятся: избраніе короля и д

касающіяся всего чешскаго государства *). Внутреннія дѣла каждой провинціи подчинены компетенціи провинціальныхъ ландтаговъ. На основаніи государственнаго права оба языка, т. е. чешскій и нѣмецкій, должны пользоваться полной равноправностью. Король управляетъ финансами, чеканить монету и имѣетъ право объявить всеобщее ополченіе для защиты отъ опасности, угрожающей чешскому государству и его правителю, а съ 1720 г. и для защиты всѣхъ провинцій монархіи Габсбурговъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ главная суть чешскаго государственнаго права.

Если чехамъ удалось достигнуть своей цѣли, т. е. склонить императора къ признанію и возобновленію чешскаго государственнаго права, то это принесло бы имъ громадную пользу во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ экономическомъ, такъ какъ всѣ доходы чешской области были бы обращаемы почти исключительно на мѣстныя потребности. И въ національномъ отношеніи чехи выиграли бы очень много, такъ какъ тогда школьное дѣло зависѣло бы отъ нихъ непосредственно, и всякія германизаціонныя тенденціи были бы совершенно парализованы. Само собой разумѣется, что нѣмцы Богеміи, Моравіи и Силезіи являются самыми яркими противниками возобновленія чешскаго государственнаго права, такъ какъ, въ случаѣ исполненія императоромъ требованій чеховъ, значеніе нѣмцевъ въ чешскихъ провинціяхъ сильно умалится. Они не только не будутъ играть прежней роли—хозяевъ страны, пользующихся поддержкой центрального правительства, но даже не будутъ имѣть увѣренности въ томъ, что чешское большинство будетъ держаться буквы закона и не станетъ угнетать нѣмцевъ. Что очень многіе изъ младочеховъ смотрятъ на возобновленіе чешскаго государственнаго права, какъ на средство къ чехизаціи богемскихъ, моравскихъ и силезскихъ нѣмцевъ, а также и силезскихъ поляковъ **), въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Однако, болѣе здравомыслящая часть чешскаго народа чужда этой мысли, тѣмъ болѣе, что чехизировать нѣмцевъ далеко не такъ легко. Пока чехамъ не удастся снискать въ дѣлѣ о возобновленіи государственнаго права согласія и сочувствія нѣмцевъ, всѣ ихъ старанія не приведутъ ни къ чему; само же правительство ни за что не пожелаетъ добровольно пойти на такую громадную уступку. Чехи должны постараться прежде всего выработать какой нибудь *modus vivendi* съ нѣмцами, который гарантировалъ бы послѣднимъ неприкосновенность ихъ законныхъ національныхъ правъ. А такой *modus vivendi* можетъ существовать только при самомъ широкомъ развитіи мѣстнаго самоуправления, которое бы обезпечивало полную свободу культурной

*) Въ послѣдній разъ генеральный сеймъ собрался въ 1836 году.

***) Полаки населяютъ почти всю восточную часть Силезіи (Цѣшинское вѣжество) въ количествѣ болѣе 200.000 душъ.

жизни каждой народности. Разъ національныя права нѣмцевъ будутъ гарантированы, уже не трудно будетъ склонить ихъ въ пользу чешскаго государственнаго права, такъ какъ въ силу экономическихъ соображеній нѣмецкій крестьянинъ, точно такъ же какъ и чешскій, только выиграетъ отъ обособленія чешскихъ земель въ одну цѣлость.

II.

Въ 1890 г. большая часть сельскихъ и многіе городскіе избирательные округа Чехи выбрали въ пражскій ландтагъ младочеховъ. Въ слѣдующемъ году, во время выборовъ въ вѣнскій рейхстагъ, младочехи одержали полную побѣду почти во всѣхъ округахъ. Чешскій народъ отвернулся отъ прежнихъ своихъ руководителей и такимъ образомъ старочешская партія потеряла почти все свое значеніе. Причина полнаго пораженія старочешской партіи коренится въ ея постоянныхъ неудачахъ въ парламентской дѣятельности, въ ея чисто оппортунистической тактикѣ, а также и въ нетерпимости, съ которой она относилась къ своимъ политическимъ противникамъ. Такъ, напр., фактъ непринятія въ чешскій парламентскій клубъ четырехъ младочешскихъ депутатовъ сильно пошатнул ея престижъ и съ этого времени, собственно говоря, начинаются необыкновенные успѣхи младочеховъ, завершившіеся ихъ полной побѣдой. Старочешская партія, по характеру своему чисто консервативная, слѣпо повинующаяся своему престарѣлому вождю Ригеру, не имѣющая ни ясной, опредѣленной программы, ни чутка и пониманія социальныхъ интересовъ, постоянно компрометтировала себя въ глазахъ избирателей, становясь на сторону правительства даже противъ маленькой группы младочешскихъ депутатовъ. Эти послѣдніе очень умѣло воспользовались своимъ положеніемъ и, внося въ парламентъ такія предложенія, въ пользу которыхъ старочехи никакъ не могли подавать голоса, они окончательно дискредитировали старочешскую партію въ глазахъ народа. Возрастающее политическое сознаніе рабочаго класса, болѣе близкое знакомство съ вопросами экономически-соціального характера заставили младочеховъ включить въ свою программу цѣлый рядъ пунктовъ, которыхъ недоставало старочехамъ. Благодаря влиянію такъ называемыхъ реалистовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, младочешская программа, обнародованная въ 1891 г. въ видѣ избирательнаго воззванія, произвела самое лучшее впечатлѣніе и была встрѣчена съ большою симпатіей въ народныхъ массахъ. Такія требованія, какъ всеобщее голосованіе, реформа податной системы, расширеніе свободы печати и собраній, а въ національномъ отношеніи націонализація школъ и чешское государственное право, снискали младочехамъ расположеніе всего народа и обезпечили имъ побѣду при выборахъ. Масса избирателей, состоящая изъ самыхъ разнообраз-

ныхъ элементовъ, подала свои голоса за младочеховъ, полагая, что, наконецъ, послѣ длиннаго періода оппортунистической дѣятельности старочешской партіи, въ парламентъ явятся свѣжія молодыя силы, которыя, путемъ послѣдовательной оппозиціонной политики, добьются отъ правительства исполненія требованій всего народа.

Дѣйствительно, въ парламентъ появились новыя свѣжія силы, которыя сразу же стали на почву оппозиціи, но, однако, вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ четыре года, а торжество младочеховъ не прибавило къ пріобрѣтеніямъ чешскаго народа рѣшительно ничего. Пока количество младочеховъ въ парламентъ было очень незначительно, они, въ качествѣ ярыхъ оппозиціонеровъ, производили на оппозиціонно настроенныя народныя массы самое лучшее впечатлѣніе, но лишь только власть перешла въ ихъ руки, какъ оказалось, что роль самостоятельныхъ факторовъ въ политикѣ имъ не под силу. Широковѣщательная программа младочеховъ осталась мертвой буквой, а краснорѣчивыя заявленія и громкіе протесты младочешскихъ депутатовъ ни на югу не измѣнили положенія чешскаго народа. Оказалось, что среди младочеховъ не было ни одного талантливаго политика. Въ сущности младочехи почти ни чѣмъ не отличаются отъ старочеховъ по своимъ политико-соціальнымъ убѣжденіямъ, и реалисты, подъ вліяніемъ которыхъ въ программу младочешской партіи были включены радикальныя требованія соціально-экономическаго характера, сослужили руководителямъ младочешской партіи очень плохую службу. Младочехи, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, и сами не знаютъ, что имъ дѣлать съ такой радикальной программой. Они прекрасно видятъ, что взяли слишкомъ много на свои плечи. По своему характеру, они такіе же оппортунисты, какъ и старочехи, а тутъ программа заставляетъ ихъ предпринимать самыя рискованныя дѣйствія. Притомъ они настолько вялы и безпечны, что почти ничего не дѣлаютъ для распространенія своихъ идей въ народѣ. Въ силу этого народъ мало помалу разочаровывается въ своихъ руководителяхъ и перестаетъ вѣрить ихъ громкимъ фразамъ. Уже при послѣднихъ дополнительныхъ выборахъ стала замѣчаться нѣкоторая апатія избирателей, которые ужъ не въ такомъ, какъ прежде, числѣ принимали участіе въ голосованіи. Это оживило надежды старочешской партіи, которая на созванномъ недавно съѣздѣ заявила, что она будетъ дѣятельно приготовляться къ предстоящимъ выборамъ. На побѣду хотя бы даже очень незначительную, конечно, старочехи не могутъ рассчитывать. Они дискредитированы и своей прежней политикой, и теперешнимъ своимъ союзомъ съ крупнымъ землевладѣніемъ и клерикалами.

По всей вѣроятности при ближайшихъ выборахъ старочехи, представляющіе въ пражскомъ ландтагѣ еще довольно вліятельную группу, окончательно сойдутъ со сцены. Младочешская партія восхвѣстуетъ, но это торжество, пожалуй, будетъ послѣднимъ. Те-

перь младочехи могутъ еще до нѣкоторой степени увѣрять народъ, что имъ мѣшаютъ въ ландтагѣ старочехи; когда же этихъ не станетъ, то политическое ничтожество главарей младочешской партіи предстанетъ передъ народомъ во всей своей наготѣ. Бесплодность младочешской политики подготавливаетъ почву для теченій, которыя не сулятъ младочехамъ въ будущемъ ничего хорошаго. Съ одной стороны, младочехамъ угрожаетъ рабочее движеніе, разросшееся въ Чехіи, какъ въ странѣ съ сильно развитой фабричной промышленностью, до очень значительныхъ размѣровъ; съ другой стороны, попытки крестьянства организоваться въ самостоятельную политическую партію тоже не предвѣщаютъ ничего хорошаго младочехамъ; наконецъ, опаснымъ ихъ соперникомъ является т. н. «прогрессистское» движеніе, создающееся въ значительной степени подъ вліяніемъ реалистовъ.

Реализмъ представляетъ такое характерное явленіе чешской жизни, что мы должны остановиться на немъ нѣсколько дольше. Реалистское теченіе проявилось впервые въ спорѣ о подлинности пресловутыхъ рукописей: Краледворской и Зеленогорской, представляющихъ, будто бы, памятники давнечешской поэзіи и свидѣтельствующихъ о высокомъ уровнѣ древнечешской культуры. Уже времени самаго появленія рукописей, ихъ подлинность была заподозрѣна; однако, окончательное рѣшеніе этого спорнаго вопроса относится къ сравнительно очень недавнему времени, именно ко второй половинѣ 80 гг. Группа профессоровъ чешскаго университета въ Прагѣ доказала путемъ строгаго научнаго изслѣдованія, на основаніи историческихъ, соціологическихъ, филологическихъ и химическихъ данныхъ, что обѣ рукописи являются ловкой мистификаціей, т. е., что онѣ попросту поддѣланы съ «патріотической» цѣлью доказать существованіе высоко развитой культуры у древнихъ чеховъ. Эти то профессора образовали группу т. н. реалистовъ, которая сначала ограничивалась исключительно научно-литературной дѣятельностью, но съ теченіемъ времени выступила и на политическую арену въ лицѣ трехъ своихъ представителей: Массарика, Кайцля и Крамаржа.

Споръ о подлинности рукописей вскорѣ превратился въ настоящую борьбу за свободу критики и мысли вообще. Молодымъ ученымъ пришлось бороться съ цѣлымъ сонмомъ фанатиковъ (и старон младочеховъ), которые, хотя въ душѣ и признавали реалистовъ правыми, однако, считали недостойнымъ и «непатріотичнымъ» срывать маску съ фальсификаторовъ, дѣйствовавшихъ-де съ благою цѣлью.

Любопытно, что реалисты, которые по всѣмъ соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ гораздо прогрессивнѣе младочеховъ, выдѣлились изъ старочешской партіи и только передъ выборами въ 1891 г. присоединились къ младочехамъ. Группа реалистовъ заняла въ младочешскомъ клубѣ вполне автономное положеніе и

очень благотворно вліяла на всю партію. Однако, когда главный представитель реалистской группы проф. Массарикъ сложилъ (въ 1893) депутатскія полномочія, то реалисты уже перестали играть въ политикѣ совершенно самостоятельную роль, а два депутата-реалиста Кайцль и Крамаржъ работаютъ въ тѣсномъ единеніи съ младочешской партіей, выдѣляясь на ея сѣренькомъ фонѣ, благодаря своему образованію и знакомству съ экономическими вопросами.

Сложивъ депутатскія полномочія, dr. Массарикъ весь отдался профессорской и публицистической дѣятельности, причѣмъ его вліяніе какъ въ первой, такъ и во второй области очень благопріятно отражается въ чешской жизни. Какъ умный, всесторонне образованный и высоко талантливый профессоръ, dr. Массарикъ пользуется громадной и вполне заслуженной популярностью среди молодежи. Его въ высшей степени занимательныя лекціи заставили чешскую молодежь посвятить вниманіе цѣлому ряду вопросовъ, о которыхъ не имѣли и понятія предъидущія поколѣнія студенчества. Затрагивая въ своихъ лекціяхъ самыя жизненные темы, проф. Массарикъ заставлялъ своихъ многочисленныхъ слушателей приняться за изученіе всѣхъ вопросовъ, составляющихъ большое мѣсто современной жизни. Этимъ Массарикъ сильно способствовалъ возникновенію среди молодежи т. н. прогрессистскаго движенія, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже. Его публицистическая дѣятельность привела къ пересмотру чешской національной программы, къ выясненію основныхъ принциповъ чешской національной жизни. Въ области же литературы главнымъ образомъ подъ его вліяніемъ возникла цѣлая критическая школа. Органъ проф. Массарика «*Nasze Doba*» не боится выступать противъ всякой лжи, какими бы красивыми патристическими фразами она ни была прикрыта. Оба органа реалистовъ, т. е. «*Nasze Doba*» и редактируемый г. Гербеномъ еженедѣльникъ «*Czas*», играютъ очень выдающую роль въ умственной жизни чешской интеллигенціи, приучая ее самостоятельно мыслить и критически ко всему относиться.

Реализмъ—какъ его формулируетъ самъ проф. Массарикъ *)—не хочетъ быть только партійю,—это скорѣе направленіе, методъ. Массарикъ считаетъ политику очень важнымъ дѣломъ, однако, не самымъ главнымъ и первымъ для народа. Первымъ и главнымъ дѣломъ долженъ быть внутренній нравственный и просвѣтительный прогрессъ общества. Государственная и политическая жизнь, это только одна сторона духовной жизни народа. Государственная и политическая жизнь не имѣетъ для народовъ, особенно мелкихъ, того значенія, какъ кажется. «Политическая самостоятельность не спасетъ и не сохранитъ». Массарикъ постоянно подчерки-

*) Въ вышедшей на дняхъ въ высшей степени интересной книгѣ «*Skotazka*».

ваетъ, что человекъ прежде всего долженъ стараться стать нравственно лучше, гуманнѣе, во всякой борьбѣ имѣть право употреблять только честныя средства. Это постоянное настаиваніе на томъ, что въ основу всѣхъ проявленій національной жизни должно быть полагаемое гуманное, этическое начало, очень важно въ Чехіи, гдѣ ложно понятый націонализмъ имѣетъ крайне деморализующее вліяніе. Въ силу безнравственнаго вліянія руководителей чешской печати, въ настоящее время въ Чехіи изъ политической дѣятельности прямо устраняется этический элементъ. Такая деморализація проникла уже очень глубоко и въ настоящее время чехъ готовъ оправдывать самую безнравственную тактику, если она приноситъ какія нибудь политическія выгоды. Исходя изъ принципа гуманности, Массарикъ считаетъ главнымъ долгомъ интеллигенціи работать въ пользу тѣхъ классовъ, которые до сихъ поръ были игнорированы въ культурной работѣ. Дать имъ только нѣкоторыя права—мало; мы должны думать и работать вмѣстѣ съ ними и для нихъ. Реализмъ требуетъ расширенія и дополненія литературнаго, научнаго и философскаго образованія, причѣмъ знаніе должно стать доступнымъ народнымъ массамъ. Исходя изъ того же принципа, Массарикъ считаетъ необходимымъ достиженіе согласія съ нѣмецкимъ населеніемъ Богеміи, Моравіи и Силезіи, которое можетъ быть достигнуто только при обезпеченіи каждой народности широкаго самоуправленія, чтобы каждая народность стала полновластнымъ хозяиномъ во всѣхъ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Рѣшеніе социальнаго вопроса Массарикъ отождествляетъ съ рѣшеніемъ чешскаго вопроса.

Вполнѣ понятно, что какъ съ одной стороны среди лучшей части молодежи мысли Массарика встрѣчаются съ большой симпатіей, такъ съ другой стороны старшая интеллигенція (старочехи, младочехи и, особенно, клерикалы) относится къ нимъ съ нескрываемой непріязнью и въ борьбѣ съ ними прибѣгаетъ подчасъ къ довольно грязнымъ средствамъ. Такъ напр. на его лекціяхъ присутствуютъ редакціонные шпіоны (особый сортъ!), которые потомъ закидываютъ его грязью въ газетахъ (особенно клерикальныхъ), почерпая матеріалъ для инсинуацій и доносовъ въ его лекціяхъ. Мелкая провинціальная пресса, а также самыя распространенныя юмористическія изданія стараются выставить Массарика въ глазахъ своихъ читателей какимъ то измѣнникомъ народа, ненавидящимъ все, что свято для чеха и т. д. «Narodni Listy» стараются замалчивать дѣятельность Массарика. Это впрочемъ ихъ обыкновенная тактика по отношенію къ неимпатичнымъ для нихъ явленіямъ *).

Вообще нужно сказать, что чешская политическая пресса является

*) Кстати сказать, всякаго русскаго, являющагося въ Прагу, младочехи стараются «обработать» и всѣми средствами возстановить противъ почтеннаго профессора.

настоящей язвой чешской жизни. Составляя насущный хлѣбъ всякаго чеха, пресса прямо деморализируетъ своихъ читателей. Вѣчная грызня изъ за мелочей, клеветы, инсинуаціи, употребленіе въ полемикѣ средствъ ничего общаго съ публицистикой не имѣющихъ — вотъ характеръ большинства чешскихъ газетъ. Напр., «Hlas Naroda», оффиціальныи органъ старочешской партіи, видитъ свое главное призваніе въ полемикѣ съ младочехами и то въ полемикѣ самой грязной, клеветнической, не брезгающей подчасъ и доносомъ. Еще дальше идетъ въ этомъ направленіи клерикальнныи «Czech». «Narodni Listy» чистоплотнѣе, но и ихъ тактика далека отъ совершенства, не говоря уже о томъ, что есть цѣлая категория политическихъ явленій, относительно которыхъ «Narodni Listy» стараются всѣми силами держать своихъ читателей въ невѣдѣніи, позволяя себѣ иногда даже тенденціозно извращать сообщенія телеграфнаго агентства. Такой тенденціозностью отличаются «Narodni Listy», говоря о славянскихъ дѣлахъ.

Если пражскія газеты производятъ на посторонняго наблюдателя самое отталкивающее впечатлѣніе, то что ужъ и говорить о безчисленныхъ провинціальннхъ газетахъ, газеткахъ и листкахъ.

Нигдѣ вы не встрѣтите такого громаднаго количества перебѣжчиковъ изъ одного лагера въ другой, какъ у чеховъ. Есть публицисты, которые изловчатся писать одновременно и въ младочешскіе, и въ старочешскіе, и въ клерикальнныи органы.

Вредъ, который приноситъ пресса въ Чехіи, громаденъ, такъ какъ почти каждый чехъ читаетъ газеты. Если органамъ удастся хоть до нѣкоторой степени повліять на повышеніе нравственнаго уровня чешской прессы, то это будетъ громадной ихъ заслугой.

Дѣятельность Массарика подготовила почву для новаго движенія среди чешской молодежи, извѣстнаго подъ именемъ прогрессистскаго, а въ Россіи обыкновенно отождествляемаго съ надѣвшею столько шума «Омладиной».

Движеніе это зародилось въ средѣ младочешской части университетской молодежи, которая подъ вліяніемъ лекцій Массарика, а также болѣе близкаго ознакомленія съ западно-европейской литературой, начала серьезно задумываться надъ политическими, социальными и культурными вопросами и стала пытаться уяснить себѣ свою будущую роль въ чешскомъ обществѣ. Въ 1889 г. появилась первый № органа этой молодежи «Czasopis czeskeho studentstva». Сначала этотъ органъ былъ довольно безцвѣтенъ, и его требованія ограничивались лишь реформой жизни молодежи. Редакція выразила желаніе способствовать этой реформѣ, указывая на недостатки и ошибки молодежи и помогая ей нравственному улучшенію и умственному развитію. Однако уже въ слѣдующемъ году редакція заявляетъ, что «Czasopis czeskeho studentstva» будетъ знакомить своихъ читателей не только съ тѣмъ, что непосредственно относится къ

студенческой жизни, но и съ различными политико-соціальными вопросами. Въ обществѣ «Slavia», играющемъ очень важную роль въ жизни чешской молодежи, образуется группа сторонниковъ «Czasopis'a», которая, немного спустя, выступаетъ уже подъ именемъ прогрессивной партіи.

Въ 1891 г. передъ выборами въ рейхсратъ она созываетъ большой митингъ молодежи, на который младочешская партія сочла необходимымъ выслать двухъ членовъ своего исполнительнаго комитета, dr. Энгеля и dr. Кучеру. Молодежь предъявила свои требованія младочешской партіи и приняла резолюцію, требующую, чтобы младочешскіе депутаты держались въ парламентѣ оппозиціонной политики, чтобы они энергически домогались возстановленія чешскаго государственнаго права, старались войти въ соглашеніе съ югославянскими депутатами, вступить въ союзъ съ такъ называемою народной моравской партіей.

Въ Маѣ 1891 г. въ Прагѣ собрался съѣздъ прогрессивной славянской молодежи изъ предѣловъ Австріи, на которомъ была выработана чехами, поляками и русинами политическая программа «прогрессивной партіи» *). Чешская секція высказалась въ пользу чешскаго государственнаго права и персональной унии Чехіи съ остальными провинціями Австріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стала сильно развиваться публицистическая и литературная дѣятельность прогрессивистовъ. Въ 1893 г. студенты имѣли свой «Czasopis pokrokového studentstva» (газета прогрессивнаго студенчества); общимъ политическимъ органомъ служила «Neodvislost» (Независимость); рабочая и торговая молодежь (приказчики) имѣли каждая свой собственный органъ. Кромѣ того прогрессивисты издавали два литературно-соціально-политическіе органа: «Nove Proudny» (Новыя теченія) и «Roshledy» (Обозрѣніе) и цѣлый рядъ научныхъ и литературныхъ сочиненій, а также политическихъ брошюръ по всевозможнымъ вопросамъ.

Молодое движеніе не могло не обезпечить младочеховъ, которые сначала попытались было по своему обыкновенію замалчивать все, что дѣлали прогрессивисты, но когда это оказалось ни къ чему не ведущимъ, то они выступили противъ молодежи. Однако еще больше младочеховъ было обезпечено правительствомъ въ лицѣ намѣстника Богеміи гр. Туна. Онъ усмотрѣлъ въ новой партіи опаснаго врага и только ждалъ удобнаго случая, чтобы нанести ей рѣшительный ударъ. Удобный случай не замедлилъ представиться.

По мѣрѣ того какъ движеніе возростало, къ прогрессивистамъ стали присоединяться самые различные элементы, между которыми

*) На этомъ съѣздѣ присутствовали делегаты отъ чеховъ (120), поляковъ (45), сербовъ (26), хорватовъ (22), и русиновъ изъ Галиціи (16). Были тамъ также и т. н. «русскіе изъ Галиціи» (4), но они на другой же день перестали принимать всякое участіе въ съѣздѣ.

легко могли очутиться люди, не имѣющіе ничего общаго ни съ программой партіи, ни съ главнымъ ея ядромъ, ни со стоящими во главѣ движенія талантливыми молодыми людьми. Эти то элементы, возбужденные заигательно-оппозиціонными рѣчами нѣкоторыхъ младочешскихъ депутатовъ, позволили себѣ чисто мальчишескія выходы съ антидинастическимъ характеромъ, вродѣ замазыванія государственныхъ орловъ на почтовыхъ ящикахъ, пѣнія навеселѣ революціонныхъ пѣсень, устраиванія дракъ съ полиціей и т. д. Въмѣсто того, чтобы отнестись ко всему этому, какъ къ обыкновенному нарушенію общественной тишины и порядка, пражскія власти раздули все дѣло до размѣровъ поистигѣ чудовищныхъ, выставивъ уличныхъ буйновъ опасными политическими преступниками, угрожающими цѣлости монархіи Габсбурговъ. Слѣдствіемъ этого явилось пресловутый процессъ т. н. «Омладины», окончившійся весьма трагически. Нѣсколько десятковъ молодыхъ людей было приговорено къ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію. Въ числѣ приговоренныхъ очутились и главные руководители прогрессистскаго движенія: Соколъ, Гайнъ, Рапинъ и Шкаба. Всѣхъ ихъ обвиняли въ основаніи тайнаго антидинастическаго общества «Омладина» *).

Весь процессъ т. н. «Омладины» дѣло довольно темное, несомнѣнно только, что агентъ подстрекатель Мрва игралъ во всей этой печальной исторіи очень дѣятельную роль. Въ сущности, несмотря на очень искусныя уловки прокуратуры, ей не удалось даже доказать, что общество «Омладина» дѣйствительно существовало.

Процессъ т. н. «Омладины» нанесъ сильный ударъ молодому движенію, лишивъ его главныхъ руководителей, но совершенно уничтожить его уже не могъ. Прогрессисты нашли поддержку во всѣхъ слояхъ чешскаго народа и ихъ дѣятельность продолжаетъ развиваться довольно успѣшно. Это лучше всего видно на ихъ литературной дѣятельности. Число ихъ органовъ уже достигло пятнадцати. Главные изъ нихъ «Radikalni Listy» и «Roshledy». Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прогрессисты стали издавать двѣ т. н. крейцеровыя газетки «Ruch» (Движеніе) и «Lud» (Народъ). Каждый № этихъ, умѣло редактированныхъ, популярно-политическихъ органовъ стоитъ только одинъ крейцеръ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ эти органы приобрѣли болѣе 20.000 подписчиковъ главнымъ образомъ въ провинціи, такъ какъ въ Прагѣ они, такъ же, какъ и «Radikalni Listny» запрещены на основаніи осаднаго положенія.

Осадное положеніе, на основаніи котораго были прекращены органы прогрессистовъ и закрытъ главный центр умственной жизни чешской молодежи—общество «Slavia» (имѣвшее громадную члѣтеву и выписывавшее нѣсколько сотъ газетъ и журналовъ на

Омладина значить молодежь. Это слово было введено въ употребленіе 60 г., и подъ такимъ названіемъ издавалось нѣсколько органовъ.

всезможныхъ языкахъ) сильно связало руки прогрессистовъ въ столицѣ Чехіи. Пока осадное положеніе не перестанетъ существовать въ Прагѣ, дѣятельность прогрессистовъ будетъ постоянно наталкиваться на всевозможныя препятствія.

Прогрессисты имѣютъ вполне опредѣленную, широкую и ясную программу. Однако различныя пункты ея не представляютъ органическаго цѣлаго, такъ что, разсматривая ее, мы сразу же можемъ опредѣлить, какія и сколь разнородныя вліянія были причиною таковой, а не иной формулировки программы.

Прогрессистомъ—считаютъ они всякаго, кто противится преобладанію одного народа, пола или класса надъ другимъ. Исходя изъ этого принципа, они требуютъ реорганизаціи Австро-Венгрии на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Полная равноправность всѣхъ народностей, 2) Федеративное соединеніе всѣхъ провинцій, разграниченныхъ на основаніи естественныхъ (историческихъ или этнографическихъ) условій, причѣмъ право всякаго національнаго меньшинства должно быть вполне гарантировано. Прогрессисты требуютъ полной свободы совѣсти, слова, печати и т. д., всеобщаго голосованія безъ различія пола, замѣны войскъ милиціей, бесплатнаго судопроизводства съ судебной отвѣтственностью чиновниковъ за всякое нарушеніе закона во время исполненія служебныхъ обязанностей. Далѣе, бесплатнаго обученія, доступности всѣхъ средствъ образованія и для женщинъ, реформы обученія въ духѣ современныхъ требованій, чтобы результаты науки стали достояніемъ всѣхъ классовъ общества. Особенно настаиваютъ они на отдѣленіи церкви отъ государства.

До сихъ поръ прогрессисты не могли организовать въ совершенно самостоятельную политическую партію. Они составляютъ какъ бы крайнее лѣвое крыло младочешской партіи, причѣмъ ихъ отношенія къ руководителямъ младочешскаго лагеря довольно странныя.

Ихъ программа довольно далека отъ программы младочеховъ, а ихъ практическая дѣятельность еще дальше отстоитъ отъ дѣятельности Грегровъ, Герольдовъ и Вашатыхъ. И въ вопросахъ внѣшней политики (напр. въ славянскомъ, играющемъ у чеховъ очень важную роль) прогрессисты стоятъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія, нежели младочехи. Тѣмъ не менѣе они не рѣшаются порвать связи съ младочехами. Такой оппортунизмъ рядомъ съ другими пунктами программы доказываетъ одно изъ двухъ: или программа не принимается въ серьезъ, или прогрессисты желаютъ, чтобы младочехи вытаскивали для нихъ каштаны изъ огня. Въ послѣднемъ случаѣ это доказывало бы, что молодая партія вступаетъ на скользкій путь политикавства, которое будетъ ее только деморализировать, принося существенной пользы.

Что прогрессистское движеніе пользуется симпатіей довольно широкихъ массъ, показываетъ какъ нельзя лучше недавнее избраніе депутата въ рейхстагъ въ механическомъ округѣ. Со стороны м'

дочешской партіи былъ выставленъ кандидатомъ Рашинъ—отецъ одного изъ главныхъ руководителей прогрессистскаго движенія, приговореннаго къ тюремному заключенію въ процессъ т. н. «Омладины». D-г Рашинъ—личность ничѣмъ себя не заявившая, но достаточно было одного имени, чтобы избиратели стали на его сторону, желая выразить этимъ свое сочувствіе прогрессистамъ. Приготовленія къ выборамъ шли обыкновеннымъ въ Чехіи ходомъ, и «Nias Naroda»—официальный органъ старочешской партіи, втеченіе нѣсколькихъ недѣль выливалъ цѣлые ушатъ грязи на личность младочешскаго кандидата, такъ что въ концѣ концовъ даже сами руководители младочешской партіи усомнились въ возможности избранія d-г Рашина и заставили его отказаться отъ кандидатуры. Былъ выставленъ другой кандидатъ. Наступили выборы и оказалось, что второй младочешскій кандидатъ потерпѣлъ поражение точно такъ же, какъ и старочешскій, а избраннымъ оказался d-г Рашинъ.

Если прогрессистамъ удастся отстоять свою индивидуальность, то они могутъ разсчитывать на большой успѣхъ, особенно теперь, когда старочешская партія сошла со сцены, а младочешская, не исполнивъ своихъ широковѣщательныхъ обѣщаній, начинаетъ терять довѣріе общества. Единственнымъ серьезнымъ соперникомъ прогрессистовъ явится въ будущемъ социаль-демократическая партія, которая именно въ Чехіи будетъ торжествовать свою первую побѣду въ Австріи, если тамъ будетъ введено всеобщее голосованіе.

Богемія распадается на двѣ части: южную—земледѣльческую и сѣверную—промышленную. Въ южной части находится довольно много сахарныхъ, пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводовъ, которые однако не въ состояніи доставить необходимое количество работы для постоянно увеличивающагося безземельнаго пролетаріата. Поэтому масса рабочаго люда стремится въ сѣверную часть Богеміи, гдѣ она находитъ заработокъ на многочисленныхъ фабрикахъ, заводахъ, а также и въ каменноугольныхъ копяхъ. Кромѣ того значительная часть пролетаріата добываетъ себѣ пропитаніе въ юго-западной Богеміи, гдѣ сильно развита мануфактурная промышленность, а также въ Прагѣ, представляющей богатый промышленный центръ. Въ сѣверо-восточной Моравіи и въ Силезіи находятся обширныя каменноугольныя копи, способствующія развитію промышленности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Любопытно, что въ Чехіи національное движеніе среди рабочихъ привилось раньше, нежели чисто экономическо-политическое. Это объясняется тѣмъ, что промышленность Чехіи сосредоточена главнымъ образомъ въ рукахъ нѣмцевъ, которые употребляютъ всякія средства, чтобы германизировать чешскаго рабочаго. Фабрикантъ оговариваетъ нѣмецкую школу и заставляетъ рабочихъ посылать въ нѣмецкія дѣтей, угрожая имъ, въ случаѣ ослушанія, лишеніемъ заработка. И въ переписи населенія рабочій не смѣетъ показать, что онъ чехъ, и не желаетъ потерять заработокъ. Въ силу этого національное

сознание чешского рабочего стоит очень высоко, и рабочий, выступая против фабриканта, отстаивает не только свои экономические, но вместе с тем и национальные интересы.

По соображениям национального характера, чешское общество без различия партий почти всегда вступалось за интересы рабочих, агитировало между ними и поэтому рабочее движение имело первоначально чисто национальный характер.

Чешские рабочие имеют больше двадцати органов печати и большое количество образовательных обществ; успех рабочей партии в Чехии вполне обеспечен. Даже уже в настоящее время она может похвалиться не маловажной победой. Именно несколько недель тому назад в Чешской Тржебони был избран рабочий в общинный совет, а в Кладно из двенадцати кандидатов рабочим удалось провести восемь.

На рабочий класс обратили внимание и клерикалы, основав особую «христианскую» партию и издавая специальный орган для рабочих. Вообще духовенство принимает деятельное участие в политической жизни чешского народа, особенно стараясь действовать путем дешевой популярной печати на народные массы. Их газеты «Křsiz» и «Marie» расходятся в громадном числе экземпляров. Были попытки основать особую клерикальную партию, но они пока не привели ни к чему, и клерикалы (особенно сильные они в Моравии) действуют в союз с старочехами и с дворянством, которое в Чехии составляет особую самостоятельную консервативную партию, очень неопределенную в национальном отношении.

Таково положение Чехии при теперешнем режиме в Австрии. Однако избирательная реформа, составляющая в настоящее время самое большое место Цислейтании, может изменить физиономию партийных отношений Чехии довольно радикальным образом.

Л. Василевский.

Прага. 25. II. 95.

Изъ современной хроники.

I. Поучительная басня.—Доброта и казнь.—Дѣло Ольги Палемъ.—Безнаказанность, помилованіе или невѣнненіе?—Школа порока и грѣха, создавшая преступленіе Ольги Палемъ.—Значеніе приговора присяжныхъ.—Непоследовательная послѣдовательность добровольцевъ обвиненія. — II. Инцидентъ въ Нижегородскомъ земскомъ собраніи. — Аналогичные инциденты въ другихъ земствахъ. — Современные нравоученія изъ этихъ инцидентовъ. — III. Первая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта. — Ожиданія и разочарованія. — Вопросъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ.—Рѣчь г. министра.—Обзоръ вопросовъ, рассмотрѣнныхъ совѣтомъ.—Сельско-хозяйственная общественная организація, земства, общества, съѣзды, синдикаты и товарищества. — Министерскій проектъ. — Проектъ г. Шаропова.—Община и товарищество.—Замѣтка о статьѣ г. Соколовскаго.

I.

Недавно въ русской журналистикѣ на глазахъ удивленнаго читателя разыграна басня. Героємъ ея былъ извѣстный публицистъ, а предметомъ—ложная тревога, поднимаемая съ нѣкотораго времени не имъ однимъ. Съ этой точки зрѣнія басня оказывается нравоучительною и о ней стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Всякія чаянія и ожиданія, тревоги, надежды и опасенія порою волнуютъ наше общество, какъ и всякое другое... Всякія невзгоды припоминаются, всякая нужда болитъ, всякій недостатокъ о себѣ заявляетъ. И невѣжественны-то мы; поучиться слѣдовало бы. И бѣдны-то мы; не мѣшало бы поработать. И дикости у насъ непочатый край; необходимо бы немного культуры поприбавить. И ого несовершенство въ нашемъ быту, въ нашихъ порядкахъ и спорядкахъ; хорошо бы позаботиться о пережѣнахъ къ лучшему... многое такое другое порою думается нашему обществу; хорошо бы, чтобы почаще это думалось и чувствовалось. Но не всѣмъ это удается. Для нѣкоторыхъ всякое пробуждающееся самосознаніе на руку... Не объ этихъ рѣчь я сегодня веду. Чего они хотятъ и что имъ нужно, объ этомъ много надо говорить, да не досужно. Естественно, однако, если они бьютъ тревогу по поводу пробуж-

дающагося самосознанія, но зачѣмъ вслѣдъ за ними поднимаетъ шумъ и много другихъ народовъ? Чего же этимъ народамъ надо, когда они вопиють противъ пробуждающагося самосознанія и на всѣ лады воспѣваютъ современность? Все обстоитъ благополучно, усердно твердятъ они, и ничего такого доваго не нужно, ни просвѣщенія, ни благосостоянія, ни культуры, ни хорошихъ законовъ, ни мудрыхъ учреждений, ни даже добродѣтели... Право, даже добродѣтели не нужно! Недавно мы и объ этомъ читали въ газетѣ. Нужно только одно, говорятъ намъ, «будьте добры!» Если будете добры, все приложится само собой. Если не прямо такъ, то въ этомъ смыслѣ настойчиво и убѣдительно увѣщевалъ насъ упомянутый выше публицистъ. Не надо, словомъ, волноваться по поводу золь и несовершенствъ нашей жизни и нашего быта; не надо взывать къ лучшему, къ правдѣ и свѣту; надо быть только добрымъ: рецептъ—простой и удобопонятный... А доброта настолько лучше, симпатичнѣе, обаятельнѣе злобы, что проповѣдь доброты всегда найдетъ доступъ къ человѣческому сердцу и всегда произведетъ впечатлѣніе на непредубѣжденнаго читателя. Мы не удивились бы, если бы и упомянутая проповѣдь доброты вмѣсто прогресса произвела свое впечатлѣніе и настроила читателя не столько думать о законности, справедливости, общественномъ интересѣ, сколько о милосердіи и снисхожденіи, о добротѣ, какъ регуляторѣ поступковъ и мнѣній. Мы не сторонники такой исключительности и не находимъ удобнымъ такое настроеніе, но, конечно, не тому, кто его проповѣдывалъ, осуждать это настроеніе... Однако, произошло именно это приключеніе, а въ немъ и вся басня наша.

«Прежде всего будьте добры», читали представители общества въ своей обычной газетѣ, «не смущайтесь разными общественными вопросами, но старайтесь быть добрыми и свѣте доброту...» И вотъ приводятъ передъ представителями общества грѣшницу. «Судите ее», говорятъ имъ, «она убила ближняго своего». Мучительно долго и медлительно, въ теченіе пяти сутокъ, разворачивается передъ ними картина совершеннаго грѣха... Больная роковымъ неизлечимымъ недугомъ, измученная до изнеможенія, медленно и жестоко истязуемая во время процесса обвинительною властью, гражданскими истцами, а еще болѣе не по мѣсту усердными свидѣтелями, стоитъ передъ ними эта грѣшница.—«Вы должны осудить ее», утверждаетъ представитель закона, «этого требуетъ справедливость и общественный интересъ».—«Будьте добры», отвѣчаетъ защита, «она и такъ жестоко страдаетъ».—«Господь нею!» говорятъ представители общества и выносятъ приговоръ, не вмѣняющій содѣяннаго грѣха въ преступленіе... И вдругъ раздается: «Казни ее!» Кто требуетъ, однако, казни? Тотъ самы, что еще недавно твердилъ: «прежде всего, будьте добры!» И э противорѣчіе вовсе не смѣшно и вовсе не непослѣдовательно. Оно глубоко поучительно именно по своей послѣдовательности.

Я не присутствовалъ на судѣ Ольги Палемъ и знакомъ съ дѣломъ только по газетнымъ отчетамъ. Это знакомство не внушаетъ мнѣ лично оправдательнаго настроенія. Будь я присяжнымъ, я, вѣроятно, высказался бы за обвиненіе. Конечно, въ томъ случаѣ только, если бы личное, болѣе обстоятельное знакомство съ дѣломъ не измѣнило бы моего взгляда. Эту оговорку долженъ помнить всякій, судящій о дѣлѣ, но ее обыкновенно никто не помнитъ. Не помнить обыкновенно и того, что оправдательный приговоръ присяжныхъ не есть ни отрицаніе содѣяннаго дѣла, ни его безнаказанность, ни его прощеніе, а лишь его невѣніе. Не всякій грѣхъ и не всякое зло вѣняется въ преступленіе и вѣннать или не вѣннать совершенное несомнѣнное зло въ преступленіе и есть задача суда присяжныхъ, какъ суда общественной совѣсти, а не формальныхъ уликъ. Возьмемъ хотя бы то же самое дѣло Ольги Палемъ и мы увидимъ, что обвинительная власть, настаивая передъ судомъ, чтобы нарушеніе шестой заповѣди было подсудимой вѣнено въ преступленіе, совершенно равнодушно проходила мимо нарушенія той же Ольгой Палемъ, частью самостоятельно, частью вмѣстѣ съ покойнымъ Довнаромъ, многихъ другихъ заповѣдей: *пятой*, потому что она бросила родителей и ослушалась ихъ; *восьмой*, потому что вмѣстѣ съ Довнаромъ обманно пользовалась средствами Кандинскаго; *седьмой*, потому что находилась во вѣнбачномъ сожителствѣ съ Довнаромъ; *девятой*, потому что и она и Довнаръ свидѣтельствовали передъ Кандинскимъ ложно о своемъ намѣреніи обвиняться.. Все это несомнѣнные грѣхи, несомнѣнные безнравственныя дѣянія, несомнѣнное зло и неправда и, однако, эти грѣхи совершены въ обстановкѣ, при которой они не вѣняются въ преступленіе. Изъ нарушенія шести заповѣдей обвинительная власть предложила суду вѣннать только нарушеніе одной. Судъ не согласился и нашелъ, что при данной обстановкѣ не подлежитъ вѣненію и это нарушеніе. Только это и произошло, не болѣе... Почему обвинительная власть не подумала вѣннать въ преступленіе непочтеніе къ родителямъ, обманное выманиваніе денегъ, прелюбодѣяніе, ложныя свидѣтельства, хотя законъ караетъ всѣ эти дѣянія? Не было «состава преступления», отвѣтять намъ юрсты и будутъ правы, потому что не всякій порокъ и не всякій даже тяжкій грѣхъ можетъ быть преступленіемъ. Жизнь, которую веда подсудимая и ея жертва и ихъ ближайшее общество, да цѣлымъ клубомъ порока и грѣха, которые практиковались, какъ обычныя и нормальныя условія жизни. Подсудимая была такъ же порочна и грѣшна, какъ и всѣ остальные, и въ этихъ порокахъ и прегрѣшеніяхъ было бы довольно затруднительно выдѣлить ея личную вину, а слѣдовательно ея личную отвѣтственность... Преступленіе же непременно но- чь личный характеръ и должно падать отвѣтственностью на опре- дѣленную личность, полноправную и свободно дѣйствующую. Обви-

нительная камера нашла эти непремѣнные условія преступности и вѣняемости только въ одномъ изъ многихъ одинаково порочныхъ и безнравственныхъ дѣйствій Ольги Палемъ, въ убійствѣ ея Довнара. Въ этомъ только дѣяніи она и была обвиняема, но обвинена не была подобно тому, какъ не была даже обвиняема въ другихъ столь же порочныхъ дѣяніяхъ. Судъ присяжныхъ, очевидно, не нашелъ возможнымъ выдѣлать это дѣяніе изъ упомянутого клубка порока и грѣха и отнесся къ нему съ той же точки зрѣнія, съ которой не рѣшились предать суду Палемъ ни за обманное присвоеніе денегъ, ни за лжесвидѣтельство, ни за прелюбодѣяніе... Судъ присяжныхъ не считалъ, очевидно, подсудимую въ дѣлѣ убійства болѣе свободною и полноправною, нежели въ другихъ ея поступкахъ, не вѣнченныхъ ей и обвинительною властью. Имѣлъ ли онъ для того достаточныя основанія? Достаточныя ли, а не рѣшусь отвѣтить, но нѣкоторыя основанія имѣлъ... Начать съ того, что Ольга Палемъ прежде, нежели прибѣгнуть къ самосуду, искала суда законнаго и суда по совѣсти. Сначала она желала обратиться къ суду законному и для этого совѣтовалась съ прис. пов. Андреевскимъ. Объ этомъ дошло до Довнара и онъ, или родные его, устроили такъ, что полиція отобрала у Палемъ письма къ ней Довнара. Эти письма были предъявлены суду. Едва ли они послужили бы достаточнымъ основаніемъ для цѣлей Ольги Палемъ, но она считала ихъ для того достаточными и этого единственнаго средства для направленія дѣла по пути суда законнаго она была лишена вслѣдствіе едва ли очень рыцарскихъ ходатайствъ своего бывшаго, возлюбленнаго. Тогда она рѣшается искать суда третейскаго и съ этою цѣлью обращается къ директору института инженеровъ путей сообщенія. Сначала директоръ склоняется къ мысли составить такой судъ по совѣсти изъ товарищей Довнара. Палемъ согласна предоставить рѣшеніе дѣла его товарищамъ, но въ послѣднюю минуту и это средство у нея отнимаютъ. Тогда она сама рѣшила свою тяжбу, оградивъ рѣшеніе отъ всякой аппеляціи и пересмотра: она убила Довнара и убила себя. Ее спасли, но самоубійство ея не было комедіей и обставлено было совершенно серьезно.

Живя среди порока и нечестія, гдѣ давно потеряно пониманіе добра и зла, Ольга Палемъ довела логику этого порока и грѣха до послѣдняго вывода, до вывода, совершенно неожиданнаго для обычныхъ послѣдователей этой логики. этомъ ея вина и эту вину присяжные не захотѣли вѣнчить въ преступленіе: именно это произошло въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, когда былъ вынесенъ окончательный приговоръ Ольги Палемъ. Основательно ли поступили присяжные, можно много говорить (и я лично склоненъ думать что неосновательно) но они не вышли изъ предѣловъ своихъ нравственныхъ обязанностей. Вопросъ о вѣнченіи содѣянныхъ

въ преступленіе составляетъ право, и нравственный долгъ суда присяжныхъ, какъ и вопросъ о достовѣрности самого факта судимаго дѣянія. Неужели этого не понимаютъ тѣ, которые вопіютъ противъ приговора? Чего же шумятъ они? Если мы пристально всмотримся въ картину, раскрытую передъ нами процессомъ, то безъ особаго затрудненія увидимъ и отвѣтъ на эти вопросы. Отвѣтъ написанъ поиг sur blanc на всѣхъ страницахъ этого поучительнаго и грустнаго дѣла.

Страшно читать нѣкоторые эпизоды процесса. Конечно, здоровая жизнь здороваго общества осталась внѣ процесса, который раскрылъ передъ нами лишь болѣзненные явленія, но надо имѣть много мужественной вѣры въ здоровыя силы общества, чтобы хладнокровно и не преувеличивая слѣдить за этими болѣзненными явленіями... Вотъ передъ вами появляется молодой человекъ съ высшимъ образованіемъ, который съ яснымъ взоромъ и твердымъ голосомъ заявляетъ публично, что стыдно жениться на своей сожительницѣ! Дѣло не въ специальномъ случаѣ Ольги Палемъ: обязанъ или не обязанъ былъ на ней жениться Довнаръ? Молодой человекъ съ высшимъ образованіемъ высказалъ общую сентенцію. До сихъ поръ всѣ думали, что нравственная обязанность порядочнаго человека—узаконить связь съ дѣвушкой. Не всѣ такъ поступали, но всѣ такъ думали и никому въ голову не пришло-бы, что стыдно «прикрыть грѣхъ». Молодой человекъ съ высшимъ образованіемъ не стыдится утверждать именно это... Но если узаконить отношенія съ своей сожительницей молодому человеку кажется стыднымъ и недостойнымъ, то отнюдь не стыднымъ и не недостойнымъ ему кажется считаться женихомъ чужой сожительницы и пользоваться денежными средствами этого бывшего сожителя своей же-невѣсты! По крайней мѣрѣ, этотъ самый молодой человекъ, выставляя Довнара рыцаремъ чести и благородства, вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторые вопросы защиты давалъ отвѣты, изъ которыхъ явствовало, что и свидѣтелю, и покойному Довнару были извѣстны отношенія Ольги Палемъ къ Бандинскому, а свидѣтелю было извѣстно также и то, что Довнаръ пользовался денежными средствами Бандинскаго, считавшаго его, Довнара, женихомъ своей бывшей сожительницы. Если это не мѣшаетъ быть рыцаремъ благородства, то тѣмъ менѣе это стыдно... Естественно, если такимъ молодымъ людямъ стыдно узаконивать связь съ дѣвушкой! Вѣдь это значило-бы считаться съ какими-то нравственными принципами. Появлялись въ процессѣ и другіе столь же интересные молодые люди и съ высшимъ, и съ среднимъ образованіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ былое время пользовались услугами Ольги Палемъ въ дѣлѣ равныхъ рекомендацій и протекцій. Извѣстно, что красивая женщина можетъ скорою оказатъ немаловажную услугу въ этомъ направленіи. Молодые люди платили за услуги ухаживаніемъ, а на судѣ выстав-

ляли ее отвѣтное богатство чуть-ли не доказательствомъ ее разврата... Всякіе эпизоды обнаружили процессъ, но остановимъ эти извлеченія. Картина выходитъ и такъ достаточно яркая, чтобы разглядѣть ее общій видъ и смыслъ. Кодексъ поведения, такъ наивно изложенный устами вышеупомянутаго молодого человѣка съ высшимъ образованіемъ и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ свидѣтелей, не представляется вовсе очень рѣдкимъ и исключительнымъ. Это кодексъ поведения большинства такъ называемыхъ прожигателей жизни и большинства составителей карьеры. А если мы вспомнимъ, что молодыхъ людей этихъ двухъ категорій не мало (особенно въ большихъ городскихъ центрахъ), то поймемъ, что даже однихъ ихъ было бы достаточно для того, чтобы громко раздавались вопли о помощи... Однако, далеко не одни эти пріятные молодые люди участвуютъ въ хорѣ, на всѣ голоса вопиющемъ: «казни ее!»

Бромъ этого типа, свободнаго отъ нравственныхъ принциповъ, въ обществѣ существуетъ масса лицъ, хотя и не лишенныхъ нравственнаго чувства, но поступающихъ иначе. Бандискій, конечно, не скажетъ, что стыдно узаконить незаконную любовную связь. Онъ чувствуетъ нѣкоторыя нравственныя обязанности передъ своей бывшей возлюбленной. Онъ старается ее устроить, обласкать, защитить. Очень значительное число людей, принадлежащихъ къ состоятельному и культурному классу, похожи въ этомъ отношеніи на Бандискаго, но весьма немногіе рѣшатся узаконить связь, даже имѣя къ тому возможность. Разныя житейскія соображенія, мнѣнія родныхъ и друзей, расчеты выгоды, новыя увлеченія, податливая совѣсть, примѣръ другихъ, снисходительное общественное мнѣніе, безотвѣтность жертвы и многое другое соединяется для облегченія этой сдѣлки съ совѣстью. Эти люди знаютъ свою нравственную обязанность, но поступаютъ иначе, замазывая совѣсть нѣкоторою помощью, ласкою, тайною... И сколько этихъ порядочныхъ людей, сознающихъ свои нравственныя отношенія, не только не узаконяютъ своей связи, но и будутъ обманывать кого можно и кого нужно на счетъ истиннаго значенія своихъ отношеній! Найдутся и такіе, которые, ради этого обмана и тайны, не постѣнятся, если будутъ имѣть на то способы, отнять свои письма и другіе «компрометирующіе» документы у этой «шантажистки», какъ они охотно назовутъ брошенную дѣвушку. Прибѣгнуть для этого и къ вражѣ, и къ подкупу прислуги, и къ связямъ для полицейскаго воздѣйствія... Несомнѣнно, что большинство не согласится и на третейскій судъ. Почитая это дѣло своимъ личнымъ, никому не подвѣдомственнымъ. Несомнѣнно, въ состоятельномъ и культурномъ кругу контингентъ такихъ лицъ весьма обширенъ и для него покровъ тайны на общественной жизни и желателенъ, и необходимъ, и выгоденъ. Если не по совершенной испорченности, то по при-

вычкъ, легкомыслію, увлеченію, подражанію, эти люди опутаны порокомъ, грѣхомъ и неправдой и всѣмъ имъ одинаково непріятно, съ одной стороны общественное самосознаніе съ просвѣщеніемъ, гласностью, правосудіемъ и другими столь же непріятными нарушеніями установившагося быта, а съ другой стороны и всякое преступленіе, своею слабю и виновною рукою разрывающее отъ времени до времени этотъ покровъ, подъ которымъ мирно живетъ обычный грѣхъ и общій порокъ... Поэтому-то они такъ охотно откликаются на призывъ къ добротѣ вмѣсто прогресса и не согласны на доброту вмѣсто казни. Я не хочу сказать, чтобы сознательно слагалось это сочетаніе требованій. Я хочу сказать только, что оно естественно вырастаетъ на почвѣ довольства современностью. Воспѣвающіе современность требуютъ и доброты вмѣсто прогресса, и казни вмѣсто доброты. Это только послѣдовательно.

Я нѣсколько разъ оговаривался на этихъ страницахъ, что я не склоненъ согласиться съ приговоромъ присяжныхъ, не съ его правомѣрностью (которую вполнѣ признаю), но съ его основательностью. Поясню нѣсколько эти оговорки. Я самъ бывалъ присяжнымъ и знаю, насколько личное впечатлѣніе отъ прослушаннаго и изученнаго дѣла отличается отъ впечатлѣнія, оставляемаго даже подробнымъ печатнымъ рефератомъ. Поэтому, не прослушавъ дѣла, я не считаю себя компетентнымъ входить въ частности собственно этого дѣла...

Зачѣмъ судить и наказываютъ преступника? Ради устрашенія другихъ? Ради исправленія преступника? Ради устраненія изъ общества вреднаго члена? Разныя школы криминалистовъ въ разное время и давали эти отвѣты. Теорія устрашенія давно оставлена всѣми. Давно доказано, что наказаніе не только не устрашаетъ другихъ, но развиваетъ въ этихъ другихъ тѣ звѣрскіе и жестокіе инстинкты, на почвѣ которыхъ и вырастаютъ преступленія. Точка зрѣнія устраненія вредныхъ членовъ не есть теорія наказанія и можетъ быть примѣнена къ весьма ограниченному кругу преступленій, именно къ дѣяніямъ профессиональныхъ преступниковъ. Теорія исправленія преступниковъ теперь господствуетъ среди криминалистовъ, но это идеалъ уголовного законодательства, нигдѣ еще не осуществленный. Никто не станетъ утверждать, чтобы наша ссылка или наша тюрьма служили школою исправленія. Если же мы произносимъ надъ большинствомъ преступниковъ свой обвинительный приговоръ не ради устрашенія другихъ, и не ради устраненія вредныхъ членовъ, и не ради ихъ исправленія, то ради чего же? Не ради этихъ утилитарныхъ цѣлей и не ради какихъ-либо иныхъ тоже утилитарныхъ цѣлей, а единственно ради удовлетворенія чувства общественной справедливости, какъ оно сознается и чувствуется нашими современниками. Это чувство справедливости, разлитое въ средѣ современниковъ, и есть

тотъ критерій вѣрности, которымъ инстинктивно руководствуется судъ присяжныхъ.

Дѣвушка, чтобы спасти свою честь отъ поруганія и насилія, защищаясь, убиваетъ насильника. Ей было два исхода: покориться изнасилованію и растлѣнію или обороняться и убить. Она убила и предстала передъ судомъ присяжныхъ. Если у нея не было третьяго выхода и если ея показанія внушаютъ довѣріе, она будетъ оправдана всякимъ судомъ присяжныхъ, и общественное чувство справедливости, какъ оно проявляется у нашихъ современниковъ, не будетъ протестовать противъ невѣрности этой вины въ преступленіе. Это случай, ясный для всѣхъ. Возьмемъ другой случай. Дѣвушка обольщена обѣщаніемъ жениться. Обольститель, однако, не исполняетъ обѣщанія и бросаетъ ее. На ея мольбы и настоянія онъ отвѣчаетъ оскорбленіями, побоями; силою выгоняетъ ее изъ своей квартиры; силою отбираетъ документы, которые могли бы ей служить основаніемъ для защиты своихъ правъ передъ закономъ; беззащитно отказывается передать дѣло суду чести... Добившись послѣдняго свиданія, снова отвергнутая и оскорбленная, обольщенная дѣвушка убиваетъ обольстителя и тутъ же поканчиваетъ съ собой. Если она спасена, она предстанетъ передъ судомъ присяжныхъ и можетъ быть оправдана, не возбуждая протеста общественного чувства справедливости. Для такого яснаго и единодушнаго отвѣта надобна наличность несомнѣннаго обмана со стороны обольстителя; необходима несомнѣтельная чистота личности, жизни и поведенія обманутой; нужно, наконецъ, оскорбленіе послѣдней минуты. Дѣло Ольги Палемъ было около черты невѣрности, но едва-ли внутри этой черты... Знакомись съ дѣломъ по напечатаннымъ рефератамъ, читатель невольно восклицаетъ: «обое рабое!», но не можетъ не прибавить мысленно: «и наказанъ изъ нихъ одинъ Довнаръ»... Правда, многіе существенные штрихи всегда ускользаютъ отъ реферата и присяжные имѣли болѣе богатый матеріалъ для сужденія. Правда, чухотка, которая можетъ быть послѣдствіемъ самоубійства (прострѣленное легкое), дѣлала всякій обвинительный приговоръ смертнымъ...

II.

Мы сообщили въ прошлой хроникѣ нѣкоторые свѣдѣнія о ходѣ земской сессіи 1894—1895 гг. и не могли отнестись иначе къ глубокому сочувствію въ оживленію и разнообразію инициативъ земскихъ дѣателей, проявленной ими въ настоящую сессію. Цѣлый рядъ первостепенныхъ, давно назрѣвшихъ вопросовъ былъ затронутъ земскими собраніями и нѣкоторые изъ нихъ стали одновременно предметомъ обсужденія многихъ земскихъ собраній, приходившихъ къ болѣе или менѣе однороднымъ

ключеніямъ. Вопросъ о лечебномъ уставѣ обсуждался почти всеми земскими собраніями этой сессіи; вопросъ объ общедоступности образованія составлялъ предметъ сужденія большинства земскихъ собраній; вопросъ объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія былъ возбужденъ въ земствахъ: черниговскомъ, воронежскомъ, тамбовскомъ, казанскомъ, нижегородскомъ... Нельзя, однако, не отиѣтить, что въ разныхъ земскихъ собраніяхъ произошли прискорбные инциденты, которые показали, что на-ряду съ земскими дѣятелями, вполне сознающими свои земскія и общественныя обязанности, въ средѣ нашихъ земствъ существуетъ еще не мало элементовъ, совершенно не культурныхъ, не имѣющихъ даже примитивнаго понятія объ условіяхъ всякой общественной дѣятельности и способныхъ на поведеніе, компрометирующее достоинство учрежденія, призваннаго къ такой обширной и отвѣтственной дѣятельности на пользу общества и государства.

Особенно характеренъ въ этомъ смыслѣ инцидентъ, разыгравшійся въ нижегородскомъ губернскомъ собраніи 2-го февраля сего года. Корреспондентъ «Новаго Времени» передаетъ это удивительное приключеніе въ слѣдующемъ видѣ:

«Все въ вопросы, подлежащія обсужденію губернскаго земскаго собранія, прошли при довольно апатичномъ отношеніи къ нимъ представителей земства. Исключеніемъ были засѣданія 1-го и 2-го февраля, посвященныя обсужденію доклада управы по поводу записки одного изъ губернскихъ гласныхъ, предсѣдателя нижегородской уѣздной управы А. А. Савельева; въ запискѣ своей г. Савельевъ представлялъ на разсмотрѣніе три вопроса: о болѣе широкомъ распространеніи народнаго образованія въ губерніи открытіемъ «земскихъ» школъ грамоты; объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія и о замѣнѣ сословнаго ценза при выборѣ земскихъ гласныхъ—образовательнымъ. Дебаты собранія по этому докладу отличались такою страстностью, что едва не окончились крупнымъ скандаломъ. При обсужденіи выдвинутыхъ запискою вопросовъ, ярко выразились два діаметрально-противоположныхъ отношенія къ нимъ земскихъ дѣятелей. Меньшинство, съ г. Хотяинцевымъ во главѣ, возбужденіе подобныхъ вопросовъ назвало «блажью», а самые вопросы—«ширмою, подъ прикрытіемъ которой какъ авторъ записки, такъ и губернская управа, хотять провести совсѣмъ не то, о чемъ официально заявляютъ», и вслѣдствіе этого высказалось за «неудобство даже разсмотрѣнія (обныхъ вопросовъ)». Тонъ, которымъ высказывались эти замѣчанія, былъ настолько неприлично-оскорбителенъ, что многіе гласные, заявивъ протестъ противъ «инсинуаціи», оставили залъ заанія.

Результатомъ подобнаго инцидента было то, что г. Хотяинцевъ, предсѣдателя получилъ «порицаніе за тонъ своихъ замѣчаній», онъ всетаки достигъ своихъ цѣлей: собраніе рѣшило поду-

мать относительно большинства затронутых запискою вопросов до будущего года; немедленно же возбуждает только ходатайство о дозволении земству права открывать школы грамоты по образцу открываемых духовенством».

Аналогичный случай, тоже по поводу отмены телесных наказаний, произошел и в воронежском губернском собрании, где тоже, под влиянием протестов против якобы незаконности обсуждения этого вопроса, интимизированное собрание сняло его с очереди. Такая же — и притом тоже успешная — попытка интимизации собрания произошла и в Самарѣ. По предложению некоторых гласных возбужден был вопрос о ходатайствѣ перед правительствомъ, чтобы казенныя и удѣльныя оброчныя земли сдавались мѣстнымъ крестьянамъ безъ торговъ по нормальнымъ цѣнамъ и безъ залога, такъ какъ при торгахъ и залогахъ земли попадаютъ въ руки кулаковъ, отъ себя переоброчивающихъ крестьянамъ въ три-дорога. Часть гласныхъ энергически запротестовали противъ предложенія и, не имѣя никакихъ аргументовъ по существу, прибѣгли къ заподозрѣванію заднихъ цѣлей, весьма развязно заявивъ, что за обсуждаемымъ предложеніемъ кроются другія цѣли, которыхъ она допустить не могутъ. Когда же эти господа, отстаивавшіе интересы кулаковъ, увидѣли, что останутся все-таки въ меньшинствѣ, то заявили, что выйдутъ изъ залы засѣданія, если будетъ баллотироваться столь неблагоприятное предложеніе. Предсѣдатель сдѣлалъ имъ внушеніе, но все-таки собраніе должно было уступить меньшинству и вопросъ былъ отложенъ. Сессія была въ концѣ, многіе гласные разѣхались и выходъ протестующаго меньшинства оставилъ бы собраніе безъ законнаго числа гласныхъ. Поучительно, что въ томъ же февралѣ того же 1895 года, когда самарскіе «патріоты» сорвали обсужденіе вопроса и не допустили земство ходатайствовать объ устраненіи кулаческаго посредничества при сдачѣ въ оброчное содержаніе казенныхъ земель, министерство земледѣлія, по собственной инициативѣ, приняло именно упомянутыя выше «неблагонадежныя» мѣропріятія. Циркуляромъ г. министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, о которомъ свѣдѣнія были на дняхъ сообщены въ газетахъ, рекомендовано управляющимъ государственнымъ имуществами сдавать казенныя оброчныя земли непосредственно нуждающимся крестьянамъ, безъ торговъ и безъ залоговъ.

Эти нижегородскіе, воронежскіе, самарскіе инциденты поучительны и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательны. Всюду эти протестующіе дѣльцы составляютъ меньшинство, которое, одна при развязной безцеремонности своихъ пріемовъ и стремительномъ натискѣ на мирное и робкое большинство, достигаетъ успѣха и останавливаетъ ходъ и разработку самыхъ насущныхъ вопросовъ дня. Въ Воронежѣ оробѣвшее большинство само с

маеть съ очереди вопросъ; въ Нижнемъ-Новгородѣ безцеремонная инсинуация заставляетъ покинуть залу засѣданія нѣкоторое число возмущенныхъ гласныхъ и большинство слабѣетъ и отступаетъ; въ Самарѣ, гдѣ большинство не оробѣло и не покинуло засѣданія, само меньшинство срываетъ его, выходя изъ залы... Приемы по существу одни и тѣ же, но тактика мѣняется, приспособляясь къ обстоятельствамъ и всюду достигая цѣли «не мытьемъ, такъ катаньемъ». Меньшинство, часто ничтожное, этимъ способомъ торжествуетъ надъ благомыслящимъ и преданнымъ общественному дѣлу большинствомъ... Благомыслія у этого большинства достаточно, доброй воли служить общественному дѣлу тоже найдется, не мало и разумнаго пониманія, и практическаго знакомства съ дѣломъ. Не хватаетъ одного, мужественной энергіи противустоять г. Хотяинцевымъ и К°...

Почтительно также отмѣтить, что такъ возмущаетъ рыцарей темнаго царства, что заставляетъ ихъ прибѣгать къ приемамъ, не разбирая ни ихъ достоинства, ни даже ихъ долговѣчности. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ самарскій инцидентъ. Мы не знаемъ состава меньшинства, но всякій видитъ, какіе интересы оно защищало, стараясь выставить эти интересы интересами отечества и государства! Въ лицѣ министерства земледѣлія, правительство не признало этой солидарности интересовъ самарскихъ земельныхъ мажлаковъ съ интересами государственными и національными. Самарскіе дѣльцы очень кстати вскрыли карты свои; нижегородскіе и воронежскіе были осторожнѣе, но тоже довольно откровенно и поступали, и говорили. Тѣхъ и другихъ особенно смутилъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Пренія по этому вопросу, происходившія въ чистопольскомъ земскомъ собраніи, довольно ясно обнаруживаютъ, почему уѣзднымъ дѣльцамъ вредна отмѣна тѣлеснаго наказанія. Факты, цитированные въ означенномъ собраніи, показываютъ, какое сильное орудіе въ рукахъ деревенскихъ воротилъ—это право волостнаго суда налагать тѣлесное наказаніе и тѣмъ лишать права участія на равныхъ правахъ въ общественныхъ сельскихъ дѣлахъ. Бому не на руку непосредственная сдача казною земли крестьянамъ, тому очень на руку тѣлесное наказаніе по приговору волостнаго суда, обыкновенно послушнаго деревенскимъ воротиламъ. Естественно также, если нижегородскіе земскіе дѣльцы съ г. Хотяинцевымъ во главѣ возстали и противъ расширенія образовательныхъ редствъ народа, и противъ допущенія къ участию въ земскихъ дѣлахъ лицъ съ цензомъ образовательнымъ. Просвѣщеніе не на уку этимъ господамъ. Но тѣмъ болѣе оно должно быть дорого всякому истинному сыну своей родины и тѣмъ менѣе основанія ступать во всѣхъ этихъ насущныхъ вопросахъ разнымъ развязнымъ аѣздикамъ, по недоразумѣнію вообразившимъ, что праздникъ а ихъ улицѣ. Повторяемъ, что въ значительной степени отъ

самихъ благомыслящихъ земцевъ зависить не допустить этого праздника.

III.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ явленій нашей государственной и общественной жизни въ январѣ и февралѣ настоящаго года надо считать первую сессію сельско-хозяйственнаго совѣта, созваннаго засѣдать при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Отъ этого совѣта, составленнаго изъ представителей правительства и общества, столичнаго и провинціальнаго, очень многого ожидали наши сельскіе хозяева, удручаемые серьезнымъ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ. На него возлагались самыя преувеличенныя надежды и уповали, что онъ сразу найдетъ и укажетъ коренныя и скорыя средства къ уврачованію кризиса, угнетающаго сельское хозяйство. Этого, конечно, не произошло и сельскіе хозяева кажутся весьма разочарованными. Правы-ли они въ своихъ разочарованіяхъ? Они не правы были въ своихъ упованіяхъ, потому что такихъ быстро дѣйствующихъ радикальныхъ средствъ противъ кризиса нѣтъ и не можетъ быть въ силу основныхъ законовъ общественной жизни. Поэтому, если разочарованіе явилось послѣдствіемъ такихъ неумѣренныхъ ожиданій, то сельскіе хозяева, конечно, не правы въ этомъ разочарованіи. Надо предъявлять только возможные ожиданія и нельзя ожидать чудесъ даже въ силу министерскихъ приказовъ. Однако, только-ли такія неумѣренныя упованія всевозможныхъ чудесъ получили разочарованіе послѣ первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта? Были-ли выполнены совѣтомъ тѣ ожиданія, которыя могъ предъявлять ему самый умѣренный хозяинъ, почитающій вопросъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ кардинальнымъ вопросомъ нашего хозяйственнаго дня?

Нѣкоторыя части вступительной рѣчи г. министра позволяли думать, что и министерство столь же близко принимаетъ къ вниманію и разсмотрѣнію вопросъ о кризисѣ, какъ и большинство не только сельскихъ хозяевъ, но и всего русскаго общества, даже всего русскаго народа, почти сплошь земледѣльческаго. Вотъ на-примѣръ несомнѣнно самая важная принципиальная часть упомянутой программной рѣчи г. министра земледѣлія:

«Обращаясь къ тѣмъ мотивамъ, которыми руководствовалось министерство при составленіи настоящей программы, я долженъ сказать, что намъ приходится открывать первую сессію наше Совѣта при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ и крайне неблагоприятныхъ для сельскаго хозяйства. *Переживаемое нами нынѣ тяжелое положеніе сельско-хозяйственнаго дѣла является явнымъ послѣдствіемъ причинъ сложныхъ и всеобъемлющихъ, отчасти даже мировыхъ. Изысканіе мѣръ къ устраненію настоящи*

кризиса составляет въ настоящую минуту первѣйшую заботу всѣхъ органовъ правительства. Но по самому существу этихъ мѣръ, онѣ несомнѣнно могутъ имѣть характеръ только паллиативный, именно въ виду тѣхъ глубокихъ причинъ, которыя обуславливаютъ настоящий кризисъ. Это мѣры—паллиативныя, болѣе или менѣе искусственныя, а слѣдовательно обоюдоострыя. Но настоящая злоба дня не должна отвлекать нашего вниманія отъ мѣръ коренныхъ. Государство, какъ и земледѣліе, живутъ не однимъ днемъ. Неустойчивость положенія нашего земледѣлія есть несомнѣнно одна изъ главныхъ причинъ переживаемыхъ нами кризисовъ, столь часто повторяющихся и столь вмѣстѣ съ тѣмъ другъ отъ друга различныхъ. Если припомнить, что въ 1891—1892 г. мы заботились о вопросахъ діаметрально-противоположныхъ тѣмъ, которые занимаютъ насъ нынѣ; если сопоставить между собою 91-й и 95-й сельско-хозяйственные годы, то можно было бы подумать, что ихъ раздѣляютъ десятки лѣтъ, а не какіе нибудь три-четыре года: до такой степени ихъ условія несходны между собою. Столь же различны и вопросы, которые тогда и теперь выдвигались на первый планъ въ сельскомъ хозяйствѣ. А между тѣмъ,—какъ тѣ явленія, которыя тогда переживались нами, такъ и тѣ, которыя происходятъ теперь,—представляютъ собою результаты однихъ и тѣхъ же причинъ, являются послѣдствіемъ однихъ и тѣхъ же явленій въ области нашего земледѣлія, — *послѣдствіями его низкой техники, его неустойчивой, неправильной экономической организаціи.* Изыскивая мѣры возможнаго выхода изъ настоящаго критическаго положенія, необходимо избѣгать чрезмѣрнаго увлеченія интересами минуты и надо вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться о постановкѣ сельско-хозяйственнаго дѣла на болѣе прочныхъ и правильныхъ основаніяхъ, которыя дѣлали бы въ будущемъ невозможнымъ повтореніе переживаемыхъ нами подобныхъ кризисовъ. Это одна изъ главныхъ заботъ министерства земледѣлія—и сельско-хозяйственный совѣтъ призванъ оказать ему въ этомъ отношеніи серьезную помощь. Заключенія сельско-хозяйственнаго совѣта должны послужить руководящимъ началомъ для будущихъ мѣропріятій министерства, для котораго въ высшей степени важно провѣрить свои предположенія съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной практики. Въ этомъ отношеніи министерство нисколько не опасается критики; оно, напротивъ, идетъ ей навстрѣчу, надѣясь именно въ этой критикѣ получить основу для болѣе твердой и правильной постановки своей дѣятельности въ области восполненія русскому сельскому хозяйству.

И этотъ призывъ къ критикѣ, «на встрѣчу которой» говоритъ министерство; и положительное утвержденіе, что страненіе кризиса составляетъ первѣйшую заботу правительства; и ясное несомнительное признаніе, что причину кризиса слѣдуетъ искать въ условіяхъ экономическихъ, и притомъ очень

сложныхъ и всеобъемлющихъ,—все это мѣсто рѣчи г. министра позволяло многого ожидать отъ программы предстоявшей сессіи впервые созваннаго сельско-хозяйственнаго совѣта, самое учрежденіе котораго обличаетъ широту проблемы, съ которою обыкновеннымъ канцелярскимъ путемъ справиться не представлялось возможнымъ и цѣлесообразнымъ.

Вслѣдъ за этою принципиальною программой, намѣтившею всю проблему министерства земледѣлія и сельско-хозяйственнаго совѣта, г. министръ, указывая на временныя причины, не позволившія изготовить доклады по многимъ важнымъ вопросамъ уже къ первой сессіи совѣта, такъ резюмировала практическую программу, предложенную на обсужденіе, этой первой сессіи:

«Предлагаемые нынѣ на обсужденіе совѣта вопросы распадаются на нѣсколько категорій. Въ первую категорію входятъ вопросы, касающіеся желательнаго развитія самодѣятельности сельскихъ хозяевъ, путемъ облегченія устройства сѣздовъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, товариществъ и т. п., а также путемъ содѣйствія сельско-хозяйственной дѣятельности земскихъ учреждений.

«Во вторую категорію входятъ вопросы, касающіеся распространенія агрономическихъ знаній и болѣе практической организаціи преподаванія сельскаго хозяйства въ общихъ и специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а также мѣры къ распространенію этихъ знаній помимо учебныхъ заведеній.

«Въ третью категорію входятъ вопросы, касающіеся содѣйствія сельскимъ хозяевамъ къ развитію тѣхъ отраслей хозяйства, которыя получаютъ особенно важное значеніе при настоящемъ уменьшеніи выгодности зерновой культуры; это—содѣйствіе со стороны правительства развитію скотоводства, распространенію специальныхъ культуръ, улучшенію сельско-хозяйственнаго инвентаря и т. под.

«Въ четвертую категорію входятъ вопросы объ измѣненіи, по указаніямъ практики, близко затрогивающаго интересы сельскаго лѣсоохранительнаго закона и о мѣрахъ противъ распространенія сыпучихъ песковъ путемъ ихъ облѣсенія. Вопросъ этотъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній Россіи имѣетъ большую важность.

«Въ пятую категорію входитъ вопросъ о борьбѣ съ однимъ изъ самыхъ страшныхъ бичей сельскаго хозяйства—градобитіями, путемъ наилучшей организаціи страхованія отъ этого зла».

Первыя двѣ категоріи вопросовъ—объ организаціи сельскаго хозяйства и о распространеніи сельско-хозяйственнаго образованія—при всей серьезной роли и громадномъ значеніи, суть, одни вопросы о томъ, какъ лучше вооружить сельское хозяйство достижениями намѣченныхъ цѣлей, техническихъ и экономическихъ. Вторыя двѣ категоріи заключаютъ вопросы технические и тогда страхованіе отъ градобитій можно зачислить какъ задачу, отъ

экономическую (вѣрнѣе, лишь рѣшаемую экономическимъ методомъ). Эта бѣдность экономическихъ пунктовъ практической программы совѣта, рядомъ съ признаніемъ въ принципѣ первенствующаго значенія экономическихъ вопросовъ, — не можетъ не удивить безпристрастнаго наблюдателя и покуда можетъ быть объяснена неподготовленностью министерства, о которой раньше говорилъ самъ г. министр. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что именно это отсутствіе экономическихъ вопросовъ въ программѣ первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта и могло быть одною изъ главныхъ причинъ того разочарованія, о которомъ говорилось послѣ его закрытія въ газетахъ и которое могло быть удѣломъ не однихъ лишь уповавшихъ на чудеса и немедленное уврачеваніе кризиса. И болѣе серьезные люди могли увидѣть, что вопросы, отъ которыхъ зависитъ удрученное состояніе сельско-хозяйственной промышленности, даже были не затронуты въ заведеніяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта. Слѣдуетъ однако оговориться, что судить о всей будущности новаго учрежденія по первой сессіи, недостаточно подготовленной по сознанію самого г. министра, было бы преждевременно. Въ ожиданіи другихъ сессій, болѣе разностороннихъ, остановимся на нѣкоторыхъ вопросахъ, имѣющихъ несомнѣнный интересъ и обсужденныхъ сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ.

Въ первую очередь были поставлены вопросы второй группы, съ которыхъ началась сессія сельско-хозяйственнаго совѣта и которымъ было посвящено наиболѣе вниманія и времени. Если мы вспомнимъ выше цитированное мѣсто изъ вступительной рѣчи г. министра, гдѣ основною причиною, рядомъ съ экономическимъ разстройствомъ, указанъ и низкій уровень сельско-хозяйственной техники, то понятно будетъ это предпочтительное вниманіе министерской программы къ вопросамъ сельско-хозяйственнаго образованія. Въ виду же того, что въ Россіи господствуетъ форма мелкаго крестьянскаго хозяйства, особенно если включить и площадь арендуемыхъ крестьянами частновладѣльческихъ земель, нельзя было съ точки зрѣнія, усвоенной министерствомъ, не обратить самаго серьезнаго вниманія на организацію низшаго сельско-хозяйственнаго образованія и на распространеніе въ народной массѣ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній. Представитель министерства народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій высказалъ по этому поводу мнѣніе, которое нельзя не признать настолько существеннымъ, что, принявъ его самымъ серьезнымъ образомъ во вниманіе и къ исполненію, нельзя не считать всѣ остальные заботы о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи не имѣющими почвы. Вотъ это заявленіе г. Ковалевскаго, какъ оно имъ самимъ сформулировано въ поданномъ имъ «Соображеніи»:

«Распространеніе въ народѣ сельско-хозяйственныхъ и иныхъ профессиональныхъ знаній можетъ быть успешнымъ только среди

грамотнаго населенія. Для того, чтобы профессиональныя знанія были сознательно усвоены, прочно привились и могли затѣмъ пополняться и расширяться, необходимо, чтобы лица, среди которыхъ желательно распространить такія знанія, получили хотя бы начальное образованіе. Отсюда, имѣя въ виду, что распространеніе специальныхъ знаній можетъ дѣлаться съ успѣхомъ лишь на основѣ общаго образованія, естественно вытекаетъ насущная необходимость *всеобщаго начального образованія*.

«Начальное образованіе отнесено въ Россіи почти исключительно на мѣстныя средства. Въ настоящее время изъ 15 милліоновъ, затрачиваемыхъ на начальное народное образованіе, изъ государственнаго казначейства отпускается лишь около 2-хъ милліоновъ, расходуемыхъ преимущественно на нужды администраціи и на устройство школъ среди инородцевъ. Поэтому желательно, чтобы сельско-хозяйственный совѣтъ, какъ учрежденіе, въ составъ коего входятъ мѣстные представители, высказался какъ въ пользу всеобщаго образованія, такъ и за необходимость болѣе полного участія правительства въ дѣлѣ начального образованія ассигнованіемъ изъ государственнаго казначейства хотя бы нѣкоторой части недостающихъ на него средствъ».

Конечно, это сама логика и думать о распространеніи технического образованія въ массѣ, не получившей никакого образованія, почти сплошь безграмотной, значило бы совершенно не считаться съ условіями дѣйствительности.

Совершенно на ту же точку зрѣнія стало и новгородское земство, о послѣдней сессіи котораго сообщается, между прочимъ, въ «*Недѣль*», что на запросъ министерства земледѣлія о причинахъ сельско-хозяйственнаго кризиса и о способахъ его устраненія, собраніе не признало возможнымъ дать отвѣтъ въ текущую сессію въ виду чрезвычайной сложности и обширности вопроса и поручило губернской управѣ составить къ будущему собранію подробный докладъ по этому предмету, который долженъ быть разосланъ на предварительное обсужденіе уѣздныхъ собраній. вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе нашло нужнымъ намѣтить, въ общихъ чертахъ, то направленіе, котораго управа должна держаться въ докладѣ по этому вопросу. Собраніе признало, что широкое развитіе народнаго образованія составляетъ такое существенное условіе прогресса экономической жизни вообще и сельско-хозяйственной промышленности въ частности, что безъ радикальныхъ мѣръ въ этомъ направленіи всѣ частныя попытки воздѣйствія на сельское хозяйство впередъ обречены на неудачу. Затѣмъ въ ряду мѣръ, могущихъ обезпечить успѣхъ земледѣльческой культуры, собраніе постановило расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія и организацію мелкаго кредита. Эта широкая, истинно государственная точка зрѣнія на условія сельско-хозяйственнаго прогресса становится, повидимому, общимъ достояніемъ земскаго со-

знанія; мы уже упоминали въ прошлой хроникѣ и во второй главѣ настоящей хроники, что вопросъ объ общемъ начальномъ образованіи былъ предметомъ особаго вниманія всей благомыслящей части земства и, хотя и получилъ лукавый отпоръ со стороны дѣльцовъ, которымъ не на руку просвѣщеніе, но, надо полагать, это противодѣйствіе не остановитъ движенія насущнаго дѣла. Эта насущность получила недавно Высочайшую санкцію и, надо надѣяться, что санкція эта устранитъ многія недоразумѣнія. Въ *«Правительственномъ Вѣстникѣ»* напечатано:

«Во внесенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ за 1893 г. послѣдовали, между прочимъ, Высочайшія Его Императорскаго Величества отмѣтки по объясненіямъ: 1) въ отчетѣ астраханскаго губернатора о томъ, что въ сельскомъ населеніи вѣренной ему губерніи, какъ осѣдломъ, такъ и въ кочевомъ и инородческомъ, замѣчается усиливющееся стремленіе къ обученію дѣтей: *«Слѣдуетъ придти на помощь населенію въ этомъ насущномъ вопросѣ»*; 2) въ отчетѣ херсонскаго губернатора о томъ, что потребность въ начальномъ образованіи такъ велика въ губерніи, что всѣ наличныя школы переполнены дѣтьми, но школъ этихъ еще очень недостаточно: *«Обращаю самое серьезное вниманіе министерства народнаго просвѣщенія»*. Увѣдомляя объ этомъ, управляющій дѣлами комитета министровъ присовокупилъ, что Высочайше утвержденнымъ 10-го февраля текущаго года положеніемъ комитета министровъ предоставлено министерству народнаго просвѣщенія опубликовать приведенныя Высочайшія отмѣтки во всеобщее свѣдѣніе».

Вѣдомство народнаго просвѣщенія, въ послѣднее время нѣсколько стѣсненное въ своей дѣятельности по начальному образованію, возвращается этою Высочайшею отмѣткою къ своимъ обязанностямъ въ этой области, а земства получаютъ поощреніе въ своихъ начинаніяхъ. Въ виду этого, мнѣніе, поданное отъ имени министерства народнаго просвѣщенія г. Ковалевскимъ, пріобрѣтаетъ особый интересъ. Оно совпадаетъ съ не разъ проникавшими въ печать слухами о разработкѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія проекта общаго обязательнаго образованія. Эти слухи затѣмъ не однажды опровергались и снова появлялись. Дѣло, однако, въ томъ, что проектъ этотъ несовмѣстимъ съ профессиональнымъ характеромъ начального образованія, на который въ послѣднее время возлагались большія надежды. Дѣло должно быть сосредоточено въ одномъ специально для того подготовленномъ и организованномъ вѣдомствѣ, что не исключаетъ самаго вѣдательнаго участія въ дѣлѣ на самыхъ широкихъ правахъ и ховнаго вѣдомства, и земства, и частной инициативы. Вопросъ настолько назрѣлъ, что для лицъ, знакомыхъ съ его положеніемъ, можетъ быть сомнѣній. Въ этомъ солидарномъ направленіи и лось обсужденіе заявленія г. Ковалевскаго въ сельско-хозяй-

ственнымъ совѣтъ. Г. Шатиловъ предложилъ, чтобы образованіе было не только общее, но и обязательное. Г. Хомяковъ возражалъ противъ земскихъ затратъ на низшее сельско-хозяйственное образованіе до тѣхъ поръ, пока не обеспечено вполнѣ общее начальное образованіе. Даже по вопросу объ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ чтеній и временныхъ курсовъ, который разсматривался въ другомъ засѣданіи, значительно позже, было высказано мнѣніе, что не слѣдуетъ рекомендовать эту мѣру земству, чтобы не отвлекать средствъ отъ народнаго образованія.

Мы остановились подробнѣе на этомъ эпизодѣ въ засѣданіяхъ совѣта, чтобы показать, какъ все связано въ общественной и государственной жизни и нельзя дѣлать второго шага, не сдѣлавъ перваго. Многія насущныя экономическія задачи ждутъ своей очереди и будутъ ждать, пока народная масса не получитъ хотя бы первоначальнаго образованія, открывающаго ей доступъ къ усвоенію новыхъ методовъ, основанныхъ на знаніи. Представитель вѣдомства народнаго просвѣщенія и сельскіе хозяева говорили еще о расширеніи программы начальной школы и введеніи въ нее элементарнаго природовѣдѣнія, безъ котораго немалымъ усвоеніе самыхъ элементарныхъ агрономическихъ свѣдѣній. Все это логично и натурально и быть иначе не можетъ. Естественно и то, что, не имѣя прочнаго фундамента въ видѣ организаціи общаго начальнаго образованія, всякое сужденіе о сельско-хозяйственномъ образованіи свелось въ совѣтъ на рядъ болѣе или менѣе отвлеченныхъ благопожеланій и большинство вопросовъ оставлены въ сущности открытыми, несмотря на большое вниманіе, имъ оказанное совѣтомъ. Изъ ничего, однако, ничего и создать невозможно. Общее невѣжество и является этимъ «ничего», изъ котораго задаются сдѣлать «нѣчто» специально-образовательно.

Изъ другихъ категорій вопросовъ, сгруппированныхъ въ программной рѣчи г. министра, конечно, самое серьезное значеніе могла бы приобрести первая категорія, касающаяся вопроса объ организаціи самодѣятельности хозяевъ, о роли земства въ этомъ отношеніи и о содѣйствіи правительства и самодѣятельности хозяевъ и земской инициативѣ. Вопросу о сельско-хозяйственныхъ союзахъ, какъ новѣйшей формѣ самодѣятельности хозяевъ, посвящены были засѣданія 13 и 15 февраля и рассмотрѣны нѣсколько докладовъ. Вопросу о сельско-хозяйственныхъ сѣздахъ и обществахъ посвящено было тоже два засѣданія и земству одно, всего пять засѣданій изъ восемнадцати, или почти тре всего времени и вниманія было отдано вопросамъ первой категоріи, которые всѣ къ тому же прошли черезъ предварительную разработку подготовительныхъ комиссій, избранныхъ совѣтомъ.

Сельско-хозяйственные союзы—дѣло, совершенно новое въ Россіи. Такіе союзы возникали до сихъ поръ въ Ригѣ, Либавѣ и Бовъ

т. е. среди сельскихъ хозяевъ нѣмецкой и польской національности. Возникаетъ подобный же союзъ и въ юго-западномъ краѣ. Возникшее въ Смоленской губерніи юхновское товарищество носить другой характеръ, именно чисто потребительнаго общества, а вишиневское общество винодѣловъ имѣетъ специальное назначеніе. Этими и исчерпывается развитіе сельско-хозяйственныхъ союзовъ въ Россіи. Родиной этихъ землевладѣльческихъ синдикатовъ надо считать Германію, гдѣ ихъ, по не совсемъ полнымъ свѣдѣніямъ, насчитывается въ настоящее время 2343. Многія изъ этихъ синдикатовъ, въ свою очередь, группируются и организуются въ синдикальные союзы, охватывающіе громадное число обществъ. Одинъ лишь «Общій союзъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ Германской имперіи» объединяетъ 1237 мѣстныхъ синдикатовъ. Оборота этихъ синдикальныхъ союзовъ, лишь по снабженію своихъ членовъ туками, кормами, сѣменами и углемъ, и не включая оборота синдикатовъ, не вошедшихъ въ синдикальные союзы, достигъ въ 1892 году громадной цифры шестнадцати милліоновъ пудовъ. Это показываетъ и значеніе для вошедшихъ въ синдикаты хозяевъ этой новой организациі и ея громадную общественную силу. Эти-то синдикаты и синдикальные союзы, какъ организациі исключительно землевладѣльческія, и создали и силу, порою парализующую блага намѣренія правительства, и исключительность, доходящую до нетерпимости, того положенія, которое заняли аграріи въ общественной и экономической жизни Германіи, особенно Пруссіи. «Аграринъ»—это и есть синдикальная организациа.

Мы не хотимъ сказать, что форма самостоятельности, выражающаяся въ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ союзовъ, сама по себѣ и при всякихъ условіяхъ была бы опасна и не желательна. Мы думаемъ, что именно опытъ Германіи долженъ и указать намъ желательныя стороны синдикальной организациі сельскаго хозяйства, и предостеречь отъ опасныхъ. Надо помнить, что интересы землевладѣльческіе и сельско-хозяйственные не всегда покрываютъ другъ друга. Для землевладѣльца-хозяина одинаково важны и существенны его интересы, какъ владѣльца, и его интересы, какъ хозяина. Съ точки зрѣнія государства и общества это далеко не одно и то же. Его интересы, какъ хозяина, до нѣкоторой степени являются и интересами общественными. Интересы, какъ владѣльца (арендная плата, обложеніе населенія за пользованіе специальными угодьями, всякая выручка отъ монополіи владѣнія), большею частью для государства безразличны, порою же даже вызываютъ ограничительное вмѣшательство. Эту двойственность интересовъ землевладѣльцевъ надо имѣть въ виду при организациі союзовъ и надо помнить, что войственность эта ярко сказывается лишь въ крупномъ земледѣніи, слабѣе въ среднемъ и ступевывается въ мелкомъ,

гдѣ не откуда проявится монопольности. Поэтому, если организуется въ синдикаты одно крупное землевладѣніе, то эти союзы, преслѣдующіе, естественно, всю совокупность членскихъ интересовъ, будутъ обращать вниманіе и на хозяйственные, и на специально владѣльческіе, и даже на монопольные интересы землевладѣнія. На этой-то почвѣ и можетъ возникнуть та нежелательная исключительность и нетерпимость въ стремленіяхъ, домогательствахъ и организованной дѣятельности, которую съ такою недоброю силою проявляютъ прусскіе аграріи. Мы полагаемъ, что намъ нѣтъ надобности готовить почву для созданія и своихъ аграріевъ. Между тѣмъ, несомнѣнна и польза сельско-хозяйственныхъ союзовъ въ чисто хозяйственномъ отношеніи, для совмѣстной закупки необходимыхъ хозяйственныхъ матерьяловъ (орудій, скота, сѣмянъ, удобрительныхъ туковъ, саженцевъ), для соединеннаго сбыта продуктовъ (помимо посредничества мѣстныхъ скупщиковъ), для взаимнаго кредита подъ отправляемый продуктъ, для организаціи переработки сырого продукта прежде поступленія его на рынокъ (обращеніе зерна въ муку, крупу, крахмалъ, солодъ, спиртъ; обращеніе конопляныхъ, подсолнечныхъ, льняныхъ сѣмянъ—въ масло; приготовленіе консервовъ изъ овощей и фруктовъ; выдержка винъ, шелкомотальни, сыроварни и пр.). Надо, однако, найти способъ, чтобы, организова и соединяя эти *хозяйственные* интересы землевладѣльцевъ, не организовать вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ *монопольные* интересы. Синдикаты могутъ служить и для соглашенія ихъ членовъ о повышеніи арендной платы, о пониженіи заработной, объ установленіи низкихъ цѣнъ на продукты мелкихъ производителей не членовъ (конкуренція синдиката можетъ убить скупщиковъ), для спекуляціи вообще.. И всѣ торговля, промышленныя и кредитныя операціи такого союза могутъ быть направлены и для взаимнаго развитія хозяйственной дѣятельности, и для совмѣстной соединенной эксплуатаціи населенія, оставшагося внѣ синдиката. При современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ нашей деревни, послѣднее даже легче, а при абсентеизмѣ однихъ землевладѣльцевъ и наличности очень крупнаго контингента другихъ новыхъ «чумазыхъ» землевладѣльцевъ, основывающихъ и свое частное хозяйство на подобномъ основаніи, такое направленіе синдикальной дѣятельности даже вѣроятно. Его должно предвидѣть и устранить. Если воспретить союзамъ всякія операціи съ продуктами не членовъ (ихъ продажу, ихъ обработку въ своихъ заведеніяхъ и пр.), то это только передастъ ту же операцію изъ рукъ самого союза въ руки его отдѣльныхъ членовъ, что, конечно, еще хуже. Предупредить и устранить возможность обращенія союза изъ хозяйственнаго въ спекулятивный и монопольный возможно, лишь давъ ему личный составъ, не имѣющій ни специально владѣльческихъ (не хозяйственныхъ), ни коммерческихъ интересовъ. Только участіе въ

союзъ мелкихъ хозяевъ въ такомъ числѣ, чтобы интересы крупнаго землевладѣнія не господствовали надъ интересами мелкаго, могло бы дать требуемую гарантію. Хозяйственные интересы и тѣхъ, и другихъ солидарны. Между тѣмъ, заимствованная у нѣмцевъ организація, при нашихъ деревенскихъ условіяхъ, дѣлаетъ проектируемые союзы доступными исключительно крупному землевладѣнію. Такъ, г. Шараповъ, представивъ въ совѣтъ записку о необходимости организаціи сельско-хозяйственныхъ союзовъ и среди крестьянъ, между прочимъ, замѣчаетъ:

«Докладъ отдѣла сельской экономіи и статистики касается сельско-хозяйственныхъ товариществъ взаимной помощи для сельскихъ жителей преимущественно не-крестьянскаго сословія, т. е. болѣе или менѣе крупныхъ личныхъ землевладѣльцевъ, экономически самостоятельныхъ, которые, образуя на основаніи предлагаемаго въ докладѣ нормальнаго устава «общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности», и входя въ общее дѣло своими капиталами, могутъ достигать опредѣленныхъ культурныхъ и коммерческихъ цѣлей.

«Совершенно иначе ставится вопросъ объ обществахъ взаимной помощи въ средѣ крестьянскаго сословія, экономически и граждански поставленнаго въ совершенно особыя условія дѣятельности. Въ то время, какъ члены перваго рода союзовъ могутъ вносить на общее дѣло свои собственные средства и преслѣдовать задачи только коммерческія и культурныя, отодвигая вопросы о кредитѣ на задній планъ, союзы крестьянскіе, чтобы достигнуть малѣйшаго успѣха въ области хозяйства или промышленности, должны поставить на первый планъ—снабженіе своихъ членовъ необходимыми средствами, т. е. организовать для нихъ дешевый и доступный кредитъ.

«Задача министерства земледѣлія въ этой области весьма ясно выдѣляется отъ таковыхъ же задачъ министерства финансовъ. Въ то время, какъ послѣднее почти не располагаетъ возможностью устроить для сельскаго населенія необходимый ему культурный кредитъ и можетъ создавать лишь мелкія сельскія кредитныя учрежденія коммерческаго характера, министерству земледѣлія предстоитъ забота—содѣйствовать путемъ кредита и самодѣятельности населенія, направляемаго разумной инициативой мѣстнаго агрономическаго персонала, прямому улучшенію сельскаго хозяйства и развитію промысловъ населенія.

«За недостаткомъ средствъ у большинства крестьянъ никакія зарищества взаимной помощи не могутъ въ ихъ средѣ имѣть значенія, если эти товарищества и союзы отступаютъ отъ высказанной главной своей цѣли—содѣйствовать путемъ доступнаго дешеваго культурнаго кредита улучшенію мѣстнаго сельскаго хозяйства. Эта цѣль можетъ быть достигнута *единственно* посредствомъ добровольнаго соединенія крестьянъ въ союзы со

строго определенными задачами, при направлении их дѣятельности и надзоръ за ея результатами со стороны агентовъ министерства земледѣлія и при снабженіи союзовъ необходимыми оборотными средствами отъ государства».

Далѣе г. Шарановъ представляетъ цѣлый проектъ организаціи крестьянскихъ союзовъ, но проектъ этотъ былъ отклоненъ совѣтомъ и потому представляетъ лишь интересъ принципа. А съ этой стороны, отдавая ему всяческое преимущество сравнительно съ проектомъ департамента экономіи, который прямо опасенъ, являясь возможною организаціей сельскаго кулачества, мы находимъ въ немъ два существенныхъ недостатка: 1) онъ предлагаетъ организовать крестьянскіе союзы рядомъ съ владѣльческими, чѣмъ не устраняетъ опасности кулаческой организаціи, передъ которою будетъ слаба крестьянская, между тѣмъ какъ соединеніе ихъ въ одинъ союзъ оставляло бы внѣ организаціи монопольные и исключительные интересы и могло бы устранить этотъ антагонизмъ, если не интересовъ, то синдикальной дѣятельности, и 2) проектъ слишкомъ мало отводитъ мѣста общинѣ, которая, однако, является естественною первою ячейкою крестьянской хозяйственной организаціи, тогда какъ въ союзы должны вступать не отдѣльные домохозяева, а хозяйственно организованныя сельскія общества. Проектъ такой нормальной хозяйственной организаціи сельскихъ обществъ и является въ настоящее время однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ русской деревни. У меня не остается сегодня мѣста и времени, чтобы остановиться на этой задачѣ съ подобающими ей вниманіемъ и подробностью. Конечно, представится случай къ ней возвратиться въ другой разъ, а сегодня въ заключеніе сдѣлаю маленькую оговорку по поводу печатаемой въ настоящемъ номерѣ нашего журнала статьи г. Соколовскаго «Въ захолустьѣ». Читатели, вѣроятно, уже обратили вниманіе на эту любопытную статью, полную живыхъ наблюденій и рисующую послѣднія движенія деревенской жизни. Мѣстность, правда, подстоличная, но это не ослабляетъ интереса къ новымъ явленіямъ, указываемымъ авторомъ, хотя бы эти явленія и нельзя было обобщать для значительныхъ районовъ. Въ этомъ именно оптимистическомъ обобщеніи нѣсколько грѣшитъ почтенный авторъ, когда въ заключеніе своихъ наблюденій и очерковъ высказывается за учрежденіе сельско-хозяйственныхъ союзовъ... Мы бы рекомендовали только вспомнить имъ самимъ набросанную картину деревенскихъ отношеній для нѣкоторыхъ мѣстностей Орловской губерніи. Не ясно-ли, что въ этихъ мѣстностяхъ союзъ въ родѣ рекомендуемыхъ г. Соколовскимъ, легко превратится организованное кулачество? Г. Соколовскій, конечно, не этого ; даетъ. Вся статья его провизнута другимъ духомъ. Тѣмъ не мѣе мы сочли не бесполезнымъ сдѣлать это замѣчаніе, чтъ опредѣлительнѣе выдѣлать ту точку зрѣнія, съ которой «Рус-

Богатство» считаетъ возможнымъ разсматривать вопросъ о сельскохозяйственныхъ союзахъ, поставленный на очередь жизнью и энергически выдвинутый министерствомъ земледѣлія. Вѣроятно, земствамъ придется высказаться по вопросу объ этихъ сельскохозяйственныхъ синдикатахъ и желательно самое тщательное, внимательное изученіе вопроса, чреватаго и крупною пользою, и крупными опасностями. Примѣръ Германіи поучителенъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Условія же нашей сельской жизни еще менѣе благоприятны для синдикатовъ германскаго типа. Хозяйственныхъ интересовъ у нашихъ землевладѣльцевъ меньше (значительное число вовсе не ведетъ хозяйства), а въ составѣ землевладѣльцевъ новый чуждый элементъ составляетъ особенность, мало извѣстную Германіи.

С. Южановъ.

Литература и жизнь.

«Хозяинъ и работникъ»,—такъ называется новый рассказъ гр. Л. Н. Толстого. «Хозяинъ», Василий Андреевъ Брехуновъ, купецъ-кулакъ, ѣдетъ покупать за безцѣнокъ рощу у сосѣдняго помѣщика и, по настоянію жены, беретъ съ собой въ проводники «работника» Никиту. Дѣло происходитъ зимой, путники сбиваются съ дороги, ихъ заноситъ снѣгомъ, и въ концѣ-концовъ хозяинъ и лошади замерзаютъ, а работникъ выживаетъ. Онъ умираетъ двадцать лѣтъ спустя, спокойною, тихою смертію у себя дома. Вотъ и вся фабула рассказа. Но этотъ голый фактическій остовъ обряженъ чрезвычайно тонкими подробностями своего рода филигранной работы, даже слишкомъ изобильными, но напоминающими лучшую пору литературной дѣятельности гр. Толстого, когда онъ еще не становился на стезю пророка.

Въ одномъ изъ своихъ севастопольскихъ рассказовъ, гр. Толстой, нарисовавъ нѣсколько сценъ въ моментъ перемирія, задается вопросомъ: «И эти люди—христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, *вложилъ въ душу каждою, вмѣстѣ со страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?»* Нѣтъ, отвѣчаетъ самъ себѣ гр. Толстой: «бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятія». Отвѣтъ этотъ пугаетъ автора, какъ «злая истина», какъ «осадокъ вина, которое не надо взбалтывать, чтобы не испортить его». Непосредственно за этимъ раздумьемъ не совсѣмъ ясный оборотъ мы приводитъ автора къ другому раздумью: «Гдѣ выраженіе зла, и котораго должно избѣгать? Гдѣ выраженіе добра, которому должъ подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хоро и всѣ дурны». «Герой же моей повѣсти,—пишетъ гр. Толстой заключеніе,—котораго я люблю всѣми силами души, котораго с

рался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ есть и будетъ прекрасенъ,—правда».

Это тоже не совсѣмъ ясно или же не совсѣмъ точно. «Правда», какъ герой повѣсти и притомъ «герой» въ противоположность «злѣдѣю», требуетъ еще какихъ-то опредѣленій, которыхъ авторъ не далъ. Можно, повидимому, истолковать дѣло такъ, что гр. Толстой выше всего цѣнитъ правдивость, искренность мысли и чувства, что именно поэтому «правда» есть «герой» его произведений, то «выраженіе добра, которому слѣдуетъ подражать», и тогда «злѣдѣемъ», «выраженіемъ зла, котораго должно избѣгать», будетъ ложь въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. И дѣйствительно, произведения лучшей поры гр. Толстого, тѣ, отъ которыхъ онъ нынѣ отрещивается, блещутъ правдой и любовью къ правдѣ. Безстрашная и неподкупная искренность самого автора такъ плотно, такъ органически связывается въ нихъ съ явною любовью къ искреннимъ, правдивымъ дѣйствующимъ лицамъ и съ столь же явною нелюбовью или презрѣніемъ ко всякой лжи, театальной приподнятости, лицемерію. Все это такъ. Но слишкомъ тонко художественное чутье гр. Толстого, чтобы такъ-таки и раздѣлить человѣчество на правдивыхъ и лживыхъ. Онъ охотно подмѣчаетъ черты фальши у своихъ любимцевъ и минуты искренности у не-любимыхъ дѣйствующихъ лицъ. Перечитывая нашу цитату изъ «Севастопольскихъ разсказовъ», мы видимъ, что съ какой-то высшей точки зрѣнія герои ихъ «всѣ хороши и всѣ дурны». Въ той же цитатѣ находимъ чрезвычайно характерное для гр. Толстого указаніе на «страхъ смерти», вложенный въ каждаго человѣка вмѣстѣ съ жизнью. И, не отвергая собственнаго показанія гр. Толстого, что «герой» его произведений есть правда (а слѣдовательно, «злѣдѣй»—ложь), я думаю, что большій кругъ интересующихъ его и художественно воспроизведенныхъ имъ явленій получить объясненіе, если мы признаемъ «героемъ» ихъ жизнь и слѣдовательно «злѣдѣемъ» смерть. Это можетъ быть весьма недалеко отъ его собственнаго показанія. Въ «Войнѣ и мирѣ» Пьеръ Безуховъ, ранивъ Долохова и полагая, что убилъ его, «вслухъ приговариваетъ непонятныя слова: Глупо... глупо! Смерть... ложь»...

Въ качествѣ художника, гр. Толстой любитъ (или любилъ) жизнь уже просто какъ совокупность и игру красокъ, звуковъ, формъ. Вся эта многошумная, разноголосая и всѣми цвѣтами сверкающая «естрота» привлекаетъ его къ себѣ, какъ матеріалъ для удовлетворенія прирожденной потребности творчества. Но, насколько извѣстна «географія» гр. Толстого,—а она, благодаря его склонности къ публичной исповѣди, довольно хорошо извѣстна,—онъ, и какъ человѣкъ, до кризиса, объ которомъ онъ самъ разсказалъ, страстно любилъ жизнь и жилъ, такъ сказать, во вся, какъ въ большіе, особенно радостные праздники, звонять «во вся». Можно даже думать, о самый кризисъ, какъ это вообще часто бываетъ, былъ у гр.

Толстого результатомъ пресыщенія жадно и страстно глотавшейся жизнью. Въ литературной его дѣятельности эта любовь къ жизни выразилась многими и различными чертами. Она именно составляетъ источникъ того уваженія и довѣрія къ «естественности», къ «природѣ», которыя такъ сближаютъ гр. Толстого съ Руссо и его знаменитымъ изреченіемъ: «все прекрасно, выходя изъ рукъ природы, и все портится въ рукахъ человѣка». Отсюда же то враждебное чувство, которое гр. Толстой питаетъ къ людямъ, думающимъ управлять «естественнымъ ходомъ вещей»,—ихъ вмѣшательство въ ходъ вещей представляется ему частью комическаго безмысленнымъ, частью вреднымъ насиліемъ надъ жизнью. Съ особенною охотою подчеркиваетъ (или подчеркивалъ) онъ при всякомъ удобномъ случаѣ безсиліе разума передъ жизнью, — безсиліе не только измѣнить, направить ее, но даже и понять. Правда, другими сторонами своего существа гр. Толстой былъ самъ влекомъ къ воздѣйствію на жизнь, и отсюда берутъ начало многія его любопытныя самопротиворѣчія, но мы ихъ здѣсь касаться не будемъ. Намъ нужно отмѣтить еще одно проявленіе его любви къ жизни, а именно—его отношеніе къ смерти.

Едва-ли найдется не только въ одной нашей, а и во всемирной литературѣ писатель, который удѣлялъ бы столько вниманія смерти, какъ гр. Толстой. Припомните смерть барыни, мужика и дерева въ разсказѣ «Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», рядъ смертей въ военныхъ разсказахъ, смерть старика Болконскаго, Андрея, его жены, Пети Ростова и проч. въ «Войнѣ и мирѣ», смерть лошади въ «Холстомерѣ», смерть Анны, Николая Левина въ «Аннѣ Карениной». И дѣло здѣсь не въ количествѣ только. «Гамлетъ» оканчивается смертью короля, королевы, Лаэрта и самого Гамлета, но это только финалъ трагедіи, и мы ничего не узнаемъ объ ихъ предсмертныхъ физическихъ мукахъ и мысляхъ, о смерти, какъ процессѣ. Это просто точка; «они умерли», и трупы ихъ уносятся со сцены подъ звуки похороннаго марша. Не такъ легко и просто разстается со своими умирающими гр. Толстой. Съ необыкновенною тщательностью записываетъ онъ и ходъ ихъ мыслей, постепенно переходящій въ бредъ, и ощущенія физической боли, и мысли, чувства, слова, поступки окружающихъ. Но не съ холодною точностью протоколиста вырисовываетъ онъ всѣ эти подробности: онѣ точно сами собою складываются въ атмосферѣ грусти и страха, обдающей самого автора. Смерть, какъ жестокой, неумолимый, страшный врагъ жизни, столько же занимаетъ гр. Толстого, какъ и саа жизнь, и именно въ качествѣ врага послѣдней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого гр. Толстого.

Жизнь есть «герой» произведеній Льва Николаевича, и какъ же не «злодѣй» эта смерть, когда она подкашиваетъ такіе еді распутившіеся цвѣтки, какъ жизнерадостный прапорщикъ Ал нинъ въ «Набѣгѣ» или Петя Ростовъ, который еще наканунѣ п

дѣтски лакомился изюмомъ и передъ которымъ лежала такая длинная дорога всяческаго счастья? Какъ же она не злодѣй, когда— «я васъ всѣхъ люблю и никому худого не дѣлала и что вы со мной сдѣлали?» говорило прелестное, жалкое, мертвое лицо глупенькой и добренькой жены князя Андрея Болконскаго? Правда, есть у гр. Толстого изображенія и другого рода смертей, такъ сказать, болѣе законныхъ съ точки зрѣнія автора или, по крайней мѣрѣ, менѣе незаконныхъ. Но, какъ мы уже видѣли въ цитатѣ изъ севастопольскихъ разсказовъ, «въ душу каждаго вложенъ страхъ смерти». И даже когда рѣчь идетъ о другихъ сторонахъ дѣла, этотъ страхъ всетаки остается на первомъ мѣстѣ. По поводу смерти князя Андрея Болконскаго гр. Толстой говоритъ: «Когда человѣкъ видитъ умирающее животное, *ужасъ* охватываетъ его: то, что есть онъ самъ, сущность его, въ его глазахъ очевидно уничтожается—перестаетъ быть. Но когда умирающее есть человѣкъ, и человѣкъ любимый, *кромя ужаса передъ уничтоженіемъ жизни*, чувствуется разрывъ и духовная рана». Конечно, каждому изъ читателей приходилось на своемъ вѣку видѣть смерть, если не человѣка, тѣмъ паче любимаго человѣка, то по крайней мѣрѣ животнаго, но едва ли многіе согласятся съ гр. Толстымъ относительно порядка своихъ чувствъ по этому поводу: прежде всего ужасъ и иногда только ужасъ, и уже «кромя того» разрывъ и душевная рана. Я увѣренъ, что для огромнаго большинства чувства располагаются при видѣ смерти въ обратномъ порядкѣ: душевная рана и уже «кромя того», и то далеко не всегда, и ужасъ передъ уничтоженіемъ жизни; сначала скорбь, болѣе или менѣе глубокая, о любимомъ человѣкѣ или простая жалость при видѣ смертельныхъ страданій животнаго, и уже потомъ можетъ быть ужасъ мысли о смерти вообще, о неминуемости собственной смерти въ частности. Среди многочисленныхъ картинъ смерти, написанныхъ гр. Толстымъ, найдется не мало подтверждающихъ нашъ взглядъ, но относительно самого творца всѣхъ этихъ мастерскихъ картинъ совершенно правъ авторъ только что вышедшей его біографіи (въ «Біографической бібліотекѣ» Павленкова), г. Е. Соловьевъ, говоря: «Всю долгую жизнь смотрѣла на Толстого смерть своими страшными глазами... Страхъ смерти, страхъ передъ той страной, откуда никто не возвращался—такова красная нить жизни гр. Толстого». Г. Соловьевъ очень кстати приводитъ пріятномъ слова гр. Толстого объ Амьелѣ: «Впродолженіи всѣхъ 30 лѣтъ своего дневника онъ чувствуетъ то, что мы всѣмъ старательно забываемъ,—то, что мы всѣмъ приговорены къ смерти и *казнь* наша только отсрочена. И отъ этого то такъ искренна, серьезна и полезна эта книга». Я не знаю книги Амьеля, можетъ быть она и есть сплошное *memento mori*, но сочиненія много гр. Толстого отнюдь не исключительно посвящены «страшнымъ глазамъ смерти». Въ нихъ шумнымъ и сверкающимъ ключомъ бьетъ жизнь, жажда жизни, страстная привязанность къ ней

и уже только въ силу этой привязанности—страхъ смерти. Въ этомъ состоитъ необходимая поправка или дополнение къ вѣрному замѣчанію г. Соловьева. Можетъ показаться, что это дополнение совершенно не нужно, такъ какъ, дескать, страхъ смерти и привязанность къ жизни—одно и то же: поскольку человекъ привязанъ къ жизни, постольку онъ боится смерти. Да, именно поскольку постольку. И преслѣдующій гр. Толстого ужасъ смерти вполне соотвѣтствуетъ той исключительно жадной и страстной привязанности къ жизни, которая ему свойственна и которая придаетъ многимъ его произведеніямъ такую яркую и жизнерадостную окраску, когда «страшные глаза смерти» временно отвращаются отъ него. Самая мысль о самоубійствѣ, посѣщавшая графа по его собственному разсказу, была результатомъ, какъ это ни странно можетъ показаться, жажды жизни и страха смерти. Онъ разсказываетъ: «Я испытывалъ ужасъ передъ тѣмъ, что ожидаетъ меня, зная, что этотъ ужасъ ужаснѣе самого положенія, но не могъ терпѣливо ждать конца. Какъ ни убѣдительно было разсужденіе о томъ, что все равно разорвется сосудъ въ сердцѣ или лопнетъ что нибудь, и все кончится,—я не могъ терпѣливо ожидать конца. Ужасъ тьмы былъ слишкомъ великъ, и я хотѣлъ поскорѣе, поскорѣе избавиться отъ него петлей или пулей. И вотъ это чувство сильнѣе всего влекло меня къ самоубійству». Въ «Войнѣ и мирѣ» Пьера Безухова одно время неотступно преслѣдуетъ «страшная она»—жизнь, отъ которой онъ не знаетъ какъ отдѣлаться. Въ «Смерти Ивана Ильича» героя разсказа подъ конецъ столь же неотступно преслѣдуетъ совсѣмъ, повидимому, другая «страшная она»—смерть. Но обѣ эти страшныя фигуры дополняютъ другъ друга или, вѣрнѣе, относятся другъ къ другу, какъ лицо и изнанка одной и той же ткани: жизнь страшна, но только потому, что неизбежно должна кончиться смертью, а сама по себѣ она такъ дорога, что и цѣны ей нѣтъ. Въ XIII томѣ сочиненій гр. Толстого есть обширное разсужденіе «о жизни», а въ немъ отдѣльная глава посвящена «страху смерти», но собственно все разсужденіе проникнуто страхомъ смерти, хотя гр. Толстой и хочетъ доказать, что смерти бояться нечего, что ея даже просто нѣтъ, что она только призракъ для людей, ведущихъ правильную жизнь. Доказываетъ онъ это длиннымъ рядомъ силлогизмовъ, которые однако, независимо отъ ихъ дѣйствительной цѣнности, имѣютъ, мнѣ кажется, для самого графа не больше цѣны, чѣмъ силлогизмъ: «Кай—человѣкъ, всѣ люди смертны, потому Кай смертенъ»—для Ивана Ильича. Бѣдный Иванъ Ильичъ хорошъ знаетъ этотъ силлогизмъ и всетаки, вопреки очевидности, не дог скалъ приложенія его къ нему, Ивану Ильичу. Такъ—я боюсь и гр. Толстой не убѣждается несомнѣнными, повидимому, для не истинами, и «страшные глаза смерти» не перестаютъ его пугать...

Какъ сохранить жизнь безъ отравляющей ее мысли о смерти. Какъ выжить, уничтожить тотъ страхъ смерти, который—мы в

дѣли—«вложенъ въ cadaго»? Такова главная задача гр. Толстого за послѣднее время. Если она и прежде занимала его, то теперь онъ на ней, можно сказать, исключительно сосредоточился, и всѣ его писанія суть только радіусы, соединяющіе разныя точки его круговора съ этимъ цѣнтромъ.

Сюда относятся прежде всего его разсужденія о физическомъ трудѣ, объ «упряжкахъ», о чистомъ воздухѣ полей и лѣсовъ и прочія гигиеническія черты его нравственнаго ученія. Но ими обезпечиваются только здоровье и долголѣтіе, смерть только отделяется, оставаясь по-прежнему страшнымъ неизбѣжнымъ концомъ. Нельзя ли сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, не страшнымъ? Для этого есть рецептъ, въ совершенно законченномъ видѣ данный еще буддистами: надо, не отказываясь отъ жизни, сократить до послѣдней возможности ея бюджетъ, дабы, подойдя къ неизбѣжному концу, безъ страха и сожалѣній перейти въ ту область нирваны, которая не есть, собственно говоря, ни жизнь, ни смерть. Но, если такъ, то конецъ можетъ быть не только не страшенъ, а и не неизбѣженъ. Я отказываюсь слѣдить за фантастическимъ скачкомъ мысли или столь же фантастическимъ ползкомъ извилистыхъ силлогизмовъ, которымъ гр. Толстой приходитъ къ заключенію, что правильная жизнь гарантируетъ насъ отъ смерти. Я только напому конецъ «Смерти Ивана Ильича». Этотъ конецъ есть въ художественномъ отношеніи непріятное пятно на разсказѣ,—до такой степени онъ произволенъ, не мотивированъ, лишенъ того яркаго и безошадно-правдиваго реализма, которымъ справедливо славится гр. Толстой. Иванъ Ильичъ не дѣлалъ чего нибудь особенно худого, но всю жизнь прожилъ вялымъ, плоскимъ эгоистомъ и, заболѣвъ, сталъ мучиться страхомъ смерти. Но передъ самымъ концомъ, почувствовавъ, что его дѣйствительно жалѣютъ жена и сынъ, самъ проникается къ нимъ жалостью и любовью.

И вдругъ ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, вдругъ все выходитъ съ разу, и съ двухъ сторонъ, и съ десяти сторонъ, со всѣхъ сторонъ. Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобы имъ не больно было. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій. «Какъ хорошо и какъ просто», подумалъ онъ. «А боль?» спросилъ онъ себя. «Ее куда?» «Ну-ка, гдѣ ты боль?»

Онъ сталъ прислушиваться.

«Да, вотъ она. Ну, что-же? Пускай боль»

«А смерть? Гдѣ она?»

Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти и не находилъ его. Гдѣ она? какая смерть? Страхъ никакого не было, потому что и смерти не было.

Вмѣсто смерти былъ свѣтъ.

— Такъ вотъ что!—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость!

Я думаю, что это восклицаніе «Какая радость!» — на cadaго мало-мальски художественно чуткаго человѣка должно дѣйствовать, какъ непріятный, рѣжущій ухо диссонансъ. И если такой великій

художникъ, какъ гр. Толстой, ввелъ этотъ фальшивый аккордъ въ свое произведеніе, то лишь потому, что очень ему ужъ хотѣлось показать, что смерть можетъ быть не страшна, что ея можетъ даже и не быть. Это онъ насъ и себя утѣшаетъ. Спасибо ему, конечно. Спасибо въ особенности за то, что онъ условіемъ отсутствія страха смерти ставить не только буддійски-аскетическую практику, а и любовь, и именно дѣйственную любовь, любовь въ формѣ добрыхъ дѣлъ, хотя любовь эта могла бы имѣть и другую, болѣе твердую и менѣе гадательную основу.

Иванъ Ильичъ особенно худого ничего не дѣлалъ, жилъ, что называется, какъ всѣ: ходилъ на службу, игралъ въ карты, ходилъ въ гости и у себя принималъ гостей, имѣлъ жену и сына, съ которыми не худо жилъ. Но только подъ самый конецъ загорѣлась въ немъ искра настоящей любви, почти не успѣвшая выразиться добрымъ дѣломъ. Однако и этого достаточно было, чтобы Иванъ Ильичъ освободился отъ страха смерти и удостоился смерти даже радостной, даже отсутствія смерти. Въ новомъ рассказѣ—«Хозяинъ и работникъ»—гр. Толстой предъявляетъ, повидимому, одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ гораздо большія требованія въ смыслѣ дѣйственной любви.

Я сказалъ выше, что новый рассказъ напоминаетъ лучшую пору литературной дѣятельности гр. Толстого. Въ одной газетѣ сказано было даже, что «рассказъ этотъ даже среди произведеній знаменитаго писателя представляетъ шедевръ». Это немножко черезчуръ. Тамъ же было сказано, что въ рассказѣ «почти 4 листа». Это невѣрно: въ рассказѣ меньше $2\frac{1}{2}$ листовъ, и если онъ кому нибудь при чтеніи показался чуть не вдвое больше, то это указываетъ на одинъ изъ недостатковъ новаго произведенія гр. Толстого,—онъ слишкомъ растянуть многочисленными и ненужными подробностями. Онъ напоминаетъ лучшую пору автора, но только напоминаетъ. Внутренній интересъ рассказа сосредоточивается въ двухъ послѣднихъ главахъ, которыя я здѣсь и приведу цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что и въ художественномъ отношеніи онъ лучшій. Какъ уже упомянуто, хозяинъ и работникъ отправились зимой по хозяйскимъ, довольно обыкновеннымъ житейскимъ, но все-таки не вполне чистымъ, кулацкимъ дѣламъ. На эти дѣла хозяинъ, сытый, богатый, самодовольный мужикъ—кулакъ, состоящій, между прочимъ, и церковнымъ старостой, захватилъ и церковныхъ денегъ 2300 рублей. Дорогой они запутались и послѣ разныхъ приключеній работникъ сталъ было уже замерзать, безропотно покоряясь высшей волѣ, а себялюбецъ хозяинъ рѣшилъ покинуть его на очевидную погибель, самъ же ускакалъ верхомъ на лошади куда глаза глядятъ. Но лошадь, покруживъ, привезла его на то же мѣсто, гдѣ замерзалъ въ саняхъ работникъ. Мимоходомъ сказать, изъ пропускаемыхъ нами подробностей особенно хороши черты психологіи лошади—Мухортаго. Подробности эти превосходны, но вмѣстѣ съ

тѣмъ и совершенно побочны, а между тѣмъ иногда заслоняють и «хозяина», и «работника».

IX.

Довалившись до саней, Василій Андренчъ схватился за нихъ и долго стоялъ такъ неподвижно, стараясь успокоиться и отдышаться. На прежнемъ мѣстѣ Никиты не было, но въ саняхъ лежало что то, занесенное уже снѣгомъ, и Василій Андренчъ догадался, что это былъ Никита. Страхъ Василя Андренча совершенно прошелъ теперь, и если онъ боялся чего теперь, то только того ужаснаго состоянія страха, который онъ испыталъ на лошади, и въ особенности тогда, когда одинъ остался въ сугробѣ. Надо было во что бы то ни стало не допустить до себя этого страха, а чтобы не допустить его, надо было не думать о себѣ, надо было думать о чемъ-нибудь другомъ, надо было дѣлать что-нибудь. И потому первое, что онъ сдѣлалъ, было то, что онъ, ставъ задомъ къ вѣтру, распустилъ шубу. Потомъ, какъ только онъ немного отдышался, онъ вытряхнулъ снѣгъ изъ сапогъ, изъ перчатокъ, потомъ вновь, туго и нивно, какъ онъ подтягивался, когда выходилъ изъ лавки покупать съ воровъ привозимый мужиками хлѣбъ, затянулся кушакомъ. Приготовляясь къ дѣятельности. Первое дѣло, которое представилось ему, было то, чтобы выпростать ногу лошади. Василій Андренчъ и сдѣлалъ это, и, освободивъ поводъ, привывалъ Мухортаго опять къ желѣзной скобѣ у передка къ старому мѣсту и сталъ заходить сади лошади, чтобы опрavitъ на деи шлею, сѣделку и веретье. Но въ это время онъ увидалъ, что въ саняхъ зашевелилось что то и изъ-подъ снѣга, которымъ она была засыпана, поднялась голова Никиты. Очевидно, съ большимъ усиліемъ, мужикъ приподнялся и сѣлъ, какъ то странно, точно отгоняя мухъ, махалъ передъ носомъ рукою и говорилъ что то, какъ показалося Василю Андренчу, призывая его.

Василій Андренчъ оставилъ веретье, не поправивъ его, и подошелъ къ санямъ,

— Чего ты?—спросилъ онъ.—Чего говоришь?

— Поми-ми-ми-раю я, вотъ что, съ трудомъ, прерывистымъ голосомъ говорилъ Никита.—Зажитое малому отдай. Али бабѣ—все одно.

— А что-жъ, али зазаябъ?—спросилъ Василій Андреевичъ.

— Чую, смерть моя... Прости, Христа-ради...—сказалъ Никита плачущимъ голосомъ, все продолжая, точно обмахивая мухъ, махать передъ лицомъ руками.

Василій Андреевичъ съ полминуты постоялъ молча и неподвижно, потомъ вдругъ, съ той же рѣшительностью, съ которой онъ ударялъ по рукамъ при выгодной покупкѣ, онъ отступилъ шагъ назадъ, засучилъ рукава шубы и обѣими руками принялся выгребать снѣгъ съ Никиты и изъ саней. Выгребши снѣгъ, Василій Андренчъ успѣшно распоясался, расправилъ шубу и, толкнувъ Никиту, легъ на него, покрывая его не только своей шубой, но и всѣмъ своимъ теплымъ разгоряченнымъ тѣломъ.

Заправляя руками полы шубы между дубкомъ саней и Никитой и колѣнками ногъ прихвативъ ея подолъ, Василій Андренчъ лежалъ такъ ничкомъ, упершись головой въ дубокъ передка, и теперь уже не слышалъ ни движеній лошади, ни свиста бури, а только слушалъ дыханіе Никиты. Никита сначала долго лежалъ неподвижно, потомъ громко вдохнулъ и пошевелился, очевидно согрѣваясь.

— А, вотъ то то, а ты говоришь помирать. Лежи, грѣйся, мы вотъ каеъ...—началъ было Василій Андренчъ.

Но дальше онъ, къ своему великому удивленію, не могъ говорить, потому что слезы ему выступали на глаза, и нижняя челюсть быстро запригала. Онъ пересталъ говорить и только глоталъ то, что подступило ему къ горлу.

«Настращася я видно, ослабъ вовсе», подумать онъ на себя. Но слабость эта его не только не была ему неприятна, но доставляла ему какую то особенную, неиспытанную еще никогда радость.

— Мы вотъ какъ!—говорить онъ себѣ, испытывая какое то особенное умиленное торжество. Довольно долго онъ лежалъ такъ молча, вытирая глаза о мѣхъ шубы и подбирая подъ колѣна все заворачиваемую вѣтромъ правую полу шубы.

Но ему такъ страстно захотѣлось сказать кому нибудь про свое радостное состояніе.

— Микита!—сказалъ онъ.

— Хорошо, тепло,—оттепилось ему снизу.

— Такъ то, братъ! Пропалъ было я. И ты бы замерзъ, и я бы...

Но тутъ опять у него задрожали скулы, и глаза его опять наполнились слезами, и онъ не могъ дальше говорить.

«Ну, ничего», подумать онъ. — «Я самъ про себя знаю, что знаю», и онъ замолкъ.

Нѣсколько разъ онъ взглядывалъ на лошадь и видѣлъ, что спина ея раскрыта и веретѣ съ плеею висятъ на снѣгу, что надо бы встать и открыть лошадь, но онъ не могъ рѣшиться ни на минуту оставить Никиту и нарушить то радостное состояніе, въ которомъ онъ находился. Страхъ онъ теперь не испытывалъ никакого.

Ему было тепло снизу отъ Никиты, тепло и сверху отъ шубы; только руки, которыми онъ придерживалъ полы шубы по бокамъ Никиты, и ноги съ которыхъ вѣтеръ беспрестанно сворачивалъ шубу, начинали забнуть. Но онъ не думалъ о нихъ, а думалъ только о томъ, какъ бы отогрѣть лежащаго подъ собой мужика.

— Небось, не вывернется, говорилъ онъ самъ себѣ про то, что онъ отогрѣетъ мужика, съ тѣмъ же хвастовствомъ, съ которымъ онъ говаривалъ про свои покупки и продажи.

Такъ пролежалъ Василій Андреечъ довольно долго. Сначала въ воображеніи его носились впечатлѣнія метели, оглобель и лошади подъ дугою, трясущихся передъ глазами, и вспоминалось о Никитѣ, лежащемъ подъ нимъ; потомъ стали примѣшиваться воспоминанія о праздникѣ, женѣ, станомѣ, свѣчномъ ящикѣ, и опять Никитѣ, лежащемъ подъ тѣмъ ящикомъ; потомъ стали представляться мужики продающіе и покупающіе, и бѣлыя стѣны и дома крытые желѣзомъ, подъ которыми лежалъ Никита, потомъ все это смѣшалось, одно вошло въ другое и, какъ цвѣта радуги, соединяющіеся въ одинъ бѣлый свѣтъ, всѣ разныя впечатлѣнія сошлись въ одно ничто, и онъ заснулъ. Онъ спалъ долго безъ сновъ, но передъ разсвѣтомъ опять появились сновидѣнія. Представилось ему, что стоитъ онъ будто у свѣчнаго ящика, и Тиханова баба требуетъ у него 5-ти-копѣечную свѣчу къ празднику, и онъ хочетъ взять свѣчу и дать ей, но руки не поднимаются, а зажаты въ карманѣхъ. Хочетъ онъ обойти ящикъ, и ноги не движутся, а калоши новыя, чинченныя, приросли къ каменному полу и ихъ не поднимешь, и ногъ изъ нихъ не вынешь. И вдругъ свѣчной ящикъ становится не свѣчнымъ ящикомъ, а постелью, и Василій Андреечъ видитъ себя лежащимъ на брукѣхъ на свѣчномъ ящикѣ, т. е. на своей постели въ своемъ домѣ. И лежить онъ на постели и не можетъ встать, а встать ему надо, потому что сейчасъ зайдетъ за нимъ Иванъ Матвѣичъ, становой, и съ Иванъ Матвѣичемъ надо идъ либо торговать рощу, либо поправить плеею на Мухортомъ. И спрашиваетъ онъ у жены:—Что же, не заходилъ?—Нѣтъ, говорить, не заходилъ.—И спитъ онъ, что подвѣзаетъ кто то къ крыльцу.— Должно онъ.— Нѣтъ мимо.—Миколавна, а Миколавна, что-жъ, все нѣту?—Нѣту.—И онъ лежит на постели и все не можетъ встать, и все ждетъ, и ожиданіе это и жутко и радостно. И вдругъ радость совершается, приходитъ тотъ, кого онъ ждетъ и это ужъ не Иванъ Матвѣичъ становой, а кто то другой, но тотъ самы

кого онъ ждетъ. Онъ пришелъ и зоветъ его и тотъ тотъ, кто зоветъ его,— тотъ самый, который кликнулъ его и велѣлъ ему лечь на Никиту. И Василій Андрейчъ радъ, что тотъ кто то пришелъ за нимъ.—Иду! кричить онъ радостно. И крикъ этотъ будитъ его...

И онъ просыпается, но просыпается совсѣмъ уже не тѣмъ, какимъ онъ заснулъ. Онъ хочетъ встать и не можетъ; хочетъ двинуть рукой, не можетъ; ногой — тоже не можетъ. Хочетъ повернуть головой—и того не можетъ. И онъ удивляется, но нисколько не огорчается этимъ. Онъ понимаетъ, что это смерть, и нисколько не огорчается и этимъ. Онъ понимаетъ, что Никита лежитъ подъ нимъ, и что онъ утрѣлся и живъ, и ему важется что онъ—Никита, а Никита—онъ, и что жизнь его не въ немъ самомъ, а въ Никитѣ. Онъ напрягаетъ слухъ и слышитъ дыханье, даже слабый храпъ Никиты.—«Живъ Никита, значитъ живъ и я», съ торжествомъ, говоритъ онъ себѣ. И что то совсѣмъ новое, такое, чего онъ не зналъ во всю жизнь свою, сходитъ на него.

И онъ вспоминаетъ про деньги, про лавку, домъ, покупки, продажи и про миліоны Мионовыхъ, и ему трудно понять, зачѣмъ этотъ человѣкъ котораго звали Василіемъ Брехуновымъ, занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ занимался.—«Что-жъ, вѣдь онъ не зналъ, въ чемъ дѣло»,—думаетъ онъ про Василія Брехунова. «Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь ужъ безъ ошибки, теперь знаю. И опять онъ слышитъ зовъ того, кто ужъ окликалъ. — Иду, иду!—радостно, умиленно говоритъ все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ и ничто уже больше не держитъ его.

И больше ужъ ничего не видѣлъ и не чувствовалъ въ этомъ мірѣ Василій Андрейчъ.

Кругомъ все такъ же крутило. Тѣ же вихри снѣга крутились, засыпали шубу мертваго Василія Андрейча и всего трясущагося Мухортаго, и чуть видны уже сани, и въ глубинѣ ихъ лежащаго, подъ мертвымъ уже хоявномъ, утрѣвшагося Никиту.

X.

◆ Передъ утромъ проснулся Никита. Разбудилъ его опять начавшій пробирать его спину холодъ. Приснилось ему, что онъ ѣдетъ съ мельницы съ вомомъ хоявйской муки и у Ляпина вьзатъ мимо моста и завязилъ возъ. И видитъ онъ, что онъ подлѣвъ подъ возъ и поднимаетъ его, расправляя спину. Но, удивительное дѣло!—возъ не двигается и прилипъ ему къ спинѣ, и онъ не можетъ ни поднять воза, ни уйти изъ-подъ него. Всю поясницу раздавило. Да и холодный же! Видно, вытѣзатъ надо. «Да будетъ!»—говоритъ онъ кому то, тому, кто давить ему вомомъ спину.—«Вынимаи мѣшки!»—Но возъ все холоднѣе и холоднѣе давить его, и вдругъ стучаетъ что то особенное, и онъ просыпается совсѣмъ и вспоминаетъ все. Холодный возъ—это мертвый, замершій хоявнй, лежащій на немъ. А стукнулъ—это Мухортый, ударившій два раза копытами о сани.

— Андрейчъ, а Андрейчъ!—осторожно, уже предчувствуя истину, окликаетъ Никита хоявина, напружая спину.

Но Андрейчъ не отъывается, и брюхо его и ноги—кряпки и холодныя и тяжелыя, какъ гири.

«Кончили, должно. Царство небесное!»—думаетъ Никита.

Онъ повертываетъ голову, прокапываетъ передъ собою снѣгъ рукою и открываетъ глаза. Свѣтло. Также свиститъ вѣтеръ въ оглобляхъ, и такъ же слышется снѣгъ, съ тою только разницею, что уже не стегаетъ о лубокъ саней, а беззвучно засыпаетъ сани и лошадей, все выше и выше, и движенья и дыханья лошади не слышно больше. «Замеръ, должно, и онъ», думаетъ Никита про Мухортаго. И дѣйствительно, тѣ удары копытъ о сани, которые разбудили Никиту, были предсмертныя усилія удержаться на ногахъ уже совсѣмъ застывшаго Мухортаго.

— «Господи, Батюшка, видно и меня вовешь,—говорить себѣ Никита.— Твоя святая воля. А жутко. Ну, да двухъ смертей не бываетъ. а одной не миновать. Только поскорѣ бы... И онъ опять прячетъ руку, закрывая глаза, и забывается, вполне увѣренный, что теперь онъ уже навѣрное и совсѣмъ умираетъ.

Уже въ обѣдъ на другой день мужики откопали лопатами Василия Андрюча и Никиту, въ 30 саженьяхъ отъ дороги и въ полуверстѣ отъ деревни.

Снѣгъ нанесло уже выше сапей, но оглобли и платокъ на нихъ были еще видны. Мухортый по брюхо въ снѣгу, со сбившимися со спины плетей и веретемъ, стоялъ весь бѣлый, прижавъ мертвую голову къ заостренному кадку; повдари обмерали сосульками, глава вандревѣли и тоже обмерали, точно слезами. Онъ исхудалъ въ одну ночь такъ, что остались на немъ только кости да кожа. Василий Андрючъ вастылъ, какъ мороженная туша, и какъ были у него расставлены ноги, такъ, раскорячившись, его и отвалили съ Никиты. Ястребинные выпуклые глаза его обмерали и раскрытый ротъ его подъ подстриженными усами былъ набитъ снѣгомъ. Никита же былъ живъ, хотя и весь обмороженный. Когда Никиту разбудили, онъ былъ увѣренъ, что теперь онъ уже умеръ, и что то, что съ нимъ теперь дѣлается, происходитъ уже не на этомъ, а на томъ свѣтѣ. Но когда онъ услышалъ кричащихъ мужиковъ, отвалывавшихъ его и сваливавшихъ съ него закончившаго Василия Андреевича, онъ сначала удивился, что на томъ свѣтѣ также кричатъ мужики; когда же повалъ, что онъ еще здѣсь, на этомъ свѣтѣ, онъ скорѣ огорчился, чѣмъ обрадовался, особенно когда почувствовалъ, что у него пальцы на обѣихъ ногахъ отморожены.

Пролежалъ Никита въ больницѣ два мѣсяца. Три пальца ему отняли а остальные зажили, такъ что онъ могъ работать, и еще двадцать лѣтъ продолжалъ жить сначала въ работникахъ, а потомъ подъ старость въ караульщикахъ. Померъ онъ только въ нынѣшнемъ году дома, какъ желалъ, подъ святыми и съ зажженной восковой свѣчкой въ рукахъ. Шередъ смертыю онъ просилъ прощенья у своей старухи и простилъ ее за бондара, простился и съ малымъ, и съ внучатами, и умеръ, истинно радуясь тому, что избавляетъ своей смертыю сына и сноху отъ обузы лишняго хлѣба, и самъ уже по настоящему переходить изъ этой наскучившей ему жизни въ ту иную жизнь, которая съ каждымъ годомъ и часомъ становилась ему все понятнѣе и заманчивѣе. Лучше или хуже ему тамъ, гдѣ онъ послѣ этой настоящей смерти проснулся? Разочаровался ли онъ, или нашелъ тамъ то самое, что ожидаетъ—мы всѣ скоро узнаемъ.

И такъ, вотъ еще двѣ смерти (не считая лошади) въ богатой коллекціи гр. Толстого. Смерть Василия Андреевича сильно напоминаетъ смерть Юліана Милостиваго въ извѣстной легендѣ Флобера, переведенной Тургеневымъ. Юліанъ тоже ложится на умирающаго, чтобы согрѣть его, и, умирая самъ, тоже чувствуетъ «восторгъ неизяснимый, нечеловѣческую радость». Въ предсмертномъ бреду его, личность отогрѣваемого имъ странника тоже сливается съ высшимъ существомъ, которое, правда, не зоветъ его съ собой, а пръ уносить съ собою въ небесную даль. Василий Андреевичъ не вершалъ такихъ страшныхъ грѣховъ и злодѣяній, какіе тягота душу Юліана, но за то же Юліанъ искупаетъ грѣхи годами швига и его конечное самопожертвованіе есть лишь послѣднее звѣцѣли, что придаетъ ему характеръ естественности, до сколько таковой возможенъ въ легендѣ. Василий Андреевичъ крови не пролива

какъ Юліанъ, отца съ матерью не убивалъ, но все же онъ былъ грабитель, навѣрное десятки людей пустившій съ сумой по міру для устройства своего благополучія. Пусть все это искупается его послѣдними минутами, но мнѣ кажется, одно изъ двухъ: если Василій Андреевичъ спасъ Никиту безсознательно, нечаянно, надѣясь самъ спастись и отогрѣться около его тѣла,—такъ это не самопожертвованіе и не велика нравственная цѣнность послѣднихъ минутъ Василя Андреевича; если же онъ дѣйствительно забылъ о себѣ и только о спасеніи Никиты думалъ, то это для него слишкомъ неожиданный, слишкомъ немотивированный поступокъ,—вѣдь онъ только что было предательски бросилъ Никиту на произволь судьбы, чтобы спастись самому. «Радостную» смерть, которую Юліанъ Милостивый *заслужилъ*, Василій Андреевичъ получилъ гораздо дешевле: почти безсознательнымъ и во всякомъ случаѣ полу-сознательнымъ дѣйствіемъ, въ результатъ котораго оказалось спасеніе ближняго, тотчасъ послѣ безсердечнаго поступка съ этимъ самымъ ближнимъ. Однако, это, все таки, больше, чѣмъ предсмертная вспышка любви въ Иванѣ Ильичѣ. Что касается Никиты, то это человѣкъ не мудреный и небезгрѣшный, пьяненькій, но добрый, услужливый, работающій, злу не сопротивляющійся и совершенно довольный своею участію, въ противоположность Василю Андреевичу, которому все больше и больше денегъ надо, а зачѣмъ—неизвѣстно. Никита знаетъ, что, кромѣ «хозяина» разсказа, у него есть еще «Хозяинъ» на небѣ, воля котораго да будетъ. Таковы, значить, два пути, ведущіе къ радостной смерти...

Какъ изъ всякаго произведенія гр. Толстого, изъ его новаго разсказа можно сдѣлать нѣсколько выводовъ, кромѣ главнаго, касающагося смерти; между прочимъ, можетъ быть и такой, что работникомъ, батракомъ лучше быть, чѣмъ хозяиномъ. Этотъ выводъ не былъ бы новостью для гр. Толстого. Въ одной изъ его сказокъ («Ильясъ») работникъ и его жена, прежде сами бывшіе хозяевами, расхваливаютъ свое теперешнее житье. Они говорятъ: «50 лѣтъ счастья искали и не нашли, а только вотъ теперь второй годъ, какъ у насъ ничего не осталось и мы въ работникахъ живемъ, мы настоящее счастье нашли и другого намъ никакого не надо... Жили мы изъ заботы въ заботу, изъ грѣха въ грѣхъ и не видали счастливой жизни... Теперь встанемъ мы, поговоримъ всегда по любви въ согласіи, спорить намъ не о чемъ, заботиться не о чемъ,—только намъ и заботы, что хозяину служить».

Я боюсь, что ни хозяева, ни работники не повѣрятъ гр. Толстому.

Блаженъ, кто съ молодю былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время соврѣлъ,

т. соврѣвши, безболѣзненно, безстрашно и непостыдно сорвался

своею естественною тяжестью съ древа жизни, храни въ себѣ зародышь новой жизни...

Но, пока что, живой о живомъ и думаетъ. Я думаю въ настоящую минуту о г. Ционѣ.

Выше я цитировалъ только что вышедшую биографію гр. Толстого, написанную г. Е. Соловьевымъ. Я едва успѣлъ заглянуть въ нее и, кромѣ приведеннаго вѣрнаго замѣчанія автора, наткнулся еще на одно заинтересовавшее меня мѣсто, а именно: «Гдѣ же источникъ пессимистической окраски этой системы и этого міровоззрѣнія (гр. Толстого)? Если физиологъ можетъ объяснить источникъ пессимистическаго настроенія нѣкоторыхъ философовъ условіями ихъ личной жизни (напр. слѣпота Дюринга, параличъ Гартмана и т. д.), то въ отношеніи Толстого сдѣлать это не легко» (стр. 114). Г. Соловьевъ, повидимому, не вездѣ точно указываетъ свои источники и не всегда отмѣчаетъ свои цитаты общепринятыми знаками. Приведенное мѣсто можетъ, судя по всей страницѣ, принадлежать, какъ самому г. Соловьеву, такъ и г. Циону, котораго онъ тутъ же, рядомъ цитируетъ. Я не помню, а можетъ быть и совсѣмъ не читалъ статьи г. Циона, на которую ссылается г. Соловьевъ, а онъ ее не называетъ. Но кто бы изъ нихъ ни говорилъ о параличѣ Гартмана и слѣпотѣ Дюринга, какъ источникѣ ихъ пессимистическаго настроенія, а это двѣ ошибки: одна—грубая, другая—грубѣйшая. Изъ автобиографическаго сообщенія Гартмана (*Mein Entwicklungsgang* въ *Gesammelte Studien und Aufsätze*) видно, что *настроenie* Гартмана отнюдь не пессимистическое въ смыслѣ мрачности и недовольства жизнью. Слепота же Дюринга любопытна именно въ томъ отношеніи, что не мѣшаетъ ему быть заклятымъ врагомъ всякаго пессимизма. Очень жаль, если г. Соловьевъ самъ впалъ въ эти странныя ошибки или заимствовалъ ихъ у г. Циона, не оговоривъ ихъ, но не удивлюсь, если ихъ сдѣлалъ г. Ционъ, ибо много, слишкомъ много и слишкомъ разнообразныхъ «ошибокъ» значатся въ житейскомъ и литературно-научномъ счетѣ этого человѣка.

Редакція «Русскаго Богатства» получила книгу «*M. Witte et les finances russes d'après des documents officiels et inédits par E. de Cyon*», изданную въ Парижѣ. Книга была доставлена при бумагѣ, изъ которой видно, что это сдѣлано «съ разрѣшенія г. министра финансовъ». Читатель, даже не особенно пристально слѣдящій за новостями дня по газетамъ, понимаетъ, конечно, почему мы отмѣчаемъ это послѣднее обстоятельство. Мы только что видѣли въ прошлый разъ цѣлый рядъ случаевъ прямого или косвеннаго насилія обывателей надъ печатью съ цѣлью упраздненія «непріятныхъ» извѣстій. Такъ ужъ у насъ повелось, что всякій обыватель, имющій хоть малѣйшую возможность такъ или иначе повліять на изятіе непріятныхъ для него фактовъ изъ сферы печатнаго обшуденія, пускаетъ эту возможность въ ходъ. Удивительнымъ образомъ это вполнѣ дикое отношеніе къ печати находитъ иногда сѣ

пристанище въ самой печати. Находятся литературные органы, почти истерически вопиющіе о разнузданности нашей литературы, хотя смиреніе ея нѣтъ въ цѣломъ мірѣ, гдѣ только существуетъ литература, и хотя надъ нею есть бдительное начальство, неукоснительно исполняющее свои обязанности. Это отношеніе къ печатному слову само себя питаетъ и нарастаетъ, какъ снѣжная лавина. Чѣмъ дальше, тѣмъ прочнѣе входимъ мы во вкусъ отсутствія свободной критики нашихъ мыслей, словъ, дѣйствій. И если, напримѣръ, какой нибудь Гладстонъ, находясь на вершинѣ власти, пальцемъ не шевельнетъ, чтобы воспрепятствовать распространенію «неприятныхъ» для него извѣстій, то у насъ какой нибудь уфимскій городской голова считаетъ нужнымъ и возможнымъ требовать, чтобы въ мѣстной газетѣ не появлялись извѣстія о непорядкахъ при переправѣ черезъ р. Вѣлюю: иначе будутъ потрясены основы. Основы въ городѣ Уфѣ, такимъ способомъ охраняемыя, дѣйствительно не колеблются, но Вѣдь и Англія стоитъ, кажется, довольно прочно...

Г. министръ финансовъ не раздѣляетъ взглядовъ уфимскаго городского головы, астраханскихъ рыбопромышленниковъ и проч. на печать. Книга г. Ціона переполнена всякаго рода «неприятностями», какъ по личному адресу министра финансовъ, такъ и относительно труднаго финансоваго положенія нашего отечества. Но г. Витте не только не нашелъ нужнымъ употребить свое вліяніе для воспрепятствованія свободному обращенію книги, но, какъ выражается самъ г. Ціонъ, «принудилъ его пустить книгу въ продажу». Дѣло въ томъ, что, напечатавъ свою книгу, но не выпуская ее изъ типографіи, г. Ціонъ отправилъ нѣсколько экземпляровъ въ Петербургъ, имѣя въ виду какой то темный «разсчетъ». Но издающійся въ Петербургѣ «Bulletin russe de statistique financière et de législation» объявилъ, что если книга не выйдетъ къ 1-му марта, то онъ перепечатаетъ ее въ Петербургѣ цѣликомъ, а если выйдетъ, то приобрѣтетъ 500 экземпляровъ для разсылки своимъ подписчикамъ. Г. Ціонъ выпустилъ книгу... Иного названія, какъ неудавшійся шантажъ, нельзя дать этому эпизоду, совершенно независимо отъ того, какими мотивами руководствовался г. министръ финансовъ, этимъ именно способомъ разоблачая шантажъ, и есть ли какая нибудь доля правды въ «неприятныхъ» сообщеніяхъ г. Ціона. (Онъ утверждаетъ, что у него есть въ запасѣ сообщенія еще болѣе неприятныя, но онъ почему то откладываетъ ихъ опубликованіе). Не вступая себя достаточно компетентнымъ для сужденія о подробностяхъ финансовыхъ соображеній г. Ціона, я остановлю вниманіе читателей только на другихъ двухъ сторонахъ дѣла: на поучительности для обывателей поступка г. министра финансовъ и на личности г. Ціона.

Это старыи знакомый, памятный по многимъ скандаламъ, связаннымъ съ его именемъ. Онъ сталъ въ этомъ отношеніи знаменитъ

еще двадцать лѣтъ тому назадъ, когда, по настоянію въ особен-ности Грубера, долженъ былъ выбыть изъ состава профессоровъ медицинскій академіи, гдѣ читалъ лекціи физиологіи. Онъ составилъ курсъ физиологіи и, пустивъ его по очень дорогой цѣнѣ (помнится, 5 рублей), сдѣлалъ изъ него налогъ на медицинское образованіе, такъ какъ требовалъ, чтобы студенты его покупали. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздражалъ молодежь до нельзя грубыми и нахальными обращеніемъ и довелъ ее до беспорядковъ, а коллегію профессоровъ до того, что наконецъ Груберъ объявилъ, что онъ подаетъ въ отставку, если не удалится этотъ наглый торговецъ наукой. Выборъ былъ не труденъ, и академія осталась при Груберѣ, но безъ г. Ціона. Въ это же время онъ распускалъ слухъ, что его приглашаютъ на кафедру физиологіи въ Эдинбургскомъ университетѣ. А. Н. Бекетовъ навелъ справки въ Эдинбургѣ и напечаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отвѣтъ декана медицинскаго факультета тамошняго университета, Вальфура. Тотъ писалъ, между прочимъ, что Эдинбургскій университетъ вообще никогда никого не приглашаетъ на вакантныя кафедры, а кандидаты должны сами о себѣ заявлять. Что же касается даннаго случая, то Вальфуръ прибавлялъ: «До сихъ поръ я никогда не слыхивалъ имени г. Ціона и полагаю, что оно неизвѣстно никому изъ членовъ совѣта Эдинбургскаго университета». Въ своемъ возраженіи, напечатанномъ въ тѣхъ же «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (все это происходило въ 1873—1874 г.), г. Ціонъ вполне обнаружилъ свои блестящіе полемическіе таланты. Онъ не отрицалъ собственно того факта, что говорилъ о предложеніи Эдинбургскаго университета, но главное то дѣло не въ этомъ, а въ томъ, во-первыхъ, что его преслѣдуютъ интриги профессоровъ, отказывающихся признавать его научныя заслуги какъ разъ въ то время, когда изъ за него происходятъ студенческіе беспорядки; во-вторыхъ, г. Ціонъ выразилъ «сильное сомнѣніе» въ подлинности письма Вальфура или-же въ вѣрности его передачи,—не можетъ, дескать, быть, чтобы въ Эдинбургѣ не знали Ціона! Но, увы! какъ для медицинскій академіи не могло быть затрудненія въ выборѣ между Груберомъ и г. Ціономъ, такъ и для публики вообще не могло быть колебаній—кому вѣрить: г. Ціону или А. Н. Бекетову. И г. Ціонъ покинулъ неблагоприятную почву науки, съ цѣлью приложить свои способности въ другихъ сферахъ.

Человѣкъ онъ дѣйствительно способный и дѣйствительно преуспѣвалъ въ разныхъ сферахъ дѣятельности, мѣняя ихъ какъ перчатки, и неизмѣнно отмѣчая скандаломъ свой жизненный путь. Е - новаты въ этомъ были, конечно, враги, никогда не умѣвшіе ои - нить его высокія умственные и въ особенности нравственныя и - чества—безкорыстіе, патріотизмъ, опять безкорыстіе и опять и - тріотизмъ. Вообще онъ можетъ сказать о себѣ подобно Чичикову : «Дальнѣйшее теченіе службы моей совершалъ по разнымъ мѣстамъ .. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ... А о

было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не сумѣетъ передать». Чисто чичиковское безкорыстіе и таковой же патриотизмъ побудили г. Ціона промѣнять іудейство на православіе, науку на публицистику, публицистику на финансовую практику, Россію на Францію. Но г. Ціонъ не есть всетаки настоящій Чичиковъ, собственно потому, что онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Хлестаковъ. Оно точно: «чего не потерпѣлъ г. Ціонъ? Какъ барка какая нибудь среди свирѣпыхъ волнъ. Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ, а за что?—за то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти». Но вмѣстѣ съ тѣмъ «тридцать пять тысячъ курьеровъ» постоянно и по всей Европѣ гоняются за г. Ціономъ съ предложеніемъ, если не «управлять министерствомъ», то устроить франко-русскій союзъ, поборотъ Бисмарка, назначить или устранить министра въ Россіи, отторгнуть Австрію отъ тройственного союза, укрѣпить во Франціи религію и проч., и проч. И все это г. Ціонъ благосклонно исполняетъ; благосклонно и безкорыстно, довольствуясь сознаніемъ, что онъ есть единственная благотворная пружина всего историческаго хода вещей во всей Европѣ и могущественнѣйшая поддержка «основъ». Ахъ, во что бы обратилась Европа безъ г. Ціона! Подумать страшно..

На обложкѣ новой книги г. Ціона напечатанъ списокъ другихъ его произведеній. Тутъ есть «La France et la Russie», и «La Russie barbare!», и «Nihilisme et anarchie» и проч. Но тутъ нѣтъ его знаменитаго курса физиологіи, который онъ столь безкорыстно навязывалъ своимъ слушателямъ, и актовой рѣчи «Сердце и мозгъ», вызвавшей шумный скандалъ въ стѣнахъ и за стѣнами медицинской академіи. Это не удивительно, равно, какъ и отсутствіе статей г. Ціона въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о разныхъ зловеридныхъ русскихъ «язвахъ». Это онъ исключительно Россію спасалъ, тогда какъ теперь занять спасеніемъ либо одной Франціи, либо Россіи и Франціи вмѣстѣ. Но въ списокѣ нѣтъ и изданной въ 1881 г. брошюры *La guerre à Dieu et la morale laïque. Réponse à M. Paul Bert*, тогда какъ она вполне достойна занять въ немъ мѣсто. Въ 1881 г., когда г. Ціонъ редактировалъ газету «Gaulois», Поль Беръ сказалъ публичную рѣчь о религіозномъ образованіи. Г. Ціонъ послѣдшилъ «отвѣтить» Полю Беру, хотя тотъ его ни о чемъ не спрашивалъ и совѣтъ къ нему не обращался. Но мимо дома г. Ціона проходила толпа народу, и онъ думалъ, что это именно тѣ тридцать пять тысячъ курьеровъ, которые посланы приглашать его спасать Францію, его второе отечество, какъ онъ уже спасалъ свое первое отечество, Россію. Онъ, конечно, откликнулся на зовъ всѣмъ своимъ патристическимъ сердцемъ, напечатавъ въ своей газетѣ громозкій «отвѣтъ» Полю Беру. Но тридцать пять тысячъ курьеровъ были этимъ удовлетворены. Они потребовали отдѣльнаго изданія «вѣта», причемъ къ г. Ціону «со всѣхъ концовъ политическаго

горизонта были обращены пламенные поздравления» (подлинныя слова г. Цюна). Одинъ только Поль Беръ остался непоколебимъ въ своихъ заблужденіяхъ и хотъ бы плюнуть въ сторону г. Цюна, точно тотъ и не «отвѣчалъ» ему; одинъ Поль Беръ, да еще Франція, неблагодарная Франція, тотчасъ вслѣдъ затѣмъ предоставившая этому самому Полю Веру постъ министра народнаго просвѣщенія... Такъ то всегда оканчиваются триумфы г. Цюна...

Печальные концы, разумѣется, но въ ожиданіи ихъ г. Цюнь умѣетъ всетаки обнаружить свое безкорыстіе,—въ маленькомъ дѣлѣ маленькое, въ видѣ распродажи нѣсколькихъ сотенъ экземпляровъ дорого стоящаго учебника, въ большомъ—большое, въ видѣ получения сотенъ тысячъ куртажа за патриотическія финансовыя операціи. Г. Суворинъ пишетъ въ «Новомъ Времени»: «Г. Цюнь образовалъ въ Парижѣ синдикатъ и совершилъ конверсію съ залладными листами общества взаимнаго кредита. Эта операція дала ему 600 тыс. фр. и мѣсто чиновника министерства финансовъ, который простираетъ свои виды чрезвычайно далеко. Начались переговоры о первой конверсіи, въ которыхъ г. Цюнь принималъ дѣятельное участіе и успѣлъ получить съ банкировъ 400,000 фр., какъ говорятъ «Московскія Вѣдомости». Тутъ г. Цюнь долженъ былъ подать въ отставку».

Милліонъ франковъ, не считая жалованья и другихъ доходовъ, деньги не малыя, но за безкорыстіе это не дорого. По крайней мѣрѣ г. Цюнь, повидимому, увѣренъ, что его безкорыстіе даже дороже стоитъ. Ибо великіе труды и великіе подвиги совершалъ онъ на благо своего перваго отечества, Россіи, и второго—Франціи. Одно время онъ думалъ облагодѣтельствовать также и [Австрію отторженіемъ ея отъ тройственнаго союза и вовлеченіемъ въ союзъ русско-французскій, что, говоритъ онъ, вызвало противъ него цѣлую бурю въ германской журналистикѣ. Онъ писалъ въ 1890 г. въ брошюрѣ «La Russie barbare!»: «Идея франко-русскаго союза, какъ бы она ни была неприятна для нѣмецкой политики, такъ часто обсуждалась въ последнее время, что если ее наконецъ не признали, то по крайней мѣрѣ нѣсколько привыкли къ ней. Въ одномъ изъ своихъ недавнихъ интервью Бисмаркъ возобновилъ заявленіе, сдѣланное имъ тридцать пять лѣтъ тому-назадъ, что «союзъ этотъ слишкомъ естественъ, чтобы нуждаться въ специальныхъ мотивахъ». Нѣтъ, гнѣвъ Германіи вызванъ былъ главнымъ образомъ проектомъ притянуть къ этому союзу Вѣнскій кабинетъ. При одной мысли о томъ, что Австро-Венгрія можетъ отдѣлиться отъ тройственнаго союза столь пагубнаго для ея интересовъ и столь чреватаго грядущимъ бурями, нѣкоторые защитники Бисмарковской политики приходятъ въ ярость... Я былъ въ особенности счастливъ, узнавъ, что въ высшихъ сферахъ Гофбурга отдають справедливость моимъ усиліямъ разсѣять туманъ, нарушившій съ 1879 г. добрыя отношенія между Россіей и Австро-Венгріей къ великому ущербу для обѣихъ странъ Тамъ (въ высшихъ сферахъ Гофбурга) признали, что въ сущности

дѣло сводится къ недоразумѣніямъ, а не къ непримиримой противоположности интересовъ. Нашимъ дипломатамъ предстояло воспользоваться этимъ расположеніемъ... Многогоміе, которымъ оканчивается эта Хлестаковіада, должно свидѣтельствовать, что наши дипломаты не сумѣли воспользоваться патріотическими усиліями г. Ціона, и нынѣ онъ уже не упоминаетъ объ австро-франко-русскомъ союзѣ.

Но за-то тѣмъ ярче выступаетъ великая роль г. Ціона въ образованіи франко-русскаго союза. Подготовилъ онъ его вмѣстѣ съ Катковымъ, но ему случилось и одному на собственныхъ плечахъ выносить всю тяжесть предпріятія. «Лѣтъ шесть, семь тому назадъ,—пишетъ онъ,—когда князь Бисмаркъ старался всѣми мѣрами подорвать кредитъ Россіи, я одинъ, за свой собственный счетъ, предпринялъ борьбу съ нимъ. И, благодаря отчасти поддержкѣ французской печати, французская публика предотвратила грозившую Россіи финансовую катастрофу» (M. Witte et les finances russes, XLVII).

Г. Ціонъ былъ агентомъ нашего министерства финансовъ во Франціи, за что и получалъ извѣстное (или неизвѣстное), опредѣленное (или неопредѣленное) вознагражденіе. Былъ агентомъ и получалъ вознагражденіе; пересталъ имъ быть и лишился вознагражденія,—въ этомъ состоитъ ключъ къ уразумѣнію всего столь шумнаго и въ то же время столь простаго эпизода. Но г. Ціонъ не хочетъ, конечно, чтобы дѣло казалось столь простымъ: онъ работаетъ «изъ чести», въ интересахъ своихъ двухъ отечествъ—Россіи и Франціи. Онъ—двойной, удвоенный патріотъ и, въ качествѣ такового, трепещетъ сердцемъ за-разъ за оба отечества. Когда онъ былъ агентомъ, онъ хлопоталъ объ упроченіи французскаго денежнаго рынка за русскими бумагами; когда онъ пересталъ быть агентомъ, онъ старается внушить французскимъ капиталистамъ недоверіе къ русскимъ бумагамъ. И дѣлаетъ онъ это вполне безкорыстно, какъ и все, что онъ дѣлаетъ. Продолжай онъ оставаться агентомъ, все обстояло бы благополучно, потому что онъ уже сумѣлъ бы устроить, но тридцати пяти тысячъ курьеровъ за нимъ на этотъ разъ не шлютъ, и понятно, что Россіи, а затѣмъ и Франціи грозитъ крахъ. Онъ съ болью въ сердцѣ видитъ это, но не считаетъ себя вправе молчать, потому что глубоко презираетъ «патріотическую ложь»—«два слова, пишетъ онъ, соединеніе которыхъ оскорбляетъ и нравственное чувство и здравый смыслъ, потому что любовь къ отечеству, одно изъ благороднѣйшихъ вдохновеній человѣческой души, не можетъ имѣть ничего общаго съ ложью, которая есть низость» M. Witte etc. XLV).

Въ упомянутой уже брошюрѣ «La Russie barbare!» восклицательный знакъ стоитъ въ подлинномъ заглавіи. Онъ долженъ знаменовывать негодованіе или изумленіе автора передъ распространеніемъ въ Европѣ мнѣніемъ, что Россія есть варварская страна. Да

и какъ же она могла быть въ то время варварскою, когда г. Цюнь—самъ г. Цюнь!—готовился быть или уже былъ ея финансовымъ агентомъ во Франціи! «Г. Цюнь агентъ варварской страны»,—это сочетаніе словъ въ такой же мѣрѣ противорѣчить нравственному чувству и здравому смыслу, какъ «патріотическая ложь». И вотъ что мы между прочимъ, читаемъ въ «La Russie barbare!» о положе-ніи русской печати: «Порядокъ, которому подчинена русская печать, есть порядокъ второй Имперіи, значительно смягченный. Я знаю очень хорошихъ республиканцевъ, которые желали бы для Франціи возвращенія къ этому порядку, не опасаясь навлечь на нее названіе варварской страны. Русскіе законы предоставляютъ настоящимъ писателямъ (aux véritables écrivains) полную возможность выражать свои мнѣнія объ общественныхъ дѣлахъ; они свободны критиковать правительственныя мѣропріятія, порицать дѣйствія министерствъ, обсуждать проекты законовъ, указывать необходимыя улучшенія, обличать злоупотребленія; однимъ словомъ, исполнять всѣ обязанности журналиста, достойнаго этого имени. Меньшей свободой пользуются тѣ, для кого печать есть просто дѣло коммерціи и эксплуатаціи или орудіе диффамаци и шантажа, потому что суды обыкновенно очень къ нимъ строги». Такъ стояли дѣла у насъ, когда г. Цюнь былъ русскимъ финансовымъ агентомъ въ Парижѣ. Теперь онъ утверждаетъ, что русская печать не смѣетъ пикнуть о мѣропріятіяхъ министра финансовъ и о правительственныхъ дѣйствіяхъ вообще. Мы имѣемъ такимъ образомъ два противоположныя утвержденія, сопоставляя которыя, должны признать, что или прикосновенность и неприкосновенность г. Цюня къ официальнымъ сферамъ въ качествѣ финансоваго агента самымъ рѣзкимъ образомъ вліяетъ на наши внутреннія дѣла; или же одно изъ его утверждений есть несомнѣнная ложь, хотя можетъ быть и «патріотическая», ибо «благороднѣйшее вдохновеніе человѣческой души» никогда не покидаетъ г. Цюня.

Когда г. Цюнь принужденъ былъ оставить карьеру профессора въ Россіи, а тридцать пять тысячъ курьеровъ изъ Единбурга раз-ѣхались по разнымъ другимъ мѣстамъ, а къ нему не попали, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ науки вообще отставилъ себя; или,—въ виду его неизмѣннаго великолѣпія,—отъ себя науку отставилъ и отдался публицистикѣ. Его принялъ подъ свое покровительство Катковъ, бывший его крестнымъ отцомъ при принятии имъ православія, печатавшій у себя его статьи и наконецъ пристроившій его къ министерству финансовъ. Г. Цюнь называетъ себя теперь ближайшимъ совѣтникомъ Каткова, какъ бы его правою рукою. Это, видимо, преувеличеніе, столь свойственное г. Цюню вообще. (Снако, несомнѣнно все-таки, что г. Цюнь сумѣлъ угодить знаменитому московскому публицисту, и именно своимъ изъ ряда вонъ выходящимъ талантомъ гиперболы. Катковъ охотно печаталъ статъ г. Цюня, даже не особенно искусно, но за то очень задорно и

вращавшія мухъ въ слоновъ и специально посвященные розыску враговъ отечества. При этомъ чрезвычайно доставалось нашей литературѣ, будто бы не знающей предѣловъ своей «разнузданности» и занятой исключительно тѣмъ, чтобы, подобно врагу сѣятеля въ извѣстной притчѣ, въ ночной тиши портить плевелами поле пшеницы: гг. Ціонъ и ему подобные сѣютъ пшеницу, а вся прочая литература—плевелы, и надо вырвать уже посѣянные и не допустить новыхъ. До какихъ предѣловъ можетъ доходить въ этомъ направленіи гипербола, видно изъ новаго произведенія г. Ціона. Болѣе нелѣпныхъ фантазій, выдаваемыхъ однако за вполне реальную истину, нельзя себѣ и представить. Г. Ціонъ такое пишетъ, что невольно протираешь себѣ глаза и перечитываешь, — не ошибся-ли. Напримѣръ: «Втеченіе двадцати пяти лѣтъ я горячо и часто цѣною жестокихъ личныхъ жертвъ (au prix des plus cruels sacrifices personnels) боролся съ революціонными стремленіями въ Россіи, гдѣ бы они ни проявлялись, въ высшихъ ли правительственныхъ сферахъ или въ нигилистической средѣ; но, признаюсь, я не встрѣчалъ въ этой борьбѣ человѣка, столь опаснаго общественному порядку въ Россіи, какъ г. Витте» (стр. 12—13). И пособниками г. министра финансовъ въ революціонномъ дѣлѣ оказываются редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», г. Петровский, и редакторъ «Гражданина», кн. Менцерскій! Могли-ли когда-нибудь эти господа ожидать, чтобы оружіе, столь часто и назойливо пускаемое ими въ ходъ, обратилось противъ нихъ самихъ? А вотъ нашелся же человѣкъ, и ихъ превзошедшій проникательностью и бдительностью своего патриотизма. Въ особенности поучительно это для редакціи московской газеты, въ которой г. Ціонъ получил свое публицистическое воспитаніе. Да не подумаетъ читатель, что г. Ціонъ обличаетъ г. министра финансовъ только въ ошибкахъ, могущихъ повлечь за собой роковыя послѣдствія для существующаго строя. Нѣтъ, г. министръ сознательно преслѣдуетъ революціонныя цѣли. Чтобы яснѣе представить дѣло французской публикѣ, для которой онъ пишетъ, г. Ціонъ сравниваетъ дѣятельность министра финансовъ съ ученіями французскихъ социалистовъ Жюль Гедда и Лафарга (стр. 153). Но и этого мало. Жюль Геддъ и Лафаргъ полагаютъ, конечно, что осуществленіе ихъ ученій должно повести къ благополучію, а русскій министръ финансовъ «повергаетъ Россію въ строй государственнаго социализма и крайняго коммунизма (du socialisme d'état et du communisme à outrance!), чтобы бросить ее на путь революціонныхъ приключеній» (XVIII). «Государственный социализмъ есть для г. Витте только рычагъ для дезорганизациі страны и распространенія всеобщаго недовольства» (154). Есть въ книгѣ г. Ціона еще и еще почище, которыя даже просто неловко приводить...

Если и есть доля истины въ книгѣ г. Ціона, то она совершенно ипрометируется тѣмъ безумно гиперболическимъ враньемъ, образцы котораго мы видѣли. А между тѣмъ, г. Ціонъ есть только зарвав-

шійся и, такъ сказать, взбунтовавшійся представитель цѣлой литературной клики. Она уже много лѣтъ сѣтъ у насъ самую разнообразную ложь и смуту, руководясь будто бы исключительно пламенной любовью къ отечеству, — этимъ «благороднѣйшимъ вдохновеніемъ человѣческой души». Последнее произведеніе г. Ціона, такъ естественно примыкающее ко всей его прежней литературной дѣятельности, достаточно, кажется, ясно показываетъ, чего стоятъ эти «благороднѣйшія вдохновенія».

Эпизодъ съ г. Ціономъ, взятый во всей его обширности, до такой степени занимателенъ, что и до сихъ поръ привлекаетъ къ себѣ, въ разныхъ смыслахъ, вниманіе, какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ газетахъ. Быть можетъ въ связи съ нимъ находятся даже нѣкоторыя изъ такихъ статей, въ которыхъ самое имя г. Ціона не упоминается. Мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ, что въ связь съ нимъ можетъ быть поставлена статья кн. Д. Цертелева въ № 69 (отъ 11 марта) «Московскихъ Вѣдомостей», озаглавленная: «Печать, какъ орудіе прогресса». Статья очень любопытная, хотя и не совсемъ ясная. Кн. Цертелевъ начинаетъ такъ:

«Терпимость къ чужимъ убѣжденіямъ справедливо считается признакомъ цивилизаціи. Было время, когда каждое разногласіе съ господствующею доктриной являлось государственнымъ преступленіемъ; но мало-по-малу во всемъ цивилизованномъ мірѣ утвердилось сознаніе, что преслѣдовать человѣка за убѣжденія не только жестоко и несправедливо, но и бесполезно. Чужая душа потемки и насильственными мѣрами не только нельзя вынудить перемѣны убѣжденій, но даже искренняго ихъ выраженія».

Но затѣмъ, кн. Цертелевъ устанавливаетъ разницу между «свободою внутренняго убѣжденія, научнаго изслѣдованія и обмѣна мыслей» и «эксплоатаціей пороковъ и слабостей общества». Въ заключеніи читаемъ: «Печать несомнѣнно становится силой и, по мѣрѣ развитія народнаго образованія, сила эта должна возрастать. Не пора ли подумать о томъ, чтобы заставить ее дѣйствительно служить на пользу страны, а не для наживы ловкихъ и полуграмотныхъ торговцевъ и не для потѣхи мнимыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей? Наши законы о печати устарѣли и, ставя иногда совершенно ненужныя стѣсненія и формальности, они въ то же время не гарантируютъ ни общества, ни частныхъ лицъ отъ самыхъ наглыхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ... Почему фальсифицировать музею или вино постыдно, а печатать завѣдомую ложь можно? Почему держатель питейнаго заведенія, уличенный въ злоупотребленіяхъ, лишается права на продолженіе торговли, а редакторъ или издатель, уличенный въ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленіяхъ печатнымъ словомъ, можетъ спокойно продолжать свое ремесло и эксплуатировать легковѣрныхъ читателей? Почему то, что въ частномъ кругу называется неприличіемъ, клеветой и сплетней — въ печати получаетъ громкое названіе обличенія? Только

коренная реформа въ области печати можетъ погнѣшать ей превратиться окончательно изъ орудія прогресса въ орудіе опошленія и развращенія массъ, существующее эксплуатаціей низменныхъ инстинктовъ толпы».

Къ сожалѣнію, кн. Цертелевъ не опредѣляетъ ближайшимъ образомъ, въ чемъ именно должна состоять желательная съ его точки зрѣнія реформа законовъ о печати. Не совсѣмъ даже ясно, что считаетъ онъ «эксплуатаціей пороковъ и слабостей общества». Правда, онъ говоритъ о лжи, клеветѣ, сплетнѣ, шантажѣ, о торгашескомъ духѣ, проникающемъ въ печать, и будь его статья напечатана не въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», мы бы понимали, въ чемъ дѣло. Но московская газета такъ долго служила ареной дѣятельности разныхъ Ціоновъ, и эти Ціоны такъ упорно твердили, что они суть единственные безкорыстные служители правды, а вся остальная литература есть скопище «мошенниковъ пера и разбойниковъ печати»,—что теперь мы недоумѣваемъ...

Нин. Михайловскій.

По поводу одной книги.

Легенда о великомъ инквизиторѣ Ф. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія В. Розанова. Спб. 1894 г.

Всѣхъ умнѣй, по моему, тотъ, кто хоть разъ въ мѣсяцъ себя дуракомъ назоветъ—способность нынѣ неслыханная! Прежде, по крайности, дуракъ хоть разъ въ годъ зналъ про себя, что онъ дуракъ, ну, а теперь ни-ни! И до того заиѣшали дѣла, что дурака отъ умнаго не отличить. Это они нарочно сдѣлали.
Достоевскій («Дневникъ писателя»).

I.

Было время, когда некрасовскій герой «слово *русскій либераль* произносилъ не безъ улыбки». Лѣтъ сорокъ - пятьдесятъ назадъ эта улыбка была естественна, понятна, потому что идея либерализма—идея прежде всего политическая, а вѣдь даже во времена гораздо болѣе близкія къ намъ наши фельетонисты довольно справедливо остряли: «какая у насъ политика! У насъ Полетика!» О *полетическихъ* идеяхъ позволительно говорить съ улыбкой въ какое угодно время, но либерализмъ тутъ не при чемъ.

Надъ чѣмъ собственно улыбался некрасовскій Рѣшетилловъ? А вотъ надъ чѣмъ:

Самодовольныхъ болтуновъ,
Охотниковъ до споровъ модныхъ,
Гдѣ много благородныхъ словъ,
А дѣла не видно благородныхъ,
Ты откровенно презиралъ:
Ты не однажды предсказалъ
Конецъ велеуверчивой шпибки,
И слово «русскій либераль»
Произносилъ не безъ улыбки.

Не выходя изъ сферы литературныхъ примѣровъ и типовъ, мы

можемъ указать, какъ на образецъ «модныхъ споровъ», на споры Ленскаго съ Онѣгинымъ:

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племень минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и живнь, въ свою чреду
Все подвергалось ихъ суду.

Какъ видите, политическіе вопросы не играли въ этихъ спорахъ ровно никакой роли, такъ что Рѣшетиллову не надъ кѣмъ и не надъ чѣмъ было бы и улыбнуться тутъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто былъ «либераломъ» въ этихъ спорахъ и кто «консерваторомъ» — Онѣгинъ или Ленскій? Какъ разъ по поводу этихъ споровъ мы находимъ у Писарева («Пушкинъ и Бѣлинскій») такое замѣчаніе: «Въ этихъ бесѣдахъ могли бы обнаружиться и особенности геттингенской души и охлажденности онѣгинскаго ума; въ этихъ бесѣдахъ могли бы обрисоваться со всѣхъ сторонъ *политическія*, нравственные и всякія другія убѣжденія Онѣгина и Ленскаго; но, къ сожалѣнію, въ романѣ не представлено ни одной такой бесѣды и вслѣдствіе этого мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ томъ, имѣлись ли у этихъ двухъ праздношатающихся джентльменовъ какія нибудь убѣжденія». О нравственныхъ убѣжденіяхъ спора нѣтъ, но какимъ образомъ въ бесѣдахъ о добрѣ и злѣ, о судьбѣ, о тайнахъ роковыхъ гроба, могли выразиться политическія убѣжденія собесѣдниковъ, да еще «со всѣхъ сторонъ»? Даже самыя опредѣленные нравственные убѣжденія не обуславливаютъ собою характера политическихъ воззрѣній человека и даже самой наличности этихъ воззрѣній: безъ нравственныхъ понятій люди не живутъ, но безъ политическихъ воззрѣній они обходятся очень свободно, какъ это въ особенности хорошо извѣстно намъ, русскимъ. Между французскими панамистами—беремъ нейтральный примѣръ—было не мало убѣжденныхъ республиканцевъ; между французскими клерикалами и роялистами не мало людей чистой идеи и безкорыстнаго долга. Далекое, даже слишкомъ далеко не всякое искреннее и твердое убѣжденіе истинно; но почти всякое искреннее убѣжденіе нравственно.

«Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ». Мы перефразируемъ эти некрасовскія слова: либераломъ можешь ты не быть, но ты обязанъ мыслить безстрашно, говорить безкорыстно, чувствовать искренно. Это наше *ты* относится ко всякому писателю, и кто пишетъ иначе, ради страха іудейска или эллинска или римска или языческа, тотъ «мошенникъ пера и разбойникъ печати», говоря извѣстнымъ выраженіемъ. Самыя obscureнныя, но жадно написанныя, страницы хотя бы напр. Достоевскаго, у котораго такихъ страницъ не мало, не производятъ того отталяиваю-

щаго впечатлѣнія, какъ немногія фразы и словечки того же писателя, введенныя въ изложеніе ради очевидно побочныхъ цѣлей. Тяжело и грустно читать, когда Достоевскій завѣряетъ насъ напр., что русскій народъ страстно любитъ страданіе и что въ страданіи именно заключается его провиденціальное предназначеніе; но эта грусть почти ничто въ сравненіи съ стыдомъ за того же Достоевскаго, когда онъ напр. ни къ селу, ни къ городу заставляетъ своего фаворита Алешу Карамазова пуститься въ защиту классическаго образованія. О страданіи говоритъ Достоевскій въ правѣ, но что ему классическіе языки? Нравственные диссонансы дѣйствуютъ болѣзненнѣе, нежели какія бы то ни было логическія ошибки. Когда Молчалинъ утверждаетъ, что надо угождать всѣмъ людямъ безъ изыятія и даже собакамъ дворника, чтобъ ласкова была, намъ, конечно, противно, но не больно и не совѣстно. Но если бы Чацкій, которой служить бы радъ, но которому прислуживаться тошно, поцѣловалъ на нашихъ глазахъ Фамусова въ плечико, намъ стало бы стыдно какъ за себя, потому что стало бы стыдно за человѣка вообще. Молчалинъ ниже насъ — и вотъ почему мы можемъ смотрѣть на его барактанье въ грязи съ чувствомъ спокойнаго презрѣнія. Чацкій выше нашего средняго уровня и вотъ почему намъ оскорбительно и страшно каждое его уклоненіе и паденіе.

Г. Розановъ представляетъ свою литературную личность прелюбопытное и препоучительное соединеніе Молчалина съ Чацкимъ приблизительно въ равныхъ доляхъ. Это не механическое, но и не химическое соединеніе. Г. Розановъ совѣтъ не Янусъ, одно лицо котораго хмурится, а другое улыбается, это, такъ сказать, бочка съ медомъ и дегтемъ, но съ дегтемъ отнюдь не въ количествѣ одной толькѣ ложки, а половина на половину: сколько меду, ровно столько же и дегтя и это мѣсиво тщательнѣе перемѣшано, такъ что и не знаешь, что дѣлать: намазать этимъ мѣсивомъ хлѣбъ—противно, смазать имъ сапоги—какъ будто жалко и неловко. Достоевскій, въ одномъ изъ своихъ интимныхъ писемъ, писалъ: «главный вопросъ, которымъ я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь—существованіе Божіе». Г. Розановъ съ извѣстнымъ правомъ можетъ сказать почти то же и о самомъ себѣ, но дѣло въ томъ, что параллельно съ вопросомъ о Богѣ его томить въ равной мѣрѣ и вопросъ о Его Превосходительствѣ.

Мы, однако, хотѣли бы не нападать на г. Розанова, а заступиться за него, потому что намъ его искренно жаль. Да, конечно, нѣкоторые жестокіе люди нашей литературы были въ извѣстной степени правы, когда доказывали, что г. Розановъ не кто иной, какъ знаменитый щедриновскій Іудушка изъ семейства господъ Головлевыхъ. Читатель, конечно, помнить этотъ гениальный типъ. Отличительная черта Іудушки состоитъ въ непоколебимой увѣренности, что на всѣхъ его мерзостяхъ почіетъ милость божія, что всѣ его злодѣянія—не злодѣянія, а высокіе нравственные подвиги, такъ

какъ являются исполненіемъ великой Промысла. Иудушка не ищетъ Бога, потому что возлечь на лонѣ Его по своему собственному непоколебимому убѣжденію. Онъ, совершеннѣйшій изъ людей, считаетъ себя до того близкимъ къ Богу, что даже фамильярничаеть съ Нимъ въ миллионъ разъ хуже всякаго богохульника. Вспомнимъ, какъ Иудушка соблазнялъ свою родную племянницу на сожительство съ нимъ: «сегодня я молился Воженкѣ, чтобы онъ оставилъ мнѣ мою Аненьку. И Воженка мнѣ сказалъ: возьми Аненьку за полненькую талию и прижми ее къ своему сердцу». Таково было письменное любовное изъясненіе Иудушки. И таковы всевозможныя Иудушки не только въ нравственной, личной жизни своей, но и въ литературѣ и даже въ политикѣ.

Und der Kaiser absolut

Wenn er unsern Willen thut,

какъ говорятъ нѣмцы о своихъ парламентскихъ Иудушкахъ. Иудушка далеко не то же, что Тартюфъ. Но его искренность такова, что хуже всякаго лицемерія, потому что является на почвѣ его умственной ограниченности, нравственной тупости и чисто животнаго себялюбія.

Г. Розановъ не Иудушка—въ этомъ торжественномъ признаніи нашемъ и заключается обѣщанная нами защита г. Розанова противъ его литературныхъ непріятелей. Чистокровныя Иуды и Иудушки, вродѣ гг. Льва Тихомірова, Ю. Николаева, Spectator'a и т. п., въ компаніи которыхъ обыкновенно появляется г. Розановъ, не могутъ быть довольны своимъ сотрудникомъ и они дѣйствительно выражали это свое недовольство печатной полемикой противъ Розанова. И еще бы иначе! Г. Розановъ способенъ обмолвиться напр. такимъ образомъ: «Мысль сдѣлать образованіе серьезнымъ черезъ удаленіе отъ него неимущихъ классовъ не только мысль безнравственная, но и изумительная въ своей наивности. Неимущіе то классы и даютъ лучшій контингентъ учениковъ. Одна изъ главныхъ причинъ этого явленія—неистощенность силъ. Новъ хороша не только въ земледѣліи, а и въ сѣяніи духовномъ. Изъ бѣдныхъ семей вышли едва ли не всѣ независимые умы и смѣлые характеры, которые становились реформаторами человѣческихъ обществъ». На что же это похоже? Развѣ такъ долженъ мыслить и чувствовать правовѣрный консерваторъ? Правда, дальше г. Розановъ спохватывается, вспоминаетъ что position oblige, и начинаетъ доказывать спасительность розги, но дѣле уже непоправимо почти. Во первыхъ, еще бы г. Розановъ посягнулъ даже на неприкосновенность розги, этого символа, этого знамени, этого стяга нашего консерватизма, а во вторыхъ даже эту защиту г. Розановъ ведетъ, не обнаруживая необходимой «теплоты чувствъ», такъ что оставляетъ мѣсто страшному подозрѣнію: а ну, какъ онъ и въ розгѣ сомнѣвается?

Я искренно хотѣлъ бы и все не могу никакъ заставить себя

говорить о г. Розановѣ серьезно: такой ужъ это особенный писатель. Отъ своихъ онъ часто отстаётъ, къ чужимъ никогда вплотную не пристаётъ и—

И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона.

Трудно говорить серьезно о Матренѣ. Но у г. Розанова есть и охота и способность къ самостоятельному размышленію и не хватаетъ только смѣлости. Да, смѣлости, нравственного мужества, готовности постоять (и даже болѣе чѣмъ постоять) за свою идею. Не то, чтобы г. Розановъ находилъ, что ему еще не должно смѣть свое сужденіе имѣть—это было бы слишкомъ даже для г. Розанова. Но по вялости ли своего темперамента, по отсутствію ли нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ, г. Розановъ относится къ своимъ собственнымъ, иногда прямо таки свѣтлымъ мыслямъ, какъ то со стороны, равнодушно, по чиновничьи: по обстоятельству, дескать, дѣло выходитъ такъ то и такъ то, а впрочемъ какъ вамъ угодно, мнѣ же лично «въ высокой степени наплевать». Это отсутствіе настоящей убѣжденности у юныхъ писателей замѣняется честолюбіемъ или самолюбіемъ, желаніемъ обратить на себя вниманіе, но у г. Розанова нѣтъ, кажется, даже такого импульса. Онъ мыслить, потому что у него на плечахъ имѣется мыслительный аппаратъ, но мыслить какъ бы нехота, противовольно, какъ бы съ какой то опаской. Помните ли вы «Господина Прохарчина» Достоевскаго? Бѣдняга умеръ отъ страха сдѣлаться «вольнодумцемъ» и за то пойти «съ сумочкой». «Да, вотъ онъ вольный, я вольный, а какъ лежишь—лежишь и того...—«Чего?»—«Анъ и вольнодумецъ»... «Воль-но-ду-мецъ? Сенька, ты вольнодумецъ!»—«Стой! Я не того... Ты пойми только: я смиренный, сегодня смиренный, завтра смиренный, а потомъ и не смиренный, сгрубилъ; пряхку тебѣ, и пошелъ вольнодумецъ!» Несчастный и смѣшной въ то же время человекъ, неправда ли? Но точъ въ точъ въ такомъ же положеніи чувствуетъ себя и г. Розановъ. «Да вотъ онъ вольный мыслитель, я вольный мыслитель, а какъ пишешь-пишешь и того... анъ и вольнодумецъ, пряхку тебѣ и пошелъ вольнодумецъ». Ахъ, бѣдный, бѣдный г. Розановъ!

Безъ малѣйшаго намѣренія смутить душевный миръ г. Розанова, мы скажемъ читателю, что «Опытъ критическаго комментарія» самое *вольнодумное* изъ всѣхъ произведеній нашего смирнаго автора. Онъ *сгрубилъ* этимъ произведеніемъ—какъ и кому это мы сейчасъ увидимъ.

II.

«Всякій, кто носить въ себѣ великій интересъ къ чему нибудь постороннему, что съ нимъ лично не связано, не можетъ не быть искрененъ и правдивъ. Его мысль слишкомъ сосредоточена :

этомъ интересѣ, чтобы заниматься всѣмъ тѣмъ мелочнымъ, чѣмъ обычно старается обставить себя человѣкъ, чтобы скрыть свою незначительность. Отъ этого истинное величіе всегда бываетъ такъ просто и отъ этого же, конечно, оно никогда не получаетъ при жизни признанія, которое всегда достается ложному и потому драпирующемуся величію. Душевное одиночество, нераздѣленность своихъ мыслей—есть только необходимое послѣдствіе этого положенія вещей и оно въ концѣ-концовъ обращается и въ замкнутость, въ нежеланіе дѣлиться».

Такъ говорить г. Розановъ въ своемъ этюдѣ о Достоевскомъ. Справедливо и даже умно говорить г. Розановъ, но не слишкомъ-ли смѣло и *вольнодушно*, не *зубитъ* ли тутъ кому нибудь г. Розановъ—и прежде всего той литературной фракціи, къ которой онъ себя причисляетъ? Да, конечно, къ Достоевскому слова г. Розанова очень идутъ, и для него они не обидны: этотъ писатель «носилъ въ себѣ великій интересъ», былъ человѣкомъ идеи и потому почти всегда былъ искрененъ и правдивъ. Онъ былъ бы искрененъ не *почти* всегда, а рѣшительно всегда если бы... если бы... какъ думаетъ г. Розановъ—что нужно поставить послѣ этого *если бы*? Г. Розановъ думаетъ, что тутъ главную роль играло недобріе Достоевскаго къ своимъ читателямъ: «Достоевскій постоянно обставлялъ въ началѣ и концѣ легкою ироніей свои любимыя идеи—по крайней мѣрѣ дѣлалъ это всякій разъ, когда ожидая, что они могутъ подвергнуться насмѣшкѣ. Онъ не хотѣлъ, очевидно, слишкомъ возстановлять противъ себя читающую массу, но и оставить невысказаннымъ то или другое ему тоже было трудно». Г. Розановъ горячій почитатель Достоевскаго, но Достоевскаго очевидно нужно оборонять отъ г. Розанова, отъ его критическихъ комментаріевъ не по разуму. Хорошъ проповѣдникъ, который изъ опасенія насмѣшекъ надъ своими идеями спѣшитъ первый осмѣять эти будто бы *дорогія* для него идеи. Мы не отрицаемъ нѣкоторой неискренности Достоевскаго, но эта неискренность была не хроническимъ, а эпизодическимъ явленіемъ, и зависѣла она отнюдь не отъ сущности таланта, а отъ той обстановки, въ которую была поставлена дѣятельность Достоевскаго. Объясненіе наше очень просто: Достоевскій былъ именно Чацкимъ, принужденнымъ служить подъ начальствомъ Фамусова.

Впрочемъ, дѣло не въ томъ. Приступая къ «легендѣ о великомъ инквизиторѣ», г. Розановъ предварительно объясняетъ идею романа «Братья Карамазовы», въ которомъ «легенда» составляетъ только эпизодъ. Это очень любопытно. Признаемся, до сихъ поръ никакой такой, точно опредѣленной и послѣдовательно развитой идеи мы не усматривали въ этомъ страстномъ, нескладномъ, нестройномъ произведеніи. Это удивительное литературное произведеніе, со многими превосходными частностями (и подробностями), но общій тонъ и характеръ его можетъ быть выраженъ однимъ

словомъ: *сомнѣніе*. Какая же идея въ сомнѣніи? Сомнѣніе уже не отрицаніе, но еще и не утвержденіе, съ одинаковою вѣроятностью оно можетъ перейти и въ то и въ другое и только тогда получить опредѣленное идейное содержаніе. «Всю жизнь я мучился вопросомъ о существованіи Бога», писалъ Достоевскій въ уже цитированномъ нами письмѣ, и его послѣднее крупнѣйшее произведеніе представляетъ собою выраженіе этой муки сомнѣнія, дошедшаго до наивысшей степени напряженія. Съ Достоевскимъ произошелъ тотъ же тягостный душевный процессъ, который одновременно постигъ и Льва Толстого, разсказавшаго намъ объ этомъ въ «Аннѣ Карениной» въ образѣ Левина. Толстой, какъ извѣстно, успокоился на утвержденіи (если только, въ скобкахъ сказать, дѣйствительно успокоился), а Достоевскій такъ и не справился съ своими сомнѣніями и выражалъ ихъ съ такою силою горечи и скорби, съ которой было бы просто смѣшно сравнивать добродѣтельно-поучительныя разглагольствованія какого нибудь во Христѣ барствущаго господина. Вотъ послушайте напр.:

«Бога жалко... Вообрази себѣ: это тамъ въ нервахъ, въ головѣ, то есть тамъ въ мозгу эти нервы.. (ну, чортъ ихъ воelmi!)... есть такіе этиккіе хвостики, у нервовъ этихъ хвостики, ну, и какъ только они тамъ задрожать... то есть, видишь, я посмотрю на что нибудь глазами, вотъ такъ, и они задрожать, хвостики то... а какъ задрожать, то и является образъ, и не сейчасъ является, тамъ какое то мгновеніе, секунда такая пройдетъ, а является такой будто бы моментъ, т. е. не моментъ—чортъ его дери моментъ—а образъ, т. е. предметъ или происшествіе—ну, тамъ чортъ дери—вотъ почему я и соверпаю, а потомъ мыслю... потому что хвостикъ, а вовсе не потому, что у меня душа и что я тамъ какой то образъ и подобіе, все это глупости. Великолѣпная эта наука! Новый человѣкъ пойдетъ, это-то я понимаю... А всетаки Бога жалко! Но химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, выше неподобіе, подвиньтеся немножко, химія идетъ! А меня Богъ мучитъ. Одно только это и мучитъ. А что, какъ его нѣтъ? Что если это идея искусственная въ человѣчествѣ? Тогда, если Его нѣтъ, то человѣкъ шефъ земл. міровданія. Великолѣпно! Только какъ онъ будетъ добродѣтеленъ безъ Бога то? Вопросъ! Я все про это. Ибо кого же онъ будетъ тогда любить, человѣкъ то? Кому благодаренъ то будетъ, кому гимнъ то воспоеть! Говорятъ, что можно любить человѣчество и безъ Бога. Ну, это сморчокъ сопливый можетъ такъ утверждать, а я понять не могу. Ибо что такое добродѣтель? У меня одна добродѣтель, а у китайца другая—вещь, значить, относительная. Или нѣтъ? Или не относительная? Вопросъ коварный! Я удивляюсь теперь только тому, какъ люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ. Суета!»

Въ этой безпорядочной, полной горечи и отчаянія рѣчи конечно неизмѣримо больше любви и больше истинной вѣры, нежели въ комфортабельно-спокойной увѣренности, что «хозяинъ не обидитъ», не обидитъ *тамъ*, какъ не обидѣлъ *здѣсь* (см. новѣйшій «шедевръ» русской литературы «Хозяинъ и работникъ»). Да, это не мораль на розовой водѣ и равнымъ образомъ это не скороспѣлая вѣра Альфонса Доде, удивившаго міръ своимъ послѣднимъ романомъ «Маленькій приходъ». Знаетъ ли читатель этотъ романъ? Онъ только что вы-

шесть отдѣльнымъ изданіемъ въ очень хорошемъ переводѣ г. Ремезова, такъ что за одинъ рубль всякій можетъ просвѣтить себя откровеніями Додэ. Это не будутъ деньги потерянные: откровенія Додэ доставятъ вамъ по крайней мѣрѣ столько же веселыхъ минутъ, сколько копѣекъ или грошей въ рублѣ. Вы перенесетесь мыслями въ тѣ блаженно-наивныя времена, когда вѣрилось, что никакое злодѣяніе не остается на землѣ не отомщеннымъ, что въ концѣ концовъ добродѣтель всегда торжествуетъ, а порокъ всегда наказуется, что чистота совѣсти, правота жизни въ себѣ самихъ, во внутреннемъ самоудовлетвореніи заключаютъ награду человѣку, что добродѣтельный бѣднякъ наслаждается счастьемъ въ своей конурѣ, а преступный богатъ оглашаетъ свои палаты стонами покаянія и пр., и пр. Все это и еще многое другое въ томъ же родѣ читатель найдетъ у раскаявшагося парижанина, которому, за постигнутою болѣзнью, стало не до бульваровъ, и какъ тутъ не вспомнить старика Шиллера:

Was sie gestern gelernt, das wollen sie heute schon lehren,
Ach, was haben die Herrn doch für ein kurzes Gedärm!

(Вчера выучили, сегодня другихъ учить хотять—ахъ, какія короткія книжки у этихъ господъ!)

Раскаяться? Увѣровать? Обновиться? Mais c'est simple comme bonjour! Вотъ посмотрите, что случилось съ нѣкоей госпожей Фениганъ, одной изъ героинь новообращеннаго романиста, властной, гордой, самоувѣренной женщиной:

«Мадамъ Фениганъ вошла въ церковь, озвученная мягкимъ сумракомъ послѣ яркаго блеска дня на улицѣ, обвела высокомернымъ взглядомъ бѣлыя гладкія стѣны, испещренныя тамъ и сямъ отблескомъ цвѣтныхъ оконныхъ стеколъ, всѣхъ затворенныхъ, за исключеніемъ одного, очень высокаго и широкаго, сводъ которое надъ самымъ алтаремъ сіяло лазурно-голубое небо. О, какъ безконечно глубоко, какъ привлекательно прекрасно это небо!.. Почти нехотя, мадамъ Фениганъ опустилась на колѣни, и ея губы сами собой зашептали «Отче нашъ»—смирненную молитву малыхъ и кроткихъ, забывая все прошенія, кромѣ: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ»... Слезы хлынули изъ твердой каменной глыбы. Всколыхнулась душа, тяжелое бремя святилось со всего существа, и она всю увидала себя, судъ пронесла надъ собой, пережила все свое прошлое».

Очень просто! Помолившись четверть часика, пятидесятилѣтняя госпожа Фениганъ вернулась домой совершенно другимъ человѣкомъ—кроткой, доброй, любящей, прощающей, и съ того же вечера повела совершенно новую жизнь. Какъ же смѣшонъ послѣ этого нашъ Достоевскій съ этими скорбными воплями своими: «жалко Бога... Кого же любить то, кого благодарить, кому гимнъ воспѣть?» Грубый русскій варваръ, онъ всю жизнь промучился вопросомъ о добродѣтели, потому что не зналъ блестящаго рѣшенія этого вопроса:

Le ciel defend, de vrai, certains contentements,
Mais on trouve avec lui des accommodements.

Аккомодация господина Додэ, приобретенная имъ на старости лѣтъ, врядъ ли у насъ удовлетворитъ когонибудь, несмотря даже на эффектный (а въ сущности—глубоко комическій) строгій выговоръ, который французскій романистъ дѣлаетъ въ томъ же романѣ нашему русскому сомнѣвающемуся, колеблемомуся, плачущему романисту. Конечно, вѣкъ живи, вѣкъ учись и такъ ему, *le barbaгу* и надо!

Возвратимся къ г. Розанову. Мы нашли въ романѣ Достоевскаго только извѣстное нравственное *настроение*, а г. Розановъ нашелъ его *идею*, которую онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» великій аналитикъ человѣческой души представилъ намъ возрожденіе новой жизни изъ умирающей старой: по необъяснимымъ, таинственнымъ законамъ, природа все подлежитъ такимъ возрожденіямъ, и главное, что мы находимъ въ нихъ, этонеотдѣлимость жизни отъ смерти, невозможность осуществиться для первой вполне, если не осуществилась вторая. Здѣсь и находить свое объясненіе эпиграфъ, взятый Достоевскимъ для своего послѣдняго произведенія: «Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода». Паденіе, смерть, разложеніе, это только залогъ новой и лучшей жизни. Такъ должны мы смотрѣть на исторію; къ этому взгляду должны приучаться, смотря и на элементы разложенія въ окружающей насъ жизни: онъ одинъ можетъ спасти насъ отъ отчаянія и исполнить самой крѣпкой вѣры въ минуты, когда уже настаетъ, кажется, конецъ для всякой вѣры. Онъ одинъ соответствуетъ дѣйствительнымъ и мощнымъ силамъ, направляющимъ потокъ времени, а не слабо мерцающій свѣтъ нашего ума, не наши страхи и заботы, которыми мы наполняемъ исторію, но нисколько не руководимъ ею».

Такова идея романа Достоевскаго, по мнѣнію г. Розанова. Если бы мы прочли такіа объясненія въ сочиненіи гимназиста седьмого класса—мы остались бы очень довольны и сказали бы: умненькій молодой человѣкъ, вполне заслуживающій высшего балла. Но въ литературѣ такіа банальности претятъ. Помилуйте г. Розановъ, кто же не знаетъ, что *ist der Chaos da, ist die Schöpfung nah*, или нѣтъ флотовъ—передъ флотами, какъ говаривалъ Погодинъ. Стоитъ ли писать романъ чуть не въ тысячу страницъ для развитія такой мысли, давно перешедшей въ разрядъ трюизмовъ? Достоевскій былъ писатель не только талантливый, но и оригинальный, и если чѣмъ грѣшилъ, то гораздо болѣе парадоксальностью, а не банальностью своихъ мыслей. Легко, должно быть, г. Розанову жить на свѣтѣ: въ минуты отчаянія, «когда ужъ настаетъ, кажется, конецъ для всякой вѣры», онъ успокоивается мыслью, что гдѣ смерть, тамъ и жизнь, гдѣ разрушеніе, тамъ и созиданіе. Воистину философическое созерцаніе одинаково безстрастное и по отношенію къ правымъ, и по отношенію къ виновнымъ! «*Элементы разложенія въ окружающе*

насъ жизни»... Но если въ число этихъ элементовъ, осужденныхъ на разложеніе, входитъ и то, что составляло душу души нашей, если мы видимъ себя выброшенными за бортъ жизни при полномъ сознаніи и своего права на жизнь, и своей пригодности къ ней, неужели насъ утѣшить «взглядъ», рекомендуемый г. Розановымъ, взглядъ, вся мудрость котораго исчерпана въ народномъ афоризмѣ: не нами началось, не нами и кончится? Достоевскому не такъ легко жилось, какъ г. Розанову. «Понимаешь ли ты—говорить Достоевскій устами Ивана Карамазова—для чего эта ахинея такъ нужна и создана? Безъ нея, говорить, и пробыть бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ бы добра и зла. Для чего познавать это чортово добро и зло, когда это столького стоитъ? Да вѣдь весь міръ познанія не стоитъ тогда этихъ слезовъ ребеночка къ «Боженькѣ». Я не говорю про страданія большихъ, тѣ яблоко съѣли и чортъ съ ними, и пусть бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти!» Вотъ попытайтесь успокоить это отчаяніе! Г. Розановъ пытается: онъ и на этотъ случай запасся особымъ «взглядомъ», вооружившись которымъ, можно и даже должно и на горькія слезы ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей смотрѣть съ философическимъ кладнокроемъ. *Ни съ чемъ неповинныхъ*—кто это вамъ оказалъ? Существуетъ наслѣдственность вообще, между прочимъ и наслѣдственность преступленія; стало быть дѣтская природа совсѣмъ не безгрѣшна, а преступна. «А неся въ себѣ преступленіе, она несетъ и вину его и неизбѣжность возмездія. Такимъ образомъ безпорочность дѣтей и, слѣдовательно, невинность ихъ есть явленіе только кажущееся: въ нихъ уже скрыта порочность отцовъ ихъ и съ нею ихъ виновность; она только не проявляется, не высказывается въ какихъ нибудь разрушительныхъ актахъ, т. е. не ведетъ за собою новой вины: но старая вина, насколько она не получила возмездія, въ нихъ уже есть. Это возмездіе они и получаютъ въ своемъ страданіи».

Такъ просто и ясно, а Достоевскій и не догадался! Мало того, что не догадался, Достоевскій имѣлъ дерзость протестовать противъ этой бухгалтерской или крючкотворной морали: «Слушай, если всѣ должны страдать, чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то причемъ тутъ дѣти, скажи самъ пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны были страдать и они и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріалъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то ужъ конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна». Разумѣется, тутъ многое можно было бы сказать, многое, кромѣ одного: нѣтъ возможности сказать, чтобы писатель, написавшій такіа строки, проповѣ-

доваль успокоеніе, примиреніе, квіетизмъ. А г. Розановъ именно это и утверждаетъ.

Собственно изъ «легенды» г. Розановъ ухитрился сдѣлать такой выводъ, который, конечно, не противорѣчитъ общему міросозерцанію Достоевскаго, но который изъ «легенды» вовсе не выходитъ и не можетъ выходить, потому что слишкомъ широкъ для нея. «Когда намъ,—говоритъ г. Розановъ,—будутъ указывать на неизгяснимое величіе католицизма, на безбрежность мысли, заложеной въ немъ, которою онъ увить и обоснованъ съ сѣдой схоластики и до нашихъ дней—мы согласимся со всѣмъ этимъ и признаемъ также, что ничего подобнаго нѣтъ въ нашей церкви и ея исторіи. Если намъ будутъ указывать на всѣ плоды протестантизма: на эту богобоязненность жизни, на свободу критики въ немъ и высокое просвѣщеніе, которое отсюда вытекло—мы скажемъ, что все это видимъ и никогда не закрывали на это глаза. Мы спросимъ только: но христіанство, но духъ евангельскій, но то, чему учили насъ словомъ и жизнью Спаситель? Ничего нѣтъ у насъ, ни высокихъ подвиговъ, ни блеска завоеваній умственныхъ, ни замысловъ направить пути исторіи. Но вотъ передъ вами бѣдная церковь, вокругъ разбѣянные, около нея группирующіеся домики. Войдите въ нее и прислушайтесь къ нестройному пѣнію дьячка и какого-то мальчика, Богъ знаетъ откуда приходящаго помогать ему. Сѣдой высокій священникъ служить всемогущую. Посреди церкви, на аналоѣ, лежитъ образъ, и неторопливо тянутся къ нему изъ своихъ угловъ нѣсколько стариковъ и старухъ. Всмотритесь въ лица всѣхъ этихъ людей, прислушайтесь къ голосу ихъ. Вы увидите, что то, что уже утѣрано всюду, что не приходитъ на помощь любви и не укрѣпляетъ надежду—*отра* живетъ въ этихъ людяхъ. То сокровище, безъ котораго неудержимо изсыкаетъ жизнь, котораго не находятъ мудрые, которое убѣгаетъ отъ безсильно жаждущихъ и гибнущихъ—оно свѣтится въ этихъ простыхъ сердцахъ, и тѣ странныя мысли, которыя смущаютъ насъ и тяготятъ міръ, очевидно, никогда не тревожатъ ихъ умъ и совѣсть». Нужно-ли раскрывать наивный диалектическій фокусъ, который употребленъ здѣсь авторомъ? Мы съ г. Розановымъ—православные люди и, однако, онъ справедливо говоритъ о «страшныхъ мысляхъ», которыя смущаютъ насъ. Этихъ «страшныхъ мыслей» у деревенскихъ стариковъ и старухъ дѣйствительно не возникаетъ, но потому-ли что они защищены отъ этихъ мыслей эгидой православія? Въ любой французской или нѣмецкой деревушкѣ г. Розановъ безъ труда найдетъ «нѣсколько стариковъ и старухъ», вѣра которыхъ такъ же непосредственна и жива, какъ и вѣра нашихъ крестьянъ. Очевидно, дѣло заключается не въ вѣроисповѣдныхъ различіяхъ, а въ чемъ-то совершенно другомъ. Въ чемъ именно? По элементарности этого вопроса на него и отвѣчать не стоитъ.

М. Протопоповъ.

О П Е Ч А Т К И

въ ст. *А. В. Зотова* «Очерки современнаго положенія рабочихъ въ Англіи»:

Въ №№	Страница:	Строка:	напечатано:	надо:
1	119	4	болѣе $\frac{1}{3}$	болѣе $\frac{1}{3}$
»	138	34	9 d	2 в. 9 d
2	122	35	выраженій	возраженій
»	127	11	продолжается $56\frac{1}{2}$	болѣе $56\frac{1}{2}$
»	130	2	исключительное	незначительное

Отъ конторы «Русскаго Богатства».

На исправленіе памятникѣвъ на могилахъ писателей, покоящихся на Волковомъ кладбищѣ, поступило:

Отъ Н. В. Гогоберидзе 20 р.

Итого 20 р.

А съ прежде поступившими 221 р.

Пожертвованія принимаются какъ въ конторѣ «Русскаго Богатства», такъ и въ Литературномъ фондѣ. Въ употребленіи ихъ будетъ своевременно данъ отчетъ.

Своевременно вышли январская и февральская книги журнала

ВОСХОДЪ.

I. Женитьба Мейеровича. Повесть С. О. Ярошевскаго.—II. Дочь философа. Рассказъ. Максъ Ринга.—III. Къ вопросу о реформѣ въ области еврейской религіи А. Брагина.—IV. Положеніе о евреяхъ 1804 года. Опытъ историческаго изслѣдованія основаній и мотивовъ этого законодательнаго памятника. На основаніи источниковъ. Проф. С. А. Бершадскаго.—V. Рандульфъ и Вернардъ. Изъ хроникъ XII вѣка. Поэма въ стихахъ Аполлона Корнифскаго.—VI. Сендеръ Глатейсъ. Романъ. К. Э. Францова.—VII. Историческія сообщенія. Жертвы ложныхъ обвиненій въ Люблинѣ, Краковѣ и Ленчицѣ въ 1636—39 г. С. М. Дубнова.—VIII. Vet-almin. (Эпитафій). Стихотвореніе. С. Г. Фруга.—IX. На новый годъ. Стихотвореніе. X. Зингера. X. Изъ мнѣнъ воспоминаній. М. Г. Моргулиса.—XI. Религиозно-Философское сочиненіе Саадія Гаона. Г. Р.—XII. Исповѣдь. Стихотвореніе. X. Зингера.—XIII. Изъ огни да въ полъми. (Записки эмигранта). М. Этингера.—XIV. Ювалъ. Библейское сказаніе. Стихотвореніе. Аполлона Корнифскаго.—XV. Какъ хорошо! Я вновь одинъ. Стихотвореніе. Юлія Гессена.—XVI. О древности иудейскаго народа. Противъ Апіона. Сочин. Флавія Іосифа, перев. съ греческаго Я. И. Израэльсона. (Въ особ. приложеніи въ концѣ книги).—Современная гѣтохисъ. XVII. Последніе годы воложинскаго ешибота. Очерки съ натуры. М. Рыбкина. XVIII. Мнимый ученый о мнимыхъ болѣзняхъ. (Д-ръ К. В. Орловъ. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призванныхъ въ военную службу и солдатъ; съ приложеніемъ описанія различныхъ способовъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности. Спб. 1894 г.). Д-ра С. О. Грузенберга.—Литературная гѣтохисъ. XIX. Охранители старины. Исторія евреевъ въ Россіи. Посмертное сочиненіе М. Э. Шугурова («Русскій Архивъ» 1894 г., №№ 1—5). Критикуса.—XX. В. В. Стасовъ въ его отношеніяхъ къ еврейскому искусству. (Собраніе сочиненій В. В. Стасова 1847—1866 съ приложеніемъ его портрета и снимка съ поднесеннаго ему адреса, въ 3 томахъ in 4°. Спб. 1894 г.). Барона Д. Г. Гинцбурга.—XXI. Библіографія. Эфραίимъ Ку. Еврейскій переводъ романа «Поеть и купецъ» В. Ауэрбаха, сдѣланный И. X. Тавельнимъ. Изданіе «Ахисафа», въ 2 частяхъ. Варшава, 1893—94 г. С. М.—XXII. За прошлый годъ. Ретроспективный взглядъ на положеніе еврейскаго вопроса въ прошлое царствованіе.—Комиссія графа Палена и фонъ-Плеве.—Ограничительный характеръ постановленій о евреяхъ.—Равнинская комиссія, ея дѣятельность и результаты.—Толкованіе администраціей постановленій о правѣ жительства.—Выселенія и ходатайства объ ихъ пристановкѣ.—Экономическое положеніе евреевъ и ограниченіе разныхъ отраслей труда.—Эмиграція и ея значеніе.—Участіе евреевъ въ земледѣльческомъ трудѣ въ качествѣ рабочихъ. Порождаемый этимъ вопросъ.—Заключеніе. Л. З.—XXIII. Литература и жизнь. Знаменіе времени: «Новое время» и проповѣдь доброты. — Мечтанія литературнаго Чичикова и «Маленькія письма» А. Суворина. — Теорія и практика доброжелательства.—Можетъ ли «Новое Время» держаться программы своего редактора? Доброжелательство въ публицистикѣ и беллетристикѣ.—Новый романъ І. Яеинскаго «Юрєва могила».—Ос. Гр.—XXIV. Объявленія.

Цѣна за годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДЕЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 Января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., въ 1 марта 3 р., и въ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи. С.-Петербургъ, Театральная Площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Газета весьма важна и удобна для публикацій.

Новые подпечки получаютъ бесплатно 1 часть романа К. Е. Францова. «Сендеръ Глатейсъ», составляющую книгу въ 20 печатныхъ листовъ слѣшкомъ. Но при этомъ они должны уплатить при подпискѣ не менѣе шести руб. и заявить о томъ, что они новые подписчики.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла въ свѣтъ мартовская (2) книга журнала

Вопросы Философіи и Психологіи

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Содержаніе: К. Я. Гротъ. Устои нравственной жизни и дѣятельности.—п. А. Маленьковъ. Жизнь какъ нравственная борьба. Ив. С. Н. Трубицкой.—Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова.—М. С. Корелинъ. Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ.—Н. В. Маринъ. Вліяніе чувствованій на теченіе времени.—В. Р. Буцке. Анализъ основныхъ условій при ассоціаціяхъ идей.—В. А. Зеленогорскій. Ив. Г. Шадръ.—А. С. Лебедевъ. Г. С. Скворода какъ богословъ. А. А. Козловъ. Теорія искусства съ точки зрѣнія Тейхмюллера.—Критика и библиографія.—В. Саводникъ. Въ иссоріи греческой софистики. Психологическое общество. (Отчетъ за первое 10-лѣтіе его дѣятельности и проч.). Приложение: Я. Н. Колубовскій. Философскій Ежегодникъ.

Подписка на 1895 г. продолжается.

Условія подписки: На годъ (съ января 1895 г. по 1 января 1896 г.) безъ доставки — 8 р. съ доставкой въ Москвѣ — 6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города — 7 р. за границу — 8 р.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учт еля сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. п

Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, д. Расцвѣтовой).

Редакторы: проф. Н. Я. Гротъ, проф. Л. М. Ломатинъ.

годъ XI-ый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ XI-ый

НА

РУССКІЙ ХИРУРГИЧЕСКІЙ АРХИВЪ

(продолженіе «Хирургическаго Вѣстника»),

который будетъ выходить 4 раза въ годъ, книжками не менѣе 15 листовъ каждая, по слѣдующей программѣ: I) Оригинальныя статьи по всѣмъ вопросамъ хирургіи и родственнымъ ей спеціальностямъ. II) Критика и библиографія (включая, по возможности, и обзоры текущей литературы по отдѣльнымъ вопросамъ хирургіи). III) Объявленія.

Цѣна съ пересылкой за годъ 7 рублей.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи С.-Петербургъ, Знаменская, 43) ежедневно отъ 12 до 2 час.

Редакторъ-издатель Н. А. Вельяминовъ.

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Э. РЕКЛЮ. „ЗЕМЛЯ“

III. Выпускъ. Подземныя силы. (Вулканы, землетрасенія, поднятія и опусканія почвы) съ 61 рис. и 4 карт. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.

IV. Выпускъ. Океанъ. Съ 73 рис. и 3 карт. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р. 10 к., съ пересылкой 1 р. 30 к.

Подписчики «РУССКАГО БОГАТСТВА» пользуются уступкою 30 коп.

Продолжается подписка на все сочиненіе Э. Реклю «Земля»; шесть выпусковъ. Подписная цѣна 5 р. 50 к., пересылка наложеннымъ платежамъ.

Подписка принимается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** у издательницы О. Н. Поповой. Спб. Моховая, д. 27. вв. 12, отъ 12 до 4 часовъ дня, и въ библиотецѣ Л. Т. Рубакиной, Бол. Подъячская ул., д. 24.

Складъ изданій въ книжн. магаз. Н. П. Каробасникова: С.-Петербургъ, Москва.

На дняхъ выйдетъ и поступить въ продажу

НОВАЯ КНИГА:

ГИМНАЗИСТЫ.

Н. ГАРИНА.

Изданіе редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО».
Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Издательницы: Н. Михайловская.
О. Попова.

Редакторы: П. Биковъ.
С. Поповъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи, такъ какъ книжные магазины и конторы, принимающіе подписку, только передаютъ деньги въ редакцію и въ отправкѣ журнала никакого участія не принимаютъ.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ редакцію или контору, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ АВТОРОВЪ СТАТЕЙ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА.

Контора редакціи доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, получающихъ журналъ съ разсрочкой, что срокъ второго взноса подписныхъ денегъ въ размѣрѣ 3 руб. истекаетъ въ мартъ, а потому, во избѣжаніе перерыва въ доставкѣ журнала, покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ.

Лицамъ, не приславшимъ своевременно второго взноса, высылка журнала съ апрѣльской книжки будетъ прервана.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

(С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ съ доставк. и перес.	9 р.
Безъ доставки	8 „
За границу	12 „

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** адресовать: въ контору журнала „Русское Богатство“—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается разсрочка:

Для иногородн. и город. подписчиковъ съ доставкой—при подпискѣ 5 р. и въ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 6 р. и въ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по соглашенію съ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, никакой уступки не дѣлается.

За своевременную высылку журнала контора редакціи отвѣчаетъ лишь въ томъ случаѣ, если подписныя деньги были присланы или сданы непосредственно въ контору редакціи.

Издательницы: Н. Михайловская.
О. Попова.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

РУССКОЕ ПОЯТСТВО

№ 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. Окончаніе . . . В. Г. Короленко.
2. ПОЧЕМУ УМЕНЬШАЕТСЯ НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ ФРАНЦІИ. I—III. М. Н.
3. ПОДЪ УТЕСОМЪ. Изъ жизни окраинъ . . . Мих. С—наго.
4. СОЗНАЮСЬ—НА ТВОИ УЧЕНЬЯ. Стихотвореніе. С. Александрова.
5. СТЕФАНЪ СТАМБУЛОВЪ . . . В. В. Водовозова.
6. КАСТРЮКЪ. Очеркъ Ив. Бунина.
7. ВЪ КУСТЪ АРОМАТНОЙ СИРЕНИ. Стихотвореніе С. Александрова.
8. СТАРАЯ ДѢВА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Продолженіе. . . . А. Е. Гольдворсъ.
9. БУРИ ЛИ СЛЫШИТСЯ СТОНЪ ЗАВЫВАЮЩІЙ. Стихотвореніе. . . С. Александрова.
10. СТУДЕНТЫ. (Изъ семейной хроники). Продолженіе Н. Гарина.

(См. на оборотѣ).

11. НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАБРОСКИ. XIX. Системы разверстовъ общинной земли въ новѣйшее время. Н. А. Карышева.
12. ПОДВИЖНИЦА НАУКИ (А. В. Потанина въ ея путешествіяхъ и лите ратурныхъ трудахъ) В. В. Лесевича.
13. НѢЧТО О ДІАЛЕКТИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ. И. Б—снаго.
14. НОВЫЯ КНИГИ:
 В. Быстрицкй. Житійскія были. Очерки и рассказы.—Н. Телешовъ. На тройкахъ. Очерки и рассказы.—Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій.—Л. Н. Толстой. Біографическій очеркъ. Е. Соловьева.—Донес. На крайнемъ стѣро-востокъ Сибири.—Ив. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы.—Рибо. Современная германская психологія.—Фельдшерскій вопросъ.—Фаусеттъ. Популярная политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.
15. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Н. Н. Михайловскаго.
16. ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ХРОНИКИ С. Н. Южанова.
17. ИЗЪ АВСТРІИ Л. Василевскаго.
18. ИЗЪ АНГЛІИ. Ав.
19. УДОБНАЯ МОРАЛЬ. Сочиненія Л. Н. Толстого. Москва. 1895. М. А. Протопопова.
20. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ А. В. Орловой.
21. ОТЪ КОНТОРЫ „РУССКАГО БОГАТСТВА“.
22. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1895.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

1895.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 25 Апрѣля 1895 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
1. Безъ языка. Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ. <i>В. Г. Короленко. Окончаніе.</i>	5— 29
2. Почему уменьшается народонаселеніе Франціи. <i>М. Н. I—III.</i>	30— 57
3. Подъ утесомъ. Изъ жизни окраинъ. <i>Мих. С—каю.</i>	58— 79
4. Сознѣюсь—на твои ученья. Стихотвореніе. <i>С. Александрова.</i>	80
5. Стефанъ Стамбуловъ. <i>В. В. Водовозова.</i>	81—126
6. Настрюкъ. Очеркъ. <i>Ив. Бутина.</i>	127—137
7. Въ кустъ ароматной сирени. Стихотвореніе. <i>С. Александрова.</i>	138
8. Старая дѣва. Романъ <i>А. Е. Гольдворсъ.</i> Переводъ съ англійскаго. Продолженіе.	139—162
9. Бури ли слышится стонъ завывающій. Стихотвореніе. <i>С. Александрова.</i>	163
10. Студенты. (Изъ семейной хроники). <i>Н. Гарина.</i> Продолженіе	164—216
11. Народно-хозяйственные наброски. <i>Н. А. Кармшева.</i>	
XIX. Системы разверстокъ общинной земли въ новѣйшее время	1— 29
Подвижница науки. (А. В. Потанина въ ея путешествіяхъ и литературныхъ трудахъ). <i>В. В. Лесевича.</i>	30— 43
Нѣчто о діалектическомъ методѣ. <i>И. Б—скаю.</i>	44— 72

14. Новые книги:

- В. Быстреминъ. Житійскія былія. Очерки и рассказы.—Н. Телешовъ. На тройкахъ. Очерки и рассказы.—Матеріалы для біографіи Гоголя. В. М. Шенрона. Томъ третій.—А. Н. Толстой. Біографическій очеркъ. Е. Соловьева.—Дюнев. На крайнемъ сѣверо-востоцѣ Сибири.—Ив. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Исслѣдованія и матеріалы.—Рибо. Современная германская психологія.—Фельдшерскій вопросъ.—Фаусеттъ. Популярная политическая экономія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію 73—99
15. Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго*. 100—132
16. Изъ современной хроники. *С. Н. Южакова*. 133—146
17. Изъ Австріи. *Д. Василевскаго*. 147—152
18. Изъ Англіи. *Ав.* 153—167
19. Удобная мораль. Сочиненія Л. Н. Толстого. Москва. 1895. *М. А. Протопопова*. 168—177
20. Письмо въ редакцію. *А. В. Орловой*. 178
21. Отъ конторы «Русскаго Богатства». 179
22. Объявленія.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

въ 1896 году выходить въ прежнемъ объемѣ 25—26 листовъ
и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.
" " безъ доставки въ Петербур-
гъ и Москвѣ 8 „
" " за границу 12 „

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣляется.

Подписныя деньги слѣдуетъ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** адресовать:
въ контору журнала „Русское Богатство“
С.-Петербургъ, Васейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается
разсрочка:

Для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ съ до-
ставкой—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р.,

или

при подпискѣ 6 р., и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означенный срокъ высылка жур-
нала прекращается.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается
въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по согла-
шенію съ книжнымъ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать
за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового
экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на усло-
віяхъ разсрочки, никакой уступки не дѣляется.

Примечанія: 1) За своевременную высылку журнала контора редакціи
отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если под-
писныя деньги были присланы или сданы *непосредственно*
въ контору.

2) Квитанціи на полученіе журнала высылаются
только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ
при высылкѣ подписныхъ денегъ 19 к. почтовыми марками.

Издательницы: Н. В. Михайловская, О. Н. Полева.

Редакторы: П. В. Бьшовъ, С. И. Поповъ.

ВЪ СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ

при конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»,
С.-Петербургъ, Васоѣйная, 10.

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	ЦѢНА.		Съ пере- сылкой.		Уступка подвижч. «Рус. Бо- гатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Путь-дорога. Художественно-литературный Сборникъ въ пользу «Общества вспомошествованія переселенцамъ». (На простой бумагѣ).	3	50	4	—	—	70
Путь-дорога. (На селенской бумагѣ)	5	—	6	—	1	—
Н. Гаринъ. Очерки и рассказы. Т. I.	1	25	1	50	—	50
— Гимназисты	1	25	1	50	—	25
Вл. Коропенко. Въ голодный годъ. Второе изданіе	1	—	1	25	—	25
— Очерки и рассказы. Книга первая. Изданіе первое	1	50	1	75	—	25
— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе второе.	1	50	1	75	—	25
Д. Маминъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Романъ	1	50	1	75	—	45
— Уральскіе рассказы. I и II т.	3	—	3	50	—	90
А. Шабельская. Наброски карандашомъ	1	50	1	75	—	45
С. Я. Елпатьяевскій. Очерки Сибири.	1	—	1	25	—	25
Н. К. Михайловскій. Британскіе опыты: I. Левъ Толстой	1	—	1	25	—	50
— II. Щадринъ	1	—	1	25	—	25
— III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья	1	—	1	25	—	25
С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы	—	80	1	—	—	20
Н. А. Карышевъ. Крестьянскія вѣнадѣльныя аренды	3	—	3	50	—	90
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы	2	—	2	25	—	60
М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь	3	—	3	50	—	50
С. Н. Южановъ. Соціологическіе этюды	1	50	1	75	—	35
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія	1	50	1	75	—	35
Э. Арнольдъ. Свѣтъ Азіи. Жизнь и Ученіе Будды.	2	—	2	30	—	50
С. Сигеле. Преступная толпа. (Опытъ коллективной психологіи)	—	60	—	75	—	35
Э. Реклю. Земля. Вып. I.	—	90	1	10	—	20
— Вып. II.	1	30	1	60	—	30
— Вып. III.	1	10	1	30	—	30
— Вып. IV.	1	10	1	30	—	30

НАЗВАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.	ЦѢНА.		Съ пере-сылкой.		Уступка подписч. «Рус. Богатства».	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
С. Н. Кривенко. На распутьи	1	25	1	50	—	25
Н. И. Карвевъ. Историко-философскіе и социологическіе этюды	1	25	1	50	—	25
Ю. Везродная. Офорты, повѣсти, этюды, сказки	1	50	1	75	—	45
Н. А. Лухманова. Двадцать лѣтъ назадъ	1	—	1	25	—	25
С. Я. Надсонъ. Литературныя очерки.	1	—	1	25	—	25
Э. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ	2	—	2	30	—	30

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шесть томовъ. Томы I, II, IV, V и VI по 2 р.; т. III 3 р. 75 к.

Складъ въ книжн. магаз. *А. Я. Панафидина*:

Москва, Фуркасовскій пер., 10.

Подписчики «Русскаго Богатства», уплатившіе всю подписную сумму 9 р., пользуются уступкой 50%.

Съ требованіями на соч. *Н. К. Михайловскаго* (I, II, III, IV, V и VI тт.) слѣдуетъ обращаться *исключительно въ Москву* въ книжный складъ *А. Панафидина*, представляя или копію съ билета на получение «Русскаго Богатства», или печатный адресъ, по которому высылаются журналы.

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО: Щедринъ. Критическій опытъ. Ц. 1 руб.

Складъ въ конторѣ журнала «Русская Мысль»—Москва, уголъ Лезтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

— Литература и жизнь. Цѣна 1 р. (Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова, Спб., Лештуковъ пер.).

ВЛ. КОРОЛЕНКО. Очерки и рассказы. Книга первая, 6 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Склады: Контора журнала «Русская Мысль» — Москва, уголъ Леопольдовскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

Контора журнала «Русское Богатство» — С.-Петербургъ, Васильевская ул., 10.

Поступила въ продажу
Н О В А Я К Н И Г А :

Г И М Н А З И С Т Ы

Н. Г А Р И Н А.

(Печатавшіеся въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1893 года, эти очерки для отдѣльнаго изданія просмотрѣны и значительно дополнены авторомъ).

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Подписчики „РУССКАГО БОГАТСТВА“ за пересылку не платятъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

Томъ I.

1) Дѣтство Тѣмы, 2) Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, 3) Ицка и Давидка, 4) На станціи.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Подписчики „РУССКАГО БОГАТСТВА“ пользуются уступкой 50-ти коп.

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

XXVI.

Газеты города Нью-Йорка, благодаря лозичанину Матвѣю Лозинскому, работали очень бойко. Въ его честь типографскія машины сдѣлали десятки тысячъ лишнихъ оборотовъ, сотни репортеровъ сновали за извѣстіями о немъ по всему городу, а на площадеахъ, передъ огромными зданіями газетъ «World» и «Tribune», «Sun» и «Herald» — толпились лишнія сотни газетныхъ мальчишекъ. На одномъ изъ этихъ зданій, дыма, все еще рыскавшій по городу въ надеждѣ встрѣтиться съ товарищемъ, увидѣлъ экранъ, на которомъ висѣло объявленіе:

ДИКАРЬ ВЪ НЬЮ-ИОРКѢ!

Происшествіе на митингѣ безработныхъ. Кафуръ, патогонецъ или славянинъ?

Сильные полисмена Гопкинса.

УГРОЗА ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Оскорбленіе законовъ этой страны!

МЫ ДАДИМЪ ПОРТРЕТЪ ДИКАРЯ, УБИВШАГО ПОЛИСМЕНА ГОПКИНСА.! **!!!**

Черезъ часъ листы уже летѣли въ толпу мальчишекъ, которые тотчасъ-же ринулись во всѣ стороны. Они шныряли подъ ногами лошадей, вскакивали на ходу въ вагоны электрической дороги, черезъ полчаса были уже на концѣ подземной дороги и въ предмѣстьяхъ Бруклина, — и всюду раздавались ихъ звонкіе крики:

«Дикарь въ Нью-Йоркѣ. Портретъ дикаря на митингѣ безработныхъ... Оскорбленіе законовъ этой страны...»

Газетный джентльменъ, нарисовавшій вчера фантастическое изображеніе дикаря, купающаго свою семью въ городскомъ водоемѣ, не подозрѣвалъ, что его рисунокъ получить столь скорое примѣненіе. Теперь это талантливое произведеніе красовалось въ сотнѣ тысячъ экземпляровъ и серьезные американцы, возвращавшіеся изъ своихъ конторъ, развертывали на ходу газету именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась фигура дикаря, дважды нарушившаго законы этой страны. А такъ какъ очень трудно воздержаться отъ невольныхъ сопоставленій, то газета, пока не выяснятся окончательно мотивы загадочнаго преступленія этого загадочнаго человѣка, — предлагала свое объясненіе, не настаивая, впрочемъ, на полной его достоверности. «Вчера бѣдный Гопкинсъ разъяснилъ дикарю всю неумѣстность купанія дѣтей въ городскихъ водоемахъ. Извѣстно, что дикари мелочны и мстительны. Кто знаетъ, быть можетъ Гопкинсъ палъ невинною жертвой ревностнаго исполненія своего долга».

Въ другой газетѣ, болѣе серьезной, дано было изложеніе событія по свѣжимъ слѣдамъ. Замятка носила названіе: «*Митингъ безработныхъ*»:

«Слѣвшимъ дать нашимъ читателямъ точное изложеніе событія въ Центральномъ паркѣ. Какъ уже извѣстно, митингъ безработныхъ былъ назначенъ въ 10 часовъ, но уже съ ранняго утра площадка и окружающая мѣстность парка стали наполняться людьми въ количествѣ, которое привело въ нѣкоторое замѣшательство полицейскаго комиссара. Въ виду этого, были вызваны резервы. Въ числѣ послѣднихъ оказался извѣстный Гопкинсъ, бывшій боксеръ, лицо достаточно популярное въ этомъ городѣ.

«Къ несчастью, случай, одинъ изъ тѣхъ, которые, конечно, могутъ встрѣтиться во всякомъ городѣ этого штата, во всякомъ штатѣ этой страны, во всякой странѣ этого міра, гдѣ всегда будетъ богатство и бѣдность, что-бы ни говорили опасные утописты,—такой случай внесъ особенное возбужденіе въ настроеніе этой толпы. Неподалеку отъ фонтана, по сосѣдству съ мѣстомъ митинга, въ эту ночь повѣсился какой-то бѣднякъ, имя, родъ занятія, даже національность котораго остались неизвѣстны. Какъ-бы то ни было,—полиція проявила несомнѣнную оидлошность. Нашъ репортеръ успѣлъ срисовать даже изображеніе самоубійцы прежде, чѣмъ полиція узнала о фактѣ. Вынимать тѣло изъ петли пришлось уже въ то время, когда въ паркѣ было много людей, судьба которыхъ, вслѣдствіе случайныхъ, но тѣмъ не менѣе прискорбныхъ причинъ, очень грустно иллюстрировалась видомъ и судьбой этого бѣдняги. Первая попытка полиціи снять тѣло—оказалась неудачна, вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго сильно возбуж-

денной толпой. Но затѣмъ, когда силы полиціи увеличились, это было, наконецъ, сдѣлано,—хотя, нужно признаться, не безъ содѣйствія клобовъ, которые, какъ мы это указывали многократно, полиція наша пускаетъ въ ходъ нерѣдко при обстоятельствахъ, менѣе оправдывающихъ употребленіе этого оружія въ цивилизованной странѣ.

«Въ назначенное время прибылъ на мѣсто извѣстный агитаторъ мистеръ Гомперсъ, въ сопровожденіи хора музыки и со знаменемъ, на которомъ была надпись:

*Работа или смерть.
Тертiе народа истощено.
Соединяйтесь!*

Петиція новому мэру!

«Безпристрастіе требуетъ прибавить, что, кромѣ этихъ, была еще надпись слѣдующаго содержанія: «Достоинство, порядокъ, дисциплина!».

За этой замѣткой слѣдовала другая, имѣвшая опять три заглавія:

*«Чарли Гомперсъ былъ ворекъ.
«Онъ укралъ богатство и роскошь.
«Портилъ порядки этой страны, а этотъ городъ
называлъ вавилонской блудницей».*

«Чарли Гомперсъ, ораторскому таланту котораго нельзя не отдать должной дани удивленія, прекрасно воспользовался даннымъ положеніемъ. Едва прибывъ на мѣсто, въ сопровожденіи хора м-ра Ивэнса (Second avenue, № 00), и узнавъ объ утреннемъ происшествіи, онъ началъ свою рѣчь блестящей импровизаціей, въ которой въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ судьбу, ожидающую, быть можетъ, въ близкомъ будущемъ многихъ, лишенныхъ работы. Вслѣдъ за этимъ онъ воспользовался контрастами, которые на всякомъ шагѣ развертываетъ этотъ городъ, какъ извѣстно, самый большой и самый богатый въ этой странѣ. Эта рѣчь Чарли Гомперса, имѣвшая цѣлью пригласить безработныхъ къ петиціи на имя городского мэра, а также пропагандировавшая идею рабочихъ ассоціацій,—вызвала, повидимому, самыя дурныя страсти. Правда, англичане и американцы, которыхъ, впрочемъ, было очень немного, а также ирландцы и нѣмцы,—остались въ порядкѣ. Но наименѣе цивилизованные элементы толпы,—въ лицѣ итальянцевъ и въ особенности какого-то дикаго челоуѣка неизвѣстной націи—вспыхнули при этомъ, какъ порохъ отъ спички.

Мнѣніе о происшествіи сенатора Робинсона.

«Мистеръ Робинзонъ, любезно принявшій у себя нашего

репортера, находить, что въ этомъ происшествіи съ особенной яркостью выразилась сила законнаго порядка этой страны. «Сэръ,—сказалъ мистеръ Робинзонъ нашему репортеру,—что вы видите въ данномъ случаѣ? Мятежники побѣдили полицію. Преграда между ними и цивилизаціей рушилась въ лицѣ браваго Гопкинса и его товарищей. И что же,—мятежники не находятъ ничего лучшаго, какъ вернуться самопроизвольно къ порядку. Я позволилъ-бы себѣ только спросить мистера Гомперса и въ его лицѣ подобныхъ ему агитаторовъ: зачѣмъ вы, сэръ, возбуждаете страсти и подстрекаете толпу на дѣло, самый успѣхъ котораго не можете ни въ какомъ случаѣ обрратить въ свою пользу?».

«Въ слѣдующемъ №,—прибавляла редакція,—мы дадимъ читателямъ отвѣтъ мистера Гомперса на этотъ вопросъ почтеннаго сенатора».

XXVII.

На утро газета исполнила свое обѣщаніе. Она дала, въ первыхъ, портретъ мистера Гомперса, а затѣмъ подробное изложеніе бесѣды его съ репортеромъ. При этомъ мистеръ Гомперсъ въ изображеніи репортера рисовался столь же благожелательными красками, какъ и сенаторъ Робинзонъ. «Мистеръ Гомперсъ въ личной жизни—человѣкъ привлекательный и симпатичный, его обращеніе съ репортеромъ было необыкновенно пріятливо и любезно, но его отзвѣты о дѣлѣ—очень горячи и энергичны. Мистеръ Гомперсъ винить во всемъ несдержанность полиціи этого города. Самъ онъ былъ «въ порядкѣ». Правда, онъ былъ горекъ въ своей рѣчи, но съ какихъ же это поръ для американца въ этой странѣ считается обязательнымъ произносить только сладкія рѣчи. Кому не нравится сравненіе этого города съ блудницей, тотъ не долженъ слушать по воскресеньямъ проповѣди, хотя-бы, напримѣръ, достопочтеннаго реверендъ-Джонса, такъ какъ это его любимое сравненіе. И, однако, никто не обвиняетъ за это священниковъ въ возбужденіи дурныхъ страстей или въ оскорбленіи страны. Надо думать, что Таманиринчъ, котораго, сколько извѣстно, м-ръ Робинзонъ является дѣятельнымъ членомъ, еще не въ силахъ ограничить въ этой странѣ свободу слова. Мистеръ Гомперсъ очень сожалѣетъ о томъ, что случилось, но пострадавшими въ этомъ дѣлѣ считаетъ себя и своихъ друзей, такъ какъ митингъ оказался сорваннымъ и право собраній грубо нарушено въ ихъ лицѣ. Какъ началась свалка, онъ не видѣлъ, однако, диваръ кажется ему достаточно фантастическимъ, чтобы быть изобрѣтеніемъ полиціи. Безъ сомнѣнія, онъ готовъ удовлетворить любопытство достопочтеннаго сенатора

Робинзона. Какъ уже ясно изъ предъидущаго, онъ не подстрекалъ никого къ нападенію на полицію, такъ же, какъ не подстрекалъ полицейскихъ къ слишкомъ усердному употребленію к्लобовъ. Что же касается до плодовъ его агитаціи, то они видны уже и теперь. Два года назадъ ассоціація рабочихъ, которой онъ имѣетъ честь быть представителемъ, считала ровно вдвое меньшее число членовъ, чѣмъ имѣетъ въ настоящее время. Таковы плоды непосредственныя. Что же касается дальнѣйшихъ, то мистеръ Робинзонъ, сенаторъ и фабрикантъ, можетъ сказать кое-что по этому поведу, такъ какъ на его собственной фабрикѣ съ прошлаго года рабочіе часы сокращены безъ сокращенія платы. Наконецъ, мистеръ Гомперсъ сообщилъ, что онъ намѣренъ начать процессъ передъ судьей штата о нарушеніи неприкосновенности собраній».

XXVIII.

Нѣсколько дней еще происшествіе въ Центральномъ паркѣ не сходило со столбовъ нью-іорскихъ газетъ. Репортеры обѣгали весь городъ и въ редакціи являлись разныя лица, видѣвшія въ разныхъ мѣстахъ странныхъ людей, навлекавшихъ подозрѣніе въ тожественности съ загадочнымъ дикаремъ. Исходя изъ перваго изображенія, нѣкоторые болѣе или менѣе ученые джентльмены высказывали свои мнѣнія о его національности. Отзѣвы были весьма различны, но по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія становились многочисленнѣе и точнѣе, заключенія ученыхъ джентльменовъ начинали вращаться въ кругѣ все болѣе ограниченномъ. Первый приблизился къ истинѣ нѣкто мистеръ Аткинсонъ, исходившій изъ разрушительныхъ тенденцій незнакомца и его безпредѣльной ненависти къ цивилизаціи. Судя по этимъ признакамъ, онъ причислялъ его къ славянскому племени... Къ сожалѣнію, пустившись въ дальнѣйшія гипотезы, мистеръ Аткинсонъ отнесъ къ славянскому племени также «кавказскихъ черкесовъ и самоѣдовъ, живущихъ въ глубинахъ сѣвѣжной Сибири».

Потомъ кругъ около загадочной личности смыкался все болѣе. Въ замѣткахъ, становившихся все болѣе краткими, но за то и болѣе точными—появлялись все новыя мѣста и лица. Негръ Самъ, чистильщикъ сапогъ на Бродвей, мостовой сторожъ, подозревающій незнакомца въ какомъ нибудь покушеніи на вѣсть бруклинскаго моста, кондукторъ вагона, въ которомъ [атвѣй] прибылъ вечеромъ къ Central-park'у, другой кондукторъ, который подвергалъ свою жизнь опасности, оставаясь въ глазу на глазъ съ дикаремъ въ электрическомъ вагонѣ, въ уступныхъ предмѣстьяхъ Бруклина, наконецъ старая барыня, въ буйлами на вискахъ, къ которой таинственный дикарь

огромнаго роста и ужасающаго вида позвонился однажды съ неизвѣстными, но, очевидно, недобрыми цѣлями, когда она была одна въ своемъ домѣ. Въ счастію, престарѣлая леди успѣла захлопнуть свою дверь какъ разъ во время для спасенія своей жизни.

О другой старой барынѣ, изъ дома № 2535, въ газетахъ не упоминалось, можетъ быть потому, что у ней самой въ домѣ читалась одна только польская газета и то издающаяся въ Мильвоки. По этой же причинѣ не было и Анны, которая только вздыхала порой, при воспоминаніи о Матвѣѣ, судьба котораго долго оставалась ей неизвѣстна. Человѣкъ канулъ точно въ воду, и сама она тоже попала, какъ лодка, въ тихую заводь. Каждый день, когда мужъ и жильцы старой барыни уходили,—она точно невидимая фея являлась въ оставленные комнаты, убирала постели, подметала полы, а разъ въ недѣлю перетирала стекла и чистила газовые рожки. Каждый день выносила соръ на улицу въ корзину и готовила обѣдъ для господъ и для двухъ джентльменовъ, обѣдавшихъ дома. Въ два года она не выучила и двухъ десятковъ англійскихъ словъ, потому что въ домѣ съ нею хозяйева говорили по-польски, а больше не говорилъ съ нею никто. Разъ въ мѣсяцъ она ходила въ церковь вмѣстѣ съ барыней — и часто вздыхала: все было, какъ у себя, какъ на родинѣ. Все было какъ на родинѣ въ такой степени, что дѣвушка становилось до боли грустно: зачѣмъ же она ѣхала сюда, зачѣмъ мечтала, надѣялась и ждала, зачѣмъ встрѣтилась съ этимъ высокимъ человѣкомъ, задумчивымъ и страннымъ, который говорилъ: «Моя доля будетъ и твоя доля, малютека». Молодой Джонъ и Дыма не являлись, письмо напрасно искало по свѣту давно потеряннаго брата, жизнь истекала скучными днями, какъ двѣ капли воды, какъ эти дома, которые она видѣла ежедневно, похожими другъ на друга... Она нашла здѣсь родину, ту самую, о которой такъ задыхалъ Лозинскій,—и не разъ она горько плакала объ этомъ по ночамъ въ своей кухонкѣ, въ подвальномъ этажѣ, низкомъ и тѣсномъ... И не разъ ей хотѣлось вернуться къ той минутѣ, когда она послушалась Матвѣя, вмѣсто того, чтобы послушать молодую еврейку... Вернуться и начать жить здѣсь по иному, искать иной доли, можетъ быть дурной, да иной...

Она и не подозрѣвала ничего, когда всѣ газеты Нью-Йорка на всѣ лады трубили объ ея исчезнувшемъ пріятелѣ. Дней черезъ 10, въ одной изъ этихъ газетъ появился портретъ Дымы въ національномъ костюмѣ, что послужило къ его благополучію, такъ какъ Іосифъ Лозинскій розыскалъ его у Борка черезъ редакцію. Это было очень встати, такъ какъ пріятели ирландцы разбрелись, Тамани-голдъ не нуждался

болѣе въ его услугахъ, а работы еще не находилось. Но еще ранѣе, настоящіе ученые, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ этой странѣ, на основаніи мелочнаго матеріала довольно точно опредѣляли родину загадочнаго человѣка. Впрочемъ, въ это время публика перестала уже интересоваться инцидентомъ въ Центральномъ паркѣ, въ особенности послѣ того, какъ оказалось вдобавокъ, что и здоровье мистера Гопкинса, вовсе не убито, приведено въ надлежащее состояніе.

Исторія дикаря отступала все далѣе и далѣе, на четвертую, пятую шестую, страницы, а на первыхъ красовались черезъ нѣсколько дней портреты миссъ Лиззи и мистера Фрэда, двухъ совсѣмъ еще молодыхъ особъ, которые, обвинчавшись самовольно въ Балтиморѣ, устроили своимъ родителямъ, извѣстнымъ миллионерамъ города Нью-Йорка, неожиданный сюрпризъ. И веселая, кудрявая головка миссъ Лиззи, съ лукавыми черными глазками, глядѣла на читателя съ того самаго мѣста и даже нарисованная тѣмъ самымъ карандашомъ, который изображалъ недавно нашего земляка.

Изъ этого слѣдуетъ, какъ легко стать знаменитымъ въ этой странѣ и какъ это бываетъ ненадолго...

И только Дыма, да Лозинскіе читали, что могли, о Матвѣѣ, думая о томъ, какъ имъ теперь розыскать бѣднягу, опять потонувшего безъ слѣда въ людскомъ океанѣ...

XXIX.

А въ это время, самъ виновникъ недавняго волненія публики ѣхалъ въ экстренномъ поѣздѣ на Детройтъ, на Бѣффало, на Ниагару и на Чикаго...

Какъ онъ попалъ въ этотъ поѣздъ, онъ помнилъ потомъ очень плохо. Когда толпа остановилась, когда онъ понялъ, что болѣе уже ничего не будетъ, да и быть болѣе уже нечему, кромѣ самаго плохого, когда, наконецъ, онъ увидѣлъ Гопкинса лежащимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ,—онъ остановился, дико озираясь вокругъ и чувствуя, что его въ этомъ городѣ постигаетъ наконецъ настоящая гибель. Съ этой минуты онъ сталъ опять точно безпомощный ребенокъ и покорно побѣждалъ за какимъ-то долговязымъ итальянцемъ, который схватилъ его за руку и увлекъ за собой.

Черезъ площадь они пробѣжали вмѣстѣ съ толпой, потомъ вбѣжали въ переулокъ, потомъ спустились въ какой-то подвалъ, гдѣ было съ десятокъ другихъ бѣглецовъ, частію мрачныхъ, частію, повидимому, довольныхъ сегодняшнимъ днемъ. Мрачны были старики, довольны молодые бобыли и въ томъ числѣ долговязый спаситель Матвѣя. Это былъ веселый малый, которому, кажется, очень понравилась манера Матвѣя расправ-

латься съ полиціей. Онъ хлопаль его по плечу и распорядился. Другіе, по его указаніямъ, хотя и не безъ труда, достали одежду, которая сразу затрещала по швамъ, когда ее напялили на Матвѣя, а затѣмъ явился цирюльникъ. Матвѣй только озирался съ тоской, когда цирюльникъ хлопоталь около его бороды и волосъ, и черезъ пять минутъ въ небольшое зеркальце на Матвѣя глядѣло какое-то чужое лицо, лощенное и странное, съ подстриженными усами и небольшою лопатвою на бородѣ...

Когда все это было кончено, Матвѣй досталь изъ своей кинутой свитки бумажку, на которой слова еще болѣе затерлись, но все же оставалось одно слово: Миннесота.

— Миннесота, Миннесота, Іосифъ Лозинскій,—повторяль онъ настойчиво, желая выразить этимъ, въ какую сторону бѣлаго свѣта онъ хочеть отправиться поскорѣй изъ этого города, гдѣ онъ теперь сталъ не только бродягой, но и убійцей.

Итальянецъ и его товарищи, оставшіеся съ Матвѣемъ, были люди привѣтливые и веселые; они очень понравились Матвѣю, въ особенности вслѣдствіе вниманія, которымъ они его окружили. Онъ не могъ, однако, не замѣтить, что этотъ беззаботный народъ относится къ его положенію съ какимъ-то непонятнымъ для него весельемъ. Очень можетъ быть, что они сами не знали, что имъ дѣлать дальше съ этимъ огромнымъ и безсловеснымъ человѣкомъ, и потому охотно повели его, переодѣтаго, на вокзалъ. Здѣсь у него взяли деньги, отсчитали сколько было нужно, остальное, что-то немного, отдали ему и сунули ему билетъ до Мильвоки... Потомъ долговязый догадался еще купить нѣсколько грушъ, нѣсколько банановъ, большой кусокъ бѣлаго хлѣба и подаль все это въ вагонъ передъ самымъ отходомъ поѣзда. И затѣмъ, привѣтливо кивая и смѣясь, вся компанія проводила взглядами поѣздъ, который полетѣль по туннелямъ, по улицамъ, по насыпямъ, а кое-гдѣ, кажется, и по крышамъ. И все время, пока не заснулъ, и во снѣ Матвѣй все слышалъ мѣрные, громкіе, нѣсколько печальные удары большого колокола, которымъ на американскихъ паровозахъ замѣняютъ наши свистки. Нѣкоторое время еще мелькали передъ глазами огромные дома проклятаго города, потомъ засинѣла вода, порой совсѣмъ близко у дороги, потомъ потянулись горы съ роскошною зеленью и привѣтливими красивыми домами, потомъ еще мелькали зеленые острова на рѣкѣ, и лункакъ вчера на взморьѣ, стояла надъ водой въ легкой мглѣ.

Корзина съ провизіей склонилась въ ослабѣвшихъ рукахъ огромнаго человѣка, сидѣвшаго въ углу вагона, изъ нея грушъ посыпались на полъ. Ближайшій сосѣдъ молча подобраль ихъ тихо взялъ корзину изъ рукъ спящаго и поставилъ ее рядомъ. Потомъ пришелъ кондукторъ, не будя Матвѣя, вынулъ билетъ и?

за ленты его шляпы и на-мѣсто билета положилъ туда же бѣлую картонную марку съ номеромъ. Огромный человекъ крѣпко спалъ, сидя, и на лицѣ его бродила печальная судорога, а порой губы сводило, точно отъ испуга...

А поѣздъ летѣлъ и звонъ, мѣрный, печальный, оглашалъ то спящія ущелья, то долину, то улицы небольшихъ городовъ, то станціи, гдѣ рельсы скрещивались, какъ паутина, гдѣ, шумя, какъ вѣтеръ въ непогоду, пролетали такіе же поѣзда по всѣмъ направленіямъ, съ такимъ же звономъ, ровнымъ и печальнымъ.

XXX.

Впослѣдствіи Матвѣю случалось ѣздить тою-же дорогой, но впослѣдствіи все въ Америкѣ казалось ему уже другимъ, чѣмъ въ эти печальные дни, когда поѣздъ мчалъ его отъ Нью-Йорка, а куда—неизвѣстно. Онъ проспалъ чудные берега Гудзона и проснулся на время лишь въ Сиракузахъ, гдѣ въ окна засвѣтилось что-то снаружи зловѣщимъ, краснымъ свѣтомъ. Это были громадныя литейныя заводы. Расплавленный чугунокъ огненнымъ озеромъ лежалъ на землѣ, кругомъ стояли черныя зданія, черныя люди бродили, какъ нечистые духи, черный дымъ уходилъ въ темное мглистое небо, и колокола все звонили среди ночи, однообразно и тревожно... Затѣмъ Бѣффало, весь тоже во мглѣ и въ дыму. Потомъ, уже на зарѣ,—въ вагонѣ застучали отодвигаемыя окна, повѣяло утренней свѣжестью, американцы высунулись въ окна, глядя куда-то съ видимымъ любопытствомъ.

— Найагара, Найагара-фолль,—сказалъ кондукторъ, торопливо проходя вдоль поѣзда, и тронулъ лозичанина за рукавъ, съ удивленіемъ глядя на человека, который одинъ сидитъ въ своемъ углу и не смотритъ Ниагару.

Матвѣй всталъ и неохотно подошелъ къ своему окну. Было еще темно, поѣздъ какъ-то робко вползалъ на мостъ, висѣвшій надъ клубящейся бездной. Мостъ вздрагивалъ и напрягался подъ тяжестью, какъ туго натянутая струна, а другой такой-же мостъ, кинутый съ берега на берегъ, на страшной высотѣ, казался тонкой полоской кружева, сквозившей во мглѣ. Внизу — мѣло пѣнистое теченіе рѣки, на скалахъ дремали зданія года, а подъ ними изъ камней струилась и падала кверху (а тонкими бѣлыми лентами. Дальше внизу пѣна рѣки слилась съ бѣловатымъ туманомъ, который клубился и волнолся точно въ гигантскомъ котлѣ, закрывая зрѣлище самаго упада. Только глухой шумъ, неустанный, ровный и какой-безнадежный, рвался оттуда, наполняя трепетомъ и дрожачь сырой воздухъ мгливой ночи. Будто въ туманѣ вораचा-

лось и клокотало что-то огромное и глухо стонало, жалуясь, что нѣтъ ему покоя отъ вѣка до вѣка...

Поѣздъ продолжалъ боязливо ползти надъ бездной, мостъ все напрягался и вздрагивалъ, туманъ клубился, какъ дымъ огромнаго пожара и, поднимаясь къ небу, сливался тамъ съ грядой дальнихъ облаковъ. Потомъ вагонъ пошелъ спокойнѣе, подъ вагономъ зазвучала твердая земля, поѣздъ сошелъ съ моста и потянулся, прибавляя ходъ, вдоль берега. Тогда стало вдругъ свѣтлѣе, изъ-за облака, которое стояло надъ всѣмъ пространствомъ огромнаго водопада, приглушая его грохотъ,—выглянула луна, и водопадъ оставался сзади, а надъ водопадомъ все стояла мгlistая туча, соединявшая небо и землю... Казалось, какое-то летучее чудовище припало въ этомъ мѣстѣ къ рѣкѣ и впилося въ нее среди ночи, и ворчить, и роется, и клокочетъ...

Детройтъ остался у Матвѣя въ памяти только тѣмъ, что желѣзная дорога, какъ будто, вся цѣликомъ отдѣлилась отъ земли и вмѣстѣ съ рельсами и поѣздомъ поплыла по водѣ. Это было уже слѣдующей ночью, и на другомъ берегу рѣки, на огромномъ разстояніи разлегся городъ и тихо пламенѣлъ и свергалъ синими, бѣлыми, желтыми огнями. Потомъ поѣздъ пронесся утромъ мимо Чикаго. На правой сторонѣ чуть не въ самые рельсы ударила синяя волна Мичигана—огромнаго, какъ море, и пароходъ, шедшій прямо къ берегу, вышлывалъ изъза воднаго горизонта, большой и странный, точно онъ взбирался на водяную гору... Еще нѣсколько часовъ вдоль берега, потомъ Милwaukee—и дорога отклонилась къ западу...

Города становились меньше и проще, пошли лѣса и рѣчки, потянулись поля и плантаціи кукурузы... И по мѣрѣ того, какъ мѣстность измѣнялась, какъ въ окна врывался вольный вѣтеръ полей и лѣсовъ,—Матвѣй подходилъ къ окнамъ все чаще, все внимательнѣе присматривался къ этой странѣ, развертывавшей передъ нимъ, торопливо и мимолетно, мирныя картины знаковой лозищанину жизни.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, понемногу и незамѣтно, застывшая во враждѣ душа оскорбленнаго и загнаннаго человѣка начинала какъ будто таять, раздаваться и мякнуть. Въ одномъ мѣстѣ онъ чуть не до половины высунулся изъ окна, — провожая взглядомъ быстро промелькнувшую пашню, на которой мужчины и женщины вязали снопы пшеницы. Въ другомъ, они шибъ на сапы и кирки, смотрѣли на пробѣгающій поѣздъ крѣпкіе, загорѣлые люди, корчевавшіе пни поваленнаго лѣса. Матвѣю была знакома эта работа—и ему хотѣлось-бы выскочить съ поѣзда, взять въ руки топоръ или кирку и показать этимъ людямъ, что онъ, Матвѣй Лозинскій, можетъ сдѣлать самымъ здоровымъ пнищемъ.

Но поѣздъ все звонилъ и летѣлъ, смѣняя картину за картиной, смѣняя грустные дни еще болѣе грустными ночами. И по мѣрѣ того, какъ природа становилась доступнѣе, понятнѣе и проще, по мѣрѣ того, какъ душа лозищанина все болѣе оттаивала и смягчалась, раскрываясь навстрѣчу мирной красотѣ мирной и понятной ему жизни; по мѣрѣ того, какъ въ немъ, на мѣстѣ тупой вражды, вставало сначала любопытство, а потомъ удивленіе и тихое смиреніе,—по мѣрѣ всего этого и на-ряду со всѣмъ этимъ его тоска становилась все острѣе и глубже. Теперь онъ чувствовалъ, что и ему нашлось-бы мѣсто въ этой жизни, если бы онъ не отвернулся сразу отъ этой страны, отъ ея людей, отъ ея города, если-бы онъ оказалъ болѣе вниманія къ ея языку и обычаю, если-бы онъ не осудилъ въ ней сразу, за одно, и дурное, и хорошее... А теперь между нимъ и этой жизнью встало бродяжество и, даже можетъ быть,—преступленіе...

XXXI.

И люди, хотя часто походили на Падди, начинали всетаки представляться лозищанину въ другомъ свѣтѣ. Пока онъ ѣхалъ, переходя съ поѣзда на поѣздъ,—не разъ смѣнилась и публика, и кондукторская бригада. Но всѣ новые пассажиры обращали невольное вниманіе на огромнаго человѣка, чувствовавшего себя какъ будто неловко въ своей одеждѣ, робкаго, застѣнчиваго и молчаливаго. Никто его не тревожилъ, никто не надоѣдалъ никакими разспросами. Но каждый разъ, какъ приходилось мѣнять вагонъ или пересаживаться на другой поѣздъ, къ Матвѣю подходилъ или кондукторъ, или кто нибудь изъ сосѣдей, бралъ его за руку и ласково велъ за собою, въ новое мѣсто. Большой человѣкъ покорно слѣдовалъ въ такихъ случаяхъ за ними и глядѣлъ на провожавшаго застѣнчивыми, но благодарными глазами.

Кромѣ того, здѣсь, въ глубинѣ страны, люди не казались уже до такой степени похожими другъ на друга, какъ въ томъ огромномъ городѣ, гдѣ Матвѣй испыталъ столько горестныхъ приключеній. Въ поѣздъ то и дѣло садились рослые фермеры, загорѣлые, широкоплечіе, въ широкихъ скуртукахъ и съ бородами, которыя могли бы и на нихъ навлечь остроты нью-іоркскихъ уличныхъ бездѣльниковъ. Порой суровый квакеръ, порой млекопъ, порой торговецъ скотомъ или охотникъ изъ Канады—дѣлялись среди остальной публики, привлекая невольное вниманіе. А одинъ разъ у костра сидѣла, въ ожиданіи своего ѣзда, группа бронзовыхъ индѣйцевъ, возвращавшихся изъ Чингтона, завернувшихъ въ свои одѣяла и равнодушно ку-

рившихъ трубки подъ взглядами любопытной толпы, высыпавшей на это зрѣлище изъ поѣзда...

На одной станціи, представлявшей нѣсколько скромныхъ зданій подъ лѣсомъ, въ которомъ слышались удары топора и грохотъ парового молота, — въ вагонъ, гдѣ сидѣлъ Матвѣй, вошелъ новый пассажиръ. Это былъ старикъ, съ худошавымъ лицомъ, сильно впавшими щеками, тонкими губами и острымъ пронизательнымъ взглядомъ. Человѣкъ вида страннаго, пожалуй даже смѣшнаго, тѣмъ болѣе, что одѣтъ онъ былъ совсѣмъ оборванцемъ, а между тѣмъ держалъ себя увѣренно и даже гордо. Его одежда, когда-то вѣроятно черная, — теперь стала сѣрой, отъ солнца, пыли и многочисленныхъ ржавыхъ пятенъ. Его штаны были коротки, точно надѣты съ ребенка, а сапоги порывѣли еще болѣе, чѣмъ у Матвѣя, у котораго они хранили всетаки слѣды щетокъ негра Сама на Бравдвѣ. Но на головѣ незнакомца была надѣта новенькая, очень щегольская шляпа, а во рту торчала большая сигара, наполнявшая вагонъ тонкимъ ароматомъ. Матвѣй удивлялся уже ранѣе, что здѣсь, по видимому, нѣтъ особыхъ вагоновъ для «простого народа», а теперь подумалъ, что такого молодца въ такихъ штанахъ, да еще съ сигарой, — едва ли потерпятъ рядомъ съ собой остальные пассажиры. Но, къ его удивленію, старика почтительно провожали со станціи какой-то господинъ, очень щеголеватый, и кузнецъ, только что отошедшій отъ горна. Оба они пожимали ему руки на платформѣ, а когда онъ вошелъ въ вагонъ, — ближайшій молодой человѣкъ, тоже одѣтый весьма старательно, привѣтливо посторонился, очищая мѣсто возлѣ себя... Старикъ кивнулъ головой, вынулъ сигару, сплюнулъ и протянулъ молодому человѣку руку, запачканную въ копоти.

Вслѣдъ за старикомъ вошелъ еще человѣкъ высокаго роста, загорѣлый и худошавый. Онъ только что подошелъ нѣшкомъ, по лѣсной дорожкѣ, съ узломъ на плечахъ и видимо очень усталъ. При видѣ его лица, всей фигуры и тонкихъ рукъ, которыми онъ снималъ свой узелъ, въ Матвѣѣ шевельнулось какое-то предчувствіе. Ему хотѣлось встать, подойти и заговорить съ нимъ, но онъ этого не сдѣлалъ. Слишкомъ ужъ часто приходилось бѣднягѣ обманываться въ своихъ ожиданіяхъ, и каждый разъ бывало такъ горько встрѣчать на привѣтствіе — взглядъ недоумѣнія и непониманія. Рослый человѣкъ кинулъ взглядъ на Матвѣя, потомъ усѣлся, поднявъ ноги на спинку свободной скамьи, вынулъ плохую сигару, закурилъ задумался, глядя въ потолокъ вагона. Если-бы Матвѣй умѣлъ читать чужія мысли, — онъ прочиталъ-бы въ задумчивыхъ, черныхъ глазахъ молодого незнакомца воспоминанія о родной сторонѣ, внезапно и безсознательно вспыхнувшія, быть можетъ при видѣ голубыхъ глазъ лозищанина... О той сторонѣ, г.

зимой лежать глубокие снѣга, покрывая все, точно саваномъ, гдѣ вмѣсто рѣдкихъ поѣздовъ—тянутся еще по всѣмъ направленіямъ медлительные обозы, гдѣ по пыльной дорогѣ скачутъ тройки съ колокольцами, гдѣ онъ, быть можетъ, самъ скакалъ когда то на такой-же тройкѣ, между тѣмъ, какъ вотъ такіе же люди съ кроткими голубыми глазами сворачивали въ сторону и обѣими руками снимали передъ проѣзжающимъ свои шапки... А въ сторонѣ чернѣли села и слышался звонъ убогой сельской церкви...

Между тѣмъ, поѣздъ опять мчался дальше. Теплый вечеръ спускался на поля, на лѣса, на равнины, закутывая все легкимъ сумракомъ, который становился все синѣе и гуще. Рѣдкое позваниваніе локомотива оглашало лѣса, молчаливо лежавшіе по обѣ стороны дороги. И всякій разъ при этомъ гдѣ нибудь на полянкѣ мелькалъ огонь, порой горѣлъ костеръ, вокругъ котораго расположились дровосѣки, порой свѣтились окна домовъ... Въ одномъ мѣстѣ семья садилась за ужинъ на открытомъ воздухѣ. Въ открытыхъ настежь дверяхъ стояла женщина съ ребенкомъ, и даже пламя свѣчей не колебалось въ этомъ лѣсномъ затишѣ, въ этотъ тихій и благодатный вечеръ.

Матвѣй смотрѣлъ на все это и на глаза его просились невольныя слезы. Будетъ-ли онъ, Матвѣй Ловинскій, когда нибудь жить такою же жизнью, въ такой же семьѣ, хотя-бы послѣднимъ настухомъ или вѣчнымъ работникомъ, и сколько еще времени и куда его понесетъ этотъ поѣздъ и что съ нимъ будетъ въ невѣдомомъ мѣстѣ, гдѣ судьба позоветъ его опять на невѣдомыя приключенія...

Когда онъ отвернулся отъ окна, его глаза встрѣтились съ острыми глазами сѣраго господина, глядѣвшими на него съ пристальнымъ вниманіемъ. Мысли Матвѣя стали очень горьки, а въ такихъ случаяхъ онъ всегда старался заснуть. Черезъ четверть часа онъ дѣйствительно спалъ, сидя и закинувъ голову. А по лицу его, при свѣтѣ ближайшаго фонаря, проходили какія-то странныя тѣни, губы подергивались судорогой и брови сдвигались, образуя крутую морщину на лбу.

— Откуда ѣдетъ этотъ человѣкъ?—спросилъ, глядя на него, сѣрый старикъ у своего молодого сосѣда.

— Изъ Мильвоки.

— О нѣтъ,—перебилъ другой.—Я ѣду изъ Мильвоки. Другіе идѣли его въ поѣздѣ изъ Чикаго, а, можетъ быть, онъ изъ Нью-Йорка. Вы можете говорить громко, онъ не понимаетъ ні слова по-англійски.

— Не понимаетъ или притворяется,—сказалъ старикъ.—Не чдъ я джеджъ (судья) Дикъ Дикинсонъ, если этотъ человѣкъ—преступникъ. Я узнаю людей этого сорта по первому яду.

— Мистеръ Дикинсонъ—человѣкъ опытный, — подтвердилъ юноша, и тотчасъ прибавилъ:—прошу передать мой поклонъ миссъ Люси, вашей дочери. Мы, кажется, подъѣзжаемъ къ Дѣблтоуну...

XXX.

Дѣйствительно, звонъ раздавался теперь чаще, поѣздъ замедлялъ ходъ, кондукторъ вошелъ въ вагонъ и отобралъ билеты у человѣка съ узломъ, у сѣраго старика, у его молодого сосѣда. Потомъ подошелъ къ спавшему Матвѣю и, тронувъ его за рукавъ, сказалъ:

— Дѣблтоунъ, Дѣблтоунъ,—сэръ...

Матвѣй проснулся, раскрылъ глаза, понялъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Дѣблтоунъ! Онъ слышалъ это слово каждый разъ, какъ новый кондукторъ бралъ билетъ изъ-за его шляпы, и каждый разъ это слово будило въ немъ неприятное ощущеніе. Дѣблтоунъ, поѣздъ замедлилъ ходъ, берутъ билетъ,—значить, конецъ пути, значить, придется выйти изъ вагона... А что-же дальше, что его ждетъ въ этомъ Дѣблтоунѣ, куда ему взяли билетъ потому, что до этого мѣста хватило денегъ по направленію къ Миннесотѣ...

Въ окнахъ вагона замелькали снаружи огни, точно бриллиантовыя булавки, воткнутыя въ темноту горъ и лѣсовъ. Потомъ эти огни сбѣжали далеко внизъ, отразились въ какомъ то ключѣ воды, потомъ совсѣмъ исчезли, и мимо окна, шипя и гудя, пробѣжала гранитная скала такъ близко, что на ней ясно отражался желтый свѣтъ изъ оконъ вагона... Затѣмъ подъ поѣздомъ загудѣлъ мостъ, опять появились далекіе огни надъ рѣкой, но теперь они вѣбирались все выше, подбѣгали все ближе, заглядывая въ вагонъ вплотную и быстро исчезая назадъ. На паровозъ звонили безъ перерыва, потому что поѣздъ, едва замедлившій ходъ, мчался теперь по главной улицѣ города Дѣблтоуна...

— Видѣли-ли вы, сэръ, какъ этотъ незнакомецъ вздрогнулъ?—спросилъ молодой человѣкъ, очевидно, заискивавшій у судьи Дикинсона.

— Я все видѣлъ,—отвѣтилъ старикъ.—Джедъ Дикинсонъ приметъ свои мѣры.

Черезъ минуту двери домовъ въ Дѣблтоунѣ раскрывались и жители выходили навстрѣчу своихъ пріѣзжихъ. Вагонъ опустѣлъ, рослый человѣкъ съ узломъ пошелъ внизъ, къ рѣкѣ, гдѣ стояла небольшая лѣсопилка, у пристани. Молодой человѣкъ долго кланялся Дикинсону, напоминая о поклонѣ миссъ Люс потому и онъ ушелъ, унося въ городъ подозрѣнія и тревогу. Человѣкъ, который не сказалъ никому ни слова отъ Мильвока

до Дэблтоуна, человекъ, который вздрагиваетъ отъ прикосновения, человекъ, наконецъ, который возбудилъ сильныя подозрѣнія въ самомъ уважаемомъ, хотя и самомъ эксцентричномъ человекѣ города,—вышелъ на платформу дэблтоунскаго вокзала.

— Посмотрите, Джонъ, куда отправится этотъ незнакомецъ,—сказалъ судья единственному полицмену города Дэблтоуна.—Надо узнать намѣренія этого молодца. Боюсь, что намъ не придется узнать ничего особенно хорошаго.

Полицменъ Джонъ Белли отошелъ и скрылся подъ тѣнью какого-то сарая, гордясь тѣмъ, что, наконецъ, и ему выпало на долю исполнять нѣкоторое, довольно тонкое порученіе...

XXXI.

Однако, скоро Джону Белли стало казаться, что у незнакомца не было никакихъ намѣреній. Онъ просто вышелъ на платформу, безъ всякаго багажа и даже, повидимому, безъ всякаго плана дѣйствій и тупо смотрѣлъ, какъ удаляется поѣздъ. Раздался звонъ, зашипѣли колеса, поѣздъ пролетѣлъ по улицѣ, мелькнулъ въ полосѣ электрическаго свѣта около аптеки, а затѣмъ потонулъ въ темнотѣ, и только еще красный фонарикъ сзади нѣсколько времени посылалъ прощальный привѣтъ изъ глубины ночи...

Ложищанинъ вздохнулъ, оглянулся и сѣлъ на скамью, подъ заборомъ, около опустѣвшаго вокзала. Луна поднялась на середину неба, фигура полицмена Джона Белли стала выступать изъ сократившейся тѣни, а незнакомецъ все сидѣлъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ намѣреній по отношенію къ засыпавшему городу Дэблтоуну.

Тогда Джонъ Белли вышелъ изъ своей засады и, согласно уговору, постучался въ окно къ судѣ Дикинсону.

Джедъжъ Дикинсонъ высунулъ голову съ выраженіемъ человека, который знаетъ впередъ все то, что ему пришли теперь сообщить.

— Ну, что, Джонъ? Куда направился этотъ молодецъ?

— Онъ никуда не отправился, сэръ. Онъ все сидитъ на томъ-же мѣстѣ.

— Онъ все сидитъ... хорошо. А узнали вы его намѣренія?

— Я думаю, сэръ, что у него нѣтъ никакихъ намѣреній.

— У всякаго человека есть намѣренія, Джонъ. Повѣрьте мѣ, у всякаго человека непременно есть какія нибудь намѣренія. Если я иду въ булочную,—значитъ, я намѣренъ купить лаго хлѣба, это ясно, Джонъ. Если я ложусь въ постель,—невидно, я намѣренъ заснуть. Не такъ-ли?

— Совершенно справедливо, сэръ.

— Ну, а если-бы... (тутъ лицо стараго джентльмена приняло необыкновенно хитрое выраженіе), если бы вы увидѣли, что я хожу въ полночь около желѣзнодорожнаго склада, осматривая замки и двери... Понимаете вы меня, Джонъ?

— Какъ нельзя лучше, сэръ... Однако... Если человѣкъ только сидитъ на мѣстѣ и вздыхаетъ...

— Гм... вздыхаетъ. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ намѣренія его не такъ ясны. Вы говорите, — онъ сидитъ на скамьѣ?

— Да, на первой скамьѣ отъ платформы, у дорожки сквера...

— Уэль! Онъ имѣетъ право, какъ и всякій другой, сидѣть на этой скамьѣ хоть до утра. Посмотрите только, не станеть-ли онъ дѣлать чего нибудь похуже. Дѣблтоунъ полагается на вашу бдительность, сэръ! Не пойдетъ-ли незнакомецъ къ рѣкѣ, нѣтъ-ли у него сообщниковъ на баркахъ, не ждетъ-ли онъ случая, чтобы ограбить желѣзнодорожный поѣздъ, какъ это было недавно около Мадисона... Пойдите еще, Джонъ.

Джеджъ Дикинсонъ задумался: каковы могутъ быть намѣренія человѣка, который сидитъ и вздыхаетъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ опять посмотрѣлъ на Джона своими острыми глазами и сказалъ:

— Джонъ!

— Слушаю, сэръ!

— Я сильно ошибаюсь, если вы найдете его на мѣстѣ. Онъ хотѣлъ обмануть вашу бдительность и достигъ этого. Ступайте туда и приходите сказать мнѣ, если его не найдете. Въ противномъ случаѣ, не спускайте съ него глазъ и приходите завтра. Надо узнать намѣренія этого молодца во что-бы то ни стало...

Окно джеджа Дикинсона захлопнулось, а Джонъ Келли отправился на свой постъ. Человѣкъ безъ намѣреній все сидѣлъ, низко опустивъ голову. Джонъ Келли сталъ искать тѣни, подлиннѣе и погуще, чтобы пристроить въ ней свою долговязую фигуру. Такъ какъ это не удавалось, то Келли рѣшилъ, что ему необходимо присѣсть у стѣны склада. А затѣмъ, голова Джона Келли сама собой прислонилась къ стѣнѣ и онъ сладко заснулъ. Судья Дикинсонъ подождалъ еще нѣкоторое время, но, видя, что полицменъ не возвращается, рѣшилъ, что человѣкъ безъ намѣреній оказался еще на мѣстѣ. Онъ потушилъ свою лампу и вскорѣ весь городъ Дѣблтоунъ заснулъ по надежной охраной полицмена Келли...

XXXII.

На утро надежный стражъ опять явился къ судѣ.

— Ну, что скажете, Джонъ?

— Все въ порядкѣ, сэръ.

— А его намѣренія?

— Онъ все сидитъ, сэръ, опустивъ голову на руки. Когда поутру проходилъ желѣзнодорожный сторожъ, онъ только посмотрѣлъ на него. «Какъ больная собака» — сказалъ Виліамсъ.

— Онъ все сидитъ, — было слѣдующее донесеніе Джона.

— Онъ ничего не ѣстъ, — доложилъ онъ затѣмъ.

— Около незнакомца собираются обыватели города Дэблтоуна, — сказала онъ часовъ въ 11.

— Вся площадь и скверъ около вокзала заняты народомъ, сэръ.

— Что имъ нужно, Джонъ?

— Они, вѣроятно, тоже хотятъ узнать его намѣренія, сэръ.

— Узнать намѣренія! Конечно, они вправдѣ этого желать... Но... что вы думаете объ этомъ, Джонъ?

— Я полагаю, всего лучше, пригласить его въ камеру.

— Въ камеру! Но что же дѣлать судѣ съ человѣкомъ, который не обнаруживаетъ никакихъ намѣреній. Ступайте, Джонъ, я посоветуюсь съ Гаррисономъ и съ Дримомъ.

Донесеніе Джона было совершенно справедливо. Уже съ вечера по городу пошелъ слухъ, что съ послѣднимъ поѣздомъ прибылъ странный незнакомецъ, намѣренія котораго возбудили подозрительность м-ра Дикинсона. На утро-же, когда оказалось, что у незнакомца нѣтъ никакихъ намѣреній и что передъ этимъ удивительнымъ фактомъ самъ мистеръ Дикинсонъ растерялся совершенно, — городъ Дэблтоунъ пришелъ въ понятное волненіе. Около страннаго человѣка стали собираться кучки любопытныхъ, сначала мальчики и подростки, шедшіе въ школы потомъ прикащики, потомъ дэблтоунскія дамы, возвращавшіяся изъ лавокъ и съ базаровъ, — однимъ словомъ, весь Дэблтоунъ, постепенно просыпавшійся и принимавшійся за свои обыденныя дѣла, перебивалъ на площадѣ городского сквера у желѣзнодорожной станціи, стараясь, конечно, проникнуть въ намѣренія незнакомца...

Но это было очень трудно, такъ какъ незнакомецъ все сидѣлъ на мѣстѣ, вздыхалъ, глядѣлъ на проходящихъ и порой отвѣчалъ на вопросы непонятными словами. А между тѣмъ, у Матвѣя къ этому времени уже было намѣреніе. Разсмотрѣвъ внимательно свое положеніе, въ эту долгую ночь, пока городъ спалъ, а невдалекѣ сновала тѣнь полицейскаго Келли, — онъ пришелъ къ заключенію, что отъ судьбы не уйдешь; судьба представлялась ему, человѣку безъ языка и безъ паспорта, — въ видѣ неизбежной тюрьмы... Онъ долго думалъ объ этомъ и рѣшилъ, что раньше или позже, а безъ знакомства съ амери-

канской кутузкой дѣло обойтись не можетъ. Такъ пусть ужъ лучше раньше, чѣмъ позже. По крайней мѣрѣ не попадешь въ какую нибудь еще худшую исторію. Поэтому онъ даже вздохнулъ съ облегченіемъ и какъ-то радостно поднялся навстрѣчу полицмену, который шелъ къ нему, расталкивая толпу...

XXXIII.

Судья Дикинсонъ не окончилъ еще совѣщанія, когда шумъ и говоръ толпы у его дома показали ему, что случилось нѣчто новое. Онъ вышелъ въ камеру и дѣйствительно увидѣлъ незнакомца, кротно стоящаго посрединѣ, а рядомъ полицмена Белли, имѣвшаго торжествующій видъ.

— Онъ обнаружилъ намѣреніе, г. судья!

— Хорошо, Джонъ. Я знаю, что вы оправдаете возлагаемое на васъ довѣріе... Какое-же намѣреніе онъ обнаружилъ, сэръ?

— Онъ намѣревался укусить меня за руку.

Мистеръ Дикинсонъ выказалъ непритворное удивленіе.

— Укусить за руку... Странно. Увѣрены-ли вы въ этомъ, Джонъ?

— У меня есть свидѣтели.

— Хорошо! Мы спросимъ свидѣтелей. Укусить за руку... Намѣреніе странное... во всякомъ случаѣ, это очень серьезно.

Матвѣй глядѣлъ съ удивленіемъ на все, что кругомъ происходить и, хотя онъ рѣшилъ идти навстрѣчу неизбежной судьбѣ, т. е. американской кутузкѣ, — но ему казалось, что все это дѣлается не такъ, какъ надо. Онъ представлялъ себѣ это дѣло гораздо проще. Сидитъ человѣкъ, у него спрашиваютъ паспортъ, онъ отвѣчаетъ: Но (онъ знаетъ, что это значитъ отрицаніе), паспорта нѣтъ, — затѣмъ полицейскій съ книгой подъ мышкой ведетъ человѣка куда надо. А тамъ, что будетъ. Онъ выучится языку, сидя въ укромномъ мѣстѣ, и объяснитъ, кто онъ и почему попалъ въ бѣду...

Но теперь за нимъ валитъ толпа, какъ за звѣремъ, его ведутъ зачѣмъ-то къ этому человѣку въ пыльной одеждѣ, а за нимъ набилась полная комната народу... Онъ сталъ озираться съ неудовольствіемъ и негодованіемъ, думая, что надъ нимъ строятъ какую нибудь дурную шутку.

Между тѣмъ судья Дикинсонъ занялъ свое мѣсто.

— Мы установимъ національность и имя этого человѣка, сказалъ онъ.— Your name?

Незнакомецъ молчалъ.

— Your nation?—И не получая отвѣта, судья посмотрѣлъ на публику.—Я вижу здѣсь мосье Лебана. Прошу обратиться къ обвиняемому по французски.

Попытка мистера Лебана оказалась не болѣе удачной. Маленькій французскій господинъ напрасно бомбардировалъ огромнаго незнакомца градомъ словъ, которыя ему пришлось выдаты снизу вверхъ.

— Мистеръ Ньюманъ, не будете-ли вы счастливыѣ.

Нѣмецъ съ окрестной фермы, ростомъ не менѣе Лозинскаго и такого-же богатсрскаго сложенія, вышелъ изъ пубрики, сталъ противъ Матвѣя и, по чувству невольной симпатіи сильнаго человѣка, похлопалъ его по плечу... Матвѣй кивнулъ ему головой, но дальше ихъ разговоръ не пошелъ.

— Не поможеть-ли еще кто нибудь правосудію, — сказалъ растерявшійся Дикинсонъ.

Тогда изъ толпы вышла женщина лѣтъ сорока, небольшого роста, съ голубыми, какъ и у Матвѣя, хотя и значительно выпѣвшими, глазами. Она стала противъ Матвѣя и какъ будто начала припоминать что-то.

Въ камерѣ водворилось молчаніе. Женщина смотрѣла на лозищанина, Матвѣй впился глазами въ ея глаза, тусклые и выпѣвшіе, какъ ледъ, но въ которыхъ пробивалось что-то, какъ будто старое воспоминаніе. Это была дочь поляка эмигранта. Ея мать умерла рано, отецъ спился гдѣ-то въ Калифорніи, и ее воспитали американцы. Теперь какія-то смутныя воспоминанія шевелились въ ея головѣ. Она давно забыла свой языкъ, но въ ея памяти еще шевелились слова пѣсни, которой мать забавляла когда-то ее, малаго ребенка. Вдругъ глаза ея засвѣтились, она приподняла надъ головой руку, щелкнула пальцами, повернулась и зацѣла по-польски, какъ-то странно, точно гсзорящая машина:

Наша мат-ка... ку-ропат-ка...

Рада битъ дѣ-тей...

Матвѣй вздрогнулъ, рванулся къ ней и заговорилъ быстро и возбужденно. Звуки славянскаго языка дали ему надежду на спасеніе, на то, что его, наконецъ, поймутъ, что ему найдется какой нибудь выходъ...

Но глаза женщины уже потухли. Она слушала Матвѣя и не понимала ни слова. Потомъ поклонилась судѣ, сказала что-то по-англійски и вышла.

Она сказала, что, по ея мнѣнію, это полякъ или русскій и что на лѣсопилкѣ она знаетъ русскаго, котораго можетъ при-слать. Но Матвѣй не понималъ этого. Онъ кинулся за ней, крича что-то, почти въ изступленіи, но нѣмецъ и Белли загордили ему дорогу. Можетъ быть они боялись, что онъ иску-саетъ эту женщину, какъ хотѣлъ укусить полисмена...

Тогда Матвѣй схватился за ручку скамейки и пошатнулся. Глаза его были широко открыты, какъ у человѣка, которому представилось страшное видѣніе. И дѣйствительно, — ему, го-

лодному, истерзанному и потрясенному, первый разъ въ жизни привидѣлся сонъ на яву. Ему представилось совершенно ясно, что онъ еще на кораблѣ, стоитъ на самой кормѣ, что голова у него кружится, что онъ падаетъ въ воду. Это снялось ему не разъ во время путешествія и онъ думалъ послѣ этого, что чувствуютъ эти бѣдняки, съ разбитыхъ кораблей, одни, безъ надежды, среди этого бездушнаго, безконечнаго и грознаго океана...

Теперь этотъ самый сонъ проносился передъ его широко открытыми глазами. вмѣсто судьи Дикинсона, вмѣсто полицейскаго Келли, вмѣсто всѣхъ этихъ людей, вмѣсто камеры, — передъ нимъ ясно ходили волны, пѣнистыя, широкія, холодныя, безъ конца, безъ края... Онъ ходитъ, грохочуть, плещуть, подымаются, топятъ... Онъ напрасно старается вынырнуть, крикнуть, позвать, схватиться, удержаться на поверхности, кто-то тащеть его книзу. Въ ухахъ шумить, передъ глазами зеленая глубина, таинственная и страшная. Это гибель. И вдругъ къ нему склоняется человѣческое лицо, съ голубыми застывшими глазами. Онъ оживаетъ, надѣется, онъ ждетъ руки помощи. Но глаза тусклы, лицо блѣдно... Это лицо мертвеца, который утонулъ уже раньше...

Вся эта картина мелькнула на одно мгновение, но такъ ясно, его сердце сжалось такимъ ужасомъ, что онъ глубоко вздохнулъ и схватился за голову... «Господи Боже, Святая Дѣва, — бормоталъ онъ, — помогите несчастному человѣку. Кажется, что въ головѣ у меня неладно...»

Онъ протеръ глаза кулакомъ и опять сталъ искать надежду на лицахъ этихъ людей.

А въ это время полицейскій Джонъ объяснялъ судѣ Дикинсону, при какихъ обстоятельствахъ обнаружили намѣренія незнакомца. Онъ разсказалъ, что, когда онъ подошелъ къ нему, тотъ взялъ его руку вотъ такъ (и Джонъ взялъ руку судьи), потомъ наклонился вотъ этакъ...

И полицейскій Джонъ для большей живости оскалилъ свои бѣлые зубы...

Эта демонстрація произвела сильное впечатлѣнiе на публику, но впечатлѣнiе, произведенное ею на незнакомца, было еще сильнѣе. Этотъ языкъ былъ и ему понятенъ. При видѣ маневра Келли, ему стало сразу ясно очень многое: и то, почему Келли такъ рѣзко отдернулъ свою руку, и даже, за что онъ, Матвѣй, получилъ ударъ въ Центральномъ паркѣ... И ей стало такъ обидно и горько, что онъ забылъ все.

— Неправда, — крикнулъ онъ, — не вѣрьте ему, этому подлому человѣку...

И, возмущенный до глубины души клеветой, онъ вступилъ къ столу, чтобы показать судѣ, что именно онъ хотѣлъ сдѣлать съ рукой полицмена Келли...

Джеджъ Дикинсонъ вскочилъ со своего мѣста и наступилъ призомъ на свою новую шляпу. Нѣмецъ, Белли и еще нѣсколько человекъ схватили сзади незнакомца, чтобы онъ не искусалъ судью, избраннаго народомъ Дэблтоуна; въ камерѣ водворилось волненіе, небывалое въ лѣтопсяхъ города. Ближайшіе къ дверямъ винулись къ выходу, толпились, падали и кричали, а внутри происходило что-то непонятное и страшное...

Измученный, голодный, оскорбленный, доведенный до изступленія, — лозищанинъ раскидалъ вѣхъ, вцѣпившихся въ него американцевъ, и только дюжий нѣмецъ еще держалъ его сзади за локти, упираясь ногами... А онъ рвался впередъ, съ глазами, налившимися кровью, и чувствуя, что онъ дѣйствительно начинаетъ сходить съ ума, что ему дѣйствительно хочется кинуться на этихъ людей, бить и, пожалуй, кусаться...

Неизвѣстно что было-бы дальше. Но въ это время въ камеру быстро вошелъ рослый брюнетъ съ лѣсопалки, вѣхавшій вчера въ поѣздѣ. Онъ протолкался къ Матвѣю, сталъ передъ нимъ и спросилъ съ участіемъ, по-русски:

— Эй, землякъ. Что вы тутъ натворили?

При первыхъ звукахъ этого голоса, незнакомецъ рванулся и, припавъ къ рукѣ новопришедшаго, сталъ цѣловать ее, рыдая, какъ ребенокъ...

Черезъ четверть часа камера мистера Дикинсона опять стала наполняться обывателями города Дэблтоуна, узнавшими, что, по обстоятельствамъ дѣла, намѣреніе незнакомца разъяснилось въ самомъ удовлетворительномъ смыслѣ. Въ лицѣ русскаго джентльмена, работающаго на лѣсопалкѣ, онъ нашелъ земляка и адвоката, которому не стоило много труда опровергнуть обвиненіе. Судья Дикинсонъ получилъ вполне удовлетворительные отвѣты на вопросы: «Young name?», «Young nation?» и на всѣ другіе, вытекавшіе изъ обстоятельствъ дѣла. Гордый полнымъ усиліемъ, увѣнчавшимъ его административную тактику, — онъ великодушно забылъ даже о новой шляпѣ и, быстро покончивъ съ официальными отношеніями, протянулъ обвиняемому руку, выразивъ призомъ увѣренность, что выборъ именно Дэблтоуна изъ всѣхъ городовъ союза — дѣлаетъ величайшую честь его проницательности... Въ заключеніе онъ предложилъ Матвѣю партикулярный вопросъ:

— Тоу до ю лайкъ дисъ взунтри, сэръ?

— Онъ хочеть знать, какъ вамъ понравилась Америка?

Матвѣй, который все еще дышалъ довольно тяжело, махнулъ только рукой. — А! еще три дня назадъ я ей желалъ провалиться.

— Что сказалъ джентльменъ о нашей странѣ? — съ любопытствомъ переспросилъ судья Дикинсонъ, одновременно воз-

будивъ великое любопытство въ остальныхъ присутствующихъ.

— Онъ говоритъ, что ему нужно время, чтобы оцѣнить всѣ ея достоинства, сэръ...

— Вѣри уэль! Отвѣтъ, совершенно достойный благороднаго джентльмена!

XXXIV.

На слѣдующій день газета города Дэблтоуна вышла въ увеличенномъ форматѣ. На первой страницѣ ея красовался портретъ мистера Мэтью, новаго обывателя славнаго города, а въ текстѣ, снабженномъ достаточнымъ количествомъ весьма громкихъ заглавій,—редакторъ ея обращался ко всей остальной Америкѣ вообще и къ городу Нью-Йорку въ особенности. «Отнынѣ—писалъ онъ,—городъ Дэблтоунъ можетъ гордиться тѣмъ обстоятельствомъ, что его судья, мистеръ Дикинсонъ, удачно разрѣшилъ вопросъ, надъ которымъ тщетно ломали головы лучшіе ученые Нью-Йорка. Знаменитый дикарь, виновникъ инцидента въ Central-park'ѣ, извѣстіе о которомъ обошло всю Америку въ столь искаженномъ видѣ,—въ настоящее время является гостемъ нашего города. Послѣ весьма искуснаго разслѣдованія, произведеннаго чрезвычайно свѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ судьей, м-ромъ Дикинсономъ,—онъ оказался русскимъ, уроженцемъ Лозичанской губерніи (одной изъ лучшихъ и самыхъ просвѣщенныхъ въ этой великой и дружественной странѣ), христіаниномъ и,—добавимъ отъ себя,—очень кроткимъ человекомъ, весьма пріятнымъ въ обращеніи и совершенно лояльнымъ. Онъ обнаружилъ истинно христіанскую радость, узнавъ о томъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ нью-йоркскихъ газетъ, здоровье полисмена Гопкинса, считавшагося убитымъ, находится въ вождѣленномъ состояніи и что этотъ полисменъ уже приступилъ къ исполненію своихъ обычныхъ обязанностей. Тѣмъ лучше для полисмена Гопкинса, но, смѣемъ прибавить, основываясь на мнѣніи лучшихъ юристовъ нашего города, что въ этомъ вопросѣ является заинтересованнымъ лицомъ единственно лишь самъ полисменъ Гопкинсъ, такъ какъ, по обстоятельствамъ дѣла, онъ самъ виновникъ въ постигшемъ его несчастіи. Да, повторяемъ, онъ самъ виновенъ, такъ какъ первый ударилъ кlobомъ по головѣ мирнаго человѣка, обратившагося къ нему съ выраженіемъ любви и довѣрія. Если судья города Нью-Йорка думаютъ иначе, если адвокатъ этого штата пожелаетъ доказывать противное, или самъ полисменъ Гопкинсъ вознамѣрится искать убытки, то они будутъ имѣть дѣло съ лучшими юристами Дэблтоуна, выразившими готовность защищать обвиняемаго безвозмездно. Едва-ли, однако, въ этомъ представится надобность послѣ того,

какъ мы разоблачимъ на этихъ столбахъ еще одну клевету, которой наши нью-йоркскія собратія по перу, безъ достаточной провѣрки, очернили репутацію мистера Мэтью Лозинскаго, нашего уважаемаго гостя. Дѣло въ томъ, что онъ вовсе не кусается. Движеніе, которое полицменъ Гопкинсъ истолковалъ въ этомъ позорномъ смнслѣ (что вовсе не дѣлаетъ чести проницательности нью-йореской полиціи),—имѣеть, наоборотъ, значеніе самаго горячаго привѣта и почтенія, которымъ въ Лоцищанской губерніи обмѣниваются взаимно люди самаго лучшаго круга. Онъ просто наклонялся, чтобы поцѣловать у Гопкинса руку. То же движеніе мы имѣли случай наблюдать съ его стороны по отношенію къ судѣ Дикинсону и полицмену Джону Белли. Безъ сомнѣнія, если бы и у насъ, на это выраженіе высшей деликатности послѣдовалъ грубый отвѣтъ по головѣ клобомъ,—то полицменъ города Дѣбльтоуна испыталъ бы горькую судьбу полицмена города Нью-Йорка, такъ какъ русскій джентльменъ обладаетъ необыкновенной физической силой. Но Дѣбльтоунъ,—говоримъ это съ гордостью,—не только разрѣшилъ этнографическую загадку, оказавшуюся не по силамъ кичливому Нью Йорку,—но еще подальше сказанному городу примѣръ истинно христіанскаго обращенія съ иностранцами,—обращенія, которое, надѣмся, изгладитъ въ его душѣ горестныя воспоминанія, порожденныя пребываніемъ въ Нью-Йоркѣ».

Статья была перепечатана въ нѣсколькихъ газетахъ нѣсколькихъ провинціальныхъ городовъ, недовольныхъ «кичливостью» нью-йоркцевъ. Нью-йоркскія газеты обмолвились объ ней лишь краткими извлеченіями на послѣднихъ страничкахъ, такъ какъ въ это время на поверхности общественно-политической жизни шумѣлъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ, поднявшихъ изъ глубины взволнованнаго общества всѣ принципы американской политики, нѣчто вродѣ бури, которая вихремъ унесла и портреты дикаря, и веселое личико миссъ Лиззи, и Фреда и многое множество другихъ знаменитостей, которыя, какъ мотыльки, летаютъ на солнышкѣ газетнаго дня, пока ихъ не развѣетъ появленіе на горизонтѣ первой тучи...

А самъ почетный гость Дѣбльтоуна и бывшая знаменитость Центральнаго парка пристроился сначала на лѣсопилькѣ. Однако, эта работа не очень ему нравилась и онъ все поглядывалъ въ ту сторону, гдѣ видѣлись фермы и поля. Однажды, въ воскресенье, на улицѣ города ему встрѣтился рослый нѣмецъ, который держалъ его за руки въ камерѣ Дикинсона. Лицо нѣмца расцвѣло улыбкой. Онъ похлопалъ Матвѣя по плечу, Матвѣй отвѣтилъ ему тѣмъ же,—потомъ они пили вмѣстѣ пиво, и дѣло кончилось тѣмъ, что Матвѣй перебрался къ ему на ферму, недалеко отъ города. Здѣсь, правда, у нихъ сходили сначала нѣкоторыя неровности. Такъ, однажды Мат-

вѣи втащилъ въ кухню огромную бадью съ грязной водой, вмѣсто того, чтобы прежде вылить воду. Женщина чуть не плакала, увидя, какъ этотъ гигантъ стоитъ сзади ея съ такой тяжестью, а Матвѣй не понималъ, чѣмъ онъ ее могъ обидѣть. Въ другой разъ чуть не вышла ссора изъ-за того, что нѣмецъ подвелъ лозищанина къ коровѣ и приказалъ доить ее. Матвѣй вмѣнилъ это себѣ въ оскорбленіе и оттолкнулъ его. Нѣмецъ разсердился и у нихъ началась было возня, но потомъ они рѣшили отправиться въ городъ на лѣсопильку, гдѣ русскій разъяснилъ Матвѣю, что здѣсь коровъ доятъ мужчины. Матвѣй вздохнулъ и сталъ учиться, радуясь, что при этомъ нѣтъ никого изъ Лозищей...

По воскресеньямъ онъ ходилъ на лѣсопильку, учился читать и писать по-англійски такъ усердно, что у него начинала трещать голова и понедѣльничная работа казалась отдыхомъ. Потомъ онъ выбиралъ судью Дженсона, потомъ подавалъ голосъ за переименованіе Дэблтоуна въ настоящій городъ, потомъ спрашивалъ у своего русскаго земляка, за кого ему подавать голосъ въ выборахъ штата... И понемногу даже лицо его мѣнялось, мѣнялся взглядъ и фигура, мѣнялось обращеніе... А въ душѣ вставали неясныя мысли, рождавшіяся еще тамъ на океанѣ—мысли о людяхъ, о порядкахъ, о вѣрѣ, о жизни и о Богѣ, которому поклоняются, хотя и разное, но всему лицу земли, о многомъ, чего никогда не пришло бы въ голову въ Лозищахъ... И нѣкоторыя изъ этихъ мыслей становились все яснѣе и ближе...

XXXV.

Черезъ три съ половиной года два человѣка сошли съ воздушнаго поѣзда на углу 4 авеню и пошли одной изъ перпендикулярныхъ улицъ, разыскивая глазами домъ № 3235. Одинъ изъ нихъ былъ высокій блондинъ, съ бородой и голубыми, грустными и спокойными глазами. Другой небольшой, очень юркій, съ бритымъ подбородкомъ и длинными усами. Послѣдній взвѣжалъ на лѣстницу и хотѣлъ уже позвонить, но товарищъ остановилъ его.

Онъ взошелъ за нимъ и оглянулся вдоль улицы. Все здѣсь осталось такое же, какъ было 3 года назадъ. Такъ же дома точно близнецы, похожи другъ на друга, такъ же солнце освѣщало на одной сторонѣ спущенныя зававѣски, такъ же лежала на другой тѣнь отъ домовъ. Только этотъ человѣкъ былъ перь совершенно другой...

Глаза его съ грустью будто искали здѣсь прошлое. Въ углу мелькнула чья-то фигура, вотъ и другая гонитъ за ней, вотъ она появляется опять изъ за угла, ступая та

тяжело, точно на ногахъ у нея пудовыя гири, и съ тоской оглядывая незнакомые дома, какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга. Бѣлая свита, барашковая шапка, большіе сапоги, медленные движенія и робкій взглядъ человѣка, готоваго всякую минуту поцѣловать чью нибудь руку, — все встало передъ глазами, какъ живое, и сердце сильно билось, а въ головѣ точно дорогіе, хотя и печальные призраки, тянулись воспоминанія о первыхъ дняхъ, объ океанѣ, о старой Европѣ, о Лозицахъ, съ тихимъ шелестомъ ивняка надъ ихъ рѣчкой, съ ихъ соломенными крышами, со смиренными ихъ обитателями... И невольная грусть свѣтилась въ глазахъ человѣка, въ которомъ умирало прошлое, убогое, печальное, но дорогое...

— Все здѣсь такое-же, — можетъ быть думалъ онъ про себя, — только нѣтъ уже того Матвѣя Лозинскаго, который блуждалъ по этой улицѣ четыре года назадъ...

Звонокъ затрещалъ, дверь открылась, изъ-за нея выглянуло лицо Анны и дверь захлопнулась опять, заглушивъ крикъ испуга, точно дѣвушка увидѣла призракъ. Потомъ она опять выглянула въ щелку и спросила:

— Вы это, неужели это вы?

И дѣвушка заплакала громко и судорожно, закрывая лицо руками...

— Совсѣмъ такая же, совсѣмъ прежняя, наша, — думалъ Матвѣй, глядя на плачущую дѣвушку, и ему стало грустно, оттого, что она — прежняя, что она, по его винѣ, быть можетъ, потеряла четыре года жизни, что она робѣетъ передъ нимъ, потому что онъ одѣтъ баринномъ, что она теперь считаетъ себя ниже его, и даже... пытается поцѣловать его руку...

Старой баринѣ пришлось разочароваться еще разъ въ жизни. Смирная Анна, которую она была довольна цѣлыхъ 3 года — тоже ушла отъ нея, чтобы наконецъ выйти «за одного изъ будущихъ президентовъ».

В. Короленно.

Почему уменьшается народонаселение Франціи.

Медленный приростъ населенія Франціи давно уже обратилъ на себя вниманіе ученыхъ специалистовъ. Первыми о немъ заговорили нѣмецкіе статистики. Вслѣдъ за ними заволновались и французскіе демографы и заволновались, повидимому, не на шутку. Еще въ 1867 году Ле-Форъ писалъ: «Фактъ несомнѣнный, неоспоримый: наше народонаселеніе увеличивается съ фатальною медленностью; населеніе сосѣднихъ государствъ увеличивается съ быстротою, утѣшительной для человѣчества, но внушающей безпокойство за будущее могущество Франціи». Въ то же приблизительно время была назначена специальная коммиссія для сравнительнаго изученія народонаселенія всѣхъ странъ Европы. Работы коммиссіи, издавшей свой трудъ въ 1871 году, привели къ такимъ неутѣшительнымъ для Франціи результатамъ, что тогда же послышались отдѣльные голоса, пророчившіе не только потерю могущества, но прямо таки гибель страны, если приростъ ея населенія будетъ продолжать уменьшаться въ той же пропорціи.

Но удивительное возрожденіе Франціи послѣ несчастной войны, быстрый расцвѣтъ ея экономическихъ силъ, наглядно доказанный всему міру двумя блестящими выставками, упроченіе ея политическаго положенія—все это не могло не зажать рта немногимъ алармистамъ, такъ нехѣтати забывшимъ тревогу. Кому въ самомъ дѣлѣ могло быть дѣло до того, что именно въ этотъ 20-ти-лѣтній періодъ лихорадочной дѣятельности статистическія таблицы отмѣчали все меньшее и меньшее число рожденій, все меньшій приростъ населенія? Кого могъ смущать этотъ немаленько медленный приростъ, если въ то же время населеніе давало такіа яркіа доказательства своей жизнениости? Къ тому теорія Мальтуса не потеряла еще своей силы и ея сторонника сама жизнь, казалось, давала доказательства ихъ правоты: населеніе почти не возростало, а между тѣмъ страна богатѣла,

производительныя силы росли, ея могущество крѣпло... «Чего же больше желать? Не лучше-ли 38 милліоновъ богатаго, счастливаго населенія, чѣмъ 138 бѣднаго?» твердили патентованные ученые въ отвѣтъ на робкія замѣчанія о гибельныхъ послѣдствіяхъ черезчуръ слабого прироста.

Не долго, однако, довелось торжествовать нашимъ оптимистамъ. Не говоря ужъ про то, что видимый ростъ экономическихъ силъ далеко не соотвѣтствовалъ дѣйствительному и что этотъ ростъ вліялъ на сумму общественныхъ бѣдствій, они скоро должны были признать, что упустили изъ виду одно маленькое обстоятельство... Они забыли, ни больше ни меньше, какъ то, что Франція не одна во всемъ мірѣ и что населеніе другихъ странъ растетъ въ то время, какъ ея остается почти неподвижнымъ! Этотъ то пустякъ и разрушилъ тѣ надежды и упованія, которыя заглялись было въ сердцахъ защитниковъ существующаго экономического режима.

Раньше другихъ поняли всю опасность положенія Франціи шовинисты. Ихъ возродившіяся иллюзіи, ихъ мечты о revanche неожиданно потускнѣли передъ грознымъ фактомъ быстрого роста населенія Германіи сравнительно съ ростомъ французскаго населенія. «Если такъ будетъ продолжаться, грозилъ Жакъ Бертильонъ, то черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ нѣмцы въ состояніи будутъ выставить двухъ солдатъ противъ нашего одного!» Вотъ что прежде всего испугало! Испугало до такой степени, что призракъ все возрастающаго численнаго превосходства врага и возможность новаго пораженія заслонили перспективу будущаго еще болѣе неизбежнаго, въ томъ случаѣ, разумѣется, «если такъ будетъ продолжаться»... Перспектива эта есть ни болѣе ни менѣе, какъ полное исчезновеніе націи.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ статистики предсказывали, что при существующемъ процентѣ пониженія прироста скоро долженъ наступить періодъ, когда число смертей перевѣситъ число рожденій. Пророчество осуществилось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать (въ 1890 году—годъ, когда не было ни войнъ, ни особыхъ эпидемій) и слѣдовательно, процессъ «обезлюденія» *) вступилъ уже въ тотъ фазисъ своего развитія, конечнымъ результатомъ котораго должна явиться Франція безъ французовъ...

Опасность сдѣлалась слишкомъ очевидной, чтобы можно было долѣе закрывать глаза и толковать о «могущественно широкомъ развитіи національныхъ силъ» при каждомъ намегѣ на ту невѣдомую болѣзнь, которая незамѣтно разъѣдаетъ страну. Хотя эта болѣзнь и «не изъ тѣхъ, что причиняютъ боль и страданія», тѣмъ е менѣе сознаніе ея гибельныхъ послѣдствій начинаетъ наконецъ проникать въ общество, особенно за эти послѣдніе три-четыре

*) Непереводимое по-русски слово—dépopulation.

года. Сперва появилось смутное чувство тревоги передъ необъяснимымъ явленіемъ, потомъ все громче раздающіяся жалобы и, наконецъ, настоятельныя требованія тѣхъ или иныхъ мѣръ для приостановленія рокового процесса. Въ настоящее время трудно найти журналъ или газету, которая не сказала бы своего слова по поводу «обезлюденія». Появляется множество статей и даже цѣлыя томы, посвященные этому вопросу. Статистики все настойчивѣе требуютъ болѣе тщательнаго изученія зла, на которое они первые указали. Экономисты, социологи, государственные дѣятели отыскиваютъ способъ «предотвратить зло». Ученныя общества, какъ Антропологическое, Медицинское и другія, посвящаютъ цѣлый рядъ засѣданій на изученіе причинъ слабого прироста и средствъ къ его увеличенію. Мальтузианцы, если таковыя остались, хранятъ гробовое молчаніе и смиренно выносятъ сыпящіяся на нихъ нареканія. Въ Палату поступаютъ проэты и даже провоздятся законы для поощренія родителей къ произведенію болѣе многочисленнаго потомства... Словомъ «обезлюденіе» страны сдѣлалось однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ современной Франціи.

Но, не говоря о практическомъ значеніи этого вопроса, онъ представляетъ, мнѣ кажется, одну изъ интереснѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ социологіи. Почему, прежде всего, приростъ населенія во многихъ странахъ имѣетъ наклонность уменьшаться? И почему наклонность эта нигдѣ не доходитъ до той степени, какой она достигаетъ во Франціи? Иначе говоря: въ какой зависимости находится ростъ населенія къ общественному строю страны, къ ея политическимъ и экономическимъ порядкамъ, къ ея нравамъ, обычаямъ, степени ея развитія въ умственномъ, физическомъ и другихъ отношеніяхъ? Несомнѣнно, что зависимость здѣсь должна быть очень опредѣленная. Но какаѧ? Вотъ вопросъ, которымъ наши демографы и социологи почти не занимались. Демографія представляетъ до сихъ поръ отдѣльную, какъ бы совершенно независимую отъ другихъ, отрасль знанія; наши статистики почти исключительно заняты вычисленіями процента смертей и рожденій, эмиграціи и иммиграціи и очень мало заботятся о приведеніи этихъ явленій въ какое нибудь соотношеніе съ другими явленіями общественной жизни. На отношеніе демографическихъ явленій къ экономическому положенію населенія вниманіе обращается сравнительно больше, да и то мы не встрѣчаемъ здѣсь ни одного положенія, сколько нибудь прочно установленнаго. Что же касается всѣхъ другихъ сторонъ жизни, то связь ихъ движеніемъ народонаселенія отмѣчается только въ рѣдкихъ случаяхъ. Я по крайней мѣрѣ не знаю никого, кромѣ антрополога Арсэна Дюмона, кто бы пытался объяснять демографическія явленія, пробуя установить между ними и всей совокупностью другихъ явленій общественной жизни извѣстную зависимость. Да и это почтенный авторъ нѣсколькихъ спеціальныхъ изслѣдованій по :

просу объ «обезлюденіи» Франціи нельзя сказать, чтобы особенно удачно устанавливалъ эту зависимость. Но у него по крайней мѣрѣ мы находимъ попытку дать болѣе точное и болѣе глубокое объясненіе причинъ занимающаго насъ явленія, попытку свести эти причины къ нѣкоторымъ общимъ положеніямъ.

Въ виду этой бѣдности матеріала я не обѣщаю дать читателю удовлетворительнаго объясненія пониженія роста населенія Франціи. Я постараюсь только по возможности точно изложить, какъ стоитъ этотъ вопросъ, что думаютъ объ этомъ специалисты и какія мѣры предлагаютъ они для устраненія грозящихъ бѣдствій. Я постараюсь также указать, если мнѣ это удастся, на какія стороны общественной жизни слѣдуетъ обратить особое вниманіе при изученіи рождаемости населенія.

Но прежде чѣмъ говорить о причинахъ «обезлюденія» Франціи и о мѣрахъ къ его устраненію, надо установить самый фактъ и потому мнѣ придется посвятить главу изложенію тѣхъ статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ опредѣляется недостаточность прироста французскаго населенія и его тенденція къ еще большому пониженію.

I.

Приростъ населенія. Причина его пониженія.

Достаточно взглянуть на слѣдующую таблицу, составленную вышеупомянутой комиссіей въ концѣ 60-хъ годовъ, чтобы видѣть, какъ низко стоялъ приростъ населенія Франціи еще 30—40 лѣтъ тому назадъ. И тогда уже она занимала послѣднее мѣсто среди европейскихъ странъ, если не считать Ирландіи и нѣкоторыхъ провинцій Австріи, гдѣ народонаселеніе остается почти неподвижнымъ, благодаря усиленной эмиграціи.

	Кoeffициентъ прироста.	Періодъ удвоенія.
Россия	1,39	55 лѣтъ.
Швеція	1,33	55 ¹ / ₂ »
Норвегія	1,32	53 »
Шотландія	1,31	53 »
Англія	1,26	55 »
Пруссія	1,26	55 »
Саксонія	1,05	55 »
Голландія	1,05	66 »
Данія	1,05	66 »
Бельгія	0,85	76 »
Италія	0,85	83 »
Баварія	0,70	99 »
Испанія	0,67	104 »
Австрія	0,63	110 »
Франція	0,38	190 »

Цифрамъ этимъ слѣдуетъ придавать, разумѣется, только относительное значеніе, такъ какъ для многихъ изъ перечисленныхъ странъ демографія стояла тогда, да и теперь еще стоитъ, очень низко. Во всякомъ случаѣ онѣ могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ той поразительной медленности, съ какою совершается возрастаніе народонаселенія Франціи сравнительно съ другими государствами Европы. Возрастаніе это въ 3 слишкомъ раза медленнѣе, чѣмъ въ Россіи, Англіи, Пруссіи, Швеціи и въ 2—2½, раза медленнѣе почти всѣхъ остальныхъ перечисленныхъ странъ.

Но это еще не все. Въ то время какъ вездѣ коэффициентъ прироста, подвергаясь довольно большимъ годичнымъ колебаніямъ, остается величиною болѣе или менѣе постоянной для большихъ промежутковъ времени, или если и уменьшается, то очень мало, во Франціи онъ понижается съ постоянной и значительной быстротой. Такъ коэффициентъ прироста равнялся: въ 1841 г. 0,59; въ 1861 г. 0,37; въ 1881 г. 0,25; а въ 1891 г. всего только 0,18.

Еще замѣтнѣе выступаетъ паденіе коэффициента прироста при разсмотрѣніи движенія народонаселенія за послѣднія 20 лѣтъ. За эти годы не было ни войнъ, ни революцій, ни большихъ эпидемій, такъ значительно понижавшихъ средній годичный приростъ въ предыдущіе періоды, а между тѣмъ въ настоящее время коэффициентъ прироста понизился еще болѣе.

Быстро поднявшись послѣ 1870—1871 г., но далеко не достигнувъ среднихъ цифръ пятилѣтій первой половины столѣтія, несмотря на значительно уменьшившійся % смертности, коэффициентъ прироста начинаетъ сейчасъ же уменьшаться съ поразительною правильностью до 1886 года и съ возрастающей быстротой до нашихъ дней.

Ничего подобнаго въ другихъ странахъ, какъ я говорилъ, не замѣчается. Правда, въ Германіи, Англіи, Италіи наблюдается тоже уменьшеніе прироста, особенно за послѣднія 20 лѣтъ, но далеко не въ такой степени. Въ нѣкоторыхъ же другихъ странахъ, наоборотъ, приростъ возрастаетъ. Въ Швеціи напр., гдѣ правильная перепись ведется со второй половины прошлаго вѣка, можно констатировать повышеніе прироста съ 0,60 въ періодъ 1750—1760 до 0,80 въ періодъ 1860—1870. Въ Бельгіи съ 0,44 въ 1845—1855 г. онъ возросъ до 1,05 въ 1865—1875. Въ Даніи, Саксоніи, Вюртембергѣ, Австро-Венгріи тоже замѣчается нѣкоторая тенденція къ его повышенію.

Отчего же зависитъ этотъ исключительно малый приростъ населенія Франціи и его наклонность еще болѣе уменьшаться? Д. того, чтобы у насъ не явилось ни малѣйшаго сомнѣнія на это счетъ, рассмотримъ по порядку тѣ четыре фактора, отъ которыхъ зависитъ величина прироста: эмиграцію, иммиграцію, смертность и рождаемость.

Эмиграція и иммиграція. Въ большинствѣ странъ Европы э

грація значительно понижаетъ процентъ не только дѣйствительнаго, но и естественнаго прироста населенія, иначе говоря, размѣры ея не только превышаютъ размѣры иммиграціи, но она поглощаетъ еще и часть перевѣса рожденій надъ смертями. Такъ, въ Пруссіи на одного иммигранта приходится 4—6 эмигрантовъ и естественный приростъ ея населенія уменьшается эмиграціей на 10—20%. Въ Великобританіи на одного иммигранта приходится 2—3 эмигранта; въ Ирландіи же эмиграція не только поглощаетъ весь естественный приростъ, но еще его превышаетъ, отчего народонаселеніе страны со второй половины этого столѣтія постоянно уменьшается. Въ Италіи эмиграція тоже настолько значительна, что поглощаетъ 86% перевѣса рожденій надъ смертями (1870—1876 г.). Въ Даніи она составляетъ 17—30% естественнаго прироста. По отношенію къ общему числу населенія страны эмиграція составляетъ въ Пруссіи около 3% въ средній годъ, въ Англіи отъ 4,2 до 10,9% (1832—1873), въ Италіи (въ первой половинѣ 70-хъ годовъ) до 5%, въ Швеціи—2,9% (1860—1870), въ Даніи (начало 70-хъ годовъ)—3,9%. Во Франціи же годичная эмиграція до 80-хъ годовъ составляла едва 0,02% общаго населенія. Съ этого времени она нѣсколько усилилась, оставаясь тѣмъ не менѣе настолько ничтожной, что ее почти не стоило бы принимать въ расчетъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ она не превышалась въ 10 слишкомъ разъ иммиграціей.

Слѣдующая таблица показываетъ, какіе необычайные, для европейской страны, размѣры приняла иммиграція во Франціи:

Годы.	Число ино- странцевъ.	Коэффициентъ наплыва.	Число иностр. на 100 франц.
1851	380.831	—	1,06
1861	497.091	3,1	1,33
1866	695.495	5,6	1,67
1872	740.668	3,2	2,03
1876	801.754	5,7	2,17
1881	1.001.090	4,9	2,67
1888	1.126.531	2,6	2,97

Здѣсь насъ прежде всего поражаетъ несоотвѣтствіе между годичными коэффициентами наплыва иностранцевъ и отношеніемъ ихъ числа къ французскому населенію. Въ то время какъ съ 1876 года ежегодный наплывъ иностранцевъ начинаетъ уменьшаться, отношеніе ихъ къ общему населенію продолжаетъ расти. Ясно, что это могло произойти только благодаря уменьшенію естественнаго прироста. Намъ понятны теперь тѣ вопли по поводу наплыва иностранцевъ, которые вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ раздаются во Франціи. Въ виду чрезмѣрной медленности роста туземнаго населенія, быстрое возрастаніе числа иностранцевъ должно таки не шутку пугать тѣхъ патріотовъ, которые хотятъ «Франціи

только для французовъ». Прежде всего иностранцы вдвое и втрое плодovitѣе французовъ и, если наплывъ ихъ будетъ держаться въ тѣхъ же размѣрахъ, то, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ недалеко то время, когда «Франція останется, а французы исчезнутъ», какъ пророчать нѣкоторые статистики. Морисъ Блокъ, предвидя перевѣсъ смертей надъ рожденіями, высчитывалъ еще въ 1888 году, что съ момента исчезновенія естественнаго прироста достаточно какихъ нибудь 50-ти лѣтъ для того, чтобы иностранцы составили треть населенія. Подобные-то расчеты, рядомъ съ жалобами на конкуренцію иностранныхъ рабочихъ и вызвали тѣ мѣры противъ наплыва иностранцевъ, которыя были приняты въ эти послѣдніе годы. Благодаря-ли этимъ мѣрамъ или по другой какой причинѣ, но иммиграція съ 1888 года значительно уменьшилась и такимъ образомъ этотъ факторъ прироста, до сихъ поръ такъ сильно его повышавшій, начинаетъ терять свое значеніе:

Смертность и рождаемость. Смертность также мало вліяетъ на пониженіе нормальнаго прироста населенія, какъ и эмиграція. Вообще говоря, во Франціи она не велика; она меньше смертности Германіи, Россіи, Австріи, Италіи. Средній коэффициентъ ея отъ начала столѣтія до 1890 года не превышаетъ 2,60, тогда какъ въ Австріи, напр., онъ доходитъ даже въ настоящее время до 3,10, въ Италіи до 3,03, въ Россіи до 3,70. Къ тому же смертность во Франціи постепенно уменьшается. Съ начала этого столѣтія коэффициентъ ея понизился на 0,65 (съ 2,86 для періода 1800—1810 г. на 2,21 для періода 1872—1890). Въ другихъ европейскихъ странахъ смертность хотя тоже уменьшается, но гораздо менѣе значительно; такъ въ Пруссіи съ 1816 по 1866 г. она понизилась всего на 0,14, въ Австріи съ 1830 по 1875 на 0,18, въ Англіи съ 1838 по 1873 на 0,05. Въ 1889 г. коэффициентъ смертности во Франціи спустился до 2,07—цифры, позволяющей надѣяться, что страна займетъ скоро первое мѣсто въ Европѣ по незначительности своей смертности. Пока впереди Франціи въ этомъ отношеніи стоятъ только Скандинавскія государства и Англія. Правда, такое благоприятное положеніе Франціи нѣсколько нарушается большою сравнительно смертностью дѣтей; это не можетъ не оказывать извѣстнаго вліянія на приростъ: чѣмъ больше смертность среди дѣтей, тѣмъ меньше число людей, достигающихъ возраста, способнаго къ дѣтороженію и, слѣдовательно, тѣмъ меньше рождаемость; послѣдняя не компенсируется увеличеніемъ средней продолжительности жизни людей зрѣлаго возраста. Но въ сущности дѣтская смертность въ Франціи немногимъ выше дѣтской смертности Англіи (гдѣ она считается наименѣе значительной и такъ какъ она особенно велика только среди незаконнорожденныхъ составляющихъ не больше 10% всѣхъ дѣтей, то ее врядъ ли стоитъ принимать во вниманіе при разсмотрѣніи причинъ, понижающихъ приростъ).

Изъ всего вышесказаннаго уже ясно, что единственная причина малаго прироста это — недостаточность рождений. И, дѣйствительно, стоитъ взглянуть на среднюю рождаемость въ разныхъ странахъ за послѣднія 20 лѣтъ, чтобы увидѣть, какъ Франція отъ нихъ отстала въ этомъ отношеніи, въ Венгріи она равна—4,30; въ Германіи—3,90; въ Австріи—3,84; въ Италіи—3,68; въ Англіи—3,51; а во Франціи—только 2,53 ‰.

Рождаемость во Франціи стоитъ даже ниже, чѣмъ въ Ирландіи (2,65), гдѣ число рождений мало, благодаря тому, что эмиграція захватываетъ преимущественно людей молодого и среднего возраста. Въ началѣ этого вѣка рождаемость во Франціи стояла довольно высоко; въ 1814, 1815, 1816 гг. она достигала своего максимума—3,30. Съ тѣхъ поръ она постепенно падаетъ. Съ 1830 до 1872 г. она понижается очень медленно, спускаясь ниже 2,60 только въ годы войнъ и эпидемій. Съ 1872 года, когда рождаемость, какъ всегда бываетъ послѣ войны, вдругъ повысилась и достигла давно небывалой высоты (2,68), она опять начинаетъ понижаться, гораздо быстрее чѣмъ прежде, и съ правильностью, поистинѣ изумительной, упавъ въ 1889 г. до 2,29.

Положимъ, и въ другихъ странахъ рождаемость нѣсколько понижается; средняя рождаемость послѣднихъ 20 лѣтъ во многихъ государствахъ ниже средней рождаемости первыхъ лѣтъ столѣтія. Но ничего подобнаго тому, что мы видимъ во Франціи, не замѣчается. Нигдѣ рождаемость, даже на одинъ годъ, не снижается такъ низко и особенно нигдѣ не замѣчается такой систематичности пониженія, отнимающей всякую надежду на возвращеніе къ болѣе нормальнымъ цифрамъ.

Эта малая рождаемость не находится въ зависимости отъ числа браковъ. Число браковъ во Франціи болѣе или менѣе нормально и не выказываетъ наклонности къ пониженію. По увѣренію всѣхъ статистиковъ, браковъ во Франціи вполне достаточно, а мало именно число дѣтей, приходящихся на бракъ. И, дѣйствительно, тогда какъ въ Ирландіи на одинъ бракъ приходится 4,80 человекъ дѣтей, въ Россіи и Греціи—4,70, въ Испаніи и Италіи—4,50, въ Пруссіи—4,13, въ Швеціи и Норвегіи—4,19, во Франціи ихъ насчитывается не больше 3-хъ; да и то число это начинаетъ понижаться: въ 1885 году дѣтей приходилось на бракъ только 2,94. Рядомъ съ уменьшеніемъ числа дѣтей на бракъ увеличивается, какъ и слѣдовало ожидать, число бездѣтныхъ семей: въ 1856 году на 100 семей приходилось 14,03 бездѣтныхъ, въ 1886 ихъ уже насчитывалось 18,5.

Вотъ что намъ говорятъ голыя цифры. Приведенныхъ данныхъ, по моему, достаточно для того, чтобы признать за несомнѣнный фактъ постепенное уменьшеніе прироста населенія во Франціи, уменьшеніе, исключительно зависящее отъ малой и склонной еще болѣе уменьшиться рождаемости.

II.

Составъ населенія. Классъ, отличающійся наименьшей рождаемостью.

Отчего зависитъ такая аномальная рождаемость? Какія причины обусловливаютъ ея незначительность и ея тенденцію къ пониженію? На эти то вопросы статистика далеко не даетъ такихъ точныхъ отвѣтовъ и къ ея помощи въ этомъ случаѣ приходится обращаться только отчасти. Она не только не отмѣчаетъ, какой классъ общества даетъ наименьшій процентъ рожденій, но даже не указываетъ съ достаточной ясностью, какъ группируется населеніе по степени своего матеріальнаго благосостоянія. Не зная же этого, мы рискуемъ никогда не подойти сколько нибудь близко къ рѣшенію интересующаго насъ вопроса. Условія существованія разныхъ классовъ настолько различны и даже прямо противоположны, что, отыскивая причины какого нибудь общественнаго явленія, приходится прежде всего опредѣлить степень его зависимости отъ наличной группировки даннаго населенія. Въ виду этого я и попытаюсь прежде всего опредѣлить составъ населенія Франціи.

По увѣреніямъ большинства экономистовъ, Франція представляетъ страну мелкой собственности, по преимуществу земельной. Еще не такъ давно, въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ *Revue Scientifique* 1892 года, число хозяевъ или собственниковъ вычислялось въ 7.900,000 человекъ, а число рабочихъ въ 4.760,000, такъ что по этимъ вычислениямъ на одного рабочаго приходилось почти два хозяина. Такими то, нѣсколько фантастическими, выводами, хотя и построенными большей частью на официальныхъ данныхъ, и пользуется обыкновенно тотъ, кто хочетъ доказать, что во Франціи «рабочаго вопроса» не существуетъ, такъ какъ въ ней не существуетъ пролетариата. Люди же, державшіеся противоположнаго направленія, т. е. возлагающіе всѣ свои надежды на пролетариатъ для осуществленія социальныхъ переизмѣнъ, утверждаютъ, наоборотъ, что громадное большинство такъ называемыхъ собственниковъ составляютъ ничто иное, какъ земельный и промышленный пролетариатъ. Мнѣ кажется, что и тѣ и другіе одинаково правы и неправы, приписывая численное превосходство одни собственникамъ, другіе пролетариату. Дѣло въ томъ, что во Франціи очень многочисленъ тотъ, такъ сказать, промежуточный слой населенія, который въ сущности не принадлежитъ ни къ собственникамъ, ни къ чистому пролетариату, но который, умысленно или неумысленно, относятъ то къ первымъ, то ко второму, чѣмъ и повышается численность той или этой категоріи.

Попробуемъ разобратъ, какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности.

По переписи 1886 года населеніе Франціи, за исключеніемъ лицъ безъ опредѣленныхъ занятій, числомъ 960,078, арміи, флота полиціи и администраціи, составляющихъ вмѣстѣ съ семействами и прислугой 1.324,389 человекъ, распредѣлялось по профессіи семейному и социальному положенію такъ:

Профессиональные группы.	Население производительное.			Население непроизводительное.		Население непроизводительное.
	Собственные и хозяйства.	Служащие, приказчики и пр.	Рабочие.	Семейства производителей.	Производители.	
Земледѣліе	4.046,164	97,835	2.771,966	9.911,190	871,247	10.782,437
Промышленность	1.004,939	236,522	3.056,161	4.780,761	210,823	4.991,584
Торговля и перевозка	1.004,975	517,574	778,419	2.656,173	311,344	2.967,517
Либер. профессіи	400,196	70,961	32,064	444,459	146,553	591,012
Живущіе исключительно своимъ доходомъ	978,744	9,142	100,283	851,615	356,182	1.207,797
Итого	7.435,018	932,034	6.738,893	18.644,198	1.896,149	20.540,347
				Итого		35.646,292 *)
				Итого		35.646,292

*) Statistique générale de la France. Résultats statistiques du dénombrement de 1886.

По этой таблицѣ число собственниковъ и хозяевъ оказывается дѣйствительно громаднымъ: оно почти на 700.000 больше числа рабочихъ! Такое распредѣленіе населенія по имущественному положенію могло бы считаться поистинѣ удивительнымъ, еслибъ таковымъ оно было на самомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію мы знаемъ, что и официальная статистика дѣлаетъ ту же ошибку, на которую мы указали выше, т. е. она относитъ къ группѣ хозяевъ большую часть рабочихъ, работающихъ на дому или обладающихъ кое-какими инструментами и орудіями труда. Разсмотримъ эти цифры нѣсколько подробнѣе.

Въ число 4 милліоновъ землевладѣльцевъ-хозяевъ включены 1.311.089 фермеровъ, громадное большинство которыхъ или вовсе не имѣютъ своей земли или имѣетъ самый маленькій клочокъ и снимаетъ чужую землю очень небольшими участками; только очень небольшая часть изъ нихъ имѣетъ крупныя фермы и пользуется наемнымъ трудомъ. Въ эту же рубрику хозяевъ вошло 90,000 угольщиковъ, дровосѣковъ, также мало пользующихся чужимъ трудомъ, какъ и предыдущіе; 200,000 *) слишкомъ мелкихъ садовниковъ огородниковъ и пр., изъ которыхъ многіе имѣютъ нѣсколько грядъ овощей тоже не на своей, а на чужой землѣ. На долю «собственниковъ, обрабатывающихъ *исключительно* свою землю», приходится всего 2.231.481 человекъ. Насколько это землевладѣльцы мелкіе или вѣрнѣе насколько мало между ними число крупныхъ землевладѣльцевъ, видно ужъ изъ одного того, что они всѣ вмѣстѣ занимаютъ только 1.239.669 рабочихъ, что составляетъ едва $\frac{1}{3}$ рабочаго на хозяина. Изъ другихъ данныхъ мы можемъ еще яснѣе видѣть, какъ распредѣляются по состоянію эти 4 милліона собственниковъ. По докладу Шальмель-Лакура, представленному въ Сенатъ въ 1891 году, на долю мелкой эксплуатируемой собственности приходится всего 12.450.000 гектаровъ; на долю средней— 14.845.000, раздѣленныхъ между 747.000 собственниковъ; на долю крупной— 22.260.000, принадлежащихъ 142.000 собственниковъ. Конечно, эти расчеты вѣрны только приблизительно, такъ какъ они выведены не на основаніи прямыхъ данныхъ, но во всякомъ случаѣ они достаточно указываютъ, до какой степени мелко дробится земельная собственность. На долю мелкихъ собственниковъ, по этому расчету, не придется и 4 гектаровъ на семью (12.450.000 гектаровъ на 3.157.000 мелкихъ собственниковъ). А такъ какъ мелкой собственностью принято называть всякую собственность, не превышающую 6 гектаровъ, то ясно, что въ числѣ собственниковъ есть и такіе, которые владѣютъ и однимъ, и двумя, и даже какой нибудь дробью гектара. Въ виду всего этого я думаю, что собственниками можно признать только тѣ 2 милліона, которые значатся подъ рубрикой «обрабатывающихъ исключи-

*) Всѣ эти цифры вѣтны изъ того же тома Statistique Générale.

тельно свою землю», остальные же 2 миллиона слѣдуетъ отнести къ той промежуточной категоріи населенія, которая не принадлежитъ въ собственномъ смыслѣ слова ни къ собственникамъ, ни къ пролетаріату и которую можно назвать хотя бы «болѣе обезпеченными рабочими».

Нѣсколько другую картину представляетъ промышленное населеніе. Несомнѣнно однако, что и здѣсь большинство такъ называемыхъ хозяевъ составляютъ ничто иное, какъ рабочихъ, работающихъ на дому и владѣющихъ небольшимъ числомъ орудій труда. Такое заключеніе можно опять таки сдѣлать изъ простого сопоставленія цифры хозяевъ съ цифрой рабочихъ: по выше приведенной таблицѣ на одного хозяина приходится 3 рабочихъ, что было бы, разумѣется, немислимо безъ существованія большого числа «хозяевъ», не занимающихъ вовсе рабочихъ, рядомъ съ имѣющимися крупными фабриками и заводами, дающими работу тысячамъ. Этотъ выводъ подтверждается еще болѣе при разсмотрѣніи отдѣльныхъ отраслей промышленности. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ по самому характеру производства требуется концентрація рабочихъ рукъ, отношеніе числа рабочихъ къ числу хозяевъ повышается и наоборотъ тамъ, гдѣ возможна работа на дому, оно понижается. Такъ, въ каменноугольныхъ, соляныхъ и другихъ копахъ приходится на одного хозяина въ среднемъ около 10 рабочихъ (220.362 рабочихъ на 22.370 хозяевъ), въ металлургическомъ производствѣ—больше 15 (104.718 рабочихъ на 6.989 хозяевъ); за то въ мебельномъ производствѣ на хозяина не насчитывается и 3-хъ рабочихъ (27.634 рабочихъ на 9.854 хозяевъ), въ производствѣ изъ дерева вообще—всего 1,2 (125.533 рабочихъ на 104.337 хозяевъ). Такимъ образомъ, мы врядъ-ли сдѣлаемъ ошибку, если и здѣсь отнесемъ половину (500.000) такъ называемыхъ хозяевъ къ категоріи болѣе обезпеченныхъ рабочихъ. Но тогда на одного хозяина у насъ придется не 2½ рабочаго, какъ въ земледѣльческомъ населеніи, а цѣлыхъ 7.

Относительно населенія, занимающагося торговлей и перевозкой, можно сказать то же самое, что и относительно предыдущихъ группъ. Несмотря на то, что для занятія торговлей надо обладать хоть небольшимъ оборотнымъ капиталомъ, значительная часть такъ называемыхъ хозяевъ этой группы, какъ опять таки видно изъ отношенія общаго числа рабочихъ къ общему числу хозяевъ, не пользуется вовсе чужимъ трудомъ и составляетъ ту группу мелкихъ лавочниковъ и уличныхъ торговцевъ, которые, работая цѣлый день, какъ простые поденщики, едва могутъ существовать. Мы тѣмъ съ большимъ правомъ можемъ отнести половину (500.000) хозяевъ этого слоя населенія къ «болѣе обезпеченнымъ рабочимъ», что въ рубрику «хозяевъ» вошла большая часть мелкихъ служащихъ на почтѣ, телеграфѣ, торговомъ флотѣ, мѣстныхъ и другихъ дорогахъ.

Такимъ образомъ, оставляя нетронутой, какъ цифру хозяйствъ двухъ остальныхъ профессиональныхъ группъ, такъ и цифру пролетаріата, и присоединяя къ выдѣленной нами категоріи «болѣе обезпеченныхъ рабочихъ»: служащихъ (932.034) и прислугу (1.896.149), мы можемъ раздѣлить все производительное (включая въ него прислугу) населеніе Франціи, по особенностямъ его экономического положенія, на три большія группы, численность которыхъ въ крупныхъ цифрахъ будетъ приблизительно такова: собственники — 5 милліоновъ, «болѣе обезпеченные рабочіе» — 5 милліоновъ, пролетаріатъ—7 милліоновъ.

Для насъ важно было выдѣлить въ особую категорію весь тотъ слой населенія, который стоитъ на границѣ между собственниками и пролетаріями, потому, во-первыхъ, что многочисленность его свидѣтельствуетъ, какъ мнѣ кажется, о сравнительной экономической отсталости Франціи, и потому, во-вторыхъ, что по отличительнымъ чертамъ умственной и нравственной физіономіи своихъ членовъ этотъ слой населенія имѣетъ очень много общаго съ классомъ собственниковъ. Хотя положеніе этихъ «болѣе обезпеченныхъ рабочихъ» и не отличается отъ положенія тѣхъ рабочихъ, которыхъ принято называть пролетаріями, хотя большая часть изъ нихъ тѣ же *salarіés*, тѣмъ не менѣе они представляютъ нѣкоторыя особенности, позволяющія выдѣлить ихъ въ особую категорію. Во-первыхъ, эти рабочіе, такъ сказать, не объединены капиталомъ и, слѣдовательно, не подлежатъ вліянію единственнаго хорошаго элемента, присущаго капиталистическому режиму. Во-вторыхъ, ихъ трудъ, не связанный прямо съ машиной, по своимъ условіямъ сильно отличается отъ условій труда фабричнаго или заводскаго рабочаго, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ часто лучше оплачивается и даетъ иногда возможность дѣлать хотя небольшія сбереженія, что почти немисливо для пролетарія: Это послѣднее обстоятельство и выработываетъ у этой категоріи рабочихъ тѣ черты, которыя приближаютъ ее къ собственникамъ.

Сравнительная многочисленность (хотя, какъ мы видѣли, и не такая большая, какой она представляется нѣкоторымъ экономистамъ) класса собственниковъ является дѣйствительно одной изъ особенностей Франціи, если мы сравнимъ ее со странами, стоящими на одномъ съ нею уровнѣ, или идущими впередъ въ экономическомъ отношеніи. Для другихъ странъ мы имѣемъ мало прямыхъ данныхъ для того, чтобы судить о распредѣленіи населенія по имущественному положенію.

Только для Германіи имѣются болѣе прямыя данныя о числѣ собственниковъ. По переписи 1882 года на 16.203.279 человекъ (производительнаго) промышленнаго, торговаго и земледѣльческаго населенія въ ней приходилось: собственниковъ—4.851.041, рас-

чухъ—9.838.831, служащихъ и рабочихъ, имѣющихъ кое-какую собственность, вмѣстѣ—1.513.407 *).

Если мы сравнимъ эти группы съ соответствующими группами во Франціи, то на 100 человекъ населенія этихъ категорій получимъ:

	для Франціи.	для Германіи.
Собственниковъ	44,4	29,9
Рабочихъ	48,8	60,7
Служащихъ **)	6,3	93

Эта разница увеличилась бы еще больше, еслибъ мы могли подробнѣе рассмотреть эти цифры, но это завело бы насъ слишкомъ далеко; я замѣчу только, что и въ германской статистикѣ въ число собственниковъ попадаетъ не малое число рабочихъ,—такъ сюда, по всей видимости, относятъ тѣхъ крестьянъ, имѣющихъ по $\frac{1}{2}$ гектара земли, число владѣній которыхъ въ одной Пруссіи составляетъ 51,3% всѣхъ владѣній.

Итакъ народонаселеніе Франціи отличается сравнительно болѣе многочисленнымъ классомъ собственниковъ и классомъ болѣе обезпеченныхъ рабочихъ. Эту-то особенность народонаселенія и надо имѣть въ виду, изучая причины малой рождаемости, такъ какъ оказывается, что наименьшій процентъ ея даютъ именно эти два класса. Собранныхъ данныхъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы это утверждать.

Вернемся на минуту къ нашей таблицѣ. Даже изъ нея, хотя она составлена совсѣмъ не въ видахъ опредѣленія многочисленности семей, можно видѣть, что наималочисленнѣйшими семьями отличаются двѣ послѣднія группы: лицъ, живущихъ исключительно своимъ доходомъ, и лицъ, принадлежащихъ къ либеральнымъ профессіямъ, т. е. именно тѣ профессиональныя группы, въ составъ которыхъ входитъ наибольшее, сравнительно, число болѣе обезпеченныхъ лицъ. Тогда какъ семья земледѣльческой группы состоитъ изъ 3,43 человекъ, торговой—изъ 3,15, промышленной—изъ 3,11, семья лицъ, живущихъ своимъ доходомъ, не превышаетъ 2,78, лицъ, принадлежащихъ къ либеральнымъ профессіямъ—2,87 человекъ. Да и эта разница, по всей вѣроятности, меньше дѣйствительной, такъ какъ для этихъ двухъ послѣднихъ группъ только очень небольшое число женъ могло попасть въ категорію производительнаго населенія: въ этотъ разрядъ записываются только лица *прямо* практикующія ту или иную профессію и *прямо* хозяева лого или иного имущества или хозяйственнаго предпріятія, такъ что жены, которыя состоятъ при мужьяхъ, ничего не дѣлая, отнесены въ разрядъ непроизводительнаго населенія.

Но обратимся къ болѣе прямымъ даннымъ, собраннымъ спе-

*) Statistische Jahrbücher, 1891.

**) Для Франціи въ эту рубрику вошли *только* служащіе и приказчики для Германіи сюда же включены и болѣе обезпеченные рабочіе.

ціально съ цѣлью опредѣлить, какой классъ населенія доставляетъ наименьшій процентъ рождаемости. Въ этомъ отношеніи болѣе другихъ сдѣлалъ антропологъ-докторъ Шервень. Онъ разсмотрѣлъ рождаемость каждаго департамента сравнительно со степенью его матеріальнаго благосостоянія. Такъ какъ опредѣлить это благосостояніе прямо не представлялось никакой возможности, то Шервень воспользовался докладомъ министра финансовъ о налогѣ на наслѣдство. Въ этомъ докладѣ показывались отдѣльно суммы налога, получаемыя съ каждаго департамента, и потому изслѣдователю оставалось только вычислить среднюю долю налога на наслѣдство, приходящагося на каждаго жителя департамента, для того, чтобы опредѣлить его сравнительную зажиточность. Такой способъ опредѣленія матеріальнаго благосостоянія департаментовъ по количеству платимыхъ его жителями налоговъ на наслѣдство могъ бы показаться не вполне удовлетворительнымъ, еслибъ онъ не провѣрялся другимъ изслѣдованіемъ — министерства внутреннихъ дѣлъ, производившимъ расчетъ благосостоянія департаментовъ на основаніи 3-хъ прямыхъ, платимыхъ каждымъ изъ нихъ, налоговъ, причѣмъ, разумѣется, принималось въ соображеніе число жителей департамента. Располагая департаменты по степени, такимъ способомъ опредѣленнаго, благосостоянія, Шервень нашелъ*), что, за небольшими исключеніями, цифры наименьшей рождаемости департаментовъ совпадаютъ съ цифрами ихъ наибольшей доходности. Другими словами, чѣмъ департаментъ богаче, тѣмъ меньше его общая рождаемость и, наоборотъ, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ его рождаемость больше. Такъ департаменты: Seine, Seine-et-Oise, Seine-et-Marne, Calvados, Eure и другіе, занимающіе первое мѣсто по суммѣ платимыхъ ими налоговъ, имѣютъ наименьшее число дѣтей на семью, тогда какъ департаменты Бретани, Оверня, Савойи, платящіе меньше другихъ налоговъ, отличаются наиболѣе многочисленными семьями. Правда наименьшая рождаемость не всегда совпадаетъ непременно съ наибольшими платежами, т. е. наибольшей, по этому расчету, доходностью департаментовъ; такъ департаменты: Gers, отличающійся самой низкой рождаемостью (15,1 на 1000 жителей), Lot-et-Garonne, Carne-et-Garonne, рождаемость которыхъ 15,1 и 17,5 на 1000, стоятъ не въ первыхъ рядахъ по суммѣ своихъ платежей. Но подобныя исключенія, имѣющія вѣроятно свое объясненіе, по своей малочисленности не нарушаютъ правила, особенно если оно примѣняется не къ какому-нибудь департаменту, а къ единицамъ болѣе мелкимъ...

При переписяхъ населенія городовъ фактъ малой рождаемости богатыхъ кварталовъ сравнительно съ бѣдными констатируетъ и не для одной только Франціи. Онъ отмѣчается въ Лондонѣ, Бристолѣ и другихъ большихъ центрахъ. Но нагдѣ разница рожда-

*) Chervin. Revue Scientifique, 1889.

мости богатыхъ и бѣдныхъ кварталовъ не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ во Франціи. Въ Парижѣ, напримѣръ, въ 1887 году, въ рабочемъ округѣ Belleville рождаемость на 1000 жителей доходила до 33,49, тогда какъ въ аристократическомъ округѣ Champs Elysées она не превышала 14,21, т. е. была болѣе чѣмъ въ 2½ раза меньше. Эта разниа отмѣчается изъ года въ годъ и, для городовъ вообще, большая плодовитость бѣднаго населенія сравнительно съ богатымъ считается неоспоримой.

Не такъ единодушны демографы по отношенію къ деревенскому населенію. То обстоятельство, что плодородные годы повышаютъ въ деревняхъ число браковъ и число роженій, служить, въ глазахъ нѣкоторыхъ, какъ бы опроверженіемъ того, что большая плодовитость связывается съ бѣдностью. Не трудно понять, что противорѣчіе между этими двумя фактами существуетъ только на первый взглядъ. Урожайный годъ, если и повышаетъ средній уровень благосостоянія жителей, то не на долго, и ужъ во всякомъ случаѣ онъ не измѣняетъ относительнаго положенія различныхъ классовъ и потому, если бретонская пословица: «*après de rommes—après de mariages*» и оправдывается, то только относительно того класса населенія, который и безъ яблокъ даетъ высокій % рождаемости. Другое было бы дѣло, еслибъ намъ сказали, что бретонскія яблоки обогатили Бретань на всю жизнь и что съ тѣхъ поръ бретонцы вмѣсто 4-хъ дѣтей имѣютъ ихъ 6... Словомъ, ни примѣръ урожайныхъ годовъ, ни измышленіе зависимости увеличенія рождаемости отъ увеличенія заработной платы нисколько не колеблютъ факта большей плодовитости бѣдныхъ сравнительно съ богатыми. Этотъ фактъ съ каждымъ днемъ устанавливается прочнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ демографы начали понимать необходимость изучать демографическія явленія по коммунаамъ и въ связи съ другими явленіями общественной жизни. Я говорилъ уже, что такое изученіе, начавшееся всего какихъ нибудь 3—4 года тому назадъ, еще очень мало подвинулось впередъ, тѣмъ не менѣе добытыя данныя даютъ уже хорошія матеріалы для подтвержденія указаннаго соотношенія между матеріальнымъ благосостояніемъ населенія и рождаемостью.

Одну изъ самыхъ яркихъ иллюстрацій этого положенія представляетъ изученный подробнѣйшимъ образомъ Арсеномъ Дюмономъ кантонъ Лильбонъ департамента Seine Inferieure *). Этотъ департаментъ является какимъ то пятномъ среди группы департаментовъ сѣверо-восточнаго угла Франціи: тогда какъ въ сосѣднихъ съ нимъ департаментахъ рождаемость очень низка, онъ отличается рождаемостью выше средней. Но, что характернѣе всего, рождаемость въ немъ стояла очень низко въ началѣ этого столѣтія и начала подниматься съ 20 и 30 годовъ, дохода во многихъ

*) Bulletin de la Société d'Anthropologie, Juillet décembre, 1891.

кантонахъ до 30 и 35 на 1000 жителей въ послѣдніе годы. Оказывается, что это повышеніе рождаемости какъ разъ совпадаетъ съ развитіемъ въ департаментѣ пролетаріата. Кантонъ Лилльбонъ въ этомъ отношеніи очень типиченъ и потому мы остановимся на немъ подробнѣе.

Въ этомъ кантонѣ рождаемость стояла очень низко (25,1 на 1000) въ первомъ десятилѣтіи этого столѣтія, т. е. въ то время, когда большинство ткачей продолжало еще работать на дому, какъ въ прошломъ столѣтіи. Но тотчасъ же по введеніи гидравлическихъ ткацкихъ и прядильныхъ станковъ и начавшейся концентраціи рабочихъ въ мастерскихъ, рождаемость начала быстро повышаться; въ десятилѣтіе 1823—1832 она поднимается въ коммунѣ Лилльбонъ, гдѣ по преимуществу группировались фабрики, до 35,3 на 1000. Она возрастаетъ еще со времени замѣны гидравлическихъ станковъ паровыми (въ послѣдніе годы Реставраціи), достигая такихъ почтенныхъ цифръ, какъ 37, 38 и даже 40 на 1000 въ среднемъ за десятилѣтніе періоды. Рождаемость повышается не только въ коммунѣ Лилльбонъ и сосѣднихъ съ нею, но и въ другихъ коммунахъ кантона, гдѣ населеніе смѣшанное и даже тѣхъ, гдѣ населеніе чисто земледѣльческое. Къ сожалѣнію, Дюмонъ не указываетъ, какъ измѣнялось распределеніе земельной собственности въ этихъ послѣднихъ коммунахъ и насколько увеличеніе рождаемости совпадало съ обдѣнчивіемъ сельскаго населенія. Онъ показываетъ только, что это населеніе въ настоящее время еще бѣднѣе фабричнаго. По его мнѣнію профессиональныя занятія не имѣютъ вліянія на демографическія явленія; достаточно, чтобы степень матеріальнаго благосостоянія, а также степень умственнаго и нравственнаго развитія была одна и та же, для того, чтобы получалось сходство въ демографическомъ отношеніи между различными по профессіи группами населенія. Кантонъ Лилльбонъ, повидимому, вполне подтверждаетъ это положеніе. Населеніе его почти на половину промышленное и на половину земледѣльческое (6000 занимается ткацкимъ производствомъ, 5000 — земледѣліемъ и 3000 — другими профессіями), цѣлкомъ отличается бѣдностью, съ одной стороны, и крайнимъ невѣжествомъ съ другой. Прежде всего здѣсь почти отсутствуетъ буржуазія. Вся промышленность сосредоточивается въ рукахъ шести, семи крупныхъ фабрикантовъ. Земельная собственность, принадлежащая сравнительно небольшому числу землевладѣльцевъ, никогда не живущихъ въ помѣстьяхъ, разбита на арендные участки средней и малой величины. Въ началѣ столѣтія положеніе земледѣльцевъ было лучше ужъ по одному тому, что многіе изъ нихъ рядомъ съ земледѣліемъ занимались и тканьемъ. Теперь большинство фермеровъ по своему положенію немногимъ отличается отъ рабочихъ. Положеніе же сельскихъ рабочихъ по-истинѣ ужасно: они получаютъ $1\frac{1}{2}$ —2 франка въ день и часто, за недостаткомъ

работы, работаютъ только два-три дня въ недѣлю. Такого заработка не хватаетъ на хлѣбъ и холостому работнику, не говоря ужъ о семейномъ.—Фабричные рабочіе живутъ сравнительно гораздо лучше; они получаютъ 3—3½ франка въ день, а нѣкоторые изъ нихъ даже 4—5. Было время, когда средній ихъ заработокъ былъ 5—6 франковъ въ день, но это было очень давно, во времена гидравлическихъ станковъ. Въ первое время введенія паровыхъ станковъ заработная плата держалась сравнительно высоко, но мало-по-малу она начала падать, несмотря на вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ припасовъ, пока не понизилась до настоящей ничтожной цифры, которая еще понижается, благодаря частой безработицѣ. вмѣстѣ съ паровыми станками исчезла работа и на дому. Рабочіе стали селиться въ казармахъ, выстроенныхъ фабрикантами и вообще стягиваться къ городу Лилльбону и его окрестностямъ. Многие, впрочемъ, живутъ еще въ сосѣднихъ коммунахъ и дѣлаютъ каждый день 2—4 версты въ одинъ конецъ, идя на фабрику. Трудно сказать, что лучше — такая-ли прогулка или житье въ рабочихъ казармахъ. Дѣло въ томъ, что 12-ти часовой рабочий день совсѣмъ истомляетъ рабочаго. Стоитъ на него посмотреть, когда онъ выходитъ изъ фабрики: походка его тяжела, медленна, неуклюжа; цвѣтъ лица землистый; исхудалое лицо безнадежно грустно и апатично; онъ идетъ молча, понурившись, не обращая никакого вниманія на окружающее; одежда его небрежна и часто грязна. Молодые дѣвушки кажутся болѣе подвижными; въ праздники онѣ любятъ принарядиться; но и у нихъ тотъ же истомленный видъ, тотъ же блѣдный цвѣтъ лица, словомъ, та же печаль разрушающагося здоровья; въ 22 — 23 года онѣ уже утрачиваютъ свою подвижность, лишаются веселости и граціи. Такъ дѣйствуетъ фабрика. Работа въ хлопчато-бумажной прядильной и ткацкой фабрикѣ, хотя и не считается въ числѣ самыхъ трудныхъ, тѣмъ не менѣе убійственна. Быстрота, однообразіе и непрерывность извѣстныхъ, всегда однихъ и тѣхъ же движеній, неподвижность всѣхъ членовъ тѣла, кромѣ одного или двухъ, составляютъ сами по себѣ пытку. Если же къ этому прибавить 30° жару, удушливый воздухъ, пронизанный запахомъ клея и теплаго масла, гулъ машинъ, непрерывное дрожаніе пола, то придется удивляться не истомленному виду рабочаго, а скорѣе его выносливости. Впрочемъ, выносить онъ эту жизнь больше благодаря всевозможнымъ возбуждающимъ, входящимъ въ составъ его ежедневной пищи: чесноку, луку, кофе, водкѣ.—Такова обстановка существованія рабочаго съ дѣтскихъ лѣтъ. Машина превратила его въ автомата, всѣ силы и способности котораго поглощены одной цѣлью—согласовать свои движенія съ движеніями своего неодушевленного господина... Что же удивительнаго, если этотъ автоматъ, послѣ дня такой службы, не чувствуетъ въ головѣ ничего, кромѣ страшной пустоты, одури, какъ отъ угара, и непреодолимой

потребности отдыха? А завтра начнется опять та же служба съ ея омертвляющей монотонностью, и такъ всю жизнь, до самой смерти...—Сельскій рабочій, точно такъ же, какъ и фермеръ, не только бѣднѣе фабричнаго, но и еще менѣе развитъ. Фабрика, при всѣхъ своихъ убійственныхъ особенностяхъ, имѣетъ всетаки ту хорошую сторону, что люди въ ней работаютъ вмѣстѣ и, слѣдовательно, здѣсь существуетъ хоть какою нибудь обмѣнъ мысли. Фермеръ же по мѣсяцамъ никого не видитъ, кромѣ своей семьи и одного-двухъ рабочихъ, если онъ ихъ нанимаетъ на время уборки. Онъ вѣчно одинъ, вѣчно занятъ маленькими расчетами своего маленькаго хозяйства, вѣчно задавленъ нуждой. Живетъ онъ такъ же изо дня въ день; потребности его меньше, чѣмъ потребности фабричнаго; мясо онъ ѣстъ только изрѣдка, довольствуясь скудными продуктами своего поля. Онъ грязенъ, неряшливъ, апатиченъ и тоже лишенъ способности думать о будущемъ; впрочемъ, высокая арендная плата при плохой почвѣ въ корни подрываетъ всякую надежду на будущее, если таковая у него и является.—Изъ всего этого слѣдуетъ, что матеріальное положеніе сельскаго населенія и пролетаріата кантона приблизительно одинаково. Одинакова также и степень ихъ умственнаго и нравственнаго развитія: «все населеніе отличается очень большою честностью (заповоръ почти не существуетъ, огороды и сады не запираются вовсе и даже дѣти не трогаютъ фруктовъ) и вмѣстѣ полнымъ отсутствіемъ всякаго умственнаго интереса; невѣжество и рутинность царствуютъ повсюду».

Да проститъ мнѣ читатель, что я такъ долго остановился на положеніи рабочихъ Лилльбона. Но кантонъ этотъ настолько характеристиченъ, что онъ избавитъ насъ отъ необходимости возвращаться къ описанію положенія той части нашего населенія, которое не только кормитъ остальную его часть, но и поддерживаетъ расу. Вездѣ только крайняя бѣдность, связанная въ большей или меньшей степени съ невѣжествомъ, предрасудками, апатіей, жизнью изо дня въ день, безъ цѣлей, безъ надеждъ на будущее, даетъ высокій процентъ рожденій. И, наоборотъ, извѣстная степень матеріальной обезпеченности какимъ-то страннымъ образомъ его понижаетъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Населеніе острова Ouessant, причисленнаго къ департаменту Finistère, отличалось въ началѣ вѣка очень слабой рождаемостью, которая теперь поднялась очень сильно. Рядомъ съ этимъ поднятіемъ произошло пониженіе матеріальнаго благосостоянія жителей и измѣненіе нравовъ. Авторы, писавшіе объ этомъ островѣ лѣтъ 50—60 тому назадъ, говорятъ, что населеніе его отличается честностью, вѣжливостью, опрятностью, ведетъ правильный и скромный образъ жизни. Теперь же, по словамъ доктора Bohéas'a жителя этого острова характеризуются прямо противоположными чер-

тами: они пьянствуютъ въ большой степени, живутъ грязно и совсѣмъ не заботятся о будущемъ.

Въ кантонѣ Issigny департамента Calvados рождаемость, очень слабая въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX, начала возрастать со второй половины этого столѣтія. Оказывается, что и здѣсь это возрастаніе совпадаетъ съ возрастаніемъ бѣдности, пьянства, преступности, нищенства. Плодовитъ здѣсь только бѣдный классъ населенія, зажиточный же по прежнему остается бесплоденъ. Это выясняется особенно при изученіи кантона по коммунамъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число незаконнорожденныхъ дѣтей составляетъ почти 50%, всѣхъ дѣтей, что уже само по себѣ указываетъ, по мнѣнію изслѣдователей, на большую степень безопасности и привычки жить изо дня въ день. Большая рождаемость Исиньи за послѣднія 50 лѣтъ приписывается цѣликомъ развитію здѣсь сельскаго пролетаріата.

Департаментъ Carne-et-Garonne, который не имѣетъ пролетаріата и почти не знаетъ бѣдности, отличается рождаемостью ниже французской средней. Правда, тамъ почти нѣтъ бездѣтныхъ семей, но за то и семья съ 3—4 дѣтьми величайшая рѣдкость.

Департаментъ Lot-et-Garonne, составляющій какъ бы ядро той группы департаментовъ юго-западной Франціи, гдѣ рождаемость одна изъ наиболѣе низкихъ, еще характернѣе въ этомъ отношеніи. Департаментъ этотъ отличается необыкновенно плодородной почвой, здоровымъ климатомъ и зажиточностью всѣхъ своихъ жителей. Это—страна по преимуществу мелкой собственности, которая составляетъ 87%; изъ остальныхъ 13% на долю средней собственности приходится 12%, и только 1% можетъ быть отнесенъ къ крупной (изъ 151,934 côtes foncières 131,879 относится къ мелкой собственности, 19,058—къ средней и 997—къ крупной). Всѣ мелкіе собственники безъ исключенія зажиточны; ихъ хозяйства не требуютъ большого числа рукъ; маленькій виноградникъ, нѣсколько сливовыхъ деревьевъ, поле пшеницы, даютъ возможность мужику дѣлать сбереженія и позволяютъ ему постоянно надѣяться на большія пріобрѣтенія въ будущемъ. Шервель, производившій изслѣдованіе этого департамента, говоритъ: «можно констатировать, какъ правило, что здѣсь бѣдное населеніе городовъ гораздо плодовитѣе богатыхъ мужиковъ, а бѣднѣвшіе дворяне плодовитѣе разбогатѣвшихъ буржуа».

Какъ убѣдительный примѣръ большей рождаемости бѣднаго населенія сравнительно съ богатымъ, Дюмонъ приводитъ гористые департаменты, которые, вообще говоря, болѣе бѣдны, чѣмъ департаменты, занимающіе долины. «Тогда какъ минимумъ рождаемости, говоритъ онъ, мы встрѣчаемъ въ равнинахъ Нормандіи, Бургундіи, Иль-де-Франсъ, Гасконіи, Шампаньи, ея максимумъ надо искать въ Пиренеяхъ, Альпахъ, высочихъ мѣстахъ центральной возвышенности».

Всѣ эти факты настолько убѣдительны, что нѣкоторые изслѣдователи, повидимому, склонны считать *степень* рождаемости обратно пропорціональной степени матеріальнаго благосостоянія населенія. «Чѣмъ богаче коммуна, чѣмъ плодороднѣе ея почва, чѣмъ зажиточнѣе ея жители, тѣмъ меньше рождаемость»—говорятъ Бертильонъ, Ланьо, Лавасеръ и другіе. Съ этимъ крайнимъ мнѣніемъ трудно, разумѣется, согласиться, и мнѣ кажется, что оно высказывается только затѣмъ, чтобы лучше подчеркнуть меньшую рождаемость зажиточнаго класса сравнительно съ бѣдными. *Степень* богатства, по моему, тутъ совершенно не причесть и на-лицо не имѣется никакихъ фактовъ для того, чтобы заключить, напри-мѣръ, что буржуа и богатѣи мужики имѣютъ меньшую рождаемость, чѣмъ та группа населенія, которую мы назвали «болѣе обезпеченными рабочими». У мелкихъ служащихъ, у приващниковъ, особенно у прислуги, какъ всякій знаетъ, дѣтей бываетъ не больше, чѣмъ у буржуа. У рабочихъ, работающихъ на дому, дѣтей тоже не много. На это указываютъ тѣ же статистики, которые говорятъ: *чѣмъ* населеніе богаче, *тѣмъ* меньше его рождаемость.

Какъ бы то ни было, но теперь врядъ ли найдется хоть одинъ статистикъ, способный утверждать, какъ въ былыя времена, что «гдѣ родится хлѣбъ, тамъ родится человекъ», и врядъ-ли также рѣшится кто опровергать, что общая рождаемость Франціи понижается сравнительно зажиточной частью ея населенія.

III.

Причины малой рождаемости.

Мы имѣемъ теперь нѣкоторое, правда очень поверхностное, понятіе о составѣ французскаго населенія. Мы знаемъ также, какой классъ общества особенно понижаетъ процентъ рождаемости и какому другому Франція обязана тѣмъ, что числится еще въ ряду первостепенныхъ державъ. Мы знаемъ, что только бѣдняки, пролетаріи, люди, перебивающіеся изо дня въ день и лишенные всякихъ надеждъ на лучшее будущее, способны въ настоящее время давать нормальную рождаемость и что, наоборотъ, люди, болѣе обезпеченные, страдаютъ малоплодіемъ. Чѣмъ же объясняется это странное явленіе? Какими путями богатство, вмѣсто того, чтобы повышать, какъ можно бы скорѣе ожидать, рождаемость, такъ сильно ее понижаетъ?

Первое, что напрашивается на мысль, это — объяснить эт малоплодіе формулой Спенсера. Національное самолюбіе было бы во всякомъ случаѣ польщено, еслибъ оказалось, что геновистъ уменьшается, благодаря интенсивности умственной жизни. Не даромъ значитъ, французы считаютъ себя первой націей въ мірѣ, расча-

ницей всѣхъ великихъ идей вѣка, солнцемъ, освѣщающимъ непробудный мракъ, царствующій въ французскихъ границахъ! За такую мировую роль не грѣхъ и поплатиться!.. Но увы! Подобное лестное объясненіе никому и въ голову не приходитъ, до такой степени оно мало согласуется съ дѣйствительностью. За исключеніемъ маленькаго круга ученыхъ и людей, безкорыстно работающихъ въ какой нибудь области знанія, во Франціи, собственно говоря, нѣтъ умственной дѣятельности, если подъ этимъ именемъ подразумѣвать болѣе или менѣе самостоятельную и безкорыстную работу мысли. Нигдѣ, я думаю, рутинѣ и обычаю не царствуютъ такъ, какъ во Франціи, нигдѣ традиція не играетъ такой роли. Нигдѣ, напр., нѣтъ большей гармоніи между отцами и дѣтьми. Дѣти являются во всѣхъ отношеніяхъ продолжателями не только своихъ отцовъ, но и дѣдовъ, и прадѣдовъ. Правда, теперь учатъ, пожалуй, лучше, т. е. больше насовываютъ въ голову знаній, но общее развитіе отъ этого не увеличивается, кругозоръ не расширяется, мысль не приучается работать. Всѣ по прежнему живутъ традиціями, по прежнему цѣпляясь за готовыя формулы, по прежнему боясь свѣта... если онъ не приноситъ практической пользы. Практическая польза! это и есть тотъ лозунгъ, который руководитъ здѣсь всѣми въ жизни. До самой могилы никто ничего другаго не знаетъ, да и не желаетъ знать. Всѣ знанія, не имѣющія въ виду этой единственной цѣли, являются только лишнимъ балластомъ, отъ котораго здѣсь очень легко умѣютъ избавиться. Все кругомъ, все въ обществѣ складывается именно такъ, чтобы скорѣе избавиться отъ всякаго лишняго баласта, дабы дать возможность свободнѣе шагать по той проторенной дорожкѣ, которая открывалась передъ каждымъ съ самаго дня его рожденія. Сперва родные рѣшаютъ участь юноши, а потомъ все устрояется такъ, что нельзя уже свернуть въ сторону, даже если и пожелаешь. Но здѣсь этого и не желаютъ. Въ школѣ, въ семьѣ, всюду жизнь ограничивается рамками, за предѣлами которыхъ ничего не видать. Жизненный путь опредѣляется съ пеленокъ: сдѣлать карьеру! Родъ карьеры указываетъ родными и обстоятельствами, размѣры ея зависятъ отъ силъ и честолюбія,—не того благороднаго честолюбія, которое создаетъ героевъ и мучениковъ, а того мелкаго мѣщанскаго честолюбія, для котораго наградой является не внутреннее удовлетвореніе, а высшія почести. Ясно, что для такой карьеры надо приобретать только практически полезныя знанія, а на все остальное наплевать. Не даромъ «*m'ep fichisme*» такъ царствуетъ во Франціи. Не даромъ студенты считаютъ своего рода шикомъ не читать никакихъ газетъ, кромѣ бульварныхъ порнографическихъ листковъ. Не даромъ такое огромное студенческое общество, какъ Association des Etudiants, рѣшило не заниматься политикой. Вы думаете, что, вмѣсто политики, студенты занимаются наукой? Нисколько. Зайдите въ Сорбону, въ

Медицинскую Академію, въ другія школы—вездѣ васъ поразить во-первыхъ, щегольской видъ хорошо откормленныхъ юношей, во-вторыхъ, ихъ гривуазные разговоры и, наконецъ, ярость, съ которой большинство изъ нихъ «беретъ pôtes». Эти pôtes нужны студенту для того, чтобы выдержать экзаменъ, не прочитавъ ни одной книжки. Опытъ показалъ, что это вполне возможно, отсюда и рвеніе въ записываніи лекцій; къ тому же замѣтки не только гарантируютъ экзаменъ, но и даютъ возможность проводить всѣ вечера въ кафе въ обществѣ дамъ легкаго поведенія, что милые юноши и исполняютъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Они «дѣлаютъ карьеру», а наука, истина, идеалы и другія «прекрасныя слова»,—все это—«vieux jeu», устарѣвшая вещь, надъ которой представители молодого поколѣнія умѣютъ только смѣяться. Стоитъ-ли говорить о взрослыхъ, о старикахъ, если такова молодежь? Говорятъ, что все это еще плоды Наполеонскаго царствованія. Не думаю. Вѣрнѣе это плоды вообще того режима, при которомъ страшно обостренная борьба за существованіе вырабатываетъ изъ человѣка своего рода машину, наилучшимъ образомъ приспособленную для защиты своихъ интересовъ и интересовъ своего класса. Дѣло въ томъ, что буржуазія уже сѣла свою пѣсню, сказала всѣ прекрасныя слова, какія могла сказать, и съ тѣхъ поръ опочила на лаврахъ. Ни о какой умственной жизни въ ея средѣ говорить нельзя. Степень ея умственнаго и нравственнаго развитія въ массѣ не выше степени развитія массы народа. Даже тѣ изъ ея членовъ, которые прошли черезъ среднее и высшее образованіе, не отличаются по широтѣ своего кругозора, напримѣръ, отъ рабочихъ промышленныхъ центровъ. Жизнь требуетъ спеціализаціи знаній, тщательнаго, мелочнаго изученія своей маленькой спеціальности и, при существующей страшной конкуренціи, желающей успѣха долженъ отдать всѣ свои силы этой спеціальности, такъ что такая умственная дѣятельность въ концѣ концовъ сводится къ навыку, привычкѣ, чисто механической работѣ памяти. Не такую работу имѣлъ, конечно, въ виду Спенсеръ, когда говорилъ объ обратномъ отношеніи генезиса къ умственной дѣятельности человѣка.

За то одинъ ученый подыскалъ другую причину, физиологическаго же характера, которая, пожалуй, давала бы болѣе подходящее объясненіе малой плодовитости французскаго буржуа, еслибъ она считалась доказанной для животнаго царства вообще. Причина эта — чрезмѣрное питаніе. «Я увѣренъ, что животное, хорошо откормленное, не можетъ размножаться», говоритъ Делонэ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Но даже еслибъ это было и такъ то врядъ-ли можно назвать хорошо откормленнымъ весь сло населенія, который отличается наименьшей рождаемостью. Р него входятъ, между прочимъ, богатые мужики, которые, какъ извѣстно, довольно плохо питаются, сберегая каждый су. Бол

шинство мелкой буржуазіи также очень экономничаетъ на ѣдѣ, какъ и на всемъ, предпочитая увеличивать свои сбереженія. Нечего и говорить о той группѣ населенія, которую мы назвали болѣе обеспеченными рабочими. Вообще объясненіе малой рождаемости «откормленностью» мнѣ кажется не заслуживающимъ серьезнаго вниманія.

Гораздо болѣе вѣское значеніе имѣетъ мнѣніе, объясняющее малую плодовитость причинами характера патологическаго. Нѣкоторые гинекологи, напримѣръ, утверждаютъ, что число женскихъ болѣзней, мѣшающихъ дѣтороженію, среди зажиточнаго класса очень велико, что зависитъ отъ несоблюденія необходимыхъ правилъ гигиены, ношенія корсетовъ и пр. На это можно возразить, что правила гигиены соблюдаются еще меньше среди бѣдной части населенія, а корсеты носятъ даже крестьянки въ полѣ, не говоря ужъ о городскихъ работницахъ. Того же рода возраженіемъ можно отвѣтить и на всѣ другіе примѣры, приводимые съ цѣлью объяснить недостаточную рождаемость патологическими причинами. Всѣ эти примѣры могли бы имѣть, пожалуй, рѣшающее значеніе, еслибы малоплодіемъ страдала *вся* нація, а не часть ея. Все усиливающееся распространеніе алькоголизма, преступленій, сумасшествій, самоубійствъ, захватываетъ всѣ слои населенія и, если нѣкоторые изъ этихъ бичей современнаго человѣчества встрѣчаются чаще въ одномъ классѣ общества, за то другіе — постоянно въ другомъ. Правда, есть болѣзнь, которая составляетъ какъ бы особую привилегію привилегированнаго меньшинства и которая, казалось бы, должна прямо отзываться неблагоприятно на рождаемости. Болѣзнь эта — излишества и извращенія въ сферѣ половыхъ отношеній, болѣзнь страшная, служащая, между прочимъ, лишнимъ доказательствомъ низкаго уровня умственнаго и нравственнаго развитія буржуазіи. Отсутствие сколько нибудь широкаго идеала, неизмѣнне передъ собою цѣли, требующей болѣе глубокаго анализа окружающаго, болѣе строгаго отношенія къ себѣ, дѣлають то, что человѣкъ легко подпадаетъ подъ власть грубыхъ удовольствій. Достаточно читать «Faits divers» газетъ: сколько безобразій совершается въ этомъ отношеніи на нашихъ глазахъ повседневно. Молодой буржуа начинаетъ свои похождения еще съ гимназической скамьи и къ 35—40 годамъ, т. е. ко времени, когда онъ собирается жениться и остепениться, онъ уже долженъ быть совершенно истрепанъ. Люди свѣдущіе утверждаютъ однако, что это не помѣшало бы ему имѣть человѣкъ 5—6 дѣтей. Я не берусь рѣшать, насколько это мнѣніе справедливо, но дѣло въ томъ, что французы умудряются какимъ-то способомъ сохраняться до старости лучше сосѣднихъ націй. Можетъ быть это потому, что въ концѣ концовъ они всетаки благоразумны и чувство самосохраненія у нихъ, пожалуй, развито больше, чѣмъ у кого другаго. Даже въ самыхъ излишествахъ они ухитряются сохранять мѣру.

Мѣщанская размѣренность во всемъ дѣлается постепенно отличительной чертой характера и нѣтъ такого аффекта, который заставилъ бы позабыть во время пообѣдать, во время лечь спать, во время проснуться и т. д. На все имѣются свои часы, но главное они знаютъ, когда остепениться... Что касается рабочихъ, то, во-первыхъ, специальная болѣзнь привилегированнаго класса начинается до нѣкоторой степени переходить и къ нимъ, и во-вторыхъ, онѣ имѣетъ свои особенныя болѣзни, также вредно и также прямо отражающіяся на рождаемости. Это, съ одной стороны, болѣзни профессиональныя, съ другой — тѣ, которыя связываются съ нищетою и голодомъ. Изъ профессиональныхъ болѣзней многія (какъ, напримѣръ, тѣ, которыя развиваются у женщинъ отъ шитья на машинѣ или отъ постоянного стоянія на ногахъ) отражаются на дѣторожденіи, такъ сказать, непосредственно. Что касается всѣхъ другихъ болѣзней, то всякій знаетъ насколько онѣ свирѣпствуютъ сильнѣе среди трудящихся массъ. Достаточно напомнить разницу средней продолжительности жизни нисшихъ и высшихъ классовъ общества. Въ Англии, напримѣръ, средняя продолжительность жизни богатыхъ считается въ 44 и даже 55 лѣтъ, а средняя жизнь бѣдныхъ всего въ 22 года. Въ Парижѣ на 10,000 богатыхъ приходится въ годъ 156 смертей, а на 10,000 бѣдныхъ — 285 *).

Патологическія причины, также какъ и физиологическія, приходится, слѣдовательно, если и не совершенно устранить при объясненіи низкой рождаемости, то во всякомъ случаѣ отвести имъ ту же роль, какую онѣ играютъ и въ другихъ странахъ. Франція въ этомъ отношеніи ничѣмъ особеннымъ не отличается. Ея буржуазія въ концѣ концовъ врядъ ли испорченнѣе и развращеннѣе буржуазіи всякаго другого государства. Численное же превосходство этого класса только тогда и могло бы имѣть здѣсь значеніе, еслибъ оказалось, что физическое здоровье этого класса стоитъ ниже здоровья рабочихъ. Говорить объ общемъ «вырожденіи расы» въ данномъ вопросѣ еще менѣе возможно. Французскіе ученые объ этомъ и слышать не хотятъ. «Ничто не доказываетъ ослабления расы, говоритъ Шарль Рише, — ни физическая сила, ни ростъ, ни мыслительная способность не уменьшились во Франціи скольконибудь чувствительнымъ образомъ». Дюмонъ, Бодрильяръ, Ланьо и почти всѣ остальные держатся такого же мнѣнія; вся разница между ними та, что одни вовсе не признаютъ патологическихъ причинъ въ вопросѣ малой рождаемости, другіе признаютъ ихъ отчасти, придавая имъ во всякомъ случаѣ второстепенное значеніе Шервень, въ доказательство того, что состояніе здоровья играетъ нѣкоторую роль, какъ причина, понижающая рождаемость, приводитъ интересныя цифры, указывающія, что наименьшая рождаемость совпадаетъ съ наибольшимъ числомъ забракovanýchъ реи

*) Gide. Précis d'Economie Politique.

руть. Такъ въ департаментахъ Eure, Orne и Seine-Inférieure, гдѣ рождаемость низка, число негодныхъ къ военной службѣ составляютъ 43%, 44% и 48% всѣхъ призванныхъ. И наоборотъ, въ департаментахъ Бретани: Morbihan, Côte-du-Nord и Finistère, гдѣ рождаемость очень высока, число забракovanýchъ 23, 24 и 32%. Не говоря ужъ просто, что въ этомъ примѣрѣ цифры наименьшей и наибольшей рождаемости далеко не совпадаютъ съ наибольшими и наименьшими цифрами забракovanýchъ рекрутъ, Шервель неправильно относитъ департаментъ Нижней-Сены къ числу департаментовъ съ наименьшей рождаемостью, такъ какъ его рождаемость выше французской средней (30,7). Дюмонъ выставляетъ именно этотъ департаментъ, какъ убѣдительный примѣръ того, насколько физическое здоровье жителей имѣетъ мало вліянія на плодovitость. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Мы видимъ, что болѣзненность молодыхъ людей, большая смертность во всѣ годы жизни, отлично согласуются съ большою рождаемостью. Бѣдность, или даже нищета, болѣзнь, слабость сложенія, уменьшаютъ, разумѣется, крѣпость дѣтей, ихъ живучесть, но никакъ не число рожденій. Для того, чтобы плодovitость человѣка была уменьшена (entravée) голодомъ или физическими немощами (misère physiologique), надо по всей вѣроятности, чтобы эти несчастія достигали той степени интенсивности, какая никогда не была констатирована прямымъ наблюденіемъ во Франціи нашей эпохи».

Такимъ образомъ, если плохое состояніе здоровья и играетъ какую нибудь роль при пониженіи рождаемости, то во всякомъ случаѣ не имъ объясняется малая плодovitость французовъ во Франціи. Я подчеркиваю во Франціи, потому что оказывается достаточнымъ французамъ выѣхать за предѣлы отечества для того, чтобы рождаемость тотчасъ же поднялась. Французскія колоніи представляютъ тому неопровержимое доказательство. Въ Канадѣ рождаемость французовъ даже выше англо-саксонской. Въ Алжирѣ она тоже стоитъ очень высоко — около 40 на 1000 жителей. Не знаю, какъ обстоятъ рождаемость французскихъ эмигрантовъ, раселившихся по европейскимъ странамъ, но думаю, что и у нихъ она выше на чужбинѣ, чѣмъ была бы на ихъ родинѣ, если, разумѣется, условія ихъ существованія отличаются отъ нашихъ. Потому то, повторяю, гипотезу о вырожденіи расы слѣдуетъ въ данномъ случаѣ совершенно оставить. Что касается расовыхъ особенностей вообще, то можетъ быть онѣ и имѣютъ здѣсь нѣкоторое вліяніе, но это вліяніе не имѣетъ никакого прямого отношенія къ физической природѣ человѣка. Французъ по своей природѣ такъ же плодovitъ, какъ англичанинъ, или даже русскій, и если, несмотря на это, онъ имѣетъ вдвое меньше дѣтей, чѣмъ каждый изъ этихъ послѣднихъ, то это только потому, что онъ такъ хочетъ!..

Въ этомъ все и дѣло. Въ сущности излишне было такъ долго

останавливаться на других причинах, чтобы путем исключения прийти къ такому выводу,—до такой степени онъ общепризнавъ. Но мы стараемся, чтобы у насъ на этотъ счетъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, и потому подкрѣпимъ наши отрицательныя доказательства ссылками на авторитеты. Всякій понимаетъ, что другихъ, болѣе прямыхъ, доказательствъ въ данномъ случаѣ быть не можетъ. Личныя наблюденія, подкрѣпленныя наблюденіями другихъ лицъ, особенно тѣхъ, которыя специально занимались этимъ вопросомъ, наконецъ «ходячее мнѣніе», установившееся по этому пункту, являются здѣсь единственнымъ источникомъ для подтвержденія своихъ заключеній. Послушаемъ же людей компетентныхъ. Всѣ они, и демографы, и доктора, и социологи, въ этомъ случаѣ удивительно единодушны. Всѣ признають единогласно, что главная причина малой рождаемости, это—нежеланіе имѣть дѣтей. Только одни говорятъ, что эта главная причина есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственная, другіе признають, какъ я уже говорилъ, извѣстное вліяніе причинъ патологическихъ и отчасти физиологическихъ. Само собою разумѣется, что всѣ признають также, что это нежеланіе имѣть дѣтей—какъ и самый фактъ ихъ неимѣнія—распространено гораздо сильнѣе среди болѣе зажиточнаго слоя населенія. Возьму на-удачу двѣ-три выписки изъ авторовъ, которые у меня сейчасъ подъ руками. Докторъ Ланьо еще въ 1874 году писалъ, что «главная причина малой рождаемости должна крыться въ нежеланіи имѣть дѣтей». Съ 80-хъ годовъ это предположеніе переходитъ въ увѣренность. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Бодрильяръ *): «мы видимъ рѣшимость не имѣть дѣтей, или, по крайней мѣрѣ, рѣшимость ограничить ихъ число, поскольку возможно» и дальше: «этому расчету предаются наименѣе бѣдные». Жакъ Бертильонъ въ одномъ изъ засѣданій Антропологическаго Общества (въ маѣ 1891 года) выражается еще болѣе категорически: «всѣ знаютъ причину зла; всѣ знаютъ, что бичъ нашего отечества — добровольное ограниченіе числа дѣтей». Лавасеръ, Дюмонъ, Ле-Форъ и многіе другіе безусловно того же мнѣнія. Писатели не спеціалисты еще болѣе единодушны по этому вопросу. «Недостаточность рожденій имѣетъ главной причиной добровольное ограниченіе числа дѣтей, практикуемое въ различныхъ степеняхъ различными классами общества, болѣе другихъ богатыми», говоритъ, напримѣръ, муниципальный совѣтникъ Руанъ, посвятившій нѣсколько статей изученію причинъ «обезлюденія». Тубо, авторъ достойной вниманія книги «Répartition métrique des impôts», прі знаетъ ту же причину не только для Франціи, но и для другихъ странъ. «Не надо обольщаться, говоритъ онъ, «мальтузіанство не есть явленіе мѣстное и преходящее; экономная и предусмотрит-

*) Populations rurales de la France.

тельная буржуазія практикуетъ его во всѣхъ странахъ и прививаетъ его народу, распространяя образованіе и желѣзныя дороги».

Но довольно цитать. Всѣ, рѣшительно всѣ, повторяю, кричатъ въ одинъ голосъ: «мальтузіанство» — вотъ врагъ! вотъ съ чѣмъ мы должны бороться, если не хотимъ окончательной гибели отечества! Да, именно такъ выражаются теперь, забывая или не желая помнить, что были времена, и не въ особенно далекомъ прошломъ, когда на «мальтузіанство» смотрѣли чуть-ли не какъ на универсальное лѣкарство отъ всѣхъ золъ, когда оно представлялось тѣмъ спасительнымъ клапаномъ, который долженъ былъ сохранить на вѣчныя времена излюбленный нами режимъ, когда оно проповѣдывалось не только съ кафедръ, но и устами правительственныхъ лицъ. Развѣ не писалъ префектъ департамента Алліе, въ 1833 году, въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ: «для бѣдныхъ семей существуетъ одинъ только выходъ: онѣ могутъ улучшить свое положеніе только при помощи труда, разсудительности, экономіи и осторожности, осторожности преимущественно въ брачныхъ отношеніяхъ, избѣгая самымъ тщательнымъ образомъ возможности сдѣлать свой союзъ плодовитѣе, чѣмъ свое мастерство». Теперь бы бѣдный администраторъ могъ быть объявленъ измѣнникомъ своего отечества за подобныя совѣты. До такой степени практика пошла дальше теоріи, въ корни подорвавъ эту послѣднюю. Теперь во Франціи не только забыли афоризмъ: «чѣмъ меньше семья, тѣмъ больше благосостояніе отдѣльнаго лица и, слѣдовательно, благосостояніе всего общества», но прямо ужъ выдаютъ преміи отцамъ многочисленныхъ семей. Скоро придется, на подобіе древнихъ грековъ, штрафовать холостяковъ и проводить другія, не менѣе дѣйствительныя мѣры...

М. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОДЪ УТЕСОМЪ.

Изъ жизни окраинъ.

Угрюмъ сѣверъ и мраченъ... И подъ другимъ, болѣе кроткимъ небомъ, порой встають въ памяти, одна за другой, картины полярной страны, холодомъ и дикимъ величьемъ оковывающая душу. И, въ отвѣтъ имъ, гдѣ-то въ глубинѣ сердца поднимается тихая, неутолимая и непонятная боль... Этой-ли робкой, вѣчно скованной жизни жаль, свое-ли горе звучитъ въ отвѣтъ?

Сквозь сонъ я слышу, какъ трещить пламя въ каминѣ, какъ козакъ Алексѣй набиваетъ ледъ въ мѣдный чайникъ, чувствую, какъ мягко, ласково обдаётъ меня тепломъ ярео пылающій огонь.

Сонъ все слабѣе, все болѣе чутокъ; я различаю голоса ямщиковъ, слышу ихъ возню, сборы въ дорогу. Вставать не хочется... Если Алексѣй не будить—значитъ еще рано...

Но глаза открываются сами. Среди низенькой юрты, на землѣ, ямщикъ, якутъ Уйбанъ (Иванъ) увязываетъ свою постель, Байбалъ (Павелъ) у камина накладываетъ въ котелъ мясо, Алексѣй устанавливаетъ на столѣ чашки и собирается заварить чай. Только я лежу неподвижно и смотрю на нихъ. Какъ будто и совѣстно... Да все равно,—я вѣдь имъ не нуженъ...

Алексѣй, наконецъ, обращаетъ вниманіе на меня и прихдится одѣваться. Сегодня поварня *) теплая; часа черезъ д. послѣ нашего пріѣзда, вчера ночью, въ ней уже было «почт. тепло. Ночью я тоже не мерзъ. А теперь и подавно не бы

*) Пешимья юрты, расположенныя въ разстояніи 25—50 верстъ отъ другой между станціями въ пустынной мѣстности.

холодно: каминъ пылалъ, какъ бы готовый поглотить всѣхъ насъ въ своемъ пламени; во всѣ углы прыгали яркія искры.

Надо одѣваться.. Несносно это одѣваніе. Алексѣй снялъ съ разныхъ шестовъ мое платье, по обычаю всѣхъ путниковъ въ этомъ краю—ночью сушившееся, и навалилъ около меня цѣлую груду: двѣ пары мѣховыхъ чулокъ, мѣховые торбаса *), мѣховыя брюки, мѣховой жилетъ, мѣховую куртку... а въ углу висѣла огромная двойная доха, шапка, рукавицы, шарфъ..

Но я немного надулъ Алексѣя: быстро всунувъ ноги въ валенки и, нахвативъ на плечи куртку, всталъ. Алексѣй покосился.

— Все равно, анако (однако), будете послѣ чаю одѣваться! Клячи **) зачѣмъ бросили на земь? Повѣсьте, а то еще замерзнуть! Анако, лучше теперъ одѣлись бы: валенки на нарту увязать надо. Идите умываться!

Въ рукахъ у него была чашка ледовой воды, мыло, полотенце. Онъ стоялъ за каминомъ у стѣны,—обычное мѣсто умыванія въ поварняхъ.

«Надо было» умываться. Я умылся и вышелъ изъ юрты. Красиво помѣстилась она! Съ трехъ сторонъ обступали ее гиганты-лиственницы, сквозь ихъ ряды видѣлись гольцы, а впереди, за обрывомъ, почти на краю котораго стояла поварня, разстигалась узкая долина ручья, вся усыпанная громадными глыбами обваловъ. И, грозя, нависли надъ ней скалы противоположнаго берега,—почти сплошная стѣна, высоко гдѣ-то въ небѣ кончавшаяся темными зубцами. Вѣтеръ не позволяетъ снѣгу покрыть ихъ вершины,—вѣчно гудитъ и воеетъ онъ, то рветъ и бросаетъ внизъ гранитныя громады, то, стихая, перевѣваетъ снѣгъ въ узкой долинѣ.

— Вы пошто же тутъ стоите? Чай пить надо! Скоро ѣхать будемъ, дорогой насмотритесь!—Алексѣй опять захлопнулъ дверь.

«Надо было» пить чай, ѣсть мясо, опять одѣваться..

Мнѣ пріятно ѣхать съ Алексѣемъ. Не потому только, что онъ такой ловкій, умѣлый и услужливый,—у него есть еще что-то, чего нѣтъ у меня и чему я завидую. Какъ ясно всегда предъ нимъ, что и зачѣмъ ему нужно дѣлать, и какъ весело онъ идетъ навстрѣчу всѣмъ этимъ своимъ «надо»! Теперъ надо одѣваться, чтобы раньше выѣхать; надо раньше выѣхать, чтобы за-свѣтло доѣхать до поварни, за-свѣтло доѣхать, чтобы не заблудиться и т. д., и т. д. И онъ взялъ меня подъ опеку съ этихъ «надо»,—и мнѣ хорошо.

Чай допить. Алексѣй выплеснулъ остатки за каминъ, живо

*) Верхняя обувь, мѣхомъ наружу.

) Мѣховые чулки.

перетеръ чашки, завернулъ ихъ въ полотенце и сунулъ въ чайникъ. Хлѣбъ, чайникъ, котлы, все моментально исчезло въ сумѣ, а черезъ минуту сума уже погромыживала гдѣ-то на нартѣ.

«Надо было» одѣваться. Необходимыя чулки, торбаса, жилетъ, куртка, шапка, огромный шарфъ, закрывшій мнѣ все лицо, доха съ поднятымъ воротникомъ,—и вотъ я стою среди юрты, ничего не видя, едва въ силахъ двинуться. Мнѣ завязываютъ воротникъ, опоясываютъ, кто-то суетъ въ руки рукавицы. Съ трудомъ я поднимаю руку и немного опускаю шарфъ. Предо мной, въ щелкѣ, узкая полоска свѣту: кто-то распакиваетъ дверь. Я медленно наклоняюсь, почти опускаюсь на колѣни, протискиваюсь сквозь нее, дѣлаю нѣсколько шаговъ и сажусь на нарту. Ямщикъ крикнулъ, и копыта шести паръ оленей затрещали по укатанному вѣтрами крѣпкому снѣгу. Морозный вѣтеръ рѣжетъ и закрываетъ мнѣ глаза. Дышется бодро, полной грудью.

Вдругъ нарта подо мной куда-то проваливается и черезъ нѣсколько странныхъ мгновений я чувствую страшный толчокъ. Еще ударъ, сзади,—и два оленя задней нарты вскакиваютъ на мою, задѣвая меня рогами и веревками. Ихъ морды рядомъ со мной, я люблю ихъ возбужденно-блестящими черными глазами. Паръ ихъ горячаго дыханія обдаётъ мое лицо. Все благополучно: мы спустились съ обрыва въ долину.

Поѣздъ нашъ, шесть нартъ, вьется по долинѣ, межъ утесовъ, по прихотливому теченію горнаго ручья, наскакывая иной разъ на камни, объѣзжая ихъ, царапаясь по галькѣ берега, вновь связывая на ледъ. Олени бѣгутъ дружно. Длинный шестъ передового ямщика стоитъ въ воздухѣ, лишь изрѣдка опускается то на правого, то на лѣваго оленя.

Возбужденіе выѣзда постепенно прошло. Ѣдемъ уже часа полтора. Меня слегка клонитъ ко сну, слегка тошнитъ. Стараюсь прилечь удобнѣе и задремать. И цѣлый рой разныхъ «зачѣмъ», какъ снѣжинки въ воздухѣ, кружатся, вьются и, одни за другими, опускаются на мою голову.

Я опять освобождаю глаза и начинаю разсматривать мѣстность. Тѣ же угрюмыя скалы со всѣхъ сторонъ, вѣчно нѣмыя, мрачныя, торжественно-готовыя къ чему-то великому, загадочному...

Небо сѣрое. Порошить снѣжокъ. Не покрыть ему эти скалы, не завѣять ихъ тяжелой думы...

Олени вытянули шею и раскрыли рты. При поворотахъ я вижу ихъ чудные черные глаза, такіе кроткіе, такіе глубокие. Тяжело дышутъ ихъ вязанные, розовые рты, быстро гонятъ ямщикъ, все чаще опускается на нихъ его шестъ. Снѣгъ становится гуще, его хлопья дѣлаются все больше и порой нельзя разглядѣть гольцовъ.

Вѣроятно, прошло часа четыре, какъ мы выѣхали. Постепенно теряется сознаніе времени: горы идутъ за горами, ущелья, спуски, подъѣмы, и кажется, что нѣтъ здѣсь времени, нѣтъ минутъ и часовъ, только скалы и скалы...

Утесы вдругъ раздвинулись: мы вѣхали въ котловину. Какъ пропасти, зіяли ущелья, уходившія въ разныя стороны, и въ глубинѣ, казалось, всё замыкались темными громадами. Порывъ вѣтра то закрывалъ все вокругъ пеленой снѣга, то открывалъ утесъ, ущелье, ледъ ручья.

Передовой ящикъ остановился; поѣздъ сталъ.

— Бурить будемъ!—крикнулъ, пробѣгая впередъ, Алексѣй.—Окси! и плохо же сегодня ѣхать.—пурга здоровая,—пожалуй, запутаемся! Да вы бы встали, походили! Почто все сидите?

Мнѣ какъ-то неловко передъ Алексѣемъ: онъ такой подвижный, ловкій. Я встаю и останавливаюсь у нарти. Ящики оправляютъ сбрую, Алексѣй набиваетъ трубку. Онъ, мнѣ кажется, иронически улыбается. Я дѣлаю нѣсколько шаговъ, тяжелая доха пугается въ ногахъ, торбаса скользять по обледѣлому снѣгу, кровь стучитъ въ виски, я спотыкаюсь и опять останавливаюсь. Для чего я всталъ? Алексѣй велѣлъ? Сѣсть? И я топчусь на мѣстѣ, не зная, куда двинуться, зачѣмъ я здѣсь, и почему я всталъ, и что мнѣ «надо». Чувствую, что глупо перебираю ногами на мѣстѣ, что даже энергія Алексѣя мнѣ не поможетъ, и какъ-то незамѣтно оказываюсь опять сидящимъ на нартѣ. Алексѣй громко хмыкаетъ и закуриваетъ трубку. Ящики оправили оленей и подошли. У нихъ начинается оживленный разговоръ: несутся гортанные звуки, руки машутъ во всѣ стороны.

Олени жуютъ жвачку, пытаются среди камней подъ снѣгомъ найти клочокъ мху, травы. Напрасная надежда! Кругомъ ни дерева, ни былинки, и лѣтомъ, и зимой здѣсь только камень и камень, голый, холодный.

И опять мы летимъ подъ утесами, вѣхавъ въ ущелье, и часто кажется, что дальше уже нельзя ѣхать: скалы сомкнулись и стоятъ впереди сплошной стѣной. Но за послѣднимъ выступомъ вдругъ открывается поворотъ—и опять впереди утесъ, и опять узкая щель, куда мы несемъ съ неудержимой силой.

Долго мы ѣдемъ. Тусклый день уже кончается. Глаза устали отрѣть. Голова работаетъ вяло, какъ-то отрывками прохоть мысли, образы и, кажется, уже не мысль—тяжелые утесы громаждаются въ головѣ, глухо сталкиваются, дробятся, валятся и рассыпаются и вновь встаютъ, поднимаются, тѣснятся, гудятъ...

Снѣгъ становится гуще, все скорѣе гонить ямщикъ оленей; рѣзкимъ лязгомъ копытъ, визгомъ, свистомъ полозьевъ наполняется ущелье, и въ дикомъ порывѣ мчатся навстрѣчу скалы, утесы, глыбы обваловъ, то грозя налетѣть на насъ, то вдругъ отступая и вновь смыкаясь, и вновь охватывая насъ тѣснымъ ущельемъ. И когда мы останавливаемся, вдругъ неподвижно обступаютъ насъ и утесы—грозные, неумолимые, какъ судь своей совѣсти, мрачные, какъ бесплодно разбитая жизнь, и молчатъ; вѣчнымъ вопросомъ, вѣчной тяжелой загадкой стоять они—и нѣтъ судьи, нѣтъ приговора...

Темнѣеть. Безъ конца тянутся громады, закутанныя пеленой вьюги, и чудится, что и нѣтъ вовсе на свѣтѣ ни яркаго солнца, ни лѣсовъ, ни степей. Нѣтъ даже поварни, якутской юрты, совсѣмъ нѣтъ другой жизни: безъ начала, безъ конца—смѣна скаль и утесовъ, путь безконечный, камень и холод... Холодно!

Олени храпятъ и все чаще спотыкаются. Что, если какой-нибудь изъ нихъ упадетъ? Славныя, благородныя животныя: пока есть силы—они бѣгутъ, а нѣтъ силъ—кончена и жизнь: они умираютъ, падая, отдавъ все, что могли. Ямщикъ гонить все ожесточеннѣе и его шесть почти непрерывно, какъ маятникъ, то поднимается, то опускается надъ оленями. Ихъ сегодня цѣлый день не кормили, негдѣ было. А слабыя животныя безъ кормежки въ дорогѣ скоро изнемогаютъ. Чаще приходится останавливаться, давать роздыхъ.

Алексѣй сталъ озабоченъ. Не въ первый разъ уже идетъ какой-то серьезный разговоръ между нимъ и ямщиками. Темно и чуть видны ихъ оживленные жесты.

— Заблудились мы, Николай Ивановичъ, — сердито докладываетъ Алексѣй.—Вонъ экую пургу закутила нелегкая! А ямщики, оказывается, и дороги вовсе почти не знаютъ!

— Какъ «не знаютъ»?!

— Да Уйбанъ разъ ѣздилъ съ Тостаху на Керуляхъ, а Байбалъ и вовсе первый разъ ѣдетъ, нанялся за другого ямщика. Черти, право! Я-то разъ десять тутъ ѣздилъ, да на ямщиковъ положился, а теперь, коли запутались, такъ ужъ все равно...

— Что же, назадъ поѣдемъ?

— Ну, вотъ еще! Куда вамъ назадъ? До поварни олени не дойдутъ. Ужъ надо впередъ ѣхать, по крайности куда-н будь до лѣсу доѣдемъ, заночуемъ. Оленей кормить надо. Тепл не замерзнемъ!

Поѣздъ опять двигается, но уже не такъ быстро, не такъ увѣренно.

Заблудились на Тась-Хаяхтахскомъ хребтѣ, среди горныя отроговъ, ущелій! До ближайшаго жилища не менѣе 150 вер-

Длиннымъ рядомъ встають въ памяти рассказы о погибшихъ въ этихъ пустыняхъ, среди снѣговъ, безконечныхъ скалъ. Сколько сотенъ верстъ можно еще ѣхать этими ущельями? Куда ведутъ они? Какой великій геній, мрачный и дикій, воздвигъ эти громады, разсѣкъ ихъ ущельями, раздвигаль и сдвигаль, накидываль утесы на утесы, сбрасываль, дробить и разбиваль, глубокими разсѣлинами начерталь среди нихъ свой планъ, свои таинственныя письма?.. Небо пасмурно, звѣздъ не видно... Ночь-ли сгустила свой мракъ или ослабѣли мои усталые, испуганные глаза? Морозъ или нервная дрожь пронизываетъ грудь? Тепло-ли на самомъ дѣлѣ, какъ говорить Алексѣй? Тепло! Онъ всю дорогу смѣется надо мной, когда я мерзну; по его мнѣнью, совсѣмъ весна: мартъ мѣсяць, градусъ 25—30 мороза, не больше! Вѣдь въ январѣ бывало и 60.

Мы ѣдемъ уже болѣе двѣнадцати часовъ и не мудрено, что усталость сказывается.

Олени идутъ все тише и часто останавливаются, шесть ямщика уже не возбуждаетъ ихъ. При всякой остановкѣ они ложатся и только подъ ожесточенными ударами поднимаются и идутъ. Скоро они остановятся совсѣмъ, слабые, обезсиленные.

Дикій крикъ, какой-то визгъ раздался по ущелью. Поѣздъ сталъ. Алексѣй и задній ямщикъ пробѣжали къ передовому. Вскрикнулъ и Алексѣй.

— Что такое случилось?

— Да у передового нарта разшиблась на камнѣ. Полозъ сломался. А, чортъ съ нимъ, пускай ѣдетъ, какъ знаетъ! А то и сами дальше поѣдемъ, пускай, какъ знаетъ!

— Какъ же онъ поѣдетъ?

— А хоть и совсѣмъ не поѣдетъ! А то на одномъ полозѣ; они это умѣютъ. Намъ что! не сидѣть-же тутъ!

Впереди слышится стукъ топора, трескъ дерева: ямщики разбирають нарту. Ихъ замерзшіе пальцы уже не въ силахъ развязать оледенѣлые ремни,—и они рубятъ ихъ.

Вѣтеръ свистить, бросаетъ въ глаза тучи снѣгу, грудь дрожитъ отъ озноба и миллионы морозныхъ иглъ пронизываютъ тѣло. Никакія закутыванія не помогаютъ. Порой, между порывами вьюги, выступаетъ темная масса утеса, нависшаго надъ нами, и кажется, что онъ ждетъ,—ждетъ, когда, наконецъ, мы, мятежные, перестанемъ бороться и неподвижные, какъ онъ, холодные, ляжемъ у его подножія.

Мы ѣдемъ опять, но утесъ не уходитъ: онъ идетъ за нами, я вижу его, когда разрывается волнующаяся пелена снѣгу, я чувствую его тяжесть. Стѣной растягивается онъ по дорогѣ и мы все ближе, ближе прижимаемся къ нему. Миѣ жутко, страшно. Неужели онъ безконеченъ? Неужели мы въ мертвой пу тѣнѣ и никогда больше не увидимъ жилья, людей? Кажется,

впереди мелькают искры камня? Да! впереди курта! Все больше искръ, все выше ихъ снопы, ближе! И еще: вправо, влѣво, — много куртъ, цѣлое селеніе! Вездѣ искры, снопы искръ: вотъ на самомъ утесѣ столбы искръ, окутанныхъ дымомъ... на утесѣ... нѣтъ! утесъ холоденъ и мертвъ... это галлюцинація... мракъ, мракъ вокругъ... Снѣгъ вливается въ глаза, вѣтеръ пронизываетъ насквозь, и утесъ, утесъ!.. Почему не уходитъ онъ, безконечный, грозный? Мнѣ тяжело, я боюсь... Да! я понимаю... Онъ — рокъ, неизбѣжность... необходимость... я прежде иначе представлялъ это себѣ... а это такъ просто, осязательно... и ново... теперь я не буду бояться... надо спокойно глядѣть на него... Вѣдь онъ — истина! безстрастная, вѣчная... Я вѣдь искалъ истины... Хорошо, я останусь съ тобой... Отчего-же еще дрожить моя грудь? Отчего не двигаются ноги, такъ тяжелы руки? Это ты?.. Ты тяжелъ...

Крики, остановка. Казакъ говорить что-то и приподнимаетъ меня. Я, кажется, задремалъ. Упалъ одинъ изъ моихъ оленей и нарта наѣхала на него, стоитъ на его ногахъ. Я чувствую его предсмертныя вздрагиванія, слышу его хрипѣніе. Онъ первый останется у подножія утеса... потомъ мы... и когда окончатся его судороги, когда смолкнетъ послѣднее хрипѣніе, — снѣгъ завѣетъ его чистой пеленой, утесъ покроетъ своимъ обваломъ и дастъ ему новое сердце, свою вѣчную, безтрепетную жизнь, вдохнетъ въ него холодъ вѣчнаго спокойствія и безстрастнаго мира...

Въ мою нарту впрягаютъ оленя изъ передовой; ямщикъ поѣдетъ на одномъ. А не доѣдетъ, такъ тутъ сдохнетъ. Почему Алексѣй такъ зло, такъ жестоко это говорить? Зло... жестоко... Жестоко дуетъ вѣтеръ, жестоко охватываетъ мою голову ледянымъ кольцомъ... Зло смотреть на меня утесъ... жестоко бьетъ вьюга былинку, гнетъ и кладетъ между камнями, и слыняется она, прижимаясь къ самой землѣ, и не ломается... Падаютъ деревья въ лѣсу и вывороченные корни поднимаются изъ земли вверхъ, — и молча, такъ-же спокойно будутъ они лежать, пока не разсыпятся пылью, не улетятъ съ вѣтромъ... Лежи, мой олень! Не закрывай твоихъ грустныхъ, кроткихъ глазъ! Не бойся! Утесъ надъ тобою: онъ — необходимость, онъ — истина... Такъ надо!..

Теперь и мнѣ хорошо. Мнѣ не холодно. Холодъ — это жало былинки, стонъ оленя, плачь ребенка... Холода нѣтъ, это только кажется... Страданій нѣтъ, — есть только неизбѣжность, гармонія необходимости... И голова оленя такъ спокойно, свободно лежитъ тамъ, на камнѣ. И трава пусть и чахнетъ, пусть гнется подъ дыханьемъ вѣтра... Въ груди у меня что-то звенитъ, звучитъ длиннымъ, протяжнымъ звукомъ. Какъ красиво! Все выше, выше тонъ, напряженнѣе... грудь разр

вается... звукъ уйдеть... тамъ миръ, безстрастїе... вѣчность... Не ломай былинки... это она звучить... нѣтъ, сломай, если «надо»... ты, вѣчный, холодный утесъ... ты знаешь... былинка не умреть... она ляжеть у' твоего подножія... Но она все звучить... это жизнь, сама жизнь... Пусть будетъ такъ! Пусть лежить олень, пусть колыхнется былинка... холодный утесъ одинъ знаетъ истину. Онъ—истина... «Слава Богу»... Да! слава Богу... и я знаю ее... отдайся бурѣ и утесу, холоду и снѣгу... преклонись предъ былинкой, предъ мертвой головой оленя... Геній безъ лица создалъ все... закрой лицо... пусть всегда, вѣчно звучить... «Не сломи!» да, не касайся и ты!.. Вотъ онъ, свѣтъ! Туда, въ эту распахнувшуюся дверь!.. Я понялъ,— и сталъ снѣжинкой, вѣтеръ несетъ меня къ утесу... къ свѣту... «Слава Богу!»... ..«Не сломи!» «закрой лицо!»

— Аргый, аргый, дьяволы! Басы тутъ! Тутъ *), черти! Ну, слава Богу, слава тебѣ, Господи! Ахъ ты, дѣло какое! Влади сюда! Легче, не сломай!.. Слава тебѣ, Господи!..

Теплыя волны свѣта льютъ на меня, ярко пылаетъ огонь въ каминѣ, трещить и гудить пламя, яростно врывается въ узкую трубу. Глазъ не могу перевести отъ огня... Суетятся и бѣгаютъ вокругъ... руки и ноги у меня начинаютъ болѣть. Что это съ ними дѣлають? Да! меня оттирають снѣгомъ! Значить, въ самомъ дѣлѣ—это огонь, въ самомъ дѣлѣ юрта, люди?.. Какъ тревожно, какъ пристально смотреть на меня якутка! Какъ мы попали сюда?

— Оргуйда! (вскипѣлъ!) Чай готовъ, пейте чай, Николай Иванычъ!

Алексѣй держитъ предо мной блюдечко. Я жадно пью, но первые глотки причиняють мнѣ почти боль. Дрожь усиливается и зубы стучать о блюдце. Алексѣй поддерживаеетъ мою голову.

Черезъ часъ я уже лежалъ подъ теплымъ одѣяломъ, дрожь еще не прошла, болѣли руки и ноги, но на душѣ было тихо, спокойно. Только сердце еще не успокоилось и бьется неровно, какъ будто робко и приниженно. Я меньше пострадалъ, чѣмъ можно было ожидать. Алексѣй и ямщики потерпѣли еще меньше, но лица распухли у нихъ у всѣхъ.

Къ юртѣ подѣхали тогда, когда уже и ямщики почти отчаялись въ спасеніи. Она явилась вдругъ, за поворотомъ скалы, послѣ длиннаго спуска. Отсюда узкая долина ручья сразу расширилась, открылся дѣсъ и, близъ него,—юрта. Ни

*) Осторожиѣе, осторожиѣе! Голову поддерживай! Держи!

ямщики, ни Алексѣй не слышали никогда о томъ, чтобы гдѣ-нибудь близко (т. е. менѣе 100—150 верстъ) отъ дороги, кто-либо жилъ. «Такъ себѣ, бываетъ бродятъ ламуты, да тунгусы... такъ они вездѣ бродятъ, а нигдѣ не живутъ»... Оказалось, что эти якуты, наши хозяева, живутъ «на старомъ трактѣ», заброшенномъ уже лѣтъ сорокъ. Когда-то дорогой, по которой проѣхали мы, ѣздили изъ Верхоянска къ верховьямъ Индигирки, на Мому, но этотъ путь давно замѣненъ другимъ. Мы проѣхали сегодня около 100 верстъ и со своей дороги отбились въ сторону верстъ на 70—80. Послѣднія версты ѣхали шагомъ, поминутно останавливаясь: измученные олени ложились, ямщики и Алексѣй шли почти все время пѣшкомъ, чрезъ каждые нѣсколько шаговъ надо было поправлять нарты, разбитыя ужасной дорогой.— Будете помнить Тасъ-Хаяхтахскій хребетъ!—говорилъ Алексѣй,—слава Богу, что до юрты дотянулись, а то—ужь не знаю, что было-бы!..

Каминь пылаетъ и заливаеъ юрту теплою и свѣтомъ. Ямщики уже спятъ; старикъ—хозяинъ ушелъ отпустить оленей въ лѣсъ,—кормъ здѣсь хорошій. Укладывается и Алексѣй, ворча что-то о выюгѣ и о сволхъ торбасахъ. Якутка сидитъ на оронѣ *) у камина, наклонясь къ огню, неподвижная, словно подавленная роємъ нахлынувшихъ воспоминаній.

Тихо въ юртѣ. Каминь только живетъ полной, могучей жизнью. Теперь, когда люди смолкли, онъ одинъ царить въ юртѣ и она полна его гнѣвнаго, шумнаго говора, вся озарена его сердитымъ пламенемъ... Перегораютъ полѣнья, слабѣе порывы огня; падаютъ горячіе угли внизъ и тихо замираютъ, подергиваясь, пеленой пепла, и скоро послѣдняя пылающая головня рушится и разсыпается мелкими звѣздами. Тихо. Ярость еще жаръ угольевъ, но скоро и онъ угаснетъ...

А якутка все еще сидитъ.

У меня слегка кружится голова. Кажется,—жаръ. Лежа, я допиваю свой чай и закрываю глаза... мнѣ нехорошо... Чуть мерцаютъ уголья, юрта окутывается туманомъ. Звуки-ли, тѣни-ли носятъ въ немъ?.. Голова горитъ, ничего не видать напряженные глаза, слухъ не схватываетъ звуковъ; мракъ гуще, и я знаю, что здѣсь теперь совершается что-то важное и тайное... Подымается въ оконѣ надъ моей головой ледяная глыба, падаетъ, и въ окно глядитъ глубокая горная ночь. Вихрь снѣгу ворвался и кружитъ передъ глазами,—жгутъ лицо м розныя снѣжинки. Я откидываюсь подъ защиту стѣны и прячу лицо... Мать глядитъ тревожно и кладетъ руку мнѣ на лобъ.— «У тебя жаръ, голова какая горячая!» озабоченно говоритъ он и рукой поправляетъ мои волосы. И подъ ея грустнымъ, за

*) Скамья вдоль подъ наклонными стѣнами юрты.

думчивымъ взглядомъ стихаетъ въ душѣ какая-то тайная тревога, свободнѣе лежитъ на подушкѣ моя голова, отдыхаетъ большое тѣло...

— Истрадалась ты, родная...

— А помнишь, что ты общалъ мнѣ?—спрашиваетъ мать. Я стараюсь вспомнить, вглядываюсь въ ея впалые глаза, но... Это не она уже... это якутка говорить. Якутка встаетъ, шагнула ко мнѣ и выросла въ утесъ. Ближе, ближе,—онъ нависаетъ надо мной, давить меня... Я вспомнилъ!—«Помню, утесъ,—я общалъ остаться съ тобой!» Утесъ останавливается, растетъ вверхъ и зубцы его скрываются въ снѣговой тучѣ.—«Видишь-ли тамъ разсѣлину въ скалѣ?—говоритъ утесъ—тамъ, между двумя камнями «надо» тебѣ лечь,—надо сравнять разсѣлину...» И я лечу внизъ со снѣжнымъ вихремъ, и я самъ—уже легкая звѣздочка снѣгу и ложусь у обвала. Мертвый олень кладетъ мнѣ голову на грудь, мнѣ тяжело,—и нарта подо мной опускается все глубже, глубже... Визжать полозья, вздрагиваетъ и трясется нарта,—теперь уже вѣчно будетъ она ѣхать, пустынь нѣтъ конца... Нѣтъ свѣту, нѣтъ звуковъ, только въ груди, гдѣ-то глубоко-глубоко слышенъ тихій, ровный, безконечный и мучительный звукъ... Утесъ поднимается, нависаетъ... Геній безъ лица... замеръ звукъ... нарта стала... мракъ... такъ «надо!» слава Богу!..

Утромъ меня разбудилъ веселый, неудержимый дѣтскій хохоть. Алексѣй, шутя, пугалъ и ловилъ хорошенькую дѣвочку лѣтъ 9—10, а она съ визгомъ, съ хохотомъ вырывалась изъ его рукъ, въюномъ вилась по куртѣ и бросалась къ якуткѣ подъ защиту. Вчера я дѣвочки не видалъ, вѣроятно, она уже спала, когда мы пріѣхали. Увидя, что я проснулся и смотрю на нее, хохотунья присмирѣла и тихо стояла около матери, внимательно глядя на меня своими веселыми, блестящими глазками. Она была прелестна, эта дѣвочка,—оживленная, полная подавленнаго смѣха, съ нѣжными, мелкими чертами лица, разгорѣвшимися щеками, стройная, граціозная. Ея наружность удивила меня: лицо совершенно непохожее на обыкновенныя якутскія лица, широкія и плоскія, съ выдающимися улами. Еще больше я былъ пораженъ, когда замѣтилъ, что за у нея были синіе, а густые и длинные волосы гораздо блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно я видѣлъ у якутовъ.

— Вотъ такъ звѣрекъ!—подошелъ Алексѣй,—знаете, она первый разъ на своемъ вѣку видитъ русскихъ! И боится-же! Она еще не такъ,—у меня бороды нѣтъ,—а на васъ и потрѣтъ, говорить, страшно!

Я опять взглянул на «звѣрька». Дѣвочка стояла все въ той-же позѣ, держась рукой за рукавъ матери и слегка отведя другую назадъ, какъ будто готовясь прыгнуть и убѣжать при первомъ моемъ движеніи. Улыбаясь и ласково ободряя, мать поправляла ея взбившіеся волосы, а она глазъ не сводила съ меня, съ моей бороды; ея губы повторяли потихоньку все одни и тѣ же какія-то слова. Алексѣй вслушался и расхохотался.

— Какъ у собаки, говорить! Это она про вашу бороду,— обрешь шерстью, значить! Ну, да и звѣрекъ! Бѣлка, горно-стай,—иди къ намъ!

Дѣвочка не шевелилась и все такъ же, въ упоръ, смотрѣла на меня. Мать, болѣзненная и грустная, тоже посмотрѣла на меня, какъ будто не рѣшаясь на что-то и, оправляя платье дѣвочки, сказала нѣсколько словъ. Та энергично трянула головой и спряталась за мать.

Я одѣлся. Руки и ноги слегка опухли и болѣли, весь какъ то былъ разбитъ. Слегка покачиваясь, я всталъ умыться: въ углу за каминомъ уже готовъ былъ на табуретѣ чистый мѣдный тазъ, якутка стояла возлѣ него съ чашкой воды и мыломъ въ рукахъ. Я оглядѣлся. Юрта была большая и хорошо построенная, изъ тесанаго, очень крупнаго лѣсу, высокая и свѣтлая,—видно, строилъ якутъ богатый и съ большой семьей. Отъ средней стѣны, противъ двери, шла къ камину, не доходя до него аршина на два, досчатая перегородка, дѣлившая юрту на двѣ части: чистую, парадную, съ круглымъ столомъ въ углу, подъ образами, чистыми оронами, устланными шкурами, сѣномъ на земляномъ полу. Здѣсь расположились теперь мы. На другой половинѣ было все домашнее хозяйство, шкафики съ посудой, сундуки на оронахъ, женскія постели. Вся юрта имѣла видъ очень чистый и опрятный. Льдины въ окнахъ уже сильно протаяли и чрезъ нихъ въ юрту лилась масса свѣту. Огромный каминъ теперь горѣлъ тихо и незамѣтно, какъ бы подавленный воспоминаніемъ о вчерашнемъ порывѣ, смущенный дневнымъ свѣтомъ. Тепло, весело и уютно выглядѣла юрта.

Умыванье нѣсколько освѣжило меня. На столѣ, подъ образами, у орона, гдѣ была моя постель, уже свисталъ и пыталъ необычайно большой блистающій самоваръ. Якутка устанавливая чашки, заварила чай, принесла сливокъ, хаяху пѣночекъ, строганины и поклонилась, предлагая закусить. Чр

*) Хаяхъ—особо приготовленные кислыя сливки въ замороженномъ въ строганина — тонкими лентами нарезанная свѣжая мерзлая рыба. Сага нахъ—верхне е платье. Тойомъ—господинъ.

Алексѣя я передалъ хозяевамъ приглашеніе выпить чаю вмѣстѣ съ нами.

Нѣсколько минутъ спустя они появились, уже пріодѣвшись въ парадные костюмы. Всѣ размѣстились за столомъ, якутка разливала чай. Дѣвочкѣ сахаръ очень понравился, хотя и не сразу. Она усѣлась возможно дальше отъ меня, вся скрывшись въ складкахъ широкаго рукава сагииннаха, матери. Хлѣбъ, казалось, она не могла понять, осторожно и недовѣрчиво кусала, жевала, боясь проглотить, а больше, впрочемъ, мѣсила пальцами мякишъ, разламывала корку. Она то застывала неподвижно, съ открытымъ ртомъ, когда замѣчала у меня въ рукахъ что-либо новое, то тихо болтала съ матерью, сдерживавшей ее, то пряталась отъ меня, то вскрикивала, когда Алексѣй протягивалъ къ ней руку. Кровь то приливала къ ея щекамъ, то отливала. Мать сидѣла степенно, нѣсколько напряженно, и внимательно слѣдила за чашками. Ее сначала смущало, что Алексѣй и ямщики не ждутъ со своими чашками очереди и подаютъ ихъ ей, когда я, тойонъ, еще не выпилъ своей, но, вѣроятно, она приняла это за особую мою любезность, увидѣвъ, что моя чашка все еще не была выпита, когда Алексѣй взялъ уже четвертую. Сама она строго соблюдала ритуаль и не оставила его даже тогда, когда я передалъ ей совѣтъ не ждать меня. Поклонилась и сказала, что подождетъ. Ждала и ея семья, — старикъ, видимо, не особенно спокойно. Это былъ уже дряхлый, разбитый якутъ съ желтыми остатками зубовъ, съ мутнымъ взглядомъ больныхъ глазъ, съ невѣрными движеніями. Дѣвочка, очевидно, привыкла имъ повелѣвать, она порой посматривала на него съ какимъ-то особеннымъ, лукаво покровительственнымъ видомъ. Старикъ осебѣло занять былъ чаемъ и закуской. Якутка ѣла мало, а въ глазахъ у нея все рѣзче выражалась тревога, какой-то вопросъ, недоумѣніе. Часто долгимъ, пристальнымъ взглядомъ она смотрѣла на меня.

— А знаете, Николай Ивановичъ, — началъ Алексѣй, — вѣдь они десять лѣтъ не видѣли русскихъ, десять лѣтъ не ѣли хлѣба и года три не пили чаю! Послѣдніе русскіе тутъ какъ и мы были: тоже заблудились. Съ той поры здѣсь никого не было. Якутовъ тоже они почти что и не видятъ: раза два въ годъ прогоняютъ мимо стада оленей, тогда только и бывають у нихъ люди. Самая дикая мѣста!

Эффектно кончилъ Алексѣй! Дикая мѣста! Русскіе жители сѣверныхъ округовъ говорятъ по-русски гораздо хуже, чѣмъ по-якутски, и родъ существительныхъ еще далеко не «самая дикая мѣста» ихъ языка.

Я поторопился съ чаемъ, чтобы не задерживать хозяевъ, и прокинулъ чашку, въ знакъ того, что больше не буду.

— Поодно мы выйдемъ, Алексѣй?

— Какой вамъ сегодня выѣздъ! Лежите себѣ лучше, да на завтра готовьтесь! Завтра выйдемъ. Тоже еще будетъ денекъ! Однако не было бы по вчерашнему. Теперь опять безъ дороги ѣхать надо: отсюда, говорятъ, можно проѣхать прямо къ слѣдующей поварнѣ, гдѣ сегодня намъ ночевать нужно было. Тутъ, около юрты, спустимся на озеро, потомъ станемъ ѣхать по ручью и опять выйдемъ въ хребетъ. А тамъ уже видно будетъ... Ямщики говорятъ—дойдутъ, найдутъ дорогу. Сегодня нарги поправлять надо. Ни одной цѣлой не осталось. Оленямъ тоже отдыхъ дать надо: теперь еще тяжелѣй будетъ, на пяти только парахъ поѣдемъ. Пускай покормятся: моху здѣсь много.

Дневать, такъ дневать. Мнѣ даже какъ-то сразу легче стало, когда оказалось, что можно сегодня не одѣваться въ свои шкуры, не трястись по камнямъ, не мерзнуть, не видѣть таинственнаго хаоса мертвыхъ громадъ, не слышать вѣтра въ ущельяхъ... Не ждать потомъ ночью въ темной, холодной поварнѣ, пока привезутъ ямщики льду, дровъ, пока нарубить, пока обогрѣется намерзшая юрта и можно будетъ, наконецъ, напиться чаю, снять шубу... Цѣлый день покоя!..

Я вышелъ во дворъ. Юрта съ амбаромъ, хотономъ, стояла въ началѣ долины, саженьяхъ въ двадцати отъ подножія хребта, поросшаго рѣдкой лиственницей. Вершина за вершиной—куполы, зубцы, башни—уходили вправо, на западъ, у своего основанія оставляя все расширяющуюся долину, покрытую лѣсомъ. Впереди юрты, шагахъ въ пятидесяти, начинался крутой спускъ по озеру. Влѣво опять уходили въ даль гряды горъ, внизу лежало озеро, окаймленное лѣсистыми холмами. Чуть замѣтно было между горами, позади, на сѣверѣ, узкое ущелье. Подъ утесомъ, по его карнизу, мы пріѣхали сюда. Саженьяхъ въ 40—50 отъ юрты онъ дѣлалъ поворотъ вокругъ скалы и виденъ былъ только узкій выступъ, висящій надъ обрывомъ. Дальше, то разступаясь, то тѣсясь, громады высались надъ громадами и сѣрыми вершинами сливались съ тусклымъ небомъ.

Тишина мертвая. Вѣтеръ рветъ изъ-подъ ногъ легкій снѣгъ, навѣянный съ гольцовъ, крутить его и сносить внизъ, на озеро. Надъ нимъ, на холмѣ, стоятъ нѣсколько могилъ со срубамъ и крестами. Далеко за озеромъ тянется слегка волнистая, безлѣсная равнина и теряется на горизонтѣ. Холодно, дико..

Вышли ямщики, сняли вещи съ нарги и втащили одну юрту. Я вошелъ за ними. Нарту поставили предъ каминъ отогрѣться: легкій паръ видся по ней и таялъ въ юртѣ. Тамъ якуты быстро развязали ремни, вытянули изломанн. копылья. Застучали топоры, щепки полетѣли во всѣ стороны.

Алексѣй перебиралъ свой ящикъ, — любимое его занятіе

когда есть свободное время. Старикъ, крехтя, грѣлъ спину у камина. У него же хлопотала якутка и теперь, прислонившись къ перегородкѣ, глядѣла на меня. Пристальный, странный взглядъ: подъ нимъ я сталъ чувствовать себя неловко и взялъ книгу.

Замѣтилъ и Алексѣй взглядъ якутки и что-то съострилъ, ямщики расхохотались. Якутка ушла, не взглянувъ даже на остряка. Дѣвочка вертѣлась у камина, заинтригованная необычной его загроможденностью.

Старикъ подошелъ къ Алексѣю и они завели какую-то дѣловую бесѣду. Алексѣй оживился. Повидимому, якутъ хотѣлъ кое-что купить.

— Займите, Николай Ивановичъ, пожалуйста, два кирпича чаю! Подъ натуру: прѣйдемъ въ Колымскъ, — вотъ ей Богу же отдамъ!

Исторія не новая: товаровъ, по безденежью, изъ Якутска Алексѣй захватилъ очень мало и уже раза три-четыре, когда предстояла особенно выгодная сдѣлка, «занималъ подъ натуру» изъ моихъ дорожныхъ запасовъ. Нѣкоторымъ образомъ онъ считалъ себя имѣющимъ право на это позанимствование, увѣренный, что назадъ съ него эта «подъ натура» не спросится и останется за нимъ, какъ благодарность за услуги въ пути.

— А намъ самимъ хватить ли до Колымска?

— Ну, когда не хватить! Вамъ дивно еще! *) Да я буду поменьше якутамъ давать, поменьше заваривать!

Старикъ принесъ связку бѣличьихъ шкурокъ и пару лисицъ. Алексѣй продалъ два кирпича чаю, стоящія въ Якутскѣ по 80 коп., за пару лисицъ; чрезъ годъ въ Якутскѣ онъ получить за нихъ 10 рублей. Обыкновенный якутскій желѣзный ножъ пошелъ за 10 бѣлокъ, т. е. за 2 руб. Ножъ въ Якутскѣ стоитъ 20 коп. Коробка сѣрныхъ спичекъ, моточекъ суровыхъ нитокъ, двѣ толстыхъ иголки — пошли за двѣ бѣлки.

Вся семья разглядывала покупки: нюхали чай, на огнѣвъ пробовали твердость желѣза ножа, рвали нитки. Дѣвочку больше всего интересовали спички и иголки. Мать бережно спрятала все въ шкафъ. Старикъ былъ особенно доволенъ. Вѣроятно это блаженное настроеніе и побудило его искать полного выраженія такого пріятнаго состоянія. Онъ подошелъ ко мнѣ и вытянулъ руку:

— Бир хамса табакъ! **)

Раньше я не замѣчалъ его курящимъ, не видѣлъ, чтобы онъ просилъ табакъ у Алексѣя или ямщиковъ, или сосалъ ихъ трубки.

*) У васъ еще много.

**) На одну трубку табакъ!

Долго копался старикъ въ сундукѣ и наконецъ нашелъ свою «хамса»: короткій деревянный конусъ, въ видѣ полусигары, такъ же конусообразно высверленный внутри. Дѣвочка не сводила съ него глазъ, зорко слѣдя за каждымъ его движеніемъ. Осторожно, боясь просыпать, дрожащими руками старикъ набивалъ трубку. Дѣвочка зажгла лучину и подала закурить. Нѣсколько сильныхъ, жадныхъ затяжекъ,—и старикъ пошатнулся, схватился за столбъ перегородки и свалился около него на полъ. Дѣвочка закричала, Алексѣй хохоталъ, ямщики сочувственно улыбались старику и помогли ему сѣсть. Нѣсколько лѣтъ уже онъ не курилъ. Тупое лицо теперь выражало полное наслажденіе и какую-то растерянность, приятное изумленіе. Отдохнувъ, онъ продолжалъ курить, выгорѣвшая трубка сошла и свистала.

— А ну-ка, закинемъ удочку!—возгласилъ Алексѣй.

Я зналъ эту возгласъ: сейчасъ начнется игра въ карты и колымскій шуллеръ будетъ обирать легковѣрныхъ якутовъ, до самозабвенія увлекающихся азартной игрой. Въ рукахъ у Алексѣя появилась старая колода картъ. Были у него карты и поновѣе, были даже нераспечатанныя, но, когда было возможно, онъ предпочиталъ играть своей старой, «любимой» колодой. Какъ бы считая, разбирая по мастямъ, онъ сталъ раскладывать ихъ на ящикъ передъ собою.

Ямщики взглядывали угрюмо. Оба они уже проиграли взятая изъ дому деньги, одинъ спустилъ даже свое заячье одѣяло. Изъ великодушія только Алексѣй оставилъ ему одѣяло до пріѣзда на станцію. Старикъ всматривался своими мутными глазами, на неподвижномъ лицѣ начало разгораться какое то возбужденіе, волненіе. Какъ избавить его отъ проигрыша? Надо ли выѣшиваться? Такъ глуха, бѣдна ощущеніями его жизнь, такъ рѣдко проходитъ волна возбужденія по цѣпящей душѣ...

— Алексѣй! Какъ вамъ не стыдно! Оставьте старика въ покоѣ!

— Ну, вотъ еще! Пускай себѣ поиграетъ! Зачѣмъ ему тутъ богатство? А я человекъ бѣдный,—вотъ и пусть онъ меня наградить. Не мнѣ, такъ кому другому спустить, все равно! Да можетъ онъ еще и меня обыграетъ... ежели его такое счастье?..

Старая пѣсня: ничего не подѣлаешь... Засаленныя дам. оборванные короли мелькали предъ глазами старика, валетъ и прыгали въ рукахъ виртуоза. Онъ уже разложилъ и пересчиталъ всю колоду, разобралъ ее по мастямъ, а старикъ в поднимался; только нервно двигались его корявые пальцы, глаза все болѣе и болѣе оживали. Наконецъ онъ не выдержалъ и подошелъ.

— Алексѣй, какъ нашъ обѣдъ? Пора бы уже!

— Да я сегодня ничего не знаю! Хозяйка сказала, что сама сварить. Ихъ и провизія.—Онъ живо переговорилъ съ якуткой.—Говорить, скоро будетъ готовъ! А мы вотъ пока и поиграемъ.

Хозяйка въ самомъ дѣлѣ оставила весь каминъ котелками и сковородами и теперь суетилась еще болѣе.

Старикъ принесъ связку горностаевъ, Алексѣй высыпалъ кучку мелкихъ денегъ и кусочковъ дерева, замѣнявшихъ марки, и игра началась. Играли въ какую то якутскую игру, въ родѣ «три листика». Якутъ не зналъ штосса и, повидимому, боялся этой «русской» игры. Ямщики возились съ нартами, изрѣдка взглядывая на игру. Собираясь передернуть, подтасовывая и заглядывая старику въ карты, Алексѣй всякій разъ предвѣрительно окидывалъ взглядомъ ихъ и якутку.

Одинъ за другимъ уходили горностаи къ козаку. Раза три-четыре онъ далъ, вѣроятно, для виду, мелкіе выигрыши старику. Этотъ уже ушелъ весь въ игру и кромѣ нея нічего не видѣлъ и не слышалъ. Сердито ворча, онъ всталъ и принесъ новую связку горностаевъ и пачку бѣлокъ.

Черезъ часъ онъ, путаясь отежшими ногами, принесъ нѣсколько лисиць. У Алексѣя прыгали глаза и дергался правый усъ.

Когда якутка поставила тарелки на столъ, старикъ уже спустилъ все и стоялъ у камина, не переставая что то бормотать; губы его отвисли и выпятились впередъ, глаза часто мигали и блестя чѣмъ то упорнымъ, злымъ. Дѣвочка переводила глаза съ него на Алексѣя, убравшаго «выигрышъ» въ свой ящикъ, на мѣха, и опять на старика.

Якутка приготовила на обѣдъ всего, что было лучшаго въ ея небогатомъ запасѣ. Была рыба: горный хайрюзь, караси, вареные съ внутренностями, была дичь: куропатки, жирныя «линные» утки *); колбасы съ кровью и оленина. Стояли чашки съ густымъ супомъ, жирнымъ и темнымъ, какъ соусъ,—такъ онъ и служить при якутскихъ обѣдахъ. Въ чашкѣ же стоялъ свѣжій рыбій жиръ: въ немъ обмакивали рыбу. Почти все было въ вареномъ видѣ, такъ какъ у якутовъ нѣтъ печей, а въ каминахъ можно только варить или жарить на сковородѣ. Якутка заботилась, чтобы я больше ѣлъ, чтобы отвѣдалъ всего, а въ ея взглядѣ, приглашавшемъ меня, было еще что то,—какая то робость, какъ будто нетерпѣливое ожиданіе его то.

*) Лѣтомъ, къ концу періода ливанія, утокъ, еще не могущихъ летать, овера загоняютъ въ загородки и тамъ бьютъ палками. Ловятъ также вѣями, силками. Въ погребахъ, выбитыхъ въ мерзлой почвѣ, при вниманіи, ѣ сохраняются и на зиму.

Старикъ чавкалъ на всю юрту: давно, видно, онъ не кушалъ такъ вкусно и теперь всецѣло погрузился въ обѣдъ, забывъ вѣроятно и о проигрышѣ. Скоро вся его физиономія покрылась жиромъ, жиръ такъ и застывалъ на пальцахъ. А челюсти двигались, не переставая, съ той же жадной торопливостью. Алексѣй, весело рассказывавшій ямщикамъ о своей удачной игрѣ, острилъ съ ними надъ старикомъ,—онъ не отвѣчалъ.

Обѣдъ конченъ. Всѣ встаютъ, крестятся на икону, благодарятъ хозяйку, пожимая ея руку, и всѣмъ она говоритъ по русски: «на здравіе!» «Спасибо» (бачыба) и «на здравіе» понятны и извѣстны всякому якуту въ самомъ глухомъ углу.

Якутка опустила глаза, когда я пожалъ ея маленькую руку и кровь прихлынула ей къ лицу. Она низко поклонилась, говоря мнѣ свое «на здравіе!» Красивы ея поклоны, полныя достоинства.

— Бир хамса табакъ!—протянулъ старикъ руку.

Утромъ я далъ ему табакъ на нѣсколько дней,—догадливый старикъ нашелъ не лишнимъ его спрятать и, пока я здѣсь,—брать у меня.

Скоро закипѣлъ самоваръ и съ обычнымъ церемоналомъ, началось долгое чаепитіе.

Смеркалось. Ямщики, покончивъ съ поправкой нартъ, легли спать,—вѣроятно запасая силы на-завтра.

Алексѣй занимался перекладываніемъ своего сундука.

Старикъ сидѣлъ у камина, спиной къ огню, что-то бормоталъ и мычалъ.

Якутка стояла у перегородки, задумчиво глядя на тлѣвшіе уголья, изрѣдка поднимая глаза на меня.

Ей видимо отъ меня что то нужно, но она не рѣшается заговорить. Она не изъ забытыхъ,—видно что нибудь важное и серьезное лежитъ у нея на душѣ. Лучше не вызывать ее на объясненія... Глубоко вѣрятъ наивные люди въ могущество и силу этихъ, изъ далекихъ, невѣдомыхъ странъ, заѣзжающихъ къ нимъ «тойоновъ». Какъ вѣстника божія часто ждутъ они рѣдкаго «нуча» *), чтобы высказать ему свое горе, свою страстную вѣру въ справедливость и жажду маленькаго, и равныаго счастья. Долго потомъ, годами, будутъ воспомина . они эти минуты и съ вѣрою ждать, что вотъ-вотъ придетъ издалека, изъ невѣдомой «Россіи», отъ большого тойона «к

* Нуча—русскій.

мага» (бумага),—и станетъ у нихъ все по правдѣ, по чести... Вѣдь все дѣло только и зависитъ отъ этой «кумаги»...

Въ юртѣ становилось темно, таяли и сливались очертанія. Изъ дальняго угла, за каминомъ, стала подыматься какая то тѣнь, сгустилась, незамѣтно двинулась, тихо и ровно шла все дальше, глубже въ комнату. Ей навстрѣчу протянулась другая, отъ перегородки,—и обѣ слились густымъ туманомъ и закрыли полъ-юрты. Все глубже погружались и утонули во мракѣ скамьи подъ наклонами стѣнъ. И изъ разныхъ угловъ, изъ-за столбовъ, шкафа, разливался сумракъ и наполнилъ всю юрту. Свистѣлъ на дворѣ вѣтеръ, рвался въ двери, трубу камина, и темная, непроглядная ночь заглядывала въ комнату тусклыми, холодными глазами оконныхъ льдинъ. И казалось, подъ ея взглядомъ все темнѣло и замирало въ юртѣ.

Мнѣ не хотѣлось зажигать свѣчи. Я лежалъ въ полудремотѣ. Болѣла голова, по тѣлу разливался жаръ и дрожь... И чудится мнѣ, что въ юртѣ, изъ сгустившагося мрака, вырастаетъ мой холодный утесъ и безъ словъ, нѣмыми звуками, шепчетъ мнѣ что-то. Я жадно вслушиваюсь. Вѣтеръ шумитъ и мѣшаетъ мнѣ слышать. Утесъ подвигается ближе и раскрывается узкимъ, глубокимъ ущельемъ. Со стономъ падаютъ деревья въ его мракъ и черные, судорожно искривленные корни хватаются за меня.—«Закрой лицо!» зазвучала дрожащая былинка у меня въ груди,—«пусть падаютъ деревья, пусть стонуть... пусть лежитъ олень!.. закрой лицо... такъ надо!..»

— Такъ надо! такъ надо!—громко говорятъ мои губы, и я вскакиваю. У меня, повидимому, опять начинается бредъ. Лучше встать, зажечь свѣчу.

— Тойонъ?..

Я поднялъ глаза. Предо мной стояла хозяйка въ богатомъ якутскомъ платьѣ краснаго атласа. Серебряная массивная цѣпь, чеканной работы, спускалась на грудь и оканчивалась большимъ крестомъ, на шеѣ блестѣлъ серебряный же ошейникъ, высокая бобровая шапка была на головѣ. Она держала за руку дочь. Дѣвочка тоже была одѣта парадно, на груди ея также висѣла серебряная цѣпь, а въ ушахъ большія серьги. Подъ защитой матери она теперь чувствовала себя храброй и бойко поглядывала на мать, на меня.

— Тойонъ!..—Якутка поклонилась и правой рукой наклонила голову дѣвочки. Та согнулась, не сводя глазъ съ матери, ея цѣпи, серебряныхъ пуговицъ платья. Веселымъ любопытствомъ блестѣли ея синіе глазки. Подошелъ переводчикъ—Алексѣй. Старикъ прислонился къ перегородкѣ. Его фигура уже была полна торжественности и вниманія. Голосъ якутки дрожалъ и она не сразу могла продолжать.

— Тойонумъ. (господинъ мой!) Ты ли это былъ здѣсь десять лѣтъ назадъ? Ты ли отецъ моей дочери?..

Я вскочилъ. Никогда я здѣсь не былъ... десять лѣтъ назадъ я былъ за десять тысячъ верстъ!..

Дѣвочка широко раскрыла глаза и съ ужасомъ отступила, обѣими руками схватившись за платье матери.

Якутка покачала головой.

— Можетъ быть ты правъ, тойонъ... я стара стала, слабы стали глаза мои... Тотъ былъ какъ будто другой... А вы, русскіе, всё похожи другъ на друга... Слушай, тойонъ!.. Десять лѣтъ назадъ, какъ и ты, сюда прѣхалъ русский, тойонъ... Какъ и ты,—онъ заблудился въ горахъ. Онъ былъ красивый, молодой и веселый, все смѣялся, шутилъ со мной, ласкалъ меня... У него было много чудныхъ вещей и онъ все показывалъ мнѣ, угощалъ меня виномъ... Три дня прожилъ онъ здѣсь, а на четвертый уѣхалъ... Зимой я родила вотъ ее... Мы были тогда богаты... пятнадцать человѣкъ насъ жило здѣсь: отецъ, мать, три моихъ брата, ихъ жены, ихъ пятеро дѣтей, сестра, я... Счастливо мы жили. Отецъ былъ здоровъ, онъ и братья промышляли много пушнины, рыбы, ходили за лошадьми, оленями... Много оленей было у насъ... Братья ѣздили въ Верхоянскъ, продавали мѣха, привозили всякіе товары... Исправно было и наше женское хозяйство: много было коровъ, много масла, хаяку, сливокъ... Шестъ лѣтъ назадъ ходила здѣсь болѣзнь, оспа. Сразу почти захворали братья, потомъ мать, отецъ... всё захворали... я одна оставалась на ногахъ... Всё почти сразу, чрезъ нѣсколько дней, они умерли... Я одна ходила за больными, одна плакала надъ ними... кровь ихъ текла по мнѣ,—одна я не заболѣла, осталась здорова... я и дочь моя... Тринадцать мертвыхъ тѣлъ лежали вотъ здѣсь, рядомъ, и я, какъ безумная, переходила отъ одного къ другому, плакала, цѣловала, звала ихъ... Всё умерли... только отецъ выздоровѣлъ... но онъ всталъ совсѣмъ уже старый, слабый, почти слѣпой... Пока всё хворали, злые люди угнали много нашихъ оленей, лошадей. Много коровъ пропало: некому было ходить за ними... Волки разогнали остальныхъ разбѣжавшихся оленей и, когда отецъ побрелъ искать ихъ, едва нашелъ нѣсколько штукъ... а было много... Теперь мы—бѣдняки. Отецъ давно не ходитъ въ лѣсъ, олени разбѣжались, нѣтъ лошадей... Остались три коровы,—я сама кошу сѣно, промышляю въ лѣсу, около дому... Скоро умереть старикъ... А за нимъ умрѣю и я... все хвораю, давно хвораю... Боюсь я, что будетъ, есл скоро умремъ мы, — отецъ мой и я!.. Дочь моя останется одна... на сотни верстъ кругомъ—одна!.. безъ пищи, безъ пашовъ, безъ силы... Морозъ заледенитъ ее, съ голоду умретъ... — е звѣри растерзаютъ ее, когда выйдетъ она въ лѣсъ...

Слезы потекли по ея лицу и она отвернулась. Дѣвочка рыдала. Тяжело дышалъ старикъ и самъ Алексѣй притихъ.

— Тойонъ! Возьми дочь мою съ собою! Отвези ее тому русскому, что былъ здѣсь десять лѣтъ назадъ... отцу ея!..

Дѣвочка вскрикнула и судорожно ухватилась за мать. Мать обняла ее и рыданья заглохли въ тяжелыхъ складкахъ платья.

— Возьми ее, тойонъ! Погибнетъ она здѣсь, погибнетъ!..

Путающимся языкомъ я объяснялъ якуткѣ, что не могу взять дѣвочку, не считаю себя вправѣ, что не знаю ея отца, врядъ-ли найду его...

— Если не найдешь... возьми ты ее, тойонъ! Она русская, не якутка.. посмотри на нее!..

Она откинула полу платья и открыла искаженное рыданіями, заплаканное личико дѣвочки. Густые волосы распались, длинныя пушистыя рѣсницы слиплись отъ слезъ. Дѣвочка вырвалась изъ рукъ и съ воплемъ кинулась опять лицомъ въ платье матери.

Не знаю уже, что отвѣчалъ я якуткѣ, что передавалъ ей Алексѣй.

Молча стояла она предо мною, съ поникшей головой, безсильно опустившимися руками. Молча поклонилась и ушла. За перегородкой, лицомъ къ слабо глѣвшему камину, долго сидѣла она, низко опустивъ голову на грудь. Слезы тихо капали на дѣвочку, заснувшую на полу, положивъ голову на колѣни матери...

Я потушилъ свѣчу и пытался заснуть. Но нервы расходились и сонъ не шелъ... Да и рано еще было.

Старикъ качался у камина, переступая съ ноги на ногу, грѣя то спину, то животъ.

— Слушай, русский,—подошелъ онъ вдругъ къ Алексѣю, лежавшему на оронѣ,—слушай, вотъ что я хочу у тебя спросить... Есть еще у меня одна лисица... дорогая. Я не хочу ее продавать... и играть не буду... а ты скажи мнѣ только, дорого-ли она стоитъ? Внулкѣ оставляю... когда замужъ пойдетъ—воротникъ на шубу будетъ... Хорошая лисица!.. Черная лисица!..

Старикъ пошелъ во дворъ и скоро вернулся изъ амбара съ лисицей. Алексѣй зажегъ свѣчу. Черная волна мѣху блеснула предъ огнемъ, отливая атласомъ, сверкая искрами.

— Хорошая лисица, старикъ! Порядочная лисица! Рублей двѣсти, пожалуй, въ Якутскѣ дадутъ!—Алексѣй глазъ не могъ отъ нея отвести, а голосъ напрасно пытался выразить равнодушіе и спокойствіе.

— То-то, русский! Настоящая лисица, черная!.. Двѣсти рублей стоитъ!.. Это вѣрно!.. Ну... знаешь... давай, немного поиграемъ!..

Алексѣй живо вытянулъ свой сундукъ, досталъ деньги, марки,—и карты заметались... Ямщики спали, якута ничего не видѣла,—искусству Алексѣя полный просторъ.

Долго шла игра. Видимо Алексѣй стыдился сразу отнять лисицу у безумнаго старика. Якутъ былъ страшнѣе: блестяли глаза, щеки еще глубже провалились подъ широкими, выдавшимися скулами, огромный ротъ открытъ, дыханье со свистомъ проносилось по его черной, пустой пасти. Потъ лился по темно-бронзовому лбу и лицу, заливая глаза, и онъ поминутно вытирался грязнымъ рукавомъ своего засаленнаго кафтана. Весь онъ склонился надъ столомъ, впиваясь глазами въ каждую карту. Шею избороздили вздувшіяся жилы, тряслась голова, дрожали руки, падали карты,—и онъ жадно, всѣмъ тѣломъ, бросался на нихъ, хваталъ съ полу, со стола и поддерживалъ одну руку другою.

Алексѣй игралъ съ полнымъ самообладаніемъ. Только его тонкія губы стали еще тоньше и блѣднѣе.

Я повернулся къ стѣнѣ, чтобы не видѣть этой сцены. Но когда старикъ вдругъ какъ-то жалобно всхлипнулъ, я невольно вскочилъ.

Алексѣй съ мрачнымъ, сердитымъ видомъ небрежно свертывалъ лисицу, а старикъ, шатаясь, съ открытымъ ртомъ и неподвижными глазами, жалкій, растерянный, стоялъ надъ картами, не въ силахъ опомниться, не въ силахъ сознаться себѣ, что онъ проигралъ послѣднюю лисицу... завѣтную... внучкину...

Чуть свѣтало, когда Алексѣй разбудилъ меня. Торопливо я одѣлся и собралъ вещи. Общій чай прошелъ въ тяжеломъ молчаніи. Притихли и разболтавшіеся было ямщики. По лицу якутки за ночь легли темныя тѣни. Дѣвочка не прищипала: она теперь еще больше боялась меня и вскрикивала, когда неожиданно я проходилъ близко.

Оленей давно поймали и запрягли. Отсюда мы поѣдемъ на пяти нартахъ: кладъ съ одной разложили на остальные. Вынесли вещи, я одѣлся.

У меня заранѣе были отложены обычные подарки для хозяевъ: чай, сахаръ, мука, табакъ. Всего обыкновенно дается понемногу. Теперь я удѣлил по возможности больше,—хотѣлось оставаться въ долгу у радушныхъ хозяевъ. Чре Алексѣя я передавалъ подарки якутѣ.

Та съ поклономъ приняла, вышла изъ юрты и сейчасъ-же вернулась съ огромной стерлядью. Надо было принять,—иначе обижу хозяевъ. Къ счастью, я вспомнилъ, что у меня гдѣ-то былъ байховый чай. Якуты его очень любятъ. Внесли она

и я нашель чай, кусочекъ мыла... Съ тѣмъ же поклономъ якутка взяла новыя подарки, вышла,—и вернулась съ большимъ кругомъ хаяку. Я растерялся...

— Оставьте, Ник. Ив.,—ихъ вѣдь все равно не переспоришь! Она этакъ весь амбаръ свой перетащить сюда,—говорилъ Алексѣй, пробуя качество хаяку.—Хорошій хаякъ! ну, а дѣвчонку не заберете? А годика черезъ три пригодилась-бы!

Я попрощался и вышелъ. Рѣзкій, холодный вѣтеръ охватилъ меня и затрепалъ полами дохи.

— Тойонъ!..—остановила меня якутка. Я обернулся. Якутка стояла у двери. Вѣтеръ рвалъ на ней платье, развѣвалъ волосы. Лицо холодное, рѣшительное.

— Тойонъ! Если ты не хочешь взять мою дочь... увести къ отцу... возьми это... скажи ему, что мнѣ не нужно его кумаги... пускай умретъ она здѣсь...

Торопливо развязывала она платокъ, вынула изъ него бережно сложенный листокъ бумаги и подала мнѣ.

На листикѣ крупнымъ, четкимъ почеркомъ было написано: «Шешнацатое февраля. А и здоровый же морозъ сегодня!»

Я держалъ бумажку въ рукахъ, не зная, что дѣлать съ ней, что сказать якуткѣ. Она впиалась въ меня глазами.

— Не берешь?.. Не берешь и бумагу?!.. Не надо, не надо!.. Отдай!..

Она выхватила листикъ изъ моихъ рукъ, но вѣтеръ вырвалъ его у нея, взметнулъ, поднялъ кверху и понесъ внизъ, къ озеру.

Якутка вдругъ поникла, пошатнулась, склонилась лицомъ къ стѣнѣ юрты и зарыдала...

Я сѣлъ на нарту. Олени дернули. Вихремъ, за вѣтромъ, ринулась нарта внизъ, на озеро. Все скрылось въ снѣжной пыли, трескъ копытъ и визгъ полозьевъ заглушили рыданія якутки. Когда я оглянулся, юрты уже не было видно. Уступы надъ уступами,—подымались скалы и высоко вверху, надъ ними, вздымался мрачный, черный утесъ. Вѣтеръ рвалъ съ высотъ его снѣгъ и, снося внизъ, засыпалъ кресты и срубы могилъ.

Мих. С—кій.

* * *

Сознаюсь—на твои ученья
Не нахожу я возраженья,—
Во мнѣ лишь чувство говорить,
А умъ...—всю ночь я съ нимъ возился
И все же толку не добился,—
Умъ, какъ пришибленный, молчить.
Да, спорить я съ тобой не въ силахъ:
Кто хочетъ счастьемъ обладать,
Тому не надо вспоминать
Отцовъ, почіющихъ въ могилахъ!
Но... знаешь что? оставь меня
Съ моею вѣрою безумной,
Что, мысль о «счастьи» отклоня,
Не хочеть съ вами примириться
И въ правобѣрье окреститься...
Оставь меня, забудь меня!
Мнѣ не назвать святымъ Іуду
И днями правды—наши дни:
«Забутыхъ словъ» я не забуду,—
Мнѣ слишкомъ дороги они!
А всю ли жизнь изъ полной чаши,
Или по каплямъ краткій часъ
Мы счастье пьемъ, но счастье наше
Лишь въ томъ, что дорого для насъ.
Итакъ, кончай свой торгъ позорный
И—съ миромъ по дорожкѣ торной
На безпечальное житье
Среди душой и тѣломъ сытыхъ,
Порой и лаврами увитыхъ,
А я, глупецъ, въ «словахъ забытыхъ»
Найду все счастье мое!

С. Александровъ.

Стефанъ Стамбуловъ.

Стамбуловъ до паденія и Стамбуловъ послѣ паденія. Убійство Вельчева. Саввовская исторія. Биографія Стамбулова.—Экономическая и финансовая политика Стамбулова.

Въ апрѣлѣ 1894 г., незадолго до громкаго переворота 18 мая, низвергшаго фактическаго властелина Болгаріи, я пріѣхалъ въ эту столь близкую намъ и столь мало знакомую страну. Понять ея положеніе было невозможно, не понявъ личности ея министра, наложившаго свою желѣзную руку на всѣ проявленія свободной жизни народа,—а это было возможно только, лично познакомившись съ нимъ: исторія для Стамбулова еще не наступила, документы, могущіе служить для его характеристики, не доступны, а полагаться на чужіе отзывы, въ особенности на отзывы болгаръ, безпристрастіемъ вообще не отличающихся, да еще о такой личности, было не мыслимо. Рекомендательное письмо одного англичанина открыло мнѣ тогда мало доступныя двери дома болгарскаго Бисмарка.

Въ первое свое посѣщеніе я задалъ ему нѣсколько вопросовъ объ экономическомъ положеніи подвластной ему страны. Его отвѣты послужили мнѣ полезнымъ руководствомъ для дальнѣйшаго ознакомленія съ Болгаріей, но теперь я не стану замедлять свой рассказъ ихъ повтореніемъ. Скажу только, что въ лицѣ Стамбулова я нашелъ перваго человѣка, дѣйствительно хорошо знакомаго съ Болгаріей. (Впослѣдствіи я познакомился съ другимъ замѣчательнымъ знатокомъ Болгаріи—Петко Каравеловымъ). Иногда его отзывы были пристрастны, односторонне окрашивая картину экономическаго состоянія Болгаріи въ розовый цвѣтъ, но всетаки Стамбуловъ былъ настолько тактиченъ, чтобы не дѣлать этого слишкомъ грубо; напротивъ, онъ не отказывался отмѣчать и темныя стороны, тѣмъ самымъ еще ярче отмѣняя благіе результаты своей политики. Однако, главною задачею его политики было по его прітанію не экономическое благосостояніе страны: «до сихъ поръ, казалъ онъ, къ сожалѣнію, все наше вниманіе было направлено

въ другую сторону, въ сторону обезпеченія независимости Болгаріи. Наше неудобное, полупризнанное, полунепризнанное положеніе налагало и налагаетъ на насъ очень тяжелыя обязанности. Но зато въ этомъ отношеніи мы сдѣлали, — это не пустое хвастовство, — громадныя успѣхи. Пусть придутъ русскіе инструкторы; они легко убѣдятся, что нынѣшняя наша армія не имѣетъ ничего общаго съ тою, какою они оставили. Съ нею придется считаться въ случаѣ европейской войны. Естественно, что это печально отразилось за то на нашемъ экономическомъ развитіи, хотя и тутъ вамъ будетъ нетрудно убѣдиться, что мы идемъ впередъ, а не назадъ».

Въ концѣ разговора со Стамбуловымъ, я получилъ любезное приглашеніе посѣтить его еще разъ, но къ своему удивленію въ назначенный день не былъ принятъ. Причина этого выяснилась черезъ двѣ недѣли, въ слѣдующее мое посѣщеніе Стамбулова.

Я обратился къ министру съ просьбою объ обѣщанномъ имъ мнѣ открытомъ листѣ для путешествія по Болгаріи, такъ какъ путешествовать въ путь безъ такого листа значило бы подвергаться риску быть арестованнымъ, или по меньшей мѣрѣ ничего не увидѣть. Стамбуловъ немедленно телефонировалъ своему секретарю, чтобы тотъ приготовилъ листъ, и на слѣдующій день я получилъ его безпретятвенно; въ открытомъ листѣ предисказалось всѣмъ мѣстнымъ властямъ Болгаріи оказывать мнѣ возможное содѣйствіе въ моемъ путешествіи. Паденіе Стамбулова лишило меня возможности воспользоваться этимъ листомъ. Стамбуловъ, очевидно, хотѣлъ показать, что ему нечего скрывать въ Болгаріи отъ нескромнаго взора иностраннаго изслѣдователя, разъ онъ желаетъ добросовѣстно и безпристрастно изучать положеніе дѣлъ. Было ли это самообольщеніе, или надежда обмануть наблюдателя притворной откровенностью? Не знаю... Скорѣе послѣднее.

Видя, что Стамбуловъ на этотъ разъ не въ расположеніи бесѣдовать со мной, я обратился къ нему еще съ одной просьбой, считывая немедленно же послѣ отвѣта уйти.

— Я позволю себѣ обратиться къ вамъ еще съ одной просьбой, сказалъ я, которая вамъ можетъ показаться нѣсколько дерзкой. Я бы хотѣлъ повидаться съ Каравеловымъ *).

Стамбуловъ рѣзко отказалъ.

— Могу я узнать о мотивахъ?

— У насъ по «Правильнику» арестантамъ разрѣшаются свиданія лишь съ родственниками.

— Однако я слышалъ, что къ Каравелову ходятъ и посторонніе.

— Да, бываютъ иногда нарушенія «Правильника»; въ прошлѣ году я самъ разрѣшилъ корреспонденту Times'a побывать у Каравелова, но тогда были особенныя основанія для этого. Распрост

*) Въ то время сидѣвшимъ въ тюрьмѣ.

нился слухъ, будто съ Каравеловымъ дурно обращаются въ тюрьмѣ, и необходимо было его опровергнуть. Теперь я не вижу основанія вновь нарушать Правильникъ. Впрочемъ, тюрьмы находятся въ завѣдываніи министра юстиціи; обратитесь къ Помянову; но я не думаю, чтобы онъ нашелъ возможнымъ удовлетворить ваше желаніе. Да что вы хотите узнать отъ Каравелова? Вы съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ, не знакомъ, но я ищу возможно болѣе разнообразныхъ знакомствъ въ Болгаріи, желая выслушать самыя противоположныя мнѣнія о ея положеніи.

— Каравеловъ,—прервалъ меня его бывший другъ и protégé, а нынче ожесточеннѣйшій врагъ,—сидитъ въ тюрьмѣ уже три года; эти три года онъ не имѣлъ возможности слѣдить за жизнью страны, и уже поэтому его мнѣнія не могутъ быть особенно интересны для васъ. Впрочемъ, онъ былъ прежде,—вѣроятно и теперь остался, однимъ изъ лучшихъ, если не лучшимъ знатокомъ экономического положенія Болгаріи.

— Я слышалъ это, и это болѣе, чѣмъ чтонибудь другое, заставляетъ меня добиваться доступа къ нему.

— Это невозможно. Я могу сказать вамъ, что сидитъ онъ въ особенной камерѣ, но не въ одиночномъ заключеніи, что его здоровье вполнѣ хорошо, даже улучшилось въ тюрьмѣ, что онъ много читаетъ. Мнѣ очень жаль его; онъ принадлежалъ къ числу моихъ лучшихъ друзей, я и теперь глубоко уважаю его. Но что же дѣлать? Не могу я не защищаться, когда на меня нападаютъ; не могу и не принимать мѣръ для защиты государства отъ всевозможныхъ посягательствъ. Я убѣжденъ, что интересы русскаго и болгарскаго народовъ диаметрально противоположны и мира между ними быть не можетъ. Каравеловъ же и Цанковъ убѣждены въ противномъ; по ихъ мнѣнію, новое направленіе нашей политики губительно для Болгаріи, ея спасеніе только въ союзъ съ Россіей. Естественно, они видятъ во мнѣ врага своей родины; я вполнѣ понимаю ихъ, когда они желаютъ моей смерти и устраиваютъ заговоры противъ моей жизни. На ихъ мѣстѣ я, вѣроятно, дѣлалъ бы то же. Но отдаться въ ихъ руки я не могу даромъ. Про меня говорятъ, что я чуть ли не пью человѣческую кровь. А между тѣмъ я могу свои жертвы пересчитать по пальцамъ: если я возьму свою правую руку, а потомъ перейду на лѣвую, то мнѣ придется загнуть лишь два пальца...

Вѣроятно лицо мое выразило, что цифра семь повѣщенныхъ не кажется мнѣ столь незначительною (тѣмъ болѣе, что я хорошо зналъ ея неточность), какъ виновнику ихъ смерти, потому что онъ замѣгилъ:

— Вамъ кажется это много? Примите во вниманіе время. Я управляю Болгаріей сперва въ качествѣ регента, потомъ министра, въ того самаго несчастнаго дня, когда русская партія прогнала кня-

зя Александра Баттенберга. Событіе это. ввергло Болгарію въ пучину бѣды; необходимо было спасти что можно. Я работалъ для восстановленія князя, сперва Баттенберга, потомъ, когда это оказалось невозможнымъ, другого,—и достигъ цѣли: спокойствіе Болгаріи было восстановлено. Но партія, свергшая его, была сильна и опасна. Она устраивала бунты—длинный рядъ бунтовъ, и заговоры; она хотѣла убить князя и меня и убила Бельчева. Повторяю, я отношусь съ глубокимъ уваженіемъ и къ Цанкову, и къ Каравелову; оба они по своему любятъ Болгарію, оба желаютъ ей блага, оба готовы пожертвовать своею жизнью ради нея; но это не основаніе отдаваться имъ въ руки. Кто правъ изъ насъ, покажетъ будущее; теперь они одиноки, а на моей сторонѣ—и народъ, и князь; и я не уступлю имъ. Изъ всѣхъ моихъ враговъ теперь самый злѣйшій—это Каравеловъ. Когда то, во время борьбы съ турками, я работалъ вмѣстѣ съ его братомъ, великимъ нашимъ патриотомъ, Любекомъ Каравеловымъ. Я былъ друженъ и съ Петко Каравеловымъ, но въ 1886 г. мы съ нимъ разошлись и разошлись навсегда. Онъ принялъ участіе въ заговорѣ противъ князя,—это не подлежитъ сомнѣнію; это признали и его союзники, Бендеревъ и Груевъ. Затѣмъ я работалъ ради возвращенія князя, онъ дѣйствовалъ противъ. Явился Каульбарсъ; онъ хотѣлъ подчинить насъ Россіи, онъ обращался къ народу отъ имени Россіи, возстановляя его противъ правительства. При всей нашей признательности нашей освободительницѣ, мы должны были бороться противъ ея притязаній. Чего она хотѣла? Она тогда говорила противъ выбора въ князя болгарскіе сперва Вальдемара датскаго, потомъ Фердинанда Кобургскаго, но своего кандидата не выставяла,—кандидатуры князя Мингрельскаго сама Россія не считала серьезной. А между тѣмъ князя надо было выбрать, положеніе было невыносимо. Россія требовала отсрочки выборовъ, но срокъ ихъ былъ предписанъ конституціей. Каравеловъ упорно настаивалъ на уступкахъ; онъ требовалъ не возможнаго—и наконецъ мы заставили его выйти въ отставку. Къ чему бы привели уступки?

—Года четыре тому назадъ у меня былъ корреспондентъ «Новаго Времени» Татищевъ и требовалъ, чтобы мы предоставили въ распоряженіе Россіи два министерства (военное и иностранныхъ дѣлъ) и надзоръ за Бургасскимъ портомъ. Я васъ спрашиваю, какъ болгаринъ, могъ ли я согласиться на это? Отчего не предоставить тогда въ распоряженіе Россіи и суды, и сборъ податей, и полицію? Отчего совсѣмъ не отказаться отъ самостоятельной политической жизни, не обратиться въ Задунайскую губернію? А къ этому неминуе пришли бы мы, если бы въ 1886 г. послѣдовали совѣтамъ Каульбарса. Татищевъ требовалъ своихъ министерствъ совершенно серьезно и говорилъ даже, что если я пообѣщаю ему ихъ, то онъ не медлитъ вернуться въ Болгарію съ полномочіемъ для официальныхъ веденія переговоровъ. Правду ли онъ говорилъ, или нѣтъ (т

имѣлъ ли онъ полномочіе для своихъ предложеній), не знаю; знаю, что про меня онъ потомъ много наговорилъ вздору,—я не говорилъ ему того, что онъ приписалъ мнѣ въ своихъ корреспонденціяхъ, и не могъ говорить уже потому, что я бесѣдовалъ съ нимъ весьма недолго, всего нѣсколько минутъ *). Но по существу Россія хочетъ именно этого, а Каравеловъ и Цанковъ, вѣроятно, не понимая послѣдствій своей политики, говорятъ объ уступкахъ. И вотъ они дошли до покушеній на меня. Въ 1891 г., въ мартѣ, однажды вечеромъ, я возвращался вмѣстѣ съ Бельчевымъ изъ министерскаго совѣта. Мы зашли въ кондитерскую Панахова, потомъ шли мимо городского сада, какъ вдругъ раздалась выстрѣлы. Я оглянулся и увидѣлъ сзади трехъ или четырехъ человѣкъ съ револьверами, шедшихъ на насъ. Мы были безоружны; я крикнулъ: Бельчевъ, бѣги! и побѣжалъ впередъ. Бельчевъ же бросился въ сторону, въ садъ; тутъ его и настигли убійцы. Когда я вернулся съ жандармами, онъ былъ уже мертвъ. Убить хотѣли меня, за нами, вѣроятно, слѣдили,—но убійцы ошиблись, потому что мы были въ одинаковыхъ пальто и шапкахъ, и какъ разъ незадолго до этого случайно помѣнялись мѣстами. Убійство совершилось противъ дома Каравелова, и слѣдствіемъ было установлено, что въ его домѣ происходили всѣ переговоры между заговорщиками. И я знаю, что стоитъ Каравелова отпустить на свободу, онъ примется за прежнее, именно потому, что онъ искренно и глубоко убѣжденъ во вредномъ вліяніи моей политики...

Стамбуловъ самъ, очевидно, увлекся темой разговора и не могъ остановиться. Страстная рѣчь его лилась живымъ потокомъ. Я слушалъ съ величайшимъ удивленіемъ. Не то, чтобы меня поражали сообщаемые имъ факты, не всегда совпадавшіе съ дѣйствительностью, но тонъ, какимъ все это говорилось, былъ для меня совершенно новъ. Можетъ быть онъ былъ не вполне искреннимъ, но всетаки я не могъ удержаться, чтобы не выразить своего удивленія.

— Я уже нѣсколько недѣль въ Болгаріи,—сказалъ я,—встрѣчался уже съ вашими сторонниками и съ еще большимъ числомъ вашихъ противниковъ; еще раньше, въ Петербургѣ, я былъ знакомъ съ Цан-

*) Я говорилъ впоследствии о Татищевѣ съ Тончевымъ, министромъ юстиціи въ кабинетѣ Стамбулова во время побѣды Татищева, но ожесточеннѣйшимъ врагомъ Стамбулова въ моментъ моего разговора съ нимъ. Тончевъ сказалъ, что при бесѣдѣ Татищева со Стамбуловымъ онъ не присутствовалъ, но знаетъ, что эта бесѣда длилась довольно долго; что касается до передачи бесѣды съ нимъ, Тончевымъ, то въ ней есть нѣкоторыя недоразумѣнія, однако не очень существенныя. О своей официальной миссіи въ Болгарію Татищевъ говорилъ и ему, Тончеву, то же, что Стамбулову.

Въ своихъ статьяхъ Татищевъ многократно повторяетъ, что ѣздилъ онъ въ Болгарію частнымъ человѣкомъ, представителемъ «независимыхъ органовъ русской печати» (Новаго Времени), и что объ этомъ онъ упорно повторялъ болгарскимъ дѣятелямъ.

ковымъ, но до сихъ поръ я не слышалъ ни отъ кого изъ болгарскихъ дѣятелей такихъ благородныхъ отзывовъ о своихъ врагахъ; ваши враги говорятъ о васъ въ иномъ тонѣ.

Слова эти, очевидно, очень польстили Стамбулову, — вполнѣдствіи, уже послѣ паденія, онъ вспоминалъ о нихъ въ разговорѣ съ однимъ сербскимъ журналистомъ, — и меня за нихъ многіе упрекали. Но я и теперь не имѣю основанія брать ихъ назадъ. Вполнѣдствіи тонъ Стамбулова сильно измѣнился; въ своихъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ врагамъ онъ никогда не обнаруживалъ особеннаго благородства, но его рѣчь дышала имъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? горько улыбаясь, спросилъ Стамбуловъ. — Я это, впрочемъ, хорошо знаю. Вы видите теперь, каково положеніе дѣлъ у насъ. Вы видите, что не особенно таки пріятно быть въ Болгаріи министромъ. Меня травятъ убійцы, меня травитъ печать. Князь не разъ говорилъ мнѣ: заведите цензуру. Но развѣ я могу сдѣлать это? возражалъ я ему; я живу въ конституціонномъ государствѣ: сегодня я министръ — завтра вы мнѣ дали отставку; что я буду дѣлать тогда? Печать могла бы быть могучимъ орудіемъ въ моихъ рукахъ; зачѣмъ же я заранѣе свяжу себѣ руки? Вѣдь я болгаринъ отъ головы до ногъ; вамъ хорошо: вотъ князь Александръ, у насъ онъ былъ княземъ, а въ Австріи генераль-майоромъ; я же долженъ умереть въ Болгаріи. Однако теперь пока я еще министръ, мои враги пользуются безконтрольною свободою печати и лгутъ на меня. Лгутъ они, впрочемъ, и помимо печати. Нѣсколько дней тому назадъ я васъ не принялъ. Вы знаете почему? Только потому, что распространили нелѣпный слухъ, будто я веду тайные переговоры съ русскимъ правительствомъ. Я и русское правительство! и однако такому слуху многіе вѣрили. И вотъ, чтобы частыми бесѣдами съ вами не дать пищи такому слуху, я не хотѣлъ тогда видѣться съ вами.

— Я съ вами былъ очень откровененъ, болѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ. Судите обо мнѣ, какъ знаете; браните, если хотите; но я прошу васъ, будьте безпристрастны относительно Болгаріи. Объѣздите ее, посмотрите сами, и рѣшите, сколько правды въ сообщеніяхъ «Московскихъ Вѣдомостей» или «Новаго Времени» о царящей у насъ анархіи.

Стамбуловъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку, и мы разстались. Двѣ мои бесѣды обрисовали мнѣ властелина Болгаріи съ его яснымъ умомъ, съ его тактичностью, но вытекающею не изъ сердца, а изъ довольно тонкаго пониманія людей, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло (и измѣняющею ему въ минуты страсти) и съ его беззащитною живостью. Исполняя желаніе Стамбулова — быть безпристрастнымъ, я долженъ замѣтить, что многое изъ того, что онъ говорилъ мнѣ по провѣркѣ оказалось далеко не вполне соответствующимъ дѣйствительности. Я не знаю, правда ли, будто князь настаивалъ на введеніи цензуры, а Стамбуловъ противился, или же было какъ разъ наоборотъ, но несомнѣнно, что Стамбуловъ нѣсколько разъ

во время своего управленія вводилъ предварительную цензуру; несомнѣнно также, что созданный имъ «Законъ за печата» былъ въ его рукахъ, при помощи вполне подчиненнаго ему суда, орудіемъ, стѣснявшимъ оппозиціонную печать нисколько не менѣе, чѣмъ всякая цензура.

Разсказъ Стамбулова объ убійствѣ Вельчева тоже страдаетъ нѣкоторою односторонностію.

Въ роковой день на улицѣ, гдѣ было совершено покушеніе, было вовсе не такъ пусто, какъ это выходитъ изъ изображенія Стамбулова: позади двухъ министровъ шелъ постоянный тѣлохранитель диктатора, жандармъ Спасъ Антоновъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Антоновъ былъ простымъ хораміей, т. е. однимъ изъ тѣхъ разбойниковъ, которые въ турецкія времена (подобно клефтамъ въ Греціи и гайдукамъ въ Болгаріи же) уходили отъ турецкихъ преслѣдованій изъ родныхъ деревень въ горы и посвящали себя разбою, предпочитая грабить турокъ; народная поэзія и романтически настроенная фантазія иностранныхъ путешественниковъ обратили ихъ въ сознательныхъ политическихъ борцовъ за свободу. Этотъ хорамія былъ приговоренъ за какое-то убійство судомъ къ продолжительному тюремному заключенію, но помилованъ княземъ; Стамбуловъ, питая къ нему полное довѣріе, сдѣлалъ его жандармомъ. Совершенно непостижимо, какимъ образомъ Спасъ Антоновъ не накрылъ убійцъ, находившихся между нимъ и министрами, тѣмъ болѣе, что онъ, по его собственнымъ показаніямъ *), успѣлъ ударить шашкой и ранить одного изъ убійцъ. Въ тотъ же день было произведено въ Софіи нѣсколько сотъ обысковъ; не остался несмотрѣннымъ ни одинъ потайной уголокъ города. Сотни лицъ, — всѣ, сколько-нибудь подозрительные, были арестованы; но убійца словно въ воду канулъ, и арестованныхъ пришлось освободить. Однако, Стамбуловъ сумѣлъ воспользоваться убійствомъ для своихъ цѣлей. Несомнѣнно, что Каравеловъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ убійствѣ; это признавалъ въ разговорѣ со мною даже стамбуловскій министръ Помянковъ; будь иначе, прокуратура нашла бы какое-нибудь серьезное доказательство его вины. Между тѣмъ она принуждена была на судѣ подробно трактовать объ антипатріотическомъ направленіи каравеловской политики и совершенно поверхностно скользнуть по вопросу объ его роли въ преступленіи. Говорять, что Стамбуловъ хотѣлъ казнить Каравелова, и только заступничество иностранныхъ консуловъ, не могшихъ, въ виду полной его невинности, допустить казни столь популярнаго чловека, привело къ тому, что Стамбуловъ разрѣшилъ приговорить своего врага лишь къ 5-лѣтней тюрьмѣ. Столь же слабы были улики противъ другихъ подсудимыхъ. Геурговъ, выданный Германіей, во

*) См. Дѣлото по заговора за убийството на князя и Стамбулова, изд. Цукевъ, Софія 1892, стр. 422 и сл.

время совершения преступления былъ за границей; однако, онъ былъ присужденъ окружнымъ судомъ (онъ судился значительно позже и отдѣльно отъ другихъ подсудимыхъ) къ смертной казни. Апеллятивный судъ совершенно неожиданно оправдалъ его. Дѣло было перенесено въ кассационный судъ, которому было строго приказано найти поводы къ кассации; поводы нашлись, и Георговъ вновь предсталъ передъ судомъ, приговорившимъ его къ 3-лѣтнему тюремному заключенію, но скоро революція 18-го мая освободила его. Нѣсколько человѣкъ были повѣшены, другіе упрятаны въ тюрьмы; но убійцъ въ ихъ числѣ не было. Убійство дало поводъ восстановить цензуру, усилить административную ссылку. Такимъ образомъ Стамбуловъ съумѣлъ, благодаря таинственному преступленію, избавиться отъ всѣхъ своихъ враговъ; лишь онъ одинъ оказался въ выигрышѣ.

Черезъ нѣсколько времени Спасъ Антоновъ попался въ четырехъ убійствахъ и все съ корыстною цѣлью; двухъ человѣкъ онъ отравилъ, двухъ, старика и старуху, заманивъ къ себѣ въ домъ, убилъ инымъ способомъ. Послѣднихъ онъ закопалъ подъ своей кроватью, и, ни мало не смущаясь, спалъ надъ ихъ трупами. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, а онъ, пользуясь удобствомъ положенія человѣка, которому терять нечего, сталъ дѣлать намеки, что онъ знаетъ убійцъ Бельчева.

Но и безъ его намековъ, внѣшнія обстоятельства убійства Бельчева невольно наводятъ на подозрѣнія, что тутъ не безъ участія Стамбулова. Трудно только подыскать сколько-нибудь подходящіе мотивы для объясненія этого смѣлаго преступленія. Не проще ли было бы устроить неудачное покушеніе на себя, не жертвуя своимъ товарищемъ и вѣрнымъ сторонникомъ? Выгодныя для Стамбулова послѣдствія были бы тѣ же. Или, можетъ быть, покушеніе и проектировалось въ такомъ видѣ, и лишь несчастный случай стоилъ жизни Бельчеву?

Но зачѣмъ же револьверы не были заряжены холостыми зарядами? Нельзя ли предположить также, что по какимъ-нибудь причинамъ, неизвѣстнымъ публикѣ, Стамбулову хотѣлось отдѣлаться отъ товарища?

Врядъ ли: Бельчевъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Болгаріи, способнѣйшихъ министровъ, которые соглашались идти къ нему на службу, на службу крайне унижительную, такъ какъ Стамбуловъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія. Болгарская публика пытается подыскать романическую подкладку подъ это убійство, она чувствуетъ большую склонность къ подобнаго рода исторіямъ, а похождения Стамбулова всегда давали для нихъ обильную пищу, и вотъ въ ея глазахъ мотивомъ является желаніе оставить красавицу г-жу Бельчеву вдовой. Но все это слишкомъ мало вѣроятно, и потому, несмотря на всѣ увѣренія болгаръ, несмотря на всю таинственность убійства, несмотря на всю совокупность косвенныхъ

доказательствѣ, мнѣ кажется болѣе естественнымъ предполагать, что оно ловко совершено революціонерами, а Стамбуловъ, какъ умный человѣкъ, воспользовался имъ для своей цѣли. Новые министры употребили значительныя усилія, чтобы воспользоваться этимъ дѣломъ противъ Стамбулова. Имъ было бы гораздо пріятнѣе, чтобы общество, жаждущее наказанія бывшему премьеру, получило удовлетвореніе въ чисто уголовномъ процессѣ, притомъ процессѣ, влекущемъ за собою смертную казнь, чѣмъ въ щекотливомъ политическомъ процессѣ о «нарушеніи конституціи», во время котораго неизбѣжны весьма и весьма непріятныя для многихъ высокопоставленныхъ лицъ разоблаченія; но имъ пока не удалось это. Исполненіе смертной казни надъ Спасомъ Антоновымъ было задержано, и до сихъ поръ онъ не казнень, хотя ни свирѣпый «оттоманскій наказателемъ законникъ», ни установившіяся въ болгарскомъ обществѣ понятія о преступленіи и наказаніи, въ частности о смертной казни, не допускаютъ помилованія для Антонова. Однако, и это ни къ чему не приводитъ, и убійству Бельчева, вѣроятно, предстоитъ остаться однимъ изъ тѣхъ историческихъ преступленій, распутать нити котораго не удастся ни современникамъ, ни потомству *).

Въ нашемъ разговорѣ Стамбуловъ задѣлъ вопросъ о враждебныхъ отношеніяхъ между Россіей и Болгаріей. Исторія вопроса довольно хорошо знакома всѣмъ интересующимся Болгаріей; но мнѣ было чрезвычайно интересно узнать, какъ смотритъ на него одинъ изъ главныхъ виновниковъ дурныхъ отношеній между двумя государствами, которому эти отношенія помогли сдѣлать карьеру. Еще 5 лѣтъ тому назадъ, онъ мечталъ (или, вѣрнѣе, говорилъ, о мечтаетъ **) о днѣ примиренія съ Россіей, какъ о счастливѣйшемъ днѣ своей жизни. Теперь же оказывается, что интересы Россіи и Болгаріи диаметрально противоположны другъ другу. Спрашивается: лежитъ ли причина этого въ особенностяхъ историческаго момента, или въ самомъ существѣ дѣла? Другими словами, допускаетъ ли Стамбуловъ возможность примиренія хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, или нѣтъ? Случай помогъ мнѣ разрѣшить этотъ вопросъ чрезъ нѣсколько дней послѣ нашей послѣдней бесѣды.

*) Статя уже была написана, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что судебный слѣдователь отдалъ приказъ объ арестѣ Стамбулова по обвиненію въ убійствѣ Бельчева, но приказъ еще не исполненъ, какъ утверждаютъ болгарскія оппозиціонныя газеты, вслѣдствіе давленія Австріи, и врядъ ли будетъ исполненъ. Для преданія суду министра за чисто уголовное преступленіе не требуется разрѣшенія народнаго собранія. Ст. 155 конституціи гласитъ: «Министры могутъ быть преданы народнымъ собраніемъ суду за измѣну отечеству или князю, за нарушение конституціи, за предательство или вредъ, нанесенный странѣ съ цѣлью личнаго интереса». Очевидно, что нѣтъ основаній послѣдній, нѣсколько неясный терминъ «вредъ странѣ», толковать распространительно, а предпоследній («предательство») имѣетъ смыслъ чисто политическій.

**) Притомъ говорилъ это официально, въ Народномъ Собраніи.

Быль прекрасный майскій день, и я въ небольшой компаніи поѣхалъ за-городъ. Только что мы разсѣлись за столомъ въ саду загороднаго рестораника, какъ вдругъ раздался топотъ: то ѣхалъ въ коляскѣ Стамбуловъ съ женой и маленькимъ сыномъ, окруженный взводомъ конныхъ жандармовъ. Диктаторъ Болгаріи со времени покушенія на его жизнь всегда выходилъ изъ дому не иначе, какъ окруженный тѣлохранителями, тогда какъ даже князь нерѣдко показывался въ публичныхъ мѣстахъ всего съ однимъ адъютантомъ. Стамбуловъ остановился въ томъ же рестораникѣ, а спѣшившіеся жандармы быстро рассыпались по саду, дорогѣ и полю.

Я воспользовался замѣчательной простотой нравовъ, господствующей въ Болгаріи, Сербіи и тому подобныхъ маленькихъ странахъ, въ силу которой министръ не смотритъ на себя какъ на человѣка стоящаго выше прочихъ смертныхъ, и потому подошелъ къ нему. Стамбуловъ любезно привѣтствовалъ меня и для начала разговора освѣдомился о моихъ спутникахъ.

— Съ вами, кажется, г. З?—спросилъ онъ.

Я ясно понималъ смыслъ вопроса. З. былъ кассационный судья, обнаруживавшій всегда самостоятельность во взглядахъ и поступкахъ, оставшійся при особомъ мнѣніи въ дѣлѣ Георгова, когда кассационный судъ по требованію министерства нашелъ поводы для кассации. При неожиданной встрѣчѣ со Стамбуловымъ онъ не обнаружилъ достаточной вѣжливости и преданности, а знакомство съ мной, съ русскимъ, при всей предупредительности, какую обнаруживали власти по отношенію ко мнѣ, было фактомъ, который всегда можно было поставить на счетъ. Тѣмъ не менѣе я не могъ отвѣтить отрицательно на вопросъ.

— А другой, кажется, г. Т.?

На этотъ разъ Стамбуловъ ошибся. Со мной былъ Н., подрядчикъ, имѣвшій постоянное дѣло съ министромъ, вполнѣ зависѣвшій отъ него и страстно его ненавидѣвшій. Всю дорогу онъ ругалъ премьера и теперь былъ страшно перепуганъ, тѣмъ болѣе, что и безъ того его подозрѣвали (и не безъ основанія) въ руссофильствѣ. Онъ постарался заглядить свою вину изысканно вѣжливымъ поклономъ. Я отвѣчалъ Стамбулову, что фамилии своего второго спутника не знаю. Ужасъ моего спутника смѣнился радостью, когда онъ узналъ отъ меня, что Стамбуловъ ивдали не разглядѣлъ его.

— Слава Богу!—повторялъ онъ,—слава Богу, онъ не узналъ меня!

Но З. оборвалъ его веселье, напомнивъ, что навѣрное кто нибудь изъ жандармовъ зналъ его въ лицо, и что его могла узнать жена Стамбулова, ходившая по саду.

На мой вопросъ о вѣншей политикѣ Стамбуловъ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Берлинскій трактатъ разрушилъ для Россіи въ Болгаріи, съ тѣхъ поръ исторія намѣтила необходимость розни между державой освободительницей и освобожденной

ею Болгаріей. Болгарія стремилась и стремится вернуться къ границамъ, опредѣленнымъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, Россія же упорно препятствуетъ ей въ этомъ. Болгарія нужна Россіи, какъ орудіе, чтобы обезпечить влияние на Балканскомъ полуостровѣ, какъ дорога къ Константинополю. Между тѣмъ Константинополь нуженъ столько же Болгаріи, сколько Россіи, какъ для торговыхъ, такъ и для стратегическихъ цѣлей. Пока онъ принадлежитъ туркамъ,—въ этомъ бѣды нѣтъ никакой: турки слабы и не способны ни къ какимъ опаснымъ для другихъ народовъ предпріятіямъ. Но бѣда, если его захватить цивилизованное государство, будь то Англія, Австрія или Россія; тогда для болгарской самостоятельности наступить конецъ. Кто знаетъ, можетъ быть благоприятныя условія дадутъ возможность захватить его намъ, болгарамъ; это было бы самое лучшее, но пока это невозможно, мы естественно предпочитаемъ турецкое господство. Съ Турціей въ настоящее время у болгаръ нѣтъ предмета для спора, и потому моя политика, говорилъ Стамбуловъ, состояла и состоитъ въ сближеніи съ нею и въ защитѣ самостоятельности Болгаріи отъ посягательствъ со стороны Россіи. И цѣли своей я достигъ: съ Турціей мы въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Рядомъ съ политическимъ сближеніемъ мы стремимся къ сближенію экономическому и культурному съ родственной намъ Македоніей. Когданибудь она будетъ наша. Но отъ Россіи мы ея не получимъ, а отъ тройственного союза получимъ. Возможно, что подъ давленіемъ тройственного союза Турція дастъ реформы, потомъ и автономію Македоніи,—а тогда разумѣется съ нею случится то же самое, что въ 1885 г. случилось съ В. Румеліей. И сербы, и греки, претендующіе на Македонію, это очень хорошо знаютъ. Македонія—страна болгарская, а не сербская и не греческая *).

Послѣ этихъ нѣсколько наивныхъ разсужденій о томъ, что турки просчитаются и дадутъ автономію, которой давать имъ (ради ихъ интересовъ) не слѣдовало бы, Стамбуловъ заговорилъ о себѣ лично. Онъ сообщилъ мнѣ, что онъ учился въ одесской семинаріи и что до окончанія курса былъ исключенъ изъ нея за политическую исторію, но что жалѣтъ ему объ этомъ не пришлось: какъ разъ въ это время вспыхнуло болгарское возстаніе, и онъ нашелъ себѣ дѣло по душѣ. Въ Одессѣ онъ былъ знакомъ и даже близокъ съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ, въ особенности съ Ковальскимъ (казненнымъ въ 1878 г.), и находился подъ ихъ сильнымъ влияніемъ.

— Теперь, конечно, я отказался отъ социализма и тому подоб-

*) Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Македонія—представляетъ большое мѣсто въ иностранной политикѣ Стамбулова: неся громадные расходы на армію, Болгарія въ то же время ни на пядь не подвигается по пути къ осуществленію своей національной задачи въ этой странѣ; дружба съ Турціей налагаетъ на нее тяжелыя обязательства въ этомъ отношеніи.

ных увлечений молодости (это Стамбуловъ достаточно убѣдительно доказалъ своею дѣятельностью), однако я не преслѣдую молодежь, увлекающуюся подобными идеалами. Я знаю, что молодое вино должно перебродить...

Тутъ память нѣсколько измѣнила моему собесѣднику. Онъ очевидно забылъ, что незадолго передъ тѣмъ изъ военнаго училища было исключено нѣсколько учениковъ за чтеніе «соціалистическихъ» книжекъ, что студенты безпрестанно преслѣдовались за социализмъ, что всѣ дѣятели социализма подвергались при Стамбуловѣ интэрнированію, что его органъ «Свобода», какъ одно изъ главныхъ обвиненій противъ легальной оппозиціи, всегда выдвигала ея союзъ (въ дѣйствительности, не существовавшій) съ социалистами; что слово «социализмъ» для этой газеты всегда былъ синонимомъ чего-то глубоко позорнаго, грязнаго. Соціалистическіе органы, говорила какъ то «Свобода» *), не по-людски обсуждаютъ разные вопросы; это «просто гнусные памфлеты, пущенные въ ходъ разными учителями и учениками, выгнанными (sic) за социализмъ». И социалисты платили и платятъ Стамбулову не менѣе горячей ненавистью, чѣмъ остальные партіи Болгаріи. Статьи «Другаря» (см., напр., № 6) и другихъ соціалъ-демократическихъ газетъ о Стамбуловщинѣ, какъ о реакціи, давящей въ Болгаріи все благородное, могутъ служить недурной иллюстраціей къ словамъ Стамбулова.

Всѣ разсказанныя мною бесѣды происходили въ апрѣлѣ и маѣ 1894 г., т. е. пока Стамбуловъ былъ еще у власти. Какъ разъ въ это время тянулася скандальная, столь характерная для Стамбулова саввовская исторія. Стамбуловъ, самоувѣренный и дерзкій, не понималъ ея грознаго значенія и еще не чувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Все время и со всѣми онъ говорилъ, какъ человѣкъ, твердо увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, да онъ и былъ въ немъ увѣренъ. Гроза 18 мая разразилась для него неожиданно. Революція, или скорѣе пронунциаменто погребло его на всегда подъ развалинами воздвигнутаго имъ съ такой энергіей, такимъ талантомъ, такимъ дерзкимъ легкомысліемъ зданія, — и Стамбуловъ, покрытый позоромъ, оплевываемый со всѣхъ сторонъ, не только въ переносномъ, но даже и буквальномъ смыслѣ, неизбежно долженъ былъ явиться собесѣднику совсѣмъ съ другой стороны.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Стамбулова черезъ двѣ недѣли послѣ его паденія. Сначала, черезъ нѣсколько дней послѣ рокового событія, онъ не захотѣлъ меня принять изъ страха, какъ бы его частыя свиданія съ русскимъ не были истолкованы врагами и съ признакъ сближенія съ Россіей, — такой вѣроятно неискренній отивъ выставилъ онъ въ разговорѣ съ однимъ моимъ знакомымъ, какъ раньше высказывалъ его и мнѣ. Вѣрнѣе предположить, что ему въ томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ онъ находился то а,

*) 4 мая 1894 г.

было тяжело говорить съ человѣкомъ, видѣвшимъ его во всемъ величїи власти. Но прошелъ довольно значительный промежутокъ времени; бывшій диктаторъ успокоился и снова охотно принялъ меня съ свойственной ему любезностью. Лишь только я вошелъ, какъ онъ заговорилъ, не ожидая моего вопроса; затѣмъ самъ увлекся своимъ краснорѣчіемъ и говорилъ цѣлыхъ полтора часа, почти не прерываемый мною.

— Вчера я выѣзжалъ къ австрійскому консулу, и безъ маленькаго скандала моя повѣзка не обошлась. Мнѣ опять какіе-то мальчишки кричали: долу Стамбуловъ! Чего ужъ тутъ долу! кажется, я и такъ долу. Вообще моя свобода выхода изъ дома нѣсколько ограничена, не полиціей, конечно,—она не имѣетъ права этого дѣлать, а толпой мальчишекъ, которые кричатъ, могутъ кинуть камнемъ,—это во всякомъ случаѣ непрїятно.

Замѣчаніе о полиціи было очевидно отвѣтомъ на распущенные слухи, будто новое правительство держитъ павшаго диктатора подъ домашнимъ арестомъ.

— Какъ видите,—продолжалъ Стамбуловъ, *in oriente nihil est admirari*. Я былъ у власти, теперь я палъ; завтра, можетъ быть, та самая толпа, которая кричитъ: долу Стамбуловъ! будетъ кричать: горѣ Стамбуловъ! я падаю не въ первый и можетъ быть не въ послѣдній разъ. Въ 1875 году я стоялъ во главѣ Старозагорскаго возстанія, я сформировалъ отрядъ въ 1,000 человѣкъ, они должны были сойтись въ опредѣленный день въ извѣстное мѣсто,—и изъ нихъ пришло всего 27 человѣкъ; остальные трусили или что-нибудь имъ помѣшало. Казалось, бѣдствіе было непоправимо, но черезъ нѣсколько недѣль я снова былъ во главѣ отряда. Однако, военное счастье переменчиво, я снова палъ, снова, казалось, безнадежно, и потомъ вновь поднялся. Они хотятъ стереть меня съ лица земли, но со страницъ исторіи они моего имени не сотрутъ: безъ меня не было бы возстанія, безъ меня не было бы Болгаріи.

Стамбуловъ говорилъ съ замѣчательной силой; глаза его блестѣли, онъ видимо въ ту минуту самъ вполнѣ вѣрилъ тому, что говорилъ, хотя, увлеченный потокомъ краснорѣчія, очевидно, немного хватилъ черезъ край. Но говорилъ онъ дѣйствительно хорошо, несмотря на то, что говорилъ на чуждомъ для него языкѣ (по русски).

— Точно также и новой Болгаріи безъ меня бы не было: благодаря мнѣ, выбранъ князь, я опредѣлилъ направленіе нашей иностранной политики. Я пробилъ дорогу, я замостилъ ее римскими (?) к князю, и пусть Начевичъ старается вести наше государство по и ой дорогѣ,—онъ не сдумѣетъ теперь сдѣлать этого. Интересы болгарскаго и русскаго народа,—я вамъ уже говорилъ это,—слишкомъ діаметрально противоположны другъ другу; примиреніе между ними немисливо. Кромѣ того, вашъ государь *) никогда и ни за

*) Рѣчь идетъ о покойномъ государѣ Александрѣ III.

что не примирится съ княземъ Фердинандомъ, а Болгарія не захочетъ вновь дѣлать эксперимента, разъ оказавшагося столь печальнымъ. Начевичъ говорить иностраннымъ корреспондентамъ, что въ области внѣшней политики все останется по прежнему. Въ дѣйствительности онъ пытается дѣйствовать вмѣстѣ съ руссофилами; въ Россіи стараются посѣять убѣжденіе, что новое правительство будетъ слѣдовать иной иностранной политикѣ. Пускай ихъ,—они надѣлаютъ много глупостей, но въ этомъ отношеніи за Болгарію я не боюсь. Они не погубятъ моего дѣла.

— Я больше боюсь за ихъ внутреннюю политику. Они говорятъ, что я слабъ, что у меня партіи нѣтъ. Зачѣмъ же они въ печати, въ разговорахъ, во всей системѣ дѣйствій обнаруживаютъ одну цѣль своей дѣятельности: борьбу со Стамбуловщиной? Искоренить Стамбуловщину,—вотъ такъ задача для государственной дѣятельности! Но значить, мы не такъ уже слабы! Пусть у меня нѣтъ партіи, правительство ее создастъ: оно разогнало 900 общинныхъ совѣтовъ, т. е. цѣлую половину (у насъ 1,900 общинъ), въ каждомъ 12 человекъ,—вотъ уже армія почти въ 12,000 человекъ,—это будетъ моя армія. Они изгоняютъ массу чиновниковъ,—это тоже солдаты моей арміи. За все время моего управленія я не изгналъ столько чиновниковъ, сколько они изгнали за двѣ недѣли. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ я назначилъ всего двухъ чиновниковъ,—остальныхъ я получилъ въ наслѣдство отъ Каравелова и работалъ съ ними. Изъ окружныхъ управителей *) я смѣнилъ за 8 лѣтъ пятерыхъ, они смѣстили уже 17. Мнѣ было все равно, какихъ политическихъ убѣжденій держится человекъ; разъ онъ хорошо исполняетъ свои обязанности, я съ радостью держалъ его на службѣ, одинаково, будь онъ «стамбулистъ» или «цанковистъ». Мои сторонники упрекали меня, что я въ высшую шею назначилъ профессорами трехъ моихъ противниковъ: Балабанова, Агуру и Каблешкова. А мнѣ развѣ не все равно? если наука у Балабанова,—пускай онъ читаетъ лекціи, хоть онъ и руссофилъ; если наука у Драгоманова,—пускай онъ. Нынѣшнее правительство держится иныхъ взглядовъ. И вотъ уже замѣтна нѣкоторая реакція. Мнѣ передавали, что въ одномъ ресторанѣ, гдѣ собираются отставленные чиновники, когда они кричатъ: да живѣе Стамбуловъ!—остальная публика или расходится, или молчитъ; двѣ недѣли тому назадъ это было бы невозможно. Моя армія растетъ; пускай это будутъ только чиновники,—это не слабая армія»...

Эти слова Стамбулова нуждаются въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. Въ центральномъ управленіи Стамбуловъ дѣйствительно не дѣлалъ большихъ перемѣненій; больше того: въ Софіи получали назначе-

*) Болгарія раздѣлена на 22 округа; окружные управители по объему своей власти соотвѣтствуютъ приблизительно нашимъ губернаторамъ, и въ терригоріальномъ отношеніи власть ихъ значительно меньше.

иногда несомнѣнные противники министерства. Таковъ былъ бывшій министръ, Марко Балабановъ, не то консерваторъ, не то цанковистъ, назначенный профессоромъ греческаго языка и византийскаго права; таковъ былъ Иванъ Славейковъ, сынъ разбитаго параличомъ престарѣлаго народнаго поэта и борца за освобожденіе Петко Славейкова, назначенный учителемъ гимназіи непосредственно по отбытіи тюремнаго заключенія за преступленіе печати *).

Какковы бы ни были скрытыя основанія терпимости министра-президента—будь то желаніе зажать ротъ противнику, или что другое,—но она дѣйствительно имѣла мѣсто, только (Стамбуловъ забылъ это прибавить) не переходя за предѣлы Софіи, гдѣ легче наблюдать за дѣятельностью противниковъ, и гдѣ дѣятельность ихъ, имѣя характеръ болѣе канцелярскій, не можетъ быть особенно опасной для правительства. За-то въ провинціи смѣщенія происходили, и весьма значительныя, за то на судъ (даже и софійскій) терпимость Стамбулова не распространялась; смѣщенія и перемѣщенія судей совершались открыто непосредственно вслѣдъ за произнесеніемъ не нравящагося правительству приговора. Такъ въ 1892 г. софійскій окружный судъ оправдалъ г-жу Каравелову, обвинявшуюся въ возбужденіи иностранныхъ державъ противъ Болгаріи посредствомъ подачи германскому консулу петиціи. Ни судъ, ни прокуратура не выдали самой петиціи; германскій консулъ отказался отвѣчать на вопросы, а подсудимые отрицали свою вину; поэтому и содержаніе ея, и даже самый фактъ подачи были извѣстны лишь изъ неопредѣленныхъ слуховъ. Обвинить подсудимыхъ при такихъ условіяхъ было довольно трудно; тѣмъ не менѣе судьи, провинившіеся ихъ оправданіемъ, были лишены своихъ мѣстъ или переведены. Такъ обращались съ чиновниками, въ томъ же родѣ и съ выборными. Всѣ кметы (городскіе головы и волостные старшины), de jure избираемые и только утверждаемые правительствомъ, de facto были вѣрными кратурами Стамбулова. Столь же фиктивными были выборы въ Народное Собраніе: Стамбуловъ приказывалъ, чтобы въ такой то околии (уѣздѣ) былъ избранъ Драганъ, въ такой то Иванъ, а мѣстныя власти распорядились уже по своему **). Поэтому то Народное Собраніе со-

*) Петковъ (стамбуловскій министръ общественныхъ работъ) указывалъ мнѣ, какъ на каравелиста, еще на Васильова, главнаго секретаря въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, котораго держалъ на службѣ Стамбуловъ, но Васильовъ никогда ничѣмъ не обнаруживалъ своей вражды къ своему шефу. Точно также другія указанія Стамбулова подлежатъ большому сомнѣнію. Агура врядъ ли былъ когда нибудь его противникомъ даже въ теоріи, а на практикѣ въ качествѣ ректора университета онъ былъ вѣрнымъ исполнителемъ правительственныхъ предначертаній въ духѣ: уловить и подтanutъ Каблешковъ, профессоръ гражданскаго права, еще за нѣсколько дней до переворота 18 мая высказался въ университетскомъ совѣтѣ въ стамбуловскомъ духѣ.

***) На послѣднихъ выборахъ въ Филиппополѣ, откровенно рассказывалъ мнѣ стамбуловскій министръ юстиціи Помяновъ черезъ нѣсколько дней

стояло много дѣлъ исключительно изъ сторонниковъ правительства; оппозиція не была представлена ни однимъ депутатомъ. Новое правительство, возникшее на развалинахъ стамбуловскаго, въ системѣ смѣщенія чиновниковъ послѣдовало примѣру Стамбулова, — и не могло поступить иначе. Не могло оно оставить на службѣ члена апелляціоннаго суда Драмова, который, какъ утверждаютъ достовѣрные свидѣтели, 18 мая вышелъ противъ толпы безоружныхъ студентовъ съ револьверомъ въ рукѣ. Отсутствие закона о несмѣняемости судей и практика Стамбулова давали имъ право на это. Не могло оно оставить на службѣ полицейскихъ, занимавшихся избиеніемъ арестантовъ по участкамъ; не могло оно оставить татаръ базарджикскаго кмета, командовавшаго подобранной толпой, состоявшей по большей части изъ переодѣтыхъ жандармовъ, которая за нѣсколько дней до паденія Стамбулова, пользуясь полной безнаказанностью, въ присутствіи спокойно наблюдавшей эту сцену полиціи разоряла редакцію и типографію оппозиціонной газеты «Прогрессъ».

Обвинять новое правительство въ нетерпимости въ то время, когда происходилъ нашъ разговоръ, особенныхъ основаній не было. Смѣщая стамбулистовъ, оно не обнаруживало стремленія назначать на ихъ мѣсто непременно своихъ; напротивъ, среди новыхъ чиновниковъ были каравелисты, были цанковисты, были даже социалисты, одинъ «социалистъ», или считающій себя таковымъ, попалъ даже въ полицейскіе пристава. Было весьма вѣроятно, конечно, что всѣ они на дѣлѣ окажутся совершенными сторонниками правительства, особенно полицейскій-социалистъ, который во время нашего разговора съ удовольствіемъ прогуливался мимо дома Стамбулова и слѣдилъ въ оба глаза за каждымъ шагомъ экс-премьера. Въ редакціи и конторѣ официальнаго органа новаго правительства, «Свободно Слово», я встрѣчалъ людей, которые вовсе не являлись поклонниками ни Радославова, ни Начевича. Такимъ образомъ говорить объ узкой партійности въ смѣщеніяхъ и новыхъ назначеніяхъ могъ только тотъ, кто сливаетъ всѣхъ противниковъ Стамбулова въ одну правительственную партію, тогда какъ въ дѣйствительности въ самомъ правительствѣ было два, если не три разнородныхъ теченія.

— У меня не слабая—армія, страстно продолжалъ мой собеседникъ, и я съ нею вступлю въ борьбу уже въ качествѣ вождя оппозиціи. Не для того, чтобы добиться власти,—она мнѣ надобна, меня утомила, я давно мечталъ отдохнуть. Вотъ, думалъ я, выйду

послѣ паденія, въ избирательной урнѣ подошло 800 человекъ, а бюллетеней въ урнѣ (разумѣется съ именами официальныхъ кандидатовъ) оказалъ 2900. Въ селѣ Поповѣ въ началѣ 1894 г. избиратели до начала выборовъ разбили избирательную урну и нашли въ ней уже насыпанные бюллетени. Подобные случаи не были исключеніемъ, они были общимъ правиломъ. (Подробности см. въ моей статьѣ «По славянскимъ землямъ» въ «Русской Живнѣ» 1894, 18 июня.

въ отставку и поѣду мѣсяца на 1½ въ Карлсбадъ, — мнѣ нужно туда для леченія. Но развѣ можно теперь? Закричатъ: трусь, бѣжить, боится суда! Я ихъ боюсь, этой сволочи! Знаете ли, изъ кого состоитъ ихъ партія теперь? 60 депутатовъ Народнаго Собранія, принадлежавшихъ прежде къ моей партіи, прислали князю телеграммы съ выраженіемъ благодарности за то, что онъ избавилъ страну отъ «тирана» и «блудника», — съ горькой усмѣшкой повторилъ эти слова тотъ, къ кому теперь ихъ такъ часто примѣняютъ. Они же впрочемъ, прислали телеграммы и мнѣ съ выраженіемъ своего соболѣзнованія, — вѣроятно, они не ждали, что телеграммы будутъ напечатаны. Вотъ на кого будетъ опираться новое правительство!

Народное Собраніе состоитъ изъ 153 депутатовъ; не болѣе 12 принадлежали къ оппозиціи. Значитъ почти половина стамбулистовъ на другой день послѣ паденія своего шефа оказались ренегатами. Таковы были дѣятели, на которыхъ опирался Стамбуловъ. Къ чести новаго правительства, оно распущеніемъ Народнаго Собранія отказалось отъ услугъ этихъ неожиданныхъ союзниковъ.

— Будетъ съ меня власти, я сытъ ею, по крайней мѣрѣ, теперь. Настанетъ день, можетъ быть лѣтъ черезъ 5, когда эти самые скоты, измѣнившіе мнѣ въ критическую минуту, будутъ посылать ко мнѣ депутація, униженно просить, чтобы я вновь «пришелъ на власть», я и тогда еще подумаю. Теперь же я о власти не думаю и борюсь не ради нея. Я борюсь за Болгарію, борюсь за народъ, за то, чтобы его не погубили эти мерзавцы, новѣйшіе правители. Я знаю, на ближайшихъ выборахъ, можетъ быть, не пройдетъ ни одного моего сторонника, — правительство съумѣетъ въ достаточной мѣрѣ терроризировать народъ, — или же ихъ пройдетъ 10 — 12 человекъ; въ такомъ случаѣ я съ ними не войду даже въ Народное Собраніе...

Прежде стамбулисты мнѣ постоянно говорили, что его противники — это генералы безъ арміи, что народъ — чуть не поголовно на сторонѣ своего правителя. Послѣ 18 мая поддерживать эту нелѣпость уже нельзя было; но нужно было приготовить публику къ тому вѣроятному событію, что на сторонѣ Стамбулова не окажется ни одной околди, — Стамбуловъ своимъ заявленіемъ и дѣлалъ это.

— Однако, продолжалъ Стамбуловъ, я отъ борьбы не отказываюсь. Я возвращаюсь къ моему прежнему ремеслу и дѣлаюсь журналистомъ; я буду слѣдить за каждой ошибкой правительства, каждую отмѣчу и знаю, что оно долго не продержится. У него совсѣмъ нѣтъ силъ. Думаете ли вы, что они — эти жалкіе люди, меня свалили? Нѣтъ, тутъ дѣйствовали другія силы.

— Вы говорите, конечно, о князѣ?

— Конечно. Я не могъ оставаться у власти послѣ того, что произошло между нами. Между нами были давно нелады, но въ послѣднее время струна натянулась — и лопнула. Я послалъ ему

въ Бѣлградѣ,—князь былъ тогда за границей, — онъ очень любитъ на казенныя средства ѣздить по заграницамъ,—свою подробно мотивированную отставку; она занимала 15 писанныхъ листовъ. Содержанія ея не знаетъ никто, кромѣ меня и князя; я далъ слово не разглашать его, но если князь будетъ вести себя такъ, какъ онъ ведетъ нынче, то я можетъ быть буду принужденъ нарушить свое слово. Потомъ я былъ на аудіенціи у князя,—аудіенція продолжалась 3 часа; князь убѣждалъ меня не уходить,—но я сказалъ: невозможно. Я не могу съ вами говорить вполнѣ откровенно,—привѣтилъ Стамбуловъ, обращаясь ко мнѣ,—для этого я знаю васъ слишкомъ мало и вижу въ васъ человѣка, который держитъ въ рукѣ перо,—но я могу сказать, что я сдѣлалъ для него все: безъ меня не было бы его, я ради него измѣнилъ конституцію, очень хорошо зная, что это оскорбитъ духовенство, оттолкнетъ отъ меня многихъ изъ моихъ сторонниковъ и обидитъ другихъ. А онъ теперь такъ поступилъ противъ меня! Я семь лѣтъ давалъ ему уроки искусства управленія государствомъ. Если управленіе Болгаріи будетъ хорошо,—я могу гордиться: я учитель. Будетъ оно плохо, я не виноватъ: въ глупую голову ничѣмъ не вобьешь пониманія!

Я передаю эти слова такъ, какъ они были сказаны, и разумѣется не беру на себя ни малѣйшей отвѣтственности за ихъ справедливость. Трудно думать, чтобы содержаніе отставки осталось неизвѣстнымъ для членовъ кабинета, и трудно повѣрить, чтобы князь дѣйствительно просилъ Стамбулова взять назадъ свое прошеніе,—это противорѣчить всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Негады съ княземъ начались у Стамбулова давно и объяснялись тѣмъ, что князь слишкомъ ясно чувствовалъ горечь своего положенія — адъютанта при его величествѣ министрѣ-президентѣ, но лопнула струна, по-видимому, послѣ того, какъ Стамбуловъ имѣлъ безтактность опубликовать въ «Свободѣ» частное письмо военнаго министра Саввова къ князю, которое князь имѣлъ безтактность показать Стамбулову. Вскорѣ послѣ кризиса у Стамбулова былъ извѣстный сербскій журналистъ Пера Тодоровичъ, и Стамбуловъ говорилъ ему, что онъ смотритъ на князя, какъ на младшаго сына, что онъ ничего не скажетъ противъ него, что всякое его слово обратится противъ него же; черезъ двѣ недѣли онъ говорилъ мнѣ уже въ иномъ тонѣ; онъ не отказался отъ удовольствія попрекнуть князя (впрочемъ, совершенно основательно) за его любовь къ путешествіямъ на казенный счетъ; онъ забылъ только, что сумму въ 300,000 франковъ (кромѣ цивильнаго листа въ 100,000 фр.) «на канцелярію, путешес. и проч. князя» ассигновало по росписи 1894 годъ его министерство съ его согласія и одобренія. Разговоръ со мной произошелъ въ тотъ день, когда въ Софію пришелъ № «Gaulois» съ разговоромъ корреспондента этой газеты, Гена, съ княземъ, въ которомъ князь довольно рѣзко отозвался о своемъ бывшемъ министрѣ. Весьма вѣроятно, что Стамбуловъ уже зналъ объ этомъ. Понятно,

въ такомъ случаѣ, что и тонъ его о «своемъ сынѣ» сдѣлался рѣзче, и что онъ посылалъ по его адресу угрозу какихъ-то неприятныхъ разоблаченій.

Въ тонѣ Стамбулова, въ его глазахъ, слышалась явная злость, вызывавшая сомнѣнїе въ добровольности его ухода, и эта злость заставила его договориться до глупости, что будетъ Болгарія управляться хорошо—его заслуга, а будетъ плохо,—онъ не причемъ. Это говорилъ человѣкъ, который слишкомъ хорошо знаетъ, какъ мало значить князь въ Болгаріи, и какъ много значить — прошлое, налагающее на настоящее и будущее почти неразрывныя путы.

— Вы не видѣли-ли тотъ скандалъ, продолжалъ Стамбуловъ, который мнѣ устроило правительство у самыхъ воротъ дворца? Я былъ во дворцѣ, чтобы поблагодарить князя за милостивый рескриптъ; я оставался во дворцѣ болѣе часу, и вотъ, когда я выѣхалъ изъ него, меня встрѣтила толпа студентовъ и гимназистовъ съ книжками подъ мышкой, согнанная полиціей кричать: долу Стамбуловъ! Лежачаго не бьютъ, говоритъ русская пословица; эту пословицу знаютъ русскіе мужики,—но болгарскіе министры ея не знаютъ. Не скрою, мнѣ было это неприятно,—но какъ же долженъ краснѣть князь, съ гостемъ котораго у самыхъ воротъ его дворца продѣлываютъ такіа шутки!

Я присутствовалъ на этой демонстраціи и могу засвидѣтельствовать, что если полиція приняла въ ней участіе, то совсемъ не такое, какое приписалъ ей Стамбуловъ. Я проходилъ около 6—7 часовъ вечера 30 мая по улицѣ возлѣ дворца; туда стремилась большая толпа народа, тутъ были и студенты, и гимназисты, были и няньки съ дѣтьми, очевидно, просто любопытные, но были и чиновники, и офицеры, и врачи; были совершенные старики.

— Въ чемъ дѣло?

— Хотимъ «овацію» устроить Стамбулову.

Физиономіи говорили ясно, какого рода будетъ «овація». Ни о какомъ участіи полиціи не могло быть и рѣчи. Нѣсколько человѣкъ, случайно увидавшихъ, какъ Стамбуловъ проѣхалъ во дворецъ, скликали толпу, которая терпѣливо часа 1½ ожидала выѣзда. Изъ дворца къ дому Стамбулова можно ѣхать двумя улицами. Полиція стала преимущественно на одной изъ нихъ,—и этой хитростью обманула народъ, столпившійся по большей части тутъ же. Стамбуловъ выѣхалъ по другой улицѣ,—гдѣ народу было меньше. Я не могу ручаться, чтобы это было сдѣлано нарочно,—хотя такое предположеніе весьма вѣроятно. Герой торжества промчался съ быстротою молніи, и овація удалась лишь на половину. Ему кричали, долу блудникъ! долу тиранъ! дю-дю-дю! Мнѣ послышался вдали одинъ возгласъ: ура! быть можетъ, даже вѣроятно, насмѣшливый. «Свобода» услышала много криковъ: ура! да живѣе Стамбуловъ! и даже: да живѣе отличный болгарскій патріотъ Стамбуловъ! но по всей вѣроятности она ослышалась,—со времени паденія Стамбулова.

его газета страдает галлюцинаціями слуха и зрѣнія. Она увидѣла также въ рукѣ одного изъ участниковъ демонстраціи револьверъ, направленный въ Стамбулова, котораго никто кромѣ нея не видѣлъ. Но камень, одинъ или два, кажется, дѣйствительно полетѣли; кто-то, вскочивъ на подножку экипажа, дѣйствительно попробовалъ плюнуть въ Стамбулова. (Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ во время другой подобной же демонстраціи его ударили палкой). Затѣмъ толпа бросилась за нимъ и наперерѣзъ ему, но градоначальникъ М. Радославовъ успокоилъ толпу. Въ «Свободѣ» появилось озлобленное описаніе этой демонстраціи, гдѣ говорилось, какъ какой-то 15-лѣтній мальчишка крикнулъ пискливымъ голосомъ: долу тираны! какъ это повторили другіе мальчишки, — но во всемъ этомъ мало достовѣрнаго. «Позоръ демонстраціи, говорила «Свобода», всецѣло падаетъ на Стоиловскій кабинетъ и особенно на сопаджія (палочника) В. Радославова, который, въ беззубой злобѣ и бѣшенствѣ, науськиваетъ гимназистовъ наносить срамъ Болгаріи! Поздравляемъ правительство съ его водевильнымъ дебютомъ и жалаемъ ему и впредь подвизаться на томъ же поприщѣ. Стамбуловъ доволенъ происшедшимъ (это противорѣчитъ тому, что онъ говорилъ мнѣ), оно говорить объ анархіи, которая должна скоро прекратиться. Оно говорить еще, что истинный господинъ положенія и заправила побищъ есть сопаджія В. Радославовъ, а что Стоиловъ есть лишь игрушка въ рукахъ этой низкой твари... Это показываетъ наконецъ, что Стамбуловъ—одинъ изъ великихъ и славныхъ болгарскихъ мужей и тружениковъ, которому вчера толпа кричала: осанна, а нынче: распни его! (не слишкомъ-ли сильно сказано?) Это радуетъ Стамбулова, ибо это лучшее доказательство его заслугъ передъ любимой родиной, ради которой онъ будетъ работать всю жизнь и о счастья которой будетъ всегда молить Бога»... («Свобода» № 1397).

Эта статья, вышедшая можетъ быть изъ подъ пера самого «великаго и славнаго болгарскаго мужа», говорить въ сущности то же, что онъ говорилъ и мнѣ, если не прямо словами, то всѣмъ тономъ своей рѣчи,—именно, что Болгарія и Стамбуловъ — одно и то же, что благо Болгарія и власть Стамбулова—двѣ вещи неотдѣлимныя другъ отъ друга. Въ подобномъ же тонѣ говаривалъ иногда и Бисмаркъ, Бисмаркъ, которому «Свобода» всегда пѣла хвалебныя гимны, Бисмаркъ, свое сходство съ которымъ Стамбуловъ всегда подчеркивалъ, ради котораго, вѣроятно, онъ рассказалъ мнѣ о своей мало достовѣрной отставкѣ на 15 листахъ. Впрочемъ, князь его въ этомъ поддерживалъ, разыгрывая роль Вильгельма II. Самъ рескриптъ его Стамбулову, въ которомъ весьма нетактично говорилось о заслугахъ этого человѣка въ тотъ самый моментъ, когда страна его провожала единодушными проклятіями,—есть лишь женскій болгарскій переводъ съ нѣмецкаго рескрипта, даннаго Вильгельмомъ Бисмарку, когда императоръ прогналъ вѣрнаго еменосца германской имперіи.

Но возвращаюсь къ рѣчи Стамбулова.

— Долу блудникъ! Вотъ ихъ главное обвиненіе противъ меня. Не скрою: я не кастратъ. Мнѣ 42 года, я женился 36 лѣтъ, а до того съ 20-ти-лѣтняго возраста у меня было много романическихъ похожденій. Я жилъ, какъ хотѣлъ. Я былъ адвокатомъ въ Тырно-вѣ, я зарабатывалъ 300—400 наполеондоровъ въ мѣсяцъ (не слишкомъ-ли?) и былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей Болгаріи. Я былъ самый почитаемый человѣкъ въ Болгаріи, меня встрѣчали, какъ теперь встрѣчаютъ Климента. Для моего счастья не хватало только короны, какъ сказалъ одинъ восточный поэтъ,—ну, корона была мнѣ не нужна. Что же мнѣ было стѣсняться? Вѣдь ѣсть, пить, да удовлетворять половому чувству, — только и есть три удовольствія въ жизни, т. е. еще духовныя потребности, спохватился мой себе-ѣдникъ, но о нихъ мы не говоримъ теперь. Я и не стѣснялся,— и романическихъ приключеній у меня было множество.

Стамбуловъ выразился нѣсколько иначе. Въ болгарской печати можно было бы дословно передать дальнѣйшій его рассказъ, но въ европейской немислимы въ полномъ видѣ ни тѣ факты, ни та готовность называть все собственными именами, которыя никого не поражаютъ въ устахъ министра на Балканскомъ полуостровѣ. Здѣсь, когда хотятъ побить противника, то начинаютъ говорить, что онъ столько-то дѣвушекъ соблазнилъ, столько-то изнасиловалъ; иногда прибавляютъ къ этому, что онъ вдобавокъ еще и противоестественнымъ грѣхомъ грѣшенъ. Это говорится публично, на митингахъ, въ печати, обыкновенно безъ всякихъ доказательствъ. Это служило однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ Стамбулова (и даже отчасти причиной его паденія), и конечно $\frac{3}{4}$ въ этихъ обвиненіяхъ совершенный вздоръ. Но Стамбуловъ отвѣчалъ въ разговорѣ со мной подобными же и даже худшими обвиненіями противъ Начевича и другихъ своихъ враговъ. (Эти обвиненія частью появились еще раньше въ «Свободѣ»).

— Пусть выищутъ они обвиненія посерьезнѣе этихъ. За мной есть государственныя преступленія: я трижды пріостанавливалъ свободу печати. Глупецъ былъ бы тотъ, который не пожертвовалъ бы частью ради цѣлаго. Я и жертвовалъ ради сохраненія конституціи одной ея статьей. Они кричатъ: подъ судъ! Пусть судятъ за это! На протоколахъ министерскаго совѣта, постановившаго эту мѣру, есть подписи: въ первый разъ:—Стоилова и Начевича, во второй—Тончева, въ третій—Начевича. Пусть судятъ, и вмѣстѣ с мной посадятъ на скамью подсудимыхъ все новое министерство.

Стамбуловъ, вѣроятно, забылъ о другихъ многочисленныхъ на- рѣшеніяхъ конституціи, объ избіеніяхъ въ участкахъ, о противо- законныхъ арестахъ, о вскрытіи частныхъ писемъ *) о давленіи

*) После его паденія новое правительство опубликовало длинный рядъ с обвиненіями и ответственными именами Стамбулова (воспроизведенныхъ для большей

на судъ. Онъ забылъ также объ обвиненіяхъ въ хищеніяхъ. Зато онъ сдѣлалъ совершенно вѣрное указаніе на рискъ, сопряженный съ преданіемъ его суду лицами, работавшими вмѣстѣ съ нимъ въ его министерствѣ.

— Посмотримъ, что сдѣлаетъ новое правительство. Мнѣ за 8 лѣтъ приходилось работать съ разнообразнѣйшими элементами, и я знаю, что это значить, когда въ министерствѣ люди говорятъ другъ съ другомъ съ искаженными отъ злобы лицами, когда прекрасно знаешь, что каждое твое слово будетъ передано князю и сторонникамъ враждебной партіи. Теперь именно такое положеніе. Начевичъ не выносить Радославова, Радославовъ Начевича. В. Радославовъ долго отказывался поступать въ новое министерство, въ которомъ ему давали второстепенный постъ; ему хотѣлось премьерства и портфеля внутреннихъ дѣлъ. Къ нему пришли нѣкоторые его сторонники, между ними М. Радославовъ, и заставили пойти къ Стойлову для переговоровъ, приставивъ къ груди дуло револьвера *). Послѣ новыхъ выборовъ въ палату пройдутъ: консерваторы, радослависты, соединисты, тончевисты, цанковисты, можетъ быть каравелисты. Что можно будетъ сдѣлать съ такимъ разношерстною толпою? И вотъ правительство начнетъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ и тогда Болгарія вспомнить о моемъ времени. Теперь правительство распустило всѣхъ шпионовъ и заявляетъ, что оно намѣрено управлять безъ ихъ помощи. А развѣ это мыслимо? Развѣ можетъ правительство не знать, что дѣлается у него внутри страны и за границей, гдѣ противъ него злоумышляютъ? У меня были шпионы, получавшіе по 3,000 франковъ въ мѣсяцъ, были они въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, Москвѣ, и я могу похвастаться, что я прекрасно зналъ все, что дѣлалось въ иностранныхъ правительствахъ; я часто получалъ свѣдѣнія изъ Петербурга скорѣе и точнѣе, чѣмъ Кальноки. Только при такихъ условіяхъ возможно управленіе. Стойловъ думаетъ иначе. Затѣмъ же онъ жалуется на то, что я израсходовалъ безотчетные фонды? Они ему не нужны... Скоро Стойловъ пойметъ, что съ такимъ дѣтскимъ понятіемъ нельзя занимать министерскія мѣста. А пока онъ дѣлаетъ только глупости. Мы ихъ изобличаемъ каждый день въ «Свободѣ», но далеко не можемъ перечислить все. Когда я сажусь за столъ, чтобы написать замѣтку для № «Свободы», то я никогда не могу кончить, такъ много я могу сказать противъ нынѣшняго правительства; совершенно какъ Маколей,—когда онъ садился писать... ну, хоть про Карла Великаго; онъ цѣлые го-
да не могъ кончить, такъ много онъ зналъ...

убѣдительности въ *fac simile*) на почту съ приказомъ задерживать для всѣхъ тѣя письма разныхъ лицъ.

*) Оставляю этотъ сомнительный расказъ на отвѣтственности Стамлова.

Мой собесѣдникъ совсѣмъ заврался. Онъ прибавилъ еще два-три неважныхъ замѣчанія объ ошибкахъ правительства; такъ онъ указалъ на сдѣланные имъ обыски, чтобы отыскать динамитъ, привезенный будто бы изъ-заграницы по повелѣнію Стамбулова (такъ гласилъ какой-то доносъ) для фальшиваго покушенія, имѣющаго цѣлью запугать князя, и замѣтилъ притомъ, что онъ не могъ бы сдѣлать ничего подобнаго уже потому, что, оградивъ себя жандармами отъ револьвера и кинжала, онъ не оградилъ себя отъ бомбы, и потому боится динамита какъ огня,—и круто оборвалъ бесѣду, затанувшую на 1½ часа. Читатель вѣроятно получилъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, читая рѣчь Стамбулова, какое получилъ я, ее слушая. Невѣжество въ научной области, сказавшееся въ послѣднемъ сравненіи *), мелкая хвастливость, очевидная неспособность владѣть собою и держаться въ границахъ вѣроятнаго—нисколько не умалили въ моихъ глазахъ крупной фигуры Стамбулова. Онъ говорилъ съ такою силою краснорѣчія и страсти, которая пропала конечно въ мсемъ изложеніи, но которая обнаруживала для меня въ немъ человѣка далеко недужиннаго, но «заѣденнаго средой», какъ любили выражаться у насъ лѣтъ тридцать назадъ.

Родившійся 31 января въ 1854 г. **) въ Тырновѣ, Стефанъ Стамбуловъ послѣ начального обученія въ Болгаріи и средняго обученія въ одесской духовной семинаріи, гдѣ онъ курса не окончилъ, принялъ участіе въ болгарскомъ возстаніи 1875 г. Онъ дѣйствовалъ какъ заговорщикъ, солдатъ, ораторъ и поэтъ, его не лишеныя таланта пѣсни до сихъ поръ памятны въ Болгаріи. Ораторскій даръ его замѣчательнъ. Даже теперь, когда юношескій жаръ остылъ и замѣняется часто весьма некрасивыми побужденіями, онъ умѣетъ всею рѣчью счаровать самого предубѣжденнаго слушателя; несмотря на то, что въ своихъ рѣчахъ онъ неособенно церемонится съ истиной. Эти способности, вмѣстѣ съ образцовымъ званіемъ Болгаріи, обезпечили ему видное мѣсто въ болгарскомъ возстаніи: революціонный комитетъ раздѣлилъ всю

*) «Свобода», органъ редактируемый Стамбуловымъ и Петковымъ, говорила въ № 6 юня: «Новое французское министерство... вышло побѣдителемъ, но его побѣда похожа на побѣду римлянъ (!) надъ царемъ Пирромъ во время пуническихъ войнъ (!), послѣ которой римскій полководецъ сказалъ: «еще одна такая побѣда, и Римъ погибъ!» Это мѣсто говоритъ объ уровнѣ образованія павшихъ болгарскихъ министровъ не хуже, чѣмъ фраза Стамбулова о Макоеѣ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что «Свободно Слово» (органъ новаго правительства, нынѣ прекратившійся), внимательно слѣдившій за всѣми промахами «Свободы», этой ошибки не замѣтилъ. Пирру вообще не везетъ въ болгарской журналистикѣ. Поль-года спустя «Знамя» (органъ каравелистовъ) говорило о «пирровыхъ» побѣдахъ надъ греками (№ 28).

**) Дата эта взята изъ официальной біографіи Стамбулова въ «Български Алманахъ» за 1894 г. Она не совсѣмъ сходится съ данными о возрастѣ, указанными мнѣ Стамбуловымъ, и хронологическими датами въ другихъ біографіяхъ.

Болгарію на 4 революціонныхъ округа, и совсѣмъ еще юноша— Стамбуловъ былъ поставленъ во главѣ одного изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе о характерѣ его дѣятельности въ этотъ періодъ трудно сказать что-нибудь достовѣрное. Исторія еще не написана, а воспоминанія людей, игравшихъ тогда роль, слишкомъ дышать пристрастіемъ, чтобы можно было полагаться на нихъ. Существуетъ мнѣніе, что и здѣсь Стамбуловъ былъ не болѣе, какъ интриганомъ, что онъ умѣлъ въ опасныя минуты прятаться за спины другихъ, пожиная въ то же время лавры удачъ. Я расположенъ думать, что подобное мнѣніе составилось впоследствии, когда враги Стамбулова захотѣли лишить его всѣхъ заслугъ и достоинствъ. Болѣе или менѣе достовѣрнымъ можно считать лишь то, что Стамбуловъ въ эту эпоху не принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, вполне чистыхъ дѣятелей, какъ Любенъ Каравеловъ († 1879): Стамбуловъ врядъ ли вполне отчетливо отдѣлялъ интересы отечества отъ своихъ личныхъ. Разграбивъ имущество какого-нибудь турка для патріотическихъ цѣлей, онъ былъ не прочь въ веселую минуту прокутить добытыя такимъ путемъ средства; однако тотъ, кто на этомъ основаніи сталъ бы отрицать у Стамбулова любовь къ родинѣ и свободѣ, былъ бы глубоко не правъ *). Пусть онъ вспомнитъ исторію греческаго и сербскаго возстаній, во время которыхъ въ самыя опасныя минуты вожди ссорились другъ съ другомъ, интриговали другъ противъ друга, и подъ влияніемъ личной злобы даже переходили на сторону враговъ, пусть онъ пойметъ характеръ народа, политическій кругозоръ котораго втеченіе нѣсколькихъ столѣтій ограничивался общиной и не возвышался даже до идеи національнаго единства, пусть онъ подумаетъ наконецъ объ уровнѣ образованія и о вліяніи турецкаго ига, и тогда онъ пойметъ, что иначе и быть не могло. Исключеніе могли составить только немногіе люди, воспринявшіе втеченіе многихъ лѣтъ заграничной жизни европейскую культуру и европейскія нравственныя понятія. Къ ихъ числу не принадлежалъ одесскій семинаристъ, но это не мѣшало ему по своему любить свою родину и жертвовать ей своею жизнью. По крайней мѣрѣ послѣ войны, когда называли лучшія въ Болгаріи имена, то въ ихъ числѣ произносилось и имя вождя Старозагорскаго возстанія.

Послѣ освобожденія страны, онъ поступилъ на службу, но скоро, вѣроятно, желая очистить себѣ дорогу политическаго дѣятеля, бросилъ ее **) и занялся у себя на родинѣ въ Тырново адвокатурою. Полное отсутствіе юридическаго образованія въ то время, при томъ же его уровнѣ у судей и прокуроровъ, ничему не мѣшало.

*) Въ болгарской печати, которая, конечно, лучше другихъ должна (помнить условія борьбы съ турками, это дѣлается,—но это свидѣтельствуемъ только о безграничномъ озлобленіи противъ Стамбулова.

**) Званіе депутата несовмѣстимо съ государственной службой.

Въ то же время онъ проникаетъ въ народное собраніе. Тамъ онъ примкнулъ къ крайней радикальной партіи, руководимой тогда Петко Каравеловымъ; повидимому, уроки русскихъ революціонеровъ еще не были имъ забыты. Въ 1881 году, когда Александръ Баттенбергъ при помощи русскихъ генераловъ отмѣнилъ конституцію, Стамбуловъ долженъ былъ эмигрировать. Послѣ возстановленія конституціи онъ вернулся къ прежней дѣятельности.

Въ 1886 г. руссофильская партія, руководимая Цанковымъ и митрополитомъ Климентомъ, не безъ участія русскихъ агентовъ низвергла Александра Баттенберга. Моментъ былъ чрезвычайно важный. Стамбуловъ былъ одинъ изъ немногихъ людей, которые поняли смыслъ момента и схватились за вѣрное знамя. Онъ у себя въ Тырновѣ провозгласилъ возстановленіе князя. Страна, съ ужасомъ ожидавшая анархіи, какъ послѣдствія низверженія князя, отозвалась на его призывъ, и онъ сдѣлался властителемъ минуты. Однако возвращенный князь не могъ удержаться на престолѣ. Его отреченіе возводитъ Стамбулова на высшій постъ въ государствѣ: вмѣстѣ съ Каравеловымъ и Муткуровымъ онъ дѣлается регентомъ. Первенствующее положеніе въ странѣ занимали партіи: русская, низвергшая князя и желавшая во что бы то ни стало примиренія Болгаріи съ Россією, и національная, сначала добивавшаяся возстановленія Александра, а потомъ искавшая какого-либо выхода, не унижительнаго для національнаго чувства. Каравеловъ, не умѣвшій занять достаточно опредѣленное положеніе, скоро былъ вытѣсненъ изъ регенства. Колебанія этого человѣка происходили, вѣроятно, изъ гораздо болѣе чистаго источника, чѣмъ твердость убѣжденій Стамбулова и особенно его зятя и вѣрнаго сподвижника, Муткурова, который самъ въ первыя минуты послѣ переворота колебался, куда пристать, и присталъ только къ побѣдителямъ *). Тѣмъ не менѣе роль этихъ двухъ людей была въ высшей степени благодарная. Присланный въ Болгарію русскимъ правительствомъ баронъ Н. Каульбарсъ обнаружилъ явное желаніе вліять на внутреннія дѣла княжества. Протестуя противъ болгарской анархіи, онъ дѣлалъ все возможное, чтобы продлить ее. Регенты обращались къ нему за кандидатомъ на престолъ, угоднымъ Россіи, обнаруживая готовность содѣйствовать избранію, которое положило бы предѣлъ неурядицѣ, но Каульбарсъ упорно отказывался **). Это сдѣлало не-

*) Это видно даже изъ официальной біографіи Муткурова въ Вьгарски Алманахъ 1894 г.

***) Самъ Каульбарсъ въ открытомъ письмѣ къ Татищеву («Нов. Вр.») 1890 г. № 5262) признаетъ неловкость своего положенія. «Мы не могли, говорить онъ, назвать кандидата на болгарскій престолъ, о чемъ я выражалъ глубокое мое сожалѣніе до моего отъѣзда въ Болгарію, очень хорошо предчувствуя, что появленіе мое въ княжествѣ въ такое смутное время безъ кандидата съ перваго же дня должно было поколебать довѣріе всѣхъ партій къ моей миссіи. Къ сожалѣнію, такъ и было, и уже въ Ломъ-Паланкѣ, гдѣ

избѣжной борьбу съ Каульбарсомъ, и ее то чрезвычайно отважно велъ Стамбуловъ. Побѣда упрочила его положеніе. Князь избранъ; внѣшній порядокъ восстановленъ. Умри Стамбуловъ на другой день послѣ вѣзда князя въ Болгарію, его имя, хотя уже тогда не исполнѣнъ чистое, всетаки осталось бы славнымъ въ памяти народной. Но онъ не умеръ; вмѣсто того онъ обнаружилъ такія черты характера, которыя вполне естественны въ азіатѣ, но которыя не пригодны для европейскаго государственнаго дѣятеля,—а Болгаріи очень хочется быть европейскимъ государствомъ. Стамбуловъ же, какъ и другіе болгары его возраста, не забыли турецкихъ уроковъ. Онъ не могъ удовольствоваться одной славой побѣды; власть его опьяняла. Онъ жаждалъ прежде всего мести своимъ врагамъ, потомъ власти и власти, власти безконтрольной, чисто азіатской по характеру, и наконецъ—всѣхъ наслажденій власти. Началась дикая расправа съ противниками, въ которой жестокость соединилась съ чисто византійскимъ коварствомъ и лукавствомъ. Даже законъ объ амнистіи 24 декабря 1888 г. былъ редактированъ Стамбуловымъ такъ, чтобы актъ милосердія нисколько не стѣснялъ его произвола *). Бунты слѣдовали за бунтами, и сотни арестантовъ наполнили болгарскія тюрьмы; въ тюрьмахъ и участкахъ били арестантовъ, множество народа было сослано въ административномъ порядкѣ въ разныя захолустья. Для укрѣпленія власти нужно было слѣдить за противниками, — и Стамбуловъ сталъ вскрывать письма, развить шпионство. Суды обнаруживали нѣкоторую самостоятельность; Стамбуловъ рѣшительно прибралъ ихъ къ рукамъ. Въ парламентѣ поднимали голосъ противники Стамбуловщины, и выборы въ него были обращены въ комедію; за ними были прибраны къ рукамъ и органы мѣстнаго самоуправленія. Политика эта имѣла мало общаго съ юношескимъ радикализмомъ. Партія Стамбулова приняла кличку «народно-либеральной», но и она не соответствовала дѣйствительности. Укрѣпленіе центральной власти, ослабленіе мѣстной автономіи, громадныя траты на армію, неравномѣрное распредѣленіе податнаго бремени и, главное, полнѣйшій произволъ чиновниковъ, таковы были начала, проводимыя Стамбуловымъ. Въ концѣ 1893 г. онъ самъ, отвѣчая въ палатѣ депутатовъ на одинъ запросъ, такъ сформулировалъ принципъ своего управления: «когда я вижу, что по моему *внутреннему убѣжденію* требуется что нибудь сдѣлать для спасенія отечества, то я сдѣлаю это, хотя бы *вопреки запрещенію закона*». «Внутреннее убѣжденіе» такимъ образомъ было поставле-

я вступилъ на почву Болгаріи, мнѣ съ удивленіемъ и полнымъ недоумѣніемъ выражали неудовольствіе, что я не называю кандидата; а въ Софіи да сторонники Россіи отказывались мнѣ вѣрить, что я его не знаю, и не скрвали передо мною, что я хитрю съ какими-то затѣанными цѣлями».

*) «Амнистируются всѣ политическіе преступники, принимавшіе участіе въ событіяхъ отъ 9 Августа 1886 г. до Старо-Загорскаго включительно, и мнѣ инициаторовъ и главарей этихъ преступленій».

но выше конституціи, выше закона. А его «внутреннее убѣжденіе» подсказывало иногда ужасныя вещи. Совсѣмъ почти наканунѣ паденія (5 мая) въ «Свободѣ» появилась статья, если и не имѣ написанная, то такая, ответственность за которую несетъ вполне онъ. Вотъ, съ небольшими сокращеніями, что говорится въ этой статьѣ.

«Добрые друзья дадутъ добрые совѣты, а скажетъ ли кто-нибудь, что французы и русскіе плохіе друзья? Не можетъ быть, слѣдовательно, сомнѣнія, что совѣты, которые они даютъ другъ другу, вполне искренни и исходятъ отъ чистаго сердца. Слѣдовательно рецепты, препровождаемые изъ Петербурга для усиленія и укрѣпленія республики, не могутъ быть рецептами злоумышленными. Никто не отрицаетъ, что русская газета «Гражданинъ» имѣетъ тѣсныя связи съ русскимъ правительствомъ и выражаетъ его мнѣнія *); слѣдовательно (?) совѣты, преподаваемые этою газетою, исходятъ отъ русскаго правительства и являются искреннимъ выраженіемъ русскаго благожелательства къ Франціи. Они очень поучительны. Одинъ совѣтъ данъ по поводу случая, повторяющагося у насъ чуть не ежедневно: французскій депутатъ, социалистъ, пользуясь неприкосновенностью, взявъ на себя руководство стачечниками и попытался вызвать безпорядки, подобныя тѣмъ, которые наши депутаты хотѣли произвести въ Шумлѣ и Разградѣ. Правительство съ согласія палаты отдало его подъ судъ; «Гражданинъ», указывая на вызваннаго этимъ случаемъ волненія въ странѣ, даетъ такой совѣтъ республиканской Франціи: «Мы увѣрены, говоритъ газета, что единственное средство, которое можетъ налечь Францію отъ ея недуговъ, состоитъ въ возможности для правительства— совершить на законномъ основаніи хорошенькое кровопусканіе. Можетъ случай скоро представится, и Казиміръ Перье совершить большую ошибку, скажемъ больше, преступленіе противъ своего отечества, если онъ не воспользуется этимъ случаемъ; но нужно поступать энергически, безъ полумѣръ; если у него не хватитъ для этого мужества, пусть онъ откажется отъ власти. Незачѣмъ ходить за примѣрами, чтобы видѣть, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ въ извѣстныя минуты слабость и нерѣшительность правительственной власти **). «Мы не боимся, прибавляетъ «Свобода» уже отъ себя, названія реакціонеровъ, узурпаторовъ, ретроградовъ и признаемъ, что совѣтъ «Гражданина» есть совѣтъ истиннаго друга».

Далѣе «Свобода» доказываетъ, что именно въ *хорошенькомъ кровопусканіи* Болгарія всего болѣе нуждается. Русская печать и рус-

*) Это явно несправедливое мнѣніе, къ сожалѣнію, слишкомъ распространено за границей, чтобы его ставить на счетъ одной «Свободы».

**) Цитирую Гражданинъ по Свободѣ; весьма возможно повтому, что мой обратный переводъ съ болгарскаго нѣсколько отличается отъ подлинника. Это не важно, потому что теперь насъ интересуетъ не «Гражданинъ», преподающій Казиміру Перье спасительные совѣты, а Стамбуловъ со Свободой, къ нимъ внимательно прислушивающіеся.

ское правительство рекомендуют ей, по словам газеты Стамбулова, нечто какъ разъ противоположное. Но именно въ этомъ «Свобода» видитъ лучшее подтвержденіе своей мысли, такъ какъ Россія не другъ, а врагъ Болгаріи, и совѣтъ ей можетъ быть только злоумышленнымъ.

Ясно, что о какой бы то ни было опорѣ въ народѣ Стамбуловъ уже не мечталъ; статья «Свободы» убѣдительно доказываетъ, что самъ Стамбуловъ сознавалъ, что его правительство есть правительство деспотическое. Позднѣе, послѣ паденія, Стамбуловъ даже открыто указывалъ мнѣ на выгнанныхъ чиновниковъ, какъ на главные кадры своей арміи *).

Понятно, что онъ не вѣрилъ въ возможность побѣды на выборахъ, и, чтобы не переносить позора пораженія, онъ отказался отъ всякаго участія въ городскихъ и общинныхъ выборахъ, ссылаясь на правительственный терроръ. Но вѣдь самая возможность этого террора черезъ 1½ мѣсяца (выборы въ городскіе совѣты были въ концѣ іюня) послѣ его отставки говорила противъ него. Значитъ, онъ по меньшей мѣрѣ не счумѣлъ убить конституціонную дорогу княжества тѣми «римскими» камнями, какими онъ будто бы убилъ путь во вѣршней политикѣ. Что при такомъ положеніи человѣкъ, лишенный поддержки порядочныхъ людей и опирающійся только на честолюбцевъ и карьеристовъ, дѣлалъ роковыя ошибки, что онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывался въ собственныхъ сѣтяхъ, это совершенно понятно. Одною изъ многихъ второстепенныхъ по значенію, но въ высшей степени характерныхъ ошибокъ было, напр., запрещеніе, сдѣланное еще въ 1886 г., доступа въ Болгарію русскимъ газетамъ. Если бы болгарская публика сама могла читать статьи противъ Болгаріи «Гражданина», «Московскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», «Новостей» и др. русскихъ газетъ, то она нашла бы въ нихъ подтвержденіе заявленіямъ болгарской оффиціозной печати, будто все русское общество ненавидитъ болгаръ и желаетъ подчинить ихъ русскому владычеству **). Но Стамбуловъ не въ состояніи выносить критики, особенно такой озлобленной и часто несправедливой, какую онъ находилъ въ русскихъ

*) Стамбуловъ, кромѣ чиновниковъ, указывалъ на 12,000 членовъ разогнанныхъ общинныхъ и городскихъ совѣтовъ. Не говоря уже о томъ, что 12,000 потонуть въ 3 миллионномъ народѣ, нельзя забывать, что эти люди, какъ неполучающіе жалованья, не зависятъ отъ правительства и матеріально не страдаютъ отъ роспуска городского совѣта. Если даже половина депутатовъ готова была перейти на сторону новаго правительства, то члены общинныхъ совѣтовъ, какъ люди, кругъ вѣдѣнія которыхъ не касается непосредственно съ высшей политикой, всегда могли быть избраны вновь и оказаться уже врагами Стамбулова.

**) Съ другой стороны, если бы болгарскія газеты были допущены въ Россію, то нѣсколько №№ «Свободы» могли бы радикально напечатать ту часть нашей публики, которая смотрѣла на Стамбулова, какъ на демократа и защитника народной свободы.

газетахъ, и онъ принимаетъ мѣру, противорѣчащую конституціи, но удовлетворяющую его автократическимъ замашкамъ.

Изъ моего разговора съ нимъ читатель могъ уже видѣть, какъ упивался Стамбуловъ своею властью, какъ высоко цѣнилъ онъ свои достоинства, какъ грубо ими хвастался въ разговорахъ съ глазу на глазъ, и даже въ печати. Послѣ 18 мая «Свобода», органъ, редактируемый лично Петковымъ и Стамбуловымъ, въ которомъ послѣдній принималъ и принимаетъ самое горячее, непосредственное участіе, пѣла хвалебные гимны павшему властелину, переходя иногда всѣ границы приличія. Я приведу отрывокъ одной изъ многихъ подобныхъ статей, не лишенной силы и остроумія, можетъ быть вылившейся изъ подъ пера самого Стамбулова. Она написана въ формѣ страстнаго обращенія къ врагамъ и указываетъ на дѣйствительно неловкое положеніе, въ какое они попали, желая—какъ это и подобаетъ въ конституціонномъ государствѣ,—взвалить всю отвѣтственность на перваго министра, освободивъ отъ нея князя, хотя въ Болгаріи ни для кого не тайна, что князь и Стамбуловъ были одно. Въ свою очередь и стамбулисты не замѣчаютъ, что ихъ нападки на новый кабинетъ рикошетомъ, но очень сильно задѣваютъ князя, котораго первое время Стамбуловъ хотѣлъ щадить *). Вотъ эта статья.

«Кричать: вырвать съ корнемъ стамбуловщину!» Возможно ли это?. Въ глазахъ Россіи преступники: князь и Стамбуловъ. (Въ подтвержденіе приводятся выдержки изъ «Новостей» и «Гражданина»). Въ глазахъ вашихъ, ея агентовъ, (т. е. новаго правительства),—преступникъ, тиранъ и злодѣй—одинъ Стамбуловъ, ибо вы мошенники **), и вы боитесь говорить о князѣ.

Хорошо, мы принимаемъ обвиненіе.

Тиранъ, злодѣй и преступникъ Стамбуловъ... потому что въ 1886 г., когда вы совершили предательство по отношенію къ князю Александру и соединились, какъ и нынче, въ одинъ кабинетъ,—Стамбуловъ возсталъ противъ предательства и принудилъ васъ отказаться отъ власти.

Тиранъ, злодѣй и преступникъ Стамбуловъ, потому что онъ не склонился на предложеніе Каульбарса—предать Болгарію въ руки, а воспротивился и отстоялъ независимость Болгаріи.

Тиранъ, злодѣй и преступникъ Стамбуловъ, потому что не побоялся военныхъ бунтовъ..., а приказалъ разстрѣлять (виновныхъ) и охранилъ порядокъ.

Тиранъ, злодѣй и преступникъ Стамбуловъ, потому что, защи-

*) Конечно, и то и другое объясняется тѣмъ, что конституціонная идея безответственности князя не усвоена еще болгарскимъ обществомъ. Всего же меньше усвоена она самимъ княземъ.

**) Façon de parler болгарской печати.

тивъ Болгарію, избралъ владѣтелемъ страны нынѣ царствующаго князя Фердинанда.

.....

Великій тиранъ, злодѣй и преступникъ Стамбуловъ, потому что, чтобы утвердить князя на престолѣ и создать болгарскую династію, онъ, не обращая вниманія на ропотъ духовенства, на недовольство собственныхъ сторонниковъ, рѣшился измѣнить 38 ст. Конституціи (о религіи наслѣдника престола) и облегчилъ тѣмъ женитьбу князя, чтобы Болгарія могла гордиться благородною княгинею изъ знаменитаго царскаго рода и наслѣдникомъ престола.

Великій тиранъ, злодѣй и преступникъ Стамбуловъ, потому что со свойственной ему энергіей и умѣньемъ склонилъ Его Величество Султана даровать Македоніи дважды по два владыки и признать въ ней болгарскія училища на равныхъ правахъ съ греческими.

А величайшій тиранъ, злодѣй и преступникъ Стамбуловъ, потому что 8 лѣтъ съ рискомъ для жизни охраняетъ Болгарію, потому что укрѣпилъ династію и дѣлхъ 8 лѣтъ стоитъ у власти. Вотъ его грѣхъ.

.....

Попробуйте истребить его... Выведите Стамбулова на Александровскую площадь и обезглавьте его... Но истребите ли вы этимъ стамбуловщину съ корнемъ? Нѣтъ... Стамбуловъ сохранилъ Болгарію; князь принялъ корону изъ его рукъ...»

Чтобы истребить стамбуловщину, нужно начать съ нихъ, съ болгарской независимости и князя. Таковъ смыслъ статьи, таковы тѣ заслуги, какими хвалится павшій властелинъ. Онъ спасъ Болгарію, онъ разстрѣлялъ заговорщиковъ (этотъ подвигъ идетъ въ рядъ съ другими), онъ избралъ князя. А народное собраніе причемъ же? Или и его избралъ Стамбуловъ? Это похоже на правду... Онъ, наконецъ, создалъ династію и наслѣдника престола. «Неужели и это онъ сдѣлалъ, а княгиня Марія Луиза тутъ не причемъ?» говорилъ одинъ русскій, прочитавъ статью «Свободы». Все дѣлалъ самъ Стамбуловъ: дѣлаться лаврами онъ не любилъ даже съ ближайшими товарищами. Побѣда въ Македонскомъ вопросѣ была одержана, конечно, не безъ участія министра иностранныхъ дѣлъ; но объ заслугахъ Грекова не упоминалось въ стамбуловской печати, и толпа народа на митингъ по этому поводу, руководимая изъ-за кулисъ Стамбуловымъ, устроила овацію ему, князю, турецкому агенту, но обошла Грекова. Что такое для Стамбулова былъ Грековъ? Товарищъ, союзникъ? Стамбуловъ ими не стѣснялся.

Но власть Стамбулову была нужна не только ради нея самъ, не только ради удовлетворенія властолюбія и тщеславія. Онъ любилъ власть ради тѣхъ наслажденій, какія приноситъ она съ собою. Онъ откровенно сознался мнѣ въ своей любви къ романтическимъ похождениямъ, стараясь очистить себя отъ обвиненія въ нихъ отъ брака.

Между тѣмъ болгарская литература полна разсказами о его дѣяніяхъ, къ которымъ совершенно не подходитъ наименованіе романическихъ похожденій. Изнасилованія, совершаемыя при помощи полиціи,—вотъ ихъ содержаніе. Трудно, конечно, доискаться, что истина и что ложь въ этихъ обвиненіяхъ *), но трудно также сомнѣваться, что доля правды, и не ничтожная, въ нихъ есть. Саввовская исторія,—несомнѣнно достоверная, служить подтвержденіемъ.

Исторію эту въ полномъ видѣ передать на страницахъ русскаго журнала невозможно (интересующійся найдетъ ее въ «Свободѣ», «Свободномъ Словѣ», «Борбѣ» и др. болгарскихъ газетахъ за апрѣль—іюнь 1894 г.), да и не зачѣмъ; но обойти ее молчаніемъ тоже нельзя, такъ какъ она послужила, если не причиной паденія Стамбулова, то послѣднимъ толчкомъ, его свалившимъ. Сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ.

Полковникъ Саввовъ, замѣнившій въ стамбуловскомъ кабинетѣ въ концѣ 1890 г. заболѣвшаго (и вскорѣ затѣмъ умершаго) военнаго министра, генерала Муткурова, считался однимъ изъ преданнѣйшихъ союзниковъ своего шефа. Это не помѣшало послѣднему начать интригу съ его женой, въ то время, когда Славковъ, министръ земледѣлія и торговли, велъ такую же интригу съ ея сестрой, г-жей Матровой. Въ одинъ весенній день г-жи Саввова и Матрова были приглашены двумя министрами на загородную прогулку... До сихъ поръ подобныя приключенія сходили Стамбулову съ рукъ. Можно было ожидать, что то же будетъ и теперь, тѣмъ болѣе, что Саввовъ уже нѣсколько разъ былъ бы убитъ, если бы каждое подобное приключеніе вело къ дуэли. Онъ самъ женился нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишь вслѣдствіе скандала, грозившаго ему въ противномъ случаѣ удаленіемъ изъ полка; съ женою онъ жилъ очень неладно, но до дуэли дѣло не доходило. На этотъ разъ, показалась ли ему обида, нанесенная товарищемъ, особенно тяжелой, или онъ рассчитывалъ воспользоваться скандаломъ для какихъ-нибудь политическихъ цѣлей (послѣднее вѣроятнѣе), только онъ вышелъ изъ себя. Онъ пригласилъ нѣсколькихъ друзей, которые сняли допросъ съ обѣихъ женщинъ, составили протоколъ, подписались подъ нимъ и заставили подписаться г-жѣ Саввову и Матрову (протоколъ опубликованъ въ газетѣ «Ворба» № 11). Несмотря на полуофициаль-

*) Своимъ развратомъ онъ запятналъ нашу чистую (?) патриархальную жизнь; онъ лишилъ невинности 83 невинныхъ болгарскихъ дѣвушки при помощи софійской полиціи, говоритъ газета «Ворба» (№ 9). Статья читалась всѣми тѣмъ съ большимъ восторгомъ и меньшей критикой, что № газеты съ нею, вышедшій еще при Стамбуловѣ, былъ конфискованъ, хотя законъ опечати и не допускаетъ предварительной конфискации. Цифра 83 дѣвушки была у всѣхъ на устахъ. Снептикамъ, выразившимъ сомнѣніе въ точности статистическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ добыта цифра 83, возражали, что она относится лишь къ тѣмъ дѣвушкамъ, о которыхъ редакція удалось собрать точныя свѣдѣнія; истинное число ихъ гораздо больше. Газета объ этомъ, впрочемъ, не упоминаетъ.

ный характеръ этого документа, въ немъ есть вещи, возбуждающія крайнее сомнѣнiе. Такъ, пострадавшiя женщины заявили, будто онѣ были изнасилованы Стамбуловымъ и Славковымъ (въ чемъ врядъ ли была нужда), притомъ обставили этотъ фактъ такими подробностями, которыя не допустимы въ русской печати. Саввовъ съ документомъ въ рукахъ потребовалъ дуэли. Выбранные имъ секунданты испугались послѣдствiй своей мисси и перебѣжали на сторону Стамбулова; Саввовъ выбралъ другихъ. Стамбуловъ обрадовался тому, что въ ихъ числѣ былъ «его личный врагъ» (Радо-славовъ), и на этомъ основанiи его секунданты (въ числѣ которыхъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Грековъ) отказались вести съ ними переговоры. Въ теченiи нѣсколькихъ дней обѣ стороны обмѣнялись множествомъ писемъ. (Всѣ они опубликованы въ «Свободѣ» № 1372 и «Свободномъ Словѣ» № 9) Клеветы, инсинуаціи, мелкая злоба наполняютъ эти письма, и трудно сказать, кто изъ противниковъ велъ себя гаже въ этой исторiи. Несомнѣнно только одно: Стамбуловъ употребилъ всѣ усилiя, чтобы избѣжать дуэли. Врядъ ли, впрочемъ, и Саввовъ особенно стремился къ ней, по крайней мѣрѣ его просьба о заграничномъ паспортѣ, помѣченная 16 апрѣля (т. е. днемъ, когда еще тянулись переговоры о дуэли) и письмо его къ князю отъ того же числа не обнаруживаютъ твердости духа. Вотъ роковое письмо къ князю:

«Ваше Царское Высочество *). Я пострадалъ за одно дѣло, въ которомъ только будущее покажетъ, кто правъ, кто виноватъ. Въ этихъ тяжкихъ для меня обстоятельствахъ я прошу защитить и обезпечить мою жизнь, необходимую для моего единственнаго ребенка. Вашего Царскаго Высочества вѣрноподданный М. Саввовъ».

Дуэль не состоялась, и Саввову пришлось подать въ отставку. Вмѣстѣ съ нимъ подалъ и Стамбуловъ со всѣмъ кабинетомъ. Князь принялъ отставку Саввова и назначилъ вмѣсто него полковника Петрова. Это былъ сильный ударъ для Стамбулова, потому что Петровъ былъ его врагъ. Стамбуловъ долженъ былъ понять, что при такихъ условiяхъ онъ не удержится долго, что это назначенiе знаменуетъ разрывъ съ княземъ; ему слѣдовало или настаивать на отставкѣ, или не допускать Петрова въ кабинетъ, но онъ такъ дѣйствовалъ за власть, что согласился на все. Это его и погубило.

Онъ быстро шелъ по наклонной плоскости. Когда онъ опубликовалъ послѣднее письмо Саввова, котораго не было въ распоряженiи оппозиционной печати, послѣдняя замѣтила странность этого факта. Откуда Стамбуловъ досталъ письмо? Не могъ же князь сказать его ему, рассуждала печать. Очевидно, оно или сфальсифицировано, или вскрыто на почтѣ. Стамбуловъ тутъ только замѣтилъ, какую оплошность онъ сдѣлалъ, но было поздно. Какъ гов-

*) Этотъ титулъ присвоенъ князю на основанiи статьи 6 Конституціи стамбуловской редакціи (т. е. послѣ пересмотра ея въ 1893 г.)

рять, возбѣщенный князь, бывшій въ это время за границей, послалъ своему министру телеграмму: «C'est une infamie». Стамбулову оставалось только вновь подать въ отставку, пріемъ, къ которому онъ, подобно Бисмарку, прибѣгалъ многократно и который дондѣсь всегда увѣнчивался успѣхомъ. На этотъ разъ князь, къ удивленію Стамбулова, ее принялъ, а затѣмъ событія 18 мая сдѣлали невыслышимымъ возвращеніе его къ власти.

Романическихъ похощеній Стамбулову было мало. Власть ему была нужна еще и для другой цѣли: для наживы, такъ какъ жадность, развитая въ болгарахъ турецкими грабежами, была однимъ изъ многихъ стимуловъ, опредѣлившихъ его экономическую и въ особенности финансовую политику.

Какой экономической политики держался Стамбуловъ? Въ Россіи многіе убѣждены или по крайней мѣрѣ еще недавно были убѣждены, что Стамбуловъ при всѣхъ своихъ деспотическихъ наклонностяхъ и деспотическихъ приѣмахъ былъ искреннимъ защитникомъ національной независимости и убѣжденнымъ демократомъ, хотя можетъ быть и своеобразнымъ, воспитаннымъ въ турецкой школѣ и выросшимъ на почвѣ общаго безправія. Въ то время, когда руссофильская партія опиралась на высшіе классы, или лучше сказать, когда Россія, стремясь подчинить Болгарію своему вліянію, искала опоры въ ея высшихъ классахъ, которые и выдвинули руссофильскую партію, въ то время Стамбуловъ, сторонникъ принципа: «Болгарія для болгаръ», искалъ и находилъ поддержку именно въ низшихъ классахъ болгарскаго народа. Я не стану разбирать здѣсь общій вопросъ: возможно-ли въ концѣ XIX вѣка сочетаніе грубаго азіатскаго деспотизма съ демократическими идеалами равенства, возможна-ли борьба за благо народа посредствомъ подчиненія этого народа произволу полиціи, тюрьмы, административной ссылки, стѣсненія печати и права общественныхъ собраній, хотя бы ими пользовались преимущественно враги демократіи. Я скажу только, что этотъ взглядъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Стамбулисты указываютъ на нѣкоторыя второстепенныя экономическія мѣропріятія, направленные къ подъему благосостоянія страны, которыя они вмѣняютъ въ заслугу своему правительству. Чтобы выяснитъ себѣ идеалы, которыми оно пріятномъ руководствовалось, я отправился къ стамбуловскому министру земледѣлія и торговли Славкову (одному изъ героевъ саввовской исторіи) и... былъ приведенъ въ крайнее изумленіе. Чтобы скрыть свое невѣжество въ вопросахъ объ экономическомъ положеніи родины, министръ позвалъ на помощь своего главнаго секретаря, который оказался и болѣе умнымъ, и болѣе знающимъ, чѣмъ его шефъ. Но и онъ помогать плохо: оказывалось, что въ министерствѣ нѣтъ свѣдѣній ни о формахъ землевладѣнія, господствующихъ въ Болгаріи,

ни о родѣ занятій жителей, ни о размѣрахъ производства, ни о степени задолженности населенія; оказалось, что даже тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются на этотъ счетъ въ весьма и весьма скудной болгарской экономической литературѣ, неизвѣстны министру. Кое-какіе обрывки свѣдѣній объ иностранной торговлѣ—вотъ и все, что могъ сообщить имъ министръ. За всѣмъ тѣмъ министерство пребывало въ пріятномъ убѣжденіи, что произведенное имъ распространение виноградныхъ лозъ, шелковичныхъ червей и т. п. быстро поднимаетъ благосостояніе населенія, что устроенныя правительствомъ земледѣльческія кассы въ Болгаріи вполнѣ удовлетворяютъ потребности населенія въ кредитѣ, и что, если оно не особенно охотно прибѣгаетъ къ помощи этихъ кассъ, то только «по нелюбви къ формальностямъ». За всѣмъ тѣмъ Болгарія благоденствуетъ: это страна крестьянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ совсѣмъ нѣтъ, пролетаріевъ тоже; у cadaго мужика есть своя кубышка съ двумя-тремя наполеондорами.

Въ послѣднее время завелись въ Болгаріи, правда, социалисты, но только потому, что молодежь ѣздитъ учиться за границу и читать иностранныя книжки.

Дѣйствительность, конечно, имѣетъ мало сходнаго съ идиллической картиной, нарисованной министромъ. Страною мелкихъ землевладѣльцевъ Болгарія можетъ быть названа съ очень существенной оговоркой.

Дѣло въ томъ, что мелкіе землевладѣльцы всѣ давно запутались въ долгахъ. Въ Варненскомъ округѣ напр. на 1 гектаръ крестьянской земли приходилось уже 4 года тому назадъ 4 съ лишнимъ франка долга въ земледѣльческія кассы и въ банки *). Но брать деньги изъ этихъ учреждений крестьянинъ можетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ: они требуютъ—не «формальностей», конечно, а поручителей, или залогъ, и земледѣльческія кассы, основанныя не Стамбуловымъ, а еще кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ во время русской оккупации, несмотря на демократическія тенденціи, ясно сказывавшіяся въ уставѣ **), ничего не дѣлаютъ, чтобы облегчить народу пользованіе ими. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, берутъ деньги изъ этихъ кассъ люди болѣе богатые и пускаютъ ихъ въ ростъ. Ростовщическій процентъ равняется 60, 80, 100 и болѣе въ годъ, и всего болѣе крестьянамъ приходится пользоваться кредитомъ этого рода. Между тѣмъ, цѣна гектара земли въ томъ же округѣ при покупкѣ чифликами (большими помѣстьями) опускается до 6 фр. за гектаръ и ниже ***). Изъ этого ясно видно, что земельная собствен-

*) П. Габе. По земледѣльческімъ вопросамъ. Руссе, 1890, стр. 12.

**) См. уставъ на земледѣльческія кассы. Софія, 1884, стр. 2, 3, 1 др. Кассыры избираются сельскимъ населеніемъ, которое имѣетъ и ближайшій контроль надъ ними.

***) Окружный управитель Варненскаго округа въ своемъ докладѣ 18 1891 г. опредѣляетъ цѣну пахотной земли въ равныхъ околіяхъ: I кач-

ность для большинства населенія въ указанномъ округѣ,—не составляющемъ въ Болгаріи исключенія, — чисто фиветивная, что стоитъ банкамъ предъявить долговныя обязательства ко взысканію, и они окажутся владѣльцами доброй половины крестьянскихъ земель; другую же половину могли бы прибрать къ рукамъ ростовщиаки, если бы... знали, что съ ней дѣлать *).

На уплату процентовъ по займамъ уходитъ такимъ образомъ вся рента; остальной же заработокъ крайне ничтоженъ. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Болгаріи, Гешовъ (нынѣшній министръ финансовъ), принимаетъ средній ежегодный доходъ болгарина въ 250 фр., тогда какъ по приводимымъ имъ даннымъ Мельголла даже въ Италіи приходится на душу въ годъ 268, въ Португаліи 278, въ разоренной и обанкрутившейся Греціи 295 фр. **). Конечно, подобные расчеты никогда не отличаются особенной точностью, но и изъ вышеприведенныхъ, болѣе точныхъ данныхъ видно, что говорить о скрытыхъ въ крестьянскихъ кубышкахъ наполеондорахъ не приходится.

Однако, виновно-ли въ этомъ правительство? А если да, то падеетъ-ли большая отвѣтственность на правительство Стамбулова, чѣмъ на его предшественниковъ? Несомнѣнно, что ни одно изъ существовавшихъ донынѣ правительствъ не обратило достаточнаго вниманія на экономическіе вопросы; несомнѣнно, что всѣ они, будучи представителями одного высшаго класса, предпочитали заниматься мелкой борьбой личностей и группъ, но тѣмъ не менѣе, столь же несомнѣнно, что ни одно изъ нихъ не сдѣлало для разоренія Болгаріи столько, сколько послѣднее.

Вотъ цифры, ярко характеризующія направленіе экономической политики болгарскаго правительства. Въ Варненскомъ округѣ въ 1889 году прямыхъ податей приходилось на

чиновника	3 фр. 41 с.	} въ сред. немъ 10 фр. 74 с.
лицо свободныхъ профессій	10 > 87 >	
ремесленника	12 > 23 >	
торговца	23 > 56 >	
крестьянина	68 > 68 с. ***)	

отъ 3 фр. 52 до 11 фр. 24 с. (это среднія цѣны, maximum и minimum колеблется между 2 фр. и 19), II качество отъ 2,85 до 10,46, III качество отъ 1,85 (minimum доходитъ до 1 фр.) и 9,53.

«Изложеніе за состояніе то на Варненско окружіе прѣвъ 1890—1891», с. 12.

*) См. Габе. Кредитъ и Лихварство. Добричъ, 1892 г. Онъ же. По зем-
лѣдѣльчески въпросъ.— Караджовъ, Лихварство въ България. В. Минцесъ
экономическо состояние по България на докладитъ на управители. Български,
вгледъ. 1894, № 9.

**) Гешовъ. Богатство на България. Мисль, 1893, № 2, стр. 524.

**) Габе, Землед. въпросъ, 17 — 16. Для болѣе удобнаго сравненія съ
слѣдующими цифрами, я измѣнилъ расчеты Габе въ томъ отноше-
нн что взялъ только государственныя подати, тогда какъ онъ принимаетъ

Отношеніе этихъ цифръ съ теченіемъ времени не измѣнилось къ лучшему. Въ 1893 г. на чиновника, ремесленника, торговца и т. д. приходилось въ среднемъ 13 фр. 42 с., а на cadaго пилельщика податей въ среднемъ (т. е. вводя въ расчетъ и этихъ лицъ, и крестьянъ) 75 фр. 14 с. *).

Не трудно догадаться, къ чему ведетъ такая политика. Всѣ заботы объ улучшеніи шелководства и т. п. вещей остаются безплодными; недоимки быстро накапливаются, продажа крестьянскихъ имуществъ съ торговъ за недоимки дѣлается все чаще, количество дворовъ, вовсе не имѣющихъ скота, увеличивается. А въ то же время богатство отдѣльныхъ лицъ растетъ. Проходя по широкимъ и чистымъ, хотя и пыльнымъ улицамъ, по огромнымъ площадямъ Софіи, въ центральныхъ своихъ частяхъ уже принявшей, благодаря хозяйничанью бывшаго стамбуловскаго кмета столицы, Петкова, вполне европейскій видъ, путешественникъ легко замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи Болгарія быстро прогрессируетъ. Онъ видитъ рядъ прекрасныхъ каменныхъ домовъ, которые растутъ въ Софіи, какъ грибы. На каждомъ шагу встрѣчаются еще пустыри, но на нихъ уже свезены по большей части кирпичи, и звуки молота свидѣтельствуютъ о лихорадочной работѣ по застройкѣ города. Нижние этажи домовъ заняты по большей части шикарными магазинами, банкирскими конторами. Нерѣдко встрѣчаются вывѣски: придворная сладкарница (кондитерская), придворный кроячъ (портной) и т. д., свидѣтельствующія, что, подражая европейскимъ монархамъ, болгарскій князь не упускаетъ случая поддержать привилегированную торговлю и роскошь. Правительству чрезвычайно хотѣлось бы насадить у себя въ странѣ крупную обрабатывающую промышленность, но давленіе Австріи, не позволяющей поднять таможенныя пошлины выше еще давно установленной въ Турціи нормы (8%⁰

во вниманіе и мѣстные налоги. Введеніе ихъ въ расчетъ не измѣняетъ вывода, такъ какъ они находятся въ постоянныхъ отношеніяхъ къ государственнымъ расходамъ. Выводъ могъ бы измѣниться, если бы принять во вниманіе косвенные налоги (что врядъ ли возможно), но конечно не въ пользу крестьянъ.

*) См. официальный отчетъ оруженнаго управителя: «за состояніе на Варненско округѣ грѣвъ. 1892 — 1893», стр. 84 — 85. По отчету за этотъ годъ оказалось невозможнымъ точно вычислить размѣръ податей, платимыхъ крестьянами въ отдѣльности; принимая во вниманіе весьма большой % не крестьянскаго населенія въ этомъ округѣ, приходится сказать, что на крестьянскаго плательщика податей приходится во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ 85 фр., т. е. ростъ обложенія крестьянъ совершается быстрее или не менее быстро, чѣмъ остальнаго населенія. Варненскій округъ ввать для разска мною потому, что общихъ цифръ для всей Болгаріи я не имѣю, а изъ гдѣльныхъ округовъ Варненскій удобнѣе, ибо официальные отчеты по этому округу принадлежатъ къ числу лучшихъ. Вѣроятно по этой же причинѣ за данныхъ, относящихся къ этому округу, строить свои выводы и Габсбургъ. (Впрочемъ, причиною этого могло быть и то, что Габсбургъ постоянный жмткъ этого округа).

ад valorem), мѣшаетъ прибѣгнуть къ наиболее удобному для этой цѣли средству *). Приходится продовольствоваться болѣе примитивными способами покровительства: субсидіями; и ихъ Стамбуловъ раздавалъ довольно охотно, тѣмъ болѣе, что они, создавая съ одной стороны лишняго сторонника, съ другой стороны даютъ возможность поживиться.

Въ ряду экономическихъ мѣропріятій послѣдняго времени видное мѣсто занимаетъ переводъ старинной подати десятка (десятины), взимавшагося до тѣхъ поръ съ произведеній полей, изъ натуральной повинности въ денежную. Насколько я знаю, заявленія окружныхъ управителей въ ихъ докладахъ, что народъ «съ восторгомъ» встрѣтилъ эту мѣру, довольно близки къ истинѣ, если не считать небольшого преувеличенія, свойственнаго чиновникамъ, когда они гласно говорятъ о своемъ начальствѣ. Тяжелая натуральная повинность, да еще при централизованномъ въ рукахъ министерства финансовъ способѣ взиманія, уже не соотвѣтствовала тому переходному состоянію изъ натуральной въ денежную систему хозяйства, въ какомъ находится Болгарія. Бывало, что сжатые снопы хлѣба должны были гнить подъ дождемъ, пока чиновникъ министерства финансовъ пріѣдетъ, провѣритъ размѣръ жатвы и опредѣлитъ размѣры десятка; нерѣдко приходилось прибѣгать и къ бакшишу, чтобы ускорить этотъ желанный пріѣздъ сборщика податей. Ненормальное положеніе почувствовалось тотчасъ послѣ освобожденія, которое и знаменовало вовлеченіе Болгаріи въ сферу мирового денежнаго обращенія; въ началѣ 1880 годовъ началось переложеніе натуральныхъ повинностей въ денежные; тогда же былъ переложень и десятокъ, но въ 1888 г. (законъ 18 декабря) Стамбуловъ почему то счелъ нужнымъ вернуться къ старой формѣ взисканія налога. Опытъ оказался неудачнымъ, и вновь совершился (законъ 15 декабря 1892 г.) обратный переходъ къ денежной системѣ. Размѣръ налога опредѣленъ по средней стоимости десятка, уплаченнаго въ 4 послѣднихъ года, уменьшеннаго 15 процентами. Тѣмъ не менѣе тяжесть налога очень и очень чувствуется народомъ, и потому нерѣдко на народныхъ митингахъ выдвигается требованіе отмены или уменьшенія этого налога и введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, о которомъ до сихъ поръ не думало ни одно правительство, и даже ни одна значительная партія Болгаріи **).

*) Въ послѣднее время сдѣланы нѣкоторыя робкія попытки въ этомъ направленіи, но, несмотря на всю умѣренность вводимыхъ увеличеній пошлинъ, онѣ вызвали такое раздраженіе въ Австріи, что трудно ожидать, чтобы тѣ увеличались успѣхомъ.

**) См. отчетъ о многолюдномъ крестьянскомъ митингѣ 22 ноября 1894 г. въ Поповѣ (находящемся въ радикальномъ Разградскомъ округѣ) въ газетѣ «наме» 1894 г. № 28. Каравеловъ говорилъ мнѣ, что требованіе подоходнаго налога, включенное образовывавшейся тогда (іюнь 1894), но не образовавшейся радикальной партіей въ свою программу, студенты, сочинявшіе программу, просто списали съ западно-европейскихъ программъ, что въ Болгаріи

Параллельно съ паденіемъ народнаго благосостоянія, шло ухудшеніе финансовъ Болгаріи. Официально въ бюджетахъ доходы довольно благополучно сводились съ расходами; курсъ болгарскихъ бумагъ не предвѣщалъ ничего особенно дурнаго, и только ростъ податныхъ тягостей и государственнаго долга въ связи съ поразительно быстрымъ ростомъ государственнаго бюджета говорилъ о ненормальномъ положеніи дѣлъ. Въ 1886 г., (первый годъ послѣ объединенія Болгаріи) бюджетъ объединеннаго княжества равнялся 47 мил. франковъ; по росписи 1894 г. онъ былъ возвышенъ уже до 102 мил., въ дѣйствительности онъ значительно превысилъ эту норму. Государственнаго долга до 1885 не было ни копейки, если не считать оккупационнаго долга Россіи *). Соединеніе съ В. Румеліей повело за собой увеличеніе долга: Болгаріи пришлось взять на себя, во-первыхъ, уплату румелійской дани Турціи (около 3 мил. ежегодно), во-вторыхъ долги В. Румеліи въ размѣрѣ 6,3 мил. Черезъ короткое время послѣдовалъ 6⁰/₀-ный заемъ, произведенный уже самимъ болгарскимъ правительствомъ для выкупа Русукуъ—Варненской жел. дор. въ размѣрѣ 46 мил., затѣмъ другіе, и къ концу 1889 г. общая сумма долговъ, если въ нихъ число включить дань и нѣкоторые другіе платежи, капитализированные изъ 6⁰/₀, равнялась 175 мил. франковъ. Затѣмъ при Стамбуловѣ ростъ долговъ сдѣлался особенно быстрымъ. Въ 1892 г. былъ вѣтированъ Народнымъ Собраніемъ громаднѣйшій 6⁰/₀-ный ипотечный заемъ въ 142 мил., назначенный на постройку двухъ портовъ (Бургаса и Варны) и желѣзной дороги чрезъ всю сѣверную Болгарію **), долженствовавшей соединить правительственную столицу Болгаріи съ исторической (Софію и Тырново). Заемъ выпущенъ по курсу отъ 83¹/₂, до 89 за 100 при посредствѣ Вѣнскаго Länderbank'a. Изъ всей суммы займа во время Стамбулова была получена лишь часть его на номинальную сумму въ 52 мил., остальное же должно быть выплачено Länderbank'омъ болгарскому правительству по частямъ въ теченіи 1895—1898 г. ***). Несмотря на это, уже по бюджету 1894 г. ассигновано

при отсутствіи рѣзкихъ классовыхъ разлчій цѣль уравнительности налоговъ достигается другими способами. Мнѣніе Каравадова опровергается фактомъ требованія этого налога со стороны населенія, а также цифрами, ясно свидѣтельствующими, что объ уравнительности налоговъ въ Болгаріи пока говорить не приходится.

*) Долгъ этотъ, принятый на себя болгарскимъ правительствомъ въ 1883 г. въ вознагражденіе за издержки русскаго правительства въ періодъ оккупации, исчисленъ въ 10.018.250 кредитныхъ руб. и уплачивается ежег. по 800000 руб. золотомъ по курсу кредитныхъ рубл., долгъ безпроценти ъ. Выплачивается онъ однако крайне неаккуратно, всегда подъ спеціальнѣе давленіемъ Россіи. Въ теченіи 1886—88 г. онъ не выплачивался вовсе, а значенныя на уплату суммы вносились въ отчеты объ исполненіи росписи какъ экономія.

***) Линія Кюстендиль—Софія—Тырново—Шумла—Каспичанъ.

***) Всего вмѣсто номинальной суммы въ 142,78 мил. Болгарія дол. получить 125 мил. такъ что ¹/₀, который она будетъ уплачивать на дѣйс. и-

на уплату % и погашеніе свыше 17 мил., другими словами, долгъ дошелъ уже почти 270 мил. *). Когда весь заемъ 1892 г. будетъ реализованъ, долгъ (предполагая даже, что новыхъ займовъ сдѣлано не будетъ) будетъ далеко превышать сумму въ 350 мил. фр. и 0% по нему будетъ требовать около 25 мил. ежегодно, т. е. приблизительно 1/4 бюджета. Тогда молодое княжество догонитъ и даже перегонитъ многія старыя государства Европы, и заслуга въ этомъ будетъ принадлежать въ значительной степени Стамбулову. «Свобода» съ гордостью указывала на кредитъ, которымъ пользуется Болгарія за границей. Но кредитъ этотъ покупается дорогой цѣной: не говоря уже невыгодномъ курсѣ и высокомъ процентѣ, иностранные банки требуютъ реального обезпеченія. Заемъ 1892 г. обезпеченъ первой ипотекой на одну уже существующую жел. дорогу (Русчукъ-Варна), на другую, имѣющую быть построенной, и на два проектированныхъ порта. «Если болгарское правительство, говорится въ контрактѣ **), не уплатитъ процентовъ или погашенія въ теченіе 6 мѣсяцевъ послѣ срока, то собственники облигацій имѣютъ власть и право взять въ свои руки эксплуатацію желѣзнодорожныхъ линій и портовъ, на которые наложена ипотека... А черезъ два года неуплаты имѣютъ право продать названныя линіи».

Но у Стамбулова въ этой области есть еще одна заслуга. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ государственный долгъ растетъ; нѣкоторыя государства дошли даже до государственнаго банкротства или находятся наканунѣ его. Болгарія не дошла еще до такого состоянія, хотя Стамбуловъ старательно направлялъ ее по этому пути. Но за то Болгарія единственная, кажется, страна въ Европѣ

тально полученую сумму послѣ 1898 г., вмѣстѣ съ 1% погашенія будетъ равняться 7,85%. Въ первые годы этотъ % будетъ больше (онъ будетъ значительно болѣе 10%), ибо по ростовщическому обычаю проценты вычитаются впередъ при выдачѣ заемной суммы кредиторомъ: Landerbank долженъ былъ внести первый взносъ (12 мил.) по особенно невыгодному курсу (83,5) въ декабрѣ 1892 г., а 2 янв. 1893 г., т. е. всего черезъ мѣсяцъ, болгарское правительство должно было уже уплачивать на него проценты, июля того же года, т. е. черезъ 1/2 года послѣдовалъ уже полугодичный тиражъ облигацій, на сумму, равняющуюся въ годъ 1% вличной суммы долга. Всѣ свои взносы Landerbank дѣлаетъ въ декабрѣ, 2 января уплачиваются уже проценты.

*) Сарафовъ. Бюджетнѣ на княжества България прѣвъ десятилѣтіе то 1879—1888. Български Прегледъ, 1893—1894, №№ 2, 3, 4, 6, 7, 9. См. ст. И. Гешева «Наший расходенъ бюджетъ», перепечатанную въ журналѣ «Прогрессъ», 1894, № 23—24 съ добавленіями редакціи. Последняя статья, написанная съ полемическими цѣлями не задолго до паденія Стамбулова однимъ изъ вождей оппозиціи (бывшимъ послѣ 18 мая министромъ финансовъ въ кабинетѣ Стоилова), имѣетъ до нѣкоторой степени характеръ политическаго памфлета и потому не возбуждаетъ полного къ себѣ довѣрія. Я предпочелъ пользоваться преимущественно цифрами Сарафова, болѣе осторожными и точными.

**) Сборникъ отъ закона на Българското княжество, присти отъ VI обикн. Нар. Соб., въ 3 сессия (1892) Контрактъ ст. 3.

(кроме Греции), где деньги, получаемыя при посредстве займа, тратятся не на то, ради чего заемъ официально заключенъ. Громадный заемъ 1892 г. былъ вотированъ Народнымъ Собраниемъ для определенныхъ цѣлей; указаніе на эти цѣли включено въ контрактъ, принятый въ законодательномъ порядкѣ *).

Ни для кого, однако, не тайна, что большая часть полученныхъ денегъ была употреблена на покрытіе текущихъ дефицитовъ; до сихъ поръ построена только самая ничтожная часть названной линіи да сдѣланы (больше на бумагѣ) предварительныя изслѣдованія для другихъ работъ, что обошлось вмѣстѣ по официальнымъ, вѣроятно, преувеличеннымъ цифрамъ, всего въ 14.091,807 фр. 49 с. **).

• Такимъ образомъ чисто азиатскіе приемы, унаслѣдованные Стамбуловымъ отъ прежнихъ властителей Болгаріи, были введены имъ въ европейскую систему веденія финансовъ, а эта послѣдняя примѣнена имъ къ странѣ, еще не пережившей стадіи натурального хозяйства.

Послѣдствія такой системы хозяйничанья не заставили себя ждать. Черезъ нѣсколько дней послѣ 18 мая новое правительство опубликовало ***) одинъ драгоценный документъ, именно докладъ Салабашева, министра финансовъ въ кабинетѣ Стамбулова, своему премьеру, докладъ, помѣченный декабремъ 1893 г. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ.

Вслѣдъ за освобожденіемъ финансы княжества были въ цвѣтущемъ состояніи, но, по разнымъ причинамъ, дефицитъ, искусно скрываемый въ официальныхъ отчетахъ, сдѣлался хроническимъ. Въ 1888 г. расходы превзошли доходы на 9,2 мил., въ 1889 на 3,4; 1890 г. составляетъ исключеніе, такъ какъ приходъ оказался выше на 803,593 фр. Въ слѣдующемъ году дефицитъ дошелъ до 23,4 мил. Поглотивъ такимъ образомъ весь излишекъ въ 33 мил., образовавшійся въ болѣе счастливые, до-стамбуловскіе, годы, дефициты продолжали свое дѣло. Въ 1892 г. образовалась недохватка въ 12,4 мил., въ 1893 г., благодаря значительному недобору, можно ожидать, говорить министр, дефицита въ 28,8 мил. Къ этому нужно прибавить не выплаченные платежи Россіи въ размѣрѣ 7,5 мил. франк. и небольшой долгъ болгарскому народному банку въ размѣрѣ 2,9 мил.; ожидаемый въ 1894 г. дефицитъ по обычному бюджету въ 15,3 и ожидаемые же сверхсѣтныя кредиты, и общая сумма дефицитовъ дойдетъ до 69¹ милліоновъ съ лишнимъ. Часть, хотя и ничтожная, этого дефицита, какъ признаетъ министр,

*) Ст. 7. «Выручка отъ настоящаго займа 142 мил. назначена исключительно на постройку желѣзной дороги Каспичанъ-Кюстендиль... и портовъ... и ни подъ какижъ предлогахъ не можетъ быть употреблена для другой цѣли.» Она была употреблена для другой цѣли безъ всякаго предлога, даже безъ сообщенія объ этомъ Народному Собранию или контрагенту.

***) См. нижецитируемый докладъ Салабашева.

***) Въ «Свобод. Словѣ», 1894, июнь, № 13.

покрыта изъ займа, заключеннаго на постройку желѣзной дороги *), часть изъ имѣвшихся резервныхъ суммъ, часть же, очевидно (этого министръ не прибавляетъ), покрыта посредствомъ перенесенія нѣкоторыхъ расходовъ изъ бюджетнаго года на слѣдующій и другихъ тому подобныхъ фокусовъ. Новое правительство послѣ 18 мая нашло въ государ. банкѣ и казначействахъ росписки Стамбулова и другихъ министровъ; эти лица брали суммы въ сотни тысячъ фр. подъ личную росписку, безъ указанія цѣли и основанія своего заимствованія. Кассы были найдены новымъ министерствомъ пустыми, когда по отчетамъ оны значились имѣющими деньги. За 4 мѣсяца управленія Стамбулова въ 1894 г. были израсходованы всѣ безотчетные фонды, ассигнованные на весь 1894 г., и т. д. и т. д. безъ конца **). Но вѣдь расплачиваться за это когда-нибудь—и даже очень скоро,—придется.

«Для покрытiя этого огромнаго дефицита, говорить стамбуловскiй министръ, государство не имѣетъ специальныхъ источниковъ и не можетъ рассчитывать на бюджетные остатки; повтому, вѣроятно, мы будемъ принуждены наложить новыя подати, или заключить новыя займы, ибо при существующихъ налогахъ нашъ бюджетъ не можетъ превышать 80 мил. ***). Такъ какъ мрачное положенiе (подлинное выраженiе министра) нашихъ финансовъ не останется м. б. тайною для нашихъ кредиторовъ за границей, то существуетъ опасность, что не только новыя займы стануть не-

*) Онъ приводитъ такiя цифры:

отъ двухъ займовъ получено пока	47,1 мил. (цифры для удобства округляю).	
Расходъ на постройку линiи Царь-бродъ-Вакарелъ (линии, ничего общаго съ линiей, для которой заключенъ заемъ, неимѣющей)	16,9	»
Проценты по покупкѣ линiи Рущукъ-Варна (другими словами, проценты по государ. займу 1886 г., или покрытiе части бюджетнаго дефицита)	6	»
Уплата за имущество покойнаго князя Александра. (Это относится къ постройкѣ линiи или портовъ?)	2,5	»
Линiя Софiя-Перникъ, предварит. разслѣдованiя и пр.	14	»
Итого	39,5	»
Остатокъ	7,6	» израсходованъ на «другiя государственныя нужды».

Читатель видитъ, что не только остатокъ, а весь заемъ, да еще одинъ прежнiй заемъ, за исключенiемъ 14 миллионновъ, истраченъ на «другiя государственныя нужды».

**) Объ этомъ мнѣ сообщалъ Тончевъ (министръ земледѣлiя и торговли въ министерствѣ Стоилова).

***) Доходы на 1894 г. исчислены въ 102 мил.

возможными, но даже уже заключенные не будут реализованы, что причинит огромный вред постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (?) и другимъ предпріятіямъ. Кромѣ того, не будетъ удивительно, если мы при столь дурномъ финансовомъ положеніи не исполнимъ обязательствъ и дадимъ поводъ кредиторамъ, по существующему на Востокѣ обычаю, потребовать установленія контроля надъ нашими государственными операціями и захватить уже заложеныя имъ имущества, какъ тому представляють примѣры Греція, Сербія, Турція и Египеть». Въ виду этого министръ проситъ Стамбулова внести его докладъ на разсмотрѣніе министерскаго совѣта, а затѣмъ позаботиться о «сокращеніи нѣкоторыхъ чрезмѣрныхъ расходовъ, о совершенномъ исключеніи изъ бюджета излишнихъ (sic) расходовъ». Слѣдуетъ «сократить штаты, уменьшить издержки на наемъ помѣщеній *), запретить пріобрѣтеніе канцеляріями предметовъ роскоши; ввести контроль расходовъ на канцелярскія принадлежности» и т. д. «Теперь мы переживаемъ моментъ, когда есть еще слабая (sic) надежда поправить наше положеніе. Стоитъ пропустить этотъ моментъ,—заключаетъ министръ, и наши финансы придутъ въ окончательное разстройство, и наступитъ неизбежная катастрофа. Изложивъ положеніе нашихъ финансовъ, я исполнилъ долгъ, который, думаю, облегчитъ мою отвѣтственность, въ случаѣ, если и настоящій мой докладъ постигнетъ та же участь, что и мой прошлагодній докладъ за № 48375» **). Слѣдуетъ подпись: министръ финансовъ Ив. Салабашевъ.

Интересенъ тотъ яркій свѣтъ, какимъ этотъ докладъ освѣщаетъ положеніе Болгаріи, но можетъ быть еще интереснѣе и ярче, какимъ онъ освѣщаетъ личность Стамбулова и стамбулистовъ. Его постигла та же участь, что и злосчастный докладъ за № 48,375: онъ былъ положенъ подъ сукно. Я не знаю, облегчитъ ли этотъ докладъ отвѣтственность Салабашева передъ судомъ исторіи или передъ уголовнымъ судомъ, если исполнится желаніе честныхъ людей Болгаріи, и Стамбуловъ вмѣстѣ со своими министрами попадетъ подъ судъ,—облегчитъ, или даже отягчитъ, доказавъ съ очевидностью, что Салабашевъ, подписывая смѣты разныхъ министерствъ съ издержками на предметы роскоши, на совершенно лишнѣхъ, по его же собственному признанію, чиновниковъ, дѣйствовалъ такъ лишь затѣмъ, чтобы во что бы то ни стало удержать въ своихъ рукахъ министерскій портфель, доказавъ, что, прекрасно зная все: и неизбежность краха, и гибельность стамбуловской политики, онъ тѣмъ не менѣе усердно помогать Стамбулову вести Болгарію по пу-

*) Всѣ министерства, суды, университетъ и пр. учрежденія (кромѣ военнаго училища) помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ, и многія изъ нихъ при наймѣ не отличаются экономіей. Какъ и вездѣ въ Болгаріи личныя отношенія министра съ домохозяиномъ не остаются безъ вліянія на выборъ квартиры и на цѣны.

***) Содержаніе этого доклада неизвѣстно.

къ банкротству, не выражая протеста ни звукомъ, ни жестомъ, если не считать бесполезныхъ докладовъ Стамбулову, которыхъ Салабашевъ не пытался даже довести до свѣдѣнія министерскаго совѣта; я этого не знаю, да это и не особенно интересно; интересно то, что Стамбуловъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на докладъ, что не только парламентъ или публику, но даже и товарищей министровъ онъ находилъ возможнымъ систематически обманывать, скрывая отъ нихъ факты такой громадной государственной важности». «*Argès pour le déluge*», говорила госпожа Помпадуръ. Стамбуловъ не говорилъ даже этого. Съ легкомысліемъ мало культурнаго человѣка, не думающаго о завтрашнемъ днѣ, онъ продолжалъ свои злоупотребленія властью даже тогда, когда Салабашевъ съ полнѣйшею убѣдительною доказалъ ему (если только онъ не зналъ этого раньше), что потопъ придется еще при его жизни, что годъ-два-три,—и наступитъ крахъ, и окажется невозможнымъ скрывать далѣе то, что искусно скрывалось 7 лѣтъ; не думалъ о томъ и Салабашевъ, который, наивно оговоривъ уменьшеніе своей отвѣтственности, даже и не подумалъ выйти въ отставку; напротивъ, послѣ своего доклада, онъ внесъ въ народное собраніе бюджетъ со всѣми тѣми расходами, на которые нападалъ, со всею тою ложью, которую уличалъ.

Когда докладъ былъ опубликованъ, то Стамбуловъ при всей своей готовности и умѣніи исказать факты, не смогъ ничего возразить,—онъ не могъ отрицать ни подлинность доклада, ни вѣрность фактовъ, заключающихся въ немъ. Онъ удовольствовался горькимъ упрекомъ по отношенію къ новому правительству, которое, печатая докладъ, подрываетъ кредитъ Болгаріи за границею. Дѣйствительно, курсъ болгарскихъ бумагъ нѣсколько понизился, послѣ опубликованія этого доклада, хотя гораздо менѣе, чѣмъ этого можно было ожидать, не болѣе чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ —2%. Какое горькое самоосужденіе звучитъ въ этомъ упрекѣ! Въ отвѣтъ на него многіе говорили, что если даже новое правительство не сдѣлаетъ ничего хорошаго, то самый фактъ опубликованія доклада останется его большою заслугою, за которую ему многое можно будетъ простить.

Докладъ совсѣмъ не освѣщаетъ одной важной стороны дѣла,—онъ указываетъ, что при составленіи смѣтъ министерства не были достаточно экономны,—и только; но гдѣ причина этого страшнаго роста бюджета не только по военному министерству, но и по всѣмъ другимъ? Указывая недобросовѣстность въ составленіи бюджетовъ и на такую же недобросовѣстность въ расходованіи займовъ, докладъ даетъ право заподозрить, что причина этого несовсѣмъ чистаго свойства. Дѣйствительно, кромѣ общаго всѣмъ странамъ, подобнымъ Болгаріи, стремленія со стороны правительства усиливать свою партію посредствомъ назначенія на выгодныя мѣста все большаго и большаго количества лицъ, тутъ дѣйствовало еще стремленіе, специфически отличающее Стамбулова и его министерство.

Получивъ власть, Стамбуловъ не былъ богатъ,—оставивъ ее, онъ былъ милліонеромъ: у него есть собственные дома, собственные помѣстья и говорить, крупныя капиталы въ иностранныхъ банкахъ *); не бѣдняками покинули министерства и его товарищи-министры, въ особенности его правая рука Петковъ. Какъ составлялись эти богатства, пока въ точности неизвѣстно. Официальнымъ путемъ извѣстно, что министры во время заграничныхъ командировокъ получали по 200 фр. суточныхъ (разумѣется при сохраненіи содержанія) **), но этого, конечно, мало. Извѣстно также, что лишь немногія изъ государственныхъ предпріятій, на которыя затрачиваются громадныя деньги, доводятся до конца, тогда какъ деньги, назначенныя на нихъ, исчезаютъ цѣликомъ и окончательно.

Въ 1889 г. софійскій муниципалитетъ, руководимый тогда Петковымъ, заключилъ на весьма отяготительныхъ условіяхъ 10 милліонный заемъ. Заемъ предназначался для канализаціи, электрическаго освѣщенія, постройки городскихъ бань (кстати сказать, совершенно ненужныхъ, потому что городъ владѣетъ прекрасными старинными турецкими банями) и еще нѣкоторыхъ другихъ предпріятій. По смѣтамъ, составленнымъ довольно щедро, должно было хватить на все. И тѣмъ не менѣе ни электрическаго освѣщенія, ни канализаціи, ни новыхъ городскихъ бань до сихъ поръ нѣтъ, а отъ займа остался только громадный дефицитъ въ городскомъ бюджетѣ, произведенный необходимостью уплачивать проценты. Все ушло въ бездонныя карманы Петкова и К°. Изъ другихъ средствъ была начата постройка городской ратуши. Вырыта яма для фундамента, начатъ фундаментъ, свезено много большихъ отшлифованныхъ гранитныхъ камней для зданія и все это брошено въ кучи противъ дворца. Всѣ деньги были истрачены на эти предварительныя работы ***). Когда я говорилъ объ этомъ съ Петковымъ, выражая удивленіе, куда могли исчезнуть 10 мил., то онъ въ дополненіе къ тѣмъ расходамъ, о которыхъ я уже зналъ, указалъ мнѣ на два милліона кирпичей для ратуши и бань, свезенныхъ на городскую площадь.

*) «Мои рощи рубятъ, мои поля топчутъ, я не жалуясь: это безполезно», говорилъ онъ мнѣ послѣ паденія.

**) Напримѣръ Славковъ, министръ земледѣлія, посланный весной 1894 г. на брюссельскую выставку. Послѣ переворота 18 мая, низвергнушаго его вмѣстѣ со Стамбуловымъ, онъ имѣлъ наивность телеграфировать новому министерству вопросъ: продолжается-ли его командировка?

***) Расточительность правительства была просто поразительна. Каравеловъ началъ постройку зданія судебныхъ мѣстъ Софіи, зданія по меньшей мѣрѣ весьма полезнаго, такъ какъ судебныя мѣста за наемъ помѣщеній переплачиваютъ громадныя суммы. Каравеловъ свалился; на его мѣсто сѣлъ Стамбуловъ, который рѣшилъ, что въ особомъ зданіи для судебныхъ мѣстъ нѣтъ надобности,—и сотни тысячъ фр. были погребены въ землѣ въ видѣ фундамента.

Потомъ я видѣлъ эти кирпичи; конечно, я не пересчитывалъ ихъ *), но знаю, что изъ нихъ врядъ ли одна половина годится въ дѣло; между тѣмъ деньги за нихъ, конечно, уплачены въ полномъ объемѣ. Такъ точно велось дѣло и въ государственномъ хозяйствѣ.

Начиная со дня 18 мая, во всѣхъ уголкахъ Болгаріи слышалось требованіе: подь судъ Стамбулова и его шайку! Оно раздавалось и въ печати, и на безчисленныхъ митингахъ, и во всевозможныхъ петиціяхъ правительству и частныхъ разговорахъ. Читатель уже видѣлъ, что основаній для этого болѣе, чѣмъ достаточно. Правительство не заявляло опредѣленно о своемъ отношеніи къ этому вопросу, но раскрывая преступленіе за преступленіемъ, хищеніе за хищеніемъ, совершенныя въ стамбуловскую эпоху, оно только подливало масло въ огонь. Однако Стамбуловъ не обнаруживалъ страха. Онъ хорошо зналъ, что въ Болгаріи путь отъ министерской скамьи въ Народномъ Собраніи до Черна Джаміе (софійская турьма) не далекъ; тѣмъ не менѣе онъ спокойно оставался въ своемъ роскошномъ домѣ на улицѣ Раковской, съ балкона котораго, вѣроятно, даже видна Черна Джаміе, а можетъ быть и висѣлица, красующаяся на ея дворѣ. Безъ рѣшенія Народнаго Собранія отдать подь судъ его за преступленія политическаго свойства, конечно, было нельзя. (Иное дѣло за убійство Бельчева). Но вотъ открылось Народное Собраніе, въ немъ раздаются одинокія требованія о преданіи суду Стамбулова, но министерство старательно тормозить исполненіе этого желанія; наконецъ, въ концѣ ноября 1894 г. Губидельниковъ, одинъ изъ представителей большинства въ палатѣ,

*) Другіе факты, приводимые мнѣ Петковымъ, по провѣркѣ оказывались ложными. Меня все время удивляла та легкость, съ которою болгарскіе министры приводятъ въ разговорахъ съ иностранцами ложные факты и ложныя цифры для выставленія своей дѣятельности въ лучшемъ свѣтѣ. Происходятъ ли это оттого, что они относительно каждаго иностранца думаютъ, что тотъ сейчасъ же послѣ разговора побѣжитъ на телеграфъ, чтобы сообщить своей газетѣ объ интересномъ интервью, или сказывается тутъ общая черта восточныхъ дѣятелей, которые стремятся привлечь на свою сторону чѣмъ бы то ни было въ настоящую минуту, хотя бы уже на слѣдующее утро это привлеченіе грозило разочарованіемъ и отпаденіемъ? Вѣроятно и то и другое. О городскомъ хозяйствѣ Софіи я говорилъ подробнѣе въ Русской Живни № 179, 1894 г., оно весьма похоже на государственное хозяйство Болгаріи. Кромѣ 12-миллионнаго консолидированнаго долга, проценты по которому превышаютъ половину городскихъ доходовъ Софіи, предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ пять милліоновъ платежей разнымъ предпринимателямъ, съ которыми имѣлъ дѣло городъ. Дефицитъ въ обыкновенномъ бюджетѣ 1894 г., исчисленный Софійскимъ городскимъ совѣтомъ, равнялся 170 тыс. и онъ съ излишкомъ покрывался экстраординарными доходами. Но слѣдственная коммиссія, назначенная новымъ правительствомъ послѣ 18 мая для провѣрки счетовъ стараго городского совѣта, исчислила дефицитъ по чрезвычайному и экстраординарному бюджету въ 980 тыс., и это при общемъ бюджетѣ въ 1½—2 мил. фр. Такимъ образомъ крахъ грозилъ Софіи гораздо раньше, чѣмъ всей Болгаріи. Газеты сообщаютъ, что городъ уже не платитъ жалованія своимъ служащимъ.

вносить слѣдующее двусмысленное предложеніе: на основаніи 106 и 109 ст. конституціи предлагается назначить парламентскую слѣдственную комиссію изъ 7 лицъ, чтобы привести въ извѣстность всѣ злоупотребленія властью, нарушенія конституціи и законовъ княжества, а также злоупотребленія государственными деньгами, которыя имѣли мѣсто во время управленія кабинетомъ, павшимъ 18 мая сего года. Предложеніе принимается, комиссія избирается, въ нее попадаютъ, конечно, члены правительственного большинства; должна начать свои засѣданія она съ 1 января 1895 г., т. е. по закрытіи обычной парламентской сессіи. Члены комиссіи будутъ получать, живущіе въ провинціи по 15 фр., а живущіе въ Софіи по 10 фр. Предполагая даже, что, не смотря на суточные, комиссія успѣетъ болѣе или менѣе быстро «привести въ извѣстность всѣ злоупотребленія» Стамбулова, преданіе его суду не можетъ состояться ранѣе 15 октября 1895 г., т. е. времени созыва слѣдующей обычной сессіи парламента. Казалось бы, что Народному Собранію было вполне достаточно сдѣлать постановленіе о преданіи суду за злоупотребленія, въ фактъ существованія которыхъ никто не сомнѣвается, а затѣмъ уже все остальное должно быть дѣломъ прокуратуры и суда. Комиссія будетъ изслѣдовать злоупотребленія, совершенныя во время управленія Стамбулова, но къмъ совершенныя,—изъ постановленія этого не видно. Ясно, что предложеніе Губидельникова есть только способъ затормозить преданіе суду. Чтобы объяснить его смыслъ, газета Знаме ехидно замѣчаетъ, что число министерскихъ мѣсть гораздо меньше, чѣмъ число министерскихъ сторонниковъ *). Приведенныя выше слова Стамбулова объясняютъ, почему стоилое министерство противится преданію суду своего врага. Причина въ томъ, что въ новомъ министерствѣ **) нѣтъ ни одного члена, кто, хотя отчасти, не раздѣлялъ бы отвѣтственность со Стамбуловымъ.

В. Водозовъ.

*) «Знаме» 1894 г. № 28.

**) Я говорю о министерствѣ, состоявшемся 18 мая безъ Пешева и Величкова, но съ Радославовымъ и Тончевымъ. Къ реорганизованному министерству Стоилова мое замѣчаніе относится съ нѣкоторою оговоркою.

КАСТРЮКЪ.

(Очеркъ).

Внезапно выскочивъ изъ-за крайней избы, съ полевой дороги, во всю прыть маленькихъ лошадокъ, летѣли по деревенской улицѣ два молоденькихъ барчука изъ Залѣснаго. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались на перегонки и вѣтеръ пузырями надувалъ на ихъ спинахъ ситцевыя рубашки. Теленокъ съ ревомъ шарахнулся отъ нихъ въ сѣнцы, куры и впереди нихъ пѣтухъ, присѣдая къ землѣ, неслись куда глаза глядятъ. Но отчаяннѣе всѣхъ улепetyвала по деревенской улицѣ маленькая, бѣлоголовая дѣвочка въ одной рубашенкѣ. Обезумѣвъ отъ страха, она вскочила на огороды, нѣсколько разъ перевернулась на картофельныхъ грядахъ и вдругъ увидала въ воротахъ риги дѣдушку. Съ отчаяннымъ крикомъ бросилась она въ его колѣни.

— Что ты, что ты, дурочка?—закричалъ и дѣдъ, ловя ее за рубашку.

— Барчуки... на жеребцахъ!..—захлебываясь отъ слезъ, едва могла выговорить внучка.

Дѣдъ усадилъ ее на колѣни, началъ уговаривать.

Внучка скоро затихла и, изрѣдка всхлипывая, обиженнымъ, вздрагивающимъ голосомъ начала рассказывать, какъ было дѣло.

Поглаживая ее по головѣ, дѣдъ задумчиво улыбался.

Въ ригѣ было прохладно и уютно. Въ мягкую темноту ея изъ глубины яснаго весенняго неба влетали ласточки и съ чиликаньемъ садились на переметы и на сани, сложенные другъ на друга на лѣто въ уголь риги. Все было ясно и мирно в уголь—и на деревнѣ, и въ далекихъ зазеленѣвшихъ поляхъ. Угреннее солнце мягко пригрѣло землю и по весеннему дрожалъ вдали тонкій паръ отъ нея. Тамъ, въ поляхъ, подымалась папѣя и блестящѣе черные грачи перелетали около сохъ. Зѣлъ, на деревнѣ, въ холодкѣ избѣ, только дѣвочки тонень-

кимъ голоскомъ напѣвали пѣсни, сидя на травѣ за коклюшками. Кромѣ ребятишекъ и стариковъ, всѣ были въ полѣ— даже всѣ Орелки, Буянки и Шарьки.

Дѣдъ сегодня, кажется, первый разъ за всю жизнь остался дома на стариковскомъ положеніи. Старуха померла мясоѣдомъ. Самъ онъ пролежалъ всю раннюю весну и не видавъ даже, какъ деревня уѣхала на первыя полевыя работы. Къ концу Ооминой онъ сталъ выходить, но еще и теперь не поправился, какъ слѣдуетъ. И послѣдствіемъ всего этого было то, что сегодня не оправдались его надежды и что всѣми обстоятельствами деревенской жизни онъ принужденъ былъ проводить самое веселое, погожее и дорогое для работы утро дома.

— Ну, Кастрюкъ (дѣда всѣ такъ звали на деревнѣ, потому что, выпивши, онъ любилъ пѣть про Кастрюка старинныя веселыя прибаутки), — ну, Кастрюкъ, — говорилъ ему на зарѣ сынъ, выравнивая гужи на сохѣ, между тѣмъ какъ его баба зашпиливала веретѣе на возу съ картошками, — не тужи тутъ, поглядывай обаполь дому да за Дашкой-то... кабы ее телушка не забрухала; вчерась, еслибы дѣвки не отбили, закатала бы до смерти.

Старикъ, безъ шапки и засунувъ руки въ рукава полушубка, стоялъ около него и старался отшучиваться.

— Кому Кастрюкъ—тебѣ дяденька, — говорилъ онъ съ разсѣянной улыбкой.

Сынъ, не слушая, затягивалъ зубами веревку и продолжалъ дѣловымъ тономъ, но въ душѣ искренно жалѣя старика:

— Твое дѣло, братъ, теперь стариковское. Да и горевать-то почестъ непочемъ: оно только съ виду сладко хрипъ-то гнуть.

— Да ужъ чего лучше! — отвѣчалъ старикъ машинально.

Онъ старался «не думать» и, когда сынъ уѣхалъ, сходилъ зачѣмъ-то въ пуньку, потомъ передвинулъ въ тѣнь водовозку— все искалъ себѣ дѣла. То онъ бережливо, согнувъ старую спину, сметалъ муку въ закромѣ, то тамъ, то здѣсь тюкалъ топоромъ, запѣвалъ про Кастрюка— «Какъ задумалъ жениться Кастрюкъ», про «Веселую бесѣдушку», но все не могъ разсѣять грустное, неотвязное чувство.

Двѣ старухи-сосѣдки и то замѣтили это.

— Жалкуеть старикъ-то, — сказала одна.

— Жалкуеть, дѣвушка, — подтвердила и другая.

Въ ригѣ старикъ сѣлъ и пристально и долго чистилъ трухлявой «копаушкою». Иногда онъ старался подбодрить себя. «небось!» говорилъ онъ кому-то съ задоромъ и значительностью; иногда морщилъ брови, крѣпко подергивалъ плечами и бормоталъ съ ожесточеніемъ: «эхъ, мать твою не замать, от твоего не трогать! Былъ конь да уѣздили...» Но чаще все)

опускалъ голову и задумывался. Грустное раздумье овладевало имъ.

Затягивая пѣсню, онъ не кончалъ ее, потому что отъ нея еще больше начинало занимать сердце.

Закипѣли въ колодезяхъ воды,
Заболѣло во молодцѣ сердце...

тянулъ онъ, и ему вспоминалось что-то хорошее, прежнее, и жалко ему становилось самого себя.

А веселыя, слышанныя еще отъ дѣдовъ, «величальныя», дворовыя пѣсни въ родѣ:

Приважи, сударь, карету заложить,
Во каретушку двѣнадцать лошадей,
Чтобы кони были убранные,
А лакеи принапудренные...

какъ-то не шли къ его настроенію и онъ обрывалъ ихъ съ горькой улыбкой. Мысли тянулись къ прежнему, когда онъ былъ самъ хозяиномъ, работникомъ, молодымъ и выносливымъ... И теперь, глядя внучку по головѣ, онъ съ любовью перебиралъ далекія воспоминанія—что въ такой-то годъ, въ эту пору, онъ сѣялъ и съ кѣмъ выходилъ въ поле и какая была у него тогда кобыла.

Внучка успокоилась и шопотомъ предложила пойти наломать вѣничковъ, про которые мать уже давно толковала. Старикъ обрадовался хоть какому-нибудь развлеченію, легкомысленно забылъ про пустую избу и, взявъ за руку внучку, повелъ ее за деревню. Идя по мягкой, давнымъ-давно неѣзженной полевой дорогѣ, они незамѣтно отошли отъ деревни версты за полторы. На межѣ они усѣлись и принялись вязать вѣники.

Вдругъ Дашка встрепенулась и рванулась впередъ.

— Дѣдушка! глянь-ка!—заговорила она и быстро и нараспѣвъ,—глянь-ка! Ахъ, ма-а-тушки!

Старикъ глянулъ и увидалъ бѣгущій вдали поѣздъ. Онъ торопливо подхватилъ внучку на руки и вынесъ ее на бугорокъ, между тѣмъ какъ она тянулася у него съ рукъ и радостно твердила:

— Дѣдушка! Глянь-ка! Рысью, рысью!

Поѣздъ разрастался и подъ уклонъ работалъ все быстрѣе и быстрѣе, весь блестя на солнцѣ. Долго и напряженно глядѣла Дашка на бѣгущіе вагоны.

— Должно къ завтраму прійдетъ,—сказала она въ глубокомъ раздумьи.

Сверкая цилиндрами и мелькающимъ поршнемъ, поѣздъ гяжелымъ взмахомъ урагана пронесся мимо, завернулъ къ югу

и, мелькнувъ заднимъ вагономъ, дрожащей точкой сталь сокращаться и пропадать вдаль.

— Видѣла?—спросилъ дѣдъ.

— Видѣла... нѣгуги больше.

— Хороша?

— Нюжли-жъ нѣтъ... ужъ такая-то хорошая...—лепетала Дашка про себя;—мать-то сказывала она безъ лошади, а я себѣ на умъ: ахъ, она съ лошадыю... думается, какъ все равно оглобли привязаны...

— Да куда-жъ они привязаны-то?

— Да за машину-то... она, должно, кирпичная!

Долго на рукахъ съ нею стоялъ дѣдъ и глядѣлъ кругомъ. Все опять стало въ полѣ тихо и безмятежно. Жаворонки заливались въ тепломъ ясномъ воздухѣ. Весело и важно кагакали грачи... Мирно зацвѣтали цвѣты въ густой травѣ около линіи... Спутанный меренокъ, пофыркивая, мирно щипалъ подорожникъ, и дѣдъ чувствовалъ, какъ даже мерину хорошо и привольно теперь, на весеннемъ корму, въ ясное, тихое утро.

Но вдругъ дѣдъ оживился.

— Здорово, сударушка,—закричалъ онъ, завидѣвъ идущаго по рельсамъ сторожа-солдата.—«Здравія желаемъ, ваше благородіе!»—прибавилъ онъ, чтобы поддѣлаться къ солдату и поболтать немного.

— Здравствуйте,—сказалъ солдатъ сухо, не вынимая изъ рта трубки.

— Иди, сударушка, покуримъ,—продолжалъ дѣдъ,—поговорь съ Кастрюкомъ. Я, братъ, нонѣ тоже замѣстъ часового приставленъ,

— Я путь долженъ обревизовать къ прибытію 2 №,—отвѣтилъ сторожъ и, наклонившись, тюкнулъ по рельсѣ и пошелъ дальше.

Дѣду стало неловко.

Онъ застѣнчиво улыбнулся и крикнулъ солдату въ догонку, почесывая спину:

— А то погодиль-бы!..

Солдатъ не обернулся.

По дорогѣ назадъ дѣдъ поболталъ съ пастухами и полюбовался на стадо.

— Чечеринское стадо-то?—спросилъ онъ.

— Его самого,—отвѣтилъ подпасокъ и вдругъ съ крикомъ азадъ! азадъ, смертная!—бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по пару. Жеманно и въ разныя тона, тонкими голосками перекликались ягнята. Одинъ изъ нихъ, улавив на колѣни, засовалъ мордочкой подъ пахъ матери и такъ нервно, торопливо, дрожа хвостикомъ

подталкивая ее носкомъ, сталь сосать, что дѣдъ засмѣялся отъ удовольствія...

Торопливо подходя къ своей избѣ, старикъ увидаль, что по выгону, прямо къ ней, ѣдетъ молодой баринъ изъ Залѣснаго. Старикъ бросился отгонять подь гору молодую кобылу, потому что, увидавъ ее, вороной барскій жеребецъ заигралъ и заплясалъ весь.

Сдерживая его и сгибая подь своею тяжестью дрожки, баринъ вѣхалъ въ тѣнь избы и остановился. Старикъ почти-тельно стоялъ у порога.

— Здравствуй, Кастрюкъ, — сказалъ баринъ ласково и, отирая красное лицо съ рыжей бородой, досталь папирасы.

— Жарко! — прибавилъ онъ и протянулъ папираску и дѣду.

— Не привычны, Миколай Петровичъ, — захихикалъ тотъ. — Трубочку вотъ... а то шкаликъ-другой красеньяго — это мы, старики, любимъ!

— А я было къ вамъ по дѣльцу, — началъ Николай Петровичъ, отдуваясь. — Бѣдилъ повѣщать на Мажаровку... надѣвай шапку-то, Семень!.. да вотъ, кстати, и къ вамъ. Дѣвочъ своихъ, не пошлете-ли ко мнѣ?

— Аль еще не сажали? — спросилъ дѣдъ участливо.

— Запоздали нынче... не я одинъ.

— Запоздали, Миколай Петровичъ, запоздали...

— Да... такъ вотъ... — продолжалъ баринъ и вдругъ такъ зычно крикнулъ на жеребца: «балуи!», что дѣдъ со всѣхъ ногъ бросился держать вороного за недоуздокъ.

— Немножко-то посадилъ, — опять началъ Николай Петровичъ спокойно, — да хочу поскорѣй управиться. Дѣвчонокъ-то своихъ и турили-бы ко мнѣ.

— Разя одинъ совладаешь, Миколай Петровичъ?

— Да ты скажи своимъ-то... а?

— Солдатка-то дома что-ль? — спросилъ дѣдъ дѣловымъ тономъ у подошедшей старухи и, получивъ отрицательный отвѣтъ, замаялся.

— Кабы солдатка была, она-бы сбила, — сказалъ онъ, какъ-бы оправдываясь. — А я, сударушка, дома нонѣ сижу... Мнѣ и отойтить нельзя... Кабы прежнее мое дѣло, покоситься тамъ али подь паринку взодрать — я-бы единымъ духомъ... Взялъ закусить хлѣбушка и пошелъ...

— Жалко, — сказалъ баринъ задумчиво. — Видно вечеркомъ заверну, — прибавилъ онъ и взялся за возжи.

Чтобы какъ нибудь задержать его и повинуюсь какому-то горькому внутреннему голосу, старикъ вдругъ сказалъ:

— Ты вотъ, сударушка, найми меня въ работники... вотъ-бы дѣло!

— Что-жь, нанимайся,—сказала баринь разсѣянно и улыбаясь, потому что знала, что дѣдъ это такъ, что-бы потѣшить себя.

— А когда заступать?

Баринь пристально поглядѣлъ на него и качнулъ головою.

— Заступать когда?.. Эка ты—шустрый какой!

Старикъ оживился еще болѣе.

— Я-то, сударушка? Да я ихъ всѣхъ, молоденькихъ, за поясъ заткну! Я еще жениться хочу! (Это была обычная шутка дѣда). Да на свадьбѣ еще плясать буду. Знаешь, какъ зачну выхаживать...

— Да ужъ ты!—перебилъ баринь, усмѣхаясь, ударилъ возжей жеребца и покотилъ по выгону.

Дѣдъ постоялъ, подумалъ...

Все говорило ему, что онъ теперь отжившій человекъ. Такъ только, для дому нуженъ, пока еще ноги ходятъ. И разговаривать съ нимъ не хотять въ серьезъ. „Ишь покотилъ!“ подумалъ онъ съ сердцемъ, глядя вслѣдъ убѣгающимъ дрожкамъ, махнулъ рукой и пошелъ вынимать изъ печки похлебку.

Пообѣдавъ, внучка съ двумя старостинными ребятишками ушла въ лужокъ съ полъ-версты отъ деревни, за баранчиками. Всѣ они такъ жалобно просились пустить ихъ, что дѣдъ не могъ устоять и самъ проводилъ ихъ за деревню.

— Не найдете, ребята,—говорилъ онъ имъ;—развѣ снытку только...

— Ну, мы снытки плинесемъ,—возражалъ на это старшій старостинъ сынишка.

Въ избѣ дѣдъ отъ нечего дѣлать снова принялся за обѣдъ. Онъ натеръ себѣ картошекъ, налилъ въ нихъ немного молока (онъ боялся, что и за это-то сноха будетъ ругаться) и долго ѣлъ это мѣсиво.

Въ пустой избѣ стоялъ горячій, спертый воздухъ. Солнце сквозь маленькія, склеенныя изъ кусочковъ, мутныя стекла, било жаркими лучами на покоробленную доску стола, которую, вмѣстѣ съ крошками хлѣба и большой ложкой, чернымъ роємъ облѣпили мухи.

Вдругъ дѣдъ почти съ радостью вспомнилъ, что есть еще дѣло—достать изъ подъ крыши пачку листовой махорки, раскрошить ее и набить трубку. Влѣзая въ сѣнцахъ по каменной стѣнѣ подъ застрѣху, онъ едва не сорвался—голова него закружилась, въ спинѣ заломило... Онъ опять съ горечью подумалъ о своей старости и, уже лѣниво дотащившись порога избы, на который еще падала тѣнь отъ пуньки, медленно занялся дѣломъ...

Въ полдень деревня вся точно вымерла. Тишина веселого знойнаго дня словно очаровала ее...

Старухи-сосѣдки долго искались подъ старой лозиною на выгонѣ, потомъ легли, накрыли головы занавѣсками и заснули. Самые маленькіе ребятишки хлопотливо, но тихо лѣпили изъ глины улья, собравшись въ размытомъ спускѣ около пруда... Изрѣдка мычалъ теленокъ, привязанный за кольцо около спящихъ бабъ. Изрѣдка доносился крикъ пѣтуха и еще болѣе нагонялъ на деревню тихую дрему.

А въ поляхъ попрежнему заливались жаворонки, зеленѣли всходы и по горизонтамъ, какъ расплавленное стекло, дрожали и струились парь.

Старикъ легъ около пунки и старался заснуть. Для этого онъ старался представить, какъ шуметь лѣсъ и ходить волнами рожь на буграхъ по вѣтру и шуршать и переливается, и слегка покачивался самъ.

Но, противъ обыкновенія, сонъ не приходилъ.

Лежа съ закрытыми глазами, онъ все думалъ о своей старости.

Теперь, небось, Андрей крѣпко спитъ подъ телѣгою... Дѣду же, можетъ быть, до самой смерти не придется больше заснуть въ полѣ. Въ рабочую пору онъ будетъ проводить долгие, долги, знойные дни наединѣ съ внучкою... А вѣдь было время—лучше его не косилъ никто во всей округѣ. Бывало, когда всей деревней косили у барина, онъ всѣхъ велъ за собою. Да никто не могъ и выпить больше его, когда, вернувшись гурьбой съ поля на господскій дворъ, мужики усаживались около амбара за ведромъ водки и начиналась „Веселая бесѣдушка“...

Никогда, однако, не пропивалъ онъ ума и разума. Все у него было всегда въ порядкѣ: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была всегда въ тѣлѣ („печка! говорили мужики,—хоть спать ложись на спинѣ!“) и свадьбу сына онъ справилъ всѣмъ на удивленіе. Вся деревня собралась смотреть, когда на первый, послѣ княжого пира, престольный праздникъ Андрей поѣхалъ къ тестю. Рядомъ съ своей разряженной бабой онъ сѣлъ въ новыя „козырьки“, покрытыя цвѣтной попоной, выставилъ за грядку одну ногу въ новомъ валенкѣ и покатилъ по выгону...

Дѣду надѣялся тогда, что подъ старость у него будетъ самая настоящая въ деревнѣ семья, что никому не позволить онъ ссориться и заводить дѣлежи...

— Пирогъ ситные въ обмочку, думалъ, буду ѣсть,— пробормоталъ старикъ..

Анъ все вышло не по гаданному.

Младшій сынъ отдѣлился, а старшій хоть и остался съ нимъ, да немного вышло изъ того проку... Главное же—старуха всѣхъ подрѣзала. Умерла въ самое плохое голодное время.

Да ослабили и его ножиньки, и придется ему до смерти сидеть съ ребятишками вродѣ караульщика.

— Ишь ровесникъ-то мой, — подумаль старикъ съ озлобленіемъ, — Салтанъ-то — и то убѣгъ со двора!

И чего онъ, дѣдъ, маялся на свѣтѣ и на что надѣялся — Богъ его знаетъ.

— Ни почету не дождался, — думаль старикъ, вспоминая сына, посадившаго его караульщикомъ, ни богатства — ничего! И помрешь вотъ-вотъ и ни одинъ кобель по тебѣ не вззоетъ!

Старикъ чувствовалъ, что онъ не правъ въ своихъ сѣтованіяхъ, но не могъ побороть раздраженіе и безпокойно ворочался съ боку на бокъ и съ сердцемъ отгонялъ назойливыхъ мухъ.

Все скучнѣе и скучнѣе становилось ему...

Вдругъ вдали задрезжала телѣга. Стоя въ ней на колѣняхъ, мужикъ усердно наваривалъ свою кобыденку веревочными возжами.

Дѣдъ вскочилъ и замахалъ рукой.

Мужикъ дернулъ за возжи и даже назадъ отвалился и на ноги сѣлъ.

— Куда-й-то, сударушка?

— Тпру... тпру, домой тебя разудары!.. А что?

— Да такъ. Молъ куда это разскакался дядя Федоръ?

— Въ тае... въ Чичерину.

— Ай къ земскому?

— Къ нему къ самому.

Дологъ этотъ день показался Кастрюку!

Дашка воротилась изъ лужка и присоединилась къ ребятамъ, игравшимъ въ спускъ.

— Ай ужъ и мнѣ потить къ нимъ свистульки лѣпить? — думаль дѣдъ съ горькой улыбкой и наконецъ не выдержалъ.

— Посмотри, сударушка, за избой, — сказала онъ старухъ-сосѣдкѣ, которая около пуньки медленно скатывала холсты.

— Ай соскучился? — спросила та жалобно.

— Соскучился, сударушка! И какъ только это вы, бабы, дома сидите!..

— А ты на-долго небось?

— Нѣтъ, я сейчасъ, въ одну минутку...

До заката было еще далеко. Но Андрей долженъ былъ по расчетамъ дѣда, управиться раньше вечера. Онъ поглядывалъ на солнце и рѣшалъ, что осминникъ картохъ надо досадить именно къ этой порѣ.

На выгонѣ онъ встрѣтилъ возвращавшагося съ поля Глбочку. Глбочка, высокій, худощавый мужикъ съ веснушка:

на блѣдномъ лицѣ и съ опухшими красными вѣками, въ старомъ полушубкѣ, изъ лохматыхъ дыръ котораго виднѣлась бѣлая рубаха, меланхолично покачивался, сидя бокомъ на спинѣ лошади, между тѣмъ какъ перевернутая соха тащилась сзади, дребезжа палицей о подвои.

— Ай, сударушка, разохи-то пропиль?—пошутить Кастрюкь.

— Пропиль,—съ блѣдной улыбкой отвѣтилъ Глѣбочка.

— А мои скоро?

— Должно ѣдутъ.

— Гдѣ-жь дѣвки-то твои?

— Дѣвти вмѣстѣ придуть,—отвѣтилъ Глѣбочка, какъ многие мужики не выговаривая буквы «к».

— Вѣдь вотъ,—думалъ дѣдъ, выходя за деревню и отчасти завидуя даже Глѣбочкѣ,—на моихъ глазахъ человѣкомъ сталъ. Совсѣмъ прежде блажной малый былъ, свиныхъ поддѣнъ *) не зналъ.

И дѣдъ искренно засмѣялся, вспомнивъ, какъ Глѣбочка, когда у него корова подавилась позапрошлый годъ картошкой, повалилъ ее и сталъ разбивать картошку обухомъ прямо въ горлѣ коровы, а потомъ годъ цѣлый дивился—отчего она издохла?..

На валу, подъ молодыми лозинками, Кастрюкь сѣлъ и, щурясь отъ низкаго солнца, глядѣлъ въ даль, по дорогѣ.

Тишина кроткаго весенняго вечера стояла въ полѣ. На востокѣ чуть вырисовывалась гряда неподвижныхъ, нѣжно-розовыхъ облаковъ. Къ закату собирались длинныя, перистыя твани тучекъ... Когда же солнце чуть задернулось одной изъ нихъ, въ полѣ, надъ широкой равниной, влажно зеленѣющей всходами и пестрѣющей паромъ, стало еще безмятежнѣе и лучше. Безмятежнѣе и еще чище, чѣмъ днемъ, заливались жаворонки. Съ паровъ нахло весенней свѣжестью, запѣвтающими травами, сладкимъ ароматомъ желтаго донника... Всѣ волненія старика убаюкивались этими ароматами, этимъ кроткимъ вечернимъ свѣтомъ. Онъ закрывалъ глаза, прислушивался къ жаворонкамъ...

— Эхъ, кабы черезъ недѣлку дождичка,—думалъ онъ; то-то бы ржи-то поперли!.. Эхъ, хороши ржи допрежь бывали! Обломныя, ужъ не проползеть!

Но вспоминая, что завтра ему предстоитъ стариковскій день, Кастрюкь морщился, начиналъ придумывать, какъ-бы ему избавиться отъ него. Но избавиться было невозможно. Онъ досадливо качалъ головою, скребъ рукой спину, облеченную

*) Отъ слова—поддѣнъ.

въ длинную стариковскую рубаху... и наконецъ пришелъ къ счастливой мысли, нашель утѣшеніе.

— Ну, прикончилъ?—говорилъ онъ черезъ полчаса немного заискивающимъ тономъ, шагая рядомъ съ сыномъ и держась за оглоблю сохи.

— Кончить-то кончилъ, — отвѣчалъ Андрей ласково, — а ты-то какъ? Небось соскучился?

— И-и, не приведи Богъ!—воскликнулъ старикъ отъ всего сердца;—сослужилъ, братъ, службу... не хуже злобинскаго солдата стараго, что на капустѣ сидитъ!

И смѣясь, и желая не придавать своимъ словамъ просящаго выраженія, старикъ робко попросился въ ночное.

— Съ ребятами... а?—сказалъ онъ, заглядывая сыну въ глаза. (Сегодня онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ чувства своей безпомощности и несамостоятельности).

— Что-жь, веди. Только не забудь на-поляхъ кобылу напоить.

Кастрюкъ закашлялся, чтобъ скрыть свою радость...

На закатѣ, послѣ ужина, онъ постлалъ на спину кобылы зипунъ и полушубокъ, взвалился на нее животомъ, съѣлъ и рысцою поѣхалъ за ребятами.

— Эй, погоди старика, — кричалъ онъ имъ въ догонку.

Ребята не слушали. Даже старостинъ сыннишка обскакалъ его, растарачивъ босыя ножки на спинѣ кругленькаго и зекающаго селезенкой меринка, хотя въ поводу у мальчишки бѣжали, задирая морды, еще двѣ лошади.

Легкая пыль стлалась по дорогѣ. Топотъ небольшого табуна сливался съ веселыми криками и смѣхомъ ребятъ.

— Дѣдъ,—кричали нѣкоторые тоненькими голосками,—давай на обгонки!

Дѣдъ только улыбался, легонько подталкивая лаптями подъ брюхо кобылы.

Въ дощичкѣ, за версту отъ деревни, онъ завернулъ на прудъ.

Отставивъ увязшую въ тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей отъ тонко-поющихъ комаровъ, кобыла долго-долго, однообразно сосала воду, и видно было, какъ вода волнообразно шла по ея горлу. Передъ концомъ питья, по обычаю всѣхъ лошадей, она оторвалась на-время отъ воды, подняла голову и медленно и тупо оглядѣлась кругомъ. Дѣдъ, тоже по обычаю, ласково посвисталъ ей... Теплая вода тихо капала съ губъ кобылы, а она не то задумалась, не то забовалась на тихую поверхность пруда. Залюбовался имъ дѣдъ. Глубоко-глубоко отражались въ прудѣ и берегъ, и все чернее небо, и бѣлыя полосы облаковъ. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались въ одну отъ тѣ раскатывающегося все шире и шире круга по водѣ...

Потомъ кобыла сдѣлала еще нѣсколько глотковъ, глубоко вздохнула и, съ чмоканьемъ вытащивъ изъ тины одну за другою ноги, вскарабкалась на берегъ и словно проснулась и ожила.

Позвякивая полугорванной подковой, бодро пошла она по темнѣющей дорогѣ. Старикъ тоже словно проснулся и оживился... Отъ дня у него осталось такое впечатлѣніе, словно онъ пролежалъ его въ болѣзни и теперь выздоровѣлъ. Онъ весело покрикивалъ на кобылу, подталкивалъ ее лаптемъ и, вдыхая полной грудью свѣжѣющій вечерній воздухъ, чистый и ясный, снова чувствовалъ себя опредѣленно, бодро и молодо...

А когда лошади спокойно вникли въ кормъ и прекратились споры, кому въ какой чередъ дежурить, прекратилась возня улегшихся радышкомъ ребятъ, смѣхъ и остроты надъ коростелью, которая, по увѣренію одного изъ нихъ, оттого такъ скрипитъ, что деретъ нога объ ногу, дѣдъ постлалъ себѣ помягче полушубокъ и зипунъ и съ чистымъ сердцемъ, съ искренней довѣрчивостью и благоговѣніемъ сталъ на колѣни и долго молился на темное, звѣздное, прекрасное небо, на мерцающій млечный путь—святую дорогу ко граду Иерусалиму. И благодарно, и задушевно звучалъ его молитвенный шопоть...

Наконецъ, и онъ легъ.

Темнота разлилась надъ безбрежной равниной. Въ свѣжести весенней степной ночи тонули поля. За ними, за ночнымъ мракомъ, слабо, какъ одинокая мачта, на слабомъ фонѣ заката маячили силуэтъ далекой-далекой мельницы...

Ив. Бунинъ.

* * *

Въ кустѣ ароматной сирени
Всю ночь не смолкала соловей
И съ первымъ сіяньемъ денницы
Вспорхнулъ и унесся съ вѣтвей.

Грустятъ одинокія вѣтви —
Промчались блаженства часы!..
И тихо, какъ слезы разлуки,
Съ нихъ падаетъ жемчугъ росы.

С. Александровъ.

СТАРАЯ ДѢВА.

Романъ А. Е. Гольдворсъ.

(Съ англійскаго).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Лирическая любовь.

Однажды послѣ обѣда Хатчъ былъ полонъ гостей.

Войдя въ залу съ мороза, Боасъ встрѣтилъ ласковый пріемъ. Большая комната была задрапирована и разгорожена ширмочками на уютные уголки. Восточные коврики пестрѣли на дубовомъ полу и грѣли ноги. Въ каминѣ пылалъ огонь, разбрасывая искры. Джоанна заваривала чай за маленькимъ столомъ, гдѣ шипѣлъ и шумѣлъ котелокъ и откуда доносился аппетитный запахъ булокъ. На фортепіано и въ старинныхъ серебряныхъ канделябрахъ горѣли свѣчи и придавали привѣтливый видъ всей обстановкѣ. Пить послѣобѣденный чай въ залѣ придумала Христина, когда зима прогнала ее и Джоанну изъ сада въ домъ; а въ меблировкѣ Джоанна избрала середину между стариннымъ убранствомъ столовой и новомодной яркостью гостиной. Комната эта дѣйствовала успокоительно на нервы, какъ и весь домъ; Боасъ полюбилъ ее не менѣе, чѣмъ зеленую тѣнь сада, и сталъ частымъ гостемъ у Джоанны. Лѣтомъ онъ привозилъ съ собою свои бумаги и писалъ подъ вязами, чередуя это занятіе съ партіями въ теннисъ съ Христиною. Теперь онъ пріѣзжалъ отдохнуть вечеркомъ и послушать игру и пѣніе Джоанны.

Онъ не скрывалъ своей привязанности къ Христинѣ, а Джоанна, замѣчая тонкое различіе въ его обращеніи съ ея воспитанницей и съ нею самою, говорила себѣ, что знаетъ, чѣмъ это кончится. Сначала она не ожидала, чтобы изъ его

участія къ Христинѣ развилось болѣе горячее чувство. При прежнихъ обстоятельствахъ это казалось невозможнымъ; теперь же она признавала очень естественнымъ, что преображенная Христина могла ему нравиться, и старалась быть довольной этимъ.

Онъ былъ не только самымъ частымъ, но и любимымъ гостемъ въ Хатчѣ. Обыкновенно онъ заставлялъ хозяекъ только вдвоемъ; но сегодня, къ своей досадѣ, увидѣлъ г-жѣ Крэнъ и Протеро.

Джоанна пригласила, наконецъ, сестеръ возобновить старыя родственныя отношенія и бывать у нея по-прежнему, а онъ всемиловѣйше благоволилъ забыть свое законное неудовольствіе и принять ея приглашеніе. Ихъ любопытство было возбуждено слухами о томъ, что Боасъ «ухаживаетъ» за Джоанной.

Г-жа Крэнъ не пропустила ни одной подробности ихъ встрѣчи и была смущена ея совершенною обиденностью. Увидѣвши гостя, Джоанна не сконфузилась и не покраснѣла; а Боасъ, — поздоровавшись до невѣжливости поспѣшно, бросился въ большое кресло и нахмурился на всѣхъ, не исключая и хозяйки.

— Гдѣ Христина? — спросилъ онъ вдругъ.

— Она уѣхала верхомъ; но я скоро жду ее, — сказала Джоанна.

Г-жа Крэнъ приподняла брови.

— Она ѣздитъ верхомъ? И одна?

— Нѣтъ, — отвѣтила Джоанна, — ее, конечно, всегда провожаетъ Дэвисъ, а иногда и г. Беванъ.

Это имя поразило г-жу Крэнъ и заставило ее выдать свое негодованіе при мысли, что такъ заботятся о развлеченіяхъ Христини.

— Беванъ! Не родственникъ-ли того, который написалъ.. ну, какъ тамъ эту книгу?.. Ты, конечно, знаешь?

— Да, — отвѣтила Джоанна, — это онъ написалъ.

— Какъ? Ты хочешь сказать, что такой человекъ тратитъ время на катанье съ дѣвочкою, которую держатъ изъ милости!

— Онъ очень часто катается съ Христиною, — равнодушно отвѣтила Джоанна.

Г-жа Крэнъ откинулась на спинку кресла, а г-жа Протеро замѣтила:

— Хорошо-ли ты дѣлаешь, что допускаешь это, Джоанна? Я видала г. Бевана. Онъ кажется тихоней, но Фергусъ говорить, что онъ принадлежитъ къ богемѣ.

Боасъ засмѣялся.

— А я думаю, что онъ не кусается.

Въ эту минуту дверь отворилась, портьера откинула: и

открыла розовое личико, яркіе глаза, спутанные вѣтромъ волосы и изящно одѣтую фигуру на фонѣ снѣжнаго пейзажа.

Христина секунду простояла на порогѣ, потомъ вошла съ граціей и самообладаніемъ и подала руку Боасу. Джоанна, гордая своей воспитанницей, слегка вспыхнувъ, подозвала ее къ себѣ и, обнявъ ее одною рукою, сказала:

— Это — дитя мое, Христина Доу. Милая, а это — мои сестры, г-жа Крэнъ и г-жа Протеро.

Христина серьезно поклонилась обѣимъ, а потомъ оглянулась на дверь, гдѣ въ неловкой нерѣшимости стоялъ Беванъ.

— Пожалуйте, м-ръ Беванъ, — пригласила Джоанна. — Вамъ, конечно, хочется чаю послѣ поѣздки.

Беванъ вошелъ съ невеселымъ и озабоченнымъ лицомъ. Послѣдовали представленія; г-жа Протеро стала утверждать, что уже знакома, но среди ея рѣчи г-жа Крэнъ уронила пенснэ съ легкимъ восклицаніемъ:

— Я была увѣрена! Да, тутъ не можетъ быть ошибки. Вы были въ омнибусѣ, такъ, мѣсяць назадъ, съ... съ миссъ Доу.

Она какъ бы выбрасывала слова и устала на Бевана невооруженными глазами.

— Не отрекайтесь. Вашъ грѣхъ выплылъ наружу, — шутиво прибавила она.

— Развѣ ѣзда въ омнибусѣ теперь считается зародышемъ какого-нибудь преступленія? — проворчалъ Боасъ изъ своего угла.

Г-жа Крэнъ повернулась къ нему спиною и попросила у Джоанны чашку чаю.

Христина подала ей чашку съ граціей, которая не осталась незамѣченной.

— Совершенно французскія манеры, — подумала г-жа Крэнъ, слѣдя за дѣвушкой, передававшей чай мужчинамъ.

Разговоръ внезапно пресѣлся, и Джоаннѣ, которая начала освѣдомляться о здоровьѣ дѣтей г-жи Протеро, никакъ не удалось оживить его. Мужчины оба молчали: Боасъ былъ преднамѣренно саркастиченъ и не въ духѣ, а Беванъ старался вникнуть въ смыслъ разспросовъ г-жи Крэнъ. Христина прихлебывала чай и поглядывала на лорнетъ г-жи Крэнъ. Джоанна испытывала неловкость и тщетно распространялась о кашлѣ Вилли и о кори Сисси, что оказывалось интереснымъ лишь для одной г-жи Протеро.

Вдругъ Боасъ поднялъ голову, храбро преодолевая свое дурное настроеніе:

— Не послушать-ли намъ пѣнія? Миссъ Трэлъ, будьте такъ добры...

— Я сегодня не въ голосѣ, — нервно перебила Джоанна. — Но Христина споетъ намъ что-нибудь.

Говоря это, она не была увѣрена, что хорошо сосредото-

вать всеобщее вниманіе на Христинѣ; но ей очень хотѣлось похвалиться голосомъ своей воспитанницы передъ сестрами.

Христина тотчасъ встала и взяла ноты. Когда она проиграла первые такты, Джоанна остановила ее.

— Это—новое, не правда-ли? Лучше спой что-нибудь изъ нашихъ любимыхъ, старыхъ вещей!

— Вамъ это понравится,—быстро отвѣтила Христина и продолжала играть. Черезъ нѣсколько тактовъ она запѣла:

Шелъ утромъ пастухъ по долинѣ средь горъ,
Еще не сходила роса,
Природа проснулась. Въ торжественный хоръ
Сливались ея голоса.
Онъ шелъ по простору зеленыхъ луговъ,
Журчалъ въ отдаленнй ручей.
Онъ шелъ, и подъ трелі невримыхъ пѣвцовъ
Онъ думалъ о милой своей.
Но вдругъ къ пастуху подлетѣла оса:
«Смотри, не успѣетъ обсохнуть роса,
«Какъ будетъ тебѣ невѣрна,
«Обманетъ, измучитъ дѣвица-краса
«Большій, чѣмъ ужалитъ любая оса!»
Такъ зло прожужжала она.

И крѣпко пастухъ закручиниться-бъ могъ,
Зачахъ бы отъ думъ и скорбей,
Да вдругъ услыхалъ онъ родной голосокъ
Зазнобушки милой своей.
Онъ молвилъ: «Люблю я тебя, о другъ мой,
«И радъ, что здѣсь встрѣтилъ тебя!
«Какъ тяжело въ разлукѣ съ тобой я страдаю,
«Какъ мучила ревность мена!
«Съ тобою мнѣ жизнь и свѣтла, и красна.
«Съ тобою и ревность-оса не страшна,
«Она не появится вновь.
«Вокругъ насъ природа вся пѣнемъ полна,
«Но лучше всѣхъ пѣсенъ есть пѣсня одна
«И имя той пѣснѣ—любовь!»

Джоанна была смущена; она спрашивала себя, прилично ли Христинѣ пѣть такія слова. Но никто не раздѣлялъ ея сомнѣній. Боась отбивалъ тактъ рукою и лицо его прояснилось при звукахъ свѣжаго дѣвичьяго голоса. Г-жа Протеро обладала музыкальнымъ слухомъ, и ея глуповатая улыбка казывала, что ей нравятся только слова. Но г-жа Крэнъ, вку которой былъ внѣ сомнѣнія, должна была собрать всѣ силы, чтобы остаться равнодушной къ прелести мотива, голоса и манеры.

Пѣсня Христины въ этой комнатѣ походила на бриллиантъ въ

въ причудливой оправѣ. Нельзя было не замѣтить ея сверкающей красоты.

Беванъ сидѣлъ, прикрывъ глаза рукою и будто не замѣчая окружающаго; но онъ былъ потрясенъ до глубины души и въ сердцѣ его раздавался страстный призывъ:

«О лирическая любовь! Полуангелъ и полуптица. Вся диво и страстное стремленіе»..

Наступила тишина и до него долетѣли слова:

— Голосъ недурень. Если развивать его...

Онъ поднялъ глаза: г-жа Крэнъ сидѣла рядомъ съ нимъ и удостоивала Христину холодной похвалы.

— Неправда ли?

Беванъ съ безпокойствомъ почувствовалъ себя какъ бы въ сѣтяхъ ея взоромъ.

— Какъ вы политичны! — улыбнулась она. — Но ваша апатія меня не обманетъ... Знаете ли, что я подумала, когда увидѣла васъ въ омнибусѣ?

— Нѣтъ, не догадываюсь, — отвѣтилъ онъ, хмурясь. — «Проклятая баба! Что она еще думала», — прибавилъ онъ мысленно.

Боасъ подозвалъ къ себѣ Христину и хвалилъ ея пѣніе. Беванъ чувствовалъ, что его другъ позволяетъ себѣ фамильярность, и это было ему не менѣе неприятно, чѣмъ подходы г-жи Крэнъ, подъ мягкими лапками которой онъ отлично замѣчалъ когти.

Она наклонилась къ нему и лукаво заглянула ему въ лицо.

— И вамъ не хочется узнать? Вотъ первый нелюбопытный мужчина, котораго я вижу! Но вы Шотландецъ, и этимъ объясняется все!

— Шотландецъ, и этимъ объясняется все? — какъ эхо переспросилъ Беванъ.

Г-жа Крэнъ прибѣгла къ наивной улыбочкѣ.

— Если-бы вы не были такъ умны, я боялась бы васъ.

— Я желалъ бы не быть такимъ умнымъ.

— Но вы очень интересны.

— Мое честолюбіе не простирается дальше.

— Мнѣ бы слѣдовало сказать, что я боялась бы за васъ.

— Если бы я не былъ такъ уменъ?

— Да; эта дѣвушка имѣетъ на васъ виды.

— Какіе же виды?

— Она искусная и хитрая кокетка. Сестру мою одурачила, съ Боасомъ потерпѣла неудачу, а съ вами рассчитываетъ выиграть.

— Вы слишкомъ добры!

— Къ счастью для васъ, ей это не удастся, пока она живетъ здѣсь. На этомъ домѣ лежитъ заклятіе. Но помните, что я предупредила васъ!

Онъ поклонился.

Г-жа Брэнъ прищурилась, встала, прошуршала юбками и напала на Джоанну, упрекая ее за навязываніе Христины Бевану.

Впрочемъ, ей не удалось встревожить Джоанну. Беванъ былъ неизмѣнно робокъ и сдержанъ въ обращеніи съ Христиной. Всю зиму онъ не являлся и не писалъ, а по возобновленіи поѣздокъ лѣтомъ сохранялъ прежній равнодушный видъ. Если бы она замѣтила что нибудь иное, то не согласилась бы отпускать съ нимъ дѣвушку. Она взглянула на Хрестину, которая въ уголокъ разговаривала съ Боасомъ. Не слышно было ихъ рѣчей, но видно было, что лицо дѣвушки повернуто къ нему и что ея смягчившійся взглядъ покоится на немъ.

Радость и горе стали бороться въ душѣ Джоанны, когда она подумала, что г-жа Брэнъ ошиблась, что Боасъ, а не Беванъ, нравится Хрестинѣ, и что если это влеченіе взаимно... Она подавила вздохъ и внимательно посмотрѣла на Боаса, который слушалъ съ необычайной кротостью: Хрестина рассказывала ему, какъ избавилась отъ духа непокорности и неблагодарности. Задумчивый взоръ Джоанны перешелъ на Бевана.

Подъ его внѣшнимъ спокойствіемъ скрывалась буря. Молніи его гнѣва готовы были испепелить г-жу Брэнъ за «искусную и хитрую кокетку» и его злобное негодованіе подтвердило ему то, что онъ смутно подозрѣвалъ съ того дня, когда былъ въ городѣ съ Хрестиною: что въ немъ вспыхнула къ ней любовь,

Лирическая любовь, полуангелъ и полуптица,
Вся диво и страстное стремленіе.

И эту чистую любовь оскорбила своимъ отвѣтомъ г-жа Брэнъ!

Но эта послѣдняя покинула Хатчъ въ такомъ настроеніи, которое не могло бы стать хуже, даже если бы онъ выразилъ ей все свое негодованіе. Критикуя Хрестину вмѣстѣ съ г-жею Протеро, она высказала самыя неблагопріятныя сужденія и сдѣлала выговоръ своей собесѣдницѣ, которая было вознамѣрилась пригласить Хрестину въ Крейдонъ.

Примиреніе г-жи Протеро съ миссъ Трель сдѣлалось полнымъ послѣ того, какъ Джоанна сказала ей, что присутствіе Хрестины въ Хатчѣ ничуть не уменьшитъ той доли, которая назначена ея дѣтямъ.

— Прелесть взглянуть, какъ Джоанна держитъ себя этими господами! — съ энтузіазмомъ говорила она г-жѣ Брэнъ. А они такіе умные. Пріятно видѣть ихъ у нея и слушать ея планы помощи бѣднымъ.

— Ты дура, Рахиль, — откровенно отвѣтила г-жа Брэнъ. Неужели ты не видишь Джоанну насквозь? Бравши эту дѣву

ку, она отлично знала, какъ привлекательно красивое личико для мужчинъ, хоть бы и для филантроповъ; Джоанна хочеть выйти замужъ и ради этого козыряеть. Еще съ тѣхъ самыхъ поръ какъ Рагланъ, два года назадъ, сдѣлалъ ей предложеніе, она стала совсѣмъ другая. Насколько лучше она одѣвается, какъ молодежа и весела; она еще не умѣеть занять гостей, но уже перестала смущаться. Ты слышала, что она два раза въ недѣлю бываетъ въ труппахъ и встрѣчается тамъ съ Боасомъ? Это у нихъ зовется филантропіей. А три года назадъ не умѣла связать двухъ словъ!

Беванъ уѣхалъ прежде Боаса. Онъ не могъ оставаться въ Хатчѣ, не открывъ Христинѣ своего сердца, а врожденная осторожность внушала ему не слѣшать. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому любовь даетъ крылья. Напротивъ, овладѣвшее имъ «диво и страстное стремленіе» дѣлало его еще болѣе робкимъ и молчаливымъ. Ему представлялось чуть не святотатствомъ дышать однимъ воздухомъ съ Христиною. Онъ не рѣшался ни взглянуть на нее, ни дать ей руку на прощаніе, и она съ досадою поглядѣла ему вслѣдъ, когда онъ ускользнулъ, не простившись съ нею. Чѣмъ она обидѣла его?

Когда Боасъ, въ свою очередь, началъ прощаться, онъ нашелъ ее особенно блѣдной и утомленной и объяснилъ это волненіемъ, вслѣдствіе ея бесѣды съ нимъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Погребенное прошлое.

Джоанна трудилась надъ проектомъ одного изъ «поселеній» Боаса. Она подняла взоръ съ груди бумагъ, передъ нею лежавшихъ, и съ тревогою стала глядѣть на аллею.

Христина въ первый разъ отправилась одна къ г-жѣ Протеро, и Джоанна не могла быть спокойною въ ея отсутствіе. Она не совсѣмъ была увѣрена, что Христину можно отпускать въ гости, какъ будто ничто не отличаетъ ее отъ тѣхъ дѣвушекъ, съ которыми она можетъ встрѣтиться въ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она повторяла себѣ, что ради узкаго предразсудка невозможно лишать Христину сношеній со сверстницами, и укоряла себя за недовѣріе къ своей воспитанницѣ.

Христина уже четыре года жила въ Хатчѣ и за это время измѣнилась во всѣхъ отношеніяхъ. Джоанна наблюдала за нею, когда она, нѣсколько часовъ тому назадъ, стояла и ждала коляски, чтобы ѣхать въ Крейдонъ.

Она еще была миниатюрна и похожа на ребенка, но станъ ея приобрѣлъ граціозныя очертанія, а лицо, красотою напоминавшее дикую розу, стало проще и изящнѣе. Въ ней теперь не было ничего рѣзкаго, ничего бьющаго на эффектъ. Смѣлая и честолюбивая маленькая хитряча превратилась въ кроткую и скромную дѣвушку, полную чистыхъ побужденій и мыслей. Ей случалось еще бывать капризной и непослушной; но въ послѣднее время какое-то невѣдомое вліяніе сдѣлало ее кротче и терпѣливѣе; порою она даже становилась печальна и во всемъ проявляла какую-то серьезность, необъяснимую ничѣмъ изъ ея прошлой жизни.

Въ тотъ день, какъ она увидѣла Неллу въ Олимпіи, порвалась послѣдняя связь, соединявшая ее со зломъ. Этотъ одинъ взглядъ въ пропасть, откуда ее вытащили, заставилъ ее вдвойнѣ привязаться къ добру; взрывъ страшной ненависти къ прошедшему побудилъ ее вполнѣ погрузиться въ настоящее и золотыми цѣпями приковалъ ее къ чистой жизни. Съ тѣхъ поръ ее уже не возмущала скука въ Хатчѣ. Глаза ея открылись: она увидѣла, какую неблагодарностью платила Джоаннѣ за ласку и заботу, и все, что она могла сдѣлать, стало казаться ей недостаточнымъ для выраженія своего раскаянія.

Съ самаго начала она согласилась жить въ Хатчѣ ради смѣшанныхъ побужденій, изъ которыхъ лучшимъ было не особенно возвышенное стремленіе добиться восхищенія Боаса, единственнаго чelовѣка, котораго она уважала. Но съ годами она измѣнилась и стала стремиться къ лучшему ради любви къ добру и ради отвращенія ко злу.

Боасъ только толкнулъ ее на тотъ путь, который привелъ ее къ добродѣтели; но въ ней самой было нѣчто, не допустившее ее сойти съ этой дороги. Любовь Джоанны и ея довѣріе также сдѣлали много для развитія дремавшихъ въ ней зародышей добра.

Соединенная сила этихъ побужденій удержала ее на добромъ пути. Она вышла изъ-подъ вліянія Боаса; зато сознала свой долгъ передъ миссъ Трель и привязалась къ ней съ такою страстью и восхищеніемъ, которыя, въ свою очередь, воздѣйствовали на Джоанну, побуждая ее безсознательно оправдывать вѣру дѣвушки въ ея умъ и силу воли.

Джоанна за эти четыре года перемѣнилась не менѣе Христыни. Она стала подвижной, сообразительной, твердой—словомъ, женщиной хоть куда, и ея имя приобрѣло въ филантропическихъ кружкахъ извѣстность. Правда, дѣятельность ея не правлялась, главнымъ образомъ, Боасомъ; но теперь, въ случаѣ нужды, Джоанна могла обходиться и безъ него. Она утратила свою нервность и робость, и теперь ея манеры, несмотря на сохранившуюся деликатность, казались внушительными.

Когда она подняла глаза съ бумагъ, ея блѣдное лицо свѣтилось умомъ и тою притягательною силою, которую развили въ ней ея труды. Свою волю она противопоставила судьбѣ и вышла изъ борьбы побѣдительною.

Трескъ гравія подъ колесами заставилъ ее вскочить и подбѣжать къ двери. Христина вышла изъ коляски, Джоанна взяла ее за руку и ввела въ залъ.

— Пріятно-ли ты провела время, другъ мой?

— О, прелестно, миссъ Трэль. Г-жа Протеро такъ жалѣла, что простуда задержала васъ дома. Она вамъ кланяется.

— Были гости, кромѣ тебя?

— Только г. Беванъ.—Христина вслыхнула и начала разстегивать перчатку.—Г-жа Протеро пригласила его въ ожиданіи васъ. Ну, да!—прибавила она вдругъ.—Быль еще г. Протеро и г. и г-жа Крэнъ. Меня просили пѣть.

— Вотъ ужъ это напрасно.

— Напрасно? Почему?

— Да можетъ быть все обошлось и очень хорошо, только, видишь-ли, вѣдь ты въ первый разъ безъ меня въ чужомъ домѣ...

— Правда; я жалѣла, что васъ не было. И г. Бевану хотѣлось видѣть васъ.

Христина опять покраснѣла и опустила глаза, но миссъ Трэль не замѣтила ея смущенія.

Сѣмена, брошенная г-жею Крэнъ годъ назадъ въ ея душу, не дали ростковъ. Она давно перестала считать возможнымъ какое-либо сближеніе между Беваномъ и Христиною. Ея понятія о женихахъ, составленныя по наблюденіямъ надъ гг. Крэнномъ, Протеро и Рагланомъ, не позволяли ей считать женихомъ или влюбленнымъ такого робкаго, сдержаннаго и молчаливаго человѣка, какъ Беванъ. Кромѣ того, смѣшно было предполагать, чтобы такой образованный, развитой умъ могъ плѣниться незрѣлой и необразованной, хотя хорошенькой дѣвочкой, какъ Христина.

Послѣдняя возможность подозрѣній этого рода исчезла для нея съ прекращеніемъ посѣщеній Бевана. Онъ не былъ въ Хатчѣ дѣлѣй годъ, съ того самаго дня, какъ встрѣтилъ здѣсь г-жу Крэнъ и выслушалъ ея предостереженіе.

Краска и конфузливость Христины при упоминаніи о немъ ничуть не подготовили ее къ дальнѣйшему.

— Понравилось-ли твое пѣніе? Что они сказали?

— Я не слыхала... почти не слыхала,—робко и безсвязно отвѣтила Христина.

— Обыкновенно, ты не забываешь пріятныхъ рѣчей,—сказала Джоанна.—Ну, что, очень хвалили?

— Очень!—сказала она вызывающе.

— Что ты пѣла?

— «И имя той пѣснѣ—любовь!»

Джоанна взглянула на нее съ тревогою.

— Милая, ты знаешь, я не люблю, когда ты поешь эту пѣсню.

— Знаю,—сказала Христина,—но г-жа Протеро просила спѣть именно ее, и я не могла отказать. Я думаю, это было бы невѣжливо.

Джоанна перестала хмуриться. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не «узкій предрасудокъ» побуждалъ ее считать эту пѣсню неподходящею для Христины?

— Она всѣмъ очень понравилась,—продолжала дѣвушка,— И... и сказать вамъ, что одинъ человекъ сказалъ?

— Скажи.

Джоанна улыбнулась лучезарному виду Христины.

— Онъ сказалъ, что «лучше всѣхъ пѣсень—любовь».

— Глупенькая! Въ самомъ дѣлѣ, что?

— Онъ сказалъ: «люблю я тебя, о другъ мой! И радъ, что здѣсь встрѣтилъ тебя».

— Христина, говори серьезно!

— Правда, миссъ Трэлъ, онъ это сказалъ.—Джоанна поддалась шуткѣ и перестала спрашивать.

— Милое дитя, эта поѣздка вскружила, кажется, тебѣ голову. Боюсь, что тебѣ не слѣдуетъ слишкомъ развлекаться.

Съ этими словами она ласково погладила ее по головѣ.

— Ну, не скажу, чтобы было весело,—сказала Христина.— Мнѣ пришлось выслушать длинное описаніе скучнѣйшаго въ мірѣ чаепитія...

— Хорошо. Раздѣвись, а потомъ расскажешь.

Христина бросила на диванъ кофточку и шляпу и сѣла на скамеечку у ногъ Джоанны. Глаза ея прыгали отъ оживленія; волосы были спутаны, но выходило красиво.

— Было такъ скучно, что даже смѣшно. Сидѣли при тускломъ освѣщеніи, и одна дама развѣтывала картины болѣзней всѣхъ своихъ дѣтей; другая шутила, но въ шуткахъ ея проглядывало раздраженіе; третья намазывала хлѣбъ на масло, но больше занималась болтовнею; четвертая...

— Ты говорила съ г-номъ Боасомъ, дитя. Я узнаю его рѣчи. Онъ всегда саркастиченъ, когда не въ духѣ.

— Нисколько! Это не онъ говорилъ. Что-жъ, рассказывай дальше? Про чаепитіе? Было двое мужчинъ, оба въ самомъ скверномъ расположеніи духа, одинъ—потому что говорилъ съ одной дѣвицей, а другой—потому что не говорилъ съ нею. Потомъ стали играть, и дѣвушка пѣла.

— И это все?

— Нѣтъ, не все. Я не кончила. Одинъ изъ нихъ любилъ пѣть съ Христины дрогнувъ,—и цѣлый годъ не видался

нею; а она думала, что обидѣла его и что онъ никогда не вернется; а теперь...

— Что-жъ теперь?—спросила Джоанна, едва дыша послѣ довольно долгой паузы.—Что-жъ теперь?

— Она пропѣла ту-же пѣсню, а онъ попросилъ ее повторить слова, и вотъ... и вотъ...

Христина опустила голову, а Джоанна достаточно овладѣла собою, чтобы выговорить:

— Дитя мое, ты плачешь! Что съ тобою, Христина?

— Я не плачу, прорыдала она.—Я только очень, очень счастлива.

Она бросилась на колѣни и, обхвативъ руками Джоанну, подняла къ ней улыбающееся и залитое слезами лицо.

— Представьте себѣ только, миссъ Трэлъ,—прошептала она:—онъ любитъ меня!

— Г. Боасъ?—рѣзко спросила Джоанна.

— Г. Боасъ? Да нѣтъ! Какъ это вамъ пришло въ голову? Меня?

• Джоанна вся дрожала и не могла говорить.

— Вы не угадали,—тихо произнесла Христина.—Вѣдь тамъ былъ еще г. Беванъ.

— Что такое? Вамъ дурно!—воскликнула она черезъ нѣсколько минутъ.—И какая вы холодная! Руки у васъ точно ледъ. Что случилось? Отчего вамъ дурно?

Джоанна не могла преодолѣть нервную дрожь. Она протянула Христинѣ трепещущую руку.

— Дитя мое, онъ знаетъ? Ты говорила ему... о твоёмъ прошломъ?

— Не нужно было,—отвѣтила та съ удивленіемъ.—Вѣдь онъ знаетъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь.

— Ну да! Но о прежнемъ... о твоей прежней, старой жизни..

Волна крови прихлынула къ лицу Христины.

— Я никогда не говорила о ней и съ вами... Какъ же я стала-бы рассказывать ему?..—спросила она просто.

— О, милая! такъ ты забыла?!—безпомощно воскликнула Джоанна.

— Забыла?—сказала Христина съ горькою улыбкою.—Я каждый вечеръ молюсь, чтобы Богъ далъ мнѣ забыть. Я думала, что *вы* забыли. Вы сказали, что никто не долженъ этого знать, кромѣ васъ и г-на Боаса. Зачѣмъ же теперь напоминать? Зачѣмъ рассказывать?

Краска исчезла, и дѣвушка побѣлѣла, какъ полотно. Джоанна ужаснулась выраженію нѣмого гнѣва на ея лицѣ.

Въ этотъ моментъ она поняла, что сдѣлала. Послѣдствія рокового молчанія застали ее врасплохъ. Ахъ, зачѣмъ она боялась свѣта, зачѣмъ скрыла прошлое и не помогла дѣвочкѣ бороться на глазахъ у всѣхъ?! Развѣ спасеніе Христіны не могло-бы совершиться на виду у всего міра? И развѣ тогда будущее не было бы прочнѣе вслѣдствіе побѣды надъ зложелателями? Что за бѣда, еслибы г-жи Брэнъ и Протеро осудили ее? Развѣ это уменьшило бы ея шансы на успѣхъ? А своимъ молчаніемъ Джоанна дала Христинѣ лишь краткую отсрочку и внушила ей ложное понятіе о ея положеніи. Прощедшее было погребено, и Христіна весело плясала на его могилѣ; а теперь весеннія воды размыли могильный холмъ и обнаружили гнѣющій трупъ, къ которому прикованы эти плящущія ноги!

Она посмотрѣла на ничего не понимающую дѣвушку съ нѣмою мольбою о прощеніи. Она, Джоанна, причинила ей это зло.

Четыре года назадъ, грубая душею, неразвитая нравственно, плохо отличавшая зло отъ добра, Христіна не стѣснилась бы рассказать о своемъ прошломъ. Теперь, при созрѣвшемъ сознаніи, утонченной чувствительности и привычкѣ къ незапятнанной репутациі, такой рассказъ долженъ былъ стать для нея пыткой и разрушить надежды на будущее.

Мало было вѣроятности, чтобы любовь Бевана пережила подобное открытіе; однако, оно было неизбежно. Среди этого мрака, Джоанна видѣла для Христіны лишь одинъ лучъ надежды: она знала Бевана. Онъ былъ не похожъ на другихъ. Онъ былъ свободенъ отъ порока, обличеннаго современными романистами подъ названіемъ «сладострастнаго эгоизма» и состоящаго въ требованіи отъ женщины незапятнанной чистоты. Въ немъ не было «эстетической жадности къ женской непорочности». Джоанна, сильная духомъ, понимала разницу между чистотою души и полнымъ невѣдѣніемъ зла, и знала, что есть и мужчины, понимающіе это различіе. Къ нимъ она причисляла и Бевана.

Безыскусственность Христіны, несовершенство ея рѣчи и манеръ, вѣдь, не оттолкнули его. Онъ не искалъ знатности, богатства или моднаго воспитанія въ той дѣвушкѣ, которую избралъ. Онъ полюбилъ ее за ея личныя качества. Такъ неужели онъ могъ оказаться неспособнымъ признать красоту брилліанта, хотя поднятаго въ грязи, однако не загрязненнаго?

Джоанна знала, что душа Христіны не развратилась въ пріютѣ порока. О ея прошедшемъ ей было извѣстно только по намекамъ Боаса. Его слова могли имѣть лишь одно значеніе и она боялась спрашивать подробнѣе. Но она пыталась увѣренность, что каково ни было прошлое, стремленія Христіны невинны и чисты, какъ свойственно хорошей женщинѣ. Тѣмъ:

не менѣе бѣдняжкѣ предстояло пройти черезъ позоръ признанія. Джоаннѣ несносна была эта мысль, и въ душѣ ея мучительно стало зарождаться желаніе, чтобы дѣвушку лучше полюбилъ Боасъ, которому не нужно было никакого признанія.

Глаза ея снова поднялись на Христину. Дѣвушка стояла передъ нею холодная, гордая, безмолвная; все ея веселье и счастье пропали.

Она не понимала причины волненія Джоанны и мучилась ея молчаніемъ. Глаза ея вдругъ расширились и приняли испуганное выраженіе. Она схватила Джоанну за плечи и стала трясти ее со всей энергіей юности.

— Что вы на меня такъ смотрите?—проговорила она, задыхаясь.—Что вы думаете? Что вы молчите? Говорите, что вы думаете?..

— Христина, перестань. Перестань, моя милая,—сказала Джоанна, потихоньку освобождаясь.—Именно потому, что я тебя люблю, мнѣ нестерпима мысль о необходимости рассказать твою исторію другому лицу.

— Да я и не намѣрена рассказывать,—вызывающе отвѣтила Христина.

— Надо сказать, милая,—сказала Джоанна, не обращая вниманія на ея тонъ.—Для него это будетъ ужасно; но сказать необходимо, даже если бы это заставило его отказаться отъ тебя...

— Отказаться отъ меня!—презрительно воскликнула Христина.—Вы не знаете его, если думаете такъ.

Она стала ходить по комнатѣ и заговорила быстро:

— Вы ничего о немъ не знаете, если думаете такъ. Онъ самъ былъ бѣдный и работалъ на мельницѣ, пока не сталъ писать книги. Онъ не броситъ меня за то, что я когда-то голодала. Не таковъ мальчикъ!

Въ своемъ возбужденіи, она вернулась къ прежней рѣчи и манерамъ. Ничего не осталось отъ того изящества, какое было въ ней пять минутъ назадъ.

Джоанна вздрогнула, увидѣвши Христину опять такою, какъ въ минуту ихъ первой встрѣчи.

— Знаю, милая, знаю,—сказала она успокоительно.—Онъ не броситъ тебя за то, что ты была бѣдна, но жена его должна быть порядочной женщиной.

— А я не порядочная?—вскипѣла Христина.—Я не хороша, нѣтъ?

Джоанна опустила глаза передъ ея бѣшеннымъ взглядомъ.

— Охъ, милая! Вѣдь, то, что было...

— Но вы говорите, что Богъ меня всетаки любитъ. И Беванъ полюбилъ меня. Почему же, когда онъ узнаетъ, чѣмъ я была, я стану другой, недостойной его любви?

Христина топнула ногою и чуть не задохнулась от злости.

Джоанна не въ силахъ была отвѣтить. По лицу ея катились крупныя слезы. Она съ мольбою протянула руки.

— Мой другъ, никто не хорошъ... никто, кромѣ Бога. Онъ есть любовь.

— И я непременно должна сказать?—жалобно простионала Христина, когда Джоанна просталась съ нею передъ сномъ.

Миссъ Трэль приподняла влажные волосы съ ея лба. Она не смѣла высказать свою надежду, что зрѣлице униженія дѣвушки тронетъ сердце Бевана и заставить его понять и простить.

— Голубушка моя, да! Богъ поможетъ тебѣ. Сказали бы, пожалуй, и я или г. Воасъ, но лучше тебѣ сказать самой.

— Хорошо,—покорно отвѣтила Христина и губы ея задрожали.—Онъ, конечно, меня не осудить. Я была такая молоденькая и не знала. Я не виновата. Зачѣмъ люди такъ злы? Я была молоденькая и никого у меня не было.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Гроза.

На слѣдующее утро явился Беванъ, робкій и гордый, полный надеждъ и любви. Онъ спросилъ, дома ли миссъ Трэль, и былъ введенъ въ гостиную, гдѣ ждала его Христина.

При видѣ ея глаза его сверкнули, и всякая робость прошла, уступивъ мѣсто торжеству любви.

Но видъ ея поразилъ его. Онъ остановился и съ тревогою сталъ вглядываться въ ея блѣдное лицо.

— Дитя мое!..

— Да... — пролепетала она. — Подождите!.. Пойдите!.. Миссъ Трэль...

— Она согласна?!

— Нѣтъ еще. Прежде я... Пожалуйста, сядьте. Я должна сказать вамъ...

— Ничего не слушаю, пока не скажете, что любите меня.

Она вздрогнула отъ его повелительнаго тона, и ея маленькая фигурка стала какъ то странно-безпомощной и жалкой передъ этимъ высокимъ, красивымъ человѣкомъ.

Онъ подавлялъ ея волю; однако, она нашла въ себѣ силу для сопротивленія.

Любя его, она хотѣла быть правдивой и не желала принимать ни одной ласки, пока онъ не узнаетъ ея исторіи.

Она была очень блѣдна; испытанныя ею муки оставили слѣды на ея лицѣ; но его спокойное выраженіе ничѣмъ не выдавало внутренней тревоги. А вѣдь она не сомнѣвалась, что Беванъ все такъ же будетъ любить ее. Она страшилась минуты признанія, но не боялась за послѣдствія. Она была увѣрена, что Беванъ пожалѣетъ ее и не разлюбитъ.

— Я люблю васъ,—сказала она очень просто, поднимая на него печальный взоръ.

— Значитъ, все дѣло въ миссъ Трэлъ?

Она покачала головой, а онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ,

— Подите, расскажите мнѣ все,—сказалъ онъ и хотѣлъ притянуть къ себѣ, на диванъ. Она тихонько воспротивилась и сѣла на скамеечку, такъ что ему не было видно ея лица.

Онъ придвинулъ ее поближе къ себѣ и любовно коснулся ея щеки рукою.

— Послушаемъ вашу исторію! Мы скоро справимся съ возраженіями миссъ Трэлъ. Я еще съ ней рассчитаюсь за эти поблѣднѣвшія щечки. Я ожидалъ совсѣмъ не такого пріема!

— Ахъ, довольно!—произнесла она, глубоко вздохнувъ. Его смѣхъ точно ножомъ рѣзалъ ея трепещущее сердце.

— Вы никогда не спрашивали меня о моей матери,—пролепетала она.

— Да, но вы когда нибудь расскажете мнѣ о ней.

— Такъ... Она была хорошая женщина... Она умерла, никогда не выдавши меня.

— Бѣдненькая моя дѣточка!

— Отецъ былъ человекъ слабый. Я росла, какъ попало. Потомъ онъ умеръ отъ нищеты. И я... умерла бы тоже...

— Но миссъ Трэлъ взяла васъ къ себѣ?

— Нѣтъ, это случилось еще не сразу...

Голосъ ея прервался. Слова не шли у нея изъ горла.

— Возьмите меня за руку,—попросила она,—мнѣ такъ легче рассказывать.

Онъ взялъ ее за ледяную руку, удивляясь ея волненію, но объяснилъ его по своему: она боялась сказать ему, что миссъ Трэлъ изъ милости взяла ее. Онъ нѣжно посмотрѣлъ на нее, думая о томъ, какъ онъ ее утѣшитъ, когда оконченъ будетъ ея печальный рассказъ.

— Потомъ, разъ... г. Боасъ вашель меня. Онъ былъ не такой, какъ... другіе. Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ на дочь свою... и плакалъ... горькими слезами надо мною, потому что я была такая молоденькая. И увезъ меня... А потомъ миссъ Трэлъ...

— И это—все!

Беванъ громко засмѣялся, пожимая ручку, которую держалъ.

— Дитя мое, изъ-за какихъ пустяковъ вы терзались! Я, вѣдь, все это зналъ.

Она, рыдая, нагнулась къ его рукѣ: разстроенная тѣмъ, что имѣла ему сказать, она не выдержала облегчившаго ее извѣстія, что онъ все знаетъ.

— Бѣдность—не порокъ, дѣточка,—сказалъ онъ. — Насъ унижаютъ грѣхъ и зло, а не нужда въ деньгахъ.

Онъ нѣжно положилъ руку на ея голову.

— Но, вѣдь, это былъ грѣхъ!—простонала она.—Хоть онъ и были добры ко мнѣ, а все же это все—грѣхъ. Я тамъ пробыла три недѣли... И не подозрѣвала!.. Всѣ тамъ были одинаковы!.. Нелла... была добра... Да и прочія... Это было... позорное мѣсто! Я узнала потомъ... слишкомъ поздно... что... что это—адъ.

Она вновь разразилась громкими рыданіями. Беванъ не снималъ руки съ ея головы, но пальцы его коченѣли по мѣрѣ того, какъ она говорила.

— Женщина!—сказалъ онъ наконецъ, и это слово обожгло его губы, точно раскаленный уголь.—Женщина! Ты не то говоришь. Это неправда. Ради Бога, скажи мнѣ, что это неправда. Ты не была... три недѣли... въ притонѣ разврата?

Она содрогнулась всѣмъ тѣломъ и, соскользнувъ на полъ, упала, лицомъ внизъ, къ его ногамъ.

— О! Боже! Такой ребенокъ!..—воскликнулъ онъ. — А я обожалъ твою чистую душу...

Онъ отвратилъ взоръ, чтобы не видѣть ея униженія, и слезы медленно просочились сквозь его рѣсницы. Онъ чувствовалъ, что не имѣетъ права быть свидѣтелемъ ея позора, и всталъ, собираясь выйти изъ комнаты; но она обнимала его ноги и подняла къ нему полное отчаянія лицо.

— Вы не уходите?

— Не уйду? Да какъ же я могу остаться? Пусти меня, дѣвочка!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ваша любовь...

— Она исчезла. Неужели вы думали, что 'какая угодно любовь можетъ пережить *это*? Пустите меня!—прибавилъ онъ мрачно.—Это лучше для насъ обоихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—Она вскочила на ноги и остановилась передъ нимъ, задыхаясь.—Этого не можетъ быть! Не можетъ! Исчезла? Ваша любовь? Скоро же она исчезаетъ. Я могу — ереть сама, но не моя любовь. Это убьетъ... убьетъ...

Она рванула воротъ, чтобы дать просторъ волнующейся груди. Никогда не была она такъ красива, какъ въ эту и-

нуту; но Беванъ отвернулся отъ нея съ отвращеніемъ. Она съежилась отъ его взгляда, какъ отъ удара, и убѣжала въ уголокъ комнаты, гдѣ присѣла на полъ. Глаза ея... Врядъ ли кому приходилось видѣть подобные глаза! Широко раскрытые, неподвижные и полные горькаго недоумѣнія, они упорно глядѣли на цѣлый міръ несбывшихся возможностей. Она лишилась почвы подъ ногами. Радость, любовь, надежда, вѣра подломились подъ нею, точно тонкій ледъ. Ни позади, ни впереди для нея не осталось ничего. Годы ея безупречной жизни превратились въ ничто при строгомъ свѣтѣ его суда.

Беванъ отвернулся отъ нея. Она опять стала паріей общества, обезчещенною женщиною, которую оттолкнули назадъ, въ грязь. Она тонула... тонула...

Съ усиленіемъ она встала на ноги и беспомощно протянула къ нему руки.

— Я не чувствую...—выговорила она, — не понимаю... чтобы ваша любовь пропала... Вѣдь, вы любили меня вчера, а я съ тѣхъ поръ ничего не сдѣлала... — Ея голосъ повысился до крика.—Но я недостойна... недостойна!.. Только я такъ васъ люблю!.. Я...

Она съ жалобной мольбою положила руку на его рукавъ; но онъ рѣзко отстранилъ ее и пошелъ прочь.

Подойдя къ двери, онъ обернулся. Ея взоръ проникъ сквозь кору его гнѣва до родника любви въ его сердцѣ и вызвалъ эту любовь наружу. Безпредѣльная жалость пробудилась въ немъ, и не даромъ.

Дрожа, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и нерѣшительно взглянулъ на нее. Шея была обнажена, а она того и незамѣчала.

Видъ этой наготы возмутилъ его и поднялъ бурю въ его груди. Гроза разразилась. Послышались слова, холодныя, какъ ледъ, жгучія, какъ огонь:

— Я думаю, мнѣ слѣдуетъ поблагодарить васъ. Вы могли бы и не говорить. Что жъ? Одурачили! Я и не узналъ бы... во-время. Что-же внушило вамъ колебанія, когда цѣль была почти достигнута? Однако, всетаки, я очень благодаренъ вамъ.

Она неподвижно глядѣла ему въ глаза. Дыханіе ея почти прервалось. У нея не было убѣжища отъ его гнѣва. Содрагаясь, она прикрыла плечи своими распутившимися волосами, какъ будто этимъ могла защититься.

Это движеніе смягчило его. Снова жалость и любовь стали вопіять о прощеніи, ссылаясь на ея униженіе, на ея молодость.

— Такая вы малютка,—простоналъ онъ, — такъ вы еще малы..... для грѣха!

Онъ не въ силахъ былъ продолжать. Черезъ минуту голосъ къ нему вернулся.

— Богу извѣстно, какъ я любилъ васъ... Еслибы я могъ васъ спасти... Но пожертвуй я хоть тысячу разъ за васъ жизнью, я не могу сдѣлать васъ чистою... Жениться на васъ... невозможно порядочному человѣку.

Онъ ушелъ.

На полпути до воротъ онъ услышалъ долгій дикій вопль, отъ котораго кровь застыла у него сердца.

Этотъ вопль преслѣдовалъ его. Онъ затыкнулъ уши пальцами и побѣжалъ; но это не помогло.

Джоанна тоже услышала крикъ, и изъ коридора, по которому ходила въ ожиданіи, кинулась въ гостиную.

Посреди комнаты стояла Христина, вся бѣлая и нѣмая, какъ мертвецъ. Неужели это она кричала?

— Дитя, дитя мое! — съ рыданіемъ произнесла Джоанна, подбѣгая къ ней.

Дѣвушка сурово отстранила ее.

— Мнѣ нужно быть одной... обдумать... Да, всему конецъ. Онъ говоритъ, что порядочному человѣку невозможно жениться на мнѣ.

Она улыбнулась.

— Куда же ты, милая моя голубушка? — Джоанна остановила ее.

— Не знаю. Куда нибудь. На дюны. Уѣду верхомъ. Подалее.

— Милое дитя, скоро стемнѣетъ. Дѣвись...

— Не нужно мнѣ ни Дэвиса, никого; нужно уѣхать. Этотъ домъ давитъ меня. Не понимаете?

— Да, да, бѣдняжка моя, дорогая. Только, вѣдь, поздно?..

— Я не боюсь темноты. Гдѣ темно, тамъ мнѣ и мѣсто.

Она двинулась къ двери, и Джоанна не пошла за нею. Она разсудила, что лучше оставить ее одну и дать ей пережить свое горе по своему.

Она подождала, пока не раздался топотъ пони подъ окнами, а потомъ пошла къ себѣ помолиться за дѣвочку, которую раздавила неумолимая судьба.

Однако, она не боялась, чтобы это испытаніе испортило ея воспитанницу. Добро слишеомъ прочно укоренилось въ ея душѣ и не могло быть сразу вырвано оттуда. Христина должна была вернуться болѣе сильнымъ человѣкомъ, чѣмъ до грозы, которая пронеслась надъ нею.

Но черезъ нѣкоторое время увѣренность Джоанны смѣнилъ страхомъ, а въ десять часовъ она послала Дэвиса розыскивъ дѣвуху.

Часъ спустя онъ воротился одинъ и привелъ пони: у попался на встрѣчу мальчикъ, который передалъ ему лошау

и записку. Джоанна развернула бумажку дрожащими руками, и буквы запрыгали у нея передъ глазами:

«Не стойте стараться быть доброй. Я иду назадъ. Не ищите меня. Для такихъ, какъ я, нѣтъ спасенія».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Полуночный Лондонъ.

Первымъ инстинктивнымъ движеніемъ Джоанны было— обратиться къ Боасу. Въ томъ, что ей предстояло, ей нужна была помощь; а кто же могъ помочь, если не онъ? Было болѣе двѣнадцати часовъ, когда она пріѣхала въ Лондонъ. Онъ жилъ надъ своею конторою и вернулся домой за пять минутъ до ея прибытія.

— Миссъ Трѣль!.. Что случилось?.. Неужели Христина?.

— Да; вернулась къ прежней жизни, по ея словамъ.

Онъ взялъ шляпу и пошелъ къ двери.

— Пойдемте со мною. Я знаю, гдѣ искать ее. А дорогою вы расскажете мнѣ, въ чемъ дѣло.

Экипажъ Джоанны дожидался; они сѣли и быстро поѣхали мимо мелькавшихъ фонарей. Уличный шумъ начиналъ стихать; утомленный городъ смыкалъ глаза на ночь. Возможно было говорить и слушать.

— Что случилось?—спросилъ Боасъ.

— Г. Беванъ сдѣлалъ ей вчера предложеніе. Она, бѣдная, любила его. Я убѣдила ее рассказать ему свою исторію.

— Да? Хорошо!

— Я надѣялась... Я почти не сомнѣвалась... А вышло хуже, чѣмъ вы думаете...

— Не хотите ли вы сказать... что онъ отказался... когда выслушалъ?

— Да. Онъ сказалъ, что никто порядочный не женится на ней.

— Сказалъ такую вещь?

Джоанна кивнула головою, глотая слезы.

— Проклятый игуны!—сказалъ Боасъ.

— Христина...

— Несчастная дѣвочка! Какъ она приняла это?

— Это убило въ ней всякое чувство. Она оставила меня, пожелала прокатиться...

— А потомъ?

— А потомъ вотъ!

Она вынула изъ кармана и передала ему записку. Онъ нагнулся впередъ, къ фонарю, и прочелъ ее.

— Вотъ оно!—сказалъ онъ съ горечью.—*Для такихъ, какъ я, нѣтъ спасенія.* Нѣтъ, бѣдное дитя, пока мѣръ, въ угоду своей лицемерной нравственности, кладезь на вась клеймо отверженія. Нѣтъ, пока духъ христіанства остается намъ чуждъ. «И я не осуждаю тебя...» сказалъ Христось... Но мы такъ высоконравственны! Мы перецеголяли Христа!.. Извините, пожалуйста, но это поднимаетъ во мнѣ всю жолчь. Бѣдный, бѣдный ребенокъ! Выбросили опять въ мракъ!

— Я не боюсь за нее,—сказала Джоанна.

Онъ взглянулъ на нее и пожалъ плечами.

— А я бы хотѣлъ не бояться.

— Нѣтъ; она — человекъ страстный и порывистый и потому могла убѣжать; но жить по прежнему она не въ состояніи.

— Я не могу питать такой увѣренности. Ей теперь ничего другого не осталось. Она вернется къ своему прежнему міровоззрѣнію. Не такъ еще давно она обращена. Привычка— великое дѣло.

— Природныя наклонности еще важнѣе,—сказала Джоанна.

— Тѣмъ хуже для большинства изъ насъ,—проворчалъ онъ.—Однако, вы дрожите. Чего вы боитесь?

Съ блѣдныхъ губъ насыду сорвалось слово:

— Рѣка...

— О нѣтъ! Она бы тогда не написала: «иду назадъ». Кромѣ того, она не изъ породы утопленницъ. Мы скоро узнаемъ. Вотъ домъ, гдѣ она жила, пока мы не взяли ее.

Онъ велѣлъ остановиться передъ домою подозрительнаго вида.

— Я уже былъ здѣсь раньше. Въ тотъ день, какъ я ее встрѣтилъ, я провожалъ ее сюда,—сказалъ Боасъ.—Конечно, она и теперь направилась сюда же.

На его стукъ вышла отворить женщина. По ея словамъ, Христіны не было здѣсь.

Боасу не удалось добиться отъ нея ничего болѣе и онъ съ досадою хотѣлъ уходить, когда къ нему обратилась дѣвушка, стоявшая у крыльца:

— Вы—за Тиною Доу? О, Господи! Да она опять здѣсь. Надоѣла ей эта порядочность. И Боже! какая она стала кудалда!

— Гдѣ она?

— Да гдѣ-жъ ей быть, какъ не на улицѣ? Я видѣла въ Шефтсбюри-авеню. Теперь въ ней ужъ мало шиву...

Вестъ-Энда. Небось у «Подковы» теперь! Для нея и это—благодать. Подите и, вѣрно, встрѣтите!

Боась не сталъ больше слушать. Съ тяжестью на сердцѣ онъ вернулся въ экипажъ, гдѣ Джоанна едва сидѣла отъ неперенѣнія.

— Надо выйти, исвать ее... Она здѣсь,—сказалъ онъ.

Лицо Джоанны сморщилось, но она тотчасъ же вышла и твердымъ шагомъ двинулась впередъ. Для спасенія Христины она должна была собрать всѣ силы.

— Мы скорѣе наткнемся на нее пѣшкомъ,—продолжалъ Боась.—Возьмите мою руку.

Джоанна оперлась на его руку, и они дошли вмѣстѣ до Шефтсбюри-авеню.

— Здѣсь подождемъ,—сказалъ Боась.

Только что кончилось представленіе въ большомъ театрѣ, и улица была запружена экипажами и народомъ. Боась сверкалъ глазами, пристально вглядываясь въ каждое дѣвичье лицо. Но Христины не было здѣсь, да и толпа мало по малу разошлась.

Торопливо разѣзжались и экипажъ за экипажемъ.

Фонари начали меркнуть; раздались какіе-то шаги; во мракѣ мелькнула легкая одежда женщины.

— Какъ будто ея тутъ и нѣтъ; а между тѣмъ та дѣвушка говорила съ увѣренностью. Пойдемте впередъ на удачу,—сказалъ Боась, и Джоанна безмолвно послѣдовала за нимъ. Оба молчали.

На углу Тоттенгамъ-рода дневная суতোлка еще не затихла. Яркое освѣщеніе и шумъ дѣлали «Подкову» замѣтною издалека.

На мостовой сіялъ квадратъ свѣта, падавшего изъ отворенной двери. Фонари омнибусовъ и пролетокъ мелькали мимо освѣщая темный уголь, гдѣ сидѣла старуха, цѣлый день держа кружку для сбора копѣекъ съ милосердныхъ прохожихъ. Не умолкалъ грохотъ колесъ. Отрывистые, почти хрипые крики кондукторовъ: «Банкъ!»—«Станція Лондонскій Мостъ!»—раздавались изъ-за угла, перекрещиваясь со встрѣчными возгласами: «Викторія!»—«Черингъ-Кроссъ!»—«Пиккадилли!»

Запоздалые кутилы стремились къ устричнымъ лавкамъ. Дѣвочка-цвѣточница пронзительно выхваляла свой увядшій товаръ. Это была послѣдняя вспышка дневной суеты, которой предстояло вскорѣ смѣниться мракомъ и тишиною.

Боась посмотрѣлъ на группу дѣвушекъ у фонаря. Ея не было въ ихъ числѣ.

— Не знаю,—сказалъ онъ нерѣшительно.—Въ Пиккадилли ей надо бы быть; а впрочемъ она могла зайти и сюда. Она бывала здѣсь. Идемъ дальше.

Они миновали трактиръ и вышли на сравнительно тихую улицу Тоттенгамъ-Кортъ. Здѣсь всѣ мебельныя лавки были заперты, и молчаніе почти не нарушалось. Куда то спѣшившія фигуры бросали на мостовую прозрачныя тѣни. Послѣ яркаго свѣта и шума за угломъ Джоаннѣ показалось, что она попала въ пустыню. Они дошли до конца этой улицы и повернули назадъ, не встрѣтивъ ни одной дѣвушки, похожей на ту, которую искали.

Тѣмъ временемъ народу стало еще менѣе, и Джоанна слышала стукъ собственныхъ каблучковъ о троттуаръ. Былъ уже часъ; но она утратила всякое представленіе о времени.

Они прошли вдоль Оксфордской на Регентскую улицу, къ цирку Пиккадилли, время отъ времени слѣдя за женскою фигурой, напомнившей имъ Христину, заглядывая въ злобныя лица, встрѣчаясь глазами со смѣлыми, вызывающими и жалкими взорами. Джоанна впервые видѣла полуночный Лондонъ, тотъ адъ, который населенъ жалкими тѣнями женщинъ. Подъ каждой шляпкой ей мерещилось лицо Христыны.

Боасъ чувствовалъ, какъ она вздрагивала, когда свѣтъ фонаря падалъ на мужскую и женскую фигуры рядомъ и освѣщаль монету въ рукѣ женщины. Онъ взглядывалъ на Джоанну и видѣлъ, что губы ея шевелятся, шепча молитву.

Ни на одной улицѣ изъ пройденныхъ ими они не нашли кого искали.

— Довольно?—спросилъ Боасъ, когда пробило три часа.

— Нѣтъ,—сказала Джоанна.—Я должна отыскать ее. Если вы устали, то я могу продолжать поиски.

— Одна?

— Да.

— Идемте.

Онъ снова просунулъ ей руку подъ свою, и они пошли вмѣстѣ. Ея выносливость, мужество и молчаливость производили на него впечатлѣніе. Онъ видѣлъ силу ея духа.

Во всей окрестности не осталось ни одного извѣстнаго притона, гдѣ бы они не побывали. Повсюду щитомъ для женскаго достоинства Джоанны были ея великая жалость и любовь. Она видѣла то, что до нея немногимъ женщинамъ приходилось видѣть, а изъ порядочныхъ—ни одной. Она, не краснѣя, присутствовала при такихъ сценахъ, отъ одной мысли о которыхъ—если бы онъ въ состояніи была представить что либо подобное—она былъ бы способна умереть со стыда. Въ эту ночь она вкусила отъ плода древа познанія добра и зла; но когда, на зарѣ, они с Боасомъ остановились—все еще одни—и взглянули другъ на друга, она твердо выдержала его взоръ.

— Что же теперь?—сказалъ Боасъ.

Она улыбулась поблѣвшими губами.

— Я думаю—домой. Теперь ужь пришелъ одинъ поѣздъ. Она могла съ нимъ прѣхать. А если нѣтъ, то я тотчасъ вернусь сюда. Буду искать ее, пока найду.

Боась чуть не посоветовалъ телеграфировать, но подумалъ, что Джоаннѣ лучше будетъ дома, и потому промолчалъ.

— Вы—мужественная женщина,—сказалъ онъ.

— Я не могу оставить ее здѣсь, послѣ того, какъ видѣла...

— Да. Я провожу васъ на вокзалъ. Вамъ надо выпить рюмку вина. Не слѣшите назадъ: я здѣсь все сдѣлаю и телеграфирую, если чтонибудь узнаю. А вы пока отдохните.

— Благодарю васъ.

Боась дождался отхода поѣзда, а потомъ ушелъ съ вокзала прѣшкомъ, опустивъ голову и размышляя о событіяхъ этой ночи.

— Она добра и мужественна. Я еще не видалъ женщины храбрѣе. Она не застанетъ дѣвочки дома, но у меня не хватило духу предсказать ей это. А пока отыщу Бевана и расскажу ему, что онъ надѣлалъ.

Хотя было рано, но на нетерпѣливый звонокъ Боаса Беванъ вышелъ отворять самъ. Очевидно, онъ и не ложился. Лицо его такъ измѣнилось, что стало едва узнаваемымъ.

Всю ночь онъ боролся съ горемъ и съ любовью къ Христинѣ. Онъ все еще любилъ ее и не могъ забыть горькаго униженія, въ которомъ ее оставилъ. Но ударъ, нанесенный ей исповѣдью, заглушилъ на время его любовь. Онъ не могъ сразу перенести свою привязанность къ невинному ребенку на согрѣшившую женщину и поэтому переживалъ жестокую борьбу: оскорбленная гордость и обманутыя желанія возставали противъ нѣжности и состраданія въ его душѣ.

Слѣды этой внутренней бури отразились на его внѣшнемъ видѣ; но очевидность его страданія не возбудила сочувствія въ Боась.

— Надѣюсь, вы довольны вашей работой? — сказалъ онъ сурово.

— Какою работою?—Изумленный Беванъ взялся рукою за голову.

— Мнѣ интересно знать,—выпалилъ Боась,—какое право имѣете вы, или другой мужчина, ставить себя судьей надъ этой дѣвушкой? Какъ смѣете вы говорить, что она никому не годится въ жены? Что никто изъ порядочныхъ не женится на ней? Ахъ вы, мерзавецъ! Проклятый дуракъ! Никто не женится? Конечно! Потому что никто недостаточно хорошъ, чтобы жениться на ней...

Онъ собрался уходить, но вернулся опять.

— И какъ вы смѣли сказать ей такую вещь, когда она была беззащитна передъ вами? Неужели въ васъ нѣтъ ни чести,

ни жалости въ стыду этой женщины? Вы думаете, ей ничего не стоило это призваніе? А вы оттолкнули ее, какъ заурядную проститутку—вы, съ вашей высокой нравственностью!

Беванъ не отвѣчалъ, и его молчаніе еще сильнѣе разожгло гнѣвъ Боаса.

— Ну, полагаю, что вы довольны пріятными результатами. Вы послали дѣвочку къ чорту. Если прежде она не шлялась по улицамъ, зато шляется теперь.

— Это неправда!

— Неправда? Ну, нѣтъ, истинная правда! И сдѣлали это вы. На вашу голову упадетъ все, совершившееся въ эту ночь.

— О, Боже мой!

Беванъ, шатаясь, дотащился до стола, за который ухватился, чтобы не упасть.

— Скажите мнѣ, гдѣ отыскать ее?—простоналъ онъ.

— Вы никогда ее не отыщете,—сказалъ Боасъ.—Она пропала, тѣломъ и душою, и это—ваша работа.

Въ глубокомъ негодованіи Боасъ ушелъ, оставивъ Бевана на жертву укорамъ совѣсти.

Тѣмъ временемъ Джоанна входила въ свою спальню въ Хатчѣ. По прибытіи въ домъ, гдѣ всѣ еще спали, она прежде всего прошла въ комнату Христины, упорно надѣясь застать ее тамъ.

Кровать была пуста; съ чувствомъ слабости и сердечной боли, она направилась къ себѣ. Долго удерживаемыя слезы теперь слѣпили ей глаза, и она бросилась на колѣни, съ отчаяніемъ молясь за свою дѣвочку.

Когда она поднялась—что за чудо?!—Христина была передъ нею.

Да, блѣдная и истомленная, она покоилась на подушкахъ Джоанны въ глубокомъ снѣ.

Но былъ ли это сонъ? Она лежала, точно мертвая, и Джоанна, дрожа, наклонилась надъ нею послушать, дышетъ ли она. Она услышала біеніе собственнаго, но не Христинина сердца и замерла въ нѣмомъ ужасѣ; тутъ вдругъ губы дѣвушки шевельнулись.

Джоанна не въ силахъ была сдержаться. Всѣ волненія этой ночи разрѣшились долгими рыданіями. Она обхватила Христину руками и, рыдая, плакала и смѣялась, совсѣмъ обемѣвъ отъ счастья. Христина задвигалась въ ея объятіяхъ.

— Что такое? Что такое? Вы пріѣхали, наконецъ? Теп. въ утро?

— Да,—засмѣялась Джоанна.—Теперь утро!

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Бури-ли слышится стонъ завывающій,
Злится-ль мятель, выбиваясь изъ силъ,
День-ли осенній, тоску нагоняющій,
Сърымъ туманомъ всю землю покрылъ, —
Вспомни, что тамъ—за свинцовыми тучами
Солнце въ лазури небесной полей
Всегаки блещетъ лучами могучими, —
Вспомни—и станетъ на сердцѣ свѣтлѣй.

С. Александровъ.

СТУДЕНТЫ.

(Изъ семейной хроники).

XIV.

Карташевъ и Шацкій въ видахъ сокращенія расходовъ поселились вмѣстѣ. Для поправленія финансовъ Карташевъ задолжилъ часы, шубку, скюртчуную пару и, помимо матери, попросилъ у дяди одновременную субсидію въ семьдесятъ пять рублей, которые вскорѣ и получилъ.

Друзья исправно посѣщали Берга, абонировались въ библіотекѣ, читая книги въ родѣ «Вѣчнаго жида», «Трехъ мушкетеровъ», «Тайнъ французской революціи», «Королевы Марго», «Графа Монтекрисго».

Въ теченіи мѣсяца оба такъ и не видѣли ни разу дневного свѣта.

— Можетъ быть его и нѣтъ ужъ,—говорилъ Карташевъ.

— Во всякомъ случаѣ это не важно...—отвѣчалъ Шацкій.

Но собственно настоящее увлеченіе первыхъ дней той живнью, какою теперь зажили Карташевъ и Шацкій, уже прошло у Карташева. Грызло его и сознаніе праздности и незаконности такой жизни и, наконецъ, безцѣльность ея. Такъ, съ итальянкой продолжались заигрыванья, но дальше взглядовъ и улыбочекъ дѣло не шло, да и не могло идти, потому что уже одинъ билетъ въ третемъ ряду былъ непосильнымъ расходомъ.

— Мой другъ!..—говорилъ ему Шацкій, съ разстановкой точно подбирая выраженія, что какъ бы придавало особый вѣсъ его словамъ,—или объяснись... или дай ей понять, наконецъ, что ты... ну не можешь... плохъ...

— Конечно, плохъ,—быстро отвѣчалъ, краснѣя, Карташевъ.— Я любовь понимаю, если могу любимой женщиной дать все, а если я не могу...

Шацкий, не сводя прищуренныхъ глазъ съ Карташева, качалъ отрицательно головой.

— Все это очень условно... пять сотенныхъ...

И онъ вынулъ изъ портфеля пять радужныхъ бумажекъ и показалъ Карташеву.

— Вотъ такихъ.

Глаза Карташева смущенно и съ завистью смотрѣли на недосыгаемое для него богатство; но онъ какъ могъ тверже отвѣчалъ:

— Это не деньги...

— Да-а?—спросилъ пренебрежительно Шацкий и спря- талъ деньги назадъ.—Если хочешь попробовать, возьми.

И онъ вынулъ опять, протянулъ деньги Карташеву.

Тотъ не зная, шутить Шацкий или серьезно предлагаетъ.

Но Шацкий уже снова спряталъ деньги, говоря:

— Мой другъ, я не хочу быть причиной твоей гибели... Она не стоитъ твоей любви.

— Да я и не возьму твоихъ денегъ.

— Конечно!..

— Потому что раньше двадцатидного года не буду имѣть своихъ.

— Жаль, жаль. Я считалъ тебя болѣе приличнымъ маль- чикомъ. Ты въ гимназіи выглядѣлъ такимъ... ну, по крайней мѣрѣ, тысячъ на двѣсти... Такой задумчивый, какъ будто стоитъ ему только пальцемъ двинуть, и Мефистофель ужъ готовъ къ услугамъ... а ты, въ сущности, только жуликъ. Да, ты падаешь, мой другъ... и я боюсь, что ты, наконецъ; превратишься въ простую кокетку... какъ Ларіо: дай рубль на память...

Такіе разговоры коробили и раздражали Карташева. Онъ былъ опять безъ денегъ, надо было или брать взаймы у Шацкаго, или прекратить посѣщенія Берга. Онъ давалъ себѣ обѣщаніе не ходить къ Бергу, но въ восемь часовъ вечера не- удержимыя силы рвали его, и онъ шелъ за Шацкимъ. Шелъ неудовлетворенный, томился въ корридорахъ деревяннаго те- атра, томился въ креслѣ, слушая тѣ же аріи, видя тѣ же дви- женія, томился, смотря на ту же толпу поклонниковъ, которые и во время представленія и въ антрактахъ непринужденно кричали, смѣялись и пили шампанское.

Все это было недоступно для него, все это было пошло, даже глупо, но все это какой то уже образовавшейся при- вычкой тянуло къ себѣ Карташева и Шацкаго, такъ же тя- нуло, какъ тянетъ пьяница къ водкѣ, не давая въ то же время никакого удовлетворенія.

— Въ сущности, что намъ дѣлать здѣсь?—говорилъ иногда въ антрактѣ Карташевъ Шацкому.

— Говори, пожалуйста, въ единственномъ числѣ — рѣзко

обрываль его Шацкій, — если бы я хотѣлъ, то зналъ бы, что дѣлать.

И Шацкій убѣгалъ отъ унылаго Карташева, бѣгалъ по коридорамъ, выкрикивалъ свое «дзинь-ла-ла», останавливался вдругъ, разставляя свои длинныя ноги, и смотрѣлъ, вытянувъ шею. А когда къ нему поворачивались и смотрѣли на него другіе, Шацкій смѣялся и съ новымъ крикомъ: «дзинь-ла-ла» неся дальше. Если онъ налеталъ на какого-нибудь гремѣвшаго и сопѣвшаго отъ вынутаго коньяку и шампанскаго марса, и тотъ грубо отталкивалъ его, приправляя толчокъ презрительной бранью, — Шацкій на мгновеніе краснѣлъ, мигалъ усиленно глазами и опять, съ новой энергіей и отчаянно выкрикивая и ломаясь, стремительно неся дальше.

Въ сношеніяхъ своихъ съ Карташевымъ онъ измѣнялся и все больше сталъ походить на прежняго «идиота» Шацкаго, мало остроумнаго, мало интереснаго, нахальнаго и безцеремоннаго. Между Карташевымъ и имъ происходили нерѣдко стычки грубыя и рѣзкія, причемъ Шацкій спокойно явилъ Карташева, задѣвая самыя больныя мѣста его, а Карташевъ, сдѣлавшись вспыльчивымъ, какъ порохъ, кричалъ и ругался.

Но къ вечеру миръ всегда восстанавливался, и они опять шли оба къ Бергу.

Однажды Шацкій послѣ такой ссоры, проснувшись утромъ раньше обыкновеннаго, озабоченно умывшись и напившись чаю, куда-то исчезъ, а Карташевъ съ горя, почувствовавъ еще большую пустоту, повернулся на другой бокъ и проспалъ до его возвращенія. Были уже сумерки, когда Шацкій вошелъ. Онъ понюхалъ воздухъ, окинулъ взглядомъ неубранную комнату, застывшій на столѣ самоваръ и проговорилъ брезгливо:

— Какая гадость! какъ свинья... въ комнатѣ вонь, чортъ знаетъ, что такое.

Карташевъ открылъ распухшіе отъ сна глаза.

— На что ты похожъ? Блѣдный, истасканный...

— Не твое дѣло, — угрюмо отвѣтилъ Карташевъ.

— И это Тема... красавчикъ по мнѣнію коровъ, гордость матери!

— Послушай! — вскипѣлъ Карташевъ.

— Что, — драться?! То есть окончательно юнкеръ какой-то.

Шацкій остановился передъ Карташевымъ.

— Хорошъ...

Онъ посмотрѣлъ еще, покачалъ головой, вздохнулъ и ошелъ. Немного погодя онъ уже своимъ обычнымъ спокойнымъ голосомъ спросилъ:

— А я на лекціяхъ былъ.

Карташевъ молчалъ.

— Ты что-жъ? совсѣмъ раздумалъ!

— Ты бы нанялъ, — отвѣтилъ нехотя Карташевъ, — квартиру еще дальше отъ университета.

— Да-а... я виновать... Ну-съ, хорошо... Читай!

Карташевъ взялъ изъ рукъ Шацкаго афишу съ анонсомъ о бенефисѣ итальянки.

— Что скажешь? — спросилъ Шацкій, когда Карташевъ, прочитавъ, положилъ молча на одѣяло афишу и закрылъ глаза.

— Я не пойду, — отвѣтилъ мрачно Карташевъ.

— О-о! Мой другъ! ты, какъ Антоній въ объятяхъ Клеопатры, потерялъ все свое мужество... Артуръ, мой другъ, что съ тобой?! Гдѣ, гдѣ то время золотое, когда, безпечный, ты носился на своемъ Орликѣ по степямъ своей Новороссіи... Артуръ! вспомни о предкахъ своихъ... Владѣтельный нѣкогда князь Хорватъ... Потомокъ мрачныхъ демоновъ съ ихъ нечеловѣческими страстями... И вотъ послѣдышь ихъ... послѣднее слово науки, дитя конца девятнадцатаго столѣтія... не вкусивши жизни, ужь отошедшій подъ тѣнь ея...

— Перестань ерунду нести.

— О, мой другъ! ты мраченъ, ты, какъ царь Саулъ, ищешь меча... Музыку, скорѣй музыку и чудный голосъ неземной... Сюда, итальянка, небожительница, и развлеки мнѣ моего Тему... Тема! букетъ итальяночкѣ!

Карташевъ отвернулся.

— Что?! Ты молчишь? Артуръ, мой другъ! Ну, что же ты?

И Шацкій до тѣхъ поръ приставалъ, пока Карташевъ не отвѣтилъ съ остаткомъ тоски:

— Оставь. Меня мучить, что мы, дѣйствительно, такую жизнь ведемъ.

— Мой другъ! Намъ, съ нашимъ сердцемъ и умомъ, мучиться такими вещами?! Оставимъ это халуямъ. А мы гонимъ нашего времени, мы проживемъ иначе. Вспомни Байрона... Манфреда... мрачныя скалы, демоны, фаусты... прочь все это! Мы «даинъ-ла-ла» e viva l'Italia. Повѣрь мой другъ, мы проживемъ умнѣ Манфреда и всѣхъ Байроновъ et tutti quanti... Надо жить, пока огонь въ крови, пока итальянка еще существуетъ. Во-первыхъ, букетъ, во-вторыхъ, карточку, ужинъ и... будь, что будетъ. Одно только мгновенье и вся остальная жизнь хламъ, никому ненужный... и знаешь, мой другъ, все это не больше сотеннаго билета... Да! вотъ тебѣ и деньги. Отдашь, когда можешь. Мой другъ, сдѣлай мнѣ одолженіе... прошу!

Такъ уговаривалъ Шацкій, и Карташевъ, наконецъ, согласился:

— На букетъ возьму, а больше ни за что. Но я отдамъ тебѣ эти деньги только на Рождество.

— Хорошо, хорошо... хоть букетъ, а тамъ видно будетъ.

На букетъ и ленты ушло двадцать пять рублей.

Букетъ принесли утромъ въ день бенефиса. Карташевъ и Шацкій проснулись вслѣдствіе этого раньше обыкновеннаго.

— Очень мило, — серьезно говорилъ Шацкій, держа букетъ въ рукѣ и любуясь имъ издали. — Нѣтъ, за такой букетъ, пожалуй, итальяночка будетъ наша.

И Карташевъ начиналъ серьезно допускать такую возможность.

Видъ и нѣжный ароматъ букета цѣлый день привлекали его вниманіе и навѣвали какое-то пріятное очарованіе. Точно сама итальянка была уже у нихъ въ комнатѣ, точно у нихъ были настоящія связи со всѣмъ этимъ закулиснымъ міромъ, какъ у тѣхъ постоянныхъ посѣтителей первыхъ рядовъ и литерныхъ ложъ, которыхъ они ежедневно встрѣчали въ театрѣ.

Но надежды, возлагавшіяся на букетъ, не оправдывались: другой, громадный съ широкими лентами букетъ затмилъ Карташевскій.

— Она не знаетъ, какой именно мы поднесли; это еще лучше, — энергично поддерживалъ Шацкій смутившагося Карташева.

Но итальянка, свѣжая, возбужденная, улыбалась не въ сторону Карташева, а въ литерную ложу, гдѣ сидѣлъ въ числѣ другихъ смущенно молодой, изящный гусарь, красивый, съ выразительными, мягкими глазами. Карташевъ сидѣлъ растерянный, оскорбленный до глубины души итальянкой. Ему хотѣлось встать и крикнуть ей и всѣмъ, что онъ знаетъ теперь всю ложъ и фальшь и ея и всѣхъ этихъ разраженныхъ дамъ. Но онъ продолжалъ сидѣть.

Глубокий долгъ былъ сдѣланъ, завѣса спала съ глазъ, и подавленный Карташевъ сидѣлъ передъ спущенной занавѣсью перваго антракта и ему не хотѣлось ни сидѣть, ни идти въ коридоры, не хотѣлось оставаться въ театрѣ, не хотѣлось уходить, не хотѣлось думать, смотрѣть, жить. Вся жизнь казалась такой пустой, глупой, не стоящей никакой цѣли... Провалиться и забыть на вѣки, что и жить, чтобъ и тебя забыли...

А Шацкій приставалъ и говорилъ:

— Мой другъ! ты окончательно оскандалилъ меня... ты меня въ такое положеніе поставилъ, что хоть въ воду...

— Да оставь же ты, пожалуйста, — съ досадой отвѣтилъ Карташевъ, — не всегда же твое, наконецъ, шутовство интересно.

— Шутовская роль, кажется, не мнѣ принадлежитъ во всей этой исторіи.

— Да ты просто глупъ, мой другъ.

— Позволь, — рѣзко перебилъ Шацкій, — почему я глупъ? Потому что твой другъ, или твой другъ, потому что глупъ?

Карташевъ вскочилъ.

— Позволь мнѣ пройти...

— Изволь, изволь, — быстро подбирая ноги, пропустилъ Шапкинъ.— Но надѣюсь, ты хоть здѣсь не будешь драться.

Карташевъ ничего не отвѣтилъ и, выйдя въ корридоръ, сталъ одѣваться. Въ дверяхъ, когда онъ ужъ одѣлся, выглянула фигура Шапкаго, который, казалось, небрежно смотрѣлъ на публику, но въ то же время внимательно наблюдалъ за Карташевымъ и не вѣрилъ, что онъ, дѣйствительно, уйдетъ.

Карташевъ, встрѣтивъ взглядъ Шапкаго, еще рѣшительнѣе направился къ выходу.

Прѣхавъ домой, онъ заказалъ самоваръ и вытащилъ изъ лекцій какую то нѣмецкую брошюрку въ 60 страницъ. Съ диксионеромъ въ рукахъ сѣлъ за письменный столъ, взялъ въ руки карандашъ и началъ читать, стараясь ни о чемъ другомъ больше не думать.

Но съ первыхъ же прочитанныхъ фразъ начался въ головѣ знакомый сумбуръ и рядомъ съ этимъ сумбуromъ въ голову ворвались совершенно ясныя мысли объ итальянкѣ, о Шапкомъ и о всей ихъ несложной жизни.

— Но вѣдь это кабакъ... это голый развратъ!—съ отчаяніемъ твердилъ онъ себѣ.

И въ то же время безъ мысли, безъ разсужденія тянуло его назадъ въ театръ, такъ тянуло, что слезы готовы были выступить изъ глазъ и такъ отчетливо и такъ ясно по слогамъ и по мотиву напѣвались слова:

Folichon, fo-li-cho-nette...

Такъ и бросилъ бы все и опять повѣрилъ бы и этой простотѣ, и этой патриархальной, беззаботной веселости, опять пошелъ бы и, сѣвъ уютно рядомъ съ Шапкинмъ, сказалъ бы:

— Зачѣмъ намъ ссориться? жизнь такъ коротка. Будемъ вѣрить и не будемъ стараться проникать за кулисы этой жизни.

Карташевъ всетаки выдержалъ характеръ и не пошелъ къ Бергу въ тотъ вечеръ. Томясь и тоскуя, онъ то пилъ чай, то лежалъ, то ходилъ и все мучился, что сегодняшній вечеръ такъ-таки и пропадетъ у него.

А на другой день онъ опять былъ у Берга и опять по прежнему ходилъ каждый вечеръ, и хотя букетъ разбилъ всѣ иллюзіи, но осталось что то ремесленное: было скучно въ театрѣ, но если не шелъ—было совсѣмъ несносно.

Итальянка не обращала на него больше никакого вниманія. Карташевъ чувствовалъ униженіе и, всматриваясь, уже какъ посторонній зритель, не могъ не признавать, что лицо итальянки загоралось настоящимъ счастьемъ, когда въ ложѣ появлялся красавецъ юноша въ гусарской формѣ.

Ярко, съ мучительной болью въ какой-то недосыгаемой рамкѣ

блеска и прелести вырисовывались передъ нимъ и этотъ полный жизни гусарь, и итальянка. И подъ впечатлѣніемъ своихъ мыслей Карташевъ говорилъ Шацкому:

— А ты знаешь, когда мнѣ было десять лѣтъ, меня тоже требовали въ пажескій корпусъ.

— Ну и что-жъ?

— Мать не пустила.

— Напрасно.

— Теперь бы я былъ ужъ...

— Обладателемъ итальянки...

— Я не желаю ее.

— Не желаешь? А ну-ка, посмотри мнѣ прямо въ глаза, какъ матери посмотрѣлъ бы... Стыдно, Тема, ты научился врать...

Однажды Карташевъ попросилъ у Шацкого денегъ взайми.

— Сколько?—спросилъ тотъ.

— Пятнадцать.

— Зачѣмъ тебѣ столько?

— Мнѣ надо... билетъ въ театръ...

— Я тебѣ возьму.

— Да что ты мнѣ, опекунъ что-ли?

— У меня мелкихъ нѣтъ...

Шацкий и впоследствии давалъ Карташеву по мелочамъ, — водилъ его съ собой въ театръ, но на руки подъ разными предлогами уклонялся давать болѣе крупныя суммы.

Однажды Карташевъ, чтобы избавиться отъ непріятной и постоянной зависимости, началъ настоятельно требовать двадцать пять рублей.

— У тебя теперь есть мелкія...

Шацкий замолчалъ, поднялъ брови и съ соотвѣтственной интонаціей спросилъ:

— Ты знаешь, сколько ты уже взялъ?

— Сорокъ рублей,—25 на Рождество, а 15, какъ получу, отдамъ.

— А жить на что будешь?

— Не твое дѣло,—покраснѣлъ Карташевъ.

— Конечно... но дядѣ ты написалъ бы?

Карташевъ молчалъ.

— Если ты напишешь дядѣ, я дамъ тебѣ хоть сто рубл.

— Я не желаю больше съ тобой разговаривать.

— Я долженъ тебѣ сказать, мой другъ,—вспыхнулъ Шацкий,—что ты дѣлаешься окончательно несноснымъ.

Пріятели поссорились.

Шацкій одѣлся и ушелъ.

Передъ уходомъ Шацкому надо было что-то взять тамъ, гдѣ сидѣлъ Карташевъ, и онъ, протянувъ руку, сухо сказалъ:
— Pardou.

Со дня на день Карташевъ ждалъ повѣстки изъ дому и чего бы не далъ, чтобы получить ее сегодня и, выкупивъ вещи, неожиданно явиться въ театръ и сѣсть въ первомъ ряду на зло Шацкому.

Но ни повѣстки, ни денегъ не было.

Пробило восемь часовъ: Шацкій, очевидно, въ театрѣ и теперь окончательно не придетъ. Надо достать денегъ и идти въ театръ,—надо безъ разсужденій. Висѣло на вѣшалкѣ только одно осеннее пальто, которое, при общемъ закладѣ его вещей, забраковалъ Шацкій.

Карташевъ взялъ пальто, чтобы заложить въ первой попавшейся кассѣ ссудъ, но неожиданно встрѣтился въ передней съ Корневымъ.

— Васька! Какими судьбами?—обрадовался Карташевъ.

— Да вотъ, къ тебѣ. Билетъ на завтра въ Гугеноты бралъ... Ну, думаю, чаю напьюсь.

Карташевъ повелъ Корнева къ себѣ.

— Ты что-жъ сегодня не у Берга?

Карташевъ весело улыбнулся.

— Я больше къ Бергу не хожу.

— Вотъ какъ. Чего-жъ это?

— Надоѣло.

— Очень радъ за тебя и никогда не могъ понять этого влеченія. Ну, я понимаю еще оперу, драму: тамъ есть чѣмъ увлекаться. Но что такое Бергъ? вѣдь это просто балаганъ, даже физическаго удовольствія нѣтъ. Я понимаю... ну тѣхъ, гусаровъ! имъ доступно все это, а вѣдь вы же облизываетесь только.

Лицо Корнева поблѣднѣло и перекошилось; онъ смотрѣлъ и ѣдко, и смущенно своими маленькими заплывшими глазами въ глаза Карташева. Но въ голосѣ его было столько убѣжденности и искренности и благорасположенія въ то же время, что Карташевъ не только не обидѣлся, но подъ впечатлѣніемъ всѣхъ своихъ неудачъ отвѣтилъ:

— Да, конечно.

— Ты скажи, ты былъ хоть разъ въ оперѣ?

— Нѣтъ; да тамъ никогда вѣдь билетовъ нѣтъ.

— Надо заранѣе. Я для этого сегодня и отправился. Жаль, а то бы я и тебѣ взялъ. Я, положимъ, имѣю одинъ билетъ для товарища... Дать развѣ тебѣ...

— Въ раекъ?—нерѣшительно спросилъ Карташевъ.

— Ну, конечно... Послушай, Карташевъ, оставь ты ха-

луямъ морочить самихъ себя. Право, и въ райкѣ прекрасно, а сознание, что ты при этомъ и по средствамъ сидишь, должно только усилить удовольствіе. Я не знаю, впрочемъ; такъ моя философія по крайней мѣрѣ говоритъ мнѣ.

— Да, конечно, это важно. Что жъ? Я согласенъ.

Корневъ просидѣлъ у Карташева весь вечеръ. Время въ разговорахъ летѣло незамѣтно.

— Чортъ его знаетъ,—говорилъ Корневъ,—скучная жизнь. Сегодня, какъ завтра, завтра, какъ сегодня... Я теперь перечитываю классиковъ...

— Мало того, что мы сами классики?

— Какіе же мы классики?! Грамматику Кюнера вы зубрили? По моему, самые ремесленные реалисты.

Друзья замолчали. Корневъ усиленно грызъ ногти, напряженно смотря передъ собой.

— Глупая жизнь! — съ горечью снова заговорилъ онъ: — Цѣлый рядъ вопросовъ... и отвѣтовъ нигдѣ... Тамъ у насъ свой братъ, такой же безбородый... себя не вѣришь, а имъ съ чего вѣрить... Въ литературѣ какой-то туманъ, недосказы, намеки и проза, проза... такая ремесленная проза... какіе мы къ чорту классики. Во всемъ и вездѣ только ремесленники, щедринскіе зайцы. Помнишь: сиди и дрожи, пока я тебя не съѣмъ, а можетъ быть, ха-ха, я тебя и помилую.

— Откуда это?

— Ты однако ничего не читаешь... Волкъ — зайца поймаешь, а ѣсть ему не хочется, ну и говорить: сиди и дрожи. А у зайца зайчиха должна родить. Просить зайца волка отпустить ее. Отпустилъ на честное слово.

— Ну? — заинтересовался Карташевъ.

— Ну, приближалъ назадъ зайца. Сидитъ опять и старается и виду не подавать, что вотъ онъ, зайца, слово сдержалъ.

Корневъ принялся опять за ногти.

— Могъ и не сдержать, — произнесъ онъ раздумчиво.

— Какой остроумный Щедринъ.

— Да-а... Что, впрочемъ, не мѣшаетъ тебѣ его не читать.

Все Рокамболой жарите?

— Нѣтъ, надоѣло и это ужъ.

— Пора.

Пришелъ Шацкій.

— А-а, это вы...

Шацкій пренебрежительно, ломаясь, протянулъ Корневу руку въ перчаткѣ.

— Ну-съ, вы собачью-то кожу снимите сперва.

Шацкій началъ медленно стаскивать перчатки.

— Знаете новость? Бебель избранъ. Одинъ социаль-демократъ во всемъ рейхстагѣ... очень оригинально.

Корневъ молчалъ.

— Ну-съ, и чтожь? Рѣжете, потрошите и за счастье считается, не вытирая рукъ, завтракать потомъ?

— Во-первыхъ, не кричите.

— Я, кажется, у себя дома... а во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, оставьте насъ, маленькихъ людей, лучше въ покой.

— Понимаю...

Шацкій понюхалъ воздухъ.

— Сплетнями пахнетъ... успѣли...

Шацкій хотѣлъ сѣсть въ кресло, но въ это время Карташевъ, вскочивъ, блѣдный и взбѣшенный бросился на него, и Шацкій вмѣсто того, чтобы сѣсть, желая быстро подняться, не удержался и съ кресломъ опрокинулся на полъ.

Паденіе Шацкаго расхолодило гнѣвъ Карташева, но Шацкій взбѣсился.

— Чтожь ты, наконецъ, — сказала, поднимаясь, Шацкій, окончательный разбойникъ?

— Молчать...

— Ну вотъ вамъ извольте, — обратился Шацкій къ Корневу.

— Я рѣшительно ничего, господа, не понимаю.

— Да эта скотина воображаетъ, что я безъ него тутъ тебѣ сплетничалъ на него...

— Объ васъ ни одного слова не было.

— Да и нечего говорить было, хоть бы и хотѣлъ. Что я тебѣ денегъ не далъ? Во-первыхъ, я тебѣ на букетъ 25 рублей далъ, во-вторыхъ 15 рублей ты взялъ, въ-третьихъ, когда ты опять попросилъ, я только и сказалъ, чтобы ты опять дядѣ написалъ...

Карташевъ стоялъ растерянный, сконфуженный и не смотрѣлъ на Корнева.

— Я самъ отказался, во-первыхъ, отъ твоихъ денегъ, а во-вторыхъ я сказалъ тебѣ, что отдамъ деньги не сегодня-завтра.

— Только пятнадцать.

— Всѣ сорокъ.

— Это новость...

— Ну, такъ вотъ знай; а въ-третьихъ, съ полученіемъ денегъ, я отъ тебя уѣзжаю.

— Не удерживаю.

— Тоже идиотъ и я былъ.. съ такимъ господиномъ связаться.

— Я думаю, теперь, когда между нами все кончено, можно и не ругаться.

— Ну, мнѣ пора, — поднялся Корневъ.

И онъ началъ, не смотря на Шацкаго и Карташева, прощаться.

— Прощай те, прощайте, докторь, — говорил Шацкій такъ какъ будто ничего не произошло.

— Билетъ я тебѣ передалъ? — сухо спросилъ Корневъ.

— Да; деньги тебѣ сейчасъ?

— Послѣ.

— Это куда? — поинтересовался Шацкій.

— Въ оперу.

— Въ небеса, въ рай, конечно...

— Да конечно.

— Ко кому?

— Да да... — съ презрѣніемъ, скрываясь за дверь, отвѣчалъ Корневъ.

Карташевъ пошелъ его провожать. Они молча дошли до дверей.

— Это что за бубень еще? — упрямо спросилъ Корневъ.

— Да это дурацкая, глупая исторія.

И Карташевъ смущенно и скоро разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Корневъ слушалъ и сосредоточенно грызъ ногти.

— Я совѣтую тебѣ дѣйствительно поскорѣе разѣхаться съ этимъ господиномъ. Вѣдь такъ не долго и... совсѣмъ размыться.

— Пустяки... Ну, посмотрѣлъ на другую жизнь. Я непременно разѣдусь, какъ только получу деньги.

— Тебѣ много надо? Завтра я тебѣ рублей 15 могъ бы дать.

— Я тебѣ сейчасъ же, какъ получу, отдамъ. Я тогда сейчасъ же и переѣду. Здѣсь просто клоака.

— Ну, такъ я завтра въ театръ принесу. Прощай... По-слушай, ты всетаки не давай себѣ воли. Чтожъ это такое? Чуть что, драгся лѣзть. Это ужъ совсѣмъ какое-то юнкерство.

— Да съ нимъ совсѣмъ съ толку собьешься. Язвить, безтактный, безцеремонный.

— А когда захочетъ, можетъ и другимъ быть. Ну, прощай.

Карташевъ возвратился въ комнату спокойный, скучный и задумчивый. Не было больше ни гнѣва, ни раздраженія; хорошо ли, худо ли, но вышло такъ, что приходилось сказать рѣшительно: конецъ. Такъ вышло: сразу и безповоротно.

Шацкій тоже что-то чувствовалъ и безъ ломаній, усталый и скучный, раздвѣлся. На другой день Карташевъ и Шацкій не сказали ни слова другъ другу, — вечеромъ Шацкій отъѣхалъ къ Бергу, а Карташевъ въ Маріинскій театръ.

Сперва онъ сидѣлъ тамъ грустный, равнодушный.

Въ антрактахъ Корневъ напѣвалъ ему въ полголоса шпанья ими аріи и твердилъ:

— Прекрасная опера...

Послѣ третьяго дѣйствія Карташевъ заявилъ:

— И мнѣ нравится... обыкновенно новую вещь мнѣ надо разъ десять прослушать прежде, чѣмъ что-нибудь пойму, а тутъ какъ-то я и музыку, и мысль и, именно черезъ мысль, музыку понимаю... Танецъ цыгановъ...

Корневъ вполголоса началъ напѣвать.

— Ахъ, какая прелесть!—вспыхнулъ Карташевъ.

Въ передачѣ Корнева ему еще больше понравился мотивъ.

— Нѣжная, больная мелодія... И подъ нее засыпаютъ страсти и чувствуется, что вотъ-вотъ искра, и онѣ опять съ новой силой вспыхнуть... И все такъ тонко... Декорация... Ты замѣтилъ сумерки: нѣжный, нѣжный просвѣтъ, а темныя, страшныя тучи уже ползутъ, надвигаются: одна половина города уже охвачена мракомъ, а другая еще въ ясныхъ, золотистыхъ сумеркахъ. Въ этомъ контрастѣ такая непередаваемая, какая-то неотразимая сила: и покой, идиллія, и какъ будто эти тучи и не надвинутся... А онѣ уже тутъ... И музыка, и больныя страсти больныхъ людей... Какъ будто въ жару, въ бреду... Нѣтъ, хорошо... прелесть. Осмысленная опера.

Корневъ слушалъ восторженныя похвалы Карташева, грызъ ногти, что-то думалъ и, когда Карташевъ кончилъ, сказалъ:

— Вотъ видишь, какъ ты можешь чувствовать, а самъ изъ Берга не выходишь...

— Ахъ, какая прелесть! Ахъ, какая прелесть!—говорилъ Карташевъ, одѣваясь послѣ оперы.—Я весь въ огнѣ этого зарева, музыки, страстей!.. Туда бы, Вася...

— Ёдемъ ко мнѣ,—позвалъ Корневъ.

— Съ удовольствіемъ.

Они поѣхали къ Корневу и всю дорогу разговаривали.

Они вошли въ комнату съ ароматомъ и впечатлѣніями театра. У Корнева на столѣ лежалъ Гете и Карташевъ сталъ перелистывать книгу.

— Ахъ, вотъ откуда привелъ на первой лекціи нашъ профессоръ.

И Карташевъ прочелъ громко:

Такъ возврати тѣ дни мнѣ снова,
Когда я самъ въ равнѣи былъ,
Когда потокъ живого слова
За пѣсню пѣсню торопилъ,
Когда я видѣлъ міръ въ туманѣ,
Изъ ранней почки чуда ждалъ...

— А мы ужъ не ждемъ, Вася, изъ почки чуда...

Я былъ убогъ и такъ богатъ,
Алкая правды, и обману радъ.
Дай тотъ порывъ мнѣ безусловный,

Страданій сладостные дни,
И мощь вражды и пылъ любовный,
Мою ты молодость верни!

Карташевъ продолжалъ перелистывать Фауста.

— Какъ-то чувствуешь свою молодость, когда читаешь такия книги... Нѣтъ, какъ только переѣду на новую квартиру, сейчасъ же примусь за классиковъ: Гете, Шекспиръ, Гейне, Виктора Гюго, Вальтеръ-Скотта, Жоржъ-Зандъ...

— Ты Консуэлло ея читаль?

— Нѣтъ.

— Очень поэтичная и художественная вещь и интересная.

— Съ Консуэлло и начну... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, надо работать... И знаешь, я переѣду на Петербургскую.

— Кстати... возьми деньги... Только сейчасъ же, какъ получишь, отдай...

— Сейчасъ же, Вася... Такъ въ такомъ случаѣ я завтра же и поѣду искать комнату.

Карташевъ прошелся.

— И отлично... пятнадцать рублей хватить сполна... По крайней мѣрѣ начну экономничать, а то совѣстно просто...

Карташевъ еще подумалъ.

— Нѣтъ, окончательно рѣшено...

Онъ весь охватился своей новой мечтой жить на Петербургской сторонѣ, гдѣ такъ тихо, уютно, гдѣ все такъ напоминаетъ родину, гдѣ онъ будетъ читать классиковъ, будетъ работать надъ своимъ образованіемъ... Онъ пріѣдетъ домой, къ матери, блестящимъ, образованнымъ...

Глаза его загорѣлись отъ новой пришедшей ему вдругъ мысли.

— Васька, я бросаю курить.

— Да ты хоть не сразу все это, а то навалишь на себя разныхъ обузъ и самъ же себя сдѣлаешь несостоятельнымъ...

— Ничего...—отвѣтилъ Карташевъ,—даю честное благородное слово, что бросаю курить...

— Ну...—огорченно махнулъ рукой Корневъ.

— Васька, смотри...

Карташевъ открылъ фортку, вынулъ кожаный портсигаръ, показалъ Корневу и весело швырнулъ его за окно.

— Послушай... Ну это ужъ глупо... Отдашь бы кому нибудь...

— Чортъ съ нимъ... Теперь шабашъ...

Карташевъ сидѣлъ немного смущенный, но довольный.

— Рыло,—спуталъ ему волосы Корневъ.—Ну, теперь кури...

— Нѣтъ...

На другой день Карташевъ прямо отъ Корнева отправа. а

на Петербургскую сторону искать квартиру, все въ томъ же возбужденномъ, удовлетворенномъ настроеніи.

Курить ему хотѣлось и Корневъ предлагалъ:

— Покури...

Но Карташевъ, хотя и съ видомъ мученика, твердо отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Ну, молодець...— говорилъ ласково Корневъ.

XV.

На Кронверскомъ проспектѣ, противъ Александровскаго парка, въ чистенькомъ деревянномъ домикѣ съ мезониномъ прочелъ Карташевъ на билетикѣ въ воротахъ о сдающейся комнатѣ и, войдя во дворъ, позвонилъ у чистенькаго подъѣзда.

Ему отворила молодая горничная съ большими черными глазами, которые смотрѣли съ любопытствомъ и интересомъ.

— Здѣсь отдается комната?

— Здѣсь, пожалуйста...

Карташевъ вошелъ въ прихожую и, пока раздѣвался, слушалъ звонкія трели разливавшихся канареекъ. Было тихо и уютно.

Тамъ дальше кто-то игралъ на рояли и по дому отчетливо неслись нѣжные звуки Santa Lucia.

На Карташева пахнуло деревней, когда подъ вечеръ Корневъ и сестры гдѣ нибудь у пруда пѣли бывало среди стихающаго дня, догорающей зари, аромата вечера:

Лодка моя легка

Весла большія...

Sa-a-nta Lu-ci-a...

— «Вотъ хорошо», подумалъ Карташевъ, «и музыка и какая прекрасная».

Его ввели въ нарядную, потертую, но опрятную гостиную, гдѣ стояла очень пожилая, какъ будто усталая, худая дама, съ наколкой, въ нарядномъ темномъ платьѣ, точно въ ожиданіи гостей.

Карташевъ неловко поклонился подъ внимательнымъ взглядомъ дамы.

— У васъ комната сдается...

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Карташевъ отрекомендовался.

— Прошу садиться.

Карташевъ сѣлъ и выдержалъ цѣлый экзамень.

Можеть быть, онъ влюбленъ? Въ такомъ случаѣ она не мо-

жетъ допустить никакихъ дамскихъ посѣщеній. Можетъ быть, онъ курить? Тогда, къ сожалѣнью, она тоже не можетъ, потому что свѣжій воздухъ ей дороже всего. Можетъ быть, онъ пьетъ, кутить, играетъ въ карты, можетъ быть, у него товарищи слишкомъ шумные?

Карташевъ съ удовольствіемъ давалъ точные отвѣты и былъ даже радъ той строгости, съ какой спрашивала его хозяйка.

— У меня мать тоже очень нравственная и религіозная женщина,—нашелъ необходимымъ для чего-то сообщить Карташевъ.

— Это очень пріятно,—поощрила его хозяйка, — встрѣтить такое отношеніе въ молодомъ человѣкѣ къ своимъ родителямъ.—А вашъ батюшка тоже живъ?

— Нѣтъ.

— Онъ кто былъ?

И на это Карташевъ далъ точный отвѣтъ.

— Вы на отца или на мать похожи?

— Я больше на мать похожъ... я вамъ покажу ея карточку...

Карташевъ, вспомнивъ, что еще не нанялъ комнаты, замолчалъ смущенно.

— Я васъ должна предупредить... у насъ еще одна комната сдается и живетъ очень милый молодой человѣкъ... я его неохотно и впускала, правду сказать... изъ мѣщанъ онъ... но теперь вполне довольна... не курить... Только вотъ играетъ...

— Это его игра?

— Да, его...

— Я очень люблю музыку... У меня и мать, и сестры постоянно играютъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы довольны будете... Теперь вамъ и комнату можно показать... Пожалуйте...

Комната, куда вошелъ Карташевъ, была очень оригинальна. Въ ней стояли старинныя бархатныя кресла, старомодный съ громадными ручками диванъ, какъ будто открывавшій свои объятія, зеркало съ высокими стеклянными подсвѣчниками въ бронзовой ажурной оправѣ, письменный столъ массивный съ множествомъ ящичковъ. Только кровать да два-три стула говорили о чемъ-то болѣе современномъ и своей скромностью составляли рѣзкій контрастъ съ остальной обстановкой.

Карташевъ съ удовольствіемъ прошелся по комнатѣ, заглянулъ въ окно, а хозяйка стояла у дверей и, казалось, съ высоты своихъ какихъ-то мыслей пренебрежительно смотрѣла на эту комнату, и на юнаго Карташева, который чегъ-то радовался, волновался, чего-то точно искалъ и ждалъ тамъ гдѣ она ужъ ничего не искала и не ждала. Ея слегка мела холичный, слегка пренебрежительный видъ какъ-бы говорилъ

«не такіе, какъ ты, искали... въ свое время и тебя все та же пылъ времени покроетъ»...

Она вздохнула.

— Мнѣ очень нравится комната... Можно узнать ея цѣну?—спросилъ Карташевъ.

— Десять рублей...

— Я согласенъ... Вотъ деньги...

Онъ подаль десять рублей.

— Нѣтъ, позвольте еще... Вамъ необходимо познакомиться съ вашимъ сосѣдомъ... потому что вдругъ онъ не понравится вамъ...

— Навѣрно понравится... Но я съ удовольствіемъ.

Хозяйка отворила дверь въ комнату музыканта. Молодой человѣкъ, увлекшись, продолжалъ играть и въ то же время смотрѣлъ въ окно разсѣяннымъ взглядомъ.

Хозяйка подошла къ нему и осторожно дотронулась рукой до его плеча.

Молодой музыкантъ вдругъ забарабанилъ и ногами, и руками: ногами по полу, руками по роялю. Раздался какой-то нестройный гамъ, молодой человѣкъ испуганно вскочилъ, а хозяйка, меланхолично улыбаясь, сказала:

— Вотъ позвольте васъ познакомить съ вашимъ новымъ сосѣдомъ...

Молодые люди подали привѣтливо другъ другу руки и внимательно старались осмотрѣть одинъ другого...

— Значить: Артемій Николаевичъ Карташевъ... Такъ? И Василій Григорьевичъ Гонда...

Гонда былъ высокій, очень высокій молодой человѣкъ, съ длинной шеей, съ большимъ кадыкомъ, маленькой головкой и въ очкахъ. Онъ смотрѣлъ со своей высоты на Карташева съ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, что Карташевъ, какъ ни старался почувствовать что нибудь, ничего не почувствовалъ. Молодой музыкантъ также неопредѣленно сказалъ:

— Очень пріятно.

— Тоже студентъ,—пояснила Гондѣ, какъ своему, хозяйка, указывая на Карташева:

— А вы тоже студентъ?—обрадовался Карташевъ.

— Я вольнослушатель,—нехотя отвѣтилъ Гонда.

Карташевъ постарался сдѣлать лицо, выражавшее одобреніе, что это очень хорошо, что Гонда вольнослушатель.

— На юридическомъ?

— Да...

— Ну-съ, такъ вотъ теперь, если не передумали...—обратилась хозяйка къ Карташеву.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я сегодня же...

Карташевъ отдалъ деньги и вышелъ съ хозяйкой изъ комнаты Гонды.

— Вѣрочка!—крикнула хозяйка.

И когда явилась знакомая горничная съ своей Хорошенькой мордочкой и большими бархатными, какими то пустыми глазами, дама сказала:

— Проводи господина... Онъ теперь нашъ... комнату нанять,—пояснила она.

Вѣрочка подарила Карташева веселымъ взглядомъ, но хозяйка, замѣтивъ этотъ взглядъ, опять задумалась.

— Еще два слова. Вѣрочка, выйди...

И когда та, вильнувъ капризно хвостомъ своихъ юбокъ, вышла, она сказала Карташеву:

— Вѣрочка въ сущности моя воспитанница и очень порядочная дѣвушка. За нее сватался лавочникъ здѣсь... можетъ быть, я и соглашусь... Я ставлю условіемъ, чтобы никакихъ ухаживаній у меня не было въ домъ.

Карташеву показалось, что слишкомъ много условій уже поставлено ему, и онъ уже не съ такой охотой, а уже значительно суше, но согласился и на это.

— Ну, тогда пожалуйста, съ Богомъ.

Вѣрочка проводила его и ласково сказала:

— До скораго свиданья.

— До свиданья,—отвѣтилъ Карташевъ.—Я часа черезъ два приѣду.

Карташевъ ѣхалъ и былъ очень доволенъ: такъ патриархально и такъ не похоже на все окружающее. Оригинальная хозяйка, оригинальный Гонда, оригинальная Вѣрочка и комната оригинальная, старинная... а въ кабинетѣ хозяйки, черезъ который онъ проходилъ, громадный каминъ, вродѣ тѣхъ, которые попадаются на гравюрахъ Вальтеръ-Скотовскихъ романовъ... Да, будетъ уютно и хорошо.

Дома на столѣ Карташева застала повѣстка на 70 рублей. Эти 20 рублей прибавки были какъ нелзя болѣе кстати. Шацкій спалъ еще. Карташевъ отправилъ повѣстку къ дворнику съ просьбой сейчасъ же засвидѣтельствовать и началъ поспѣшно укладываться.

Когда принесли повѣстку, онъ съѣздилъ получить деньги и, возвратившись, приказалъ выносить вещи.

Шацкій, не умытый, скучный, ходилъ по комнатѣ.

— Позволь съ тобой расчитаться.

— Мой другъ, къ чему же торопиться.

— Я получилъ деньги и уѣзжаю.

Карташевъ отсчиталъ ему сорокъ рублей.

— Прощай, Тема,—сказалъ грустно Шацкій,—можно не вѣщать тебя?

— Пожалуйста, очень радъ буду...

— А то оставайся... къ Бергу...

Карташевъ только рукой махнулъ. Шацкій шутилъ, но въ голосъ его было сожалѣніе. Жаль вдругъ и Карташеву стало и Шацкаго, и всю прожитую съ нимъ жизнь, и на мгновеніе потемнѣла яркая типина Петербургской стороны. Въ памяти встала вся налаженная жизнь ихъ вдвоемъ, театръ Берга, итальянка. Карташеву хотѣлось и возвратить все это опять назадъ, и какая-то сила уже толкала его впередъ. И онъ шагаль по лѣстницѣ и искалъ въ головѣ какого-нибудь утѣшенія и вдругъ вспомнилъ и, возбуждая въ себѣ радость, подумаль:

— Сейчасъ же абонируюсь и возьму Консуэлло.

XVI.

Гонда обѣдалъ у квартирной хозяйки. Объ этомъ онъ сообщилъ и Карташеву, какъ только тотъ переѣхалъ. Карташевъ пожелалъ обѣдать тамъ-же. И въ день переѣзда они уже обѣдали всѣ трое: чинная хозяйка, Гонда и Карташевъ. После обѣда они перешли въ кабинетъ, имъ зажгли каминъ и подали чай.

Гонда, какъ свой, спокойно, увѣренно ходилъ, сидѣлъ и разсуждалъ,

— Вѣрочка,—сказалъ Гонда, когда та подала ему чай,— я вамъ сколько разъ говорилъ, что не люблю сладкій.

— Еще сладкій?

Онъ попробовалъ и отвѣтилъ, сморщившись:

— Да, сладкій...

— Ну, разведи...—лѣниво приказала хозяйка.

— Да, такъ о чемъ я говорилъ,—продолжалъ Гонда.

Онъ началъ вспоминать:

— Перебила...

— Вы говорили,—начала было хозяйка.

— Да... такъ я говорю, Чернышевскій, собственно, читателя сбилъ съ толку, потому что изобразилъ онъ, въ сущности, настоящую любовь, а вышло такъ, что она какъ будто не настоящая... А разъ не настоящая, всякая женщина скажетъ себѣ: моя любовь не настоящая и пойдетъ искать настоящей. Этимъ я и объясняю себѣ вліяніе на женщинъ романа Чернышевскаго.

«Какой онъ образованный однако», подумаль Карташевъ.

— Я думаю, что въ этомъ нѣтъ зла: ну убѣдится, что дѣйствительно любить, вотъ и все... да этого вліянія теперь ужъ нѣтъ, — проговорилъ Карташевъ.

— Нѣтъ, — авторитетно возразилъ Гонда, — громадно и теперь.

— Вот вы нынѣшняя молодежь,—вмѣшалась хозяйка,— все какіе разговоры ведете. А въ наше время молодежь была, какъ молодежь: все военные... влюблялись, веселились и, право, лучше было...

— Лучше было,—смотря куда-то вверхъ пренебрежительно замѣтилъ Гонда,—для дворянъ, а остальная молодежь вашего времени прозябала.

«Какъ у него все ясно и убѣжденно», — опять подумалъ Карташевъ.

— Не доводятъ до добра ваши разговоры,—вдохнула неопредѣленно хозяйка.

Хозяйка сидѣла на тахтѣ, подложивъ подъ спину подушки, Гонда ходилъ, Карташевъ сидѣлъ въ креслѣ, глубоко утонувъ въ немъ. Онъ смотрѣлъ въ горѣвшій каминъ, на хозяйку, на Гонду, на входившую Вѣрочку, на всю обстановку, налаженную, уютную, и ему было хорошо, но и что-то будило память о Шацкомъ, о Бергѣ. За окнами завывала мятель, былъ вечеръ и приближался часъ, когда они обыкновенно съ Шацкимъ поднимались и шли въ театръ.

Жарче горять въ каминѣ дрова, мятель сильнѣй; Гонда опять о чемъ то разсуждаетъ: высокій, худой, сосредоточенный, съ интонаціей сухой, долбящей, съ голосомъ, въ которомъ много дѣловыхъ нотъ, но не слышно безпечнаго веселаго разгула... А если бы онъ, Карташевъ, вдругъ сказалъ имъ, кто его пріятель Шацкій, гдѣ они привыкли проводить свое время... Наверно его принимаютъ за самаго воспитаннаго, самаго дѣльнаго молодого человѣка.

— Ну, пора и за работу, однако, — проговорилъ холодно Гонда, спохватившись и посмотрѣвъ на часы.

Онъ серьезно протянулъ руку хозяйкѣ, Карташеву и пошелъ къ себѣ въ комнату. А Карташевъ, освѣдомившись о библиотекѣ, не смотря на мятель, отправился пѣшкомъ, абонировался и, взявъ Консуэлло, возвратился домой. Отъ непривычной ходьбы и всей окружавшей его обстановки, онъ ощущалъ въ себѣ тоже что-то дѣловое и, раздѣваясь, озабоченно, ласково и дѣловито попросилъ Вѣрочку подать ему самоваръ.

Войдя въ комнату, онъ зажегъ лампу и, присѣвъ въ бархатное кресло у стола, и съ удовольствіемъ, и съ грустной покорностью судьбѣ въ то же время открылъ книгу.

Тамъ за окномъ все стонала буря, а тамъ, за бурей, гдѣ то ярко горѣли керосиновыя лампочки деревяннаго театра, гдѣ пѣла итальянка.

Прости—прощай, веселая жизнь. Теперь Гонда играть в перегородкой... теперь Вѣрочка смотрѣла своими бархатнымъ глазами; теперь онъ далеко отъ соблазновъ въ своей уютно...

...тѣ, и уже выступаютъ передъ нимъ изъ книги чу

мѣста красиваго яркаго юга, какой-то загорѣлый съ голыми ногами юноша, хижина дѣвушки, смуглой красавицы юга, съ краснымъ платочкомъ на головѣ. Еще глуше завывала буря и точно дальше уносила она и итальянку, и Шацкаго.

Напившись чаю, Карташевъ продолжалъ чтеніе. Вдругъ онъ вспомнилъ, что надо написать письмо къ матери и, оставивъ книгу, съ удовольствіемъ сѣлъ за письмо.

За большимъ письменнымъ столомъ такъ удобно было сидѣть и такъ хотѣлось писать. Теперь онъ зналъ, что письмо выйдетъ и большое, и задушевное, вышло и веселое. Его подмывало еще писать, описать свои походы съ Шацкимъ, но онъ не зналъ, какъ отнесется къ этому мать и особенно въ письмѣ, а писать хотѣлось, и Карташевъ, взявъ на всякій случай новый листъ, началъ писать, не зная самъ, пошлетъ или нѣтъ это новое письмо матери.

«Какія я глупости пишу, однако», — мелькало въ его головѣ, — «а главное, все выдумываю».

И Карташевъ продолжалъ писать, думая: «Все равно, я потомъ порву».

Онъ писалъ о себѣ и о Шацкомъ и въ то же время это былъ не онъ и не Шацкій, и это было такъ смѣшно, что Карташевъ не могъ удержаться и фыркалъ иногда, стараясь удержаться, чтобъ не слышалъ его Гонда за дверью, чтобъ не увидала его смѣющимся, войдя вдругъ, Вѣрочка и не приняла бы за помѣшавшагося.

Предъ нимъ носились какіе-то образы, какія-то одна смѣшнѣе другой сцены, какія-то лица, живыя, точно онъ съ ними давно былъ знакомъ и знаетъ про нихъ все до самой подноготной: знаетъ, что дѣлаютъ они, думаютъ, говорятъ. Исписавъ нѣсколько листовъ, Карташевъ вдругъ остановился и подумалъ:

— А вдругъ я писатель?

Онъ писатель?! Изъ подъ его пера можетъ быть ужъ выходить образы живыхъ людей, вѣчно живыхъ, которые будутъ существовать и тогда, когда и его ужъ не будетъ. И такой коротенькой показалась ему его собственная жизнь: сколько такихъ коротенькихъ жизней проходятъ, какъ тѣни, не оставляя никакого слѣда. Стоитъ ли жить для того только, чтобы съ органической жизнью кончилось все, жить, чтобы только ѣсть, пить, спать; думать о томъ, чтобы и завтра было бы что ѣсть и пить...

Карташевъ откинулся въ кресло и смотрѣлъ въ даль.

Въ ночной тишинѣ пробило два часа ночи. А завтра онъ хотѣлъ въ восемь часовъ уже встать. Карташевъ быстро раздѣлся, легъ и потушилъ лампу.

Но долго еще онъ ворочался, пока заснулъ, наконецъ, тревожнымъ, прерывистымъ сномъ.

Утромъ ему приснилось, что онъ плыветъ по волнамъ. Въ этихъ волнахъ какая-то очаровательная музыка; онъ то расходится, то снова набѣгаютъ на него, принося съ собой еще болѣе чудные звуки.

— Это Вагнера сказка «Мила и Нолли», — думаетъ, охваченный какой-то особой нѣгой, Карташевъ и просыпается.

День свѣтлый, морозный. Солнце играетъ въ комнатѣ. Музыка Гонды, торжественная, сильная звонко несется по дому. Бакая то особая гармонія и радость жизни.

— «Что случилось со мной веселаго?» — думаетъ Карташевъ.

Ахъ, да! онъ писатель!

Что-то точно распахнулось, какіе то образы опять ворвались, — легкіе, воздушные, нѣжные, какъ музыка, и Карташевъ лежалъ уже въ живыхъ волнахъ этихъ образовъ, этой музыки.

Онъ писатель! Эта музыка милого Гонды уже зоветъ его къ перу; Вѣрочка подаетъ ему самоваръ; онъ будетъ писать, а тамъ обѣдъ вмѣстѣ, и они опять будутъ сидѣть у камина.

Карташевъ вздохнулъ всей грудью: нѣтъ, никогда онъ не думалъ, что жизнь можетъ быть такъ прекрасна, можетъ такъ захватить, какъ теперь захватила вдругъ его. И курить ужъ не хочется... нѣтъ еще хочется.

Дни шли за днями. Работа кипѣла. Карташевъ не смущался больше тѣмъ, что у него истощится матеріалъ.

Иногда его охватывалъ такой наплывъ образовъ и мыслей, что онъ бросалъ свое перо и убѣгалъ въ паркъ. Тамъ онъ ходилъ; вѣтеръ шумѣлъ голыми вершинами, но онъ не чувствовалъ ни вѣтра, ни зимы.

Онъ поднималъ голову, смотрѣлъ въ сѣрое небо и видѣлъ, то, которое было въ немъ, внутри него. А въ его душѣ было безоблачное прекрасное небо и солнце ярко сверкало на немъ. Подъ этимъ солнцемъ жили его герои и онъ не уставалъ передавать ихъ на бумагу.

И онъ писалъ и писалъ, забывъ обо всемъ. Изрѣдка навѣщала его впавшій въ полную нищету Ларіо, еще рѣже Корневъ. Карташевъ кормилъ Ларіо, давалъ ему немного денегъ, ни слова не говорилъ ни ему, ни Корневу и никому о своемъ писаніи.

Пріѣхалъ и Шацкій какъ-то. Карташевъ и его принялъ съ загадочнымъ разсѣяннымъ видомъ.

— Да вотъ... — говорилъ Шацкій, осматривая комнату Карташева, — я такъ и зналъ, что этимъ кончится... и счастливъ

— Вплонѣ.

— А итальянка?

— Она умерла для меня.

— Все кончено?

— Да.

— Да, да...— вздохнулъ Шацкій.— Ну, чтожъ, декламируй теперь мой другъ!..

И Шацкій съ напускнымъ паэосомъ произнесъ:

Ну, хорошо, теперь ты власть имѣешь!
Сбей этотъ духъ съ живыхъ его основъ
И низведи, коль съ нимъ ты совладѣешь,
Его до низменныхъ круговъ.
Но устыдись, узнавъ когда-нибудь,
Что добрый человѣкъ въ своемъ стремленьи темномъ
Найти сумѣетъ настоящій путь...

— Вотъ онъ, добрый человѣкъ... нашель настоящій путь... Шацкій пренебрежительно фыркнулъ и смотрѣлъ на Карташева.

Карташевъ смотрѣлъ на Шацкаго и думалъ въ это время о какой-то сценѣ изъ своихъ писаній.

— Но что съ тобой, мой другъ... я боюсь, наконецъ, за тебя?

Онъ заходилъ справа, заходилъ слѣва, оглядывая внимательно Карташева, и говорилъ свой обычный вздоръ.

Но Карташевъ только весело смѣялся.

— Нѣтъ, ты окончательно погибъ... Ну, прощай...

— Прощай, Миша.

— А итальянка теперь еще больше похорошѣла... спрашивала о тебѣ... Да, да... Но теперь ужъ Nicolas твой замѣститель.

— Такого же дурака валяеть?

Шацкій разсмѣялся, но потомъ грустно сказалъ:

— Осмѣивать самого себя... что можетъ быть обиднѣе?

Въ комнату заглянулъ Гонда, но увидѣвъ незнакомое лицо, ушелъ назадъ.

— Это еще что? Рожи какія-то... Мой другъ, у тебя даже страшно бывать.

— Вчера бы ты пріѣхалъ. Приходили его пріятели: одинъ черный, какъ цыганъ, съ страшными черными глазами; другой какой-то жалкій на видъ, одинъ еврейчикъ.

— Господи, чтожъ ты себѣ думаешь? Ты, съ твоимъ сердцемъ и умомъ... въ парижскомъ фракѣ...

— Если не ошибаюсь, это изъ «Старога барина»?

— Все равно... но кто жъ всѣ они такіе?

— Какіе то вольнослушатели все... то есть вольнослуша-

тель вонъ этотъ и жуликъ, а тотъ, съ черными глазами, ученикъ Гонды: богатый помѣщикъ, собирается экзамень гимназическій держать.

— А еврейчикъ?

— Тоже экзамень... на помощника провизора.

— Чортъ знаетъ что такое! все какія-то незаконнорожденныя дѣти науки.

— Этотъ Гонда очень дѣльный и умный человекъ. Оригиналь такой...

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое. Они тебя или въ карты обыграютъ, или ты въ тюрьму съ ними попадешь... или просто убьютъ и въ сундукъ куда-нибудь отправятъ... это было... спасайся, пока живъ... Одѣвайся забирай вещи, и ѣдемъ... живо! на старую квартиру, а вечеромъ къ Бергу.

— Нѣтъ, Миша.

Шацкій замолчалъ и устало задумался, смотря въ окно. День подходилъ къ концу; изъ окна видѣлся освѣщенный паркъ; лучи солнца скользили по снѣгу, окрашивая его въ розоватый отсвѣтъ. Что то будто шевелило душу, звало куда-то. Точно сны дѣтскихъ дней, точно грезы лучшаго будущаго свѣтились въ этомъ розовомъ снѣгѣ. Тамъ гдѣ-то, на улицѣ, за двойными рамами играла шарманка «la donna e mobile», и высокая нота, тоскливо и протяжно замирала въ неподвижномъ тихомъ воздухѣ. Карташевъ вздохнулъ всей грудью.

— Ну, а твои дѣла какъ?—спросилъ онъ.

— Плохи, мой другъ, — грустно отвѣтилъ Шацкій, — если не пришлютъ мнѣ денегъ, я впаду въ нищету....

— Пришлютъ...

— Конечно... Ну, ѣдешь? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ прощай. Я чувствую, что задыхаюсь здѣсь...

Карташевъ съ Вѣрочкой проводили Шацкаго.

— Что жъ, ты дѣлаешь?—спрашивалъ уже весело Шацкій, пока Вѣрочка отпирала дверь.

— Занимаюсь, читаю, слушаю музыку, разговариваю.

Шацкій не слушалъ Карташева. Разставивъ ноги, онъ смотрѣлъ въ упоръ на Вѣрочку и его лицо расплывалось въ глуповатую улыбку. Вѣрочка, наконецъ, не выдержала и потушилась отъ разбивавшаго ее смѣха.

Шацкій остался доволенъ.

— Не дурна,—говорилъ онъ Вѣрочкѣ въ лицо. И люблю съ ею, твердилъ:—Мило... Даже очень мило...

И вдругъ закативъ глаза, уродливо перегнувшись, съ прощенталъ:

— La donna e mobile...

Вѣрочка фыркнула, а Шацкій, уже уходя, кивая съ лицомъ покровителя, говорилъ:

— Да, да... Прощай, голубушка; прощай Артуръ... будьте счастливы...

Вѣрочка захлопнула дверь, посмотрѣла на Карташева, весело разсмѣялась и остановилась, точно ожидая чего-то.

— Вѣрочка, а гдѣ хозяйка?—спросилъ смущенно Карташевъ.

Вѣрочка такъ разсмѣялась, что даже присѣла, и отвѣтила:

— Да нѣту же...

— Вѣрочка, какая вы хорошенькая...

Карташевъ обнялъ и поцѣловалъ ее... Вѣрочка плотно прижалась къ нему, и поблѣднѣвъ, смѣло смотрѣла прямо въ глаза его. Ноздри ея слегка раздувались.

— Но вы вѣдь невѣста?

— Чья невѣста! Все она вретъ...

И Вѣрочка теперь ужъ сама быстро и еще сильнѣе прижалась и поцѣловала въ губы Карташева и также быстро убѣжала отъ него.

Карташевъ растерянно вошелъ въ свою комнату и остановился, слушая рѣзкій голосъ Гонды, обращенный къ Вѣрочкѣ.

— Я вамъ тысячу разъ говорилъ, Вѣрочка, чтобъ вы не входили безъ доклада.

Въ отвѣтъ на это послышался только рѣзкій стукъ двери, и въ то же мгновеніе, отворивъ дверь къ Карташеву, Вѣрочка просунула веселое лицо и спросила:

— Бѣ вамъ тоже безъ доклада нельзя?

Карташевъ, боясь быть услышаннымъ Гондой, молча поминалъ ее къ себѣ. Но Вѣрочка уже, хлопнувъ дверью, скрылась.

Вмѣсто нея вошелъ Гонда и брезгливо сказалъ:

— Это не горничная, а сорванецъ какой-то... Тысячу разъ говоришь ей и всегда по своему дѣлаешь. Надо будетъ, наконецъ, пожаловаться.

— Вѣдь она прелестная дѣвушка, [веселая, открытая.

— Терпѣть я такихъ не могу... всякому встрѣчному на шею готова броситься.

— Мнѣ она не кажется такой.

— Потому что вы женщинъ не знаете.

— А вы знаете?

— Знаю... Она пустая и глупая бабенка и добромъ не кончить.

Гонда сдѣлалъ скучное пророческое лицо, смотрѣлъ куда-то въ окно и мигалъ своими ничего не выражающими глазами.

— Черезъ недѣлю,—заговорилъ онъ съ тѣмъ же видомъ,— мое рожденіе; я хочу вечеринку устроить... на васъ можно рассчитывать?

— Конечно... съ удовольствіемъ.

— Самое лучшее, еслибъ хозяйка ушла бы на этот вечерь.

— Что жъ! она вѣроятно согласится.

XVII.

Всю недѣлю Карташевъ писалъ, ухаживалъ за Вѣрочкой и мучился отъ сознанія, что нарушилъ свое обѣщаніе передъ хозяйкой, тѣмъ болѣе, что и не любитъ Вѣрочку настолько, чтобы чувствовать какое-нибудь оправданіе своимъ заигрываніямъ съ ней.

А Вѣрочка чего-то требовала, шла рѣшительно навстрѣчу всякихъ ласкъ и раздражалась, что Карташевъ только цѣловалъ ее и не хотѣлъ или боялся чего-нибудь другого.

— Какъ будто вы весь свой порошокъ ужъ разстрѣляли, какъ старики палуετε,—говорила раздраженно Вѣрочка.

— Вѣрочка, вы говорите, сами не понимая что: гадость очень не долго сдѣлать.

— Га-а-дось!? Убирайтесь же вы...

— Вѣрочка, вы хорошо понимаете, что вы говорите?

— Да что здѣсь мнѣ понимать?!

— Какъ что?

Вѣрочка внимательно смотрѣла въ глаза смущеннаго Карташева и говорила:

— Такъ, дурачокъ вы какой-то... Идите вотъ подъ церковь копѣчки собирать.

— Вѣрочка!

— Да ну право же... Вотъ постоитъ, я вамъ игрушку куплю, вамъ и ея довольно будетъ...

И на другой день Вѣрочка купила ему пятикопѣчную голенькую фарфоровую куколку.

Она съ злой улыбкой, мимоходомъ, сунула ему, когда онъ лежалъ еще въ кровати, эту куколку въ пазуху рубахи и въ то же время изо всей силы ущипнула его за бокъ.

Карташевъ беззвучно, чтобъ не услышалъ Гонда, серживился отъ боли и, схвативъ Вѣрочку, посадилъ ее возлѣ себя.

— Ну и что жъ?—насмѣшливо вызывающе спросила Вѣрочка, въ то же время поглядывавъ и смотря въ его глаза.

— Вѣрочка, вы глупенькая,—прошептала, цѣлуя ее, Карташевъ.

— Целуйте куколку,—вырвалась энергично Вѣрочка и вышла, хлопнувъ дверь, изъ комнаты.

Карташевъ остался въ кровати и напряженно, смущенъ, въ сотый разъ колебался и обдумывалъ свои отношенія къ Вѣрочкѣ. И въ сотый разъ онъ чувствовалъ, что ему хо-

лось только цѣловать ее, какъ красиваго, капризнаго ребенка, но не какъ женщину, страсть которой была ему даже не-пріятна: когда Вѣрочка блѣднѣла, прижималась и жадно смотрѣла, все увлеченіе Карташева вдругъ сразу улетучивалось.

И когда Вѣрочка опять входила, онъ ласково, любовно смотрѣлъ на нее, а она съ злымъ лицомъ отворачивалась.

День рожденія Гонды насталь. Гонда и наканунѣ, и въ самый этотъ день все свое время проводилъ на кухнѣ: варилъ, жарилъ и приготовлялъ всевозможныя кушанья. Изъ самыхъ простыхъ соединеній выходили у него поразительныя кулинарныя рѣдкости. Онъ принесъ къ обѣду кое-что изъ своихъ приготовленій для пробы. Глаза его противъ обыкновенія были выразительны, даже нѣжны, охваченные какимъ-то утомленіемъ.

Спросивъ: «ну, что?», Гонда и голосомъ, и движеніями выразилъ въ ожиданіи отвѣта нетерпѣніе, такъ мало свойственное ему. И когда хозяйка сказала, что она только у отца своего лакомила такъ, Гонда снисходительно, но удовлетворенно присѣлъ и сказалъ:

— Денегъ не хватаетъ и посуды, а то бы то ли можно было бы еще сдѣлать.

Онъ задумался и замигалъ глазами.

— Я и поварствомъ могъ бы зарабатывать деньги.

Онъ еще подумалъ и кончилъ, смотря въ окно:

— Хорошіе повара получаютъ по нѣсколько тысячъ, а я послѣ нѣсколькихъ уроковъ никакому повару не уступлю...

Гонда уходилъ и приходилъ, а Карташевъ и хозяйка бесѣдовали другъ съ другомъ.

— Цѣльная, самобытная натура,—говорилъ Карташевъ,—и все въ немъ по своему и ничего онъ не стыдится: поваръ, такъ поваръ...

— Американецъ...—вздыхала хозяйка.—Изъ него управляющій вышелъ бы хорошій. Такой вамъ не попадется, а вонъ какъ нашъ: пустилъ насъ по міру...

И хозяйка принялась рассказывать, какъ вмѣсто имѣнія въ одинъ прекрасный день въ ихъ рукахъ очутилась груда никому ненужнаго разнаго бумажнаго хлама: отчетъ ихъ управителя. Хотѣли судиться съ нимъ, нанимали бухгалтеровъ для провѣрки, совѣтовались съ адвокатами: тѣмъ все и кончилось. Они разорились, а управитель купилъ себѣ впослѣдствіи въ сосѣднемъ заштатномъ городкѣ домикъ,—скупаецъ теперь на базарахъ, что дешево, перепродаетъ, ссужаетъ деньгами, закручиваетъ въ неустойки темныхъ крестьянъ... всю округу оплелъ за круговой порукой только и работаютъ на него.

— Миръ, кончила хозяйка:—какъ за шею веревкой одинъ за другого прихвачены. За веревочку потянулъ одного, а ужъ тѣ не отстануть.

Хозяйка вздохнула и смотрѣла, и Карташевъ смотрѣлъ на ея блѣдное, истощенное, съ высунувшейся нижней челюстью лицо. Она говорила о томъ, какъ ихъ любили ихъ крестьяне, какъ ея семья крестьянъ любила и жалѣла.

— Какъ управляющій,—утѣшалъ ее Карташевъ,—Гонда въ развратной обстановкѣ, можетъ быть, и самъ бы развратился, а здѣсь онъ въ условіяхъ самоусовершенствованія...

Хозяйка пренебрежительно кивнула головой.

— Извѣрилась я что-то въ людей... Мало хорошихъ... вездѣ люди о себѣ только думаютъ.

— Смотри, въ какихъ условіяхъ живутъ эти люди. Развитие даетъ высшее пониманіе своего назначенія... человекъ дѣлается альтруистичнымъ, то есть онъ думаетъ о томъ, чтобы не только ему, а и всѣмъ жилось хорошо.

Хозяйка вдругъ испуганно махнула рукой.

— Ну ужъ это послѣднее дѣло... Это пахнетъ знаете чѣмъ... у меня былъ такой...

Хозяйка сдѣлала страшные глаза.

— Пусть ужъ лучше объ себѣ думаетъ... Всякій для себя, а Богъ для всѣхъ.

Обыкновенно спокойная, хозяйка заволновалась вдругъ, заерзала и горячо заговорила. Карташевъ снисходительно улыбался.

— Но вѣдь вы же сами говорили, что всегда заботились о своихъ крестьянахъ.

— И разорились...—развела убѣжденно руками хозяйка.

— А сегодня возвратитъ вамъ имѣнье, вы опять станете заботиться о нихъ?

— И не подумаю... Продала бы имѣнье и деньги въ банкъ. Безъ грѣха и безъ заботъ прожила бы свой вѣкъ.

— Но вы вѣдь вѣрующая... Христось тоже училъ думать о ближнихъ.

— И распяли его.

— Но ученіе осталось?

— Въ церкви, а въ жизни люди какъ были, такими и теперь остались.

— Не согласенъ,—усмѣхнулся Карташевъ.

— Не согласны, потому что жизни не знаете, а пожилъ те съ мое, тогда вотъ и вспомните.

— Ну, господа, я попрошу васъ уйти,—проговорилъ, вѣдаясь блюдами, Гонда.

Хозяйка встала и, обращаясь къ Карташеву, произнесла съ удареніемъ:

— Всякій и всякій человекъ звѣрь!

— Но общество съ высшими стремленіями,—отвѣтилъ Карташевъ,—дѣлаеть этого звѣря другимъ: saeculi vitia, non hominis... пороки эпохи, но не человека.

— Хорошее изреченіе; я не зналъ его,—замѣтилъ Гонда.— Надо записать его.

Онъ оставилъ было свою работу, чтобы сейчасъ же записать, но передумалъ и сказалъ:

— Вы мнѣ послѣ продиктуете, а теперь не мѣшайте мнѣ.

Карташевъ, поблагодаривъ за обѣдъ хозяйку, что онъ дѣлалъ всегда и что всегда льстило хозяйкѣ, ушелъ, а Гонда принялся за приготовленіе столовъ.

Онъ до того при этомъ пилилъ своими выговорами Вѣрочку, что та, наконецъ, расплакавшись, объявила, что не будетъ больше служить ему.

— И не надо...

И Гонда съ задумчивымъ, сосредоточеннымъ видомъ самъ накрывалъ столы: одинъ для закусокъ, другой для чая.

Первый пріѣхалъ Холява, тотъ, котораго Карташевъ рекомендовалъ Шацкому «жуликомъ».

Холява былъ высокій, сутуловатый молодой человекъ съ задраннымъ кверху носомъ, костлявымъ лицомъ, напряженнымъ взглядомъ и ртомъ широкимъ, какъ у молодого галченка. Онъ говорилъ неприятнымъ крикливымъ горловымъ голосомъ, былъ свободенъ въ обращеніи и обнаруживалъ желаніе со всѣми сближаться сейчасъ же на короткую ногу.

Узнавъ, что Вѣрочка обидѣлась, Холява пошелъ къ ней, и черезъ нѣкоторое время успокоенная и удовлетворенная Вѣрочка вышла съ нимъ изъ своей комнаты.

— Теперь онъ васъ не посядетъ и пальцемъ тронуть...— шутливо и въ тоже время жадно заглядывая ей въ глаза, говорилъ Холява.— Чуть что, прямо ко мнѣ, и я его по старому знакомству такъ отдую...

Гонда хлопоталъ, не обращая на нихъ вниманія, и только когда Вѣрочка и Холява слишкомъ смѣялись, Гонда говорилъ нетерпѣливо:

— Послушай... Ну оставь же...

— Это ему завидно,—объяснялъ Холява, а Вѣрочка еще веселѣе фыркала.

Карташевъ слышалъ изъ своей комнаты и смѣхъ Вѣрочки, и заигрыванія Холявы и возмущался.

«Просто халуй... А ужъ эта Вѣрочка... теперь вся какъ на ладони: такого ей кавалера только и надо!»

Пріѣхалъ новый гость, бывший ученикъ Гонды, Холмскій, угрюмый и черный, и въ дверяхъ встрѣтился съ выходившей

хозяйкой. Онъ медвѣженкомъ, но съ располагающей къ себѣ вѣжливой манерой пропустилъ ее и вошелъ въ переднюю.

— А-а!—лаконически привѣтствовалъ его Гонда и крикнулъ:—Артемій Николаевичъ! теперь пожалуйте.

Въ столовой, въ кабинетѣ, въ гостиной горѣли свѣчи и лампы, горѣлъ каминъ, все сверкало, чехлы были сняты, въ столовой были безукоризненные скатерти, на которыхъ красовались разные хитрые блюда.

Гонда внимательно пересматривалъ все, не обращая вниманія на своихъ гостей. Здѣсь были и кулебяки, и форшмаги, и грибки и всевозможныя, самимъ Гондой приготовленныя, закуски. А на чайномъ столѣ стояли его же приготовленія изъ зурки, разные печенья, масло и хлѣбъ.

— Ну, водки у меня нѣтъ,—добродушно мимоходомъ замѣтилъ Гонда,—потому что я и самъ не пью, да и всѣмъ не совѣтую.

Вошелъ и послѣдній гость—Либерманъ.

Это былъ бѣдно одѣтый молодой еврей. Гонда познакомился съ нимъ въ вагонѣ, когда ѣхалъ въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ поддерживалъ съ нимъ знакомство.

Гости, кромѣ Холявы, чувствовали себя въ началѣ неловко. Холмскій косился на всѣхъ и букой держался на своемъ стулѣ за чайнымъ столомъ. Либерманъ глоталъ горячій чай, волновался, потиралъ руки и, наконецъ, заговорилъ съ Карташевымъ.

— Я, знаете, никогда никакого общества не видѣлъ и, можетъ, я и не умѣю... извините, пожалуйста...

— Хотите масла?—предложилъ ему Карташевъ, не зная, что отвѣчать ему.

— Да, очень васъ благодарю... Знаете, у насъ нѣтъ образованныхъ людей. Наши евреи, знаете, старинные такіе...

Либерманъ махнулъ рукой.

— Впрочемъ, очень, знаете, трудно въ западномъ краѣ теперь жить евреямъ... Очень трудно.

Онъ съ аппетитомъ началъ ѣсть свой хлѣбъ, запивая его чаемъ, но поперхнулся и вдругъ такъ растерялся, что опрокинулъ свой стаканъ на скатерть къ великому огорченію Гонды. Тотъ такъ и остановился на полусловѣ и съ сокрушеннымъ взглядомъ молча смотрѣлъ на растерявагося и суетившагося Либермана и помогавшаго ему Карташева.

Извиненіямъ со стороны Либермана не было конца, и, прервавъ, наконецъ молчаніе, Гонда сказалъ:

— Это ничего... закройте салфеткой.

Успокоившись, Либерманъ спросилъ Карташева:

— Скажите пожалуйста, очень трудно въ университетѣ?

— Собственно нѣтъ... но большой контрастъ между ре-

товленные въ университетъ... Какъ будто съ одного этажа въ другой надо безъ лѣстницы взбираться.

Либерману очень понравилось сравненіе; онъ закивалъ весело головой.

— Я понимаю, я понимаю, что вы хотите сказать... это, какъ у насъ, тоже нѣтъ лѣстницы... и знаете, прежде лучше даже было при Николаѣ Павловичѣ: насъ заставляли учиться, а мы не понимали тогда свое счастье, а теперь и хотимъ, да ужъ...

Либерманъ испуганно оглянулся и снисходительно сказалъ:

— Ну, что жъ дѣлать? Пусть будетъ такъ. Только я вамъ скажу... нѣтъ, я ничего лучше не скажу...

Либерманъ огорченно помолчалъ и произнесъ, — какъ мысль, вслухъ:

— Что жъ? можетъ и я когда нибудь попаду въ университетъ.

Онъ вздохнулъ, опять подумалъ и проговорилъ:

— Я, знаете, немножко пишу... Если вы мнѣ позволите, я буду очень счастливъ прочитать вамъ что-нибудь. Я пишу, знаете, про нашихъ бѣдныхъ евреевъ. Они, знаете, очень добрые люди и молодые евреи всѣ хотятъ образоваться...

Начался разговоръ объ евреяхъ. Перешли на еврейскіе предрасудки и Холява доказывалъ, что на пасху евреи должны непремѣнно рѣзать христіанскихъ дѣтей.

Либерманъ нетерпѣливо пожималъ плечами.

— Ахъ, Боже мой! Что же вы говорите, когда мой же отецъ раввинъ... ну, я же лучше знаю... Ну, Боже мой, ну, развѣ это можетъ быть?

— А я вамъ говорю, что можетъ быть,—прикрикнулъ на него Холява.

— Да ты не кричи,—замѣтилъ ему Гонда.

Либерманъ растерянно заговорилъ, смотря въ ласковые глаза Карташева:

— Ну, конечно, онъ говорить какъ ему говорили... но только, ей Богу же, что это совсѣмъ не вѣрно...

— Да я самъ, наконецъ, видѣлъ! Ну что же онъ мнѣ божится?

Холява смотрѣлъ въ упоръ на онѣмѣвшаго съ поднятыми руками Либермана, переводилъ отъ него глаза на другихъ, смотря и на всѣхъ удовлетворенно, увѣренно, съ чувствомъ глубоко возмущеннаго человѣка. Но встрѣтившись вдругъ глазами съ Гондой, пылливо смотрѣвшимъ на него, онъ поспѣшилъ отвести свои глаза.

Гонда невозмутимо равнодушно сказалъ ему:

— Врешь... Все врешь... никогда ничего ты не видишь.

— Послушай, честное слово...—убѣжденно горячо начал было Холява.

— Да вѣдь ты всегда, — пренебрежительно перебилъ его Гонда, — честное слово даешь и всегда врешь.

Холява замолчалъ, отвалился на спинку стула и вдругъ надменно спросилъ:

— Что жъ, мнѣ прикажешь въ отвѣтъ тарелкой пустить въ тебя?

— Не пугай... — отвѣтилъ Гонда, и голосъ его сдѣлался сухимъ, долбящимъ.—Ты ломаешься, потому что думаешь, что тебя еще не раскусили... повѣрь, раскусили.

Холява пытливо быстро оглянулъ всѣхъ, подумалъ и, потупившись, мѣняя тонъ, проговорилъ неопредѣленно:

— Ты говоришь за другихъ... Во всякомъ случаѣ странно...

— Ничего тутъ страннаго нѣтъ... хотѣлъ соврать и не выгорѣло.

Холява поднялъ брови.

— Пусть будетъ такъ... Я гость, ты хозяинъ...

— Ну вотъ, какъ хозяинъ: налить тебѣ еще чаю?

Холява помолчалъ:

— Собственно, у такого хозяина не только чай пить, но и сидѣть въ гостяхъ не стоить.

— Я никого не держу...

Холява молча передалъ черезъ Холмскаго свой пустой стаканъ.

Чай кончили.

Холмскій ушелъ въ гостиную и сѣлъ за рояль. Либерманъ вышелъ за нимъ и задумчивый, грустный ходилъ по гостиной.

Карташевъ подошелъ къ нему.

Либерманъ грустно, довѣрчиво и таинственно сказалъ Карташеву:

— Онъ не правду сказалъ, что видишь...

— Да вѣдь это ясно.

— Другой вѣдь и повѣрить... Хоть бы онъ такъ подумалъ: что вѣдь у насъ, у евреевъ, съ вами одинъ корень, одна библія...

Либерманъ задумчиво покачалъ головой. Онъ посмотрѣлъ на Карташева, вздохнулъ и сказалъ:

— Что тамъ говорить? Свѣтъ не исправишь и все и такъ, какъ идетъ, и пусть каждый, какъ Богъ ему положитъ въ душу, свое дѣло дѣлаеть... Все отъ Бога... и еврей и русскій, и хорошій и не хорошій.

Либерманъ махнулъ рукой, окончательно согнавъ съ себя всю свою грусть.

...кому мое сердце меня
пришлись...

— Я очень радъ...

— Нѣтъ, пожалуйста не принимайте это за пустяя слова. Когда хорошаго человѣка видишь, такъ на душѣ праздникъ. И, знаете, что я вамъ скажу? Мало хорошихъ людей. Есть воть, знаете, аристократъ, важный человѣкъ, ему бѣдный хоть бы и не былъ, онъ говорить: «что у меня съ нимъ общаго?» а тотъ очень ученый—другого опять за ничто считаетъ: «что онъ понимаетъ?», а третій, сердцемъ чистый, про испорченнаго говорить: «онъ мнѣ не товарищъ».

Либерманъ лукаво кивнулъ.

— Всѣ аристократы эти люди. А вы простой сердцемъ...

Вы какъ дитя и всегда будете дитя и дай Богъ.

Карташевъ разсмѣялся, а Либерманъ твердилъ:

— И дай Богъ... Когда у человѣка доброе сердце, онъ назадъ видеть... какъ высоко онъ ни поднимется, хоть мини-стромъ будетъ, а онъ все стоять съ самымъ бѣднымъ и простымъ человѣкомъ рядомъ и отъ него видеть и себя и все кругомъ; а аристократъ всякій, онъ только себя видитъ.

Либерманъ вздохнулъ.

— Онъ думаетъ, что ему ничего нѣтъ интереснаго, а въ немъ самомъ уже ничего нѣтъ...

— Оригинально,—проговорилъ Карташевъ.—Какъ хорошо Холмскій играетъ.

— Ахъ, очень, очень хорошо...

Холмскій вдругъ оборвалъ игру и угрюмо, мрачно ото-шелъ къ окну.

Либерманъ обратился съ какимъ то вопросомъ къ вошедшему Гондѣ, а Карташевъ подошелъ къ Холмскому.

— Какъ вы прекрасно играете.

Холмскій угрюмо уставился въ Карташева.

— Всякій идиотъ можетъ хорошо играть.

— Зачѣмъ же такъ? — искренно огорчился Карташевъ.— Это такой чудный даръ, и развѣ онъ мѣшаетъ всему остальному?

— Мѣшаетъ,—мрачно опустилъ глаза Холмскій.

— А я бы отдалъ половину жизни, чтобы обладать вашимъ даромъ.

Лицо Холмскаго прояснилось.

— А я бы за университетъ отдалъ половину жизни.

— Вы же готовитесь?

Холмскій уныло посмотрѣлъ въ окно:

— Я уже третій годъ держу экзамень и все не могу выдержать... и не потому, чтобы я не зналъ, но такъ... одна мысль, что я могу срѣзаться, и все сразу вдругъ пропало.

Карташевъ покосился на внушительную, мрачную, скорую
страхъ внушающую фигуру Холмскаго и, отыскивая что ни-
будь утѣшительное, сказалъ:

— Да, въ этомъ отношеніи лучше съ дѣтства привыкать
къ гимназій... привыкаешь къ экзаменамъ: товарищи помога-
ютъ... Вѣдь экзамены шарлатанство въ сущности. Если бы
меня экзаменовать какъ слѣдуетъ, да я бы не мошенни-
чалъ,—развѣ я былъ бы когда-нибудь въ университетѣ?

Карташевъ подумалъ и кончилъ:

— Я думаю, никто не былъ бы.

— Такъ вы думаете, что падать духомъ не слѣдуетъ?—
спросилъ наивно, повеселѣвъ вдругъ, Холмскій.

— Боже сохрани!

— Ахъ, какъ вы хорошо играете,—подошелъ въ это время,
обращаясь къ Холмскому, Либерманъ.

— Вамъ нравится?

— Такъ нравится, что если бы я смѣлъ, я попросилъ бы
васъ еще сыграть.

— Что жъ? извольте...

И Холмскій размахисто пошелъ къ роялю.

— Композиторъ,—шепнулъ Гонда.

— Замѣчательно симпатичный, — сказалъ Карташевъ. —
Это изъ тѣхъ людей, которыхъ въ первый разъ увидишь, а
какъ будто всю жизнь уже ихъ зналъ... Надо говорить тише: у
него замѣчательный слухъ.

— Только жалко, что онъ время теряетъ на универси-
тетъ,—замѣтилъ тихо Гонда,—зввинтили его, человѣкъ бо-
гатый, на что ему этотъ аттестатъ?

— Но какъ же иначе?

Гонда заморгалъ глазами.

— Точно нельзя быть образованнымъ человѣкомъ и безъ
аттестата...

— А вы, кажется, хотите же всетаки держать гимнази-
ческій экзаменъ?

— Я? Нѣтъ. Я прослушаю курсъ въ университетѣ, я знаю
изъ гимназій то, что мнѣ надо, но латыни, напримѣръ, не знаю
и не намѣренъ ее знать...

— Но на службу не поступите.

— И не надо... Средства всегда можно заработать...
осени я вотъ начну лекціи издавать...

— Это выгодно?—спросилъ Карташевъ.

— Очень...

И Гонда смотрѣлъ такъ убѣжденно, точно вся выгода бы
уже у него въ карманѣ.

— Въ сущности чиновника карьера... Дипломъ получи-

умный, глупый,—кусочек готового хлѣба на всю жизнь есть...
 Не надо больше ни о чемъ думать.

Либерманъ сморщился и упавшимъ голосомъ нерѣшительно произнесъ:

— Да, это, знаете, кажется, вѣрно...

— Конечно, отчасти,—согласился Карташевъ.

Они замолчали, слушая музыку.

Холмскій играть что то свое.

Иногда это было бурное, страстное, иногда игра журчала и лилась, какъ нѣжный, звонкій всплескъ воды, иногда она хватала за душу: нѣжная, мелодичная, тихая. Холмскій понималъ свои черные глаза вверхъ и они казались слѣпыми, но въ то же время освѣщались какимъ-то особымъ свѣтомъ его внутренняго, никому неизвѣстнаго содержанія. Но содержаніе это чувствовалось, чувствовалась какая-то боль души...

Карташевъ смотрѣлъ на эту черную, неуклюжую, прочно, но не эффектно сидѣвшую на своемъ табуретѣ предъ роялемъ фигуру и такъ жаль ему почему то было его, сильнаго и въ то же время слабого, и такъ тянуло къ нему.

Холмскій кончилъ, рѣшительно всталъ и, повернувшись, встрѣтился глазами съ Карташевымъ; смутившись, онъ вынулъ къ чему то платокъ, сталъ озабоченно вертѣть его и съ угрюмымъ лицомъ заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Холява исчезъ и опять вынырнулъ изъ дверей кабинета.

— Скажи, пожалуйста,—накинулся на него Гонда, — что ты все пропадаешь?! Это, наконецъ, даже неприлично. Я тебя прошу больше не ходить туда.

Холява, довольный, говорилъ, смущенно усаживаясь:

— Ну, хорошо, хорошо... слышали.

— Да не хорошо, а я тебѣ серьезно въ послѣдній разъ говорю...

— Слышу...

— Вы тоже въ здѣшнемъ университетѣ?—обратился вдругъ къ Холявѣ Холмскій своимъ низкимъ, глухимъ голосомъ.

— Да...

— На юридическомъ?

— Да.

— Вы тоже гимназію не кончили?

— Кончилъ: у меня аттестатъ есть.

— Вреть,—сказалъ Гонда.

— Я только не успѣлъ въ этомъ году держать провѣрочный экзаменъ, —не обращая вниманія на Гонду, пояснилъ Холява.

— Ну кого ты морочишь?

Холява невозмутимо продолжалъ:

— На будущій годъ буду держать.

Не будешь...

Ты же вѣдь только и будешь въ глупомъ положеніи,—
ь пренебрежительно плечи Холява.

Не буду,—отвѣтила увѣренно Гонда и ушелъ въ кухню.
ного погода, онъ вернулся, остановился у дверей и
дѣловымъ, деревяннымъ голосомъ пригласилъ:

Господа, пожалуйте закусить.

ти пошли въ столовую, ѣли, а Гонда внимательно, дѣ-
слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ ѣли, и озабоченно спра-
, какъ кому что нравится.

и даже къ Холявѣ забылъ свою вражду и наставительно,
о говорилъ ему:

Да ѣшь же ты по порядку...

Ну, учи, учи...

Ну, вотъ кильки попробуй... теперь...

и да искалъ глазами.

Вотъ этотъ сыръ изъ рябчиковъ съѣшь, а теперь мар-
изъ рыбы... Только не наѣдайся, а то ужинать не будешь.
слѣ закуски гости, по предложенію хозяина, перешли въ
ую, собрались около аккомпанировавшаго Гонды въ кру-
и пѣли: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Отъ бессон-
ночей голова не болитъ», «Дубинушку».

ѣмъ начались малороссійскія пѣсни. Гонда ихъ зналъ
тво и Карташевъ, считавшій себя тоже специалистомъ,
лся разнообразію и задушевности все новыхъ и новыхъ
го мотивовъ.

антрактѣ между пѣніемъ Холява обратился къ Карта-

А вы знаете, я могу подъ музыку какіе хотите говорить

рташевъ было усумнился, но Гонда авторитетно кив-
оловой.

Да, онъ можетъ.

Задайте мнѣ какую хотите тему.

Ахъ, это очень интересно,—отозвался Либерманъ.

лява со своей нахальной манерой все приставалъ къ
певу, а Карташевъ, подавляя къ нему брезгливое чув-
гумаль:

Какую жъ тему?

А вотъ,—вмѣшался Либерманъ,—старикъ еврей дочку
прокликаетъ за то, что она съ гоемъ *) сошлась. Дѣй-
въ Испаніи, въ средніе вѣка..

Я могу,—загорѣлся Холява.

и да началъ играть, а Холява, стоя возлѣ, обвелъ на-

ой—не еврей.

сторожившуюся публику глазами. Его костлявое лицо стало еще напряженнѣе, глаза забѣгали, въ выраженіи лица была какая то еще болѣе отталкивающая наглость. Холява началъ высокимъ, неприятнымъ, дѣланнымъ голосомъ. Первые стихи вышли натянутые, съ плохимъ ритмомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, происходила перемѣна и съ нимъ, и съ его стихами. И Холява и его стихъ точно оттаивали. Напряжение исчезало. Голосъ дѣлался звонкимъ и выразительнымъ.

Содержаніе импровизаціи заключалось въ томъ, отецъ, старый раввинъ, приговоренъ къ сожженію за совершеніе шабаша въ обществѣ принявшихъ съ виду христіанство. Чтобы спасти отца, красавица дочь также принимаетъ христіанство и отдается епископу. Тотъ даетъ разрѣшеніе на тайное бѣгство старика. Но когда приходятъ, чтобы выпустить его изъ тюрьмы, его спасители съ его дочерью и онъ узнаетъ, какой цѣной куплена его свобода, горе, ужасъ, стыдъ охватываютъ его. Онъ разражается проклятіями дочери. Въ готическомъ окнѣ тюрьмы виденъ средне-вѣковный городъ съ высокими домами, узкими улицами, толпы народа, уже слѣпающія къ тому мѣсту, гдѣ устроены высокие костры. По корридору уже раздаются шаги стражей. Старика еврея умоляетъ его дочь, онъ вдругъ смолкаетъ, бросаетъ только послѣдніе взгляды, полные тоски и отчаянія, на костры, на дочь и падаетъ мертвымъ.

Холява кончилъ.

— Боже мой! Я ничего подобнаго никогда не слыжалъ!— воскликнулъ Либерманъ.

Карташевъ смотрѣлъ съ какимъ-то сложнымъ чувствомъ восторга, зависти и недоумѣнія: этотъ халуѣ съ манерами лакея имѣетъ такой талантъ, съ которымъ, какъ казалось Карташеву, ничто изъ видѣннаго и слышаннаго имъ не могло сравниться, такъ это было сильно, непринужденно, ярко и звучно.

Холява разошелся. Онъ декламировалъ на всѣ предлагавшіяся темы.

Холмскій не совсѣмъ довѣрялъ тому, что представляютъ его стихи: плодъ фантазіи или заучены имъ раньше.

— Я вамъ дамъ тему изъ дѣйствительной жизни. Одинъ бѣдный офицеръ былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, но они были такъ бѣдны оба, что родственники обоихъ разстроили предполагавшійся бракъ. Этотъ офицеръ жилъ тогда со мной. Когда все кончилось, онъ пришелъ и, какъ былъ, одѣтый, такъ, бѣдный, и заснулъ. Проснулся и рассказываетъ мнѣ свой сонъ: что будто братъ его женился на его невѣстѣ и онъ убилъ брата.

Холмскій своими мрачными глазами обвелъ общество и кончилъ:

— Черезъ два года его братъ, дѣйствительно, женился на той дѣвушкѣ, а ея бывший женихъ убилъ своего брата. Его присудили къ десятилѣтней каторгѣ... Вотъ передайте его состояніе въ тюрьмѣ накунувъ суда... я вамъ буду аккомпанировать.

— Хорошо. Я готовъ.

Холмскій сѣлъ и, взявъ нѣсколько растрепанныхъ аккордовъ, поднялъ вверхъ свои точно ослѣпшіе вдругъ глаза. Какое-то смятеніе охватило слушателей, передалось Холявѣ и онъ растерянно, сразу потрясенный, началъ и захватилъ своей передачей. Это была полная иллюзія: это онъ, Холява, былъ убійца, сломанный, разбитый, молодой. Воспоминанія отрывочно проносятся въ его головѣ. Боль, страданіе и все та же непередаваемая, мучительная тоска любви... Все заглушаетъ эта любовь: къ ней со всей силой молодости рвется его сердце, страстная натура плохо сознаетъ, что завтра можетъ быть конецъ всему. Его охватываетъ безумный порывъ надежды: его оправдаютъ, онъ возвратится къ ней, они извѣдаютъ еще то счастье, которое одно свѣтило въ его бѣдной жизни...

Холмскій рѣзко оборвалъ возбужденную, страстную музыку.

По комнатѣ понеслись тоскливые, безнадежные аккорды.

Преступникъ точно просыпается. Онъ въ первый разъ точно видитъ стѣны своей тюрьмы, въ первый разъ сознаетъ весь ужасъ своего положенія. Нѣтъ, его не могутъ оправдать! Отнынѣ навсегда эти стѣны отдѣляютъ его отъ всего живущаго, отъ всѣхъ радостей жизни; вмѣсто любимаго существа товарищемъ его будетъ какой-нибудь угрюмый убійца... убійца?! а онъ?! И въ безнадежномъ отчаяніи, сожженный огнемъ своихъ страстей, мертвымъ голосомъ онъ шепчетъ: все кончено.

Музыка Холмскаго тихо, почти беззвучно оборвалась, голосъ Холявы замеръ.

Молодая публика стояла ошеломленная, безмолвная, потрясенная... Какая-то буря точно пронеслась, смяла ихъ и опять невредимыхъ оставила каждого при своемъ. У дверей стояла и Вѣрочка, блѣдная, съ широко раскрытыми глазами. Нехотя каждый возвращался къ дѣйствительности. Опять обыкновенный Холява былъ передъ ними. Теперь, впрочемъ, онъ былъ даже страшнѣе. Лицо его посинѣло, жилы на немъ, какъ вздулись, такъ и оставались такими, голова его какъ-то упала на шею; онъ вертѣлся на мѣстѣ и, протянувъ свою дрожащую руку, сказалъ:

— Считайте пульсъ.

Пульсъ оказался 120.

— Я не могу стоять...

Всѣ растерялись, начали мочить ему голову холодной водой, его посадили въ кресло: онъ былъ жалкій, безпомощный.

а его глаза все также, теперь съ большимъ выраженіемъ, все слѣдили за впечатлѣніемъ, какое онъ произвелъ на публику. Смущенная Вѣрочка все прикладывала къ его головѣ компрессы, отвернувшись отъ всѣхъ, смотря только на Холяву.

— Комедію играетъ,—говорилъ въ это время тихо Гонда,—это не человѣкъ, это всегда только актеръ.

— Если даже такъ,—опять впадшій въ свой мрачный тонъ отвѣтилъ Холимскій,—то такихъ людей положеніе тѣмъ тяжелѣе.

— Для нихъ—да... а для людей это всегда только вредливая кошка,—дохнетъ, а сама какую-нибудь новую пакость обдумываетъ...

И Гонда смотрѣлъ и мигалъ безучастно своими ничего не выражающими глазами такъ, какъ будто предсказаніе его уже сбылось.

— Нѣтъ, нѣтъ,—восторженно говорилъ Либерманъ,— это Божій даръ, и не онъ виноватъ, если онъ погибнетъ.

И Либерманъ убѣжденно качалъ головой и разводилъ руками.

Послѣ ужина гости разѣхались.

— Послушай, я не дойду до дому,—говорилъ Холява,—смотри, какъ сердце бьется.

Гонда оставилъ его ночевать...

Проснувшись на другой день, Барташевъ, лежа въ кровати, вспоминалъ вчерашній вечеръ.

Либерманъ—смѣсъ какого-то восторженнаго юноши съ старымъ, потерявшимъ свое начало въ библии философомъ! Онъ не имѣетъ даже квартиры, съ кускомъ хлѣба уходитъ на цѣлый день въ публичную бібліотеку...

А Холява? что этотъ Холява представляетъ изъ себя?

Барташевъ старался вспомнить его стихи и темы. Ярче другихъ осталась въ памяти сонъ Іоанна Грознаго—хорошенькая импровизація—страшная, яркая и сильная. Какъ кованая, все стояла передъ нимъ маленькая спальня Іоанна, вся въ образахъ, свѣтъ лампадки, и переливы и тревожный сонъ Іоанна. Надъ нимъ наклоняются сгнившіе и полусгнившіе скелеты, стучатъ ихъ кости, тѣсный кружокъ ихъ вокругъ кровати, и съ холоднымъ потомъ и дикимъ крикомъ: «Малюта!» просыпается и безумно оглядывается Іоаннъ. Барташевъ напрягался вспомнить стихи, но только отдѣльные приемы вспоминались: «жемчугахъ», «образахъ», «казни лютой», «Малютой».

«Какъ жалко, что нельзя было записать,—думалъ Барташевъ. Такъ и пропадутъ его стихи... вотъ если бы ему фонографъ купить...»

Вѣрочка внесла самоваръ. Она имѣла какое-то особое сму-

щепное и сосредоточенное лицо. Гонда Карташеву сказалъ въ чемъ-то виновать передъ ней. Карташевъ, дѣйствительно, виновато, чтобы что-нибудь сказать, спросилъ ее:..

— Холява ушелъ уже?

Она вспыхнула и сухо, холодно отвѣтила:

— Ушелъ.

— За что вы сердитесь?—обнялъ было ее, поднявшись съ кровати, Карташевъ.

Вѣрочка быстро вырвалась и безъ отвѣта ушла.

Весь день она избѣгала даже смотрѣть на Карташева.

Во время обѣда и послѣ зашелъ разговоръ о вчерашнемъ вечерѣ и Гонда рассказывалъ, что зналъ, изъ жизни каждаго изъ своихъ гостей.

Онъ ругалъ Холяву съ какимъ-то особымъ ожесточеніемъ.

— Онъ о себѣ говорить, что его родня все важные люди.

— Ничему не вѣрьте... это ужасный человѣкъ и если бь его гдѣ-нибудь придавило, я отъ души порадовался за него.

— Но отчего же вы въ такомъ случаѣ водите съ нимъ знакомство?

Гонда помолчалъ и не съ свойственной ему неувѣренностью какъ-то печально отвѣтилъ:

— Я и самъ не знаю.

Вечеромъ Карташевъ зачѣмъ то вышелъ въ корридоръ и неожиданно встрѣтился тамъ съ Холявой.

— Пожалуйста, не говорите Гондѣ, что я здѣсь,—съ своей непріятной фамиллярной манерой увѣренно попросилъ Карташева Холява.

Карташевъ смущенно и обиженно что-то отвѣтилъ и ушелъ къ себѣ: онъ понималъ теперь все.

Онъ вволюванно ходилъ по своей комнатѣ. Конечно, онъ даже и не любилъ Вѣрочки, но всегда та же исторія: и Маня, и Одарка, и Горенко, и Вѣрочка... всѣ для другихъ,—а онъ... такъ что-то... болванъ для примѣрки.

На другой день вмѣсто Вѣрочки подала самоваръ кухарка Вѣрочку, поймавъ ее съ Холявой, прогнала хозяйка.

Гонда ходилъ въ городъ, возвратился и, зайдя въ комнату Карташева, сказалъ:

— Подлецъ Холява... Вѣрочка у него... и успѣлъ егѣ выпросить у меня денегъ...

Гонда вздохнулъ, всталъ и вышелъ. Войдя къ себѣ, онъ сѣлъ за рояль и по дому понеслись звуки заунывной малороссійской пѣсни:

Тай не має гиришъ никому,
Якъ той сиротини...

На душѣ у Карташева было пусто и тоскливо такъ, какъ онъ и не помнилъ.

Онъ лежалъ и слушалъ игру Гонды; въ ней была и Вѣрочка, и Холява. Изъ-за нихъ выглядывало тоскливое лицо Холмскаго, Либерманъ точно что-то шепталъ, самъ Гонда, странный, своеобразный, сынъ какого-то деревенскаго кулака, отказавшійся отъ всякаго сообщенія съ отцомъ, самъ своимъ трудомъ живущій... а онъ, Карташевъ, что онъ такое? Какимъ-то бесконечно далекимъ показалось ему вдругъ все то, что такъ недавно окружало его: мать, семья, гимназія, его прежніе товарищи... Да, это ужъ настоящая жизнь начинается. Что это за жизнь? Какая-то масса конкурентовъ не только тамъ въ университетѣ, но и вездѣ... всѣ они ищутъ, тоже чего-то хотятъ, ихъ не пускаютъ въ дверь, но они пробиваютъ свои ходы... они тоже хотятъ жить и съ ними тоже надо считаться. Гонда опредѣленно и ясно говоритъ:

— Прежде всего надо быть богатымъ.

И онъ будетъ... можетъ быть, превратится въ такого же кулака, какъ и отецъ его? А онъ, Карташевъ, кто и что онъ? Онъ писатель... Но отчего его уже не радуетъ его писаніе? Отчего ему не хочется больше писать? Отчего ему вдругъ кажется теперь, что все написанное какакая-то только дѣтская проба пера?

Карташевъ вскочилъ и испуганно подошелъ къ своему столу. Неужели только обманъ одинъ и все это возбужденіе и страсть писанія? Но онъ видѣлъ въ образахъ тѣхъ, кого писалъ,—они были живые, полные жизни были эти образы. Но живыми они были, можетъ быть, только тамъ, въ его воображеніи, а на бумагу могли попасть только неудачные снимки?

Карташевъ тревожно присѣлъ и началъ перечитывать свою рукопись. Худо, хорошо... хорошо, худо... Карташевъ все напряженнѣе перечитывалъ написанное... Поправить здѣсь надо, непременно надо... Карташевъ принялся исправлять торопливо, нервно. Какакая-то сцена ему понравилась:

— Это навѣрно хорошо.

А если онъ что-нибудь прочтетъ Гондѣ? Карташевъ поднялся, еще подумалъ и пошелъ къ Гондѣ.

Отворивъ дверь и войдя, онъ взволнованно обратился къ нему:

— А я къ вамъ съ просьбой.

Гонда поднялъ на него свои безцвѣтные глаза.

— Я вотъ видите... немного пишу.

— Я знаю...—неопредѣленно проговорилъ Гонда.

Карташевъ смутился.

— Я хотѣлъ бы вамъ что-нибудь прочесть.

— Съ удовольствіемъ.

— Я немножко... пойдѣмъ ко мнѣ.

Карташевъ выбралъ мѣсто, которое нравилось ему больше другихъ и началъ читать. Но у него ужъ пропала вдругъ охота читать. Онъ читалъ, но то, что казалось ему самому за минуту такимъ яркимъ, теперь, при громкомъ чтеніи, выходило совсѣмъ инымъ. Карташевъ чѣмъ дальше читалъ, тѣмъ больше смущался.

А Гонда сидѣлъ неподвижный, сдвинувъ брови, и слушалъ: молча и торжественно.

Карташевъ уже не смѣлъ поднять глазъ на него и не радъ былъ, что самъ же напросился на чтеніе. Голосъ его звучалъ тоскливо и уныло. «Чортъ знаетъ какая мерзость, скорѣе бы хотъ кончить»,—проносилося съ отчаяніемъ въ его головѣ.

Наконецъ онъ кончилъ. Гонда продолжалъ сидѣть молча.

Карташевъ нерѣшительно взглянулъ на него и еще больше испугался.

— Ну, что?—спросилъ онъ совсѣмъ упавшимъ голосомъ.

Гонда еще подумалъ.

— Я ничего не понимаю въ этомъ.

— То есть, какъ не понимаете?

— Я вѣдь не критикъ.

— Да, конечно; но у васъ есть же свое чутье.

— Это дѣло вкуса... одному можетъ нравиться, другому нѣтъ.

— Но живо все это?

Гонда подумалъ.

— Не интересно. Я люблю оригинальное что-нибудь. Чтобы и мысль была оригинальная и форма... А это... Я не переношу русской по шаблону литературы: тепленько, благородно... Жизнь не тепленькая и всегда подлая... а идеалы всегда возвышены, и къ нимъ и стремятся люди...

— Но если въ жизни нѣтъ этихъ идеаловъ?

Гонда молчалъ.

Карташевъ уныло и съ упрекомъ думалъ: «вѣдь и ты не виртуозъ, а я всегда же хвалилъ твою музыку и ты всегда принимаешь эти похвалы».

Гонда ушелъ, а Карташевъ остался растерянный, смущенный, точно провалился онъ вдругъ въ какую-то пустоту.

Съ горя онъ сѣлъ и началъ опять съ начала перечитывать свою рукопись.

Но теперь все подрядъ уже казалось ему какой-то не возможной мазней.

«Да вѣдь это же суздальская работа!» пронеслась вдругъ унижительная мысль въ его головѣ, и Карташевъ изо всей силы толкнулъ свою рукопись. Она полетѣла со стола на полъ и рассыпалась.

Карташеву сдавило что-то горло.

Онъ быстро одѣлся и выскочилъ изъ дому. Онъ бросился въ паркъ.

Тѣ же деревья, тѣ же дорожки...

Ахъ, нѣтъ, не тѣ. Теперь это уже не друзья, теперь они только свидѣтели его пережитой славы. На душѣ Карташева стало вдругъ такъ пусто, что онъ испугался.

«Ну, что жъ? Ну, не писатель. Не всѣ же писатели... живутъ же... Не надо даже и думать объ этомъ... Вотъ надо остричься».

И Карташевъ быстро зашагалъ изъ парка и, выйдя на проспектъ, сталъ, ни о чемъ не думая, озабоченно искать парикмахерскую.

Тотъ же проспектъ, тѣ же домики... Еще вчера онъ шелъ по этой улицѣ и жизнь была такъ полна, все такъ улыбалось, все такъ ярко, гармонично отдавалась въ душѣ... а сегодня... нѣтъ Вѣрочки. Либрманъ писатель, а онъ такая же жалкая бездарность, какъ и вся эта ничтожная толпа, обреченная на прозябаніе, обреченная только чувствовать и всегда молчать. Онъ хуже всякаго изъ этихъ прохожихъ, потому что они и не мечтали, а онъ мечталъ, пробовалъ и теперь знаетъ, что онъ бездарность.

Убѣгая отъ себя, Карташевъ былъ радъ, когда нашелъ парикмахерскую и когда его усадили передъ зеркаломъ.

Жгучій порывъ боли прошелъ. Онъ сидѣлъ грустный, задумчивый, окутанный простыней и всматривался въ зеркало; его красивые волосы падали ему на лобъ и онъ думалъ: «Когда я бездарность, что жъ изъ этого?» и опять жгучая тоска охватывала его.

Онъ опять былъ на улицѣ. Въ догорающемъ морозномъ днѣ точно чувствовался какой-то намекъ на далекую весну. И въ небѣ была весна: синее, нѣжное, ласкающее, оно проникло, охватывало знакомымъ ощущеніемъ. Но что толку изъ того, что онъ, Карташевъ, чувствуетъ это небо? Будь небо во сто разъ синѣе, загорись оно всѣми переливами своихъ красокъ, умри онъ, Карташевъ, отъ восторга, хоть растворись въ этомъ небѣ: что толку, если онъ не писатель, если онъ не можетъ передать своихъ ощущеній, не можетъ заставить другихъ переживать то, что переживалъ самъ?! И жгучее горькое чувство съ новой силой хватало за сердце Карташева; слезы подступали къ глазамъ и, какъ ни удерживался онъ, онѣ капали по его щекамъ, а онъ быстрѣе убѣгалъ, стараясь въ сумеркахъ улицы незамѣтно вытереть свои слезы, тоскливо—испуганно твердя:—Какъ это глупо, глупо, глупо...

XVIII.

Сѣро и скучно потянулись тяжелые дни томленія для Карташева. Рукопись въ безпорядочной грудѣ лежала на столѣ, лекціи валялись въ углу, и все это мучило, тревожило и отравляло все существованіе Карташева. Онъ бралъ книгу и не могъ читать: то другіе писали, люди таланта, а онъ—бездарность. Либрманъ талантъ, Гонда, Холмскій, Холява даже...

Ахъ, чтобы онъ далъ, чтобы быть теперь у себя въ деревнѣ, заниматься хозяйствомъ и забыть тамъ самого себя, чтобы незамѣтно какъ-нибудь добраться до того мгновенія, когда, наконецъ, и его очередь придетъ сойти съ этой непонятной для него сцены жизни. Но и въ деревнѣ только вѣдь кулакамъ и житье... Вѣрочка веселила, но и ея уже нѣтъ... Холява веселится съ нею.

Проснувшись какъ-то, Карташевъ заставилъ себя идти на лекціи.

Онъ уныло опять подходилъ къ знакомому зданію съ тоской въ душѣ. Это длинное зданіе казалось теперь ему такимъ же мертвымъ, какъ и онъ самъ.

Въ маленькой аудитории собралось человѣкъ пятнадцать студентовъ; вошелъ профессоръ и началъ что-то читать. Кончикъ его тонкаго носа тихонько шевелился, шевелились губы, слова, какъ горошекъ, сыпались изо рта, издавая какой-то звукъ при своемъ паденіи. Маленькіе слоновобразные глаза иногда поднимались и смотрѣли въ сонныя лица студентовъ, и тогда контрастъ черныхъ глазъ и блѣднаго лица профессора былъ еще рѣзче.

Послѣ лекціи Карташева точно разломало всего и съ туманной головой, горячими руками онъ ходилъ по высокому корридору.

Какой-то гуль, чѣмъ то пахнетъ: это запахъ какого-то стараго тѣла, собою лѣтъ обитающаго здѣсь. Это и не тѣло, и не запахъ: экстрактъ запаха, экстрактъ какого-то скучнаго безнадѣжнаго старья.

Слѣдующая лекція государственнаго права читалась въ конференцъ-залѣ, гдѣ много было воздуха, было свѣтло и хорошо сидѣлось на соломенныхъ стульяхъ. Пришло человекъ пятьдесятъ. Съ нѣкоторыми профессоръ весело поздорова ся. Кружокъ столпился около него и слушали: государственное и международное право предполагается сдѣлать необязатель-

нымъ предметомъ. Какой-то мимическій разговоръ, непонятный Карташеву, а профессоръ уже подходилъ къ столу и говорилъ:

— Я по этому вопросу дома сегодня укажу вамъ...

Какіе-то счастливыцы бываютъ, значить, у него на дому.

Идетъ лекція. Оживленно, звонко, красиво говорить профессоръ, говорить о Петрѣ Великомъ, ничего въ сущности интереснаго не сообщаетъ, но отчего съ такимъ интересомъ нѣкоторые его слушаютъ, переглядываются между собой и улыбаются?

Профессоръ кончилъ, веселые аплодисменты, довольныя лица нѣкоторыхъ. А вотъ такія же, какъ и у Карташева. Они идутъ унылые, съ пустыми глазами, съ пустыми душами, съ измятымъ лицомъ, идутъ равнодушные, скучные, неудовлетворенные.

Два какихъ-то студента говорятъ, и Карташевъ старается прислушаться. Говорятъ о лекціи и отыскиваютъ какой-то особый смыслъ въ словахъ профессора. Какимъ образомъ выудили этотъ смыслъ эти два студента? Онъ, Карташевъ, ничего не выудилъ и ничего не понялъ. Но хорошо, что они могутъ догадаться, а если онъ не можетъ? Изъ пятисотъ человѣкъ ихъ десятая часть здѣсь и изъ нихъ онъ уже не понималъ, а можетъ быть и другіе такіе есть, которые тоже не поняли тонкихъ намековъ. Можетъ быть, только эти двое и поняли. Профессоръ не виноватъ, конечно, но что это за наука, душа которой, самое интересное въ ней, только какой-то непонятный намекъ, доступный двумъ-тремъ аристократамъ мысли. А остальные? Остальные уйдутъ въ свое время спокойные съ аттестатомъ въ карманѣ. Чего-же еще? поступать на службу, и къ чему тогда все это? Въ золотомъ рипсе-пез и другой въ длинномъ черномъ рединготѣ идутъ съ гримасой презрѣнія. Для нихъ, конечно, что все это? Что имъ Гекуба и что они Гекубѣ? Имъ отцы ихъ достанутъ мѣста и дадутъ деньги. Они садятся въ свой экипажъ.

Карташевъ съ завистью смотрѣлъ имъ въ слѣдъ: ихъ не грызеть червь сомнѣнія. Ихъ душа не раздваивается. Ахъ, зачѣмъ его не отправили въ дѣтствѣ въ пажескій корпусъ? Зачѣмъ познать онъ въ гимназіи намекъ на какую-то иную жизнь? Безъ этого и онъ былъ бы теперь удовлетворенъ и нигуда бы его не тянуло. А теперь тянетъ и въ одну сторону, тянетъ и въ другую,—нѣтъ средствъ для одной жизни, нѣтъ подготовки къ другой.

И та, и другая одинаково не удовлетворяютъ.

Небольшой кружокъ бѣдно одѣтыхъ студентовъ оживленно весель; прощаются на подъѣздѣ и кричатъ одинъ другому:

— Заходи же за мной.

— Ты пораньше приходи, чаю напьемся.

— Андреевъ, а ты будешь?

Андреевъ, высокій, худой, страшный, костлявый, съ землистым цвѣтомъ лица, говорить:

— Нѣтъ, я сегодня на Выборгской.

— Скажи Иванову, что я рукопись передалъ.

— Хорошо...

Ивановъ, — думаетъ, идя домой, Карташевъ, — Ивановъ? Его знаютъ и въ университетѣ. Что же такое Ивановъ?

«Надо прочесть Жанъ-Жака Руссо» — тоскливо думалъ Карташевъ, вспомнивъ вдругъ разговоръ въ корридорѣ университета о чемъ то по поводу Руссо.

«Необходимо надо прочесть», — страстно загорѣлось въ немъ, и онъ прямо пошелъ въ бібліотеку, въ которой абонировался.

— Что у васъ есть изъ Жанъ-Жака Руссо?

— Вотъ списокъ дозволенныхъ книгъ.

Карташевъ посмотрѣлъ.

— Здѣсь нѣтъ.

— Я думаю, и въ другихъ бібліотекахъ вы не найдете...

Карташевъ внимательно просматривалъ каталогъ «серьезныхъ книгъ» и взялъ Шлоссера.

Онъ шелъ и думалъ:

«Прочесть развѣ весь каталогъ по порядку, тогда ужъ все будетъ въ головѣ изъ дозволеннаго хоть».

А не пойти ли ему прямо къ Иванову и сказать:

— Я хочу быть развитымъ человѣкомъ, укажи мнѣ, что мнѣ читать, какія книги, гдѣ ихъ доставать?

Но какъ же Ивановъ догадается, что именно ему надо читать, чтобы стать такимъ человѣкомъ, которымъ интересуются всѣ?

Карташевъ пришелъ домой, пообедалъ и, войдя къ себѣ въ комнату, задумался, что ему дѣлать теперь?

«Поѣду я къ Корневу, захвачу съ собой и свое маранье. Все таки онъ литературнѣе этого Гонды. А вдругъ онъ скажетъ, что я писатель?»

Карташевъ собралъ свою рукопись и поѣхалъ на Выборгскую.

XIX.

Группа Корнева держала въ этотъ день по анатоміи стичный экзамень у профессора, умѣвшаго заставлятъ работъ студентовъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Несмогъ

рывъ другъ предъ другомъ посвящали анатомическіи театр и съ бою, на зубокъ, вызубривали трудныя названія.

Съ этими названіями старикъ-профессоръ умѣлъ искусно связывать будущую роль своихъ слушателей, обращаясь къ нимъ, какъ къ докторамъ, и постоянно ставя предъ ними неотразимую дилемму: нельзя быть анатомомъ безъ знанія даже самой скромной аномалии, и жизнь паціента зависить отъ знанія хирурга,—это будетъ не хирургъ, а шарлатанъ.

Старый профессоръ былъ на стражѣ, чтобы не допустить такого шарлатана къ дѣлу, къ которому почему-либо человѣкъ не годился. Это хорошо знали студенты. Просьбы не помогали, но все было приспособлено къ тому, чтобы человѣкъ узналъ свое дѣло, и главное изъ этого всего было на-лицо: сумбура и намековъ не могло существовать въ дѣлѣ, гдѣ все было ясно и точно, какъ часы, какъ самъ угрюмый профессоръ, представитель западнаго ученаго, образъ котораго будетъ всегда связанъ съ медико-хирургической академіей; профессоръ, котораго, какъ огня, боялись студенты и боготворили въ то же время, какъ только можно боготворить человѣка, несущаго намъ чистую истину. И когда профессоръ, міровой авторитетъ, сурово говорилъ студенту, осторожно запускаявшему свои руки во внутренности трупа: «господинъ, снимите ваши перчатки», студентъ готовъ былъ не только свои руки, но и самого себя погрузить въ кишки смердящаго трупа.

И, Боже сохрани, какая-нибудь брезгливая гримаса или даже брезгливая мысль: угадаетъ, обидится и срѣжетъ. Срѣжетъ не карьеристъ, не чиновникъ, не бездарность: срѣжетъ европейская знаменитость, старый профессоръ.

Корневъ получилъ «*maximum sufficit*» и былъ на седьмомъ небѣ.

Онъ отправился съ экзамена въ кухмистерскую, а изъ кухмистерской съ Ивановымъ за какой-то брошюркой къ нему.

Ивановъ по дорогѣ обстоятельно спрашивалъ его о Горенко и Моисѣенко.

— Могу даже послѣднюю новость вамъ сообщить,—говорилъ Корневъ,—они женихъ и невѣста и весной сюда пріѣдутъ.

— Я знаю... бракъ фиктивный, чтобы перемѣнить законно онекуна и избавиться отъ нежелаемыхъ лицъ.

— Вотъ какъ,—изумился Корневъ и сосредоточенно принялся за ногти.

— Отучитесь вы отъ этой дурной привычки, — сказалъ Ивановъ,—а то вѣдь при анатоміи это рискованно: трупы, легко заразиться.

— Да, конечно,—озабоченно согласился Корневъ, вытеръ ноготь и опять началъ его грызть:

— А, чортъ...

Ивановъ разсмѣялся.

Корневъ искоса незамѣтно всматривался въ него: этотъ маленький, тщедушный человекъ съ копной волосъ на головѣ, съ какими-то особенными, немного косыми глазами, которыми онъ умѣетъ такъ смотрѣть и проникать въ душу, такъ покрывать себя,—страшная сила. Кто могъ думать, кто угадать бы это тамъ въ гимназiи, когда два лѣтя, Ивановъ и Карташевъ, такъ любовно сидѣли сзади всѣхъ рядомъ другъ съ другомъ? Теперь даже и неловко говорить съ нимъ о Карташевѣ.

— Моисѣенко, когда я зналъ его,—произнесъ нерѣшительно Корневъ,—не совсѣмъ раздѣлялъ взгляды вашего кружка...

— Онъ и теперь ихъ не раздѣляетъ.

Корневъ озабоченно принялся за свои ногти.

— Въ такомъ случаѣ я не понимаю его.

Ивановъ заглянулъ въ глаза Корневу и отвѣтилъ тихо:

— Чтожъ тутъ непонятнаго? важна точка приложенiя даннаго момента... у каждаго поколѣнiя она одна... вѣдь и вы ее не отрицаете?

— Да... но принципиальная цѣль...

Корневъ замолчалъ. Ивановъ ждалъ продолженiя.

— Я всетаки сомнѣваюсь,—смутившись, какъ бы извиняясь, неестественно вдругъ кончилъ Корневъ.

— Только одно сомнѣнiе, и ничего, никакихъ другихъ чувствъ нѣтъ?

— То есть какъ? Я думаю, одно только сомнѣнiе...

Корневъ еще больше смутился.

— Я такъ думаю по крайней мѣрѣ... но можетъ быть...

Онъ вдругъ поблѣднѣлъ, лицо его перекосилось и онъ черезъ силу проговорилъ:

— Что-жъ? можетъ быть и страхъ вы, думаете?

Ивановъ молчалъ.

Корневъ поднялъ плечи, развелъ руками и смущенно, стараясь смотрѣть твердо, смотрѣлъ на Иванова.

— Во всякомъ случаѣ, я всегда...

— Такого случая при данныхъ обстоятельствахъ,—грустно перебилъ Ивановъ,—и быть не можетъ.

Какая-то пренебрежительная, едва уловимая нота вступовалась въ голосъ Иванова во все время визита Корне...

Корневъ, съ брошюрками въ карманѣ, выйдя на улицу, вздохнулъ облегченно и побрелъ къ себѣ. Теперь, передъ нимъ собой же, онъ спрашивалъ себя: что удерживаетъ действительно? Онъ смущенно покосился на пымгнувшую въ подворотню собаку и огорченно, безъ отвѣта, пошелъ даль...

И «maximum sufficit» и все удовлетворение слетѣло съ его души такъ, точно вдругъ потушили всѣ огни въ ярко освѣщенной залѣ.

— О-хо-хо-хо,—громко, тоскливо вытягиваясь, пустиль Корневъ, когда вошелъ, раздѣвшись въ передней, въ свою комнату.

Онъ чувствовалъ хоть то облегченіе, что онъ одинъ теперь у себя въ комнатѣ и никто его не видитъ.

Онъ легъ на кровать.

Вошла Аннушка въ новой кофтѣ, для покупки которой ходила въ Апраксинѣ. Модные отвороты безобразно торчали, Аннушка выглядывала изъ своей узкой кофты, какъ притиснутый удавъ. Она, громадная, съ усиленіемъ перегибала шею и осматривала себя, поворачиваясь передъ Корневымъ.

Корневъ сосредоточенно грызъ ногти, не замѣчая Аннушки.

Аннушка, идя съ Апраксина, была очень довольна покупкой, но теперь на нее напали вдругъ сомнѣнія.

— То-то надо бы и другія еще примѣрить, — озабоченно говорила она, — а я такъ, какую дали.

Въ передней раздался звонокъ. Аннушка бросилась отворять. Вошелъ Карташевъ.

— А-а, — проснувшись точно, привѣтствовалъ, вставая, Корневъ.

— Спаль?

— Нѣтъ...—не хотя отвѣтилъ Корневъ.—Что новенькаго?

— Цѣлый скандалъ, Васька, — я писателемъ сталъ.

— Вотъ какъ...

— То есть, какой тамъ къ чорту писатель... Писалъ, писалъ, потомъ подъ столъ бросилъ... А потомъ рѣшилъ тебѣ всетаки прочесть.

— Интересно.

— Плохо.

— Посмотримъ... Ну, что-жъ? читай.

— Такъ сразу?

— Чего же?

Карташевъ съ волненіемъ развернулъ свертокъ, сѣлъ и началъ читать.

Корневъ слушалъ, думалъ о своей встрѣчѣ съ Ивановымъ и иногда вскользь, разсѣянно говорилъ:

— Это не дурно.

Карташевъ кончилъ.

— Ну?

Корневъ неохотно оторвался отъ своихъ мыслей, посмотрѣлъ, развелъ руками и сказалъ:

— Мой другъ... несомнѣнно живо... Я, собственно, видишь ты...

Онъ опять остановился.

— Видишь...—опять лѣниво началъ Корневъ.—Писатель...

Какъ мнѣ представляется писатель-беллетристъ... Ты беллетристъ, конечно... Это человѣкъ, который, такъ сказать, разобрался уже въ сумбуръ жизни... осмыслилъ себѣ все и сталъ выше толпы... Этой толпѣ онъ осмысливаетъ ея собственныя дѣйствія... Скажи, Темка, что ты или я можемъ осмыслить другимъ? Мы, стучающіеся сами лбами въ какой-то темнотѣ другъ о друга? Мы, люди несистематичнаго образованія, мы, въ сущности, нищія, подбирающіе какія-то случайно, нечаянно попадающіяся намъ подъ ноги крохи; мы, наконецъ, даже безъ опыта жизни, когда притомъ, девяносто девять изъ ста, что и этотъ опытъ окончателно пройдетъ безцѣльно, вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было философскаго обоснованія.

По мѣрѣ того, какъ Корневъ говорилъ, онъ краснѣлъ, жила на его шеѣ надувались, онъ смотрѣлъ своими маленькими, зелеными глазами, впивался ими все злѣе въ лицо Карташева и вдругъ, сразу успокоившись, вспомнивъ вдругъ Иванова, пренебрежительно, почти весело, махнулъ рукой:

— Нѣтъ, мой другъ! какіе мы писатели... И ко всему этому, какой талантъ нуженъ, чтобы все это было и не узко, и безъ скучной морали, законно, было бы и вкусно, и понятно, и, наконецъ, настолько правдиво, чтобы съ твоими выводами не могъ бы не согласиться читатель.

— Какой читатель? Ивановъ можетъ не согласиться, потому что ему тенденція нужна.

— Да какая тамъ къ чорту тенденція: образованіе нужно... Есть писатели, на которыхъ всѣ мирятся... И рядомъ ты... У нихъ, чортъ ихъ знаетъ, какой размахъ, и всякая тенденція занимаетъ только свое мѣсто... а ты пошлялся съ Шадкимъ...

Корневъ, замѣтивъ угнетенное лицо Карташева, оборвался.

— Я не хотѣлъ бы тебя огорчать... У тебя даже есть, если хочешь, несомнѣнная способность передавать свое впечатлѣніе, но именно... надо, чтобы и было, что передавать. Понимаешь... Положимъ, что у тебя мозоль болитъ... Не станешь же ты объ этомъ говорить, хотя бы, можетъ быть, цѣлый кружокъ нашелся людей, у которыхъ тоже оказались бы такіе же мозольные интересы... Самое большое въ такомъ случаѣ: ну и будешь мозольныхъ дѣлъ мастеръ.

Карташевъ легъ на кровать, закинулъ руки за голову и, сдвинувъ брови, молча слушалъ.

— Это, конечно, вѣрно... — нехотя заговорилъ онъ, когда Корневъ замолчалъ.—Какой я къ чорту тамъ писатель.

— То есть, ты, конечно, можешь быть писателемъ, ты не жалеешь тебя... но, какъ какой-нибудь самоучка съ задатками, муз і-

СТОМЪ.

— Хотя Баянъ былъ тоже только бандуристъ... Гомеръ не зналъ современной науки, а останется Гомеромъ навсегда.

— Но Гомеръ понималъ и осмыслилъ всю свою жизнь... А въ нашей обстановкѣ одинъ талантъ Гомера безъ знанія и пониманія современной жизни и ея задачъ что бы сдѣлалъ... какой-нибудь крестьянинъ... что онъ пойметъ?

— И все въ концѣ концовъ сводится, — уныло сказалъ Карташевъ, — что если въ духѣ какого-нибудь Иванова не писать, то и нѣтъ больше нигдѣ свѣта.

Корневъ пренебрежительно махнулъ рукой, пропелся и сказалъ:

— Объ всемъ этомъ говорить можно развѣ съ точки зрѣнія несоизмѣримости того, что требуется отъ настоящаго писателя и что мы съ тобой можемъ дать...

Наступило молчаніе.

— Но скажи, пожалуйста, ты себя считаешь образованнымъ человѣкомъ?

— Я?—съ искреннимъ ужасомъ остановился передъ Карташевымъ Корневъ.—Никогда, конечно... Такой же запутанный, какъ и всѣ мы.

— Вася, но какъ же распутаться? Какъ же добраться до истины?

Корневъ пожалъ плечами.

— Есть небольшіе кружки... но истина ли это или результатъ недостаточности истиннаго знанія, откуда я знаю?

— Но, собственно, что требуется для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ? Что читать? Какіе вопросы интересуютъ теперь образованныхъ людей?

— Видишь ты... Я, конечно, въ общемъ... Во времена Бѣлинскаго рѣшались разные принципиальные вопросы... Ну, помнишь тамъ... ну, вотъ вопросы эстетики: искусство для искусства... Но жизнь подвинулась, — собственно и тогда за этой принципиальной стороной, какъ всегда, скрывалась также практика вещей, но теперь жизнь подвинулась, и эта практика, ну, осязаемѣе что ли стала, ближе подошли мы къ ней... Теперь идетъ рѣшеніе разныхъ политическихъ, экономическихъ вопросовъ... На западѣ теоріи тамъ извѣстныя... У насъ своя собственная точка зрѣнія устанавливается: авторъ «Критики философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія», авторъ статей: «Что такое прогрессъ?»...

— А кружокъ Иванова къ какимъ относится?

— Это уже другая разновидность. Они, видишь, взяли св ою

собственную точку приложенія. Они не желаютъ у насъ повторенія, на примѣръ, берлинскихъ событій 1848 года, потому что это будетъ на руку только буржуазіи.

— Почему?

Корневъ почесалъ затылокъ.

— Ты знаешь, какая разница между либераломъ и социалистомъ?

Карташевъ напряженно порылся въ головѣ.

— Собственно...—началъ было онъ и быстро смущенно кончилъ:

— Нѣтъ, не знаю.

Корневъ объяснилъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на задачи Ивановскаго кружка, и Карташевъ опять возбужденно слушалъ.

— Если они отрицаютъ западъ, значитъ, они тѣже славянофилы?—спрашивалъ онъ.

— Въ сущности, видишь ты... есть разница... Они считаютъ, что у насъ есть такія формы общеджитія, къ которымъ именно и стремится западъ. И вотъ съ этой точки зрѣнія и говорятъ они: къ чему же излишнія страданія и ломка, когда уже ячейка міровой формулы имѣется у насъ?

— Это община?

— Да.

— Изъ за чего же они борются? Это вѣдь есть уже.

— Видишь ты... Что-то въ жизни ломаетъ эту общину: надо такую организацію, чтобы не сломало ее.

Корневъ, какъ зналъ, объяснялъ и смущенно кончилъ:

— Я, собственно, впрочемъ, не ручаюсь за вѣрность передачи.

— То есть, рѣшительно ничего не понимаю,—сказалъ

Карташевъ.

Корневъ смущенно развелъ руками:

— Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады.

Карташевъ вздохнулъ.

— Такъ и буду всю жизнь какимъ-то болваномъ ходить.

— Проживешь... будешь служить, судить, защищать...

— Но и этой практики вещей не даетъ даже университетъ...

— Этого онъ и не долженъ давать.

— Одного не долженъ, а другого не можетъ. Но какъ же жить, Васека? Вѣдь я юристъ...

Корневъ пожалъ плечами:

— Живутъ...

— Значитъ, не въ этомъ сила?

— Чортъ его знаетъ, въ чемъ сила.

Карташевъ ѣхалъ отъ Корнева, подпрыгивалъ на своемъ Ванькѣ и уныло смотрѣлъ по сторонамъ. Онъ вздыхалъ и думалъ:

«Но если есть дѣйствительные непреложные законы жизни, то какъ же жить, не имѣя о нихъ никакого представленія? Или можетъ быть не ему и заниматься придется всѣмъ этимъ? Кто-то тамъ гдѣ-то и будетъ вѣдать. Но вѣдь и онъ будущій этотъ кто-то... онъ же юристъ». — Карташевъ тяжело вздохнулъ. — «Да, лучше было бы взять себѣ какую-нибудь специальность. А можетъ быть и такъ проживу... живутъ же люди... Вонъ идетъ, и вонъ и вонъ... По мордамъ видно, что ничего имъ и не снится... Ну, газеты каждый день буду читать. Незнакомецъ издастъ теперь очень милую газету... Незнакомецъ это вѣдь очень образованный человекъ и каждый день у него въ газетѣ какой-нибудь новый вопросъ. Два-три года каждый день читать такую газету, и не замѣтишь самъ, какъ по всѣмъ вопросамъ будешь все знать... Чортъ съ нимъ, брошу глупый абонементъ, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ скажетъ какой-нибудь Шлоссерь... Подпишусь на «Новое Время» и буду каждый день читать. И буду заниматься: пора, а то срѣжусь... — Сердце Карташева екнуло... прямо зубрить, какъ Корневъ анатомию, буду, и отлично... вотъ это вотъ вѣрно... по крайней мѣрѣ теперь чувствую, что стою на дѣйствительной почвѣ. Ну, не писатель: экое горе... а все-таки на второй курсъ перейду: курить бросилъ, на второмъ курсѣ, а тамъ каникулы, домой. Карташевъ вспомнилъ о Вѣрочкѣ. «И она пусть убирается къ чорту... Точно въ самомъ дѣлѣ такъ клиномъ и сошелся свѣтъ... Проживемъ!» Карташевъ на радостяхъ, что нашелъ, наконецъ, выходъ, прибавилъ даже лишній гривенникъ извозчику.

На этотъ разъ Карташевъ засѣлъ за лекціи такъ, какъ казалось ему слѣдовало. Онъ читалъ, составлялъ конспекты, зубрилъ на память и медленно, но упорно подвигался впередъ. Это не было, можетъ быть, истинное пониманіе, истинное знаніе, можетъ быть это даже не былъ просвѣтъ, а былъ все-таки же въ сущности мракъ, но у Карташева въ этомъ мракѣ выработывалось искусство слѣпного: онъ охуцую уже зналъ, какъ и гдѣ отъ такого-то пункта искать слѣдующаго. Онъ зналъ, что каждая философская система, которую онъ бралъ теперь одну за другой приступомъ, будетъ несостоятельна, и его интересовало: въ чемъ именно несостоятельна. Онъ старался угадать, но каждая изъ системъ казалась неуязвимой. А когда онъ заглядывалъ дальше въ лекціи и узнавалъ ея слабую сторону, онъ удивлялся, какъ самъ не могъ додуматься до такой простой вещи. Разрушеніе нѣкото-

рых системъ вызвало въ немъ самое искреннее огорченіе. Симпатична была школа стойковъ по ясности изложенія, эпикурейцы прельщали содержаніемъ, но ужъ какъ-то слишкомъ откровенно все у нихъ выходило; киренайки были тоже въ сущности эпикурейцы, но скромнѣе.

«Вотъ этой философіи я буду послѣдователемъ»,—съ удовольствіемъ думалъ Карташевъ,—приѣду домой: Долба, Вервицкій, Семеновъ... кто ты? я киренаикъ»...

Когда Карташевъ дошелъ до Декарта, онъ думалъ: «Отчего бы мнѣ самому свою собственную философскую систему не выдумать? ну, хоть маленькую... Ну, вотъ, допустимъ, что я тоже философъ и рѣшилъ создать свою собственную философію. Съ чего я начну?»

Этотъ первый вопросъ сразу ставилъ Карташева въ безвыходное положеніе. Онъ сосредоточенно смотрѣлъ на какой-нибудь предметъ, стараясь раскопать въ своей головѣ скрытый кладъ. Но ничего не находилъ тамъ.

«Мой другъ, ты ищешь ночью тамъ, гдѣ я днемъ ничего не нахожу»,—вспоминалъ онъ слова изъ какого-то анекдота.

«Неужели я такой идиотъ, что не могу создать даже маленькую философію... Ну, всякій философъ начинаетъ съ принципа и имъ уже охватываетъ весь міръ, все существо вещей, отыскиваетъ точку приложенія даннаго момента... ну, вотъ, Декартъ говорить: «*cogito, ergo sum*» и поѣхалъ... Ну, вотъ, и я тоже: «*cogito*»...

Карташевъ пригнулся, смотрѣлъ на носокъ своего сапога и уныло шепталъ:

— *Cogito, cogito*, а ни чорта не выходитъ.

(Продолженіе будетъ).

Н. Гаринъ.

Народно-хозяйственные наброски.

XIX. Системы разверстокъ общинной земли въ новѣйшее время.

XIX.

Обостроеніе литературнаго спора объ общинѣ, замѣчаемое въ послѣднее время, безспорно свидѣтельствуетъ о томъ, что интересъ мыслящей части общества къ этой формѣ землевладѣнія не ослабѣваетъ. И каждое новое *фактическое* изслѣдованіе, знакомящее съ эволюціей разнаго рода отношеній внутри общины, приобретаетъ особый интересъ, проливая свѣтъ на направленіе этой эволюціи путемъ наблюденія и опыта, а не доктринерскихъ соображеній, вытекающихъ изъ нѣкоторыхъ общихъ теоретическихъ положеній. Такими новыми данными, касающимися послѣднихъ годовъ, я и хочу подѣлиться съ читателемъ.

Предшествующими изслѣдованіями достаточно прочно установлены причины, вызывающія коренные передѣлы общинныхъ земель. Главнѣйшимъ опредѣляющимъ моментомъ въ данномъ случаѣ служитъ отношеніе, существующее между доходностью надѣловъ и размѣрами лежащихъ на нихъ платежей. Земско-статистическія изслѣдованія показываютъ, что «надѣльная *) земля имѣетъ для крестьянина двоякое значеніе: она служитъ ему источникомъ дохода и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрою взыскиваемыхъ съ него податей и другихъ сборовъ. Первое ея значеніе для него положительное, второе—отрицательное, и окончательное отношеніе крестьянина къ надѣлу въ значительной степени опредѣляется равнодѣйствующей того и другого ея вліянія на экономическое состояніе хозяина». Гдѣ земля не окупаютъ платежей, тамъ хозяйственному крестьянину выгодно получить лишь такой участокъ, который не отнималъ бы всѣхъ его трудовыхъ силъ и оставлялъ ему возможность арендовать землю или зарабатывать на сторонѣ, а крестьянину маломощному—отка-

*) *Итоги экономич. изслѣдов. Россіи, т. I.—В. В. Крестьянская община, стр. 144—6.*

заться отъ надѣльной земли совсѣмъ; другими словами—объ категоріи въ этомъ случаѣ стремятся отдѣлаться отъ земли. Слѣдовательно, «мотивомъ къ измѣненію существующаго распредѣленія надѣловъ здѣсь служить стремленіе облегчить членовъ общины, чрезмерно обремененныхъ платежами, равномерно распредѣлить недомки, запущенныя неплательщиками». Съ другой стороны, въ обществахъ, гдѣ доходность надѣла равняется или даже превосходитъ платежи, главнѣйшей причиной передѣла служить «малоземелье однихъ членовъ общины при относительномъ многоземельи другихъ, а соответствующій психическій мотивъ—желаніе увеличить участокъ, какъ источникъ дохода. Этотъ естественный мотивъ, вызываемый непосредственно неравномѣрностью распредѣленія земли между членами общины, усиливается тягостями, лежащими на безземельныхъ и малоземельныхъ ея членахъ по исполненію воинской и мірскихъ натуральныхъ повинностей, привлеченіе къ которымъ дѣлается не на основаніи размѣра землевладѣнія, а по величинѣ рабочаго состава семьи». Къ этимъ двумъ основнымъ мотивамъ передѣловъ присоединяются еще другіе, имѣющіе меньшее распространеніе, на которыхъ останавливаться не будемъ.

Въ главѣ II упомянутаго изслѣдованія г. В. В. подробно разработанъ историческій очеркъ развитія идеи передѣла послѣ крестьянской реформы. Къ нему мы и отсылаемъ желающихъ изучить фактическія измѣненія въ этой области и препятствія, испытанныя тенденціей общинниковъ къ передѣламъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Въ прежнее время государственные крестьяне давно работали обычай періодическаго перераспредѣленія земли между членами общины вслѣдъ за ревизіей. Когда неравномѣрность земельного обезпеченія общинниковъ начала выясняться послѣ послѣдней ревизіи 1858 г., возникъ прежде всего вопросъ о *правѣ* общины производить передѣлы безъ ревизіи. Пока этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, до тѣхъ поръ онъ служилъ первымъ крупнымъ препятствіемъ къ устраненію возникшаго земельного неравенства. Сказанному помогали нерѣдко и представители ближайшаго «начальства» надъ крестьянами, сознательно или безсознательно затемнявшіе для общинниковъ истинный смыслъ закона въ этомъ вопросѣ *). Однако, когда населеніе поняло, что перераспредѣленіе общинной земли входитъ въ число его правъ, препятствія къ передѣламъ этимъ еще далеко не были устранены. Внутри самихъ общинъ возгорѣлась упорная борьба тѣхъ, кому выгодно было прежнее распредѣленіе участковъ, съ тѣми, кому выгодно было его измѣненіе. Въ мѣстностяхъ, гдѣ платежи преуспѣваютъ доходность земель, оппозицію передѣламъ должны были вызывать домохозяева, которымъ переверстка участковъ грозила к-

*) См., напр., *Карелия*—Общинное владѣніе въ Россіи. Спб. 1893 г., стр. 154—160.—В. В. Итоги и пр., т. I, стр. 109—110.

личением их землевладения; в местностях, где платежи находились в большем соответствии с доходностью земель, оппозицию оказывали те, которым переверстка обещала уменьшение землевладения. В первом случае «против передёла стоят бедные, мало-земельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большой тягостью, связанной с расширением их участков»; во втором случае «противниками передёлов, кроме семей с большим числом умерших ревизских душ, являются обыкновенно кулаки, мироды, каштаны, так или иначе захватившие в свои руки надёлы переселенцев и другие, или наживающиеся при распоряжении общества мироплатимыми душами. Вспомнив влияние на общественные дела, каким пользуются эти, обыкновенно богатые и ловкие лица, легко понять, каких сильных противников имёть в них передёлы» («Итоги...» I, 102). Борьба бывает упорная, страсти разыгрываются и сторонами пускаются в ход все средства (прибывают и к подлогам, и к обманам, к подкупам, опаваниям, насилиям и т. д.) (там же, стр. 110—112). Очевидно, при таких условиях перевес должен остаться на стороне, оказавшейся более сильной фактически. Если настойчивость и установленное законом большинство окажутся в лагере требующих переверстки земли «по новым душам» — передёлы состоятся, в обратном случае хлопоты меньшинства останутся без результата. Не трудно понять, что во всех этих случаях, когда платежи не превосходят доходности земель, борьба за передёлы есть борьба менее состоятельных членов общины против более состоятельных, борьба обделенных землю против тех, в руках которых концентрировались общинные участки. В этой борьбе замкнуты крупнейшие интересы тех и других и потому ее исход может служить весьма важным показателем степени действительного влияния на общинные отношения той или другой из борющихся сторон. Если дифференциация общинного крестьянства дошла уже до той степени, когда все эти «кулаки мироды, каштаны», и как они все там называются, концентрировавшие в своих руках значительную долю надёлов, когда весь этот люд фактически распоряжается судьбами общинных отношений, передёлы, очевидно, состоятся не может или может быть произведен лишь по прежней системе разверстки земли, выгодной для этого «командующего» слоя деревни. Если же передёлы совершаются и если системы их эволюционируют в сторону удовлетворения интересов менее состоятельных общинников, то необходимо предположить, что первая группа домохозяев не обладает еще тем безусловным господством над второй, тем непреодолимым влиянием, как то иногда может казаться с высоты птичьего полета, на основании отрывочных, малочисленных сведений и наблюдений. В первом случае община близка к разложению. Общинные порядки если при этом и сохраняются, то

лишь по формѣ, а не по внутреннему своему содержанию, ибо не удовлетворяютъ болѣе первому принципиальному требованію: они перестаютъ служить *всѣмъ* участникамъ, а служатъ лишь *состоятельному меньшинству* ихъ. Во второмъ случаѣ эти распоряженія удовлетворяютъ именно потребности большинства, менѣе *состоятельной* массы домохозяевъ, въ ущербъ интересамъ болѣе *обеспеченнаго* меньшинства, подчасъ—небольшой кучки, даже единицы, т. е. уравниваютъ, нивелируютъ интересы *всѣхъ* общинниковъ, слѣдовательно, вполне *соотвѣтствуютъ* основному общинному принципу (равненію). При такихъ условіяхъ, очевидно, принципъ этотъ живъ, обнаруживаетъ дѣеспособность и потому надъ общиной еще рано пѣть похоронныя пѣсни.

Еще одна черта. Община, какъ институтъ живой, дѣйствующій на пространствѣ огромной территоріи восточной Европы при довольно разнообразныхъ условіяхъ (бытовыхъ, землевладѣнія, хозяйства и пр.) и испытывающій весьма разнородныя вліянія (законодательныя, фискальныя, административныя и иныя), не можетъ представлять собой что-то застывшее, законченнѣе. Община должна терпѣть тѣ или другія измѣненія въ пространствѣ и времени. Результаты ихъ могутъ обнаруживаться въ ту или другую сторону въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Изученіе статки и динамики этихъ отношеній статистическимъ, массовымъ, исчерпывающимъ путемъ могло бы служить единственнымъ, безусловно научнымъ основаніемъ для выводовъ. Только такое изученіе могло бы установить тѣ закономерности, которыя имѣются въ общинной жизни, тѣ вліянія, подъ которыми общинный принципъ тухнетъ, отступаетъ на задній планъ или развивается и крѣпнетъ. Такой работы, однако, не предпринято, несмотря на огромные размѣры нашей литературы по общинѣ, носящей, строго говоря, всего болѣе описательный характеръ. Тѣмъ цѣннѣе нѣкоторыя суммарныя данныя, о которыхъ рѣчь сейчасъ. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ нимъ—еще два слова.

Было упомянуто, что государственные крестьяне выработали обычай передѣловъ послѣ ревизій. То есть каждый новый передѣлъ совершался по новому наличному числу душъ мужского пола. Понятіе «ревизской» и «наличной» души при этихъ условіяхъ совпадали. Передѣлы, совершенные вслѣдъ за X ревизіей, носили тотъ же характеръ—всѣ наличные общинники попали въ ревизію и получали на свою долю участки земли. Понятно, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ значительнѣе становилась разница между числомъ «ревизскихъ» и «наличныхъ» душъ въ каждой общинѣ, отъ движенія населенія—естественнаго (рождаемости и смертности) и искусственнаго (переселеній и вселеній). Обнаруживалось несоотвѣтствіе между единицей развертки (ревизская душа) и потребностями массы общинниковъ. Семьи, въ которыхъ имѣлось сравнительно много *личинъ* въ моментъ X ревизіи, владѣли большимъ количествомъ за-

тельно въ смыслъ уменьшенія числа мужчинъ. Съ другой стороны, семьи съ малымъ числомъ ревизскихъ душъ владѣли, очевидно, несправедливо малыми участками въ случаѣ разростанія. Ждали XI-й ревизіи для переустройства этихъ отношеній на прежнихъ основаніяхъ, но проходили десятилѣтія, а ревизіи не было. Свалка и навалка душъ служила лишь палліативомъ.

Крестьяне бывшіе помѣщичьи, въ силу меньшихъ размѣровъ и удобствъ своего землевладѣнія и высокихъ размѣровъ лежащихъ на землѣ платежей, обратились прежде всего къ разверткамъ по рабочей силѣ. «Нашлись такія общины,—говоритъ г. В. В.,—которыя донесли эту систему нетронутой до самаго послѣдняго времени. Такія общины обыкновенно характеризуются небольшими размѣрами: нѣсколько дворовъ, иногда нѣсколько десятковъ дворовъ—вотъ типъ тягловой общины» (225). Но и среди этого разряда крестьянъ начала практиковаться ревизская же система развертки, подобно государственному (227), что и понятно,—въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ревизская развертка почти совпадала съ наличной. Но, очевидно, съ теченіемъ времени и въ этомъ случаѣ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ доходность надѣловъ превышала платежи, должно было обнаружиться стремленіе къ болѣе равномерному распредѣленію наличнаго земельного фонда.

Въ результатъ у тѣхъ и другихъ началась та борьба за передѣлъ, о которой сказано выше. Не трудно понять, что является лозунгомъ при такой борьбѣ для обдѣленныхъ. Это прежде всего—развертка земли по наличнымъ душамъ мужского пола, т. е. восстановление того принципа передѣловъ, который дѣйствовалъ ранѣе вплоть до X ревизіи и времени, непосредственно за ней слѣдовавшаго, включительно. Та часть общинниковъ, которымъ передѣлъ обѣщаетъ сокращеніе размѣровъ ихъ участковъ, понятно, заинтересована въ сохраненіи прежней ревизской развертки. Нерѣдко прежде окончательной побѣды первой группы надъ второй наступаетъ промежуточный періодъ разныхъ развертокъ, составляющихъ переживание прежней системы и переходъ къ новой. Сюда относятся передѣлы по живымъ или наличнымъ ревизскимъ душамъ («Итоги», стр. 234), или разновидность послѣднихъ—смѣшанные по ревизскимъ и наличнымъ душамъ, или наконецъ, передѣлы по наличнымъ душамъ мужского пола, но не всѣхъ возрастовъ (напр., съ 5, съ 10 и т. д. лѣтъ), вслѣдствіе чего дробленіе участковъ увеличивается сравнительно нѣсколько слабѣе (112) и т. п.

Наконецъ, когда необходимость кореннаго измѣненія принципа передѣловъ входитъ въ сознаніе необходимаго большинства общинниковъ, наступаетъ моментъ установленія той системы развертки, которая является наиболѣе удобной при наличныхъ условіяхъ *)

*) См. блестящую разработку вопроса у В. И. Орлова въ его «Формахъ крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губ.».

Прежде всего тамъ, гдѣ доходность земли не покрываетъ лежащихъ на ней платежей, наиболее целесообразной является разверстка тягольная, по взрослымъ мужчинамъ, чаще всего—только рабочаго возраста. Въ этомъ случаѣ часть работниковъ каждой семьи вынуждена обращаться къ стороннимъ заработкамъ. Дворъ, обладающій большимъ количествомъ мальчиковъ и стариковъ при маломъ числѣ рабочихъ мужчинъ, очевидно, не могъ бы справиться съ большимъ количествомъ земли *). Далѣе, тамъ, гдѣ платежи находятся въ большемъ соотвѣтствіи съ доходностью земли, указанное препятствіе къ разверсткѣ земли по всѣмъ наличнымъ душамъ мужского пола устраняется, и такая система вступаетъ въ дѣйствіе, знаменуя собой побѣду интересовъ массы надъ стремленіемъ меньшинства сохранить прежнюю неравномѣрность распредѣленія земли.

Но сказаннымъ дѣло не кончается. Если общинныя традиціи не пришли въ забвеніе, если внутренній смыслъ общинныхъ отношеній не отступилъ на задній планъ, оставивъ лишь внѣшнюю ихъ оболочку (а безъ всего этого трудно себѣ представить возможность успѣшнаго окончанія начатой большинствомъ борьбы и введенія разверстки по наличнымъ душамъ мужского пола), то на такой системѣ община не можетъ помириться надолго при наличныхъ благоприятствующихъ условіяхъ. Условія эти заключаются въ еще лучшемъ соотношеніи между доходностью земель и платежами, а дальнѣйшая тенденція передѣловъ—въ устраненіи тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены съ разверсткой по однимъ *мужскимъ* душамъ и безотносительно разныхъ хозяйственныхъ признаковъ двора. При наличномъ подушномъ передѣлѣ семья, состоящая изъ малаго числа мужчинъ и большого числа женщинъ, можетъ удовлетворять своимъ потребительнымъ требованіямъ въ гораздо болѣе слабой степени, чѣмъ другая, съ инымъ отношеніемъ числа лицъ разныхъ половъ между собой. Отсюда—стремленіе ввести поправку въ принятую систему разверстки въ смыслѣ включенія въ число участниковъ въ дѣлежъ земли и женщинъ, и рядомъ съ этимъ начинаютъ иногда приниматься въ расчетъ и нѣкоторыя хозяйственныя особенности двора. Являются разновидности, такъ называемой, *смѣшанной* разверстки, изъ которыхъ болѣе другихъ начинаетъ пользоваться распространеніемъ разверстка на всѣхъ «ѣдковъ».

Таковъ общій процессъ выработки системы разверстки общинной земли. Все сказанное до сихъ поръ не представляетъ собой

*) Такая принудительная разверстка земли, представляющей собой земледѣльца лишь тяготу (вслѣдствіе весьма высокихъ платежей или иного ея качества, или ряда крупныхъ неурожаевъ и т. д.), часто замѣнялась затѣмъ подлюбовной—«по милу», «по согласію», причемъ главную роль играло личное рѣшеніе каждаго члена о томъ, какое количество общинной земли онъ считаетъ возможнымъ взять на себя, причемъ мѣръ «накидываетъ» земли больше задѣленного лишь въ томъ случаѣ, если онъ беретъ на себя (не по совѣсти) меньше, чѣмъ онъ можетъ осилить. (В. В. 236).

Еще въ 70-хъ годахъ начала назрѣвать потребность въ коренныхъ передѣлахъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣ препятствія, о которыхъ говорено выше, удерживали общины отъ равенія земельныхъ участковъ между своими членами. Повидимому, тогда больше всего дѣйствовала въ этомъ направленіи неясность сознанія общинниковъ своихъ правъ распоряженія ихъ земельнымъ фондомъ. Мало-по-малу сознаніе это, однако, распространялось въ массѣ, а рядомъ съ этимъ обострялась и необходимость перераспредѣленія участковъ. На первый планъ выдвигалась борьба разныхъ имущественныхъ слоевъ внутри общины. Обѣ стороны уже начали понимать, что передѣлъ юридически возможенъ. Оставалось тѣмъ, кому онъ выгоденъ, преодолѣть тѣхъ, кто отъ него потеритъ. Въ такомъ положеніи застала вопросъ о передѣлахъ большая часть земско-статистическихъ изслѣдованій. Первые подворныя описи встрѣчали еще очень мало коренныхъ переверстокъ земли, годъ отъ году число такихъ увеличивалось. Восьмидесятые и девяностые годы представляютъ собой, повидимому, тотъ періодъ, когда число передѣловъ росло постоянно и повсемѣстно, когда, слѣдовательно, очень большая часть надѣльной земли подверглась переверсткѣ. При этомъ должны были обнаружиться тѣ теченія, которыя характеризуютъ современную общину и выражаются въ установленіи тѣхъ или другихъ системъ передѣловъ. Изученіе распространенности этихъ системъ и можетъ пролить свѣтъ на то обстоятельство, сохраняются-ли въ наше время въ общинѣ уравнительныя тенденціи, стремится-ли община нивелировать между своими членами выгоды и невыгоды своего земельного владѣнія, или тенденціи эти отошли въ область прошлаго и общинная земля состоитъ въ фактическомъ подворномъ владѣніи извѣстной части бывшихъ общинниковъ.

Съ этой точки зрѣнія приобрѣтаютъ интересъ новыя собранныя податными инспекторами данныя, касающіяся господствующихъ системъ разверстокъ. Постараемся прежде всего сравнить ихъ съ тѣми аналогичными данными земской статистики, которыя приведены у г. В. В. («Итоги», I, стр. 260—296). Последнія относятся по большей части къ концу 70-хъ и первой половинѣ 80-хъ годовъ; первыя—къ періоду 1887—1893 годовъ. Слѣдовательно, эти рисуютъ продолженіе и развитіе тѣхъ процессовъ въ вопросѣ о передѣлахъ, которые установлены тѣми.

Въ Херсонской губ. (по таблицѣ на стр. 261 «Итоговъ»...) при земско-статистическомъ обслѣдованіи обнаружено было почти исключительное примѣненіе *ревизской* разверстки: въ 96,3% общинъ (1602 изъ 1664). Только 3,7% ихъ практиковали другія системы (исключительную поддушную—42, а по ѣдокамъ—всего 1).—Въ послѣднее время эта губернія представляетъ собой поле приложенія весьма разнообразныхъ системъ отъ первобытныхъ до наиболѣе совершенныхъ.

Ревизская продолжает преобладать только у б. помѣщичьихъ крестьянъ, но и у нихъ вымороченные надѣлы предоставляются сходами въ пользованіе или безземельныхъ—преимущественно многосемейныхъ (Херсонскій уѣздъ), или же распределяются между *всѣми* членами общества (Александрійскій). Далѣе имѣется цѣлый рядъ промежуточныхъ системъ, составляющихъ переходъ къ наличной подушной. Такъ, мѣстами земля подѣлена по наличнымъ ревизскимъ душамъ съ такими измѣненіями: или вымороченные участки распределяются между всѣми родившимися послѣ ревизіи мужчинами (поровну или смотря по возрасту ихъ: Тираспольскій, Херсонскій, Елизаветградскій), или—также и между безыновными вдовами (Тираспольскій), или—при ревизскомъ счетѣ принимается во вниманіе и семейный составъ двора: крупнымъ семьямъ прибавляютъ землю на мужчинъ побольше, на женщинъ поменьше (Елизаветградскій). Компромиссы при разверткахъ выражаются тамъ еще и тѣмъ, что подушная система примѣняется мѣстами къ мужчинамъ не всѣхъ возрастовъ, а лишь съ 5 л. или съ 1 года. Въ Тираспольскомъ уѣздѣ есть селенія, гдѣ при этой системѣ развертки земли дѣлаютъ различія въ размѣрѣ отвода между взрослыми мужчинами (съ 20 лѣтъ) и недостигшими этого возраста: послѣднимъ даютъ меньше земли. Наконецъ, въ уѣздахъ Тираспольскомъ, Ананьевскомъ и Александрійскомъ имѣется на-лицо уже немало развертокъ на всѣхъ членовъ семьи безъ различія возраста и пола («по вѣdomъ»). Какъ ни разнообразны эти системы, но при сравненія ихъ съ приведенными болѣе ранними свѣдѣніями по тому же предмету, они совершенно ясно указываютъ на то, что новѣйшіе передѣлы имѣютъ болѣе уравниТЕЛЬНЫЯ тенденціи и переходятъ тамъ постепенно къ болѣе высшимъ съ этой точки зрѣнія формамъ. Эти данныя въ общихъ чертахъ вполне сходятся съ тѣми, которыя сообщаетъ, какъ помнитъ читатель, для той же губерніи г. Осадчій.

Переходимъ къ *Таврической* губ. Здѣсь въ четырехъ материковыхъ уѣздахъ при подворной земско-статистической описи найдена была ревизская развертка въ 50% общинъ, наличная—30% и смѣшанная—въ 12%. Очевидно, первая преобладала. Что же касается до Крымскихъ уѣздовъ, то тамъ она господствовала почти исключительно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не практиковалась заимочная, захватная форма.—Въ послѣдніе годы и въ этой губерніи системы развертокъ измѣнились въ томъ же направленіи, какъ и въ Херсонской. Наибольшимъ распространеніемъ все еще пользуется ревизская развертка, но устои ея, повидимому, распатаны очень силь. Вліяніе ея сказывается чаще всего лишь въ томъ, что «живыя визскія души» получаютъ большіе участки, чѣмъ не ревизскія (Днэпровскій, Бердянскій, Мелитопольскій). Въ Бердянскомъ у. она хранилась въ тѣхъ—преимущественно мелкихъ—общинахъ, гдѣ всѣхъ семьяхъ населеніе возросло почти равномернo. Тамъ же видѣ исключенія сохранилась развертка по работникамъ (съ 18

ніяхъ, гдѣ земли мало, надѣляются мальчики отъ 3-хъ, 4-хъ лѣтъ; вообще же эта система распространяется все болѣе и болѣе (безъ различія между всѣми наличными ревизскими душами). Изрѣдка появляется уже и разверстка по вѣдокамъ (Евпаторійскій). Вместе съ тѣмъ весьма характерно постановленіе нѣкоторыхъ общинъ Бердянскаго уѣзда—*не давать одной семьѣ больше 4-хъ душевыхъ надѣловъ*, очевидно, для избѣжанія концентраціи въ немногихъ рукахъ большихъ количествъ надѣльной земли. Вдовы и сироты жен. п. иногда получаютъ тамъ клинья и вообще небольшіе участки, оставшіеся отъ передѣла.

Насколько можно судить о системахъ разверстки въ *Екатеринославской* губерніи по обследованію земской статистикой общины въ двухъ уѣздахъ—Бахмутскомъ и Славяносербскомъ, то передѣлы по наличнымъ душамъ и «по вѣдокамъ» тамъ еще почти совсѣмъ не были извѣстны въ половинѣ 80-хъ годовъ. Последняя система не встрѣчалась ни въ одномъ изъ этихъ уѣздовъ, а первая—всего въ 2-хъ общинахъ уѣзда Бахмутскаго. Ревизская разверстка практиковалась въ Бахмутскомъ въ 70%, изслѣдованныхъ общинъ, а въ Славяносербскомъ—въ 43%; въ обоихъ въ немаломъ числѣ встрѣчались разверстки по работникамъ и «по согласію»; наконецъ, переходныя формы встрѣчались въ первомъ—лишь въ незначительномъ количествѣ общинъ, а во второмъ въ нѣсколько большемъ (26).

Къ сожалѣнію, намъ матеріалъ, относящійся къ послѣднему времени, ничего не говоритъ о передѣлахъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ и весьма мало о Славяносербскомъ, гдѣ теперь существуютъ параллельно ревизская и подушная (отъ 17 лѣтъ) разверстки. Но свѣдѣнія нѣсколько полнѣе о другихъ уѣздахъ той-же губерніи. Въ *Екатеринославскомъ*, *Новомосковскомъ* и *Павлоградскомъ* при ревизской разверсткѣ остались лишь быв. помѣщичьи крестьяне, а быв. государственные уже перешли къ наличной подушной—безъ различія возраста въ послѣднихъ двухъ уѣздахъ (въ одной только волости—съ 5 лѣтъ) и съ 1, 5, 7, 10, 17 и 21-лѣтняго возраста—въ первомъ *). Въ *Павлоградскомъ* уѣздѣ кромѣ того встрѣчаются уже случаи, когда при разверсткѣ принимается во вниманіе и весь составъ семьи, а въ *Новомосковскомъ* *не допускается отводъ одной семьѣ больше 4-хъ надѣловъ*, какъ то уже встрѣтили мы въ *Бердянскомъ* уѣздѣ.

Такимъ образомъ, данныя по этимъ тремъ новороссійскимъ губерніямъ даютъ основаніе заключить, что развитіе системъ переверстокъ общинной земли въ смыслъ большей уравнительности представляетъ тамъ характерный фактъ послѣднихъ лѣтъ.

*) При этомъ дѣлается оговорка, что устраненіе младшихъ возрастовъ отъ участія въ разверсткѣ обуславливается недостаткомъ земли.

О Саратовской губернии находимъ въ «Итогахъ» слѣдующія данныя земской статистики. Въ Саратовскомъ уѣздѣ сохранили въ то время ревизскую разверстку 29,3% всего числа общинъ, а 70,7% дѣлили землю по живымъ ревизскимъ душамъ съ присоединеніемъ неревизскихъ, съ 16—18 лѣтняго возраста, просто по живымъ ревизскимъ, по работникамъ, по работникамъ съ подростками, по достатку семьи и, наконецъ, по наличнымъ душамъ. Словомъ, имѣлась дѣлая лѣстница системъ, служащихъ переходомъ отъ ревизской къ наличной разверсткѣ. Рабочая сила, какъ единица переверстки, выдвигалась въ общинахъ, въ которыхъ надѣлъ не окупать платежей, на немъ лежавшихъ.—Въ Хвалынскомъ уѣздѣ болѣе 60% общинъ (61,3%) придерживались еще ревизской системы, 27,2%—по работникамъ и только 11,5%—подушной наличной.—Въ Царицынскомъ уѣздѣ—о передѣлѣ по наличнымъ душамъ тогда не было «еще и разговору». Преобладала разверстка ревизская, по живымъ ревизскимъ съ неревизскими отъ 16—18 лѣтъ и по работникамъ. Таковы свѣдѣнія подворныхъ переписей. Въ послѣдніе годы общая картина передѣловъ сильно измѣнилась и тамъ въ томъ же направленіи, какъ и въ Новороссіи. Ревизская разверстка сохранилась преимущественно только въ малоземельныхъ общинахъ (чаще всего у б. помѣщичьихъ крестьянъ)—въ уѣздахъ Вольскомъ, Сердобскомъ, Балашевскомъ и Хвалынскомъ. Въ Саратовскомъ и Вольскомъ встрѣчается нѣсколько переходныхъ системъ (свалкой «пустовыхъ» и умершихъ ревизскихъ душъ и навалкой на наличныхъ). Практикуется иногда и разверстка по работникамъ преимущественно тамъ, гдѣ платежи высоки, хозяйство въ упадкѣ (какъ въ татарскихъ селеніяхъ) и гдѣ поэтому главный источникъ доходовъ составляютъ заработки (Хвалынский). Но «преобладающій» способъ разверстки въ губерніи—по наличному мужскому населенію. Въ Кузнецкомъ и Петровскомъ уѣздахъ въ счетъ душъ входятъ и вдовы-хозяйки. Чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ старше возрастъ, дающій право на получение земельного пая (иногда съ 5 л., иногда старше, иногда даже съ 18 л.) Даже въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ, какъ указано, ревизская система сохранилась еще болѣе, чѣмъ въ другихъ (Балашевскій, Вольскій, Хвалынский), замѣчается «усиливающаяся склонность въ послѣднее время» къ подушной разверсткѣ. Въ одномъ Хвалынскомъ уѣздѣ къ ней перешли съ 1887 по 1892 г. отъ ревизской системы 19 общинъ.

Въ Самарской губерніи болѣе раннія земско-статистическія изслѣдованія (1882—84 гг.) уѣздовъ Самарскаго, Ставропольскаго и Игулукскаго показали тамъ совершенное отсутствіе другихъ системъ разверстки, кромѣ ревизской и тягольной; изслѣдованія 1885—88 гг. дали въ результатъ уже нѣкоторое количество наличныхъ разверстокъ: въ 10,4% общинъ Николаевскаго уѣзда, въ 20,1% Бугульминскаго и 23,5% Бугурусланскаго; наконецъ, послѣдняя по времени опись Новоузенскаго уѣзда (1888—9 г.) зарегистрировала

58,4% общинъ съ ревизской разверткой.—Въ послѣдніе годы—«въ Самарскомъ и Ставропольскомъ уѣздахъ преобладаетъ ревизская развертка земли» (стало быть, наличная уже есть, но не преобладаетъ); въ остальныхъ уѣздахъ, подушная развертка развита не менѣе ревизской (по количеству мужчинъ всякаго возраста, или начиная съ 10, 12, 15 лѣтъ и т. д.), а всего болѣе распространена въ Новоузенскомъ (свѣдѣнія по этой губерніи хотя и весьма кратки, но довольно ясно характеризуютъ интересующее насъ явленіе).

Въ *Казанской* губерніи развертка по ревизскимъ душамъ въ послѣдніе годы преобладала только въ сѣверныхъ нечерноземныхъ уѣздахъ. Въ уѣздахъ черноземныхъ (Ядринскомъ, Цивильскомъ и Свияжскомъ) землю теперь дѣлятъ *только* по наличному населенію (по даннымъ «Итоговъ...» общинъ съ ревизской разверткой было еще въ Цивильскомъ уѣздѣ 38 изъ 208, а въ Свияжскомъ—даже 99 изъ 210). Въ остальныхъ уѣздахъ обѣ системы практикуются рядомъ: въ Казанскомъ и Тетюшскомъ ревизская у б. помѣщичьихъ, а подушная наличная—у б. государственныхъ и б. удѣльныхъ: въ Лаишевскомъ:

Ревизская: Подушная: По работникамъ:

при земско-статистическомъ

изслѣдованіи въ . . .	206 общ.	116 общ.	въ 27 общ.
теперь	193 »	156 »	» 1 вол.

т. е. наличная подушная развертка распространилась на счетъ двухъ другихъ. Слѣдовательно, и въ этой губерніи ревизская система отстываетъ передъ наличной. Больше того, тамъ уже имѣются симптомы перехода къ передѣламъ «по ѣдокамъ», состоящіе въ привлеченіи и женскаго пола къ пользованію общинной землей. Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ при подушной разверткѣ не исключаютъ и вдовъ; въ Лаишевскомъ—въ нѣкоторыхъ селеніяхъ даютъ землю и на дѣвочекъ (по $\frac{1}{2}$ надѣла); въ Ядринскомъ—если въ исправномъ хозяйствѣ за смертью мужчинъ остались однѣ женщины, то на каждую дается или цѣлый душевой надѣлъ, или $\frac{1}{3}$, или $\frac{1}{2}$ надѣла.

Изъ уѣздовъ *Нижегородской* губерніи въ «Итогахъ...» находимъ данныя отъ трехъ. Въ *Макарьевскомъ* наличная развертка обнаружена была всего въ 7,6% общинъ (преобладала тяговая), въ *Клязминскомъ*—въ 8,0%; столь же мало, повидимому, распространена была эта система и въ Васильскомъ.—Въ послѣднее время *преобладающая* развертка въ губерніи—по наличнымъ душамъ м. п.; минимальный возрастъ надѣляемыхъ при этомъ увеличивается съ уменьшеніемъ размѣровъ надѣла. «*Менѣе распространены* развертки по ревизскимъ душамъ, по живымъ ревизскимъ, по имущественной состоятельности семей». Въ вышеупомянутомъ Макарьевскомъ уѣздѣ, чистая ревизская развертка уже совсѣмъ «не допускается»; встрѣчается лишь по живымъ ревизскимъ душамъ (что обыкновенно сое-

дняется съ привлеченіемъ къ землѣ и неревизскихъ). Въ Васильскомъ уездѣ ревизская разверстка теперь практикуется только въ 20 общинахъ, тяговая (по работникамъ и полуработникамъ (12—18 л. и больше 60 л.) съ меньшимъ надѣленіемъ землей)—только въ 30, а наличная—въ 140 (съ 2—12 лѣтъ; подростку $\frac{1}{2}$ надѣла). Наконецъ, тамъ практикуются уже и передѣлы по ѣдокамъ. Въ Васильскомъ уездѣ эта система принята въ 35 общинахъ; въ Луконовскомъ—каждая брачная пара получаетъ одинъ надѣлъ, изъ остальныхъ членовъ семьи—каждый мужчина (безъ различія возраста) получаетъ цѣлый надѣлъ, а женщина— $\frac{1}{2}$ надѣла (во избѣжаніе дробленія полось дается только $\frac{1}{3}$ двумъ-тремъ женщинамъ, цѣлый надѣлъ—четыремъ-пяти и т. д.).

Такимъ образомъ, и въ среднемъ Поволжьи, подобно Новоросіи, системы разверстокъ претерпѣваютъ въ послѣдніе годы рѣзкія измѣненія въ сторону болѣе уравнительнаго распредѣленія общинныхъ земель.

Далѣе, въ двухъ уѣздахъ *Воронежской* губ., по даннымъ земской статистики, въ серединѣ 80-хъ годовъ системы разверстки распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Ревизская:		Наличная:	
	у. б. помѣщ.	у. б. госуд.	у. б. помѣщ.	у. б. госуд.
Воронежскій	167 общ.	42 общ.	2 общ.	57 общ.
Острогожскій	105 »	57 »	8 »	57 »
Всего	371 общ.=75%		124 общ.=25%	

Т. е. ревизская разверстка распространена была въ $\frac{3}{4}$ случаевъ, причеиъ ея придерживались не только почти всѣ б. помѣщичьи крестьяне, но и больше половины общинъ б. государственныхъ. Въ сущности распространеніе подушной наличной разверстки было тогда еще меньше показаннаго, такъ какъ въ приведенныя цифры включены и тѣ общины съ малодоходными надѣлами, которыя возвышали минимальный возрастъ надѣляемыхъ земель до рабочаго возраста и тѣмъ обращали наличную разверстку въ тяговую, принимавшую иногда форму разверстки «по согласію». Въ послѣдніе годы дѣло улучшенія системъ передѣловъ подвинулось и здѣсь, на подобіе предшествующихъ губерній. У. б. помѣщичьихъ сохранилась ревизская разверстка «преимущественно», а не почти исключительно, какъ это мы видѣли выше; «во многихъ общинахъ» того же разряда крестьянъ въ уѣздахъ Бирюченскомъ, Павловскомъ и Воронежскомъ «замѣчается стремленіе перейти къ разверсткѣ по наличному мужскому составу дворовъ хотя оно и встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны малосемейныхъ но многодушныхъ (по числу ревизскихъ душъ) домохозяевъ. «Иногда препятствіемъ является малоземелье», боязнь чрезмѣрнаго дробленія полось (Павловскій). Слѣдуетъ добавить, что при ревизской раз

рыя общины Вириученскаго уѣзда) даетъ мѣсто переходной формѣ (по живымъ ревизскимъ душамъ) (Вириученскій, Воронежскій).— Но въ селеніяхъ б. государственныхъ крестьянъ вполнѣ господствуетъ наличная подушная разверстка (Воронежскій, Павловскій, Вириученскій, Бобровскій), причѣмъ минимальный возрастъ колеблется также, какъ и указано выше. Наконецъ, проявляются уже и разверстки «по ѣдокамъ» (Вириученскій, Павловскій).

Во всей Курской губ. при земско-статистическомъ обслѣдованіи найдено было всего 40 общинъ, практиковавшихъ наличную разверстку. Ревизская господствовала во всѣхъ уѣздахъ почти исключительно, замѣняясь въ иныхъ случаяхъ лишь тягловою. Въ новѣйшее время эта система удержалась только среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Льговскаго, Грайворонскаго, Дмитріевскаго и Тимскаго уѣздовъ, уступивъ мѣсто наличной. Даже и въ этихъ уѣздахъ относительно названнаго разряда крестьянъ замѣчается, что они «стали переходить къ разверсткѣ земли по числу мужчинъ во дворѣ».

Въ Орловской губ., по аналогичнымъ даннымъ земской статистики, разверстка «по ѣдокамъ» почти не практиковалась, а наличная составляла менѣе 45 случаевъ. Въ послѣдніе годы въ этой губерніи, въ противность всему тому, что намъ извѣстно до сихъ поръ, это положеніе измѣнилось, повидимому, весьма мало, даже почти совсѣмъ не измѣнилось. Наличная разверстка господствуетъ лишь въ Сѣвскомъ уѣздѣ и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Карачевскаго. На всемъ остальномъ пространствѣ губерніи продолжаетъ господствовать ревизская система. Въ Малоархангельскомъ уѣздѣ отмѣчено возникшее въ послѣдніе годы стремленіе къ передѣламъ по наличнымъ душамъ, встрѣчающее усиленное сопротивленіе тѣхъ домохозяевъ, кому выгодна существующая ревизская разверстка.

Въ Рязанской губ. при подворной переписи ревизская разверстка рѣшительно преобладала, допуская наличную лишь въ видѣ исключенія. Въ Данковскомъ уѣздѣ послѣдней придерживались лишь около 30 общинъ изъ почти 300, въ Ранненбургскомъ — около 12 изъ почти 275, въ Егорьевскомъ—33 изъ 606; она была нѣсколько болѣе распространена лишь въ Михайловскомъ уѣздѣ—158 изъ 384 (41%). Въ настоящее время, хотя ревизская система еще и преобладаетъ, но «много разверстокъ имѣется и по наличнымъ душамъ мужского пола: къ этому порядку обыкновенно переходятъ особенно при передѣлахъ послѣднихъ лѣтъ». Въ уѣздахъ Рязанскомъ, Касимовскомъ, отчасти Егорьевскомъ и Касимовскомъ встрѣчается тягловая разверстка (гдѣ населеніе живетъ сторонними заработками болѣе, чѣмъ земледѣіемъ и гдѣ платежи превышаютъ доходность надѣловъ), переходящая (въ сѣверной части Рязанскаго уѣзда) въ разверстку «по согласію», «по милу». Въ Касимовскомъ уѣздѣ при

этих системах не отказываютъ въ надѣлѣ и крестьянамъ свыше 60 лѣтъ, если у нихъ нѣтъ родственниковъ, которые обезпечивали бы ихъ пропитаніе. Наконецъ, гдѣ платежи невысоки, при наличной разверсткѣ прибавляютъ земли на женщинъ или просто переходятъ къ передѣламъ «по ѣдокамъ» (Рязанскій).

Въ Тамбовской губерніи въ годы земско-статистическихъ изслѣдованій наличная разверстка у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ (за исключеніемъ единичныхъ случаевъ) совсѣмъ не практиковалась; эта система была болѣе извѣстна бывшимъ государственнымъ, у которыхъ въ 6 уѣздахъ *) въ періодъ съ 1880 до 1884 г. по этой системѣ были передѣлены земли въ 225 общинахъ изъ 548 (41,0%). Въ послѣдніе годы наличная разверстка, повидимому, приобрѣла тамъ господство. Ни о какой другой системѣ не упоминается для уѣздовъ Кирсановскаго, Моршанскаго, Темниковскаго и Спасскаго; въ Тамбовскомъ, Козловскомъ, Лебединскомъ, Елатомскомъ и Борисоглебскомъ рядомъ съ ревизской приобрѣла большое развитіе и наличная.

Въ Московской губ. въ концѣ 70-хъ годовъ тягольная разверстка охватывала почти 75% общинъ ($\frac{3}{4}$ ихъ по работникамъ, «побратно», а $\frac{1}{4}$ по дробной системѣ—съ полурабочими), смѣшанная—21% общинъ (бывшіе государственные и бывшіе удѣльные) и только — около 4% общинъ полныхъ собственниковъ, бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ, практиковали подушную разверстку. Подобно Орловской губ., здѣсь мало измѣнилось это распредѣленіе системъ. Тягольная разверстка продолжаетъ господствовать. Въ общинахъ, гдѣ земля «оправдываетъ платежи», надѣлы остаются въ пользованіи и стариковъ старше 60—65 лѣтъ, и семействъ, въ которыхъ число работниковъ уменьшилось; тамъ же, гдѣ она ихъ «не оправдываетъ», каждое измѣненіе числа лицъ рабочаго возраста вызываетъ свалку и навалку душъ, причемъ принудительнымъ образомъ надѣляются въ большей мѣрѣ болѣе состоятельные дворы (Звенигородскій, Бронницкій, Дмитровскій, отчасти Рузскій: въ захудалыхъ деревняхъ). Въ болѣе земледѣльческихъ уѣздахъ встрѣчаются иныя системы: въ Подольскомъ, Серпуховскомъ и Рузскомъ ревизская разверстка и только въ одномъ Волоколамскомъ господствуетъ наличная (съ 5-тилѣтняго возраста).

Опускаемъ пока тѣ губерніи, для которыхъ въ «Итогахъ...» имѣются болѣе отрывочныя или менѣе точныя данныя.

Къ сказанному едва ли нужно прибавлять еще что, либо. Во всѣхъ приведенныхъ губерніяхъ Новороссіи, Приволжья, среди и черноземной полосы и московской промышленной замѣчается въ послѣдніе годы одна общая тенденція: системы передѣловъ явственнѣе измѣняются по направленію отъ ревизской къ болѣе уравнител-

*) Козловскій, Кирсановскій, Усманскій, Тамбовскій, Липецкій, Лебединскій.

держится тягловая разверстка, зависящая менше отъ воли міра, чѣмъ отъ внѣшнихъ факторовъ — соотношенія между доходностью надѣловъ и платежами, но и она теперь ужъ нерѣдко нарушаетъ свой принудительный принципъ и переходитъ въ разверстку «по милу», «по согласію». Сказанная тенденція проявляется сравнительно слабо въ центрѣ и гораздо сильнѣе—на югѣ и востокѣ.

Для остальныхъ губерній мы не можемъ, по свойству матеріала, сдѣлать тѣхъ сравненій, которыя произведены выше. Но мы знаемъ, что исторія передѣловъ, послѣ крестьянской реформы, *вездѣ* начинается съ ревизской и тягальной системъ. Поэтому, изучая распространенность улучшенныхъ разверстокъ въ настоящее время, мы и безъ такихъ сопоставленій легко можемъ понять, насколько уравнительность передѣловъ сдѣлала успѣхи въ разныхъ мѣстностяхъ общинной Европейской Россіи. Путемъ такого изученія можетъ выясниться, составляетъ ли найденная до сихъ поръ эволюція передѣловъ явленіе мѣстное, или всеобщее, характерное для всей русской общины переживаемаго времени.

Итакъ, взглянемъ на положеніе интересующаго насъ вопроса въ общинахъ остальныхъ, не затронутыхъ нами до сихъ поръ губерній.

Начиная опять съ юга и въ частности — съ малороссійскихъ губерній, встрѣчаемъ и тамъ знакомую уже намъ тенденцію.

Въ *Черниговской* губ. общинное землевладѣніе имѣется у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и у большей части бывшихъ помѣщичьихъ. Передѣловъ у нихъ «до послѣднихъ годовъ вовсе не было, когда среди бывшихъ государственныхъ возникло стремленіе къ новой разверсткѣ земли». Сравнительно мало такихъ случаевъ было въ Козелецкомъ и въ Черниговскомъ уѣздахъ, а особенно много—въ Остерскомъ, Суражскомъ, Новгородсѣверскомъ и Стародубскомъ. Общепринятой системой приѣтомъ является разверстка по наличнымъ душамъ мужского пола (рѣдко—по рабочему составу и по зажиточности). Иногда приѣтомъ уменьшаются размѣры участковъ малолѣтнихъ. У бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ передѣлы рѣже и системы ихъ носятъ еще переходный характеръ (по живымъ ревизскимъ душамъ). Наконецъ, въ уѣздахъ Новгородсѣверскомъ, Суражскомъ и Стародубскомъ встрѣчается уже разверстка «по ѣдокамъ»—по всему населенію и не только среди бывшихъ государственныхъ, но и среди бывшихъ помѣщичьихъ (у этихъ лица женскаго пола получаютъ иногда добавочные участки изъ запасныхъ надѣловъ).

Въ *Полтавской* губ. въ тѣхъ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ которыхъ уже произведены были передѣлы, «чаще всего наблюдается переходъ отъ ревизской системы къ разверсткѣ по числу всѣхъ наличныхъ мужчинъ (Кобелякскій, Прилукскій, Кременчугскій)». Ревизская удержалась только въ мелкихъ и

встрѣчается переходная форма — по живымъ ревизскимъ душамъ. Ко всему этому должны быть отмѣчены два очень характерные факта. Первый заключается въ томъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кобелякскаго уѣзда при передѣлахъ *не давали на одно домохозяйство болѣе 4-хъ надѣловъ* во избѣжаніе концентраціи надѣловъ, а второй — въ томъ, что въ Прилукскомъ уѣздѣ въ 1886 г. былъ случай *перехода отъ подворнаго владѣнія къ общинному*: крестьяне одной деревни подѣлили свою частную (подворную) полевую и лѣсную землю по наличнымъ душамъ мужского пола.

Въ Харьковской губ. ревизская разверстка систематически вѣтшается наличной. По наличному мужскому населенію не дѣлятъ земли только въ Купянскомъ уѣздѣ (ревизская) и въ Изюмскомъ (по рабочимъ); въ Харьковскомъ, Волчанскомъ и Сумскомъ эта система уже начала замѣняться собой ревизскую; въ Ахтырскомъ и Балковскомъ она практикуется у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а ревизская у бывшихъ помѣщичьихъ *), которые, однако, въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ стали переходить въ послѣдніе годы также къ наличной разверсткѣ. Наконецъ, этотъ порядокъ практикуется *исключительно* въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Какъ (въ этихъ, такъ и въ названныхъ выше уѣздахъ, при такой системѣ землей надѣляются мужчины или всѣхъ возрастовъ, или съ 5, 10 даже иногда 15 лѣтъ.

О Новороссіи послѣ приведеннаго выше остается сказать немного.

Въ Бессарабской губ. общинное землевладѣніе существуетъ только въ двухъ уѣздахъ — Аккерманскомъ и Хотинскомъ. Въ первомъ ревизская разверстка удержалась лишь въ немногихъ мѣстахъ; въ большинствѣ селеній землю дѣлятъ или по работникамъ, или по наличному мужскому населенію. Во второмъ — еще въ первой половинѣ 70-хъ годовъ произведены были передѣлы на все населеніе (безъ различія пола и возраста), при чемъ «давнимъ» владѣльцамъ и имѣющимъ больше скота увеличивали участки по равенію съ остальными.

Въ Донской области преобладающая система разверстки — ревизская; рядомъ практикуется — по работникамъ (Ростовскій, Усть-Медвѣдицкій, иногда Таганрогскій). Въ послѣднемъ изъ этихъ округовъ, отъ домохозяевъ несправныхъ или старше рабочаго возраста отбирается часть надѣла и передается не упомянутымъ въ уставной грамотѣ. Иногда вдовы получаютъ половинные надѣлы (Донецкій). Не трудно замѣтить, что Донская область принадлежитъ къ числу наиболѣе отсталыхъ губерній въ разверсткѣ общинныхъ земель.

*) Въ Балковскомъ земельное владѣніе 90 селеній съ ревизской разверсткой *въ 4 раза меньше* площади владѣнія 31 селенія съ разверсткой наличной. Изъ тѣхъ 90 общинъ въ 47 земля распределяется по живымъ ревизскимъ душамъ.

въ одной волости Черноярскаго уѣзда, въ одной — Енотаевскаго и въ 10 общинахъ Царевскаго. Въ Астраханскомъ уѣздѣ принята разверстка по рабочимъ, встрѣчающаяся мѣстами въ Енотаевскомъ и Черноярскомъ. Вездѣ въ остальныхъ общинахъ практикуется только наличная — по мужчинамъ всѣхъ возрастовъ, или съ 5, 10, 13 лѣтъ.

Изъ уѣздовъ *Оренбургской* губ. въ Верхнеуральскомъ и Троицкомъ земля, подѣленная весьма давно по имущественной состоятельности (по скоту), лишь въ рѣдкихъ мѣстахъ подвергалась составляющимъ переверткамъ. «Происходящая отсюда неравномѣрность участковъ не вызываетъ жалобъ, благодаря невысокой арендной платѣ — отъ 20 к. до 2 р. за десятину — у сосѣднихъ казаковъ и башкиръ». Передѣловъ тамъ не бываетъ, очевидно, потому, что земельный просторъ обуславливаетъ пока отсутствіе въ нихъ надобности. Но и здѣсь иногда составляется приговоръ объ отдачѣ болѣе бѣдному домохозяину части пашни болѣе богатаго; а иногда производить передѣлъ (ревизская система уступила мѣсто рабочей, въ одномъ случай—по скоту). Въ остальныхъ уѣздахъ переверстки повторяются болѣе или менѣе періодически. Въ Орскомъ у башкиръ преобладающей системой является ревизская (съ добровольной или принудительной свалкой и навалкой душъ), а у бывшихъ государственныхъ крестьянъ и иногда башкиръ—по рабочимъ (18—55 лѣтъ). Гораздо больше, чѣмъ въ этомъ уѣздѣ, уравнительности въ остальныхъ двухъ: въ Оренбургскомъ господствуетъ та же разверстка по рабочимъ, но съ той крупной особенностью, что *надѣлами тамъ пользуются и женщины, если пожелаютъ*; а въ Челябинскомъ дѣлятъ землю по наличному составу мужчинъ безъ различія возраста.

Въ *Уфимской* губ. ревизская разверстка сохранилась, повидимому, только у татаръ и башкиръ; русское же населеніе практикуетъ наличную подушную.

Въ уѣздахъ Симбирскомъ, Сызранскомъ и Буинскомъ *), *Симбирской* губ., еще преобладаетъ ревизская разверстка, хотя въ селеніяхъ съ сравнительно меньшими надѣлами Сызранскаго уѣзда земля по большей части передѣляется по наличнымъ душамъ. Въ другихъ мѣстностяхъ (по тремъ уѣздамъ свѣдѣній нѣтъ), подушная система практикуется рядомъ съ ревизской (Ардатовскій) или господствуетъ (Курмышскій). Повидимому, тамъ еще весьма сильна оппозиція наличной разверсткѣ со стороны малосемейныхъ домо-

*) Въ Буинскомъ уѣздѣ ревизская разверстка удерживается между прочимъ «вълѣдствіе разноплеменности населенія — частью татарскаго, частью чувашскаго: татары размножаются быстрѣе чувашъ [и для послѣднихъ передѣлъ земли по наличному населенію невыгоденъ].»

хозяевъ, пользующихся большими надѣлами (Курмышскій, вѣроятно, Сызранскій). Въ нѣкоторыхъ частяхъ Курмышскаго уѣзда, однако, уже встрѣчается разверстка «по ѣдокамъ».

Въ *Пензенской* губ. ревизская разверстка сохранилась только въ Городищенскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ, но и тамъ она уже испытываетъ натискъ наличной. Разверстка по рабочимъ (съ 16—18 л.) встрѣчается въ Чембарскомъ, Нижнеомовскомъ, Саранскомъ и Мокшанскомъ, а наличная въ Нижнеомовскомъ, Чембарскомъ и Наровчатскомъ (въ $\frac{3}{4}$ сельскихъ общинъ).

О *Пермской* губ. свѣдѣнія неполны и неопредѣленны.

Вятская губ. практикуетъ цѣлую лѣстницу системъ передѣловъ. Южная часть губерніи сохранила ревизскую разверстку, причеиъ, однако, въ расчетъ иногда включаются и женщины, стоящія во главѣ хозяйствъ (Нолинскій, Яренскій, Уржумскій, Сарапульскій, часть Малмыжскаго и сѣверный уѣздъ Орловскій). Встрѣчаются также и переходныя формы — по наличнымъ ревизскимъ душамъ (Орловскій, исчезаютъ въ Котельническомъ). Значительно распространена, даіе, въ малоземельныхъ селеніяхъ рабочая система (Вятскій, Сарапульскій, Елабужскій, Уржумскій, отчасти Орловскій). Изрѣдка въ бѣдныхъ селеніяхъ послѣднихъ двухъ изъ названныхъ уѣздовъ наваливаютъ на болѣе состоятельнаго домохозяина (имѣющаго больше скота и построекъ) больше земли, отъ которой освобождаютъ менѣе состоятельнаго. Наличная разверстка «часто встрѣчается» въ уѣздахъ Малмыжскомъ (во всѣхъ 877 селеніяхъ, гдѣ были передѣлы), Елабужскомъ, Котельническомъ и Орловскомъ. Наконецъ, за послѣднее время «замѣчается движеніе въ пользу разверстки земли «по ѣдокамъ» (безъ различія пола и возраста). Къ этому порядку перешли въ Сарапульскомъ уѣздѣ съ разверстки «по работникамъ»; въ Яранскомъ къ передѣламъ «по парнямъ» (?), или «по ѣдокамъ» начали переходить только съ 1887 г.: раньше не производили «въ ожиданіи ревизіи и новыхъ наръзокъ земли». Такимъ передѣламъ сопротивляются крестьяне, имѣющіе много ревизскихъ душъ въ семьѣ и состоятельные. Въ Вятскомъ уѣздѣ при разверсткѣ по рабочимъ «нерѣдко допускаются отступленія въ пользу начала распределенія «по ѣдокамъ»: малоробочему, но много-семейному двору прибавляется противъ нормы $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ надѣла и болѣе». Очевидно, эта губернія представляетъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ всѣ главнѣйшія движенія, которыми характеризуется наша земельная община въ настоящее время, и потому заслуживала бы съ этой точки зрѣнія тщательнаго изученія.

Въ *Вологодской* губерніи разверстки по ревизскимъ душамъ, наличнымъ ревизскимъ, по работникамъ и даже по наличнымъ душамъ мужского пола встрѣчаются *весьма рѣдко*—въ единичныхъ волостяхъ и селеніяхъ разныхъ уѣздовъ. *Преобладающей же систмой является*—«по ѣдокамъ», безъ различія пола и возраста, ииго: съ 5-ти или съ 2-хъ лѣтъ. Въ Яренскомъ и Устьсысольскомъ уѣ

дахъ, она существуетъ издавна, въ остальныхъ (кроме Вельскаго и Тотемскаго) она «устанавливалась постепенно, замѣняя собой прежній ревизскій счетъ», тамъ, гдѣ крестьяне «дорожатъ надѣлами», гдѣ подъ руками мало оброчной (казенной и удѣльной) земли и малоземельные «начали одолаживать на сходахъ». Характерно, что въ уѣздахъ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ вдовамъ даютъ только $\frac{1}{2}$ и даже $\frac{1}{4}$ пая и сокращаютъ надѣлъ неисправныхъ дворовъ, въ которыхъ большинство ѣдковъ—мужчины. Наконецъ, распространены и при ревизской разверсткѣ обычай отбирать у малосемейнаго часть пая ($\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$) и передавать многосемейному.

Въ *Архангельской* губ. ревизская разверстка встрѣчается кое-гдѣ лишь въ Печорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ; господствующей же системой «почти вездѣ» служитъ наличная безъ различія возраста. Въ Архангельскомъ уѣздѣ при этомъ иногда принимаютъ во вниманіе имущественную состоятельность, но не занимающимся земледѣліемъ земли не даютъ*). Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, при новѣйшихъ передѣлахъ появилась и разверстка «по ѣдокамъ».

Въ *Олонецкой* губерніи ревизская разверстка удержалась значительно больше, чѣмъ въ предшествующихъ. Но и тамъ она уступаетъ мѣсто болѣе уравнивательнымъ системамъ. Отъ ревизскаго счета къ наличному переходятъ въ уѣздахъ Вытегорскомъ и Пудожскомъ и уже перешли въ Петрозаводскомъ и Каргопольскомъ. Въ Петрозаводскомъ участіе отдѣльныхъ селеній въ пользованіи землями общаго надѣла опредѣляется также числомъ мужского населенія «съ равненіемъ потребности селеній» (лѣсомъ же пользуются только по потребности). Въ томъ же уѣздѣ, въ Повѣнецкомъ и въ видѣ исключенія — въ другихъ имѣется разверстка по количеству высѣваемого хлѣба и убираемого сѣна (въ основаніе разверстки принимается пространство, засѣваемое 1 четверикомъ ржи=возъ сѣна въ 20 пудовъ). Наконецъ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ встрѣчаются и передѣлы «по ѣдокамъ» («причемъ принимаются во вниманіе и силы двора»).

Въ *Костромской* губ. о ревизской разверсткѣ не упоминается уже совсѣмъ. Она, повидимому, уже исчезла и замѣнена почти вездѣ рабочей и наличной, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разверсткой «по ѣдокамъ». Первая преобладаетъ въ восточныхъ уѣздахъ — Кологривскомъ, Ветлужскомъ, Варнавинскомъ, Макарьевскомъ, а также въ Юрьевецкомъ и Кинешмскомъ**); вторая—въ Галичскомъ и Чухломскомъ; обѣ вмѣстѣ—въ Нерехтскомъ, Костромскомъ и Буйскомъ. Характерно разиѣщаются эти системы въ послѣднемъ уѣздѣ: рабочая встрѣчается въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ земледѣліе не можетъ слу-

*) У поморовъ Кемскаго уѣзда, не занимающихся хлѣбопашествомъ, сѣнокосами надѣляются мужчины съ 10—18 лѣтъ.

***) Въ этомъ уѣздѣ—съ 18 лѣтъ полтыгла, а цѣлое—лишь съ 21—22 (послѣ явки къ отбыванію воинской повинности).

жить единственнымъ источникомъ дохода крестьянъ и гдѣ распространены нѣкоторые промыслы (шапочный, плотничный и проч.), а наличная (или всѣхъ возрастовъ, или съ 3-хъ лѣтъ)—въ исключительно земледѣльческихъ. Наконецъ, въ томъ же Буйскомъ, Варнавинскомъ и Ветлужскомъ землю дѣлятъ и по всему составу двора и вдовамъ наравнѣ съ домохозяевами мужчинами, если они того желаютъ *).

Въ Ярославской губ. ревизскій счетъ сохранился мѣстами только въ Ярославскомъ, Угличскомъ, Ростовскомъ и Даниловскомъ уѣздахъ, но и здѣсь—«путемъ [скидокъ и накидокъ душевыхъ надѣловъ (или частей ихъ— $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ души) землевладѣнне приспособляется къ наличному мужскому составу семей». Въ Пошехонскомъ, Мышкинскомъ, Любимскомъ, Мологскомъ, Рыбинскомъ и Ростовскомъ (отъ 16—18 л. до дряхлости) («идти мало земли для быстро увеличивающагося населенія») имѣется разверстка по рабочимъ (вдовы домохозяйки приравниваются мужчинамъ, если нѣтъ въ семьѣ рабочихъ мужчинъ). Въ Романово-Борисоглебскомъ землю дѣлятъ исключительно по наличнымъ душамъ мужского пола (малолѣтнимъ меньше, подросткамъ больше, взрослымъ еще больше), а въ Ярославскомъ и Даниловскомъ встрѣчается разверстка «по вдовамъ». Иногда принимаютъ въ соображеніе имущественную состоятельность двора (Пошехонскій), выражающуюся въ числѣ скота (Мологскій) или доходности кустарныхъ и отхожихъ промысловъ (Ярославскій, Угличскій).

Ревизская разверстка во Владимірской губ. встрѣчается уже весьма рѣдко (въ Александровскомъ, Покровскомъ, Ковровскомъ, Владимірскомъ, Меленковскомъ). Въ зависимости отъ хозяйственного значенія надѣловъ и въ связи съ развитіемъ у населенія постороннихъ заработковъ практикуется то рабочая, то наличная система. Чѣмъ хуже почва и чѣмъ больше перемѣщается центръ тяжести хозяйства на заработки, тѣмъ болѣе распространена первая и тѣмъ болѣе расширяется понятіе о рабочемъ возрастѣ (отъ 15—18 лѣтъ до 55—60) (Судогодскій, Гороховецкій, Вязниковскій, Покровскій, Ковровскій); въ уѣздахъ съ лучшей почвой преобладаетъ вторая (Юрьевскій, Суздальскій, Муромскій, Александровскій). Среди всѣхъ уѣздовъ первой группы встрѣчается также нерѣдко и надѣленіе земель всѣхъ, «охотно даютъ ее вдовамъ и старикамъ, лишь бы разобрали всю» (что весьма напоминаетъ разверстку «по милу», «по согласію», въ которую часто переходитъ рабочая); въ Ковровскомъ «даже наваливаютъ на сильные дворы» (вѣроятно, принудительно). второй группѣ рабочая разверстка иногда встрѣчается или въ

*) Вдовамъ обыкновенно или сохраняютъ надѣлъ мужей, но новые даютъ (Галичскій), или даютъ землю въ томъ размѣрѣ, который онѣ въ лагъ обработать (Костромской), или—преимущественно тѣмъ, у которыхъ есть дѣти (Костромской, Юрьевецкій).

леніяхъ съ хорошими посторонними заработками (Муромскій), или у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, или въ селеніяхъ съ землей похуже (Александровскій, приетомъ, однако, здѣсь принимаются во вниманіе съ одной стороны—женская рабочая сила, количество скота и вообще состоятельность, а съ другой—число ѣдоковъ). Наконецъ, въ уѣздахъ Юрьевскомъ, Суздальскомъ («лучшихъ по почвѣ») и Меленковскомъ практикуется уже и разверстка по всему наличному населенію безъ различія возраста и пола (по ѣдокамъ).

Въ Тульской губерніи ревизская разверстка удержалась лишь «мѣстами», гдѣ не было передѣловъ съ начала 60-хъ годовъ. Повсемѣстно во всей губерніи распространена наличная разверстка по мужскимъ душамъ всѣхъ возрастовъ (чаще) или съ 1—5 лѣтъ (рѣже). Въ Тульскомъ уѣздѣ установилась разверстка «по ѣдокамъ» (въ 12 волостяхъ изъ 17), встрѣчающаяся также и въ уѣздахъ Богородицкомъ и Крапивненскомъ.

Въ Калужской губ. встрѣчается разверстка ревизская (особенно въ Мещовскомъ и Перемышльскомъ), по работникамъ 18—60 лѣтъ, (Боровскій, Жгздринскій, отчасти Калужскій, Тарусскій), особенно развита система—по наличнымъ душамъ, но преимущественное распространеніе имѣетъ разверстка «по ѣдокамъ» (Малоярославскій, Козельскій, Лихвинскій). Здѣсь вообще замѣчается усиленное тяготѣніе крестьянъ къ землѣ, о чемъ нѣсколько подробнѣе сказано будетъ ниже.

Въ восточной и южной частяхъ Смоленской губерніи сохранились еще «прежніе порядки разверстки»: ревизскій (Рославльскій, Ельнинскій) и рабочій (Гжатскій), или рядомъ оба (Юхновскій, Вяземскій). Въ остальныхъ семи уѣздахъ (о Дорогобужскомъ свѣдѣній нѣтъ) эти системы встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія. Въ Смоленскомъ уѣздѣ рядомъ съ рабочей практикуется и наличная разверстка, даже иногда съ надѣленіемъ землею вдовъ и малолѣтокъ; въ Краснинскомъ уже перешли къ наличной съ нарѣзкой земли на женщинъ, если ихъ много во дворѣ; наконецъ, въ Бѣльскомъ, Порѣчьскомъ, Духовщинскомъ и Сычевскомъ («крестьяне стали дорожить больше надѣлами») практикуется, повидимому, *исключительно* разверстка «по ѣдокамъ» (безъ различія пола и возраста, или съ 3—5 лѣтъ).

Въ Тверской губерніи въ мѣстностяхъ, гдѣ передѣлы еще встрѣчаютъ сильное сопротивленіе со стороны болѣе состоятельныхъ крестьянъ, продолжаетъ еще держаться ревизская разверстка, хотя свалки и навалки душъ и здѣсь стремятся привести землепользованіе въ большее соответствіе съ наличнымъ и рабочимъ составомъ семействъ и отчасти—съ ихъ имущественной состоятельностью (Тверской, Новоторжскій, Ржевскій, Весьегонскій, Старицкій, Зубцовскій и отчасти Кашинскій). Эта система уступаетъ мѣсто другимъ вездѣ, гдѣ передѣлы уже состоялись. Рабочая (отъ 18—21 г. до 60 лѣтъ) имѣется въ Старицкомъ, Зубцовскомъ, Тверскомъ (въ

селеніяхъ съ плохимъ надѣломъ), Вышневолоцкомъ («вслѣдствіе малопродуктивности почвы»), Осташковскомъ, Корчевскомъ, Калязинскомъ и отчасти въ Кашинскомъ. При этомъ въ мѣстностяхъ съ особенно плохой почвой принимается во вниманіе «сила» одѣльного двора. Далѣе, наличная разверстка встрѣчается уже во всѣхъ уѣздахъ, причѣмъ надѣлы малолѣтковыхъ и подростковъ бываютъ иногда меньше надѣловъ взрослыхъ. Наконецъ, въ Тверскомъ уѣздѣ въ семеніяхъ съ надѣлами «высокаго качества» и въ 70 общинахъ Кашинскаго уѣзда, появилась уже разверстка «по ѣдокамъ», а въ Бѣжецкомъ она «стала теперь обычною».

Въ восточныхъ уѣздахъ *Новгородской* губ., гдѣ полевое хозяйство развито слабо, господствуетъ или ревизскій счетъ (Бѣлозерскій, Тихвинскій у бывшихъ помѣщичьихъ), или по рабочимъ (Устюжскій, Тихвинскій у бывшихъ государственныхъ); при этомъ иногда соображаются съ «моготой» дворовъ; въ Новгородскомъ и Боровичскомъ распространяется уже переходная форма — по живымъ ревизскимъ душамъ. Тамъ, гдѣ земледѣліе играетъ большую роль — улучшенныя формы разверстки уже утвердились: наличная — въ Старорусскомъ, Крестецкомъ и Череповецкомъ (безъ различія возраста или съ 5—10 лѣтъ), или «по ѣдокамъ» — въ Боровичскомъ, Новгородскомъ, Старорусскомъ, Череповецкомъ, Демянскомъ. При той и другой системѣ принимается иногда во вниманіе имущественная состоятельность двора (Старорусскій, Череповецкій).

Въ *С.-Петербургской* губерніи ревизская разверстка сохранилась только въ Петергофскомъ уѣздѣ и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Царскосельскаго и Гдовскаго. Наибольшимъ же распространеніемъ, повидимому, пользуется система по работникамъ (Ямбургскій, Шлиссельбургскій, частью Гдовскій и Царскосельскій). Но въ послѣднее время въ Гдовскомъ же уѣздѣ стала распространяться система наличная и (рѣже) «по ѣдокамъ».

Въ *Псковской* губерніи ревизскій счетъ еще преобладаетъ. Но болѣе уравнительныя системы получили и тамъ въ послѣдніе годы замѣтное распространеніе: не только наличная (Новоржевскій, Псковскій, Опочецкій, Великолукскій), но даже и — «по ѣдокамъ», всѣхъ возрастовъ, или съ 3—10 лѣтъ, или съ нарѣзкой половиннаго надѣла до 12—15 лѣтъ. (Псковскій, Опочецкій, Великолукскій).

Въ *Витебской* губерніи общинное земледѣліе преобладаетъ среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ ея сѣверо-восточной части — въ уѣздахъ, смежныхъ съ Псковской и Смоленской губерніями (Себежскомъ, Невельскомъ, Городокскомъ и Велижскомъ), и встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ. Въ Себежскомъ уѣздѣ практикуются системы разверстки: и ревизская, и по живымъ ревизскимъ душамъ, и по рабочимъ, и по имущественной состоятельности («зжиточные получаютъ меньше земли»). Въ остальныхъ, повидимому безусловно господствуетъ или наличная разверстка земли (Невельскій, Городокскій, 2 волости Двинскаго), или «по ѣдокамъ» (Велижскій)

ная б. помѣщиками по ревизскому счету, а б. государственными по наличному (мужчинъ м. п.) 1873 года (люстраціонными комиссиями), не передѣлялась въ большей части губерніи. Но въ Могилевскомъ, Выховскомъ и Чаусскомъ уѣздахъ перешли къ разверсткѣ по работникамъ *).

Если читатель имѣлъ терпѣніе прослѣдить предшествующія страницы, то едва-ли онъ нуждается въ томъ, чтобы я резюмировалъ приведенныя сообщенія. Мы обошли губернію за губерніей всю общинную Европейскую Россію (безъ Кавказа), и должны были ежеминутно повторяться—до такой степени однообразны на всемъ этомъ пространствѣ явленія, характеризующія современную эволюцію системъ разверстокъ земли. Буквально «отъ Перми до Тавриды», «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» и вокругъ «потрясеннаго Кремля» наблюдается въ этомъ случаѣ рѣшительно одно и то же движеніе, укладываемое въ очень небольшую формулу.

Въ началѣ 60-хъ годовъ крестьяне разныхъ разрядовъ были надѣлены землей по числу душъ мужск. п., зарегистрированныхъ въ X ревизію. Число это весьма близко еще совпало въ то время съ числомъ наличныхъ душъ того же пола и потому крупныхъ неудобствъ отъ такого надѣленія началѣ не возникало. По мѣрѣ того, какъ личный составъ каждой общины измѣнялся, въ силу рождаемости, смертности, вселеній и выселеній, неравномѣрность землепользованія отдѣльныхъ домохозяевъ выступала все болѣе и болѣе рельефно. Если-бы къ тому времени успѣло уже заглухнуть въ массѣ сознаніе тѣхъ хозяйственныхъ выгодъ, которыя соединяются съ общиннымъ землевладѣніемъ для огромнаго большинства домохозяевъ, новыхъ передѣловъ не возникало-бы, земельные участки закрѣпились бы за отдѣльными дворами, общинное землевладѣніе перешло-бы безъ всякихъ законодательныхъ актовъ въ подворное, община разложилась бы. Въ такомъ случаѣ оказались-бы правы тѣ противники этой формы землевладѣнія, которые утверждаютъ, что нѣчто въ такомъ родѣ и имѣетъ мѣсто у насъ въ дѣйствительности. Къ счастью, однако, такое утвержденіе покоится лишь на плохомъ знакомствѣ съ фактической стороной вопроса. На самомъ дѣлѣ произошло иное. Когда указанная неравномѣрность землепользованія стала сказываться острѣе и острѣе, масса домохозяевъ не пожелала примириться съ этимъ явленіемъ. Возникъ вопросъ о передѣлѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникли и тѣ препятствія къ осуществленію желанія массы, о которыхъ говорено выше. Началась упорная борьба за передѣлы между общинниками, въ которой обѣ стороны отчетливо сознаютъ тѣ

*) Въ Гомельскомъ сельскіе слоды, въ случаѣ смерти одного изъ мужчинъ семьи безъ потомства, отбираютъ у двора часть надѣльной земли и передаютъ ее многосемейнымъ или безземельнымъ семьямъ.

личные выгоды, изъ-за которыхъ они борются. Это высоко интересное явленіе нашей общественной жизни, конечно, не могло окончиться быстро. И упорство обѣихъ сторонъ, затронутыхъ въ своихъ насущнѣйшихъ интересахъ, и различія хозяйственныя, племенные и иныя, раздѣляющія русское крестьянство, и громадность территоріи, на которой эта борьба происходитъ—все это обусловило продолжительность такого переходнаго періода. Мы не ошибемся, если скажемъ, что для всей общинной Россіи онъ длится уже 20 лѣтъ, и еще далеко не завершёнъ.

Какъ показываютъ приведенныя данныя, онъ еще дѣйствительно не завершёнъ. Еще въ каждой губерніи имѣется не мало общинъ съ первобытной ревизской разверсткой. Наибольше отсталыми въ этомъ случаѣ мѣстностями, какъ мы могли замѣтить, являются губерніи Орловская, Московская, Пріозерная область, Донская область. Но опять таки, едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что огромное большинство мѣстностей общинной Европейской Россіи теперь знакомо съ такой системой уже только въ видѣ исключенія. Общій характеръ картины уже существенно измѣнился, община уже, по-видимому, пережила моментъ перелома, другія системы разверстки заняли мѣсто, оттѣснивъ ревизскую. Другія, но не новыя. Община сломала лишь то препятствіе, которое встрѣтилось на пути ея нормальной жизни въ видѣ отсутствія обычной переписи втеченіе почти полувѣка. Въ прежнее время крѣпостные передѣляли отводимую имъ землю по рабочей силѣ (по «тягламъ»), а болѣе обезпеченные землей государственные крестьяне—отъ ревизіи до ревизіи, т. е. по новымъ наличнымъ душамъ. *Эти же* системы и смѣнили собой теперь ревизскую. Тамъ, гдѣ земли мало, или она плоха, или доходность ея не «оправдываетъ» лежащихъ на ней платежей—она передѣляется по рабочей силѣ семействъ (тягловая рабочая или дробная разверстки), но гдѣ земли больше, гдѣ она лучше и гдѣ она съ избыткомъ покрываетъ платежи—она передѣляется по наличнымъ душамъ м. п. (потребительный признакъ ставится на мѣсто производительнаго). Весьма важно отмѣтить, въ обоихъ случаяхъ община производитъ «равненіе» своихъ членовъ—въ первомъ уравниваются невыгоды, тягости, сопряженныя съ землепользованіемъ, во второмъ—выгоды, блага, происходящія изъ того же источника. Если къ этимъ, болѣе уравнивательнымъ системамъ перешла наша община отъ менѣе уравнивательной, можетъ-ли быть рѣчь о томъ, что основной принципъ этой формы землевладенія пришелъ въ забвеніе? Но этого мало. Въ новѣйшее время плучили распространеніе еще другія, родственныя послѣднимъ, системы передѣловъ, представляющія собой дальнѣйшее развитіе возможное совершенствованіе того же принципа. Рабочая разверстка во многихъ мѣстахъ замѣняется разверсткой «по мѣру», «по есгласію», а наличная—разверсткой «по ѣдокамъ». Общины, несущія за пользованіе землей больше повинностей, чѣмъ получа-

отъ него выгоды, могутъ облегчить своихъ членовъ только однимъ путемъ: обративъ принудительную разверстку своихъ тягостей въ добровольную—это и есть система «по милу», большого ничего община сдѣлать не въ силахъ. Общины, получающія реальныя выгоды съ своихъ земель, могутъ уравнивать ихъ между своими членами лучше (чѣмъ при наличной разверсткѣ), только принявъ во вниманіе потребительныя потребности не одного пола, а обоихъ; это и есть система «по фдокамъ». Опуская разныя промежуточные, переходныя формы разверстокъ и разныя варьянты приведенныхъ основныхъ типовъ ихъ—сказаннымъ исчерпывается схема той эволюціи, которая совершается на нашихъ глазахъ въ нашей земельной общинѣ.

Въ другой разъ я предполагаю подѣлиться съ читателемъ аналогичными данными еще иного рода—съ данными объ общинныхъ раскладкахъ новѣйшаго времени. И тѣ свидѣтельствуютъ, что принципъ равенія здравствуетъ въ общинѣ «и до сего дня».

Если по гражданскимъ законамъ страны дѣти наследуютъ имущество родителей поровну, то это правило относится и къ тѣмъ семьямъ, которыя владѣютъ милліонами, и къ тѣмъ, у которыхъ есть только гроши. Если у отца было 3 мил., то каждый изъ трехъ сыновей его получилъ по милліону, если же послѣ него осталось 3 рубля, то каждый изъ этихъ получилъ всего лишь по рублю. Виноватъ-ли въ этомъ законъ?! Уравнительный принципъ кодекса отъ такого факта не умалется. Причиной столь печальнаго для наследниковъ явленія въ послѣднемъ случаѣ служить, конечно, не недостатокъ закона, а бѣдность ихъ отца. Едвали-же кто либо рѣшится сказать, что для такихъ случаевъ кодексъ надо исправить въ томъ смыслѣ, чтобы одинъ сынъ получалъ всѣ 3 рубля, а остальные два ничего. А при разсужденіяхъ про общину часто и употребляютъ именно такую аргументацію. Если доли общинниковъ малы, если хозяйство ихъ вслѣдствіе этого не развивается—виноватой оказывается община. Забываютъ при этомъ, что роль ея—лишь роль уравнивателя, какъ роль закона въ приведенномъ примѣрѣ. Идея общины можетъ примѣняться и въ томъ случаѣ, когда послѣдняя богата землей, и въ томъ, когда она бѣдна. Въ послѣднемъ случаѣ остается говорить только о тѣхъ способахъ, которыми можно-бы улучшить, развить, расширить тотъ фондъ, изъ котораго черпаютъ общинники свои средства къ жизни. Путемъ-же какихъ логическихъ построеній можно придти къ мысли объ упраздненіи самой общины? Вѣдь свою уравнительную роль она, какъ мы видѣли, выполняетъ, какъ слѣдуетъ, и продолжается быть живымъ и дѣйствующимъ институтомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь отрѣшиться отъ отрывочныхъ фактовъ и взглянуть на *массовый* матерьялъ. Вотъ если отрицать самый принципъ равенія и желать его упраздненія, тогда надо, конечно, прежде всего уничтожить общину. Но нельзя же, въ виду приведенныхъ

Чтобы отчетливо выяснить себѣ научнымъ путемъ всѣ причины, закономерности въ области общинной жизни, такого симпатическаго изученія вопроса, конечно, мало. Необходимо для этого произвести *строю-статистическое* обследованіе передѣловъ за опредѣленный періодъ во всей общинной Россіи, или въ значительной ея части, и сопоставить полученный результатъ съ колебаніями тѣхъ факторовъ, которые оказываютъ на общину то или другое влияние. Такой работы произведено не было. Мы довольно хорошо знаемъ, что происходитъ въ общинѣ, но весьма мало знаемъ, почему это происходитъ. Разрѣшеніе этой задачи могло бы быть облегчено при помощи предстоящей всероссийской переписи, путемъ включенія въ нее соответственныхъ вопросовъ. А разрѣшить ее весьма современно въ виду того, что наши литературные споры объ общинѣ, длящаяся уже почти 40 лѣтъ, какъ мнѣ кажется, обязаны своимъ происхожденіемъ и развитіемъ въ значительной мѣрѣ недостаточности научно-статистической разработки описательнаго матеріала, касающагося даннаго вопроса.

Приведенныя свѣдѣнія лишены цифрового характера и потому теперь для *такой* обработки не годятся. Но на основаніи ихъ можно сдѣлать два указанія на причины, которыми обуславливаются тѣ или другія колебанія системъ передѣловъ. Такими указаніями и слѣдуетъ дополнить ознакомленіе читателя съ названнымъ матеріаломъ, несмотря на всю ихъ отрывочность.

Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что размѣры земельнаго дѣленія крестьянъ играютъ выдающуюся роль въ вопросѣ объ измѣненіи системъ разверстокъ. Чѣмъ относительно меньше надѣльная площадь селенія, тѣмъ дольше задерживается въ немъ дѣленіе земли по ревизскимъ душамъ. Малоземелье не служитъ, конечно, единственнымъ факторомъ этого явленія, но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно представляетъ собой одну изъ сильныхъ причинъ его, влияющихъ въ сказанномъ смыслѣ. Въ доказательство этого положенія мы не будемъ дѣлать подробныя поубѣдныя сопоставленія между размѣрами надѣловъ и системами разверстокъ. По свойству матеріала они являются и невозможными. Но приведенный матеріалъ и безъ того даетъ достаточно указаній въ этомъ направленіи.

Прежде всего, читатель, можетъ быть, замѣтилъ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне чаще остаются еще до сихъ поръ при ревизской разверсткѣ, чѣмъ больше надѣленные землей бывшіе государственные. Такихъ сообщеній выше встрѣтилось немало.

Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ отдѣльныя указанія на то, что малоземельныя общины не измѣняютъ прежней системы

редѣловъ. Это упомянуто напр. о Кобелякскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Для Валковскаго уѣзда Харьковской губерніи было уже выше отмѣчено, что тамъ «земельное владѣніе 90 селеній съ ревизской разверсткой въ четыре раза меньше площади владѣнія 31 селенія съ разверсткой наличной». Аналогичную роль играетъ пригодность надѣльной земли для хлѣбопашества. Уменьшеніе значительныхъ размѣровъ ея удобной производительной площади имѣеть, повидимому тотъ же результатъ, какъ и сокращеніе площади надѣловъ вообще, т. е. задерживаетъ переходъ къ болѣе уравнивающимъ системамъ передѣловъ. Такъ, въ Таганрогскомъ и 2-мъ Донскомъ округахъ Донской области, одной изъ наиболее отсталыхъ въ этомъ отношеніи мѣстностей Россіи, встрѣчается много весьма плохихъ надѣльныхъ земель, солонцоватыхъ, глинистыхъ, неудобныхъ къ обработкѣ, на которыхъ, лишь въ видѣ исключенія попадается тонкій слой чернозема. Въ Казанской губерніи уѣзды съ ревизской разверсткой—Козьмодемьянскій, Царевokokшайскій и Чебоксарскій характеризуются относительно меньшимъ количествомъ пахоты на крестьянскихъ надѣлахъ (58,6%, 62,6% и 70,1% удобной земли; въ остальныхъ уѣздахъ отъ 70,6% до 83,0%) и большимъ—лѣсной площади (15,9%, 20,1% и 13,9%; въ остальныхъ—отъ 5,0% до 12,9%).

Второе указаніе, которое можно почерпнуть изъ нашего матеріала, состоитъ въ томъ, что уменьшеніе размѣровъ платежей, лежащихъ на крестьянской землѣ, способствуетъ скорѣйшему переходу общинъ къ болѣе уравнивающимъ системамъ передѣловъ. Въ томъ крупномъ и повсемѣстномъ процессѣ ломки ревизской разверстки и замѣны ея разверстками по наличнымъ душамъ и «по ѣдокамъ», который мы прослѣдили по всей европейской Россіи, очевидно, сыграли существенную роль двѣ финансовыя мѣры первой половины восьмидесятыхъ годовъ, уничтоженіе подушной подати и уменьшеніе выкупныхъ платежей. Прямыхъ указаній на этотъ счетъ имѣется много *).

Можно думать, что если о названномъ факторѣ не упомянуто по остальнымъ губерніямъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы тамъ онъ не игралъ той-же роли. Особенно характеренъ слѣдующій отзывъ изъ Калужской губ. Выше уже было упомянуто, что тяготѣніе крестьянъ къ землѣ тамъ въ послѣдніе годы возрастаетъ. Такъ, «въ Мещовскомъ и Перемышльскомъ уѣздахъ, гдѣ ранѣе крестьяне бросали надѣлы и уходили на сторону, преобладала разверстка земли по рабочей силѣ; въ настоящее время крестьяне возвращаются на землю и требуютъ ее себѣ». Въ иныхъ случаяхъ

*) Изъ губерній: Петербургской, Новгородской, Вятской, Астраханской, Таврической, Бессарабской, Черниговской, Нижегородской, Владимірской, Тверской, Калужской, Смоленской.

«Какъ раньше допускались отступленія въ разверсткѣ земли—накладывали на болѣе состоятельныхъ домохозяевъ и давали льготу многосемейному, но за худалому двору—такъ и теперь, при равныхъ правахъ на землю, отдается предпочтеніе бѣднѣйшему, лишь-бы платилъ повинности безъ недоимокъ». Въ Жиздринскомъ уѣздѣ прежде дѣлили землю по ревизскому счету; «но такъ какъ на душевой надѣлъ причиталось тогда 12—15 р. и болѣе налоговъ,—что при такой производительности почвы въ уѣздѣ и необходимости сильнаго ея удобрения было непосильно для домохозяйства съ большимъ числомъ ревизскихъ душъ,—то крестьяне снимали землю съ маломощныхъ дворовъ и накладывали ее съ причитающимися сборами на домохозяйства болѣе сильныя. Со времени пониженія выкупныхъ платежей и съ отмѣной подушной подати, среди сельскихъ обществъ началось движеніе въ пользу разверстки общинной земли по рабочему, или-же по наличному составу дворовъ. Такой способъ разверстки въ настоящее время и преобладаетъ. Движеніе это продолжается до сихъ поръ и вызвало во многихъ сельскихъ обществахъ коренныя передѣлы» и т. д. Такой отзывъ является типичнымъ и повторяется съ большими или меньшими вариантами повсюду.

Если оба эти наблюденія справедливы, то получается такое положеніе. Общинныя формы землевладѣнія тѣмъ прочнѣе и совершеннѣе, чѣмъ больше размѣры крестьянскихъ земель. Когда дѣлится нечего, или почти нечего, интересъ общинниковъ къ передѣлу, понятенъ, сводится къ нулю. Такое-же положеніе получается и въ томъ случаѣ, когда площадь надѣловъ хотя и не мала относительно, но неудобна для обработки. Вниманіе населенія при такихъ условіяхъ направляется главнымъ образомъ на развитіе мѣстныхъ или отхожихъ заработковъ, на арендованіе внѣ-надѣльныхъ земель, но не на формы своего собственнаго землепользованія. Наоборотъ, чѣмъ шире размѣры надѣловъ, тѣмъ больше податныя обязательства общинниковъ съ одной стороны и тѣмъ болѣе большой валовой доходъ ихъ хозяйствованія на собственной землѣ съ другой. И въ томъ случаѣ, когда сказанныя обязательства превышаютъ эту доходность, и въ томъ, когда соотношеніе этихъ факторовъ имѣетъ обратный характеръ—общинники являються заинтересованными въ томъ, чтобы принципъ равенія охранялся въ возможной чистотѣ. Строгое примѣненіе его важно для существеннѣйшихъ ихъ матеріальныхъ интересовъ, какъ въ томъ случаѣ, когда уравниваются ихъ хозяйства и

*) Кромѣ упомянутыхъ двухъ уѣздовъ Калужской губерніи, такіе случаи встрѣтились теперь только въ уѣздахъ Масальскомъ той-же губерніи, въ Дивновскомъ Таврической и въ Болховскомъ Орловской. Для этихъ послѣднихъ объясненіе этого факта не приведено; объясненіе-же автора отъ Калужской губ. вполне сходится съ тѣмъ, которое дается и г. І. В. Чгогахъ.

прочтѣ и совершеннѣе, чѣмъ ниже лежащѣе на общинной землѣ платѣжи. Если доходность хозяйства на общинныхъ вадѣлахъ относительно и не мала, но если вся она или почти вся поглощается повинностями, землевладѣніе пріобрѣтаетъ характеръ обязанности и теряетъ положительное значеніе въ глазахъ общинника. Интересъ послѣдняго къ землѣ возрастаетъ въ прямомъ отношеніи къ увеличенію той части дохода его хозяйства, которая остается въ его распоряженіи по погашеніи обязательныхъ платѣжей, а пріѣздомъ растетъ, понятно, и стремленіе сохранить въ возможной неприкосновенности тѣ формы разверстки, которыя гарантируютъ болѣе равномерное распредѣленіе ожидаемыхъ отъ хозяйства выгодъ. Слѣдовательно, въ смыслѣ улучшенія системъ передѣловъ, важное значеніе должно оказывать сокращеніе всякаго рода лежащихъ на землѣ повинностей, такъ какъ оно можетъ создавать эти выгоды тамъ, гдѣ ихъ до тѣхъ поръ не было (гдѣ платѣжи перевѣшивали до тѣхъ поръ доходность), и увеличивать ихъ тамъ, гдѣ платѣжи были ниже доходности хозяйства. Въ этомъ именно направленіи и слагалось вліяніе отмѣны подушной подати и пониженія выкупныхъ платѣжей. Не трудно догадаться, что всякое увеличеніе податной тяготы, падающей всегда на землю, должно дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ.

Въ концѣ концовъ, если позволительно дѣлать обобщенія на основаніи приведеннаго матеріала, оказывается, что увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія и сокращеніе крестьянскихъ повинностей являются крупными факторами въ дѣлѣ развитія и поступательнаго движенія нашей земельной общины.

Н. Карышевъ.

Подвижница науки.

(Александра Викторовна Потанина въ ея путешествіяхъ и литературныхъ трудахъ).

Память покойной Александры Викторовны Потаниной была чествуема въ Петербургѣ, въ залѣ городской думы, 8-го марта, по почину общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Чествованіе это, хотя и носило названіе «литературно-музыкальнаго вечера», имѣло скорѣе характеръ торжественнаго собранія ученаго общества, посвященнаго памяти одного изъ своихъ членовъ: читалась біографія покойной, читались очерки эпизодовъ ея путешествій, давались характеристики ея, какъ писательницы и подвижницы науки, было прочитано и одно изъ ея произведеній. Въ заключеніе хоръ исполнилъ реквиемъ, подъ впечатлѣніемъ унылой мелодіи котораго и оставила залу наполнявшая ее публика.

Одновременно, почти день въ день, съ этимъ чествованіемъ А. В. Потаниной, вышелъ въ Москвѣ «Сборникъ» ея статей, изданный географическимъ отдѣленіемъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Предсѣдатель отдѣленія проф. Анучинъ въ предисловіи къ этому изящному и роскошному изданію сочиненій покойной путешественницы говорить, что мысль почтить память Потаниной этимъ изданіемъ явилась благодаря тому, что географическое отдѣленіе общества высоко цѣнитъ заслуги женщины, «оставившей по себѣ неизгладимую память въ исторіи землевѣдѣнія Азіи. Неутомимая путешественница, посвятившая всѣ зрѣлые годы своей жизни странствіямъ по Сибири, Монголіи, Тибету, Китаю, она была неизгладимой спутницей своего супруга, Григорія Николаевича Потанина, помогая ему собирать новыя данныя и наблюденія по географіи и этнографіи малоизвѣстныхъ частей Центральной Азіи. Въ тѣхъ сѣ тѣмъ она пользовалась своими наблюденіями и для самыхъ важныхъ очерковъ, въ дѣляхъ болѣе широкаго ознакомленія съ

въ его трудахъ и помогала ему переносить лишения, но и служила для него огромной, незамѣнимой нравственной поддержкой, удвоившей силу и энергію человѣка, отдавшаго обществу свою жизнь». «По справедливому замѣчанію покойнаго Н. М. Ядринцева, если чѣмъ можетъ оцѣниваться дѣятельность женщины въ исторіи человѣчества, то, конечно, не тѣмъ, сколько драмъ и трагедій было изъ-за ея обаятельныхъ чаръ, сколько жертвъ было принесено ей, какъ идеалу красоты и женственности,—а тѣмъ, сколько внесла она мира, любви и довольства, насколько она участвовала въ достиженіи общаго человѣческаго счастья, сколько жертвъ принесла она сама на пользу и благо человѣчества».

Петербургское и московское чествованія Потаниной, взаимно дополняя одно другое, одновременно представили нѣсколько, быть можетъ, удивленнымъ взорамъ нашего общества личность женщины, которую можетъ гордиться это общество и которая, однако же, мало извѣстна, скорѣе, почти неизвѣстна этому самому обществу. Оно нѣсколько изумлено этимъ и уже перестаетъ спрашивать: кто такая Потанина, что она совершила, что написала, чѣмъ заслужила чествованіе? Оно имѣетъ теперь точные и полные отвѣты на всѣ эти вопросы, но зато теперь оно снова спрашиваетъ: какъ же это произошло, какъ случилось, что умная, талантливая, многознающая женщина работаетъ, трудится, пишетъ, получаетъ медаль географическаго общества, а мы ничего этого не знаемъ при ея жизни и узнаемъ только послѣ смерти? Да, можно сказать въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, все это какъ-то странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и просто, вполнѣ соответствуетъ порядку вещей. Основная причина этого явленія—безпредѣльная скромность покойной труженицы; она всю жизнь свою была диаметрально противоположною того типа изумительно-ловкихъ людей, про которыхъ давно уже было сказано, что они умѣютъ отлично пользоваться обстоятельствами и обладаютъ искусствомъ чеканить и пускать въ обращеніе разныя достоинства, хотя на самомъ дѣлѣ у нихъ нѣтъ никакихъ... Затѣмъ, само собою разумѣется, происходитъ ступеневываніе истинныхъ достоинствъ. «Можно повѣрить—говоритъ извѣстный Лестеръ Уордъ—въ предполагаемое вырожденіе человѣческаго общества, когда видишь стремленіе къ дешевой извѣстности людей недостойныхъ и готовность общества, посредствомъ печати и другими способами, помогать такому стремленію. Дѣйствительно же достойные люди уклоняются отъ извѣстности и презираютъ раздаваемые безъ разбора похвалы. Достоинство рѣдко достаточно цѣнится настолько, чтобы публика обращала на него вниманіе; поэтому всегда можно предполагать, что гдѣ это вниманіе обращено, тамъ оно прямо или косвенно

вѣстныхъ предосторожности, чтобы не быть рекламированными друзьями, чтобы не вышло недоразумѣнія и не подумали, что они рекламируютъ самихъ себя. Такимъ образомъ, никогда нельзя узнать истинное положеніе общества. Легковѣсная его часть, представители посредственности находятся наверху и на виду; всѣхъ; а болѣе серьезные люди помогаютъ имъ въ этомъ, скрываясь отъ людскихъ глазъ».

Теперь и понятно, почему не знали покойную Александру Викторовну при ея жизни, почему сама она уклонялась отъ извѣстности и съ нею заодно въ этомъ отношеніи были и ея друзья. Конечно, всякій общественный дѣятель—что городъ на горѣ; со всѣмъ ему спрятаться нельзя, развѣ отказаться отъ своей дѣтельности, т. е. перестать быть самимъ собою. Но отъ этой неизбежной и въ то же время скромной извѣстности до искусства «чеканить и пускать въ обращеніе достоинства»—очень и очень далеко. Такъ проходитъ годъ, за годомъ проходитъ вся жизнь; а послѣ смерти обязательное для друзей молчаніе превращается въ обязательное отданіе должнаго тому, кто «боялся недоразумѣнія»,—общество узнаетъ, изумляется и спрашиваетъ: **какимъ образомъ все это случилось?**

Узнаетъ общество, что оно лишилось замѣчательной женщины, которая довела свой подвигъ до конца и, подобно воину, была сражена смертью, не выпуская изъ рукъ того знамени, которое она умѣла такъ высоко держать; но общество узнаетъ вмѣстѣ съ этимъ и самую жизнь этой скромной подвижницы, — жизнь, въ которой такъ много хватающаго за сердце и наводящаго на размышленія. Въ самомъ дѣлѣ, книга ея, которая теперь лежитъ передъ нами, является неоспоримымъ свидѣтельствомъ большаго дарованія покойной; у нея была живая пытливость ума, жажда знанія, терпѣніе, устойчивость, наблюдательность, художественное чутье и масса другихъ внутреннихъ условій, благодаря которымъ она изучила то, что считала нужнымъ изучить, перенесла тѣ труды и лишения, которыя принимала, какъ обязательныя для себя, воспроизвела, наконецъ, то, что, по ея мнѣнію, могло быть интересно и поучительно для русскаго читателя... И что же? Несмотря на этотъ объемъ и достоинства на первыхъ порахъ ея жизни и встрѣчали тѣхъ *внѣшнихъ* условій, безъ которыхъ имъ никогда не пришлось бы развернуться. Образование, вліянія, родъ занятій Потаниной были таковы, что будь ея силы даже еще выше, имъ предстояло замкнуться, окаменѣть, заглохнуть. Безмолвное исполненіе извѣстныхъ условностей, безконечное повтореніе разъ усвоенныхъ шаблонныхъ обязанностей, принятіе рѣшенія не только для самой себя не поставленныхъ вопросовъ; сегодня, какъ завтра, какъ годъ назадъ, среди сѣренькой публики, волнующейся

только интересами, а скорѣе, можетъ быть, дризмами своего муравейника... Что за перспективы, что за будущее! Развѣ сотни и тысячи стертыхъ личностей, вѣришь—тѣней, не идутъ по этой тропинкѣ счастливо и благополучно, не переживаютъ своихъ бурь въ стаканѣ воды и тихо не умираютъ на прабабушкиной кровати, благословляя молодое поколѣніе на дальнѣйшее топтанье по достаточно истоптанной дорожкѣ! Это-ль не одинъ изъ полюсовъ сферы жизни человѣческой? Но достаточно первыхъ лучей солнца: льды таютъ, туманы разсѣваются и «иная жизнь со всѣхъ концовъ катится бурными волнами!» Сперва братъ Александры Викторовны, Константинъ Викторовичъ, является зарею приближающагося дня. А затѣмъ знакомство ея съ Григоріемъ Николаевичемъ и выходъ за него замужъ рѣшаютъ судьбу ея. Благодарю мужу, съ полною ясностью увидѣла она тѣ новые горизонты, самое существованіе которыхъ она едва начала подозрѣвать; имъ были указаны ей пути въ разостлавшуюся передъ нею необъятную ширь, имъ вдохнута бодрость пуститься въ невѣдомую даль, отъ него приобретено было дерзновеніе выпряться изъ родного гнѣзда, казавшагося міромъ. Все это, хотя и на почвѣ отчасти уже подготовленной Константиномъ Викторовичемъ, сдѣлалъ для жены своей въ прямомъ и переносномъ смыслѣ Г. Н. Потанинъ, и, близкая къ «среднѣйшему жизненному пути», Александра Викторовна преобразилась, зажила новою жизнью и стала такою, какъ мы ее теперь знаемъ, любимъ и чтимъ. Смѣло и бодро вышла она на новый, полный трудностей, путь жизни, но никогда не робѣла, сердцемъ не забыла, чѣмъ была она обязана дорогому мужу, и въ долгъ себѣ вмѣнила идти за нимъ до конца. Передъ отправленіемъ въ послѣднее путешествіе она тщательно скрывала отъ него состояніе своего здоровья и искусно держала его на этотъ счетъ въ полномъ заблужденіи. «Узнаеть—останется, а мѣшать ему—это-ли мое назначеніе!» такъ говорила она. Говорила и чувствовала, что произносить себѣ смертный приговоръ. Но если бы она не скрывала своихъ недуговъ, если бы изъ-за нея онъ остался?.. Тотъ же приговоръ грозилъ ей въ болѣе острой и горькой формѣ! Она молчала и никто не смѣлъ ей перечесть. А она еще смогла одинъ разъ и подшутить надъ собою: показывая карриатуру, изображавшую, какъ кошка тащить въ лапахъ попугая, который кричитъ: «ѣхать, такъ ѣхать!», она сказала: «это какъ разъ, какъ я!» Она пошутила, но голосъ ея дрогнулъ: «ѣхать, чтобы тамъ разстаться съ нимъ, и на вѣки!.. И среди этихъ противныхъ, гадкихъ китайцевъ!» Изъ этой коллизіи не видѣлось никакого выхода. Были ея слезы, были и чужія,—и только.

Есть у насъ, конечно, не мало людей, которые не только на путешествіе въ Китай, но и на всякое путешествіе за границу смотрять, какъ на напрасную трату за предѣлами отечества тѣхъ

силъ, назначеніе которыхъ заключается въ приложеніи къ дѣламъ нашего внутренняго развитія. У насъ, говорятъ такіе люди, недостатокъ интеллигентныхъ силъ чувствуется на каждомъ шагѣ, а тутъ вдругъ оказывается, что богатѣйшій запасъ этихъ силъ растрачивается въ какомъ-то, за три-девять земель лежащемъ и никому не нужномъ Китай! Но позвольте; отъ Петербурга, Москвы, Казани лежитъ Китай, пожалуй, что и за три-девять земель, но отъ Минусинска, Иркутска, Читы,—совсѣмъ ужъ не такъ, а изъ Троицко-Савска, что называется, рукой подать. Этимъ мѣстамъ Китай вовсе не представляетъ нѣчто такое, о чемъ и думать не стоитъ. Но это еще далеко не все. Въ новѣйшее время нельзя сидѣть дома и не заглядывать за околицу: всесвѣтныя сношенія стали слишкомъ бойки и изъ-за околицы приходятъ вѣсти, заставляющія нѣсколько призадуматься и, мало того, побуждающія страхнуть лѣнь и самому пойти и поглядѣть, что тамъ въ этой загадочной дали творится и, если что-нибудь такое для насъ неладное въ самомъ дѣлѣ творится, рѣшить—какъ намъ въ такомъ случаѣ быть? Стали мы туда ѣздить, и пошли къ намъ изъ одного мѣста разныя вѣсти. Кто восхвалялъ «принципы жизни Китая» и не желалъ лучшихъ для всего свѣта, кто, отвѣдая на мѣстѣ сладость этихъ принциповъ, утверждалъ, что довѣрие къ навнымъ хваленіямъ обошлось ему дорого, слишкомъ дорого. Потребность уяснить противорѣчія, установить непреложную истину усилилась; путешествія участились... Было-ли ихъ достаточно для рѣшенія всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые могли насъ тревожить, не запоздали-ли мы съ нашими развѣдками,—рѣшить я не берусь; но что мы не обобшили нашего интереса, что мы ѣздили все въ Китай, да въ Китай, а не расширили развѣдокъ на всю область, занимаемую *желтой расой*,—это представляется мнѣ въ достаточной мѣрѣ очевиднымъ. Что мы знали, да и теперь знаемъ о Японіи? Мы все слѣдили за справками о томъ, что вчера десять японцевъ выучились русскому языку, а сегодня учатся ему уже пятнадцать,—это насъ несказанно радовало; но не въ томъ заключался вопросъ. Вопросъ этотъ, въ своей живой и широкой постановкѣ, уже пятнадцать лѣтъ представлялся уму не какому-нибудь случайнаго корреспондента или политическаго импровизатора, а уму такого серьезнаго и знающаго Востокъ мыслителя, какъ Гюставъ Ле-Бонъ, да и не его одного. Въ сочиненіи своемъ «*L'homme et les sociétés*» (II, 145) онъ обращалъ уже серьезное вниманіе на угрожающее положеніе желтой расы, на подготавливающееся и грядущее ея вторженіе. «Цивилизація, — говоритъ онъ,—разрушила великую вѣтайскую стѣну и покрыла развалинами эти отдаленныя страны. Но нарушеніе нравственныхъ законовъ неизбѣжно влечетъ возмездіе; и вотъ потоки, заграждающія плотины которыхъ были нами разрушены, выходятъ тенью изъ береговъ, и передъ нами является опасность нашествія, и

личайшая изъ всѣхъ опасностей, которыя только грозятъ цивилизации. Китайцы еще не переселяются въ Европу, но намъ не долго придется ждать начала этой эмиграціи. Очень недавно англійскія газеты разсуждали о пользѣ найма китайскихъ рабочихъ для облегченія борьбы хозяевъ со стачками. И какъ только начнутъ они наводнять Европу, можно будетъ предвидѣть наступленіе такого момента, когда, благодаря ихъ чрезвычайной плодовитости, ничтожности ихъ потребностей, исключительно обуславливающей ихъ трезвость, они своею конкуренціе лишатъ самой возможности существованія все промышленное и хлѣбопашеское населеніе, по развитію своему стоящее не особенно выше ихъ. И только для работъ высшаго порядка можетъ не казаться страшною ихъ конкуренція, такъ какъ китайскій мозгъ не въ состояніи переходить извѣстную стадію развитія. Я не стану смотрѣть, какъ на гипотезу, на осуществленіе въ будущемъ такого размноженія въ мірѣ желтой расы, которое допустить существованіе лишь отдѣльныхъ, самыхъ развитыхъ индивидовъ расы бѣлой, — индивидовъ, доведенныхъ повторительнымъ подборомъ до типа болѣе высокаго, чѣмъ типъ современный. Но гипотеза эта можетъ осуществиться лишь въ отдаленномъ будущемъ. Заботы, причиняемыя въ настоящее время желтою расою расѣ бѣлой, сами по себѣ настолько важны, что о нихъ стоитъ подумать. Мы посѣяли войну и раздоры у этихъ отдаленныхъ народовъ, мы нарушили ихъ вѣковой покой, и теперь настала ихъ очередь тревожить насъ. Въ Азіи въ настоящее время назрѣваетъ для ближайшаго будущаго борьба, по гигантскимъ размѣрамъ своимъ превосходящая все, что только когда-либо попадетъ на страницы исторіи».

Вотъ тѣ тревоги и опасенія, которыя закрадываются въ душу ученаго, погружившагося въ уясненіе себѣ и другимъ вопросовъ о соотношеніи и равновѣсіи расъ на земной поверхности. Я не стану разсматривать и взвѣшивать степень ихъ основательности, быть можетъ, они и химеричны, но я хочу обратить вниманіе читателя болѣе всего на то, что они не были чужды серьезнымъ умамъ. Были они у Ле-Бона, были и у другихъ, безсознательно закрадывались въ умы третьихъ и четвертыхъ. Мало того, они могли представлять прежде, могутъ представлять и теперь не рядъ разрозненныхъ вспышекъ въ индивидуальныхъ умахъ, а цѣлое соціально-психологическое теченіе или вѣяніе, которое захватываетъ людей, тянетъ въ невѣдомую даль, заставляетъ переносить тягости и лишенія и неуклонно влечетъ къ уясненію ле-боновскаго вопроса, хотя не у всякаго вопросъ ставится, какъ у Ле-Бона, хотя у вного общественнаго дѣятеля эта точка можетъ принимать формы одной только научной любознательности, обостряясь въ жажду чистаго познанія.

О нашихъ путешественникахъ вообще и о Потаниныхъ — въ

частности, я не могу въ этомъ отношеніи высказаться сколько-нибудь опредѣленно, но все же фактъ остается фактомъ, что изученію Китая они служили и, слѣдовательно, привносили матеріалъ и для тѣхъ, которые одержимы ле-боновскими тревогами. Но при всемъ этомъ имъ не могли не быть совершенно ясны тѣ интересы, которые очевидны, съ одной стороны, для всякаго чело-вѣка науки и съ другой—для всякаго сибиряка. Значеніе и цѣнность ихъ путешествія можетъ возбуждать вопросы и сомнѣнія только у людей самаго узкаго кругозора, упускающихъ изъ виду то отраженное мировое освѣщеніе, которое падаетъ теперь не только на всю совокупность жизни каждаго отдѣльнаго народа, но даже и на всякую частность этой, огнищъ со всѣмъ свѣтомъ невидимыми нитями связанной, жизни.

Этому, запечатлѣнному универсализмомъ, характеру жизни соответствуетъ и универсальный характеръ науки: она междуна-родна, общечеловѣчна, всесвѣтна; блага ея вытекаютъ изъ этого ея принципа и имъ держатся и разрастаются. Проникаясь этимъ принципомъ, подвижники ея, презирая опасности и страхъ смерти, устремляются по тысячамъ путей въ разныя стороны и въ тысячахъ направленій распространяются ея завоеванія. Борясь тутъ группами, тамъ по одиночѣ, всѣ они связаны единствомъ одного общаго знамени, и всѣ они, торжествуютъ ли, ложатся ли костями, всѣ изъ своихъ лавровъ и терніевъ сплетаютъ побѣд-ный вѣнокъ наукѣ, ведущей всѣхъ и каждаго къ свѣту и счастью. Тотъ проникаетъ въ тайны жизни организмовъ, этотъ въ тайны звѣзднаго свода, другой, третій, изучая общее отечество наше—землю, и устремляясь для этого въ невѣдомыя дебри и пустыни... Нѣчто подобное происходило нѣкогда въ Индіи, за нѣсколько стол-лѣтій до нашей эры, когда сознаніе универсальнаго значенія основной идеи ученія стало достояніемъ общины и когда община эта, называвшаяся прежде сакійскою и состоявшая главнымъ образомъ изъ «сакійскихъ сыновъ», объявила себя универсальною и прониклась духомъ прозелитизма. Иноки, міране устреми-лись во всѣ стороны, не щадили ни здоровья, ни жизни ради провозглашенія словъ Вѣщаго, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, слова эти были предназначены для всего міра. (См. проф. Ми-наевъ. «Буддизмъ», гл. V). Это были подвижники буддизма. Под-вижники науки вдохновляются аналогическимъ побужденіемъ, хотя и инымъ по своему содержанію и средствамъ. Для подвиж-никовъ буддизма индійскій царь Асока Великій проводилъ дороги обсаживалъ ихъ деревьями, вырывалъ около нихъ колодцы... Онъ шлі за предѣлы протяженія этихъ дорогъ и часто гибли въ без-плодныхъ пустынныхъ и дикихъ трущобахъ. Но въ наше время, когда Спинели уносятся на своемъ шарѣ за облака, Стенал устремляется въ центральную Африку, Потанины—въ Тибетъ, — нѣтъ возможности повторить благодѣянія «любимца боговъ

страхъ устремляются все впередъ и впередъ, все выше и выше, вотъ ихъ уже и не видно и только звучитъ въ воздухѣ загадочное слово «excelsior»,—загадочное сегодня, общепонятное завтра. Они идутъ... Легко сказать! Постарайтесь воспроизвести въ вашемъ воображеніи то, что такъ ярко и правдиво представилъ въ своемъ очеркѣ путешествія Потаниннхъ В. А. Обручевъ, и вась область ужасъ. Вѣроатное ли дѣло, чтобы все это можно было перенести, чтобы это переносила женщина? Самый страшный сонъ тѣхъ «милыхъ созданий», которыя въ «шумѣ свѣта» «ловятъ часть наслажденій»,—игрушка, пустякъ передъ этою грозною, безпощадною дѣйствительностью! Не продолженіе ли это Дантовскихъ адскихъ круговъ? Каменная неогладная степь, нигдѣ ни дерева, ни травы, ни капли воды; навстрѣчу какой нибудь буддійскій паломникъ, едва передвигающій ноги, съ воспаленными глазами, съ почернѣлымъ языкомъ, въ сторонѣ тѣла умирающихъ лошадей, изъ глазъ которыхъ текутъ слезы, въ караванѣ верблюды, впавшіе въ психопатическое состояніе, находящее на нихъ подѣ влияніемъ впечатлѣній пустыни... Останавливаться нельзя, впередъ, впередъ!.. excelsior... а тамъ, можетъ быть, и смерть сторожить слишкомъ ужъ довѣрившихся своимъ силамъ путниковъ. И она дѣйствительно сторожила и эту подвижницу и на полу-пути вырвала ее изъ среды живыхъ, предоставивъ имъ оплакивать ее въ этомъ страшномъ китайскомъ безлюдьѣ!

Она умерла преждевременно, многое еще она могла совершить, но и то, что она совершила, оставило, какъ справедливо говорить Д. Н. Анучинъ, «неизгладимую память». Память эта въ ея жизни, въ ея подвижничествѣ для науки, въ ея литературныхъ трудахъ. Прочтите ихъ и припомните тогда изреченіе одного изъ французскихъ мыслителей: «когда чтеніе возвышаетъ вашъ умъ и внушаетъ вамъ великодушныя и благородныя чувства, не ищите иного мѣрила для сужденія о произведеніи: оно хорошо и сдѣлано рукою мастера».

Въ предшествовавшихъ строкахъ я старался высказать читателю то, что было навѣяно мнѣ московскою книгою и петербургскимъ чествованіемъ покойной Александры Викторовны; но этимя и не могу ограничиться, такъ какъ я ее зналъ лично, много бесѣдовалъ съ нею и переписывался. Считаю нужнымъ поэтому дополнить вышесказанное моими воспоминаніями, читанными мною на вечерѣ, посвященномъ ея памяти.

Я познакомился съ Потанинныи въ Казани, въ 81-мъ году. Какъ теперь помню этотъ лѣтній, ясный, солнечный день, столь гармонировавшій съ чистою, свѣтлою душою незабвенной Александры Викторовны, голосъ которой я услышалъ въ этотъ день въ первый разъ. Чуть мы разговорились, какъ оказалось столько общихъ вопросовъ, общихъ интересовъ, общихъ симпатій и анти-

патій, что сразу обнаружилась обширность той общей почвы, на которой мы можем дружественно сойтись. И если приэтомъ раскрылось, что вмѣстѣ съ тѣмъ мы и расходились во многихъ отношеніяхъ, то мягкая, сердечная, глубокочеловѣчная манера Александры Викторовны, обнаруженная ею при прикосновеніи къ темамъ, во взглядахъ на которыя мы разнорѣчили, клала на разнорѣчіе это отраднѣйшій отпечатокъ надежды получить какой нибудь положительный результатъ и отъ обмѣна тѣхъ нашихъ мнѣній, которыя шли врознь. Такимъ образомъ, и согласія и несогласія наши влекли меня къ упроченію знакомства съ Александрою Викторовною; и въ самомъ дѣлѣ, за короткое время пребыванія Потаниныхъ въ Казани мы успѣли уже сойтись настолько, что по отъѣздѣ ихъ у насъ завязалась переписка, которая и возобновлялась всегда, когда намъ доводилось жить въ разныхъ мѣстахъ. Съ Александрою Викторовною переписка эта закончилась письмомъ ея, написаннымъ изъ Китая, за нѣсколько дней до ея смерти.

Оживленная переписка наша и еще болѣе оживленныя бесѣды, хорошо запечатлѣвшіяся въ моей памяти, даютъ такое обиліе воспоминаній о ней, что самый даже общій очеркъ ихъ оказался бы по размѣрамъ своимъ несомвѣстимымъ съ требованіями, вытекающими изъ условій чествованія ея памяти. Точно также несогласно было бы съ этими требованіями и слишкомъ ужъ бѣглое обзорѣніе имѣющихся въ моемъ распоряженіи данныхъ, которыя, промелькнувъ передъ вами, оставили бы слишкомъ сложное, пестрое и во всякомъ случаѣ неопредѣленное впечатлѣніе. Я рѣшился поэтому остановиться сегодня на какомъ нибудь одномъ изъ интересовавшихъ Александру Викторовну вопросовъ и представить его вамъ въ той мѣрѣ полноты, которая, по моему мнѣнію, необходима въ видахъ уясненія связи и соотношенія этого частнаго вопроса съ общимъ строемъ ея міросозерцанія.

Отвѣчающимъ моей цѣли вопросомъ я считаю вопросъ объ инородцахъ, много и много разъ составлявшій предметъ нашихъ бесѣдъ и писемъ.

Отношеніе свое къ инородцамъ Потанина вывела не какою нибудь отвлеченнымъ, прямолинейнымъ путемъ. Она столько видѣла свѣтъ и такъ много знала людей въ ихъ дѣйствительной жизни, что всякое кабинетное сужденіе, будь то умозрительное или *soitdisant* практическое, были ей равно чужды. Признавъ великое значеніе принципиальности въ рѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о нашемъ отношеніи къ людямъ другой расы, другой народности, другой вѣры, она твердо стояла томъ, что принципъ непреложный, принципъ, проникнутый сію томъ истины, осуществляясь, проникая въ жизнь, долженъ поднять уровень счастья всѣхъ и cadaго, долженъ осушать сле:

долженъ послужить распространенію миролюбія и взаимнаго между людьми благоволенія. Если этого не оказывается, — говаривала бывало Александра Викторовна, — то надо непременно доискиваться фальши, или въ самомъ принципѣ, или же въ его осуществленіи. Если вы живой человекъ, и сердце ваше болѣетъ невзгодами жизни, то вы никогда не должны забывать, что въ послѣднемъ итогѣ все, не сводящееся на переживаемый моментъ, виситъ въ воздухѣ и представляетъ собою одно пустое мѣсто, которое пустымъ на-вѣки и останется.

Разъ, какъ то, между нею и ея гостями, въ числѣ которыхъ случилось быть и мнѣ, зашелъ разговоръ о значеніи *изобрѣтенія* «всемірныхъ языковъ». Одинъ изъ собесѣдниковъ горячо отстаивалъ важное значеніе этихъ попытокъ и старался поддержать свое мнѣніе ссылкой на первоначальное единство человѣческаго рода и на неизбежное конечное его единство, къ которому-де безповоротно ведетъ развитіе цивилизаций. Александра Викторовна оспаривала такой взглядъ. О первомъ единствѣ человечества, по ея мнѣнію, не стоитъ вовсе въ данномъ случаѣ рассуждать, такъ какъ единство примитивной семьи или первоначальнаго рода разумѣется само собою и не только ровно ничего не доказываетъ, но еще только рѣзче подчеркиваетъ тѣ возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы по адресу прямолинейныхъ сужденій объ этомъ вопросѣ. Вѣдь если первобытная семья была одинакова, то она была одинакова—въ чемъ нибудь, а это что нибудь неизбежно носило печать данныхъ условий. Спрашивается: при измѣненіи этихъ условий не долженъ ли былъ измѣниться и тотъ предметъ, на который они воздѣйствовали? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очевиденъ, и этотъ отвѣтъ указываетъ только на разнообразіе и богатство заложенныхъ въ душѣ человѣческой дарованій и способностей. Чудное разнообразіе племенъ и расъ можетъ только насъ восхищать и заставлять вѣрить въ величіе: человѣческихъ силъ и блестящее будущее человечества. Разнообразіе языковъ имѣетъ, конечно, свои неудобства; но преодолѣніе этихъ неудобствъ не должно мѣтнуть на подведеніе человечества подъ своего рода типъ военныхъ поселеній. И если мы къ нему въ самомъ дѣлѣ идемъ, то во всякомъ случаѣ оно вѣдь еще за горами и для ориентировки въ современной жизни совсѣмъ не годится. Ужели ребенку пристало заботиться не о злѣбѣ дня, а о приобрѣтеніи, ну, напримѣръ, очковъ или костылей, безъ которыхъ ему нельзя будетъ обойтись въ старости?

Когда заходила рѣчь о вѣрѣ инородцевъ и иноплеменниковъ, Александра Викторовна всегда любила вспоминать извѣстное замѣчаніе Лессингова Натана: «Къ кому же мы съ сомнѣніемъ наименьшимъ относимся, какъ не къ своимъ роднымъ? Не къ тѣмъ, чья кровь и въ насъ течетъ? Кто съ дѣтства свою любовь доказывалъ намъ часто? Кто не обманывалъ насъ никогда, и

развѣ только, чтобъ принести намъ пользу? Какъ можетъ кто нибудь изъ насъ скорѣе чужимъ отцамъ повѣрить, чѣмъ своимъ? Какъ можно требовать, чтобъ нашихъ предковъ во лжи мы учили для того, чтобъ соглашаться въ мифіяхъ съ чужими?» Руководясь этою мыслью, Потанина была убѣждена, что величественное и искреннее принатіе новой вѣры можетъ произойти у инородцевъ лишь въ томъ случаѣ, когда они настолько перерастутъ нормы своей старой вѣры, что въ состояніи будутъ принести въ жертву новой свои личныя симпатіи и привязанности. По этому пути, думала она, ихъ и надо вести, всѣми силами стараясь не осложнить ихъ и такъ уже труднаго, раздвоеннаго душевнаго состоянія элементами ненависти, возбуждаемой грубостью или насиліемъ. И въ этомъ дѣлѣ долженъ быть свой приготовительный классъ, а этотъ приготовительный классъ заключается во внушеніи инородцамъ любви къ намъ, симпатіи къ мировоззрѣнію, уваженія ко всему строю нашей жизни, долженствующему признавать лишь то, что ведетъ людей къ благу и счастью. Терпимость, поэтому, являлась въ глазахъ Александры Викторовны лучшей дорогою отъ инородческихъ сердецъ къ нашимъ. Живымъ примѣромъ правильности этого положенія представлялось ей обращеніе бурятъ-шаманистовъ въ буддизмъ. Въ своемъ очеркѣ быта бурятъ она обращаетъ вниманіе на то, что, говоря однимъ языкомъ и, главное, чувствуя свою большую умственную и нравственную близость съ одноплеменниками ихъ, монголами, чѣмъ съ чужими по крови и духу русскими, буряты, очень естественно, быстро усвоили ламайское вѣроученіе. Этому также помогла буддистская вѣротерпимость и общность многихъ вѣрованій ламайскаго буддизма съ общимъ всѣмъ восточнымъ народамъ древнимъ шаманствомъ.

Понятно послѣ этого, что она не могла не осуждать поверхностныхъ и скороспѣлыхъ обращеній, совершенно не отвѣчающихъ ея строгому взгляду на достоинство и святость православной церкви. «Не знаемъ, чему приписать, — пишетъ она въ томъ же очеркѣ, — но нельзя не замѣтить, что у бурятъ-христіанъ гораздо больше можно встрѣтить такъ называемаго двоевѣрія, чѣмъ среди буддистовъ: считаясь официально христіанами и даже исполняя обряды православной вѣры, буряты часто не оставляютъ своей древней религіи шаманской, совершаютъ ея обряды, держать въ домахъ онгоновъ и т. д.; конечно, отъ русскихъ и въ особенности отъ духовенства они тщательно скрываютъ это обстоятельство».

Все это и выясняетъ, какимъ образомъ Александра Викторовна могла согласовать свою глубокую вѣру и свое истинно-христіанское настроеніе съ самыми доброжелательнѣйшими отношеніями и самыми теплыми чувствами по отношенію къ многочисленнымъ инородцамъ, съ которыми ей доводилось встрѣчаться. Для всѣхъ

было ея любвеобильное и кроткое сердце. Но любовь ея, какъ и вѣра, не заключали въ себѣ ничего шаблоннаго и потому она разѣ какъ-то и пошутила мимоходомъ, что вовсе не претендуетъ уподобляться солнцу, равно свѣтящему на добрыхъ и на злыхъ. Ея любовь была любовью просвѣтленною: она знала, кого любить и почему. По этой причинѣ она исключала изъ круга своихъ симпатій китайцевъ, именно за ихъ отчужденность отъ всечеловѣческой семьи, за ихъ замкнутость, заносчивое самоувѣнне и многія другія отталкивавшія ихъ отъ нея свойства. Еще въ 1885 году она мнѣ писала съ береговъ Желтой рѣки, изъ деревни Ниджа, о своей нелюбви къ китайцамъ. «Нѣтъ, кажется, народа противнѣе китайцевъ. Порядочно я извѣздила разныя страны, но даже урянхайцы, для которыхъ рубаха составляетъ невѣдомую роскошь, представляются мнѣ несравненно приличнѣе прославленныхъ своею вѣжливостью китайцевъ. Китаецъ разсыпается въ ненужныхъ извиненіяхъ, дѣлые полъ-часа заставляеть упрашивать себя садиться, а когда сядеть, то готовъ своими грязными руками пощупать вашъ носъ. Голые урянхайцы никогда не оскорбятъ вашей стыдливости, тогда какъ завернутые по уши въ вату китайцы совершенно такъ же относятся къ вамъ, какъ мы относимся къ животнымъ, совершенно не допуская въ нихъ чувства стыдливости и вообще какихъ бы то ни было челоуѣкоподобныхъ чувствъ»... «Всякій китаецъ, который стоитъ выше простого мужика, отличающагося здѣсь одною только своею грубостью, не болѣе, — является пронвинутымъ національною гордостью; это несноснѣйшее созданіе, какое только есть на свѣтѣ. Чувство превосходства надъ остальнымъ челоуѣчествомъ ничѣмъ у него не маскируется и не умѣряется какимъ бы то ни было знаніемъ, такъ какъ даже порядочная грамотность оставляетъ его невѣждою относительно всего, что не Китай... Такое же отношеніе къ китайцамъ вынесли и всѣ почти европейскіе миссіонеры, съ которыми намъ пришлось здѣсь встрѣчаться... Сколько ни убѣждай себя, что несправедливо огуломъ осуждать всю націю, а на дѣлѣ всетаки чувство беретъ верхъ. Не даромъ въ каждомъ порядочномъ китайскомъ домѣ рядомъ съ доскою, на которой изображены тѣ «*понятія*», которымъ они поклоняются, стоятъ также и вѣсы для взвѣшиванія серебра... Когда мы навяли себѣ здѣсь помѣщеніе, то рѣшили, что у него есть то достоинство, что вблизи не живетъ ни одинъ китаецъ». «Мнѣ представляется, что весь китайскій народъ состоитъ изъ щедринскихъ свиней, которыя ваходятъ, что лучше ихъ задняго двора и корыта съ кормомъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, и что солнце только поэты выдумали, а въ дѣйствительности его нѣтъ, да и надобности въ немъ они не видятъ».

Такое рѣшительно отрицательное отношеніе къ китайцамъ, ко-

И взоввать на жизнь великую
Нашихъ душъ холодный прахъ?
Приходи, желанный, благостный!
Кто-бъ ты ни былъ—приходи!
Свѣй съ насъ сонъ, тлетворный, тягостный,
Стыдъ и совѣсть разбуди,
И къ свободному и мирному
Съ ясной цѣлью впереди
Единенію всемірному
Насъ разрозненныхъ веди!“

В. Лесевичъ.

Нѣчто о діалектическомъ методѣ.

Обнаружившійся послѣднее время въ литературѣ интересъ къ экономическому матеріализму охватилъ, нужно думать, большой кругъ читателей. Мы говоримъ—нужно думать,—такъ какъ, въ качествѣ провинціального читателя, можемъ засвидѣтельствовать, что всѣ статьи, трактовавшія эту тему, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, читались и перечитывались очень внимательно, дебатировались, оспаривались. Многихъ читателей, и въ томъ числѣ насъ, онѣ навели на мысль познакомиться поближе съ экономическимъ матеріализмомъ и съ тѣмъ діалектическимъ методомъ, который предлагается его сторонниками къ анализу общественныхъ отношеній. Сочиненія основателя новѣйшей экономической школы, по крайней мѣрѣ, тѣ, съ которыми мы имѣли возможность познакомиться, уделяютъ очень мало мѣста и этому методу, и матеріалистическому пониманію исторіи. Намъ указали на произведеніе Энгельса, озаглавленное «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft», въ которомъ всѣ интересовавшіе насъ вопросы разобраны подробно. Преодолевъ нѣкоторыя затрудненія, мы познакомились съ нимъ и не пожалѣли о потраченныхъ усиліяхъ; книга дѣйствительно въ высшей степени интересная и прекрасно написанная, нѣкоторыя же главы ея блестящи. Но по прочтеніи ея у насъ возникли нѣкоторыя недоумѣнія. Одни положенія Энгельса показались намъ не совсѣмъ вѣрными, другія—недостаточно обоснованными; этими недоумѣніями мы и хотимъ подѣлиться съ читателями, хотя заранѣе знаемъ, что далеко не исчерпаемъ вполне задѣтыхъ нами вопросовъ. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы будемъ имѣть въ виду исключителью упомянутую книгу Энгельса.

I.

Одною изъ главныхъ заслугъ основателя новѣйшей экономической школы, по словамъ Энгельса, нужно считать примѣненіе къ такъ называемаго діалектическаго метода къ изслѣдованію явленій

исторической жизни человѣчества вообще и современной намъ капиталистической эпохи въ частности. Самый методъ былъ данъ давно уже «универсальнѣйшей головой своего времени»—Гегелемъ и въ основѣ своей рѣзко отличенъ отъ стараго, пришедшаго въ негодность метода «метафизическаго». Слѣдуя въ книгѣ «Umwälzung der Wissenschaft» за экскурсіями Дюринга почти во все отрасли человѣческаго знанія, Энгельсъ то и дѣлаетъ, что противопоставляетъ повсюду діалектико-матеріалистическое пониманіе всей природы и отдѣльныхъ частей ея пониманію Дюринга, которое называетъ метафизическимъ.

Въ виду той важности, какую имѣетъ примѣненіе того или иного метода для приобрѣтенія положительныхъ знаній и пониманія окружающаго міра, въ виду того также, что діалектической методъ имѣетъ, какъ утверждаетъ Энгельсъ, свое самостоятельное происхожденіе, отличающее его отъ употреблявшихся до сихъ поръ приемовъ изслѣдованія и мышленія,—мы и обратимъ наше главное вниманіе на уясненіе того, что подъ діалектикой разумѣть нужно. Мы попытаемся собрать воедино тѣ отдѣльные штрихи, которыми Энгельсъ характеризуетъ діалектику въ различныхъ мѣстахъ своей книги, чтобы получить о ней возможно цѣльное представленіе.

Метафизическое возрѣніе опирается, говоритъ Энгельсъ, на тотъ «обыденный «здравый человѣческій разумъ», который составляетъ неотъемлемую принадлежность средняго человѣка любой эпохи. Такой средній человѣкъ, приходя въ непосредственное прикосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, оперируетъ надъ нимъ съ помощью тѣхъ непосредственныхъ ощущеній, которыя онъ отъ него получаетъ: кругозоръ его этими воспринятыми ощущеніями и ограниченъ. Такъ какъ послѣднія вызываютъ въ организмъ человѣка «противоположныя» реакціи, то обыденное или «метафизическое» мышленіе видитъ во всей природѣ только рядъ противоположностей и непреходимыхъ противорѣчій: тѣла твердыя и жидкія *противоположны* газообразнымъ; свѣтъ противоположенъ тьмѣ, тепло—холоду, покой—движенію, бѣлое—черному и т. д. Каждая группа физическихъ явленій и по своимъ свойствамъ и по роду происхожденія противоположна другой, напр., тепловые эффекты производятся особымъ агентомъ—теплородомъ, магнитныя явленія—особой магнитной жидкостью, электрическія—электрической жидкостью. Далѣе, организованныя существа обязаны своимъ существованіемъ спеціальной *жизненной* силѣ, которая отсутствуетъ въ тѣлахъ неорганической природы. Растенія *противоположны* животнымъ, потому что лишены способности движенія и чувствительности, которыми одарены послѣднія. Принципъ «противоположности» идетъ и еще глубже; онъ проявляется и въ тѣсныхъ предѣлахъ міра растительнаго или животнаго, взятаго каждый въ отдѣльности. Они распадаются на несходные межъ собой семейства, классы, роды и виды, причемъ признаки, характеризующіе однихъ, совер-

шенно отсутствуют у других, и такъ какъ звеньевъ, связующихъ одну группу формъ съ другой, не существуетъ, то каждая изъ нихъ создана особымъ актомъ творенія (таково было, напр., воззрѣнiе Кювье). Словомъ, противоположности, противорѣчiя, рѣзкiя отличiя—вотъ что «метафизика» усматривала во всей природѣ. Современное естествознанiе раскрыло всю ошибочность такого взгляда; благодаря даже чисто количественному росту эмпирическихъ открытiй и необходимости привести ихъ въ порядокъ, оно признано было обнаружить *диалектическiй* характеръ естественныхъ процессовъ. Прежнiя неподвижныя противоположности, рѣзкiя пограничныя линiи все болѣе и болѣе исчезаютъ. Со времени превращенiя въ жидкость такъ называемыхъ «постоянныхъ» газовъ, было доказано, что твердое, капельно-жидкое и газообразное состоянiе матерiи другъ другу совсѣмъ не противорѣчатъ и что переходъ изъ одного въ другое *безпрерывенъ*. Рядомъ съ великимъ принципомъ сохраненiя энергiи пришлось поставить принципъ *превращенiя* ея, по которому извѣстное количество энергiи кинетической можетъ превратиться въ *такое же* количество энергiи двигательной, тепловой, электрической и т. д.; пришлось такимъ образомъ оставить мысль о специальномъ агентѣ для каждой категорiи физически однородныхъ явленiй. Въ области биологической то же естествознанiе, озаряемое могучимъ свѣтомъ эволюцiонной теорiи, открыло существованiе многочисленныхъ переходныхъ организмовъ, которые не поддаются никакой классификаци и помѣщаются изслѣдователями то въ одной, то въ другой группѣ, обнаруживая несостоятельность отличительныхъ признаковъ, претендовавшихъ на абсолютную дѣйствительность; мы имѣемъ теперь млекопитающихъ, кладущихъ яйца, и птицъ, ползающихъ на четверенькахъ. Но эти именно полярныя противоположности, непримиримыя и неразрѣшимыя, эти насильно установленныя пограничныя линiи и классовыя отличiя и придали теоретическому естествознанiю его ограниченно-метафизическiй характеръ. «Сознанiе, что вышеуказанныя противоположности *хотя и существуютъ въ природѣ*, но имѣютъ только относительное значенiе, что, напротивъ, ихъ воображаемая неподвижность и абсолютная дѣйствительность внесены въ природу нашимъ собственнымъ мышленiемъ,— это сознанiе составляетъ *основной пунктъ* диалектическаго пониманiя природы». Болѣе того, нѣкоторые метафизики утверждали, что, если природа сама и не терпитъ противорѣчiй, то послѣднiя неизбѣжно возникаютъ, когда природа сталкивается съ нашимъ мышленiемъ, поэтому они и находилъ въ высшей степени удивительнымъ наблюдаемое ими нерѣдко совпадiе природы и сознанiя, бытiя и мышленiя, законовъ природы и законовъ мысли. Но диалектика не такъ смотритъ на дѣло. «] мы мы спросимъ себя, говоритъ Энгельсъ, что такое въ сущи ли мышленiе и сознанiе, откуда они происходятъ, то найдемъ, что они суть продукты человѣческаго мозга, что человекъ самъ и ро-

дуктъ природы, разившіяся вмѣстѣ со своей средой; причемъ *само собой разумѣется*, что результаты мозговой дѣятельности, которые въ послѣднемъ счетѣ суть продукты природы (*Naturprducte*), должны *не противорѣчить*, а *соотвѣтствовать* всему остальному сцѣпленію явленій».

Итакъ, діалектика, повидимому, окончательно порвала съ тѣми понятіями о противоположностяхъ и противорѣчіяхъ, въ которыхъ для метафизика отливался внѣшній міръ. И если, указывая *основной пунктъ* діалектическаго мышленія, Энгельсъ нерѣшительно говоритъ еще объ «относительномъ» значеніи и субъективномъ происхожденіи ихъ, то въ разсужденіи о сознаніи и бытіи, мышленіи и природѣ, онъ категорически отрицаетъ возможность какихъ либо противорѣчій и считаетъ, напротивъ, ихъ взаимное соотвѣтствіе, какъ продукты природы, даже само собой разумѣющимся.

Но «діалектика» поражаетъ «метафизику» не только со стороны субъективности находимыхъ ею противорѣчій. Разсматривая природу или человѣческую исторію, говоритъ Энгельсъ, мы видимъ, что она представляетъ картину безконечнаго сцѣпленія и взаимодѣйствія. Еще древняя греческая философія такъ именно смотрѣла на міръ и нашла своего наиболѣе яркаго выразителя въ Гераклитѣ, сказавшемъ: все есть и не есть, ибо все *течетъ*, находится въ постоянномъ измѣненіи, въ непрерывномъ процессѣ созиданія и разрушенія. Такое возрѣніе, какъ слишкомъ общее, хотя и правильно охватывало всю наблюдаемую совокупность явленій, не было въ состояніи объяснить отдѣльныя части ея. Чтобы познать послѣднія, ихъ нужно, такъ сказать, вырвать изъ ихъ естественной или исторической связи и изслѣдовать каждую порознь, сообразно ея свойствамъ, причинамъ и пр.; такова и была ближайшая задача естествознанія и исторіи, задача, блистательно выполненная въ послѣднія 400 лѣтъ. Но разлагая природу на отдѣльные элементы, распредѣляя различные предметы и явленія въ опредѣленные классы, изучая анатомію организмовъ, то же естествознаніе воспитало въ насъ привычку разсматривать вещи изолированными, внѣ великой связи ихъ объединяющей; оно научило насъ видѣть ихъ не въ движеніи, не въ процессѣ жизни, а въ покоѣ. И такое возрѣніе, перенесенное Бэкономъ и Локкомъ изъ естествознанія въ философію, создало то ограниченное «метафизическое» мышленіе, которому на смѣну явилась «діалектика».

Для метафизика поэтому «вещи и ихъ умственные отраженія, т. е. понятія являются разъединенными, неподвижными, разъ на всегда данными предметами изслѣдованія... Для него вещь или существуетъ или не существуетъ: она не можетъ одновременно и быть себѣ равной и быть чѣмъ либо инымъ... Такой способъ мышленія кажется на первый взглядъ достовѣрнымъ, такъ какъ соотвѣтствуетъ здравому человѣческому разуудку». Но послѣдній, раньше или позже, натывается на *неразрѣшимыя противорѣчія*, такъ

ніе, изъ-за деревьевъ не видить лѣса». Діалектика же разсматриваетъ вещи въ ихъ взаимной связи, въ ихъ сцѣпленіи, движеніи, возникновеніи и исчезновеніи. Современное естествознаніе показало, что въ природѣ дѣйствительно *все происходитъ діалектически, а не метафизически*, хотя естествоиспытателей, научившихся мыслить діалектически, можно до сихъ поръ пересчитать по пальцамъ.

На такой діалектической путь разсмотрѣнія явленій прежде всего выступила новѣйшая нѣмецкая философія въ лицѣ Канта, уязвившаго на *происхожденіе* солнца и всѣхъ планетъ изъ вращающейся туманной массы; отсюда Кантъ заключилъ, что вмѣстѣ съ моментомъ происхожденія данъ необходимо и моментъ будущей гибели нашей солнечной системы. Эта философія закончилась въ Гегелѣ, впервые представившемъ природу, исторію и нашъ душевный міръ, какъ процессъ, находящійся въ непрерывномъ движеніи, измѣненіи, преобразованіи, развитіи... Такой процессъ для своего пониманія не нуждается въ какой либо философіи, стоящей надъ всѣми науками. Разъ каждой наукѣ предъявляется требованіе самой опредѣлить свое мѣсто во взаимной связи вещей и въ ихъ познаніи, то всякая специальная наука объ этой связи становится излишней. Что еще остается отъ философіи, такъ это ученіе о мысленіи и его законахъ—формальная логика и діалектика; все же остальное отходить къ положительной наукѣ и исторіи.

Мы изложили по Энгельсу сущность метафизики и діалектики, но прежде чѣмъ обратиться къ ближайшему разсмотрѣнію послѣдней, насъ главнымъ образомъ интересующей, мы остановимъ наше вниманіе на первой. Казалось бы, что разъ метафизика представляетъ пройденную уже философскимъ мышленіемъ стадію развитія, то разногласій насчетъ того, что подъ ней разумѣть нужно, быть не можетъ; однако, къ такимъ разногласіямъ приходишь поневолѣ, когда читаешь характеристику метафизики у Энгельса. Всамомъ дѣлѣ, первую отличительную черту ея онъ видитъ въ томъ, что она усматриваетъ въ природѣ непрерывный рядъ непримиримыхъ противорѣчій и противоположностей. Можно дѣйствительно показать, что такая черта свойственна и даже *косвеннымъ* образомъ характерна для метафизики, но, во 1-хъ не сравнительно съ діалектикой, которая, какъ увидимъ ниже, сама, такъ сказать, брызжетъ «противорѣчіями»; а во 2-хъ, послѣднія, какъ чисто субъективные категоріи, обусловленные заранѣе поставленной цѣлью изслѣдованія и потому возможныя во всякой системѣ воззрѣній, а не только метафизической, носятъ здѣсь специальный характеръ,—они являются только однимъ изъ отголосковъ того коренного умозрѣнія, которое лежитъ въ *основѣ* метафизики, но которое Энгельсъ почему то оставляетъ безъ разсмотрѣнія. Второй отличительной чертой метафизики Энгельсъ считаетъ то, что она разсматриваетъ вещи изъ-

предоставлять по возвращеніи, — это худшая изъясненій, такая методъ разсмотрѣнія, говорить Энгельсъ, былъ перенесенъ изъ естественнаго въ философію нигдѣ инымъ, какъ... Бэкономъ и Локкомъ! Мы могли бы прибавить къ нимъ и Юма и всю школу сенсуалистовъ, которая «рѣшительно отвернулась» отъ всякаго отвѣчнаго метафизическаго умозрѣнія, создавъ свою *теорію познания*, послѣдняя же привела къ тому ученію объ относительности нашего знанія, которое, по словамъ Милля, со времени Юма стало общимъ достояніемъ философскаго мышленія и которое Энгельсъ совсѣмъ ужъ незаслуженно ставитъ въ крупную заслугу діалектикѣ. И кто же противостоитъ такимъ заядлымъ метафизикамъ, какъ Бэконъ и Локкъ? Немножко Кантъ, и то потому только, что онъ, указавъ на образованіе нашей солнечной системы изъ туманной массы, предсказалъ такимъ образомъ неизбѣжную гибель ея; а затѣмъ Гегель и... опять Гегель, ибо въ его системѣ новая нѣмецкая философія нашла свое послѣднее, заключительное слово, а съ его смертію философское небо заволоклось тучами, которыя и до сихъ поръ не разсыпались. Итакъ, Бэконъ и Локкъ — насадители метафизики въ философіи, а Гегель ихъ рѣшительный антиподъ... Выводъ этотъ говоритъ самъ за себя и достаточно ясно свидѣтельствуетъ, какъ произвольно устанавливаетъ Энгельсъ границы метафизики.

Если Гегель и не разрѣшилъ своей задачи, говорить Энгельсъ, то потому, что она была не подъ силу одному человѣку, — Гегель необходимо былъ ограниченъ, во 1-хъ, размѣромъ своихъ знаній, и, во 2-хъ, воззрѣніями своей эпохи. Къ этимъ двумъ обстоятельствамъ присоединилось однако и третье: Гегель былъ идеалистъ, т. е. мысли его головы казались ему не болѣе или менѣе абстрактными отраженіями дѣйствительныхъ вещей и явленій, а, наоборотъ, вещи и ихъ развитіе представлялись матеріализованнымъ отраженіемъ существовавшей гдѣ-то до міра «идеи»; благодаря такому взгляду, все было поставлено на голову, и дѣйствительная связь міра оказалась вывороченной на изнанку. Это ли еще не метафизика?

А какъ же быть съ діалектикой Гегеля, съ указываемой ею связью явленій? скажутъ намъ. Развѣ метафизика усматривала въ природѣ *процессы*, развѣ она не видѣла въ предметахъ разъ навсегда данныхъ объектовъ изслѣдованія, покоящихся и неизмѣнныхъ, развѣ она говорила о возникновеніи и, слѣдовательно, неизбѣжной гибели вещей?.. Если Кантъ только потому немножко діалектикъ, что предсказалъ распаденіе нашей солнечной системы, т. е. не считъ ее вѣчной и неизмѣнной, то въ такомъ смыслѣ діалектикомъ будетъ и теологъ, говорящій объ угрожающей міру кончинѣ и рисующій всю человѣческую исторію въ видѣ послѣдовательнаго развитія христіанской идеи. Ни отъ одного внимательнаго наблюдателя не можетъ ускользнуть то обстоятельство, что между явленіями суще-

ствуетъ общая связь, что они другъ друга причинно обуславливаютъ, что вещи возникаютъ и исчезаютъ; не могло это ускользнуть и отъ метафизиковъ, которые, какъ философы, пытались (худо или хорошо—это вопросъ посторонній, мы говоримъ здѣсь о чистомъ умозрѣніи) охватить всю совокупность явленій и объяснить ее. Все дѣло въ томъ, *какова* была находимая связь, *каковы* были указываемыя причины и слѣдствія; все дѣло въ томъ, была ли эта связь выведена изъ опыта и наблюденія, или она измышлялась изъ головы, выводилась логически изъ апіорныхъ истинъ. Словомъ, все дѣло въ томъ, какъ говоритъ Энгельсъ, считалась-ли логическая связь отраженіемъ связи объективно-существующей, или, наоборотъ, послѣдняя признавалась лишь постольку, поскольку она подходила къ первой, игравшей роль прокрустова ложа, ибо въ такомъ случаѣ *наблюдаемая* связь, въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ ума, часто объявлялась несовершенной, а потому и недостойной изученія, низменной и только стѣсняющей свободный полетъ фантазіи. Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, нужно вспомнить, что метафизика, не та, которую разумѣетъ Энгельсъ, ибо у него, мы видѣли, она приравнивается часто эмпиризму, а та, противъ которой вооружались Веконъ и Локкъ, не особенно покровительствовала наукѣ, въ лучшемъ случаѣ относилась къ ней снисходительно, считая занятіе ею слишкомъ плейбейскимъ. Такое отношеніе къ наукѣ, впрочемъ, нисколько не мѣшало метафизикѣ улавливать связь, причинность и пр. Она тѣмъ именно и похвалялась предъ наукой, что въ то время, какъ послѣдней для установленія связи приходится изучать факты со всѣхъ сторонъ и безпрестанно провѣрять ихъ, ей всего этого не нужно: стоитъ лишь взглянуть на природу съ высоты птичьяго полета, «углубиться въ самое себя и подумать»,—и искомая связь найдена; не бѣда, если она немножко произвольна, за то она блестящею красотой и стройностью. Но несмотря на указанное презрѣніе къ наукѣ, встрѣчались метафизики, занимавшіеся наукой; или правильнѣе, бывали ученые, люди науки, быть можетъ даже безосознательнымъ процессомъ усвоенія воспринявшіе метафизическое умозрѣніе, которое и кляло отпечатокъ на характеръ ихъ научныхъ работъ. Возьмемъ для примѣра химию, науку, имѣющую дѣло съ «превращеніями» веществъ. Поскольку средневѣковые алхимики занимались ею, какъ извѣстной отраслью *знанія*, они наблюдали, экспериментировали, изучали свойства и образование отдѣльныхъ тѣлъ, ихъ взаимодействіе, словомъ, собирали факты и такъ и иначе обобщали ихъ. Какъ же смотрѣли на вещи съ философскихъ точекъ зрѣнія эти «метафизики науки»? Считали ли они ихъ неизмѣнными объектами изслѣдованія, неспособными къ превращенію? Какъ разъ наоборотъ, вся ихъ метафизичность въ томъ именно заключалась, что они вѣрили въ полную реальность того понятія о *безграничной* превращаемости матеріи, которую они состав-

софистику каждаго изъ насъ доказано въ томъ же самомъ дѣлѣ въ возможность получить изъ чего угодно что угодно, которую въ нихъ вселила метафизика. А попытки средневѣковыхъ «метафизиковъ медицины» найти жизненный эликсиръ развѣ не коренятся въ томъ же воззрѣніи? Что касается химіи, то она только съ тѣхъ поръ приобрѣла *научный* характеръ, какъ Лавуазье установилъ самый общій и основной стехиометрической законъ *сохраненія матеріи*, формулирующійся слѣдующимъ образомъ: при всѣхъ химическихъ превращеніяхъ общая масса тѣлъ, участвующихъ въ процессахъ, не измѣняется, т. е. съ тѣхъ поръ какъ ничѣмъ неограниченное, свободное отъ всякихъ узъ, кромѣ логической, понятіе о превращаемости потерпѣло извѣстное ограниченіе со стороны *статическаго* принципа Лавуазье. За этимъ закономъ слѣдуетъ и другіе въ высшей степени важныя эмпирическіе законы, какъ, напр.: при измѣненіи одного тѣла въ другое массы ихъ находятся въ одномъ *постоянномъ* отношеніи, массы взятыхъ и происшедшихъ тѣлъ (если ихъ нѣсколько) находятся въ *неизмѣнимыхъ* отношеніяхъ; и важность значенія этихъ законовъ обуславливается тѣмъ, что они ограничиваютъ метафизическую неограниченность превращеній.

Но не только область знаній химическихъ или медицинскихъ, а и біологія прошлыхъ временъ страдала тѣмъ же непровѣреннымъ критически взглядомъ на *свободную* превращаемость однихъ организмовъ въ другіе; и если Карлъ Фохтъ, какъ въ томъ упрекаетъ его Энгельсъ, обрушивался на натуръ-философовъ, въ родѣ Тревирануса или Окена, то только потому, что въ ихъ взглядахъ заключалось еще очень много «безумія и фантастики» (*Unsinn und Phantasterei*), оставленныхъ имъ въ наслѣдіе метафизикой.

Мы думаемъ такимъ образомъ, что метафизика нисколько не исключаетъ допущенія принципа измѣняемости, превращаемости, движенія вещей и пр., и примѣромъ тому намъ можетъ служить тотъ же Гегель, который, по увѣренію однихъ, былъ сильный метафизикъ и, по увѣренію Энгельса, сильнѣйшій диалектикъ; онъ сочеталъ въ себѣ эти два будто бы другъ друга исключаютіе «методы мышленія». Вообще метафизикѣ свойственъ нѣкотораго рода эволюціонизмъ, но между нимъ и современнымъ ученіемъ объ измѣнчивости видовъ такое же отношеніе, какъ между взглядами на превращаемость матеріи до и послѣ Лавуазье: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ грубую, сырую форму, безъ опредѣленнаго внутренняго содержанія, а во-второмъ—строго проведенную, логически и экспериментально провѣряемую систему развитія. Отодоть да не тотъ...

II.

Обратимся къ діалектикѣ. Главную ея заслугу Энгельсъ усматриваетъ въ томъ, что она изгнала метафизическія противорѣчія и противоположности, какъ изъ области внѣшней природы, такъ и изъ ихъ послѣдняго убѣжища—изъ области чистаго мышленія; повсюду нужно искать не противорѣчій, а соответствій, не произвольныхъ скачковъ, а послѣдовательныхъ переходовъ и причинной связи въ безконечно длинной цѣпи фактовъ; вѣчное измѣненіе и безпрестанная смѣна обветшалыхъ формъ новыми—вотъ что лежитъ въ основѣ всѣхъ жизненныхъ процессовъ... Если бы вышеприведенными строками дѣйствительно исчерпывалось все содержаніе діалектическаго міропониманія, то діалектика была бы не болѣе, какъ приложеніемъ ко всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія того естественно-научнаго, эволюціоннаго воззрѣнія, которое, благодаря Ляйбелю, Дарвину, Спенсеру и др., стало общепризнаннымъ; она вся цѣликомъ сводилась бы къ принципу развертыванія, развитія процессовъ природы; въ частности она была бы лишь другимъ выраженіемъ того абсолютнаго детерминизма, который въ видѣ никогда не прерывающейся цѣпи причинъ и слѣдствій господствуетъ надъ всѣми явленіями, устанавливая ихъ закономѣрную послѣдовательность. Чтобы уловить тѣ специфическія черты, которыя налагаютъ на діалектику особую печать, позволяющую ей въ *наше* время фигурировать подъ своимъ собственнымъ, а не эволюціоннымъ флагомъ, нужно обратиться къ тѣмъ штрихамъ, которыми Энгельсъ дополняетъ свою общую, довольно така неопредѣленную характеристику ея.

Прежде всего, что такое собственно діалектика? Съ тѣхъ поръ какъ философія, говоритъ Энгельсъ, въ лицѣ Гегеля упразднила самое себя, растворилась въ положительномъ знаніи, отъ нея остались, въ качествѣ самостоятельной дисциплины, только *ученіе о мышленіи и его законахъ*,—формальная логика и діалектика; послѣдняя, очевидно, изучаетъ законы мышленія. На страницѣ же 133 читаемъ: «діалектика есть не болѣе, какъ *наука* объ общихъ законахъ движенія и развитія природы, человѣческой исторіи и мышленія». Вторая формулировка существенно разнится отъ первой: изъ скромнаго ученія о законахъ мышленія діалектика обратилась въ универсальную науку объ общихъ законахъ движенія. Въ какъ-^н связи стоятъ межъ собой эти двѣ формулировки? Энгельсъ останавливается на этомъ вопросѣ, поэтому наши соображенія на это счетъ могутъ быть только гадательнаго характера. Приравнивая законовъ мысли законамъ природы скрытымъ образомъ таитъ себѣ положеніе, что они другъ другу тождественны; отсюда не леко и до того положенія Гегеля, на которое мы со словъ Энгель указывали раньше, а именно, что *наблюдаемая объективная св:*

вѣрнымъ, а противоположный ему—правильнымъ; но давая объ формулировке діалектики и считая ихъ равноцѣнными, онъ тѣмъ самымъ принимаетъ и тѣ слѣдствія, которыя изъ такого взгляда на тождество объективнаго міра съ субъективными построениями логически вытекають. Положимъ, что имъ найденъ какой либо законъ мышленія; но такъ какъ діалектика ищетъ законовъ, общихъ мышленію, природѣ и человѣческой исторіи, онъ будетъ искать внѣшняго выраженія своему закону и въ послѣднихъ двухъ, чтобы показать примѣнимость его къ нимъ также,—и въ виду этой цѣли факты будутъ излагаться не въ ихъ дѣйствительной связи, а будутъ конструироваться сообразно найденному закону.

Итакъ, прямая задача діалектики искать законовъ движенія и развитія. Общая діалектическая формула, данная Гераклитомъ: «все течетъ, все есть и не есть»—закономъ считаться не можетъ, такъ какъ не выражаетъ *взаимоотношенія* явленій; она только констатируетъ фактъ громадной важности. А межъ тѣмъ въ этихъ именно законахъ и кроются тѣ характерныя черты, которыя отличаютъ діалектику съ одной стороны отъ метафизики, съ другой—отъ современнаго эволюціоннаго міровоззрѣнія. Рассмотримъ же эти «законы». Замѣтимъ тутъ же, во избѣжаніе недоразумѣній, что тотъ законъ, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, Энгельсъ закономъ не называетъ, а не даетъ ему никакого названія; мы же называемъ его такъ, какъ въ виду того, что другого термина не находимъ, такъ и въ виду той роли, которую онъ въ діалектикѣ играетъ. Указывая на разницу между метафизикомъ и діалектикомъ, Энгельсъ говоритъ (стр. 6 и 7):... «для перваго вещь или существуетъ или не существуетъ; она не можетъ одновременно *и быть и не быть* себѣ равной. Положительное и отрицательное другъ друга абсолютно исключаютъ... Въ повседневной жизни мы можемъ опредѣленно сказать, существуетъ ли животное или нѣтъ; но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это вопросъ иногда крайне запутанный... Также невозможно (для діалектика) установить точно моментъ смерти, такъ какъ физиологія показываетъ, что смерть есть очень медленный процессъ. Равнымъ образомъ, каждое органическое существо (съ діалектической точки зрѣнія) во всякій моментъ и остается и не остается тѣмъ же; въ каждое мгновеніе оно перерабатываетъ доставленныя извнѣ вещества и выдѣляетъ другія, умирають однѣ клѣтки, создаются новыя... Точно также мы видимъ, что полюсы положительный и отрицательный—столь же *нераздѣльны* другъ отъ друга, сколько и противоположны между собой, что они другъ друга проникають».. Эта цитата, хотя съ недостаточной еще рѣзкостью, раскрываетъ намъ отчасти черты, отличающія діалектику отъ другихъ пріемовъ изслѣдованія и мышленія. Болѣе опредѣленно говорить Энгельсъ въ главѣ «Діалектика. Коли-

чество и качество» по слѣдующему поводу. Дюрингъ указываетъ, что логика Гегеля нарушаетъ важнѣйшее и основное условіе всякаго бытія, заключающееся въ *исключеніи противорѣчія*. Последнее у Гегеля является не субъективнымъ представленіемъ нашего мышленія, а реальной, объективной силой, дѣйствительно существующей въ вещахъ и явленіяхъ; для Гегеля поэтому, чѣмъ больше противорѣчія заключаетъ какое либо положеніе, тѣмъ оно истиннѣе, или другими словами, чѣмъ абсурднѣе оно, тѣмъ вѣроятнѣе. Энгельсъ замѣчаетъ на это, что такое приравненіе противорѣчія абсурду вполне правильно съ точки зрѣнія «здраваго разсудка», для котораго прямая не можетъ быть кривой, и кривая не можетъ быть прямой, и прибавляетъ дальше: «поскольку мы (подобно метафизикамъ) рассматриваемъ вещи, какъ пребывающія въ безжизненномъ покоѣ, каждую въ отдѣльности... мы не находимъ въ нихъ противорѣчій... если мы и встрѣчаемся съ противорѣчающими другъ другу качествами, то они распределены на *различныхъ* вещахъ и, слѣдов., не содержатъ въ себѣ никакого противорѣчія... Совсѣмъ иное имѣетъ мѣсто, когда мы рассматриваемъ тѣ же вещи въ ихъ движеніи, измѣненіи, жизненномъ процессѣ; тамъ мы сейчасъ натываемся на противорѣчія. *Самое движеніе есть противорѣчіе*; простое механическое перемѣщеніе можетъ совершаться лишь благодаря тому, что тѣло въ одинъ и тотъ же моментъ (времени) и находится на своемъ мѣстѣ, и не находится на немъ. *Безпрерывная постановка и одновременное разрѣшеніе этого противорѣчія и есть движеніе*, и это противорѣчіе, прибавляетъ Энгельсъ, не принадлежитъ области *der Fieberphantasie*, а объективно существуетъ въ вещахъ и явленіяхъ. (стр. 110).

Вотъ слѣдов. одинъ признакъ діалектическаго метода, отличающій его отъ естественно-научнаго, эволюціоннаго метода; послѣдній видитъ во всей природѣ только процессъ, послѣдовательное развертываніе, развитіе одной формы энергіи или матеріи изъ другой. Онъ не укладываетъ этого процесса ни въ какія рамки *субъективныхъ* противорѣчій, твердо памятуя, что и самый терминъ «противорѣчіе» и связанное съ нимъ пониманіе явленій составляетъ наследіе той самой метафизики, которую діалектика только что торжественно похоронила подъ сводами современнаго естественно-научнаго знанія. Діалектическій же методъ весь проникнутъ «духомъ противорѣчія»; для діалектика положительный и отрицательный полюсы не только другъ другу противоположны (что знали и метафизики), но нераздѣльны и проникаютъ одинъ другой; для него организмъ и живетъ, и не живетъ, точка и движется, и не движется; діалектикъ мыслить противорѣчіями, его философія изъ нихъ сѣтана, и отсутствіе «противорѣчиваго» элемента въ мышленіи есть не достоинство, а недостатокъ. Нераздѣльны такіа противоположныя категоріи, какъ добро и зло, тепло и холодъ, свѣтъ и тьма, добродѣтель и порокъ, ничтога и роскошь... Последнія, напр., т. е. не

ства (такъ, мы видѣли выше, разсуждала метафизика), нѣтъ—на взглядъ діалектика они другъ друга проникають, существуютъ одновременно въ одномъ и томъ же предметѣ, т. е., переводя всю эту діалектическую рѣчь на обыкновенную разговорную, получимъ приблизительно слѣдующее положеніе: нищета утопаетъ въ роскоши и избыткѣ, а роскошь боязливо ютится въ темныхъ подвалахъ и сырыхъ чердакахъ...

Здѣсь хотати будетъ отмѣтить, что Энгельсъ не всегда удерживается на высотахъ своей олимпійской «противорѣчивой» діалектики и часто спускается на твердь земную, чтобы разсуждать съ точки зрѣнія того «здраваго смысла», для котораго прямая не можетъ быть кривой и наоборотъ, такъ какъ онъ, т. е. здравый смыслъ, въ этомъ усматриваетъ противорѣчіе, а послѣднее для него равно заблужденію. Указывая на ту громадную заслугу, которую оказала Гегелевская система, Энгельсъ говоритъ: «эта система, какъ таковая, была колоссальнымъ недоноскомъ (Fehlgeburt), но послѣднимъ въ своемъ родѣ. Она страдала именно однимъ *неизлечимымъ внутреннимъ противорѣчіемъ*: съ одной стороны основнымъ положеніемъ своимъ она считала воззрѣніе, по которому человѣческая исторія есть процессъ развитія, а этотъ процессъ по самой природѣ своей не можетъ считаться законченнымъ, въ интеллектуальномъ смыслѣ, открытіемъ такъ называемой абсолютной истины; а съ другой стороны она претендовала быть сущностью этой именно абсолютной истины. Все обнимающая, разъ навсегда законченная система познанія природы и исторіи *стоитъ въ противорѣчій* съ основными законами діалектическаго мышленія; это, между прочимъ, никоимъ образомъ не исключаетъ возможности дѣлать гигантскіе шаги въ познаніи вѣшной природы отъ поколѣнія къ поколѣнію» (стр. 9). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Энгельсъ считаетъ систему Гегеля недоноскомъ именно потому, что она страдала неизлечимымъ внутреннимъ противорѣчіемъ, что она, слѣдов., была, если не ослѣпъ, то отчасти заблужденіемъ. Но съ какой точки зрѣнія? Съ какой угодно, только не діалектической, такъ какъ послѣдняя въ атмосферѣ противорѣчій чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ; для нея всякій процессъ, безразлично—происходитъ ли онъ въ нашихъ головахъ или въ окружающей насъ природѣ, проявляется неизбѣжно въ формѣ противорѣчій. Здѣсь не Гегель, а Энгельсъ совершаетъ діалектическое грѣхопаденіе, потому что онъ внутреннее, т. е. проникающее систему, противорѣчіе, составляющее гордость и славу системы, называетъ *неизлечимымъ* страданіемъ.

Свое положеніе о реальности противорѣчій Энгельсъ не обосновываетъ теоретически, а только подтверждаетъ примѣрами изъ различныхъ отраслей человѣческаго знанія. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе рельефные. Первое противорѣчіе, бросающееся

въ глаза, представляет намъ элементарное перемѣщеніе точки въ пространствѣ. «Это перемѣщеніе, говоритъ Энгельсъ, возможно только потому, что точка въ одинъ и тотъ же моментъ и находится и не находится въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Безпрерывная постановка и одновременное разрѣшеніе этого противорѣчія и есть движеніе». Итакъ, *движеніе* есть равнодѣйствующая двухъ одновременно сосуществующихъ въ точкѣ противорѣчивыхъ состоянія: покоя и... движенія. Воспользуемся этимъ частнымъ примѣромъ, чтобы выяснитъ себѣ общую мысль Энгельса. Спрашивается, что же мы въ итогѣ наблюдаемъ въ окружающемъ насъ мірѣ явленій; два противорѣчивыхъ состоянія или какое либо *третье* состояніе, разрѣшающее первыя два? Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, можно думать, что реальной объективностью обладаетъ только третье состояніе; въ такомъ случаѣ первыя два являюся только логическими, абстрактными категоріями, «результатомъ нашихъ умственныхъ построений», высшую *обязательность* которыхъ еще пришлось бы доказать, а не только голословно утверждать. Если же реальны «противорѣчія», то никакого примиренія между ними мы не видимъ, разъ разрѣшающее противорѣчія состояніе тождественно по содержанію съ однимъ изъ двухъ данныхъ состояній, какъ въ нашемъ примѣрѣ. Да наконецъ, что мѣшаетъ этимъ противорѣчіямъ мирно существовать рядомъ? Зачѣмъ непременно искать ихъ разрѣшенія? Вѣдь *необходимость* такового во всѣхъ случаяхъ не можетъ быть допущена a priori,—и въ такомъ случаѣ метафизики быть можетъ были совершенно правы, объявляя свои противорѣчія непримиримыми, такъ какъ они не видѣли ихъ реального разрѣшенія.

Но съ другой стороны мы знаемъ, что самое представленіе о «покоѣ» свойственно лишь метафизикѣ; мы знаемъ также, что «движеніе есть форма существованія матеріи, нигдѣ и никогда не можетъ быть матеріи безъ движенія» (стр. 45). Для диалектика, слѣдов., точка ни одного момента, какъ бы малъ онъ ни былъ, *не остается на томъ же мѣстѣ*; во всякій безконечно малый промежутокъ времени она проходитъ соотвѣтствующій ему безконечно малый промежутокъ пространства и если мы позволяемъ себѣ въ механикѣ говорить о покоѣ, то только потому, что для анализа движенія или въ виду практическихъ надобностей мы должны мысленно остановить его и разбить на отдѣльные моменты. Но если мы предположили, что тѣло хотя одно мгновеніе остается на своемъ мѣстѣ, наша задача была бы неразрѣшима. Энгельсъ, чтобы не впасть въ такое «противорѣчивое» положеніе, механически пристегиваетъ къ первому метафизическому моменту *покоя* другой, ему противоположный моментъ *движенія* и говоритъ, что они другъ друга проникаютъ, одинъ отъ другого нераздѣльны и считаетъ, такимъ образомъ, задачу рѣшенной. Но гдѣ же здѣсь «объективно существующее въ вещахъ и явленіяхъ противорѣчье», разъ первое положеніе о покоѣ есть метафизическая Fieberphantasie,—и только второе положеніе ес-

представленіе о движеніи, какъ о непрерывномъ процесѣ, тому невѣрному представленію о немъ, какое мы имѣли, когда разсматривали вещи неподвижными и безжизненными; противорѣчить старому воззрѣнію на міръ новое, пришедшее ему на смѣну и опирающееся на многовѣковую умственную работу. Сказать же: точка и движется и не движется въ одно и то же время, значитъ вводить такое пониманіе, которое еще больше затемняетъ и безъ того запутанный вопросъ о движеніи.

Другой примѣръ противорѣчія представляютъ жизненныя явленія. «Въ чемъ заключаются они? Въ томъ, что бѣлковыя тѣла воспринимаютъ изъ окружающей среды необходимыя для себя вещества, ассимилируютъ ихъ, въ то время какъ другія части ихъ тѣла разлагаются и выдѣляются. И неорганическія вещества измѣняются, но они тогда перестаютъ быть, чѣмъ они были; для бѣлковыхъ же веществъ это измѣненіе есть *основное условіе* ихъ существованія. Лишь только прекращается этотъ непрерывный обмѣнъ составныхъ частей, бѣлковое вещество перестаетъ быть самимъ собой, т. е. оно умираетъ. Слѣдовательно жизнь его заключается въ томъ, что оно въ каждое мгновеніе остается тѣмъ же и становится другимъ, ибо въ это мгновеніе умираютъ однѣ клѣтки и создаются другія; и это не вслѣдствіе какого либо *внѣшняго* процесса, какъ напримѣръ, въ тѣлахъ неорганическихъ... а въ силу процесса, *прирожденнаго* и *присущаго* бѣлковому тѣлу, безъ котораго его существованіе невысказано» (стр. 69). Поэтому, заключаетъ Энгельсъ въ другомъ мѣстѣ, «жизнь есть объективно существующее въ вещахъ и явленіяхъ противорѣчіе, которое непрерывно возникаетъ и разрѣшается; и лишь только противорѣчіе прекращается, прекращается и жизнь, наступаетъ смерть». Отметимъ прежде всего маленькое «противорѣчіе» во взглядахъ самого Энгельса, — конечно, противорѣчіе съ точки зрѣнія «здраваго смысла», а не діалектики, такъ какъ послѣдняя, мы видѣли, движется только въ категоріяхъ противорѣчія; ей быть можетъ и позволительно на 111 стр. утверждать противоположное тому, что было сказано на стр. 7. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. 7 читаемъ:... «невозможно установить точно моментъ смерти, такъ какъ физиологія показываетъ, что смерть есть очень медленный процессъ», на стр. 69 и 111 читаемъ: «лишь только прекращается обмѣнъ питанія и выдѣленія... лишь только прекращается противорѣчіе, наступаетъ смерть». Моментъ смерти, слѣдов., устанавливается довольно точно. Откуда такое разнорѣчіе въ мысляхъ? Дѣло въ томъ, что когда Энгельсъ разсуждалъ съ точки зрѣнія чисто научной, эволюціонной, то говорилъ, что организмъ живетъ и *умираетъ* одновременно; тогда и сама жизнь не была противорѣчіемъ (чему? смерти?), а *непрерывнымъ* процессомъ обновленія тканей, поглощенія и выдѣленія различныхъ веществъ. Но лишь только Энгельсъ оставляетъ почву естественно научную, чтобы

обмѣнять ее на диалектическую, «духъ противорѣчія» тутъ какъ тутъ: жизнь представляется сочетаніемъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу моментовъ, а такъ какъ противорѣчія, не смотря на всю ихъ объективную реальность, всетаки повидимому ужиться долго рядомъ не могутъ, то на сцену и является спасительная смерть, которая слѣдуетъ за прекращеніемъ противорѣчія, т. е. разрѣшаетъ его. Но можемъ ли мы, *не шряя словами*, сказать, что какое либо живое существо въ каждое мгновеніе и остается самимъ собой, и становится другимъ? Живое существо, взятое въ его реальной обстановкѣ, подобно всей природѣ, ни одинъ моментъ не остается тѣмъ же, а постоянно становится инымъ; этотъ непрерывный процессъ мы только мысленно разбиваемъ на отдѣльные статическіе моменты, впродолженіи которыхъ тѣло, по нашему *допущенію*, остается тѣмъ же. Для метафизики, которая не рассматривала тѣла сквозь микроскопическія стекла, увеличивающія въ тысячу и болѣе разъ, которая не видѣла, слѣдов., ни движенія протоплазмы въ тончайшемъ разрѣзѣ листа, ни образованія новыхъ кѣловокъ и исчезновенія старыхъ, для нея дѣйствительно организмъ оставался равенъ себѣ до тѣхъ поръ, пока не получалъ какого либо характернаго бросающагося въ глаза измѣненія. Современное естествознаніе, вооруженное микроскопомъ и скальпелемъ, показало ошибочность такого воззрѣнія на организмъ; и если мы говоримъ, что «живое существо одновременно и остается самимъ собой и становится другимъ», то мы механически соединяемъ метафизическое пониманіе явленія съ пониманіемъ эволюціоннымъ,—и, конечно, находимъ между ними противорѣчье, но такого же характера, какъ и противорѣчье движенія. И здѣсь мы имѣемъ не объективно существующее въ вещахъ противорѣчье, а комбинацію двухъ воззрѣній на предметъ, изъ которыхъ одно признано совершенно ошибочнымъ.

Противорѣчьями кишитъ въ особенности математика, даже низшая. Напр., противорѣчье, по мнѣнію Энгельса, то, что корень изъ величины A есть его степень, а между тѣмъ $A^{1/2} = \sqrt{A}$. «Противорѣчье и то, что отрицательная величина можетъ быть квадратомъ чего-либо, противорѣчье потому, что всякая отрицательная величина, умноженная на самое себя, даетъ положительный квадратъ. Корень квадратный изъ минусъ единицы есть такимъ образомъ не просто противорѣчье, а абсурдное противорѣчье, дѣйствительная бессмыслица. И тѣмъ не менѣе $\sqrt{-1}$ необходимый результатъ многихъ математическихъ операций» (стр. 112). Разсмотримъ повѣчмательнѣе послѣдній примѣръ. Элементарная алгебра имѣетъ съ начала дѣло съ двоякаго рода величинами: положительными и отрицательными, тѣ и другія *дѣйствительныя*; изслѣдуя различныя свойства ихъ, она находитъ, что всякая алгебраическая величина, какой бы знакъ она ни имѣла, возвышенная въ квадратъ, даетъ результатъ всегда положительный. Но затѣмъ она наталкивается на новый рядъ величинъ, которые должны занять у нея мѣсто а

ству квадратовъ; это величины мнимыя вида $A\sqrt{-1}$, мнимыя потому, что извлечь корень квадратный изъ -1 , основываясь на свойствахъ величинъ положительныхъ и отрицательныхъ, не представляется возможнымъ. Какое же отсюда заключеніе? Можемъ-ли мы признать $\sqrt{-1}$ противорѣчіемъ объективно существующимъ въ вещахъ только потому, что оно не укладывается въ тѣ узкія *опредѣленія*, которыя мы создали, когда о мнимыхъ величинахъ и представленія не имѣли? Не правильнѣе-ли будетъ сказать, что свѣдѣнія наши о величинахъ до сихъ поръ были односторонни и неполны, что не *всегда* квадратъ произвольной величины даетъ положительный результатъ? Если какое либо опредѣленіе, правило, законъ перестаютъ удовлетворять извѣстной группѣ фактовъ, то мы не ограничиваемся ссылкой на «противорѣчіе», а говоримъ, что нашъ законъ (или правило) былъ неполонъ, что его нужно расширить или совсѣмъ замѣнить новымъ. То же самое и въ приведенномъ примѣрѣ; теперь математикъ не вправѣ сказать, что изъ *всякой* величины можно извлечь корень четной степени, такъ какъ это правило не примѣнимо къ величинамъ, въ которыя множителемъ входитъ -1 . Математика, стремящаяся къ обобщенію своихъ положеній, не усматриваетъ въ мнимыхъ величинахъ никакого противорѣчія, и если прежде общій видъ всякаго количества былъ $+A$ или $-A$, то теперь тотъ же общій видъ дается формулой $A+B\sqrt{-1}$; такъ что положительныя и отрицательныя величины становятся только *частными* случаями такого общаго выраженія. $\sqrt{-1}$ или, что то же самое, $(-1)^{1/2}$ есть не большее противорѣчіе, чѣмъ «млекопитающія, которыя кладутъ яйца, или птицы, которыя ползаютъ на четверенькахъ», а вѣдь это только метафизика, по словамъ Энгельса, относила факты, вродѣ вышеприведенныхъ, разъ только они были не согласны съ ея опредѣленіями, въ разрядъ «противорѣчій», правда, непримиримыхъ, но и Энгельсъ примиряетъ ихъ только на словахъ...

Разсмотримъ послѣдніе примѣры, приводимыя Энгельсомъ для подкрѣпленія своего положенія о «противорѣчіяхъ». Эти примѣры даются намъ тѣми явленіями, которыя оправдываютъ открытый Гегелемъ законъ, что «простое (bloße) количественное измѣненіе на *опредѣленномъ пунктѣ* обращается въ качественныя различія», т. е. въ свою противоположность. Замѣтимъ прежде всего, что самое противоположеніе качества количеству и понятія, связанныя съ этими двумя терминами, относятся къ области чистой метафизики, которая рассматриваетъ вещи въ ихъ *конечныхъ* результатахъ, а не въ ихъ процессѣ развитія, и обратимся къ самымъ примѣрамъ. Первый—это превращеніе воды въ ледъ и въ паръ. На стр. XIV предисловія читаемъ по этому поводу: метафизика считала извѣстными намъ твердое, жидкое и газообразное состоянія матерія другъ другу

было показано, что тѣло можетъ быть приведено въ такое состояніе, при которомъ капельножидкая и газообразная формы болѣе не различимы, съ тѣхъ поръ состоянія агрегатовъ потеряли свой абсолютный характеръ. Ясно, слѣдовательно, что уловить моментъ перехода матеріи изъ одной формы ея въ другую, строго говоря, невозможно, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *процессомъ непрерывнаго* измѣненія; если мы принуждены, въ силу практическихъ соображеній, устанавливать такой моментъ, то съ точки зрѣнія чисто эмпирической или «метафизической» (у Энгельса часто метафизика=эмпириѣ). На стр. 117 читаемъ: «при нормальномъ давленіи и температурѣ въ 0° вода изъ жидкаго состоянія переходитъ въ твердое, а при 100° изъ жидкаго въ парообразное; на этихъ двухъ *поворотныхъ пунктахъ* простое (bloße) количественное измѣненіе температуры вызываетъ качественное измѣненіе въ состояніи воды». Не говоря уже о томъ, что примѣръ выбранъ крайне грубый, мы опять видимъ разнорѣчіе въ мысляхъ Энгельса, подобное указанному выше, и объясняется оно здѣсь также, какъ и тамъ. На стр. XIV Энгельсъ стоитъ на почвѣ современнаго физико-механическаго знанія и никакихъ метафизическихъ поворотныхъ пунктовъ въ состояніи матеріи не находитъ. На стр. же 117 онъ разсуждаетъ диалектически, ему необходимы, слѣдовательно, противорѣчія, объективно существующія въ вещахъ и явленіяхъ, и вотъ на сцену являютъ поворотные пункты, опредѣленные моменты, когда вода изъ одного состоянія переходитъ въ другое, качественно отличное отъ перваго, благодаря чисто количественному измѣненію температуры. Но на самомъ дѣлѣ Энгельсъ измѣняетъ здѣсь своему диалектическому знамени, забываетъ гераклитовское *παντα ρεει*, такъ какъ совершенно оставляетъ безъ вниманія весь тотъ процессъ *безпрерывнаго* измѣненія агрегатнаго состоянія, который совершается при нагрѣваніи воды отъ 0° до 100°, забываетъ о томъ, что безконечно-малому измѣненію температуры соответствуетъ и безконечно малое измѣненіе агрегатнаго состоянія и даже говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что качественныя различія наступаютъ «вдругъ».

Другой примѣръ, болѣе удачный на первый взглядъ, «обращенія количества въ качество», представляютъ гомологичные ряды углеродистыхъ соединеній; общая *амбраическая* формула нѣкоторыхъ изъ нихъ есть: $C_n H^{2n} + 2$ —для нормальныхъ парафиновъ, $C_n H^{2n} + 2O$ —для нормальныхъ алкоголей, $C_n H^{2n} O^2$ —для основныхъ жирныхъ кислотъ. Предполагая, напр., въ послѣдней формулѣ n равнымъ 1, 2, 3 и т. д., получаемъ, *не считая изомеровъ*, рядъ кислотъ: муравьиная, уксусная, пропионовая, масляная и т. д. Молекулярный составъ ихъ постепенно растетъ и, сообразно съ этимъ, растетъ и плотность, точки плавленія и кипѣнія и др. качества. «Мы видимъ, говоритъ Энгельсъ, цѣлый рядъ качественно раз-

отношеніи... каждый новый членъ получается изъ предыдущаго прибавкой одного атома углерода и двухъ атомовъ водорода— CH_2 ,— и это количественное измѣненіе молекулярной формулы всегда производитъ качественно отличное тѣло». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ приведенныхъ случаяхъ Энгельсъ скрытой причиной качественныхъ измѣненій считаетъ количественное приращеніе элементовъ. Правильно-ли это заключеніе? Прежде всего, члены гомологичнаго ряда въ своихъ химическихъ свойствахъ между собой одинаковы, слѣдовательно принципіи «обращенія количества въ качество» терпятъ съ этой стороны значительное ограниченіе; что же касается физическихъ измѣненій (удѣльный вѣсъ и объемъ, различные коэффициенты и проч.), то они дѣйствительно происходятъ, но, анализируя ближе ихъ характеръ, приходимъ къ заключенію, что они обуславливаются не просто количественнымъ приращеніемъ элементовъ. Почему Энгельсъ исключилъ изъ разсмотрѣнія изомеры? Потому, что они подъ открытій Гегелемъ законъ никакъ не подходятъ; а между тѣмъ, только они, представляя явленіе, такъ сказать, въ чистомъ его видѣ, могли бы служить для провѣрки положенія объ обращеніи количества въ свою противоположность. Въ самомъ дѣлѣ, изомеры суть тѣла, имѣющія одинъ и тотъ же молекулярный составъ, слѣдовательно, количественно тождественны между собой, а по своимъ свойствамъ физическимъ и химическимъ, т. е. качественно, различны. Очевидно, что если бы физикъ пожелалъ научно опредѣлить, чѣмъ обуславливаются качественныя измѣненія тѣлъ, то для отвѣта на этотъ вопросъ онъ долженъ былъ бы обратиться къ тѣмъ именно случаямъ, въ которыхъ эти качественныя перемѣны не сопровождаются измѣненіемъ въ количествѣ элементовъ, вступившихъ въ соединеніе (послѣднее только усложнило бы вопросъ введеніемъ посторонняго элемента); такіе случаи и даются изомерами, ихъ то Энгельсъ и оставляетъ безъ вниманія. Они же показываютъ намъ, что не количественное приращеніе элементовъ, а различная группировка ихъ въ пространствѣ вызываетъ качественное различіе, подобно тому, какъ не количественный ростъ груды камней вызоветъ качественно отличное отъ этой груды тѣло—напр. домъ, а только та или иная комбинація камней, группировка ихъ.

Разобранные нами примѣры приводятся Энгельсомъ въ пользу того положенія, что «лишь только мы разсматриваемъ вещи въ ихъ движеніи, процессѣ развитія, въ ихъ взаимной связи (т. е. разсматриваемъ ихъ діалектически), мы сейчасъ же натываемся на противорѣчія». И эти противорѣчія не суть наши субъективныя представленія, они не внесены въ природу нашимъ мышленіемъ, какъ это думаетъ метафизикъ Дюрингъ, а «представляютъ объективно существующую въ вещахъ и явленіяхъ силу», эти противорѣчія

реальны. Движеніе, жизнь сводится къ ихъ разрѣшенію. Борьба за существованіе въ организованномъ мірѣ—это не болѣе, какъ разрѣшеніе противорѣчія между безчисленными зародышами, которые природа расточаетъ вокругъ себя и тѣми немногими изъ нихъ, которые *вообще* могутъ созрѣть. «Естественный подборъ, какъ его понимаетъ Геккель, есть результатъ взаимодействія приспособленія и наслѣдственности, причѣмъ приспособленіе является измѣняющей стороной процесса, а наслѣдственность—консервативной стороной его», т. е. и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя полярными противоположностями, въ которыхъ движется процессъ.

Но мы видѣли выше, насколько эти противорѣчія дѣйствительно объективны; мы видѣли, что въ примѣрахъ своихъ Энгельсъ разсматриваетъ вещи съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія «здраваго смысла», который созерцаетъ вещи такъ, какъ онѣ ему представляются, одну послѣ или возлѣ другой, внѣ ихъ взаимной связи, и съ точки зрѣнія діалектической или эволюціонной, для которой все течетъ, все измѣняется. Эти точки зрѣнія противоположны и другъ другу противорѣчатъ, но Энгельсъ переноситъ противорѣчіе въ воззрѣніяхъ на явленія природы, на самую природу, совершенно упуская изъ виду что именно этимъ и грѣшила метафизика.

III.

Діалектическій процессъ проходитъ три стадіи: положенія, его отрицанія и отрицанія отрицанія; онъ имѣетъ мѣсто *повсюду и всегда*, какъ во внѣшней природѣ, такъ и въ нашемъ мышленіи. «Люди мыслили діалектически задолго до того, какъ узнали, что такое діалектика, подобно тому, какъ они говорили прозой, задолго до того, какъ существовало самое выраженіе проза. Гегель впервые только рѣзко сформулировалъ законъ отрицанія отрицанія, который совершается въ природѣ, исторіи и бессознательно, пока мы не узнаемъ его, въ нашихъ головахъ». Что люди разсуждали діалектически чуть ли не споконъ вѣку, подлежитъ сомнѣнію. Энгельсъ самъ вселилъ намъ это сомнѣніе; онъ говорилъ раньше (стр. XVI предисловія), что естествознаніе сравнительно недавно, и то не вполне еще, сбросило съ себя оковы метафизическаго, поддерживаемаго «здравымъ смысломъ» метода мышленія, что «искусство оперировать надъ понятіемъ далеко не сродни обычному повседневному сознанію, а требуетъ *дѣятельнаго* мышленія; послѣднее же можетъ быть только результатомъ того длиннаго періода развитія, который продѣлала философія и опытное естествознаніе за 2000 лѣтъ». Да иначе и бы не могло; вѣдь въ противномъ случаѣ появленіе метафизика на свѣ божій было бы чудомъ; а межъ тѣмъ мы знаемъ, что «пока и разсматривали вещи и ихъ умственные отраженія, т. е. поняты разъ навсегда данными, неизмѣнными предметами изслѣдованія его существованіе было вполне законно и даже необходимо. Э

всегда, но зато может понять и великий человек, стоит только снять накинутый на него идеалистической философией таинственный покровъ», а разъ процессъ понятенъ и ребенку, слѣдовательно онъ соотвѣтствуетъ самой природѣ мышленія, слѣдовательно мы всегда мыслили и мыслимъ діалектически, хотя бы и безсознательно. Но какъ же быть съ покоемъ и движеніемъ, жизнью и смертью, Положительнымъ и отрицательнымъ полюсомъ, $\sqrt{-1}$ и прочими діалектическими противорѣчіями, которыя и ребенокъ—этотъ чуть ли не прирожденный діалектикъ—понимаетъ, какъ мы видѣли, только метафизически? Энгельсъ не отвѣчаетъ на это.

Чтобы представить себѣ возможно конкретнѣе діалектической процессъ развитія съ его тремя стадіями, возьмемъ у Энгельса извѣстный примѣръ съ хлѣбнымъ зерномъ. «Билліоны подобныхъ зеренъ размалываются, пекутся и затѣмъ поѣдаются. Но если зерно попадаетъ въ *нормальныя* условія, встрѣчаетъ *благопріятную* почву, то подѣ влияніемъ теплоты и влаги оно претерпѣваетъ измѣненія; оно прорастаетъ; зерно, какъ таковое, исчезаетъ, отрицается, его мѣсто заступаетъ выросшее изъ него растеніе, отрицаніе зерна... Это растеніе расцвѣтаетъ, оплодотворяется и производитъ опять хлѣбныя зерна, и лишь только они созрѣваютъ, стебель умираетъ, въ свою очередь отрицается. Какъ результатъ отрицанія отрицанія мы имѣемъ первоначальное зерно, *но не простое, а умноженное* въ десять, двадцать, тридцать разъ... Подобный же процессъ совершается, напр., и у насекомыхъ. Они происходятъ изъ яйца черезъ отрицаніе его, совершаютъ свои превращенія до половой зрѣлости, оплодотворяются и опять отрицаются, такъ какъ умираютъ, лишь только самка снесла *много* яицъ».

Законъ отрицанія отрицанія обнаруживаетъ свое *реальное* существованіе не только въ мірѣ организованномъ, но и въ геологіи, математикѣ, философій и т. д., словомъ, во всей природѣ, исторіи и мышленіи. Особенно характерна въ законѣ третья стадія процесса, которую *нeminуемо* пробѣгаетъ *всякое* явленіе въ своемъ развитіи; эта стадія заключается въ восстановленіи первоначальной формы, съ тѣмъ, однако, увеличеннымъ и расширеннымъ содержаніемъ, которое выработалось въ теченіи процесса отъ тезиса до синтезиса. Всеобщность или всепримѣнимость триады Энгельсъ доказываетъ примѣрами изъ естествознанія, математики и пр. Къ нимъ мы и обратимся. Возьмемъ для начала наиболѣе рельефный примѣръ съ хлѣбнымъ зерномъ и посмотримъ, всякое ли зерно, какъ того требуетъ всеобщность закона, пробѣгаетъ указанные три стадіи развитія. *Билліоны* зеренъ размалываются, пекутся и затѣмъ поѣдаются; но если какое либо зерно встрѣчаетъ *нормальныя* условія, падаетъ на благопріятную почву, то оно подѣ влияніемъ теплоты и влаги измѣняется, прорастаетъ и проч. т. е., сначала отрицается, а потомъ восстанавливается, умноженное въ много разъ. Не всѣ зерна, слѣдо-

вательно, подчинены диалектическому закону развития; подавляющее большинство ихъ (билліоны) ускользаютъ, повидимому, отъ его дѣйствія, ограничиваютъ так. обр. его всеобщность. Но, могутъ сказать, искусственное вмѣшательство наше въ жизнь растенія нарушаетъ правильность процесса, и хотя мы, какъ замѣчаетъ Энгельсъ, совершаемъ первый актъ процесса (отрицаніе), когда мелемъ зерно или раздавливаемъ насѣваемое, но тѣмъ самымъ дѣлаемъ невозможнымъ выполненіе второго акта. Читатель согласится, что ссылка на наше вмѣшательство не выводитъ насъ еще изъ затрудненія, хотя бы по одному тому, что вмѣшательство, напр., садовника въ ростъ оранжерейнаго растенія, которое влечетъ за собой рѣзче выраженный процессъ отрицанія (мы получаемъ вслѣдствіе ухода за растеніемъ не только больше сѣмянъ, но и лучшія сѣмена, красивые цвѣты и т. д.), въ глазахъ Энгельса процесса нисколько не нарушаетъ. Но допустимъ на минуту, что размолоть зерно или раздавить насѣваемое поступокъ дѣйствительно не диалектической и потому разсмотрѣнію не подлежащій. Обратимся къ другимъ зернамъ, которыя въ своемъ ростѣ предоставлены самимъ себѣ. «Борьба за существованіе есть разрѣшеніе противорѣчія между тѣми безчисленными зародышами (или въ данномъ случаѣ зернами), которые природа расточаетъ вокругъ, и тѣми немногими изъ нихъ, которые вообще могутъ созрѣть». Только эти немногіе, слѣдов., и продѣлываютъ тройственный циклъ развитія, только на нихъ и оправдывается диалектической законъ отрицаній; остальные необходимо погибаютъ въ безжалостной борьбѣ за существованіе; гибелью этихъ многихъ званыхъ только и обуславливается расцвѣтъ немногихъ избранныхъ, они погибаютъ задолго до того, какъ успѣли расцвѣсть, они, слѣдов. если сначала и отрицаются, то совсѣмъ не для того, чтобы потомъ появиться въ первоначальной формѣ съ расширеннымъ содержаніемъ; вся обидная горечь ихъ существованія въ томъ и заключается, что они *были* и больше ихъ *не будетъ*, — таковъ неумолимый законъ природы. Въ жизненный процессъ этихъ зеренъ никакая посторонняя сила не вмѣшивается, и тѣмъ не менѣе они, съ диалектической точки зрѣнія, развиваются уродливо, неправильно, т. е. прямо сказать, развиваются вопреки всеобщему закону развитія; выводъ отсюда очевидный — этотъ законъ не долженъ считаться всеобщимъ. Можно возразить вмѣстѣ съ Энгельсомъ, что такія зерна не встрѣчаютъ нормальныхъ условій (теплоты, влаги) и благоприятной почвы для роста и потому погибаютъ. Прежде всего, каковы бы ни были условія, въ которыя поставлено зерно, оно, какъ гласитъ диалектической же принципъ постоянной измѣнчивости, неизбѣжно претерпѣваетъ извѣстный рядъ измѣненій, совершаетъ тотъ или иной жизненный процессъ, и если онъ совершается въ сторону, Энгельсу не желательную, то въ этомъ менѣе всего можно винить самый процессъ; всѣ процессы природы слѣдств. и обладаютъ угодной намъ *практической целесообразностью* только тѣмъ, что

той степени, въ какой мы имъ ее приписываемъ. Затѣмъ, почему считать безплодіе почвы или недостатокъ влаги ненормальными условіями? Въ какомъ смыслѣ понимать здѣсь самый терминъ «нормальный»? Часто подъ этимъ словомъ понимаютъ то, что чаще и легче всего происходитъ; въ такомъ случаѣ условія, въ которыхъ растеніе чаще всего поставлено, будутъ нормальными; къ нимъ, слѣдов. будутъ относиться скудная почва, влага и теплота; тогда нормальныя условія Энгельса обращаются въ ненормальныя и наоборотъ. Это съ общей, такъ сказать, апіорной точки зрѣнія того, что называть нормальными условіями. Но тутъ еще возможна и точка зрѣнія частная, спеціальная. Билліоны зеренъ, какъ мы видѣли, неизменно должны погибнуть; само собой разумѣется, что погибнуть они могутъ только при наличности условій *благопріятныхъ*, слѣдов., вопрѣвъ нормальныхъ для такого отрицательнаго процесса, и если бы законъ діалектическаго развитія дѣйствительно обладалъ той всеобщностью, на которую онъ претендуетъ, то онъ долженъ былъ бы одинаково примѣняться къ процессамъ обоого рода, изъ которыхъ каждый нормаленъ въ сферѣ своего проявленія.

Другой разительный примѣръ «отрицанія отрицанія», по мнѣнію Энгельса, дается намъ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ. Какъ оно совершается? «Я имѣю въ опредѣленной задачѣ двѣ переменныя величины x и y , изъ которыхъ одна не можетъ измѣниться безъ того, чтобы въ то же время другая не измѣнилась въ опредѣленномъ отношеніи, обусловленномъ самой задачей. Я дифференцирую x и y , т. е. я беру ихъ столь безконечно малыя, что отъ x и y остается только ихъ взаимное отношеніе, безъ всякой, такъ сказать, *матеріальной основы*, количественное отношеніе безъ всякаго количества. $\frac{dx}{dy}$, отношеніе обоихъ дифференціаловъ, равно такимъ образомъ $\frac{0}{0}$, представленное, какъ выраженіе $\frac{x}{y}$... вмѣсто x и y я имѣю, слѣдовательно въ моихъ формулахъ или уравненіяхъ ихъ отрицанія— dx и dy . Затѣмъ, я анализирую свою формулу, оперирую надъ dx и dy , какъ надъ дѣйствительными, хотя и подчиненными *исключительнымъ* (?) законамъ величинами, и на извѣстномъ пунктѣ я *отрицаю отрицаніе*, т. е. я интегрирую дифференціальную формулу и опять получаю дѣйствительныя величины x и y ; хотя теперь я ушелъ *не дальше* того, чѣмъ былъ въ началѣ, но я рѣшилъ задачу, которую элементарныя алгебра и геометрія никакъ не могли бы разрѣшить». Итакъ, вмѣсто двухъ конечныхъ, доступныхъ нашему измѣренію, величинъ x и y я беру при дифференцированіи отношеніе ихъ безконечно малыхъ измѣненій, которое, по Энгельсу, есть не болѣе, какъ замаскированное отношеніе $\frac{0}{0}$, т. е. *отрицаніе* конечныхъ величинъ x и y (послѣднія суть нѣчто, а $\frac{0}{0}$ есть ничто). Но вѣр-

но-ли Энгельсъ изобразилъ процессъ? Положимъ, для большей конкретности, что мы имѣемъ какое нибудь физическое явленіе, которое выражается формулой $y=x^2$; въ какой бы моментъ мы ни взяли явленіе, оно, несмотря на то, что x и y непрерывно измѣняются, *всегда* удовлетворяетъ этому уравненію. Рассматриваемое съ диалектической точки зрѣнія, изучаемое явленіе, какъ и всякое другое, находится въ процессѣ *безпрерывнаго* измѣненія, слѣдовательно и тѣ величины x и y , въ которыхъ выраженъ процессъ, тоже постоянно измѣняются, т. е. если въ опредѣленный моментъ x изъ a стало равнымъ a , то такое конечное измѣримое измѣненіе есть результатъ безконечно малыхъ измѣненій, которыя x претерпѣвало между двумя передѣлами— a и b .

Возможно точное и близкое изученіе явленія сводится такимъ образомъ къ изученію тѣхъ безконечно малыхъ измѣненій, которыя здѣсь играютъ такую же роль, какую элементарныя кѣтки играютъ въ организованномъ существѣ. Но какъ же изучать послѣднія? Видъ безконечно малыхъ величины или ихъ свойства недоступны непосредственному наблюденію и измѣренію; поэтому мы поступаемъ слѣдующимъ образомъ: въ опредѣленный моментъ явленіе выражается формулой $y=x^2$; въ слѣдующій затѣмъ безконечно малый промежутокъ времени, такъ какъ процессъ непрерывно продолжается, y и x получаютъ безконечно малое *приращеніе*, и уравненіе принимаетъ видъ $y+dy=(x+dx)^2$, или $y+dy=x^2+2x \cdot dx+dx^2$, по сокращеніи $dy=2x dx+dx^2$; раздѣливъ на dx , имѣемъ $\frac{dy}{dx}=2x$ (производная функція). Мы видимъ, во 1-хъ, что $\frac{dy}{dx}$ совсѣмъ не есть замаскированная форма выраженія $\frac{0}{0}$, что это отношеніе, напротивъ, имѣетъ вполне «матеріальную основу», обусловленную въ каждомъ случаѣ характеромъ того явленія, которое мы изучаемъ; такъ, напр., сила притяженія двухъ электрическихъ массъ есть функція разстоянія между ними $f = -\frac{mm'}{r^2}$, и если мы положимъ, что разстояніе r увеличивается на безконечно малую величину, то и сила f получаетъ безконечно малое приращеніе, размѣръ котораго вполне опредѣляется самой функціей— $\frac{mm'}{r^2}$, т. е. матеріальной основой явленія. Мы видимъ, во 2-хъ, что разъ $\frac{dy}{dx}$ не есть $\frac{0}{0}$, то никакого отрицанія y и x здѣсь нѣтъ, и если они исчезли изъ уравненія, то просто потому, что, находясь въ различныхъ частяхъ его, они сократились, а сокращеніе, говоритъ Энгельсъ, еще есть диалектическое отрицаніе. Что же касается «отрицанія отрицанія» или интегрированія, то, по признанію Энгельса же, мы ушли съ нимъ *не дальше* того, чѣмъ были сначала, т. е. возстановили первоначальную форму, не обогативъ ее никакимъ содера-

Оправдывается-ли законъ отрицаній на всѣхъ явленіяхъ физическаго міра? Возьмемъ два-три примѣра на-удачу. Положимъ, что мы имѣемъ кусокъ *твердаго* льда; подогреваемъ его; онъ терпитъ рядъ измѣненій, которыя заканчиваются обращеніемъ его въ *жидкое* состояніе; оно, слѣдовательно, есть отрицаніе перваго, твердаго состоянія. Если процессъ нагрѣванія продолжается дальше, то вода въ извѣстный моментъ превращается въ *паръ*, который по схемѣ долженъ быть отрицаніемъ отрицанія, возстановленіемъ первоначальной твердой формы. Но такъ ли это? Какими свойствами водяной паръ напоминаетъ собой твердое тѣло? Ровно никакими. Можно сказать, что въ концѣ концовъ этотъ паръ способенъ обратиться опять въ ледъ; но для этого онъ долженъ сначала пройти жидкое состояніе, выдѣлить *то же* количество теплоты, которое онъ поглотилъ, возвратитъ *ту же* работу, которая была израсходована на его производство, словомъ, продѣлать процессъ, во всемъ тождественный предыдущему. Слѣдовательно, тѣло можетъ принять первоначальное состояніе твердаго тѣла, только принявъ и сбросивъ личину втораго состоянія; а въ такомъ случаѣ ни отрицанія отрицанія, ни обогащеннаго содержанія—а это и составляетъ сущность діалектическаго закона—мы здѣсь не имѣемъ. Мало того, мы предположили, что водяной паръ опять обратился въ воду и ледъ; но это предположеніе было взято нами совершенно произвольно; обыкновенно же процессъ прерывающагося превращенія воды въ паръ въ природѣ не стоитъ изолированно, а сталкивается каждое мгновеніе съ другими многочисленными скрещивающимися процессами,—и легко представить себѣ, что нашъ водяной паръ встрѣтитъ пары металлоиднаго окисла, соединится съ ними и образуетъ кислоту, или же натолкнется на кусокъ раскаленнаго желѣза (какъ мы это дѣлаемъ въ лабораторіи), окислитъ его, выдѣливъ водородъ,—и тогда съ водянымъ паромъ, какъ таковымъ, приходится распротиться, надежда же на его обращеніе въ твердое тѣло становится очень и очень сомнительной.

Возьмемъ другой примѣръ, на первый взглядъ вполне соответствующій триадѣ: камень брошенъ вверхъ съ извѣстной скоростью, онъ движется сначала равномерно-замедленнымъ движеніемъ, достигаетъ кульминаціоннаго пункта и затѣмъ падаетъ обратно равномерно ускореннымъ движеніемъ. Можно, повидному, представить весь процессъ состоящимъ изъ трехъ моментовъ: движеніе вверхъ отъ точки А до точки В есть тезисъ, пребываніе тѣла въ точкѣ В—отрицаніе тезиса, т. е. покой, хотя бы относительный, движеніе же тѣла отъ В до А есть отрицаніе отрицанія, слѣдовательно, опять движеніе. Но, во I-хъ ненаучно предположить, что моментъ пребыванія тѣла въ точкѣ В чѣмъ нибудь

отличенъ отъ момента пребыванія его въ какой угодно другой точкѣ пути, ибо въ каждый изъ нихъ тѣло претерпѣваетъ извѣстные измѣненія (въ нашемъ примѣрѣ—замедленіе и ускореніе движенія) и въ точкѣ В движеніе такъ же непрерывно, какъ и всюду; во 2-хъ, если даже принять трихотомію, мы не видимъ, чтобы третій моментъ, имѣя форму перваго, былъ обогащенъ въ содержаніи сравнительно съ нимъ (какъ это было въ примѣрѣ съ зерномъ); въ третій моментъ имѣетъ мѣсто процессъ абсолютно тождественный съ первымъ—тѣло освобождаетъ столько же движенія, сколько было ему сообщено, пробѣгаетъ тотъ же путь и съ той же скоростью. Если въ виду какихъ либо *практическихъ* цѣлей и разбивать процессъ движенія тѣла отъ А до В и обратно на отдѣльные моменты, то уже скорѣй на два другъ другу совершенно равныхъ.

Мы разобрали нѣсколько примѣровъ и на нихъ пытались показать, что діалектическій законъ развитія явленій, представляющій собой трехчленную схему, далеко не обладаетъ той всеобщностью, на которую онъ у Энгельса претендуетъ. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта схема, если даже признать ее правильной, не охватываетъ всего ряда явленій, а только незначительную часть его (см. примѣръ съ зерномъ); въ другихъ же случаяхъ мы, продѣлавъ предписанный діалектикой путь отрицаній, не получили въ результатъ того обогащеннаго, расширеннаго содержанія, которое въ социологическихъ воззрѣніяхъ Энгельса играетъ немаловажную роль. Словомъ, научность закона «отрицанія отрицанія» должна считаться совершенно не установленной, и оправдывается онъ, и то не вполне, нѣсколькими удачно подобранными примѣрами. Какъ мы уже указывали, Энгельсъ опредѣляетъ въ одномъ мѣстѣ діалектику, какъ «науку объ *общихъ* законахъ движенія и развитія природы, человѣческаго общества и мышленія». Что нужно разумѣть подъ этими общими законами? Конечно, не законы, устанавливаемые каждой научной дисциплиной, такъ какъ ихъ открытіе составляетъ задачу положительнаго знанія; также не открытіе общей связи вещей и ихъ познанія, такъ какъ всякая наука должна сама опредѣлить свое мѣсто во всей совокупности наукъ и вещей, подлежащихъ ея изученію. Остаются такимъ образомъ чисто логическія категоріи, изъ которыхъ одна утверждаетъ «реально-объективное существованіе противорѣчій», а другая, касаясь самаго процесса развитія вещей, даетъ діалектическій законъ этого процесса, выражающійся въ трехчленной схемѣ. Мы видѣли, что обѣ онѣ, на нашъ взглядъ, не могутъ быть признаны удовлетворительными, но обѣ онѣ несутъ на себѣ неизгладимую печать гегелевской системы, такъ какъ *конструируютъ* явленія внѣшней природы въ свои рамки; все, что въ нихъ не вмѣщается, разсмѣтываемо не подлежитъ. Незыблемымъ остается чисто *эволюционныи* назовемъ его, если угодно, діалектическимъ, принципъ постояннаго

измѣненія, развитія, гераклитовское положеніе *παντα ρεῖ*, по которому ничто не остается тѣмъ же и тамъ же, чѣмъ и гдѣ оно было; прочнымъ пріобрѣтеніемъ нашего мышленія остается, слѣдовательно, принципъ, который научное естествознаніе внесло въ изученіе явленій природы и человѣческой исторіи; всѣ же діалектическія попытки объединить вещи въ проникающемъ ихъ «духѣ противорѣчія» или въ процессѣ «отрицанія отрицанія», какъ остатки метафизическаго міросозерцанія, должны быть сданы въ архивъ.

Чтобы пополнить нашъ по необходимости несовершенный очеркъ діалектическаго пониманія всѣхъ процессовъ природы, намъ нужно было бы послѣдовать за Энгельсомъ въ сферу исторической жизни людей. Мы увидѣли бы, что здѣсь и законъ противорѣчій и законъ отрицаній имѣютъ еще большее приложеніе, чѣмъ раньше; что переходъ напр. современнаго намъ строя въ будущій, по увѣреніямъ Энгельса, лучшій и высшій строй, неизбеженъ и обусловливается именно тѣмъ, что послѣдній разрѣшаетъ *противорѣчіе*, возникшее между *общественной* формой производства и *индивидуальной* формой присвоенія продуктовъ; мы увидѣли бы также, что, желая показать всесильное значеніе экономики въ распаденіи общества на различные классы съ противоположными интересами, Энгельсъ впадаетъ въ «неразрѣшимыя» противорѣчія. Но останавливаться на всемъ этомъ теперь, несмотря на громадную теоретическую и практическую важность указанныхъ вопросовъ, мы не считаемъ возможнымъ. Мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями, касаясь самой постановки положеній экономическаго матеріализма. Что такое въ сущности «матеріализмъ въ исторіи»? Въ блестяще написанной главѣ, носящей названіе «Theoretisches», мы находимъ полную формулировку его; мы читаемъ тамъ: «матеріалистическое воззрѣніе на исторію исходитъ изъ того положенія, что производство и вслѣдъ за нимъ обмѣнъ продуктовъ есть *фундаментъ* или основа (*Grundlage*) всего общественнаго строя; что въ каждомъ выступившемъ на историческую арену обществѣ распредѣленіе продуктовъ и вмѣстѣ съ нимъ соціальное расчлененіе на классы или сословія совершается сообразно съ тѣмъ, что и какъ производится и какъ производимое обмѣнивается».

Смыслъ этого положенія тотъ, что всѣ *не* экономическія формы людскихъ отношеній, какъ-то политическія, религіозныя, умственныя и проч. составляютъ только «надстройку», развившуюся изъ экономическаго фундамента и долженствующую поэтому занимать въ міросозерцаніи историка второстепенное мѣсто. Такое приравненіе экономики фундаменту есть, конечно, не больше, какъ аналогія, но Энгельсъ и вообще матеріалисты въ исторіи принимаютъ, что фундаментъ обусловливаетъ собой всю надстройку, какъ причина—слѣдствіе, что всякое измѣненіе въ надстройкѣ есть *непретѣнно*

результатъ какой-нибудь перемены въ экономическомъ фундаментѣ. Въ этой мысли собственно и заключается вся заманчивость такого сравненія; но въ томъ то и дѣло, что эта именно мысль не совсемъ вѣрна. Фундаментъ, конечно, вещь важная въ томъ смыслѣ, что нужно соразмѣрять съ нимъ величину возводимаго зданія, нужно, чтобы они другъ другу *соотѣтствовали*; весь же дальнѣйшій характеръ зданія, назначеніе отдѣльныхъ частей его, различныя въ немъ перестройки и измѣненія, родъ украшеній или, что еще важнѣе, приспособленій для удобства обитателей и т. д.—все это находится въ *прямой* зависимости не отъ фундамента, а отъ тѣхъ отношеній, которыя вырабатываются по мѣрѣ того, какъ зданіе воздвигается. Вопросъ въ томъ, должно ли какое-либо *основное* свойство вещи или явленія, развивающагося *исторически*, вліять всеопредѣляющимъ образомъ на тѣ свойства ея, которыя она приобретаетъ по мѣрѣ развитія процесса и которыя, нужно думать а priori, находятся въ косвенной связи съ основнымъ свойствомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный, и въ пользу такого отвѣта мы можемъ привести примѣръ изъ политической экономіи, данный самимъ основателемъ материалистической школы. Характерная черта современнаго производства на рынокъ заключается въ томъ, что всякій продуктъ неизбѣжно принимаетъ въ немъ форму товара и, какъ таковой, получаетъ новое свойство—быть (опредѣленной) мѣновой стоимостью. Чѣмъ опредѣляется происхожденіе, форма и размѣръ послѣдней? Этотъ вопросъ былъ камнемъ преткновенія для всѣхъ буржуазныхъ экономистовъ. Они разсуждали съ точки зрѣнія «здраваго человѣческаго смысла», а онъ говорилъ имъ, что современный продуктъ—товаръ развился изъ обыкновеннаго продукта, который въ эпоху, предшествовавшую рыночному хозяйству, не имѣлъ еще товарной формы, а удовлетворялъ просто человѣческой потребности, имѣлъ слѣдовательно, только потребительную стоимость. Можно представить себѣ потребительную стоимость, не облеченною еще въ мѣновую форму, обратное же не мыслимо, всякій товаръ непременно имѣетъ потребительный характеръ, и это свойство товаровъ—быть *прежде всего* и ближе всего предметомъ непосредственнаго потребленія,—представляя основную, фундаментальную черту ихъ, налагаетъ (въ качествѣ фундамента) печать и на всѣ прочія свойства, между прочимъ и на мѣтовую стоимость ихъ; послѣдняя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непосредственно зависитъ отъ того, насколько товаръ удовлетворяетъ нуждѣ въ немъ какъ предметъ потребленія. Научная политическая экономія обринула всю близорукость подобнаго разсужденія; она показала, что потребительная стоимость товаровъ, будучи *основной* чертой всякаго продукта, при какихъ бы условіяхъ мы ни разсматривали его, у; по одному тому не можетъ быть принята въ расчетъ при опредѣленіи того, какими факторами обусловливаются форма и размѣръ мѣновой стоимости товара; эта основная черта развѣ навсегда да

но искать ключа для происхождения и характера производных черт нужно еще в чемъ либо иномъ, а не только въ фундаментъ.

Дальше Энгельсъ выражается гораздо категоричнѣе: «послѣднія причины всѣхъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ ихъ воззрѣнiяхъ на истину и справедливость, а въ перемѣнахъ способа производства и обмѣна, ихъ нужно искать не въ *философiи*, а въ *экономикѣ* соответственной эпохи». Этимъ положенiемъ высказывается та мысль, что общественная жизнь регулируется не сознаниемъ людей, какъ думаютъ идеалисты, а способомъ производства и обмѣна, что та или иная экономическая организація вызываетъ къ жизни, какъ свое слѣдствiе, известную организацію политическую, юридическую и проч., и это отношенiе между экономическимъ факторомъ и всей прочей социальной «надстройкой», отношенiе причины къ слѣдствiю, характеризуетъ собой всю исторiю человечества, кончая современной намъ эпохой, послѣ которой (пока конечно, гадательно) отношенiя почему-то рѣзко измѣнятся. Въ чемъ же искать причинъ самыхъ экономическихъ перемѣнъ? На это Энгельсъ не отвѣчаетъ.

Замѣтимъ прежде всего, что Энгельсъ измѣняетъ постановку вопроса, когда говоритъ, что причину общественныхъ перемѣнъ нужно искать не въ головахъ людей, а въ экономической жизни ихъ; вопросъ не въ головахъ людскихъ, ибо измѣненiя въ способѣ производства и обмѣна тоже проходятъ чрезъ головы людей, т. е. отражаются въ ихъ мышленiи, а въ томъ, можетъ-ли политическая или другая «надстройка» реагировать въ свою очередь измѣняющимъ образомъ на свою причину, т. е. экономическую основу общества, все равно—проходитъ-ли она чрезъ людскiя головы или нѣтъ. Какъ такой вопросъ долженъ разрѣшить диалектикъ съ точки зрѣнiя причинъ и слѣдствiй? Мы видѣли, что для «метафизика», разсматривавшаго вещи въ покоѣ, неизмѣнными, отношенiе между причиной и слѣдствiемъ было *постояннымъ*, разъ навсегда даннымъ; одна вещь, являясь въ роли причины, всегда вызываетъ другую вещь, какъ неизбежное слѣдствiе. Для диалектика же «причина и слѣдствiе суть представленiя, которыя остаются таковыми въ примѣненiи къ отдѣльному случаю, но которыя, лишь только мы этотъ отдѣльный случай разсматриваемъ въ его связи со всѣми остальными, исчезаютъ и растворяются въ созерцанiи универсальнаго взаимодѣйствiя, гдѣ причины и слѣдствiя непрерывно мѣняются мѣстами, и то, что сегодня было *слѣдствiемъ*, завтра становится *причиной* и наоборотъ» (стр. 7). Итакъ, съ диалектической точки зрѣнiя нѣтъ и не можетъ быть постоянныхъ причинъ и слѣдствiй. Это значитъ, между прочимъ, что, если въ одномъ случаѣ экономическiй фундаментъ является причиной социальной надстройки, то въ другомъ случаѣ

они мѣняются мѣстами, т. е. надстройка обусловливаетъ ростъ самого фундамента. Энгельсъ измѣняетъ своему діалектическому знаменіи, когда утверждаетъ, что всеопредѣляющей причиной различныхъ общественныхъ измѣненій всегда, во всё времена, являлся и является экономической факторъ, понимая подъ нимъ производство и обмѣнъ.

Такое принятіе одного какого-либо фактора за исключительную причину однородной группы процессовъ природы не ново въ наукѣ. Энгельсъ напр. самъ указываетъ на ошибку, сдѣланную Дарвиномъ, который «приписалъ своему открытію непомерную важность, сдѣлалъ его (т. е. естественный подборъ) *исключительнымъ* рычагомъ измѣненія видовъ... и совершивъ ошибку, свойственную всёмъ людямъ, которые дѣлаютъ крупный шагъ впередъ» (стр. 56). Не подобную-ли ошибку совершаетъ и Энгельсъ, видя въ экономикѣ послѣднюю пружину общественной жизни?

И. Б—скій.

НОВЫЯ КНИГИ.

В. Выстренинъ. Житейскія были. Очерки и рассказы. Москва. 1895.

Н. Телешовъ. На тройкахъ. Очерки и рассказы. Москва. 1895.

Салтыковъ говорилъ, что ежедневное полученіе газетъ приводитъ на него тяжелое впечатлѣніе: „точно дуракъ въ кабинетъ вошелъ; вошелъ, сѣлъ и забормоталъ“. Нѣчто подобное испытываемъ мы, рецензенты, когда на нашемъ письменномъ столѣ появляются произведенія какихъ нибудь литературныхъ незнакомцевъ. Ждешь обычнаго: на рубль амбиціи, на грошъ аммуниціи. Готовишься къ бесѣдѣ съ какимъ нибудь непонятымъ и непризваннымъ гениемъ, претерпѣвающимъ гоненія отъ редакцій, которыя, по глупости, по безвкусію или просто изъ черной зависти, ни за что не соглашаются украсить свои журналы произведеніями новаго гения или если и украшаютъ, то съ какимъ то деревяннымъ равнодушіемъ, безъ рекомендацій, безъ рекламъ, безъ колокольнаго звона, какъ самый обыкновенный журнальный матеріалъ. На что-жъ это похоже? Развѣ такая встрѣча подобаешь гению? Развѣ такъ должно относиться къ произведеніямъ, которыя написаны не на мѣсяць какой нибудь, а предназначены сохраниться цѣлыя вѣка? И вотъ оскорбленный гений апеллируетъ къ читателямъ непосредственно, путемъ самостоятельнаго изданія своихъ писаній, апеллируетъ, а мы, по горло пресыщенные гениальностью этого калибра, не безъ жолчи думаемъ про себя: „не на радость себѣ, любезный, апеллируешь! Вотъ мы посмотримъ прежде, твердъ ли ты въ синтаксисѣ, знакомъ ли съ версификаціей, есть ли въ твоей прозѣ или въ твоихъ стихахъ—ужъ хоть не гениальность—„что гениальность! далеко гениальность!“ а самый обыкновенный здравый смыслъ“.

Съ такими чувствами и съ такими ожиданіями мы присту-

пили къ чтенію разсказовъ г. Быстренина. „Ну бормочи!“ думали мы, раскрывая его „Житейскія были“. Прочитавши первый десятокъ страницъ, мы стали недоумѣвать и даже какъ бы тосковать: ни одной пошлости, ни одной глупости, ни одного даже преувеличенія и дешеваго эффекта—совсѣмъ неожиданное и непривычное впечатлѣніе! Еще десятокъ и еще десятокъ страницъ—разсказъ („Сухарь“) оканчивается и мы, говоря турецкой метафорой, кладемъ въ ротъ палець изумленія: разсказъ написанъ талантливо, умно, правдиво, тепло! Впрочемъ, это только одинъ разсказъ, не даромъ же и помѣщенный на первомъ мѣстѣ: на два печатныхъ листа кому ума не доставало? Обращаемся къ слѣдующему разсказу—„Птицы небесныя“—впечатлѣніе то же самое: талантливо и правдиво. Читаемъ дальше, дочитываемъ книжку до конца и съ облегченіемъ вздыхаемъ: талантъ и чувство жизненной правды не измѣнили автору до конца.

Съ облегченіемъ вздыхаемъ... То-то вотъ и есть: это въ одно и то же время и хорошо, и худо для г. Быстренина. Читатель помнитъ, конечно, сцену изъ романа „Война и миръ“, когда Николай Ростовъ слушаетъ пѣніе своей сестры, Наташи Ростовой, которая только что стала пѣть „не по-дѣтски“. „Что-жъ это такое? подумалъ Николай, услышавъ ея голосъ и широко раскрывая глаза. Что съ ней сдѣлалось? Какъ она поетъ нынче? подумалъ онъ. И вдругъ весь міръ для него сосредоточился въ ожиданіи слѣдующей ноты, слѣдующей фразы и все въ мірѣ сдѣлалось раздѣленнымъ на три темпа: Oh, mio crudele affetto... разъ, два, три... разъ... два... три... разъ... Oh, mio crudele affetto... разъ, два, три... разъ... Ну, Наташа, ну, голубчикъ, ну, матушка! какъ она этотъ si возьметъ? ваяла! слава Богу!“ Наташа пѣла хорошо, но согласитесь, что Патти и Зембрихъ мы слушаемъ совсѣмъ иначе: мы за нихъ не боимся. Пожалуйста, не утруждайте себя считаніемъ тактовъ: онъ съ такта не собьются. Подходить роковое si — пожалуйста не тревожьтесь: для голосовыхъ средствъ этихъ пѣвицъ не страшны самыя высокія ноты. Все это мы знаемъ и потому, слушая этихъ пѣвицъ, спокойно наслаждаемся, не отвлекая и не мучая себя никакими опасеніями.

Мы читали разсказы г. Быстренина совершенно съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ Николай Ростовъ слушалъ пѣніе своей сестры: „ну, г. Быстренинъ, ну, голубчикъ, ну, матушка!“ мысленно восклицали мы при всякомъ трудномъ пассажѣ. Разъ... два... три... Какъ то онъ это si возьметъ? Взяла! Слава Богу! Что г. Быстренинъ „взялъ si“, это, конечно, хорошо, но что онъ до послѣдней страницы внушалъ намъ осязанія за себя—это ужъ не очень хорошо и свидѣтельствуе о второстепенности его литературнаго дарованія. Приведемъ

рассказъ (одинъ изъ лучшихъ) „На мировыхъ хлвоахъ“, который доставилъ намъ особенно много тревогъ. Тема этого рассказа—судьба въ деревнѣ мальчика-подкидыша, найденнаго пастухомъ въ придорожной канавѣ „въ видѣ краснаго, неистово орущаго, куска мяса, завернутаго въ тряпицу“. Народникъ-оптимистъ совалъ бы поэтому случаю сходку, на которой благомысленные мужики, соперничая въ великодушїи другъ передъ другомъ, послѣ многочисленныхъ спичей, пересыпанныхъ словами „по-божьи“, „по-душѣ“ и пр., обезпечили бы существованіе подкидыша прочнѣйшимъ и справедливейшимъ образомъ. Народникъ-пессимистъ представилъ бы ту же сходку, но мужики говорили бы на ней не о душѣ, а о „лишнемъ ртѣ“ и т. п. Г. Быстренинъ удачно избѣжалъ и Сциллы оптимизма, и Харібды пессимизма: „мїръ порѣшилъ, ужъ если случилась такая оказїя—воспитывать ребенка своими средствами. Ѳешка (солдатка-бобылка), вызванная на сходъ, согласилась взять Ваську на *трудъ*, за что мїръ обязался платить ей по три рубля въ мѣсяцъ и кромѣ того согласился прирѣзать пять сажень земли къ ея огороду. Въ тотъ же день Ваську окрестили и на радостяхъ мїръ распилъ полтора ведра въ складчину, кромѣ четверти, взысканной съ Кузьмича (пастуха) за *безпокойство*“. Какъ видите, ни восхищаться, ни возмущаться нечѣмъ, а послѣдняя черта (взысканіе съ пастуха четвертной за *безпокойство*, т. е. за то, что онъ нашелъ ребенка) до того добродушно-комична, что вы охотно прощаете эту несправедливость подкутившимъ мужикамъ. Солдатка Ѳешка исправно выкормила подкидыша и тутъ автору опять грозила опасность, которой ни за что бы не избѣжалъ, напр., г. Григоровичъ: Ѳешка могла оказаться или нѣжнѣйшей матерью, лучше родной, и получилась бы слащавая идиллія, или злобной фурїей, хуже всякой мачихи, и получилась бы раздирательная мелодрама. Ѳешка г. Быстренина осталась Ѳешкой, т. е. непосредственнымъ существомъ, руководящимся почти зоологическимъ инстинктомъ. „Васькѣ жилось привольно и, вѣроятно, солдатка довела бы дѣло воспитанїя до конца, если бы съ ней самой не случился *трудъ*: Ѳешка затяжелѣла и, почувствовавъ признаки материнства, какъ то сразу охладѣла къ Васькѣ“. Охлажденіе Ѳешки выразилось въ очень грубыхъ формахъ, но читатель не возмущается, во-первыхъ, потому что тутъ не психологія, а зоологія или физиологія, во-вторыхъ, потому что *мїръ*, въ лицѣ старосты, рассудилъ дѣло основательно („нешто я не понимаю... Очень даже понимаю, что свое дите милѣй“) и вторично пристроилъ Ваську. Гуманный и въ то же время трезвый реализмъ г. Быстренина одержалъ такимъ образомъ еще разъ побѣду. Съ дальнѣй-

братъ si и мы опять начинаемъ трепетать за него. Васька выросъ толковымъ и любознательнымъ мальчикомъ и опредѣлился въ услуженіе къ молодому ученому, пріѣхавшему въ деревню на лѣтній отдыхъ. „Въ какую нибудь недѣлю Васька привыкъ къ своему дѣлу, узналъ, что такое колба, реторта, реактивъ и почти безошибочно подавалъ барину требуемые предметы, такъ что Николай Петровичъ былъ вполнѣ доволенъ имъ и удивлялся его понятливости“. Охъ, бѣда... Ученый баринъ заинтересуется Васькой, выучить его грамотѣ, опредѣлить въ гимназію, проведетъ чрезъ университетъ и начнетъ нашъ герой съ неба звѣзды хватать въ прославленіе банальной морали: вотъ какіе таланты и силы таятся въ русскомъ народѣ, который и пр. пр. Или наоборотъ: ученый баринъ съ высоты своего культурнаго величія не обратитъ должнаго вниманія на талантливаго самородка, который и погибнетъ трагически подъ заборомъ, посылая проклятія „образованнымъ господамъ“, которые и пр. и пр. Та же опротивѣвшая банальщина, только съ другого конца. Однако, „слава Богу“, нѣтъ: художественный тактъ и чувство мѣры и на этотъ разъ выручаютъ г. Быстренина и развязка происходитъ самая прозаическая, т. е. самая правдоподобная: любознательный Васька забрался потихоньку въ „лотаторію“ (лабораторію), испортилъ тамъ какую то дорогую „машину“ и былъ, конечно, прогнанъ, но безъ всякихъ ужасовъ, а „унося съ собой зажитые два рубля и новый люстриновый пиджакъ—подарокъ барина“.

Этихъ примѣровъ достаточно. „Однако, скажетъ читатель, если ваши опасенія каждый разъ оказывались напрасными, то ихъ нужно отнести къ вашей рецензентской мнительности и ужъ никакъ не ставить на счетъ г. Быстренину, который не можетъ же отвѣчать за ваши ошибки“. Если бы это замѣчаніе было справедливо, никто больше насъ не порадовался бы этому. Но въ томъ и дѣло, что *не каждый разъ* опасенія наши оказывались неосновательными и даже далеко не каждый разъ. Г. Быстренинъ, повидимому, еще не успѣлъ „познать самого себя“ и оттого берется иногда за темы, совсѣмъ не свойственныя его дарованію. Онъ правдивый и гуманный бытописецъ—вотъ его литературное амплуа. Лучшій, на нашъ взглядъ, рассказъ въ книжкѣ „Птицы небесныя“ (впрочемъ, также и „Сухарь“) — а что такое этотъ рассказъ? Это повѣствованіе о такъ называемыхъ „босыкахъ“ или „золоторотцахъ“, о которыхъ всѣ добропорядочные люди думаютъ, какъ о ворахъ, пьяницахъ и попрошайкахъ. Г. Быстренинъ не отвергаетъ этого: его герои дѣйствительно и пьянствуютъ, и попрошайничаютъ, и воруютъ, но... вотъ въ томъ то и дѣло, что *не* „Вся видимость выходитъ на то, что грѣхъ есть, а нутрен-

Авторъ знаетъ эту „нутренность“ и спокойно, безъ жестикуляціи, безъ лирики—потому что дѣло само за себя говорить—разсказываетъ намъ о ней и мы убѣждаемся, что эти пьяницы, воры и попрошайки не только люди, но и прямо таки хорошіе люди. Такая тема и такая разработка этой темы далеко не новость именно въ нашей литературѣ, со временъ Радищева умѣвшей всегда замолвить слово за то, что „голодно и бѣдно, несчастно, зелено и блѣдно, что ходитъ голову склоня“, но мы и не называемъ г. Быстренина новаторомъ, а называемъ его правдивымъ и гуманнымъ реалистомъ. Казалось бы, чего лучше? Но г. Быстренину этого какъ будто мало и онъ старается блеснуть передъ нами такими свойствами, которыхъ у него и въ поминѣ нѣтъ, да по свойству его литературнаго дарованія и не можетъ быть—напр., фантазіей. Конечно, ничего не выходитъ: прочтите напр. разсказъ „Фантазія Es-moll“ и подивитесь на автора, который упорно не хочетъ быть самимъ собой.

Большую часть всѣхъ этихъ замѣчаній нашихъ г. Телешовъ можетъ отнести и къ себѣ—и вотъ почему мы сопоставили его разсказы съ разсказами г. Быстренина. Дарованіе г. Телешова обѣщаетъ меньше, нежели дарованіе г. Быстренина, но его наличность не подлежитъ сомнѣнію. Г. Телешовъ далъ своей книжкѣ общее заглавіе „На тройкахъ“, заглавіе, принадлежащее въ сущности *одному* разсказу, правда, самому большому, но далеко не самому лучшему, какъ, очевидно, полагаетъ авторъ. Это значитъ, что г. Телешову тоже нужно „познать самого себя“, какъ и г. Быстренину. Небольшой разсказъ г. Телешова „Пѣтухъ“, будучи въ десять разъ меньше разсказа „На тройкахъ“, во столько же разъ значительнѣе и содержательнѣе послѣдняго. То же можно сказать и о другомъ небольшомъ разсказѣ „Съ Богомъ“. Опять таки, подобно г. Быстренину, г. Телешовъ никакъ не хочетъ быть просто реалистомъ, испытываетъ себя въ фантастическомъ родѣ—и совершенно безуспѣшно. „Фантастическіе наброски“ г. Телешова, составляющіе въ его книжкѣ самостоятельный отдѣлъ, свидѣтельствуютъ только о безсильныхъ претензіяхъ автора.

Первую пѣсенку зардѣвшись поютъ, говорить пословица. Понимая это, мы отнеслись къ „первой пѣсенкѣ“ молодыхъ беллетристовъ очень благодушно, но мы напомнимъ имъ, что успѣхъ обязываетъ.

Настоящій, третій, томъ „Матеріаловъ“ г. Шенрока объявляетъ семь лѣтъ жизни Гоголя—1836—1842. Въ одномъ изъ приложений къ этому тому г. Шенрокъ обороняется отъ чьего-то „довольно суроваго осужденія самыхъ микроскопическихъ, иногда даже намѣренныхъ пропусковъ въ цитатахъ, и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они казались автору излишними“ (стр. 533). Мы не знаемъ, у кого поднялась въ этомъ смыслѣ рука на тщательнѣйшую и добросовѣстнѣйшую работу г. Шенрока. Мы, напротивъ, скорѣе упрекнули бы трудолюбиваго автора за чрезмѣрное обиліе и излишнюю полноту сырого матеріала. Онъ такъ дорожитъ каждою чертою жизни Гоголя, что, подобно капитану Копѣйкину, прихватываетъ иногда и «чиновника совсѣмъ посторонняго вѣдомства». Напримѣръ, на стр. 231, 232 находимъ довольно большое письмо Данилевскаго къ Гоголю, не имѣющее къ біографіи послѣдняго никакого отношенія. „Изъ этого письма видно,—справедливо говоритъ г. Шенрокъ,—какъ несчастіе (смерть матери) застигло Данилевскаго совершенно неприготовленнымъ и тѣмъ чувствительнѣе отразилось на его настроеніи“. И если бы г. Шенрокъ писалъ біографію Данилевскаго, то письмо это было бы вполне уместно, но и то можетъ быть не цѣлкомъ, а въ выдержкѣ, свидѣтельствующей о томъ, что Данилевскій очень любилъ свою мать и былъ очень огорченъ ея смертю. Или, напримѣръ, дѣлая изъ записокъ Смирновой обширную выписку, касающуюся Гоголя, г. Шенрокъ не считаетъ возможнымъ устранить изъ этой цитаты слѣдующія строки:

«Пушкинъ на-дняхъ говорилъ мнѣ: хочется мнѣ нагнѣть объявленіе на дверь къ цензорамъ, съ надписью: «Lasciate ogni speranza». Онъ нарисовалъ пещеру съ этой надписью, а въ пещерѣ совсѣмъ сморщенную старуху, которая похожа на Сенковскаго. Я просила его подарить мнѣ этотъ рисунокъ, но онъ ни за что не согласился. Его рисунки въ *Работнику Балды* прелестны, въ особенности чертенята и полъ. Онъ рисуетъ прекрасныя каррикатуры и всегда ихъ рветъ; Николай (мужъ Смирновой) показывалъ ему каррикатуры Сень-Пра и подарилъ ему нѣкоторыя изъ нихъ. Графъ Нессельроде имѣетъ прекрасную коллекцію этихъ карриатуръ, Николай также подарилъ Пушкину англійскія каррикатуры Б., нарисованныя въ моментъ реформъ-билля, и французскія каррикатуры на короля Луи-Филиппа. Все это забавляетъ и занимаетъ Сверчка (Пушкина), но съ нѣкоторыхъ поръ я вижу его очень грустнымъ и озабоченнымъ, дѣла его плохи, и у отца его много долговъ» (19).

Эти мелкія черты и въ біографіи самого Пушкина могли бы быть пропущены, а въ „Матеріалахъ для біографіи Гоголя“ являются уже совершенно лишними. А между тѣмъ мы могли бы привести еще много подобныхъ строкъ и даже цѣлыхъ страницъ, безъ нужды загромаждающихъ почтенную работу г. Шенрока. Эти вставки придаютъ книгѣ характеръ

есть кое-что лишнее. Намъ думается, напримѣръ, что книга ничего не потеряла бы отъ отсутствія разсужденій и цитатъ вродѣ слѣдующихъ: „Вообще во всемъ разсказѣ (о капитанѣ Копѣйкинѣ) языкъ въ высшей степени замѣчателенъ необыкновенною силою и мѣткостью, а особенно какимъ-то характернымъ подражаніемъ любимымъ оборотамъ чисто русской рѣчи и русской шутовскости вродѣ, напр.: „у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь“ и т. д.—продолжается цитата изъ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ (стр. 378—379). Повѣсть эту всѣ мы чуть не наизусть знаемъ и хотя встрѣтиться съ ней лишній разъ всегда пріятно, но едва ли это нужно собственно для доказательства того, что „языкъ ея въ высшей степени замѣчателенъ“. Съ этой стороны трудъ г. Шенрока выходитъ далеко за предѣлы «Материаловъ для біографіи Гоголя», не получая, однако, характера критической оцѣнки Гоголя, какъ писателя.

Л. Н. Толстой, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ **Евгенія Соловьева.** (Біографическая бібліотека Ф. Павленкова). Съ портретомъ Л. Толстого. Спб. 1894. Ц. 25 к.

Г. Е. Соловьевъ написалъ уже нѣсколько очерковъ для біографической бібліотеки г. Павленкова, и всѣ они отличаются большою живостью, талантливостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкотою небрежностью. То же должно сказать и о принадлежащей его перу біографіи гр. Л. Н. Толстого. Въ литературныхъ замѣткахъ г. Михайловскаго была уже указана небрежность цитатъ г. Соловьева, благодаря которой нельзя рѣшить, самъ ли онъ зачислилъ Дюринга въ пессимисты или же его ввелъ въ это заблужденіе г. Цюнь. Другимъ примѣромъ можетъ служить страница 81, на которой имѣется большая выписка изъ статьи г. Михайловскаго „Десница и шуйца гр. Толстого“, безъ малѣйшаго намека на источникъ. Эта небрежность, конечно, чисто внѣшняя, но, къ сожалѣнію, въ талантливой работѣ г. Соловьева не мало и иной небрежности,—безпорядочности мысли. На стр. 141 г. Соловьевъ пишетъ: „Существуютъ люди, для которыхъ вся жизнь есть формула; хотя бы въ родѣ: блаженъ, кто съ молодю былъ молодъ. Для этихъ людей формула необходима, какъ пища, питье и одежда. Она указываетъ имъ, что сказать, какъ ступить, когда сѣсть, когда улыбнуться и даже—какъ любить; а больше всего она указываетъ, какъ жить, не мучаясь ни нравственными, ни иными противорѣчіями“. Не таковъ гр. Толстой,—продол-

жаютъ г. Соловьевъ: «отъ него требуютъ какихъ-то формулъ, упрекаютъ его за противорѣчія. Онъ не можетъ дать формулы: онъ—вѣчное исканіе, частичка того же потока, который мы зовемъ живнью». Г. Соловьевъ, очевидно, находится во власти недоразумѣнія. Гр. Толстого дѣйствительно не разъ упрекали въ противорѣчійхъ, но «формулы» отъ него никто не требовалъ; да и зачѣмъ «требовать», когда гр. Толстой и безъ того съ чрезвычайною охотою давалъ и даетъ рядъ точнѣйшихъ формулъ, положительныхъ и отрицательныхъ: не противься злу, не помогай ближнему деньгами, помогай ближнему трудомъ, раздѣли время свое на столько-то «упряжекъ» по столько-то часовъ въ каждой, женщина должна быть женой и матерью, женщина должна оставаться дѣвственницей и т. д. Едва-ли даже найдется у насъ другой значительный писатель, который былъ бы такъ склоненъ въ «формуламъ», какъ гр. Толстой, и относящіяся сюда факты самъ же г. Соловьевъ приводитъ, хотя и не съ надлежащею полнотою. Заслуживаетъ ли эта склонность той насмѣшливости, съ которою въ ней относится г. Соловьевъ,—это другой вопросъ. Но фактъ существованія ея у гр. Толстого слишкомъ ясенъ, и то обстоятельство, что онъ часто мѣняетъ свои формулы, только подчеркиваетъ ихъ обиліе, равно какъ ихъ точность и опредѣленность. Именно въ виду этой очевидности мы и говоримъ не о пониманіи г. Соловьева, а лишь о его небрежности, а между тѣмъ небрежность эта вводитъ въ литературный портретъ гр. Толстого фальшивую черту.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Изд. Л. Ф. Павлиева. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстна шутка Герцена, что нѣтъ мѣста, которое не было бы откуда нибудь близко. Какъ ни несомнѣнна, повидимому, эта истина, но г. Діонео утверждаетъ, что есть мѣста, которыя отовсюду далеки, и поневолѣ приходится ему вѣрить. Мѣста эти находятся «на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири». За послѣднее время, впрочемъ, эти мѣста нѣсколько облизжались съ нами, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что мы о нихъ многое узнаемъ въ яркомъ, живомъ словѣ людей, цѣлые годы прожившихъ тамъ. Мы недавно отмѣтили «Якутскіе рассказы» г. Сѣрошевскаго *), теперь появились очерки Діонео. Это не простые путешественники, случайно или въ

*) Кстати. Мы слышали о нѣсколькихъ готовящихся переводахъ повѣстей изъ якутской жизни г. Сѣрошевскаго «На креслахъ лавоу». Считаю долгъ предупредить, что повѣсть эта будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени напечатана въ «Русскомъ Богатствѣ» въ переводѣ самого автора.

или результаты специальных исследований. Это люди, вплотную вошедшие в местную жизнь, сами пережившие всё её прелесть изо дня в день, изъ года в годъ, вмѣстѣ съ разными якутами, юкагирами, ламутами, чукчами, и только потому не всегда раздѣлявшіе съ ними «хлѣбъ-соль», что—«въ концѣ XIX вѣка тысячи людей... не знаютъ хлѣба; вынуждены обходиться безъ соли... и такъ живутъ не только дикари, но и русскіе» (Діонео, стр. 5). Но г. Діонео можетъ поразсказать и еще болѣе поразительные факты, и не даромъ онъ взялъ эпиграфомъ къ своей книжкѣ слова извѣстнаго путешественника Врангеля: «Здѣсь жизнь есть лишь горестное бореніе со всѣми ужасами холода и голода, съ недостатками первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій».

По изложенію своему, книжка г. Діонео напоминаетъ панораму, въ которой авторъ нѣсколько торопливо показываетъ разнообразныя поразительныя для европейца картины и образы. Вотъ *городъ* Верхне-Колымскъ, въ которомъ *десять* жителей; было больше, цѣлое мѣщанское общество, но оно „совсѣмъ одичало и ушло „въ ламуты“, т. е., какъ и эти дикари, бродятъ съ оленями въ гольцахъ“ (13). Вотъ Гижигинскій исправникъ, съ успѣхомъ провозгласившій себя „главнымъ богомъ ламутскаго и якутскаго пантеона“ (31). Вотъ подробности трапезы чукчей, которыхъ мы не будемъ приводить и отмѣтимъ только вступительныя слова автора: „Я прошелъ длинный искусь неприхотливости, былъ и у якутовъ, и у юкагирь, и у ламутовъ; но, признаться, полнѣйшій нигилизмъ чукчей въ области брезгливости приводилъ меня порой въ нѣкоторое смущеніе“ (155). Вотъ дѣвушка-чукчанка, явившаяся въ 1889 году въ Нижне-Колымскъ съ цѣлымъ табуномъ оленей: „она принадлежала къ клану, кочевавшему въ горахъ Тасъ-Хаята, который весь вымеръ отъ оспы. До сихъ поръ горы эти считались безлюдными. Такимъ образомъ, узнали одновременно о неизвѣстномъ чукотскомъ кланѣ и о гибели его“ (208). Вотъ условія, при которыхъ авторъ съ товарищами устранивали свое хозяйство: „Косить приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между кочками по колѣна въ ржавой, холодной водѣ... Меню обѣда очень несложно: вареная рыба безъ соли и безъ хлѣба и кирпичный чай безъ сахара. Такъ какъ своихъ неводовъ у насъ тогда еще не было, то рыба большею частью была „духовитая“. Еще хуже бывало, когда и такой рыбы не удавалось купить, когда приходилось довольствоваться оленьюю, которую мы брали у одного обывателя. Боже, что это была за оленья! Когда ее вытаскивали изъ карбаса, всё отво-

рачивали носы" (181—2). А вотъ, для разнообразія, веселая картинка. „Подъ звуки единственной плясовой пѣсни „анадырской барыни“, гости плясали трепака. Танцоры были въ полномъ нарядѣ: въ мѣховыхъ сапогахъ, въ такихъ же шароварахъ и кухлянкахъ. Потъ катился ручьями, но это нисколько не препятствовало плясать цѣлыми часами“ (114).

Эта пестрая смѣна картинъ и образовъ перемежается еще то какой-нибудь чукотской или якутской легендой, то исторической справкой, то научнымъ фактомъ, и въ цѣломъ получается нѣчто разбросанное, не систематизированное, но въ высокой степени живое и интересное. Можно даже пожалѣть о томъ, что книжка читается съ такою легкостью, ибо отдѣльные эпизоды слишкомъ быстро смѣняются другъ друга и не даютъ вдуматься въ совокупность продѣланнаго авторомъ „горестнаго боренія“.

Ив. Ждановъ. Русскій былевой эпосъ. Иссѣдованія и матеріалы. I—V. Спб. 1896.

Еще недавно русскій былинный эпосъ, почитаемый за продуктъ самостоятельнаго творчества нашего народа, служилъ поводомъ къ увлеченіямъ русскаго народническаго романтизма. Еще памятна буря, которую въ „патріотическомъ“ лагерѣ произвела статья о происхожденіи русскіхъ былинъ В. В. Стасова, уничтожавшая участіе русскаго народа въ созданіи былиннаго эпоса и объявлявшая вои́хъ русскіхъ богатырей. Илью Муромца, Алешу Поповича и другихъ, татарскими богатырями, пересаженными на русскую почву послѣ монгольскаго нашествія. Теперь новые труды по исторіи былиннаго эпоса, хотя съ подобными же отрицательными выводами, уже не вызываютъ такихъ страстей, какъ прежде; привлеченіе къ сравненію обширнаго матеріала изъ средневѣковой западной литературы пріучило относиться къ вопросу о происхожденіи русскаго былеваго эпоса спокойнѣе. Благодаря трудамъ академика А. Н. Веселовскаго, а также В. Ө. Миллера и другихъ профессоровъ, вопросъ этотъ сталъ на международную почву, свободную не только отъ русскаго кваснаго патріотизма, но и отъ арійскаго высокомерія. Изученіе русскаго былеваго эпоса есть теперь часть общей европейской науки страница изъ всеобщей исторіи распространенія сказочныхъ сюжетовъ; оно столь же важно становится для европейско публики, какъ и для русской. Это даже и въ томъ случаѣ если наука остановится на мнѣніи, что сюжеты приходилъ къ намъ только съ Запада; мы здѣсь, у себя, можемъ находить детали или цѣлыя редакціи, зашедшія къ намъ въ стѣрину, но уже забытыя и затерявшіяся на Западѣ. Примѣр

г. Жданова. Повѣсть о Бавилонскомъ царствѣ известна только въ славянской редакціи, на Западѣ ея нѣтъ, но она была тамъ; А. Н. Веселовскій нашелъ два неотразимыхъ свидѣтельства въ пользу того, что эта повѣсть была известна на Западѣ. Если же приобрѣтеть нѣкоторую силу предположеніе, что не всѣ сюжеты пришли къ намъ съ Запада, изъ Византіи, а что нѣкоторые пришли прямо съ Востока, и что появленіе ихъ на Руси предшествовало появленію ихъ на Западѣ, то интересъ къ русскому эпосу и русскому фольклору въ европейской наукѣ долженъ еще болѣе возрасти. Восточные, и между прочимъ, буддійскіе источники для западныхъ сюжетовъ уже давно указываются европейской наукой, но путь, по которому сюжеты пришли въ Европу, принимается не одинъ и тотъ же. Одни ученые предпочитаютъ приписывать посредничество въ пересадкѣ сюжетовъ съ востока Византіи, другіе останавливаются на дорогѣ, по которой пришли въ Европу монголы, а еще ранѣе приходили сюда другія племена центральной Азіи, начиная съ гунновъ, т. е. съ III в. по Р. Х. По всей вѣроятности сюжеты заходили изъ Азіи въ Европу обоими путями и сѣверный путь оставлять безъ вниманія нельзя. Этимъ путемъ племена приходили съ женами, дѣтьми, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, и переносили на Западъ цѣликомъ весь свой государственный, общественный и религіозный строй; едва-ли ихъ пребываніе въ Европѣ могло пройти безслѣдно для европейскаго фольклора. Г. Ждановъ въ одной изъ статей своего сборника: „Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ“ подошелъ къ этому вопросу, но, къ сожалѣнію, не рѣшился долго на немъ остановиться.

Статья: «Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ» самая большая и самая интересная въ сборникѣ г. Жданова. Она отличается широкимъ захватомъ матеріала, привлеченаго къ сравненію и объясненію; авторъ пользовался для нея и памятниками западной средневѣковой литературы, и христіанской легендой, и лѣтописными извѣстіями объ ушкуйникахъ на Волгѣ, и многими другими источниками; только при такой исчерпывающей полнотѣ матеріала обработка сюжета можетъ привести къ правильному отдѣленію мѣстнаго отъ пришлаго. Г. Ждановъ даетъ совершенно новое освѣщеніе личности новгородскаго удальца; онъ сближаетъ его съ Робертомъ Дьяволомъ и Вольфъ-Дитрихомъ западныхъ повѣстей. Робертъ Дьяволъ сынъ дьявола, прижитый женщиной; отъ отца онъ получилъ роковое наслѣдство: необузданный характеръ, который приводитъ его къ ряду преступленій. Такая же демоническая фигура и нашъ Василій Буслаевъ; въ одномъ пересказѣ родители Васяля долгое время были

повидимому, получили дитя чрезъ посредство волшебницы; Василій, какъ и Робертъ, имѣлъ повидимому своимъ отцомъ дьявола. Подобно Роберту, онъ отличается буйнымъ характеромъ: онъ „не вѣрить ни въ сонъ, ни въ чохъ“, насмѣхается надъ святынями, купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ, тогда какъ считалось правиломъ, изъ уваженія къ святой рѣкѣ, купаться въ ней не иначе, какъ въ рубашкѣ, не уважаетъ старость, старика крестнаго отца зашибаетъ до смерти, престарѣлой женщиной говоритъ грубую скабрзность и пр. Детальныхъ параллелей г. Ждановъ указываетъ достаточно для того, чтобы согласиться съ нимъ, что источникъ обоихъ сказаній былъ общій. Семилѣтній Буслаевъ, подобно семилѣтнему Роберту, отдается въ обученіе наставнику; Робертъ убиваетъ своего учителя—Буслаевъ убиваетъ своего крестнаго отца и наставника. Оба героя, и Буслаевъ, и Робертъ дѣлаются потомъ несносны, вслѣдствіе своего буйнаго характера; буйство ихъ описывается тождественными чертами; и тотъ, и другой въ дракѣ отрываютъ у противниковъ руки и ноги. Оба набираютъ дружину изъ сорванцовъ, имена которыхъ въ обоихъ случаяхъ имѣютъ юмористическій отбѣнокъ—во французскомъ романѣ.—Раздави-чарочку, въ русской былинѣ—Котельная Пригарина. Пиръ въ пивной братчинѣ, гдѣ Буслаевъ затѣваетъ драку, имѣетъ поразительное сходство съ турниромъ, который превращается въ побоище, вслѣдствіе необузданнаго характера Роберта; Буслаевъ поражаетъ противниковъ тѣлжною желѣзною осью, Робертъ желѣзною дубиной; Буслаева укрощаетъ мать, Мамелфа; Роберта его мать, герцогиня. Послѣ убійствъ и дракъ, Буслаевъ ѣдетъ каяться въ Іерусалимъ, Робертъ Дьяволъ въ Римъ.

Легенда о сынѣ дьявола возникла на востокѣ; г. Ждановъ указываетъ на шаманскія и буддійскія легенды Сибири и Монголіи; сюжетъ этотъ по мнѣнію ученаго пришелъ въ Новгородъ какимъ-то кружнымъ путемъ, можетъ быть тѣмъ же, которымъ къ намъ зашли повѣсть объ индѣйскомъ царевичѣ Іосафѣ и легенда объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ, признанныя теперь за несомнѣнныя отраженія легенды о Буддѣ. Замѣчательно, что обѣ эти легенды поются нашими каликами; распѣваемыя тѣми же каликами Голубиная книга и Пѣсня о Богородицѣ, нашедшей валяющагося въ полѣ пьяницу, также вѣроятно буддійскаго происхожденія. На длинномъ литературномъ пути, говорить г. Ждановъ, сюжетъ о сынѣ дьявола подвергся вліянію палестинскаго преданія о Симонѣ-волхвѣ. Отраженіе палестинскаго преданія на новгородской почвѣ г. Ждановъ видитъ въ легендѣ о Волхвѣ, утонувшемъ въ Волховѣ и въ былинѣ о Волхѣ или Вольгѣ, а также и въ Бу-

славъ, на который указываеъ въ Вольфъ-Дитрихъ. Камень, о который разбился Симонъ-волхвъ, обратился въ камень, о которой разбилъ себѣ голову Буслаевъ; летаніе по воздуху замѣнилось въ былинѣ прыжкомъ; но это летаніе и низверженіе на землю цѣльнѣе сохранилось въ западныхъ повѣстяхъ о Робертѣ Дьяволѣ и о другой такой же демонической натурѣ, Вольфъ-Дитрихѣ. Высказывая мнѣніе о вліяніи христіанской легенды на преданія о Робертѣ, Волхѣ, Вольфъ-Дитрихѣ и пр., уважаемый профессоръ можетъ быть дѣлаетъ ненужную уступку установившимся мнѣніямъ; совпаденіе въ темахъ фольклора и христіанской легенды всегда объясняется вліяніемъ послѣдней, но правильно-ли это? Летаніе и низверженіе волхва встрѣчается въ буддійскихъ легендахъ, какъ это можно видѣть у Даранаты, въ его „Исторіи буддизма въ Тибетѣ“ (стр. 92—94), переводъ которой составляетъ III томъ „Буддизма“ г. Васильева, и эта тема могла явиться на западъ помимо вліянія легенды о Симонѣ волхвѣ. Понимаемъ, что изслѣдователь при такомъ отрицательномъ отношеніи къ вліянію христіанской легенды долженъ встрѣтить нѣкоторыя затрудненія, но они устранились бы, если бы онъ немножко скептически отнесся къ той перспективѣ, въ которой обыкновенно рисуется исторія распространенія сюжетовъ, и спросилъ себя: не кажущаяся-ли она? Иногда горный пейзажъ является зрителю въ ложной перспективѣ; мелькаетъ сомнѣніе и слѣдуетъ моментальная метаморфоза: всѣ части пейзажа на тѣхъ же мѣстахъ, но уже въ другой, подлинной перспективѣ. Такъ и тутъ: другая постановка глазъ и то, что казалось первоначальнымъ источникомъ, можетъ оказаться позднѣйшимъ отраженіемъ, а что казалось позднѣйшимъ—стать болѣе древнимъ.

Другая статья въ сборникѣ: „Пѣсни о князѣ Романѣ“ представляетъ сводъ пѣсенъ и преданій, въ которыхъ упоминается какой-то Романъ; сюда относятся былина о Романѣ, игровая малорусская пѣсенка о Воротарѣ и преданіе о Боянкѣ. Приуроченіе всего этого матеріала къ историческому Роману, галицкому князю, которое дѣлаетъ г. Ждановъ, намъ не кажется убѣдительнымъ и можетъ быть слѣдуетъ различать двухъ Романовъ: историческаго и обрядово-легендарнаго. Кромѣ двухъ упомянутыхъ былинъ въ сборникѣ въ особыхъ статьяхъ разсматриваются еще двѣ другія: Неразгаданный сонъ и Пѣсни о князѣ Михаилѣ. Пятая статья, стоящая въ началѣ сборника: „Повѣсти о Вавилонѣ и Сказаніе о князяхъ Владимірскихъ“, хотя и не трактуетъ о былевомъ эпосѣ, но представляетъ обзоръ разныхъ редакцій повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ и сходныхъ сказокъ, сохранившихся въ народной памяти, который несомнѣнно пригодится будущему

стей, христіанскихъ легендъ и апокрифовъ.

Книга г. Жданова расчищаетъ поле для дальнѣйшихъ розысканій въ области фольклора и облегчаетъ изслѣдованіе; при чтеніи новыя сопоставленія сами напрашиваются помимо указаній автора. Свѣтъ, брошенный имъ на избранныя былинны, не ограничивается этимъ избраннымъ содержаніемъ; онъ разсѣивается далѣе за рамки изслѣдованія и освѣщаетъ не тронутыя авторомъ уголки фольклора. Нѣкоторыя мѣста книги заставляютъ предугадывать существованіе какихъ-то отношеній западно-европейскаго Альбериха или Оберона къ нашему Пилигриму, или западной повѣсти о хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ, одинъ эпизодъ которой А. Н. Веселовскій сблизжалъ съ былинной о Микулѣ Селянниковичѣ, къ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, которая тоже связана съ Миколой. Направленіе, данное работамъ по русскому фольклору А. Н. Веселовскимъ, котораго держится и г. Ждановъ, вывело изслѣдованіе русскаго былевого эпоса на широкую международную дорогу; для сравненія привлекается весь обширный матеріалъ западно-европейской и средневѣковой литературы; на очереди стоитъ приобщеніе къ этимъ матеріаламъ и образцовъ восточнаго фольклора; исключеніе изъ подлежащаго изслѣдованію матеріала цѣлаго круга фактовъ можетъ мѣшать выработкѣ правильнаго взгляда на исторію расселенія сюжетовъ. Благодаря этому международному направленію, изученіе русскаго эпоса и фольклора приобретаетъ глубокий интересъ. Оно ведетъ къ заключенію о широкомъ общеніи русскаго народа съ Западомъ въ древности; вѣроятно не менѣе значительно было общеніе и съ Востокомъ. Въ какомъ отношеніи стоитъ русскій былевой эпосъ къ этому общенію? Возникъ-ли онъ благодаря заимствованіямъ съ чисто свѣтской цѣлью, было-ли это не болѣе, какъ обогащеніе народной литературы пришлыми сюжетами, или родство нашего эпоса и фольклора съ западно-европейскимъ, а можетъ быть и восточнымъ, слѣдуетъ объяснить принадлежностью древняго русскаго народа къ общему культу, распространенному на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ теперь встрѣчаются сходные сюжеты? Въ послѣднемъ случаѣ интересъ къ русскому фольклору станетъ еще глубже; въ немъ найдетъ разрѣшеніе вопросъ не только о расселеніи буддійскихъ и добуддійскихъ легендъ востока и преобразованіи ихъ въ христіанскіе апокрифы, но можетъ быть и о зарожденіи нѣкоторыхъ сюжетовъ христіанской легенды.

Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: „La psychologie anglaise contemporaine“ и „La psychologie allemande contemporaine“ Рибо съ замѣчательною ясностью резюмировалъ все, или почти все, что было достойнаго замѣчанія въ западно-европейской психологической литературѣ. Кто усвоилъ себѣ содержаніе обоихъ этихъ сочиненій, тотъ познакомился со всѣми важнѣйшими вопросами современной психологіи и съ лучшими рѣшеніями этихъ вопросовъ, потому что въ лицѣ англійскихъ ассоціационистовъ и нѣмецкихъ психо-физиковъ читатель знакомится съ двумя самыми жизненными направленіями въ психологіи. Первое сочиненіе Рибо „Современная англійская психологія“ уже давно переведено на русскій языкъ. Теперь редакція „Научнаго Обзорѣнія“ даетъ намъ переводъ другого сочиненія того же автора: „Современная германская психологія“.

Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ Гербарта, перваго (по времени) нѣмецкаго научнаго психолога, послѣдователи котораго до сихъ поръ играютъ роль въ нѣмецкой психологіи. Затѣмъ излагается ученіе Лотце и его теорія мѣстныхъ знаковъ. Посвятивши потомъ цѣлую главу спору нативистовъ и эмпириковъ о происхожденіи понятія пространства, авторъ переходитъ къ изложенію ученій двухъ психологовъ, наиболѣе потрудившихся и наиболѣе сдѣлавшихъ въ области психо-физики и психо-физиологіи: къ изложенію ученій Фехнера и Вундта. Двѣ послѣднія главы посвящены вопросу о продолжительности психическихъ актовъ и „Заключенію“, въ которомъ дѣлается обзоръ нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученій нѣмецкихъ психологовъ.

Авторъ, который самъ выдающійся французскій психологъ, конечно, вполне компетентенъ въ опѣнкахъ психологическихъ ученій; но что особенно было отмѣчено критиками при первомъ появленіи книгъ Рибо, это замѣчательная ясность его изложенія и замѣчательное искусство излагать въ небольшомъ объемѣ результаты многотомныхъ изслѣдованій.

Остается сказать о полнотѣ изложенія. Первое французское изданіе вышло въ 1879 г., и тогда книга Рибо была почти безукоризненная съ точки зрѣнія полноты изложенія. Второе французское изданіе вышло въ 1885 г., и хотя авторъ дополнялъ свою книгу изложеніемъ новѣйшихъ ученій, но это дополненіе сдѣлано уже не съ такою обстоятельностью и полнотою, какъ первоначальное изложеніе. Но между выходомъ второго французскаго изданія, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ, и выходомъ этого русскаго перевода прошло ровно десять лѣтъ. За это время нѣмецкая психологія обогатилась

многими дѣльными трудами. Достаточно вспомнить работы Мюнстерберга и появленіе новаго изданія психологіи Вундта. Къ сожалѣнію, ни переводчикъ, ни редакция „Научнаго Обозрѣнія“ не потрудились дополнить изложеніе Рибо обзоромъ новѣйшихъ нѣмецкихъ работъ въ области психологіи.

Это, конечно, не лишаетъ книги Рибо того высокаго значенія, которымъ она по справедливости пользуется. Мы горячо совѣтуемъ читателямъ познакомиться съ этою полезною книгою, хотя, въ видахъ большей систематизаціи изученія, совѣтуемъ прочитать сначала другое сочиненіе Рибо: „Современная англійская психологія“.

Что касается перевода, то его можно назвать удовлетворительнымъ, но далеко не безупречнымъ. Мы не сравнивали всей книги съ подлинникомъ, но, при разсмотрѣніи разныхъ на-удачу вятыхъ мѣстъ, не разъ встрѣчали неудачныя выраженія и даже ошибки. Самое заглавіе: „Современная *германская* психологія“ переведено не удачно: слѣдовало сказать *нѣмецкая* психологія, а не германская; ибо если слово „германскій“ понимать въ государственномъ смыслѣ, тогда заглавіе уже изложенія (Брентано, напр., австріецъ), а если понимать его этнографически, тогда заглавіе шире изложенія, ибо и англичане, и голландцы, и скандинавы — германцы, а о нихъ въ книгѣ не говорится. Тогда какъ терминъ „нѣмецкій“ вполне соответствуетъ изложенію. Это, конечно, мелочь, но мелочь, указывающая на небрежность переводчика и редакціи. Такими же мелочами являются: терминъ эмпиристы (вмѣсто эмпирики) на стр. 86 и нѣкоторыя другія мѣста. На стр. 232 выраженіе „*Impression complexe*“ переведено: „впечатлѣніе знакомое“, благодаря чему читатель можетъ подумать, что дѣло идетъ о впечатлѣніи; уже хоть однажды испытанномъ, тогда какъ авторъ говоритъ о впечатлѣніи *заранѣе извѣстномъ*. (Дѣло идетъ объ опытахъ, показывающихъ, что реакція на впечатлѣніе совершается быстрѣе, если мы заранѣе знаемъ, каково будетъ то впечатлѣніе, на которое мы должны реагировать).

А вотъ уже вполне неудачный переводъ.

Въ подлинникѣ говорится: *Des perceptions simples naissent les formes psychiques composées. Elles se ramènent à trois classes: les notions complexes; les notions générales; les formes de l'intuition, c'est-à-dire le temps et l'espace.*

Les notions ou perceptions complexes sont formées par la réunion des perceptions simples, appartenant à des espèces diverses. En réalité, la plus grande partie de nos représentations et de nos états de conscience appartiennent à cette classe, puisqu'elles répondent à des objets réels, concrets, complexes.

Les notions générales sont formées d'un certain nombre de perceptions simples...

По-русски это мѣсто переведено такъ (стр. 187): „Простыя *воспріятія* рождаютъ сложныя психическія формы. Они сводятся къ тремъ классамъ: сложныя *воспріятія*; общія *представленія*; формы интуиціи, т. е., время и пространство.

Самыя (сложныя?) *представленія* или *воспріятія* образуются соединеніемъ простыхъ *воспріятій*, принадлежащихъ къ различнымъ видамъ. Въ дѣйствительности, наибольшая часть нашихъ *представленій* и состояній сознанія принадлежатъ къ этому классу, такъ какъ соотвѣтствуютъ реальнымъ, конкретнымъ сложнымъ объектамъ.

Общія *представленія* образуются извѣстнымъ числомъ простыхъ *воспріятій*...»

Пусть читатель сравнитъ подчеркнутыя слова, и онъ увидитъ, что 3 термина подлинника переводятся всего двумя русскими терминами. Мало того, терминъ *potion* передается не только терминомъ „представленія“, что ошибочно, но даже терминомъ „воспріятія“, что является уже полнымъ извращеніемъ смысла подлинника.

Фельдшерскій вопросъ. Отъиски статей, напечатанныхъ въ 1894 г. въ газетѣ «Фельдшеръ». Спб. 1895. Ц. 50 к.

„Фельдшеризмъ“ есть явленіе чисто русское, не встрѣчаемое ни въ какой другой странѣ. Правда, Франція имѣла нѣчто подобное нашимъ фельдшерамъ въ лицѣ своихъ *officiers de santé*, но она успѣшила отдѣлаться отъ ихъ услугъ. „Фельдшерскій вопросъ“ это—вопросъ о томъ, какова роль фельдшеровъ въ деревнѣ, могутъ ли они тамъ замѣнять собою врачей, если и не во всѣхъ случаяхъ, то хотя бы въ такомъ значительномъ числѣ случаевъ, что имъ можно предоставить извѣстную самостоятельность. Практически съ этимъ знакомы, конечно, одни земскіе врачи. И тотъ пріемъ, который на пятomъ Пироговскомъ съѣздѣ былъ оказанъ докладу д-ра Герценштейна, есть самый компетентный отвѣтъ на вопросъ о фельдшеризмѣ.

Д-ръ Герценштейнъ, однако, полагаетъ, что тотъ по меньшей мѣрѣ недружелюбный пріемъ, который былъ сдѣланъ его защитѣ фельдшеризма, есть результатъ недоразумѣнія, возникшаго вслѣдствіе того, что ему не дали вполне высказаться. Онъ помѣстилъ свой докладъ въ газетѣ „Фельдшеръ“, редакція которой издала теперь этотъ докладъ отдѣльною брошюрою, присоединивши къ нему статейки: „Отповѣдь фельдшерофобамъ“ д-ра Герценштейна, „Еще о земствѣ и фельдшерамъ“ его же, статейки нѣкоторыхъ фельдшеровъ по тому же вопросу и даже, вѣроятно для большей трогательности, „Взглядъ крестьянина на фельдшеризмъ“.

Главное содержаніе брошюры, все таки, составляютъ статьи д-ра Герценштейна, о которыхъ мы только и будемъ говорить. Приёмъ, употребляемый д-ромъ Герценштейномъ для доказательства своего тезиса о необходимости дальнѣйшаго увеличенія контингента фельдшеровъ, — не отличается новизною, а степень его убѣдительности зависитъ, конечно, отъ степени проницательности тѣхъ, для убѣжденія которыхъ этотъ приёмъ употребляется. Приёмъ этотъ заключается въ подробномъ и тщательномъ доказательствѣ такого положенія, противъ котораго никто не спорить и спорить не можетъ, и въ болѣе или менѣе полномъ игнорированіи всѣхъ дѣйствительно сомнительныхъ сторонъ вопроса. Ученые логики называютъ этотъ приёмъ *ignotatio elenchi*, а неученая публика вспоминаетъ при этомъ поговорку: „въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько“.

Въ Россіи на одинъ миллионъ жителей приходится 8,4 врача, а въ Англій на тотъ же миллионъ жителей приходится 63,8 врача. И вотъ, вся сила диалектики д-ра Герценштейна направлена на доказательство того, что 8 менѣе 63! Для уясненія этой трудной истины д-ръ Герценштейнъ прилагаетъ карты Европейской Россіи, рисуетъ концентрическіе круги, располагаетъ таблицы то въ горизонтальномъ, то въ вертикальномъ направленіи, приводитъ данныя то для всей Россіи, то для каждой губерніи отдѣльно и т. п. и т. д. однимъ словомъ, даетъ исчерпывающее доказательство своего тезиса, причемъ читатель вполне убѣждается, что, какъ бы ни были расположены цифры: концентрически или эксцентрически, горизонтально или вертикально, — всегда 8 будетъ менѣе 63.

Но если читатель подумаетъ, что это нѣсколько скучное статистико-арифметическое упражненіе понадобилось д-ру Герценштейну для доказательства того, что крики о переполненіи Россіи образованными людьми — тенденціозная ложь; если читатель подумаетъ, что д-ръ Герценштейнъ изъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Россія почти въ восемь разъ бѣднѣе Англій врачами, сдѣлаетъ выводъ о необходимости открыть еще хоть одинъ медицинскій факультетъ, или о необходимости облегчить доступъ въ университеты; однимъ словомъ, если читатель подумаетъ, что статистико-арифметическія упражненія д-ра Герценштейна имѣютъ какую либо связь съ основною темою его статьи, — то онъ сильно ошибется. Д-ръ Герценштейнъ поступаетъ гораздо проще: поговоривши досаточно о томъ, что 8 менѣе 63, онъ уже не считаетъ нужнымъ разбирать по существу вопросъ о медицинской правоспособности фельдшеровъ. Роль доводовъ у него играютъ тѣ же фальшивыя сантиментальности: „Если нѣтъ возможности“ и т.

вполнѣ удовлетворительной помощи врачей, то дайте хоть менѣе удовлетворительную помощь фельдшера. Если мы не можемъ устроить электрическаго освѣщенія въ деревняхъ, то мы не имѣемъ права тушить лучинки въ крестьянскихъ хатахъ“ (стр. 47—48). На этотъ доводъ тутъ же на Пироговскомъ съѣздѣ д-ръ Никифоровъ возразилъ такъ: „У насъ былъ окладъ жалованья врача, равнявшійся жалованью 3 фельдшеровъ, и оказывается, что въ одно и то же время на самостоятельныхъ пунктахъ врачъ принималъ больше больныхъ, чѣмъ 3 фельдшера, слѣдовательно, въ количественномъ отношеніи врачъ обходится дешевле, а приемъ врача нельзя сравнивать съ приемомъ фельдшера“ (стр. 48). Таково фактическое опроверженіе д-ра Герценштейна. Но можно привести еще другое, болѣе сильное возраженіе, при которомъ устраняется самый вопросъ о томъ, что дешевле: помощь врача или помощь фельдшера. Доводъ д-ра Герценштейна основанъ на ошибочной аналогіи. Богатый человѣкъ пользуется электрическимъ освѣщеніемъ и вѣдитъ въ ландо на резиновыхъ шинахъ, а крестьянинъ освѣщаетъ свою хату лучиною и вѣдитъ въ плохой телѣгѣ; электрическое освѣщеніе и ландо стоятъ дорого, но отлично выполняютъ свое назначеніе, лучина и телѣга стоятъ дешево, за то плохо функционируютъ; однако, въ концѣ концовъ, и богатый человѣкъ, и крестьянинъ достигаютъ своей цѣли: освѣщаютъ свое жилище и передвигаются. Ничего подобнаго нельзя сказать о медицинской помощи. Въ медицинѣ не можетъ быть не вполнѣ удовлетворительнаго лѣченія, а можетъ быть только вполнѣ удовлетворительное и вполнѣ неудовлетворительное. Не вполнѣ правильное лѣченіе по своимъ результатамъ ничѣмъ не отличается отъ вполнѣ неправильнаго лѣченія. Установить и оцѣнить симптомокомплексъ болѣзни вовсе не такая простая задача, какъ то воображаетъ публика, занимающаяся самолѣченіемъ по популярнымъ самолѣчебникамъ. Если же вы неправильно оцѣните хотя бы одинъ какой либо симптомъ, то въ результатѣ получится совершенно ошибочный планъ лѣченія. Конечно, при самомъ нелѣпомъ лѣченіи большинство пациентовъ выздоравливаютъ, но это указываетъ лишь на то, какъ велика цѣлебная сила человѣческаго организма, какъ велико число болѣзней, которыя проходятъ „сами собою“. Непониманіемъ публикою этой истины и пользуются всевозможные цѣлители-шарлатаны, лѣчащіе разными таинственными, имъ однимъ извѣстными средствами. Но сами врачи должны были бы, кажется, стать выше той банальной точки зрѣнія, которая считаетъ всякое лѣченіе правильнымъ, если оно окончилось выздоровленіемъ. Д-ръ Герценштейнъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы вмѣсто того, чтобы доказывать ни-

къмъ не оспариваемую истину относительно бѣдности Россіи врачами, постарался бы точно формулировать свое положеніе, которое должно было бы гласить приблизительно слѣдующее: для успѣшнаго лѣченія больныхъ кѣтъ надобности въ огромномъ большинствѣ тѣхъ свѣдѣній, обладаніе которыми считается теперь необходимымъ для полученія диплома врача. Этого д-ръ Герценштейнъ *не посмѣетъ* утверждать прямо; но то, чего онъ не смѣетъ доказывать открыто, то самое онъ молчаливо признаетъ какъ бы уже доказаннымъ, маскируя это молчаливое признаніе явной несообразности сантиментальными фразами о крестьянской лучинѣ, которую собираются погасить какіе то фантастическіе поклонники электрическаго освѣщенія.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Перев. М. Товцовой подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Дружинина. Спб. 1895.

Если вѣрно, что писать популярный учебникъ гораздо труднѣе, чѣмъ научный трактатъ, то еще вѣрнѣе, что и относиться къ первому слѣдуетъ строже, чѣмъ ко второму. Тяжеловѣсное специальное изслѣдованіе, написанное особымъ „жаргономъ“, устанавливающимся во всякой специальности, составляетъ достояніе сравнительно небольшого круга подготовленныхъ людей, которые могутъ и сами легко отнестись къ нему критически. Популярное же изложеніе науки предназначается для „большой публики“, для начинающихъ, для тѣхъ, кто ищетъ въ книжкѣ руководство въ совсѣмъ невѣдомой для нихъ области мысли. Критическое отношеніе такого читателя еще слабо и популярно рассказанная ложь можетъ направить его далеко отъ истиннаго пути. Въ особенности это относится къ тѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, которыя въ данную минуту почему-нибудь пользуются особыми симпатіями читающей публики. Каждая книжка, трактующая такіе популярныя предметы, расхватывается, перчитывается, изучается и съѣтъ свои плевелы гораздо успѣшнѣе, чѣмъ сродный ей специальный, труднѣе усваиваемый научный трактатъ. Къ такимъ безусловно вреднымъ книжкамъ мы относимъ учебникъ, заглавіе котораго выписано выше. Особенно вреднымъ онъ является именно теперь, когда и среди учащейся молодежи, и въ публикѣ замѣчается у насъ возрастающій интересъ къ экономическимъ сочиненіямъ.

При чтеніи новаго перевода учебника мистриссъ Фаусеттъ мы испытывали то самое чувство, которое появляется обыкновенно при входѣ въ давно необитаемое помѣщеніе: окна забиты, свѣта мало, спертый воздухъ, плѣсень на стѣнахъ, внизу пыль, старомодная разсохшаяся мебель, какія-то вет-

Книжка мистриссъ Фауссетъ производитъ впечатлѣніе именно такого стараго дома, въ которомъ являются для устрашенія читателей старыя тѣни; но есть тѣни великія, передъ которыми чувствуешь благоговѣйный трепеть, а есть и забытыя, съ которыми становится просто скучно. Мистриссъ Фауссетъ, которая ничего не забыла и ничему не научилась, избираетъ послѣднія: она тревожитъ тѣни Бастіа и Жана-Балтиста Сэя. Особую нѣжность она питаетъ къ первому; когда ей нуженъ примѣръ, или особенно „тонкая“ аргументація, она заимствуетъ то или другое у этого забытаго старца (стр. 35, 74, 162 и слѣд.) и ужъ что онъ сказалъ, то свято. Другой названный старецъ не цитируется, но духъ его вѣетъ надъ всей книгой и, вѣроятно, весьма радуется тому, что его мысли повторяются даже въ концѣ текущаго вѣка, что эти повторынія удоставляются даже перевода на другіе языки *). Напрасно редакторъ перевода старается присвоить избранному имъ учебнику характеръ „объективности“ (стр. VII) и отсутствіе „односторонняго направленія“ (стр. IX), ибо и гармонисты представляли собой такую же школу, преслѣдовавшую извѣстную тенденцію, какъ и другія школы, имѣющія свои тенденціи. Если называть Ф. Листа, Ад. Вагнера или К. Маркса „одностороннимъ“ и „не объективнымъ“, то тѣ же клички надо присвоить и тѣмъ писателямъ, тѣни которыхъ вызываетъ мистриссъ Фауссетъ **).

Въ былое время, когда идеи Сэя, Бастіа и К^о еще пользовались кое-какимъ кредитомъ въ Европѣ, политическую экономію обзывали иногда вульгарно „лавочной наукой“. Въ этой обидной кличкѣ была своя логика, своя правда, ибо существовала такая школа, иного названія и не заслуживавшая. Для нея нѣтъ человѣка, а есть только производители мѣнновой цѣнности; нѣтъ производства предметовъ потребленія, а есть только производство товаровъ; нѣтъ земли, какъ источника удовлетворенія потребностей людей, а есть только земель-

*) Думается, впрочемъ, что нѣмцы ни за что не перевели-бы этой ветхозавѣтной книги. Кто же тамъ станетъ ее читать?! Въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften имя мистриссъ Фауссетъ даже совсѣмъ не упоминается. Столь же основательно забвенію предано это имя и въ Nouveau dictionnaire d'économie politique, par Leon Say.

**) Г. Дружининъ думаетъ, что переводъ книжки Фауссетъ можетъ помочь распространенію въ русской публикѣ «цѣнныхъ» систематическихъ трудовъ по политической экономіи. Чтобы доказать свою «объективность», онъ называетъ въ числѣ «цѣнныхъ» — вмѣстѣ сочиненія не только Смита, Милля и Родбертуса, но и Малинари и Лавассера, не только гг. Чупова, Иванюкова и Исаева, но и Вредена! Такая нераборчивость рѣшительно исключаетъ возможность уловить тотъ критерій, по которому авторъ отличаетъ «цѣнное» отъ «нецѣннаго».

ные участки, какъ предметъ торговли, и т. д. Словомъ, чело-
вѣкъ ѣсть, пьетъ, спитъ, работаетъ не для того, чтобы жить,
поддерживать свое существованіе, а для того, чтобы произво-
дить обмѣнъ товаровъ. Цѣнность, обмѣнъ—это не есть нѣчто
служебное челоѣку, а понятія *an und für sich*, подчиняющія
себѣ всю жизнь челоѣка. Стоитъ ли говорить объ интересахъ
этого ничтожнаго смертнаго, когда экономическіе высшіе за-
коны обмѣна предписываютъ оставить его на всю жизнь „на
хлѣбѣ и на водѣ“. Значить, такъ надо. Это все на нашу те-
перешній взглядъ дико, нелѣпо, почти невѣроятно, но это
такъ, такую точку зрѣнія твердо усвоила себѣ мистриссъ Фау-
сетъ.

Предметъ политической экономіи, по ея справедливому за-
мѣчанію, составляетъ „богатство“, но подъ этимъ терминомъ
она разумѣетъ лишь то, что „имѣетъ мѣновую цѣнность“
(11); слѣдовательно, все, что таковой не имѣетъ (напр., есте-
ственныя условія производства) не составляютъ богатства
челоѣка.

Напримѣръ: авторъ говоритъ, что земля является необхо-
димымъ факторомъ производства и аргументируетъ это такъ:
„нѣтъ такой отрасли торговли, въ которой нельзя было бы
прослѣдить прямого или косвеннаго участія земли“ (16), изъ
чего надо заключить, 1) что при господствѣ натурального хозяй-
ства земля не служитъ необходимымъ факторомъ производ-
ства и 2) что изученіе природы, какъ фактора производства,
необходимо лишь постольку, поскольку она нужна для тор-
говли. и т. д.

Пылью и плѣсенью отдають всё тѣ части книжки, въ ко-
торыхъ авторъ говоритъ о капиталѣ и капиталистическомъ
производствѣ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, „капиталъ есть про-
дуктъ сбереженія“ (48); стремленіе къ сбереженію возникаетъ
по двумъ причинамъ: 1) по „благоразумной заботливости о
будущемъ“ и 2) по „желанію увеличить свое богатство помѣ-
щеніемъ капитала въ торговныя предпріятія“.

Послѣ этого не трудно-же понять, что капиталисты не
при чемъ въ тѣхъ неприяностяхъ, которыя постигаютъ иногда
рабочихъ. Для производительности труда такъ важны „нрав-
ственность“ и „добросовѣтность“ рабочаго (32—33). А вѣдь не
всегда-же они „нравственны“ и „добросовѣстны“. Затѣмъ ра-
змѣръ заработной платы зависитъ отъ размѣровъ „фонда ра-
бочей платы“ (41—2) и отъ „конкуренціи рабочихъ“ (13).
Очевидно, если „фондъ“ не можетъ быть увеличенъ по при-
зыву, а рабочіе плодятся, какъ мухи, развѣ виноваты
капиталисты? Безпокойный американецъ Генри Джорда
что-то возражаетъ противъ теоріи „фонда“, но не трудно-ли
видѣть, что эти возраженія просто вадоръ. Вообще, мистриссъ

разбиваетъ нѣсколько разъ въ своей книжкѣ. Ну, а вотъ по поводу „неблагоразумной“ плодovitости дѣло обстоитъ иначе: въ этомъ случаѣ есть великій Мальтусъ (132, 140—142), учившій „воздержанію“ — отчего-же его не слушаютъ? Сами виноваты... Хуже всего оказывать какую нибудь помощь рабочимъ, если они „неблагоразумно“ расплодятся, если они „не заботятся о пріисканіи себѣ другихъ занятій“, не выселяются, если ведутъ „неравную борьбу“ съ машиннымъ производствомъ: строгая мистриссъ глубоко убѣждена, что „благотворительность должна способствовать приведенію въ исполненіе законовъ политической экономіи, но не тормозить ихъ“ (150—151). Это напоминаетъ того анекдотическаго врача, который радовался, что его пациентъ умеръ „по всѣмъ правиламъ науки“. Не всегда, однако, авторъ - моралистка относитъ такъ сурово къ благотворительности: она признаетъ въ этомъ дѣлѣ пользу рабочихъ союзовъ (178). Но эти союзы заслуживаютъ ея одобренія только съ этой стороны.

Но довольно выписоеть. Мы и такъ злоупотребили вниманіемъ читателя, останавливая его такъ долго на этомъ „археологическомъ“ произведеніи. На то, однако, была специальная причина. Книжка Фауссетъ почему-то рекомендована въ „Книжкѣ о книгахъ“ проф. Янжула (ч. I, стр. 163), гдѣ сказано, что она „можетъ служить удобнымъ пособіемъ для первоначальнаго ознакомленія съ основами политической экономіи“. Можетъ быть, этотъ отзывъ способствовалъ и появленію новаго ея перевода и во всякомъ случаѣ можетъ натолкнуть начинающаго читателя на совершенно ложный путь. Мы, очевидно, не могли въ бѣглой замѣткѣ исчерпать всѣ „перлы“, заключающихся въ этомъ ненадежномъ руководствѣ. Трудъ, какъ мѣрило цѣнностей, потерпѣлъ, по словамъ Фауссетъ, фіаско; а эта теорія предложена была, видите-ли, никѣмъ инымъ, какъ Робертомъ Оуэномъ (68). Болѣе авторитетныхъ теоретическихъ представителей трудовой теоріи авторъ, вѣроятно, не знаетъ. Далѣе, Фауссетъ считаетъ „вполнѣ справедливымъ“, что „цѣна предметовъ потребления зависитъ отъ спроса и предложенія“ (77); на стр. 116 рента смѣшана съ арендной платой; на стр. 129 сообщаются какіе-то совершенно фантастическіе комментаріи къ половническому контракту, не имѣющіе ничего общаго съ дѣйствительностью; на стр. 162 заявляется, что „прибыль есть вознагражденіе капитала за услугу, которую онъ оказываетъ производству“ и т. д. Не трудно видѣть, что книжка обнаруживаетъ полное невѣжество автора въ современной наукѣ о народномъ хозяйствѣ и что приведенный отзывъ въ изданіи г. Янжула могъ попасть туда исключительно по недоразумѣнію...

Остальные недостатки работы мистрисъ Фауссетъ, конечно, блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что изложено выше.—но и ихъ не мало. Къ таковымъ надо отнести значительную бессистемность и какую-то „клочковатость“ изложенія. Напримѣръ во введеніи на двухъ четвертушкахъ въ 16 долю листа разгонистымъ шрифтомъ разсказано и о томъ, что такое богатство, и о природѣ децегъ, и о меркантилизмѣ, и о свободной торговлѣ (11—15); ученіе о потребленіи изложено почему-то среди теоріи труда, какъ фактора производства, на трехъ страничкахъ (34—37); на стр. 128—132 разбросаны буквально клочки важнѣйшаго ученія объ арендахъ и т. д. Встрѣчается немало и недосмотровъ. Такъ, полнаго опредѣленія предмета не дается нигдѣ, а въ концѣ введенія ставится вопросъ: „что такое политическая экономія?“ (15); на стр. 18 стоитъ заглавіе: „различіе между крестьяниномъ-собственникомъ и арендаторомъ“, но о собственникѣ сказано только, что онъ „пожинаетъ всѣ плоды своего труда“ и пр. Имѣются и недостатки перевода: *основной капиталъ переведенъ несуществующимъ терминомъ „твердый“* (49), или, „вслѣдствіе своей связи со стачками, рабочіе союзы обратили на себя больше вниманія, нежели другіе союзы взаимной помощи“ и т. д. (180), или: „если соединить въ одно цѣлое членовъ рабочихъ союзовъ, трудолюбивыхъ, предусмотрительныхъ и строительныхъ обществъ, то окажется, что число членовъ собственно рабочихъ союзовъ составитъ не болѣе, какъ одну пятую общаго числа всѣхъ членовъ названныхъ обществъ“ (180). Кто разберется въ этой варварской фразѣ?..

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Починъ. Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М. 95. Ц. 2 р.

Въ волнахъ жизни. Литературный сборникъ. Изданіе Н. Полозеваго. Одесса. 95. Ц. 50 к.

Лесаажъ. Исторія Жиль Блаза де-Сантильяне. Переводъ съ французскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 95. Ц. 2 р. 50 к.

Влад. И. Немировичъ-Данченко. Старый домъ (и тая вая ткань). М. 95. Ц. 1 р.

Н. Е. Кардо-Сысоева. Не въ деньгахъ счастье. Пов. для дѣтей. Спб. 95. Ц. 50 к.

Н. Маръ. Стихотворенія. Спб. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Не былъ, но и не выдумка. Электрическій расказъ. В. И. Кодева. Спб. 95.

Ossip Lougicé. Ames souffrantes. 3-ème édition. Paris, 95. Pr. 3 fr.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе въ 10 томахъ.
Т. VIII. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Х. Ныдро. Отрывки изъ дневника, веденнаго въ Си-
бири. (Шутку спутилъ. — Войная сибирячка. — Сибирскіе шаманы). То-
больскъ. 94. Ц. 50 к.

А. Ордынскій. Дай-хон-тайджи и Бальджанъ. (Рассказъ
старого убаши). Тобольскъ. 93.

В. Свѣтловъ. Кавказскія преданія и легенды. Спб. 95.
Ц. 1 р. 25 к.

П. Перцовъ. Письма о поэзи. Спб. 95. Ц. 30 к.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь рус-
скихъ писателей и ученыхъ. Томъ IV. Спб. 95. Ц. 2 р. 50 к., въ
перес. 3 р.

Краткая замѣтка о бѣлорусскомъ нарѣччі. (Изъ «Ви-
тебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»). Витебскъ. 95.

Федоръ Шперкъ Философія индивидуальности. Varia.
Спб. 95. Ц. 30 к.

Анри де-Турвилль. Соціальная наука представляет-
ли науку? Переводъ съ французскаго гр. Н. С. Ланскаго со статьей пе-
реводчика «Ле-Пле и его школа». Спб. 95. Ц. 1 р.

Эдмондъ Демолэнсъ. Какъ воспитывать и устраивать
нашихъ дѣтей? Перевелъ съ французскаго гр. Н. С. Ланской. Спб. 95.
Ц. 25 к.

Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Сочиненіе Т. Хиг-
гинсона. Переводъ и изданіе Д. Л. Муратова. М. 95. Ц. 1 р.

Родителямъ и учителямъ. Вопросы воспитанія. К. Г. Лав-
риченко. Спб. 94.

С. Обращеніе товарища къ студентамъ. Спб. 95. Ц. 20 к.

La loi fondamentale de la vie. Discours prononcé à l'occasion de la
célébration de l'anniversaire de la fondation de l'université de Jourieff (Dor-
pat). Par Wladimir Tchisch. Jourieff (Dorpat). 95.

Т. Циглеръ, проф. Страсбургскаго университета. Что такое нрав-
ственность? Переводъ со 2 нѣмецкаго изданія Александра Острогорскаго.
Спб. 95. Ц. 50 к.

Le musée social. Inauguration 25 mars 1895. Paris. 95.

А. К. Ордынскій. Истина о Жаннѣ д'Аркъ. Тобольскъ. 94.
Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами. Переводъ
Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографи-
ческій очеркъ Евгенія Соловьева. Съ портретомъ. (Біографическая
библіотека Ф. Павленкова). Спб. 94. Ц. 25 к.

Бернгардъ Куглеръ. Исторія крестовыхъ походовъ.
Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками, картами и планами. Изданіе Л. Ф.
Пантелѣева. Спб. 95. Ц. 3 р.

Н. Ф. Петровскій. Древніе арабскіе дорожники по средне-
азіатскимъ мѣстностямъ, входящимъ въ настоящее время въ составъ рус-

скихъ владѣній. Извлеченіе изъ сочиненія Sprenger'a «Die Post und Reiseroiten des Orients». Ташкентъ. 94. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Исслѣдованіе Александра Филиппова, проф. Юрьевскаго университета. Часть I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ. 95. Ц. 3 р. 50 к.

Древне-христіанскіе храмы и св. Александро-Аеонскій Зеленчукскій монастырь въ Зеленчукскомъ ущелии Кавказскаго хребта. (Съ рисунками древнихъ храмовъ). Изданіе св. Александро-Аеонской Зеленчукской пустыни. Изданіе второе. М. 94.

И. С. Штейнгауеръ. Первые уроки географіи, примененные къ потребностямъ школы съ инородческимъ элементомъ. Новое изданіе, окончательно переработанное. Спб. 95. Ц. 40 к.

Земля и ея обитатели. Первое знакомство съ географіею всеобщю и русскою. Пособіе для самообразованія. Съ 170 рисунками въ текстѣ. Составила М. М. Соколова. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 95. Ц. 1 р.

По Палестинѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ М. М. Усышкина. Спб. 94.

А. Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. М. 95. Ц. 2 р. 50 к.

Эрнестъ Магаймъ. Профессиональные рабочіе союзы. Переводъ съ французскаго Н. Водовова съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 95. Ц. 1 р. 25 к.

Библиотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Исслѣдованія о богатствѣ народовъ. Переводъ М. Щепкина. Изданіе Е. Т. Солдатенкова. М. 95. Ц. 1 р.

Юридическая бібліотека. Изданіе Я. Канторовича. Спб. 95. № 1. **Честь въ философіи и правѣ.** I. Эпштейна. Переводъ съ нѣмецкаго В. Л. Г—ча. Ц. 80 к. № 2. **Литературная собственность.** Я. Канторовича, Ц. 80 к. № 3. **Общественное мнѣніе.** Ф. Гольцендорфа. Переводъ съ нѣмецкаго Н. О. Вера. Ц. 80 к. № 4. **Женщина въ правѣ.** Я. Оровича. Ц. 1 р. 60 к.

К. В. Козминъ. Къ вопросу о петербургско-пермской желѣзной дорогѣ. Спб. 95.

Всеволодъ Даневскій. Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. М. 95.

Труды V съѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, изданные правленіемъ V съѣзда въ С.-Петербургѣ. Томъ второй. Спб. 95. Ц. за два тома 6 руб.

Др. мед. В. Шредеръ. Женскій врачъ. Общедоступное изложене женскихъ болѣзней, ихъ сущность, причины, предохраненіе и леченіе. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе М. Блекмана. Киевъ. 95. Ц. 1 р. 50 к.

Земская медицина и заболѣваемость населенія въ Херсонскомъ уѣздѣ за 1893 годъ. П. Ф. Кудрявцева, сскаго санитарнаго врача. Херсонъ. 94.

Земская медицина. Рождаемость, заболѣваемость и смертность населенія Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи въ 1893 г. Отчетъ земскаго санитарнаго врача П. Н. Ородникова. Изданіе уѣзднаго земства. Одесса. 94.

Земскія школы Елисаветградскаго уѣзда въ се

градъ. 95.

Объ алкоголизмъ. Рѣчь д-ра П. Н. Коновалова на годичномъ засѣданіи Общества врачей Енисейской губерніи 26 сентября 1894 г. Красноярскъ. 95.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1894 г. М. 95.

Отчетъ о дѣятельности Вологодской бесплатной библіотеки за 2-й годъ существованія. Вологда. 94.

Отчетъ о дѣятельности состоящаго при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ С.-Петербургскаго комитета грамотности за 1894 годъ. Спб. 95.

XVI годъ. Общество для составленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1893—1894 г. Спб. 95.

Изданія Л. Ф. Пантелѣева. 1877 — 1895 гг. Составилъ П. Г. Бегинъ. Спб. 95.

Каталогъ книжнаго магазина Ив. Ив. Конакова. М. 95. Ц. 15 к.

Докладъ комиссіи 3-го областного съѣзда сельскихъ хозяевъ о системахъ хозяйства и мѣрахъ къ улучшенію организаціи хозяйства. Кіевъ. 95.

Нѣсколько данныхъ по сельско-хозяйств. статистикѣ Европейской Россіи. Сост. проф. А. Фортунатовъ. М. 95.

Задача Экономическаго Общества. Докладъ Пермскому Экономическому Обществу д. ч. В. В. Грибель. (Извлечено изъ 1-го т. «Трудовъ Пермскаго Экономическаго Общества»).

Приложеніе къ докладу очередному губернскому земскому собранію сессіи 1895 г. по страхованію. Протоколы съѣзда агенто́въ тверскаго взаимнаго земскаго страхованія съ представителями губернскихъ земствъ: петербургскаго, псковскаго, новгородскаго, московскаго, смоленскаго, калужскаго, орловскаго, нижегородскаго, яванскаго и ярославскаго съ 23 февраля по 2 марта 1895 г. Тверь. 95.

В. Выстренинъ. Земельный кредитъ и оскудѣніе. Изданіе книжнаго магазина Н. К. Мартынова. Спб. 95. Ц. 25 к.

В. И. Касперовъ. Цѣны на пшеницу на современномъ международномъ рынкѣ. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ. Спб. 95. Ц. 5 р.

Книга о лошади. Настольная книга для каждаго владѣльца и любителя лошади. Графа К. Г. Врангеля. Обработана для примѣненія въ Россіи съ 3-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей князя С. П. Урусова. Выпускъ 1-й. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. Спб. 95. Выйдетъ въ 20 выпускахъ: Подписная цѣна 10 р.

Домъ и хозяйство. Руководство къ рациональному веденію домашняго хозяйства въ городѣ и въ деревнѣ. Въ двухъ томахъ. Съ рисунками. Маріи Редингъ, редактора «Рижской газеты для хозяекъ». Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 95. Ц. за оба тома 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Руководство для приготовленія горькихъ водокъ, ликеровъ и наливокъ домашнимъ способомъ. Составилъ Александръ Альмедингенъ. Изданіе книжнаго магазина Ф. В. Щепанскаго. Спб. 95. Ц. 75 к.

Литература и жизнь.

Довольно туго подвигается впередъ «Критико-біографическій словарь» г. Венгерова, но все-таки подвигается: на-дняхъ выйдетъ четвертый томъ, содержащій, по обыкновенію, и голые фактическіе «матеріалы» справочнаго характера, и, для нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ писателей, болѣе или менѣе обработанныя критико-біографическія статьи. Алфавитная судьба, опредѣляющая составъ каждаго отдѣльнаго тома каждаго словаря, не была на этотъ разъ очень благосклонна къ труду г. Венгерова, но нѣсколько интересныхъ и наводящихъ на размышленіе фигуръ все-таки есть въ четвертомъ томѣ.

Вотъ, наприимѣръ, Иванъ Богдановичъ (братъ Ипполита Богдановича, автора «Душеньки», отецъ извѣстнаго военнаго историка), писатель начала нынѣшняго вѣка. Мысли и чувства свои онъ излагалъ въ стихахъ и прозѣ. Главное его произведеніе—книжка «О воспитаніи юношества». По словамъ г. Венгерова, «авторъ самъ проникнуть истинною гуманностью и такихъ же людей жаждетъ выработать изъ «россійскаго благороднаго юношества», онъ ему жаждетъ привить самыя высокія представленія о чувствѣ долга, о любви къ ближнему и о человѣческомъ достоинствѣ». И вотъ этотъ гуманный, мягкій человѣкъ пишетъ «Слово похвальное царю Іоанну Васильевичу IV», въ которомъ «не только нѣтъ *ни единого слова* (курсивъ г. Венгерова) объ опричнѣннѣхъ и казняхъ, но нѣтъ даже прозвища «Грозный». Это удивительное явленіе г. Венгерова объясняетъ невѣжествомъ. Онъ говоритъ: «Имѣи мы дѣло съ учебникомъ, въ которомъ авторъ волей-неволей долженъ коснуться Грознаго, панегирической тонъ можно было бы объяснить цензурными условіями. Но «похвальное слово» было добровольнымъ литературнымъ произведеніемъ, никто же Богдановича не заставлялъ прославлять Іоанна, значитъ, просто оно вылилось отъ полноты его историческаго не-
жества, если можно такъ выразиться. Это невѣжество отнюдь, конечно, нельзя поставить на личный счетъ Богдановича, который, судя по книжкѣ о воспитаніи, былъ человѣкъ достаточно обра-

ванный. 10 лѣтъ спустя, т. е. послѣ того, какъ появилась исторія Карамзина, открывшая русскимъ Россію, гуманному Богдановичу уже едва ли пришло бы желаніе писать похвальное слово Іоанну».

Мудрено, мнѣ кажется, согласиться съ мнѣніемъ г. Венгерова, ибо мудрено знать о существованіи Іоанна IV и не знать о его «грозности». Какова бы ни была роль Карамзина въ русской исторіографіи, но хотя бы только «Россійская исторія» кн. Щербатова могла сообщить Богдановичу свѣдѣнія объ опричинѣ, казняхъ и прочихъ чертахъ царствованія «Грознаго». Съ другой стороны, мы знаемъ, что и долго спустя послѣ того, какъ исторія Карамзина «открыла русскимъ Россію», панегирической тонъ по отношенію къ Ивану IV былъ вовсе не рѣдкостью, да еще у такихъ людей, какъ, напримѣръ, Бѣлинскій, Кавелинъ. У Бѣлинскаго это было дѣломъ вообще свойственнаго ему односторонне страстнаго увлеченія личностью, идеей, историческимъ моментомъ, теоріей, увлеченія, въ которомъ онъ потомъ такъ горько и такъ часто каялся; у Кавелина, какъ и у многихъ другихъ — плодомъ предвзятой исторической схемы; у Богдановича — чѣмъ? Слишкомъ мы мало объ немъ знаемъ и слишкомъ онъ незначительная величина, чтобы стоило доискиваться отвѣта на этотъ вопросъ. Но полагаю, что панегирикъ Грозному Іоанну со стороны гуманнаго Богдановича слѣдуетъ объяснять отнюдь не недостаткомъ знаній, а просто нравственно-политическою невоспитанностью, столь свойственною намъ, русскимъ, вообще. Ею объясняются многія и разныя неожиданности въ нашей жизни.

И, однако, ея всетаки мало для объясненія напечатанной въ четвертомъ томѣ словаря г. Венгерова автобіографической записки нашего знаменитаго синолога, В. П. Васильева. Здѣсь неожиданны не только воззрѣнія, которыя г. Венгеровъ любезно называетъ «оригинальными», но и ходъ мысли, и обороты рѣчи, — и этика, и политика, и логика, и грамматика. Каюсь, знаменитая шишка на носу алжирскаго бея не разъ припоминалась мнѣ при чтеніи этой записки. И достопочтенный ученый этому не удивится, потому что и самъ говорить по поводу одной своей внезапности: «Вась это поражаетъ, вы смѣтаете, желаете оцупать мою голову, не беспокойтесь, она крѣпка и цѣла — но въ ней еще не забыта фантазія, оригинальность». Я приведу только одинъ образчикъ неожиданностей г. Васильева. Отецъ у него былъ строгій, учителя жестокіе, начальство притѣснительное. Но теперь маститый ученый вспоминаетъ обо всемъ этомъ съ благодарностью: «А отецъ, о, какъ бы я благоговѣлъ передъ нимъ. И знаете ли, въ чемъ я долженъ еще сознаться? Какъ патріотъ, я отъ души ненавижу поляковъ; удивляюсь, зачѣмъ ихъ щадять, какъ заклятыхъ враговъ Россіи». Переходъ отъ благоговѣйной памяти объ отцѣ къ безопасности по отношенію къ полякамъ является вполне неожиданнымъ. Но только что вы успокоились на необходимости истребить поляковъ, какъ

г. Васильевъ огорошиваетъ васъ новою неожиданностью: «Но въ то же время я долженъ сознаться, что въ полякахъ встрѣтилъ больше привѣта, чѣмъ въ русскихъ монахахъ». Приведа затѣмъ очень хорошия, но довольно избитыя слова «поляка-профессора» О. М. Ковалевскаго, г. Васильевъ прибавляетъ: «Не послужатъ ли эти слова къ примиренію двухъ націй, отъ согласія которыхъ зависить вся судьба славянства?» Вы недоумѣваете: какое же «согласіе», когда «удивляюсь, зачѣмъ шадятъ поляковъ»? Но и на это ваше недоумѣніе г. Васильевъ можетъ отвѣтить: вы хотите пощупать мою голову, не безпокойтесь, она крѣпка и цѣла, но въ ней сохранилась «фантазія, оригинальность». Г. Васильевъ пользуется извѣстностью, какъ знатокъ китайскаго языка и Китая вообще, но онъ, по его собственному показанію, «имѣетъ маленькую претензію быть ни больше, не меньше какъ только реорганизаторомъ Россіи». «Каюсь, мои мысли, мои взгляды родились въ Китаѣ», говоритъ онъ. И вотъ эти свои китайскія мысли и взгляды онъ хотѣлъ примѣнить къ русской жизни, «реорганизовать» ее въ этомъ направленіи. Его прекраснѣйшіе совѣты были гласомъ вошющаго въ пустынь. Но не по той причинѣ, что и самому ему приходится предлагать свою голову для ощупыванія. Нѣтъ, «вся бѣда въ томъ, что я былъ ориенталистъ,—говоритъ онъ: могъ ли я что нибудь придумать для руководства западниковъ; у нихъ такія свѣтлыя головы, что и лбы мѣдныя!..»

Переходимъ къ П. Д. Боборыкину, которому въ четвертомъ томѣ критико-біографическаго словаря посвящена самая большая статья. Прежде всего надо отдать справедливость автору статьи, г. Венгерову. Онъ желаетъ быть вполне безпристрастнымъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, не смѣшивая, какъ это часто дѣлается, безпристрастія съ безстрастіемъ. Одно дѣло — говорить о какомъ нибудь писателѣ или вообще о житейскомъ фактѣ, чуждаясь хвалы и порицанія, и другое дѣло — не закрывать глаза ни на хорошия, ни на дурныя стороны явленія. Первое или есть совершенно недостижимая задача, нѣчто въ родѣ квадратуры круга, или свидѣтельствуешь только объ индифферентизмѣ критика, ни мало не способствуя уясненію явленія; второе есть необходимое условіе всякой добросовѣстной критической работы. Статья г. Венгерова есть несомнѣнно добросовѣстная критическая работа. Она имѣетъ отчасти полемическій характеръ, такъ какъ и начинается, и продолжается, и кончается горячею запитою плодовитѣйшаго изъ нашихъ речниковъ, а можетъ быть и изъ писателей вообще, противъ разноразныхъ нападокъ, которымъ онъ такъ часто подвергается. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Венгеровъ съ величайшею тщательностью различаетъ пшеницу и плевелы на нивѣ литературной дѣятельности г. Боборыкина. Такимъ образомъ въ статьѣ его можно найти всѣ данныя для окончательнаго и правильнаго сужденія о г. Боборыкинѣ, но, къ сожалѣнію, характеристика, сдѣланная самимъ г. Венгеровымъ, не является въ ней.

героизмъ, лишена цѣльности, — онъ не свелъ своихъ концовъ съ концами. Попробуемъ сдѣлать это за него.

Г. Венгеровъ начинаетъ съ упрековъ нашей критикѣ за ея недостаточное вниманіе и несправедливость къ П. Д. Боборыкину. Имя этого необыкновенно плодовитаго писателя постоянно мелькаетъ въ рецензіяхъ, критическихъ газетныхъ фельетонахъ и журнальныхъ статьяхъ, но все это больше бѣглыя замѣтки, не исчерпывающія предмета и часто ограничивающіяся простымъ глумленіемъ. Въ «Исторіи новѣйшей литературы» г. Скабичевского г. Боборыкину посвящено меньше мѣста, чѣмъ Новодворскому (Осиповичу), и поставленъ онъ въ одну линію съ Евг. Марковымъ, Немовичемъ-Данченкомъ, Терпигоровымъ, Саловымъ, Ахшарумовымъ и Лейкинымъ. Въ нѣмецкой «Geschichte der russischen Literatur» Рейнгольда Боборыкину посвящено нѣсколько строкъ. А между тѣмъ г. Боборыкинъ написалъ на своемъ вѣку не менѣе 70 — 80 томовъ, и уже одно это количество должно бы было привлечь къ нему вниманіе критики, не говоря объ томъ, что вѣдь никто же не сомнѣвается въ его талантливости.

Фактически г. Венгеровъ совершенно правъ, и я полагаю даже, что его недоумѣніе передъ несправедливостью критики, — если такая несправедливость существуетъ — должно получить еще болѣе широкое примѣненіе. Говоря о Geschichte der russischen Literatur Рейнгольда, онъ замѣчаетъ, что она «вѣрно отразила настроеніе руководящихъ литературныхъ кружковъ». Г. Венгеровъ хочетъ сказать, что и здѣсь, въ нѣмецкой книгѣ, отразилось вліяніе кружковой несправедливости. Пусть такъ. Но вотъ что любопытно. Изъ библиографическихъ указаній г. Венгерова видно, что на иностранные языки были переведены изъ сочиненій г. Боборыкина только два, а именно: 1) «Полжизни» въ Journal de St.-Pétérbourg 1870-хъ годахъ, переводъ жены г. Боборыкина и 2) «Жертва вечерняя» на нѣмецкій языкъ въ 1893 г. Это поразительно мало, особенно если принять во вниманіе, что, не говоря уже о Толстомъ, Тургеневѣ, Достоевскомъ, гораздо болѣе молодые писатели, какъ, напримеръ, г. Короленко, переводились на иностранные языки гораздо больше. А между тѣмъ во многихъ европейскихъ центрахъ г. Боборыкинъ, можно сказать, свой человекъ, лично знакомъ съ корифеями литературы и неоднократно печаталъ свои статьи о разныхъ явленіяхъ русской жизни во французскихъ, англійскихъ, итальянскихъ журналахъ. Но и эти статьи, несмотря на интересъ къ русской литературѣ, возбужденный въ послѣднее время въ Европѣ, не упоминаются въ иностранной литературѣ, точно ихъ и не было, какъ и вообще точно и не было 70—80 томовъ, написанныхъ г. Боборыкинымъ. Такимъ образомъ, нѣтъ надобности кивать на «руководящія русскіе литературные кружки», чтобы увидѣть, что и Европа несправедлива къ г. Боборыкину.

Но Европа по крайней мѣрѣ молчитъ о г. Боборыкинѣ. Неспра-

ведливость нашей критики идетъ гораздо дальше, она систематически умаляетъ достоинства этого писателя и часто даже грумится надъ ними. Говорятъ, наприимѣръ, о «легковѣсномъ всезнайствѣ» г. Боборыкина; наприимѣръ, «рецензенты не упустили случая потрунить надъ тѣмъ, какъ это Петръ Дмитриевичъ даже объ анатоміи и физиологіи не прочь потолковать». Въ дѣйствительности же, «въ полную противоположность установившемуся мнѣнію, Боборыкинъ никогда не говоритъ о томъ, чего не знаетъ основательно». «Этотъ химикъ по долготѣннымъ специальнымъ занятіямъ, медикъ по пройденному полному курсу врачебныхъ наукъ, юристъ по диплому и подготовленію къ магистерскому экзамену, выдающійся знатокъ сценическаго искусства по своимъ занятіямъ теоріей драматургіи, столь же выдающійся знатокъ европейскаго литературнаго и философскаго творчества, наконецъ, этотъ человѣкъ, превосходно знающій семь языковъ, по справедливости долженъ быть причисленъ къ самымъ замѣчательнымъ представителямъ образованія въ Россіи». Во всѣхъ упомянутыхъ отрасляхъ науки г. Боборыкинъ является «во всеоружіи спеціальнаго знанія». «Вотъ почему, при всей смертной охотѣ многочисленныхъ журнальныхъ недруговъ П. Д. уязвить его за то, что въ своемъ «дилетантскомъ всезнайствѣ» онъ не останавливается и передъ философіей, эти уязвленія дальше голословнаго фырканія не шли. А въ средѣ дѣйствительно компетентныхъ судей—въ московскомъ психологическомъ обществѣ П. Д. неоднократно читалъ рефераты», и его тамъ не уличали въ незнакомствѣ съ предметомъ.

Смѣются надъ многописаніемъ г. Боборыкина, но вѣдь это только трудолюбіе, достойное изумленія и хвалы. Смѣются надъ «торопливостію» его творчества, но оно не торопливо, а «тревожно» и свидѣтельствуетъ объ отзывчивости и впечатлительности, качествахъ, гарантирующихъ писателю высокое мѣсто въ литературѣ. Чуть только мелькнетъ какое нибудь новое явленіе въ русской жизни, г. Боборыкинъ уже отзывается на него и запечатлѣваетъ въ образахъ и картинахъ. Это послѣднее обстоятельство внушаетъ г. Венгеру нѣсколько прекрасныхъ словъ о значеніи «вѣчныхъ» темъ въ искусствѣ. Когда намъ говорятъ, что «вѣчныя» темы значительно преобладаютъ злобы дня, то это есть лишь словесное недоразумѣніе, ибо мы по необходимости имѣемъ дѣло съ «временнымъ». Жизни нѣтъ времени и пространства нѣтъ, и писателю она «можетъ быть известна лишь постольку, поскольку онъ истинный сынъ окружающей его дѣйствительности. Писатель, который садится за свой письменный столъ съ цѣлью изобразить одно «вѣчное», ничегъ кромѣ сухихъ и безжизненныхъ абстракцій или мѣртворожденных символовъ, не произведетъ. Вѣчное получается само собой, если временное изображено художественно, т. е. ярко, правдиво и полно. Величайшіе представители всемірной литературы никогда не боялись ни ярко-мѣстнаго, ни временнаго. Что можетъ быть временнѣе і

кого-то и понять невозможно безъ подробнѣйшихъ комментарий?.. Гёте, котораго мудроно будетъ причислить къ зловредной книгѣ, созданной Бблинскимъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, тѣмъ не менѣе, *horribile dictu*, сказали:

Wer für die Besten *seiner* Zeit gelebt,
Der hat gelebt für alle Zeiten.

И вотъ почему мы отзывчивость, отрешеніе къ «ловленію момента» не можемъ не поставить въ число самыхъ положительныхъ качествъ творческой натуры П. Д. Боборыкина».

Много еще и горячо говорить г. Венгеровъ въ защиту г. Боборыкина и много очень вѣрныхъ мыслей при этомъ высказываетъ. Но... но самъ же онъ предъявляетъ въ своей статьѣ столько *no*, что дѣло уясняется само собой и обвиняемая въ несправедливости къ г. Боборыкину часть критики и публики получаетъ, мнѣ кажется, полное оправданіе.

Начать съ того *no*, что г. Боборыкинъ написалъ «Доктора Цыбульку», а не «Донъ-Кихота». Г. Венгеровъ, конечно, хорошо понимаетъ эту разницу и прибавляетъ только, что это уже «вопросъ о размѣрахъ таланта, а не о направленіи его». Я не думаю оскорблять г. Боборыкина сравненіемъ размѣровъ его таланта съ размѣрами талантовъ Сервантеса или Данте, но полагаю, что, если творенія послѣднихъ живутъ вѣка, а произведенія г. Боборыкина забываются въ тотъ же годъ, то этого нельзя объяснить только разницею въ размѣрахъ талантовъ. Сейчасъ г. Венгеровъ самъ сообщитъ намъ нѣкоторыя другія причины различія литературныхъ судебъ г. Боборыкина и Сервантеса или Данте. Сначала проверимъ кое какія фактическія показанія г. Венгерова.

Вѣрно ли, что достоинства г. Боборыкина такъ таки совсѣмъ у насъ не признаются? Самъ г. Венгеровъ упоминаетъ о какомъ то торжественномъ обѣдѣ, данномъ г. Боборыкину въ декабрѣ прошлаго года «избраннымъ литературнымъ кружкомъ». Я не имѣлъ чести участвовать въ этомъ обѣдѣ и не знаю, изъ кого состояли избранные и кѣмъ собственно они были избраны. Но есть-же, значить, люди, и не отдѣльные экземпляры, а цѣлый кружокъ, да еще избранный, который выражаетъ свое уваженіе къ маститому беллетристу даже спеціальнымъ торжествомъ. Правда, этотъ кружокъ, повидимому, не пользуется большимъ вліяніемъ, потому что не сумѣлъ внушить питаемымъ имъ чувства всей литературѣ и обществу. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что г. Венгеровъ не правъ, намекая на какую то отрицательную роль литературныхъ «кружковъ» въ не совсѣмъ удачной судьбѣ г. Боборыкина, какъ писателя. Почтенный беллетристъ находится, повидимому, въ добрыхъ отношеніяхъ съ самыми разнообразными литературными

кружками, такъ какъ произведенія его печатаются, и въ «Вѣстникѣ Европы», и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», и въ «Недѣлѣ», и въ «Русской Мысли», и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и въ «Вопросахъ философіи и психологіи». Но и за всѣмъ тѣмъ въ общемъ литература дѣйствительно относится къ нему не особенно уважительно: часто раздаются по его адресу разнообразныя насмѣшки и рѣдко слышатся въ его защиту сколько нибудь громкіе голоса. Въ этомъ отношеніи г. Венгеровъ совершенно правъ, но приводимый имъ «смѣшливый» глаголъ—«боборыкать» онъ относитъ не туда, куда слѣдуетъ. Изъ изложенія г. Венгерова можно вывести, напримѣръ, заключеніе, что подвергается осмѣянію или же просто отрицается разносторонняя образованность г. Боборыкина. Это невѣрно. Никто, конечно, не согласится съ г. Венгеровымъ, что нашъ талантливый беллетристъ и въ химіи, и во «врачебныхъ наукахъ», и въ юриспруденціи, и въ философіи, и въ исторіи литературы предстоитъ «во всеоружіи спеціальнаго знанія». Что такое значить, напримѣръ, «юристъ по диплому и приготовленію къ магистерскому экзамену»? Оставимъ дипломъ въ покоѣ, потому что кто же не знаетъ, какая ему можетъ быть цѣна; а затѣмъ находимъ въ автобіографической запискѣ г. Боборыкина слѣдующія данныя: «*бывалъ* на лекціяхъ государственнаго права А. Д. Градовскаго; долго имѣлъ намѣреніе держать экзаменъ на магистра государственнаго права». До всеоружія спеціальнаго знанія отсюда еще очень далеко. Да и гдѣ же при нынѣшнемъ состояніи науки возможность всеоружія спеціальнаго знанія по всѣмъ перечисленнымъ г. Венгеровымъ отраслямъ? Можно, однако, и нынѣ обладать достаточно разносторонними знаніями въ размѣрѣ, достаточнымъ для той или другой дѣятельности, и, какъ беллетристъ, г. Боборыкинъ таковыми обладаетъ. Онъ принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, и никто никогда этого не отрицалъ и не смѣялся надъ этимъ. Другое дѣло,—какой толкъ вышелъ изъ занятій г. Боборыкина химіей и государственнымъ правомъ, «врачебными науками» и философіей. На этотъ счетъ г. Венгеровъ выражаетъ вполне определенное мнѣніе: «Мы всего менѣе намѣрены утверждать, что многочисленныя и крайне разнообразныя знанія, пріобрѣтенныя нашимъ романистомъ путемъ настойчиваго самообразованія и долгаго странствованія по аудиторіямъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, привели къ серьезнымъ научнымъ результатамъ. Мы не думаемъ также, чтобы обширное образованіе оказало особенно цѣнную помощь главной жизненной задачѣ нашего автора—его беллетристическому творчеству, скорѣе мы склонны думать, хотя это и отдаетъ нѣсколько варварствомъ, что множество знаній притупили въ П. Д. непосредственно впечатлѣнія».

Мы видѣли, что г. Венгеровъ протестуетъ противъ примѣненія эпитета «торопливый» къ творчеству г. Боборыкина. Но, говоря напримѣръ, о романѣ «Василій Теркинъ», нашъ критикъ замѣчаетъ

«Авторъ очень уже спѣшно обобщилъ одинъ, два факта, которые попали въ кругъ его наблюдений».

Мы видѣли, что г. Венгеровъ обличаетъ нашу критику, а частію и читающую публику въ недостаточномъ вниманіи къ г. Боборыкину и въ несправедливомъ къ нему отношеніи. Но самъ же г. Венгеровъ такими яркими штрихами рисуетъ нѣкоторыя особенности литературной дѣятельности г. Боборыкина, что всякій, познакомившійся съ этимъ рисункомъ, на вопросъ о виновности критики непременно отвѣтитъ: нѣтъ, не виновна!

«Блѣденъ, очень блѣденъ писательскій темпераментъ г. Боборыкина. Нѣтъ въ немъ и слѣда колоритности, нѣтъ въ немъ поэзіи, нѣтъ глубины и постоянства настроенія. И *вотъ отчего* почтенный романистъ при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, при несомнѣнномъ талантѣ и другихъ положительныхъ сторонахъ своего творческаго дарованія, всегда принадлежалъ къ писателямъ, которыхъ охотно читаютъ, когда ихъ произведенія составляютъ послѣднюю литературную новость, но не перечитываютъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ... У Боборыкина совершенно нѣтъ того внутреннего творческаго восторга, того скрытаго паэоса, присутствіе котораго должно ощущаться въ самыхъ объективныхъ произведеніяхъ. Въ большинствѣ романовъ и повѣстей Боборыкина совершенно не чувствуется, что самъ авторъ увлеченъ своимъ сюжетомъ, что онъ пишетъ подъ вліяніемъ органической потребности высказаться, подѣлиться тѣми образами и чувствами, которые переполняютъ его творчество и ищутъ выхода... *Удивительно ли*, что и читателя не захватываетъ, что и читатель равнодушно дочитываетъ нестройные романы Боборыкина, часто состоящіе изъ десятка разрозненныхъ эпизодовъ, несвязанныхъ единствомъ авторскаго настроенія. Чтобы воспламенить читателя, нужно, чтобы и писатель горѣлъ. А горѣнія то именно никогда и нѣтъ у Боборыкина. *Вотъ почему* онъ совершенно лишенъ власти, *вотъ почему* ему не удается распропагандировать чтонибудь, сдѣлать популярною какуюнибудь изъ своихъ симпатій или хотя бы прочно установить вниманіе читателя на какомънибудь изъ схватываемыхъ его чуткимъ талантомъ явленій». И т. д.

Всѣ эти «вотъ почему» и «удивительно-ли» хорошо говорятъ сами за себя. Но они еще не объясняютъ того веселаго настроенія, въ которое люди такъ часто приходятъ при одномъ имени г. Боборыкина, обогатившаго русскій языкъ «смѣшливымъ», какъ съ негодованіемъ говоритъ г. Венгеровъ, глаголомъ — «боборыкать». За исключеніемъ этого пункта, г. Венгеровъ, собственно говоря, то же слово, что и обвиняемая имъ критика, только иначе молвить. Онъ не хочетъ, чтобы творчество г. Боборыкина называлось «торопливымъ», но при случаѣ самъ говоритъ, что маститый романистъ «очень ужъ спѣшно обобщаетъ одинъ, два факта, которые попали въ кругъ его наблюдений». Онъ горячо возстаетъ противъ эпитета «поверхностный» въ примѣненіи къ г. Боборыкину, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что у него «нѣтъ глубины и постоянства настроенія». Торопливый или спѣшный, поверхностный или неглубокий, — это едва ли не blanc bonnet — bonnet blanc. Но это еще не резонъ для насмѣшекъ, по крайней мѣрѣ для насмѣшекъ въ такомъ количествѣ, какое выпадаетъ на долю г. Боборыкина вплоть до спеціальнаго

термина «боборыкать». Но и на этот счет у самого же г. Венгерова можно найти некоторые смягчающие вину насмѣшниковъ обстоятельства. Въ 1890 году появилась въ «Русской Мысли» повѣсть г. Боборыкина «Поумнѣлъ». Повѣсть была очень хороша, имѣла большой успѣхъ и «быстро подняла въ обществѣ популярность Боборыкина», насмѣшки затихли, критика стала говорить о г. Боборыкинѣ тепло и серьезно. Такъ рассказываетъ г. Венгеровъ и рассказываетъ совершенно вѣрно; но, продолжаетъ онъ, послѣ этого скоро опять все пошло по старому. «Почтенный романистъ, приближаясь къ 60-й годовщинѣ, опять очутился у разбитаго корыта: опять его волочатъ по фельетонамъ, опять надъ нимъ издѣваются и други и недруги, опять онъ одинокъ и покинутъ людьми, имѣющими вліяніе и вѣсь въ литературѣ». Я не знаю, какъ связать это показаніе г. Венгерова съ его же вышеприведеннымъ сообщеніемъ объ «избранномъ литературномъ кружкѣ». Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что нѣтъ же, стало быть, чего нибудь преднамѣреннаго въ отношеніяхъ критики къ г. Боборыкину: написалъ онъ повѣсть дѣйствительно хорошую, и тотчасъ же онъ, по нѣсколько, мнѣ кажется, преувеличенному мнѣнію г. Венгерова, «занялъ мѣсто первенствующаго русскаго беллетриста». Нѣтъ, не первенствующаго, этого съ г. Боборыкинымъ никогда не было и никогда не будетъ, но вѣрно, что повѣсть «Поумнѣлъ» вызвала живой интересъ и серьезное отношеніе критики. Почему? Потому что повѣсть хороша, потому что авторъ самъ вложилъ въ свою работу живой интересъ и серьезное отношеніе къ избранной имъ темѣ. Почему же отношеніе критики потомъ такъ быстро измѣнилось и «почтенный романистъ» опять остался у разбитаго корыта? Г. Венгеровъ самъ очень хорошо объясняетъ дѣло. Съ тѣхъ поръ г. Боборыкинъ написалъ два большіе романа—«Василій Теркинъ» и «Переваль». Я долженъ откровенно признаться, что не могу судить объ этихъ произведеніяхъ, такъ какъ изъ того и изъ другого прочиталъ лишь нѣсколько главъ. Г. Венгеровъ удостовѣряетъ, что они имѣютъ большія достоинства, но и большіе недостатки; и если мы не будемъ очень держаться за *bonnet blanc* противъ *blanc bonnet* или наоборотъ, то окажется, что оба романа страдаютъ торопливостью и поверхностностью творчества, холодностью настроенія, неясностью задачи, словомъ обычными недостатками г. Боборыкина, о которыхъ г. Венгеровъ говоритъ: «Петръ Дмитріевичъ, обнявшій, такъ сказать, все, не обнялъ какъ слѣдуетъ ничего». Въ повѣсти «Поумнѣлъ» этихъ недостатковъ г-о было, а когда г. Боборыкинъ къ нимъ вернулся, то натуральнѣе вернулся вмѣстѣ съ тѣмъ и къ разбитому корыту. Но опять такъ это еще не резонъ для насмѣшекъ. Правда, г. Венгеровъ упоминаетъ мелькомъ о «деталяхъ неудачныхъ и смѣшноватыхъ», но въ нихъ, конечно, все дѣло, потому что неудачныя и смѣшноватыя детали могутъ случайно попадаться и у очень большихъ писателей серьезныхъ и отнюдь не «боборыкающихъ». Г. Венгеровъ приб-

дѣнь, — пришла поистинѣ несчастная и просто смѣшная въ его устахъ проповѣдь «чистаго искусства».

Да, истинно смѣшна проповѣдь г. Боборыкина, и мы находимся въ самомъ сердцѣ интересующаго г. Венгерова вопроса о причинахъ комическаго ореола, окружающаго имя нашего плѣдовитѣйшаго романиста. Смѣшны не самыя мысли г. Боборыкина о «чистомъ искусствѣ». Въ этихъ мысляхъ нѣтъ ничего новаго, онѣ высказывались сотни разъ, вызывая сочувствіе однихъ и возраженія другихъ. Споръ о задачахъ искусства ведется у насъ такъ давно, такъ многочасно и многообразно, что право же наконецъ до послѣдней степени надоѣлъ читателямъ, да и ведется онъ далеко не съ прежнею страстностью и одушевленіемъ. Нельзя было бы и ожидать, чтобы люди съ одинаковымъ одушевленіемъ столь продолжительное время топтались на одномъ мѣстѣ, а вѣдь это настоящее топтаніе на мѣстѣ. «Вотъ какъ нужно творить и вотъ какъ критиковать творчество», — говорятъ одни. «Нѣтъ, не такъ, а вотъ какъ», — возражаютъ другіе. Казалось бы, поговорили и довольно, и если не пришли къ соглашенію, такъ пусть каждый творить и критикуетъ по своей программѣ, не ограничиваясь ея предьявленіемъ, а осуществляя ее. Отнюдь не желая вводить читателя еще разъ въ эти дебаты, я долженъ однако замѣтить, — и полагаю, всякій безпристрастный человекъ со мной согласится, — что сторонники такъ называемаго тенденціознаго искусства послѣдовательнѣе своихъ противниковъ, потому что дѣлаютъ именно то, что говорятъ, даютъ именно то, что обѣщаютъ. Нельзя того же сказать объ адептахъ «чистаго искусства». Будучи горячими его защитниками на словахъ, они на дѣлѣ пишутъ тенденціознѣйшія произведенія. Иногда у нихъ это выходитъ по крайней мѣрѣ красиво, какъ у г. Алексѣя Толстого, иногда грубо лицемѣрно, какъ у Болеслава Маркевича, а у г. Боборыкина — смѣшно. Отъ всего его огромнаго литературнаго багажа не осталось бы камня на камнѣ, еслибы къ нему были приложены его собственные критическія требованія (предполагая, конечно, что они исполнимы вообще). Онъ живетъ исключительно злобой дня и, какъ справедливо говорить его горячій, но безпристрастный защитникъ г. Венгеровъ, — «безъ этой замѣчательной, при всемъ отсутствіи глубины, отзывчивости, Боборыкинъ никогда бы не занялъ своего, какъ никакъ, всетаки очень виднаго положенія въ современной русской беллетристикѣ; предоставленный однимъ непосредственнымъ художественнымъ силамъ своимъ, онъ бы затерялся среди второстепенныхъ поставщиковъ беллетристическаго чтенія». Почему же г. Боборыкинъ проповѣдуетъ такую, повидимому, убійственную для него самого теорію? Что его толкаетъ въ эту сторону? Не злостное лицемѣріе, не смѣлющее открыто сказать: *ote-toi de là que je m'y mette* и прикрывающееся чистымъ искусствомъ ради совѣсь не чистыхъ цѣлей. Для

такого лицея г. Боборыкинъ смѣшавъ честнаго человека. По вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ на рѣдкость легкомысленный и поверхностный писатель. Эти дѣтскія свойства, въ изумительной неприкосновенности сохраненныя г. Боборыкинымъ до конца шестого десятка лѣтъ своей жизни, вполнѣ объясняютъ тотъ нѣсколько комическій ореолъ, который окружаетъ его имя. И дѣло не въ томъ, что дѣтскія свойства составляютъ уже сами по себѣ комическій контрастъ съ шестидесятилѣтнимъ возрастомъ: смѣшное настроеніе критики и публики не со вчерашняго дня сопровождаетъ литературную дѣятельность г. Боборыкина. Дѣло въ томъ quaei серьезномъ видѣ, съ которымъ легкомыслить почтенный романистъ и который рѣшительно не позволяетъ принимать его au sérieux.

Г. Венгеровъ находитъ проповѣдь такъ называемаго чистаго искусства «смѣшною» въ устахъ Боборыкина. И конечно, она смѣшна въ его устахъ. Но это не какая-нибудь чисто механическая пристройка ко всему громадному зданію беллетристики г. Боборыкина, рѣзко противорѣчащая ему и своимъ архитектурнымъ стилямъ, и своимъ назначеніемъ. Противорѣчіе между теоріей и практикой въ данномъ случаѣ несомнѣнно, но есть нѣчто и объединяющее ихъ. «Въ большинствѣ романовъ и повѣстей г. Боборыкина, — говоритъ г. Венгеровъ, — не чувствуется, что самъ авторъ увлеченъ своимъ сюжетомъ». Вотъ. Относясь къ своимъ сюжетамъ чисто формально, маститый беллетристъ можетъ искренно считать себя служителемъ «чистаго искусства», т. е. исключительно художественной формы, которая, говоря специально эстетическому чувству, сама по себѣ ничего не предвѣщаетъ относительно содержанія. Такимъ образомъ собственное свое легкомысленное, поверхностное, не серьезное отношеніе къ дѣлу г. Боборыкинъ возводитъ въ принципъ и дѣлаетъ при этомъ такую серьезную мину, что поневолѣ смѣшно становится. И чѣмъ больше Гельмгольцевъ, Брюкке, Фехнеровъ и т. п. пристегиваетъ онъ къ оправданію своего легкомыслія, тѣмъ яснѣе становится, что и къ этимъ почтеннымъ ученымъ онъ относится необыкновенно легкомысленно и поверхностно. И такъ бываетъ всегда, когда г. Боборыкинъ начинаетъ говорить не только о задачахъ искусства, а и вообще о предметахъ, «наводящихъ на размышленіе». А онъ любитъ такъ побесѣдовать и о положительной философіи, и о нигилизмѣ, и о *culte du peuple dans la litterature russe* и проч. При этомъ смѣшно не то, что «Петръ Дмитриевичъ даже объ анатоміи и физиологіи не прочь потолковать». Что тутъ *даже*, если человѣкъ дѣйствительно учился анатоміи и физиологъ. Смѣшно тотъ дѣланный серьезный тонъ, съ которымъ г. Боборыкинъ говоритъ о вещахъ дѣйствительно серьезныхъ безъ всякаго серьезнаго къ нимъ интереса. А онъ и въ романы свои постоянно вводитъ предметы, наводящіе на размышленіе, торопливо хватая ихъ на лету и столь же торопливо облекая ихъ въ художественную форму. Форма эта опять-таки поражаетъ своею несерьезностію.

Греходить имъ, какъ товарищамъ въ дессандовъ казнь! Греходитъ же ра, и съ протокольною точностью опишетъ шоколаднаго цвѣта пледъ, «извилистый носъ» (я не знаю какой это извилистый носъ, но онъ часто фигурируетъ у г. Боборыкина), зеленую триповую мебель, «солиднаго рисунка» штаны и проч. и проч.,—и выходить «чистое искусство»!

Г. Венгеровъ удивляется и негодуетъ, что у г. Боборыкина, при всѣхъ его положительныхъ качествахъ, — талантѣ, образованности, отзывчивости, трудолюбіи, — такъ много враговъ и такъ мало друзей въ литературѣ. Это, мнѣ кажется, требуетъ нѣкоторой, чисто фактической оговорки. Литературныхъ друзей у г. Боборыкина дѣйствительно не много, хотя это не мѣшаетъ ему печататься въ доброй половинѣ всѣхъ существующихъ журналовъ. Но и враговъ у него вовсе ужъ не такъ много, ибо возбуждаемое ими смѣшливое настроеніе, вообще говоря, не имѣетъ злобнаго, прямо враждебнаго характера: просто смѣшно. А почему все это такъ выходить, очень хорошо объясняетъ самъ г. Венгеровъ: «Не подай онъ повода сомнѣваться въ серьезности своихъ убъжденій, у него было бы больше литературныхъ друзей, которые и парализовали бы значеніе самыхъ ожесточенныхъ нападокъ». Строго говоря, у г. Боборыкина даже совсѣмъ нѣтъ ни литературныхъ друзей, ни литературныхъ враговъ, ибо никому такой легкомысленный врагъ не страшенъ и никому такой легкомысленный другъ не дорогъ. Въ этомъ состоитъ глубоко поучительная трагическая сторона исторіи литературной дѣятельности г. Боборыкина, та сторона, которая его—талантливаго, образованнаго, отзывчиваго, трудолюбиваго писателя—фатально приводитъ къ «разбитому корыту»...

Недавно вышла переводная, съ французскаго, книжка Ж. Пелисье, озаглавленная: «Французская литература XIX вѣка». Заглавіе это не соответствуетъ содержанію книжки. Съ одной стороны, въ статьѣ «Шекспировская драма во Франціи», авторъ выходитъ за предѣлы XIX вѣка, а съ другой — въ ней недостаетъ многого, характернаго для французской литературы истекающаго столѣтія. Это просто сборникъ довольно случайныхъ статей, какъ это уже изъ самихъ ихъ заглавій видно: «Шекспировская драма во Франціи», «Октавъ Фэлье», «Эмиль Зола (по поводу романа «Деньги»)», «Поль Бурже (по поводу книги «Новыя пастели)», «Марсель Прево», «Пессимизмъ въ современной французской литературѣ». Только эта послѣдняя статья и представляетъ для насъ довольно значительный интересъ, такъ какъ касается цѣлаго теченія, а не случайно выхваченныхъ отдѣльныхъ литературныхъ явленій.

По мнѣнію Пелисье, пессимизмъ составляетъ характернѣйшую черту современной французской жизни и литературы, чего, однако,

нельзя приписать влиянію извѣстныхъ нѣмецкихъ философскихъ системъ. Во Франціи, по словамъ нашего автора, очень немногіе читали Шопенгауэра въ его сочиненіяхъ, но очень многіе читали его въ своемъ собственномъ мозгу. Пессимизмъ во Франціи не имѣлъ ни основанія, ни школы; онъ былъ самопроизвольнымъ, общимъ настроеніемъ ума. Онъ не преподавался, какъ доктрина, но распространялся, какъ дурной воздухъ. Это объясняется отчасти тѣмъ разгромомъ Франціи, подъ впечатлѣніемъ котораго воспиталось дѣйствующее нынѣ поколѣніе. Но этого объясненія недостаточно, потому что Франція успокоилась, зажила нормальною жизнью, а распространеніе пессимизма не прекратилось, для чего должны, значить, существовать еще какія-то другія причины. Пелисье ищетъ ихъ въ области идей же, а именно въ торжествѣ науки. «Съ тѣхъ поръ, — говоритъ онъ, — какъ нашъ вѣкъ, отстраняя обманчивыя иллюзіи воображенія и чувствительности, отдался наукѣ съ единственною цѣлью познать тайны природы, приобрести о ней понятія болѣе точныя и полныя, — опытъ привелъ его къ механической теоріи вселенной, сообразно съ которой не только вокругъ насъ, но и въ насъ самихъ не происходитъ никакого явленія, которое бы не было необходимо вызвано предшествующими явленіями... XVII вѣкъ вѣрилъ въ добродѣтель; но для детерминиста добродѣтель является только продуктомъ фактора, надъ которымъ мы не имѣемъ никакой власти. XVIII вѣрилъ въ разумъ; но для детерминиста все одинаково разумно, потому что, такъ какъ все одинаково необходимо, нѣтъ другой причины всего сущаго, какъ сама необходимость. Романтическій XIX вѣкъ вѣрилъ въ любовь; но и онъ заблуждался, — или отдѣляя любовь отъ животнаго чувства и идеализируя ее, или приписывая ей жизненность независимой силы. Что касается послѣдующихъ поколѣній, они вѣрили только въ ощущенія, въ желаніе, въ то, что натуралистическая школа уже называла животнымъ человѣкомъ. И дѣйствительно, если детерминизмъ уничтожаетъ то, что составляетъ наше превосходство надъ другими животными — познаніе добра и зла — то что же лучшее могло остаться отъ насъ?» И далѣе: «Если общая послѣдовательность явленій роковымъ образомъ развиваетъ будущее изъ прошедшаго, мы также безсильны измѣнить роковыя формы нашего существа, какъ камень, брошенный въ извѣстномъ направленіи, не способенъ измѣнить данное ему направленіе. И это представленіе о мірѣ, надъ которымъ преобладаютъ слѣпыя силы, о человѣчествѣ, которое дѣйствуетъ въ пустомъ пространствѣ, усилія котораго, труды и сон отивленія не только безсильны измѣнить всемірный ходъ вещей, но еще являются сами по себѣ результатомъ роковой неизбѣжности и, тяготящей надъ нашими тщетными волненіями, — представленіе это естественно располагаетъ къ пессимизму человѣка, въ которомъ оно уничтожило всякую надежду, всякое достоинство, всякую вѣру, кромѣ угрюмой подавленной покорности суетѣ земного существованія».

Есть, правда, еще выходъ—эпикурейски отдаться волнѣ наслажденій, поскольку каждый ихъ захватить можетъ, но, говорить Пелисье, и эпикуреизмъ приводитъ къ пессимизму въ силу пресыщенія. Мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться на этой мысли Пелисье, да и изъ его дальнѣйшаго изложенія, вообще говоря, мало оригинальнаго и, кромѣ того, мало опредѣленнаго, какого то разливающегося, возьмемъ лишь немногое.

Характеризуя современное положеніе, очевидно, уже не одной Франціи, онъ говоритъ: «Нѣтъ дисциплины ума или совѣсти; нѣтъ принципа, который бы не подточила критика; нѣтъ философіи, которая могла бы намъ доставить вѣрное и прочное приубижище. Чтобы принять участіе въ интеллигентномъ движеніи вѣка и попытаться найти синтезъ, способный согласовать самыя непримиримыя разнорѣчія въ законахъ (?) и одновременно удовлетворить требованіямъ сердца и разума, каждый изъ насъ самъ долженъ создать себѣ свою мораль, свою философію жизни и міра. Работа эта, тѣмъ болѣе тяжелая, что она на каждомъ шагѣ обнаруживаетъ наше безсиліе, окончательно распятываетъ равновѣсіе нашихъ способностей... Когда мозгъ поглощаетъ для своей дѣятельности всѣ жизненные соки, является общая атрофія другихъ органовъ и впослѣдствіи—ослабленіе воли. Но воля не можетъ утратиться, не надломивши самыя пружины жизни. Тотъ, кто теряетъ силу воли, теряетъ въ то же время силу жизни и съ этой минуты дѣлается жертвой пессимизма». «Если бы, говорить далѣе Пелисье,—пессимизмъ состоялъ только въ признаніи зла, послѣдствіемъ его явилась бы вполне здоровая мораль... Быть пессимистомъ — значило бы имѣть идеалъ міра лучшаго, чѣмъ міръ дѣйствительный, лучшаго и болѣе счастливаго человѣчества, и почерпать изъ этого сознанія силу трудиться, сообразно съ его (своими) средствами, надъ воплощеніемъ на землѣ этого идеала. Въ этомъ смыслѣ пессимизмъ, какъ самъ по себѣ, такъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, стоялъ бы гораздо выше извѣстнаго оптимизма. Изъ всѣхъ заблужденій—самое опасное думать, что прогрессъ идетъ самъ собою, помимо насъ, когда мы остаемся пассивными, или несмотря на насъ, когда наше невѣжество или трусость препятствуютъ ему». Такой оптимизмъ «не только уничтожаетъ присущую нашей природѣ потребность дѣйствовать, но онъ также глубоко безнравственъ тѣмъ, что, находя хорошимъ все, что совершается, онъ кончаетъ смѣшеніемъ добра и зла. Какъ не предпочесть такому оптимистическому ханжеству, лишающему насъ воли, ученіе, которое, признавая существованіе зла, внушаетъ намъ вѣру въ возможность побѣды и мужества, необходимое для борьбы? Но у пессимизма нѣтъ ничего общаго съ такимъ ученіемъ».

На этомъ мы и покончимъ свое знакомство со статьей, равно какъ и со всей книжкой Пелисье. Она представляетъ для насъ интересъ только какъ одно изъ выраженій того недовольства нау-

кой, того разочарованія въ ней, которое на разные лады все чаще даетъ себя знать во Франціи. Еще недавно прошумѣлъ, да и до сихъ поръ еще не совсѣмъ улегся споръ о наукѣ, поднятый Брюнетьеромъ статьей въ «Revue des Deux Mondes». Ему возражалъ Рише въ «Revue scientifique», потомъ Бертело въ «La Revue de Paris», не говоря о множествѣ мелкихъ отзывовъ. Потомъ состоялся въ Парижѣ специальный банкетъ, на которомъ разными звѣздами политическаго, научнаго и литературнаго міра говорили рѣчи въ честь и защиту науки. Тутъ были президентъ палаты депутатовъ Бриссонъ, министръ народнаго просвѣщенія Пуанкаре, Гобле, Буржуа, Лакруа, Пельтанъ, Зола, Бертело, Рише, Перрье, Жане, Бурневиль... Брюнетьеръ, обратившійся въ газетѣ «Figaro» наканунѣ банкета къ его участникамъ съ нѣсколькими ехидными вопросами, можетъ торжественно сказать: какая понадобилась усиленная защита науки! Неужели же, однако, статья Брюнетьера представляеть действительно столь серьезную опасность для репутаціи науки и ея будущности, что противъ нея нужно такое значительное—и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи—ополченіе? Не значить ли это, по русской поговоркѣ, идти на муку съ обухомъ?

Одинъ изъ ораторовъ банкета, Бриссонъ, выразилъ мысль, что слова «банкротство науки» составляютъ политическій лозунгъ, и именно попытку клерикальной реакціи. Но, прибавилъ онъ, мы еще и не такіа нападки терпѣли и побѣдоносно справлялись съ ними. Справедливо ли такое презрительное отношеніе къ факту, заставившему взяться за перо высоко стоящихъ людей науки, какъ Бертело или Рише, и провозносить пылкія рѣчи вліятельныхъ политическихъ дѣятелей, какъ самъ Бриссонъ, Пуанкаре, Гобле и проч.?

Брюнетьеръ писалъ свою статью какъ бы съ благословенія папы Льва XIII, у котораго онъ только что передъ тѣмъ имѣлъ аудіенцію. Статья такъ и озаглавлена: «Après une visite au Vatican». Въ статьѣ этой онъ восторженно говоритъ о трехъ великихъ дѣлахъ Льва XIII. Во-первыхъ, папа призналъ согласимость католицизма со всякой фактически существующей формою правленія и рекомендовалъ французскому духовенству примириться съ республикой. Во-вторыхъ, папа призналъ существованіе такъ называемаго социальнаго вопроса и право и обязанность католической церкви принять участіе въ его рѣшеніи. Въ-третьихъ, папа взялъ на себя инициативу воссоединенія восточныхъ и протестантскихъ церквей съ римскою. Послѣдній пунктъ едва ли многихъ волнуетъ во Франціи, какъ въ смыслѣ надеждъ, такъ и въ смыслѣ опасеній, да нѣтъ у него въ ближайшемъ будущемъ благоприятныхъ для насъ политической перспективъ. Нельзя того же сказать о первыхъ двухъ пунктахъ. Открытое признаніе республики было безъ сомнѣнія очень благоразумнымъ, чтобы не сказать лояльнымъ, шагомъ Льва XIII и должно было значительно успокоить правительство Франціи, устранивъ лишняго, если не врага, то по крайней мѣрѣ

недоброжелателя въ лицѣ французскаго духовенства. Но это же самое французское правительство и правящіе классы Франціи вообще не могутъ быть очень довольны вмѣшательствомъ папы въ вопросы объ экономическихъ отношеніяхъ. Въ энцикликѣ 15 марта 1891 г. «О положеніи рабочихъ», Левъ XIII, по мнѣнію Брюнетьера, «вспомнилъ, что христіанство было первоначально религіей бѣдныхъ». Насколько позволительно современному католицизму мечтать объ угодобленіи первоначальному христіанству, мы разсуждать не будемъ. Но третья республика слишкомъ не оправдала надеждъ «бѣдныхъ», чтобы не опасаться хотя бы только временнаго отклоненія этихъ надеждъ въ какую нибудь другую сторону, между прочимъ и въ сторону католицизма. Если католицизмъ и не выполнить своихъ обѣщаній и недовольные третьей республикой разочаруются въ немъ, то сейчасъ эти обѣщанія могутъ всетаки создать затрудненія. Съ этой точки зрѣнія и статья Брюнетьера получаетъ практическій интересъ дня. Но Брюнетьеръ противопоставляетъ католицизмъ не столько свѣтской власти, сколько наукѣ, а потому люди науки сочли своею обязанностью возражать ему статьями и рѣчами. Нельзя однако сказать, чтобы они дѣлали это вполне удовлетворительно.

Въ статьѣ «Revue des Deux Mondes» Брюнетьеръ удѣляетъ много мѣста восхваленію личности и дѣятельности Льва XIII, доказательствамъ превосходства католицизма въ сравненіи съ протестантизмомъ, и только примѣрно третья часть статьи занята тѣмъ, что теперь такъ часто поминается подъ именемъ «банкротства науки». Банкротство это сводится къ двумъ пунктамъ: наука обманула возлагавшія на нее надежды, во-первыхъ, въ смыслѣ устраненія всякой «тайны» изъ нашихъ понятій, и во-вторыхъ, въ смыслѣ улучшения взаимныхъ человѣческихъ отношеній. А затѣмъ Брюнетьеръ предлагаетъ нѣкоторое, очень впрочемъ неясное, мирное размежеваніе областей науки и католицизма, въ всякомъ случаѣ предоставляя послѣднему всю область морали, въ обоснованіи которой наука оказалась, дескать, совершенно безсильной. Въ вышеупомянутыхъ вопросахъ, обращенныхъ въ газетѣ Figaro къ участникамъ банкета, Брюнетьеръ идетъ дальше и обвиняетъ науку уже не въ безсиліи только, а во вредоносности.

«Я предлагаю,—говоритъ онъ,—строителямъ банкета только три вопроса. Первый вопросъ я обращаю къ г. Вертелю и робко прошу его разъяснить мнѣ, насколько прогрессъ науки увеличился за 40—50 послѣднихъ лѣтъ военный бюджетъ во всѣхъ государствахъ. Я не говорю ни о динамитахъ, ни о меленитахъ, ни о другихъ взрывчатыхъ веществахъ;—я обращаю пока ваше вниманіе только на миллиарды, которыхъ стоитъ намъ прогрессъ науки. Благодаря этому прогрессу, мы не успѣваемъ построить броненосца, какъ принуждены уже сдавать его въ архивъ, потому что новыя изобрѣтенія выставили новый идеалъ боевого судна. То же происходитъ съ

платить миллиарды, идущие на эти научные опыты? Отъ какого плодотворнаго употребленія они отвращаютъ наши деньги? Какимъ еще банкротствомъ угрожаетъ намъ эта страсть къ издержкамъ?»— Второй вопросъ Брюнетьеръ обращаетъ къ Клемансо, имя котораго фигурируетъ между членами комитета, устранившаго банкета. «Въ то время,—говоритъ Брюнетьеръ,—когда докторъ Клемансо занимался политикою, ему случалось для ознакомленія съ бытомъ избирателей спускаться въ рудники. Свое посѣщеніе угольныхъ копей онъ описывалъ въ такихъ краскахъ, которыя производили глубокое впечатлѣніе на читателей. Я спрашиваю доктора Клемансо, не представляеть-ли такъ сильно взволновавшее его зрѣлище результата «научнаго прогресса», плодовъ пара и электричества? Не находитъ ли онъ, что платить цѣною сверхъестественнаго труда нашихъ ближнихъ за электрическое освѣщеніе національной академіи—слишкомъ дорого? Я спрашиваю, что сказали бы рудокопы Карно, если бы ихъ заставить осязать этотъ «прогрессъ науки»? Третій вопросъ я адресуя Жоресу. Онъ испытываетъ къ несчастнымъ не жалость, а дѣлающее ему честь состраданіе. Не отвѣтить ли онъ намъ, насколько участвовала наука и ея успѣхи въ образованіи того «капитализма», противъ котораго онъ мечетъ свои стрѣлы? Кто создалъ въ предмѣстіяхъ нашихъ городовъ ту бѣдность и нищету рабочаго класса, которыя наполняютъ всѣ сердца ненавистью къ цивилизаціи? Ихъ создалъ «прогрессъ науки». Тотъ же «прогрессъ науки» заставилъ населеніе бѣжать изъ деревень въ города, вырылъ глубокую пропасть между трудомъ и капиталомъ, посѣялъ классовую ненависть».

Повидимому; ни Бертело, ни Клемансо, ни Жоресу не предстояло никакихъ трудностей отвѣтить на эти вопросы: наука не при чемъ въ тѣхъ примѣненіяхъ, которыя дѣлаютъ изъ нея люди и извѣстнымъ образомъ сложившаяся общественная жизнь. Сколько мнѣ извѣстно однако, если кто нибудь изъ возражавшихъ Брюнетьеру и высказывалъ, можетъ быть, мимоходомъ эту мысль, то никто изъ нихъ не остановился на ней съ достаточною силою. Они или обходятъ факты, на которые указываетъ Брюнетьеръ въ укоръ наукѣ, или говорятъ: «пождите, наука еще не кончила своего дѣла», или же наконецъ просто отмѣчаютъ рядъ благодѣяній науки. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторые изъ нихъ заходятъ гораздо дальше, чѣмъ это дозволяется, казалось бы, слишкомъ очевидными и несомнѣнными фактами. Такъ Бертело (въ «La Revue de Paris») говоритъ о «глубокомъ измѣненіи взаимныхъ отношеній между націями, которыхъ социологическія науки (les sciences sociologiques) убѣдили, что война столь же вредитъ побѣдителямъ, какъ и побѣжденнымъ, потому что матеріально ослабляетъ тѣхъ и другихъ и поддерживаетъ чувства наслѣдственной ненависти, все болѣе осужденныя всеобщемою нравственностью (par la moralité générale)». Ръ ть

гастична и насколько «социологическимъ наукамъ», да и науки вообще, даже прямо невыгодно объявлять себя исключительно руководящею силою и слѣдовательно брать на себя отвѣтственность за положеніе вещей. Совсѣмъ это не л件но для науки, да и съ истиной не сообразно. Мы еще вернемся къ этому, а теперь замѣтимъ только, что гораздо лучше справляются возражающіе Брюнетьеру съ другимъ пунктомъ его обвинительнаго акта. Въ своихъ статьяхъ и рѣчахъ Рише, Вертело и другіе утверждаютъ, что наука никогда не обѣщала изгнать изъ нашего духовнаго обихода «тайну»; напротивъ, наука, изслѣдующая только явленія въ ихъ связи существованія и послѣдовательности, твердо установила невозможность познать сокровенную сущность вещей, которая поэтому навсегда останется «тайной». И дѣйствительно, если именно не обузданные наукою или недостаточно ею обузданные умы рассчитывали, что она объяснитъ все, то сама она такихъ претензій не выражала и ни мало за нихъ не отвѣтственна.

Въ числѣ прочихъ на банкетѣ говорилъ и Эмиль Зола. Начало его рѣчи отличается совсѣмъ не свойственною ему, хотя и вполнѣ ему приличествующею скромностью. На этотъ разъ талантливый романистъ забылъ, что онъ — «анатомъ», представитель «положительнаго научнаго метода», имѣющій право стоять въ этомъ отношеніи рядомъ съ Клодомъ Бернаромъ, призванный, въ качествѣ служителя вышей науки, «экспериментальнаго романа», «управлять жизнью» и проч. Весь этотъ вздоръ Эмиль Зола оставилъ въ покоѣ и выступилъ въ качествѣ «простого писателя», не имѣющаго права говорить «отъ имени науки»; но онъ считаетъ себя обязаннымъ благодарить науку, которая его, какъ и всякаго писателя, надѣлила свободой мыслить и писать, разрушивъ притязанія «вѣры» (la foi). Это характерно для Зола. Изъ всѣхъ ораторовъ банкета онъ одинъ рѣшился употребить этотъ широкій терминъ, желая вѣроятно тѣмъ самымъ выразить свое особенное уваженіе къ наукѣ; столь велико это его уваженіе, что онъ, если не фактически, — онъ «простой писатель», — то логически борется во имя науки не съ какою нибудь миеологіей, а съ «вѣрой» вообще.. Послѣдовательно ли это со стороны человѣка, такъ пламенно вѣрующаго или вѣровавшаго въ «положительный, научный методъ», — я не берусь судить. Да оно было бы тѣмъ труднѣе, что не очень еще давно Зола почти прямо отрекался отъ «положительнаго, научнаго метода» или, по крайней мѣрѣ, обѣщалъ отчестъся. Жюлю Гюре, автору извѣстной «Enquête sur l'évolution littéraire», онъ говорилъ о «законности нетерпѣнія» недовольныхъ наукою, о «логичности реакціи» противъ увлеченія ею и о томъ, что реакція эта «можетъ восторжествовать черезъ десять-пятнадцать лѣтъ, если найдется человѣкъ, который сосредоточитъ въ себѣ эту жалобу *этика*, эту оттолчку отъ науки». Мало того, Зола прибавлялъ: «если у меня хватитъ времени, я одѣлаю

задачу орабъ на сеоя прятюмъ Зола, рвшить доволью трудя. Изъ подробностей его разговора, какъ съ Гюре, такъ и съ нѣкото-рыми другими «интервьюерами», видно, что «анатомія», «положи-тельный научный методъ», наука вообще, по его мнѣнiю, предъ-являя горькую истину, не даютъ людямъ «утѣшенiя», не удовлет-воряютъ свойственнаго человѣку «стремленiя къ счастiю». Въ со-ответственномъ, значить, дополненiи или поправкѣ къ «положитель-ному научному методу», Зола и видѣлъ, а можетъ быть и до сихъ поръ видитъ свою новую задачу. Все это, конечно, такая же «благя», какъ и предшествовавшая «анатомiя» Зола; она свидѣтельствуегъ лишь о томъ, что этотъ талантливый романистъ, совершенно однако не подготовленный къ рѣшенiю тѣхъ теоретическихъ вопросовъ, о которыхъ онъ столь развязно разговариваетъ, боится утратить свою популярностъ и ради сохраненiя ея готовъ или, по крайней мѣрѣ, былъ готовъ до возбужденнаго Брюнетьеромъ спора,—пере-мѣнить фронтъ, благосклонно отвернуться отъ науки въ сторону толпы недовольныхъ и разочарованныхъ. Наука отъ этого, конечно, столь же мало потеряла бы, сколь мало выигрывала отъ смѣшныхъ гимновъ, которые ей пѣлъ Зола. Но эти жадные до популярности люди, эти quasi-вожди, якобы руководящiе, а въ сущности руко-водимые, интересны, какъ показатели какого нибудь не вполне опре-дѣленнаго и даже въ большинствѣ случаевъ очень смутнаго, но болѣе или менѣе широко распространеннаго теченiя.

Это возвращаетъ насъ къ Пелисье, свидѣтельствующему, какъ мы видѣли, о распространенiи во Франци пессимизма, въ связи съ разочарованiемъ въ наукѣ. Но почему же раскрываемая наукою истина непремѣнно печальна и нуждается въ поправкѣ «утѣшенiя»? Это понятно въ устахъ Зола, сосредоточившаго свое вниманiе почти исключительно на низменныхъ сторонахъ человѣческой природы и художественно воспроизводящаго преимущественно неутѣшительные факты. Но вѣдь не наука же въ самомъ дѣлѣ романы Зола, со всѣми ихъ достоинствами правды, со всюю односторонностью этой правды и со всѣми его разглагольствованiями о роковомъ характерѣ, е «детерминизмъ» изображаемыхъ имъ мерзостей. И собственно ему ничего не стоитъ представить «утѣшенiе»: стоитъ только нарисовать рядъ картинъ и образовъ противоположнаго характера, что возможно сдѣлать вполне правдиво, ибо существуютъ же на свѣтѣ честь и совѣсть, самоотверженiе и любовь, имѣющiя, какъ и все на свѣтѣ, тоже свои достаточныя причины существованiя, то есть свой детер-минизмъ. Едва ли однако былъ бы этимъ вполне удовлетворенъ Пелисье (а съ нимъ и многiе другiе), ибо его оскорбляетъ не су-ществованiе зла или, по крайней мѣрѣ, не только оно, а и самыи этотъ «детерминизмъ», роковая неизбѣжность какъ зла, такъ и добра. Онъ ничего не имѣетъ противъ самого рѣзкаго разоблаченiя суще-ствующаго зла, но подъ условiемъ идеала, ради осуществленiя ко-

низмъ онъ предпочитаетъ оптимизму, увверенному, что «прогрессъ идетъ самъ собой», помимо нашего участія и воли. Но, спрашивается, можно ли преслѣдовать осуществленіа какого нибудь идеала, «если общія послѣдовательность явленій роковымъ образомъ развиваетъ будущее изъ прошедшаго»? И тутъ уже, повидимому, ничего не подѣлаешь: наука не можетъ отказаться отъ своего основанія, отъ положенія о необходимой причинной связи явленій, на которомъ она вся зиждется, а мы въ свою очередь не можемъ отказаться отъ науки, ибо это значило бы добровольно ослѣпнуть. Таковъ трагическій кругъ, въ которомъ принуждено вращаться современное человечество и изъ котораго, по мнѣнію Пелисье, есть только одинъ выходъ—въ сторону пессимизма, если это можно назвать выходомъ. И по мѣрѣ поступательнаго шествія науки, кругъ этотъ долженъ сжиматься все плотнѣе и плотнѣе; все яснѣе и опредѣленнѣе будетъ становиться тщета нашихъ идеаловъ и надеждъ и необходимость покорности естественному ходу вещей, измѣнить который мы безсильны. Можетъ быть этотъ естественный ходъ вещей влечетъ насъ къ счастью и свѣту, какого мы теперь даже и представить себѣ не можемъ,—такъ думаютъ оптимисты; можетъ быть, наоборотъ, онъ тянетъ насъ въ какую нибудь бездонную мрачную пропасть,—такъ думаютъ пессимисты. Но уже само по себѣ обидное сознаніе безсилія, сознательное положеніе щепки, влекомой могучимъ и неудержимымъ потокомъ, составляетъ источникъ пессимизма: опускаются руки, не изъ чего и не зачѣмъ напрягать волю...

Надо замѣтить, что Пелисье, одинаково оскорбляясь и оптимизмомъ, и пессимизмомъ, поскольку они обрекаютъ человѣка на безсиліе и бездѣйствіе, только послѣдній, то есть пессимизмъ, связываетъ съ торжествомъ науки. Это понятно, такъ какъ съ его точки зрѣнія обидною, оскорбительною, печальною является наиболѣе общая, такъ сказать, верховная научная истина, и «утѣшенія» онъ не знаетъ. Его однако очевидно знаютъ Вертело, Рише, Эдмонъ Перрье и прочіе представители науки на вышеупомянутомъ банкетѣ. Говорю именно о представителяхъ науки, потому что ихъ мнѣнія въ данномъ случаѣ, конечно, интереснѣе мнѣній людей житейской практики; какъ Вриссонъ или Пуанкаре. Притомъ же нѣкоторые изъ нихъ—Вертело, Рише—изложили свои взгляды не только въ банкетныхъ рѣчахъ, а и въ болѣе или менѣе обстоятельныхъ статьяхъ. Въ лицѣ этихъ представителей науки, которые, повидимому, съ точки зрѣнія Пелисье должны бы быть особенно проникнуты мрачнымъ духомъ пессимизма, мы имѣемъ людей, хотя и признающихъ несовершенство жизни въ настоящемъ, но бодро смотрящихъ на будущее, ожидая отъ него всякихъ благъ. И они вовсе не намѣрены сидѣть сложа руки въ ожиданіи этихъ благъ, которыя, дескать, сами собой придутъ. Напротивъ, они работаютъ, борются, призываютъ другихъ къ борьбѣ и работѣ. Значить-ли это, однако,

что Целисье такъ таки совсѣмъ неправъ? Я думаю, — нѣтъ, не значитъ.

Должно признаться, что печатная и устная защита науки противъ Брюнетьера въ общемъ далеко не можетъ быть названа побѣдоносною. Неудовлетворительность ея объясняется частію самою постановкою вопроса на сравнительно узкую почву борьбы науки съ католицизмомъ. На эту тему представители науки высказали много вѣрнаго и цѣннаго. Но въ статьѣ Брюнетьера затронуты нѣкоторые болѣе общіе пункты, въ сущности тѣ самыя, которыхъ касается Целисье, и противникамъ Брюнетьера надлежало или совсѣмъ уклониться отъ ихъ обсуждения, сосредоточившись на своей ближайшей задачѣ, или же отнестись къ нимъ съ гораздо большею обдуманностью, чѣмъ они это сдѣлали.

Наиболѣе общіе тезисы Брюнетьера состоятъ въ томъ, что, во-первыхъ, наука не раскрыла тайны бытія и не можетъ ее раскрыть, — съ этимъ, какъ ми видѣли, представители науки справляются очень просто, — и что во-вторыхъ, прогрессъ морали въ самомъ широкомъ смыслѣ взаимныхъ между людьми отношеній не шель рука объ руку съ прогрессомъ науки, иначе говоря: наука не была и не можетъ быть руководительницей взаимныхъ отношеній между людьми. Что же возражаютъ на это оппоненты? Они перечисляютъ услуги, оказанныя наукою нашему матеріальному быту, тому усиленію власти человѣка надъ природою, которое составляетъ матеріальную основу культуры. Но вѣдь это вовсе къ дѣлу не идетъ, тѣмъ болѣе, что Брюнетьеръ можетъ задать ехидный вопросъ — не слишкомъ ли большимъ количествомъ труда и жизни оплачивается электрическое освѣщеніе академій и не утилизируются ли научныя открытія съ цѣлями истребленія и раззоренія людей на войнѣ. Далѣе, напримеръ, Эдмонъ Перрье, обращаясь на банкетѣ къ Вертело, говорилъ: «Справляйтесь сколько хотите въ мрачныхъ архивахъ Золотого Тѣльца, вы не найдете тамъ именъ людей науки. Я впрочемъ ошибаюсь: вы узнаете тамъ, что однажды нашему великому Пастеру, почти бѣдняку и уже больному, былъ предложенъ миллионъ, если онъ согласится предоставить одному финансовому обществу выгоды одного изъ своихъ благодѣтельныхъ открытій. Онъ отвѣтилъ, какъ нѣкогда вашъ другъ Ренанъ: *Resipia tua tecum sit*. Не надо мнѣ вашихъ денегъ! Вотъ каковы моральныя личности, создаваемыя наукой! Да будетъ же она благословенна и почтена, эта обанкротившаяся!» — Конечно, можно бы было возразить Эдмону Перрье, конечно, да будетъ наука благословенна и конечно она не обанкротилась. Но утверждать, что въ архивахъ Золотого Тѣльца именъ ученыхъ значатся только ради ихъ безкорыстія — значитъ говоритъ фактическую неправду. Но и принципиально не вѣрно обобщеніе или, точнѣе, намекъ на обобщеніе, заключающійся въ словахъ Перрье. Никто никогда не сомнѣвался въ полной возможности чтенія высокихъ нравственныхъ качествъ съ блестящими заслуга.

на научномъ поприщѣ, но они могутъ сочетаться и съ весьма слабыми научными знаніями и даже съ круглымъ невѣжествомъ. Да и почему бы занятія химіей или біологіей могли сами по себѣ и обязательно гарантировать, напримѣръ, безкорыстіе или какое нибудь другое высокое нравственное качество? Ихъ не гарантируютъ и труды, сами по себѣ даже очень цѣнные, въ области общественныхъ наукъ...

Бертело утверждаетъ въ своей банкетной рѣчи: «Наука устанавливаетъ единственныя непоколебимыя основанія морали, указывая какъ эта послѣдняя коренится въ инстинктивныхъ чувствахъ чело-вѣческой природы, опредѣляемыхъ и увеличиваемыхъ непрестаннымъ развитіемъ нашихъ знаній и наслѣдственнымъ развитіемъ нашихъ способностей». Въ виду поразительной сбивчивости и неточности выраженной знаменитаго химика, я считаю нужнымъ привести это мѣсто его рѣчи и въ подлинникѣ: «C'est la science qui établit les seules bases inébranlables de la morale, en constatant comment celle-ci est fondée sur les sentiments instinctifs de la nature humaine, précisés par l'évolution incessante de nos connaissances et le développement héréditaire de nos aptitudes». Въ этихъ словахъ заключается, кажется, замѣчательный изгибъ, чтобы не сказать — изворотъ мысли, котораго не знали наши предки и которому несомнѣнно будутъ удивляться наши потомки, но который очень распространенъ въ наше время. Говорю: *кажется*, потому что неясность выраженной Бертело допускаетъ разныя толкованія, но остановиться на этомъ пунктѣ во всякомъ случаѣ стоитъ. Въ новѣйшее время, благодаря влиянію эволюціонной теоріи съ одной стороны и интересу къ доисторическому быту и быту современныхъ дикарей съ другой, — получила особенное развитіе та отрасль науки, которую можно назвать исторіей морали. Это еще не вполне установившаяся, но уже несомнѣнная наука, изслѣдующая причинную связь нравственныхъ идеаловъ и практической морали съ другими общественными и естественными факторами жизни. Это — этика, какъ историко-психологическая наука. Даетъ ли она какое нибудь основаніе этикѣ, какъ руководительницѣ въ морѣ существующаго добра и зла, какъ ученію о должномъ и недолжномъ, нравственно одобрительномъ и неодобрительномъ? — Никакого. Этика, какъ ученіе о должномъ, можетъ пользоваться фактами и выводами этики, какъ историко-психологической науки, но не можетъ на ней основываться. Послѣдняя только и можетъ сказать, что всѣ наши современные идеалы и цѣли дѣятельности, всѣ наши понятія о должномъ, весьма разнорѣчивыя, являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ извѣстнаго ряда или извѣстной группы причинъ, и въ этомъ смыслѣ всѣ одинаково законны. Верховный принципъ положительной науки — фактическая необходимость, законосообразность всего существующаго, какъ неизбѣжнаго слѣдствія извѣстныхъ причинъ — вполне удовлетворяетъ нашу потребность познанія, но не можетъ насытить

потребность нравственного суда. Что же означают слова Бертело: «наука устанавливаетъ единственные непоколебимыя основанія морали?» Если то, что наука утверждаетъ фактъ всеобщаго и всегдашняго существованія морали, то есть различенія людьми добра и зла, и изслѣдуетъ причины, слѣдствія и ходъ развитія морали, послѣдовательность измѣненій въ этой области,—то Бертело, конечно, правъ. Но если онъ думаетъ (какъ думаютъ нынѣ многіе), что этимъ дано «непоколебимое основаніе» для нашего руководительства въ дѣлѣ различенія добра и зла,—то онъ жестоко ошибается. Конечно, и здѣсь наука можетъ оказывать огромныя и неоцѣненныя услуги разъясненіемъ причинной связи явленій и вѣроятныхъ слѣдствій нашего поведенія, но не ею опредѣляется нравственная оцѣнка этихъ слѣдствій. Самъ по себѣ верховный принципъ положительной науки въ этомъ отношеніи совершенно безсиленъ и даже обрекаетъ людей, при послѣдовательномъ его проведеніи, на полный нравственно-политическій индифферентизмъ и бездѣятельность; ибо всякая глупость и всякая подлость имѣютъ свои столь же естественныя причины и слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, столь же законны, какъ и любое торжество истины и благородства. Поэтому то, хоть и маленькій, повидимому, человекъ Пелисье, а въ его вышеприведенныхъ разсужденіяхъ и жалобахъ есть большая доля правды.

Однако, Бертело, Рише, Перрье исповѣдуютъ полную зависимость морали отъ науки, но это не мѣшаетъ имъ очень ясно различать добро и зло и работать для торжества добра и побѣды надъ зломъ, какъ они то и другое понимаютъ. Они не индифферентисты и не сложа руки сидятъ. Это вѣрно. Но признаюсь, то необыкновенное довольство существующимъ нынѣ во Франціи порядкомъ, которое сквозитъ въ ихъ рѣчахъ и статьяхъ, и замалчиваніе темныхъ сторонъ, указываемыхъ Брюнетьеромъ,—не свидѣтельствуютъ, мнѣ кажется, объ особенной горячности соціально-политическихъ убѣжденій, за исключеніемъ одного пункта. Это не мѣшаетъ имъ, разумѣется, быть не только крупными вкладчиками въ сокровищницу науки, но и лично прекрасными, гуманными, высоконравственными людьми. Это свидѣтельствуетъ только о томъ, что они, какъ люди науки, какъ специалисты, довольны существующимъ и, конечно, имѣютъ для этого достаточное основаніе: французскіе порядки гарантируютъ имъ полную свободу научнаго изслѣдованія. Естественно поэтому, что призракъ возможнаго торжества католицизма, мелничувшій передъ ними въ статьѣ Брюнетьера, вызывать въ нихъ и рачій и можетъ быть даже слишкомъ горячій протестъ. Въ остальномъ они, по апокалипсическому выраженію, «ни теплы, ни холдны». Но за то же въ этомъ остальномъ они или слабы или неслѣдовательны. Послѣднее, какъ извѣстно, не всегда худо и въ рѣчахъ и статьяхъ Бертело, Рише и другихъ есть поэтому прекр-

Изъ современной хроники.

Министерство земледѣлія и земство.

I. Вопросъ о земской дѣятельности по сельскому хозяйству въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ. — Докладъ бывшаго директора департамента г. Калачова. — Сельско-хозяйственная организація вятскаго земства. — Плоды этой организаціи. — II. Сельско-хозяйственная организація другихъ земствъ. — Очеркъ ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи. — Отзывъ министерства земледѣлія. — Планъ содѣйствія земству со стороны министерства.

I.

Въ прошлой хроникѣ мы коснулись нѣкоторыхъ сторонъ первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта. Нѣкоторыя другія, за неимѣніемъ мѣста и времени, были поневолѣ опущены нами или оставлены въ тѣни. Въ числѣ наиболѣе важныхъ былъ и вопросъ, возбужденный въ совѣтѣ по докладу департамента земледѣлія «О формахъ содѣйствія со стороны министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ сельско-хозяйственной дѣятельности земствъ». Докладъ этотъ обсуждался въ одиннадцатомъ засѣданіи совѣта (1 февраля 1895 г.), который съ незначительными измѣненіями одобрилъ его заключенія и вообще отнесся въ высшей степени сочувственно къ дѣятельности земствъ по усовершенствованію и развитію сельскаго хозяйства. Главный интересъ доклада и засѣданія заключается не столько въ принятыхъ рѣшеніяхъ, сколько въ очеркѣ дѣятельности земствъ по этому вопросу. Публика хорошо освѣдомлена о плодотворныхъ трудахъ земства по народному образованію и по обезпеченію народнаго здоровья, этимъ искони главнымъ задачамъ земской дѣятельности. Сравнительно недавнее выступленіе земства на новое поприще сельско-хозяйственной дѣятельности мало извѣстно публикѣ, представляя, однако, глубокій интересъ и громадную важность. Поэтому мы воспользуемся данными, выяснившимися въ засѣданіяхъ сельско-хозяйственнаго совѣта, и дадимъ очеркъ этой любопытной стороны земскаго дѣла.

Земства повсемѣстно уже выступили на эти новые пути и такъ или иначе пробуютъ взять въ свои руки эту сложную задачу, поставленную недавно главною обязанностью новаго министерства. Естественно, если и первымъ дѣломъ этого министерства явилось познакомиться поближе съ тѣмъ, что уже до него сдѣлало земство. Бывшій директоръ департамента земледѣлія г. Калачовъ былъ командированъ съ этою цѣлью въ нѣсколько губерній, гдѣ земская дѣятельность по развитію сельскаго хозяйства получила особое развитіе. Плодомъ поѣздки явилась обширная и въ высшей степени любопытная записка, дающая отчетъ о сельско-хозяйственной дѣятельности земствъ Вятской, Пермской и Херсонской губерній, въ которыхъ сравнительно не такъ недавно организована земская помощь сельскому хозяйству и гдѣ, слѣдовательно, уже можно наблюдать и принесенные ею плоды. Чтобы лучше уяснить читателю сущность этой земской дѣятельности, мы изложимъ, по даннымъ записки г. Калачова, земскую сельско-хозяйственную дѣятельность по одной какой нибудь губерніи и затѣмъ вератцѣ ознакомимъ съ постановкою дѣла, его развитіемъ и плодами и въ другихъ земствахъ. Остановимся для примѣра на Вятской губерніи, сельско-хозяйственную земскую организацію которой описываетъ г. Калачовъ съ особою обстоятельностью.

Первое земство, обратившееся къ созданію особой сельско-хозяйственной организаціи, было пермское, создавшее еще въ 1883 г. персоналъ земскихъ агрономовъ и устроившее опытныя и образцовыя (показательныя) поля, фермы и училища. За нимъ черезъ три года то же рѣшеніе было принято и вятскимъ земствомъ. И здѣсь, какъ и тамъ, первоначально съ обязанностями агронома совмѣщались обязанности агентовъ земства и по другимъ отраслямъ его хозяйства, въ частности по продовольственному и страховому дѣлу, но затѣмъ опытъ показалъ, что агрономическая служба должна пользоваться такою же самостоятельностью, какъ и служба, напримѣръ, врача или школьнаго учителя. Экономическія соображенія, однако, удерживаютъ пермское земство отъ такого полнаго обособленія агрономической служебной организаціи отъ продовольственной и страховой. Вятское же земство рѣшилось принести эту жертву, хотя и здѣсь совершенное обособленіе агрономовъ въ разрядъ земскихъ агентовъ, имѣющихъ свое специальное назначеніе, послѣдовало сравнительно недавно. Подобный взглядъ на кругъ ихъ дѣятельности твердо установился здѣсь и съ особенною опредѣленностью и систематичностью проводится именно вятскимъ земствомъ. Правда, еще въ послѣднее время ихъ привлекали тамъ къ участію въ продовольственномъ дѣлѣ, но это былъ періодъ мобилизаціи всѣхъ земскихъ силъ и случая исключительнаго неурожая, по минованіи чего всѣ снова возвратились къ своимъ дѣламъ.

Въ Вятской губерніи, помимо губернскаго агронома, имѣетс

нынѣ 11 агрономическихъ смотрителей. Должность губернскаго агронома, являющагося объединителемъ дѣйствій уѣздныхъ агрономовъ (смотрителей) и представляющаго собою исполнительный органъ управы по всѣмъ вообще сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ земства, занимаетъ, со времени учрежденія этой должности, т. е. съ 1889 г., одно и то-же лицо съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ. Среди агрономическихъ смотрителей, трое тоже съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ; остальные—съ среднимъ.

Обязанности уѣзднаго агронома будутъ вполне правильно очерчены, если его назвать учителемъ сельскаго хозяйства, но только приставленнымъ къ взрослому сельскому населенію; этимъ сразу же опредѣлится и вся трудность его задачи. Начать съ того, что ученикъ не всегда хочетъ учиться, считая самого себя, въ качествѣ исконнаго земледѣльца, специалистомъ въ хозяйствѣ и скептически поѣтому относясь ко всякому рекомендуемому ему нововведенію. Умѣть подойти къ крестьянину и заставить себя слушать, пріобрѣсти вообще въ глазахъ его достаточный для этой цѣли авторитетъ—составляетъ важнѣйшую часть дѣла. Предшествующая практика показала, что существенную помощь во многихъ случаяхъ можетъ принести здѣсь знаніе агрономомъ какаго либо ремесла или техническаго производства, такъ какъ это сразу же ставитъ его въ положеніе болѣе знающаго человѣка и поднимаетъ его вѣдѣть въ глазахъ окружающей среды. Такъ, смотрителя Т. и Д., изучившіе нѣкоторыя техническія производства, часто предпочитаютъ для перваго знакомства рекомендоваться крестьянамъ именно въ качествѣ лицъ, могущихъ обучить ихъ этимъ производствамъ, и затѣмъ уже постепенно входить въ роль агрономовъ. Первый изъ нихъ знакомъ съ красильнымъ дѣломъ и недавно, подъ руководствомъ г-жи Доливо-Добровольской, командированной министерствомъ въ Вятскую губернію, изучилъ ткацкій промыселъ; второй же знаетъ приготовленіе скипидара и древесныхъ эфирныхъ маселъ и познакомился въ послѣднее время съ гончарнымъ производствомъ. Другіе смотрители также не пренебрегаютъ подобными знаніями; такъ, напримѣръ, смотритель С. командировался въ этомъ году въ Вологодскую губернію для изученія рогового промысла. Затѣмъ, само собою разумѣется, что обязательнымъ условіемъ успѣха является умѣнье самому сдѣлать все то, что совѣтуешь, подобно, напримѣръ, екатеринбургскому агроному, который, распространяя косулитовку и выставяя ея преимущества передъ горбушей, работалъ ею рядомъ съ крестьянами, косившими горбушей, до полной ихъ усталости. Вообще, не столько рассказать, сколько показать—вотъ что составляетъ, въ дѣйствительности, правило агрономическихъ смотрителей. Наконецъ, съ теченіемъ времени они перестаютъ уже быть новыми людьми и ихъ назначеніе постепенно выясняется населенію, на-

чинающему самостоятельно обращаться къ нимъ за разнаго рода совѣтами по сельско-хозяйственной части. — Эта консультативная сторона въ дѣятельности агронома можетъ во многихъ случаяхъ представлять значительно большія трудности, нежели простое инструкторство, ибо всякая неувѣренность и неясность въ даваемомъ имъ указаніи будутъ тотчасъ же подиѣчены спрашивающимъ его лицомъ, какъ обладающимъ практическимъ знаніемъ хозяйства. Каждый его совѣтъ долженъ поэтому отличаться, если не категоричностью, которая не всегда возможна, то, по крайней мѣрѣ, полною отчетливостью. Ознакомить, напр., крестьянина съ преимуществами машинной молотбы хлѣба представляется несравненно болѣе легкимъ дѣломъ, нежели ясно отвѣтить на вопросъ его хотя бы о томъ, какимъ растеніемъ слѣдуетъ занять тотъ или другой участокъ земли, даже и не входящій въ сѣвооборотъ, и, конечно, чѣмъ серьезнѣе пройденная агрономомъ школа, тѣмъ лучше будетъ его отвѣтъ, что и пришлось наблюдать въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, г. Балачовъ оговаривается, что онъ затруднился бы посовѣтовать, какъ правило, приглашать на должности уѣздныхъ агрономовъ непрѣменно лицъ съ высшимъ образованіемъ, такъ какъ, въ общемъ, стоящія на очереди въ крестьянскомъ хозяйствѣ улучшенія представляются на столько сравнительно элементарными, что собственно проведеніе ихъ въ жизнь можетъ быть поручено лицамъ и съ болѣе скромнымъ специальнымъ ценомъ. Кромѣ того, услуги агрономовъ съ высшимъ образованіемъ неизбѣжно дороже, и за тѣ 900 руб., которые платятся вятскимъ земствомъ, или 720 руб. пермскимъ, едва ли можно будетъ имѣть достаточно устойчивый персоналъ. По приведеннымъ соображеніямъ, слѣдуетъ допустить, что покуда и наши земледѣльческія училища могутъ дать достаточно удовлетворительныхъ агрономовъ. Изъ губернскихъ земствъ, организовавшихъ у себя агрономическую службу, вятское склоняется въ пользу высшаго образовательнаго ценза, замѣщая открывающіяся вакансии воспитанниками Петровской академіи; пермское, имѣвшее на своей службѣ неудачныхъ агрономовъ изъ высшей школы и хорошихъ съ среднимъ образованіемъ, не держится на этотъ счетъ никакого опредѣленнаго правила; херсонское же рѣшительно предпочитаетъ воспитанниковъ своего сельско-хозяйственнаго училища.

Имѣя свою задачу распространеніе сельско-хозяйственныхъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, дѣятельность уѣзднаго агронома, ради лучшаго достиженія этой цѣли, соединяется там, гдѣ возможно, съ завѣдываніемъ небольшимъ хозяйствомъ; въ Орловскомъ и Нолинскомъ уѣздахъ для этого служатъ имѣющія тамъ маленькія фермы мѣстныхъ земствъ, въ остальныхъ же уѣздахъ это частью достигается арендою небольшихъ земельных участковъ, которые и являются для агрономовъ ихъ собственными опытными полями. Практика показала, что при такихъ условіяхъ,

т. е. когда агрономъ въ известной степени самъ представляеть собою хозяина, значеніе его въ глазахъ населенія много выигрываетъ. Но, конечно, это не должно идти въ ущербъ разъѣздной ихъ дѣятельности, для чего имъ необходимо располагать помощниками. Вопросъ о приглашеніи послѣднихъ возникъ уже въ вятскомъ земствѣ, и въ 1893 году на временной ихъ наемъ агрономамъ были отпущены особые деньги (по 50 руб. на каждый уѣздъ); необходимо, впрочемъ, замѣтить, что, при обширныхъ размѣрахъ уѣздовъ, надобность въ помощникахъ становится ощутительною и безъ указанного выше обстоятельства, причемъ обязанности ихъ могутъ выполняться мѣстными же крестьянами, обученными самими агрономами, какъ это уже испытано было на опытѣ. Съ теченіемъ времени вполне подходящій контингентъ для помощниковъ агрономовъ можетъ вербоваться изъ воспитанниковъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ.

Независимо отъ собственныхъ опытныхъ участковъ, агрономы пользуются для производства опытовъ и хозяйствами крестьянъ, выбирая, разумѣется, среди послѣднихъ такихъ, которые могутъ отдать себѣ отчетъ въ значеніи этихъ опытовъ и не дѣлать, въ случаѣ неудачи послѣднихъ, неблагоприятныхъ для агрономической дѣятельности заключеній, предотвращая таковыя и со стороны другихъ. Подобные люди всегда находятся въ крестьянской средѣ; таковъ, для примѣра, крестьянинъ Б. въ с. Кораки-сола, Уржумскаго уѣзда, несмотря на двукратную неудачу съ клеверомъ, высѣявшій его въ третій разъ на своей землѣ и получившій хорошей укосъ сѣна. Конечно, согласно основному правилу агрономической практики, результаты всѣхъ предпринимаемыхъ опытовъ могутъ быть переносимы на крестьянскія поля только по устраненіи всякихъ сомнѣній въ достовѣрности этихъ результатовъ.

Идущая, какъ сказано, показательнымъ путемъ, дѣятельность агрономовъ и въ настоящее время охватила уже не мало сторонъ крестьянскаго хозяйства. Такъ, помимо распространенія усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, она выражается въ ознакомленіи населенія съ улучшенными сѣменами, съ болѣе правильными приемами обработки почвы, съ новыми удобрительными средствами (торфъ, фосфоритная и косяная мука), со способами улучшенія луговъ, съ посѣвомъ кормовыхъ травъ, во введеніи нѣкоторыхъ частныхъ культуръ и пр. Что касается первой изъ указанныхъ выше задачъ, то она достигается демонстраціей въ работѣ рекомендуемыхъ орудій, имѣющихся для этой цѣли въ распоряженіи каждаго агронома, въ отдѣльныхъ селеніяхъ, а также устройствомъ ихъ выставокъ во время ярмарокъ. Выставки эти привлекають къ себѣ большое вниманіе населенія. Въ выборѣ самихъ орудій агрономы чужды всякой исключительности, и, на ряду съ выписываемыми непосредственно изъ заграницы ручными молотилками Ланца, въ земскихъ складахъ могутъ быть приобретаемы,

напр., косули работы мѣстныхъ кустарей. Допущеніе этого послѣдняго орудія въ разрядъ рекомендуемыхъ земствомъ вызываетъ нѣкоторые возраженія, такъ какъ въ этомъ видѣтъ отступленіе отъ началъ рациональной агрономіи, но едва ли можно согласиться съ подобными соображеніями, такъ какъ такое снисходительное отношеніе къ означенному пахатному орудію, являющемуся во всякомъ случаѣ значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ простой сохой, есть результатъ оказавшагося на опытѣ несоотвѣствія одноконныхъ плуговъ условіямъ мѣстнаго крестьянскаго хозяйства: большіе надѣлы заставляютъ крестьянъ признавать невыгодною для себя узкую плужную пахоту. Для проведенія всѣхъ прочихъ улучшеній въ крестьянское земледѣіе (крестьянское скотоводство стоитъ еще въ сторонѣ отъ дѣятельности агрономовъ) служатъ показательные поля и участки, устраиваемые или на отводимой самими крестьянами землѣ, или же на арендуемой земствомъ. Первые, т. е. поля, охватываютъ собою, по возможности, все полевое хозяйство и занимаютъ обыкновенно пространство въ нѣсколько десятинъ, участки же демонстрируютъ тѣ или другіе отдѣльные хозяйственные приемы верѣдко на площади, измѣряемой немногими квадратными сажеными. Почти у каждого изъ смотрителей имѣется по вѣскольکو полей, число же участковъ достигаетъ десятковъ и даже сотенъ у отдѣльныхъ агрономовъ. Изъ показательныхъ полей г. Балачовымъ было посѣщено поле, устроенное на участкѣ въ 11 дес., арендованномъ недалеко отъ города Малмыжа у частнаго лица. На этомъ полѣ два сѣвооборота: обычный трехпольный и четырехпольный (паръ, рожь, картофель, овесъ). Поле расположено рядомъ съ д. Ключи. Изъ случайной бесѣды съ возвращающимся домой съ полевыхъ работъ крестьянами, можно было заключить, что они внимательно слѣдятъ за тѣмъ, что дѣлается въ полѣ, конечно, по своему объясняя тѣ или другіе полученные результаты. Такъ, напр., хорошее качество озимой ржи нѣкоторые предпочитали приписывать раннему посѣву, но соглашались, что это могло зависѣть и отъ лучшихъ сѣмянъ. Это поле преслѣдуетъ двѣ цѣли: опытную и показательную, и, вслѣдствіе этого, тамъ испытываются нѣкоторыя совершенно новыя растенія.

Въ послѣднее время главное вниманіе вятскихъ агрономовъ было сосредоточено на травяныхъ участкахъ, такъ какъ улучшеніе кормовыхъ условій признается одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей мѣстнаго крестьянскаго хозяйства, и имѣющаяся практика даетъ достаточно указаній на возможность здѣсь широкаго распространенія травосѣянія. На расходы по этому дѣлу въ 1893 году земствомъ было отпущено, независимо отъ общаго бюджета въ 6,000 руб. на устройство показательныхъ и опытныхъ полей и участковъ, 5,000 р. съ тѣмъ, чтобы при посѣвахъ тѣхъ опытными и демонстративными цѣлями сѣмена травъ (клеверъ и тимофеевки) выдавались бесплатно, при посѣвахъ же съ цѣлю

длись въ польѣ травосѣянія)—за деньги или на условіяхъ возврата изъ урожая. Посѣвъ травъ въ большинствѣ случаевъ производился на усадебныхъ земляхъ, а въ отдѣльныхъ пунктахъ— въ полѣ нѣсколькими крестьянами или цѣлыми обществами, что возможно, конечно, или при содержаніи въ деревнѣ скота за пастухомъ, или при огораживаніи засѣянныхъ пространствъ. Такъ какъ огораживаніе въ нѣкоторыхъ обезлѣсенныхъ мѣстностяхъ можетъ представить затрудненія для распространенія травосѣянія, то агрономы заняты испытаніемъ возможности посѣва травъ безъ покровнаго растенія въ паровомъ полѣ. Осмотрѣнные г. Балаховымъ участки находятся въ селахъ Боракъ-Солѣ и Сернурѣ и въ дер. Глазыриной. Въ первомъ случаѣ клеверъ и тимофеевка высѣяны въ полѣ 8 домохозяевами на нѣсколькихъ десятинахъ и выглядели весьма удовлетворительно—подъ гречкою значительно лучше, чѣмъ подъ овсомъ. Посѣвъ этотъ очень занимаетъ крестьянъ. Предстоящее сокращеніе хлѣбной площади не смущаетъ ихъ, такъ какъ за недостаткомъ сѣна имъ и безъ того приходится теперь часть зерна скармливать скоту. Второй участокъ, небольшой, находится на одворицѣ одного крестьянина (волостного судьи); травы на немъ были невысоки, но можно думать, что онѣ улучшатся въ слѣдующемъ году; владѣлецъ участка собирается оставить ихъ на нѣсколько лѣтъ, огородивъ самую землю. Пользуясь присутствіемъ агронома, онъ просилъ его объ отпускѣ 4 пуд. фосфоритной муки для испытанія ея подъ ржанымъ посѣвомъ. Наконецъ, въ дер. Глазыриной травы высѣяны и въ полѣ, и на одворицѣ у одного мужика (старостина брата). Въ полѣ (подъ овсомъ) клеверъ былъ невысокъ, причѣмъ проходившій случайно крестьянинъ дер. Нижній-Кугенеръ, узнавъ о лучшемъ выходѣ клевера въ с. Боракъ-солѣ подъ гречкою, сообщилъ, что у нихъ получилось то же самое. На одворицѣ же была второгонная трава (клеверъ съ тимофеевкой), уже скошенная и обѣщавшая хорошую отаву; съ площади, по приблизительному измѣренію, въ 1,600 кв. с. собрано до 300 пуд. прекраснаго сѣна, что составило бы на десятину свыше 400 пуд. Результатъ этотъ объясняется расположеніемъ участка на потномъ мѣстѣ и видимо радовалъ крестьянина. Собранныя односельцы передавали, что въ неосмотрѣнной части упомянутого выше овсянаго поля клеверъ, попавъ на лучшую землю, поднялся болѣе удовлетворительно. Въ завязавшемся разговорѣ крестьяне не мало разспрашивали агронома по различнымъ хозяйственнымъ вопросамъ: о способахъ для улучшенія ихъ луговъ, о фосфоритной мукѣ, о вспашкѣ на язбѣ, о молотбѣ клевера, о томъ, чѣмъ слѣдуетъ занять мѣсто, освобождающееся изъ-подъ льна, высѣяннаго на одворицѣ по пласту, и проч. Собирались лично побывать у агронома, чтобы поговорить еще о разныхъ вещахъ. Разпросы и

разговоры о сельскомъ хозяйствѣ повторялись и на остальной части пути. Спросъ на сѣмена травъ былъ предъявленъ въ весьма обширномъ размѣрѣ, какъ можно заключить изъ сдѣланнаго г. Балаховымъ просмотра бланковъ, разсылавшихся орловскимъ агрономомъ; требованія шли изъ всѣхъ концовъ уѣзда, какъ отъ отдельныхъ крестьянъ, такъ и отъ цѣлыхъ деревень. Кромѣ травяныхъ участковъ есть участки съ посѣвомъ лучшихъ сѣмянъ, съ торфянымъ удобреніемъ, по улучшенію луговъ и т. д.

Одинаковую роль съ показательными полями и участками могутъ выполнять школьныя хозяйства и общественныя запашки. Устройство первыхъ, а затѣмъ руководство ими поставлено также въ обязанность агрономическихъ смотрителей съ обзаведеніемъ самаго хозяйства на земскія средства, доходъ же отъ хозяйства долженъ идти въ пользу учителя, съ назначеніемъ ему, сверхъ того, небольшой платы за занятіе съ учениками. На дѣло это отпущено было 3,000 рублей *). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ земля отводится подъ эти хозяйства самими крестьянами, такъ, напр., въ Уржумскомъ уѣздѣ, въ с. Малая Вершинята и упомянутомъ уже с. Бораки-Солѣ, причемъ, по словамъ агронома, въ первомъ изъ нихъ отведенъ участокъ лучшей земли; а во второмъ—намѣренно худшей (12 дес.), чтобы было показано, какъ слѣдуетъ хозяйничать на плохой землѣ; въ селѣ же Сернурѣ полевое хозяйство на землѣ самого учителя, имѣющаго тамъ, въ качествѣ крестьянина этого села, свой надѣлъ, который, согласно общественному приговору, выдѣленъ къ его усадьбѣ; участокъ же подъ садъ и огородъ отведенъ сельскимъ обществомъ. Учителя двухъ послѣднихъ училищъ получили образованіе: Сернурскій—въ реальномъ училищѣ, а Бораки-Солинскій, также крестьянинъ—въ уѣздномъ, и оба прослушали курсы садоводства и огородничества при казанскомъ земледѣльческомъ училищѣ; и тотъ и другой чрезвычайно заинтересованы этимъ новымъ дѣломъ. Первый изъ нихъ передавалъ о нѣкоторыхъ позaimствованіяхъ, сдѣланныхъ уже крестьянами изъ школьнаго хозяйства, агрономъ же сообщилъ, между прочимъ, о случаѣ оставленія въ одной школѣ двухъ учениковъ на лишній годъ специально для занятій въ саду и огородѣ. Замѣчено, что подъ вліяніемъ обученныхъ сыновей, крестьяне начинаютъ примѣнять у себя навозку земли, мотыженіе яблони и проч. Устройство школьныхъ хозяйствъ начато агрономами и въ другихъ уѣздахъ; школьныя же участки имѣются въ различныхъ пунктахъ.

Пользованіе общественными запашками, какъ опытными полями, начато однимъ агрономомъ, у котораго ихъ имѣется въ настоящее время пять. Починъ въ возникновеніи одной изъ ни

*) Кромѣ того, по Уржумскому уѣзду состоялось на этотъ предметъ особое ассигнованіе отъ уѣзднаго земства.

принадлежитъ самимъ крестьянамъ, остальные же устроены смотрителемъ. Подобныя запашки существовали здѣсь ранѣе, и крестьяне вспомнили о нихъ подѣ влияніемъ неурожая. Агрономъ полагаетъ, что это дѣло можетъ развиваться, и говорить, что общественыя полосы, на которыхъ примѣняется правильная обработка и высѣваются лучшія сѣмена, обращаются уже и теперь на себя общее вниманіе. Въ томъ же показательномъ направленіи должны дѣйствовать и задуманныя вновь, по мысли другого агронома, образцовыя крестьянскія хозяйства, т. е. такія хозяйства, владѣльцы коихъ обязуются слѣдовать у себя во всемъ, что касается земледѣльской техники, указаніямъ агронома, получая въ безплатное пользованіе отъ земства необходимыя орудія, лучшія сѣмена, съ условіемъ возврата ихъ изъ урожая, и небольшую денежную премію. Дѣло это еще въ самомъ началѣ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, средства, находящіяся въ распоряженіи агронома для воздѣйствія на улучшеніе окружающаго его хозяйства. Г. Балазовъ отдастъ справедливость вятскому земству, что оно не жалѣетъ денегъ на то, чтобы обставить своихъ смотрителей всѣми необходимыми пособіями для ихъ демонстративной дѣятельности и сдѣлать ихъ вообще желанными гостями въ деревнѣ, куда они являются уже не съ пустыми руками и не съ одною только устною проповѣдью. Разказы агрономовъ объ обращеніи къ нимъ крестьянъ, ознакомленіе съ ихъ переноскою, свидѣтельство постороннихъ, близкихъ къ крестьянству лицъ о возрастающей воспринчивости его къ улучшеніямъ въ хозяйствѣ убѣждаетъ въ томъ, что земскіе агрономическіе смотрители, по своимъ задачамъ, являются тѣмъ именно стоящимъ лицомъ къ лицу съ населеніемъ органомъ, съ помощью котораго могутъ быть удовлетворены самыя разнообразныя нужды мѣстнаго сельскаго хозяйства.

О ходѣ своихъ занятій уѣздные агрономы сообщаютъ ежемѣсячные отчеты губернской земской управѣ (дневники), имѣющей возможность контролировать ихъ какъ чрезъ губернскаго агронома, такъ и при посредствѣ уѣздныхъ управъ, подѣ ближайшимъ наблюденіемъ которыхъ протекаетъ ихъ дѣятельность. Въ дѣлѣ объединенія дѣйствій уѣздныхъ агрономовъ слѣдуетъ признать весьма полезное значеніе за сѣздами ихъ, созываемыми при губернской земской управѣ; въ сѣздахъ этихъ, кромѣ самихъ агрономовъ, участвуютъ управляющіе земскими фермами и вообще всѣ наличныя агрономическія силы земства. Ихъ было до настоящаго времени два, и на второмъ изъ нихъ подвергавсь довольно подробному обсужденію всѣ важнѣйшія стороны агрономической дѣятельности.

Помимо собственно агрономическаго института, съ состоящими въ его распоряженіи вспомогательными средствами, вятское губернское земство располагаетъ тремя сельско-хозяйственными

фермами. Первая изъ этихъ фермъ находится близъ самаго гор. Вятки при домѣ для душевнобольныхъ и введена въ кругъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій земства лишь съ 1892 года. Первоначально въ ея задачи входило служить мѣстомъ для сельскохозяйственныхъ работъ означенныхъ больныхъ и снабжать свѣжимъ молокомъ земскую больницу. Но, затѣмъ, земство пришло къ заключенію о возможности, путемъ нѣкоторой реорганизациі этой фермы, придать ей болѣе широкое значеніе и, приурочивъ ее къ другимъ своимъ сельскохозяйственнымъ мѣропріятіямъ, оно постановило имѣть здѣсь, какъ и на прочихъ двухъ фермахъ, для обученія хозяйству, крестьянскихъ подростковъ, а также устроить при фермѣ опытное поле и пользоваться ею какъ для испытанія рекомендуемыхъ сельскому населенію земледѣльческихъ машинъ и орудій, такъ и для открытыхъ земствомъ съ 1893 года сельско-хозяйственныхъ учительскихъ курсовъ. Независимо отъ указанныхъ задачъ, ферма можетъ, въ извѣстной мѣрѣ, служить сѣмяннымъ хозяйствомъ, доставляя необходимыя земству для распространенія въ крестьянскомъ населеніи улучшенныя сѣмена, а также и быть разсадникомъ племенныхъ животныхъ. Ферма расположена на землѣ, арендуемой у различныхъ владѣльцевъ, занимаемая, общою площадью, около 200 дес. Въ составъ живого инвентаря, сверхъ необходимаго въ хозяйствѣ количества лошадей, входитъ молочное стадо болѣе чѣмъ въ 40 головъ (частью ивѣстной, частью холмогорской породы; одинъ быкъ—голландской породы—выписанъ съ фермы Петровской академіи), нѣсколько штукъ племенныхъ свиней и не малое число племенной птицы. Стадо выглядитъ хорошо, и объ его полной удовлетворительности свидѣтельствуютъ данныя объ урожаяхъ, составляющихъ, въ среднемъ, на голову около 140 вед., а для единичныхъ экземпляровъ, достигающихъ 210—260 вед. Расширеніе фермскихъ задачъ заставило передать управленіе ею особому лицу съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ. Имъ заложено опытное поле съ многочисленными дѣлянками, на которыхъ испытывается вліяніе различныхъ способовъ обработки, времени посѣва и удобренія на развитіе культурныхъ растений.

Въ 1893 году фермѣ пришлось выполнить одно изъ своихъ назначеній — быть учебнымъ пособіемъ для учительскихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ. Придавая устройству школьныхъ участковъ важное значеніе въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго хозяйства и поднятія самого значенія земскихъ школъ глазахъ населенія, вятское земство нашло, вмѣстѣ съ тѣмъ, устройство для подготовки къ этому дѣлу учительскаго персонала особыхъ курсовъ на мѣстѣ, т. е. въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ учителямъ придется работать, имѣть несомнѣннымъ преимуществомъ передъ командированіемъ ихъ въ другія губерніи. Имѣющіяся въ распоряженіи земства агрономическія силы поз-

мѣсяца (съ 15 іюня по 1 августа); втеченіе этого времени всѣми учителями и учительницами были прослушаны: ботаника, сжатый обзоръ химическихъ явленій, описаніе наиболѣе вредныхъ насѣкомыхъ и краткій курсъ земледѣлія. Для изученія же специальныхъ отраслей сельскаго хозяйства они были раздѣлены на три группы: одни избрали своею спеціальностью пчеловодство, другіе—огородничество и третьи—ягодное садоводство и разведеніе древесныхъ породъ. Число прибывшихъ на курсы учителей и учительницъ значительно превысило ожиданія: вмѣсто первоначально намѣченныхъ 22 (по 2 на уѣздъ) ихъ прибыло 50. По отзыву завѣдывавшихъ курсами лицъ, всѣ слушатели относились съ полнымъ рвеніемъ къ своему дѣлу, въ особенности учительницы, изъ которыхъ 3 пожелали участвовать даже во всѣхъ практическихъ занятіяхъ по земледѣлію. Слѣдуетъ замѣтить, что не малое число учителей происходитъ здѣсь изъ мѣстныхъ крестьянъ, имѣющихъ свои надѣлы. Это служитъ извѣстною гарантіею примѣненія ими на практикѣ вынесенныхъ свѣдѣній. Насколько можно судить, курсы были снабжены всѣмъ необходимымъ для усвоенія слушателями читаемыхъ имъ предметовъ: демонстративность преподаванія теоретическихъ свѣдѣній достигалась, помимо стѣнныхъ таблицъ, съ помощью небольшого, устроеннаго при фермѣ кабинета-лабораторіи; недостающее могло быть пополняемо въ имѣющемся при земскомъ музеѣ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ. Для практическихъ же занятій служили: поли фермы, скотный дворъ, огородъ, хмѣльникъ, древесный и ягодный питомники и пасѣка. Последняя заслуживаетъ особаго упоминанія. Завѣдуетъ ею пользующійся извѣстностью въ пчеловодныхъ кругахъ г. Ш., приглашенный съ 1893 года вятскимъ земствомъ для руководства мѣропріятіями его по улучшенію мѣстнаго пчеловодства, довольно широко распространеннаго въ губерніи. Будучи страстнымъ пчеловодомъ, онъ началъ свои занятія по распространенію рациональнаго пчеловодства еще на университетской скамьѣ и не мало потрудился на этомъ поприщѣ, преимущественно у себя на родинѣ, въ Сибири. Воспользовавшись временнымъ пребываніемъ его въ Вяткѣ, губернское земство рѣшило пригласить его къ себѣ на службу и приобрѣло въ его лицѣ незамѣнимаго работника. За короткій срокъ онъ сѣумѣлъ образцово поставить въ мастерской земскаго реального училища и у мѣстныхъ кустарей приготовленіе пчеловодныхъ принадлежностей усовершенствованныхъ типовъ, на которыя, благодаря ихъ дешевизнѣ, открылся обширный спросъ изъ другихъ мѣстностей. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что занявшіеся пчеловодствомъ на фермской пасѣкѣ, подъ руководствомъ такого любителя и знатока своего дѣла, учителя и учительницы вынесутъ прекрасную въ этой области подготовку и, возвратившись по своимъ мѣстамъ,

или улучшать ииѣющееся уже тамъ пчеловодство, или завести его вновь на рациональныхъ началахъ. Къ тому же, конечно, приведетъ и входящій въ программу занятій пчеловеда личный объѣздъ съ показательными цѣлями мѣстныхъ пчеловодовъ.

Окуновская ферма, также какъ и Верхосунская, заведена земствомъ съ цѣлью служить опытными полями. Но при самомъ осуществленіи этого предположенія онѣ получили болѣе широкую организацію и, сохраняя свою первоначальную задачу, являются въ дѣйствительности законченными хозяйствами, преслѣдующими, кромѣ того, и школьныя цѣли, такъ какъ ими принимаются для обученія сельскому хозяйству крестьянскіе подростки. Такимъ образомъ, онѣ, по справедливости, могутъ быть названы фермами, и названіе это примѣняется къ нимъ теперь самимъ земствомъ.

Остановливаясь на вопросѣ о вліяніи фермъ, подобныхъ Вятской, Окуновской и Верхосунской, на улучшеніе мѣстнаго хозяйства, слѣдуетъ замѣтить, что вліяніе это можетъ быть двоякое — прямое и косвенное. Первое ничѣмъ не будетъ отличаться отъ того вліянія, которое вообще благоустроенныя мѣстна, располагающія всѣми сельско-хозяйственными усовершенствованіями, производятъ на окружающее ихъ хозяйство крестьянъ. Конечно, крестьяне не могутъ скопировать у себя фермское хозяйство во всей его совокупности, но ничто не препятствуетъ имъ перенимать у фермы отдѣльные хозяйственные приемы при воздѣлываніи своихъ обычныхъ растений, вводить у себя, по ея примѣру, тѣ или другія новыя растенія, а въ связи съ этимъ устанавливать, по ея же образцу, и новое чередованіе культуръ, что уже будетъ вліять и на весь строй хозяйства. Болѣе значительный районъ можетъ захватить значеніе фермы, какъ сѣмяннаго хозяйства, а вполнѣдствіи, и какъ рассадника племяннаго скота. Но это прямое вліяніе такихъ учрежденій представляется уступающимъ тому косвенному вліянію, которое они должны имѣть въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго хозяйства въ качествѣ принаровленныхъ къ его нуждамъ опытныхъ полей. По мнѣнію г. Балачова, представляется существенно необходимымъ располагать возможностью производства всякаго рода испытаній и пробъ, и указанныя фермы, руководимыя лицами съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ и располагающія какъ извѣстнымъ земельнымъ просторомъ, такъ и всякаго рода вспомогательными средствами, представляютъ для того всѣ благоприятныя условія. этой точки зрѣнія фермы Вятскаго земства составляютъ необходимое звено во всей его агрономической организаціи. Агрономическіе смотрителя, образцовыя поля, опытные участки, фермы при нихъ курсы, земскіе склады орудій, сѣмянъ, — такова ииъ сторонняя сельско-хозяйственная организація, созданная Вятскимъ земствомъ. Въ 1894 году вятское губернское земство дополни-

этотъ планъ, предпринявъ изданіе сельско-хозяйственной газеты, доступной для пониманія крестьянъ. Газета эта, по свѣдѣніямъ департамента земледѣлія, уже получила при бесплатной ея разсылкѣ въ волостныя и сельскія правленія, а также при невысокой подписной платѣ, довольно широкое распространеніе въ земледѣльческомъ населеніи. Газета издается подъ редакціей председателя управы и губернскаго агронома.

Опираясь на записку г. Калачова, докладъ департамента земледѣлія отзывается очень сочувственно о сельско-хозяйственной организаціи и дѣятельности вятскаго земства. Онъ находитъ, что оно заслуживаетъ всяческаго поощренія и поддержанія со стороны правительства. Прежде, однако, чѣмъ трактовать этотъ вопросъ о правительственной поддержкѣ земской сельскохозяйственной дѣятельности, ознакомимся еще, хотя вкратцѣ, съ постановкою дѣла въ другихъ земствахъ.

II.

Я уже упомянулъ, что г. Калачовъ въ своей запискѣ такъ же подробно, какъ о вятской земской сельско-хозяйственной организаціи, сообщаетъ о постановкѣ этого дѣла въ губерніяхъ Пермской и Херсонской. Мы, однако, не послѣдуемъ за нимъ ни на Уралъ, ни на берега Понта. Обстоятельная характеристика постановки дѣла вятскимъ земствомъ, которую мы заимствовали у г. Калачова, позволяетъ намъ относительно другихъ земствъ ограничиться для Пермскаго и Херсонскаго краткимъ резюме доклада г. Калачова, для остальныхъ земствъ сжатымъ обзоромъ свѣдѣній, сообщаемыхъ докладомъ сельско-хозяйственному совѣту департамента земледѣлія. Департаментъ обѣщаетъ издать цѣлое большое изслѣдованіе о сельско-хозяйственной дѣятельности нашихъ земствъ. Для насъ, однако, вполне достаточно и предварительнаго обзора, представленнаго совѣту и послужившаго основаніемъ для проектированія правительственной поддержки земскимъ начинаніямъ въ области совершенствованія сельскаго хозяйства. Уже ознакомившись на примѣрѣ вятскаго земства изъ приведенныхъ выше данныхъ, извлеченныхъ изъ интересной записки г. Калачова, съ основаніями возможной земской организаціи и дѣятельности въ этой области, мы легко установимъ необходимую точку зрѣнія на успѣхи въ этомъ отношеніи другихъ земствъ и можемъ понять и оцѣнить эту ихъ дѣятельность, не входя въ детали и подробности. Мы увидимъ, что многія земства, по примѣру пермскаго, вятскаго и херсонскаго, уже вступили на путь обособленной агрономической организаціи. Другія же покуда ограничиваются разными облегченіями и пособіями для тѣхъ мѣстныхъ хозяевъ, которые сами уже стремятся къ улуч-

сти сельско-хозяйственного прогресса.

Департаментъ земледѣлія вполне справедливо замѣчаетъ въ своемъ докладѣ, что призванныя самимъ закономъ къ заботамъ о нуждахъ мѣстнаго земледѣлія и охватывая своею дѣятельностью 34 губерніи Имперіи, земскія учрежденія несомнѣнно должны занять видное мѣсто въ дѣлѣ проведенія въ жизнь различныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Всякая дѣятельность по содѣйствію сельско-хозяйственному прогрессу принадлежитъ къ такимъ видамъ дѣятельности, которые не допускаютъ для своего направленія въ различныхъ мѣстностяхъ общей регламентаціи. Поэтому, возлагая на земскія учрежденія заботу о мѣстномъ земледѣліи, законъ не только предоставляетъ земствамъ выборъ способовъ своей дѣятельности, но и устанавливаетъ степени обязательности ея въ ряду другихъ земскихъ задачъ. Развитие этой отрасли дѣятельности земства всецѣло предоставлено вліянію дѣйствительныхъ запросовъ мѣстной сельскохозяйственной жизни, отъ разнообразныхъ условій которой должно зависѣть ея содержаніе. Подъ вліяніемъ этихъ запросовъ, мѣропріятія земствъ этого рода успѣли получить за послѣднее время довольно широкое распространеніе и съ каждымъ годомъ все болѣе развиваются. Еще 10 лѣтъ тому назадъ расходы на этотъ предметъ отдѣльныхъ земствъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ достигала сколько либо замѣтныхъ размѣровъ. Теперь примѣры ассигнованій на то же дѣло въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей являются уже не единичными. Такъ, общая сумма затратъ на мѣропріятія по улучшенію сельскаго хозяйства выразилась для нѣкоторыхъ земствъ, въ 1893 году, въ слѣдующихъ цифрахъ: для вятскаго губернскаго земства въ суммѣ 58 тыс. руб. (помимо добавочныхъ ассигнованій уѣздныхъ земствъ, достигшихъ въ томъ году 47½ тыс. рублей), пермскаго—47 тыс. руб., херсонскаго—68 тыс. руб., тамбовскаго—50 тыс. руб., московскаго—35½ тыс. руб. и т. д. Размѣры этихъ ассигнованій, составляющихъ уже значительную часть въ общемъ земскомъ бюджетѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что вопросы сельскаго хозяйства получили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полную равноправность съ другими задачами земства, имѣющими въ его дѣятельности болѣе давность (каковы заботы земствъ о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и др.).

Если изъ общаго числа земскихъ учрежденій выдѣлить сравнительно небольшую группу земствъ, не принимающихъ еще, по тѣмъ или другимъ причинамъ, никакихъ мѣръ, прямо направленныхъ къ улучшенію мѣстнаго сельскаго хозяйства, то разнообразіе въ степени и, частью, въ формахъ проявленія сельскохозяйственной дѣятельности остальныхъ земствъ можетъ быть сведено къ двумъ болѣе характернымъ для нея типамъ. Выше мы уже упоми-

доушкинъ до посѣдѣннхъ улучшеннхъ — это одинъ изъ. Инициатива въ дѣлѣ земледѣльческаго прогресса является другимъ типомъ. Для инициативы нужна самостоятельная и обособленная сельско-хозяйственная организація, которую и заводить такіа земства.

Въ первомъ случаѣ, земская дѣятельность по сельскохозйственной части выражается въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью достигнуть введенія нѣкоторыхъ частичныхъ улучшеній въ мѣстной постановкѣ сельскохозяйственнаго промысла. Такъ къ мѣропріятіямъ этого рода, пользующимся наибольшимъ распространеніемъ, принадлежатъ заботы о снабженіи мѣстнаго населенія улучшенными земледѣльческими орудіями и машинами. Участіе въ этомъ дѣлѣ земствъ разсматриваемой группы проявляется, главнымъ образомъ, въ томъ, что они берутъ на себя *посредничество* въ приобрѣтеніи этихъ предметовъ, причемъ формы такого посредничества бывають не одинаковы. Нѣкоторыя земства ограничиваються приобрѣтеніемъ орудій лишь по заявленнымъ уже на нихъ требованіямъ, большинство же стремится придать этому дѣлу болѣе постоянный характеръ. Съ этою цѣлью, при управахъ устраиваються особые склады сельскохозйственныхъ орудій, изъ которыхъ эти послѣднія продаются, верѣдню, съ безпроцентною разсрочкою платежа, на сроки, колеблющіяся, въ отдѣльныхъ случаяхъ, отъ 6 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ. Для крестьянъ разсрочка эта допускается подъ поручительство 2—3 домохозяевъ, цѣлаго общества или волостного правленія. Изъ нѣкоторыхъ земскихъ складовъ орудія отпускаются по заготовительной цѣнѣ, изъ другихъ же — съ надбавкою небольшого % на содержаніе склада. Операнія складовъ получили уже среди нѣкоторыхъ земствъ довольно широкое развитіе. Для примѣра, можно указать на полтавское уѣздное земство, годовоі оборотъ котораго по продажѣ орудій достигъ суммы въ 37 тыс. рублей.

Наряду съ распространеніемъ земледѣльческихъ орудій стоятъ мѣропріятія тѣхъ же земствъ по снабженію населенія улучшенными сортами сѣмянъ, причемъ самая постановка этого дѣла совершенно сходна въ нихъ съ организаціею выше разсмотрѣнной мѣры. Сѣмена продаются изъ земскихъ складовъ, часто, въ долгъ, съ разсрочкой платежа, или же съ условіемъ возврата натурою, изъ перваго урожая, иногда съ надбавкою отъ 25 до 50% противъ выданнаго количества, взимаемыхъ также натурою. Самыя сѣмена выписываются отъ извѣстныхъ сѣменоторговцевъ или приобрѣтаются отъ мѣстныхъ хозяевъ. Спросъ на улучшенныя сѣмена получилъ уже въ нѣкоторыхъ земствахъ вполне установившійся характеръ, и, по свидѣтельству земскихъ управъ, поступленіе разсрочиваемыхъ за нихъ, какъ и за орудія, платежей происходитъ, болѣею частью, аккуратно. Подобную же организацію имѣеть и практикуемое

въ обавшанствѣ случаевъ, самыя операціи земскихъ управъ и покупкѣ и продажѣ тукоевъ поручены тѣмъ же складамъ улучшенныхъ орудій и сѣмянъ. Довольно распространенными среди земствъ являются также мѣропріятія по улучшенію мѣстныхъ породъ скота. Отдѣльные мѣры содѣйствія въ этомъ дѣлѣ выражаются въ раздачѣ крестьянскимъ обществамъ племенныхъ производителей, устройствѣ случныхъ пунктовъ и организаціи выставокъ скота, съ выдачею наградъ за лучшіе экземпляры.

Все это является лишь поддержкою собственной инициативы хозяевъ и облегченіемъ ея осуществленія. Переходную группу земскихъ мѣропріятій представляютъ нѣкоторые другіе, къ которымъ и переходимъ теперь. Въ дѣлѣ борьбы съ вредными насекомыми и животными, земства, не ограничиваясь установленіемъ натуральной повинности по ихъ истребленію, съ оплатою во многихъ случаяхъ части этого обязательнаго труда, производятъ, чрезъ посредство временно-приглашаемыхъ или даже постоянно содержащихся специалистовъ (энтомологъ при таврической губернской земской управѣ и вознаграждаемый на счетъ земства нѣсколькихъ мѣстностей областной энтомологъ при одесской уѣздной земской управѣ), изслѣдованія этихъ вредителей полеводства и знакомятъ населеніе съ правильными способами ихъ истребленія. Къ мѣропріятіямъ болѣе общаго характера въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ разсматриваемый здѣсь типъ земской сельско-хозяйственной дѣятельности, слѣдуетъ отнести устройство сельско-хозяйственныхъ выставокъ и распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія. Участвуя въ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ выставокъ, земства являются или самостоятельными организаторами ихъ, или же ограничиваются матеріальнымъ содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ. Выставки устраиваются, помимо губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, также въ большихъ селахъ; эти сельскія выставки приурочиваются, обыкновенно, къ ярмарочному времени. Въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственнаго образованія земская практика начинаетъ обращаться, за послѣднее время, къ учрежденію низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, на основаніи дѣйствующаго о нихъ, съ 1883 года, нормальнаго положенія. Наконецъ, нѣкоторыми земствами къ распространенію въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній привлечена и сельская школа. Съ цѣлью сообщенія указанныхъ знаній самимъ учителямъ народныхъ школъ, для нихъ устраиваются лѣтніе курсы по сельскому хозяйству. Практическою школою для учениковъ служатъ особыя школьныя поля и хозяйства, при которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, устраиваются небольшіе огороды и сады. Земля подъ эти школьныя хозяйства отводится сельскими обществами или предоставляется частными землевладѣльцами, иногда же она арендуется самимъ земствомъ.

ныи типъ земско-сельскохозяйственной дѣятельности, служить то, что самый трудъ по проведенію всѣхъ этихъ мѣропріятій лежить въ относящихся сюда земствахъ исключительно на общихъ исполнительныхъ органахъ земскаго управленія, т. е. на земскихъ управахъ. Такая постановка дѣла при различныхъ силахъ управъ, обремененныхъ, притомъ, многочисленными обязанностями по прочимъ отраслямъ земскаго вѣдѣнія, не можетъ не задерживать какъ надлежащее развитіе практикуемыхъ уже мѣръ, такъ и распространеніе ихъ на другія неотложныя нужды мѣстнаго земледѣлія. Сложность и разнообразіе этихъ нуждъ привели къ тому, что нѣкоторыя земства, не ограничиваясь отдѣльными мѣрами по улучшенію той или другой стороны мѣстнаго сельскаго хозяйства и пользуясь своимъ правомъ приглашать въ помощь себѣ, для завѣдыванія отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и управленія, постороннихъ лицъ, образовали при управахъ особые постоянные органы, какъ для предварительной разработки всѣхъ связанныхъ съ настоящимъ дѣломъ вопросовъ, такъ и для объединенія принимаемыхъ ими въ этой области мѣръ. Сверхъ того, для ближайшаго исполненія этихъ мѣръ, земства эти признали необходимымъ пригласить на свою службу лицъ со спеціальною сельско-хозяйственною подготовкою. Это и есть тотъ второй типъ земской с.-хоз. дѣятельности, о которомъ мы говорили выше и основнымъ признакомъ котораго служить, кромѣ особой организаціи, земская инициатива въ дѣлѣ сельско-хоз. прогресса.

Представляя изъ себя одно изъ наиболее новыхъ земскихъ начинаній, выдѣленіе сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій въ самостоятельную, особо организованную отрасль земскаго управленія привлекаетъ къ себѣ вниманіе все большаго и большаго числа земствъ и, за послѣднее время, осуществлено уже многими изъ нихъ въ болѣе или менѣе установившихся формахъ. Раньше другихъ, въ 1883 году, къ организованному содѣйствію сельскому хозяйству приступило *пермское* губернское земство, сельско-хозяйственныя мѣропріятія котораго представляются въ настоящее время въ слѣдующемъ видѣ. Съ цѣлью улучшенія мѣстнаго земледѣлія, земство это учредило у себя должности особыхъ агентовъ по сельско-хозяйственной части — агрономическихъ смотрителей, обязанности которыхъ, главнымъ образомъ, въ завѣдываніи дѣломъ распространенія улучшенныхъ сортовъ сѣмянъ и удобрительныхъ туковъ, въ заботахъ о распространеніи улучшенныхъ орудій и машинъ, въ организаціи разныхъ испытаній и показательныхъ опытовъ на особо арендуемыхъ участкахъ, а также въ частновладельческихъ и крестьянскихъ хозяйствахъ, во введеніи культуры травъ и другихъ новыхъ для данной мѣстности растений, въ указаніяхъ способовъ борьбы съ появляющимися вредными насекомыми и руководствѣ самою борьбою и, наконецъ, въ содѣйствіи

развитію сельско-хозяйственныхъ техническихъ производствъ. Словомъ, все то же, съ чѣмъ мы подробнѣе ознакомились на приѣздѣ вятскаго земства.

Для выработки способовъ практическаго выполненія этихъ обязанностей и опредѣленія на каждый годъ ближайшихъ задачъ земство устраиваетъ ежегодные съѣзды смотрителей, постановленія которыхъ подлежатъ утвержденію управы. На одномъ изъ позднѣйшихъ съѣздовъ было признано желательнымъ, чтобы впредь до указаній самой практики дѣятельность смотрителей не замыкалась въ какія либо неподвижныя рамки и, смотря по обстоятельствамъ, слагалась въ слѣдующихъ, признанныхъ равноправными, типахъ: 1—заботы о крестьянскомъ хозяйствѣ цѣлаго уѣзда; 2—ограниченіе дѣятельности одной—двумя волостями и 3—завѣдываніе опытнымъ полемъ. Преобладаетъ, однако, первый, развѣдной родъ дѣятельности. Агрономическіе смотрителя имѣются во всѣхъ 12 уѣздахъ губерніи, сверхъ того, при губернской управѣ состоятъ одинъ запасной. Текущее руководство дѣятельностью смотрителей принадлежитъ состоящему при управѣ губернскаго агроному, который завѣдуетъ, въ тоже время, сельско-хозяйственнымъ бюро при ней. Въ бюро сосредоточивается все дѣлопроизводство по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ: оно обязано давать необходимыя сельско-хозяйственныя справки, принимать на себя посредничество въ дѣлѣ пріобрѣтенія улучшенныхъ сѣмянъ, орудій и племенного скота, разрабатывать различные матеріалы, касающіеся положенія сельскаго хозяйства въ губерніи, готовить и обсуждать проекты земскихъ мѣропріятій, касающихся улучшенія сельскаго хозяйства, и т. д. Агрономическая организація пермскаго земства во многихъ отношеніяхъ пользуется также содѣйствіемъ сельско-хозяйственнаго совѣта красноуфимскаго промышленнаго училища.

Весьма сходными, по внѣшнимъ формамъ, съ этою организаціею являются организація херсонскаго и тамбовскаго земствъ, проводящихъ въ жизнь свои агрономическія мѣропріятія также при посредствѣ особыхъ, со спеціальною подготовкою, агентовъ, дѣятельность которыхъ приурочена къ отдѣльнымъ уѣздамъ. Въ этихъ губерніяхъ, какъ и въ Вятской и Пермской, организація агрономическаго надзора принадлежитъ губернскому земству, которое руководитъ ею и несетъ связанный съ ея учрежденіемъ расходъ.

Начало агрономической организаціи *херсонскаго* губернскаго земства положено въ 1888 году. Дѣятельность имѣющихся, и въ этой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ, агрономическихъ смотрителей, выражаясь въ тѣхъ же формахъ, направлена, въ частности, на сообщеніе большей правильности крестьянскому полеводству, отличающемуся здѣсь полною бессистемностью, на введеніе пара подпольевъ озими, на борьбу съ сорными травами, на ознакомленіе

ности развитіе специальныхъ отраслей—садоводства, шелководства и пр. Каждый смотритель обязанъ ежегодно составлять планъ своихъ работъ на предстоящій годъ, который разсматривается въ губернскомъ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ и утверждается управою. Въ составъ совѣта, кромѣ предсѣдателя и членовъ управы, входятъ: преподаватель растеніеводства херсонскаго земскаго сельско-хозяйственнаго училища, какъ непремѣнный членъ совѣта, выполняющій, за незамѣщеніемъ еще учрежденной и здѣсь должности губернскаго агронома, роль этого послѣдняго, губернской земскій статистикъ и двое сельскихъ хозяевъ, по приглашенію управы. Въ случаѣ надобности, въ засѣданіе совѣта приглашается областной энтомологъ и другіе специалисты по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Сельско-хозяйственная организація *тамбовскаго* губернскаго земства введена только съ 1894 г. Должности агрономовъ учреждены одновременно во всѣхъ уѣздахъ, съ порученіемъ ближайшаго направленія ихъ текущей дѣятельности состоящему при губернской управѣ губернскому агроному. Намѣченная на первый годъ программа дѣятельности уѣздныхъ агрономовъ ставитъ для нихъ главными задачами, кромѣ консультативной дѣятельности, изученіе мѣстныхъ естественно-историческихъ и хозяйственно-бытовыхъ условий, организацію складовъ орудій и сѣмянъ и устройство опытныхъ полей по одному въ каждомъ агрономическомъ участкѣ. Общее руководство дѣятельностью агрономическаго персонала поручено образованной при губернской управѣ особой сельско-хозяйственной комиссіи, состоящей изъ предсѣдателя и членовъ управы, губернскаго агронома и нѣсколькихъ членовъ изъ среды мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ.

Мѣропріятія *московскаго* земства по содѣйствію сельскому хозяйству получили особую организацію въ 1889 году, когда при губернской управѣ было сформировано экономическое отдѣленіе, состоящее изъ губернскаго экономическаго совѣта и его исполнительнаго органа—экономическаго бюро. Губернскій совѣтъ имѣетъ своею задачею обобщеніе всѣхъ мѣропріятій губернскаго земства, направленныхъ къ содѣйствію и улучшенію экономическихъ условий сельскаго населенія, и состоитъ изъ предсѣдателя и членовъ губернской управы, 5-ти гласныхъ, по выбору губернскаго собранія, и лица, завѣдывающаго экономическимъ бюро. Совѣтъ обсуждаетъ всѣ вопросы, касающіеся экономическихъ нуждъ сельскаго населенія, какъ въ сельско-хозяйственномъ, такъ и промышленно-кустарномъ отношеніяхъ, и выработанныя имъ мѣры приводятся въ исполненіе губернскою управою, чрезъ экономическое бюро. На экономическое бюро возлагаются всѣ подготовительныя, въ этой области, работы, а также исполненіе постанов-

отраслями дѣятельности губернскаго земства, касающимися экономическихъ нуждъ сельскаго населенія. Въ качествѣ ближайшаго агента совѣта, управы и бюро, по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, состоитъ губернской агрономъ. Разнообразная дѣятельность этого послѣдняго имѣетъ своимъ основаніемъ—приходить въ губерніи на помощь тамъ, гдѣ обнаружались какіе либо самостоятельные шаги на пути улучшенія сельскаго хозяйства. Изъ числа наиболѣ назрѣвшихъ въ этомъ отношеніи вопросовъ является здѣсь распространеніе у крестьянъ полевого травосѣянія; участіе въ этомъ дѣлѣ губернскаго агронома выражается въ изысканіи наиболѣ цѣлесообразныхъ приѣмовъ введенія посѣва травъ въ общую систему хозяйства. Агрономъ руководитъ снабженіемъ уѣздовъ улучшенными сѣменами и орудіями и производитъ испытанія ихъ; по мѣрѣ возможности, онъ удѣляетъ время и консультационной дѣятельности. Кроме того, губернской агрономъ принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ экономическихъ совѣтовъ и комиссій при уѣздныхъ земствахъ, облегчая, такимъ образомъ, этимъ послѣднимъ взаимное ознакомленіе съ накопляющимися у каждаго изъ нихъ опытомъ въ сферѣ агрономическихъ мѣропріятій. По образцу губернскаго экономическаго совѣта и съ тѣми же цѣлями образованы уѣздные сельско-хозяйственные совѣты и комиссій земствами: клинскимъ, подольскимъ, волоколамскимъ, серпуховскимъ, рузскимъ, дмитровскимъ, богородскимъ и московскимъ. Первые четыре изъ названныхъ земствъ имѣютъ, для исполненія сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій, особыхъ уѣздныхъ агрономовъ. Сверхъ того, губернскимъ земствомъ рѣшенъ вопросъ о приглашеніи имъ самымъ дополнительнаго агронома для командированія въ Можайскій уѣздъ. Сельско-хозяйственная организациа Клинскаго уѣзда дополняется опытнымъ участкомъ, находящимся въ вѣдѣніи клинскаго агронома.

Особая организациа мѣропріятій, направляющихся къ улучшенію быта населенія, выработана *тульскимъ* губернскимъ земствомъ, признавшимъ необходимымъ имѣть въ каждомъ уѣздѣ особую сельско-хозяйственную комиссію, въ составѣ председателя и одного изъ членовъ уѣздной земской управы, двухъ членовъ отъ мѣстнаго сельско-хозяйственнаго общества, гдѣ таковое есть, и участковыхъ сельско-хозяйственныхъ попечителей, избираемыхъ земскими собраніями, въ числѣ не менѣ одного на кажда двѣ волости. Секретаремъ комиссій долженъ быть уѣзды земскій агрономъ, председатель же ея избирается изъ среды членовъ. Во главѣ уѣздныхъ комиссій стоитъ губернская сельско-хозяйственная комиссія, состоящая изъ председателя и одного изъ членовъ губернской управы, шести губернскихъ гласныхъ и избранію губернскаго собранія, двухъ членовъ губернскаго сельско-хозяйственнаго общества и двухъ представителей отъ каждаго изъ уѣздовъ.

равнымъ образомъ самою комиссіею, секретаремъ же ея состоитъ губернский агрономъ. Организация эта не получила еще полного осуществленія.

Нижегородское губернское земство поставило себѣ задачей образовать въ губерніи сѣтъ опытныхъ полей, должствующихъ, по мысли земства, представить собою агрономическіе центры, которые, выясняя и проводя въ сознаніе населенія мысль о необходимости сельско-хозяйственныхъ улучшеній, не только указывали бы на тѣ или другія мѣры, какъ наиболѣе цѣлесообразныя, но и облегчали, по возможности, хозяевамъ ихъ попытки улучшить свое хозяйство, доставляя имъ хорошія сѣмена, племенныхъ телъ и служа случайными пунктами. Въ будущемъ, когда среди населенія разовьется сознаніе полезности сельско-хозяйственныхъ улучшенныхъ орудій, при опытныхъ поляхъ предполагается устроить склады наиболѣе требуемыхъ орудій. Опытное поле должно имѣть самое широкое общеніе съ населеніемъ своего участка. Завѣдывающему надлежитъ ознакомиться съ сельско-хозяйственными условіями участка и быть всегда готовымъ подать пужный совѣтъ и указаніе. Всякій сельскій хозяинъ можетъ просить о производствѣ интересующихъ его опытовъ, и, если агрономъ находитъ ихъ общепольными, полезными и не нарушающими общей системы намѣченныхъ въ данномъ году опытовъ, то производитъ ихъ. Завѣдывать опытнымъ полемъ долженъ агрономъ съ высшимъ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, старшими же работниками могутъ приниматься лица, окончившія земскую сельско-хозяйственную школу. Проработавъ нѣкоторое время на опытномъ полѣ, они могутъ получать въ завѣдываніе показательныя поля, образованіе сѣти которыхъ на арендованныхъ крестьянскихъ надѣлахъ, на школьныхъ участкахъ и общественныхъ запашкахъ явится дѣломъ ближайшаго будущаго. Въ 1894 году земство ограничилось устройствомъ лишь одного опытнаго поля, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, для чего ассигновано 13,300 рублей. Для объединенія дѣятельности опытныхъ полей и другихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій губернскаго земства (сельско-хозяйственная школа, естественно-историческій музей и статистическое отдѣленіе, разрабатывающее текущую сельско-хозяйственную статистику), а также для разработки разнаго рода мѣръ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе сельскаго хозяйства и поднятіе общаго уровня народнаго благосостоянія, при губернской управѣ учрежденъ экономическій совѣтъ, въ составъ котораго, помимо управы, входятъ нѣсколько губернскихъ гласныхъ, по выбору губернскаго собранія, попечитель и директоръ земской сельско-хозяйственной школы, завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ, завѣдующій естественно-историческимъ музеемъ и губернской агрономъ. Всѣ подготовительныя работы и дѣло-

производство совѣта выполняетъ экономическое отдѣленіе губернской управы, которымъ завѣдываетъ одинъ изъ членовъ управы. Во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ начинаніяхъ губернскаго земства, послѣ губернской управы и завѣдывающаго экономическимъ отдѣленіемъ, высшій надзоръ ввѣряется губернскому агроному.

Кромѣ приведенныхъ земствъ, особыя сельско-хозяйственныя организациі имѣютъ, въ настоящее время, многія другія губернскія земства, изъ которыхъ нѣкоторыя, помимо устройства при управахъ совѣщательныхъ органовъ, располагаютъ специальными агентами по сельско-хозяйственной части, въ лицѣ губернскихъ агрономовъ или секретарей при совѣтахъ, назначаемыхъ изъ лицъ съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ. Такъ, *новгородское* губернское земство организовало, для изысканія и разработки различныхъ мѣропріятій, могущихъ благотворно повліять на экономическое положеніе населенія, экономической при губернской управѣ совѣтъ. Такой же совѣтъ имѣется и у *с.-петербургскаго* земства. *Орловское* земство располагаетъ особымъ, съ секретаремъ-агрономомъ, сельско-хозяйственнымъ отдѣломъ, состоящимъ изъ сельско-хозяйственнаго комитета и сельскохозяйственнаго бюро. *Екатеринославское* земство устроило при губернской управѣ особое агрономическое бюро и пригласило агронома для изученія положенія сельскаго хозяйства въ губерніи и изысканія средствъ къ его улучшенію. При *бессарабской* губернской управѣ, располагающей услугами двухъ агрономовъ, устроено сельско-хозяйственное бюро, завѣдывающее дѣломъ снабженія хозяевъ земледѣльческими орудіями и улучшенными сѣменами. *Костромское* земство имѣетъ сельско-хозяйственный совѣтъ и губернскаго агронома, который есть также у *ярославскаго, самарскаго и уфимскаго* земствъ; послѣднее изъ этихъ земствъ учредило при своей управѣ экономической совѣтъ. При *курскомъ* земствѣ образовано особое экономическое бюро. Вопросъ объ учрежденіи земской сельско-хозяйственной организациі поставленъ на очередь въ *таверическомъ, черниговскомъ, саратовскомъ, харьковскомъ* и нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ земствахъ.

Спеціальная сельско-хозяйственная организациа учреждена также значительнымъ числомъ уѣздныхъ земствъ; такъ, совѣщательные сельско-хозяйственные органы имѣются при уѣздныхъ земствахъ: царевкокшайскомъ (Казанской губерніи), корочанскомъ и дмитриевскомъ (Курской губ.), почти во всѣхъ (исключая трехъ) уѣздныхъ земствахъ Новгородской губ., при елецкомъ, малохангельскомъ и ливенскомъ земствахъ (Орловской губ.), при гульминскомъ (Самарской губ.), вяземскомъ и краснинскомъ (Смоленской губ.), при уфимскомъ, белебеевскомъ и стерляжмакскомъ (Уфимской губ.) и при нѣкоторыхъ другихъ. Нѣкоторыя уѣздныя земства располагаютъ и агрономами, какъ, наприимѣръ,

бердянское, мариупольское, бугульминское, уфимское, белебеевское и др. Наконецъ, нѣкоторые земства, въ томъ числѣ полтавское губернскаго, не имѣя еще при себѣ особыхъ органовъ по сельско-хозяйственной части, пользуются въ этомъ отношеніи услугами мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, которыя, получая изъ земскихъ средствъ матеріальную поддержку, берутъ на себя разработку интересующихъ земство сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, а также устройство и завѣдываніе различными сельско-хозяйственными учреждениями. Таковы главнѣйшія формы и задачи существующихъ земскихъ сельско-хозяйственныхъ учреждений.

Конечно, столь живое дѣло, какъ дѣятельность по улучшенію сельскаго хозяйства, далеко еще не характеризуется тѣми программами и инструкціями, которыми снабжаются учрежденія и лица, непосредственно привлеченныя къ его выполненію. По мѣрѣ развитія организованныхъ земскихъ сельско-хозяйственныхъ начинаній, расширяется знакомство земствъ съ условіями мѣстнаго сельскаго хозяйства, все болѣе выясняются его нужды, накопляется опытъ въ проведеніи мѣропріятій для ихъ удовлетворенія, а, вслѣдствіи всего этого, совершенствуются и сами мѣропріятія.

Отъ этой разнообразной дѣятельности земствъ можно ожидать крупныхъ послѣдствій. Земская инициатива съумѣла такъ поставить дѣло и положить такія ему основанія, что министерству земледѣлія остается только придти на помощь земству и въ этой поддержкѣ найти одну изъ главнѣйшихъ, если не самую главную изъ своихъ задачъ. Я остановился довольно подробно на этихъ земскихъ начинаніяхъ въ виду малаго знакомства съ ними публики и самихъ земствъ, еще не приступившихъ къ агрономической организаціи. Обратимся теперь къ министерскому проекту, задающемуся цѣлью установить связь между земскою и правительственною дѣятельностью по содѣйствію сельско-хозяйственному прогрессу.

Министерство само придаетъ огромное значеніе земской дѣятельности и ждетъ отъ него очень многого. Такъ докладъ департамента земледѣлія, выразивъ сочувствіе земской мысли о самостоятельной обособленной агрономической организаціи, продолжаетъ развивать свой взглядъ въ слѣдующихъ несомнительныхъ выраженіяхъ: «Мысль эта, какъ слѣдуетъ замѣтить изъ постоянно возростающаго числа земствъ, обращающихся къ такой именно постановкѣ у себя сельско-хозяйственнаго дѣла, начинаетъ получать общее признаніе. Въ свою очередь, это обстоятельство, въ связи съ наличностью у земскихъ учреждений самостоятельнаго для всѣхъ ихъ мѣропріятій источника денежныхъ средствъ, самый ростъ коихъ, при преимущественномъ участіи въ земскихъ доходахъ земельного обложенія, находится въ прямой зависимости отъ преуспѣянія въ мѣстности земледѣльческой промышлен-

ности, *заставляет ожидать от этих учреждений обширной и плодотворной деятельности на пользу сельского хозяйства*. Так смотрит на роль и деятельность земства министерство земледѣлія и такъ оцѣниваетъ оно уже понесенныя земствомъ труды, уже созданныя земскія учрежденія и уже реализованныя земскія идеи по этому сложному и не легкому дѣлу. Въ минуту, когда разные добровольцы реакціи, порою даже изъ земской же среды, усердно стараются унижить и обезславить русское земство, это признаніе со стороны одного изъ высшихъ правительственныхъ органовъ земскихъ заслугъ и земскихъ идей въ высшей степени знаменательно и отрадно. Признаніе это провозглашено учрежденіемъ, не только высоко компетентнымъ, но и взявшимъ на себя трудъ предварительно въ подробностяхъ изучить земскую деятельность и земскія начинанія по сельскохозяйственному дѣлу. Признаніе, что отъ земства надо ожидать «обширной и плодотворной деятельности» и есть плодъ этого предварительнаго изученія.

Что касается той поддержки, которую министерство земледѣлія склонно оказать земству въ его начинаніяхъ на пользу сельского хозяйства, то оно главнымъ образомъ сводится къ роли консультанта и эксперта. Матеріальная поддержка простирается преимущественно въ формѣ отвода казенной земли для земскихъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій; денежные же субсидіи лишь въ исключительныхъ случаяхъ, большею частью на предпріятія по изслѣдованію природныхъ и экономическихъ условій сельского хозяйства. Простирается также облегчить земству привлеченіе на свою службу агрономовъ, даровавъ такимъ земскимъ агрономамъ права государственной службы. Этимъ и исчерпывается сущность департаментскаго проекта. Однако, значеніе этой инициативы министерства земледѣлія заключается болѣе всего въ той моральной поддержкѣ, которая способна снять много ненужныхъ и напрасныхъ препятствій съ пути земской деятельности. Самъ докладъ департамента сознается, что земство порою ходатайствуетъ о правительственной субсидіи не столько изъ матеріальной нужды, сколько изъ желанія получить правительственную санкцію своему начинанію и тѣмъ лучше обезпечить его проведеніе въ жизнь.

С. Юмаковъ.

Изъ Австріи.

Вопросъ, болѣе всего интересующій население всѣхъ провинцій Австріи—это судьба избирательной реформы и связанный съ нею вопросъ о будущихъ выборахъ въ ландтагъ, которые будутъ происходить осенью, хотя возможно, что правительство объявитъ ихъ и раньше, напр. въ іюнѣ или іюлѣ. Дѣло избирательной реформы подвигается крайне туго, и до сихъ поръ три партіи (нѣмецкіе либералы, клубъ Гогенварта и поляки), составляющіе правительственную коалицію, не могли еще столковаться на счетъ принциповъ ея. Совѣщанія субъ-комитета представителей коалиціонныхъ партій ведутся въ строжайшей тайнѣ, а въ печать проникаютъ слухи, лишенные по большей части всякой достоверности.

Выборы въ ландтагъ, въ случаѣ если избирательная реформа не будетъ утверждена, не поведутъ ни къ какому неожиданности. Только въ Чехіи и въ Галиціи они будутъ довольно интересны. Въ первой по всей вѣроятности исчезнутъ остатки старочешской партіи, а во второй выступать на сцену новые элементы: народныя въ западной (польской) и чисто правительственныя въ восточной (русинской).

Въ національномъ отношеніи галиційскіе русины достигли въ послѣднее время большихъ успѣховъ, такъ какъ правительство удовлетворило значительной части ихъ требованій въ области народнаго просвѣщенія и администраціи. Однако, въ политическомъ отношеніи ихъ дѣла давно уже не были такъ плачевны, какъ въ настоящее время. Это относится одинаково ко всѣмъ тремъ партіямъ, на которыя распадается немногочисленная русинская интеллигенція..

Въ западной, чисто-польской Галиціи ближайшіе выборы не будутъ простой комедіей, какъ въ Галицкой Руси. Распространеніе просвѣщенія, быстрое уменьшеніе числа неграмотныхъ, благотворная

дѣятельность народныхъ изданій съ политическимъ и агитаціоннымъ характеромъ—все это вызвало здѣсь очень знаменательное движеніе среди крестьянъ, которые стремятся къ полученію равноправности и перестаютъ быть послушнымъ стадомъ, дающимъ себя стричь кому угодно. Крестьянское движеніе растетъ очень быстро, и правящіе въ Галиціи сферы видятъ, что еще двѣ-три избирательныя кампаніи, и ихъ мѣсто займутъ, по крайней мѣрѣ, въ Западной Галиціи, совсѣмъ иные элементы. Поэтому-то эти сферы всѣми доступными имъ средствами пытаются затормозить это движеніе. За послѣдній мѣсяць въ Галиціи запрещено *шесть* большихъ крестьянскихъ митинговъ, причемъ поводомъ къ запрещенію служатъ чаще всего такія вещи, какъ инфуанца, будто бы свирѣпствующая въ окрестностяхъ той мѣстности, куда созывается митингъ. Сочувствующія крестьянскому движенію газеты конфискуются въ самыхъ небывалыхъ размѣрахъ, а въ газеткахъ, издаваемыхъ правящими въ Галиціи сферами, и съ амвоновъ деревенскихъ костеловъ раздаются проклятія по адресу «агитаторовъ», бунтующихъ-де народъ, которому подѣ покровительствомъ шляхты и есендовъ живетъ, какъ у Христа за пазухой. Однако такая тактика уже мало дѣйствуетъ и только еще больше раздражаетъ крестьянъ, которые повсюду уже теперь формируютъ окружные избирательныя комитеты и намѣчаютъ кандидатовъ изъ крестьянъ же. Они требуютъ, чтобы ихъ теперешніе представители, играющіе въ парламентѣ такую позорную роль, явились передъ своими избирателями и давали отчетъ о своихъ трудахъ въ Вѣнѣ. Тѣмъ, которые уступаютъ требованіямъ избирателей, иногда приходится очень круто. Такъ, напр., есендзь Хотковскій, одинъ изъ крайнихъ ретроградовъ польскаго парламентскаго клуба, недавно былъ принужденъ выслушать отъ своихъ избирателей-крестьянъ такія вещи, которыя на-долго отнимутъ у него желаніе пренебрегать «мужикомъ». Послѣ цѣлаго ряда требованій, предъявленныхъ ему отъ лица избирателей, одинъ крестьянинъ высказалъ мнѣніе, что вс. Хотковскій не достоинъ званія депутата, такъ какъ онъ избранъ не по волѣ народа, а благодаря репрессаліямъ и «избирательной колбасѣ» (которая при выборахъ въ Галиціи играетъ большую роль). Бѣдный патеръ, приведенный въ замѣшательство градомъ сыпавшихся на него обвиненій, не выдержалъ, наконецъ, и заявилъ, что онъ не покупалъ своихъ избирателей колбасой, такъ какъ выборы проходили въ пятницу, т. е. постный день, а пригласилъ всѣхъ жлающихъ откушать селедки. Это заявленіе вызвало бурю хохота и теперь въ Галиціи «избирательная селедка» путешествуетъ страницамъ юмористическихъ изданій вмѣстѣ съ злополучнымъ патеромъ.

Понятно, трудно надѣяться на большой успѣхъ крестьянскаго движенія при ближайшихъ же выборахъ. Вліяніе правительств-

и преданныхъ ему элементъ еще очень сильно. Однако во всякомъ случаѣ крестьянамъ несомнѣнно удастся выбрать около дюжины своихъ депутатовъ, несмотря на крайне неблагопріятную для нихъ избирательную систему (двойные выборы въ сельскихъ общинахъ).

Если до осени, когда предполагаются выборы въ ландтагъ, будетъ выработана реформа избирательной системы, то шансы крестьянской партіи усилятся, а кромѣ того очень вѣроятно избравіе нѣсколькихъ рабочихъ, что сильно измѣнитъ фیزیономію львовскаго ландтага и общее положеніе дѣлъ въ Галиціи.

Благословеніе папы, посланное князю Лихтенштейну, одному изъ самыхъ видныхъ руководителей антисемитскаго движенія въ Австріи, и побѣда по этому поводу кардинала Шенборна въ Римѣ заставили общество обратить вниманіе на антисемитизмъ. Антисемитизмъ выступаетъ въ Австріи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Здѣсь можно наблюдать и антисемитизмъ, возникшій на почвѣ религіознаго фанатизма, и антисемитизмъ, порожденный социальными экономическими условіями и, наконецъ, антисемитизмъ, имѣющій чисто національный характеръ. Главнымъ центромъ антисемитской агитаціи является Вѣна, гдѣ количество еврейскаго населенія, благодаря наплыву его изъ Венгріи, Галиціи, Моравіи и Чехіи, постоянно возрастаетъ. По количеству евреевъ Австрія занимаетъ первое, послѣ Россіи, мѣсто, а въ силу внутреннихъ политическихъ условій, евреи играютъ въ ней очень вліятельную роль. Въ австрийскомъ антисемитизмѣ можно въ настоящее время отличать пять теченій:

I. *Соціальное*, господствующее въ городахъ, а главнымъ образомъ въ Вѣнѣ, откуда оно распространилось по всѣмъ провинціальнымъ городамъ. При выборахъ въ городскія думы социальныя антисемиты, несмотря на крайне неблагопріятную для нихъ избирательную систему, одерживаютъ одну побѣду за другой. Въ одной вѣнской думѣ ихъ сорокъ человекъ. Центральный органъ этой фракціи антисемитовъ — «Deutsches Volksblatt», издающійся въ Вѣнѣ, имѣетъ болѣе 20,000 подписчиковъ, а митинги социальныхъ антисемитовъ уступаютъ по многочисленности только сходкамъ рабочей партіи. Главнымъ инициаторомъ социальнаго антисемитскаго движенія нужно считать др. Карла Люгера, человека въ высшей степени талантливаго, энергичнаго, но вмѣстѣ съ этимъ крайне тщеславнаго и политически безнравственнаго. Люгеръ, одинъ изъ представителей демократическаго движенія, полагаетъ, что мѣщанство, изнемогающее въ непосильной борьбѣ съ постоянно возрастающей и постепенно поглощающей мелкое производство крупной фабричной промышленностью, уже не можетъ удовлетвориться худосочной программой австрийскаго демократизма. Онъ сообразилъ, что все австрийское мѣщанство можно сплотить во имя освобожденія мелкаго производства изъ когтей всепожираю-

щого капитала. А такъ какъ крупный капиталъ сосредоточенъ почти исключительно въ рукахъ евреевъ, то въ качествѣ перваго пункта программы онъ выставилъ «борьбу съ евреями», надѣясь подѣйствовать на грубые инстинкты массъ, на ихъ расовую нетерпимость и религіозный фанатизмъ. Антисемитизмъ въ этой формѣ приобрѣлъ яркую антикапиталистическую окраску. Соціальные антисемиты требуютъ ограниченія промышленной свободы, цеховой организаціи ремесленного сословія, ограниченія конкуренціи фабричной промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченія правъ евреевъ. Этотъ отщепеный антисемитизма отличается большимъ расовымъ фанатизмомъ, нежели другіе. Благодаря антисемитамъ этого рода, вѣнская дума превратилась въ вакую-то арену самыхъ невозможныхъ и бессмысленныхъ скандаловъ.

II. *Клерикально-феодалное*, довольно малочисленное, но имѣющее вліяніе въ правительственныхъ сферахъ. Цѣль, къ которой стремятся клерикально-феодалные антисемиты — это обращеніе евреевъ въ католичество. Ихъ органомъ является съ большимъ тактомъ редижируемое изданіе «Vaterland», имѣющее подписчиковъ главнымъ образомъ въ средѣ высшаго духовенства. Феодално-клерикальные антисемиты отличаются очень миролюбивой и спокойной тактикой.

III. *Радикально-клерикальное* теченіе выдѣлилось изъ предыдущаго, но приняло совершенно иной характеръ. Сторонники радикально-клерикальнаго антисемитизма очень многочисленны. Это крестьяне, стремящіеся къ расширенію своихъ политическихъ правъ, руководимые въ большинствѣ случаевъ сельскими священниками. Ихъ органъ — газета «Reichspost» распространяется въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Клерикально-радикальное движеніе мало по малу приобретаетъ яркій протестующій характеръ и направляется уже не столько противъ еврейскаго фабричнаго капитала, сколько противъ землевладѣльцевъ-феодаловъ. Въ силу этого въ послѣднее время выступилъ на сцену антагонизмъ сельскаго духовенства по отношенію къ высшему духовенству, идущему рука въ руку съ феодалами. Антагонизмъ этотъ постоянно обостряется и нерѣдко приводитъ къ открытому протесту сельскаго священника противъ епископовъ. Недавно въ Цѣшинѣ (Teschen) окончился процессъ извѣстнаго агитатора патера Стояловскаго, который первый въ Галиціи приступилъ къ организаціи крестьянскихъ массъ. Его дѣятельность показала галиційскимъ епископамъ слишкомъ радикальной; и они прилились травить его всякими способами. Издаваемая имъ газета для народа были торжественно преданы проклятію, на не посыпался цѣлый рядъ процессовъ, одно время ему даже запретили совершать богослуженіе. Но патеръ Стояловскій, благодаря своимъ большимъ способностямъ и необычайной, истинно іезу-

ской изворотливости, постоянно умудрялся выпутываться изъ бѣды. Онъ побывалъ даже въ Римѣ и сумѣлъ оправдать свою дѣятельность передъ папой. Въ настоящее время онъ приговоренъ къ шестимѣсячному тюремному заключенію за оскорбленіе намѣстника Галиціи графа Бадени. Патеръ Столковскій является однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ радикально-клерикальной фракціи. Въ послѣднее время крестьянство нерѣдко оставляетъ знамя клерикальнаго радикализма, а переходитъ въ радикальныя партіи безъ всякаго вѣроисповѣднаго оттѣнка или даже прямо въ ряды социаль-демократіи.

IV. *Пруссофильское*, руководимое извѣстнымъ Шенереромъ. Странники пруссофильскаго антисемитизма особенно многочисленны среди нѣмецкаго студенчества, затѣмъ среди учителей и вообще среди интеллигенціи. Это теченіе имѣетъ открыто антиавстрійскій и антигабсбургскій характеръ. Антисемиты-пруссифилы стремятся къ воссоединенію Австріи съ Германіей, чествуютъ Бисмарка и по примѣру древнихъ германцевъ уничтожаютъ несмѣтное количество пива. Ихъ вождь — Шенереръ лишень на пять лѣтъ права избранія въ парламентъ за то, что побилъ въ пьяномъ видѣ одного журналиста. Въ силу этого онъ принужденъ былъ перенести агитацію изъ парламента на столбцы редижируемаго имъ ежедневнаго наданія «Ost-deutsche Rundschau». Противъ евреевъ выступаютъ шенереровцы по соображеніямъ національнаго характера, такъ какъ еврей-де своимъ вліяніемъ на нѣмецкую жизнь и литературу обезличиваютъ и извращаютъ истинный «германскій духъ».

V. *Австрійское*, тоже національно нѣмецкое и борющееся съ евреями въ силу національныхъ причинъ, однако остающееся вѣрнымъ австрійскому патриотизму и династіи Габсбурговъ. Особенно сильно оно въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ нѣмецкій элементъ приходитъ въ столкновеніе со славянскимъ, какъ, напр., въ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Краинѣ, южной Штиріи и т. д. Это теченіе имѣетъ въ парламентѣ восемнадцать своихъ представителей. Его органъ «Deutsche Zeitung» еще недавно былъ органомъ либераловъ.

Антисемитизмъ, такъ сильно развившійся въ Австріи, не могъ не вызвать сильной реакціи среди самихъ евреевъ. Самымъ значительнымъ проявленіемъ этой реакціи является національно-еврейское, т. н. «сіонистское» движеніе, которое растетъ въ разныхъ провинціяхъ Австріи истинно не по днямъ, а по часамъ. Еще старшее поколѣніе евреевъ по большей части крѣпко держится либеральной партіи, которая сама, впрочемъ, стоитъ на краю гибели. Но еврейская молодежь, не применувшая къ рабочему движенію, все больше и больше склоняется на сторону «сіонизма». Еще два-три года тому назадъ о сіонистахъ почти не было слышно, въ настоящее же время они владѣютъ уже

комъ и польскомъ языкахъ; они покрыли Австрію сѣтью своихъ просвѣтительныхъ, экономическихъ и даже политическихъ обществъ и дѣятельно готовятъ къ предстоящимъ выборамъ, надѣясь провести своихъ депутатовъ въ парламентъ и въ ландтаги. Программа еврейскихъ націоналистовъ очень неопредѣленная и даже до нѣкоторой степени прямо утопическая. Они мечтаютъ о переселеніи всѣхъ евреевъ въ Палестину для основанія тамъ самостоятельнаго еврейскаго государства; въ Австріи же они стремятся получить полную равноправность и ввести въ школы древне-еврейскій языкъ, который долженъ-де замѣнить какъ жаргонъ еврейскихъ массъ, такъ и нѣмецкій, польскій, чешскій и др. языки еврейской интеллигенціи.

Л. Василевскій.

Изъ Англии.

Въ Лондонѣ опять происходили недавно очень оживленные и очень важные выборы, это—выборы въ совѣтъ лондонскаго графства, о дѣятельности котораго мы уже упоминали въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ. Шестъ лѣтъ тому назадъ, въ 1889 году, англійское консервативное правительство даровало лондонцамъ привилегію, на основаніи которой они могли имѣть свое центральное представительное правительство. Этой привилегіей лондонцы не замедлили воспользоваться. Втеченіи шести лѣтъ своего существованія, совѣтъ лондонскаго графства безъ сомнѣнія оказалъ не мало услугъ Лондону. Особенно за послѣдніе три года, съ 1892 года по сіе время, этотъ совѣтъ, члены котораго не получаютъ никакой платы, вотировалъ много полезныхъ мѣропріятій, благодаря прогрессивному большинству. Но выборы этого года ознаменовались очень странной и весьма знаменательной реакціей. Обѣ партіи, прогрессивная и умѣренная (реакціонная), имѣютъ теперь одинаковое число представителей (59) въ новомъ совѣтѣ, тогда какъ въ прежнемъ совѣтѣ было 84 такъ называемыхъ прогрессивныхъ и 34 умѣренныхъ.

Выборы эти, безъ сомнѣнія, имѣли политическій характеръ и результатъ ихъ двойнѣ интересенъ, потому что служить, до нѣкоторой степени, предвѣстникомъ того, что можетъ случиться на общихъ парламентскихъ выборахъ, время которыхъ быстро приближается. Не лишено значенія также, что на этихъ выборахъ игралъ очень видную роль вопросъ о кошелькѣ лондонскихъ плательщиковъ налоговъ. Предшествующій совѣтъ лондонскаго графства, для покрытія расходовъ на многія, весьма полезныя мѣропріятія, долженъ былъ слегка повысить таксу налоговъ. Но если Англию вообще называютъ «націей лавочниковъ», то Лондонъ, въ особенности, есть городъ лавочниковъ и хотя его граждане и не всѣ занимаются торговлей, но большинство изъ нихъ заражено узкими воззрѣніями лавочниковъ и не въ состояніи отрѣшиться отъ карманной точки

непосредственной выгоды. Поэтому-то лондонцы, не видяще ничего далье своего носа, не усматривали въ дѣйствіяхъ лондонскаго совѣта той пользы, которую могутъ принести въ будущемъ введенныя имъ реформы, а видѣли только лишній пенни, вынимаемый у нихъ изъ кармана сборщикомъ податей. При этомъ, однако, не мѣшаетъ замѣтить, что настоящіе лавочники всѣ дѣйствительно ходятъ наканунѣ банкротства. Погибая въ морѣ конкуренціи, не знающей никакой узды въ Лондонѣ, они какъ утопающіе хватаются за соломинку и этой соломинкой имъ представляется, въ данномъ случаѣ, хотя бы и очень незначительное уменьшеніе налоговъ. Этимъ обстоятельствомъ тоже пользуется такъ называемая умѣренная партія, соблазняящая лавочниковъ уменьшеніемъ цифры платежей, но чтобы вполнѣ правильно оцѣнить теперешнюю реакцію обнаруживающуюся въ Лондонѣ, слѣдуетъ не упускать изъ виду, что Лондонъ далеко отсталъ не только отъ прочихъ городовъ Англіи, но и отъ своихъ главныхъ континентальныхъ соперницъ европейскихъ столицъ. Въ то время, какъ такіе города, какъ Берлинъ и Вѣна, находятся въ своей странѣ во главѣ движенія въ пользу улучшенія быта рабочихъ классовъ и составляютъ центръ этого движенія—Лондонъ занимаетъ чуть-ли не послѣднее мѣсто въ этомъ движеніи и на это особенно ярко указываютъ цифры послѣднихъ выборовъ.

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о налогахъ, посмотримъ, въ чемъ заключается главное противорѣчіе въ политикѣ двухъ соперничающихъ партій, умѣренныхъ и прогрессистовъ. Умѣренные желаютъ распадавія Лондона на множество отдѣловъ, изъ которыхъ каждый будетъ управляться своимъ собственнымъ совѣтомъ, заботящимся лишь объ интересахъ своего округа. При этомъ предметомъ особенной заботливости и расположенія умѣренныхъ, въ данномъ случаѣ, является округъ, извѣстный подъ именемъ лондонскаго Сити, гдѣ царствуютъ самыя отвратительныя виды конкуренціи и подкупности, гдѣ люди не имѣютъ жилища, а только дѣла, и гдѣ управляютъ корпораціи торговцевъ и маклеровъ, не признающихъ другого божества, кромѣ прибыли и дивидендовъ. Прогрессисты стоятъ за централизацию, за объединеніе Лондона подъ управленіемъ такой корпораціи, члены которой выбирались бы гражданами на самыхъ широкихъ общинныхъ началахъ. Прогрессисты желали бы развѣ навсегда уничтожить во образѣ Сити чудовище, дающее лондонскихъ гражданъ, и заставить его вернуть гражданамъ поглощенные у нихъ тысячи, милліоны фунтовъ. Умѣренные покровительствуютъ системѣ частныхъ договоровъ, несмотря на все зло, которое она влечетъ за собою, переуступку подрядовъ и эксплуатацію рабочихъ. Прогрессисты же стремятся къ тому, чтобы совѣтъ дѣлалъ свое дѣло, не заботясь объ обогащеніи отдѣльныхъ личностей и не покровительствуя барышникамъ. Они, на примѣръ, хотятъ,

и особенно для лондонских дѣтей и какъ разъ передъ самыми выборами они добились того, что площадь, известная подъ названіемъ «Lincoln's Inn Fields», была открыта для публики. Эта площадь или эти «поля», какъ ихъ называютъ, до сихъ поръ представляли закрытое, отгороженное пространство, покрытое прекраснымъ дерномъ и роскошными деревьями, растущими на мѣстѣ дворца Генри Леса, графа Линкольна, жившаго въ царствованіе короля Эдуарда I. Въ XVII и XVIII вѣвѣ это пространство служило исключительно для дуелей и казней измѣнниковъ, вродѣ лорда Уилльяма Русселя, котораго извращенное потомство непременно желало преобразить въ мученика. Нелль Гвиннъ, одна изъ безчисленныхъ любовницъ Карла II, многіе изъ первыхъ министровъ Англіи и знаменитыхъ адвокатовъ, жили въ домахъ, выходящихъ на «поля». Относительно этой исторической мѣстности прогрессистамъ пришлось вести упорную борьбу съ умѣренными, которые руками и ногами цѣплялись за нее, не желая, чтобы она сдѣлалась достояніемъ публики. Два раза совѣтъ терпѣлъ неудачу въ своей попыткѣ добиться отъ парламента нужнаго рѣшенія, но въ третій разъ онъ оказался састливымъ. «Поля» были пріобрѣтены совѣтомъ за номинальную ренту въ одинъ фунтъ ежегодно на 661 годъ и договоръ этотъ теперь вступаетъ въ силу, но благодаря умѣреннымъ, совѣтъ долженъ уплатить за свою побѣду 12,000 ф. разнымъ адвокатамъ, какъ вознагражденіе, да еще 3,000 ф. судебныхъ издержекъ.

Во всѣхъ другихъ вопросахъ, касающихся жизненныхъ нуждъ лондонскихъ гражданъ, умѣренные всегда являлись противниками прогрессистовъ, возстававшихъ противъ всякой частной монополіи. Если дѣло шло, напримеръ, объ освѣщеніи, водоснабженіи, трамваяхъ и рынкахъ. Наканунѣ самыхъ выборовъ въ совѣтъ появились два воззванія отъ главной компаніи трамваевъ и отъ общества водоснабженія. Оба воззванія самымъ жалобнымъ образомъ упрашивали акціонеровъ вышеназванныхъ обществъ подавать свои голоса за умѣренныхъ. Ихъ просили объ этомъ не какъ гражданъ, а какъ акціонеровъ, такъ какъ, если бы на выборахъ взяло верхъ значительное большинство прогрессистовъ, то тогда уже нельзя было бы рассчитывать на то, что работы по водоснабженію и проведенію конно-железныхъ дорогъ попадутъ въ руки компаніи, и акціонеры, слѣдовательно, должны будутъ потерпѣть убытки. Возможно, конечно, что даже несмотря на всю силу реакціи, компаніямъ всетаки не удастся захватить въ свои руки монополію на газъ, воду и трамваи, но тѣмъ не менѣе, всѣ эти компаніи, благодаря выборамъ, поставлены теперь въ такое положеніе, которое дастъ имъ возможность требовать свою собственную цѣну, вмѣсто того, чтобы принимать ту, которая была бы имъ предложена прогрессивнымъ совѣтомъ. Конечно, это указываетъ на удивительную близорукость

лондонских лавочниковъ, не видящихъ пользы, которую извлекли Бирмингамъ, Глазговъ, Манчестеръ и Гуддерфильдъ изъ того, что муниципалитеты этихъ городовъ наложили руку на монополіи компаній, отчего выиграли не только потребители, но и всѣ служащіе въ компаніяхъ, а также городъ и община. Реакціонеры, впрочемъ, не принимаютъ во вниманіе никакихъ аргументовъ и игнорируютъ факты. Прежній совѣтъ имѣлъ въ рукахъ восемь парламентскихъ актовъ, касающихся отнятія у частныхъ компаній дѣла водоснабженія столицы; совѣтъ постоянно стремился къ тому, чтобы имѣть право заключать соглашения по этому поводу на такихъ условіяхъ, какія найдетъ выгодными. Сэръ Джонъ Леббокъ, превосходный ученый, но очень плохой гражданинъ, всѣчески старался провалить въ парламентъ билль, передающій въ руки совѣта водоснабженіе столицы, или же по крайней мѣрѣ отсрочить обсужденіе этого билля для того, чтобы оно состоялось послѣ выборовъ. Но это не удалось ему, да и не удивительно. Какъ разъ въ то время, когда происходили пренія по этому поводу въ парламентахъ, Лондонъ страдалъ отъ неурядицы въ дѣлѣ водоснабженія. Водопроводныя трубы постоянно лопались, въ лондонскихъ домахъ ощущался сильный недостатокъ въ водѣ—однимъ словомъ жители Лондона терпѣли такую же нужду въ водѣ, какую они должны были испытывать, находясь въ Сахарѣ, а никакъ не въ столицѣ Великобританіи. Домъ, откуда мы пишемъ это письмо, несмотря на то, что находится въ самомъ центрѣ города, также былъ лишенъ воды во время морозовъ, продолжавшихся въ Лондонѣ нѣсколько недѣль. Разумѣется, недостатокъ воды очень вредно отзывается на санитарныхъ условіяхъ города и въ значительной степени мы обязаны именно этимъ условіямъ, являющимся результатомъ монополіи водоснабженія, свирѣпствующей въ настоящее время въ Лондонѣ сильной эпидеміей инфлуэнцы.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ выборахъ. На 118 мѣстъ въ совѣтъ было представлено 246 кандидатовъ: умѣренныхъ—114, прогрессистовъ—110, не принадлежащихъ къ опредѣленной партіи—14, членовъ независимой рабочей партіи—6 и социаль-демократической федераціи—2. Эти послѣднія цифры ясно указываютъ, что рабочая партія въ Лондонѣ далеко не имѣетъ того значенія, какъ въ другихъ городахъ. Выборы въ совѣтъ лондонскаго графства отличаются отъ выборовъ въ парламентъ въ двухъ отношеніяхъ: не могутъ быть избирателями жильцы въ наемныхъ помѣщеніяхъ, между тѣмъ большинство рабочаго класса находится именно въ положеніи жильцовъ и слѣдовательно лишено права участвовать въ выборахъ, но за то могутъ вотировать женщины конечно, только тѣ, которыя платятъ налоги, лавочницы и др. И ад. однако, прибавить, что именно этотъ классъ женщинъ избирательницъ отличается самыми ужасными и злостными реакціонными понятіями. Результатъ такого порядка вещей ясенъ для каждаго.

Въ общемъ умѣренные, на послѣднихъ выборахъ, приобрѣли 9,000 голосовъ по сравненію съ 1892 г., а прогрессисты потеряли 27,000. Сумма же голосовъ, поданныхъ независимой рабочей партией, равнялась весьма скромной цифрѣ 957, а социаль-демократической федераціей, еще меньше—342. Цифры голосовъ указываютъ, что въ выборахъ участвовало не болѣе половины избирателей, и это служитъ доказательствомъ необыкновеннаго индифферентизма рабочихъ классовъ. Но мы еще разъ напоминаемъ, что Лондонъ—не Англія.

Намъ все еще приходится возиться съ безработными рабочими. Только коренное измѣненіе общихъ условій, вызывающихъ это печальное явленіе, можетъ повести къ прекращенію пополненія рядовъ арміи безработныхъ. Съ годами эта хроническая болѣзнь принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ. Въ 1867 году покой лондонскихъ капиталистовъ былъ въ значительной степени нарушенъ процессіями безработныхъ и митингами, устраиваемыми на открытомъ воздухѣ, въ которыхъ участвовали многія сотни людей. Но этимъ дѣло и ограничилось. Въ этомъ же году необычайно суровая зима и не прекращающаяся агитація по вопросу о безработныхъ рабочихъ вынудили таки парламентъ принять нѣкоторыя мѣры. Когда въ 1893 году Гладстону было предложено въ парламентѣ назначить специальную комиссію для разслѣдованія этого вопроса, то онъ отвѣчалъ очень вѣжливымъ, но твердымъ и положительнымъ отказомъ, и тогда это не произвело особеннаго впечатлѣнія на общественное мнѣніе. Но въ 1895 году, сэръ Вильямъ Гаркортъ отвѣчалъ почти на такое же предложеніе немедленнымъ согласіемъ, и усиліями депутата Кейръ Гарди теперь назначена комиссія, которой предложено заняться изслѣдованіемъ трехъ слѣдующихъ пунктовъ по вопросу о безработныхъ: 1) какіе размѣры приняло бѣдствіе, вызванное отсутствіемъ работы? 2) какими средствами обладаютъ мѣстныя власти для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ? 3) какія могутъ быть сдѣланы перемѣны въ законодательствѣ или администраціи, которыя могли бы повести къ уничтоженію зла, протекающаго изъ безработицы. Разслѣдованіе должно быть произведено прежде всего въ Лондонѣ, а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Англіи и въ Шотландіи.

Комиссія уже начала свои работы. Первымъ былъ опрошенъ сэръ Гюгъ Оуэнъ, постоянный секретарь департамента (Local Government Board), представляющаго центральную власть въ Лондонѣ, въ вѣдѣніи которой находятся приходскія управленія, опекунскіе совѣты и рабочія комиссіи. Сэръ Оуэнъ — типъ чиновника. Онъ судить о размѣрахъ бѣдствія по отчетамъ рабочихъ домовъ, призрѣвающихъ бѣдныхъ, и поэтому, конечно, не находитъ ничего особеннаго въ нынѣшнемъ положеніи безработныхъ. Сэръ Оуэнъ высказался противъ мысли о государственномъ учрежденіи, на обязанности котораго должно было бы лежать пріисканіе работы для тѣхъ, кто не можетъ найти ее, и противъ какой бы

то ни было денежной помощи для удовлетворения немедленной нужды. Точно также он не видит надобности в томъ, чтобы болѣе богатые округа пришли на помощь бѣднѣйшимъ, хотя бѣдствіе и вызвано отчасти тѣмъ, что богатые округа всегда стараются вытѣснять бѣдняковъ, не допуская ихъ скопленія, и тѣ поневолѣ скопляются въ другихъ округахъ и этимъ увеличиваютъ бѣдствіе.

Другой, допрошенный комиссіей свидѣтель принадлежалъ къ лучшему типу. Это былъ нѣкто Хиллари, клеркъ опекунскаго совѣта въ округѣ Вестъ-Гамъ. Округъ этотъ принадлежитъ къ бѣднѣйшимъ округамъ Лондона. Къ несчастью для его обитателей, обращавшихся съ просьбою о присоединеніи его къ Лондону и подчиненіи совѣту лондонскаго графства, округъ этотъ представляетъ отдѣльное мѣстечко, населеніе котораго принадлежитъ главнымъ образомъ къ разряду рабочихъ, не знающихъ никакой специальности. Вестъ-Гамъ—фабричное мѣсто и въ немъ находятся самыя большіе газовые заводы въ Англіи. Онъ лежитъ у нижнихъ изгибовъ Темзы и, слѣдовательно, вблизи доковъ и представляетъ ворота въ лондонскую провинцію, черезъ которыя проходятъ рабочіе земледѣльцы графства Эссексъ. Мистеръ Хиллари, далеко не пораженный такою оффиціальною слѣпотой, какой одержимъ сэръ Гюгъ Оуэнъ, выразилъ мнѣніе, что бѣдствіе рабочаго населенія зависитъ отчасти отъ того, что огромное большинство нуждающихся не желаетъ прибѣгать къ общественной помощи по той причинѣ, что это дѣлаетъ ихъ неправоспособными гражданами. Каждый гражданинъ, вынужденный, по какимъ бы то ни было причинамъ, прибѣгнуть къ помощи прихода, теряетъ съ этого момента свои гражданскія права, т. е. не можетъ участвовать въ голосованіи. Кромѣ того мистеръ Хиллари сказалъ, что эта помощь накладываетъ нравственное клеймо, и въ доказательство привелъ факты, указывающіе, что рабочіе скорѣе предпочтутъ умереть съ голоду, нежели отправиться въ рабочій домъ. Единственная обязанность опекуновъ бѣдныхъ въ настоящее время заключается, по словамъ Хиллари, въ томъ, чтобы наблюдать какъ бы никто не умеръ съ голоду, но никакъ не въ томъ, чтобы находить работу не имѣющимъ ея. И несмотря на этотъ надзоръ, въ теченіе этой зимы почти не проходило дня, чтобы не появлялось извѣстія о смерти отъ голоданія. Эти факты несомнѣнно указываютъ, что политическое сознание развито въ рабочихъ классахъ. Мистеръ Хиллари прибавилъ, что рабочіе союзы имѣютъ всегда большое вліяніе на выборы въ городской совѣтъ въ Вестъ-Гамѣ, и совѣтъ этотъ обращаетъ должное вниманіе на всякія заявленія союзовъ.

Еще одинъ свидѣтель изъ Вестъ-Гама, мистеръ Хилльсъ, прѣдатель кораблестроительнаго общества на Темзѣ, представилъ комиссіи свою собственную схему, предназначенную для оказанія помощи безработнымъ. Суть этой схемы заключается въ образѣ

фонда помощи путемъ уменьшенія платы на известный процентъ тѣмъ, для кого будетъ найдено занятіе. Члены рабочихъ союзовъ въ Вестъ-Гамѣ возстали противъ этой схемы, но, потерпѣвшій поражение въ городскомъ совѣтѣ, мистеръ Хилльсъ представилъ все-таки свою схему въ парламентскую комиссію подъ названіемъ «билля, организующаго экономическую администрацію помощи». Главные пункты этого билля слѣдующіе: 1) образованіе фонда пособій; 2) участіе мѣстныхъ властей въ этомъ; 3) участіе государственнаго казначейства; 4) учрежденіе работъ для неимѣющихъ занятій, но съ тѣмъ, чтобы никто изъ нихъ не работалъ болѣе шести дней въ недѣлю и по шести часовъ въ день, и чтобы плата, получаемая ими, не превышала двухъ третей установленной въ этой мѣстности заработной платы; 5) на полученіе занятій могутъ рассчитывать лишь тѣ, кто прожилъ не менѣе года въ округѣ; 6) полученіе работы какъ пособія не должно сопровождаться лишеніемъ гражданской правоспособности. Въ парламентской комиссіи многіе относятся къ этому биллю сочувственно и только параграфъ, касающійся заработной платы, встрѣчаетъ сильную оппозицію. Не надо, впрочемъ, забывать старинной пословицы: «Timeo Danaos et dona ferentes». Въ этомъ случаѣ роль данайца исполняетъ кораблестроитель. Въ настоящее время очень много говорятъ о постройкѣ 80 новыхъ военныхъ судовъ. Вѣроятно всѣ эти суда будутъ строиться на Темзѣ и это будетъ вполне отвѣчать капиталистическимъ наклонностямъ человѣческой природы, если мистеръ Хилльсъ и компанія, въ случаѣ если ихъ схема будетъ принята, воспользуются ею для пониженія заработной платы своимъ служащимъ.

Разумѣется, самыя интересныя показанія въ комиссіи ожидалось отъ мистера Кейръ Гарди, усиліямъ котораго комиссія собственно и обязана своимъ существованіемъ. Мистеръ Кейръ Гарди выступилъ, какъ человѣкъ, основательно знакомый съ вопросомъ о безработныхъ, и похвалялся, что если правительство его послушается, то вопросъ будетъ разрѣшенъ вполне удовлетворительно. Однако, въ результатѣ оказалось совершенно другое. Изъ его словъ выяснилось, что онъ вовсе не понимаетъ вопроса, который взялся рѣшить, и всѣ его предложенія оказались не только неудовлетворительными, но и непрактичными. Между прочимъ, онъ поразилъ членовъ комиссіи своимъ заключеніемъ о числѣ безработныхъ; по его мнѣнію число это равняется $5\frac{1}{4}$ милліонамъ. Можетъ быть это и такъ, но, безъ сомнѣнія, методы, употребляемые Кейръ Гарди для разслѣдованія и собиранія статистическихъ данныхъ, не выдерживаютъ критики. Въ комиссіи онъ проявилъ прискорбное незнаніе фактовъ, которые, однако, долженъ былъ бы знать. Оказалось, напримѣръ, что онъ совсѣмъ не знаетъ условій, существующихъ въ такихъ городахъ, какъ Дергемъ, Лидсъ и Шеффилдъ, и не знакомъ съ мѣропріятіями, принятыми въ этихъ городахъ для борьбы съ бѣдствіемъ безработицы. Онъ сознался, что не имѣетъ никакихъ прак-

тических свѣдѣній объ организаціи помощи, такъ какъ, по какимъ то тайнымъ причинамъ, всегда отказывался участвовать въ какихъ бы то ни было комиссіяхъ и комитетахъ, занимающихся этими вопросами.

Нѣсколько времени тому назадъ, когда еще и рѣчи не было ни о какой комиссіи, Кейръ Гэрди горячо ратовалъ за постройку военныхъ судовъ, но потомъ въ своей рѣчи въ палатѣ общинъ по поводу комиссіи онъ уже забылъ о военныхъ судахъ и заговорилъ объ устройствѣ колоній въ Англіи и объ отведеніи на это пустошей, заросшихъ кустарникомъ. Ко времени приглашенія его въ комиссію, мысль его опять сдѣлала скачокъ и онъ уже заговорилъ объ отпускѣ изъ государственнаго казначейства 100,000 фунтовъ, въ дополненіе къ чему должны быть сдѣланы еще мѣстныя пожертвованія, въ общемъ достигающія такой же суммы. Ни одного слова уже не было сказано имъ ни о военныхъ судахъ, ни о колоніяхъ, ни о пустошахъ; только 200,000 ф. и могли, по его мнѣнію, облегчить бѣдствіе. Но изъ этого уже ясно, что нашъ блестящій ораторъ—плохой счетчикъ. Повидимому, онъ былъ очень удивленъ, когда члены комиссіи, болѣе его опытные въ математическихъ расчетахъ, сообщили ему, что если признать указанную имъ цифру безработныхъ въ $5\frac{1}{4}$ милліоновъ и разложить на всѣхъ нуждающихся рабочихъ, изъ которыхъ $\frac{3}{4}$ по крайней мѣрѣ должны быть семейные люди, требуемую имъ помощь въ 200,000 ф., то въ результатѣ окажется на каждое семейство не болѣе $\frac{2}{3}$ ф. И этого должно хватить на шесть недѣль — время, опредѣленное самимъ Кейръ Гэрди. Когда же его спросили, что же будетъ дальше, т. е. по прошествіи шести недѣль, когда израсходуется все пособіе, то онъ отвѣтилъ, не задумываясь: «Будутъ выданы другіе 200,000 ф.» Изъ 100,000 казеннаго пособія мистеръ Кейръ Гэрди скромно требуетъ 40,000 для округа Вестъ-Гамъ, вѣроятно, принимая во вниманіе предстоящіе общіе выборы.

Комиссіи были сдѣланы еще и другія предложенія. Лондонскій лордъ-меръ, помимо комиссіи, организовалъ кое-какія работы, для того чтобы дать занятіе безработнымъ. Кромѣ того, старинные парламентскіе акты, дающіе право опекунамъ арендовать земли для раздачи участковъ, вытаснены изъ подъ спуда и выброшены мѣстнымъ властямъ, для того чтобы удовлетворить ихъ. Въ этотъ промежутокъ времени комиссіи должна составить подробный отчетъ о положеніи дѣлъ. Читатели, конечно, могутъ спросить, какъ отнестись къ комиссіи и къ вопросу о безработныхъ извѣстный вождь рабочихъ, Джонъ Берисъ? Къ сожалѣнію, до сихъ поръ онъ ограничивался лишь ѣдкою критикою всѣхъ сдѣланныхъ предложеній, выставляя главнымъ аргументомъ то, что всѣ эти мѣропріятія только будутъ деморализовать тѣхъ, кому желалъ оказать помощь. Вполнѣ понятный аргументъ со стороны политическаго дѣла отъ старинной манчестерской школы, но непонятный со стороны

женіе, сознають, однако, что оба рабочіе вождя упустили въ высшей степени благоприятный моментъ, который представлялся имъ. На рабочую комиссію обращены въ данную минуту взоры всего цивилизованнаго міра, прислушивающагося къ тому, что говорится въ этой комиссіи, и какъ было бы важно, если бы тамъ громко и смѣло было заявлено о всѣхъ недостаткахъ организаціи труда съ указаніемъ возможнаго практическаго выхода изъ этихъ затрудненій...

Намъ осталось уже мало мѣста для бесѣды о другихъ парламентскихъ новостяхъ. Либеральное правительство пережило довольно трудныя времена, но тѣмъ не менѣе преодолѣло бурю. Самый замѣчательный успѣхъ, выпавшій на долю правительства, явился результатомъ того, что угрожало ему наибольшою опасностью. Было внесено, повидимому, очень простое предложеніе объ отсрочкѣ засѣданій съ цѣлью изслѣдованія вопроса объ учрежденіи ввозной пошлины въ 5 проц., наложенной въ Индіи на англійскіе бумажные товары. Если бы предложеніе объ отсрочкѣ засѣданій было принято, то это было бы равносильно выраженію порицанія политики правительства, наложившаго пятипроцентную ввозную пошлину на ланкаширскіе бумажные товары и постаравшагося лишить протекціонистскаго значенія эту таксу введеніемъ подобнаго же налога на произведенія индійскихъ фабрикъ. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что правительство приняло бы вотированіе вышеупомянутаго предложенія именно какъ выраженіе порицанія и вышло бы въ отставку. Дѣло тутъ касалось, главнымъ образомъ, интересовъ ланкаширскихъ бумагопрядильщиковъ, для которыхъ банкротство Индіи не составляетъ, конечно, большой важности, но правительство, разумѣется, не могло смотрѣть на это такими же глазами и не могло допустить, чтобы ланкаширскіе бумажные торговцы пользовались и дагѣ привилегіей не платить никакихъ пошлинъ, хотя другія отрасли англійской промышленности, ищущія сбыта въ Индіи, не избавлены отъ этого.

Почти до послѣдней минуты пораженіе правительства казалось совершенно неизбежнымъ. Всѣ силы торіевъ и либераль-унионистовъ сосредоточились, въ данномъ случаѣ, противъ правительства, и притомъ, въ средѣ его собственной партіи можно было опасаться раскола, вслѣдствіе отпаденія ланкаширскихъ либеральныхъ членовъ парламента. Бальфуръ, лидеръ оппозиціи, долженъ былъ, какъ говорятъ, руководить голосованіемъ. Но какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда должны были происходить пренія, Бальфуръ заболѣлъ инфлуэнцей и эта своевременная болѣзнь удержала его дома. Одна иллюстрированная газета изобразила его лежащимъ въ постели, подъ одѣяломъ, покрывающимъ его по самое горло, причемъ одинъ глазъ у него закрытъ, а другой смотритъ. Хорошо извѣстно, впрочемъ, что Бальфуръ самъ возставалъ противъ предложенной тактики, нас-

тоящимъ изобрѣтателемъ которой слѣдуетъ считать Чэмберлена. Этотъ вульгарный политикъ и очень вульгарный человекъ съ каждымъ днемъ теряетъ все болѣе и болѣе значеніе въ глазахъ своихъ торійскихъ союзниковъ. Старшіе торіи, аристократы, разумѣется, смотрятъ на него сверху внизъ, какъ на дурно воспитаннаго «рагвепи», а болѣе молодые видятъ въ немъ человека, стоящаго на пути ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Чэмберленъ добивается должности канцлера казначейства. Какъ онъ, такъ и Гошенъ, обнаруживаютъ въ данномъ случаѣ довольно таки беззащитчивую стремительность столкнуться другъ друга съ пути. Но стремительность Чэмберлена свалить во что бы то ни стало министерство привела какъ разъ къ обратному результату. За правительство получилось 304 голоса и 109 противъ него. Но въ числѣ этихъ 109, однако, не было Чэмберлена. Между тѣмъ его видѣли въ отдѣленіи для вотирующихъ. Онъ пробовалъ скрыться оттуда, не желая проходить чрезъ двери, у которыхъ стоятъ пристава громко выкрикивающіе по именамъ вотирующихъ членовъ. Однако двери, ведущія въ палату изъ отдѣленій, всегда бывають закрыты послѣ того, какъ депутаты пройдутъ черезъ нихъ. Куда же дѣвался Чэмберленъ? Тайна! Онъ, подобно всѣмъ прочимъ членамъ, прошелъ въ отдѣленіе, но оттуда не выходилъ. Назадъ, въ палату общинъ онъ не могъ попасть; что же съ нимъ стало? Этотъ серьезный вопросъ былъ официально предложенъ парламенту и почтенный уважаемый «спикеръ» парламента долженъ былъ объяснить, что существуютъ другія мѣста, извѣстныя всѣмъ членамъ парламента, куда можно скрыться изъ отдѣленія. Палата разразилась долго несмолкавшимъ смѣхомъ, и этому смѣху стала вторить вся страна, такъ какъ стало извѣстно, что Чэмберленъ, сконфуженный тѣмъ, что ему приходилось вотировать съ цѣлою фальстафовой арміею бумажныхъ торговцевъ, интригующихъ въ свою пользу, скрылся въ ватерклозетъ на время голосованія.

Первое чтеніе билля объ отдѣленіи Уэльской церкви уже состоялось, но, какъ всегда въ Англии, сраженія по этому поводу слѣдуетъ ожидать лишь при второмъ чтеніи. Весьма возможно, что эластическая совѣсть нонконформистовъ (диссидентовъ), принадлежащихъ къ либераль-унионистской партіи, дозволитъ имъ и на этотъ разъ вотировать вмѣстѣ съ правительствомъ. Затѣмъ имѣется въ виду еще одно очень важное мѣропріятіе, касающееся рабочихъ—это билль, дополняющій и расширяющій фабричное законодательство. Главные пункты этого билля относятся къ такимъ промысламъ, которые представляютъ опасность для жизни и здоровья; затѣмъ и немъ есть статьи, требующія обязательной регистраціи и извѣщеній о всѣхъ несчастныхъ случаяхъ и болѣзняхъ, вызываемыхъ родомъ занятій (промышленныя болѣзни). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ упорно агитаціи подъ эти покровительственные законы подведены накомодъ пращешныя, доки и пекарни. Билль предписываетъ регистрац

всѣхъ мѣсть, гдѣ производятся работы, и налагаетъ отвѣтственность на нанимателей за помѣщеніе для работъ и даже за ту работу, которая дается рабочему на домъ. Кромѣ того дѣвушкамъ 13—18 лѣтъ совершенно не разрѣшается работа въ неурочное время. Для женщинъ старше 18 лѣтъ неурочная работа сокращена съ 48 дней въ году, какъ было раньше, до 30, и въ недѣлю работа въ неурочное время допускается лишь втеченіе трехъ дней, а не пяти, какъ прежде. Въ немногихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ работа въ неурочное время допускалась втеченіе 96 дней въ году, срокъ этотъ сокращенъ до 60. Печальнымъ упущеніемъ, однако, слѣдуетъ считать то, что въ этомъ биллѣ ни слова не говорится о минимумѣ возраста дѣтей, посылаемыхъ на фабричныя работы. Съ января 1893 года запрещено употреблять на эти работы дѣтей моложе одиннадцати лѣтъ. Мистеръ Асквиль, министръ внутреннихъ дѣлъ, внесшій этотъ билль въ парламентъ, сознался при этомъ, что какъ бы ни желало правительство прибавить хотя бы только одинъ годъ къ дозволенному закономъ возрасту дѣтей, посылаемыхъ на фабричныя работы, оно не можетъ этого сдѣлать, и не столько вслѣдствіе оппозиціи нанимателей, сколько вслѣдствіе оппозиціи родителей дѣтей. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но тѣмъ не менѣе это грустный фактъ, что даже среди наиболѣе развитыхъ въ политическомъ отношеніи рабочихъ сѣверной Англіи вы можете встрѣтить матерей и отцовъ, упорно возражающихъ противъ того, чтобы дѣти ихъ лишній годъ могли ходить въ школу и пользоваться свободою для своихъ игръ и всетаки однимъ годомъ меньше терпѣли бы ту пытку, которая ожидаетъ ихъ на фабрикахъ. Причина такого ненормальнаго отношенія заключается, конечно, въ томъ, что соединеннаго заработка отца и матери зачастую не хватаетъ на содержаніе семьи. Когда же къ этому заработку прибавляется и то, что могутъ заработать дѣти, то существованіе становится сноснымъ. Семья ланкаширскаго ткача очень часто зарабатываетъ вмѣстѣ отъ 4 до 5 фунтовъ въ недѣлю. И такъ глубоко проникла капиталистическая система въ сознаніе своихъ жертвъ, что даже лучшіе рабочіе въ сѣверной Англіи готовы выжать соки изъ себя и своихъ близкихъ съ одною только цѣлью—сдѣлаться самимъ мелкими хозяевами и въ свою очередь стать работодателями.

Другое важное упущеніе въ фабричномъ биллѣ заключается въ томъ, что въ немъ ничего не говорится о числѣ фабричныхъ инспекторовъ и оно не увеличено. Когда послѣ очень продолжительной агитаціи были наконецъ введены вышеуказанные фабричныя законы, то точное выполненіе ихъ оказалось весьма затруднительнымъ вслѣдствіе недостатка фабричныхъ инспекторовъ. Одинъ изъ очень свѣдущихъ въ фабричномъ вопросѣ людей сказалъ намъ недавно, что, хотя онъ и стоитъ за всякую политическую реформу, направленную къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ, но ду-

масть въ настоящее время, что рабочимъ, пожалуй, болѣе принесло бы пользы назначеніе достаточнаго количества фабричныхъ инспекторовъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы точно выполнялись прежніе фабричныя законы, нежели это проведеніе новаго фабричнаго билля.

Либеральное правительство окончательно закрыло двери для всякихъ попытокъ назначить денежное вознагражденіе членамъ парламента. Въ бюджетѣ не существуетъ никакихъ распоряженій, имѣющихъ въ виду такую выдачу. И это совершенно понятно. Имѣя въ своемъ распоряженіи въ лучшемъ случаѣ большинство не болѣе двѣнадцати голосовъ, врядъ-ли было бы целесообразно вводить такую мѣру, которая въ будущемъ дастъ возможность какому-нибудь безденежному, но упрямому члену парламента вотировать такъ, какъ ему хочется, подсмѣиваясь надъ «золотыми» аргументами, которыми его соблазняетъ коноводъ партіи.

Вопросъ о палатѣ лордовъ также въ скоромъ времени будетъ подвергнутъ обсужденію палаты общинъ, въ формѣ билля, именуемаго: «Палаты парламента» (установка отношеній). Этотъ билль представляетъ попытку опредѣленія всей политики либеральной партіи въ отношеніи палаты лордовъ. Главныя предложенія билля, который будетъ внесенъ Лабушеромъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) ограниченіе права veto, произносимаго лордами относительно биллей, представляемыхъ въ верхнюю палату; veto имѣетъ силу только втеченіе одной парламентской сессіи и, по минованіи ея, прекращается; 2) палата общинъ имѣетъ право утвердить билль и дать силу закону, не обращая вниманія на пересмотры и измѣненія, сдѣланныя въ немъ лордами. Вопросъ заключается въ томъ, захочетъ-ли правительство принять это предложеніе. Вѣроятно правительство отвѣтитъ, что у него имѣются свои взгляды на этотъ счетъ и что въ должное время оно объявитъ свою политику въ этомъ отношеніи. Какъ бы тамъ ни было, но разумѣется тутъ можно было бы возразить, что билль является собственно выраженіемъ идей, высказанныхъ на митингѣ національ-либеральной федераціи въ Лидсѣ и въ своихъ существенныхъ чертахъ вовсе не расходится съ политическими воззрѣніями, высказанными нѣкоторыми изъ министровъ въ официальныхъ рѣчахъ. Агитація противъ палаты лордовъ, можете въ томъ быть увѣрены, въ сущности мертворожденное дитя, несмотря на разныя зажигающія телеграммы и газетныя статьи, стремящіяся возбудить ее къ жизни.

Въ одномъ изъ недавнихъ громкихъ скандаловъ, вызвавши много шума въ лондонскихъ обществахъ, главная роль выпала долю двухъ извѣстныхъ джентльменовъ, мистера Вильде и марки Квинсбери. Мистеръ Вильде приобрѣлъ извѣстность нѣсколько лѣтъ тому назадъ, написавъ двѣ или три театральныя пьесы, имѣвши успѣхъ. Маркизъ Квинсбери болѣе извѣстенъ англійской публикѣ какъ спортсменъ, установившій классическія правила для зан-

благороднымъ искусствомъ «бокса». Современныя состязанія въ боксѣ, устраиваемыя на призъ, чутью менѣе звѣрскія, чѣмъ нелегальныя состязанія въ этомъ же искусствѣ, всегда производятся по «правиламъ Квинсбери». Кромѣ этого маркизъ Квинсбери приобрѣлъ еще извѣстность какъ единственный титулованный агностикъ и нарушитель спокойствія во время одного театральнаго представленія. Дѣло было такъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Теннисонъ, вмѣсто того, чтобы продолжать свое ремесло писанія стиховъ, что ему удавалось гораздо лучше, задумалъ написать театральную пьесу: «The Promise of May». Чувствительной душѣ маркиза Квинсбери показалось, что въ этой пьесѣ авторъ осмѣиваетъ агностицизмъ, и вотъ во время представленія маркизъ всталъ въ своей ложѣ и, обращаясь къ публикѣ, громко произнесъ небольшую рѣчь, протестующую противъ идеи пьесы. Мы присутствовали на этомъ представленіи и рѣшительно не можемъ сказать, что насъ позабавило больше, глупая-ли пьеса или внезапный протестъ, раздавшійся изъ ложи, и послѣдовавшая затѣмъ сцена недостойной расправы директора и его сателлитовъ съ лордомъ-боксеромъ, котораго они безъ церемоніи стали выталкивать изъ ложи; но когда онъ назвалъ имъ себя, то они моментально оставили его въ покоѣ и начали низко кланяться передъ тѣмъ самымъ человекомъ, котораго только что выталкивали въ шею. Всѣмъ было извѣстно, что маркизъ Квинсбери задумывалъ устроить новый скандалъ въ день представленія новой пьесы Оскара Вильде, въ Сентъ-Джемскомъ театрѣ. Предполагалось, когда опустится занавѣсъ и будутъ вызывать автора, бросить ему букеты изъ моркови, луку и другихъ хозяйственныхъ овощей. Директоръ театра какъ-то пронюхалъ о готовящемся скандалѣ и постарался не допустить въ этотъ день въ театръ безпокойнаго лорда. Причина такой необыкновенной вражды маркиза Квинсбери къ Оскару Вильде довольно скандальнаго свойства. Маркизъ Квинсбери подозрѣваетъ Вильде въ порокѣ, о которомъ неудобно говорить въ печати и, не стѣняясь, назвалъ его соответствующимъ именемъ въ открытой карточкѣ, которую оставилъ для него въ клубѣ, гдѣ Вильде состоялъ членомъ. Карточку эту могли видѣть всѣ члены вышеназваннаго клуба, причемъ слѣдуетъ прибавить, что въ этомъ клубѣ есть члены женскаго пола. Можно себѣ представить, какой это вызвало скандалъ. Мистеръ Вильде подалъ жалобу въ судъ и возбудилъ противъ маркиза Квинсбери преслѣдованіе за клевету. Разбирательство этого дѣла, какъ вамъ уже, конечно, изъ газетъ извѣстно, вызвало много пикантныхъ разоблаченій, касающихся лондонскаго высшаго общества и окончилось арестомъ самого обвинителя, Вильде...

«The New Party». Вотъ сборникъ, который мы можемъ по совѣсти предложить русскимъ читателямъ прочесть, какъ вслѣдствіе его досто-

инствъ, такъ и недостатковъ. Именно эти недостатки указываютъ воѣмъ, интересующимся социальными, интеллектуальными и политическими движеніями англійской общественной жизни, какое великое смятеніе существуетъ въ настоящее время въ понятіяхъ даже наиболѣе передовыхъ людей нашей интеллигенціи. Прежде всего, впрочемъ, мы должны предупредить русскихъ читателей, чтобы ихъ не ввело въ заблужденіе названіе книги, что никакой новой политической партіи, отвѣчающей описанію большинства писателей, участвующихъ въ сборникѣ, не существуетъ. Притомъ уже самое названіе этой партіи исключаетъ всякую возможность ея существованія. «Изократическая» партія, какъ ее называетъ Грентъ Алленъ, не существуетъ. Грентъ Алленъ, безъ сомнѣнія, самый плодовитый писатель, любитъ касаться въ своихъ произведеніяхъ всевозможныхъ предметовъ, но обыкновенно скользить лишь по ихъ поверхности; ходятъ слухи, что онъ заставляетъ работать на себя разныхъ подставныхъ лицъ и только подписываетъ свое имя. Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что вышеназванный сборникъ «New Party» представляетъ необычайное мѣсиво, такъ какъ въ спискѣ его сотрудниковъ значится, кромѣ новелиста Грентъ Аллена, еще издатель одной рабочей газеты, серьезно увѣряющій, что новое рабочее движеніе вызвано сентиментализмомъ Рескина, Дикенса, Торо (Thoreau)—и Карлейля! Кромѣ того, сотрудниками сборника состоятъ: большой артистъ Вальтеръ Крентъ; весьма ординарный либераль. Байльсъ, депутатъ отъ Брэдфорда; изобрѣтательный политикъ Кэйръ Гэрдъ; очень уважаемая защитница правъ женщины и поборница общества трезвости леди Генри Сомерсетъ, и еще около полуджины разныхъ клерджименовъ, находящихся ужъ въ различныхъ стадіяхъ окаменѣнія. Единственное имя въ этомъ спискѣ сотрудниковъ, дѣйствительно авторитетное, это—Альфредъ Руссель Уоллесъ, который извѣстенъ всему ученому міру, какъ отерывшій одновременно съ Дарвиномъ принципъ естественнаго подбора. Но его статья о «Соціальной экономіи будущаго», помѣщенная въ книгѣ, какъ она ни интересна, всетаки указываетъ, что спеціалистъ въ одной отрасли далеко не всегда можетъ также ясно понимать другую отрасль науки. Три главные пункта, предлагаемые авторомъ для разрѣшенія соціальной проблемы, суть: 1) націонализація земли; 2) уничтоженіе отношеній, существующихъ между капиталистами и рабочими; 3) уничтоженіе долговъ, путемъ разрушенія самаго механизма, служащаго для законнаго ихъ взысканія. Смута, существующая въ данномъ случаѣ въ умѣ Уоллеса, особенно ярко выржается въ параграфѣ второмъ, гдѣ говорится о гарантированіи для каждаго рабочаго возможности стать капиталистомъ. Но во всякомъ случаѣ эта статья заслуживаетъ прочтенія всѣми, и изучаетъ современную политическую и социальную эволюцію. Книгѣ есть и другія статьи, дѣйствительно, прекрасныя сами : себѣ, хотя и не имѣющія никакой логической связи съ такъ наз

заемой «изократической» партией. Изъ нихъ мы особенно обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія статьи: «London's Pauper Chaos» (хаосъ лондонскаго призрѣнія бѣдныхъ), въ которой сообщается много интересныхъ фактовъ и данныхъ; «Voice from the Rural Wilderness» (Голосъ изъ сельской пустыни) и «History of private Property».

Av.

Удобная мораль.

Сочиненія Л. Н. Толстого. (Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ.—Карма.—Противорѣчія эмпирической нравственности.—Хозяинъ и работникъ.—Письмо Мадяни о безсмертіи.—Франсуаза). Москва. 1895.

Извѣстно, грѣхи. Да что же, развѣ я самъ ихъ на себя напустилъ? Такимъ, видно, меня Богъ одѣлалъ. Ну и грѣхи. Куда-жъ дѣнешься?

Никита («Хозяинъ и работникъ»).

I.

«Противъ душеспасительнаго слова не устоишь», говорил Плюшкинъ Чичикову. «Ну, ты то, я думаю, устоишь», подумалъ Чичиковъ про себя. Чичиковъ былъ опытный и, по своему, очень неглупый человекъ, и его сужденіе было совершенно правильно: Плюшкинъ устоялъ бы противъ какого угодно душеспасительнаго слова. То же самое конечно можно было бы сказать и о самомъ Чичиковѣ, съ тою лишь разницею, что, слушая душеспасительное слово, Чичиковъ благоприлично испустилъ бы слезу, а на деревянномъ лицѣ Плюшкина не отразилось бы ровно ничего. Въ дѣйствительной жизни сколько угодно такихъ людей—котовъ, о которыхъ здравомыслемъ нашей литературы давно сказано:

А Васяка слушаетъ да ѣстъ!

Было время, когда эти элементарныя мысли (а впрочемъ, какія же это мысли? это заурядные житейскіе факты) были не чужды «великому писателю земли русской». Въ старой (1860 г.) повѣсти Толстого «Поликушка» мы находимъ превосходное изображеніе, преисполненное тонкой и живой ироніи, одной барыни-ханжи, которая «посредствомъ евангельскихъ внушеній» исправляла нравственность своихъ дворовыхъ людей. Когда герой повѣсти попался въ воровствѣ, объ этомъ доложили барынѣ. «Барыня призвала Поликея. Онъ сразу упалъ въ ноги и съ чувствомъ, трогательно во

тала, причитала, и о Богѣ, и о добродѣтели, и о будущей жизни, и о дѣтяхъ, и довела его до слезъ. Барыня сказала:

— Я тебя прощаю, только обѣщай ты мнѣ никогда этого впередъ не дѣлать.

— Вѣкъ не буду! Провалиться мнѣ, разорвись моя утроба!—говорилъ Поликей и трогательно плакалъ. Поликей пришелъ домой и дома, какъ теленокъ, ревѣлъ цѣлый день и лежалъ на печи».

Современному читателю, знакомому съ дидактическими произведеніями Толстого, не покажется ли, что въ этой прелестной сценкѣ какъ бы скрыта какая то пророческая аллегорія? Не напоминаетъ ли эта сценка чего то происходившаго въ нашей жизни очень недавно и у всѣхъ на глазахъ? Не въ обиду будь сказано почитателямъ Толстого, за послѣднее десятилѣтіе отношенія между нами, читающею публикою, и знаменитымъ писателемъ нашимъ нѣсколько напоминали собою отношенія между Поликушкой и его высоко нравственной барыней. Писатель насъ урезонивалъ, говорилъ, говорилъ, причиталъ, причиталъ и о Богѣ, и о добродѣтели, и о будущей жизни, и объ истинномъ смыслѣ евангельскаго ученія, а мы или «трогательно плакали», какъ Поликушка, или уподоблялись приказнику Егору Михайловичу, изъ той же повѣсти, который при поучительныхъ рѣчахъ своей госпожи думалъ: «ну, понесла!» Позвольте, читатель. Я очень хорошо понимаю, какимъ уваженіемъ обязаны всѣ мы, пишущіе русскіе люди, по отношенію къ своему знаменитѣйшему и талантливѣйшему представителю. Но, во-первыхъ, независимое или даже ироническое отношеніе къ ошибкамъ писателя вполне совмѣстимо съ самымъ искреннимъ уваженіемъ къ его заслугамъ, а во-вторыхъ мы въ правѣ ожидать такой же къ себѣ терпимости, какой требуютъ отъ насъ: если литературный обергофмейстеръ Толстого г. Н. Страховъ сказалъ однажды («Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ» стр., 440) о литературной дѣятельности Салтыкова, что «вся эта пресловутая сатира есть нѣкотораго рода новдревщина и хлестаковщина, съ большою прибавкою Собакевича», то позвольте же и намъ нѣкоторую смѣлость и въ сужденіяхъ, и въ эпитетахъ. Салтыковъ не меньшая слава русской литературы, нежели Толстой. Дѣлаемъ это замѣчаніе не только въ примѣненіи къ данному случаю, но и въ предчувствіи, что намъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи не всегда удастся сохранить надлежащее хладнокровіе, котораго, впрочемъ, дидактическій квіетизмъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ ожидать со стороны людей неравнодушныхъ къ идеямъ.

Дидактическій квіетизмъ... Это не вполне общепонятное выраженіе до вольно точно переводится тѣми простыми словами, которыя мы поставили въ заглавіи этой замѣтки. Ученіе квіетизма есть безъ сомнѣнія моральное ученіе, а насчетъ его *удобства* и сомнѣваться

ности, отъ всёхъ мукъ «святого недовольства» (по некрасовскому выраженію). Что могла говорить барыня проворовавшемуся Поликушкѣ? Заповѣдь «не укради», разумѣется, была извѣстна Поликушкѣ и никакихъ особенныхъ варіацій на эту тему нельзя было придумать. Между тѣмъ, мы знаемъ, что барыня «говорила, говорила, причитала, причитала» и для этого словоизверженія нуженъ же былъ достаточный матеріалъ...

На эту тему мы много слышали и отъ философовъ, и отъ поэтовъ, и отъ моралистовъ, все людей высокаго ума, которымъ и книги въ руки. Тѣмъ не менѣе, наши симпатіи склоняются на сторону полуграмотнаго приказчика, который «вовсе не находилъ нужнымъ вникать въ смыслъ рѣчей барыни. Барыня говорила долго и много. У него сдѣлалась зѣвотная судорога за ушами, но онъ ловко измѣнилъ это содроганіе въ кашель, закрывшись рукою и притворно крикнувъ». На сторонѣ барыни была правда прописей, на сторонѣ приказчика правда жизни. Разговоръ между ними шелъ о томъ—кого назначить въ рекруты къ предстоявшему набору—Поликушку или изъ семьи богатаго мужика Дутлова. «Барыня, часто ласкавшая оборванныхъ дѣтей Поликушки и посредствомъ евангельскихъ внушеній исправлявшая его нравственность, не хотѣла отдавать его. Вѣсть съ тѣмъ, она не хотѣла зла и Дутловымъ, которыхъ она не знала и никогда не видала. Но почему то она никакъ не могла сообразить, а приказчикъ не рѣшился прямо объяснить ей того, что ежели не пойдетъ Поликушка, то пойдетъ Дутловъ. «Да я не хочу несчастія Дутловыхъ»—говорила она съ чувствомъ. «Ежели не хотите, то заплатите триста рублей за рекрута»—вотъ что надо было бы отвѣтить ей на это. Но политика не допускала этого».

Сколько — мимоходомъ сказать — тонкой и глубокой ироніи въ этомъ изображеніи бессильно-доброжелательной, бесплодно-морализующей барыни! Въ духъ этой ироніи написана вся эта прекрасная повѣсть, которую *мыслимый* Левъ Толстой врядъ-ли, впрочемъ, припомнитъ съ удовольствіемъ. Но не въ томъ дѣло. Конечно, тоже своего рода «политика» мѣшаетъ сказать моралистамъ, приглашающимъ ихъ «въ терпѣнныя тяготу сносить»: Мы несемъ свой крестъ безъ ропота, но если, по временамъ, мы изнемогаемъ подъ его тяжестью, спотыкаемся и даже вовсе падаемъ, то не корите насъ за это, а помогите намъ. Какъ сдѣлать это? Объ этомъ лучше знать вамъ, ученымъ, свободнымъ, счастливымъ, досужнымъ людямъ, а не намъ, погрязавшимъ въ неотступныхъ заботахъ своего труднаго зарабатываемаго существованія. Мы просимъ васъ, чтобы вы занялись именно *этимъ*, а не другимъ дѣломъ, потому что только такъ и способно и можно помочь намъ. А отъ поученій вашихъ ничто, кромѣ «зѣвотной судороги за ушами», у насъ не явится.

За иллюстраціей обратимся къ Достоевскому, у котораго, скверная надуманную теорію спасительности и даже желательности страда-

раздавленнаго, домой.

«Отъ него, говорить священнику жена Мармеладова, только мука была. Видь онъ, пьяница, все пропивалъ! Насъ обкрадывалъ, да въ кабакъ носить, икнуо да мою живнъ въ кабакъ извелъ! И слава Богу, что помираетъ! Убытку меньше.

— Простить бы надо въ предсмертнѣй часъ, а это грѣхъ, сударыня, таковыя чувства, большой грѣхъ!

Катерина Ивановна суетилась около больного, она подавала ему пить, обтирала потъ и кровь съ головы, оправляла подушки и разговаривала со священникомъ, ивѣрѣда успѣвая оборотиться къ нему, между дѣломъ. Теперь же она вдругъ набросилась на него почти въ истуцленіи.

— Эхъ, батюшка! Слова да слова одни! Простить! Вотъ онъ пришелъ бы сегодня пьяный, кабы не раздавили-то, рубашка-то на немъ одна, вся заношенная, да въ лохмотьяхъ, такъ онъ бы завалился дрыхнуть, а я бы до разсвѣта въ водѣ полоскалась, обноски бы его да дѣтскіе мыла, да потомъ высушила бы за окномъ, да тутъ же, какъ разсвѣтетъ, и штопать бы съла— вотъ моя и ночь! Такъ чего ужъ тутъ о прощениіи говорить! И то простыла. Глубокій, страшный кашель прервалъ ея слова. Она отхаркнулась въ платокъ и сунула его напоказъ священнику, съ болью придерживая другою рукою грудь. Платокъ былъ весь въ крови...

Священникъ поникъ головой и не сказалъ ничего».

Священникъ, очевидно, былъ человекъ съ умомъ и сердцемъ, но за барыню Поликушки никакъ нельзя поручиться, чтобы она не воспользовалась случаемъ поучить Катерину Ивановну главнымъ основаніямъ своей морали: непротивленію злу, недѣланію, тщетѣ всякаго мудрствованія, резиньяціи. Не смутился бы передъ Катериною Ивановною и знаменитый Акимъ изъ «Власти тьмы» и нашелъ бы и тутъ поводъ выкрикнуть свою сакраментальную фразу. Но мы чувствуемъ себя подавленными и, какъ этотъ священникъ, понижаемъ головой и смущенно молчимъ. Или судьба этого самого Поликушки: онъ не по своей винѣ потерялъ барынины деньги, повѣсилъ отъ отчаянія, его жена сошла съ ума отъ горя и утопила въ корытѣ своего грудного ребенка, а деньги нашелъ богачъ Дутловъ, которому барыня и подарила ихъ, потому что «это деньги несчастныя», и который, благодаря имъ, откупился отъ рекрутчины. «Сдѣленіе случайностей, несчастныхъ для однихъ и счастливыхъ для другихъ», скажетъ реалистъ. «Очевидное поправленіе всякой справедливости, хотя бы то происшедшее и случайно, не можетъ не тревожить нашего нравственнаго чувства», скажетъ истинный моралистъ.

«Знаніе того, что справедливо и что несправедливо — не дано человекѣ», скажетъ квіетистъ, какъ много разъ, и прямо отъ себя, и черезъ своихъ персонажей, говорилъ Толстой. Последняя формула, очевидно, по своей безмятежности самая удобная. Если—не говоря объ основаніяхъ объективных—наше нравственное сознаніе, наша совѣсть, не можетъ дать никакихъ указаній намъ относительно

справедливаго или, что одно и то же, должнаго, то морали, какъ живого регулятора отношеній человѣка къ человѣку, нѣтъ и не можетъ быть. Конечно, притомъ сохраняется полнѣйшая возможность на всѣ лады резонировать о морали, но такое-то обездушенное резонированіе мы и называемъ квіетизмомъ.

II.

Крупному художнику, для того, чтобы понять то или другое явленіе, нѣтъ неизбѣжной надобности въ помощи личнаго опыта. Гете съ неподдѣльнымъ чувствомъ восселицалъ:

Кто со слезами свой хлѣбъ не ѣдалъ,
Кто никогда, отъ пеленъ до могилы,
Ночью на кожѣ своею не рыдалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, небесныя силы!

Нѣтъ сомнѣнія, что поэту, которому звѣздная книга была ясна и съ которымъ говорила морская волна, *небесныя силы* были знакомы; съ другой стороны, вполне извѣстно, что хлѣбъ свой Гете кушалъ не со слезами и вообще всю жизнь свою былъ благополучнымъ бюргеромъ. Точно такое же объективное пониманіе и отношеніе къ чужому горю обнаруживаетъ и Левъ Толстой: онъ не волнуется, не сострадаетъ, не протестуетъ, какъ Достоевскій, а хладнокровно повѣствуетъ и анализируетъ, даже въ такихъ трагическихъ случаяхъ, какъ судьба Поликушки. Чужой судьбою очень Толстой не озабоченъ. Его личныя сомнѣнія относительно разумности и моральности жизни происходили просто отъ тревогъ за свою личную судьбу, за эфемерность своего земнаго существованія, но, какъ тонкій психологъ, онъ понималъ возможность возникновенія такихъ сомнѣній на почвѣ состраданія, т. е. страданія за другихъ. Вспомнимъ, напр., его Пьера Безухова. «Съ той минуты какъ Пьеръ увидалъ это страшное убійство (разстрѣляніе плѣнныхъ), совершенное людьми, не хотѣвшими этого дѣлать, въ душѣ его какъ будто вдругъ выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живымъ, и все завалилось въ кучу бессмысленнаго сора. Въ немъ, хотя онъ и не отдавалъ себѣ отчета, уничтожилась вѣра и въ благоустройство міра, и въ человѣческую, и въ свою душу, и въ Бога. Это состояніе было испытываемо Пьеромъ прежде, но никогда съ такою силою, какъ теперь. Прежде, когда на Пьера находили такого рода сомнѣнія, сомнѣнія эти имѣли источникомъ собственную вину. И въ самой глубинѣ души, Пьеръ тогда чувствовалъ, что отъ того отчаянія и тѣхъ сомнѣній было спасеніе въ самомъ себѣ. Но теперь онъ чувствовалъ, что не его вина была причиной того, что міръ зашатался въ его глазахъ и остались одни бессмысленныя развалины. Онъ чувствовалъ, что возвратиться къ вѣрѣ въ жизнь—не въ его власти».

собственно говоря, очень невысокого достоинства. Въ Пьерѣ поплатилась вѣра послѣ того, какъ ему довелось пережить ужасныя минуты смертнаго страха, во время присутствованія при казни товарищей по плѣну, но у него гораздо прежде того были подъ рукой болѣе солидныя основанія для такихъ сомнѣній. Разумно ли, нравственно ли, справедливо ли было хотя бы то обстоятельство, что въ его личномъ и безконтрольномъ распоряженіи находилась и свобода и достояніе десятковъ тысячъ крѣпостныхъ рабовъ, благодаря труду которыхъ онъ и его развратная жена могли жуировать сколько вздумается? Пойдя по этому пути мысли, Пьеръ могъ бы возвыситься и до сомнѣній Достоевскаго, «почтительнѣйше возвращавшаго свой билетъ на входъ» въ виду тѣней замученныхъ дѣтей, и до сомнѣній Бѣлинскаго, который «требовалъ отчета» даже за жертвы инквизиціи и Филиппа II. Въ жизни и въ исторіи сколько угодно матеріала этого рода, но Пьеръ усомнился и задумался не прежде, чѣмъ ему, собственно ему, пришлось пережить невыносимо тяжелыя мгновенія. Что же касается самого Толстого, то, по его собственному признанію («Исповѣдь»), онъ усомнился въ разумности и нравственности жизни вслѣдствіе невыносимой мысли, что Льва Николаевича Толстого и его близкихъ рано или поздно постигнетъ смерть и забвеніе. Въ виду такой чудовищной несправедливости стоитъ ли о чемъ нибудь хлопотать? Вотъ подлинныя слова Толстого: «Не нынче завтра придутъ болѣзани, смерть (и приходили уже) на любимыхъ людей, на меня, и ничего не останется, кромѣ смрада и червей. Дѣла мои, какія бы они ни были, всѣ забудутся—раньше, позднѣе, да меня то не будетъ. Такъ изъ чего же хлопотать?»

Послѣднія произведенія Толстого, составившія собою четырнадцатый томъ его сочиненій, посвящены устраненію такой несправедливости, причемъ не все достается на долю Льва Николаевича, членовъ его семьи и людей его круга, а кое-что перепадаетъ и намъ съ вами, читатель, и даже работнику — Нивитѣ. Кончены наши сомнѣнія!

Насъ давить времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесилень случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минуты;

но за то теперь знаемъ изъ-за чего мы хлопочемъ. Толстой сначала теоретически обосновываетъ свое открытіе въ статьѣ «Противорѣчія эмпирической нравственности», а затѣмъ въ прогрѣвшемъ «шедеврѣ» «Хозяинъ и работникъ» даетъ художественныя иллюстраціи къ своему открытію. Сообразно съ этимъ и мы расположимъ свой анализъ.

Въ статьѣ «Противорѣчія и пр.» рѣчь идетъ о типахъ религіи или объ основныхъ отношеніяхъ человѣка къ міру и его первопричинѣ. Такихъ основныхъ отношеній оказывается три: 1) первобыт-

ное языческое личное; 2) языческое общественное и 3) христианское или божеское. Первое изъ этихъ отношеній состоитъ въ томъ, что человѣкъ признаетъ себя самодовлѣющимъ существомъ, живущимъ въ мѣрѣ для пріобрѣтенія въ немъ наибольшаго возможнаго личнаго блага. Это отношеніе всѣхъ дѣтей и всѣхъ нравственно грубыхъ людей. Второе языческое отношеніе человѣка къ міру—общественное, «свойственное преимущественно возмужалымъ людямъ», состоитъ въ признаніи блага не отдѣльной, а собирательной личности: семьи, рода, народа, человѣчества. «Третье отношеніе человѣка къ міру—христианское, то, въ которомъ невольно чувствуетъ себя всякій старій человѣкъ и въ которое вступаетъ теперь по моему мнѣнію человѣчество, состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается человѣкомъ уже не въ достиженіи своей личной цѣли или цѣли какой либо совокупности людей, а только въ служеніи той волѣ, которая прозвала его и весь міръ, для достиженія не своихъ цѣлей, а цѣлей этой Воли».

Такова схема Толстого. Прежде всего является мысль: зачѣмъ эти перегородки, не искусственна ли эта классификація? Развѣ благо отдѣльной личности не можетъ состоять въ благѣ всего человѣчества и развѣ благо человѣчества не можетъ быть наиболѣе полнымъ и торжественнымъ проявленіемъ высшей Воли? Въ качествѣ христианина, гр. Толстой долженъ признать, что такое ученіе не только мыслимо, но уже существуетъ, имѣя за собою около двухъ тысячъ лѣтъ исторической жизни. Личное благо! Но вѣдь Христосъ пришелъ для нашего наказанія, а для нашего *искупленія*, и онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ не затѣмъ, чтобы еще и еще прибавить имъ труда и бремени, а затѣмъ, чтобы *успокоить* ихъ: «иго мое благо и бремя мое легко». Общечеловѣческое благо! Но заповѣдь любви къ ближнему, какъ въ самому себѣ, стоитъ въ христианскомъ ученіи рядомъ съ заповѣдью любви къ Богу и если дозволено заботиться о своемъ личномъ благѣ, личномъ спасеніи, личномъ счастіи, то забота о спасеніи другихъ имѣется евангеліемъ въ обязанность. Мы всѣ знаемъ эти высокія слова: «больше сея любви никто же имать еще кто душу свою положить за други своя». А кто эти «други», эти ближніе—намъ указано съ полной ясностью: это не аллины и не іудеи, не рабы и не свободные, а всѣ люди безъ исключенія, внѣ всякихъ національных или сословныхъ перегородокъ...

Итакъ, что же остается отъ схемы Толстого? Онъ указалъ не три различныхъ типа религіознаго созерцанія, а три различныхъ фазиса развитія одного и того же типа, совершенно такъ же, какъ дѣтскій возрастъ, возрастъ возмужалости и возрастъ старости представляютъ собою только фазисы развитія одного недѣльнаго. Узкая философская субъективность Толстого проявилась здѣсь съ полной очевидностью и эта субъективность опасна, потому что нетерпима и притязательна. Когда онъ только что вышелъ изъ

роческаго возраста и рассказывать намъ о своемъ дѣтствѣ, мы слышали отъ него такой гимнъ: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства! Какъ не любить, не дѣлать воспоминаній о ней? Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій. Вернутся-ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того, когда двѣ лучшія добродѣтели—невинная веселость и безпредѣльная потребность любви—были единственными побужденіями въ жизни? Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучший даръ—тѣ чистыя слезы умиленія?» Когда Толстой достигъ полной возмужалости, онъ усвоилъ себѣ вѣру въ общее благо, въ безконечный прогрессъ человѣчества. «Жизнь въ Европѣ и сближеніе мое съ передовыми и учеными европейскими людьми утвердила меня еще больше въ той вѣрѣ совершенствованія вообще, въ которой я жилъ, потому что ту же самую вѣру я нашелъ и у нихъ. Вѣра эта выражалась словомъ *прогрессъ*». Въ этомъ фазисѣ своего развитія Толстой далъ намъ романъ «Война и миръ», философія котораго состояла въ признаніи мировой воли, какъ суммы или равнодѣйствующей всей совокупности миллионныхъ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ воль. Хотя эта идея, въ метафизической части романа, уже въ то время окутывалась разными соображеніями полумистическаго свойства, но художественная часть романа—вся эта громадная коллекція разнообразныхъ характеровъ и типовъ—была выраженіемъ идеи прогресса, какъ результата сложнѣйшей игры и борьбы человѣческихъ страстей, интересовъ, стремленій, желаній, *воль*. Въ настоящее время, достигши преклоннаго возраста, когда уже страсти не волнуютъ и ждуть отъ жизни нечего, Толстой указываетъ намъ, какъ на высшій нравственный идеалъ, на пренебреженіе къ личному и общему благу, потому что *истинное* благо состоитъ въ служеніи высшей Волѣ. Онъ полагаетъ, очевидно, что забота о личномъ и общественномъ благѣ не есть служеніе волѣ, а есть что-то такое надуманное нами и если свойственное человѣческой природѣ, то лишь въ ея грубыхъ, низшихъ, животныхъ, а не божественныхъ сторонахъ и силахъ. И эта проповѣдь старческаго эгоизма и квіетизма въ представленіи Толстого является какимъ-то истиннымъ, просвѣтленнымъ христіанствомъ, «въ которое вступаетъ теперь человѣчество». Замечавшійся философъ-поэтъ забылъ ту простую истину, что не имъ міръ начался и не имъ міръ кончится, и если *его* служеніе сводится теперь только къ рѣшенію послѣдней задачи—хорошо умереть, то наша задача и задача слѣдующихъ безчисленныхъ поколѣній по прежнему состоитъ въ томъ, чтобы хорошо прожить. Воображать, что человѣчество состарилось на томъ лишь основаніи, что чувствуешь наступленіе собственнаго одряхлѣнія—это столько же наивно, сколько самоувѣренно.

Нашумѣвшій рассказъ «Хозяинъ и работникъ» служить худо-

жественной иллюстраціей именно къ этимъ, только что рассмотрѣннымъ нами, нравственно-религіознымъ воззрѣніямъ Толстого. Представителемъ «язычества» является въ разсказѣ купецъ Василій Андреевичъ Брехуновъ, а представителемъ «христіанства» батракъ Брехунова крестьянинъ Никита. Брехуновъ не знаетъ и не понимаетъ въ жизни иной цѣли, кромѣ денегъ, въ чемъ сооственно и состоитъ его «язычество». Такое пониманіе личнаго блага, конечно, встрѣчается нерѣдко, но отсюда не слѣдуетъ, что такое пониманіе правильно и естественно. Всѣ мы, люди, добивающіеся личнаго блага, нисколько не чувствуемъ себя сконфуженными образомъ Брехунова: кулакъ Брехуновъ самъ по себѣ, а мы то же сами по себѣ. Мы очень не прочь отъ личнаго счастья, не видимъ въ аскетизмѣ ни красоты, ни радости, но въ нашемъ представленіи о счастьи деньги стоятъ даже дальше, чѣмъ на второмъ планѣ. Свое счастье мы полагаемъ въ удовлетвореніи своихъ духовныхъ и матеріальныхъ потребностей и въ ряду этихъ потребностей общепользная работа по силамъ и по сердцу стоитъ на первомъ мѣстѣ. У Глѣба Успенскаго одинъ крестьянинъ говоритъ: «для хозяйства еще, пожалуй, можно понажить деньжонокъ, а такъ... наживать да наживать—такъ это я даже и въ понятіе-то не возьму»... Смѣемъ увѣрить нашего обличителя-моралиста, что точно такъ же разсуждаемъ и мы, не крестьяне, такъ что по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи чувствуемъ себя нисколько не хуже Никиты, который вѣдь даже въ виду наступавшей смерти обнаружилъ заботу о деньгахъ: «зажитое малому отдай», говорилъ онъ своему хозяину.

Если, такимъ образомъ, въ нравственной личности Брехунова мы не можемъ видѣть ни урока, ни укора себѣ, то въ его предсмертныхъ размышленіяхъ и видѣніяхъ, долженствующихъ изображать его примиреніе съ Богомъ, мы точно также ничего для себя не почерпаемъ. Вотъ эти размышленія: «живъ Никита, значить живъ и я!—съ торжествомъ говоритъ онъ себѣ. И что-то совсѣмъ новое, такое, чего онъ не зналъ во всю жизнь свою, сходится на него. И онъ вспоминаетъ про деньги, про лавку, домъ, покупки, продажи, и про милліоны Мироновыхъ, и ему трудно понять, зачѣмъ этотъ человекъ, котораго звали Василіемъ Брехуновымъ, занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ занимался. Что-жъ, вѣдь онъ не зналъ въ чемъ дѣло, думалъ онъ про Василю Брехунова. Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь ужъ безъ ошибки, *теперь знаю*. И опять онъ слышитъ зовъ того, кто ужъ обликалъ его. Иду, иду! радостно, умиле но говорить все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ къ и ничто уже больше не держитъ его».

Живопись хорошая, картина довольно эффектная. Но какой вых. дѣ мы можемъ сдѣлать изъ предсмертныхъ откровеній Брехунова? Если тотъ, что не надо строить домовъ и лавокъ, не надо продавать и покупать, то что намъ съ этимъ выводомъ дѣлать?

Теперь обратимся къ Никитѣ. Чему бы намъ у него поучиться?

Учиться мы рады у кого угодно, и если Никита может въ чемъ нибудь послужить намъ примѣромъ, то почему бы намъ этимъ примѣромъ не воспользоваться? Никита учить насъ покорности. «Умиралъ онъ или засыпалъ, онъ не зналъ, но чувствовалъ себя одинаково готовымъ на то и на другое. Велитъ Богъ проснуться еще живымъ здѣсь въ этомъ мѣрѣ и по-прежнему жить въ работахъ, убирать все тѣхъ же чужихъ лошадей, ѣздить съ чужой рожью на мельницу, все такъ же загуливать и зарекаться и такъ же отдавать деньги женѣ и все тому же бондарю и дожидаться все того же малаго—Его святая воля. Велитъ Богъ проснуться въ иномъ мѣрѣ, гдѣ будетъ все такъ же ново и радостно, какъ были новы и радостны здѣсь, въ первомъ дѣтствѣ, ласки матери, игры съ ребятами, луга, лѣса, катанье зимой, и начнется ни на что не похожая, другая, новая жизнь—Его святая воля». Конечно, Никита очень счастливый человѣкъ. Но счастію счастливца мы можемъ завидовать, а какъ ему подражать? *Счастье* Никиты заключается въ томъ, что онъ смотритъ на свою жизнь какъ на миссію, какъ на исполненіе чужой, а не какъ на выраженіе своей воли. На нашемъ языкѣ это называется фатализмомъ и резиньяціею, на языкѣ Толстого—«служеніемъ», а на языкѣ самого Никиты, если не ошибаемся,—«плавидою». Что тутъ сказать? Хороша садовая земля да не расти на ней морошкѣ. Хороша, удобна, успокоительна эта мораль, да не усвоить ее тому, кто сознаетъ въ себѣ не только пассивную силу долготерпѣнія, но и жаждетъ проявить свою личность въ активныхъ, отвѣтственныхъ дѣйствіяхъ. «Это гордыня, это грѣшно»—что жь? Вооружимся вашей же, господа фаталисты, логикой: «известно грѣхи. Да что же, развѣ я самъ ихъ на себя напустилъ? Такимъ, видно, меня Богъ сдѣлалъ». Этого было бы вполне достаточно, но мы пойдемъ дальше: мы не только не хотимъ подражать. Никитѣ, мы не можемъ даже завидовать ему, еще болѣе—мы не можемъ не сожалѣть о немъ. Темнота, безсознательность, безответственность... Рѣка катитъ свои волны, растетъ въ полѣ трава, дерево въ лѣсу одѣвается листьями и опять теряетъ ихъ, ѣдетъ Никита съ чужой рожью на мельницу: все это явленія одной категоріи. Гдѣ тутъ человѣкъ и гдѣ тутъ жизнь? Тутъ прозябаніе, тутъ неумолимые законы природы, но причемъ тутъ творческія силы человѣка? А если нѣтъ его творчества, то гдѣ его достоинство?

М. Протопоповъ.

Письмо въ редакцію.

Сестра моя Марья Васильевна, какъ до выхода замужъ за В. Г. Бѣлинскаго, такъ и послѣ замужества, получала отъ него множество писемъ, имѣющихъ значеніе для характеристики свѣтлой личности его. Письма эти, сколько мнѣ извѣстно, хранились сначала у В. П. Боткина, потомъ у Н. Х. Кетчера, а затѣмъ дальнѣйшія ихъ слѣды пропали.

Желая, въ виду приближающагося пятидесятилѣтія со дня смерти Бѣлинскаго, воздать посильную дань уваженія памяти его, священной для меня, я предполагаю издать съ благотворительною цѣлью сборникъ незаданныхъ писемъ В. Г., писанныхъ какъ къ моей сестрѣ, такъ и къ другимъ лицамъ.

Въ виду изложеннаго, убѣдительнѣйше прошу лицъ, владѣющихъ письмами Бѣлинскаго, прислать съ нихъ копии или подлинники для снятія копии. Письма прошу посылать по адресу Г. А. Джанпиева (Москва, Зубовскій бульв., 6), согласившагося редактировать предложенное изданіе.

Прошу покорно и другія газеты и журналы перепечатать настоящее заявленіе.

Аграфена Орлова.

Отъ конторы «Русскаго Богатства».

На исправленіе памятниковъ на могилахъ писателей, покоящихся на Волковомъ кладбищѣ, поступило:

Отъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» 100 р.

Итого 100 р.

А съ прежде поступившими 321 р.

Пожертвованія принимаются какъ въ конторѣ «Русскаго Богатства», такъ и въ Литературномъ фондѣ. Въ употребленіи ихъ будетъ своевременно данъ отчетъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ. Критическіе опыты. III. Извѣстны Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала «Русское Богатство» — Спб., Бассейная, 10.

Н. И. КАРВѢВЪ. Историко-философскіе и социологическіе этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

С. Н. КРИВЕНКО. На распутьи. 1) Культурные скиты. 2) Культурные люди въ деревнѣ. 3) По поводу культурныхъ одиночекъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Н. А. РУБАКИНЪ. Этюды о русской читающей публикѣ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

К. М. СТАНЮКОВИЧЪ. Откровенные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Описание жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ послѣдн. франц. изд., съ рисунками и картами, подъ ред. и съ приглѣт. Н. А. Рубакина.

Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 картами. Цѣна 90 к., съ перес. 1 р. 10 к.

Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рис. и 4 картами. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Вып. III. Подземныя силы. Съ 61 рис. и 4 картами. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес. 1 р. 30 к.

Вып. IV. Океанъ. Съ 7 рис. и 3 картами. Цѣна 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.

Складъ этихъ изданій въ книжн. магаз. Карбасникова — Спб., Москва, Варшава.

Подписчики журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО», обращающіеся за книгами въ контору редакціи, за пересылку не платятъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Н. В. ШЕЛГУНОВЪ. Сочиненія. 2 тома.

Е. ДЮРИНГЪ. Великіе люди въ литературѣ.

ГИББИНСЪ. Промышленная исторія Англіи. Перев. А. В. Каменскаго.

Ш. ЛЕТУРНО. Соціологія, основанная на этнографіи.

Э. РЕКЛЮ. Земля. Вып. V. Атмосфера. Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ.

БЕРТРАНЪ. Кооперациа въ Бельгіи.

МАРМЕРИ. Прогрессъ науки.

ЛЕВВОКЪ. Д. Какъ надо жить.

Издательницы: Н. Михайловская.
О. Попова.

Редакторы: П. Быковъ.
С. Поповъ.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи, такъ какъ книжные магазины и конторы, принимающіе подписку, только передаютъ деньги въ редакцію и въ отправкѣ журнала никакого участія не принимаютъ.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію или контору, благоволятъ прилагать почтовые марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

(С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставк. и перес.	9 р.
Безъ доставки	8 „
За границу	12 „

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно** адресовать: въ контору журнала „Русское Богатство“—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается разсрочка:

Для иногородн. и город. подписчиковъ съ доставкой—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означ. сроки высылка журнала прекращается.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по соглашенію съ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, никакой уступки не дѣлается.

За своевременную высылку журнала контора редакціи отвѣчаетъ лишь въ томъ случаѣ, если подписныя деньги были присланы или сданы непосредственно въ контору редакціи.

Издательницы: Н. Михайловская.
О. Попова.

Редакторы: П. Быновъ.
С. Поповъ.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
300 Summer Street
Boston Mass. 02210